This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

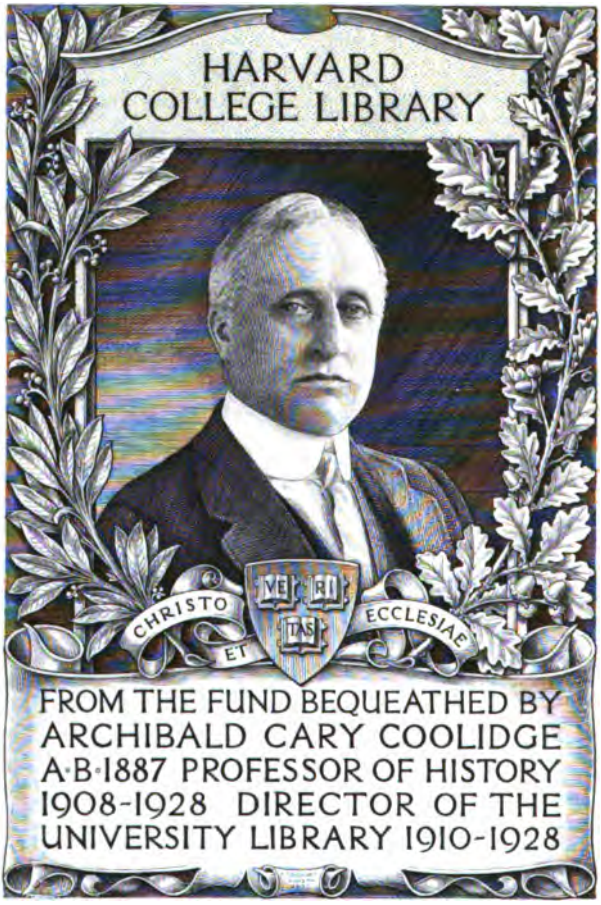
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 605.10


HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

P S6v 605.10

1907 11-12

РУССКАЯ

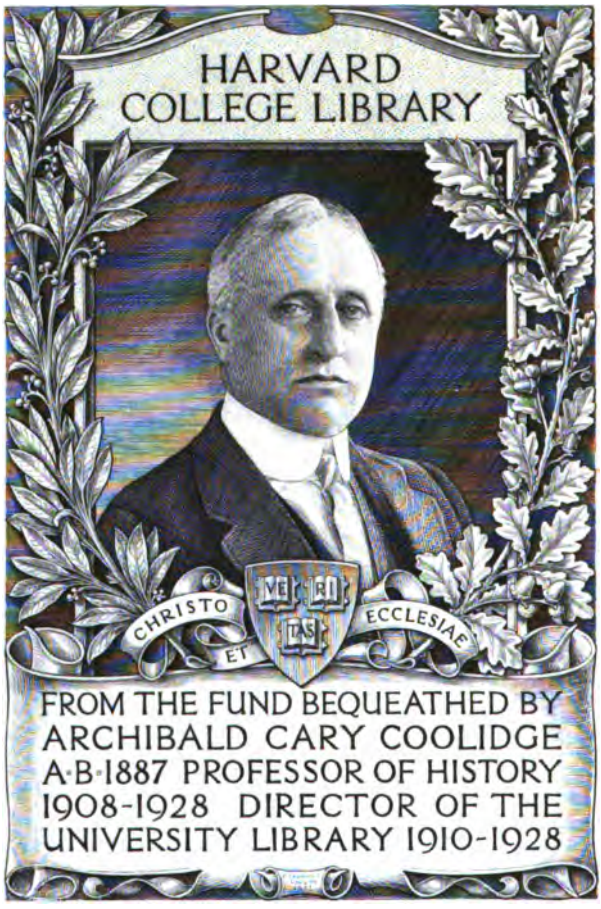
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

НОЯБРЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1907.

P Slav 605.10


HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
VE
RI
TAS
ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

P Slav 605.10

1907 11-12

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

НОЯБРЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1907.

Открыта подписка
на 1908 годъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	ПАМЯТИ В. А. ГОЛЬЦЕВА	—
I.	БРАКЪ. Повѣсть.—**Вацлава Сѣрошевскаго.** *Окончаніе*	1
II.	СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Ѳедора Сологуба.**	51
III.	ИЗАИЛЬ. Романъ **Генкинга Бергера.**—Перев. съ нѣмецк. **Ал. Чеботаревской.** *Продолженіе*	58
IV.	МАКОВЪ ЦВѢТЪ. Драма въ 4-хъ дѣйств.—**Д. Мережковскаго, Д. Философова и З. Гиппіусъ.**	94
V.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Н. Третьякова**	165
VI.	ЗАПИСКИ ЛИНДЫ МУРРИ.—Перев. съ итальянск. **З. Н. Журавской.** *Продолженіе*	166
VII.	СТИХОТВОРЕНІЯ.—**В. Мировичъ**	205
VIII.	ВОСПОМИНАНІЯ ЧАЙКОВЦА.—**С. С. Синегуба.** *Окончаніе*	1
IX.	ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.—**Д. Д. Протопопова**	16
X.	ТЕОРЕТИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ИДЕАЛИЗМЪ И ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЯ НАУКИ. (*Генрихъ Риккертъ.* Введеніе въ трансцендентальную философію. Предметъ познанія. Переводъ *Густава Шпета*).—**Н. И. Бронштейна**	39
XI.	ОПОЧЕЦКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ О ГР. П. А. ГЕЙДЕНѢ. (Эпизодъ изъ исторіи освободительнаго движенія въ глухой провинціи).—**В. Б.**	63
XII.	КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ.—**А. А. Кауфмана.** *Продолженіе*	75
XIII.	А. И. ГЕРЦЕНЪ.—**П. Д. Боборыкина.**	99
XIV.	ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.—**Ю. И. Айхенвальда.**	119
XV.	КОНСТИТУЦІОННЫЯ СИЛЫ РОССІИ.—**А. С. Изгоева**	132
XVI.	ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—**В. И. Линда**	152
XVII.	ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—**С. А. Котляревскаго**	169
XVIII.	СПОРЪ ЖОРЕСА И КЛЕМАНСО. *Продолженіе*	181
XIX.	БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. **Книги:** Беллетристика.—Исторія, исторія литературы.—Естествознаніе.—Соціологія, правовѣдѣніе, политическая экономія.—Публицистика.—Философія.—II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 ноября 1907 г.**	215
XX.	ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Объявленія.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ПРИ ТИПОГРАФІИ

„Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°".

МОСКВА, Пименовская улица, собственный домъ.

Изданія, состоящія на складѣ Т-ва:

Производство целлюлозы. М. Шуберта. Практическое руководство для технологовъ, заводчиковъ, управл. и для преподав. въ техническ. учил. Съ 107 рисунк. въ текстѣ. Перев. съ нѣмецк. инжен.-технол. Н. А. Филиппова. Ц. 2 р. 75 к.

Руководство спайки и луженія. Г. Эдвинсона. Съ приложеніемъ отдѣльной статьи „О паяніи свинца". Сост. по Эдвинсону, Шмидту и др. источн. инж. М. Блокъ. Съ 177 политипажами въ текстѣ. Взамѣнъ 2-го изданія. Ц. 1 р. 70 к.

Телефонъ и дополнительные приборы. Ихъ устройство и примѣненіе на телефонныхъ сѣтяхъ. С. Гречихина. Съ 115 рисунками и схемами приборовъ. Ц. 1 р. 25 к.

Токарный станокъ въ его современномъ видѣ. А. Д. Монахова, инж.-техн. Текстъ и отдѣльный атласъ съ 326 чертежами. Ц. 3 р. 75 к.

Черепичное и кирпичное производство. Ф. И. Вараксина. Съ 45 рисунк. въ текстѣ. Допущена въ ученическ. библіотеки учебн. заведеній вѣдомства М-ва Финансовъ и въ библіотеки учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Мин-ву Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Ц. 1 р.

Школа жестянщика. М. А. Нетыкса. Руководство для любителей ремесла и кустарей, съ атласомъ чертежей въ 22 таблицы. Ц. 3 р.

Ацетиленъ какъ осв̀ѣтительный матеріалъ. Ф. И. Вараксина. Ц. 50 к.

Искусство содержанія городовъ и другихъ населенныхъ центровъ. М. А. Пенза, инженера. Ц. 6 р.

Чернила, гектографныя массы, штемпельныя краски и проч. А. Г. Клинге. („Фармацевтическая библіотека".) Изд. 2-е. Ц. 40 к.

Воздухоплаваніе. Устройство аэростата. А. Яблонева. (Замѣтки). Съ 20 чертежами въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. A. W. S. Ц. 75 к.

Акварель. Цвѣты и плоды. Г. Фрезена. Ц. 1 р. 20 к.

Акварель. Насѣкомыя, животныя, птицы, рыбы. Его же. Ц. 1 р. 20 к.

Акварель. Морскіе виды. Его же. Ц. 1 р. 20 к.

Акварель. Пейзажъ. Его же. Со многими рисунками на отдѣльныхъ таблицахъ. Ц. 1 р. 20 к.

Акварель. Головки, лица и фигуры. Его же. Искусство писать фигуры акварелью. Ц. 1 р.

Акварель. Натюръ-мортъ. Его же. Ц. 1 р. 20 к.

Бассофаніа, простая замѣна живописи на стеклѣ. Гленсона Уайта. Со многими рисунками на отдѣльныхъ таблицахъ. Ц. 75 к.

Живопись на стеклѣ. Л. Л. Стокса. Съ 4-мя литографированными таблицами. Руков. для любителей. Ц. 1 р.

Живопись по дереву (акварельными красками) съ замѣткой о лакировкѣ. Lahnek, Fr., D-r. Руководство для любителей ремесла и искусства. Изд. 2-е. Ц. 65 к.

Живопись по шелкѣ и глинѣ эмалевыми красками. Ю. Дубескаго. Съ 10-ю политипажами. Ц. 65 к.

Искусство и секреты золоченія. Л. Стокса. Перев. съ англійскаго Эпифанди. Руков. для любител. ремесла. Ц. 70 к.

Краткое руководство миніатюры. К. Робера. Ц. 70 к.

Подновленіе старыхъ гравюръ, рисунковъ, чертежей и подклеиваніе ихъ. Предохраненіе и подновленіе живописи масляными красками (съ табл. чер.). Бріона, Джона. Ц. 60 к.

Руководство рисованія пастелью для любителей. H. Bouffier. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Руководство къ тисненію на кожѣ. G. Büttner. Упрощенный практическій методъ, съ 20 политипажами и литографирован. таб. Ц. 60 к.

Воздушный (пневматическій) насосъ и его изготовленіе. О. Бекерледжа. Руководство для любителей. Ц. 40 к.

Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними, съ описаніемъ устройства для сбора дождевой воды и способовъ испытанія ея. Alfred Soward. Руководство для мастеровъ-любителей. Ц. 75 к.

Какъ сдѣлать простой акваріумъ (съ политипажами). Х—Х. Ц. 40 к.

Краткое наложеніе рѣзьбы по дереву для любителей. Лео Перси. Со многими политипажами и рисунками на отдѣльной таблицѣ. Ц. 70 к.

Начала ручного труда. Дюмона и Филиппона. Лѣпныя и гипсовыя работы. Ц. 40 к.

Начала ручного труда. Ихъ же. Работы изъ картона и бумаги. Ц. 40 к.

Начала ручного труда. Ихъ же. Тканье изъ бумажныхъ полосокъ. Трафаретное вырѣзываніе изъ картона и бумаги. Ц. 40 к.

Начала ручного труда. Ихъ же. Складываніе и вырѣзываніе изъ бумаги. Ц. 40 к.

Начала ручного труда. Ихъ же. Построенія—накалываніе. Ц. 40 к.

Начала ручного труда. Ихъ же. Работы изъ проволоки. Ц. 50 к.

Объ устройствѣ простѣйшихъ акваріумовъ пѣсноводнаго и морского. О. Бекерледжа. Руководство для любителей. Ц. 35 к.

Поучительныя забавы или опыты и фокусы безъ приборовъ съ самодѣльными приспособленіями. Tom Tit. Съ 113 политипажами. Двѣ серіи. Цѣна каждой по 1 р. 20 к.

Праксиноскопъ (зеркальный стробоскопъ) и его приготовленіе. L. Marissiaux. Руководство для любителей. Ц. 40 к.

Полярископъ и его изготовленіе. О. Бекерледжа. Ц. 40 к.

Простѣйшій фонографъ и его изготовленіе. Его же. Ц. 50 к.

Простѣйшій телескопъ и его изготовленіе. Его же. Ц. 65 к.

Простой микроскопъ и его изготовленіе. Его же. Ц. 40 к.

Рѣзьба по дереву. G. Leland. Руководство для любителей, со многими политипажами въ текстѣ и 150 рисунками на отдѣльныхъ таблицахъ. Ц. 2 р.

Самодѣйствующіе фонтаны. Bede, Donald. Съ 3-мя таблиц. рисунковъ. Ц. 50 к.

Спектроскопъ и его изготовленіе. О. Бекерледжа. Ц. 50 к.

Способы воздухонасыщенія комнатныхъ акваріумовъ. М. А. Нетынса. Руководство для любителей рыбоводства и ремесла. Ц. 75 к.

Спортъ и игры. „Лаунъ-теннисъ". Переводъ съ нѣмецк., съ политипажами. Ц. 60 к.

Спортъ и игры. „Футбольъ". Ц. 70 к.

Спортъ и игры. Школа плаванія. Кассель. Съ политипажами. Ц. 50 к.

Греческо-русскій словарь А. С. Поспѣлова. Изданный кіевскимъ отдѣлен. общества классической филологіи и древности. Изд. 3-е, исправлен. и дополненное. Ц. 3 р. 60 к.

Популярная физика. В. Натансона, проф. Перев. съ польск. А. Р—аго. Съ 140 рисунк. въ текстѣ. Ц. 85 к.

Наука о здоровьѣ. (Основы гигіены.) Д-ра С. Штерлинга. Перев. А. Броновицкой. Съ 13 рис. въ текстѣ. Ц. 80 к.

Краткій повторительный курсъ (Repetitorium) органической химіи по Бутлерову, Реформатскому и Тамману. И. Бѣлозерова. Цѣна 1 р.

Объявленія.

Изданія редакціи „Всемірнаго Вѣстника", неизданныя въ Россіи

сочиненія гр. Л. Н. ТОЛСТОГО.

Исповѣдь (второе изданіе). Ц. 20 к.
Къ политическимъ дѣятелямъ (второе изданіе). Ц. 5 к.
Единственное средство (второе изданіе). Ц. 5 к.
Въ чемъ моя вѣра? Ц. 50 к.
О половомъ вопросѣ. Мысли Л. Н. Толстого, собр. В. Чертковымъ (второе изданіе). Ц. 20 к.
Христіанское ученіе. Ц. 25 к.
О жизни. Ц. 35 к.
О смыслѣ жизни. Мысли Л. Н. Толстого, собранныя В. Чертковымъ. Ц. 12 к.
Мысли о Богѣ, собранныя В. Чертковымъ. Ц. 8 к.
Ученіе 12 апостоловъ.—Трудъ, смерть и болѣзнь. (Легенда.) Цѣна 5 коп.
О вѣротерпимости. Ц. 3 к.
Жизнь и ученіе Іисуса. Ц. 10 к.
Такъ что же намъ дѣлать? Ц. 85 к.
Мысли о воспитаніи и обученіи. Ц. 8 к.
Голодъ или не голодъ? Ц. 5 к.
О разумѣ, вѣрѣ и молитвѣ. Ц. 5 к.
Гоненіе на христіанъ въ Россіи. Письмо къ редактору англійской газеты и послѣсловіе гр. Л. Н. Толстого. Ц. 10 к.
За что? Повѣсть. Ц. 6 к.
Корней Васильевъ. Повѣсть. Ц. 3 к.
Божеское и человѣческое. Ц. 5 к.
Соединеніе, переводъ и изслѣдованіе 4-хъ Евангелій. Ц. 2 р.

Другія изданія ред. «Всемірнаго Вѣстника»:

Петропавловская крѣпость и русскіе государственные преступники. Кеннана. (Второе изданіе). Ц. 8 к.

Сибирь! Его же. Перев. д-ра Генр. Руэ и д-ра Алекс. Вольфа. (Перепечатано съ берлинскаго изданія.) Ц. 1 р.

Дѣло 1862 г. № 230, III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи о графѣ Львѣ Толстомъ. Ц. 25 к.

Женщина въ общественныхъ движеніяхъ Россіи. А. В. Амфитеатрова. Цѣна 20 к.

Святые отцы революціи. Его же. Вып. I. М. А. Бакунинъ. Ц. 20 к.

Домикъ на Волгѣ. С. Степняка. Повѣсть. Ц. 25 к.

Бѣгство изъ тюрьмы. В. Владимірова. Ц. 10 к.

40 дней передъ казнями. Отрывокъ изъ воспоминаній пролетаріатки. Ц. 8 к.

Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости. Ц. 20 к.

Изданія Д. С. Горшкова.

Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ. Э. Вандервельде, пр ф. Ново-Брюссельскаго университ. Перев. съ франц. подъ ред. Д. С. Горшкова, съ редислов. проф. Моск. с.-х. инстит. А. Ѳ. Фортунатова. Ц. 1 р.

Задачи городского хозяйства. А. Дамашке. Перев. съ нѣм. В. Я. Ка- не , съ предисл. проф. Моск. универс. И. Х. Озерова. Ц. 1 р. 50 к.

Экономическая Россія и ея финансовая политика на походѣ Х и въ началѣ XX вѣка. И. Х. Озерова, проф. Съ 72 діаграм. Ц. 1 р. 75 к.

Изъ жизни труда. 1-й сборникъ статей по рабочему вопросу проф. **И. Х. Озерова.** (Борьба общества и государства съ дурными условіями труда. — Развитіе общечеловѣческой солидарности.—Одинъ изъ экспериментовъ австралійскихъ колоній.—Рабочее законодательство въ австралійскихъ колоніяхъ Англіи. — Фабричные комитеты и коллективный договоръ.—Общества потребителей. — Кассы взаимопомощи.—Рабочіе клубы въ Англіи.—Бойкотъ. — Соціальный музей. — Отчего Америка идетъ такъ быстро впередъ?). Ц. 1 р. 25 к.

Очерки экономической и финансовой жизни Россіи и Запада. 2-й сборникъ статей проф. **И. Х. Озерова.** Ц. 1 р. 75 к.

Очерки по крестьянскому вопросу. Собраніе статей подъ ред. проф. Москов. университ. **А. А. Мануилова.** Вып. I. Ц. 1 р. 25 к. Вып. II. Ц. 1 р. 75 к. Содержаніе I вып.: *Вл. Розенберг.* Изъ хроники крестьянскаго дѣла. Проф. *В. Хвостовъ.* 1) Юридическое положеніе крестьянской поземельной общины. 2) Крестьянская поземельная община по проекту Гражданскаго Уложенія. Проф. *А. Мануиловъ.* Замѣтки объ общинномъ землевладѣніи. Содержаніе II вып.: *В. Ю. Скалонъ.* Крестьянскій банкъ и его недоимщики. Проф. *А. А. Мануиловъ.* 1) Аренда земли въ Россіи въ экономическомъ отношеніи. 2) Арендный вопросъ передъ Особымъ Совѣщаніемъ. 3) Проектъ редакціонной комиссіи объ общинномъ землевладѣніи. Проф. *В. М. Хвостовъ.* Аренда земли по русскому и западно-европейскимъ законодательствамъ. *Л. К. Брейеръ.* Сдача и съемъ надѣльныхъ земель. Проф. *М. Я. Герценштейнъ.* Сберегательныя кассы за послѣднее десятилѣтіе (1895—1904 гг.). *Вл. А. Розенбергъ* Проектъ редакц. комиссіи о волости.

Современный капитализмъ. Вернера Зомбарта. Томъ I, вып. I-й. Генезисъ капитализма. Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. С. Н. Эверлинга съ предисловіемъ проф. Московскаго унив. А. А. Мануилова. Ц. 1 р. 50 к. Т. I, вып. II. Генезисъ капитализма. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. М. А. Курчинскаго. Ц. 1 р. Т. II. Теорія капиталистическаго развитія. Ц. 2 р.

Новости:

Первые шаги въ наукѣ о землѣ. Іоганна Вальтера, проф. геологіи и палеонтологіи въ Іенскомъ университетѣ. Общедоступное введеніе и наставленіе къ производству наблюденій. Съ 97 рис. въ текстѣ. Переводъ и дополненія А. Носкова. Цѣна 70 к.

„Фейерверкъ". Избранные разсказы Франка Ведекинда. (Пожаръ въ Эглисвилѣ.—Жертва.—Старый женихъ.—Любовь по первому взгляду.—Княжна Русалка.—Предохранительная прививка.) Переводъ съ нѣмецк. А. Ф. Л. Ц. 60 к.

Борьба съ лѣнью. Л. А. Золотарева. Популярно-научный очеркъ. Съ 7 рис. въ текстѣ. Ц. 60 к.

Грузоподъемныя машины. Л. Г. Кифера, инж.-механ. Атласъ конструктивныхъ чертежей и эскизовъ исполненныхъ воротовъ, кранов, подъемниковъ и ихъ деталей. 63 таблицы. Ц. 9 р. 50 к.

Угасающая Башкирія. Н. Крашенинникова. Разсказы изъ жизни Башкиріи. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р.

Восемь лѣтъ. Его же. Воспоминанія о гимназіи. Ц. 50 к.

Возвратная волна. Болеслава Пруса. Повѣсть. Переводъ съ польскаго В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Элементарная физика. Н. Соколова, директора ярославск. реал. училища. Курсъ городскихъ училищъ. Со многими рисунками и задачами. Ц. 1 р.

Элементарная физика. Его же. Курсъ женскихъ гимназій. Съ многими, систематически расположенными вопросами и задачами (болѣе 750 задачъ). Ц. 1 р. 30 к.

Элементы общаго землевѣдѣнія. Е. М. Чепурковскаго. Со многими рисунками въ текстѣ. Часть I. Ц. 1 р. 50 к.

Растенія и среда. (Приспособленія.—Эволюція.) М. Константинова. Перев. съ франц. подъ редакц. К. Тимирязева.

Печатается новымъ изданіемъ съ дополненіями и выйдетъ въ непродолжит. времени:

Практика Судебнаго Департамента Правит. Сената по торговымъ дѣламъ, въ 2-хъ томахъ, составл. А. А. Добровольскимъ.

Новый полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

Книжные магазины пользуются обычною уступкой.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

КНИГА XI.

МОСКВА.

1907.

P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ПАМЯТИ В. А. ГОЛЬЦЕВА . . . . . .

I. БРАКЪ. Повѣсть.—Вацлава Сѣрошевскаго. *Окончаніе*. . . . 1

II. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Ѳедора Сологуба 51

III. ИЗАИЛЬ. Романъ Генникга Бергера.—Перев. съ нѣмецкаго Ал. Чеботаревской. *Продолженіе* 53

IV. МАКОВЪ ЦВѢТЪ. Драма въ 4-хъ дѣйств.—Д. Мережковскаго, Д. Философова и З. Гиппіусъ 94

V. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. Третьякова 165

VI. ЗАПИСКИ ЛИНДЫ МУРРИ. Пер. съ итал. З. Н. Журавской. *Продолженіе* 166

VII. СТИХОТВОРЕНІЯ.—В. Мировичъ 205

VIII. ВОСПОМИНАНІЯ ЧАЙКОВЦА.—С. С. Синегуба. *Окончаніе*. . 1

IX. ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.—Д. Д. Протопопова 16

X. ТЕОРЕТИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ИДЕАЛИЗМЪ И ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЯ НАУКИ. (*Генрихъ Риккертъ*. Введеніе въ трансцендентальную философію. Предметъ познанія. Переводъ *Густава Шпета*.—Н. И. Бронштейна 39

XI. ОПОЧЕЦКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ О ГР. П. А. ГЕЙДЕНѢ. (Эпизодъ изъ освободительнаго движенія въ глухой провинціи). В. Б. 63

II. КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ.—А. А. Кауфмана. *Продолженіе* 75

P Slav 605.10

1907 11-12

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

НОЯБРЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1907.

БРАКЪ *).

Повѣсть.

VII.

На слѣдующій день Степанъ не дожидался даже вечера; едва засумеречило, онъ уже былъ у Сони. Онъ тихонько открылъ двери и вошелъ въ юрту, пустую и темную. Полагая, что Софья спитъ, онъ отдернулъ ситцевую занавѣску кровати, но и тамъ ея не нашелъ. Очевидно, она ушла въ управу или къ сосѣдямъ. Онъ чрезвычайно мало зналъ о ея знакомствахъ и дѣлахъ, и, правду сказать, не интересовался ими. Теперь отъ нечего дѣлать онъ присматривался къ разнымъ предметамъ, разбросаннымъ по избѣ. Всѣ они носили отпечатокъ ея привычекъ, вкусовъ и занятій... Вотъ счетная книжка, вотъ аккуратно сложенная пачка писемъ, перевязанная ленточкой... Свои письма Степанъ безжалостно сжигалъ, пріученный къ этому продолжительнымъ участіемъ въ сложныхъ конспираціяхъ. Вотъ фотографическій альбомъ, вещь тоже въ высшей степени не конспиративная!... Портреты старичковъ,—должно быть, родителей... Цѣлый рядъ молодыхъ и старыхъ, мужскихъ и женскихъ лицъ... Нѣсколько небольшихъ группъ, гдѣ Соню окружаютъ родные, подруги и товарищи... очевидно по университету—многіе въ формѣ. Цѣлый сонмъ душъ и тѣлъ прошелъ мимо нея... Цѣлый водоворотъ разнообразныхъ чувствъ и мыслей родился въ ней и умеръ раньше, чѣмъ онъ, Степанъ, узналъ ее!... Она не такъ уже юна и, хотя осталась дѣвушкой, наврядъ ли впервые переживаетъ «нѣжную страсть!...»

Среди фотографій вниманіе Степана обратило на себя мужское лицо съ широкимъ умнымъ лбомъ, съ энергичнымъ, гордымъ взглядомъ. Онъ долго всматривался въ него, стоя у окна, при блѣдномъ

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1907 г.

свѣтѣ догорающаго дня. Онъ не замѣтилъ, что Софья уже нѣкоторое время стоитъ рядомъ съ нимъ.

— Кто это, можно узнать?

— Это человѣкъ, который одно время... сильно увлекался мною!

— А вы?

— Я—нѣтъ!—отвѣтила она сдержанно.—Я тогда увлекалась... политикой.

— Замѣчательное лицо!

— Да! Онъ несомнѣнно уменъ и образованъ... Говорятъ, что онъ даже талантливый ученый, но... онъ другого направленія!

Она взглянула на фотографію и спокойно положила ее на столъ.

— Я ходила къ Чоёну; понесла женѣ его немного хинина... У нея лихорадка... Высохла какъ кощей... Якуты все шаманятъ надъ ней и лѣчатъ ее разной гадостью... Представь себѣ, они заставили больную проглотить толченую лягушку! А вы что дѣлали?—болтала она, хлопоча у камина.

Тихо звенѣла посуда, мягко постукивали по глиняному полу женскіе башмаки, въ каминѣ щелкалъ бойкій, золотой огонь, обливая краснымъ свѣтомъ молодое красивое лицо задумавшагося мужчины.

Вскорѣ на столѣ появились дымящіяся чашки чаю, блюдце съ масломъ, небольшой черный хлѣбецъ и тарелка земляники. Пріятный лѣсной запахъ разлился въ тепломъ воздухѣ.

— Ужинать!...—сказала тихо Соня.

Степанъ не сразу разслышалъ. Только когда она стала рядомъ съ нимъ и обычнымъ жестомъ забросила ему руки на шею, онъ очнулся и перевелъ на нее застывшіе неподвижно глаза.

— Пусть господинъ мой не тревожится! Я никого не любила до него!... Хотя неужели это такая большая провинность, что о ней слѣдуетъ раздумывать такъ долго?

— Никакой провинности нѣтъ! Ты вѣдь меня не спрашиваешь, любилъ ли я раньше кого-либо?

Онъ криво усмѣхнулся и пробовалъ разнять ея руки, но она не отпускала его и, придвинувши свое лицо близко къ его лицу, заглядывала глубоко и загадочно въ его потемнѣвшіе зрачки.

— Взрослое дитя!... Куда же дѣлись твои теоріи?... Ты ревнуешь къ призраку... Меньше того: къ намеку на призракъ!

— Ничуть не ревную. Я такъ только думалъ, что бы было, еслибъ ты раньше вышла замужъ... Ты вѣдь не оставила бы мужа... Ты не изъ тѣхъ!... Я представить себѣ не могу, что ты могла бы

принадлежать не мнѣ, а другому... Мнѣ кажется, что я знаю тебя давно, давно... Что я всегда мечталъ о тебѣ, что это ты посѣщала меня въ сновидѣніяхъ!... Что то, что привлекало меня въ женщинахъ, было частицей тебя, затаенной въ нихъ... Что ты съ самой юности моей шла ко мнѣ, какъ туманный образъ, всплывающій въ невѣдомой дали, все болѣе ясный, чарующій, неотразимый... Конечно, я, не зная тебя, могъ бы влюбиться и въ другую женщину, но это былъ бы подлогъ и, узнавъ тебя, живую, осязательную въ тотъ... памятный вечеръ... я сознаю, что другой любить я уже не могу, что плотская страсть во мнѣ убита навсегда тоскою... по тебѣ!

Она слушала опять его безсвязныя, тихія, какъ вздохи, признанія, золотая и зардѣвшаяся, какъ тотъ золото-алый вечеръ ихъ первой ласки. Ея затуманившіеся васильковые глаза, ея влажныя полураскрытыя губы жадно ждали его поцѣлуевъ...

VIII.

Казалось, что земля забыла о солнцѣ, о мягкой ласкѣ теплаго воздуха, о ясной синевѣ небесъ. Дождь лилъ, падалъ, моросилъ, не переставая ни на минуту. Грязно-рыжія тучи перекатывались изъ конца въ конецъ горизонта, гонимыя перемѣнными вѣтрами. Случалось, онѣ нависали такъ низко, что рваные края ихъ задѣвали колючіе лѣса долинъ и обмывали вершины холмовъ. Сѣдыя пряди дождей тащились за ними по полямъ, озерамъ, по туманнымъ котловинамъ трясинъ. Хлѣба вылегли, травы поникли, деревья тяжело шумѣли намокшими вѣтвями. Запертые ненастьемъ въ сырыхъ, вонючихъ юртахъ туземцы ежедневно высчитывали убытки, причиняемые имъ этимъ несвоевременнымъ потопомъ и съ отчаянія играли азартно въ карты.

— Эхъ, Господи! Половину того дождя весною бы, и были бы мы богаты!...—вздыхали болѣе строптивые.

— Пусть бы пошаманилъ старый Кутуяхсытъ, что ли? Давайте, устроимъ складчину... Половину ему, половину попу!...

Шаманилъ старый Кутуяхсытъ, служилъ торжественные молебны управскій попъ, а дождь все лилъ да лилъ. Земля размякла и набухла, точно губчатый кожухъ: вздулась и потемнѣла рѣка и ея притоки, не хуже чѣмъ въ вешній разливъ.

Весь этотъ скучный, тоскливый періодъ влюбленные прожили въ юртѣ Софіи, гдѣ было уютнѣе, гдѣ было больше книгъ и мелкихъ предметовъ домашняго обихода, куда скорѣе приходили письма, газеты и глухія вѣсти о разныхъ событіяхъ.

Степанъ, впрочемъ, не любилъ почты и газеты просматривалъ безъ увлеченія.

— Нечего юлить!—твердилъ онъ.—Выше ушей не прыгнешь. Слѣдуетъ признать, что проиграли мы... Насъ разбили... Власть есть результатъ взаимодѣйствія реальныхъ силъ... Ея не захватишь, не создашь указомъ и не выпишешь самыми умными статьями, не выболтаешь самыми страстными рѣчами... Она должна созрѣть на фонѣ общаго развитія экономической основы, согласно желѣзнымъ законамъ развитія. Придетъ и наше время...

«...Настроеніе въ общемъ скверное... Небывалый упадокъ духа... Сильно даетъ себя чувствовать убыль интеллигентныхъ силъ... Нѣтъ руководителей и опытныхъ организаціонныхъ работниковъ... Рабочіе блуждаютъ безъ указанія, попадаютъ въ руки провокаторовъ и окончательно сбиваются съ пути, разочаровываются... Это одна изъ важнѣйшихъ причинъ застоя движенія...»—читала Софья отрывокъ изъ полученнаго письма.

— Я не согласенъ. Ко всему этому нужно подходить не съ того конца! Отсутствіе ясной руководящей идеи объясняется не недостаткомъ умовъ и характеровъ, а недостаточной еще диференціацей общества. Преобладаніе мелкихъ предпринимателей и ремесленниковъ затемняетъ классовое сознаніе рабочихъ... Милліоны темнаго и консервативнаго крестьянства отражаются неблагопріятно на политическомъ рынкѣ...

— Значитъ: сложить руки и ждать, пока все сдѣлаетъ «исторія», пока завершатъ свой циклъ желѣзные законы экономической необходимости, развитіе и тамъ прочее?!... Да вѣдь все это постольку существуетъ, поскольку проявляется въ мыслящей и сознательной личности... Все должно пройти сквозь нее... Причемъ тутъ вся эта метафизика дѣйствующаго внѣ человѣка товара, рынка, концентраціи, исторической необходимости?...

— Оставь, прошу тебя!... Не ублажай меня этими элементарными разсужденіями... Да и суть вопроса не въ томъ: почему? а въ томъ: какъ?... Для меня, впрочемъ, все это лишено всякаго значенія... Мы обречены на бездѣйствіе, на исключительно... собственную жизнь... Не будемъ отравлять ея безплодными спорами...

Стычки оканчивались обыкновенно молчаливымъ погруженіемъ каждаго изъ нихъ въ свое чтеніе. Софья набрасывалась на публицистику, Степанъ предпочиталъ беллетристику.

— Ты все еще рѣшаешь вопросы?... А вотъ послушай, какъ неподражаемо смѣется этотъ англійскій юмористъ. Мальчикъ стащилъ у взрослой сестры ея дневникъ и снабжаетъ его своими комментарія-

ми... Но этого пересказать невозможно, это необходимо прочесть... Хочешь я прочту громко?!

Софья откладывала послушно свою книгу и принималась слушать комичные, веселые, беззаботные разсказы иностраннаго автора. Часто она сама не могла удержаться отъ искренняго, громкаго смѣха.

— О, эти обладаютъ нервомъ жизни!—воскликалъ повеселѣвшій Степанъ.

— Да. Они свободны!

— И то правда: они свободны!...

Степанъ бросилъ чтеніе и задумчиво прогуливался по юртѣ.

— Соня, ты... необыкновенная женщина!... Я говорю это не потому, что люблю тебя... Нѣтъ!... Но ты тверда, какъ гранитъ. Никто не сравнитъ тебя съ вьющимся плющомъ. О, нѣтъ!... Хотя по внѣшности... Я тоже не плющъ. Но я часто завидую тебѣ и крѣплюсь, глядя на тебя... Откуда столько силы въ этомъ нѣжномъ тѣлѣ!...

Онъ бралъ ее бережно за руки, и они, обнявшись, ходили нѣкоторое время по юртѣ, полной мрака и глухого шума, который доносила къ нимъ неистовствующая наружѣ непогода. Свѣча мигала и отекала.

— Собачья погода! Пойдемъ спать, что ли?

Такъ проходили дни, похожіе другъ на друга, какъ капли дождя.

Черезъ извѣстные промежутки времени Степанъ посѣщалъ свое хозяйство, осматривалъ еврашечьи норы и городьбу. Хлѣба нѣжились отъ избытка влаги. Толстые, усатые колосья, полные воды, съ росинками въ раздутыхъ черезмѣрно пазухахъ, и не думали затвердѣвать; зеленыя жилочки не сходили съ болѣзненно опухшихъ зеренъ. Однако отсутствіе денегъ и все возрастающая дороговизна муки заставили Степана приняться за уборку хлѣба, несмотря на дожди.

Онъ предложилъ Софьѣ перебраться къ нему.

— Иногда въ продолженіе дня едва нѣсколько часовъ можно будетъ жать, а выжидать этихъ часовъ необходимо весь день!... Мнѣ нельзя будетъ отлучаться, а свободнаго времени у меня будетъ м ого...—объяснялъ онъ ей, смущенный и неувѣренный.

Софья, конечно, сейчасъ же согласилась и захватила съ собой вещ , необходимыя при болѣе продолжительномъ отсутствіи изъ дому.

Но квартиру удержала за собой.

Когда дождь на время прекращался, когда вѣтеръ немного обвѣв ь и стряхивалъ воду съ хлѣбовъ или солнце на мгновеніе выгляд ало изъ облаковъ, серпы ихъ немедленно сверкали въ полѣ, лица

дружно склонялись къ землѣ и руки прилежно погружались въ влажную, спутанную солому

Серпы позванивали, длинныя горсти хлѣба взлетали на воздухъ и, описавъ дугу, ложились ровно на землю. Вечеромъ Степанъ вязалъ снопы и составлялъ изъ нихъ большія, взъерошенныя «пятерки», покрытыя остроконечной шапкой снопа.

Въ ненастье Степанъ и Соня сидѣли, конечно, въ юртѣ, гдѣ неустанно горѣлъ огонь. Въ то время, когда Софья обрывала колосья и сушила ихъ на большомъ жестяномъ противнѣ, Степанъ мололъ очищенное и отвѣянное зерно на небольшихъ ручныхъ жерновахъ. Съ жердяныхъ палатей, подвѣшенныхъ передъ каминомъ у потолка, свѣшивались надъ головою молодой женщины такіе же золотистые, какъ ея волосы, снопы ячменя. Работая, Соня обыкновенно тихонько напѣвала свою любимую пѣсенку:

Каждый вечеръ у фонтана
Шла, красою всѣхъ плѣняя;
Каждый вечеръ ей навстрѣчу
Выходилъ невольникъ юный...
Разъ княжна къ нему подходитъ,
Опустивши очи молвитъ:
Ты скажи свое мнѣ имя
И откуда ты явился?

Или Степанъ разсказывалъ что-нибудь изъ своего бурнаго, полнаго разнообразныхъ событій прошлаго.

— Случается иногда, что лучшіе люди, мужественнѣйшія сердца, находятся на волоскѣ отъ ошибки и паденія и что спасаетъ ихъ сущій пустякъ... Я уже полгода сидѣлъ въ тюрьмѣ. Я отказался отъ дачи показаній, и тюремныя власти меня прижимали. Я лишенъ былъ всякаго сообщенія съ волей. Ни книгъ, ни денегъ, ни даже бѣлья не допускали ко мнѣ. Ни свиданій, ни прогулокъ. Четыре голыя стѣны, рѣшетка и сѣтка въ окошкѣ... Подъемная кровать, стулъ и столъ... Ничего больше... Скучища невѣроятная... Полетъ мухи по камерѣ являлся для меня событіемъ, за которымъ, случалось, я по часамъ слѣдилъ съ большимъ интересомъ. И вдругъ разъ позвали меня неожиданно въ канцелярію, при чемъ приказали одѣться. Уже это подѣйствовало на меня возбуждающе. Въ канцеляріи ждали меня два жандарма, которые подхватили меня, посадили на извозчика и повезли. Былъ чудный вечеръ. Только что прошла гроза... Молніи еще сверкали, и громъ гремѣлъ вдали. Свѣжій, ароматный воздухъ подѣйствовалъ на меня опьяняюще. Дорога шла пригородными садами, полными цвѣтущей сирени... Дальше на улицахъ засновали толпы

прохожихъ... Я вдругъ увидѣлъ свободныхъ людей, идущихъ одиноко или группами. Говоръ и смѣхъ долетали ко мнѣ... Въ головѣ шумѣло, сердце билось... И у меня явилась до того сильная охота поговорить, пошутить, что я даже обратился съ какимъ-то игривымъ вопросомъ къ моимъ стражамъ... Конечно, вотще!... Но даже въ мрачномъ слѣдственномъ зданіи веселое настроеніе не оставило меня, и я принялся насвистывать въ тѣсной каморкѣ, куда меня заперли...

— Здѣсь не мѣсто для свистѣнія!—внушительно наставлялъ меня возмущенный вахмистръ.—Нечего радоваться, что вы сюда попали!—резонно доказывалъ онъ.

Но я продолжалъ свистѣть... Немного спустя меня повели въ другую болѣе просторную комнату, гдѣ ярко горѣло электричество и гдѣ среди толпы военныхъ стоялъ арестованный рабочій. Взятъ онъ былъ, очевидно, прямо изъ мастерской, платье на немъ было грязно и засалено, черныя неумытыя руки дрожали, и на закоптѣломъ лицѣ выражалось глубокое волненіе. Онъ съ ужасомъ глядѣлъ на меня широко открытыми глазами.

— А его знаешь, а?...—спросилъ грозно офицеръ.

Рабочій молчалъ.

— Отвѣчай!... А то мы сумѣемъ заставить!... Заговоришь!...

Губы рабочаго безпомощно дрогнули. Дѣйствительно, онъ не зналъ меня. Вдругъ меня охватило желаніе ободрить юношу. Раньше чѣмъ присутствующіе спохватились, я схватилъ за руки рабочаго, привлекъ къ себѣ и поцѣловалъ...

— Крѣпись, товарищъ!... Не бойся ихъ!... Плюнь!... Я уже полгода...

Тутъ меня схватили сзади ангелы-хранители и потащили назадъ... Меня били, но я все твердилъ: «плюнь!... не поддавайся!...»

Здорово меня тогда поколотили. Но юношу я спасъ. Онъ самъ мнѣ признался въ этомъ, когда я съ нимъ впослѣдствіи встрѣтился въ ссылкѣ, и очень благодарилъ меня... Онъ чуть было не проболтался!... онъ уже было хотѣлъ вступить съ ними въ разговоры... азвѣ тебя не поражаетъ ужасная, иногда роковая сила высказанныхъ словъ?...

— Особенно, если они... нехорошія!...—прошептала Соня.

— Да, особенно, когда они нехорошія!—согласился онъ.—Ихъ іянія не въ силахъ уничтожить даже поступки. О нихъ нельзя забыть, они возвращаются, назойливые и мучительные, какъ кошмаръ...

— Особенно, если мы принуждены прощать ихъ! — добавила Соня.

Степанъ остановился и взглянулъ на нее вопросительно.

— Что ты хочешь сказать?!

— Нѣтъ, я такъ, между прочимъ... Мнѣ пришло какъ разъ на умъ... Какой ты, Степа, непредусмотрительный въ твоемъ стремленіи закрѣпить нашъ союзъ! Теперь мы легко прощаемъ другъ другу наши прегрѣшенія, потому что *желаемъ* ихъ простить, но другое будетъ, когда намъ *необходимо* будетъ прощать ихъ другъ другу... Ты прости, что я все возвращаюсь къ тому же, но я постоянно думаю о... дальнѣйшей судьбѣ нашихъ отношеній, и, право, меня пугаетъ это закрѣпленіе...—сказала она, напирая на нѣкоторыя слова.

— Дитя, неужели ты боишься меня?! Да кто или что въ силахъ связать тебя?! Я думаю, что ты порвешь всякія узы, разъ онѣ утратятъ для тебя свою внутреннюю суть...

— Въ томъ-то и дѣло, что я не хочу ихъ рвать и не хочу, чтобы дошло до этого!

— Въ такомъ случаѣ, о чемъ и разговаривать!... Не будемъ огорчаться загодя... Поплывемъ по теченію!...

— Легко такъ разсуждать вамъ, мужчинамъ, на которыхъ любовь почти не оставляетъ слѣда... Но мы, женщины, въ сущности всѣ однолюбки... Слѣдующая любовь уже для насъ не то, и поэтому мы такъ опасаемся ошибокъ и перемѣнъ... Мы отчаянно цѣпляемся за всякое чувство, такъ какъ не знаемъ, не есть ли оно то единственное, настоящее, и вернется ли оно, если уйдетъ... Я думаю, что оно никогда не возвращается, не повторяется!...

Онъ слушалъ ее съ опущенной головой, и отъ этой головы, отъ крѣпкой шеи и плечъ вѣяло на нее непреклоннымъ, холоднымъ упрямствомъ.

— Но если нѣтъ другого исхода?

Она вздохнула и замолчала. Степанъ тоже не спрашивалъ больше.

IX.

Степанъ проснулся.

Тихій, ровный шумъ вѣтра доносился снаружи. Но дождь не плескалъ на дворѣ, и тѣни облаковъ не мигали въ столбахъ свѣта, бьющаго изъ оконныхъ рамъ. Онѣ полны были яркаго, золотого сіянія.

— Ведро!... Солнце... Западный вѣтеръ!... Слышишь, Соня!?

Онъ осторожно прикоснулся къ рукѣ спавшей Софьи, и когда та подняла длинныя рѣсницы, выгнутыя и дрожащія, какъ крылья темныхъ колибри, онъ по обыкновенію засыпалъ поцѣлуями ея плечи, лицо, шею и грудь.

— Солнце... солнце... Великолѣпная погода!...

— Да знаю уже!... Не собираешься ли принести меня въ жертву солнцу?

— А не находишь ли, что это дѣйствительно высшая и достойнѣйшая ему жертва, самый утонченный, божественный пиръ!?

Онъ заглянулъ глубоко въ ея чистые лазурные глаза, еще чуть затуманенные сномъ—точно на зарѣ утреннее небо. И онъ прильнулъ неожиданно и страстно къ ея смявшимся губамъ. Она пробовала защищаться, отталкивала его, наконецъ,—затихла.

Сладкая истома одолѣла ее, глаза опять закрылись, и сонъ тихо зарѣялъ надъ ней. Но уснуть ей не удалось. Она слышала, какъ одѣвался Степанъ, какъ возился онъ у камина, разводилъ огонь и стучалъ посудой. И она поднялась и оттолкнула съ раздраженіемъ подушку. Темные круги заходили у нея передъ глазами.

— Что это такое!?... Ахъ!... Должно быть, это правда!...—подумала она съ содроганіемъ.

— Каково спали?... О чемъ мечтали?...—спросилъ Степанъ шутливо.

Она не сразу отвѣтила и, только замѣтивъ тѣнь на его лицѣ, проговорила неохотно:

— Спала я не дурно... Тѣмъ не менѣе я ощущаю удивительную слабость... Не особенной я буду тебѣ сегодня помощницей.

Онъ бросилъ на нее тревожный взглядъ и замѣтилъ, что ея руки дѣйствительно странно дрожатъ, натягивая чулки. Тогда онъ нагнулся и, цѣлуя ея колѣни, прошепталъ виновато:

— Ты, Соня, не ходи! Останься... Я самъ управлюсь!

— Ни за что!

— Почему же?

— Да такъ!

Онъ удивленно поднялъ брови и глядѣлъ на нее выжидательно.

— Какъ ты не понимаешь! Еслибъ я была дѣйствительно не-
з, рова, но этого нѣтъ... Я вѣдь осталась здѣсь, чтобы тебѣ помо-
г ь работать!

Она отвернулась съ досадой и погрузила руки и пылающее лицо в азъ съ холодной водой.

Смущенный Степанъ молча сидѣлъ за столомъ и, постукивая ло-
ж ой о блюдце, ждалъ съ завтракомъ, пока она одѣнется.

Сухой, знойный вѣтеръ несся съ запада, волнуя буйные хлѣба. Непріятный стеклянный шумъ стоялъ надъ полями. Остатки темныхъ дождевыхъ тучъ быстро уходили за небосклонъ, тая и бѣлѣя по пути. Изсѣра-серебристые клочья ихъ тамъ и сямъ виднѣлись еще изъ-за черныхъ лѣсовъ, мѣрно качавшихся отъ вѣтра. Солнце поднялось высоко и отбрасывало рѣзкія, короткія тѣни.

Волны жаркаго и пыльнаго воздуха ничуть не освѣжали жнецовъ и даже не обсушивали струившагося по ихъ тѣламъ пота. Онѣ лишь рвали изъ рукъ горсти подымавшагося на воздухъ хлѣба, путали стебли, а измѣнчивыми своими ударами то и дѣло выводили изъ равновѣсія согбенныя фигуры работающихъ. Степанъ постоянно воевалъ съ вѣтромъ изъ-за своей шляпы, а Соня изъ-за невѣроятно вздуваемой юбки.

Когда въ полдень жнецы отправились обѣдать, Софью охватила вдругъ такая усталость, что она усомнилась, дойдетъ ли домой. Она недружелюбно взглянула на шедшаго немного впереди Степана съ серпомъ на плечѣ, такого же, повидимому, крѣпкаго и свѣжаго, какъ всегда.

— Подуетъ такъ дней десять, а то и больше. Совсѣмъ хлѣбъ обмолотитъ... Нужно торопиться!... Смотри, Соня—бабье лѣто!...— добавилъ Степанъ, хватая пролетающую мимо бѣлую паутину.

Не получивъ отвѣта, онъ обернулся и тогда только замѣтилъ, что Софья осталась далеко позади. Онъ вернулся къ ней и съ тревогой взглянулъ въ постарѣвшее вдругъ лицо ея съ синевой вокругъ вѣкъ.

— Что тебѣ, дорогая?

— Это не любовь!... Это Богъ знаетъ что!...—отвѣтила она съ горечью.—Ея глаза наполнились слезами.

— Вѣдь я предлагалъ тебѣ, чтобъ ты не ходила въ поле!... Но ты безконечно упряма!

— Конечно, я не пойду... Я вернусь къ себѣ!

По его лицу промелькнуло облако искренняго страданія.

— Какъ хочешь!

Дома она бросилась на нары и пролежала тамъ все время, пока онъ приготовлялъ обѣдъ и подавалъ его на столъ.

— Ѣсть даже не хочу!... Развѣ послѣ!...

— Значитъ, не сейчасъ уходишь?!.. Подожди хоть до вечера, помогу тебѣ, снесу вещи и постель... Сама вѣдь не подымешь.

Его неподдѣльная грусть и смиреніе тронули ее.

— И въ поле не пойду и не уйду. Пусть на этотъ разъ все свершится по желанію моего господина, но пусть онъ помнитъ, что и рабы...

Глаза Степана сверкнули.

— Не говори такъ!... Ты безконечно добра, такъ будь и великодушной!

— А помнишь, что̀ сказалъ Заратустра: «Если кто броситъ въ тебя камнемъ, то не отвѣчай ему хлѣбомъ, а маленькимъ... камешкомъ».

— Что значитъ маленькій камешекъ для такого, какъ я, медвѣдя! Вся моя вина, кажется, въ томъ, что я его не всегда замѣчаю!

— Пусть медвѣдь учится, а теперь пусть много не разговариваетъ и отправляется въ поле, а то опять будетъ сердиться и обвинять другихъ, что хлѣба у него осыпались!

Одному такъ скучно показалось въ полѣ и такъ работалось несноро, что онъ поспѣшилъ домой, лишь только закатилось солнце. Отдохнувшая Софья встрѣтила его привѣтливо и весело. Помолодѣвшее опять лицо ея сіяло лучистой красотой.

— Мы тоже не бездѣльничали. Какъ правовѣрная супруга, мы состряпали ужинъ и починили супругу платье... Много нашли мы тамъ прорѣхъ... мы не все успѣли; бѣлье и носки мы заштопаемъ завтра!

— Ты все смѣешься, Соня! Между тѣмъ въ старинныхъ обычаяхъ скрыто много житейскаго опыта и практической мудрости. Женщины слабѣе мужчинъ; отсюда—раздѣленіе труда. Еслибъ ты согласилась окончательно поселиться со мной, все сложилось бы иначе... И я не былъ бы такъ до тебя жаденъ!... Право!

— Хорошо, хорошо! Это мы посмотримъ. А завтра я всетаки отправлюсь въ поле... Пусть повелитель мой объ этомъ помнитъ, пусть помнитъ.

Она кокетливо погрозила ему пальцемъ.

Степанъ улыбнулся.

— Ничего не подѣлаешь!... Не противлюсь злу и беру, что даютъ!... Значитъ—бракъ будущаго? Главенство и починъ женщинъ во всемъ... Я такъ увѣренъ, что ты не обидишь меня, что подчиняюсь безъ всякихъ оговорокъ!

— Ахъ ты, Іудушка!—разсмѣялась Соня.—Ты притворяешься угнетеннымъ. И все это такъ же похоже на бракъ будущаго, какъ наша ссылка—на рай земной!... А помнишь, какъ ты поучалъ меня, что бракъ будущаго будетъ «мистеріей двухъ сердецъ», исключительной «тайной супруговъ», стыдливо скрываемой и оберегаемой отъ окружающихъ... Ты говорилъ, что общественная жизнь, сословственныя отношенія, развлеченія и обычаи, понятія и даже салоны... квартиры будутъ приспособлены къ тому понятію, что любовь—дѣло исключительно влюбленныхъ, что въ союзъ ихъ никто

вмѣшиваться не въ правѣ, что бракъ лишенъ всякой публичности и регламентаціи!... Ахъ ты!... Бракъ будущаго!... Хорошъ бракъ будущаго! Гдѣ же твои чертоги? Одинокая, грязная юрта, въ которую, не спросясь, заходитъ всякій прохожій якутъ... Всѣ сосѣди навѣрное давно трубятъ о нашемъ сожительствѣ, и управа навѣрное послала на насъ куда слѣдуетъ доносъ: такъ и такъ... поженились безъ требуемаго закономъ разрѣшенія!...

— Вотъ этого-то и слѣдовало избѣжать!

— Знаю. Я уже слышала... Не безпокойся: я признаю всю мудрость старинныхъ обычаевъ и въ концѣ-концовъ, понятно, подчинюсь требованіямъ морали и... полиціи. И возможно, что это случится раньше, чѣмъ ты предполагаешь. Только ты не торопись... Сама знаю...

— Человѣкъ слабъ. Вопреки теоріямъ, я признаюсь со стыдомъ, что желалъ бы сдѣлаться, наконецъ, твоимъ мужемъ, завладѣть тобою совершенно... Мнѣ надоѣло женихаться!

— А между тѣмъ... я успѣла уже сдѣлаться матерью!...—шепнула она тихонько.

Степанъ быстро подсѣлъ къ ней и обхватилъ ея талію рукой.

— Почему ты раньше не сказала? Какая неосторожность! Я не пущу тебя въ поле.

— Да не въ томъ дѣло... Крестьянки работаютъ... Да и случилось это много раньше, только я не была увѣрена... Теперь ты будешь... щадить меня, правда?

Онъ густо покраснѣлъ.

— Конечно, буду. За кого ты меня считаешь?... Когда же ты перебираешься ко мнѣ?... И прошеніе необходимо подать заблаговременно.

— Еще немножко, еще...—просила она чуть-чуть насмѣшливо.

Степанъ разсердился, отодвинулся отъ нея и всталъ.

— Нелѣпость, которую я отказываюсь понимать! — проворчалъ онъ грубо и принялся расхаживать по юртѣ.

Софья опечалилась не на шутку: опустила голову, сгорбилась, руки повѣсила вдоль тѣла и долго просидѣла такъ, рѣшая про себя какую-то трудную задачу.

X.

«Западникъ» продолжалъ свирѣпствовать. Бушующая смѣсь солнечнаго зноя и жесткаго сухого вѣтра неслась непрерывнымъ потокомъ надъ сожженной землей. Марево горячаго воздуха колыхалось надъ полями, точно дымъ подземнаго пожара.

Вверху—ни тучки, внизу—ни росинки.

Желтѣли да свертывались края листьевъ и кончики травъ, покосы шумѣли твердыми, осенними голосами; хлѣба ломались отъ прикосновенія, какъ хрупкія стеклянныя былинки, и роняли, точно слезы, тяжелые, цѣнные колосья.

Жнецы худѣли, чернѣли ихъ лица, твердѣли и лопались ихъ руки. Согбенныя ихъ спины немилосердно жегъ и давилъ движущійся океанъ жары.

Пригорѣлая пыль отравляла дыханіе.

Окрестные жители, всѣ отъ мала до велика, работали въ полѣ или на лугахъ, торопливо собирая уходящее съ вѣтромъ богатство, зимнюю свою сытость, спокойствіе, веселье и здоровье.

Степанъ прямо неистовствовалъ на жнитвѣ. Кривые, широко разставленные пальцы его рукъ, точно хищные когти, вонзались въ спутанную гущу хлѣбовъ, крѣпко сжимали солому, подъ которой въ тотъ же мигъ сверкало блестящее лезвіе серпа. Горсти стеблей, точно золотой гейзеръ, взлетали на воздухъ и, описавши дугу, мягко падали на землю, бережно поддерживаемыя у колосьевъ серпомъ. Рядомъ Софья старалась не отстать отъ мужа. Лица обоихъ горѣли, груди высоко подымались, крѣпко сжимались бѣлые зубы, глаза блестѣли и раскрывались алые рты, точно лепестки пригрѣтыхъ розъ.

Они боролись за свою независимость и временами, когда спины ихъ выпрямлялись надъ волнами золотистыхъ хлѣбовъ, когда они, заложивши на головы кривые серпы, протягивали къ синему, солнечному небу отекшія руки,—тѣла ихъ напоминали два буйные, живые цвѣтка, два горячіе фонтана мышцъ и крови, бьющіе дружно ввысь.

Они опять были красивы и сознавали это. Но когда вечеромъ они возвращались домой, ихъ одолѣвала такая усталость, что, проглотивши наскоро ужинъ, они немедленно засыпали каменнымъ сномъ безъ сновидѣній.

— Зато послѣ жнитвы—день божественнаго бездѣлья! Сонъ до полудня... Купанье въ озерѣ... Походъ въ лѣсъ на ягоды... Вечеромъ бутежъ!...—мечталъ Степанъ.

— Словомъ: власть земли!...—шутила Соня.

— Затѣмъ: на островъ доканчивать уборку сѣна! Но это куда лучше и не такой спѣхъ!... Затѣмъ копаніе картошки... Ну, и прочее тамъ... Придется нанять якута, чтобы перепахалъ пары... На будущій годъ покупаемъ лошадь, а зимою—корову, чтобы у малыша было свѣжее молоко... Тогда будемъ полные хозяева... Не будемъ

зависѣть ни отъ кого ни въ пахотѣ, ни бороньѣ, ни посѣвѣ и свозкѣ, ни въ покупкѣ пищи. Хлѣбъ, молоко, масло свое!... Вотъ важно будетъ!... Разбогатѣемъ, Соня!

Она слушала, смущенная, и покраснѣла при упоминаніи ребенка.

— А если я... умру?!—вставила она вдругъ, глядя куда-то въ сторону.

— Пустое. Почему ты должна умереть? Тысяча женщинъ рожаетъ во много худшихъ условіяхъ... Неблагопріятный исходъ довольно рѣдокъ у крестьянокъ... А ты вѣдь скоро сдѣлаешься настоящей деревенской бабой. Взгляни въ зеркало, какъ загорѣла ты, какъ высоко поднялась твоя грудь!?

— Безвозвратно погибъ цвѣтокъ!...—замѣтила смѣясь Соня.

— Э-э!... Кое что останется!...—отвѣтилъ онъ весело, цѣлуя ее въ губы.

Но какъ разъ въ предполагаемый праздникъ «дожинокъ» пришла почта. Софья охотно осталась бы дома, чтобы хоть бѣгло просмотрѣть газеты и журналы, но Степанъ настоялъ на исполненіи программы и потащилъ ее въ лѣсъ.

— Право, Соня, не стоитъ! Вѣдь скоро придутъ холода, а затѣмъ длинные, осенніе вечера; тогда все наверстаемъ.

Чистая, мягкая вода озера вернула ихъ членамъ, одеревенѣвшимъ отъ усиленнаго труда, прежнюю гибкость, а влажная, пахучая прохлада лѣса поправила настроеніе духа, чуть-чуть испорченное маленькимъ разногласіемъ.

Вернулись они съ прогулки веселые, съ смѣющимися глазами и черными отъ ягодъ пальцами и ртами.

Въ качествѣ трофея принесли они полный туёзъ черники съ примѣсью запоздалой сладкой земляники и ароматной княжники. Было тамъ даже немного малины.

По пути вблизи дома узнали они отъ сосѣдей, что по дорогѣ провозили на сѣверъ какихъ-то «нуча» и что эти «нуча» спрашивали о нихъ.

— Вотъ, вотъ!... Видишь!... Я предчувствовала!...—проговорила, блѣднѣя отъ волненія, Софья.

— Какіе «нуча?» Не посельщикъ ли? Хайляхъ нуча?—разспрашивалъ огорченный Степанъ.

— Энгъ!... Именно!... Хайляхъ нуча!... Но... господа!—соглашались якуты.

— Ничего мы не узнаемъ отъ этихъ дураковъ! Знаешь, завтра по пути на сѣнокосъ завернемъ въ управу, да кстати и прошеніе подадимъ.

— Жаль, что съ Зеровичемъ мы порвали сношенія. Онъ навѣрное знаетъ, онъ ихъ видѣлъ.

— Откуда такая увѣренность... Да и кто прерывалъ съ нимъ сношенія... Самъ онъ не приходитъ!

Софья не отвѣчала и погрузилась въ чтеніе газетъ.

Степанъ пилъ чай съ приглашенными сосѣдями и разспрашивалъ ихъ объ урожаѣ, о сборѣ сѣна.

Софья все время читала у окна при свѣтѣ вечерней зари, а затѣмъ при блескѣ огня, склонившись низко у камина. Тщетно Степанъ вздыхалъ и звалъ ее спать. Такъ и не дождавшись ея, онъ уснулъ быстро и крѣпко. Онъ не слышалъ, какъ она легла рядомъ, и проснулся только отъ ея рыданій.

— Что съ тобой? Ты больна?!

— Ты и не представляешь себѣ, что тамъ творится. Тьма, непроглядная тьма и рабство!... Мы тутъ всю жизнь проведемъ, всю вѣчность... Все рухнуло, все!

— Та-акъ!... Я это предсказывалъ!... Хорошо, что мы хоть вмѣстѣ-то будемъ...—повторялъ онъ безсмысленно.

Онъ ласкалъ ее, снималъ поцѣлуями слезы съ ея влажныхъ щекъ, съ длинныхъ, дрожащихъ рѣсницъ, съ мягкихъ губъ, пока, наконецъ, она не успокоилась и не затихла, изрѣдка только всхлипывая, какъ маленькій ребенокъ. Онъ держалъ свою ладонь на ея бьющемся сердцѣ, обвивалъ рукою ея стройное тѣло, но прильнуть къ ней не посмѣлъ.

Соня думала, что онъ уснулъ, осторожно выскользнула изъ его объятій и закинула руки за голову. Но онъ не спалъ и сейчасъ же замѣтилъ, что она лежитъ съ открытыми глазами и смотритъ неподвижно въ зеленоватый столбъ луннаго свѣта, льющійся въ окно.

У него защемило сердце отъ жалости и безпокойства.

— Не спишь?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Не знаю...

Онъ осторожно провелъ ладонью по ея глазамъ—они были сухіе, провелъ ею по волосамъ...

— Спи. Не бойся. Помни, что есть у тебя вѣрный другъ, готовый умереть за тебя...

— Да, но онъ не можетъ родить за меня ребенка! Умереть здѣсь такъ далеко отъ родины...

— Опять!?

Она замолчала.

Лунный свѣтъ, какъ стрѣлка исполинскихъ часовъ, двигался наискось по стѣнамъ, по полу юрты, нока, наконецъ, не хлынулъ холоднымъ, хрустальнымъ столбомъ прямо въ оконное отверстіе. Въ его сіяніи они лежали блѣдные и неподвижные, точно двое мертвецовъ.

— Соня, поплывемъ на островъ!... Вѣдь все равно не уснемъ теперь!...

— Какъ?... Сейчасъ?!...

— Ну, да! Ты удивляешься?... Свѣтло вѣдь! Съ вечера еще я все приготовилъ для поѣздки. На рѣкѣ чудесно!... Увидишь!...

Соня согласилась.

Послѣ обязательнаго здѣсь для всякихъ путешественниковъ чаепитія, они отправились къ рѣкѣ, сокращая себѣ переходы черезъ бѣлѣсыя жнитвища, мимо нахохлившихся отъ дневного вѣтра хлѣбныхъ «пятковъ», мимо лиственичныхъ перелѣсковъ, сотканныхъ изъ густыхъ тѣней и сизаго луннаго свѣта. Было тихо; измученныя вѣтрами растенія неподвижно дремали.

Вскорѣ они добрались до береговыхъ тальниковъ и потонули въ глубокомъ ихъ мракѣ, чуть прорѣзаемомъ тонкой ниточкой луннаго просвѣта, вверху надъ пролетомъ дорожки.

Обвѣяло ихъ холодомъ и сыростью. Еще немного, и они остановились на краю молочнаго тумана, подъ которымъ журчала рѣка.

Степанъ исчезъ. Софья усѣлась на сверткѣ постели и принялась слушать отголоски странныхъ звуковъ, катившихся по сонной рѣкѣ... Вдругъ они затихли, только рѣка не уставала стонать...

Сонѣ казалось, что она спитъ, что она дома—далеко на родинѣ, въ своей дѣтской свѣтелкѣ. Внизу у ея ногъ не рѣка журчитъ въ туманахъ, а это грезится сновидѣніе... Вверху струится надъ ней призракъ луннаго свѣта, и мерцаютъ звѣзды-привидѣнія... Кругомъ сторожитъ черная лже-чаща...

Неожиданно тутъ же впереди ея появилась высокая, темная фигура.

— Это ты, Степа?—спросила Соня съ легкой дрожью въ голосѣ.

— Да, это я. Садись. Все готово!...

— Какая мгла! Не собьемся ли съ дороги?

Онъ разсмѣялся.

— Не бойся. Я попалъ бы и съ закрытыми глазами. Впрочемъ, дальше, гдѣ пошире, тамъ тумана не будетъ, и тамъ мѣсяцъ...

Челнокъ скользнулъ тихо на стрежень и очутился среди сѣдой колеблющейся мглы. Софья опять сидѣла на носу челнока, спиною къ Степану. Позади нея плескали невидимыя ей весла, выбрасывая изъ молочныхъ глубинъ серебряныя струи и искры, дрожащія волны

и бруги. Все было смутно, причудливо, какъ будто плыли они не по водѣ, а подъ водой, какъ будто свѣшивались къ нимъ не вѣтки тальниковъ, а исполинскія водоросли, и чернѣли вдали не острова, а подводные камни и мели...

Совершенно неожиданно они вынырнули на просторъ, гдѣ придавленные вѣтеркомъ туманы стлались надъ водою тонкой пеленой, гдѣ струи ихъ, смѣшиваясь съ струями рѣки, терялись въ блестящихъ кругахъ и сплетеніяхъ водоворотовъ. Томные, набухшіе испареніями берега быстро уходили назадъ, бѣлѣли, терялись въ звѣздныхъ небесахъ, все шире и мощнѣе разстилавшихъ свой дымчатый шатеръ. Посреди мягко бурлящихъ водъ лучился мощный столбъ луннаго свѣта и уходилъ точно большая дорога въ безконечность... Они плыли этой зеркальной дорогой.

Степанъ бросилъ весло, и нѣкоторое время ихъ несло теченіемъ къ призракамъ чуть намѣчавшейся земли съ фантастическими лѣсами и горами. И сами пловцы, блѣдные отъ луннаго свѣта и неподвижные отъ задумчивости, казались печальными гостями другого міра...

Уже свѣтало; уже пепельный разсвѣтъ сдувалъ съ тумановъ и воды лунное сіяніе; сѣдѣли черныя тѣни, блѣднѣли высокіе обрывы, и отчетливо вырисовывались въ лентѣ береговъ ихъ мысы, косы и заливы,—когда Степанъ и Софья очутились, наконецъ, у опаснаго лѣсного обвала. Обмелѣвшій прибой чуть шумѣлъ. Обнаженныя кучи плавника, лишенныя коры и хвои, бѣлѣли, какъ груды костей. Пловцы безъ труда миновали ихъ по узкой протокѣ.

Когда они взобрались на край своего острова, заря окрасила въ розовый цвѣтъ небо, воду и далекія, чуть золотистыя тучи. Сбитыя дождями маленькія, почернѣвшія и сжавшіяся копны спали мирно подъ стекляннымъ покровомъ обильной росы. Желтый коверъ высохшихъ и вылегшихъ травъ несуразно коробился дальше на нетронутой косою цѣлинѣ, между тѣмъ какъ на прокосахъ зеленѣли буйныя отавы. Но среди нихъ не пестрѣли уже такъ обильно цвѣты, и роса не играла такимъ алмазнымъ блескомъ, какъ тогда, въ тотъ памятный вечеръ...

XI.

Осень пришла сухая, ведреная, золотая на землѣ, серебристотоняя въ небесахъ.

Соня перебралась окончательно къ Степану. Не безъ сожалѣнія а оставляла свою дѣвичью квартиру; но... необходимо было сбсъ немного денегъ для встрѣчи «маленькаго гостя».

Она сидѣла у стола и шила маленькія кофточки и рубашечки, какъ вдругъ дверь скрипнула, и вошелъ неожиданно Зеровичъ.

— А! это вы!...—воскликнула радостно Соня и, зардѣвшись, собрала шитье со стола въ ящикъ.—Что васъ такъ долго не было видно? Степана нѣтъ, онъ въ лѣсу ставитъ сажени... Но онъ скоро придетъ... Садитесь!

Зеровичъ продолжалъ стоять, какъ бы въ нерѣшительности. Онъ держалъ въ рукахъ пачку старыхъ газетъ.

— Да, я не былъ... Я не зналъ... гдѣ васъ... искать!—пробормоталъ онъ, наконецъ.

— Я теперь здѣсь живу!—отвѣтила она, все болѣе краснѣя.

— Кажется, что меня скоро погонятъ изъ улуса. Поэтому я и пришелъ, газеты...

— Что такъ?... За что же васъ гонять?

— Да за то, что принялъ ночевать къ себѣ проѣзжихъ товарищей.

— Ахъ, какъ сожалѣли мы, что не повидались съ ними. Кто они? откуда и что разсказывали вамъ? Да вы садитесь, пожалуйста! Я сейчасъ поставлю чайникъ!

Зеровичъ сѣлъ и принялся подробно разсказывать о проѣзжихъ. Въ этомъ разсказѣ, а также въ философскихъ разсужденіяхъ по этому предмету, безслѣдно потонуло его короткое упоминаніе о его собственной судьбѣ. Только поздно вечеромъ, когда въ юрту вошелъ усталый, пропахнувшій смолою и лѣсомъ Степанъ, Софья вспомнила объ этомъ и сказала мужу съ волненіемъ:

— Знаешь: вотъ его, Зеровича, высылаютъ.

— Еще не высылаютъ, но надо думать—къ этому идетъ... Дѣло затѣяли, вызывали меня къ допросу...

— За что же это?

Зеровичъ сначала разсказалъ о проѣзжихъ товарищахъ, потомъ о своемъ дѣлѣ.

Степанъ слушалъ его съ видимымъ безпокойствомъ. Его огрубѣвшее, красное отъ вѣтра лицо чуть поблѣднѣло.

— Это черезчуръ!... Что они себѣ думаютъ?!...

— Ничего не думаютъ!... Самая обыкновенная исторія... Придираются, какъ всегда. Чѣмъ тише мы, тѣмъ пустячнѣе ихъ придирки... Впрочемъ, я ничего лично не имѣю противъ поѣздки на сѣверъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, можно жить не одинокимъ. Здѣсь страшная тоска... Пустыня... Переполнилась чаша и... для меня... Будетъ!... Я не могу...

Онъ замолчалъ, какъ бы ожидая вопроса, но не дождавшись его, продолжалъ тѣмъ же усталымъ голосомъ.

— Человѣкъ, какъ все живое, состоитъ какъ бы изъ двухъ сторонъ, которыя похожи на внѣшнюю и внутреннюю стороны той же кривой. Если равновѣсіе гдѣ-либо нарушено, плоскость гнется, коробится, даетъ трещины... Очевидно, что я нарушилъ равновѣсіе, такъ какъ чувствую удивительную раздвоенность... Боюсь одиночества, которое недавно еще такъ любилъ...—добавилъ онъ съ горечью.

— А вы почаще заходите къ намъ.

— Да, да! Милости просимъ! Захаживай!...—повторилъ Степанъ.

— Далеко.

— Но... сегодня вы, понятно, заночуете?

— Должно быть—нѣтъ! Ночью куда пріятнѣе идти—прохладно и тихо!—слабо отговаривался онъ.

Такъ какъ Соня продолжала настаивать, то онъ согласился и сдержанно оглядѣлъ юрту.

— Вы ляжете на полу вмѣстѣ съ Степаномъ.

— Прекрасно.

Поужинавши, Степанъ по обыкновенію осоловѣлъ и притихъ. Тѣ безчисленные удары топоромъ, какіе онъ наносилъ деревьямъ въ лѣсу, теперь обратно ударяли въ него; тяжесть таскаемыхъ бревенъ и перекатываемыхъ пней давила его неумолимо. Глухо, точно со дна глубокой воды, доносилась къ нему тихая рѣчь Зеровича:

— Матеріализмъ уже не въ состояніи объяснить подмѣченныхъ явленій во всей ихъ полнотѣ... Наука ищетъ другой гипотезы... Механическая теорія ощущеній недостаточна... Собственно говоря, что такое, напримѣръ, зрительныя и осязательныя впечатлѣнія по этой теоріи? Это не больше, какъ движенія мозговыхъ частицъ. Другими словами, впечатлѣніе движенія есть движеніе, а движеніе есть впечатлѣніе движенія... Reductio ad absurdum!...

— Во всякомъ случаѣ, это могучая гипотеза, которая даетъ пока самое полное обобщеніе явленій и позволяетъ ихъ выражать почти въ математической формулѣ,—защищала Соня свое недавнее міросозерцаніе.

— Она неудовлетворительна... Необходимо согласиться съ психологами старой школы, что между міромъ матеріальнымъ и мышленіемъ лежитъ непроходимая пропасть. Это-то и мучительно!

— Принялся бы ты за какую-нибудь работу... за хозяйство!...—безо вмѣшался Степанъ.

— Нѣтъ у меня къ этому ни малѣйшей склонности! — отвѣтилъ съ кривой усмѣшкой Зеровичъ.

— Увѣряю тебя, что твоя кривая сразу бы выпрямилась! Я давно уже не ною и не отчаиваюсь по поводу ошибокъ ни матеріализма, ни идеализма!... Для меня идеаломъ въ настоящій моментъ является просто корова да лошадь, и къ пріобрѣтенію ихъ я стремлюсь по кратчайшей линіи, съ посильно большимъ напряженіемъ воли и скорости... Поэтому предлагаю, господа, немедленно спать!...

— А дальше?

— Что дальше? Завтра, утромъ, на работу!

— Да не то!... Въ результатѣ-то?

— Вернусь на родину здоровый, съ женой и ребенкомъ.

— Если не произойдетъ гипертрофія въ обратномъ направленіи.

Степанъ зѣвнулъ.

— До этого не допустятъ... наши мучители. Слишкомъ я вѣрю въ человѣка и не понимаю этого постояннаго за себя страха!

— Благо тебѣ!...— пробормоталъ Зеровичъ и отвернулся.

Степанъ разостлалъ на полу оленьи шкуры, Соня задернула надъ своей постелью ситцевую занавѣску.

Ей не нравились словесныя стычки мужа съ Зеровичемъ. Къ тому же и ей нехватало ни непоколебимой вѣры, ни ясности взглядовъ Степана. Она не могла не думать о многихъ неосуществимыхъ мечтахъ, о вещахъ непрактичныхъ, о вопросахъ неразрѣшаемыхъ и лишнихъ.

Когда она оставалась одна, они, эти вопросы, часто осаждали ее, возбуждали сомнѣнія и заставляли стремиться къ познанію первоосновъ, къ размышленіямъ о начальныхъ причинахъ, которыя дали бы ясные, укрѣпляющіе отвѣты колеблющейся душѣ.

Степанъ возвращался домой вечно такой усталый, что, глядя на него, она теряла охоту къ разговорамъ, охваченная единственно желаніемъ помочь ему и укорами совѣсти, что это она до нѣкоторой степени причиной его непосильнаго труда. Она прилежно исполняла всѣ домашнія работы, стирала бѣлье, починяла одежду, готовила пищу, но, несмотря на то, ей все казалось, что она бездѣльничаетъ по сравненію съ его ежедневной страдой въ полѣ и лѣсу.

— Ахъ, бѣдняга!...—говорила она, когда запыленный и мокрый отъ пота Степанъ тяжело садился на скамью.

— Не жалѣй меня, я счастливъ!—отвѣчалъ Степанъ, взглядывая на нее съ глубокой нѣжностью.—А ты?...—спрашивалъ онъ погодя.

— Ахъ, если-бъ ты только почаще и подольше бывалъ дома!

— Это невозможно.

Онъ высчитывалъ ей цѣлый рядъ необходимыхъ хозяйственныхъ работъ и близкіе ихъ сроки.

— Развѣ что зимою, и то не всегда и вечерами... такъ какъ днемъ придется ѣздить на мельницу, возить сѣно, дрова... наконецъ, побывать разъ-другой въ городѣ ради продажи муки.

Соня слушала его съ поникшей головой; онъ не замѣчалъ ея грустнаго лица и продолжалъ развивать свои хозяйственные планы. Онъ доказывалъ необходимость увеличенія посѣвовъ, корчеванія лѣса, прилегающаго къ его пашнямъ, и обращенія его въ пашню, говорилъ о постройкѣ хлѣва для скота, о необходимости нанять работника.

— Значитъ, мечта о жизни собственнымъ трудомъ...?—спросила Софья тихонько.

— Что же, я виноватъ?! Не я создалъ эти условія, въ которыхъ безъ наемника обойтись невозможно. Вѣдь я работаю, сколько могу; потребляемъ же мы не больше самаго бѣднаго мужика...

— Нѣтъ! Немного больше!—вздохнула Соня.—Согласись, что еслибъ ты не женился, ты и не подумалъ бы обо всѣхъ этихъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ!...

— Не могу сказать. Во всякомъ случаѣ, я непремѣнно нашелъ бы себѣ какое-либо занятіе. Я и представить себѣ не могу жизни безъ продуктивнаго труда.

— Но ты могъ бы заняться... наукою!

— Сомнѣваюсь. Къ тому же тогда я тѣмъ болѣе жилъ бы на чужой счетъ...

— Да, но и давалъ бы взамѣнъ кое-что.

— Это вопросъ. Развѣ теперь я не даю? Развѣ послѣ насъ здѣсь не останутся воздѣланныя поля, лѣсныя чистки, постройки... Развѣ въ городъ мы не будемъ доставлять муки, зерна, вообще пищи, вырванной у земли?

— Воспользуются ею прежде всего чиновники, полиція, торгаши... Классъ людей, совершенно ненужный мѣстнымъ жителямъ. Что же касается полей, то послѣ нашего отъѣзда они заглохнутъ и одичаютъ такъ же, какъ это случилось съ хозяйствами тѣхъ политическихъ, которыхъ мы видѣли по пути въ городъ. Земледѣліе въ крупныхъ размѣрахъ здѣсь вредитъ скотоводству, что вполнѣ правильно указываютъ якуты... Его не слѣдуетъ вводить вдругъ и насильно, а должно оно развиться исподволь изъ тѣхъ зародышей туземнаго земледѣлія, которые уже есть у якутовъ. Ты самъ это доказывалъ и не особенно давно!...

— Крупныя, образцовыя хозяйства играютъ роль опытныхъ фермъ и складовъ сѣмянъ...

— Смолотыхъ на муку?

— Ахъ, отстань! Вѣчная философія!... Скоро у насъ будетъ ребенокъ, и ты прежде всего должна думать объ этомъ...

— Именно потому, что у меня будетъ скоро ребенокъ, я и думаю объ этомъ,—отвѣтила она съ досадой.

Всякій болѣе продолжительный теоретическій разговоръ оканчивался у нихъ подобнымъ образомъ. Супруги мрачно отворачивались другъ отъ друга, а вслѣдъ за тѣмъ происходили у нихъ чувствительныя объясненія.

Онъ развивалъ грандіозный планъ культурно-политическихъ воздѣйствій, цѣлый общественно-трудовой заговоръ, передѣлывающій государство сверху до низу.

Она слушала его безъ увлеченія. Ей то и дѣло приходили на умъ критическія замѣчанія и поправки, которыхъ она даже не оформливала сразу, но которыя зато особенно ясно выступали передъ ней, когда она оставалась одна.

«Ребенокъ... Теперь—одинъ, затѣмъ—два, три и такъ дальше», размышляла она, вспоминая между прочимъ его настойчивыя указанія на ея материнство. Она видѣла живую цѣпь маленькихъ пухлыхъ тѣлецъ, милыхъ глазъ и рукъ, умоляюще протянутыхъ къ ней и приковывающихъ ее неодолимо къ тачкѣ безсмысленнаго и изнуряющаго труда. Эти маленькія существа выростутъ въ свою очередь въ мужчинъ и женщинъ, которые будутъ современемъ дѣлать то же.

«Зачѣмъ»?

Опасный вопросъ, который она тщетно гнала отъ себя и который все возвращался въ тиши ея одиночества, выползалъ изъ пустыхъ и темныхъ угловъ заброшенной юрты.

Поэтому она была весьма рада, когда опять сталъ ихъ посѣщать Зеровичъ.

Его благодушный мистицизмъ, его исканіе повсюду воли, цѣлесообразности и смысла, успокаивали ее, временно утоляли гложущее ощущеніе пустоты и оторванности.

Въ то время когда ея ловкіе пальцы быстро низали иголку въ заплаты рваной, ветхой одежды, или чистили картофель, или мѣсили тѣсто, мыли посуду и прочее,—онъ тихимъ голосомъ излагалъ ей какую-нибудь новую теорію, народившуюся далеко, въ умахъ сильныхъ, смѣлыхъ и свободныхъ, объясняющую лучше, а то просто

иначе, космическія или соціальныя явленія. Иногда онъ читалъ ей интересную статью или отрывокъ собственнаго труда.

Она была ему благодарна, хотя часто мучили ее въ то же время упреки совѣсти.

— Какъ жаль, что Степа всего этого не слышитъ! Оставайтесь ночевать!... Потолкуете, поспорите!

Но эти перспективы не особенно привлекали Зеровича. Онъ какъ-то съеживался и мрачнѣлъ въ присутствіи Степана. Отвлеченности исчезали сами собою изъ разговоровъ съ появленіемъ Мирскаго, и вечера проходили въ «хозяйственныхъ» разсужденіяхъ, въ разсказахъ о собственныхъ и чужихъ приключеніяхъ, въ повтореніи всякихъ избитыхъ и безспорныхъ истинъ.

— Ничего я въ этомъ не вижу загадочнаго или необъяснимаго. Это давно уже рѣшено!—рѣзалъ безжалостно Степанъ всякую попытку критики «основъ» и приводилъ мнѣнія кого-либо изъ великихъ «учителей».

Въ головѣ Мирскаго, точно въ хорошемъ хозяйственномъ шкапу, все было уложено въ отличномъ порядкѣ и снабжено соотвѣтственнымъ ярлычкомъ. Соня не могла не замѣтить шаблонности его всегда ровныхъ и умныхъ отвѣтовъ, но больше нихъ удивляла и раздражала ее удивительная уступчивость, почти робость въ отвѣтахъ Зеровича. Послѣдній, казалось, не слышалъ или пропускалъ мимо ушей самыя грубыя и односторонніе разсужденія. Однажды только онъ не выдержалъ и вспыхнулъ.

— А изъ сего слѣдуетъ, что не у жизни мы должны заимствовать свой опытъ и знаніе, а непремѣнно по всѣмъ вопросамъ должны обращаться къ вашей теоріи. Все прочее запрещается, а?

— Ничуть нѣтъ. Я не виноватъ, что я объясняю ихъ научно, а вы—нѣтъ, что вы метафизикъ!...

— Не пугаетъ меня никакая кличка, хотя въ сущности вы сами во сто разъ больше метафизикъ!

— Что?

— Да! Такъ какъ вы-то сизводите все къ одной причинѣ причинъ. И совсѣмъ безразлично, какъ ее звать: Богомъ, матеріей, исторической необходимостью, экономическимъ развитіемъ и прочее.

— Совсѣмъ нѣтъ. Мои причины—естественныя...

— А что такое естественныя причины? Извольте ближе опредѣлить!

— Естественныя причины, очень просто—это причины дѣйствительныя и всѣмъ понятныя,—отвѣтилъ Степанъ съ принужденнымъ спокойствіемъ.

Возникъ дикій, странный, совершенно безплодный споръ двухъ совершенно не понимающихъ и не способныхъ понять другъ друга умовъ. Онъ только утомилъ и довелъ до мигрени Соню. Тщетно она пробовала остановить ихъ и примирить. Правда, Зеровичъ вскорѣ стыдливо умолкъ, но Мирскій шумѣлъ и ораторствовалъ, широко расхаживая по юртѣ.

— Нелѣпость!... Мелкобуржуазный туманъ, давно развѣянный наукою и изслѣдованіями великихъ учителей... Межеумство-ва-ніе!...

Зеровичъ схватилъ шапку, шубу и вышелъ, хотя на дворѣ было темно хоть глазъ выколи и порошилъ снѣгъ.

— Бѣги, верни его!—вскричала Соня.

Степанъ выскочилъ за двери.

— Эй!... Ого... го!... Зеровичъ, вернись! Что за глупость!...

Но чудакъ уже исчезъ.

— Ты въ преніяхъ невозможенъ. Ты грубъ, а между тѣмъ не умѣешь защищать своихъ мнѣній,—сказала Соня.—Что теперь будетъ?

Онъ обидѣлся.

— Пусть не говоритъ нелѣпостей!

— Другъ мой, кто не говоритъ ихъ?...

XII.

— Что же, былъ?—спрашивалъ непремѣнно Степанъ, являясь вечеромъ въ юрту.

— Нѣтъ, не былъ!—отвѣчала сухо Софья и подавала ужинъ. Молча кушали они, такъ какъ имъ съ нѣкоторыхъ поръ казалось, что они все достойное вниманія уже высказали другъ другу, что безъ словъ они знаютъ и мысли, и намѣренія другъ друга. Событій въ ихъ жизни было такъ мало! Иногда Соня пыталась прочесть что-либо вслухъ, но это вызывало у Степана или неудержимую зѣвоту, или до того острую, придирчивую критику, что, избѣгая споровъ, Соня предпочла прекратить эти чтенія. Она читала одна и главнымъ образомъ въ его отсутствіе. Она невольно оставляла книгу, когда онъ входилъ.

— Почему ты это дѣлаешь? Читай себѣ!... Правда, что драма, происходящая въ настоящее время въ жизни, низводитъ для меня къ нулю всѣ эти разсказы, статьи, описанія, превращаетъ ихъ просто въ пустую болтовню, но... я не взыскую вѣдь града!... Для меня путь ясенъ и давно намѣченъ!... Дѣло все въ условіяхъ. Они не созрѣли, и въ этомъ весь трагизмъ. Придется подождать!—твердилъ онъ все то же, вздыхая —Но ты, ты читай, разъ это тебѣ нравится!... Читай!... Отчего нѣтъ!...

Однако Соня все же оставляла книгу съ его появленіемъ. Она понимала, что послѣ дневного молчаливаго труда, у Степана являлась естественная потребность поболтать. Она только удивлялась, почему ей теперь такъ трудно подыскать подходящій и интересный предметъ для разговора съ нимъ. Почему такимъ неважнымъ собесѣдникомъ оказывался тотъ самый Степа, который недавно еще казался ей кладеземъ житейской и прочей мудрости, носителемъ глубокихъ мыслей, искуснымъ и занимательнымъ разсказчикомъ?

«Какъ онъ измѣнился! Какъ страшно онъ измѣнился!—повторяла она про себя и приписывала все переутомленію, тяжести непосильнаго труда, безпокойству за общее будущее.—Все изъ-за меня!»

Но Мирскій не такъ ужъ измѣнился, какъ просто-напросто оскудѣлъ. Такъ изсякаетъ ключъ, не питаемый больше притоками влаги; такъ сохнетъ и вянетъ дерево съ подрѣзанными корнями, такъ гибнетъ и теряется всякая частица, оторванная отъ родной среды. Къ тому же супружество сильно уменьшило число точекъ ихъ соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ. Оба они получали теперь, болѣе или менѣе, тѣ же впечатлѣнія, наталкивались на тѣ же незамысловатыя происшествія, и въ головахъ ихъ, естественно, рождались тѣ же несложныя замѣчанія и разсужденія. Обмѣнъ тожественными мнѣніями и сходными мыслями пріятенъ только въ нѣкоторыхъ предѣлахъ.

Соня все это видѣла, понимала и поэтому часто, думая о Степанѣ, шептала: бѣдняга!

— А онъ-таки въ серьезъ разсердился!... Гм!... Что-жъ дѣлать!—ворчалъ Степанъ, узнавши, что Зеровичъ все не являлся.

Чудакъ не показывался уже десять дней. И отсутствіе его давало себя чувствовать имъ теперь особенно сильно, когда наступили длинные осенніе вечера.

— А не пойти ли намъ къ нему въ воскресенье?—спросила какъ-то осторожно Соня.

— Опять устанешь!

— Даже слѣдовало бы, такъ какъ мы его обидѣли!—не унималась всетаки она.

— Не мы его обидѣли, но онъ самъ обидѣлся. Это большая разница!... Вѣдь я звалъ его, и онъ навѣрное слышалъ.

— Стоитъ ли считаться съ такими пустяками? Его вѣдь скоро вышлютъ и возможно, что уже выслали.

— Ну, нѣтъ! Якуты сейчасъ бы мнѣ объ этомъ доложили. Но если такъ непремѣнно желаешь, пусть будетъ по-твоему!... Пойдемъ!

День для прогулки случился прелестный. По утру, когда они вышли изъ юрты, морозный иней бѣлѣлъ еще на дорогахъ, шершавыхъ

древесныхъ пняхъ и травахъ; тонкія пленки льда на лужахъ и озерцахъ отливали радужнымъ перламутромъ въ розовомъ свѣтѣ зари. Рыжіе лѣса, обдерганные вѣтрами, нахохлились неподвижно въ тихомъ, синемъ воздухѣ. Тамъ и сямъ подымались выше ихъ черныя стрѣльчатыя колокольни одинокихъ сибирскихъ пихтъ и зубчатые замки ихъ рощицъ. Золотопламенныя, опаленныя морозомъ березы, осины, да ольшнякъ вились живописными струями и купами по осеннему лѣсному фону. Внизу алѣли шиповникъ и терновикъ.

Зеровичъ жилъ далеко, въ глухомъ лѣсу, въ маленькой совершенно одинокой юртешкѣ. Внутри она напоминала пустой, грязный и заброшенный скотникъ, чуть скрашенный присутствіемъ нѣсколькихъ книгъ, тетрадей и чернильницы съ перомъ.

Хозяинъ отсутствовалъ.

— Удивительно! Его нѣтъ, а чайникъ полонъ горячаго чая! — замѣтилъ Степанъ послѣ минутнаго ожиданія.

Острые глаза Сони подмѣтили еще кой-какія подробности, которыя позволяли догадываться о быстромъ уходѣ и надѣяться на скорое возвращеніе хозяина. Но она объ этомъ промолчала.

Тѣмъ не менѣе, Зеровичъ не являлся.

Они выпили чай, поѣли найденную ими лепешку, а его все не было. Тогда Степанъ рѣшилъ написать ему маленькое письмецо, къ которому Соня прибавила свое post scriptum, и отправиться обратно. Уходя, Соня не могла отрѣшиться отъ ощущенія, что Зеровичъ прячется гдѣ-то по близости и слѣдитъ за ними украдкой. Впрочемъ, она ничего не замѣтила въ порыжѣлой тайгѣ, что подтвердило бы ея подозрѣніе. У нея была слабая надежда, что они встрѣтятся съ нимъ на пути, но и это не случилось.

Недовольная, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ, она съ трудомъ брела по корявымъ, лѣснымъ тропинкамъ неуклюжимъ шагомъ беременныхъ женщинъ. Степанъ шелъ впереди съ двустволкой на плечѣ и посвистывалъ.

— Все къ лучшему въ семъ лучшемъ изъ міровъ. И то, что мы его не застали, тоже недурно. Приличія соблюдены, а онъ какъ пожелаетъ... А то еще подумаетъ, что очень намъ ужъ необходимъ!...

— Нельзя же забиваться исключительно въ свои интересы.

— Ничего не подѣлаешь! Выше ушей не прыгнешь... Мы судьбой обречены пока на свои только интересы. Это фактъ. Слѣдуетъ извлечь и изъ этого пользу. Вотъ и все!

Онъ долго распространялся на тему «логики фактовъ и неизбѣжности подчиненія имъ чувствъ и мечтаній». Соня слышала это уже неоднократно, и однообразіе его разсужденій утомляло ее не меньше,

чѣмъ выступы корней и выбоины, тропинки. И она была рада, когда, проходя мимо озера, онъ сказалъ:

— Иди, Соня, домой, а я сверну сюда на минутку... Авось подстрѣлю что-нибудь... Давно мы мяса не ѣли!...

Въ то же время ей было немного непріятно, что онъ уже не скрываетъ передъ ней своего пристрастія къ «смертоубійству», какъ она называла охоту.

И она взглянула недружелюбно на голубую гладь озера, которая просвѣчивала сквозь порѣдѣвшую чащу, гдѣ тучи вспугнутыхъ птицъ поднялись вдругъ съ лопотаніемъ крыльевъ. Она дрогнула, когда грянулъ выстрѣлъ, и медленно пошла домой.

Въ юртѣ она застала... Зеровича. Онъ сидѣлъ у стола и просматривалъ журналы.

— Ахъ, это вы? А мы какъ разъ возвращаемся отъ васъ!

Онъ глядѣлъ ей въ глаза, не мигая, затѣмъ вдругъ поднялся, поцѣловалъ у нея руку и сдѣлалъ движеніе къ выходу.

— Вы уходите?... Что за глупости!...

— Необходимо!

— Что такъ?... Почему?... Я васъ не отпускаю! Степа вернетъ васъ съ дороги!

— А онъ гдѣ?

— На болотѣ, охотится.

— Я подожду здѣсь еще четверть часа.

— Что это—мщеніе? Или... ждутъ васъ... тамъ?

Она разсмѣялась звонко. По лицу Зеровича прошла блѣдная тѣнь.

— Безъ шутокъ! Что за дѣло, не терпящее отлагательствъ?

— У всякаго есть... свое, отъ чего онъ напрасно стремится уйти!—отвѣтилъ онъ значительно.

Дѣйствительно, его костлявое тѣло, съ маленькой головой и угловатыми движеніями, немного напоминало загнанную до изнеможенія борзую. Соня весело взглянула на него и разсмѣялась.

— Будто ужъ!... Со «своимъ» слѣдуетъ мужественно бороться и мириться съ нимъ философски!—добавила она голосомъ Степана.

— Поскольку это намъ доступно и поскольку рокъ свой мы носимъ въ себѣ, а не находимъ его внѣ насъ!

— Право, сѣли бы вы да остались! Пофилософствуемъ сегодня. Степанъ будетъ паинькой, обѣщалъ... Я его тогда хорошенько отчитала!...

— Нѣтъ!... Не могу... никоимъ образомъ!...

Онъ упрямо качалъ головой и шляпу держалъ у груди, точно ею прикрывался.

— Вы любите... стихи?—спросилъ онъ вдругъ.

— Смотря—какіе!

Онъ заколебался немного, затѣмъ рѣшительно протянулъ руку.

— До свиданія!

— И не думаю. Не прощаюсь.

— Я приду... въ другой разъ!

На дорогѣ далеко застучали шаги. Зеровичъ насторожился, поклонился и выскочилъ за двери. Соня слышала, какъ онъ встрѣтился со Степаномъ, какъ кратко и рѣшительно отклонялъ его шумныя приглашенія.

— Пустяки, товарищъ! Плюньте!... Вѣдь дѣлать-то вамъ нечего!...

Спустя немного, Степанъ вошелъ въ юрту одинъ и положилъ на скамью пару убитыхъ утокъ.

— Ну, и чудакъ! Ты ему сказала что-нибудь?

— Ничего особеннаго я ему не сказала. Просила только остаться.

— Во всякомъ случаѣ, нужно полагать, что онъ не обидѣлся. Самъ пришелъ. Ничего не говорилъ по этому поводу, а? Не помнишь? Зря только мы прошлялись... столько дороги!...

Для Сони тѣмъ не менѣе осталось загадкой, былъ ли Зеровичъ дома въ моментъ ихъ посѣщенія, или нѣтъ? Они возвращались такъ медленно, что онъ легко могъ опередить ихъ окольными тропинками; къ тому же онъ... глядѣлъ на нее такъ странно.

Она рѣшила загадку эту современемъ непремѣнно выяснить.

XIII.

Не скоро явилась возможность это сдѣлать. Жестокія метели прекратили на нѣкоторое время всякое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ.

Сѣдыя тучи, уже много дней носившіяся взадъ и впередъ надъ долиной, вдругъ опустились такъ низко, что между ними и застывшей землей осталась едва узенькая щель; по ней протяжно засвистѣли, заиграли вѣтры, сбивая съ деревьевъ остатки листопада. Ночью выпалъ снѣгъ: забѣлѣли однообразно лѣса и горы, выровнялись озера, поля и болотины, исчезли дороги.

На пути въ ихъ юрту, межъ городьбами, скоро выросли такіе сугробы, что Степанъ тщетно весь день разгребалъ ихъ лопатой—дорога такъ и осталась нерасчищенной.

— Восемь мѣсяцевъ, восемь мѣсяцевъ!—повторяла въ ужасѣ Соня, глядя на громадные бѣлые наметы, дымящіеся въ водоворотахъ пурги.

Ей казалось, что это для нея сыплютъ исполинскую ледяную могилу. Она удивлялась мужеству, съ какимъ Степанъ боролся съ непогодой, съ заносами и мертвящимъ холодомъ вьюги,—съ малымъ, впрочемъ, успѣхомъ.

— Ничего!... Сойдетъ!... Пурга утихнетъ; дорога выправится. Если нельзя будетъ расчистить ее, то разломаю городьбу и будемъ ѣздить полемъ... А насчетъ снѣга, такъ чѣмъ его больше по осени, тѣмъ лучше. Для покосовъ лучше, земля не промерзнетъ, корни травъ не порвутся... Для посѣвовъ тоже хорошо—пашни не высохнутъ... Но въ какомъ положеніи очутились бы мы теперь, еслибъ ты, Соня, не перебралась ко мнѣ, да еслибъ я не успѣлъ купить лошади? Вѣдь ловко обернулось, не правда?

— Не знаю, какъ-то за лошадь расплатимся?

— Лошадь всегда окупится, я же разсчиталъ!

— Да ты замаешься!

Онъ самодовольно разсмѣялся.

— Ничего. Авось живъ останусь!

Неожиданно, когда они уже садились ужинать, въ юрту вошелъ Зеровичъ.

— Что случилось?—вскричалъ испуганно Степанъ, вскочивъ съ мѣста. Соня поблѣднѣла, какъ платокъ.

Зеровичъ, заиндевѣлый, облѣпленный снѣгомъ и льдомъ съ головы до ногъ, точно статуя «зимы», стоялъ у камина съ неопредѣленной улыбкой на устахъ.

— Ничего... Тоска...

— Сумасбродство!... Да ты могъ легко попасть не къ намъ, а на тотъ свѣтъ!

— Сбросьте платье и обсушитесь у огня... Вотъ валенки Степы... Переодѣньтесь. Я не смотрю, не смотрю!—говорила Соня, подталкивая слегка Зеровича къ огню.

— Въ лѣсу почти нѣтъ вѣтра. Только снѣгъ падаетъ. Я думалъ, что ничего... Только въ концѣ уже, въ полѣ, вьюга закружила меня.

— Твое счастье, что попалъ.

— Кто знаетъ...—шепнулъ Зеровичъ.

— А? Что?—переспросилъ Степанъ. Но Зеровичъ промолчалъ, занятый перемѣной намокшаго платья.

Его приходъ какъ-то согрѣлъ и объединилъ домашнихъ. Всѣ оживленно усѣлись за столъ и стали дружески разговаривать, попивая чай. Свѣчу даже зажгли ради торжества, но она не столько свѣтила, сколько мигала и отекала отъ мощныхъ вздоховъ пурги, просачива-

вшихся сквозь ледяныя стѣны юрты. Зеровичъ съ большимъ юморомъ разсказывалъ о своихъ хозяйственныхъ неурядицахъ.

— Заказалъ я это у сосѣда молоко. Подрядился онъ доставлять ежедневно мѣрку. Деньги, конечно, впередъ. Разъ и другой—принесъ. Но затѣмъ исчезъ. Отправляюсь къ нему. Юрта пуста. Перекочевалъ, оказывается, на сѣнокосъ. Только недавно вернулся. Требую, чтобы хоть теперь доставлялъ онъ обѣщанное молоко. Отказывается. Нѣтъ молока—коровы стельныя. Верни, говорю, деньги!... «Откуда ихъ возьму, нѣтъ, проѣлъ»! Опять просить тебя, богатаго русскаго, хотимъ, мы—бѣдные якуты. Одолжи, спаси насъ... помираемъ. Дѣйствительно—нужда неописуемая! Что-жъ дѣлать?... Далъ... А ночью «нужда» повыкопала всю картошку у меня на огородѣ, только стебли оставила!

— Ну и что-жъ?—спросилъ Степанъ.

— Да ничего! Не стану я съ ними тягаться изъ-за мѣшка картофеля. Если бы это былъ не мѣшокъ, а принципъ, такъ еще другое дѣло... Возможно, что и я преодолѣлъ бы мою лѣность и, примѣрно, продалъ бы того же якута судебнымъ порядкомъ въ рабство князю. Но вѣдь для меня это не принципъ, а просто мѣшокъ картофеля... Ничего не подѣлаешь!... Только бы пробиться какъ-нибудь. Каждый по-своему!...

Соня взглянула на Степана. Тотъ сердито покусывалъ губы.

— Финалъ тотъ, что ни денегъ, ни молока, ни картошки... Что все за наличныя приходится покупать у князя и что тотъ, зная мое положеніе, деретъ немилосердно... Даже мой крайне растяжимый бюджетъ трещитъ.

— И въ концѣ-концовъ?

— Какъ-нибудь. Все проходитъ, плыветъ, мѣняется, все въ постоянномъ находится движеніи,—закончилъ онъ шутливо.

— Безъ шутокъ, что же вы намѣрены дѣлать?—спросила Соня.

— Или меня въ подходящій моментъ выплютъ, или... поселюсь у губернатора. Я уже разъ пробовалъ такъ пристроиться, да не удалось. До города я добрался благополучно, но запоздалъ. Начался полицейскій обходъ. Ночь была свѣтлая; издали я замѣтилъ мундиры и прыгнулъ на заборъ. Къ несчастью, за заборомъ оказались цѣпныя собаки... Бросились опѣ на меня съ дьявольскимъ лаемъ... Пока я раздумывалъ, что̀ лучше: ринуться ли въ стаю разъяренныхъ псовъ, или попасть въ руки казаковъ, послѣдніе подмѣтили меня и придержали за ногу. Я упалъ въ ихъ объятія, былъ арестованъ и затѣмъ сосланъ сюда, гдѣ полагалось мнѣ въ назиданіе горше страдать,

но гдѣ я страдаю въ той же мѣрѣ... Да, да, Софья Николаевна— міръ не внѣ насъ, а въ насъ!

Соня замѣтила нетерпѣливое движеніе мужа и ограничилась легкимъ кивкомъ отрицанія, а Зеровичъ замѣтилъ все и улыбнулся отчасти грустно, отчасти насмѣшливо.

— Каждый изъ насъ представляетъ цѣльный и замкнутый въ себѣ міръ, міръ, полный таинственныхъ глубинъ и неизвѣстныхъ намъ самимъ извилинъ. Никто не знаетъ, что скрыто тамъ, какія тамъ сокровища и загадки. И только когда удары «внѣшняго неизвѣстнаго» вызовутъ наружу эти интимнѣйшія наши свойства, мы не узнаемъ самихъ себя въ дѣйствіяхъ нашихъ, всегда почти неожиданныхъ и часто безразсудныхъ... Возможно, что вся прелесть жизни заключается именно въ созерцаніи и угадываніи самихъ себя и своихъ присныхъ въ эти моменты откровенія... Кто можетъ похвастаться, что онъ узналъ человѣка, его сокровенные устои, его зыбучія трясины и ужасающія бездны да радужные мосты, брошенные на все это его искусными, хитроумными разсужденіями? Себя мы знаемъ очень несовершенно, а у другихъ мы знаемъ только ихъ движенія, поступки и слова... По нимъ мы угадываемъ ихъ чувства и мысли и то настолько лишь, насколько онѣ сходны съ нашими... Въ сущности мы знаемъ только ихъ блѣдное въ насъ отраженіе, въ насъ—въ ложномъ и туманномъ зеркалѣ!

Онъ возбужденно расхаживалъ по юртѣ, что рѣдко съ нимъ случалось, и говорилъ—говорилъ безъ устали, точно самъ съ собою.

Соня думала о чемъ-то незримомъ, далекомъ, уставясь неподвижно въ огонь; Степанъ дремалъ.

На дворѣ свистѣла, выла, ревѣла пурга, потрясая слабой лачужкой. Океанъ снѣга съ сердитымъ ворчаньемъ волокъ свои сыпучіе водовороты по своимъ же наметамъ и сугробамъ.

XIV.

— Скажите вы мнѣ откровенно: были ли вы у себя дома, когда мы приходили къ вамъ, или нѣтъ?

— Зачѣмъ вамъ знать это? Есть у меня минуты, когда мнѣ неизвѣстна всякая встрѣча, но есть у меня и... укоры совѣсти!

— Какъ жаль, что вы живете такъ далеко отъ насъ.

— Наоборотъ. Я думаю, что это большое мое преимущество. Я [illegible]свольно вношу всегда въ вашу жизнь новое! А это именно— вслѣдствіе отдаленности мѣстопребыванія. Да, сударыня! Еслибъ я

жилъ рядомъ съ вами, я скоро сталъ бы частицей вашего обихода, вашей собственностью... Человѣку очень полезно имѣть уголокъ, гдѣ онъ можетъ приходить въ себя, гдѣ онъ, не опасаясь никого, можетъ подумать, помечтать, поотровенничать съ собою. Тамъ личность возвращаетъ себѣ соки и краски, пріобрѣтаетъ вновь непосредственность... Шумъ, гамъ, житейская толкучка, всякая жизнь скопомъ изсушаютъ ее и обезличиваютъ не хуже всякой казармы... Поэтому такъ привлекательна жизнь въ большихъ городахъ, гдѣ возможно соединеніе общественности и обособленія.

— Я то же самое твержу Степану, но онъ не соглашается. Онъ доказываетъ, что личность, это—двое!

— Та-акъ... Я этого не замѣтилъ. Впрочемъ, ученіе не особенно новое, извѣстное грекамъ временъ гинекеевъ!

— Что вы сказали?

— Ахъ, ничего. Перемѣнимъ лучше тему. Развѣ вы, Софья Николаевна, никогда не ощущаете желанія оставить слѣдъ, хотя бы и болѣзненный, въ нѣкоторыхъ встрѣченныхъ душахъ? Нѣчто связывающее нерасторжимыми узами...

— Какъ—въ комъ!—отвѣтила она съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Понятно. Прежде всего въ душахъ, которыя въ насъ самихъ оставили такой слѣдъ! Есть въ этомъ желаніи какая-то жуткая сладость, какъ бы предвкушеніе безсмертія... Не правда ли? Вѣдь мы живемъ только въ человѣческихъ впечатлѣніяхъ, а послѣ смерти—только въ воспоминаніяхъ... какъ... какъ фокусы наслѣдственныхъ опытовъ. Но кромѣ этихъ туманныхъ, безличныхъ отголосковъ, мы желаемъ также безсмертія личнаго, личной памяти... Не такъ ли?

— Пожалуй,—проговорила Соня испуганно.—Выгляните, не ѣдетъ ли Степа... Что-то не видно его, запоздалъ.

Зеровичъ взглянулъ на нее страннымъ, пронзительнымъ взглядомъ и не двинулся съ мѣста. Она готова была крикнуть отъ страха.

Вдругъ глаза его потухли, по губамъ скользнула снисходительная улыбка.

Ты заполнить должна ужасныя пустыни,
А путь къ нимъ—сквозь двѣ бездны:
Сквозь мою и сквозь твою душу!—

прошепталъ онъ тихо.

Въ юртѣ вдругъ воцарилось ужасное молчаніе. Только огонь шипѣлъ въ камелькѣ, да на дворѣ шипѣла вьюга.

Въ поникшихъ головахъ обоихъ жильцовъ юрты тоже мчалась

буря, неслись сонмы отрывочныхъ, торопливыхъ разсужденій, мелкихъ неопредѣлившихся чувствъ, насильственно убитыхъ впечатлѣній, жуткихъ, недосказанныхъ словъ,—настоящая маленькая «пурга», холодная и въ то же время жгучая, сотканная изъ тумановъ мелочей, точь въ точь какъ сибирская вьюга, сотканная изъ леденящихъ песчинокъ.

Они боялись взглянуть другъ на друга.

Къ счастью, вскорѣ дрогнулъ вдали шумъ метели, и невнятно донесся стукъ саней, пробирающихся къ юртѣ съ большими усиліями. Они наконецъ остановились тутъ же у юрты, почти что ударили въ ея стѣнку. Одновременно пронзительное ржанье лошади, какъ ударъ ножа, прорѣзало бурю.

Степанъ вернулся изъ лѣсу съ дровами.

Мгновеніе спустя онъ уже стоялъ на порогѣ, большой, толстый отъ надѣтыхъ мѣховъ, бѣлый отъ снѣга, точно снѣжный болванъ. Ледяныя сосульки свѣшивались съ его бороды на грудь; иней наросъ на его бровяхъ вродѣ морозныхъ кустовъ, а на рѣсницахъ повисла цѣлая бахрома ледяныхъ корольковъ.

— Собачья погода!—проговорилъ онъ, съ трудомъ раздергивая завязки наушниковъ.—Но уже не замерзнемъ, Соня,—дрова есть! А было мгновенье, когда думалъ я, что пурга насъ съ пѣгашкой похоронитъ!... Да, нѣтъ, врешь, поживемъ!...

Соня стояла около него и подавала ему согрѣтую и сухую одежду, между тѣмъ какъ онъ медленно стаскивалъ съ себя мерзлятину, счищая ножомъ съ мѣховъ и валенокъ толстую кору снѣга.

Она испуганными, виноватыми глазами смотрѣла въ красное и безобразно раздутое отъ стужи лицо мужа, заглядывала подобострастно въ его зрачки, помутнѣвшіе отъ пережитаго напряженія.

А Зеровичъ, не сводя глазъ, слѣдилъ за ней.

XV.

Утихли метели.

Солнце взошло надъ снѣгами. Засверкала радугой и золотомъ дѣвственная ихъ бѣлизна. Твердый, гранитный морозъ рѣзалъ и хрустѣлъ вездѣ, искрился въ перламутринахъ замерзшей влаги... Кружева нѣжнаго инея расцвѣли въ наступившей тишинѣ на древесныхъ вѣтвяхъ и пняхъ... Гулко раздавались отдѣльные звуки въ густомъ воздухѣ и мягко падали на пушистые покровы земли.

Степанъ прилежно трудился по хозяйству. Онъ купилъ и свезъ сѣно для лошади, пробилъ прорубь на озерѣ для водопоя и обдѣлалъ ее кр[illegible]чнымъ валикомъ изъ снѣга и льда, точно мраморную цистерну.

Всю юрту до самаго верху обмазалъ Степанъ мокрымъ снѣгомъ, по примѣру туземцевъ, и до полустѣнъ забросалъ снѣговой завалёнкой.

На гумнѣ у хлѣбныхъ кладей онъ очистилъ отъ травы и сору большую площадь, выровнялъ ее лопатой, затѣмъ полилъ водой къ вечеру, чтобы ночью крѣпко промерзла. Такимъ образомъ онъ приготовилъ ледяной токъ для молотьбы, на которомъ изъ мокрой мякины провелъ кругомъ дорожку для кладки сноповъ и движенія катка. Катокъ представлялъ собою большой пень дерева, вращающійся на оси въ деревянной рамѣ, къ которой запрягали лошадь. По ободу пня были набиты, точно зубья шестерни, толстые брусья. Все это Степанъ смастерилъ по о́сени самъ и вывезъ изъ лѣсу при помощи вёрнаго Боксана.

Теперь оба они ждали сильныхъ морозовъ, чтобы приступить къ молотьбѣ.

Но и въ пасмурные дни Степанъ не сидѣлъ сложа руки: онъ возилъ изъ лѣсу дрова, заготовленныя для отопленія, складывалъ ихъ близко у входа въ юрту въ большія, ровныя «сажени», служившія въ то же время дворомъ и защитой отъ вѣтровъ и заносовъ.

Дома онъ сидѣлъ мало, и то больше спалъ, кушалъ или, сгорбившись у огня на низенькомъ стульчикѣ, мастерилъ новую сбрую для лошади, строгалъ лопату для вѣйки или вставлялъ зубья въ старыя грабли.

Съ Соней онъ общался и принадлежалъ исключительно ей только тогда, когда ласкалъ ее.

Какъ-то такъ выходило, что Соня не могла принимать непосредственнаго участія въ его работахъ, и въ силу этого, естественно, онъ сталъ фокусомъ ихъ совмѣстной жизни, все совершалось черезъ него, и къ нему должно было примѣняться.

Когда онъ, усталый, иззябшій, входилъ въ юрту, наполняя ее запахомъ морознаго воздуха, лѣсной смолы или сѣна, Соня невольно бросала все и шла къ нему навстрѣчу, чтобы помочь раздѣться и согрѣться. Дѣлалъ это даже Зеровичъ, если въ то время случался у нихъ.

Но Зеровичъ попадалъ больше въ отсутствіе Степана. Если же Степанъ и былъ дома, то обыкновенно работалъ все время на дворѣ. Зеровичъ тогда не засиживался, такъ какъ стукъ работающаго на морозѣ мужа сильно раздражалъ Соню и мѣшалъ ей слушать. Нѣсколько разъ, подъ молчаливымъ давленіемъ Сони, Зеровичъ пробовалъ принять участіе въ работахъ Степана, но тотъ отказался отъ этого и высмѣялъ его немилосердно:

— Вообрази себѣ, Соня, что онъ каждое бревно носитъ, точно ребенка, а укладываетъ ихъ, какъ спички! Ха-ха!

— А ты тоже... хорошъ! Отдохнулъ бы немного, посидѣлъ бы съ нами, поговорилъ.

— Ты, право, какая-то странная! Развѣ у меня есть время? Молотьба на носу... Затѣмъ—помолъ, поѣздка съ мукой въ городъ... Вѣдь мнѣ бы хотѣлось застать еще хорошія цѣны!... Мнѣ некогда!... Вы ужъ пофилософствуйте и за меня. Желаю успѣха, а пока до свиданія! — добавлялъ онъ благодушно и уходилъ изъ юрты.

Теперь они уже рѣдко философствовали. Холодная сдержанность Сони замораживала порывы Зеровича. Иногда онъ просиживалъ все время, не проронивши слова, одѣвался вдругъ и уходилъ.

Когда онъ, такой мрачный и неподвижный, толкался у огня, Сонѣ казалось, что надъ ея душой кружится большая черная птица.

— Ахъ, лучше не приходилъ бы!—повторяла она себѣ, но въ то же время сердце ея сжималось отъ сожалѣнія.—Куда дѣнется?

И она даже приглашала его:

— Приходите, но только приносите съ собой побольше хорошаго расположенія духа, веселости!

— Шутка сказать!... Веселости?! Да откуда взять ее намъ, людямъ чужой, отраженной жизни!... Веселость обитаетъ въ поляхъ и лѣсахъ, она зарождается въ здоровомъ желудкѣ, въ крѣпкихъ мышцахъ, въ способности непосредственнаго приспособленія къ природѣ, въ томъ, что мы называемъ чистой совѣстью! Мы же обречены на вѣчное приспособленіе къ людямъ. Мы осуждены по рожденію на рабство или паразитизмъ. Сомнѣваюсь, сумѣла ли бы улыбаться пѣвица, если бы она научилась думать? Рабы не улыбаются по собственному желанію, безъ приказаній свыше!

— Вы всегда только смущаете и отравляете меня!...

— Въ подземельяхъ моихъ мастерскихъ,
Да въ кузницахъ моихъ заключеній
Днемъ и ночью трудятся въ поту
Сонмы грустныхъ наемниковъ
И блѣдныхъ наемницъ!
Они ткутъ тамъ мой плащъ парчевой
И куютъ золотую корону... —

и оговорилъ онъ тихо.

— Вы знаете, кто это написалъ?

— Не вы ли?—спросила она робко.

— Нѣтъ. Это стихи Леопольда Стаффа, великаго друга мятежныхъ, страдающихъ сердецъ!

Онъ ушелъ грустный и задумчивый. И опять онъ долго не являлся.

Наконецъ, однажды прибѣжалъ якутскій подростокъ и отдалъ Сонѣ письмо. Она сразу узнала почеркъ Зеровича и съ содроганіемъ разорвала конвертъ:

«Ты тиха, точно снѣгъ,
Что падаетъ на цвѣты осенніе,
. . . . . .
Но не пить мнѣ твоей благодати...
Духъ уязвленъ тоской многократно...
Не узрѣть ему больше сіянія...
Ночей тяжкихъ ему покаяніе...
Призракъ счастія, какъ мглу,
Вихрь развѣялъ, какъ воздушную мглу...»

«...Безнадежно... есть, было и будетъ! Я это знаю. Тѣмъ не менѣе я пишу... Я принужденъ писать. Я рою непроходимую пропасть между собою и тобою... Но это сильнѣе меня... Ты, вѣрно, давно догадываешься, но я хочу, чтобъ ты знала!... Ты, вѣрно, давно предчувствовала, но меня гложетъ жажда непосредственнаго признанія... Мнѣ нужно, чтобы уста твои дрогнули отъ волненія, черезъ меня и для меня исключительно, чтобы глаза твои затуманились сожалѣніемъ, чтобы безпокойство—слабый отблескъ того, что живетъ во мнѣ,—хоть на мгновеніе завладѣло твоимъ сердцемъ. Хочу произносить сладкія слова, которыя въ правѣ говорить или счастливые, или умирающіе... Люблю тебя... жажду тебя... Мысленно въ мечтахъ ласкаю образъ твой! И никто не можетъ запретить мнѣ это, даже ты сама!... Ты принуждена подчиняться мнѣ и отдаваться мнѣ, ты, которая даже въ мысляхъ не позволяла себѣ подумать о моей любви!... Безвольную я увлекаю тебя въ пропасть, гдѣ до сихъ поръ маялся я одиноко... Тамъ холодно, темно, сиротливо... Но съ этого дня я тамъ уже не одинъ!... Я въ правѣ это сдѣлать, потому что я могу это сдѣлать и потому что ты воплотила себя въ тотъ обликъ, который волнуетъ меня, и взяла себѣ душу, прельщающую меня... Я уношу частицу тебя, лучшую частицу, какъ мою собственность... Сладкій, отравленный цвѣтокъ неугасимой тоски... Ахъ, какъ безмѣрно-страстно желалъ бы я узнать: забилось ли хоть сердце твое живѣе при чтеніи этого письма? Если—да, напиши... Нѣтъ, вышли только чистый листокъ!»

Она такъ взволновалась, что ноги погнулись подъ ней, и она рукою ухватилась за столъ. Она испуганно взглянула на якута, который грѣлъ спину у огня и глазъ съ нея не сводилъ.

— Чего ждешь?

— Такъ себѣ... Грѣюсь! Можетъ быть, получу еще за труды? Путь дальній и тяжелый!

Соня медленно приблизилась къ камину и бросила письмо въ огонь.

— Можешь уйти! Ничего не получишь...

Брови ея дрогнули и стянулись отъ неожиданной боли и радости. Дитя впервые шевельнулось въ ея лонѣ...

Мгновеніе она ждала, не повторится ли еще движеніе, но тамъ уже воцарилось прежнее спокойствіе, и только сердце ея сильно билось...

— Уходи!...—обратилась она еще разъ къ якуту.

— Что теперь?... раздумывала, когда нахалъ ушелъ наконецъ, и она осталась одна.—Сказать Степану или нѣтъ?! Зачѣмъ?... Это совершенно отрѣзало бы путь отступленія этому безумцу!...

Нѣтъ, она не скажетъ, а сама при случаѣ съ глазу-на-глазъ задастъ ему хорошую головомойку. Она докажетъ ему, что въ сущности все это плоды болѣзненнаго воображенія, что вся эта пламенная любовь—результатъ довольно пошлаго обстоятельства—отсутствія женщинъ!... Да, не иначе!... А Степанъ?... Какъ же Степанъ?! Почему она другую мѣрку прилагаетъ къ нему? Почему любовь Степана происходитъ якобы изъ другого, болѣе благороднаго источника?!

Она мысленно перебирала всѣ подробности своего супружескаго сожительства съ того памятнаго, багряно-золотого вечера... Она тонула задумчиво въ нѣжныхъ туманахъ недосказанныхъ словъ, не дочувствованныхъ ощущеній, которыя точно тонкая ржавчина, точно чуть замѣтная пыль, окутывали эти воспоминанія и тушили ясность пережитыхъ и сознанныхъ волненій...

Она не замѣтила, какъ прошелъ коротенькій зимній день, и темная ночь вошла въ домъ сквозь окно и смѣшалась съ кровавымъ блескомъ огня. Только скрипъ саней на дорогѣ и шопотъ шаговъ привелъ ее въ себя. Она спохватилась, побѣжала въ амбаръ, принесла мясо, положила его въ горшокъ и поставила у огня. Вскорѣ вошелъ бѣленный снѣгомъ Степанъ и уже на порогѣ комично взывалъ:

— Жена, ѣсть!

— Степа, милый, прости! Я забыла... Я только теперь поставила обѣдъ!..

— Ты забыла?—протянулъ онъ удивленно.—А можетъ быть, ты... философъ?

— Да нѣтъ же!—отвѣтила, краснѣя и отворачивая по обыкновенію лицо.

Степанъ глядѣлъ на нее холодно и подозрительно. Тогда она приблизилась къ нему и, обнявъ его, шепнула:

— Ребенокъ...

Остальное договорила она такъ тихо, что онъ скорѣе догадался, чѣмъ услышалъ. Гордость и радость засіяли на его лицѣ. Онъ привлекъ жену къ себѣ, вытеръ рукою мокрые усы и затѣмъ принялся по-старому цѣловать ея глаза и губы... И она прижималась къ нему по-старому

— А я думалъ, что ты уже меня не любишь!..—прошепталъ онъ.

Запоздавшій обѣдъ превратился въ обильный ужинъ.

XVI.

— А ты бы все-таки съѣздилъ къ этому чудаку!.. Недѣлю уже не показывается и не слышно о немъ ничего!..

— Подождемъ еще: соскучится, самъ придетъ!.. А то будетъ, какъ тогда!..

Опять прошло нѣсколько однообразныхъ, трудовыхъ дней, и опять, снѣдаемая безпокойствомъ, Соня затормошила мужа.

— Да поѣзжай... По пути въ лѣсъ поѣзжай!

— Когда это не въ той сторонѣ!

— Такъ сверни нарочно!

— Развѣ... въ воскресеніе! Но что ты такая встревоженная?

— Онъ въ послѣдній разъ былъ особенно разстроенъ...

— Гмъ! Ты ничего мнѣ не сказала тогда...

— О всякой глупости буду тебѣ докладывать!

— Хорошо. Я поѣду къ нему на-дняхъ, хотя это мнѣ и не совсѣмъ на руку.

— Поѣзжай, поѣзжай!

Съ каждымъ днемъ тревога ея возрастала. Лишь только она оставалась одна и принималась думать въ тиши одиночества, обступали ее неизбѣжно слова сожженнаго письма и назойливо жужжали кругомъ, точно рои шмелей:

«...Пошли чистый листокъ!...

Она представляла себѣ холодную, пустую, ужасную «нору» Зеровича и его длинную фигуру, шагающую по ней въ «сиротливомъ» ожиданіи, въ полумракѣ худо согрѣтой юрты.

— «Чтобы безпокойство—слабый отблескъ того, что живетъ во мнѣ»...

Ахъ, какъ жестко эгоистичны мужчины! И зачѣмъ онъ написалъ все это? Развѣ онъ не зналъ, что она... что она не можетъ поступить иначе!? Развѣ она могла ему отвѣтить!? Даже теперь она не увѣрена, хорошо ли поступаетъ, посылая къ нему Степана! Такъ все спутать и испортить!...

«Духъ уязвленъ тоской многократно...
Не узрѣть ему больше сіянія...
Ночей тяжкихъ ему покаянія!»...

«Холодно тамъ, темно, сиротливо»...

— Положеніе несомнѣнно крайне трудное, но не совершилъ вѣдь онъ въ сущности ничего такого, что заслуживало бы одиночнаго заключенія, лишенія человѣческаго общества, ссылки въ ссылкѣ, что несомнѣнно угрожаетъ ему, если все такъ оставить...

«Ты тиха, точно снѣгъ,
Что падаетъ на цвѣты осенніе»...

Она мягко укажетъ ему на все это... объяснится съ нимъ просто и строго... Потребуетъ, чтобы онъ не отягчалъ своими чудачествами и безъ того тяжелой жизни!... Она будетъ для него любящей, снисходительной сестрой... А если это окажется немыслимо, то пусть онъ переберется въ другую мѣстность... Другіе люди, другая среда... Вѣдь самому ему уже приходила на умъ такая развязка... Пожалуй, и лучше, что его вышлютъ!...

Въ то же время сердце сжималось у нея при мысли о той странѣ, куда собирался онъ, гдѣ солнце по недѣлямъ не восходитъ...

— Можетъ быть, найдется другой исходъ?! Можетъ быть, все еще устроится къ лучшему?!...

Въ крайнемъ душевномъ напряженіи, съ трудомъ скрывая нетерпѣніе, она ожидала обѣщаннаго Степаномъ воскресенія.

Вмѣсто того она была однажды поражена скрипомъ саней и голосомъ мужа въ неурочное время. Очевидно, Степанъ вернулся съ дороги.

Она вскочила, охваченная ужаснымъ предчувствіемъ. Мелкая холодная дрожь прохватила ослабѣвшіе вдругъ члены ея. Въ юрту вошелъ Степанъ съ незнакомымъ ей якутомъ. Лицо его было блѣдно и измято, въ рукѣ онъ держалъ письмо.

— Застрѣлился!...—шепнулъ онъ у порога.

Соня сѣла, точно оглушенная.

— Я долженъ туда... съѣздить, и я пришелъ сказать тебѣ, чтобъ ты не безпокоилась, если я не вернусь вечеромъ...

— А я?

— Нѣтъ, ты не поѣдешь!

Она не настаивала; она чувствовала себя безвольной, безсмысленной, измятой тряпкой. Лицо ея мгновенно поблекло и постарѣло. Омраченный Степанъ этого не замѣтилъ и даже второпяхъ не простился съ ней, уходя.

Она опять осталась одна въ холодной мглѣ противорѣчивыхъ чувствъ и безконечной жалости. Тѣнь Зеровича поселилась рядомъ съ ней. Онъ всплылъ въ нелюдимой тишинѣ долины, окружавшей пустынное ея жилище, и нарушалъ ея размышленія несмолкающимъ шопотомъ знакомыхъ словъ...

«Матеріализмъ не въ силахъ уже объяснить всего міра познанныхъ явленій»...

«Каждый изъ насъ представляетъ цѣльный и замкнутый въ себѣ міръ, міръ, полный таинственныхъ глубинъ и неизвѣстныхъ намъ самимъ извилинъ»...

«Происходитъ это отъ того, что я прихожу издалека»...

«Есть въ этомъ жуткая сладость, какъ бы предчувствіе безсмертія»...

«Мнѣ нужно, чтобы уста твои дрогнули отъ волненія»...

Да, онъ добился этого: ея уста дрожали ежеминутно и слезы закипали въ груди...

— И за что? За что?...—спрашивала она съ горечью.

Въ сумерки обуялъ ее непобѣдимый, леденящій ужасъ. Пронзительнымъ холодомъ могилы повѣяло на нее отъ темныхъ стѣнъ юрты. Шипѣніе и движеніе огня, шорохъ бѣгающихъ невидимкой мышей, неясные, морозные звуки, доносившіеся изъ окружающей пустыни, возбуждали въ ней тревогу волнующаго ожиданія, а въ то же время обычная мертвящая тишина давила ее, какъ крышка гроба... По временамъ она боялась поднять опущенныя случайно вѣки и видѣла, не глядя, черную фигуру отошедшаго друга, сидящую на обычномъ мѣстѣ въ потокахъ краснаго свѣта. Она сожгла весь запасъ дровъ, а по новую ихъ охапку боялась идти на дворъ, боялась выглянуть за порогъ, гдѣ сторожили ее непроглядная ночь да бѣлесые враждебные снѣга...

Наконецъ, она уснула тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ, полнымъ видѣній...

«Безвольную я увлекаю тебя въ пропасть»... — шепталъ ей какой-то холодный мертвецъ и хваталъ ее за волосы кривыми пальцами рукъ.

Она проснулась. Тишина и покой пустыни стояли надъ ней не-

рушимо. Въ темномъ каминѣ, въ кучѣ золы, свѣтились одинокіе угольки, точно рубиновые глаза сказочныхъ демоновъ...

Соня почувствовала, что страхъ ея прошелъ, что остались только большая, необъятная грусть и жалость...

Она зажгла свѣчу и принялась читать книгу.

Какъ жестоки, какъ безсердечно жестоки и себялюбивы бываютъ иногда лучшіе люди!... И опять она стала размышлять, какъ много долженъ былъ однако выстрадать этотъ одинокій, неспособный къ жизни человѣкъ, неспособный завоевать себѣ счастіе и даже самое ничтожное существованіе?!...

— Оставилъ записку?—спросила она раньше всего,—когда Степанъ вернулся наконецъ.

— Нѣтъ, ничего не оставилъ!

— Разскажи все.

— Что-жъ?!... Застрѣлился... изъ револьвера. Вотъ и все!

Онъ не хотѣлъ разсказывать больше. Она не настаивала. Закрывши глаза и прислонившись къ столбу, она сидѣла рядомъ съ мужемъ, который, голодный и прозябшій, ѣлъ много и шумно.

Мало-по-малу пережитыя впечатлѣнія побѣдили однако Степана, и онъ, непрошенный, началъ разсказывать самъ.

— Онъ, должно быть, давно уже застрѣлился. Въ юртѣ морозъ, что на дворѣ. Настоящій склепъ. Бѣлыя отъ инея стѣны; надъ постелью, гдѣ онъ лежалъ, виситъ бахрома снѣговой паутины... Лицо бѣлѣе мрамора... Сурово, сумрачно... На опущенныхъ рѣсницахъ замерзшія крупныя слезы... Онъ въ сердце выстрѣлилъ... Говорятъ, что всѣ прострѣлившіе свое сердце... плачутъ!

«Говорятъ, что всѣ самоубійцы отъ любви стрѣляются въ сердце!»...—подумала Софья.

— Не знаю: якуты ли обокрали его, или дѣйствительно у него все вышло, только мы не нашли ни въ юртѣ, ни въ амбарѣ, нигдѣ ни крошки съѣстного... Возможно, что онъ застрѣлился съ голоду... Но это ужъ совсѣмъ глупо!... Зачѣмъ не пришелъ къ намъ?... Не сказалъ?!... Вѣдь онъ зналъ, что мы подѣлимся съ нимъ послѣднимъ! Какъ есть сумасшедшій!... И такъ всѣхъ устроить!... Ты знаешь, что говорятъ якуты? Говорятъ, что это мы убили его... Говорятъ, что онъ письмо къ тебѣ писалъ какое-то, которое ты въ гнѣвѣ бросила въ огонь? Ожидаютъ судебнаго слѣдователя по этому дѣлу... Скажи, это правда?

— Дѣйствительно, онъ писалъ.

— Ты мнѣ ничего объ этомъ не говорила!

По губамъ ея скользнула болѣзненная судорога. Былъ моментъ,

когда она хотѣла ему разсказать все. Но взглядъ ея остановился на спокойномъ, простомъ и ясномъ лицѣ мужа, на его огрубѣвшихъ отъ труда и холода чертахъ, заглянулъ въ его темные, усталые зрачки, неподвижные и благодушные, какъ застоявшаяся вода—и у нея не достало рѣшимости бросить въ эту трудовую душу слова смятенія, страданія и сомнѣнія...

— Не хотѣла я занимать тебя пустяками! Тамъ ничего особеннаго не было!...

— А все-таки слѣдовало сказать! Я невольно совершилъ неловкость. Я утверждалъ, что это неправда, что ты никакого письма не получала!...

— Такъ что же?! Объяснимъ, что ты ошибся, что ты не зналъ... Лишнее доказательство, что все это пустяки!...

Ея спокойствіе и равновѣсіе успокоили его.

— А все-таки тяжело, тяжело!... Не могу побороть чувства горечи къ покойнику и упрековъ себѣ... Не сумѣли мы его удержать, приголубить... не сумѣли!

Новая болѣзненная судорога скользнула по губамъ Софьи; мгновеніе она сидѣла выпрямившись, спокойная и неподвижная, и вдругъ неожиданно упала на сосѣдній столъ съ истерическими рыданіями.

— Успокойся, успокойся, милая!... Что такое?! Подумай о себѣ; въ твоемъ положеніи это крайне вредно!...—усовѣщалъ онъ ее, тщетно стараясь унять. Онъ поилъ ее водой, гладилъ ласково ея разсыпавшіеся по плечамъ золотые волосы и согрѣвалъ въ собственныхъ рукахъ ея посинѣвшія, холодныя руки.

XVIII.

— Во всемъ этомъ—что-то неясное!... Есть нѣчто!...—повторялъ толстый судебный слѣдователь, считавшійся въ губернін самымъ проницательнымъ.

— Ваша жена всегда сжигаетъ свои письма?—неожиданно спросилъ онъ Степана.

— По всей вѣроятности. У многихъ изъ насъ это стало привычкой... Я, напримѣръ...

— А-а?! Значитъ, вы сжигаете свои письма, и тѣ, что я видѣлъ въ вашей юртѣ, не ваши?

Степанъ умолкъ и насупился.

Пара маленькихъ сѣрыхъ глазокъ, точно волчьи огоньки свѣтившіеся на широкомъ, мясистомъ лицѣ слѣдователя,—впилась въ допрашиваемаго.

— Да-а!... А что, какъ вы думаете, могло заключаться въ этомъ

письмѣ?... О чемъ Зеровичъ такъ поспѣшно стремился увѣдомить вашу жену? Вѣдь съ нарочнымъ отправилъ его?!

— Не знаю.

— Почему онъ лично, самъ не пришелъ? Вѣдь онъ бывалъ у васъ?

— Да, бывалъ. Хотя не являлся уже долгое время...

— Не разсорился ли онъ съ вами?... Бывалъ ли онъ всегда лишь въ вашемъ отсутствіи, а?

Мрачное лицо Степана потемнѣло еще сильнѣе.

— Значитъ, приходилъ только въ ваше отсутствіе... А Софья Николаевна Порембская знала дорогу къ жилищу Зеровича?...

— Да. Она знала. Мы были тамъ разъ осенью. Но что все это значитъ? Вы скажите, пожалуйста, откровенно: что все это значитъ? Въ чемъ подозрѣваете вы насъ?... Какая мерзость!...—вспыхнулъ вдругъ ссыльный.

— Прежде всего, господинъ Мирскій, успокойтесь! Никакихъ подозрѣній!... Вы представили свое alibi... Дѣло въ томъ, чтобы все было ясно; это—задача всякаго слѣдствія!...

— Моя жена со времени выпаденія снѣга на шагъ не удалялась отъ дома... У нея нѣтъ даже подходящей обуви...

— Вотъ, вотъ... Въ этомъ-то и суть!...

Съ невозмутимостью опытнаго допросчика онъ дѣлалъ замѣтки въ своей записной книжкѣ, въ то время какъ Степана охватывало все возрастающее возбужденіе. Этотъ толстякъ, точно большой паукъ, опутывалъ его незамѣтно сѣтью незначительныхъ вопросовъ, силу и значеніе которыхъ онъ узнавалъ лишь потомъ. Отъ него вполнѣ зависѣло, какое значеніе придать этимъ отвѣтамъ.

— Довольно. Я не скажу больше ни слова. Прошу объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло?...

Глазки судьи непріятно блеснули.

— Я принужденъ буду арестовать васъ. Вы знаете, въ чемъ дѣло!

Степанъ всталъ. Угроза вернула ему самообладаніе.

— Прекрасно. Арестуйте меня, но оставьте меня въ покоѣ!

Слѣдователь тоже поднялся и, помедливъ немного, позвонилъ.

— Отведите этого господина въ двери направо!—обратился онъ к вошедшему десятскому.

Степанъ очутился въ небольшой прихожей, гдѣ на скамьѣ сидѣло рядомъ нѣсколько якутовъ, а въ ихъ числѣ—его наслѣжный князь. И слѣдній не протянулъ ему на этотъ разъ руки, а только слегка наклонился и спросилъ съ загадочной улыбкой:

— Ну, какъ?! Сошло?!...

Онъ кивнулъ головой въ сторону слѣдовательской комнаты, гдѣ Степанъ какъ разъ разслышалъ шаги Сони и глухіе звуки ея тихихъ отвѣтовъ. Онъ уперся такъ крѣпко руками въ скамью, что та заскрипѣла. Въ отвратительномъ, затхломъ туманѣ, который уже съ нѣкоторыхъ поръ осѣдалъ на его мозгъ и сердце, вдругъ дрогнули и стали шевелиться безобразныя мысли и картины. Тщетно онъ отталкивалъ ихъ, прогонялъ, не позволяя имъ оформиться и высказаться. Онѣ все возвращались. Онъ оперся усталой головой о стѣнку, а измученное лицо отвернулъ отъ людей. Неясно изъ-за толстыхъ балокъ простѣнка доносились къ нему слова вопросовъ и отвѣтовъ, непонятныя и изуродованныя... Одно время онъ вскочилъ на болѣе громкое восклицаніе Сони, но десятскій заступилъ ему путь къ дверямъ.

Наконецъ, слѣдователь позвалъ и его. Степанъ нашелъ Соню сидящей у стола съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ и красными пятнами на щекахъ. Слѣдователь побѣдоносно прихлебывалъ чай изъ стакана и строчилъ протоколъ.

Офиціальнымъ голосомъ немного въ носъ онъ прочелъ обычный, сѣрый какъ арестантское сукно, отчетъ произведеннаго допроса и подалъ имъ бумагу для подписи.

«Это зачѣмъ?» подумалъ съ отвращеніемъ Степанъ и заколебался, но, взглянувши на смертельно усталое лицо Сони, торопливо исполнилъ, что требовалось отъ него.

— Вотъ и все. Пока вы, господа, можете отправляться домой... До свиданія!—фамильярно обратился къ нимъ чиновникъ.

Проголодавшаяся, продрогшая лошадь быстро неслась домой. Полозья визжали, копыта бойко стучали по плотно укатанной дорогѣ, а тяга движенія сыпала въ глаза и разгоряченныя лица сѣдоковъ туманы холодной снѣговой пыли. Степанъ одной рукой правилъ лошадью, а другой поддерживалъ Соню, которая безсильно качалась изъ стороны въ сторону. Онъ не рѣшался спросить ее, что произошло тамъ, въ этой отвратительной комнатѣ судебнаго слѣдователя. Да и зачѣмъ? Вѣдь все уже кончилось! И когда они очутились въ своей юртѣ, и измученная женщина съ глубокимъ вздохомъ опустилась на скамью, Степанъ страстно охватилъ ея колѣни.

— Соня, Соня!... Какъ мерзки вообще люди!... До чего они злы и наглы!?.. Развѣ не лучше... въ пустынѣ?

Она не отвѣчала и только слегка чуть замѣтно отталкивала его руками. И онъ увидѣлъ на лицѣ ея то выраженіе, когда, по ея словамъ, «душа уходитъ прочь отъ нея».

Тогда, онъ зналъ, что слѣдовало ее предоставить возможно долго самой себѣ, въ полномъ спокойствіи.

Онъ принялся хлопотать по хозяйству, выпрягъ лошадь, поставилъ къ огню горшокъ съ ужиномъ; затѣмъ отправился на гумно и началъ сгребать съ тока лопатою снѣгъ, очищая его для завтрашней молотьбы.

XIX.

Синяя, глухая, нетронутая еще разсвѣтомъ ночь глядѣла въ маленькія ледяныя окошечки юрты, когда Степанъ осторожно соскользнулъ съ постели и сталъ быстро одѣваться.

— Ты всталъ уже?!.. Я пойду сегодня съ вами! — сказала вдругъ Софья, садясь на кровати.

— Спи, спи!... Рано еще очень... Я хочу до разсвѣта уложить снопы на току... Тогда успѣемъ пройти хоть разъ каткомъ въ самый сильный морозъ... А это важно! Скоро Боксанъ явится... Онъ мнѣ поможетъ... А ты спи... Очень сегодня студено, судя по звѣздамъ... Не выдержишь!

Но такъ какъ она продолжала одѣваться, то онъ разгребъ въ каминѣ золу и на сохранившійся жаръ поставилъ нѣсколько сухихъ полѣнищъ. Отъ крѣпкаго его дуновенія они быстро занялись золотымъ пламенемъ и освѣтили темную юрту. Тогда онъ ушелъ.

Лошадь привѣтствовала его изъ своего стойла тихимъ ржаніемъ; собака высунула голову изъ сѣновала, куда спряталась отъ холода, и тявкнула отрывисто, поздравительно...

Звѣзды стояли высоко въ немеркнувшемъ сіяніи. Морозный туманъ стлался неподвижно надъ снѣгами. Каменная тишина наполняла черный, точно сажей засоренный воздухъ. Звуки человѣческаго движенія: скрипъ раздвигаемыхъ жердей, удары желѣза о твердый ледъ проруби, наконецъ стукъ лошадиныхъ копытъ — терялись, растворялись въ безднѣ тишины, точно слабое чирканіе сверчка въ пустомъ заброшенномъ замчищѣ...

Только когда столбъ огня и кроваваго дыма взвился высоко изъ трубы юрты и озарилъ сосѣдніе снѣга, стало веселѣе на душѣ у Степана. Онъ взобрался по шесту на скирду хлѣба, снялъ съ нея вилами соломенный покровъ и принялся шумно сбрасывать снопы на ровное полотно тока.

Вскорѣ явился Боксанъ и раньше, чѣмъ успѣло поблѣднѣть небо, они вдвоемъ успѣли уложить на дорожки тока большой вѣнецъ снопъ, разрубили серпами ихъ связки, разворошили внутренности и устлали катокъ на этотъ хлѣбный кругъ.

Какъ разъ пришло время завтрака.

Софья уже ихъ ожидала. Они съ удовольствіемъ сбросили про-

мерзшія шубы и усѣлись у стола, на которомъ дымились чашки чаю и потрескивали въ маслѣ горячія оладьи, бѣлѣла куча рубленаго какъ сахаръ, мерзлаго якутскаго масла. Въ юртѣ было и тепло и свѣтло отъ ярко горѣвшаго на каминѣ огня...

Софья съ завистью глядѣла на спокойное, довольное и ясное, какъ раньше, лицо Степана.

— Я поставлю обѣдъ и пойду съ вами!—повторила она.—Работа для меня найдется, надѣюсь!...

— Работа-то найдется. Это всегда есть... А только холодно—не выдержишь!...

— Пусть... Всетаки тамъ у васъ веселѣе!...

Свѣтало.

Сонмы звѣздъ меркли и исчезали; остались единственно самыя крупныя изъ нихъ и мерцали блѣдно-золотистыми точечками на тихо свѣтлѣющемъ небосклонѣ. Забѣлѣли просторно снѣга, задымились надъ ними туманы и мелькнули вдали призраки бѣлыхъ лѣсовъ.

Лошадь, которую на вожжахъ вели опытныя руки Боксана, бойко кружилась на току, поводя ушами и пугливо оглядываясь на стукающій сзади нея катокъ. Хрустѣла мерзлая солома, скребли визгливо по льду грабли и вилы, люди быстро двигались въ облакахъ собственнаго дыханія и пара, индевѣя все сильнѣе отъ нихъ...

Свѣтлѣлъ день. Розовѣло на востокѣ небо. Множились на землѣ краски и формы, а на небѣ тухли остатки звѣздъ...

Желтый валъ обмолоченной соломы подымался все выше. Лошадь бѣгала неустанно, непрерывно постукивали зубья катка по умолоту, раздавливая уцѣлѣвшіе колосья, обивая ость и мякину съ золотыхъ ячменныхъ зеренъ, толстой лентой разсыпанныхъ по дорожкѣ тока.

Степанъ потиралъ руки, Боксанъ подпѣвалъ. Работа шла споро и весело.

Вскорѣ полнеба горѣло отъ золото-красной зари; сверкали ярко снѣга, сверкали на небѣ не менѣе бѣлыя отъ нихъ облака. Голубой сводъ надъ ними ушелъ въ недосягаемую высь.

До обѣда работающіе собрали обильный умолотъ зерна въ большую кучу посрединѣ тока, а на дорожкѣ разложили новый кругъ сноповъ.

День пролетѣлъ незамѣтно. И когда погасла вечерняя заря и опять зажглись въ глубинахъ темнѣющаго воздуха милліарды звѣздъ, жители юрты усталые вернулись домой, весело разговаривая о молотьбѣ, объ урожаѣ, о качествѣ зерна...

И опять вечеромъ, склонившись у огня, Соня починяла платье, а

Степанъ починялъ сломанныя грабли. Огонь шипѣлъ и потрескивалъ, шелестѣли ткани и руки людей, а затѣмъ—тихо было въ юртѣ.

— Говори... разскажи что-нибудь!...—шепнула вдругъ Соня.

Но Степанъ прямо не въ состояніи былъ вымолвить слова; онъ повернулъ къ женѣ лицо, застывшее отъ утомленія и сонливости, и только улыбнулся...

— Въ головѣ пусто, точно въ овинѣ весною. Катокъ единственно все тамъ еще стучитъ... Пойду, пущу къ сѣну лошадь, а затѣмъ... спать!... Хорошо?!

— Смотри: не сиди долго.

— Мигомъ вернусь!...

Прошло подъ рядъ нѣсколько дней сухихъ и морозныхъ, такъ что молотильщики успѣли порядочно поубавить хлѣба въ зародахъ.

Софья не отставала отъ нихъ; на щекахъ ея опять заиграли краски, и веселость мало-по-малу возвращалась къ ней. Однако она не выносила пока еще ласкъ и поцѣлуевъ мужа и губы свои давала ему лишь на мигъ, неохотно, и не раскрывая ихъ, какъ раньше, точно влажный вѣнчикъ тюльпана. Когда онъ пробовалъ придержать ее, глаза ея тускнѣли, и странный испугъ расширялъ ея зрачки.

Тогда онъ грустилъ, отворачивался отъ нея. Она глядѣла на него полными слезъ глазами, но не пробовала ни привлечь къ себѣ, ни приласкать. Онъ это сознавалъ и еще больше замыкался въ себѣ. Проходили, случалось, дни, когда они не обмѣнивались ни однимъ лишнимъ словомъ, кромѣ необходимыхъ по хозяйству. Къ тому же погода обернулась, пошли дни пасмурные — оттепель, порошилъ снѣгъ, и пришлось прекратить молотьбу. Степанъ опять занялся свозкой дровъ и сѣна. Соня опять по цѣлымъ днямъ оставалась одна. Она опять поблѣднѣла, похудѣла, глаза подвелись синевой. Прежняя живость и увѣренность исчезли. Обыкновенно она молчала, дожидаясь вопроса Степана, а когда тотъ не говорилъ, гробовая, гнетущая тишина часами царила въ юртѣ.

Наконецъ, Соня склонилась разъ къ его ногамъ.

— Больше не могу... не въ силахъ!... Убей меня, но пусть это кончится, перемѣнится!...

Онъ поблѣднѣлъ, пораженный мраморной блѣдностью ея лица, выраженіемъ остановившихся глазъ.

Онъ нагнулся къ ней.

— Скажи все: ты любила его!?

— Нѣтъ, никогда! Но онъ любилъ меня... Я солгала: это письмо было... его... признаніемъ... Теперь онъ не оставляетъ меня... Когда одна, его призракъ является и шепчетъ... прежнія слова,

просьбы и заклинанія!... Онъ пробуетъ разговаривать... Онъ преслѣдуетъ меня своимъ страданіемъ и своей страстью... Онъ стоитъ, темный, съ пулей въ сердцѣ и ледяными слезами на глазахъ... Иней на его лицѣ... Я знаю, что онъ умеръ, что его нѣтъ, тѣмъ не менѣе тѣнь его... ужасаетъ меня и отнимаетъ силы.. Я не въ силахъ дольше сопротивляться... Я боюсь самой себя... Я боюсь темной бездны... А ты не замѣчаешь, какъ страдаю я, и самъ толкаешь меня туда же... Онъ уже не уходитъ даже въ твоемъ присутствіи... Онъ тихонько дѣлаетъ свои замѣчанія, когда ты молчишь...

— Ты... сол-га-ла! Значитъ, ты... солгала! Зачѣмъ ты солгала?—повторялъ онъ безсмысленно.

— Я хотѣла уберечь тебя отъ непріятности... Хотѣла спасти ваши отношенія съ покойнымъ отъ окончательнаго разрыва!...

— А... слѣдователю?! Нѣтъ, это невозможно!...

Онъ поднялся и широко зашагалъ по юртѣ, въ то время какъ она продолжала стоять на колѣняхъ, прильнувъ лицомъ и грудью къ скамьѣ.

— Спаси!... Перемѣни... Вывези меня отсюда!

— Знаешь, что это немыслимо! Мы прикованы здѣсь. Впрочемъ, это тщетно... Это пойдетъ всюду за нами... Нужны другія средства... Прежде всего... въ нашихъ отношеніяхъ... должны вернуться... довѣріе и... искренность... Не знаю, насколько это возможно... Хотя... искренность вѣдь вашъ главный недостатокъ, Софья Николаевна!— проговорилъ онъ иронически.

На скамьѣ прозвучалъ сдержанный стонъ.

— Затѣмъ все должно войти въ обычную колею. Я буду брать васъ съ собою вездѣ,—по сѣно ли поѣду, или по дрова, въ лѣсъ ли или на лугъ... Движеніе, свѣжій воздухъ, трудъ...

— Я вѣдь давно просила тебя объ этомъ!—согласилась она.— Но навряд ли разстройство мое отъ бездѣйствія—работы и дома было у меня всегда много...

— Конечно, нѣтъ... Причина случившагося лежитъ, прежде всего, въ нашихъ неправильныхъ отношеніяхъ. Мы отбросимъ теперь всякія теоріи... Жизненный опытъ создалъ въ бракѣ извѣстныя правила, которыя оказываются лучше всякихъ разсужденій...—повторялъ онъ упрямо,—лучше всякихъ разсужденій!... Жена клянется мужу въ вѣрности и послушаніи... Конечно, все равно, дѣлаетъ ли она это у алтаря, или произноситъ просто сама себѣ... Фактъ подчиненія своей воли волѣ мужчины остается въ полной силѣ, даже когда она ничего не говоритъ... Ты или будешь моей женой, какъ другія... жены... или...

Онъ оборвалъ и остановился.

— Или?—переспросила она, подымая голову и садясь на скамью.

— Просто... ты должна быть моей женой какъ, прочія жены, и все тутъ!..

Онъ сталъ передъ ней и уставился въ нее глазами, въ которыхъ она смутно подмѣтила не нѣжность и не сожалѣніе, а мрачную рѣшимость.

— Тогда, постепенно, отъ долгаго навыка любовь моя... наша...— поправился онъ,—превратится въ привычку, которой не побѣдятъ уже никакія глупости... Вернется вмѣстѣ съ тѣмъ здоровье и равновѣсіе къ тебѣ, Соня... Да! О, Соня, Соня!... Какъ далеко ушли наша весна и лѣто!...—тихо простоналъ онъ вдругъ и закрылъ лицо руками.

Это движеніе и неподдѣльное страданіе въ звукахъ голоса растрогали, взволновали ее.

— Я согласна... на все согласна!...—проговорила она сквозь слезы и прижалась къ нему.

Однако ночью, когда онъ приблизился къ ней съ лаской, прежнее отвращеніе и испугъ охватили ее.

— Нѣтъ... не... не сегодня... не сегодня!... — просила она. Напрасно...

XX.

Ему померещилось во снѣ, что кто-то его крѣпко толкнулъ. Онъ немедленно открылъ глаза.

Огонь горѣлъ. У камина сидѣла Соня, одѣтая, какъ днемъ. Ноги она подобрала подъ себя на стульчикъ, на колѣни уперла локти, пальцы глубоко запустила въ разсыпанные кругомъ головы и по спинѣ волосы. Блѣдное ея лицо было страшно; изъ-подъ недозамкнутыхъ вѣкъ помертвѣвшіе глаза глядѣли неподвижно въ пламя.

— Соня, милая!... Что ты дѣлаешь!?

Она услышала его зовъ и медленно повернула къ нему лицо.

— А!... Ты уже не спишь!... Хорошо. Сегодня ты отвезешь меня на мою прежнюю квартиру!...

— Что-о-о!?

Онъ вскочилъ и сталъ поспѣшно одѣваться дрожащими руками. Онъ былъ увѣренъ, что она лишилась разсудка.

— Какую квартиру?... Что ты сказала?!

— На мою прежнюю квартиру у Чоёна!—повторила она спокойно.

Онъ сталъ рядомъ съ ней и глядѣлъ на нее съ возраставшимъ ужасомъ. Она улыбнулась невыразимо-грустно.

— Еще нѣтъ... но здѣсь... *это* навѣрно... случится!—отвѣтила она, угадывая его подозрѣніе.

Онъ долго молчалъ.

— Какъ хочешь. Я былъ грубъ, признаю... Но...

— Не то. Я не могу быть женою, какъ другія...

— И это неизмѣнно?...

— Не знаю. Увидимъ...

Въ ея голосѣ звучала такая серьезная грусть, въ васильковыхъ глазахъ свѣтилось столько разумной доброты, что Степанъ понялъ, что никакое сопротивленіе и никакіе разговоры ничего не помогутъ. Онъ надѣлъ тулупъ и вышелъ, чтобы поймать и привязать лошадь. Звѣзды двигались въ безконечность по своимъ незримымъ дорогамъ. Надъ снѣгами низко стлались морозные туманы... Лошадь привѣтствовала его тихимъ ржаніемъ... Собака высунула голову изъ сѣновала, куда спряталась отъ холода... На току некрасиво чернѣли полуразобранныя одоци, по серединѣ гумна бѣлѣли конусы обмолоченнаго зерна, покрытые снѣгомъ...

Тихо... беззвучно... страшно тихо...

Но вскорѣ здѣсь будетъ еще тише!... Все убѣгаетъ, расплывается, какъ горячечный миражъ, какъ призракъ!...

Скоро, скоро, какъ въ минуту кончины, пронеслись передъ Степаномъ сжатые обрывки воспоминаній... Солнечный день на рѣкѣ... Пахучій сѣномъ островъ... Убитый лебедь... Бѣлая фигура плещущейся въ водѣ Сони... Сладость ея ласкъ... Буря... Сѣрые потоки дождя.. Жниво... Туманная ночь... Наконецъ, страшный призракъ Зеровича съ пулей въ сердцѣ и ледяными слезами на рѣсницахъ, съ заиндевѣлымъ, снѣжнымъ лицомъ...

Когда Степанъ вернулся въ юрту, Соня укладывала свои вещи. Онъ не выдержалъ, упалъ на нару, обхватилъ столбъ юрты руками и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Тогда Соня тихонько подошла къ нему и, положивъ обѣ руки на его голову, стала нѣжно успокаивать его:

— Не плачь!... не плачь! Такъ лучше!... Перестрадаемъ... забудемъ... Или... Сдѣлаемся опять свободны, независимы, и тогда опять... быть можетъ, вернемся другъ къ другу!...

Онъ страстно прижалъ ея руки къ своей груди.

Вацлавъ Сѣрошевскій.

Колыбельная.

Я не знаю многихъ пѣсенъ, знаю пѣсенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну.

Колыбельку я рукою осторожною качну,
Пѣсенку спою младенцу, отходящему ко сну.

Тихій ангелъ встрепенется, улыбнется, погрозится шалуну,
И шалунъ ему отвѣтитъ: «Ты не бойся, ты не дуйся, я засну.»

Ангелъ сядетъ къ изголовью, улыбаясь шалуну,
Сказки тихія разскажетъ отходящему ко сну.

Онъ про звѣздочки разскажетъ, онъ разскажетъ про луну,
Про цвѣты въ раю высокомъ, про небесную весну.

Промолчитъ про тѣхъ, кто плачетъ, кто томится въ полону,
Кто закованъ, зачарованъ, кто влюбился въ тишину.

Кто томится, не ложится, долго смотритъ на луну,
Тихо сидя у окошка, долго смотритъ въ вышину, —

Тотъ поникнетъ, и не крикнетъ, и не пикнетъ, и поникнетъ въ глубину,
И на рѣчкѣ съ легкимъ плескомъ кругъ за кругомъ пробѣжитъ волна въ волну.

Я не знаю много пѣсенъ, знаю пѣсенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну,

Я на ротикъ розъ раскрытыхъ росы тихія стряхну,
Глазки-цвѣтики-цвѣточки пѣсней тихою сомкну.

Ѳедоръ Сологубъ.

Мы были праздничныя дѣти,
Сестра и я.
Плела намъ радужныя сѣти
Коварная Змѣя.

Стояли мы, играть не смѣя,
На праздникѣ Весны.
У злого, радостнаго Змѣя
Отравленные сны.

Хоть бѣдныхъ раковинъ случайно
Набрать бы у ручья,—
Нѣтъ, умираемъ, плача тайно,
Сестра и я.

Ѳедоръ Сологубъ.

ИЗАИЛЬ *).

Романъ Геннинга Бергера.

(Съ нѣмецкаго.)

Пансіонъ.

Дверь въ пансіонъ старой госпожи Остремъ на Честнатстритѣ была открыта настежь. Худощавая горничная подметала лѣстницу, и пыль изъ прихожей, словно дымъ, покрывала ступеньки; на желѣзныхъ перилахъ сидѣлъ мужчина лѣтъ сорока, въ бѣлой жокейской фуражкѣ, и курилъ трубку изъ морской пѣны въ серебряной оправѣ. Каждый разъ, какъ молодая дѣвушка приближалась къ нему, нагибаясь надъ своей работой, онъ пользовался случаемъ грубо ударить ее по чемъ ни попало; покраснѣвъ, какъ макъ, дѣвушка каждый разъ шептала, не спуская въ то же время жаднаго взгляда съ кукольно-красиваго лица мужчины, съ блестящими, невыразительными глазами, и длинными, черными подкрашенными усами.

— Ради Бога, господинъ Остремъ, оставьте меня въ покоѣ... Если только госпожа...

Изъ кухни доносился запахъ бифштексовъ и блинчиковъ и легкій кисловатый ароматъ вареныхъ томатовъ. Гуго Нордлингъ въ эту минуту шагалъ по улицѣ. Все тѣло его было еще разбито, но вѣсть о присланныхъ деньгахъ оживила его быстрѣе, чѣмъ сонъ и ѣда. Онъ попробовалъ подсчитать, сколько былъ долженъ госпожѣ Остремъ за ...емя, въ теченіе котораго онъ жилъ у нея и обѣдалъ въ долгъ. Уже ...ягода прожилъ онъ въ этомъ городѣ; изъ этого времени онъ упла...лъ ей всего за два мѣсяца, а съ тѣхъ поръ время отъ времени ...давалъ ей пару долларовъ, но зато въ свою очередь часто и зани...лъ у нея снова. Гуго во всякомъ случаѣ былъ долженъ ей за два

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1907 г.

мѣсяца по двадцати пяти долларовъ въ мѣсяцъ, итого сто долларовъ. Боже мой, сто долларовъ! А сколько могъ онъ надѣяться получить въ письмѣ? Эти деньги были присланы, навѣрнос, его теткой, старой, терпѣливой, нѣжно-привязанной, дорогой теткой Кристиной; изъ своего небольшого содержанія кассирши она навѣрное отложила сто кронъ для племянника въ Америкѣ и послала ихъ по адресу пансіона, въ которомъ, по ея предположенію, все еще жилъ Гуго, сынъ ея сестры Карины. Писемъ отъ племянника она не получала. У Гуго навернулись на глаза слезы; вспомнилась покойная мать. Сто кронъ—двадцать пять, двадцать семь долларовъ! Какою цифрою изъ этихъ денегъ можетъ удовлетвориться добрая госпожа Остремъ?

Гуго подошелъ къ дому. Хотѣлъ отворить калитку и войти черезъ столовую, которая, какъ и кухня, помѣщалась въ нижнемъ этажѣ.

Въ эту минуту его увидѣлъ господинъ Остремъ.

Онъ подскочилъ къ Нордлингу, какъ разъяренный индюкъ, и поблѣднѣлъ, какъ полотно; его небритый синеватый подбородокъ рѣзко отдѣлялся отъ остального лица. Съ этимъ лежебокой время отъ времени случались припадки внезапной вспыльчивости, которые обыкновенно обрушивались на кого-нибудь изъ пансіонеровъ госпожи Остремъ. Особенно сильно ненавидѣлъ онъ Нордлинга за то, что послѣдній относился къ нему, по его мнѣнію, свысока, когда обладалъ еще деньгами, самъ же Остремъ въ то время, по обыкновенію, ничего не зарабатывалъ. Въ молодости онъ былъ искуснымъ столяромъ, а на чужбинѣ занялъ выгодное мѣсто дворецкаго въ домѣ одного милліонера; въ этомъ домѣ онъ познакомился съ кухаркой, бывшей двадцатью годами старше него, женился на ней и уговорилъ ее на ея значительныя сбереженія открыть пансіонъ. Съ той поры онъ не работалъ и постоянно выпрашивалъ подачки у жены, таинственно намекая на важный политическій постъ, ожидающій его въ будущемъ, какъ только бургомистромъ будетъ избрано одно извѣстное лицо.

Господинъ Остремъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы. Тыча въ Нордлинга чубукомъ трубки, дрожавшей въ его рукѣ, онъ проговорилъ съ дрожью въ голосѣ:

— Чего вамъ здѣсь надо? Хотите денегъ просить у моей старухи? Посмѣйте только войти... Я не знаю, что тогда сдѣлаю... Вонъ!...

Гуго улыбнулся.

— Съ добрымъ утромъ, господинъ Остремъ,—сказалъ онъ спокойно.—Я хотѣлъ было немного уплатить вашей женѣ.

Остремъ сразу перемѣнилъ тонъ.

— Заплатить... Ну, да... Это вы можете и мнѣ...

— Разумѣется, но денежное письмо находится у госпожи Остремъ...

Остремъ съ досадою поднялся по лѣстницѣ. Быть можетъ, ему удастся теперь получить отъ старухи пять долларовъ на билліардъ— единственное занятіе его въ настоящее время.

Гуго отправился въ столовую. То была длинная комната съ низкимъ потолкомъ, выкрашенная въ бѣлую краску, съ горшками цвѣтовъ на окнахъ, съ длиннымъ, покрытымъ бѣлою скатертью столомъ и двумя рядами гнутыхъ стульевъ. Три лампы съ мѣдными колпаками висѣли съ потолка, освѣщая средину и оба конца стола. Посрединѣ возвышалась гигантская ваза для фруктовъ, со скуднымъ содержаніемъ, по обоимъ концамъ стола—никелированныя стойки съ остатками сладкаго пирога и мармеладу. Между этими высокими предметами стояли хлѣбныя корзины, размѣщенныя пирамидами. Наконецъ, въ два ряда тянулась батарея пустыхъ тарелокъ, отличительнымъ признакомъ которыхъ являлся жиръ на краяхъ, оставленный вслѣдствіе спѣшки тою грязною водою, въ которой ихъ мыли. Ножи и вилки лежали вмѣстѣ съ кучею свернутыхъ салфетокъ на маленькой угольной полкѣ. Лампы не были еще зажжены; несмотря на свѣтлый день, въ залѣ было сумеречно. Свѣже-вымытый полъ пахнулъ мыломъ и сыростью; изъ кухни за столовою доносились звуки сердитаго женскаго голоса. То была хозяйка пансіона. Она пробирала служанку за ея «неопрятное поведеніе» по отношенію къ хозяину дома, которому госпожа Остремъ была свидѣтельницей сквозь перила лѣстницы. Она вообще пользовалась лѣстницей какъ телескопомъ и стетоскопомъ.

Гуго Нордлингъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ ждалъ. Буря въ кухнѣ улеглась; вскорѣ ничего не было слышно, кромѣ хлопанья кухонныхъ заслонокъ и звона кострюль.

Дверь въ столовую отворилась, и вошла госпожа Остремъ.

То была маленькая, толстая женщина съ ясными, добрыми глазами на красномъ и заплывшемъ отъ стоянія у плиты лицѣ. Жидкіе сѣдые волосы ея были прикрыты маленькимъ чернымъ остроконечнымъ чепчикомъ, въ ушахъ блестѣли золотыя серьги, на короткомъ мизинцѣ было надѣто толстое обручальное кольцо, а у пояса вокругъ широкой таліи висѣла сумочка и большая связка ключей. Увидѣвъ Нордлинга, она привѣтливо улыбнулась.

— Ну, какъ дѣла?—спросила она.—Нашли работу?

Онъ отвѣтилъ не сразу, не зная, какой тактики держаться въ отвѣтѣ; и она продолжала съ какою-то старомодною привѣтливостью:

— Эхъ, господинъ Нордлингъ, все это уладится, надо только умѣть выдержать. Вотъ письмо на ваше имя, посмотримъ, что въ немъ такое. А Остремъ хочетъ уходить.

Послѣдняя фраза, сказанная шопотомъ и, собственно, не имѣвшая никакой связи съ предыдущими, была обычнымъ финаломъ, которымъ у старухи заканчивалось всякое теченіе мыслей, и должна была означать, что Остремъ хочетъ ее покинуть. Угроза, которая, разумѣется, никогда не оправдывалась. Гуго разсмѣялся.

— Ахъ, онъ отлично знаетъ, что нигдѣ не найдетъ такого уютнаго очага, какъ здѣсь! Я все еще надѣюсь на вакансію рисовальщика у Фразера и Чальмера. Добрую надежду подаетъ мнѣ и общество восточныхъ электрическихъ дорогъ.

Послѣднія слова были, разумѣется, лишь доброю надеждою въ воображеніи Гуго Нордлинга... для усиленія впечатлѣнія; но первая фирма, по рекомендаціи Гётеборга, занесла дѣйствительно имя молодого шведа въ число своихъ кандидатовъ.

— А письмо...—произнесъ Гуго нерѣшительно.

Старуха сѣла, открыла сумочку и вытащила изъ нея длинный, узкій конвертъ съ четырьмя шведскими марками и пятью маленькими сургучными печатями.

— Попомните и обо мнѣ, г. Нордлингъ!—сказала она съ оттѣнкомъ жалобы и подала ему письмо.

Она сидѣла, не спуская глазъ съ молодого человѣка.

Гуго почувствовалъ себя неловко. Дѣлать было нечего, приходилось распечатывать письмо. Онъ медленно отошелъ къ окну, словно для того, чтобы лучше видѣть, посмотрѣлъ конвертъ на свѣтъ, поспѣшно разорвалъ его, стоя спиною къ хозяйкѣ, вынулъ изъ него незамѣтно банковый билетъ, скомкалъ его беззвучно въ рукѣ, въ то же время ломая съ трескомъ сургучъ и стараясь производить какъ можно больше шума, и съ быстротою фокусника сунулъ его въ жилетный карманъ. Все это заняло не болѣе двухъ секундъ. Затѣмъ онъ обернулся и сказалъ:

— Посмотримъ, что присылаетъ мнѣ добрая душа!

— Развѣ вы не писали домой съ просьбою выслать вамъ опредѣленную сумму денегъ, господинъ Нордлингъ?—спросила госпожа Остремъ разочарованно.

— Нѣтъ. Вѣдь я могу каждый день теперь получить мѣсто,— отвѣчалъ Нордлингъ съ легкостью. Затѣмъ онъ прибавилъ:

— Поэтому мнѣ не хотѣлось никого безпокоить...

Хозяйка вздохнула.

Гуго раздвинулъ конвертъ, словно онъ его вообще недостаточно

распечаталъ, и вытащилъ изъ него два билета и письмо, сложенное вшестеро.

— Видите,—сказалъ онъ съ напускною веселостью,—видите, госпожа Остремъ, золото... золото... и уже размѣненное на американскія деньги.

И прибавилъ жалобно:

— На наши деньги это немного, но тамъ и семьдесятъ пять кронъ считается большою суммою.

— Yes, yes!—вздохнула старуха.

— Ну, раздѣлимъ по-христіански... тутъ двадцать долларовъ... каждому половину... Прошу васъ, госпожа Остремъ...

Онъ подалъ ей банковый билетъ въ десять долларовъ.

— Благодарю, благодарю васъ!

— Можетъ быть, вы будете такъ добры и размѣняете мнѣ другой, госпожа Остремъ?

Хозяйка раскрыла сумочку, сунула туда оба билета и начала звенѣть своими деньгами.

— Не знаю, найдется ли у меня... впрочемъ, есть... пять долларовъ бумажкой и пять—серебромъ, если вамъ это удобно, господинъ Нордлингъ.

— Спасибо, дорогая госпожа Остремъ, я былъ бы такъ радъ, если бы могъ отдать вамъ больше...

Онъ сложилъ бумажку и опустилъ крупныя серебряныя монеты въ карманъ.

— Гдѣ же вы теперь живете?—спросила старуха и поднялась съ мѣста, тяжело дыша.

Гуго назвалъ самую дешевую улицу, которую только зналъ:

— На Маркетстритѣ.

— У шведовъ?

Инстинктивно, самъ не зная почему, онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, у нѣмцевъ.

— Такъ. Это—навѣрное зажиточный народъ... Не хотите ли откушать чего-нибудь?

Хозяйка погладила конецъ скатерти на столѣ, имѣвшемъ видъ поля сраженія, гдѣ всѣ войска еще стояли въ полномъ боевомъ порядкѣ.

— Благодарю васъ, госпожа Остремъ. Но, можетъ быть, вы позволите мнѣ взять ванну? Дома у меня нѣтъ ванной комнаты.

Онъ замѣтилъ, что старуха, послѣ того, какъ онъ уплатилъ ей деньги, была къ нему менѣе вѣжлива и вообще казалась разочарованной.

— Разумѣется, идите наверхъ!

— Затѣмъ, у меня оставалось здѣсь, насколько я помню, немного бѣлья, которое я не взялъ съ собою, уходя.

— Возьмите его теперь. Оно лежитъ въ вашей прежней комнатѣ; она стоитъ еще пустая.

Старуха поплелась обратно въ кухню, а Гуго взбѣжалъ по лѣстницѣ, прыгая черезъ четыре ступеньки.

Но когда онъ переступилъ порогъ своей прежней маленькой комнатки, съ окнами во дворъ, гдѣ стояли кровать, комодъ и стулъ, силы его покинули. Онъ почувствовалъ смертельную усталость; и снова его охватило тоскливое чувство человѣка, выкинутаго изъ жизни.

Въ этой комнаткѣ обдумывалъ онъ свои первые шаги переселенца. Какія у него были мечты, какія разочарованія, какъ онъ страдалъ! Какого страха, какого ужаса натерпѣлся онъ въ этихъ четырехъ стѣнахъ! Какъ онъ лгалъ въ письмахъ домой, какою ложью прокладывалъ себѣ дорогу здѣсь! Здѣсь пролеживалъ онъ цѣлыя ночи безъ сна... а теперь... теперь... онъ палъ такъ низко, что принужденъ былъ принимать милостыню... отъ бѣдной женщины! И кромѣ того еще лгать... лгать передъ другою бѣдною женщиной... О!...

Онъ закрылъ лицо руками. Огромное тѣло его вздрагивало отъ рыданій, слезы проступали сквозь пальцы. Онъ былъ черезчуръ мягокъ... онъ былъ негоденъ къ жизни... Что ему дѣлать... что съ нимъ будетъ вообще? А эти деньги, это письмо, которое онъ едва осмѣливался прочесть... такимъ онъ чувствовалъ себя недостойнымъ... Слезы застилали ему глаза, и онъ бормоталъ про себя глухимъ голосомъ, словно молитву у изголовья дорогого покойника.

Письмо гласило:

Эстеркёпингъ, 5 сентября.

Милый Гуго! Посылаю тебѣ тридцать долларовъ, которые тебѣ навѣрное пригодятся на чужбинѣ. Это немного, я знаю, но сейчасъ не могу прислать больше. Береги деньги, милый Гуго! Ахъ, дорогой мальчикъ, кто бы подумалъ, когда ты былъ еще совсѣмъ маленькимъ и сидѣлъ на колѣняхъ у Карины, что ты уѣдешь такъ далеко! Я такъ часто о тебѣ думаю, о томъ, какъ тебѣ тамъ живется... объ Америкѣ вѣдь разсказываютъ такіе ужасы! Богъ да пошлетъ тебѣ счастья, дорогой Гуго, и помни, что если бы была жива Карина, она гордилась бы своимъ мальчикомъ!

Не могу больше писать; глаза у меня за послѣднее время стали такъ плохи! Я попрежнему сижу весь день въ лавкѣ за счетными книгами и не смогу тебѣ, живущему въ шумномъ свѣтѣ, разсказать

ничего новаго. Единственное мѣсто, куда меня еще тянетъ, это мои милыя могилки: мамы и сестры Карины. Но онѣ вѣдь въ Стокгольмѣ... Отъ тети Лотты получила письмо на прошлой недѣлѣ. Нехорошо ей, бѣдной, живется! Напиши ей какъ-нибудь, милый Гуго! Она была такъ добра къ тебѣ послѣ смерти Карины, когда ты былъ еще крошкой... Дай Богъ тебѣ здоровья, милый мальчикъ! Пиши хоть изрѣдка и сообщая кое-что о себѣ. Уже цѣлыхъ полгода, какъ я о тебѣ ничего не знаю!

Твоя старая тетка *Кристина*.

Долго сидѣлъ Нордлингъ, неподвижно глядя въ одну точку. Передъ его взоромъ огненными буквами стоялъ дѣловой, старчески-слабый почеркъ коротенькаго письма. Онъ видѣлъ тетку, съ ея блѣднымъ, тонкимъ, исхудавшимъ отъ горя лицомъ. Терпѣливый, выжженный тихими слезами взглядъ, сѣдыя пряди жидкихъ волосъ, согбенная фигура надъ конторкою въ лавкѣ маленькаго мѣщанскаго городка... Онъ видѣлъ ея черты, съ печатью страданіемъ добытаго покоя, вспомнилъ ея прекрасную, преданную, нѣжную улыбку. Онъ подумалъ о ея неустанной работѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ, отнявшихъ у нея всѣ иллюзіи и въ концѣ-концовъ лишившихъ ее даже скромнаго желанія посѣтить дорогія могилы. Этотъ образъ вырисовывался на фонѣ его родной страны, которую, какъ онъ чувствовалъ, онъ никогда больше не увидитъ. Онъ словно уже умеръ. Охваченный внезапнымъ ужасомъ эмигранта, страхомъ выброшеннаго на улицу, онъ упалъ на кровать, закусилъ подушку, заглушая судорожныя рыданія, грозившія его задушить, и въ концѣ-концовъ доплакался до того, что заснулъ въ слезахъ, какъ малое, безпріютное дитя.

Когда онъ проснулся, уже смеркалось. Онъ прислушался. Съ лѣстницы доносился звонъ стекла и фарфора. Онъ взглянулъ на измятое письмо, которое сжималъ судорожно въ рукѣ. Затѣмъ сталъ вдругъ самимъ собою, холоднымъ, разсудительнымъ, какимъ долженъ быть человѣкъ, борющійся противъ ударовъ судьбы. Онъ положилъ письмо въ карманъ, взглянулъ на билетъ въ десять долларовъ, который онъ утаилъ отъ хозяйки, и рѣшилъ сойти внизъ. Умывъ поспѣшно лицо и руки, онъ спустился съ лѣстницы.

Во второмъ этажѣ онъ наткнулся на госпожу Остремъ, которая вскрикнула отъ ужаса:

— Боже мой, я думала, что это разбойникъ...

— Разбойникъ? Ну, спасибо, пока нѣтъ еще...

— Развѣ вы еще не ушли, г. Нордлингъ? Тогда сойдите внизъ и поужинайте... Уже всѣ отужинали... А Остремъ хочетъ уходить...

— Опять?

— Онъ просилъ у меня пять долларовъ на биллiардъ... кто знаетъ, впрочемъ, куда идутъ эти деньги... а у меня не было мелкихъ, я вамъ отдала послѣднее! Итакъ, я должна была дать ему десять долларовъ, такъ что едва ли увижу его сегодня.

Старуха почти плакала. Нордлингъ направился къ столовой. Хозяйка крикнула ему въ слѣдъ:

— Приходите послѣ обѣда поболтать въ гостиную...

— Благодарю васъ, загляну.

Теперь столовая напоминала поле битвы послѣ сраженія. Скатерть была скомкана, покрыта жирными пятнами и тысячами крошекъ. Послѣ штурма предводители утратили свое достоинство, линіи были сломлены, всѣ пункты въ безпорядкѣ. Даже банки съ соей и горчицей являли собою глубочайшій упадокъ. Одинокая стѣнная лампа грустно освѣщала мѣсто сраженія.

Съ жадностью глоталъ Гуго остывшія кушанья, которыя подавала ему худощавая горничная. У нея были красные, заплаканные глаза. Супъ изъ томатовъ и пирожки заканчивали обѣдъ.

Гостиная—любимая комната госпожи Остремъ, была ея гордостью Гардины, покрывала и безобразныя драпировки болтались и висѣли повсюду. Одни изъ нихъ были отдѣланы кружевами, другія вышивками, иныя плюшевыми шариками или кистями, а нѣкоторыя обладали всѣми атрибутами сразу. Злѣйшія бредовыя идеи мебельщика были воплощены здѣсь въ видѣ фантастической мебели, разобраться въ которой не могъ ни одинъ человѣкъ. Все, разумѣется, было куплено за дешевую цѣну и, несмотря на это, въ силу господствующей здѣсь системы разсрочки, весьма дорого.

Нордлингъ вошелъ въ комнату.

На диванѣ, имѣвшемъ болѣе сходства съ органомъ, сидѣли госпожа Остремъ и молодая женщина. Маленькая дѣвочка, съ бѣлокурыми локонами, стояла въ тѣни стула, витыя ножки, сидѣнье и тонкая спинка котораго были сплошь вызолочены. Для сидѣнья эта хрупкая вещь, разумѣется, не была приспособлена.

— Лиза,—сказала молодая женщина (она выговаривала имя на англiйскiй ладъ),—не трогай стулъ!

— Инженеръ Нордлингъ изъ Стокгольма, миссъ Модъ, также изъ Стокгольма,—изъ оперы, представляла госпожа Остремъ, привѣтливо улыбаясь.

То была юная, нѣжная дѣвушка, которая, видимо, была очень красива, но теперь въ выраженіи ея лица и во взглядѣ было нѣчто усталое, страдальческое, угасшее. Нордлингу показалось, что это горькое выраженіе было ему знакомо съ дѣтства по лицамъ матери и

тетки. Казалось, что въ жизни этихъ женщинъ что-то разъ навсегда оборвалось, разбилось, и что воспоминаніе о неудержимо разлетѣвшихся иллюзіяхъ наложило неизгладимую печать на ихъ черты.

— Мама,—сказала дѣвочка,—умѣетъ ли господинъ разсказывать сказки?

Молодая женщина покраснѣла, но улыбнулась:

— Помолчи, Лиза.

Гуго чувствовалъ себя угнетеннымъ. Онъ думалъ о своемъ письмѣ. Онъ видѣлъ, что миссъ Модъ также бѣдна, плохо одѣта, а у дѣвочки былъ видъ чахоточной. Вдругъ она закашлялась. Маленькая грудь ея судорожно надрывалась, а тонкое личико подъ бѣлокурыми локонами сдѣлалось пунцовымъ.

— Благодарю, госпожа Остремъ, за обѣдъ!—выговорилъ Гуго.

— Садитесь, садитесь,—сказала старуха.—Сегодня никого изъ квартирантовъ, конечно, нѣтъ дома,—суббота. А молодая барышня рада, когда ей не надо идти туда,—она служитъ у Макъ-Викера...

— Вотъ какъ! Вы, значитъ, поете?

Миссъ Модъ засмѣялась. И смѣхъ былъ, словно заученный.

— Нѣтъ, я танцую. На родинѣ я служила въ оперѣ, но здѣсь лучше. Я пріѣхала на всемірную выставку съ одной подругой. На слѣдующей недѣлѣ у насъ пойдетъ новая пантомима: «Али-Баба и сорокъ разбойниковъ».

— Сядьте,—повторяла хозяйка,—сядьте же. Они сѣли. Нордлингъ опустился на что-то, имѣвшее видъ комода, но на самомъ дѣлѣ то было кресло. Разговоръ тянулся вяло, время отъ времени прерываемый кашлемъ или вопросами ребенка. Наконецъ Нордлингъ предложилъ принести пива, — ему хотѣлось добыть себѣ сигару. Дамы поблагодарили съ восторгомъ. Въ кухнѣ онъ захватилъ жестяной кувшинъ, въ которомъ приносили всегда пиво. Когда онъ вернулся, то кромѣ пива принесъ еще двѣ бутылки лимонаду и свертокъ засахаренныхъ финиковъ, купленныхъ имъ у повозки на углу. На улицѣ было темно и прохладно. Онъ подумалъ о томъ, не удастся ли ему провести ночь въ своей прежней комнаткѣ.

Миссъ Модъ закурила папиросу, предложенную ей Нордлингомъ. Госпожа Остремъ разставила стаканы на chaise longue, который въ конц-концовъ оказался столомъ. Говорили о Швеціи, говорили осторожно, словно о покойникѣ. Гуго казалось, что онъ сидитъ вдали отъ дѣйствительности и видитъ все сквозь туманъ. Дѣвочка, охвативъ тонкими ручками его колѣни, просила:

Пожалуйста, разскажи сказку...

— Какъ хорошо она говоритъ по-шведски, — сказалъ Гуго, обращаясь къ матери.

— Этотъ языкъ она во всякомъ случаѣ должна изучать, — отвѣтила танцовщица съ живостью и съ такимъ выраженіемъ, которое рѣзко отличалось отъ искусственнаго и наивнаго тона, которымъ она говорила обычно.

— Пожалуйста, разскажи!—повторяла малютка.

Онъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни.

— Что же мнѣ тебѣ разсказать, крошка?

— Сказку про маленькую Лизу.

— Не знаю, припомню ли я ее...

— Про Лизочку, знаешь? Про дѣвочку ростомъ съ пальчикъ?

Нордлингу вспомнились школьные годы, когда по воскресеньямъ на сбереженныя копейки онъ покупалъ въ лавкѣ на углу улицы выпускъ сказокъ великаго датскаго писателя. Среди нихъ была и сказка про дѣвочку съ пальчикъ... Гдѣ теперь его дѣтская библіотека? Ему вспомнилась полка въ спальной, чердачная комнатка съ крошечнымъ столикомъ, принадлежавшая ему одному, вентиляторъ въ каминѣ, и красное рѣшетчатое отверстіе, за которымъ пылали уголья. Онъ слышалъ тяжелое дыханіе отца, спавшаго послѣ обѣда на диванѣ, что строго запрещалось ему вслѣдствіе слабости сердца. А на крышу, вмѣстѣ съ голубыми сумерками, тихо падали хлопья снѣга...

— Про Лизочку, дѣвочку съ пальчикъ,—повторила еще разъ маленькая шведская дѣвочка, заброшенная въ чуждую страну.

Нордлингъ началъ разсказывать сказку.

Тамъ, гдѣ память измѣняла ему, онъ дополнялъ и присочинялъ самъ; но сказка была прекрасна, и старуха Остремъ, съ загорѣлымъ отъ плиты лицомъ, и молодая дѣвушка, старавшаяся обучить родному языку свое незаконное дитя, слушали ее, какъ обѣдню. А въ большихъ голубыхъ глазахъ малютки горѣли словно отблески рождественскихъ огней; она позабыла про финики и старалась подавлять приступы кашля. Эмигрантъ, взглядъ котораго не разъ подергивался туманомъ, разсказывалъ глухимъ голосомъ про дѣвочку съ пальчикъ, у которой вмѣсто колыбельки была чудесная скорлупа орѣха, покрытая лакомъ, вмѣсто матраца—голубые лепестки фіалокъ, а вмѣсто одѣяла—розовый лепестокъ. И однажды ночью дѣвочку унесло далеко за предѣлы страны на огромномъ листѣ водянаго растенія, и она побывала у отвратительныхъ жабъ, у кротовъ и крысъ, дрожала отъ голода и усталости, и чуть не погибла. Онъ описывалъ приключенія и испытанія маленькой Лизы, разсказывалъ про птицу, кото-

рая чуть было не замерзла, но потомъ оправилась и въ концѣ-концовъ улетѣла вмѣстѣ съ Лизочкой отъ всего злого и отвратительнаго.

— А потомъ?—спросила маленькая Лиза.

Гуго словно читалъ по книгѣ,—передъ нимъ открылась дверь воспоминаній:

— «И они прилетѣли въ теплые края. Тамъ солнце свѣтило ярче, небо казалось выше, а на изгородяхъ росли чудеснѣйшія кисти зеленаго и синяго винограда. Въ лѣсахъ было много лимоновъ и апельсиновъ, воздухъ былъ пропитанъ миртами и мятою, а на улицахъ рѣзвились красивыя дѣти, играя съ крупными пестрыми бабочками. Но ласточка летѣла все дальше и дальше, и кругомъ становилось все лучше, все красивѣе. Въ тѣни великолѣпныхъ зеленыхъ деревьевъ, у синяго озера стоялъ сверкающій старинный бѣлый дворецъ, виноградныя лозы обвивали его высокія колонны; а на самомъ верху было много-много ласточкиныхъ гнѣздъ, и въ одномъ изъ нихъ жила ласточка, которая принесла на своихъ крыльяхъ дѣвочку съ пальчикъ»...

Въ концѣ-концовъ Гуго разсказалъ, какъ дѣвочка-Лизочка прилетѣла къ огромному бѣлому цвѣтку, какъ ангелъ изъ цвѣтка прикрѣпилъ ей къ нѣжному тѣлу бѣлыя крылья и какъ она, исполненная блаженной радости и свѣта, поднялась на нихъ кверху...

Тутъ маленькая Лиза прервала его тонкимъ, серьезнымъ голоскомъ:

— Скажи, она полетѣла на небо?

Нордлингъ не зналъ, что отвѣчать. Ибо сказка кончилась, а самъ онъ былъ такъ страшно далеко отъ міра сказокъ. Онъ провелъ рукою по волосамъ дѣвочки. Миссъ Модъ поднялась, а съ нею вмѣстѣ и госпожа Остремъ. Гуго слышалъ, какъ старуха сказала нѣсколько ласковыхъ словъ танцовщицѣ, и понялъ, что эта ласка относилась къ Лизочкиной матери. Было поздно, и онъ съ благодарностью принялъ предложеніе переночевать сегодня въ прежней своей комнатѣ. Но раньше чѣмъ онъ поднялся наверхъ, къ нему подошла миссъ Модъ и слегка пожала ему руку.

— Благодарю,—сказала она, и голосъ у нея слегка дрожалъ.— Спасибо, сказка была такъ прекрасна, и вы были такъ добры къ моей бѣдной малюткѣ...

Что можно сдѣлать на одинъ долларъ.

Когда Гуго проснулся на слѣдующее утро, на стѣнѣ противъ окна отражалось блѣдное, осеннее солнце. Небо было прозрачно и

свѣтло-голубого цвѣта, а единственное дерево на дворѣ, узловатый, болѣзненный каштанъ, ронялъ листъ за листомъ съ вѣтвей, словно дрожавшихъ отъ холода. Изъ ящика для сору поднимались и кружились въ воздухѣ опилки, угольная пыль и мелкіе клочки бумаги.

Нордлингъ весело соскочилъ съ кровати. Впечатлѣніе вчерашняго вечера изгладилось, и онъ чувствовалъ себя сильнымъ, бодрымъ. Теперь ему слѣдуетъ взять ванну.

Ванная комната находилась въ томъ же этажѣ. Онъ наполнилъ ванну холодною водой и съ наслажденіемъ погрузился въ ея холодный фаянсовый овалъ. Гуго извлъ цѣлый кусокъ миндальнаго мыла и теръ тѣло до тѣхъ поръ, пока оно не горѣло, какъ огонь, подъ прикосновеніемъ грубаго полотенца. Онъ словно хотѣлъ смыть съ себя всѣ разочарованія, всѣ несчастія, чтобы чистымъ и сильнымъ выйти навстрѣчу чему-то новому, дѣйствительному. Тихонько насвистывалъ онъ про себя мелодію, которая запомнилась ему изъ пѣсни Изаили...

Затѣмъ онъ побрился, воспользовавшись лучшею бритвою Острема, и старательно причесался. Тихо насвистывая, досталъ онъ чистое бѣлье изъ бумажнаго пакета прачечной, лежавшаго въ маленькомъ комодѣ, съ пустыми ящиками, вычистилъ щеткою одежду, и туго повязалъ галстукъ вокругъ высокаго, холоднаго, бѣлоснѣжнаго воротника; онъ почувствовалъ себя снова человѣкомъ.

Въ заключеніе онъ пересчиталъ свои деньги. Десять долларовъ онъ отдалъ госпожѣ Остремъ. Кое-что истратилъ вчера на покупки. Литръ пива—пять центовъ, сигара и пачка папиросъ, по пяти центовъ, двѣ бутылки лимонаду—десять центовъ и мѣшокъ финиковъ.

Итого тридцать центовъ; совершенно вѣрно, у него оставалось еще девятнадцать долларовъ семьдесятъ. Онъ рѣшилъ попросить госпожу Остремъ оставить за нимъ снова на недѣлю его прежнюю комнату и дать ей два доллара задатку. Гуго тщательно свернулъ кредитные билеты въ десять и въ пять долларовъ, сунулъ ихъ въ кармашекъ для часовъ, затѣмъ собралъ серебро и положилъ его въ правый карманъ брюкъ: письмо спряталъ въ поношенный кожаный бумажникъ и сошелъ внизъ.

Хозяйка была въ отчаяніи. Остремъ провелъ всю ночь внѣ дома и, вернувшись, тотчасъ же залегъ спать. Онъ походилъ на вырытый изъ могилы трупъ, и отъ него пахло мускусомъ. «Ну, погоди же!» Первымъ дѣломъ она прогнала молодую служанку. «Ея домъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ домомъ разврата!»

— Берите, конечно, комнату, господинъ Нордлингъ! Приходится мнѣ мучиться и надрываться изъ-за пустяковъ! Теперь я должна

приготовить Острему питательный завтракъ, чтобы привести его въ человѣческій видъ...

За этимъ послѣдовалъ рядъ звуковъ, сопровождавшихъ дѣйствія старухи у плиты,—звонъ тарелокъ, горшковъ и сковородъ. Они звучали, словно артиллерійскіе залпы, а старуха была такъ возбуждена, такъ красна и такъ ослѣплена внутреннимъ и внѣшнимъ огнемъ, что едва взглянула на два серебряныхъ доллара, которые Нордлингъ, убѣгая изъ кухни, положилъ ей на столъ.

Улица тянулась, чистая и прямая, какъ стрѣла; надъ асфальтомъ кружились первые сухіе осенніе листья. Деревья аллеи тянулись суживающейся перспективой вплоть до рѣки, по ту сторону которой раскинулся дѣловой городъ; поверхъ золотого тумана, стоявшаго надъ нимъ, плыли черныя, синія и бѣлыя облака дыма. Какой-то негръ что-то крикнулъ Гуго, онъ взобрался на скамейку чистильщика сапогъ.

— Съ добрымъ утромъ, сударь!

Шерстяныя вязки сновали взадъ и впередъ по ногамъ Нордлинга. Онѣ обвивались вокругъ пятокъ, носковъ и подъема; легкое щекотаніе будило ощущеніе довольства. Гуго тѣмъ временемъ пробѣгалъ громадные столбцы второго утренняго изданія *Daily News*, поданнаго ему негромъ. По обыкновенію,—убійства, пожары, несчастія на желѣзныхъ дорогахъ, паника на биржѣ. Нѣсколько ночныхъ грабежей, замужество дочерей милліонеровъ съ европейскими аристократами безъ гроша, пари, призы за борьбу и объявленія, объявленія, объявленія!

Вѣтеръ игралъ деревьями, крутилъ опавшіе листья и шуршалъ газетой.

Сапоги блестѣли, какъ зеркало; но чистильщикъ не переставалъ тереть. То былъ молодой красивый юноша, съ кофейнымъ цвѣтомъ лица. Маленькая фуражка была надѣта на-бекрень, почти на ухо, большіе черные глаза бѣгали живо изъ стороны въ сторону, эмаль зубовъ сверкала, какъ фарфоръ. Красная рубашка, по образцу моряковъ, была раскрыта на широкой темной груди; онъ насвистывалъ веселый кекуокъ.

Готово! Гуго спрыгнулъ со скамейки. Онъ подалъ парню никелевую монету; нѣсколько разъ негръ механически провелъ щеткой по его сюртуку. Шведъ улыбнулся, заглянувъ въ черные, солнечные глаза; негръ также улыбнулся въ отвѣтъ.

Въ слѣдующую минуту онъ плясалъ уже по бульвару, отыскивая новыхъ клiентовъ. Нордлингъ еще долго слышалъ протяжные крики его свѣжаго, звонкаго голоса: «Schine, sar! Schine, sar!»

Блѣдно свѣтило солнце надъ улицей. Въ воздухѣ было прохладно. За рѣшетчатыми калитками, которыя вели къ бѣлымъ ступенямъ однообразныхъ домовъ, дѣвушки въ передникахъ мыли двери и балюстрады. Здѣсь и тамъ кучера, съ короткою трубкой въ зубахъ, возились съ сѣдлами и ремнями. Время отъ времени молодыя дѣвушки обмѣнивались нѣсколькими словами, и ихъ смѣхъ звенѣлъ на всю улицу. Иногда сухой листъ падалъ и, покруживъ въ воздухѣ, прилипалъ къ борту сюртука Гуго.

Онъ шелъ все дальше и дальше, обдумывая свой день. Казалось, что онъ впервые дышитъ свободно этимъ чистымъ, рѣзкимъ воздухомъ. Страхъ и усталость послѣднихъ мѣсяцевъ исчезли; теперь онъ одержитъ побѣду надъ всѣми препятствіями. Первымъ дѣломъ онъ хотѣлъ составить расписаніе на сегодняшній день. Онъ хотѣлъ тотчасъ же пойти къ Фразеру и Чальмеру и снова освѣдомиться о мѣстѣ,—то, что онъ такъ чисто и прилично выглядѣлъ, могло произвести только самое лучшее впечатлѣніе. Но еще раньше отъ хотѣлъ поѣсть чего-нибудь. Кромѣ того, была пятница, въ музеѣ искусствъ открылась выставка картинъ Дегаса; за все время онъ ни на минуту не терялъ прирожденнаго интереса къ искусству. Эта мысль пробудила въ немъ воспоминаніе о молодыхъ художникахъ, въ среду которыхъ онъ попалъ вначалѣ, но отъ которыхъ, какъ только истощилась его скудная дорожная касса, онъ отсталъ. Какъ-нибудь ему слѣдуетъ заглянуть къ нимъ.

«А Изаиль... Надо пойти къ Вослику! Посмотримъ! — сказалъ онъ себѣ,—шестьдесятъ пять центовъ у меня есть мелочью; это—на сегодня. Затѣмъ у меня останется еще ровно одинъ долларъ, этого должно хватить!»

Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ мосту, тѣмъ сильнѣе стоялъ шумъ надъ сердцемъ города. То было жужжанье, гулъ, грохотъ, словно отъ гигантскихъ паровыхъ машинъ. Онъ не поднимался и не падалъ, а стоялъ въ ушахъ, словно прямая, высокая стѣна. Только при каждомъ поворотѣ онъ становился все слышнѣе и слышнѣе. Надъ рѣкою стоялъ желтый, какъ топазъ, туманъ.

Гуго направился черезъ мостъ. Подъ сводами моста уличные мальчики ловили рыбу; высоко, въ своей башнѣ сторожъ читалъ газету. Кругомъ на водѣ пыхтѣли энергичные буксирные пароходы, маленькія лодки-моторы мелькали, какъ ракеты. Запахъ испорченныхъ фруктовъ и гнилой рыбы доносился со стороны рынка изъ Ватерстритъ.

Нордлингъ сначала хотѣлъ зайти въ одинъ изъ ближайшихъ ресторановъ, но вспомнилъ, что въ одной кофейной за пять центовъ

давали огромную чашку кофе и три горячихъ маисовыхъ хлѣбца. Онъ порѣшилъ отправиться прежде всего туда.

Ватерстритъ была сплошь загромождена повозками съ грузомъ. Полдюжины полицейскихъ, покрытые потомъ, съ поднятыми тесаками въ рукахъ, тщетно старались съ помощью цѣлаго потока проклятій, внести порядокъ въ эту сумятицу. Гуго счастливо пробрался черезъ этотъ хаосъ.

На протяженіи цѣлыхъ двухъ улицъ онъ работалъ локтями, затѣмъ свернулъ въ узкій переулокъ и дошелъ до маленькой кофейни Хигтинса. Помѣщеніе, находившееся въ подвальномъ этажѣ, было полно дыма, словно послѣ взрыва котла, и биткомъ набито посѣтителями. Гуго сталъ сторожемъ позади одного изъ стульевъ и такимъ образомъ въ концѣ-концовъ добылъ себѣ мѣсто. Одинъ негръ подалъ ему чашку, сливки и сахаръ, другой — бросилъ на столъ дымившіяся булочки, шипѣвшія и прыгавшія по тарелкѣ. Надо было ѣсть скорѣе, чтобы очистить мѣсто другимъ; Гуго чуть-чуть не обжогъ себѣ горла.

У выхода онъ отдалъ свои пять центовъ въ обмѣнъ на буфетную марку и выбрался на улицу. По тротуарамъ съ ужаснѣйшими криками разносили свѣжее газетное прибавленіе. Дѣло шло о казни человѣка, совершившаго двойное убійство и повѣшеннаго четверть часа тому назадъ; въ листкѣ, съ непросохшею еще типографскою краской, были уже всѣ подробности и даже иллюстраціи.

Нордлингъ спѣшилъ къ озеру.

Береговой бульваръ тянулся черно-сизой полосой, въ тѣни высокихъ отелей и дворцовъ, занятыхъ помѣщеніями клубовъ. Вдали на фонѣ віадуковъ желѣзной дороги выдѣлялась безобразная статуя Колумба; въ центрѣ панорамы возвышалось бѣло-сѣрое зданіе музея искусствъ, съ дорическою колоннадою, занимавшей его фасадъ, и съ гигантскими бронзовыми львами по сторонамъ. Дымъ отъ берегового экспресса стоялъ надъ поверхностью Мичигана.

Долгое время бродилъ Гуго по пустынной, несмотря на безплатный входъ, выставкѣ картинъ Дегаса. Паркетный полъ въ концѣ-концовъ утомилъ его; тихо вышелъ онъ на улицу и направился къ фабрикѣ Чальмера.

Но работы для него тамъ еще не оказалось. Однако его узнали и отмѣтили на особомъ листкѣ его спеціальное образованіе.

На обратномъ пути онъ остановился передъ биржей. Почувствовавъ усталость, онъ вдругъ захотѣлъ отдохнуть нѣсколько минутъ на галлереѣ, излюбленной всѣми праздношатающимися.

Сквозь высокій порталъ доносилось жужжаніе гигантскаго улья

спекуляторовъ. Телеграфные служащіе и посыльные сновали вверхъ и внизъ по лѣстницѣ. Гуго поднялся на открытую галлерею.

Внизу въ залѣ царила обычная безумная жизнь, шумъ, толкотня, сиятеніе. Вокругъ огромной платформы съ пшеницей, къ которой вели ступени, спускавшіяся внутрь террасой, словно къ долинѣ, шумѣло и суетилось человѣкъ двѣсти маклеровъ, остальные нѣсколько сотенъ волновались вокругъ столовъ съ кукурузою, около свинины и хлопка. Пятьсотъ телеграфистовъ непрерывно трещали своими аппаратами; въ глубинѣ стучали, словно молотками на своихъ пишущихъ машинахъ стенографы. Полъ былъ усѣянъ различными сортами зернового хлѣба, тысячью изорванныхъ депешъ и бумажекъ. Каждое колебаніе рынка, паденіе или поднятіе привѣтствовалось громкимъ ревомъ. Милліонеры, носильщики, бухгалтеры, разсыльные, — всѣ были безъ пиджаковъ; въ воздухѣ стояла пыль, клочья бумаги и хлѣбныя зерна. Огромные шары электрическихъ фонарей пылали надъ головами шумѣвшей толпы, звучали гонги, горѣли, сверкали и гасли электрическіе сигналы. Передъ отдѣльными объявленіями стояла толпа маклеровъ, съ которыхъ градомъ лилъ потъ; съ быстротою молніи проносились взадъ и впередъ спеціальные разсыльные съ записными книжками, бѣлые листки которыхъ заключали, быть можетъ, нѣсколько росчерковъ пера, означавшихъ разореніе или обогащеніе. Временами воцарялась внезапная тишина, словно огромная машина, нити которой охватывали собою весь міръ, вдругъ затаивала дыханіе. А въ слѣдующую минуту адскій шумъ разражался вновь, прокатывался громомъ, циклономъ по залу, разбивался у его стѣнъ, поднимался, какъ наводненіе, до самой крыши, такъ что все зданіе дрожало. Съ искаженными лицами и сжатыми кулаками бросались другъ на друга представители повышенія и пониженія; ихъ отчаянные крики звучали, какъ предсмертные вопли потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Но холодно и спокойно рядомъ съ предсѣдателемъ стоялъ молодой сынъ милліонера, вызвавшій собственно эту бурю, которая нѣкогда грозила поглотить его, и, полный удовлетворенія, читалъ отчеты, подтверждавшіе, что неурожай, другими словами голодъ, въ Индіи все возрастаетъ. И бѣло-фіолетовый свѣтъ электрическихъ фонарей пылалъ и шипѣлъ надъ геенной міра дѣльцовъ.

Словно загипнотизированный, смотрѣлъ Нордлингъ въ кипящую бездну подъ собою. Она походила на бурю съ градомъ, которую онъ недавно пережилъ; ему захотѣлось самому быть внизу, среди бушующей толпы этихъ людей, съ горящими глазами и холоднымъ, какъ ледъ, лбомъ; смутно онъ почувствовалъ, что когда-нибудь, какъ для

тѣхъ людей внизу, наступитъ его время... Рѣзкій пронзительный звонокъ заглушилъ шумъ. То было первое предостереженіе; черезъ четверть часа биржа закрывалась. Огромные часы въ глубинѣ залы указывали часъ. Гуго протолкался впередъ, и былъ унесенъ внизъ по лѣстницамъ. Онъ двигался вмѣстѣ съ потокомъ изъ перваго этажа, и слышалъ, какъ крики стихли, затѣмъ усилились въ вестибюлѣ, перешли въ глухой шумъ подъ сводомъ портала и превратились въ пчелиное жужжаніе передъ биржей, чтобы замереть и угаснуть, наконецъ, въ шумѣ и грохотѣ улицы Лассаля.

Мучимый жаждою и головокруженіемъ, направился Гуго къ тунелю. Онъ рѣшилъ поѣхать къ Волику.

Спустился по лѣстницѣ въ маленькую башню, походившую на караульню. Лѣстница была узка, какъ трубка, и круто спускалась вдоль подземнаго свода электрической желѣзной дороги. Тамъ было тихо и прохладно. Отъ бѣлыхъ, выкрашенныхъ известью стѣнъ вѣяло сыростью, между камней просачивалась вода, словно рѣка грозила вторгнуться и залить этотъ путь, который люди, не довольствуясь улицами и мостами, осмѣлились проложить подъ ея поверхностью. Электрическіе фонари отбрасывали фантастическія лиловатыя тѣни вдоль пути, и глухой гулъ вмѣстѣ съ легкимъ дрожаньемъ безпрерывно возвѣщалъ о приходѣ электрическаго поѣзда. Сигналы звучали глухо, невѣрно, и свѣтъ и тѣни перебѣгали по длиннымъ рядамъ мимо бѣгущихъ оконъ. За однимъ подземнымъ чудовищемъ быстро проносилось другое. А поверхъ вагоновъ и людей по водѣ плыли огромные корабли.

Погребокъ Волика былъ почти пустъ. Въ немъ царили уже сумерки. Только сквозь рѣшетчатое окно свѣтило блѣдное послѣполуденное солнце. Три портрета смотрѣли прямо передъ собою тупыми бычьими глазами. По «въѣзду Карла V» ползали стаи мухъ. У одного столика трое бродягъ играли въ покеръ, а у буфета звонилъ костьми одинокій посѣтитель, походившій на укротителя звѣрей. Маленькій богемецъ-слуга вылавливалъ изъ большого деревяннаго ведра ледъ. Въ помѣщеніи стоялъ запахъ сырыхъ опилокъ и кислаго пива.

Нордлингъ взглянулъ на столъ съ безплатною закуской. Обычная смѣсь плохого съ доброкачественнымъ, даваемая американскимъ трактирщикомъ въ придачу къ стакану пива. Гуго подошелъ къ столу, наложилъ себѣ на тарелку хлѣба, колбасы и сыру. Богемецъ принесъ ему кружку пива.

— Добрый день! — сказалъ онъ.

Гуго не зналъ, какъ спросить объ Изаили.

— Была ли здѣсь та цыганка,—не знаю, впрочемъ, кто она такая,—послѣ той ужасной бури?—сказалъ онъ въ концѣ-концовъ.

— Красавица? Нѣтъ, она въ театрѣ.

— Гдѣ? Въ какомъ?

— Въ Трокадеро, о, да!

Трокадеро было знакомо шведу. То былъ большой театръ-ресторанъ, въ которомъ онъ часто бывалъ вначалѣ и который поглотилъ не мало средствъ изъ его скудной кассы. Взамѣнъ этого тамъ онъ получилъ наилучшіе уроки практики англійскаго языка, которые когда-либо имѣлъ. Какъ всѣ подобныя учрежденія для извѣстнаго разряда посѣтителей, этотъ ресторанъ имѣлъ весьма дешевыя цѣны.

Планъ вечера у Нордлинга былъ готовъ.

«У меня вѣдь есть еще пятьдесятъ пять центовъ,—сказалъ онъ себѣ.—Я богатъ. На десять центовъ я пообѣдаю, возьму билетъ въ театръ часъ спустя послѣ начала представленія—general admission—это составитъ пятнадцать, выпью стакана три пива, и у меня останется еще мелочь на покупку коробки папиросъ».

Было поздно, когда Нордлингъ кончалъ скудный обѣдъ въ одномъ изъ трактировъ для моряковъ. Когда онъ вышелъ на улицу, позади громадныхъ элеваторовъ небо горѣло мѣдью, а изъ-за огромныхъ паромовъ Мильвоки надъ озеромъ поднималась блѣдно-красная луна. Мичиганъ былъ спокоенъ; горячая волна индіанскаго лѣта сдѣлала вечеръ снова душнымъ и жаркимъ. Кругомъ жужжали москиты.

Стэтстритъ представляла собою море огня. По широкой, рынкоподобной улицѣ двигались кучки людей, черныя группы, плотныя массы, въ которыхъ съ трудомъ можно было различить отдѣльныя личности. То здѣсь, то тамъ виднѣлись фигуры турокъ, армянъ, сирійцевъ, негровъ, китайцевъ, изрѣдка индѣйцевъ. Тѣ, которые были одѣты по-европейски, сливались въ одну огромную космополитическую толпу. Двойные потоки пѣшеходовъ на тротуарахъ справа и слѣва походили на четырехъ гигантскихъ змѣй, тянувшихся въ разныя стороны; иногда они останавливались, время отъ времени сливались другъ съ другомъ, но тотчасъ же расходились дальше. Мостовыя были запружены экипажами всѣхъ родовъ; крики возницъ и грохотъ колесъ заглушали пыхтѣнье автомобилей и сигналы электрической дороги. Надъ линіями воздушной желѣзной дороги стояли бѣлыя облака пару, пронзительно раздавались свистки. Крики тысячъ уличныхъ продавцевъ заглушали дикій тревожный ревъ спеціальныхъ разносчиковъ газетныхъ прибавленій—о пожарахъ, убійствахъ, преступленіяхъ противъ нравственности. Ночь окутала уже

верхніе ряды оконъ двадцатиэтажныхъ домовъ; сверкающія стекла напоминали огни лѣстницы Іакова, исчезавшей въ облакахъ. Изо всѣхъ магазиновъ, какъ ютившихся въ подвалахъ, такъ и занимавшихъ шесть этажей, и благодаря гигантскимъ окнамъ превращавшихся въ хрустальные дворцы,—лились потоки свѣта, передъ которымъ меркли двойныя цѣпи высокихъ электрическихъ фонарей на улицѣ.

Свѣтящіяся вывѣски надъ ресторанами, театрами и отелями горѣли всевозможными цвѣтами въ видѣ звѣздъ, колесъ и полумѣсяцевъ. Безчисленные щиты и транспаранты сверкали между домами вверхъ и внизъ по улицѣ насколько хваталъ глазъ. Газовыя лампы въ видѣ буквъ, величиною въ человѣческій ростъ, покрывали стѣны домовъ, рекламируя все, начиная съ универсальныхъ лѣкарствъ и кончая единственнымъ средствомъ спасенія заблудшихъ душъ; высоко въ воздухѣ рѣяли освѣщенные изнутри шары и драконы съ объявленіями о злободневной статьѣ. Окна аптекъ, съ огромными шарами всѣхъ цвѣтовъ радуги, соперничали съ выставками ювелировъ, освѣщенные квадраты которыхъ казалось выбрасывали на улицу снопы огня. Двери ресторановъ были открыты настежь. Горѣлъ и асфальтъ тротуара—большія пространства его были прорѣзаны и подъ ними сквозь толстое стекло билъ свѣтъ изъ-подъ земли. Надъ перекрестками улицъ въ южной части Кларкстрита сверкали бумажные фонари китайскаго квартала.

Передъ Бурской улицей, шедшей прямо къ Трокадеро, входныя ворота котораго горѣли, отражаясь въ озерѣ, Гуго остановился. Давка была невообразимая. Здѣсь находилась станція двухъ линій воздушной желѣзной дороги, и кромѣ того, всѣ четыре угла площади были заняты уличными шарлатанами—фокусникомъ, продавцомъ патентованныхъ средствъ, зубнымъ врачомъ, тутъ же вырывавшимъ зубы, и знахаремъ. Помимо этого здѣсь происходило публичное собраніе арміи спасенія, съ оркестромъ и большимъ органомъ; надо всѣми людьми, собравшимися здѣсь, стоялъ настоящій ревъ. Каждая повозка на углу была превращена въ эстраду и окружена высокими шестами и факелами, вокругъ которыхъ кружились милліарды москитовъ. Полиція удовлетворялась поддержаніемъ внѣшняго порядка; большею же частью толпа была предоставлена самой себѣ.

Протискиваясь отъ столба къ столбу подъ сводами моста, подходилъ Гуго къ театру. Впереди, держа другъ друга подъ руку, шли восемь-десять молодыхъ дѣвушекъ. У нѣкоторыхъ были надвинуты на глаза крошечныя соломенныя шляпки, остальныя были съ непокрытой головой, съ блестящими гребнями, воткнутыми въ пышные

волосы. У крайней въ рукахъ была корзина; рука ея легко упиралась въ бокъ. Она обернулась, кивнула Гуго и вынула розу. Онъ покачалъ головой:

— Нѣтъ денегъ!

Тогда она воткнула ему цвѣтокъ въ петличку, а онъ подалъ ей взамѣнъ этого папиросу, которую она смѣясь и раскурила у его папиросы.

Надъ входомъ огненными буквами сверкала надпись: Трокадеро. Площадь была загромождена кэбами, пролетками, автомобилями. Кругомъ стояли продавцы всякаго рода, выкликавшіе фрукты, лимонадъ, конфеты. На одномъ столѣ вскрывались устрицы, на другомъ поджаривались каштаны. Рядъ польскихъ евреевъ, съ узкими бородками, горбатыми носами и въ пейсахъ на англійскомъ языкѣ, смѣшанномъ съ еврейскимъ, предлагали цѣпочки и запонки. Но всѣ разнообразные звуки заглушались крикомъ уличныхъ мальчишекъ, продававшихъ новость—послѣдніе куплеты Трокадеро.

Все ближе и ближе ко входу подымался Нордлингъ. Онъ пробовалъ читать гигантскія афиши, покрывавшія стѣны и двери, но краски были слишкомъ ярки, освѣщеніе черезчуръ измѣнчиво, а плакаты черезчуръ близки и такъ несоразмѣрно велики, что онъ не могъ различить, что собственно они изображали. Онъ не нашелъ также въ нихъ имени Изаили.

Двое пьяныхъ матросовъ ссорились у входа. Нѣсколько господъ во фракахъ выкликали автомобиль, шоферъ котораго исчезъ неизвѣстно куда. Въ ближайшемъ огромномъ и роскошномъ автомобилѣ неподвижно сидѣла необыкновенно красивая, вся покрытая драгоцѣнностями, молодая женщина. Она не шевелилась, съ загадочной, застывшей улыбкой на красныхъ, какъ кровь, губахъ. Она напоминала нарумяненный сфинксъ.

Гуго бросилъ пятнадцать центовъ на доску поверхъ контрольнаго колеса; металлическія руки аппарата схватили и вдвинули его внутрь; по паркетной дорожкѣ, устланной ковромъ, онъ поднялся наверхъ, прошелъ мимо черезъ фойе и отыскалъ себѣ мѣсто подъ лѣвою галлереей. Въ партерѣ было мало народу, но у столовъ за нимъ стояла давка. Былъ какъ разъ перерывъ; играла венгерская капелла.

Онъ оглянулся.

Правая галлерея была, какъ всегда, полна молодыхъ нарядныхъ дамъ. Ихъ бросавшіяся въ глаза прически и шляпы сверкали, какъ длинная цвѣточная клумба.

Въ одной ложѣ одиноко сидѣла молодая женщина. Она была очень

красива, темноволосая; ея своеобразная красота указывала на ея польское или испанское происхожденіе. Во всей осанкѣ было что-то гордое. Гуго, читавшій недавно Жоржъ Зандъ, окрестилъ незнакомку именемъ Консуэло.

Ложа вблизи сцены была полна мужчинъ, среди которыхъ Нордлингъ узналъ адвоката, встрѣченнаго имъ въ погребкѣ Вослика. Онъ сидѣлъ, насупивъ брови и скрестивъ руки, съ грозовою тучею на своемъ челѣ Нерона. Остальная часть партера представляла собою толпу людей, тѣснившихся у маленькихъ круглыхъ столиковъ; кельнерамъ почти негдѣ было проходить, прислуживая.

Юноша-негръ, одѣтый въ мундиръ, разносилъ программы, вѣера съ объявленіями и крошечныя чашечки мороженаго. Повсюду стояли въ кадкахъ лавровыя деревья и пальмы. Было жарко, но огромные вентиляторы на крышѣ причиняли вѣтеръ, распространявшій съ собою по залѣ запахъ духовъ.

Гуго пробѣжалъ программу. Изаиль должна была появиться въ слѣдующемъ отдѣленіи. До нея была еще американская субретка и негритянская труппа. Ея номеръ не былъ напечатанъ жирными буквами, или окайменъ пестрою рамкою; подъ ея именемъ, которое Нордлингъ увидѣлъ впервые, стояло просто: «the beautiful gypsy-songstress». Онъ потребовалъ себѣ стаканъ пива.

Венгерцы удалились, и появился театральный оркестръ. Онъ быстро настроился, въ залѣ раздались звуки марша.

Затѣмъ явилась субретка. Сцена изображала изящный будуаръ, съ голубыми бархатными занавѣсками и высокими серебряными вазами. Малютка была ирландка, тонкая, стройная и ее звали Маргарита. Она воспѣвала себя и свою красоту. Мелодія была веселая; глупыя слова плыли по ней, словно жемчужная пѣна шампанскаго, и вся публика смѣялась и радовалась вмѣстѣ съ пѣвицей, а звуки оркестра порхали, словно бабочки. Маленькая ирландка качала и вертѣла кудрявой головкой, округляла руки, словно хотѣла обнять весь залъ, и протягивала маленькій пунцовый ротикъ, такъ быстро выговаривавшій слова, словно для тысячи поцѣлуевъ. Сквозь бурю аплодисментовъ и цвѣтовъ ея сѣро-синіе глаза блестѣли, словно это была самая лучшая минута, пережитая ею за ея пятнадцатилѣтнюю жизнь. Вокругъ маленькой фигурки ходили, словно волны, голубыя бархатныя гардины.

Пришелъ негръ.

Они начали плясать кэкуокъ все болѣе и болѣе быстрымъ темпомъ, подъ приподнятый аккомпанементъ оркестра. Это подѣйствовало заразительно на публику, и хлопанье въ тактъ руками увлекло

зрителей. Когда оркестръ въ концѣ выступилъ, наконецъ, съ трубами и турецкимъ барабаномъ, всѣ принялись подпѣвать припѣвъ. Среди шума, какъ буря, пронесшагося по залѣ, занавѣсъ упалъ и поднялся снова. Черныя фигуры въ сверкающихъ одеждахъ извивались, какъ змѣи, лица были покрыты потомъ, бѣлки глазъ сверкали, какъ шары слоновой кости, и акробатическіе танцы были повторены еще разъ въ совершенно необычномъ темпѣ. Громче и громче раздавалась лихорадочная мелодія кэкуока, звенѣли треугольники, гремѣли барабаны и литавры. Изъ ложи у сцены О'Нейль дирижировалъ публикой, размахивая огромнымъ свиткомъ бумаги. Онъ стоялъ во весь ростъ, и его громкій голосъ покрывалъ всѣ звуки.

— Подпѣвайте! Пойте! Чортъ возьми! Топайте! Топайте! Живѣе!...

Словно ураганъ, гремѣли музыка и пѣніе, дрожали стѣны.

Гуго взглянулъ на свою жоржзандовскую героиню. Она ушла. Ея мѣсто было занято теперь дамой, сидѣвшей въ автомобилѣ у входа: Молодой человѣкъ во фракѣ наливалъ ей въ эту минуту шампанскаго. Она смотрѣла съ загадочной улыбкой вдаль передъ собой; драгоцѣнные камни на ней сверкали. Выше пестрѣла клумба молодыхъ женщинъ; ихъ лица горѣли отъ выпитаго вина. За ними виднѣлся рядъ черныхъ фраковъ, бѣлыхъ пластроновъ и цилиндровъ. Женщины пѣли. То были сплошь жертвы молоху большого города. А дама въ ложѣ все улыбалась, какъ нарумяненный сфинксъ. О'Нейль дирижировалъ.

Въ залѣ сдѣлалось темно и тихо. Гуго почувствовалъ, какъ забилось его сердце. Онъ позабылъ все—и мѣсто, и обстановку, и прошедшее, и будущее.

«Сейчасъ,—подумалъ онъ,—сейчасъ, сію минуту появится Изаиль. И вотъ я живу... теперь... въ эту минуту!»

Издали донесся слабый звукъ колокольчика. Капельмейстеръ началъ интродукцію. Затѣмъ погасли лампы и въ оркестрѣ, а на палочкѣ дирижера загорѣлась крошечная лампочка. Свѣтя, ритмически рѣяла она дугообразно взадъ и впередъ, словно огненная муха. Занавѣсъ раздвинулся. Сцена представляла собою джунгли, освѣщенныя зеленоватымъ луннымъ свѣтомъ. Изаиль, съ гитарой въ рукахъ, стояла посреди сцены, одѣтая такъ же, какъ и въ прошедшую ночь, но легче и лучше. Подъ тканями ясно выступали формы ея тѣла. Поднявъ кверху обнаженныя руки, она запѣла. Словъ разобрать было нельзя. Мелодію Гуго узналъ; она была та же, что и въ бурную ночь. Пѣсня бури—безъ словъ. Изаиль походила на статую; Гуго показалось, что когда-то онъ видѣлъ египетское изображеніе богини Пахтъ,

съ кошачьимъ лицомъ, которую напомнила ему теперь цыганка. Она стояла прямая, стройная, съ высокою грудью. Глаза сверкали желтымъ свѣтомъ изъ-подъ прямыхъ черныхъ бровей.

Занавѣсъ упалъ и болѣе не раздвигался, такъ какъ за пѣніемъ послѣдовали слабые аплодисменты. Очевидно, этого номера никто не понялъ. Изъ глубины галлереи донесся даже свистъ.

Смущенный и гнѣвный, Гуго всталъ. Неужели же эти ослы не понимали, что это было необычайно прекрасно, — пѣснь изъ другого міра? Грозно взглянулъ онъ вверхъ на галлерею. Въ эту минуту онъ увидѣлъ жоржзандовскую героиню, стоявшую въ глубинѣ ложи въ драгоцѣнномъ шелковомъ плащѣ съ бѣлой мѣховой оторочкой. Она ревностно хлопала. Хлопалъ и О'Нейль въ ложѣ у сцены. Гуго ударилъ два раза въ ладони, а затѣмъ локтями проложилъ себѣ дорогу къ выходу. Со сцены изъ-за занавѣса слышался стукъ аппаратовъ, которые укрѣплялись для труппы гимнастовъ. Оркестръ настраивался.

На улицѣ его толкнулъ нищій. У него не было ни ногъ, ни рукъ, и онъ передвигался на двухъ доскахъ, съ помощью локтей. Гуго внезапно припомнилъ, что у него отъ доллара осталось еще десять центовъ, такъ какъ онъ выпилъ всего одинъ стаканъ пива. Онъ поискалъ у нищаго кармана, но не нашелъ. Тогда калѣка, не произнося ни слова, раскрылъ беззубый ротъ. Нордлингъ понялъ, и вложилъ въ черную дыру мелкую серебряную монету.

Дверь.

«Куда теперь?»—повторялъ нерѣшительно Нордлингъ. Онъ горѣлъ желаніемъ увидѣть Изаиль, но не зналъ, гдѣ ее найти.

Мимо пролетѣлъ автомобиль. За зеркальными стеклами сидѣла маленькая ирландка, окруженная мужчинами. Посреди нихъ стояло ведро со льдомъ, изъ котораго торчали горла бутылокъ.

Тутъ только Гуго догадался взглянуть въ измятую программу. Да, конечно, цыганка должна была пѣть еще въ коротенькой одноактной опереткѣ, которая заканчивала спектакль. Пройдетъ еще по крайней мѣрѣ часъ, пока она выйдетъ изъ театра.

«Почему бы не зайти въ отдѣленіе академіи Julien?» пронеслось въ головѣ Гуго. Онъ зналъ многихъ газетныхъ иллюстраторовъ, а школа была здѣсь рядомъ.

Нѣсколько нерѣшительно подошелъ онъ къ высокому порталу. Прочелъ надпись: «Atheneum Building». Художники навѣрное дивились его внезапному исчезновенію изъ ихъ кружка; они не подозрѣ-

вали причинъ, онъ никогда не говорилъ о своихъ денежныхъ дѣлахъ. «Довольно глупо въ общемъ!» подумалъ онъ. Быть можетъ, иначе онъ давно уже получилъ бы гдѣ-нибудь мѣсто рисовальщика. Но, во всякомъ случаѣ, онъ поднимется наверхъ, чтобы убить время.

Быстро скользнула подъемная машина. Всѣ этажи были освѣщены. Здѣсь по ночамъ работалъ Чикаго надъ своимъ художественнымъ развитіемъ. Повсюду мастерскія, студіи, школы, клубы, корреспондентскія бюро. Изъ двухъ дверей раздавались звуки рояля, мандолины и флейты. То было музыкальное отдѣленіе. Въ другомъ мѣстѣ была школа декламаціи. Сквозь высокія окна подъемной машины мелькали длинные ряды рисовальныхъ столовъ: то была вечерняя школа архитекторовъ.

— Шестнадцатый этажъ,—крикнулъ мальчикъ и отперъ рѣшетчатую дверь лифта. Гуго быстро направился къ занавѣсу, прикрывавшему входъ въ американское отдѣленіе знаменитой парижской школы.

Слуга узналъ его. Черезъ узкій проходъ Гуго вошелъ въ высокую просторную комнату.

Окна были завѣшаны сукномъ, но сквозь щели и просвѣты его мерцали на темномъ ночномъ небѣ звѣзды. Кругомъ, по стѣнамъ подъ самымъ потолкомъ висѣли лампы съ жестяными абажурами, сосредоточивая свѣтъ надъ подіумомъ для модели. Деревянный четырехугольный помостъ имѣлъ около метра въ вышину. Вокругъ него расположилось человѣкъ пятьдесятъ учениковъ. Передніе сидѣли на низкихъ ступеняхъ, уперевъ рисовальныя доски въ полъ; за ними другіе работали передъ мольбертами стоя. На подіумѣ стояла обнаженная молодая дѣвушка; она тщательно старалась не сдвигать ногъ съ мѣловыхъ знаковъ, сдѣланныхъ на землѣ и указывавшихъ ея первоначальную позу. Свѣтъ падалъ сверху на ея молодое тѣло, которое благодаря этому покрылось голубоватыми тѣнями. Ноги были почти фіолетоваго цвѣта вслѣдствіе прилива крови отъ стоянья. Позади дѣвушки скалилъ свои зубы скелетъ; пара гипсовыхъ снимковъ съ рукъ и ногъ бѣлыми пятнами выдѣлялись на сѣрой обивкѣ стѣны.

Всѣ работали молча. Только и слышно было легкое царапанье угля по бумагѣ. Маленькій французъ беззвучно скользилъ отъ одного мольберта къ другому, ничего однако же не исправляя. Его черные глаза испытующе слѣдили за однимъ изъ молодыхъ людей, мѣрявшаго карандашомъ пропорціи модели и своего наброска. Увидѣвъ Гуго, онъ кивнулъ ему головой и указалъ на уголъ, гдѣ стояла куча сложенныхъ мольбертовъ и въ нумерованной папкѣ лежали рисовальныя доски. Нордлингъ отрицательно покачалъ головою.

Онъ смотрѣлъ на дѣвушку. Она походила на ирландскую субретку, но была еще стройнѣе. Она выглядѣла усталой и блѣдной. По ея позѣ, весьма простой, съ рукою, упертою въ бокъ и слегка выдвинутою впередъ ногою, онъ увидѣлъ, что то была поза на двадцать минутъ. Она сильно дрожала, верхняя часть ея туловища качалась взадъ и впередъ—Нордлингъ замѣтилъ, что лопатка дѣвушки не разъ выдалась на нѣсколько миллиметровъ за вертикальную линію. Онъ обезпокоился и оглянулся, ища глазами того, кто долженъ былъ слѣдить за временемъ. Въ ту минуту, какъ этотъ послѣдній поднялся, съ часами въ рукахъ, чтобы сказать: «перерывъ!» дѣвушка упала безъ чувствъ, туловищемъ впередъ.

Поднялся шумъ. Къ счастію, одному студенту удалось подхватить ее во время паденія; иначе она могла бы легко наткнуться на одинъ изъ мольбертовъ. Въ залѣ было чрезвычайно тепло; отдернули занавѣски и распахнули нѣсколько оконъ. Маленькая модель быстро оправилась, завернулась, какъ ни въ чемъ не бывало, въ свой плащъ и сѣла вблизи подіума, намѣреваясь воспользоваться своимъ десятиминутнымъ отдыхомъ. Ученики вышли покурить на галлерею.

Нордлингъ напрасно искалъ кругомъ знакомаго лица. У него было странное ощущеніе, словно его мѣсто было здѣсь, словно все остальное онъ долженъ былъ выбросить за бортъ. Такъ было и во время всего инженернаго курса,—его фантазія безпрестанно стремилась увлечь его въ сторону. Неужели такъ будетъ всегда? Ему вспомнились его работы надъ изобрѣтеніемъ, огромныя пространства, покрытыя кругами, зубчатыми колесами, голубыми и черными линіями. А что такое была его погоня за цыганкой, какъ не проявленіе того же артистическаго воображенія, которое онъ тщетно старался въ себѣ убить. Но въ то же время онъ чувствовалъ, что разъ онъ очутится на теоретическомъ пути, то желѣзной рукой ухватится за него и заставитъ замолкнуть все прочее. И снова онъ ощутилъ внутреннюю увѣренность въ томъ, что эта желанная и въ то же время страшная минута настанетъ скоро, и съ мечтами тогда придется уже распроститься навѣки.

Нордлингъ сталъ спускаться внизъ.

— Если я не увижу Изаили сегодня, то не увижу ея никогда!—сказалъ онъ вслухъ.

— Что?—спросилъ мальчикъ въ лифтѣ.

— Ничего, внизъ, къ выходу, на улицу!—пробормоталъ Гуго.

— All right, sir!

Дверь дребезжала, проволоки гудѣли, съ быстротою молніи лифтъ былъ внизъ.

Людской потокъ на Стэтстритѣ, повидимому, еще увеличился. Мѣста увеселенія жили полною жизнью, автомобили пыхтѣли и трубили на всѣхъ углахъ. Вверху горѣли огни и слышались выстрѣлы, словно на праздникѣ четвертаго іюля. Гуго свернулъ въ переулокъ, ведшій къ театральному подъѣзду Трокадеро.

Небольшая кучка мужчинъ, въ короткихъ пальто и высокихъ цилиндрахъ, стояла передъ дверью. Кругомъ бродило нѣсколько старухъ. Два негра ожидали съ телѣжкой, намѣреваясь отвезти кое-какіе сундуки, а пока при свѣтѣ тусклой лампы играли въ карты. Отчетливо раздавались всплески воды въ Мичиганѣ о камни набережной.

Вдругъ въ вестибюлѣ показалось нѣсколько дѣвушекъ, повидимому статистокъ. Тотчасъ же онѣ были окружены ожидавшими ихъ мужчинами; одна фигура въ длинномъ резиновомъ плащѣ и легкомъ платкѣ на волосахъ поспѣшно отдѣлилась отъ общества и почти выскочила на улицу. То была Изаиль. Гуго поспѣшилъ за нею.

Онъ догналъ ее у двери маленькаго виннаго погребка, ютившагося между высокими черными амбарами, въ темномъ переулкѣ. Одинокій огонь горѣлъ надъ деревяннымъ Вакхомъ на вывѣскѣ.

— Изаиль!—сказалъ онъ, задыхаясь,—Изаиль, развѣ ты не узнаешь меня?

Она обернулась.

— Да,—сказала она только.

— Я не видалъ тебя съ той ночи, когда была гроза! Ты велѣла мнѣ отыскать тебя у Вослика. Я ходилъ туда, но тебя тамъ не было. Сегодня вечеромъ я видѣлъ тебя въ Трокадеро...

— Ахъ! Ну, какъ находишь? Я быть хороша? Красива? Но американцы не понимаютъ. Не много хлопали мнѣ.

— Они—идіоты. Ты была чудно хороша, Изаиль. Очень, очень, очень хороша! Хочешь чего-нибудь выпить и закусить? Почему не здѣсь?

— У тебя есть деньги?

— Да, конечно—бумажки...

Онъ улыбнулся.

— Хорошо! Молодецъ!

Въ ея смѣхѣ и тонѣ было нѣчто непонятное для Гуго.

Что-то притягивающее и возбуждающее... Что она этимъ хотѣла сказать, о чемъ думала?

— Молодчина!—повторила цыганка.—Молодчина русскій!

Онъ обрадовался ея словамъ: она, дѣйствительно, его помнила.

Нордлингъ толкнулъ ногою дверь; раздался звонокъ. То было совсѣмъ крошечное помѣщеніе съ винными бочками по стѣнамъ,

слабо освѣщенное съ потолка фонаремъ изъ венеціанскаго кованаго желѣза. Посѣтителей не было. Появился старый итальянецъ съ орлинымъ носомъ и сѣдыми взъерошенными волосами.

Они сѣли въ уголокъ. Изаиль распахнула плащъ. Ея обнаженныя руки сверкнули, облитыя желтоватомъ свѣтомъ. Вокругъ шеи висѣли тройныя цѣпи янтарей и серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ.

Было подано вино, фрукты, блюдо макаронъ и рисовыя клецки. Изаиль ѣла, какъ птица; до вина едва дотрогивалась. Затѣмъ закурила. Гуго, не знавшій что говорить, не спускалъ съ нея глазъ. Она стала улыбаться, и по мѣрѣ того, какъ ея золотистые глаза все болѣе суживались въ черныя щелки, она становилась мягче, теплѣе. Нордлингъ позабылъ о старомъ итальянцѣ, наклонился черезъ столъ, охватилъ ея плечи и привлекъ къ себѣ ея голову. Она вытянула узкія, фіолетовыя губы и поцѣловала его черезъ столъ. Словно птичка клюнула его клювомъ. Но одну секунду ея глаза встрѣтились съ его взглядомъ, и онъ словно заглянулъ въ позолоченную, до краевъ полную пѣнящейся мадерой чашу. Оплетенная тростникомъ бутылка была наполовину пуста; но Изаиль хотѣла уходить. Хозяинъ получилъ деньги молча. Онъ привыкъ къ страннымъ посѣтителямъ изъ Трокадеро.

Изаиль шла впередъ. Она, казалось, хорошо знала пустынныя улицы. Они пробирались по узкимъ темнымъ переулкамъ, спускались по ступенямъ, ползли вдоль стѣнъ набережной, какъ водяныя крысы, такъ что вода заливала имъ ноги. Проходили подъ мостами и віадуками, одно время шли подъ тротуаромъ. Наконецъ, показалась сѣверная часть Кларкстрита, и Изаиль остановилась.

— Я должна идти къ Вослику,—сказала она,—но не хотѣть. Ты—тутъ. Пойдемъ!

Пошли дальше, къ западу, по широкой, дурно вымощенной улицѣ. Держались въ тѣни; Изаиль судорожно сжимала его руку. Когда время отъ времени онъ крѣпко обхватывалъ ее рукою, то чувствовалъ, какъ тѣло ея извивалось подъ плащемъ, какъ змѣя.

У западнаго рукава рѣки она остановилась:

— Иди теперь! Умный мальчикъ!

Гуго запротестовалъ. Ему не хотѣлось уходить.

Цыганка медлила.

— Опасныя мѣста!—сказала она.

— Какое мнѣ до этого дѣло?

Изаиль улыбнулась.

— Ты знаешь опасную мѣстность?

— Разумѣется. Я въ ней, какъ дома.

— Ахъ!

Она вдругъ тѣсно прижалась къ нему и нѣсколько разъ кряду поцѣловала его поспѣшно, снова какъ птичка. Но когда онъ не отпускалъ ее и когда у него зашумѣло въ ушахъ, она его укусила. Затѣмъ они продолжали путь рука-объ-руку.

Вокругъ было совершенно пустынно. Завалившіеся дома и бараки стояли вдоль изрытыхъ тротуаровъ; кучи щебня смѣнялись рвами глины, надъ кривыми заборами поднимались узловатыя, голыя деревья. Свѣтъ проливали кое-гдѣ газовые фонари, красный огонь которыхъ появлялся вдругъ въ какомъ-нибудь темномъ, чуждомъ углу. Таясь словно гіены, скользили мимо людскія фигуры; за высокими покинутыми хлѣбными элеваторами виднѣлась уже линія прерій. Съ рѣки дулъ ночной вѣтеръ.

Изаиль остановилась.

— Тише!—прошептала она.

И затѣмъ:

— Свистни!

Гуго свистнулъ...

Оба разсмѣялись. Кругомъ была полная тишина. Если свистокъ долженъ былъ служить сигналомъ, то во всякомъ случаѣ на него не отвѣтили.

— Такъ пойдемъ!—сказала цыганка.

Они прошли еще нѣсколько шаговъ; теперь ясно слышны были свистъ травы и завываніе дикихъ собакъ въ преріи.

Передъ двухъэтажнымъ, окруженнымъ завалившимся палисадомъ, деревяннымъ домомъ дѣвушка остановилась. Калитка была сломана. Когда Нордлингъ поднялся вслѣдъ за нею по лѣстницѣ и случайно обернулся, то увидѣлъ за собою поднимавшійся къ облакамъ огромный городъ, красный отъ милліоновъ уличныхъ огней.

Изаиль отперла дверь, и они ощупью поднялись по крутой, скрипучей лѣстницѣ. Наверху она открыла вторую дверь, и Гуго очутился въ просторномъ помѣщеніи, гдѣ посреди стола горѣла приспущенная лампа. Окна были завѣшаны сторами. Цыганка сбросила плащъ. Комната была скудно меблирована и грязна. Мебель состояла изъ обыкновенныхъ американскихъ креселъ-качалокъ, пары диванovъ, шкафа и стола. Въ глубинѣ виднѣлась широкая двустворчатая дверь на запорѣ. Дѣвушка закинула руки надъ головою тѣмъ же движеніемъ, съ которымъ она начинала обычно пѣть. Онѣ были тонки, чудесныхъ очертаній.

Она улыбнулась.

— Ты доволенъ? Изаиль устала! Теперь уходи!

— Всѣ эти мѣста я долженъ пройти обратно? Развѣ я не могу остаться здѣсь?

Она тихо разсмѣялась. «Невозможно. Не теперь. Въ другой разъ быть можетъ. Если ты будешь молодецъ и принесешь Изаили хорошій подарокъ—если достанешь денегъ».

Гуго пошелъ къ двери. Ему казалось, что за нею кто-то двигался. Изаиль подскочила и вытянула впередъ руки. Она топнула ногой:

— Уходи! Уходи! Уходи!

— Кто живетъ за этою дверью?

— Консуэло.

Нордлингъ содрогнулся.

— Кто?—выговорилъ онъ.—Консуэло?

— Разумѣется. Консуэло и Миріамъ, и Мирра, и Изаиль.

Шведъ посмотрѣлъ на нее въ упоръ.

— Консуэло и Миріамъ, и Мирра, и Изаиль?—повторилъ онъ смущенно.

— Да. Въ слѣдующій разъ ты всѣхъ увидишь. Но Изаиль лучше всѣхъ.

Странное зрѣлище представляла собою эта двойная дверь, а передъ нею фантастически одѣтая, полунагая, смуглая дѣвушка, съ вытянутыми руками, съ горящими, какъ янтари, глазами и съ монетами на стройной, сильной шеѣ. На него напалъ страхъ.

— Долженъ ли я уйти, Изаиль?

— Да, да!

Она сдѣлала кошачій прыжокъ, охватила его руками и подвинула его назадъ. Съ улицы, издалека, донесся свистъ.

— Скорѣй! Я буду тебя много цѣловать... Изаиль—твоя... Всегда у Вослика послѣ Трокадеро... Скорѣй!

Она говорила поспѣшно, вмѣшивая въ свою рѣчь иностранныя слова.

Гуго крѣпко обнялъ ее и началъ спускаться съ темной лѣстницы. Послѣднее, что онъ видѣлъ, пока Изаиль не заперла за нимъ, была дверь въ глубинѣ, половинки которой тихо раздвинулись, образовавъ щель, горѣвшую огнемъ и пурпуромъ.

На улицѣ Гуго пошелъ быстро. Онъ бѣжалъ, словно за нимъ гнались, по направленію къ востоку. Сердце колотилось, въ вискахъ стучало, селезенка горѣла, передъ глазами плыли тѣни, а въ ушахъ сливно со свистомъ рѣяли летучія мыши. Онъ спотыкался о камни, о стволы дерева, ямы и вагонные рельсы. Тяжело дыша, добрался онъ наконецъ до Кларкстрита. Тутъ онъ оглянулся. Переулокъ, по кото-

рому онъ прошелъ, казался безконечнымъ въ темнотѣ; можно было подумать, что вдали онъ превращался въ высокую запертую дверь...

Сказка про дѣвочку Лизу.

Въ темный октябрскій день Гуго Нордлингъ сидѣлъ одиноко въ гостиной госпожи Остремъ. Онъ сидѣлъ на диванѣ, походившемъ на органъ, и тяжело и устало смотрѣлъ въ черный, пустой каминъ, карнизъ котораго былъ уставленъ всевозможною дрянью изъ гипса, фарфора, папьемаше и воску. Цѣлый день пробѣгалъ онъ, обходя конторы фабрикъ, мастерскія инженеровъ, литейныя, всевозможныя учрежденія и машинныя производства. Ѣздилъ къ Пульману, на фабрики орудій Диринга, въ стальную компанію Иллинойса. Онъ разыскивалъ такія мѣста и части города, гдѣ еще никогда не былъ, и послѣдній долларъ истратилъ на билеты уличной желѣзной дороги. Тщетно! Повсюду одинъ и тотъ же отвѣтъ: навѣдайтесь еще! А между тѣмъ, въ эту зиму не должно было быть недостатка въ работѣ. Но все зависѣло отъ президентскихъ выборовъ. Если побѣдятъ республиканцы, то работы вездѣ будетъ вдоволь, и чертежниковъ понадобятся сотни; но если побѣдятъ демократы, то всѣ дѣла будутъ закрыты.

— Что за страна! Что тутъ подѣлаешь!—вздыхалъ Нордлингъ.

Онъ не могъ разсчитывать оставаться у Остремовъ дольше.

М-ръ Остремъ нашелъ себѣ таинственное мѣсто продавца билетовъ въ какой-то городской конторѣ. Что это была за контора,—онъ не говорилъ—это было строго запрещено, по его словамъ. Онъ утверждалъ, что дѣло касалось одного изобрѣтенія.—Съ какихъ же поръ начали продавать билеты на изобрѣтенія?—Да, въ этомъ и было все дѣло, но онъ не могъ этого разсказать! Фактъ былъ, однако, тотъ, что у него были деньги. Гуго предполагалъ, что онъ продаетъ билеты въ тайномъ бюро запрещенной Луизіанской лоттереи или же занятъ чѣмъ-нибудь еще худшимъ.

Но доходъ, откуда бы онъ ни получалъ его, дѣлалъ его независимымъ по отношенію къ женѣ. И болѣе чѣмъ когда-либо онъ разыгрывалъ теперь роль прекраснаго домашняго деспота. Однажды онъ заявилъ, что одна сотоварка его,—молодая и красивая, прибавилъ онъ тотчасъ же,—должна переѣхать въ ихъ пансіонъ. Ужасу госпожи Остремъ не было предѣловъ. Но г. Остремъ заявилъ, что если для нея не найдется мѣста, то онъ уѣдетъ изъ дома. Вообще его слѣдовало бы благодарить за то, что онъ пытается привлечь въ пансіонъ платящихъ жильцовъ, вмѣсто безработныхъ воровъ, которымъ пансіонъ до сихъ поръ служилъ пріютомъ. Не было сомнѣнія—Нордлингъ долженъ уѣхать. Онъ случайно въ эту минуту былъ единственнымъ

квартирантомъ, не могшимъ внести денегъ, и его комнатка была единственною, о которой могла идти рѣчь. Къ тому она была расположена этажомъ выше, надъ комнатой хозяина.

Въ квартирѣ и кромѣ этого было много печальнаго. Малютка шведки-танцовщицы опасно заболѣла. Ея кашель раздавался ночью по всему дому, и Гуго отъ боли и состраданія иногда стоналъ самъ. Для него не было ничего ужаснѣе страданій ребенка; это была высшая несправедливость міра. Все другое въ своемъ теперешнемъ состояніи онъ могъ бы перенести хладнокровно, но слезы, единое рыданіе маленькаго, слабаго существа, были для него невыносимы. Онъ вначалѣ пробовалъ садиться у кровати малютки и разсказывать ей сказки; но по мѣрѣ того, какъ въ маленькой груди хрипѣло съ каждымъ днемъ все сильнѣе, глаза дѣлались все больше и горѣли все лихорадочнѣе на худомъ личикѣ, съ золотистыми локонами, прилипшими къ блѣдному холодному лбу, онъ долженъ былъ прекратить разсказы. Когда онъ видѣлъ, какъ исхудалыя ручки ощупывали старое, поношенное одѣяло, когда онъ слышалъ смертельный кашель и чувствовалъ свою безпомощность, то приходилъ въ совершенное бѣшенство и поспѣшно выбѣгалъ изъ комнаты, чтобы заглушить проклятія, горѣвшія у него на устахъ. Мать, несчастная, одинокая уличная дѣвушка, была въ отчаяніи. Далекая отъ мысли смотрѣть на смерть ребенка, какъ на нѣчто лучшее для нихъ обѣихъ, она имѣла видъ, что ея собственная жизнь зависитъ только отъ жизни маленькой Лизы. Каждый вечеръ танцовала она у Макъ-Викера въ «Али-Баба и сорокъ разбойниковъ»; но послѣ этого всю ночь дежурила у постели больной малютки.

Однажды, отъ горя и печали, въ столовой у нея сдѣлался истерическій припадокъ. Мистеръ Гарденъ, американецъ и самый почетный гость въ пансіонѣ, сказалъ по этому поводу плачущей госпожѣ Остремъ, съ тонкой ироніей коснувшись всѣхъ неустройствъ дома:

— Что этотъ домъ—пріютъ для нищихъ и госпиталь, я знаю давно. Знаю и то, что онъ скоро превратится въ притонъ разврата. Если же онъ сверхъ того онъ станетъ пріютомъ для идіотовъ, то я ужъ лучше отсюда выѣду...

Гуго не отрывалъ глазъ отъ мебели въ гостиной. Въ темнотѣ он походила на уродливыхъ звѣрей. Бахрома, плюшевые лоскутки и ружева драпировокъ напоминали лапы и хвосты развѣшанныхъ ды просушки шкурокъ. Внизу въ кухнѣ хозяйка ругалась съ новою пр слугой. Послѣдняя ядовито просила охранить ее отъ покушеній хо лина дома. Прошлою ночью онъ сдѣлалъ попытку проникнуть къ не въ комнату. Разразилась цѣлая буря. Мѣдныя кострюли звенѣли,

какъ трубы, двери трещали, какъ выстрѣлы изъ пушекъ. Въ гостиную вмѣсто угольнаго дыма проникъ чадъ отъ прогорклаго сала. Сквозь тонкія стѣны раздавался ужасающій кашель Лизы.

Нордлингъ прислушивался равнодушно. Какое горе! Изаили онъ не видалъ послѣ той ночи въ Трокадеро. Порою ему казалось, что она—лишь созданіе его воображенія. Раза два ходилъ по вечерамъ къ Воспику и пилъ тамъ пиво, закусывая безплатнымъ ужиномъ. Но ея тамъ не было. Изъ Трокадеро она тоже исчезла. Черезъ нѣсколько дней она вдругъ перестала выступать, не сказавъ ни одному человѣку, куда она уходитъ. Никто ничего о ней не зналъ.

«Кто она?» думалъ Нордлингъ въ сотый разъ. И пытался снова разобраться въ томъ впечатлѣніи, которое она на него производила.

Любитъ ли онъ ее? Да... нѣтъ... да... нѣтъ! Онъ только чувствовалъ, что при мысли о ней въ немъ растетъ совершенно безумная страсть, заливающая его огненными, голубыми волнами. Она въ его глазахъ была воплощеніемъ всего женски-мистическаго и въ то же время всего фантастически-художественнаго, о чемъ онъ только когда-либо мечталъ. Да, это было такъ: мистика, женщина! Но въ какія формы могли вылиться между ними какія бы то ни было отношенія? Предположивъ даже самое лучшее, состояніе, деньги,—жениться онъ на ней не могъ. Фантастическая ночная бабочка не годилась даже и въ возлюбленныя—они едва могли говорить на одномъ языкѣ. Во всемъ ея обращеніи было столько внезапнаго холода, сколько и импульсивной теплоты. Вообще, гдѣ жила она? По всей вѣроятности, онъ никогда ея больше не увидитъ. Снова припомнились ему всѣ подробности двухъ свиданій съ нею. Она спустилась изъ черной тучи, какъ буревѣстникъ, и вмѣшалась въ толпу несчастныхъ, обездоленныхъ на землѣ; онъ послѣдовалъ за нею во мракъ, и таинственная запертая дверь положила предѣлъ его надеждамъ. Она все болѣе и болѣе превращалась для него въ символъ, и въ томъ возбужденномъ состояніи, въ которомъ жилъ Нордлингъ въ послѣдніе мѣсяцы, онъ былъ склоненъ счесть все это за пророческій сонъ, за игру воображенія.

«Она—откровеніе, галлюцинація,—а я—я просто черезчуръ плохо питаюсь»...

Дверь гостиной распахнулась, и въ комнату вошла хозяйка. Щеки ея пылали, крошечный носикъ горѣлъ, какъ уголекъ, а глаза были красны отъ слезъ.

— О, Боже, мистеръ Нордлингъ, охъ, охъ,—малютка миссъ Модъ умираетъ, а матери нѣтъ дома—а мистеръ Гарденъ,—охъ, охъ,—и мистеръ Остремъ—чистое горе—хотятъ уѣхать!

Гуго словно проснулся. Его мечты объ Изаили разлетѣлись, какъ облака отъ вѣтра. Онъ видѣлъ передъ собою только Чикаго, городъ дѣйствительности, на который жизнь и день и ночь ежечасно, ежеминутно накладывала свою исторію, сильнѣе, чудеснѣе и суровѣе, чѣмъ дѣтскія сказки...

Онъ всталъ съ органа.

— Доктора!... есть у васъ?...

— Конечно, конечно... но доктора Фрика нѣтъ дома... надо ли послать за американцемъ?

— Разумѣется, во что бы то ни стало, госпожа Остремъ...

Старуха крикнула нѣсколько приказаній на лѣстницу. Внизу хлопнула дверь.

— Когда я вышла, малютка лежала уже вся синяя... она навѣрное задохнется...

Гуго прервалъ ее. У него выступилъ холодный потъ отъ безсильной жалости и отчаянія.

— Добрѣйшая мистрисъ Остремъ, помолчите! Если бы сбѣгать къ Макъ-Викеру—что вы на это скажете?

— Ues, yes, но прежде выслушайте, что скажетъ докторъ Смитъ—онъ живетъ на углу улицы Честнатъ и Дирборнъ...

— Разумѣется... конечно... certainly...

Раздался звонокъ...

Гуго поспѣшилъ отпереть дверь. На площадкѣ покачивалась небритая, грязная, одѣтая въ черное, фигура. Въ рукахъ у нея была потертая кожаная сумка. Фигура пробормотала:

— Пока... пока.... есть жизнь... есть... надежда!... Знаешь...

То былъ докторъ Смитъ.

Онъ попытался было взойти по лѣстницѣ, но споткнулся. Добравшись наконецъ до верху, онъ едва не упалъ. Отъ него пахло карболкой и водкой.

— Извините,—выговорилъ онъ,—но business is business. Я не знаю здѣшняго дома. Кто... заплатитъ мнѣ за услуги?

Нордлингъ задрожалъ, словно на морозѣ.

— Докторъ,—сказалъ онъ,—домъ принадлежитъ намъ.

— Такъ, такъ... разумѣется. Вы понимаете, милостивый госу[дарь], я долженъ былъ учиться два года—два года, прежде чѣмъ сдать э[кза]менъ на доктора въ Висконсинѣ... Для бѣднаго человѣка это дол[го]. До того же я былъ простымъ цирюльникомъ. Но нашему народу в[ѣчіе] сообщаетъ именно работа. Нашъ гордый орелъ будетъ всегда р[аспро]стирать крылья надъ звѣзднымъ знаменемъ... надъ народомъ с[вобо]дныхъ сыновъ, милостивый государь! Моя такса всего пять дол-

ларовъ, милостивый государь. Вѣдь это не болѣе какъ дитя... Вообще же я хирургъ, милостивый государь, спеціалистъ по венерическимъ болѣзнямъ...

Гуго еще разъ содрогнулся. Онъ обдумывалъ, впускать ли въ домъ пьянаго шарлатана, или выгнать его на улицу. Но въ эту минуту появилась уже госпожа Остремъ и попросила доктора войти.

Онъ подошелъ къ кровати, на которой лежала умирающая дѣвочка. Ея глаза уже не глядѣли, какъ глаза мертвой птички, крошечный блѣдный ротикъ былъ полуоткрытъ. Золотыя пряди волосъ смокли отъ пота и, словно срѣзанные стебли цвѣтовъ, разсыпались по грязно-сѣрой подушкѣ.

Докторъ Смитъ откинулъ одѣяло и обнажилъ исхудалое маленькое тѣльце. Гуго показалось, словно онъ является свидѣтелемъ святотатства. Госпожа Остремъ всхлипнула. Въ дверяхъ тѣснилась прислуга.

— Есть ли въ домѣ у васъ водка?—спросилъ врачъ.

— Зачѣмъ?—рѣзко отвѣтилъ Нордлингъ.

— Чтобы влить ея немного въ маленькій трупикъ и растерть его ею, разумѣется. Пока теплится еще жизнь, нельзя терять надежды.

Онъ открылъ свой кожаный мѣшокъ. Тамъ были ножницы, щипцы, ланцеты и ножи. Они были нечищены, на однихъ были капли крови, другіе покрыты словно гноемъ, нѣкоторые заржавѣли. Въ глазахъ у Гуго все покраснѣло. Онъ съ трескомъ захлопнулъ замокъ футляра.

— Вонъ!—крикнулъ онъ, указывая на дверь.—Вонъ! Вы—пьяны!

— Вы съ ума сошли, милостивый государь?—сказалъ Смитъ.—Проклятый шведъ!...

У Нордлинга пылала голова. Онъ бросился на американца, схватилъ его за горло и потащилъ его къ двери, на площадку, затѣмъ внизъ по лѣстницѣ и выбросилъ его на улицу.

Смитъ лежалъ на тротуарѣ. Ящикъ съ инструментами Нордлингъ ногою вышвырнулъ ему вслѣдъ.

Докторъ не ушибся. Онъ плакалъ отъ страха и бормоталъ:

— Пока есть еще жизнь...

Шведъ не владѣлъ уже собою. Онъ схватилъ Смита снова за шиворотъ и прижалъ его къ каштановому дереву, стукая его головой о стволъ.

— Вы вовсе не докторъ,—шипѣлъ онъ.—Вы—плутъ и убійца!

Онъ трясъ его неудержимо. Онъ чувствовалъ въ мускулахъ силу гиганта.

— Берегитесь!—рычалъ онъ, скрежеща зубами.—Завтра я о васъ заявлю. Я знакомъ съ дюжиною докторовъ...

— Пустите меня! — хрипѣлъ Смитъ.— Отпустите меня ради Бога—прошу у васъ прощенія... я... бѣдный человѣкъ... Я—спеціалистъ...

Гуго отпустилъ его. Смитъ пошелъ прочь, шатаясь. Кожаный мѣшокъ остался на тротуарѣ.

— Эй!—закричалъ Нордлингъ.—Вернитесь!

Докторъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

Съ проклятіемъ бросился за нимъ шведъ и схватилъ его за плечи. Смитъ побѣлѣлъ отъ страха:

— Боже мой, вы хотите меня погубить?

— Вернитесь, говорю вамъ! Поднимите вашу сумку и возьмите ее съ собою!

Смитъ повиновался съ покорностью собаки. Послѣ этого онъ сдѣлалъ большой кругъ по улицѣ и исчезъ въ сумеркахъ.

Нордлингъ стоялъ съ минуту оглушенный. Въ головѣ у него мутилось. Вдругъ онъ услышалъ плачъ госпожи Остремъ и причитанія дѣвушекъ на лѣстницѣ. Онъ вошелъ.

— Не бойтесь, госпожа Остремъ,—сказалъ онъ спокойно.—У васъ не будетъ больше непріятностей. Сейчасъ я схожу и приведу миссъ Модъ.

Онъ повернулся и пошелъ, направляясь къ Кларкстриту. Онъ снова былъ совершенно спокоенъ, хотя чувствовалъ, словно въ мозгу у него копошатся тысячи муравьевъ. Вспышка была естественною реакціей и относилась менѣе къ Смиту, чѣмъ ко всему періоду его голоданія въ новой землѣ. Онъ улыбнулся:

— Я понемногу становлюсь американцемъ!

Дойдя до угла, гдѣ стоялъ продавецъ финиковъ со своею телѣжкой, онъ вспомнилъ, что у него не было денегъ. Но онъ не захотѣлъ вернуться и взять мелочи у старухи.

— Пойду какъ можно скорѣе, вмѣсто того, чтобы ѣхать,—подумалъ онъ. И побѣжалъ.

Не видя вокругъ себя ни домовъ, ни людей, достигъ онъ моста и поспѣшилъ въ городъ. На углу улицы Монроэ свернулъ влѣво. Тамъ находился огромный театръ Манъ-Викера. Электрическіе щиты обливали свѣтомъ громадные плакаты съ пестрыми сценами изъ пантомимы Али-Баба и сорокъ разбойниковъ.

Онъ свернулъ въ ближайшій переулокъ. Здѣсь находился по

всей вѣроятности входъ въ театръ. Въ глубинѣ горѣлъ фонарь. На длинной телѣгѣ, стоявшей у бокового входа, были нагромождены кулисы. Гуго вошелъ. Никого не было видно. Онъ поднялся по крутой лѣстницѣ, освѣщенной оранжевымъ свѣтомъ газовыхъ лампъ, и очутился во дворѣ. Со двора вели въ домъ нѣсколько стеклянныхъ дверей. Онъ толкнулъ одну изъ нихъ, но сильный порывъ вѣтра тотчасъ же ее захлопнулъ. Вблизи раздались шаги, и Нордлингъ обернулся. Онъ увидѣлъ передъ собою маленькую, обитую черною клеенкою дверь. Онъ прошелъ въ нее и очутился въ глубинѣ сцены. Широкая лѣстница вела въ гардеробныя и на сцену.

Нордлингъ остановился въ нерѣшимости. Занавѣсъ, повидимому, только что упалъ по окончаніи акта; онъ слышалъ еще шумъ рукоплесканій, а оркестръ заигралъ антрактную пьесу. Гуго рѣшилъ попытаться.

Медленно поднялся по широкой лѣстницѣ. За собою слышалъ смѣхъ и дѣвичьи голоса. За дверью была вторая небольшая лѣстница. Онъ очутился на какомъ-то деревянномъ возвышеніи и хотѣлъ идти дальше.

Но у входа ему преградилъ дорогу человѣкъ въ грязномъ сюртукѣ и брюкахъ, усыпанныхъ мукою. Смѣшное въ одеждѣ человѣка было еще усилено краснымъ короткимъ носомъ и шерстяною фуфайкой, выглядывавшей изъ вырѣза сюртука вмѣстой крахмальной рубашки.

— Что вамъ угодно?—спросилъ человѣкъ, по произношенію судя, ирландецъ,—сюда никого не пускаютъ.—Или вы—фотографъ?

Гуго смотрѣлъ на лѣстницу передъ собою. За спиною маленькаго комика лился широкій потокъ свѣта. Онъ прорѣзывалъ пыльную темноту, образуя на полу свѣтлый кругъ. Освѣщенные имъ, блестѣли кругомъ странные приборы изъ мѣди и никеля.

— Чего вамъ нужно, однако, чортъ возьми!

— Мнѣ нужно видѣть Модъ.

— Модъ въ самой глубинѣ. Подождите минутку!

Гуго сталъ подниматься по лѣстницѣ.

— Послушайте,—сказалъ онъ,—я ея другъ. Понимаете? Я живу въ томъ же домѣ. Ребенокъ ея при смерти.

Ирландецъ сдѣлалъ шагъ назадъ, быть можетъ, при видѣ высокаго роста Нордлинга, быть можетъ, вслѣдствіе серьезности его тона; видъ у него былъ во всякомъ случаѣ такой, словно онъ видитъ передъ собою сумасшедшаго.

— О какой Модъ вы говорите?—спросилъ онъ измѣнившимся голосомъ.

Гуго молчалъ. Какъ звали собственно шведскую танцовщицу, которая за нищенское вознагражденіе въ нѣсколько центовъ танцовала въ лучшемъ театрѣ столицы,—среди сотенъ такихъ же несчастныхъ, какъ она, въ одномъ изъ послѣднихъ рядовъ, по всей вѣроятности? Именемъ Модъ она назвалась въ тотъ вечеръ, когда онъ разсказывалъ сказку, но старая госпожа Остремъ звала ее Лиза. И почему бы ей, шведкѣ, не называться Лизой?

Онъ сказалъ вслухъ:

— Она называетъ себя Модъ, но...

Маленькій человѣкъ прервалъ его:

— Здѣсь у насъ только одна Модъ: Модъ Уильямсъ—пѣвица. Не ее же, по всей вѣроятности, вы разыскиваете?

Онъ улыбнулся, но безъ злобы, въ то время какъ его взглядъ скользнулъ по обтрепанной одеждѣ Нордлинга.

Гуго невольно покраснѣлъ.

— Нѣтъ, разумѣется нѣтъ. Но... ее зовутъ также Лиза...

Ирландецъ покачалъ головой:

— Не знаю...

— Она не болѣе, какъ статистка... Она изъ Швеціи...

— Ахъ!

Лицо клоуна приняло новое выраженіе. Слабое выраженіе покорности и боли, словно и эта игра лица входила въ родъ его заученныхъ гримасъ. Но какъ только Гуго раскрылъ удивленно глаза, искра разума погасла вновь, и его взглядъ встрѣтилъ то же равнодушное и жестокое лицо.

— Шведка!—сказалъ актеръ,—шведка. Ну, милый другъ, ея ужъ нѣтъ!

— Нѣтъ?

Снова на обезьяньемъ лицѣ промелькнуло что-то необъяснимое. Но Гуго узналъ это выраженіе. То не былъ отсвѣтъ электрическаго фонаря, то не было отраженіе чувства симпатіи, внутренней теплоты, которая въ теченіе двухъ минутъ согрѣвала эту маску. Нѣтъ, то было бѣглое выраженіе судорожнаго раздумья, страха, братской тос-
которое онъ уловилъ въ ресторанѣ во время грозы на смугломъ
цѣ цыганки и въ лунную ночь передъ виллой милліонера на озерѣ
чиганъ, въ хмуромъ лицѣ полицейскаго. Внезапное чувство без-
щности передъ огромной загадкой, исканіе во тьмѣ братской
и,—этого черты не могли скрыть, какъ бы онѣ ни были застывши.

Но эти размышленія длились всего нѣсколько секундъ, какъ и
лица маленькаго человѣка. Надъ ихъ головами что-то зашипѣло,

свѣтъ погасъ, затѣмъ вспыхнулъ съ новой силой и упалъ снова тѣмъ же круглымъ пятномъ на пыльномъ полу.

— Да, да,—сказалъ ирландецъ.—Той уже нѣтъ. Мнѣ-то до этого никакого дѣла нѣтъ, я комедіантъ, акробатъ, представляющій обезьяну, а она была лишь маленькая танцовщица. Она разсказывала, что пѣла въ королевской оперѣ въ Стокгольмѣ. Well, Well. Но, можно сказать спокойно, она ничего не умѣла—буквально ничего! Сегодня случилась катастрофа, пантомима даетъ не особенно хорошіе сборы, и нашъ режиссеръ очень грубъ. Жалованье свое шведка забрала уже за недѣлю впередъ, и сверхъ того у нея были кое-какіе мелкіе долги. Итакъ, она и еще съ десятокъ въ томъ же положеніи были разсчитаны. До свиданія... А?

Онъ сдѣлалъ равнодушное движеніе рукой, пожалъ плечами и сощурилъ глаза.

— Да,—сказалъ Гуго,—я едва знаю дѣвушку; и я не любовникъ ея. Но какъ я уже сказалъ, ея ребенокъ умираетъ...

Онъ задумался надъ выраженіемъ «только маленькая танцовщица». Это вызвало въ немъ ассоціацію идей. Ему вспомнилась выставка Дегаса, въ институтѣ искусствъ, на которой рядомъ съ крупными произведеніями этого художника висѣли также и его рисунки углемъ. На одномъ изъ нихъ была изображена худощавая дѣвушка, костлявая, изголодавшаяся, переутомленная: балетчица, но безъ огней рампы, безъ слоя пудры и румянъ, безъ блеска мишуры. Тяжело дыша, нагибается она въ углу кулисы и завязываетъ крестъ на крестъ ленты у башмаковъ на подъемѣ. Какъ безобразна, какъ угловата, какъ утомлена она, съ ея острыми локтями и тощими, некрасивыми икрами! Дитя улицъ, уличной грязи, всего маленькая танцовщица!

Раздался рѣзкій электрическій звонокъ, отъ котораго они оба вздрогнули. Почти одновременно прокричалъ что-то звонкій голосъ, затѣмъ раздались громкіе аплодисменты, и голосъ, привыкшій приказывать, произнесъ длинную тираду. Онъ звучалъ почти надъ ихъ головами.

Комикъ выпрямился.

— Да, да,—сказалъ онъ,—о, yes, я понимаю.

Онъ поникъ головою.

Нордлингъ видѣлъ, какъ по сторонамъ нарумяненнаго носа катились слезы. И онъ слышалъ, какъ клоунъ прошепталъ хрипло и невнятно:

— Я также былъ однажды, давно это было, въ Дублинѣ, влюб-

ленъ въ танцовщицу. Да, да, въ то время я жилъ на ея средства... Poor girl—она умерла. Магги звали ее.

— Онъ мнѣ не вѣритъ,—пробормоталъ Гуго.

— Очень благодаренъ,—сказалъ онъ громко.—До свиданья!

— Мнѣ пора одѣваться,—сказалъ ирландецъ, исчезая въ косыхъ лучахъ свѣта, которые, казалось, всасывали въ себя, уничтожали, сжигали его тѣнь.

Когда Нордлингъ спускался по лѣстницѣ, оркестръ заигралъ шумный маршъ. Звуки вырывались на улицу, которая теперь была окутана тьмою.

Усталымъ шагомъ тащился Гуго домой. Былъ прохладный вечеръ съ яснымъ небомъ, вѣтеръ дулъ съ сѣвера и гналъ облака надъ озеромъ Мичиганъ. Звѣзды сіяли ярко и холодно. Въ этомъ году ждали ранней зимы.

Гуго задрожалъ при этой мысли.

— Если я черезъ двѣ недѣли не достану работы, то уѣду отсюда—будь что будетъ. Тогда, конечно, это—смерть.

Черезъ мостъ! Вверхъ по длинной улицѣ. Передъ рестораномъ Вослика онъ задержалъ шагъ, но тотчасъ же пошелъ дальше. Онъ едва не поддался искушенію войти и спросить себѣ стаканъ виски въ кредитъ.

«Если бы пришелъ О'Нейль,—подумалъ онъ,—я бы съ нимъ напился такъ, что мы оба тутъ же помѣшались бы!»

Наконецъ и улица Честнатъ. Окна столовой въ ихъ квартирѣ были освѣщены, комната была полна народу. Онъ взглянулъ на наружную дверь: въ самомъ дѣлѣ, тамъ на ручкѣ висѣлъ уже маленькій вѣночекъ съ большой розеткой и длинными лентами. Ленты были бѣлыя, въ знакъ того, что умеръ ребенокъ. Гуго подумалъ о томъ, что скоро, быть можетъ, придется вывѣсить тутъ же и пару длинныхъ креповыхъ концовъ, въ знакъ того, что взрослый, мать послѣдовала за ребенкомъ.

— Гдѣ она можетъ быть сейчасъ?

Онъ повторилъ этотъ вопросъ вполголоса въ прихожей, гдѣ б ло темно. Къ нему вышла старуха Остремъ, одѣтая въ черное. Э его тронуло. Старуха всхлипывала.

— Она была здѣсь, несчастная! Бѣдная, бѣдная, конечно, это г ько для нея! Теперь она совсѣмъ одна! И ничего, кромѣ голой к цеты. Она даже не плакала, не странно ли это? Она стояла молча и олько глядѣла на маленькій трупъ. Потомъ дала мнѣ десять дол- ъ и ушла. А десять минутъ спустя пришелъ Линнъ, у котораго

похоронное бюро въ Кларкстритѣ, и повѣсилъ на дверь вѣночекъ—таковъ обычай. Она была у него и заказала дубовый гробъ и все. И заплатила, и все такое. Ахъ, Боже мой! Лишь бы она себѣ не сдѣлала какого худа!

Кто-то позвалъ г-жу Остремъ изъ кухни. Гуго ушелъ въ свою комнатку. Онъ не могъ ѣсть. Не раздѣваясь легъ онъ вытянувшись на постель и глядѣлъ въ темноту. Тѣнь отъ окна тонкою сѣткою плясала на бѣломъ потолкѣ. Словно черныя бабочки на свѣтломъ фонѣ. Уличный фонарь свѣтилъ сквозь листву стараго дерева на дворѣ. Гуго смотрѣлъ, смотрѣлъ... Ему хотѣлось умереть, какъ умерла маленькая Лиза въ маленькой комнатѣ...

Но Лиза-танцовщица въ ту минуту шла одиноко по переулку, который велъ къ устью рѣки.

Ее охватила смертельная усталость; голова была пуста. А на губахъ все же играла улыбка, виднѣлись слѣды пудры и румянъ. Глаза смотрѣли прямо, зрачки походили на двѣ неподвижныя точки.

Дойдя до высокой набережной, шедшей здѣсь въ уровень съ перилами моста, она выбрала себѣ мѣстечко, гдѣ могла бы спуститься внизъ по откосу. За большимъ амбаромъ его нашла; сошла осторожно, держась за высокіе столбы, возвышавшіеся изъ песка словно мачты, и дошла наконецъ до озера.

Солнце давно зашло; было темно. Надъ Мичиганомъ громоздились высокія груды тучъ. Красные огни маяка сверкали надъ черносиней водой. На западѣ облака были обрамлены красными и золотыми полосками. Съ внѣшняго пункта набережной по другую сторону рѣчного рукава, гдѣ были расположены высокіе торговые дома, фруктовыя палатки и рыбный кварталъ, лился ослѣпительный электрическій свѣтъ.

Лиза спустилась къ водѣ. Она вошла въ воду. Вода омывала ея башмаки.

Она стояла между двумя баржами съ угольями. Масляная и тинистая вода несла на себѣ всякую грязь. Тамъ было все, начиная съ дохлыхъ крысъ и кончая корками апельсиновъ и банановъ, опилками, бумажками,—всѣми дневными отбросами большого города.

Но Лиза не ощущала запаха, не видѣла грязи, колыхавшейся на водѣ. Она вспоминала сказку.

Сказку о маленькой Лизочкѣ, отправившейся на чужбину, на большомъ листѣ рѣчной розы, и встрѣтившей злыхъ и безобразныхъ жабъ, дрожавшей отъ холода и погибшей отъ голода и усталости. Въ концѣ-концовъ она добралась до дворца принца, получила бѣлыя крылья и потонула въ блаженствѣ и красотѣ.

Танцовщица двигалась дальше. Вода доходила ей до колѣнъ и оттягивала уже внизъ ея юбки.

Вдругъ зазвонили колокола на католической церкви Notre Dame. Полоса яркаго свѣта со стороны рынка упала наискось черезъ рѣку и освѣтила дѣвушку.

Въ ея игрѣ все измѣнило свой видъ. Вода свѣтилась, какъ смарагды. Корки банановъ превратились въ блестящія лодочки, цѣлыя флотиліи которыхъ выплывали навстрѣчу принцессѣ. Небо пылало, огонь маяка сверкалъ какъ звѣзда, а на водѣ переплетались тонкія серебряныя нити, готовясь принять долго жданную гостью.

Она сложила руки, крѣпко прижала ихъ къ груди и упала впередъ.

Расходящіеся круги грязной воды свѣтились всѣми цвѣтами радуги, смыкались въ вѣночки незабудокъ, изъ которыхъ тянулись маленькія ручки и горѣли дѣтскіе глазки; всѣ звѣзды сверкали, всѣ огни свѣтились и всѣ колокола звучали и пѣли въ тотъ вечеръ, когда маленькая Лиза вступала въ блаженное царство сказокъ.

Перев. **Ал. Чеботаревская.**

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

МАКОВЪ ЦВѢТЪ.

Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Въ голубые, священные дни
Распускаются красные маки.
Здѣсь и тамъ лепестки ихъ—огни—
Подаютъ намъ тревожные знаки.

Скоро солнце взойдетъ.
Посмотрите—
Зори красныя.
Выносите
Стяги ясные.
Выходите
Впередъ
Дѣвицы красныя.

Краснымъ полымемъ всходитъ Любовь.
Цвѣтъ Любви на землѣ одинаковъ.
Да прольется горячая кровь
Лепестками разбрызганныхъ маковъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

18-е октября 1905 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Арсеній Ильичъ Мотовиловъ—профессоръ-филологъ. Подъ шестьдесятъ. Худой, болѣзненный, нервный. Не безъ благородства.

Наталья Петровна—жена его. Тихая, скорѣй полная. Не суетлива, проста.

Анна Арсеньевна Бунина—лѣтъ 30. Увядшая, восторженная, всегда въ волненіи, вдова.

Соня—блѣдная, худенькая, нервная дѣвушка лѣтъ 25.

Андрей—студентъ. Обыкновенное, молодое лицо.

} Дѣти ихъ.

Петръ Петровичъ Львовъ—генералъ-лейтенантъ, братъ Натальи Петровны. Добродушенъ, безъ военной выправки.

Іосифъ Іосифовичъ Бланкъ—еврей. Молодъ, но не юноша. Говоритъ безъ акцента.

Евдокимовна—старуха нянька. Готовитъ и завѣдуетъ хозяйствомъ.

Фима—молоденькая деревенская горничная.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ квартирѣ Мотовиловыхъ.

Столовая въ домѣ Мотовиловыхъ.—Арсеній Ильичъ и Наталья Петровна кончаютъ поздній обѣдъ.—На столѣ канделябръ со свѣчами.—Фима убираетъ посуду.—Входитъ Евдокимовна.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна, Фима, Евдокимовна.

(Во время перваго явленія Фима то входитъ, то уходитъ.)

Евдокимовна.—Кофе прикажете подать?

Наталья Петровна.—Кофе? Нѣтъ, няня, подавай лучше прямо самоваръ. Ужъ поздно. Подойдутъ, такъ чаю хоть сразу напьются.

Евдокимовна.—Слава Богу, девятый часъ. Сонюшка хоть позавтракавши убѣжала, а вотъ Андрей-то Арсентьевичъ съ самаго что ни на есть утра ни чаю не выпилъ, ни что. Фимка въ булочную только побѣжала, а онъ, гляжу, черезъ кухню ужъ въ пальтѣ, и готово дѣло. Куда? Что? Хоть бы чаю-то выпилъ. А теперь и не пообѣдавши.

Наталья Петровна.—Ну, онъ часто къ обѣду не приходитъ. Съ чаемъ закуситъ чего-нибудь.

Евдокимовна.—А тутъ Фимка изъ булочной бѣжитъ: флаги, говоритъ, вездѣ навѣшиваютъ по улицамъ, и спокойствія нѣтъ, а дворники между собою гурчатъ. Я изъ окна-то выглянула,—дѣйствительно, правда, флаги. Что такое, почему? Ясное дѣло—потому что бунтъ.

Наталья Петровна.—Да вѣдь говорили тебѣ, няня, что флаги по случаю манифеста. Манифестъ вышелъ о свободѣ. Никакого бунта нѣтъ.

Евдокимовна *(ехидно)*.—Нѣту! То-то и видно, что нѣту. Лавки это позабиты, куру, и то Христомъ Богомъ у Иванъ Федотьича, съ воротъ ходила, выпросила, а свѣчей нѣтъ и нѣтъ, и лампы какъ не горѣли, такъ и не горятъ. Ужъ коли бы манифестъ, такъ лампы-то первымъ дѣломъ бы зажглись. А вы хоть на улицу извольте взглянуть: тьма тьмущая. Ясное дѣло: бунтуютъ и бунтуютъ. Тьфу! Чтобъ вамъ на свою голову.

Наталья Петровна.—Ты самоваръ-то неси. Поставленъ онъ у тебя?

Евдокимовна.—Вотъ еще, спасибо, вода есть сегодня. А съ завтрашняго дня, мнѣ самъ старшій говорилъ, опасайтесь, говоритъ, очень и очень, потому что по всѣмъ видимостямъ будетъ и забастовка воды.

Арсеній Ильичъ.—Да брось ты болтать, Евдокимовна!

Говорятъ тебѣ—манифестъ! Что они просили—дали, и теперь забастовки прекратятся.

Евдокимовна *(всплескивая руками)*.—Дали? Это еще, какъ свѣтъ стоитъ, не бывало, чтобъ бунтовщикамъ дали бунтовать. Нате, молъ, пожалуйте.

Фима *(вноситъ самоваръ)*.—Дарья Евдокимовна, а поглядить, кажись воду въ куфнѣ заперли.

Евдокимовна.—Вотъ оно. Вонъ онъ манифестъ-то. *(Фимѣ.)* А ты тоже, заперли, заперли... Дверь-то лучше запирай. На лѣстницѣ, на черной, тростишь съ разными личностями. Больно бойка стала, бунтовщица!

Фима *(обижается)*.—Да что это, право, Дарья Евдокимовна, словами ругаетесь. Съ которыхъ это поръ бунтовщица, да бунтовщица. Я и сама ихъ смерть боюсь. Звали позавчера прислугу въ 24 номеръ, митинка, что ли, какая-то, разговоры, молъ, будутъ...

Евдокимовна *(перебивая)*.—Ну, да; чтобъ противъ подняться...

Фима.—Такъ пошла я, что ли? Ну ихъ совсѣмъ и съ митинкой. Страсть и страсть. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же безъ Фимы.

Евдокимовна.—Небось, доиграются! Ноньче, какъ ужъ сильно-то взбунтовало ихъ, такъ Иванъ Корнѣичъ говорилъ, на Загородномъ столько набили, самъ онъ едва въ ворота спрятался. Не болѣ какъ два часа назадъ и пришелъ.

Наталья Петровна *(взволнованно)*.—Да, ну, няня, можно ли такіе пустяки? Опять тебѣ кто-то вздору наговорилъ. Ничего этого быть не могло. Вонъ звонятъ. Вѣрно, Соня.

Евдокимовна.—И то, кабы далъ Богъ, Сонюшка! У меня нынѣче, какъ вздумаю о Сонюшкѣ, такъ ноги и подгибаются, такъ и подгибаются. И чего глядѣть? Кофточку коротенькую надѣла—побѣжала. *(Уходя.)* А ужъ насчетъ Загороднаго—это какъ угодно. Это Иванъ Корнѣичъ собственными глазами видѣлъ. Врать не будетъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Наталья Петровна и Арсеній Ильичъ.

Наталья Петровна.—Правда, хоть бы Соня. Евдокимовна вѣчно со своими ужасами. И знаешь, что половину навыдумаетъ, а все же какъ-то безпокойно.

(Входитъ генералъ, Петръ Петровичъ Львовъ, въ походной формѣ, а нимъ Евдокимовна.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна, генералъ, Евдокимовна.

Наталья Петровна.—Пьерушка! Ты какъ попалъ?

Генералъ.—Евдокимовна, рюмку водки генералу и закусонъ какой-нибудь. Живо!

Евдокимовна.—Сейчасъ, сейчасъ, батюшка. *(Достаетъ изъ буфета водку и закуску.)*

Генералъ.—Объѣзжалъ свой районъ. Былъ рядомъ въ манежѣ. Вотъ и зашелъ. Два дня не видались.

Арсеній Ильичъ.—Ну, разсказывай, что знаешь. Вѣдь мы сидимъ, никого не видимъ.

Евдокимовна *(держа подносъ съ закуской).*—Кушайте на здоровье!

Генералъ.—Да что тутъ разсказывать. Никто ничего толкомъ не знаетъ. Вчера стрѣляли, а сегодня прячься, пусть красные флаги гуляютъ. Да и сегодня стрѣляли.

Наталья Петровна.—Какъ, сегодня? Такъ, правда, стрѣляли?

Генералъ.—Да, у Технологическаго.

Евдокимовна.—Говорила я вамъ, барыня,—старой дурой обозвали. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же безъ Евдокимовны.

Арсеній Ильичъ. — Чепуха какая-то идетъ. Ничего не разберешь.

Генералъ.—Ну, а дѣти что?

Арсеній Ильичъ.—Анюта у насъ все суетится. Съ дѣтьми одной ей не справиться. Мальчишки взбунтовались. У Васи револьверъ нашли. Чортъ знаетъ что.

Генералъ.—Ну, а невѣста?

Наталья Петровна.—Да вотъ пропала. И она, и Андрей. Ждали обѣдать—не пришли. Соня-то радостная была сегодня, а за Андрея тревожно. Подумай, Пьерушка, давно ли онъ со своей университетской Денницей возился, декадентскіе стихи писалъ... а теперь... Тяжело нынче съ дѣтьми. Что я могу дать имъ? Только молиться за нихъ, можно сказать, ежечасно. Ужъ скорѣй бы Богъ помогъ Сонину свадьбу сыграть. Измучились они оба—и Соня, и Боря.

Генералъ.—Свадьба, свадьба! Я до сихъ поръ съ проклятой

консисторіей раздѣляться не могу. Прежде проще было, по тарифу. А теперь безсребренниками стали, опасаются. Да и некогда мнѣ. Какъ собаку гоняютъ.

Арсеній Ильичъ.—А Борисъ что-жъ не хлопочетъ?

Генералъ.—Да гдѣ ему? Дни и ночи въ охранѣ. Вчера я взялъ да и хватилъ письмо владыкѣ. Вѣдь онъ ужъ съ мѣсяцъ, какъ обѣщалъ мнѣ разрѣшеніе дать, а вотъ ничего.

Наталья Петровна.—А что Боря, какъ? Ничего, бодрый?

Генералъ.—Вотъ ты, Наташа, про Андрея говорила. А Боря? Помнишь, какъ на войну отправляли? Все бросилъ, полетѣлъ. Вотъ и война прошла. Вернулся, и еще женихомъ. А война-то его и подкосила.

Наталья Петровна.—Ну, не подкосила, а задумчивый онъ какой-то сталъ. Я это и на Сонѣ замѣчаю. Господи, да что-жъ тутъ удивительнаго? Вмѣстѣ вѣдь они съ Соней Мукденъ пережили. Я и теперь, какъ вспомню Сонины разсказы, просто дрожь и ужасъ. До чего только люди могли дойти!

Арсеній Ильичъ.—Рѣшительно не везетъ Сонѣ съ Борисомъ. Ужъ, кажется, заслужила счастіе. *(Улыбаясь.)* Героиня вѣдь она у насъ! Какъ мы боялись за нее—да не удерживать же насильно. Уѣхала; образцовая, говорятъ, сестра милосердія была. Удивительная у женщинъ устойчивость нервъ. Но, однако, и довольно бы, имѣетъ, кажется, право о себѣ подумать.

Наталья Петровна.—До поста-то все равно не успѣть. А ужъ въ январѣ непремѣнно надо бы.

Арсеній Ильичъ.—Андрей насъ очень безпокоитъ. Какъ только забастовка кончится, хотимъ его за границу отправить. Нечего ему здѣсь дѣлать.

Наталья Петровна.—Да, долго ли до бѣды. Онъ все время, какъ въ лихорадкѣ. Можетъ быть, тамъ, въ нормальной обстановкѣ, хоть немного успокоится.

Арсеній Ильичъ.—Съ нимъ сладу нѣтъ. Ни онъ насъ, ни мы его не понимаемъ. Я какого-нибудь Бланка въ тысячу разъ больше понимаю. Ну, соціалъ-демократъ—и соціалъ-демократъ. Тутъ хоть своя научность есть. А чего Андрей хочетъ—не извѣстно. Не то романтизмъ, не то хулиганство.

Генералъ.—Что ужъ это ты только брюзжишь. Парень онъ у васъ хорошій. *(Пауза.)*

Наталья Петровна.—Господи, какъ въ этой темнотѣ тоскливо. Когда же они забастовку кончатъ?

(Входитъ Анна Арсеньевна, а за ней Евдокимовна.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Анна Арсеньевна съ Евдокимовной.

Евдокимовна.—Ужъ нельзя же безъ этого. Неровенъ часъ. И съ крюкомъ-то, и то нѣтъ никакого спокойствія. Придутъ шайкой и сорвутъ, очень просто.

Наталья Петровна.—Это ты, Анюта? А мы думали—Соня или Андрей.

Анна Арсеньевна.—Что, пропали? Няня ужъ жаловалась. Дядя Петя, здравствуйте. Ну, съ вами нигдѣ не страшно. А вы представьте только, Евдокимовна меня впускать не хотѣла. Кричала, окликала, а потомъ, какъ начала отмыкать болты... Давно это вы такъ запираться стали?

Арсеній Ильичъ.—Это все Евдокимовна. Крѣпость устроила.

Евдокимовна.—Они нынче сквозь швейцара проходятъ. Что швейцаръ можетъ сдѣлать? Ничего имъ швейцаръ не можетъ сдѣлать. А крюкъ хоть и сорвутъ, такъ все не сразу.

Анна Арсеньевна.—Пожалуй, и намъ лучше крюкъ прибить? У насъ швейцаръ такой глупый. Вялый какой-то и глупый. И вообще...

Наталья Петровна.—Да пустяки, Анюта! Евдокимовна ужъ извѣстная у насъ. Какія тамъ шайки будутъ ходить?

Арсеній Ильичъ.—И главное, двѣ недѣли все болтала. А сегодня утромъ слышу стукъ, привела дворниковъ и, дѣйствительно, навѣсила. Ради манифеста. Ей тутъ объявляютъ неприкосновенность личности, а она—крюкъ.

Евдокимовна *(сердито)*.—Вотъ ладно, теперь смѣетесь, а какъ придутъ эти самыя личности, такъ еще поблагодарите Евдокимовну-то за крюкъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же безъ Евдокимовны.

Анна Арсеньевна.—Нѣтъ, право, мнѣ какъ-то съ нашимъ замкомъ безпокойно стало. И швейцаръ невѣроятно, невѣроятно вялый. И вообще... Что же Соня-то у васъ? Давно, что ли, ушла? На демонстрацію? Ахъ, эти демонстраціи! Что я пережила, вотъ и вчера, и третьяго дня, а сегодня...

Наталья Петровна *(безпокойно)*. — Сегодня? Ты была гдѣ-нибудь?

Анна Арсеньевна.—Нигдѣ я, рѣшительно нигдѣ не была, а то все Шура. Взяла съ него честное слово, что нынче дома оста-

нется. И вся дрожу, потому что Вася тоже дома. Непремѣнно они опять передерутся. И все изъ-за убѣжденій. И вообще...

Арсеній Ильичъ.—По 14 лѣтъ мальчишкамъ, съ убѣжденіями ихъ не справишься.

Анна Арсеньевна.—И откуда? Что такое? Близнецы, вмѣстѣ росли, въ одной гимназіи учились,—и вдругъ... видѣть другъ друга не могутъ. Оба крайніе! Представить только. Шура революціонеръ, а Вася монархистъ. Ужасъ, ужасъ! Я ужъ рѣшила, за границу ихъ увезу, въ Англію. Это мой долгъ. И вообще...

Генералъ.—Ну, и долгъ материнскій нынче! Изъ сыновей англичанъ дѣлать.

Анна Арсеньевна.—А вы злой, дядя, злой! Вамъ что? У васъ все отлично устраивается. Боря отличный, женится въ своей же семьѣ, на такой дѣвушкѣ, какъ Соня... Не революціонеръ... Вамъ только радоваться на дѣтей, и вообще... Мнѣ и самой на Соню съ Борисомъ глядѣть пріятно. Такъ любятъ другъ друга!

Арсеній Ильичъ.—Глядѣть-то не на что пока. И Борисъ давно не заѣзжалъ, да и Сони все нѣтъ. То одна, то съ Андреемъ уходитъ.

Анна Петровна.—Вотъ она! Слава Богу!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Соня съ Бланкомъ.

Соня.—Ну, что? Безпокоились? А я по улицамъ ходила. Сначала одна, а на Казанской площади Іосифа Іосифовича увидала. Ораторствовалъ. Меня даже не узналъ. Властвовалъ надъ толпой. Гдѣ ужъ тутъ мелкую букашку примѣтить! А что, Андрея нѣтъ?

Наталья Петровна.—Все еще нѣтъ. Боюсь я за него.

Соня.—Ничего, мамочка, придетъ. Ужъ не знаю, что дальше будетъ, а сегодня хорошо. И погода-то какая была! Первый свѣтлый день. Радостно. Просто не вѣрится. Цѣлый лѣсъ красныхъ знаменъ и никакихъ войскъ. Городовые знаменамъ честь отдаютъ.

Евдокимовна.—Знаемъ честь-то эту. На Загородномъ-то отдали. Палили, палили...

Соня.—Ахъ, няня, не скули. Дядя, ну, а Боря что, здоровъ? До университета было не добраться. На балконѣ ораторы, флаги висятъ.

Генералъ.—Боря все въ охранѣ.

Бланкъ.—А кто-то ухитрился влѣзть на крышу и привязать красный флагъ къ самому кресту.

Наталья Петровна.—Какъ, къ кресту?

Соня.—Устала я очень, а то бы еще ходила. Кажется, мимо насъ скоро пойдутъ. Въ предварилку. Хотятъ политическихъ освобождать. Хорошій день!

Наталья Петровна.—А мнѣ на тебя смотрѣть весело, Соня милая. Ты сегодня одна изъ насъ всѣхъ простая, свѣтлая. Я дѣвочкой пережила такой день. 19-е февраля. Помнишь, Пьерушка?

Генералъ.—Ну, много мы понимали тогда, что дѣлалось.

Наталья Петровна.—Праздникъ-то чувствовали. Святость какую-то. Теперь я старуха, а этотъ святой день никогда не забуду. Вотъ и нынче день святой, день свободы, а на душѣ какъ-то тяжко. Городъ темный, мертвый, тутъ стрѣляютъ, тамъ стрѣляютъ. Страшно.

Бланкъ.—Да, радоваться-то еще рано.

Арсеній Ильичъ.—Ну, перестаньте каркать. Я, по крайней мѣрѣ, радуюсь.

Наталья Петровна.—Евдокимовна, вели самоваръ разогрѣть. Іосифъ Іосифовичъ, Соня, проголодались?

Арсеній Ильичъ.—Всего вамъ, Бланкъ, мало. До чего вы всѣ нежизненны и утопичны.

Бланкъ.—Да я вовсе вамъ не мѣшаю радоваться. Радоваться никогда не вредно. И день, что-жъ? День свое значеніе имѣетъ.

Генералъ.—Ну-съ, я иду. Пора. Заморилъ червячка. Вѣдь мнѣ сегодня и пообѣдать не дали.

Соня.—Прощайте, дядичка. Борю поцѣлуйте.

Генералъ.—Вотъ дастъ Богъ, забастовка проклятая кончится, такъ посвободнѣе ему будетъ. Прибѣжитъ.

Наталья Петровна.—Господь съ тобой, Пьерушка, не забывай насъ. *(Идетъ съ генераломъ въ переднюю.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Арсеній Ильичъ, Анна Арсеньевна, Бланкъ, Соня.

Бланкъ.—А мнѣ сдается, Софья Арсеньевна, жениха-то не такъ скоро увидите. Забастовка еще не завтра кончится. Часъ не пробилъ. Рано еще пролетаріату руки складывать.

Арсеній Ильичъ *(неспокойно)*.—Скажите, пожалуйста! Рано! Чего же еще? Ну, до манифеста я еще понималъ, я, такъ сказать, допускалъ всѣ эти забастовки; но, позвольте, какой же смыслъ теперь? Ужъ не говоря о томъ, что я въ принципѣ врагъ всякаго насилія, откуда бы оно ни исходило... А забастовка...

Бланкъ.—Въ принципѣ вы ее не допускаете никогда, а на практикѣ—до манифеста. Такъ?

Арсеній Ильичъ.—Да, да и да. Вы отлично понимаете, что я хочу сказать. А я отлично понимаю, что вы всѣ насъ толкаете, такъ сказать, въ анархію.

Бланкъ.—И при чемъ тутъ анархія? А что вамъ, какъ и всей буржуазіи, многаго не нужно—это правда. Пролетаріатъ вытащилъ вамъ каштаны изъ огня, а теперь пусть идетъ въ старую дырку? Ну, да не на таковскихъ напали...

Анна Арсеньевна.—Опять ссоры и споры. Какъ эта политика надоѣла!

Соня.—Знаешь, Анюта, я прежде сама такъ думала. А вотъ на войнѣ увидала, что значитъ политика, когда изъ-за этой самой политики люди зря умирали.

(Входитъ Наталья Петровна.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же, Наталья Петровна.

Наталья Петровна.—А Андрея-то все нѣтъ какъ нѣтъ.

Анна Арсеньевна.—Какъ хотите, я иду. Домой надо. Что-то мои буяны дѣлаютъ, и вообще...

Наталья Петровна.—Іосифъ Іосифовичъ, онъ вамъ ничего не говорилъ? Вы не знаете, что онъ сегодня дѣлаетъ?

Бланкъ.—Рѣшительно ничего не знаю. Я его со вчерашняго дня не видѣлъ. Мнѣ самому его нужно до зарѣзу.

Арсеній Ильичъ.—Мы съ женой думаемъ Андрея за границу отправить. Что вы на это скажете, Іосифъ Іосифовичъ?

Бланкъ.—Отлично сдѣлаете. Ужъ очень онъ запсихопатилъ.

Арсеній Ильичъ.—У него есть способности. Ну, если его соціальный вопросъ такъ занимаетъ, пусть поѣдетъ на Западъ, поучится. Здѣсь онъ допрыгается до чего-нибудь. И какъ это вы всѣ понять не хотите, что безъ науки двинуться никуда нельзя. Молодежи прежде всего учиться надо. Вѣдь если такое положеніе дѣлъ продлится еще нѣсколько лѣтъ—Россія станетъ прямо варварской страной. Теперь всякій гимназистъ вмѣсто экзаменовъ политикой занимается. Политика—дѣло людей взрослыхъ, уравновѣшанныхъ...

Бланкъ.—Такъ чѣмъ молодежь-то виновата, что взрослые сложа руки сидятъ? Ну, да не въ этомъ дѣло. А насчетъ Андрея я съ вами согласенъ. Онъ легко можетъ зря погибнуть. Безъ всякой пользы для дѣла. Въ немъ сидитъ непскоренимый декадентъ-романтикъ. Революціонство стараго пошиба. Чисто-русская черта. Никакой выдержки. Все хотятъ сразу, усиліемъ героевъ. Какой-то обратный аристократизмъ. Теперь дѣло не за героями, а за массами. Нужна

дисциплина, повседневная черная работа. Андрей всетаки барчукъ и романтикъ.

Соня.—Сложно все это. Мнѣ трудно разобраться. А только Андрея я понимаю. Безъ порыва, безъ вѣры въ себя ничего не сдѣлаешь. Себя потеряешь—начнутся будни, сѣрыя будни. Андрей человѣкъ праздничный. Да и вся Россія изъ будней теперь вышла.

Арсеній Ильичъ.—Нѣтъ, Бланкъ правъ. Я съ нимъ во многомъ не согласенъ, но мнѣ ясна его мысль, схема. У него, по крайней мѣрѣ, все на ногахъ держится. Онъ признаетъ культурную работу, путь подготовительной организаціи. У него есть своя философія исторіи. А у Андрея революціонный угаръ, запой, когда человѣкъ не владѣетъ собой, самъ не знаетъ, чего хочетъ.

Соня.—Ахъ, папа, папа! Пускай онъ хочетъ того, чего нѣтъ на свѣтѣ. Вѣдь въ этомъ-то и святость человѣка, вся его внутренняя правда.

Бланкъ.—Красиво, Софья Арсеньевна, только силы въ этой красотѣ мало. Гораздо легче совершить геройскій поступокъ, чтобъ весь міръ ахнулъ, пожертвовать собой и погибнуть, чѣмъ исподволь, изо дня въ день, добиваться далекой цѣли. Русскіе умирать умѣютъ, а жить... жить еще не научились. Андрей или на баррикады пойдетъ, или впадетъ въ тупое равнодушіе. Середины нѣтъ.

Соня.—Да не вынесетъ русская душа никакой середины!

Бланкъ.—Ну вотъ, ну вотъ. Я-жъ это и говорю. А вся исторія-то, можетъ быть, и есть середина!

(Входитъ Андрей.)

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Андрей, изъ другой двери Евдокимовна.

Соня.—Андрей! Смотрите, мама! Вотъ онъ. Мы и звонка не слышали.

Евдокимовна.—Да это онъ по черному ходу. Батюшки святители! Кто имъ отворилъ-то?

Андрей.—Никто не открывалъ. Тамъ отперто.

Евдокимовна.—Фимка-то, Фимка-то гдѣ? Господи-батюшки, въ гробъ съ этой дѣвкой сойти. Ну ужъ я ее, ужъ я ее со дна морского выищу!

Наталья Петровна.—Постой, няня, погоди. Дай лучше Андрею Арсеньевичу поѣсть чего-нибудь. Ты вѣдь закусишь, Андрюша?

Андрей *(садясь за столъ)*.—Да, я проголодался.

Анна Арсеньевна.—Ну, слава Богу. Нашлось нещечко. Теперь я иду.

Андрей *(Бланку)*.—Ты здѣсь. Мнѣ тебя надо.

Бланкъ.—И мнѣ тебя. Зайди ко мнѣ завтра угромъ.

Андрей.—Да ты что, уходишь? Посиди немножко.

Бланкъ.—Нѣтъ, пойду. А мы тутъ тебя ругали. Романтикъ ты и больше ничего.

Андрей.—Ну, знаемъ мы это. Старая пѣсня. Надоѣло.

Бланкъ.—Опять въ психопатіи?

Андрей.—Нисколько не въ психопатіи, а только отъ твоей «благоразумной разумности» душу воротитъ.

Бланкъ.—Эхъ ты, юнецъ!

Анна Арсеньевна *(къ Бланку)*.—Вы къ Невскому? Пойдемте вмѣстѣ. Ну, прощайте, до свиданія. Прощай, Евдокимовна.

Евдокимовна.—Прощай, матушка. А съ дѣтками-то ты построже. *(Уходитъ, разговаривая.)* Нынче пошла мода родителей ни во что ставить...

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ же безъ Бланка, Анны Арсеньевны и Евдокимовны.

Соня *(кричитъ ей вслѣдъ)*.—Анюта, я къ тебѣ завтра зайду. *(Андрею.)* А я, Андрей, тоже только что вернулась. Думала и тебя гдѣ-нибудь встрѣтить.

Андрей.—Я на улицахъ не былъ.

Арсеній Ильичъ.—Не былъ? А вотъ Соня говоритъ, что именно улицы сегодня представляютъ собою необычайное зрѣлище.

Андрей.—Да. Не знаю.

Арсеній Ильичъ.—Что-жъ, ты не признаешь манифеста? Я только что говорилъ, что я лично врагъ всякаго насилія, откуда бы оно ни исходило, но за этотъ день я готовъ простить...

Андрей.—Ахъ, папа, бросьте эту риторику.

Наталья Петровна.—Все-то ты, Андрюша, сердишься. Укроти свое сердце.

Андрей.—Да не сержусь я вовсе! Только, право, сейчасъ не до папиныхъ сантиментальностей.

Наталья Петровна. *(цѣлуетъ его)*.—Мальчикъ мой ненаглядный, милый ты мой сынокъ. *(Опять цѣлуетъ.)* Мы на то и старики, чтобъ быть сантиментальными.

Арсеній Ильичъ.—Не понимаю я тебя, Андрей...

Андрей.—Да что я вамъ дался? Оставьте меня въ покоѣ!

Арсеній Ильичъ.—Ну, этотъ тонъ ты брось. Съ отцомъ разговариваешь...

Андрей.—Причемъ тутъ отецъ? Вѣдь не о семейныхъ дѣлахъ говоримъ!

Соня.—Ну, Андрей, довольно.

Андрей.—Слушаю-съ, Софья Арсеньевна. Такъ вы, значитъ, наслаждались необыкновеннымъ зрѣлищемъ? Что-жъ? Можетъ быть, жениха гдѣ-нибудь встрѣтили? на конѣ гарцевалъ? Впрочемъ, что я говорю, вѣдь они сегодня въ подворотню спрятались, герои портъ-артурскіе!...

Соня.—Андрей, это гадко, что ты говоришь. Гадкая злоба!

Арсеній Ильичъ *(къ Андрею)*.—Я тебѣ запрещаю говорить въ такомъ тонѣ!

Соня.—Ничего, папа. Пусть, пусть...

Андрей.—Оскорбленная добродѣтель? Да я вѣдь ничего...

Наталья Петровна.—Ты, Андрюша, отлично знаешь Бориса. Знаешь, какой онъ человѣкъ. Къ чему издѣваться? Соню хоть пожалѣй.

Арсеній Ильичъ.—Безтактность какая!

Соня.—Да оставьте. Не хочу я его жалости! Я и безъ Андрея знаю все, что мнѣ нужно знать.

Андрей.—Ужъ будто бы? Такъ все отлично знаешь? А когда полковой дамой будешь, меня на журфиксы позови. Всетаки лестно.

Арсеній Ильичъ.—Да замолчишь ты когда-нибудь?

Соня *(серьезно)*.—Андрей, я не признаю за тобой права судить Бориса. У тебя этого права еще нѣтъ. Твою грубость я тебѣ прощаю, хотя ты мнѣ больно сдѣлалъ, очень... А права судить, кто въ чемъ виноватъ—у тебя всетаки нѣтъ.

Андрей.—Ну, да, ну, да, никто не виноватъ. Нѣтъ виноватыхъ... Знаемъ мы это...

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Евдокимовна.

Евдокимовна *(торопливо вбѣгая)*.—Слышите, гулъ-то какой! По нашей улицѣ такъ прямо и катнуло ихъ. Силища народу! Пѣсни свои эти орутъ, и прямо на Шпалерную, къ тюрьмѣ. Отъ оконъ-то подальше извольте, не ровенъ часъ!

Наталья Петровна.—Кто? Гдѣ? Что ты, няня?

Соня.—Нѣтъ, правда. Слышите? Это, должно быть, идутъ на Шпалерную. Это ничего, няня, не бойся!

Арсеній Ильичъ.—Да откуда они, съ Невскаго?

(Всѣ, кромѣ Андрея, встали съ мѣстъ; Соня идетъ къ окнамъ.)

Евдокимовна.—Матушка, Сонюшка, да къ окнамъ не подходите! Вѣдь запалятъ! Вѣдь бунтовщики это идутъ!

(Соня открываетъ окно. Въ комнату врывается растущій гулъ, какъ бы далекіе крики или пѣніе, и топотъ. Стука колесъ не слышно. Послѣдующій разговоръ заглушенъ растущимъ гуломъ. Когда онъ усиливается—за окнами мелькаютъ красные флаги.)

Арсеній Ильичъ.—Дѣйствительно... Это очень интересно... Надо только пальто накинуть. *(Выходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, безъ Арсенія Ильича.

Евдокимовна.—Батюшка, баринъ, да вѣдь силища претъ! Да прикажите вы Софьѣ Арсеньевнѣ окно-то закрыть! Сами простудитесь и квартиру настудите.

Соня.—Молчи ты, ради Бога. Мама, накиньте пледъ. *(Подаетъ.)* Отлично все будетъ видно. Слышите? Вонъ ужъ мальчишки бѣгутъ. Андрей, что-жъ ты сидишь? Отвори другое окно... оттуда мамѣ виднѣе.

(Андрей медленно встаетъ и отворяетъ второе окно, затѣмъ отходитъ. Гулъ усиливается. Входитъ Арсеній Ильичъ въ шубѣ и идетъ ко второму окну, гдѣ Наталья Петровна. Андрей стоитъ немного позади.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Арсеній Ильичъ.

Евдокимовна. — Безобразіе какое! Окна еще раскрыли. Бунтъ страшенный, а тутъ глядѣть! Да вѣдь развѣ-жъ допустятъ? Да вѣдь тутъ какъ налетятъ казаки, такъ вѣдь тутъ такое пойдетъ. Софья Арсеньевна!

Соня *(оборачивается)*.—Ахъ, няня, иди лучше сюда. Иди сюда! *(Беретъ ее за плечи и почти насильно тянетъ къ окну.)* Ну гляди, никто на нихъ не налетаетъ, потому что вовсе они не бунтовщики. Всѣмъ свободу дали.

Евдокимовна.—Это свободу-то... эдакой толпой... по улицамъ... тюрьму ломать?... Никогда этого не будетъ, пока свѣтъ стоитъ, чтобъ свободу давали. Угомонятъ.

Соня.—Ворчи сколько угодно, а вотъ дали!

(Гулъ усиливается.)

Евдокимовна.—Господи! Флаги-то, флаги, словно мачты, черные! Страсти Господни! Черные пречерные!

Соня.—Да какіе тамъ черные, развѣ не видишь—красные?

Андрей *(задумавшись, какъ бы про себя).*

Въ голубые, священные дни
Распускаются красные маки...

Соня *(оборачивается).* Что?

Андрей.—Ничего. *(Помолчавъ, продолжаетъ.)*

Здѣсь и тамъ лепестки ихъ—огни—
Подаютъ намъ тревожные знаки...

Евдокимовна.—Ой, и то красные! Ой, страсти, красные! *(Гулъ слегка затихаетъ.)*

Соня.—Ну, что, налетѣли солдаты? Мама! *(Оборачивается ко второму окну, но Арсеній Ильичъ и Наталья Петровна не слышатъ. Андрей, стоящій поодаль, взглядываетъ на нее молча.)* Андрюша, ты видѣлъ? Посмотри,—кажется, другая толпа идетъ? Нѣтъ?

Андрей *(отходитъ къ столу).* — Брось любоваться, это не спектакль...

Соня. — Ахъ, Андрей... *(Къ нянькѣ.)* Няня, что съ тобой? чего ты?

Евдокимовна *(заливаясь слезами, махая руками, причитаетъ).* — Побѣдили они, окаянные, звѣри супостаты! Кончилось житье православное! Отступилъ Господь, отступилъ-попустилъ, предалъ насъ на посмѣяніе! Не заживать бы мнѣ, старой, чужого вѣка, не доживать бы до проклятаго дня!...

Наталья Петровна *(отходя отъ окна, которое закрываетъ Арсеній Ильичъ).*—Няня, няня, что ты? Какъ тебѣ не грѣхъ, сумасшедшая ты!

Евдокимовна *(не слушая).*—Пропали головушки наши!

Соня.—Пойдемъ, няня, успокойся. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, безъ Сони и Евдокимовны.

Арсеній Ильичъ *(снимаетъ шубу).*—Давно бы ее увести, эту дуру старую. Пойдетъ теперь причитать. Какая-то органическая, такъ сказать, черносотенка. Нѣтъ, а зрѣлище, въ самомъ дѣлѣ, грандіозное. Что можетъ быть отраднѣе этого молодого энтузіазма!

Андрей.—Какія ужасныя вещи вы говорите, папа!

Арсеній Ильичъ.—Отчего ужасныя?

Андрей.—А то, что мнѣ было стыдно за васъ. Это вовсе не зрѣлище для развлеченія буржуа. Вы не понимаете, что это гнусность,—любоваться изъ окна красными флагами. Вѣдь красны-то они

отъ крови. Манифестанты эти, не дойдя до Шпалерной, могутъ быть разстрѣляны, и тогда не только флаги, мостовая будетъ красная!

(Входитъ Соня.)

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Наталья Петровна.—Ну, что старая?

Соня.—Ничего, успокоилась немножко.

Арсеній Ильичъ.—Андрей, нельзя быть въ постоянной истерикѣ. Что съ тобой дѣлается? Не безпокойся, не тронутъ ихъ.

Андрей.—Ну, бросимъ. Не до споровъ и разговоровъ. Вотъ что. Я ухожу.

Наталья Петровна.—Куда ты?

Андрей.—Я переѣзжаю къ одному товарищу, а тамъ при первой возможности уѣду въ Москву.

Арсеній Ильичъ.—Зачѣмъ?

Андрей.—По дѣлу. Да я черезъ нѣсколько времени вернусь.

Соня.—Отчего ты виляешь? Ты мнѣ вчера совсѣмъ иначе говорилъ.

Наталья Петровна.—Что онъ тебѣ говорилъ?

Соня.—Говорилъ, что онъ отъ насъ хочетъ совсѣмъ уйти, что мы ему мѣшаемъ.

Андрей.—Соня вѣчно преувеличиваетъ. Если бы я зналъ, что она подыметъ крики...

Соня.—Нисколько не крики, а я нахожу, что если ты мнѣ говорилъ, то долженъ сказать и всѣмъ.

Арсеній Ильичъ.—Андрей, что такое? Не понимаю...

Андрей.—Да ничего. Я дѣйствительно сказалъ Сонѣ, что совмѣстная жизнь съ нѣкотораго времени для меня лично сдѣлалась неудобной, и я, можетъ быть, предпочту, ради большей свободы взаимныхъ отношеній...

Наталья Петровна.—Ты хочешь отдѣльно поселиться?

Арсеній Ильичъ.—Нѣтъ, я всетаки ничего не понимаю. Потрудись сказать толкомъ. Это чрезвычайно интересно. Какіе-жъ твои планы?

Андрей *(съ раздраженіемъ)*.—Интересно или нѣтъ, но больше того, что я сказалъ, мнѣ говорить нечего. Это мое личное дѣло.

Соня.—И всетаки сердиться незачѣмъ.

Арсеній Ильичъ.—Пускай, пускай. Вѣдь эти его дѣла... *(Вдругъ растерянно.)* Нѣтъ, Андрей, да какъ же это? Мы ничего не подозрѣвали... Мы думали напротивъ... То-есть не напротивъ, а... Ты скажи просто. Ну, потолкуемъ...

Соня.—Конечно, конечно. Въ сущности это просто. Хочетъ перѣзжать, ну и пусть. Свобода прежде всего.

Арсеній Ильичъ.—Соня, не замазывай. Я требую, Андрей, слышишь, требую, чтобы ты сейчасъ сказалъ, для чего и куда ты уѣзжаешь.

Андрей.—Я не могу.

Арсеній Ильичъ.—А тогда я тебя не могу пустить. Это безумiе. И знай, я приму свои мѣры.

Андрей.—Какiя это мѣры, позвольте васъ спросить?

Арсеній Ильичъ.—А это ужъ мое дѣло. Я предпочитаю, чтобъ тебя заперли сейчасъ, чѣмъ когда будетъ ужъ поздно... Ну, да это все не то... Ты приди въ себя. Выслушай, что я тебѣ скажу. Мы съ Наташей думаемъ, не лучше ли тебѣ за границу поѣхать. Кончится забастовка, и поѣдешь. Что скажешь? А? Вѣдь совсѣмъ развинтился. Поѣзжай, куда хочешь. Я тебѣ даю полную свободу. Только займись чѣмъ-нибудь. Твоя жизнь впереди. Вотъ вѣришь въ революцiю, такъ вѣдь послѣ революцiи образованные люди еще нужнѣе будутъ.

Андрей.—Я, за границу? За границу теперь? Папа, да что вы говорите. Теперь, когда каждый человѣкъ такъ дорогъ, я уѣду, какъ пай-мальчикъ, науками заниматься? Чтобъ родительское сердце утѣшить? Хорошо вы меня знаете, нечего сказать! Да, я уѣду отъ васъ, конечно, уѣду, только не за границу.

Арсеній Ильичъ.—Что? Что? Ты опять?

Андрей.—Я ужъ сказалъ вамъ, и это кончено.

Арсеній Ильичъ.—Что ты дѣлаешь? *(Плаксиво.)* Андрей, милый, не бросай ты насъ такъ! Вѣдь мы же тебя ни въ чемъ не стѣсняли. Ну, развѣ мы тебя стѣсняли?

Андрей.—Не стѣсняли? Молчите, пожалуйста. Да вы по рукамъ и ногамъ вяжете! Волю убиваете! Съ вами остаться это—на нѣтъ сойти. Разговоры, разговоры, легкомыслiе невѣроятное, растерянность, распущенность, ядъ какой-то подлый! Онъ сознанiе темнитъ, душитъ волю. Кисляи, сантиментальные болтуны. Трупомъ отъ васъ пахнетъ. Я хочу на воздухъ, на улицу, хочу къ тѣмъ, кто частно идетъ на смѣну вамъ, безпомощнымъ. Я къ сильнымъ хочу—и буду съ ними, хотя бы жизнь пришлось отдать! Довольно мнѣ вашей тупой лжи! Не надо, не хочу, довольно!

Соня.—Андрей, Андрей, какъ ты насъ оскорбляешь!

Андрей.—Не я оскорбляю,—вся русская исторiя и васъ оскорбляетъ! Соня, а ты? Какъ ты можешь мириться, какъ

ты можешь жить въ этой духотѣ, въ этомъ семейномъ хлѣву! Я думалъ, ты другая вернешься... оттуда, а ты еще покорнѣе стала. Любовь къ Борису тебя сгубила. Все ему прощаешь, то, чего человѣку простить нельзя! О счастливомъ бракѣ мечтаешь, какъ бы и свою безликую микву завести... Соня, да развѣ ты не чувствуешь, что кто въ эту микву попадетъ—тому крышка? И вѣдь чувствуешь же ты, что она все равно разваливается, ужъ наполовину развалилась? Кому, чему приносишь себя въ жертву? Брось ихъ, Соня. Ты вѣдь не любишь больше Бориса, не можешь ты любить этого своего героя портъ-артурскаго! И не высидѣть тебѣ все равно за семейнымъ чайнымъ столомъ, гдѣ добрые профессора отдыхаютъ съ покорными дѣтками послѣ лекцій въ автономномъ университетѣ, гдѣ только одно желаніе,—какъ бы все по-хорошему, да по старинкѣ. Слышишь, Соня... слышишь?

Арсеній Ильичъ.—Соня, не слушай! Хулиганство это! И кто тебя поставилъ судьей намъ? Какъ ты смѣешь судить—отца?

Андрей.—Этого-то вы и боитесь! Вѣдь вы даже не на мою правду негодуете, вы дрожите отъ возмущенія, что я, сынъ, говорю правду отцу. Развѣ я человѣкъ для васъ? Я рабъ, я сынъ! Но помните: какъ человѣкъ говорю я вамъ человѣческую правду въ глаза, какъ человѣкъ я презираю васъ съ вашими спокойными каѳедрами, съ вашими хорошими словами, со всѣми вашими семейными добродѣтелями, со всѣмъ вашимъ благополучнымъ благородствомъ...!

Арсеній Ильичъ.—Молчать! Вонъ, вонъ изъ моего дома!

Андрей.—Я и самъ ухожу. *(Идетъ къ двери.)*

Наталья Петровна.—Андрюша...

Андрей *(возвращается, молча цѣлуетъ мать и уходитъ).*

(Долгая пауза.)

(Арсеній Ильичъ безпомощно опускается въ кресло. Соня ластится къ нему.)

Арсеній Ильичъ.—Наташа, вѣдь это ничего? Онъ вернется? Ну, конечно, вернется. Вѣдь долженъ же онъ вернуться? Наташа? Ну, что-жъ молчишь? Вернется?

Наталья Петровна. — Нѣтъ, Арсеній. Онъ—не вернется.

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Конецъ декабря 1905 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Арсеній Ильичъ.
Наталья Петровна.
Соня.
Бланкъ.
Евдокимовна.
Петръ Петровичъ Львовъ.

Борисъ,—сынъ его. Поручикъ гвардейскаго полка. Нервный, озабоченно-разсѣянный.

Докторъ Чижовъ.—Военный врачъ, подчиненный Львова. Выхоленный, самодовольный.

Котковъ.—Военный фельдшеръ.

Дорофеевъ,—денщикъ. Въ генеральскомъ сюртукѣ, безъ погонъ и свѣтлыхъ пуговицъ.

Денщики,—вѣстовые.

Дѣйствіе происходитъ въ казенной квартирѣ генерала Львова, въ Петербургѣ.

Мало-жилая комната, не то одна изъ гостиныхъ, не то читальня.—Утро.—На столѣ лѣкарства, вообще складъ лѣчебныхъ вещей, которыхъ не хотятъ держать въ комнатѣ больного.—Налѣво дверь въ комнату, гдѣ лежитъ Андрей.—Передъ дверью ширма.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Соня, затѣмъ денщикъ Дорофеевъ.

Соня *(выходитъ изъ комнаты больного, въ бѣломъ фартукѣ; голова повязана бѣлымъ платкомъ, какъ у сестры милосердія. Копошится у стола. Смотритъ спиртовую лампочку. Звонитъ въ электрическій звонокъ. Приходитъ денщикъ.)*—Принесите спирту. *(Приготовляетъ шприцъ; денщикъ возвращается со спиртомъ.)* Генералъ дома?

Денщикъ.—Такъ точно.

Соня.—У него есть кто-нибудь?

Денщикъ.—Полковникъ Павловскій съ докладомъ.

Соня.—Давно?

Денщикъ.—Да ужъ съ полчаса.

Соня.—Вотъ что, Дорофеевъ. Какъ только пріѣдетъ докторъ, доложите генералу.

Денщикъ.—Слушаюсь. *(Уходитъ.)*

(Соня идетъ къ больному. Нѣкоторое время сцена пуста. Входитъ Бланкъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Бланкъ, потомъ Соня.

Бланкъ *(ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Останавливается у дверей больного, прислушиваясь. Наконецъ стучитъ въ дверь. Оттуда голосъ Сони „сейчасъ", затѣмъ выходитъ Соня).*

Бланкъ.—Ну что, какъ?

Соня.—Плохо. Страшный упадокъ силъ. А докторъ нейдетъ. Да ничего онъ сдѣлать не можетъ.

Бланкъ.—Въ памяти?

Соня.—Всю ночь не спалъ. Сказалъ, что хочетъ видѣть папу и маму. Съ тѣхъ поръ, какъ вчера утромъ привезли, только и безпокоился, какъ бы они не узнали. Все шутилъ, говорилъ, что нынѣшнія пули не ядовитыя. А ночью сразу перемѣна.

Бланкъ.—А докторъ что говоритъ?

Соня.—Да я ужъ знаю. Вижу, что плохо. Вѣдь сколько раненыхъ-то на моихъ рукахъ перебывало.

Бланкъ.—Я всегда этого боялся, Софья Арсеньевна. Это легко было предвидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ отъ васъ уѣхалъ, ясно было, что можетъ этимъ кончиться. Тяжело очень, но у васъ есть мужество; я вѣрю, что вы и не то еще перенесете.

Соня.—Мы съ вами много говорили объ Андреѣ, чуяли бѣду, но вѣдь отъ этого не легче.

Бланкъ.—Я любилъ Андрея... Сила-то какая безрезультатно гибнетъ... Эхъ, просто сдерживаться трудно иногда, негодованіе такъ и подступаетъ... Ну... да надо владѣть собою...

Соня.—Вы говорите... безрезультатно... Какое жестокое слово! Если ужъ Андрей погибъ даромъ...

Бланкъ *(живо)*.—Я этого не говорилъ. Онъ погибъ даромъ въ томъ смыслѣ, что не успѣлъ сдѣлать всего, что могъ бы...

Соня.—Все равно. Но если Андрей не то сдѣлалъ, то мы-то, ничего не дѣлающіе, глядящіе на это, мы-то что? Я-то что? Да какъ мы смѣемъ! Боже мой, Боже мой!... Бланкъ, мнѣ кажется иногда, что я съ ума схожу. И теперь здѣсь, этотъ умирающій... Онъ мнѣ говорилъ въ послѣдній разъ... я помню, помню... Звалъ меня... Ну, я не пошла... у себя осталась. А Борисъ не остался. Тоже поѣхалъ... Туда же, куда Андрей... Только Борисъ, только Борисъ... вы понимаете?

Бланкъ.—Я-то понимаю, а вотъ вы еще недавно этого не понимали. А ужъ разъ поняли, такъ здѣсь не останетесь. Можетъ быть, и не совсѣмъ туда уйдете, куда васъ Андрей звалъ. Туда, можетъ

быть, и не надо. Тамъ много истерики, много романтизма... Здѣсь-то, во всякомъ случаѣ, не останетесь. Андрей вамъ не простилъ бы этого.

Соня.—Да, да, не простилъ бы! Милый, свѣтлый... Трудно мнѣ, Бланкъ, не оставляйте меня.

Бланкъ.—Возьмите себя въ руки. Не надо нервъ теперь. А что Андрей вотъ здѣсь-то оказался... Это дѣйствительно... фальшь какая-то.

Соня.—Ложь это, ложь страшная! Ну, я не буду, вы правы, надо быть спокойнѣе. Надо съ твердостью. *(Помолчавъ.)* Пойдемте къ нему. *(Уходятъ къ больному.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Генералъ и докторъ.

Докторъ.—Это бываетъ. Вѣдь когда стрѣляютъ, объ асептикѣ не думаютъ. Хотя нынѣшнія пули, благодаря никелевой оболочкѣ, даютъ рану довольно чистую, не рваную, а все-таки ни за что ручаться нельзя. Да у него и верхушка легкаго задѣта.

Генералъ.—Мое-то положеньице, Чижикъ дорогой, каково? Вѣдь онъ слово съ Бориса взялъ, чтобъ ничего матери не говорить. Вотъ ужъ сутки онъ у насъ, а ни сестра, ни Арсеній Ильичъ ничего не знаютъ. Соня имъ что-то наврала, сказала, что у подруги въ Царскомъ.

Докторъ.—Такъ-съ. А скажите, ваше превосходительство, ему первую повязку скоро наложили?

Генералъ.—Гдѣ ужъ! Сынъ самъ видѣлъ, какъ онъ упалъ. Да пока извозчика добылъ, пока что, пока докторъ пріѣхалъ, часовъ шесть добрыхъ и прошло.

Докторъ.—Такъ-съ. Еще счастливая случайность, что Борисъ Петровичъ сразу узналъ кузена. Такъ-съ. Ну, поглядимъ. Вчера онъ былъ хорошъ, и температура не высокая. Не слѣдовало его привозить только. Лучше бы въ Москвѣ оставили. Переѣздъ ему пользы не принесъ.

Генералъ.—Ну, что-жъ теперь говорить. Умолялъ Бориса. Н[е] Прѣснѣ это было. То же и Бориса-то положеніе неудобное. Къ себѣ не[л]везъ, а вечеромъ сюда. Да вѣдь съ какими трудами. Со служебн[ы]мъ поѣздомъ. Поѣзда вѣдь не ходятъ. Спасибо полковому команди[р]у. Ради сестры все устроилъ.

Докторъ *(дискретно смѣется)*.—Да, все же какъ ни какъ оф[и]церъ бунтовщика везъ. Ну, да дѣло тутъ кровное... Только вотъ, ва[ше] превосходительство, не знаю, какъ еще обернется. Первая по-

вязка иной разъ весь романъ рѣшаетъ. Нельзя ли намъ Софью Арсеньевну вызвать?

Генералъ.—Что? Вы думаете, плохо? Мы сейчасъ ее. *(Идетъ къ двери, но Соня сама выходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Соня.

Докторъ.—Ну, какъ дѣла? Я сейчасъ, вотъ только обогрѣюсь, а то я съ холоду.

Соня *(генералу)*.—Дядя, онъ хочетъ, чтобъ дали знать... Чтобы папа съ мамой пріѣхали.

Докторъ.—Вы инъекцію сдѣлали? Пульсъ какой?

Соня.—Плохой. Зайдите къ нему.

Генералъ.—Хочетъ? А какъ ему?

Соня *(доктору)*.—Пойдемте.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Генералъ, потомъ Борисъ.

Борисъ.—Андрею хуже?

Генералъ.—Да вотъ, Чижикъ пошелъ... Говоритъ, не слѣдовало привозить изъ Москвы. А главное, сегодня самъ отца съ матерью пожелалъ...

Борисъ.—Пожелалъ? Какъ же это? Значитъ, предупредить надо? Что это, Господи. Да неужели умираетъ?

Генералъ.—Постой, погоди. Сейчасъ, вотъ Чижикъ... и Соничка выйдетъ.

Борисъ.—А Соня что? И кто тамъ? Бланкъ этотъ тамъ?

Генералъ.—Не знаю я; должно быть, тамъ.

Борисъ.—Вы думаете, папа,—умретъ?

Генералъ.—Да отвяжись ты! Ничего я не знаю!

Борисъ.—Я везъ его, папа, я тоже ничего не думалъ. То-есть, не то что умретъ или не умретъ, а что это такъ все ужасно выйдетъ. Я даже объяснить не могу, но вы сами, папа, должны чувствовать...

Генералъ.—Да про что ты?

Борисъ.—А про то, что, кажется, я достаточно видѣлъ Соню сестрой милосердія, и вмѣстѣ мы тогда были, а теперь она точно плѣнная, въ непріятельскомъ лагерѣ за своимъ плѣннымъ ухаживаетъ...

Генералъ.—Да какая же она плѣнная?

Борисъ.—Ну, нелѣпость какая-то выходитъ, я и говорю нелѣпость. А теперь еще умретъ Андрей... Развѣ мы тутъ виноваты?

Что же мнѣ, не подбирать его было? Не привозить? Да ужъ если такъ, если кого-нибудь обвинять...

Генералъ.—Никто никого, дружокъ мой, не обвиняетъ. Всѣ виноваты. Ты успокойся. Сонѣ тяжело. А чья гдѣ вина—не намъ разбирать...

Борисъ.—Не намъ? А кому же? Ну, въ Мукденѣ война, ужасы... Ну, тамъ не до разборокъ, а просто мы всѣ тупымъ безумiемъ обезумѣли. Сумасшедшіе много могутъ вынести; больше здоровыхъ. И отлично. А теперь вѣдь не Мукденъ... Не обезумѣть же?

Генералъ.—Я подъ Мукденомъ не былъ, а что тутъ у насъ почище Мукдена завелось—это иной разъ и придетъ въ голову. Пустяковъ я этихъ о безумiи знать не хочу, а поменьше разсуждать бы слѣдовало. Все равно ни до чего не доразсуждаешься.

Борисъ.—Нѣтъ, я не могу. Нусть она лучше прямо скажетъ, что думаетъ...

Генералъ.—Да ничего она не думаетъ. Не до того. Тутъ брата спасать надо. Да и кто тутъ что понимаетъ? На то ужъ пошло, что никто не знаетъ, куда ему кинуться. Вотъ все Японiя, Японiя. А тутъ, братъ, безъ всякой Японiи одна Россiя, не Россiя, а вулканъ какой-то. Ну, и пляши, правой ли, лѣвой ли ногой, послѣ разберутъ.

Борисъ.—Нѣтъ, Соня должна бы понять, какъ мнѣ тяжело.

Генералъ.—Да говорятъ тебѣ, не до того ей! Тутъ я раздумываю, какъ нашихъ предупредить, а ты все Соня, да Соня. Объяснялись бы раньше. Вѣдь не моя она невѣста. Твоя.

(Входитъ докторъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и докторъ.

Генералъ.—Что, есть надежда?

Докторъ.—Да какъ сказать, головы терять нечего. У меня былъ такой случай въ полку. Помните, ваше превосходительство, дуэль графа Зарайскаго? Я на телефонъ. Надо фельдшера вызвать. Кислороду добудемъ, мускусу. Главное поддержать силы. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СѢДЬМОЕ.

Тѣ же безъ доктора.

Генералъ.—Боря, а я поѣду. Что же Соня? Надо бы посовѣтоваться, обрисовать положеніе.

(Выходитъ Соня.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Генералъ, Борисъ, Соня.

Соня.—Какъ, докторъ уже ушелъ?

Борисъ.—Нѣтъ, онъ у телефона.

Генералъ.—Такъ что-жъ, Соня, мнѣ ѣхать?

Соня.—Да, дядичка, конечно, и скорѣй, сейчасъ же.

Генералъ.—Голубчики, надо обсудить. Репетичку сдѣлать, какъ говорить. Я ужъ не знаю, Боря, не ѣхать ли тебѣ со мной? Какъ объяснить, что Соня у насъ ночевала, а мы ничего не говорили?

Соня.—Нѣтъ, Борѣ лучше не ѣхать. Мамѣ вы прямо скажите, все какъ есть. Она пойметъ. А вотъ за папу я боюсь, вы съ нимъ поосторожнѣй.

(Входитъ докторъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Докторъ.—Сейчасъ все будетъ, Софья Арсеньевна. Вы ужъ мнѣ тоже помогите. Надо дѣйствовать энергично.

Соня.—Ахъ, докторъ! Къ чему теперь ваша энергія? Вѣдь ясно же, что конецъ. У меня въ Мукденѣ на рукахъ умеръ одинъ солдатикъ. Совсѣмъ такъ. Теперь не въ вашихъ мускусахъ дѣло, а въ томъ, чтобы онъ умеръ, какъ слѣдуетъ.

Докторъ.—Ну, что вы, погодите еще хоронить. *(Уходитъ къ больному.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же, безъ доктора.

Соня.—Ну, дядя, поѣзжайте.

(Входитъ денщикъ).

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же и денщикъ.

Денщикъ.—Ваше превосходительство! Васъ къ телефону требуютъ!

Генералъ.—Ахъ, Господи, Господи! Вѣдь мнѣ же ѣхать надо. Вотъ что, Дорофеевъ. Вызови сейчасъ же ко мнѣ генералъ-майора Андреева. А со штабомъ я потомъ самъ поговорю. Живо! Чего стоишь, дубина! Ну, до свиданія, милые. Соня, поцѣлуй меня. Христосъ съ тобой, ненаглядная. Чижика не отпускайте. Боря, ты за Соней присмотри. Ну, Господи благослови, Господи благослови, Господи благослови! *(Три раза крестится. Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Соня и Борисъ.

Борисъ.—Значитъ, онъ умретъ?

Соня.—Да.

Борисъ.—Ну, зачѣмъ это, къ чему это? Знаешь, Соня, подъ Мукденомъ лучше было. Мы были тамъ не виноваты. Да и японцы, хоть люди человѣки, а всетаки враги. Понимаешь, Соня, понимаешь, я не могу такъ. Помнишь, когда мы вернулись, мы на что-то надѣялись. Думали, что всѣ эти ужасы впрокъ пойдутъ. Начали о своемъ счастьѣ думать. Думали, право имѣемъ, заслужили. И вотъ, все спуталось. Что же, можетъ быть, не заслужили. Соня, это кошмаръ какой-то.

Соня *(съ усиліемъ)*.—Борисъ, оставь меня. Оставь разговоры. Андрей умираетъ. Я не могу, я не желаю думать о насъ съ тобою. Прошу безъ надрывовъ. Я хочу тишины. Имѣю я право хоть тишины отъ тебя требовать!

(Входитъ фельдшеръ съ подушкой кислорода и пакетами.)

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и фельдшеръ.

Фельдшеръ.—Меня г. докторъ Чижовъ вызывали.

Соня.—Да, да, Ботковъ. Мы васъ ждемъ.

Фельдшеръ.—Такъ что Андрею Арсеньевичу хуже?

Соня.—Да, плохо, очень плохо. *(Идетъ съ фельдшеромъ къ больному. Борисъ остается нѣкоторое время одинъ. Отъ больного выходитъ Бланкъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Бланкъ и Борисъ.

Борисъ.—А, это вы. Можно къ Андрею?

Бланкъ.—Погодите лучше. Вотъ Софья Арсеньевна выйдетъ. Ее спросите.

Борисъ.—Онъ говорилъ о чемъ-нибудь съ вами?

Бланкъ.—Мало, все больше молчитъ.

Борисъ.—Нѣтъ, а обо мнѣ говорилъ?

Бланкъ.—Не говорилъ.

(Молчаніе.)

Борисъ.—Я всетаки пойду къ нему.

Бланкъ.—Какъ хотите. Только его лишній народъ тревожитъ. Кромѣ того...

Борисъ.—Что?

Бланкъ.—Ахъ, да поймите сами! Вѣдь тяжело же ему видѣть военный мундиръ...

Борисъ.—Мундиръ? Это еще что? Кажется, я...

Бланкъ.—Да вы не волнуйтесь. Положеніе фальшивое,—глазъ закрывать нечего. Но будемъ же сохранять уваженіе къ тому, что происходитъ. Софья Арсеньевна...

Борисъ.—Что Софья Арсеньевна? Это кто, вы или она находитъ, что я не сохраняю какого-то уваженія, что я не долженъ видѣть брата умирающаго, что, наконецъ, я...

Бланкъ.—Да это здравый смыслъ вамъ долженъ самому подсказать! А вы, я вижу, въ своемъ родѣ тоже романтикъ. Не поздравляю васъ. Впрочемъ, я параллелей не провожу. Чѣмъ бы вы тамъ ни были, это ваше дѣло. Мнѣ-то что!

Борисъ.—Послушайте. Я хотѣлъ... Вы, кажется, не злой и не глупый человѣкъ...

Бланкъ.—Благодарю васъ.

Борисъ.—Я вашихъ намѣреній не знаю... Я васъ совсѣмъ почти не знаю. Но я васъ прошу объяснить мнѣ...

Бланкъ.—Ничего я объяснять не стану, при чемъ какія-то мои «намѣренія»—не понимаю, и вообще я ужъ сказалъ вамъ, что это не мое дѣло. Казалось бы, такъ все просто, а вы требуете, чтобы я вдавался съ вами въ какія-то психологіи. Говорите съ Софьей Арсеньевной, если вамъ что-нибудь еще непонятно. Думаю, однако, и ей не до разговоровъ.

Борисъ.—Вы въ моемъ домѣ. И я васъ покорнѣйше прошу... о Софьѣ Арсеньевнѣ...

Бланкъ.—Ну, бросьте эти тонкости. Не ко времени. Я человѣкъ трезвый и простой. А что я въ вашемъ домѣ—очень жаль, да ничего не подѣлаешь. Жизнь и не такія шутки шутитъ. Впрочемъ, я лично ничего противъ васъ не имѣю. Оставьте только меня въ покоѣ.

Борисъ.—Лично ничего? Скажите, пожалуйста! Я не знаю, что вы тамъ имѣете, чего не имѣете, я обратился къ вамъ по-человѣчески, а вы... кажется... пользуетесь случаемъ, что я не могу поставить васъ на свое мѣсто, что я не могу...

Бланкъ *(отходя отъ него)*.—Экъ, вѣдь тоже, «по-человѣчески». Не могу, не могу... *(Громче.)* Да образумьтесь вы! Это ужъ не романтизмъ, а неврастенія какая-то! Софья Арсеньевна идетъ...

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, Соня и докторъ.

Соня.—Да, да, докторъ. Вы идите по вашимъ дѣламъ, а я въ случаѣ чего васъ вызову.

Докторъ.—Да я черезъ часъ назадъ. Не забудьте номеръ телефона: 72—53. Фельдшеръ пусть меня подождетъ. До свиданія. *(Уходитъ. Борисъ его тупо провожаетъ до двери, Соня отводитъ Бланка на авансцену.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, безъ доктора.

Соня *(Бланку)*.—Бланкъ, милый, поѣзжайте-ка и сожгите все. Онъ безпокоится. Да не думайте на конкѣ ѣхать. Возьмите извозчика и возвращайтесь скорѣе. Онъ еще все про какого-то товарища Александрова спрашиваетъ...

Бланкъ.—Знаю, знаю. Я и его извѣщу. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Соня и Борисъ.

Борисъ.—Соня, послушай. Мнѣ надо тебѣ сказать... Ты другая, ты ко мнѣ перемѣнилась. Ты меня больше не любишь?

Соня.—Борисъ, Андрей умираетъ.

Борисъ.—А я, я не умираю? Развѣ ты не видишь, что все для меня рушится? Я думалъ, ты меня поддержишь. Ты одна могла бы помочь мнѣ, а ты...

Соня.—Что—я?

Борисъ.—Если бы ты любила меня, ты поняла бы, что я не виноватъ, что иногда человѣку нѣтъ выхода, нѣтъ...

Соня.—Въ чемъ ты оправдываешься?

Борисъ.—Я не оправдываюсь вовсе. Въ чемъ мнѣ оправдываться. Его въ тюремную больницу хотѣли везти. Я его чуть не силой отбилъ, а тутъ Бланкъ увѣряетъ...

Соня.—Въ чемъ онъ тебя увѣряетъ?

Борисъ.—Да вотъ, что Андрей меня видѣть не хочетъ, что ему мой мундиръ противенъ. А я знаю, что передъ Андреемъ я не виноватъ. Можетъ быть, Бланкъ въ тысячу разъ больше виноватъ. Но ты ничего не видишь. Ему-то ты все прощаешь!

Соня.—Борисъ. Ты въ психопатіи. Объ этомъ потомъ, потомъ. Не думай же все время о себѣ.

Борисъ.—Ахъ, Соня, Соня! *(Пауза.)* Такъ я... пойду къ Андрею...

Соня.—Къ Андрею? Нѣтъ.

Борисъ.—Значитъ, онъ правъ? Бланкъ правъ? Значитъ, ты думаешь, какъ онъ? Да вѣдь это безуміе, да вѣдь всѣ съ ума сошли, или я, что ли, съ ума сошелъ? Братъ умираетъ, а я войти къ нему не могу? Я о его жизни, какъ о своей, заботился, я...

Соня.—Благодарю тебя за твои заботы. Вмѣсто улицы—онъ умираетъ спокойно, при насъ, хоть и въ чужомъ домѣ. Благодарю тебя.

Борисъ.—Въ чужомъ... Соня!

Соня.—Да. И это мой братъ умираетъ, мой, а не твой. Я для тебя, ради тебя говорю «не твой». А если твой, если ты, на своего брата, могъ...

Борисъ *(перебивая)*.—Ты пустишь меня къ нему! Я долженъ идти къ нему! Ты не смѣешь! Это безчеловѣчно, это жестоко, что ты говоришь! *(Идетъ къ двери.)*

Соня *(становясь передъ дверью)*.—Нѣтъ. Ты къ нему не войдешь.

(Борисъ стоитъ нѣкоторое время молча, затѣмъ уходитъ въ дверь направо. Соня садится въ кресло и сидитъ, не двигаясь. Пауза. Входятъ изъ средней двери Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна и генералъ. Соня цѣлуетъ мать, затѣмъ отца.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна, Генералъ и Соня.

Наталья Петровна.—Гдѣ онъ?

(Соня молча идетъ съ ней къ больному. Оттуда бочкомъ выходитъ фельдшеръ и затѣмъ уходитъ совсѣмъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Арсеній Ильичъ и генералъ.

Генералъ.—Погоди, Арсеній, не сразу. Онъ слишкомъ слабъ.

Арсеній Ильичъ.—Да, да. Вотъ до чего, Пьерушка, дожили.

Генералъ.—Ну, ничего. Дастъ Богъ, еще оправится.

Арсеній Ильичъ.—Ну, а что же докторъ? Да отчего же не вызвать профессора Вельяминова, а? Надо дѣйствовать.

Генералъ.—Нѣтъ, я Чижику вѣрю. Онъ виды видалъ, да и всетаки свой человѣкъ. Главное горе—первая повязка. Не скоро наложили. Да и перевозить, говоритъ, не слѣдовало. Ну, а что-жъ Борису дѣлать, не оставлять же его въ Москвѣ?

Арсеній Ильичъ.—А гдѣ же онъ, Боря-то?

Генералъ.—Да не знаю, тутъ все былъ, мы его позовемъ.

Арсеній Ильичъ.—Повидать бы его, разспросить хорошенько, поблагодарить... Соня-то, значитъ, тутъ была, а мы думали въ Царскомъ.

Генералъ.—Соня—молодецъ. Я на нее не нарадуюсь.

Арсеній Ильичъ.—Да, да, она у насъ молодецъ. *(Помолчавъ.)* Пьерушка!

Генералъ.—Что?

Арсеній Ильичъ.—Да вотъ, что-жъ это, а? Неужели онъ... погибнетъ? Вѣдь не можетъ же этого быть, а? *(Плачетъ, скрывая сморканьемъ.)*

Генералъ.—Ну, что ты. Ну, ничего. Ну, Богъ милостивъ...

Арсеній Ильичъ.—Вѣдь изстрадались мы за него! Вѣдь знаешь, какъ ушелъ онъ тогда, такъ и пропалъ, такъ мы ничего и не знали. Тутъ московское возстаніе это безумное, ну понимаешь, все время невольныя ассоціаціи... Часа не было, когда бы Андрея я вотъ тутъ *(хлопая себя по груди)* не чувствовалъ. Что я пережилъ, сколько перестрадалъ! Ты понимаешь, Пьерушка, а? Вѣдь я отецъ! И вотъ-таки обрушилось несчастье...

Генералъ.—Ну, что ужъ такъ... А времена, дѣйствительно... И надо же, чтобъ Борисъ натолкнулся. И знаешь, Борисъ, какъ его привезъ—точно самъ не свой. Мнѣ даже это не нравится. Извиненія какія-то, оправданія, что такое? Ужъ изъ вагона вышелъ, тогда, какъ Андрея привезъ, просто лица не было! Надо больного на носилки укладывать, а онъ сразу о Сонѣ, что она, да какъ она. Любитъ ужъ онъ ее очень. Ну-съ, пріѣхали домой, а насъ тутъ Чижикъ ждетъ, фельдшеръ и все такое. Андрей спокойный былъ. Свѣтлый. Все просилъ вамъ не говорить. Какъ выздоровѣю, говоритъ, самъ къ нимъ, здоровый, пойду.

Арсеній Ильичъ.—Говорилъ это? Такъ и говорилъ «самъ пойду», а?

Генералъ.—Все время твердилъ. Ну, Соню выписали. Ужъ это я настоялъ. Да, Арсеній, старая я собака, а и то растерялся. Пиковое положеніе.

(Входитъ денщикъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Тѣ же и денщикъ.

Денщикъ.—Ваше превосходительство! Генералъ Каменскій васъ къ себѣ проситъ.

Генералъ.—Сейчасъ. Вотъ что. Позови Бориса Петровича.

Денщикъ.—Слушаю-съ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

Генералъ и Арсеній Ильичъ.

Генералъ.—Измотался я совсѣмъ съ этой охраной. Надо рапортъ подать, чтобъ освободили.

Арсеній Ильичъ.—Ну, и что-жъ потомъ? Когда же Андрей насъ къ себѣ потребовалъ?

Генералъ.—Сегодня. Да я ужъ тебѣ разсказывалъ.

Арсеній Ильичъ.—Да, да, разсказывалъ.

(Входитъ Борисъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

Генералъ, Арсеній Ильичъ и Борисъ.

Борисъ.—Здравствуйте, дядя. *(Цѣлуетъ.)*

Арсеній Ильичъ.—Спасибо тебѣ, дорогой, спасибо родной! *(Плачетъ.)*

Генералъ.—Ну, Арсеній, подбодрись. Такъ нельзя. Какъ же ты съ такимъ лицомъ къ Андрею.

Арсеній Ильичъ.—Я ничего. Да, да. Къ Андрею. *(Идетъ къ больному, вытирая глаза.)*

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Генералъ и Борисъ.

Борисъ.—Какъ тетя?

Генералъ.—Ничего, молодцомъ. А меня совсѣмъ затеребили. Сейчасъ генералъ Каменскій за мной послалъ. Я хочу рапортъ подать. Не до того.

Борисъ.—Конечно, конечно.

(Входятъ Евдокимовна и Анна Арсеньевна.)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

Генералъ, Борисъ, Анна Арсеньевна, Евдокимовна.

Генералъ.—Ну, вотъ и старая съ Анютой. Живо слетала. Посидите пока, милыя, вы съ холоду. Я сейчасъ вернусь. На одну минуту только. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ.

Тѣ же и генералъ.

Евдокимовна *(запыхавшись)*.—Я Анютиньку на крыльцѣ только-только застала. Да гдѣ же онъ? Гдѣ голубчикъ-то нашъ бѣлый? Куда его положили-то? *(Идетъ, суетясь, къ дверямъ налѣво.)*

Борисъ *(удерживая ее)*.—Нѣтъ, няня, что вы, погодите! Вѣдь вы съ холоду, присядьте.

Анна Арсеньевна.—Да, Боря, ты мнѣ объясни, откуда? Что такое? Я рѣшительно ничего не знала, вдругъ, вижу, няня. Ѣдемъ сюда, разспрашиваю, говоритъ—Андрея при смерти нашли на улицѣ... Это невѣроятно, и вообще...

Евдокимовна.—Охъ, Борюшка, ужъ я теперь пойду. Я его не простужу. Вонъ и руки теплыя. Измучился онъ, небось, голубчикъ.

Борисъ.—Сейчасъ, няня, сейчасъ.

Анна Арсеньевна.—Да отчего онъ у васъ, Боря? А мама гдѣ? А папа? И вообще... Да что ты молчишь? Господи, какой ты невыносимый!

(Входитъ Арсеній Ильичъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Арсеній Ильичъ.

Анна Арсеньевна.—Ахъ, вотъ папа! Папочка, вообразите, я рѣшительно ничего не знаю, и вдругъ... Вы отъ него, папочка? Онъ, значитъ, въ угловой лежитъ? Ахъ, Боже мой, да вамъ дурно, папа! Боря, да принеси ты воды! Развѣ не видишь?

(Борисъ наливаетъ воды.)

Борисъ.—Выпейте, дядя.

Анна Арсеньевна.—Ну, что, папочка, какъ? Что вы нашли? Узналъ васъ?

Арсеній Ильичъ.—Не могу я... Не могу тамъ... Боря! Ты видѣлъ его? Давно онъ такой?

Борисъ.—Я его... сегодня не видѣлъ...

Арсеній Ильичъ.—Нѣтъ, ужъ теперь что же... Какая же надежда, а? Анюта, ты подожди, подожди...

Евдокимовна.—Довели, а теперь подожди! Долго-ль у дверей-то стоять? Барыня-то съ Сонюшкой тамъ, небось. *(Твердо идетъ къ двери и входитъ къ больному.)*

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же, безъ Евдокимовны.

Анна Арсеньевна.—Папочка, вы успокойтесь. Вѣдь такъ нельзя. Поберегите себя. Это ужасно, ужасно. Я не понимаю, отовсюду такія несчастья, и вообще... Я сама теряю голову. Главное, ничего рѣшительно не знаю, и сразу: умираетъ. Да кто это сказалъ? Былъ консиліумъ? Боря, неужели ты не можешь мнѣ хоть въ двухъ словахъ толкомъ объяснить!...

(Входитъ генералъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ.

Арсеній Ильичъ, Анна Арсеньевна, Борисъ, Генералъ.

Анна Арсеньевна *(къ нему)*.—Дядя Петя, дядя Петя! Вотъ вы ушли, а папѣ здѣсь дурно было. Дядя Петя, скажите, неужели такъ опасно? Вѣдь онъ раненъ, дядя? Можетъ быть, Вельяминова привезти? Вѣдь я его отлично знаю, онъ сейчасъ же, если я сама за нимъ поѣду, и вообще...

Генералъ.—А ты успокойся, суета. Мы уже послали за кѣмъ нужно. Ты сядь, да потише, а то тамъ, пожалуй, слышно. Евдокимовна гдѣ же?

Борисъ.—Туда ушла.

Арсеній Ильичъ.—А я не могу, не могу... У него ужъ голоса почти нѣтъ...

Борисъ.—Дядя, милый, еслибъ вы знали... Дядя, вы вѣрите, я все сдѣлалъ, что только въ силахъ было человѣческихъ...

Генералъ.—Да брось ты! Развѣ кто сомнѣвается?

Борисъ *(не слушая, продолжаетъ тихо)*.—У меня въ сердцѣ что-то оборвалось, какъ я его увидѣлъ, узналъ... Такъ и представилось, что, если бы вы увидѣли, тетя Наташа, Соня... Я ужъ тутъ ни о чемъ не думалъ, только о немъ, да о васъ всѣхъ. Мнѣ вѣдь показалось, что онъ умеръ. Ну, а потомъ, когда онъ очнулся—такая радость. А теперь вотъ опять... Да не смотрите вы такъ, дядя милый, я вѣдь душу за васъ всѣхъ...

Арсеній Ильичъ *(слабо)*.—Боря, милый ты мой, я знаю, знаю, ужъ видно, судьба...

Генералъ *(лепечетъ)*.—Ну, что тамъ, авось еще какъ-нибудь... Мало ли терпѣли, еще потерпимъ... Терпѣніе, братъ, это такая штука... Что же такого, ну и потерпимъ...

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Соня.

Соня *(выходя изъ комнаты больного)*. — Идите всѣ. Онъ кончается.

(Всѣ идутъ, Борисъ послѣдній. Длинная, тяжстная пауза. Сцена пуста. Темнѣетъ. Въ среднюю дверь входитъ фельдшеръ Котковъ. Оглядывается, прислушивается, садится у стѣнки. Затѣмъ приходитъ денщикъ Дорофеевъ. Потомъ въ дверь постепенно начинаютъ заглядывать денщики, вѣстовые. Входитъ отъ больного Евдокимовна. Всѣ встаютъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРИДЦАТОЕ.

Евдокимовна, Котковъ, Дорофеевъ, денщики, вѣстовые.

Евдокимовна *(причитая)*.—Отдалъ Богу душу, прости ему Господи прегрѣшенія. Упокой Господи! *(Обращаясь къ денщикамъ.)* Кто тутъ изъ васъ, братцы, потолковѣе? Грѣхи наши тяжкіе. Надо вѣдь покойника прибрать. Дорофеичъ, голубчикъ, ужъ ты мнѣ помоги. Ужъ кромѣ меня никого тутъ нѣтъ. А заботъ-то, Боже мой, сколько! За духовенствомъ послать надо. Тихо скончался, вздохнулъ, Богу душу и отдалъ. Дорофеичъ, нѣтъ ли у тебя пятаковъ мѣдныхъ, надо ему глазки закрыть. Да полотеничко принеси, подвязать его, пока не остылъ. Господи, Господи, прости ему прегрѣшенія, вѣдь безъ причастія скончался-то. И чего барыня смотрѣла! *(Съ плачемъ возвращается въ комнату, гдѣ лежитъ Андрей. Котковъ, Дорофеевъ и вѣстовые уходятъ на цыпочкахъ въ среднюю дверь.)*

Пауза.

(Постепенно изъ комнаты Андрея выходятъ всѣ, кромѣ Евдокимовны, и молча садятся у стола. Долгая пауза.)

ЯВЛЕНІЕ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна, Соня, Анна Арсеньевна, Генералъ, Борисъ.

Наталья Петровна *(спокойно и сосредоточенно)*.—Пьерушка! А мы Андрея увозимъ. Распорядись.

Генералъ.—Матушка, какъ же, это невозможно!

Наталья Петровна *(крайне настойчиво)*.—Нѣтъ, возможно. При твоемъ положеніи... да и докторъ поможетъ... Протелефонируй градоначальнику, что ли. Я не знаю тамъ, какъ. Я хочу, чтобъ онъ въ домъ вернулся. Онъ вернулся бы, если бы выздоровѣлъ.

Соня.—Да, да, ты права, мама. Его нельзя здѣсь оставить. Надо его отсюда увезти, скорѣй, какъ можно скорѣй. Мама, вотъ что, я домой поѣду, надо все приготовить.

Наталья Петровна.—Поѣзжай, дѣтка моя. Измаялась ты . Боря, ты бы ее проводилъ.

Соня.—Боря? Боря?... Нѣтъ, мама. Мнѣ тяжело, у меня темно на душѣ. Мнѣ тебя страшно, Борисъ. Точно мертвый Андрей сталъ между нами. Останься. Я одна, я одна. Только не съ тобой!

(Пока говоритъ Соня, входитъ Евдокимовна, желая обратиться къ Натальѣ Петровнѣ за какими-то указаніями. Стоитъ молча.)

ЯВЛЕНІЕ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Евдокимовна.

Борисъ.—Соня, Соня, что ты, Соня...

Соня.—Мама, голубушка, вы поймете... А если и нѣтъ... все равно... Я... не могу простить. Ненависти не надо, я знаю, я борюсь противъ ненависти. Но любви нѣтъ у меня къ тебѣ, Борисъ... и нѣтъ прощенія! Анюта, поѣдемъ со мной.

Анна Арсеньевна.—Да, да, поѣдемъ, Соничка. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна, Генералъ, Борисъ, Евдокимовна.

Евдокимовна *(подходитъ къ Борису и цѣлуетъ ему руку).*—Борисъ Петровичъ, вы на нее не смотрите. Съ горя обезумѣвши, съ горя. Вонъ куда ее метнуло, своего родного да царскаго слугу обижать... Горе это все, батюшка!

Борисъ *(отдергивая руку).*—Убирайся вонъ! Тетя, папа! Вы слышали? Это безуміе, это сверхъ силъ! *(Нянька уходитъ въ среднюю дверь.)* Я, я, убійца? Господи, да что же это! Какъ она можетъ?

ЯВЛЕНІЕ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна, Генералъ, Борисъ.

Наталья Петровна.—Боря, замолчи! За дверью твой братъ мертвый!

Арсеній Ильичъ.—Боричка, милый. Вѣдь она въ состояніи аффекта, прости ей. У меня даже и то голова кругомъ идетъ...

Борисъ.—Нѣтъ, дядя, все кончено, все кончено!

Генералъ.—Боря, не распускайся. Не будь бабой. И у насъ у всѣхъ смерть за плечами. Не даромъ присягу давали.

(Борисъ подходитъ къ Натальѣ Петровнѣ, становится передъ ней на колѣни, и прячетъ лицо ей въ колѣни.)

Наталья Петровна *(гладитъ его по головѣ).*—Боря, бѣдненькій мой! Я тебя прощаю. И за себя и за Соню. А Богъ тебя и подавно проститъ. Кто правъ, кто виноватъ—не знаю. На все Божья воля. Должно быть, всѣ виноваты. Одно только знаю, что очень мы несчастные, очень несчастные...

Генералъ.—Ну, что-жъ... Мало ли терпѣли, и еще потерпимъ, и еще потерпимъ...

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Конецъ іюля 1906 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Мотовиловъ—посѣдѣлъ, сгорбился, опустился.
Мотовилова—въ глубокомъ траурѣ.
Соня.
Бланкъ.
Евдокимовна.
Фима.
Александра Петровна Восторгова—попадья. Лѣтъ 45. Молодится. Роскошныя формы. Завиваетъ на лбу челку. Слѣдитъ за модами. Говоритъ въ носъ. «Да»—произноситъ какъ будто это французское слово «Dan».
Иванъ Яковлевичъ Приваловъ—сельскій учитель. 30 лѣтъ.
Савельичъ—приказчикъ изъ мужиковъ, на положеніи управляющаго. Пожилой. Заикается. Косноязычіе свое скрываетъ, говоря кстати и не кстати «то-есть, это самое».

Въ деревнѣ Мотовиловыхъ, Тимоѳеевскомъ, средней полосы Россіи. Вечеръ. Площадка передъ домомъ. Налѣво широкая терасса. Направо купы деревьевъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Евдокимовна и Фима.

(Возятся на террасѣ около чайнаго стола.)

Евдокимовна.—На балконѣ чай пить вздумали! Кругомъ бунтовщики, ночи теперь хоть глазъ выколи, а они на балконѣ!

Фима.—Дарья Евдокимовна, а въ Конопельцинѣ-то управляющаго побили.

Евдокимовна.—Ну, что ты выдумала!

Фима.—Право слово. Колька давеча оттуда записку барышнѣ приносилъ—разсказывалъ. Въ селѣ народу много, рожь возили, онъ на нихъ крикнулъ, а они на него да на него. Ванька Шарикъ, кажись, его кулакомъ какъ вдаритъ! Еле ноги унесъ. Господа молчать наказывали. Я Колькѣ и то побожилась, что никому не разскажу. Такъ ужъ только вамъ.

Евдокимовна.—А вѣдь тутъ не безъ жида безъ нашего. Все туда стрѣлялъ. Барышня-то вѣритъ ему, а ужъ не доведетъ онъ ее до добра. Охъ, дѣти, дѣти, куда мнѣ васъ дѣти, на ниточку вздѣти, и будете висѣти. И гдѣ это Сонюшка? Стемнѣло, а ея все нѣту.

Изъ саду идетъ попадья. Входитъ на террасу.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и попадья.

(Фима, накрывъ столъ, вскорѣ уходитъ.)

Попадья.—Здравствуйте, милая. Все-то вы въ хлопотахъ! Хлопотунья!

Евдокимовна.—Здравствуйте, матушка. *(Цѣлуются.)* Спасибо, что нашихъ не забываете. Ужъ очень они все горюютъ. А Сонюшку въ саду не встрѣтили?

Попадья.—Нѣтъ, не видала что-то. Горей-то сколько Богъ послалъ. Да. Гуляла я это по парку и все думала. Сколько воды утекло! Давно ли, можно сказать, здѣсь Эдемъ былъ? Молодежь, веселье. Андрюшенька-то покойникъ, поэтъ нашъ незабвенный, какъ, бывало, стихи читалъ, и все декадэнскіе. А сколько тутъ народу въ Петровъ день бывало! Костры, это, иллюминація! Нигдѣ такъ весело не бывало, какъ въ Тимофеевскомъ. Ужъ это извѣстно, да.

Евдокимовна.—Ужъ не говорите, матушка. Послалъ Богъ испытаніе.

Попадья.—Вотъ и генерала убили. Ну, скажите на милость? За что эту свѣтлую личность жизни лишили? Рыцарь былъ настоящій, безъ страха и упрека. Да. Вотъ какъ живой передо мною стоитъ. Помните, Евдокимовна, когда конопелицкую барышню вѣнчали, какой онъ веселый былъ. Фейерверкъ устраивалъ. Всѣмъ, это, завѣдывалъ, горячился. Настоящій кавалеръ. Царство ему небесное! И смерть-то какая! Отъ руки злодѣя. А все жиды эти да анархисты. Да.

Евдокимовна.—Вотъ и къ намъ въ домъ жидъ затесался. Примазался съ самой кончины Андрея Арсентьича. А теперь второй мѣсяцъ живетъ. И сколько разъ я барынѣ говорила. Погубитъ онъ Сонюшку. Она добрая такая, жалѣетъ все его. А онъ развѣ на что посмотритъ? Вѣдь совершенный нигилистъ. Долго ли до грѣха? Ужъ примѣчаю я, что не ладно. Ну, да что говорить.

Попадья *(оживляясь)*.—Неужели правда влюблена? А Борисъ Петровичъ что? Такъ и разстроилось?

Евдокимовна.—Да кабы не этотъ не жидъ проклятый, не разстроилось бы. Все онъ.

Попадья.—А мы-то съ батюшей говорили, вотъ пара! Да. Надѣялись тутъ ихъ и повѣнчать, какъ Анну Арсеньевну.

Евдокимовна.—А она-то бѣдная, тоже все мается. Съ дѣтьми не справится. Шутка ли одной, вдовѣ-то. Нехорошія такія письма барынѣ изъ-за границы пишетъ.

Попадья.—Да, нынче никакого уваженія къ родителямъ. Представьте себѣ, мои-то семинаристы, вѣдь тоже ораторами стали. По деревнямъ шляются. Того и гляди схватятъ. Да. *(На террасу входитъ Приваловъ.)*

Попадья *(вскакиваетъ)*.—Ура! Варшава наша! Иванъ Яковлевичъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и Иванъ Яковлевичъ.

Учитель.—Александрѣ Петровнѣ мое почтеніе. Здравствуйте, Евдокимовна. А старики гдѣ?

Евдокимовна.—Да развѣ не видали? Въ гостиной сидятъ.

Учитель.—А молодежь?

Евдокимовна.—Да гуляютъ гдѣ-то!

Попадья.—Что это васъ не видать, Иванъ Яковлевичъ?

Учитель.—Да занятъ все былъ, матушка.

Попадья.—Шутникъ! Какія у васъ лѣтомъ занятія. Прокламаціи печатаете, да съ Клавдіей Орловой цѣлуетесь. Вотъ и всѣ ваши занятія. Донъ Жуанъ!

Учитель.—А вы откуда знаете?

Попадья.—Откуда знаю? Да все село объ этомъ говоритъ. Не понимаю я васъ. Интеллигентный мужчина, и ухаживать за такой необразованной. Да.

Учитель.—Такъ вѣдь образованныя недоступны. Вы, напримѣръ.

Попадья.—А вы почемъ знаете?

Учитель.—Ого!

Попадья.—Евдокимовна, самоваръ, поди, не сейчасъ? Иванъ Яковлевичъ! Пойдемте на валъ. Закатъ божественный. Все бы только сидѣть да любоваться. Настоящій романсъ, да.

Учитель.—Нравится, такъ и идите. А я тутъ при чемъ?

Попадья.—Ахъ, какой нелюбезный! Поэзіи вы, дорогой, не понимаете. Настоящій профанъ. Да.

Учитель.—А въ ваши годы, да при вашемъ санѣ, поэзію-то, жалуй, и пора бросить.

Попадья.—Всегда что-нибудь непріятное скажете, всегда. Какого, можно сказать, обращенія у васъ нѣтъ, да.

Семинаристъ. Изъ сада выходитъ Соня. Увидавъ, что на террасѣ чужіе, останавливается подъ деревьями.)

Учитель.—Да ужъ не такая тонкая штучка, какъ вы!

Попадья.—Въ высшей степени это неучтиво. *(Уходитъ въ домъ.)*

Учитель.—Матушка! Матушка! что вы обидѣлись. Я пошутилъ. *(Идетъ за ней.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Евдокимовна, Соня. Затѣмъ Фима приноситъ самоваръ.

Евдокимовна.—И то пора бы ей угомониться. Подъ пятьдесятъ бабѣ, а туда же. Фимка! Пойди поищи барышню. И куда это она пропала? *(Уходитъ въ домъ.)*

(Фима сходитъ съ террасы, озираясь.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Фима и Соня.

Соня.—Фима! Не ищи. Я здѣсь.

Фима.—Ну, слава Богу, барышня. А то боязно въ садъ-то за вами идти. *(Уходитъ въ домъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Соня *(садится на скамейку подъ террасой).* **Входитъ Бланкъ изъ сада.**

Бланкъ.—Ты ужъ здѣсь? А я тебя въ саду искалъ.

Соня.—Здѣсь.

Бланкъ.—Что ты мнѣ сказать хотѣла? Начала и не договорила.

Соня.—Я? Нѣтъ, ничего.

Бланкъ.—Ну, милая, скажи. Ты послѣдніе дни смутная какая-то. *(Помолчавъ.)* Впрочемъ, какъ хочешь. Я тебя понимаю. Я не хотѣлъ бы насильно вызывать разговоры. Сочтешь нужнымъ—скажешь, потолкуемъ...

Соня.—Устала я...

Бланкъ.—Дѣлъ, милая, непочатый уголъ, а ты устала. Я у васъ эти два мѣсяца, можно сказать, отдыхаю. Уѣзжать пора. Кстати и не безопасно тутъ для меня становится.

Соня.—Постой, постой, ты не о томъ... Я хотѣла тебя спросить...

Бланкъ.—Что съ тобой?

Соня.—Выслушай меня. Мнѣ тяжело, ты пойми. Все путается вокругъ меня. Петля какая-то затягивается. Дышать нечѣмъ. Такъ нельзя...

Бланкъ.—Какъ нельзя? Да скажи толкомъ. Какія петли? Вѣдь

не старая же семья тебя связываетъ? Неужели и мы, борясь за свободу, еще можемъ чувствовать себя несвободными отъ старой семьи? Въ это я не вѣрю. Если у насъ будутъ дѣти...

Соня.—Новая семья! Отъ той ужъ можно быть несвободными? *(Серьезно.)* Нѣтъ, ты не угадалъ. Выслушай меня. Мнѣ тяжко... Мнѣ страшно... мнѣ скучно.

Бланкъ.—Со мной?

Соня.—Не знаю. Мы оба какіе-то жалкіе. Общественности себя посвятили, пропагандой занимаемся. Немножко рискуемъ, но не очень, о, нѣтъ! А попутно семейное счастье устраиваемъ. Все какъ слѣдуетъ: и романтизма столько, сколько слѣдуетъ, не больше: паркъ, соловьи, поцѣлуи при лунѣ, а потомъ—жена, вѣрная помощница. И все по-хорошему, по-честному... О, старая каинтель! Старая сѣрая жизнь! Сѣрая общественность... Андрей правду говорилъ, старое душитъ, сердце выпиваетъ. Смерть безъ смерти.

Бланкъ.—Заскучала ты, Соня. Но вѣдь нельзя же такъ поддаваться настроенію. По случайному капризу перестать вѣрить во что вѣрила. Жизнь безпощадна; въ борьбѣ съ нею не романтическіе порывы нужны, а тупое, трезвое упорство. Это упорство у меня есть. И у тебя оно есть. Твое уныніе временное. Ты такая же, какъ и я.

Соня.—Да нѣтъ! Не такая, не такая! У меня все другое. Я вижу ужасъ кругомъ, смерть. Я не умомъ, а какъ-то всѣмъ существомъ вижу ее, слышу ее... А ты на это отвѣчаешь... трезвымъ упорствомъ... Ты говоришь, что это честно, а я... я не знаю. Все несется впередъ, рушится, падаетъ, а ты хочешь кого-то образумить. Поздно, поздно...

Бланкъ.—Все рушится, а хоть бы и такъ? Надо глядѣть гибели прямо въ глаза, не бравируя, но и не ужасаясь. Смотрятъ же ей спокойно въ глаза сотни товарищей. Въ томъ-то и выдержка, чтобы не соблазняться гибелью, а дѣлать попрежнему дѣло жизни. Терпѣнія у тебя, Соня, нѣтъ. Нервы расходились, вотъ и я тебѣ сталъ казаться какимъ-то сѣрымъ и тусклымъ. И ты незамѣтно отходишь отъ меня. Говорить о переживаніяхъ не значитъ еще переживать, поэтому это. Ты меня не понимаешь только потому, что я давно пришелъ къ трезвости, давно научился молчать обо всемъ, что привело меня къ дѣлу борьбы. Я рѣдко высказываюсь. Нужны только простыя вещи. Все же иное—поддѣльная глубина, истерика. Если я отвѣчу тебѣ на твои сомнѣнія просто, что у тебя дѣтское нетерпѣніе, что исторія не дѣлается сразу,—знай, что въ моихъ словахъ есть настоящая мудрость. Нѣтъ выдержки, нѣтъ терпѣнія.

Соня.—Ждать я не могу. Я вѣдь живу одинъ разъ, и зачѣмъ-то люблю жизнь, зачѣмъ-то живу? Что-то вѣдь съ меня, если я живу, спрашивается же? Да, надо дѣлать, да, нельзя не дѣлать... Смерчъ закружился, Андрея убили, дядю Пьера убили... Убиваютъ, а я, храня себя, буду съ тобою прокламаціи разбрасывать? да... что еще? Програмныя общія мѣста повторять! Нѣтъ, я не могу. Нѣтъ, если такъ...

Бланкъ.—Конечно, на нашу долю выпала тяжелая полоса исторіи. Но мы потрудимся не даромъ. Будущія поколѣнія...

Соня.—Нѣтъ мнѣ дѣла до будущихъ поколѣній! Сейчасъ—моя жизнь, моя вина, мой отвѣтъ! *Моя* боль неутолимая!

Бланкъ.—Но вѣдь есть же у тебя твое личное счастье, Соня. Вспомни, мы любимъ другъ друга. Вмѣстѣ легче страдать.

Соня.—О, какое личное счастье! Вмѣстѣ, ты говоришь, вмѣстѣ... А вотъ я страдаю одна... Ты не хочешь меня понять. Или ты не можешь?

Бланкъ.—Милая, хорошая моя. Ну, успокойся, ну, скажи...

Соня.—Я скажу. Вотъ что я тебѣ скажу... Вотъ что я думала... Да, да, думала и думаю: если кругомъ все только сплошное безуміе, такъ бѣжать надо, безъ оглядки, на край свѣта... или...

Бланкъ.—Или что?

Соня *(помолчавъ, спокойно)*.—Или, у кого есть силы, есть вѣра въ свою правду, идти какъ Андрей, убивать, быть убитымъ. Другихъ путей нѣтъ сейчасъ для насъ. Я—не вижу.

Бланкъ.—Безуміе! Истерика!

Соня.—Я спокойна. Да, конечно, это безуміе. У меня нѣтъ вѣры Андрея... Я не знаю... Своей смерти—я не боюсь, но права на чужую жизнь у меня нѣтъ... Мнѣ страшно, страшно... Куда идти? Неужели нѣтъ, дѣйствительно нѣтъ, иныхъ путей, иного выхода? О, помоги мнѣ, помоги мнѣ. Пойми, что я тебѣ говорю!

Бланкъ.—Милая, бѣдная ты моя! Словами я не могу тебѣ помочь. Просто ты еще не знаешь ни меня, ни дѣла. Передумай, перестрадай, только серьезно, безъ истерики, и ты довѣришься мнѣ. Отъ дѣла я никогда не отойду. Я до конца жизни буду бороться за счастье другихъ, за свое счастье, и за твое тоже. Чтобъ ты побѣдила уныніе, полюбила жизнь. Она прекрасна, Соня. Въ ней святая борьба.

Соня.—Ты правъ... для себя. Оставь меня.

Бланкъ.—Соня, кто-то пришелъ на террасу. Пойдемъ въ садъ, я долженъ тебѣ еще сказать...

Соня.—Нѣтъ, оставь меня. Потомъ, послѣ. Теперь я хочу быть одна, я должна быть одна. *(Уходитъ за домъ. Бланкъ черезъ нѣкоторое время идетъ на террасу.)*

(На террасу входятъ Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна, Попадья, Приваловъ, позже Бланкъ.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна, Попадья, Приваловъ, Бланкъ.

Арсеній Ильичъ.—Матушка, а батюшка что же?

Попадья.—Батюша дома сидитъ. Нельзя же домъ такъ оставить. Нынче ни одного момента спокойствія. Да. Представьте, Наталья Петровна, сегодня я это сижу у окна, и вдругъ съ улицы какіе-то сарданапалы подходятъ и нахально такъ денегъ просятъ. Я окно захлопнула, а они мнѣ такое слово вслѣдъ, что даже сказать нельзя. Да. Совсѣмъ избаловался народъ. Да.

Учитель.—А вы, матушка, дурныя слова всѣ понимаете?

(Бланкъ входитъ на террасу).

Наталья Петровна.—Сони не видали?

Бланкъ.—Она у себя, наверху, сейчасъ придетъ. Ну, что, Иванъ Яковлевичъ, какъ дѣла? Матушка, а я сегодня сынковъ вашихъ видѣлъ. Молодцы они у васъ.

Попадья.—Ахъ, мосье Бланкъ, какіе тамъ молодцы! Это, можно сказать, мое вѣчное страданіе, да.

Учитель.—Какихъ змѣй вы на своей обширной груди вскормили!

(Входитъ Евдокимовна.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Евдокимовна.

Евдокимовна *(съ ехидствомъ.)*—А въ Конопельцинѣ управителя мужики избили...

Наталья Петровна.—Все-то ты знаешь, Евдокимовна.

Евдокимовна.—Да я думаю, Іосифъ Іосифовичъ лучше моего знаетъ.

Арсеній Ильичъ.—Кто тебѣ сказалъ?

Евдокимовна.—Да ужъ правду говорю.

Попадья.—Ну, вотъ, я говорила то же.

(Евдокимовна уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же, безъ Евдокимовны.

Учитель.—Что вы говорили? Ничего вы не говорили. Да и не вѣрь этотъ самый конопелицкій-то управитель. По дѣломъ ему!

Попадья.—Ну да, вы вотъ все такъ, Иванъ Яковлевичъ. Принципности у васъ никакой. Наталья Петровна, представьте себѣ, мнѣ намедни начальникъ станціи говорилъ, что ему съ прокламаціями сладу нѣтъ. Какъ поѣздъ пройдетъ, такъ вся станція прокламаціями и завалена, и все самаго возмутительнаго содержанія.

Учитель.—А вы ихъ, матушка, читали?

Попадья.—Вотъ и читала.

Учитель.—Васъ бы за это арестовать слѣдовало.

Попадья.—И чѣмъ это все кончится? Катастрофа грандіозная.

Арсеній Ильичъ.—Силъ нѣтъ! Я совершенно боленъ. Тутъ жить нельзя.

Бланкъ.—Не бойтесь, къ вамъ не придутъ.

Арсеній Ильичъ.—Да непремѣнно придутъ. Никакого сомнѣнія нѣтъ, что придутъ. Елагина спалили же. Это безуміе жить здѣсь. Какъ разогнали Думу проклятую, такъ удержу не стало. Я понимаю, она дѣйствительно утрировала, но неужели нельзя было какъ-нибудь... постепенно... смазать, осадить тамъ, осадить здѣсь... А вѣдь это адъ, хаосъ, варварство...

Наталья Петровна.—Опять ты волнуешься, Арсеній.

Учитель.—А кто же въ этомъ хаосѣ виноватъ?

Попадья.—А на духовенство теперь походъ. Реформы, реформы и реформы. Да. Точно духовенство въ чемъ виновато? Изъ кулька въ рогожку перебиваемся, а еще реформы, да.

Учитель.—Я вчера вашего батюшу встрѣтилъ. Изъ Заклинка ѣхалъ. Цѣлую телѣгу всякаго добра везъ.

Попадья.—Безсребренникъ какой нашелся! Вамъ, поди, бабы полотенецъ да куръ не носятъ? Да.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же и Соня, которая входитъ изъ дома.

Наталья Петровна.—Ну, наконецъ-то ты.

Соня.—Мы гуляли съ Іосифомъ Іосифовичемъ. Такъ хорошо Люблю я Тимофеевское.

Попадья.—Очаровательно здѣсь. Паркъ-то какой! Я говорила Евдокимовнѣ, настоящій Эдемъ.

Учитель.—Такъ вѣдь въ Эдемѣ-то змѣй и завелся.

Попадья.—Много вы знаете! Атеистъ!

(Входитъ Савельичъ.)

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Савельичъ.

Савельичъ.—То-есть, это самое, ваше превосходительство, Лыково горитъ.

Соня.—Ахъ, право, зарево какое! *(Всѣ спускаются съ террасы.)*

Савельичъ.—Такъ что, это самое, подпалили.

Попадья.—Конечно, подпалили. И навѣрное калинкинскіе. Тамъ все головорѣзы.

Учитель *(отводитъ Бланка въ сторону)*.—Іосифъ Іосифовичъ. А вы бы, батенька, убирались отсюда, да поскорѣе.

Бланкъ.—А что?

Учитель.—Да до васъ добираются. У меня, надо вамъ сказать, съ урядникомъ дружба, такъ онъ намекнулъ.

Бланкъ.—Да я и то собираюсь. Спасибо.

Арсеній Ильичъ.—Нѣтъ, нѣтъ! Такъ нельзя! Надо уѣзжать. У меня каждый день сердечные припадки. Я въ этомъ домѣ родился, а завтра отъ него, можетъ быть, куча углей останется. Да чортъ съ нимъ съ домомъ-то, а насъ, вы думаете, кольями не распорятъ?

Наталья Петровна.—Арсеній, не распускайся.

Савельичъ.—То-есть это самое, очень тутъ стало опасно, ваше превосходительство.

Попадья.—Иванъ Яковлевичъ, поѣдемте со мной, мнѣ страшно. И батюша дома одинъ.

Учитель.—Ничего съ батюшей вашимъ не станется. Навѣрное сидитъ пасьянсы раскладываетъ.

Арсеній Ильичъ.—Трудился, работалъ всю жизнь, отдалъ наукѣ здоровье, силы... И силы не изсякли еще... И вотъ, на! Ни за что, ни про что, потому что гдѣ-то, кто-то Думу разогналъ... Я-то тутъ причемъ,—спрашивается?

Наталья Петровна.—Не волнуйся. Ну, уѣдемъ за границу, куда хочешь. Мнѣ все равно.

Соня.—Савельичъ, вы бы въ Лыково рабочихъ послали.

Савельичъ.—Что вы это, барышня, то-есть это самое, чтобъ насъ подпалили? А вотъ пойти караульныхъ провѣрить, это, то-есть это самое, слѣдуетъ. Надо бы, ваше превосходительство, еще одного караульнаго.

Арсеній Ильичъ.—Ну, что вздоръ городить. Точно караульные помогутъ.

Савельичъ.—Ваше превосходительство! Вы бы, то-есть это самое, войскъ попросили. На станцію сегодня цѣлый батальонъ прибылъ.

Арсеній Ильичъ.—Савельичъ, оставьте вы меня въ покоѣ. Мы все равно уѣдемъ, а тутъ хоть все пропадомъ пропадай.

Савельичъ.—Какъ угодно, не мое добро, ваше.

Попадья.—Савельичъ, дорогой. Лошадку-то мою велите закладать. Я поѣду. Иванъ Яковлевичъ, милый, поѣдемте. А батюша-то какъ волнуется.

(Савельичъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Наталья Петровна.—Ну, матушка, куда торопитесь, чайку попьемъ.

Учитель.—Да-съ. Иллюминація. И вѣдь что жгутъ-то. Сами впроголодь, а хлѣбъ жгутъ.

Бланкъ.—Господа, пойдемте на валъ. Оттуда виднѣе.

Соня.—Нѣтъ, не надо.

Наталья Петровна.—Лучше сядемте за столъ. Надо успокоиться. Ужъ очень разнервничались. *(Приваловъ, попадья, Наталья Петровна идутъ на террасу. Бланкъ стоитъ рядомъ съ Соней, смотрятъ на зарево. Профессоръ ходитъ по саду.)* Да, Иванъ Петровичъ! Вамъ насъ трудно понять. Вы чужой здѣсь человѣкъ. Сегодня здѣсь, завтра тамъ. А намъ-то каково! Когда я сюда пріѣхала, въ уѣздѣ ни одной школы не было. Наша первая. Все на моихъ глазахъ выросло. Вѣдь я чуть не всѣхъ крестьянъ тутъ знаю, и всегда въ ладу жили. Ну, сами посудите, развѣ мы крестьянъ въ чемъ обижали?

Арсеній Ильичъ *(поднялся на террасу въ то время, какъ говорила Наталья Петровна).*—Вѣдь эти самые калинкинскіе мнѣ три года за обрѣзъ не платятъ. Что же, развѣ съ нихъ я тяну? А подожгутъ лучшимъ манеромъ!

Учитель.—Такъ вѣдь если подожгутъ, такъ не васъ, а помѣщика. Помѣщикъ всегда не правъ.

Арсеній Ильичъ.—Отличная логика и утѣшеніе. Спасибо-съ. А вы думаете васъ не тронутъ, третій элементъ? Дайте срокъ, и противъ васъ пойдутъ. Тутъ вся культура рушится. Пугачевщина!

(Приходятъ изъ сада Бланкъ и Соня.)

Попадья.—Иванъ Яковлевичъ, милый, ну полно вамъ чайничать! Лошадку-то ужъ навѣрное подали.

Учитель.—Да что вы, влюбились въ меня, что ли? шагу безъ меня сдѣлать не можете!

Попадья.—Даму даже проводить не хотите!

Учитель.—Ну, хорошо, поѣдемте, «дама!»

Попадья.—Наталья Петровна, безцѣнная, до свиданія. Завтра у обѣдни будете? А то я скажу батюшѣ, чтобъ подождать.

Наталья Петровна. — Нѣтъ, матушка, вы насъ не ждите.

Арсеній Ильичъ.—Да мы, можетъ быть, завтра и совсѣмъ уѣдемъ. Вѣдь не ждать же, въ самомъ дѣлѣ, чтобы насъ подожгли. Поѣдемъ въ Петербургъ. Сдадимъ квартиру, да и махнемъ за границу.

Бланкъ.—Правда, вамъ слѣдуетъ уѣхать. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Совершенно вамъ теперь въ Россіи дѣлать нечего.

Арсеній Ильичъ.—Совершенно нечего, совершенно. Довольно натерпѣлись. Въ чужомъ пиру похмѣлье.

Бланкъ.—Конечно, конечно. Соберитесь-ка поскорѣе, да и уѣзжайте.

Учитель.—А зарево-то уменьшается. Ну, матушка, я вашъ, весь вашъ. *(Натальѣ Петровнѣ.)*—Если впрямь уѣзжать надумаете, дайте знать. Я зайду. Можетъ, указанія какія дадите, вѣдь вы, какъ ни какъ, а попечительница.

Попадья.—Наталья Петровна, непремѣнно дайте знать. Мы съ батюшой проститься пріѣдемъ. До свиданія, милая. *(Цѣлуются.)*

Арсеній Ильичъ.—Да ужъ если уѣзжать, такъ дѣйствительно скорѣе, какъ можно скорѣе. *(Всѣ уходятъ, кромѣ Сони и Бланка.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Бланкъ и Соня.

Бланкъ.—Ну, вотъ, это даже къ лучшему! Старики уѣдутъ, отдохнутъ, успокоятся. А намъ свободнѣе будетъ, да и выяснится все скорѣе. Ты скажешь имъ, что ты... моя жена. На мой взглядъ—давно надо было сказать.

Соня.—Да. Видишь ли... Я, конечно, скажу имъ все... Но я, вѣроятно, уѣду съ ними.

Бланкъ.—Соня, ты опять давешній разговоръ, что ли, хочешь поднимать? Повѣрь, я очень серьезно отнесся къ тому, что ты говорила, но только все же у тебя много истерики, настроенія... Уныніе совсѣмъ тебя недостойное...

Соня.—Нѣтъ, милый мой. Я не хочу разговоровъ. Зачѣмъ? Подумала одна, худо ли, хорошо ли, а свое про себя поняла,—ну и довольно. Правда, я хотѣла тебѣ что-то сказать,—всегда вѣдь рвешься высказаться... близкому, какимъ ты мнѣ казался. Не сумѣла это ли, ну и не надо. Я покорилась. Я вотъ только и хотѣла сказать тебѣ что уѣду.

Бланкъ.—Да что ты, Соня? Чему ты покорилась? Я отлично тебя понялъ и понимаю. Я чувствую твое уныніе, твое отчаяніе. Я самъ черезъ это проходилъ. Ты ищешь оправданія, искупленія, жаждешь себя въ жертву принести. Это святое чувство, но оно слабость. Тутъ есть замаскированный эгоизмъ...

Соня.—Можетъ быть. Я тебѣ уже сказала, я не хочу разговаривать, спорить. У каждаго изъ насъ своя правда. Но моя—моя, и я съ этимъ ничего не могу подѣлать. Ты вотъ все объ унынiи. Видишь, какъ ты меня не знаешь. О, я не унылая! Я могу мучиться, ошибаться, колебаться, возвращаться,—я и теперь еще не знаю, окончательно ли я повернула съ моего перепутья, не затуманитъ ли опять жизнь,—но одно знаю: въ унынiи или въ однообразномъ отчаянiи, жизнь моя никогда не влачилась, и никогда я ее влачить не буду.

Бланкъ.—Вѣдь не хочешь же ты сказать, что ты... по ошибкѣ со мной сблизилась? Мы полюбили другъ друга сознательной любовью... А если такъ, то зачѣмъ же ты хочешь меня покинуть?

Соня.—О, я понимаю, я понимала, что дѣлала. Я ни въ чемъ не раскаиваюсь... И однако, это еще не значитъ, что сближеніе наше не было ошибкой. Послушай: такое сближеніе, какъ наше, вотъ когда люди становятся мужемъ и женою, или любовниками,—это или такъ велико и важно, такъ безмѣрно важно, что всей важности ты даже и не понимаешь, да и рѣдкіе понимаютъ, или же... это—совершенное ничто. Сошлись—и не сходились. Сошлись—и не увидѣли другъ друга! И это послѣднее, когда—было и какъ бы не было, сошлись—и не увидѣли,—это, можетъ быть, еще важнѣе, потому что это непростимое, незабвенное, и люди не смѣютъ такъ сходиться, чтобъ въ глаза другъ друга не видѣть. Это имъ не позволено. И если это съ ними случается...

Бланкъ.—Ты отлично знаешь, какъ это страшно для меня важно, и какъ я тебя люблю.

Соня *(продолжая свою мысль)*.—И вотъ мы съ тобой, мы съ тобой... Я еще не знаю, я еще не смѣю знать навѣрно... Но мнѣ иногда кажется, что мы съ тобой въ глаза другъ друга не видѣли, такъ ничего и не было; марево, туманъ какой-то наплылъ...

Бланкъ *(съ раздраженіемъ)*.—Значитъ, *ты* не поняла, а не я, насколько мы глубоко и неразрывно связаны! Если же ты меня не любишь, если ты просто поддалась мимолетному увлеченію, то имѣй мужество это сказать, а не прикрывайся громкими фразами. Скажи прямо, что я для тебя больше не существую. *(Мѣняя тонъ.)* Соня, это все неправда, это туманъ, который разсѣется. Ты испугалась

личнаго счастія, тебѣ показалось, что оно не заслужено. Это пройдетъ, милая *(обнимая ее)*, я тебя люблю, и ты меня любишь, да, да?

Соня *(отстраняя Бланка)*.—Весь ты—мой туманъ. Холодный туманъ. Весь ты... Весь ты... никто не виноватъ,—а можетъ быть, оба мы виноваты. Нѣтъ, должно быть, никто. Вѣдь и я твой туманъ... Вѣдь ты тоже въ глаза меня не видѣлъ.

Бланкъ.—Соня, замолчи сейчасъ! Это дико, что ты говоришь. Я хочу положить всему конецъ. Сегодня же вечеромъ я прекращу это нелѣпое, фальшивое положеніе. Я вѣрю въ тебя, въ себя, въ твою любовь. Будущее покажетъ тебѣ правду. Сегодня же я скажу все твоимъ. Мы поговоримъ серьезно. И уѣдемъ отсюда, какъ можно скорѣе. Пора вернуться къ трезвости и настоящей жизни. Слышишь, Соня?

Соня.—Слышу. Дѣлай какъ хочешь. Пусть будущее покажетъ правду. А только и ты ея, правды-то, такъ же не знаешь, какъ я не знаю. Пусть покажетъ будущее! Пусть!... *(На террасу возвращаются изъ дому Арсеній Ильичъ и Наталья Петровна.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Соня, Бланкъ, Арсеній Ильичъ и Наталья Петровна.

Арсеній Ильичъ.—Я, можетъ быть, и преувеличиваю, можетъ быть, это нервы, но оставаться я здѣсь не могу. Силъ моихъ нѣтъ.

Наталья Петровна.—Да, Арсеній. Надо уѣзжать. Слишкомъ тутъ тяжело.

Арсеній Ильичъ.—Правда, поѣдемте завтра налегкѣ. А Евдокимовна домъ приберетъ, уложится и пріѣдетъ съ вещами. Вѣдь все равно за границу не сразу. Соня, хочешь за границу? Вѣдь ты тоже хочешь за границу?

Соня.—Да, хочу.

Арсеній Ильичъ.—Ну вотъ и отлично. Всѣ и поѣдемъ.

Наталья Петровна.—А куда же поѣдемъ-то?

Арсеній Ильичъ.—Въ Парижъ. Разумѣется, въ Парижъ. Я тамъ заниматься буду, лекціи читать...

(Входитъ Евдокимовна.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Евдокимовна.

Евдокимовна.—Идутъ, идутъ! *(Убѣгаетъ. Всѣ вскакиваютъ.)*

Арсеній Ильичъ.—Мужики? Мужики?

Бланкъ *(бѣжитъ въ домъ.)*

Пауза.

Бланкъ *(изъ дверей).*—Идите. Это полиція и солдаты. Въ Лыково, должно быть.

Арсеній Ильичъ *(къ Натальѣ Петровнѣ и Сонѣ).* — Подождите, я сейчасъ!

(Арсеній Ильичъ уходитъ съ Бланкомъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Соня и Наталья Петровна.

Наталья Петровна.—Солдаты, солдаты? Зачѣмъ солдаты? Соня, когда же это кончится? Они стрѣлять будутъ? Господи, Господи!

Соня.—Мамочка, милая, они въ Лыково идутъ. Они у насъ не останутся.

Наталья Петровна.—Только бы они не стрѣляли. Неужели опять убійства? Сколько крови! сколько крови!

Соня.—Нѣтъ, мама, они только охранять будутъ. Не бойся, моя хорошая, дорогая. Вотъ поѣдемъ за границу, будемъ жить тихо, въ сторонкѣ, покойничковъ своихъ вспоминать...

Наталья Петровна.—Помнишь, какъ дядя Пьеръ за Андрюшей ухаживалъ? Сколько ласки у него было! И Андрей его любилъ. А вотъ оба погибли. Точно другъ друга убили!

Соня.—Вотъ и милое Тимофеевское умираетъ. Какъ живой человѣкъ умираетъ. А Андрей-то какъ его любилъ! А Борисъ! Прошлымъ лѣтомъ, на войнѣ мы съ нимъ все вспоминали, какъ здѣсь когда-то въ индѣйцевъ играли.

Наталья Петровна.—Кажется, ушли.

Соня.—Кто?

Наталья Петровна.—Солдаты.

Соня *(прислушиваясь).*—Солдаты? Должно быть, нѣтъ еще. Слышишь шумъ?

Наталья Петровна.—Да, слышу. Господи, Господи.

Соня.—Мама, милая. Что-то будетъ, что-то съ нами будетъ? Ничего я больше не вижу, не понимаю, гдѣ правда, гдѣ ложь. Но такъ жить больше нельзя. Какъ вспомню объ Андреѣ, о дядѣ Пьерѣ, такъ сердце и упадетъ... Должны же мы искупить эти смерти. А мы...

Наталья Петровна.—Что мы?

Соня.—Да не хорошо какъ-то живемъ. Не такъ, не то.

Наталья Петровна.—Мы старые, Соня. Съ насъ не спро

сится. Столько горя намъ Богъ послалъ, что иногда даже не подъ силу. А ты, дѣтка, еще успѣешь. У тебя жизнь вся впереди.

Соня.—Ахъ, мама, что я успѣю! Я совсѣмъ, совсѣмъ не знаю, что дѣлать...

Наталья Петровна.—А мнѣ вѣрилось, что ты понемногу успокоишься, что Іосифъ Іосифовичъ тебѣ поможетъ...

Соня.—Нѣтъ, мама, онъ мнѣ душу опустошилъ. Ничего въ ней не осталось, недоумѣніе какое-то...

(Вбѣгаетъ Арсеній Ильичъ. Въ изнеможеніи падаетъ въ кресло. Нѣкоторое время молчитъ.)

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Арсеній Ильичъ.

Наталья Петровна *(вставая)*.—Что съ тобой? Арсеній, тебѣ дурно?

Арсеній Ильичъ.—Ничего, ничего, все пустяки. Не волнуйтесь.

Соня.—Да что такое, наконецъ? Папа, да говорите же.

Арсеній Ильичъ.—Бланкъ, Бланка...

Соня.—Что, что...?

Арсеній Ильичъ.—Его, его... увезли.

Соня.—Арестовали?

Арсеній Ильичъ *(молча киваетъ головой.)*

Соня.—Гдѣ онъ, гдѣ онъ? Надо же ѣхать. Да что это, Господи, да какъ же это? Я иду, я иду! *(Порывается идти.)*

Арсеній Ильичъ *(удерживая ее)*.—Никуда ты не пойдешь. Говорятъ тебѣ, его увезли. Это пустяки. Я говорилъ со становымъ. Надо къ губернатору поѣхать, я похлопочу. Снасибо еще обыска не дѣлали. Да гдѣ же Евдокимовна? Завтра утромъ на вокзалъ поѣдемъ, его увидимъ. Евдокимовна! Онъ просилъ кой-какія вещи. Чортъ ее дери! Вѣчно нѣтъ, когда нужно! Соня, ты лучше знаешь, что онъ тутъ дѣлалъ? Дѣйствительно въ чемъ-нибудь замѣшанъ?

Наталья Петровна.—Оставь. Подожди. *(Арсеній Ильичъ уходитъ въ домъ. Слышны его крики: «Евдокимовна, Евдокимовна»).*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Соня и Наталья Петровна.

Соня *(плачетъ)*.—Какъ я передъ нимъ виновата!

Наталья Петровна.—Дѣвочка моя, да ты... любишь его?

Соня.—Ахъ, если бы вы знали, если бы вы знали.

Наталья Петровна.—Да ты любишь его?

Соня.—Поймите же, я ничего не знаю! Можетъ, люблю... Любила... кажется. Да, кажется, потому что я его... то-есть онъ мой... любовникъ. Слышишь, мама?

Наталья Петровна.—Бѣдная, бѣдная ты моя дѣвочка. Не бойся, дѣтка, поплачь, поплачь...

Соня.—Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? За нимъ идти—зачѣмъ? Съ вами оставаться. Зачѣмъ? Ничего не знаю, гдѣ правда, гдѣ ложь...

Наталья Петровна.—Соня! Ты его жена. Ты должна идти за нимъ. Дастъ Богъ его выпустятъ, и ты...

Соня.—Не могу. Не могу...

Наталья Петровна.—Не понимаю.

Соня.—Ахъ, мама! Я себя сама не понимаю. Но я знаю, что тутъ гдѣ-то ложь, неправда. Я не хочу быть женой. Это было наваожденіе, надрывъ. Я пожалѣла его, я думала, что люблю его...

Наталья Петровна.—Не грѣши, Соня. Твой путь теперь ясенъ. Ты теперь прежде всего жена, можетъ быть, будешь матерью...

Соня.—Нѣтъ, нѣтъ, я не жена, не мать, я сама, сама, я... Понимаете? Я! И зачѣмъ ребенокъ? Какой ребенокъ? Что я съ нимъ буду дѣлать? На что онъ родится? На смерть? Мама, мнѣ страшно, страшно.

Наталья Петровна.—Не намъ судить объ этомъ. Не ропщи, дѣтка моя. Смирись.

(Входитъ Арсеній Ильичъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Наталья Петровна, Соня, Арсеній Ильичъ.

Арсеній Ильичъ.—Завтра рано утромъ на вокзалъ. Евдокимовна его вещи приготовитъ. Соня, ты бы ей помогла. А вечеромъ и сами укатимъ. Довольно, довольно, силъ моихъ больше нѣтъ.

(Входитъ Евдокимовна.)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Евдокимовна.

Евдокимовна.—Вотъ дѣловъ-то этотъ смутьянъ надѣлалъ!

Арсеній Ильичъ *(возбужденно)*. — Всѣ поѣдемъ, всѣ поѣдемъ! Все бросимъ! И тебя, старая, возьмемъ!

Евдокимовна.—Куда это, батюшка, мои кости старыя везти хотите?

Арсеній Ильичъ.—Въ Парижъ! въ Парижъ!..

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Октябрь 1906 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Арсеній Ильичъ.
Наталья Петровна.
Соня.
Бланкъ.
Анна Арсеньевна.
Вася, ея сынъ, цыбастый подростокъ.
Борисъ.
Когенъ, Максимъ Самойловичъ. Интеллигентъ-журналистъ. Еврейскаго происхожденія, приземистый, упитанный, веселый. Жмурится, какъ котъ.
Гущинъ, Иванъ Ивановичъ. Очень юный поэтъ, высокій, лицо мертвенное. Голосъ подкошенный, шеей не ворочаетъ отъ подпирающихъ его воротничковъ.
Горничная, француженка.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ квартирѣ Мотовиловыхъ.

Гостиная. Осень. Въ глубинѣ очень широкая стеклянная дверь въ столовую. Въ столовой у стола сидятъ *Наталья Петровна, Анна Арсеньевна* и *Вася*. Разговариваютъ. Въ гостиной налѣво у камина *Арсеній Ильичъ*. Ноги подъ пледомъ. *Бланкъ* ходитъ по комнатѣ, попивая кофе изъ маленькой чашечки.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Арсеній Ильичъ, Бланкъ.

Арсеній Ильичъ.—Ну что-жъ, оно, пожалуй, и лучше, что вы, наконецъ, собрались. Скучно намъ, старикамъ, будетъ, да ничего не подѣлаешь.

Бланкъ.—А вы къ намъ весной пріѣзжайте. Въ Женевѣ дивная весна.

Арсеній Ильичъ.—Ну, до весны-то... еще, можетъ, амнистію дадутъ. Вы въ Россію уѣдете.

Бланкъ.—Какая тамъ амнистія! Да мнѣ все равно. Надо будетъ—и безъ амнистіи вернусь. Пока хочется подучиться. Ужасно притупляетъ пропаганда, я даже за литературой пересталъ слѣдить. Въ тюрьмѣ кое-что подчиталъ, жаль бросать. А Плехановъ въ этомъ дѣлѣ незамѣнимъ.

Арсеній Ильичъ.—Да, да. Какъ бы только Соня въ Женевѣ не соскучилась.

Бланкъ.—И Соня, если захочетъ, всегда дѣло найдетъ. Вотъ, мнѣ поможетъ... Я вѣдь насчетъ иностранныхъ языковъ плохъ. Вмѣстѣ читать будемъ... Наконецъ, тамъ большая русская колонія.

Арсеній Ильичъ.—Да, да. А всетаки трудно предрѣшать. Сегодня одно, а къ веснѣ...—да что къ веснѣ, и раньше!—въ Россіи все можетъ повернуться.

Бланкъ.—Я не сомнѣваюсь, Арсеній Ильичъ. Но что же изъ того? На наши планы это существенно вліять не можетъ. Наше дѣло такое... не русское оно только,—всемірное дѣло. Россія пока переживаетъ свою революцію. Это необходимо, но это лишь подготовка къ будущей, къ послѣдней, къ настоящей.

Арсеній Ильичъ.—Ну, мы-то ужъ ее не увидимъ. Да и вы, пожалуй, не увидите.

Бланкъ.—Право, не знаю. Не останавливаюсь на этомъ вопросѣ. *(Помолчавъ.)* Мнѣ важно мое дѣло дѣлать сегодня, завтра... Если мои усилія хоть сколько-нибудь послужатъ для достиженія общей, послѣдней цѣли,—то съ меня достаточно этого сознанія. Главное—не терять даромъ силъ и дней.

Арсеній Ильичъ *(уныло)*.—Я понимаю.

Бланкъ.—А тутъ суета какая-то въ Парижѣ. Сосредоточиться невозможно. Да и Сонѣ здѣсь не хорошо. Я вамъ откровенно скажу, Арсеній Ильичъ, нездоровая у васъ здѣсь атмосфера. Ужъ, кажется, я человѣкъ нормальный, а и то сталъ какой-то раздражительный... Повѣрьте, не виню я васъ. По-человѣчеству я васъ искренно полюбилъ, понимаю васъ, цѣню ваше личное благородство, неисчерпаемую доброту Натальи Петровны... Но что-жъ подѣлаешь. Жизнь—штука жестокая. Въ ней желѣзо есть. Она неумолимо отстранила васъ, отстраняетъ. Идти намъ противъ нея, оставаться съ вами—это значитъ самимъ обезсилѣть. Сонѣ очень тяжело. Я вижу... Но единственное ея спасеніе—перемѣнить обстановку, жить съ людьми, у которыхъ нѣтъ ничего въ прошломъ, а все въ будущемъ. Прошлое ее давитъ. Хватитъ силы преодолѣть—выплыветъ.

Арсеній Ильичъ.—Отлично я васъ, отлично понимаю... И спасибо вамъ, что такъ прямо говорите. Мы—прошлое. Но мы вамъ мѣшать жить не будемъ. А всетаки утѣшеніе у насъ есть: были и мы нужны въ свое время... Вѣдь были же? *(Пауза.)* Свое дѣло въ свое время вѣдь сдѣлали же?

Бланкъ *(разсѣянно)*.—Конечно, конечно...

(Молчаніе.)

Арсеній Ильичъ.—А сколько ѣзды-то до Женевы?

Бланкъ.—Ночь одна. Завтра вечеромъ выѣдемъ, а утромъ въ Женевѣ.

Арсеній Ильичъ.—Вы хоть пишите намъ почаще.

Бланкъ.—Я корреспондентъ плохой. А Соня, конечно, писать будетъ.

(Уходитъ въ дверь налѣво.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Арсеній Ильичъ.

Арсеній Ильичъ *(кричитъ въ столовую).*—Вася, принеси мнѣ еще кофею.

(Изъ столовой голосъ Натальи Петровны):—Сейчасъ!

(Входитъ Анна Арсеньевна съ чашкой.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Анна Арсеньевна, Арсеній Ильичъ.

Анна Арсеньевна.—Все вы, я вижу, киснете, папочка. Опять плохо спали. Нехорошо вамъ и кофе столько пить.

Арсеній Ильичъ.—Да что-жъ дѣлать-то, какъ не киснуть? Погода скверная, здоровье скверное... Что-жъ дѣлать? Мы—прошлое, другъ мой, намъ только и осталось, что киснуть, пока не докиснешь. Да. *(Помолчавъ.)* Вотъ завтра наши уѣзжаютъ.

Анна Арсеньевна.—Такъ, значитъ, окончательно рѣшено?

Арсеній Ильичъ.—Завтра ѣдутъ.

Анна Арсеньевна.— Тоже эгоизмъ какой у Іосифа Іосифовича. Бросить васъ однихъ. Знаетъ, что и мнѣ надо уѣзжать. Вѣдь я-то не по своей волѣ, я Васю везу.

Арсеній Ильичъ.—Ну, это пустяки. Со стариками имъ нечего дѣлать. Говорятъ тебѣ, мы—прошлое. А имъ въ будущее надо смотрѣть. Бланкъ отличный человѣкъ,—дѣятельный такой, серьезный. Энергія...

Анна Арсеньевна.—А въ Сонѣ я послѣднее время какъ-т не замѣчаю энергіи.

Арсеній Ильичъ.—Русская барышня. Поймешь ее. Все не-р збериха. Нынче горитъ,—завтра, глядишь, завяла. А потомъ опять н чего. Выдержки нѣтъ. Я отъ Сони, такъ сказать, отступился... (казываюсь тутъ что-нибудь понимать. Пусть ужъ Бланкъ. Авось о ъ ее выдержкѣ научитъ. Это въ немъ, слава Богу, есть.

Анна Арсеньевна.—Ахъ, папочка, Соню браните, «рус-

ская барышня», а сами-то развѣ не по-русски на все ворчите, и на погоду, и на Парижъ, и вообще? Чудный городъ! Я совсѣмъ парижанкой сдѣлалась. Кабы не Васю везти—не выѣхала бы. Какіе люди! Эта чудная Франсуаза—прямо мой ангелъ хранитель. Вѣдь это она меня ввела въ теософское общество, а я тамъ душой отдыхаю.

Арсеній Ильичъ.—Астральныя тѣла изучаешь? Что-жъ, всякому свое. И это одинъ изъ видовъ прошлаго...

Анна Арсеньевна.—Какое прошлое? Это вѣчное, вѣчное!

Арсеній Ильичъ.—Ну, милая моя, меня отъ вѣчностей такого сорта тошнитъ. Утѣшайся теософіями, я тебѣ не мѣшаю; для кого же онѣ, какъ не для васъ съ Франсуазой.

(Входятъ Наталья Петровна и Вася.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Арсеній Ильичъ, Анна Арсеньевна, Наталья Петровна, Вася.

Анна Арсеньевна.—А вотъ, папа, Франсуаза меня все про Соню спрашиваетъ, мнѣ даже неловко. Я ужъ говорю, что, собственно, бракъ задержанъ русскими дѣлами, а какъ можно будетъ—они тотчасъ же обвѣнчаются...

Наталья Петровна.—Ты бы вышелъ, Арсеній. Цѣлыми днями сидишь у камина.

Арсеній Ильичъ.—Ну, на что я выйду? Куда пойду? Грязь, толпа, скука... А тебѣ, Анюта, и чудной твоей Франсуазѣ я искренно удивляюсь. Кажется, пора бы французамъ привыкнуть къ гражданскому браку. А выходитъ, что мы, такъ сказать, терпимѣе ихъ. Да. *(Помолчавъ.)* Ну и обвѣнчаются, конечно, въ свое время. Пустяки какіе.

Наталья Петровна.—А Іосифъ Іосифовичъ гдѣ же?

Арсеній Ильичъ.—Къ себѣ пошелъ, должно быть.

Вася.—Дѣдушка! Соню что, въ синагогѣ вѣнчать будутъ?

Арсеній Ильичъ.—Дуракъ!

Вася.—Нисколько не дуракъ, а просто спрашиваю. Вѣдь онъ жидъ.

Арсеній Ильичъ.—Вася, поѣдешь въ корпусъ, тамъ и безобразничай, а у меня въ домѣ прошу вздору не молоть.

Анна Арсеньевна.—Папочка, ужъ я отъ него отступилась. Кажется, всѣмъ для нихъ пожертвовала, за границу увезла—нѣтъ. Добился-таки этотъ воинъ своего. Я отъ полковника Генца письмо получила, обѣщаетъ устроить его у себя, а къ веснѣ въ пятый классъ приготовить.

Арсеній Ильичъ.—Премудрость тамъ, подумаешь, въ корпусѣ-то; въ два мѣсяца все вызубрить можно.

Анна Арсеньевна.—Отвезу его, и пускай, пускай. Какъ ужъ онъ тамъ хочетъ. Силы послѣднія изсякли. Если бы не Франсуаза, которая поддерживаетъ мой духъ,—я бы давно, я бы давно...

Вася.—Ты опять не сдерживаешься? Вѣдь ужъ кончено, и сама же говоришь, что отступилась, чего-жъ еще?

Анна Арсеньевна.—Вотъ слышите, какъ онъ съ матерью говоритъ? Нѣтъ, Шура мой, какой тамъ ни есть, Шура никогда бы...

Вася.—Шура? А Шура вашъ... Шура вполнѣ достоинъ... по заслугамъ будетъ... если его когда-нибудь къ столбу привяжутъ...

Наталья Петровна.—Вася! Господи, Господи! Такъ говорить... О мальчикѣ... О братѣ...

Вася.—Надоѣло ужъ. Тутъ мать, тутъ братъ, тутъ дядя,—слова не скажи. Вотъ дядя Боря. Что-жъ, оттого, что онъ мнѣ дядя, я молчать обязанъ? Нисколько! Былъ на войнѣ, служилъ въ хорошемъ полку—и вдругъ въ отставку. Что это, глупость? Или ренегатство?

Арсеній Ильичъ.—Сейчасъ же замолчи или убирайся вонъ! Я очень серьезно говорю.

Анна Арсеньевна.—Боже мой, Боже мой... Какъ ты посмѣлъ?

Арсеній Ильичъ.—Брось, Анюта. Успокойся, успокойтесь вы всѣ, сдѣлайте милость. И такъ не весело,—свару завели...

(Пауза.)

Анна Арсеньевна.—А Боричка давно былъ у васъ?

Наталья Петровна.—Да вчера заходилъ.

Анна Арсеньевна.—Какой онъ миленькій въ штатскомъ. Привыкнуть не могу, не узнаю его каждый разъ. Похудѣлъ ужасно.

Наталья Петровна.—Тоскуетъ.

Анна Арсеньевна.—Смерть дяди Пьера такъ его потрясла. Ему бы развлечься. Ахъ, здѣсь премилое общество. Если бы я не уѣзжала... и вообще...

Вася.—Мнѣ пора, я ухожу.

Анна Арсеньевна.—Куда ты?

Вася.—Мнѣ нужно. *(Прощается и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, безъ Васи.

Анна Арсеньевна.—Вотъ видѣли? И не смѣй спросить—куда. Недавно всю ночь съ какими-то мерзавцами прокутилъ. Я думала, съ ума сойду. Нѣтъ, въ немъ что-то ненормальное.

Арсеній Ильичъ. — Ну, кутежи-то, — это, положимъ, всегда было. А вотъ ретроградство его дикое, да къ Шурѣ ненависть,— это дѣйствительно... странное что-то. Теперь молодежь, дѣти даже,— всѣ, вѣдь, какъ Шура, чего-жъ глаза-то закрывать. А этотъ у тебя... дѣйствительно, выродокъ какой-то.

Анна Арсеньевна.—Ахъ, ужъ не знаю, что лучше. И какъ послѣ этого въ карму не вѣрить? Ясно, ихъ душамъ предстоитъ цѣлый рядъ перевоплощеній...

Арсеній Ильичъ.—Пошла свою чепуху городить.

(Черезъ столовую входитъ Борисъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна, Анна Арсеньевна и Борисъ.

Наталья Петровна *(встаетъ навстрѣчу)*.—Здравствуй, милый мой мальчикъ!

Анна Арсеньевна.—А, Боричка! *(Цѣлуетъ его.)*

Борисъ.—Здравствуйте, милые. *(Жметъ руку Арсенію Ильичу.)* Сони здѣсь нѣтъ?

Арсеній Ильичъ.—Ну, что, шатаешься по Парижу?

Борисъ.—Брожу... Да невесело какъ-то. Имъ до насъ дѣла нѣтъ, да и намъ до нихъ тоже. И столько людей, столько людей!... Просто точно не люди, а «нарочно».

Наталья Петровна.—Ты, вѣдь, Боря, въ первый разъ въ Парижѣ?

Борисъ.—Въ первый. И ужъ не знаю... Неужели идеалъ Россіи—Парижъ, съ равноправіемъ, кокотками, автомобилями, цилиндрами и свободой?... Страшно мнѣ какъ-то...

Арсеній Ильичъ.—Ну, Боря, слышали ужъ мы эту пѣсенку о гниломъ западѣ. Я ворчу на Парижъ, да, вѣдь, я что, моя жизнь въ прошломъ, а тебѣ не моими глазами надо смотрѣть. Сейчасъ же завелъ: западъ, западъ...

Борисъ.—Да нѣтъ, дядичка, не гнилой онъ, западъ, не гнилой,—милый, святой, хорошій... только не нашъ, другой... Мы другіе. Намъ другое надо. Впрочемъ, ничего я не знаю.

Анна Арсеньевна. — Поживешь, оцѣнишь Парижъ. Сколько жизни, комфорта, свободы. Люди ласковые, простые. Жи-

вуть естественно, какъ живется, безъ вопросовъ. У насъ все какъ-то странно, утомительно: сейчасъ же вопросы, вопросы и вопросы. Точно нельзя безъ всякихъ рѣшеній жить. Брать жизнь, какой Богъ ее создалъ. Ну, я не говорю, ну вдумываться, отчего же? Но вѣдь у насъ пойдутъ эти вопросы,—и сейчасъ же ненависть, злоба, и вообще...

Наталья Петровна.—Ненависть у насъ безмѣрная накопилась. Здѣсь ненависти нѣтъ, это правда. Да вѣдь зато и любви нѣтъ...

Борисъ.—Тетя, тетя, милая, столько у насъ ненависти, что даже слышать другъ друга не можемъ. Всѣ другъ друга презираютъ, въ чемъ-то укоряютъ, и никто никому не вѣритъ. Нѣтъ ненависти,—нѣтъ и любви, скажете? А изъ ненависти любовь вырастетъ ли еще? Вѣдь ни слова о ней, ни одного единственнаго. Забыли или не было ея никогда? И не будетъ?

Арсеній Ильичъ.—Да что тутъ о любви мечтать. Добиться бы простой человѣческой справедливости...

Борисъ.—Нѣтъ, дядя, кто любовь любитъ, тому справедливости не надо. Какая ужъ тутъ справедливость въ любви? Справедливость будетъ разсуждать, кому умирать, кому жить,—а въ любви никакой смерти нѣтъ, одна жизнь... И даже совсѣмъ и жизни нѣтъ, если нѣтъ любви...

Наталья Петровна.—Судьба тебя изломала, Боричка. Взвалила тебѣ на плечи столько, что не всякому вынести.

Борисъ.—Нѣтъ, тетя, я изъ-за этого міра не прокляну. Я люблю ее, жизнь, какъ она есть. Всегда любилъ. Только самъ-то я такой... вы знаете, ну что я? Всегда боялся идти впереди жизни, надъ жизнью... Мечталось жить въ самой серединѣ. Думалось, не тамъ ли еще теплится искорка любви. Оторвешься, выйдешь—очутишься въ пустотѣ. А теперь вдругъ и этого нѣтъ: жизнь сама ушла изъ-подъ меня, выскользнула... И я ужъ позади, за жизнью остался. Смотрю на нее, какъ сквозь стекло. Точно въ корпусѣ, бывало, глядишь изъ окна: Садовая, извозчики, магазинъ Крафта... Ну, да что обо мнѣ. Я человѣкъ конченный. Je suis un опустившійся человѣкъ,—это у Достоевскаго, кажется, кто-то говоритъ.

Арсеній Ильичъ.—Право, противно тебя и слушать... Ноешь, ноешь. Совершенно, какъ Соня. Ужъ если вы опустившіеся человѣки, такъ я-то кто? Старая калоша, которая промокаетъ. Благодарю покорно. Нѣтъ, вотъ Бланкъ,—это я понимаю. Ужъ онъ не заноетъ, руки сложа сидѣть не будетъ въ двадцать шесть лѣтъ. И что такое случилось, скажите, пожалуйста? Что случилось? Каж-

дому поколѣнію своя жизнь, своя работа... Отжили мы,—вы живите... Слава Богу, не на одинъ еще вѣкъ и вамъ жизни хватитъ. Бланкъ совершенно правъ...

Борисъ.—Да, да. Развѣ я спорю? Бланкъ совершенно правъ. Честь ему и слава. А когда они ѣдутъ?

Арсеній Ильичъ.—Завтра вечеромъ.

(Входитъ Когенъ.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Когенъ.

Когенъ.—Ну что, профессоръ, все у камина сидите? У васъ тепло, а у меня-то, у меня-то! Холодъ, какъ въ погребѣ.

Арсеній Ильичъ.—Вы знакомы? Мой племянникъ Львовъ. Максимъ Самойловичъ Когенъ. *(Къ нему.)* Ну, что подѣлываете?

Анна Арсеньевна.—Мама, я ухожу. Боря, прощай. До свиданія, папочка. Гуляйте каждый день, возьмите себя въ руки. Завтра приду съ нашими проститься. До свиданія, m-r Когенъ.

(Уходитъ съ Натальей Петровной черезъ столовую. Проводивъ дочь, Наталья Петровна остается въ столовой, приготовляя чай.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Арсеній Ильичъ, Когенъ и Борисъ.

Когенъ.—Да, да, такъ, такъ... Что я подѣлываю? Ничего, профессоръ, ничего. Читалъ вотъ въ колоніи лекцію, о революціи. Теперь въ національную библіотеку хожу. Да-съ, не разсчитали мы. Кто бы могъ подумать? Вѣдь казалось—все кончено. Побѣду праздновали. И вотъ. Не угодно ли. Самая злѣйшая реакція!

Арсеній Ильичъ.—Вотъ, подождите, что еще весной дума скажетъ. Можетъ, амнистія...

Когенъ.—И нисколько я ни на что не надѣюсь. Хоть бы за дѣло пострадалъ-то. Щепкой себя выброшенной чувствуешь... Выбросили и забыли. *(Къ Борису.)* Давно въ Парижѣ?

Борисъ.—Нѣтъ. Съ недѣльку.

Когенъ.—Ну и что-жъ, и что-жъ, познакомились съ парижскими развлеченіями? Профессоръ, я переселился на Монмартръ. Въ самый центръ кабачковъ. Жизнь кипитъ вокругъ меня, всю ночь кипитъ!

Борисъ.—Интересная?

Когенъ.—А вотъ приходите какъ-нибудь ко мнѣ, вмѣстѣ пойдемъ. Я вамъ такое покажу... Совершенныя Аѳины. Культурная демократія. Наиподтичнѣйшія формы порока. Здѣсь сама проститу-

ція поэтична. Ею занимаются по призванію. Деньги—дѣло второстепенное. Ну, какъ поэты стихи пишутъ. Вѣдь не для денегъ же, хотя потомъ гонораръ получаютъ.

Борисъ.—Я былъ на-дняхъ въ какомъ-то кабакѣ. Не понравилось. Добродѣтельно до... провинціализма, я бы сказалъ. И дѣловито. Народу—какъ въ метрополитэнѣ. Что ужъ за сладострастіе? На сладострастіе и намека нѣтъ.

Когенъ.—Нѣтъ? Вотъ какъ? Ну-съ, ничего вы, значитъ, въ Парижѣ не видали-съ, ничего.

(Бланкъ входитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Бланкъ.

Бланкъ *(Когену)*.—А, уважаемый редакторъ!

Когенъ.—Двадцать два дня всего редакторомъ я былъ, а вотъ ужъ почти годъ въ бѣгахъ.

Бланкъ *(здороваясь съ Борисомъ, къ Когену)*.—Ну и что-жъ, считаете свою роль оконченной?

Когенъ.—А какъ же прикажете быть? Что дѣлать?

Бланкъ.—Дѣло найти всегда можно... Да, вы знаете, мы завтра съ Соней въ Женеву ѣдемъ.

Когенъ.—Ахъ, значитъ рѣшено?

Бланкъ.—Рѣшено и подписано.

Арсеній Ильичъ.—Максимъ Самойловичъ изученіемъ парижскихъ нравовъ занялся. Все парижскіе кабачки посѣщаетъ.

Когенъ *(вдохновенно)*.—Что кабачки! Нѣтъ, нѣтъ вы не знаете. Это Аѳины, это Александрія. Какая красота! И клянусь вамъ, только здѣсь сохранилась искренняя любовь. Истинная! До смерти, до кинжала. До слезъ умиленія...

Арсеній Ильичъ.—Кто плакалъ?

Когенъ.—Я, я плакалъ. Да, этого не знать—ничего не знать. И жизни мало, чтобъ это изучить.

Арсеній Ильичъ.—Вотъ видите, вотъ и нашлось дѣло. *(Къ Бланку.)* Слышите, Іосифъ Іосифовичъ?

(Бланкъ смѣется.)

Когенъ *(тоже смѣется)*.—Дѣло? Да... дѣло... Ахъ, профессоръ, что-жъ вы меня передъ товарищемъ компрометируете? Это вѣдь я такъ... А вы... Пожалуй, еще изъ партіи меня исключатъ.

(Всѣ смѣются.)

Арсеній Ильичъ.—Что-жъ, это любопытно... Любопыт-

ныя наблюденія... Вы говорите—истинная любовь сохранилась? А мы вотъ тутъ только что о любви разсуждали, что любовь...

Борисъ *(перебивая, нервно).*—Дядя, дядя! Мы совсѣмъ не о любви... То-есть не о той любви... Не о томъ...

(Въ столовую вошла горничная съ визитной карточкой. Наталья Петровна, взявъ ее, входитъ съ нею въ гостиную.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же и Наталья Петровна.

Наталья Петровна.—Арсеній, тебя какой-то молодой человѣкъ желаетъ видѣть. Вотъ карточка.

Арсеній Ильичъ *(читаетъ).*—Jean Gouschine. Гущинъ, навѣрное.

Когенъ.—Слышалъ эту фамилію. Кажется, декадентскій поэтъ.

Арсеній Ильичъ.—Какого же чорта ему отъ меня нужно?

Наталья Петровна.—По дѣлу, кажется...

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Гущинъ *(въ сюртукѣ, съ цилиндромъ).*

Гущинъ.—Простите, профессоръ, что я васъ побезпокою...

Арсеній Ильичъ.—Пожалуйста. Чѣмъ могу служить? *(Представляетъ всѣхъ.)* Когенъ, Львовъ, Бланкъ...

Когенъ.—А я васъ гдѣ-то видѣлъ на-дняхъ. Видѣлъ, положительно видѣлъ.

Гущинъ.—Не знаю... Я не имѣлъ чести... Не помню. Я къ вамъ, профессоръ, за указаніями. Я изучаю античную миѳологію... Особенно культъ Митры и Астарты. Услыхавъ, что вы тутъ, я и взялъ на себя смѣлость обратиться къ вамъ за нѣкоторыми литературными указаніями...

Когенъ.—А вѣдь я вспомнилъ! Я васъ третьяго дня видѣлъ въ «раю» и въ самой неприличной позѣ!

Арсеній Ильичъ.—Какъ, въ раю?

Когенъ.—Тутъ есть кабачокъ такой, Le Paradis. Рай изображаютъ, съ гуріями, ну, обнаженными, конечно. При помощи зеркалъ какъ-то. Вызываютъ изъ публики желающихъ попасть въ рай, наводятъ зеркала, и эффектъ получается довольно пикантный. Такъ вотъ я m-r Гущина въ такомъ раю съ гуріями видѣлъ. *(Къ Гущину.)* Вѣдь правда?

Гущинъ.—Да, очень можетъ быть... Но я не вижу, какое это имѣетъ основаніе... къ дѣлу, по которому я пришелъ...

Арсеній Ильичъ.—Если вамъ угодно... я могу дать вамъ справки по интересующему васъ вопросу. Пройдите ко мнѣ въ кабинетъ.

(Арсеній Петровичъ и Гущинъ выходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Бланкъ, Когенъ, Борисъ, Наталья Петровна.

Бланкъ.—Типикъ.

Когенъ.—Это навѣрное изъ мистическихъ анархистовъ.

Бланкъ.—Что еще за чепуха?

Наталья Петровна.—Пойдемте, господа, въ столовую.

Когенъ.—Вы, дорогой товарищъ, отстали. Новѣйшихъ теченій не знаете.

(Беретъ Бланка подъ руку, уходятъ вмѣстѣ въ столовую.)

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Наталья Петровна, Борисъ.

Наталья Петровна.—Боря, ты идешь? Чай готовъ. *(Уходитъ.)*

Борисъ *(вслѣдъ)*.—Я сейчасъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Борисъ одинъ.

(Темнѣетъ. Борисъ садится къ камину. Молчитъ и смотритъ въ огонь. Въ столовую двери заперты. Возвращается Наталья Петровна.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Борисъ, Наталья Петровна.

Борисъ.—Что Соня? Можно къ ней пройти? Она за мной посылала сегодня.

Наталья Петровна *(садится около него)*.—Боричка, мнѣ страшно. Ты прости, ты вѣдь знаешь, какъ ты мнѣ дорогъ... Сама не пойму, чего боюсь, за кого боюсь,—а боюсь. Соня темная, и ты темный, и все вы вмѣстѣ разговариваете, а послѣ разговоровъ оба еще темнѣй. Не понимаю я, что дѣлается, а чувствую—страшное... Ты бы сказалъ мнѣ...

Борисъ.—Да что же я вамъ скажу, тетя?

Наталья Петровна.—Можетъ быть, васъ мучаетъ... Ну, можетъ быть, Соню Бланкъ тяготитъ? Можетъ быть, она поняла, что не его, а тебя любитъ и любила,—какъ ты ее любишь. Вѣдь ты любишь?

Борисъ *(помолчавъ)*.—Нѣтъ, тетя. Не люблю.

Наталья Петровна.—Ты это правду говоришь? *(Глядитъ на него.)* Да, вижу, вижу, правду.

Борисъ.—И она меня не любитъ. Никого мы не любимъ съ ней...

(Пауза.)

Наталья Петровна.—Вотъ оно, страшное-то. Это самое страшное-то и есть: никого никто не любитъ.

Борисъ.—Да какъ же быть, тетя, если нѣтъ любви? Вѣдь ея не купишь, не заработаешь. И чѣмъ намъ съ Соней любить? Ни другъ друга, ни еще кого-нибудь,—нечѣмъ намъ любить. У меня душа—точно монета стертая—тоненькая-претоненькая. Вотъ Бланкъ, онъ не стертая монета. Онъ, можетъ, и любитъ. И Сопю любитъ, и себя любитъ, все человѣчество любитъ.

Наталья Петровна.—Да вѣдь жизни нѣтъ въ тебѣ, если любви нѣтъ!

Борисъ.—Можетъ быть, и нѣтъ жизни.

Наталья Петровна *(вставая)*.—Боря. Если такъ—умоляю тебя, прошу тебя, въ память отца твоего прошу... не говори съ Соней, не ходи къ ней теперь, оставь ее лучше одну. Подожди. Это у тебя пройдетъ, я вѣрю; и у нея пройдетъ. Это бываетъ и проходитъ. Вы измучены оба. Отдохнете, забудете... Мы, старые, крѣпче вашего были. То ли еще переживали. Душа-то, Боря... вѣдь въ душѣ стержень желѣзный.

Борисъ.—Нѣтъ желѣзнаго стержня въ душѣ.

Наталья Петровна.—Все пройдетъ, Боря, родной ты мой, все пройдетъ...

Борисъ.—Вотъ и мы съ Соней... пройдемъ.

Наталья Петровна.—Живы живые, живы, живы...

Борисъ.—Не мучьте меня. *(Тише.)* И простите. А съ Соней я не говорю такъ, не бойтесь. Ну, развѣ—я съ ней такъ говорю?

Наталья Петровна.—Боря, я одна только тебя и понимаю. Знать,—не знаю ничего, а вотъ понимаю. Любовью понимаю, должно быть. Слѣпая у меня, малая любовь, безсильна я помочь тебѣ,—а все чувствую... и страшно. Это ты прости меня, мальчикъ мой дорогой, что я хотѣла... чтобъ Соню ты оставилъ. Вѣрю, души у васъ живыя, сами вы только этого не знаете. Боря, вѣдь что-жъ дѣлать-то? Вѣдь жить-то какъ-нибудь надо.

Борисъ *(задумчиво)*.—Жить... какъ-нибудь надо...

(Соня вошла незамѣтно.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Наталья Петровна, Борисъ, Соня.

Соня *(улыбаясь)*.—Надо? Жить надо? Я и не знала, Боря, что ты уже здѣсь. Мамочка, какое у васъ лицо! Поспорили вы съ Борей, что ли? О чемъ?

Наталья Петровна.—Нѣтъ... Такъ. *(Помолчавъ.)* Вотъ о тебѣ говорили. Что ты, будто, никого не любишь.

Соня.—Я? Отчего не люблю? А можетъ быть и не люблю... Да что это, непремѣнно сейчасъ же высокія слова: любовь, любить... Дѣло дѣлать, вотъ главное. А Іосифъ Іосифовичъ?

Борисъ.—Онъ, кажется, въ столовой.

(Соня заглядываетъ поверхъ занавѣски въ столовую черезъ стеклянную дверь.)

Соня.—У, да тамъ цѣлое общество. Отлично, пусть ихъ, пану развлекутъ. Онъ совсѣмъ закисъ. А тутъ еще мы съ Іосифомъ уѣзжаемъ. Ну, да ненадолго. Глядишь—и опять вмѣстѣ будемъ. Опять вмѣстѣ. Все проходитъ,—правда, мамочка? Вы любите это говорить.

Борисъ.—Да, все проходитъ.

Соня.—Есть, въ сказкѣ Андерсена, пѣсенка одна, царевна трубочисту ее поетъ, или трубочистъ царевнѣ—ужъ не помню: «ахъ мой ангелъ, другъ мой милый, все прошло, прошло, прошло». Да что вы скучные какіе сегодня! А мнѣ весело. Никогда стиховъ особенно не любила, съ Андреемъ, бывало, ссорилась изъ-за нихъ, а сегодня почему-то такъ и звенятъ въ ушахъ, обрывками, и даже не стихи совсѣмъ, а дѣтское что-то, старое... Цвѣтики, цвѣтики лазоревые... Лепестки, листочки маковые...

Борисъ.—Тамъ поэтъ юный къ дядѣ пришелъ, въ столовой сидитъ. Изъ самыхъ новыхъ. Вотъ попроси, онъ тебѣ почитаетъ. Авось еще больше развеселишься.

Соня.—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ни за что! Оставь! Какъ тебѣ не стыдно! *(Тише.)* Я вѣдь не люблю декадентскихъ стиховъ. Въ нихъ магіи, волшебства нѣтъ. Ужъ лучше я старенькое, дѣтское, прошлое... Да и глупости все, вѣдь это я такъ...

Борисъ.—Неправда, не всѣ новые стихи бранила. Ты же сама...

Соня.—А, я знаю, знаю, про что ты вспомнилъ.

Борисъ.—Про что?

Соня.—Я любила одни... Андрюшины... «Въ голубые, священные дни распускаются красные маки»... Да? Да?

Борисъ.—Да, про это.

Соня *(продолжая)*. — «...Здѣсь и тамъ лепестки ихъ—огни—подаютъ намъ тревожные знаки»... Какъ дальше? Про зори красныя? Не помню... А кончается... Подожди...

Скоро солнце взойдетъ
Посмотрите—
Зори красныя.
Выносите
Стяги ясные...

Борисъ.—Это не конецъ. Конецъ я хорошо помню. Мы еще о второй строчкѣ спорили, хоть я и ничего не понимаю. Конецъ такой:

Краснымъ полымемъ всходитъ любовь...

Наталья Петровна *(тихо)*. — Зачѣмъ вы?

Борисъ.—Цвѣтъ любви на землѣ одинаковъ...
Да прольется горячая кровь
Лепестками разбрызганныхъ маковъ...

Соня.—Ну да, ну да... Вотъ откуда у меня, должно быть, и звенитъ въ головѣ: лепестки, листочки маковые... алые... Только проще... Я простое люблю... Андрюша, и онъ всетаки... *(Перебиваетъ себя.)* Мамочка, простите, милая, дорогая. Ахъ, какая я глупая. Вамъ непріятно?

Наталья Петровна.—Соня, дѣточка моя... Ну, что я... А вотъ ты... сядь лучше сюда, посиди тихонько. Можетъ, поговоримъ... Всѣ вмѣстѣ.

Соня.—Поговоримъ? О чемъ? Все о томъ же, что нѣтъ, молъ, ни у кого любви, да какъ это скверно, что нѣтъ, да откуда бы ее добыть... Охъ, мама, скучно, надоѣло. Вѣдь все равно ни до чего не договоримся.

Наталья Петровна.—Соня, Соня!

Соня.—Что, Соня? Я только правду сказала. Ну, не сердись, мамочка, милая. Я буду серьезно. *(Садится около матери.)* Нужна ли, не нужна ли любовь, у всякой ли цвѣтъ одинаковый—что мы знаемъ? И ужъ разъ нѣтъ любви, никакой,—такъ ужъ никто этому не поможетъ. Ну кто поможетъ? Кто? Скажите кто, если знаете...

Наталья Петровна.—Я-то знаю, кто... Я знаю...

Соня.—А я не знаю. Нѣтъ, право... Бросимъ лучше.

(Молчатъ.)

Соня.—Боря, вотъ я уѣду, и мы съ тобой долго-долго не увидимся. А потомъ опять увидимся. Ты что будешь дѣлать?

Борисъ.—Не знаю, я думаю...

Соня *(перебивая, живо)*.—Что ты думаешь?

Борисъ.—Нѣтъ, ничего. Кажется, что думаешь что-то, а захочешь сказать—нечего. И дѣлать совсѣмъ нечего. Ничего не буду дѣлать.

Соня *(задумчиво)*.—Да... Ну что-жъ. Развѣ нѣтъ такихъ людей, которымъ нужно именно ничего не дѣлать? А просто жить. Ѣсть, спать, гулять... И чтобъ съ правомъ такъ жить, чувствовать, что не виноватъ...

Наталья Петровна.—Всѣ виноваты, Соня.

Соня *(не слушая)*.—А потомъ тихо съ постельки—въ гробочекъ, въ другую постельку темную... И главное—просто. Тогда не страшно. Пусть тамъ что хочетъ со мной дѣлается, а я—ничего не буду дѣлать, ну и не виновата.

Борисъ *(вставая)*.—Нѣтъ, Соня. Я не могу. Мнѣ тяжело. Ты такая... такая странная сегодня...

Наталья Петровна.—Боричка, не уходи. Она ничего, ну пусть она говоритъ, что хочетъ. Вѣдь говорить—легче.

Соня.—Развѣ я тебя обидѣла? Ну прости. Я вѣдь всегда тебя обижала, а потомъ прощенія попрошу—ты и простишь. Помните, мамочка, какъ вы меня разъ, въ Тимофеевскомъ, за Борю наказали? Давно—давно... Я ему курточку разорвала. Я была виновата,—и долго его потомъ за это ненавидѣла. А потомъ помирились. Помнишь, Боря? Вѣдь хорошо было? А рощу Тимофеевскую помнишь? Какъ мы разъ тамъ съ Андрюшей, и съ дядей Пьеромъ еще... Ну, да что объ нихъ. А вотъ мы съ тобой... Мы съ тобой...

Наталья Петровна *(плача)*.—Соня, милая моя, родная ты моя, да что же случилось-то? Вѣдь ничего не случилось, вѣдь мы всѣ любимъ тебя...

Борисъ.—Не надо. Оставьте ее.

Соня *(вставая, просто)*.—Да, да. Это я такъ, разнервничалась. Пустяки. Все пройдетъ. Ужъ прошло. А вотъ что ничего не случилось—это вы не правы, мама. Развѣ такъ-таки ничего и не случилось? Вотъ вы сейчасъ сказали, что всѣ виноваты. Довольно и этому было случиться,—что всѣ виноваты стали. Это ужъ очень много. Вздоръ я сказала, неправду, что все прошло. Мы виноваты,—и этому не пройти, этого не забыть... Прошло, что мы были не виноваты, что случилось, что стали виноваты. И съ этимъ нельзя... нельзя...

Борисъ.—Что нельзя?

Соня.—Съ этимъ нельзя...

(Входятъ изъ столовой Бланкъ, Коганъ, Арсеній Ильичъ и Гущинъ.)

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Бланкъ, Когенъ, Арсеній Ильичъ, Гущинъ.

Бланкъ.—Что нельзя? Чего нельзя? Все можно. Намъ только что молодой поэтъ доказалъ, что все можно.

Когенъ.—Удивительная это вещь, Іосифъ Іосифовичъ. Въ Петербургѣ, на фонѣ революціи, пышнымъ цвѣтомъ расцвѣло неодекадентство: не литературное только,—жизненное, жизненное. Они въ жизнь это все проводятъ: непріятіе міра, діонисіанство, оргіазмъ, миѳотворчество... Началось! Я вамъ говорю, рѣшительно что-то началось!

Бланкъ.—Одно вотъ: какъ же это они сразу проводятъ въ жизнь,—и непріятіе міра, и оргіазмъ? Оргіазмъ-то, значитъ, пріемлютъ?

Гущинъ.—Насколько мнѣ кажется, вопросы красоты не должны интересовать г. Бланка.

Арсеній Ильичъ.—Ну, красота красотѣ рознь.

Когенъ.—Я тутъ бываю на собраніяхъ молодыхъ французскихъ поэтовъ. Совпаденіе міросозерцаній поразительное. Несомнѣнно, Россія пріобщается къ европейской культурѣ. Національная обособленность кончилась.

Соня.—Что-жъ, по вашему Россія кончилась?

Бланкъ.—Старая-то, конечно, кончилась. А съ ней вмѣстѣ и національный идеалъ. Есть человѣчество. Чередъ за классовой борьбой, а не національной.

Арсеній Ильичъ.—Вотъ какъ. А я вамъ долженъ сказать, что это не исторично. Оперируете надъ отвлеченнымъ началомъ. У каждаго народа своя плоть. Не могу себѣ представить античной Греціи безъ синяго моря, безъ желтыхъ горъ, безъ Елевзинскихъ мистерій, безъ маслинъ сѣрыхъ, да мрамора. Не могу себѣ представить...

Соня.—Вѣрно, папочка, вѣрно. У народа и душа своя, и плоть своя. Нельзя ихъ убивать. Я не знаю, что съ Россіей будетъ, а только одно мнѣ ясно: кто не любитъ русскій перелѣсокъ, да василекъ и макъ во ржи, да проселокъ съ колеями, да зеленую церковную луковку, тотъ не знаетъ и не любитъ Россію. Если василька синяго не надо, да маковыхъ огоньковъ, если все равно, что они, что апельсинное дерево,—тогда и ничего не надо. Тогда ужъ лучше сразу отдать все, все. Не нужна мнѣ Россія безъ василька.

Бланкъ.—Что это! Какой усталый романтизмъ! Точно русская революція случайна, безпочвенна. Да она сама—цвѣтокъ, который стоитъ всѣхъ твоихъ васильковъ. Въ тебѣ, Соня, не трезвый

разумъ говоритъ, а просто голосъ разрушающагося дворянства. Соціальная революція возвратитъ къ природѣ, къ твоему же васильку, сотни тысячъ людей, которые теперь закабалены на фабрикахъ и заводахъ, оторваны отъ чистаго воздуха, отъ жизни. Иди, пожалуй, къ сантиментальному толстовству, а мы хотимъ взять отъ культуры всю ея правду. Васильки, маки! Видитъ ихъ, что ли, русскій мужикъ? И не думаетъ. Онъ рубитъ лѣса, живетъ въ голодѣ, въ грязи, да въ пьянствѣ. О васильках теперь помнятъ лишь барышни, отдыхающія лѣтомъ въ своихъ помѣстьяхъ. Да, пускай себѣ старые васильки да маки погибаютъ. Вырастутъ новые цвѣты.

Борисъ.—Да не хочу я этихъ новыхъ! Противные они у васъ какіе-то, бумажные. Коли пропадать живымъ, нашимъ, такъ къ чорту и Россію, эту вонючую дыру.

Когенъ.—И дались вамъ злосчастные васильки да маки. Тутъ, въ Парижѣ, ихъ сколько угодно, изъ Ниццы каждый день привозятъ. А маки такъ не такіе несчастные, какъ у насъ по межамъ, а прелестные, крупные, махровые, и всѣхъ цвѣтовъ. На бульварахъ старухи продаютъ, ну и покупайте.

Борисъ.—На бульварахъ все продается, да наши-то маки непокупные. Впрочемъ, что спорить? Разные мы люди.

Гущинъ *(встаетъ)*.—Я никогда не могъ понять споровъ. Къ чему убѣждать другъ друга? Общаться нужно не мыслями, а ощущеніями. У васъ, Софья Арсеньевна, ощущенія очень тонкія. Я ихъ вполнѣ понимаю.

Соня.—Очень жаль.

Гущинъ.—Позвольте васъ поблагодарить, профессоръ, за цѣнныя указанія. *(Прощается.)*

Арсеній Ильичъ.—Не стóитъ, не стóитъ.

(Гущинъ дѣлаетъ общій поклонъ.)

Когенъ.—Погодите, я съ вами. Хочу васъ немножко проинтервьюировать. Іосифъ Іосифовичъ, до свиданія, до завтра.

(Быстро прощается со всѣми и уходитъ, разговаривая съ Гущинымъ. Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна и Борисъ провожаютъ въ столовую.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Бланкъ и Соня.

Бланкъ *(отводитъ Соню на авансцену)*.—Что съ тобой? Я тобо очень недоволенъ. Распускаешься. Возьми себя въ руки. При др тихъ, по крайней мѣрѣ, держала бы себя прилично. Письма от равила?

Соня.—Нѣтъ.

Бланкъ.—Ну, это наконецъ просто свинство. Вѣдь я просилъ тебя. И того сдѣлать не могла. Это все вліяніе разслабленнаго кузена.

Соня *(спокойно)*.—Не говори вздору.

Бланкъ.—Надо уходить, мнѣ некогда, дѣлъ еще куча до завтра. Дай письма, я самъ ихъ снесу.

(Уходитъ съ Соней налѣво; Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна и Борисъ возвращаются изъ столовой.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Арсеній Ильичъ, Наталья Петровна, Борисъ.

Борисъ.—До чего декадентство испошлилось.

Арсеній Ильичъ.—А развѣ оно было когда-нибудь не пошлымъ?

Борисъ.—Конечно. Въ немъ была своя глубина. Свой соблазнъ. А теперь слякоть какая-то пошла. Впрочемъ, можетъ быть, я самъ слякоть, оттого и злобствую.

Наталья Петровна.—Боря, это все пузыри на водѣ. А важное въ глубинѣ происходитъ.

(Входитъ Соня.)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Соня.

Соня.—Ушелъ декадентъ?

Наталья Петровна.—Соскучилась ты по Россіи, милая. Ну ничего. Весной, дастъ Богъ, все устроится, можетъ, и въ Тимофеевское еще поѣдемъ.

Соня.—Въ Тимофеевское. Въ Тимофеевское... Нѣтъ, мама, не поѣдемъ, нельзя. И не надо. Не хочу въ Россію. Я въ Россію не вернусь. А ты, Боря? Нѣтъ?

Борисъ.—Нѣтъ.

Арсеній Ильичъ.—Такъ, что же вы тутъ дѣлать-то будете, за границей?

Борисъ.—Жить... или умирать.

Арсеній Ильичъ.—Экіе вы старики! Никакой въ васъ игры нѣту.

Соня.—Нѣту, нѣту... Ничего нѣту. Старики, старики... Эхъ, скучно! Тушите огни! Такъ, кажется, Никита во «Власти тьмы» говоритъ?

Арсеній Ильичъ.—Да тушить-то нечего. Зажечь пора. Что это, темнота какая. *(Входитъ горничная.)*

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

Тѣ же и горничная, которая подаетъ Натальѣ Петровнѣ телеграмму и тотчасъ выходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

Тѣ же безъ горничной.

Наталья Петровна *(читая)*.—Анюта проситъ пріѣхать сейчасъ же. Съ мальчиками неладно.

Арсеній Ильичъ.—Ну, что тамъ, пустяки.

Наталья Петровна.—Нѣтъ, съѣздить надо. Поѣдемъ-ка со мной.

Арсеній Ильичъ.—Избавь, голубушка.

Соня *(торопливо)*. — Нѣтъ, нѣтъ, папа, непремѣнно поѣзжайте, непремѣнно. Нельзя же такъ, въ самомъ дѣлѣ. Проѣдетесь. Поѣзжайте.

Арсеній Ильичъ.—Да чего ты? Ну хорошо, хорошо. Поѣду. Боря, ты обѣдаешь? Я не прощаюсь.

Борисъ.—Не... Не знаю, право.

Арсеній Ильичъ.—Чего тамъ, оставайся. И куда пойдешь? А мы сейчасъ назадъ.

(Уходитъ, Наталья Петровна тоже, Борисъ за ними.)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Соня одна.

Соня.—Цвѣтики, цвѣтики лазоревые... Лепестки, листочки маковые... алые... Лепестки, лепестки ихъ—огни...

(Идетъ къ двери.)

Боря! Боря! Да гдѣ же ты?

(Борисъ за дверями: «я иду».)

Соня.—Иди, иди скорѣе. Иди сюда.

(Борисъ входитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

Соня и Борисъ.

Борисъ.—Да что тебѣ? Ты торопишься, что ли, куда-нибудь?

Соня.—Очень, очень тороплюсь. Нѣтъ, просто я хотѣла скоре, мнѣ тебя нужно. Я вѣдь за тобой посылала... Они уѣхали?

Борисъ.—Уѣхали.

Соня.—Какъ хорошо. И мама? Я, главное, мамы все боюсь. Когда, когда ея дома нѣтъ. Сядь. Послушай...

Борисъ *(садясь)*.—Я долго не могу, Соня. Я тоже хотѣлъ уѣхать. Голова какъ-то идетъ кругомъ. Послѣ.

Соня.—Нѣтъ, нѣтъ, я тебя не задержу. Я сейчасъ. Постой... Да... Что я думала? Ты меня спуталъ...

Борисъ.—Тебѣ нездоровится, Соня, ты устала...

Соня. — Перестань, оставь это,—некогда. Слушай. Я буду спрашивать, а ты отвѣчай, но только правду. Полную правду. Такъ нужно. Хорошо?

Борисъ.—Я тебѣ никогда не лгалъ.

Соня.—Вѣдь ты меня не любишь?

Борисъ.—Нѣтъ, Соня. Прежде любилъ. Въ Мукденѣ любилъ. И потомъ любилъ. А теперь не думаю какъ-то объ этомъ. Да и ни о чемъ не думаю.

Соня.—Ну да, ну да, вотъ и я тоже. Какъ тутъ думать, какъ тутъ любить. Андрея убили, дядю Пьера убили... Мама осталась, живая, осталась... Бланкъ говоритъ, что я должна что-то дѣлать. Я не знаю, что я должна, чего не должна... У меня кошмаръ: все кажется, что Андрей дядю Пьера убилъ, а дядя Пьеръ—Андрея.

Борисъ.—А мнѣ казалось, что это я Андрея убилъ. И хочется, чтобъ меня Андрей убилъ.

Соня.—Хочется? Значитъ, жить просто, вотъ какъ я говорила, просто жить—нельзя?

Борисъ.—Нельзя.

Соня.—Пойми, намъ нельзя. Намъ некуда. Или дядю Пьера убивать, или Андрея,—если жить. Понимаешь?

Борисъ.—Нѣтъ. Только чувствую.

Соня *(быстрымъ шопотомъ)*.—Ты застрѣлиться хотѣлъ? Да?

Борисъ.—Да.

Соня.—Когда? Сегодня?

Борисъ.—Не знаю. Можетъ быть.

Соня.—А я?

Борисъ *(молчитъ, потомъ вдругъ встаетъ, громко)*.—Это какое-то безуміе, Соня. Какъ тебѣ не стыдно. Никто не хотѣлъ стрѣляться, можешь успокоиться. Это у тебя нервы, это недостойно. Ты должна думать объ отцѣ съ матерью; у тебя есть человѣкъ, который любитъ тебя, съ которымъ ты связана... Наконецъ, и дѣло у тебя есть, плохо ли, хорошо ли—должна же ты его дѣлать. Вспомни, вѣдь ты завтра уѣзжаешь. А теперь прощай. Я не могу больше. У меня голова болитъ.

Соня *(смотритъ на него и смѣется)*.—Прощай. Ну? Что-жъ ты не уходишь? Вѣдь у тебя голова болитъ, а я завтра ѣду въ Же-

неву, дѣлать дѣло... *(Смѣется.)* Нѣтъ, ты въ самомъ дѣлѣ, ты искренно думалъ, что я уѣду?

Борисъ *(медленно садясь).*—Не уѣдешь?

Соня.—Вѣрилъ, что уѣду?

Борисъ.—Я... не вѣрилъ. Нѣтъ, ничего я не думалъ. Ничего не зналъ.

Соня.—Передъ виноватыми, Боря, черная стѣна встаетъ, и закрываетъ будущее, все,—и дѣло, и бездѣлье,—всю жизнь. Такъ что двинуться впередъ ужъ некуда. Некуда,—а надо. Надо,—а некуда.

Борисъ.—Соня, ты бредишь?

Соня.—Нѣтъ, другъ мой. Я слишкомъ спокойна. Ты думаешь, я хочу умирать? Не хочу. Да какъ же быть-то, милый, если некуда? Я и не хочу, а умирается. И ты развѣ хочешь? А вотъ и тебѣ умирается.

Борисъ.—Не буду я тебя слушать, не могу я тебя слушать.

Соня.—Боря, вспомни своего отца. Ты не видѣлъ, какъ его убили? А видѣлъ, какъ Андрея убивали? Послушай: можетъ, теперь людямъ,—тѣмъ, кто не умѣетъ *только* жить, знаетъ, что нельзя *только* жить,—можетъ, имъ одно и осталось дѣло настоящее—убивать? Одно оно и осталось?...

Борисъ.—Соня, Соня, молчи.

Соня.—Другого и нѣтъ теперь никакого... Другія всѣ дѣла—такъ, обманъ, вздоръ, бездѣлье. А если *этого* не хочешь, если *этого* не можешь...

Борисъ.—И не хочу, и не могу, и нельзя...

Соня.—Тогда надо умереть. Всѣ Андреи, всѣ дяди Пьеры, всѣ виноваты. Намъ нужно или убивать, или быть убитыми, или... Чѣмъ же намъ жить? Другіе придутъ, они будутъ жить. Боря, ну развѣ ты не видишь, ну развѣ ты не видишь?... Вѣдь все равно, вѣдь не сегодня—такъ завтра, вѣдь не вмѣстѣ—такъ порознь... Боря!

Борисъ.—Что же ты... Чего же ты хочешь?

Соня.—У тебя здѣсь? Гдѣ? Здѣсь? Съ собой?

Борисъ.—Не трогай меня... Не ищи... Здѣсь.

Соня.—И знаешь, Боря, надо просто, просто, совсѣмъ ни о чемъ не думая. Мы жить «просто» не умѣемъ, а это сумѣемъ просто, да? Ни о чемъ не думать. Можетъ, о глупостяхъ, о дѣтствѣ, помнишь, какъ мы съ тобой въ Тимофеевскомъ за ригой колокольчики вали, а я говорила, что они «лазоревые», а ты спорилъ—лиловые... помнишь?

Борисъ.—Соня, Соня... Мнѣ страшно...

Соня.—Отчего страшно? Ну, хочешь—я сначала... Я сама... Или какъ хочешь. Мнѣ все равно.

Борисъ.—А мама?

Соня.—Не думай, не говори о мамѣ, не вспоминай. Она счастливая. Она правая, она живая. И дядя Пьеръ живой. И Андрей... А мы мертвые. Мы все равно мертвые. И намъ... намъ честнѣе...

Борисъ.—Соня... Ради Бога...

Соня.—Что? Ну не надо. Ну успокойся. Уходи, уходи скорѣй, оставь меня. Что я дѣлаю съ тобой! Я не о тебѣ говорила, забудь... Я ничего не знаю о тебѣ...

Борисъ.—Нѣтъ, Соня, ты знаешь.

Соня.—Вотъ... и мнѣ дѣлается страшно. Ты не можешь—не думая, ты не можешь просто... Просто, радостно, свѣтло... Здѣсь? *(Вынимаетъ у него изъ кармана револьверъ, кладетъ рядомъ на столъ.)*

Борисъ.—Кажется, могу. Да, могу, Соня... родная... дѣвочка моя... сестра моя маленькая... Только такъ и могу. Ни о чемъ не думая, вотъ, о макахъ полевыхъ, о дорогѣ проселочной... Прощаться съ ними...

Соня.—Безъ страха, безъ боли, только съ нѣжностью, да? Пусть они будутъ, милые, пусть разгораются огоньки алые... И другъ съ другомъ мы такъ же простимся, хочешь? Поцѣлуемся крѣпко-крѣпко, хочешь?

Борисъ *(обнявъ ее)*.—Соня, я знаю, я чувствую, тутъ вина на вину, и ты знаешь. А мнѣ легко, точно все... простится.

Соня.—Ужъ простилось гдѣ-то, милый. Вѣдь очень мы были несчастные. Очень слабые. И такъ мы любили... Такъ мы съ тобой все... любили...

(Беретъ въ руку револьверъ.)

Занавѣсъ.

Д. Мережковскій, Д. Философовъ и З. Гиппіусъ.

Акварель.

Нѣжной краской акварели я ловлю лиловый тонъ
Первыхъ вѣстниковъ апрѣля, крупноцвѣтныхъ анемонъ,
Распустившихся на склонахъ средь березовыхъ кустовъ,
Въ часъ пасхальныхъ дружныхъ звоновъ и весеннихъ голосовъ.

Вотъ сапфиръ, рубинъ кровавый и прозрачный аметистъ
Въ изумрудныя оправы улеглись,—узоръ лучистъ.
И другъ къ другу тяготѣя, всѣ цвѣта слилися въ тонъ,
Образуя лиловатость первоцвѣтовъ анемонъ.

Н. Третьяковъ.

ЗАПИСКИ ЛИНДЫ МУРРИ *).

XXVI.

Навязчивая идея.

Въ этотъ періодъ моей жизни я мало видѣла своихъ родителей и брата, ибо мужу моему не нравилось, что я бываю у нихъ. Однако, нѣсколько разъ я всетаки обѣдала у нихъ; само собой разговоръ шелъ о моей неудачной семейной жизни,—не потому, чтобы я жаловалась, но вѣдь многое они видѣли собственными глазами и знали изъ разсказовъ мамы. Не разъ отецъ мой, который былъ все время противъ примиренія, принимался бранить насъ, прикрывая этимъ свою тревогу и страхъ за мое будущее.

— Нетрудно было предвидѣть, что изъ этого толку не выйдетъ. Столько лѣтъ уже мы его знаемъ—какія тутъ еще могутъ быть иллюзіи! Ну, Линда сдалась—это еще простительно: она тревожилась за дѣтей; но ты, Нино! Это же прямо нелѣпость! Смотри, что ты надѣлалъ своими совѣтами, своимъ оптимизмомъ. Теперь онъ окончательно забралъ ее въ руки. Онъ только того и добивался, чтобы уничтожить разводную. Теперь онъ этого добился и ничего ужъ не боится!

Нино мучительно блѣднѣлъ при этихъ словахъ и бросалъ на меня умоляющіе взгляды, какъ бы прося у меня прощенія за то, что онъ до извѣстной степени былъ виновникомъ моихъ теперешнихъ бѣдъ.

— Нѣтъ, папочка,—заступалась я,—не брани Нино; онъ не виноватъ. Вѣдь я же не дѣвочка. Я сама всему виной, это я сглупила. Что дѣлать! Я все еще надѣюсь. Мнѣ бы только быть спокойной за дѣтей. Остальное я все вынесу.

— Нѣтъ, нѣтъ,—шепталъ Нино,—вина моя: это я тебѣ совѣтовалъ помириться съ нимъ. Но я искуплю свою вину, я его про-

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1907 г.

учу. Ему не по вкусу, когда съ нимъ по хорошему—ну, такъ я поговорю съ нимъ по свойски!

— Ну, вотъ, онъ еще новыхъ глупостей натворитъ!—возмущался отецъ.—Что ты задумалъ?

— Ничего, ничего,—мрачно бормоталъ про себя Нино.

— Говори сейчасъ, что ты задумалъ. Ты воображаешь, что насиліе поможетъ тамъ, гдѣ не подѣйствовало убѣжденіе? Ты хочешь погубить и себя, и другихъ? Ну, да, вѣдь ты никогда въ жизни не умѣлъ судить разумно. Ни капли здраваго смысла! Ты сумасшедшій.

Отецъ серьезно встревожился, зная лучше насъ всѣхъ, какъ отецъ и какъ врачъ, характеръ Нино. Но тотъ вдругъ расхохотался:

— Да нѣтъ же, я не сумасшедшій. Вотъ я вздую его хорошенько, такъ посмотримъ—не начнетъ ли онъ разсуждать здраво.

— Вздоръ! Ты самъ не знаешь, что говоришь. Онъ нахалъ, а ты вспыльчивъ. Сведи двоихъ сумасшедшихъ. Развѣ ты не понимаешь, что всякая стычка между вами только ухудшила бы положеніе Линды.

Мы съ мамой, разумѣется, были на сторонѣ отца. Я прямо приходила въ ужасъ при мысли о скандалѣ, о томъ, что Нино скомпрометируетъ себя... И потомъ, къ чему?...

— Повѣрь мнѣ, терпѣніе лучше всего. Лишь бы только онъ не отбиралъ у меня дѣтей. Я буду съ нимъ и дальше по хорошему, какъ-нибудь стерплю. Разъ человѣкъ не въ состояніи измѣниться, надо брать его такимъ, какъ онъ есть.

Я знала, что Нино добродушенъ, что онъ горячится на словахъ, но на дѣлѣ никому не способенъ причинить зла, и не придавала большого значенія его угрозамъ. То были академическіе споры, какіе я не разъ слышала между Нино и отцомъ. Нино теоретически отстаивалъ право на насиліе тамъ, гдѣ не помогаютъ доводы разсудка и, въ особенности, когда дѣло идетъ о защитѣ слабаго противъ насильника; отецъ утверждалъ обратное: насиліе недостойно разумнаго человѣка; къ нему прибѣгаютъ лишь безумцы; оно ничего не улаживаетъ и всѣмъ вредитъ. Насильникъ всегда неправъ, даже когда отстаиваетъ самыя священныя права... Въ концѣ-концовъ Нино умолялъ и порою даже соглашался съ папой.

Привыкнувъ къ донъ-кихотству брата и видя, что онъ самъ кѣется, говоря страшныя слова, я не придавала серьезнаго значенія его угрозамъ и не задумывалась надъ ними. Къ тому же, въ разворѣ со мной о Ческо онъ никогда особенно не возмущался, даже равдывалъ порою поведеніе моего мужа, и оба мы сходились на

томъ, что Ческо не злой человѣкъ; вся бѣда въ томъ, что мы никакъ не можемъ сговориться...

Во время краткаго нашего пребыванія на дачѣ въ Санъ-Лаццаро мы мало разговаривали съ Ческо, да и видѣлись только за обѣдомъ, но, какъ только мы вернулись въ Болонью, мужъ мой объявилъ мнѣ своимъ обычнымъ теперь у него властнымъ тономъ, не допускающимъ возраженій, что онъ намѣренъ на іюль и августъ отправиться съ дѣтьми въ Венецію, а на сентябрь и октябрь—въ Каварцере. Для меня это было нежданнымъ ударомъ. Ческо прекрасно зналъ, что врачи предписали мнѣ провести два мѣсяца въ горахъ, и я хотѣла еще разъ побывать у Гааба въ Швейцаріи, чтобъ закончить лѣченіе моего больного глаза. Воздухъ Венеціи, при моемъ слабомъ здоровьи, совсѣмъ для меня не годился, и отецъ мой очень меня отговаривалъ ѣхать туда. Кромѣ того, мнѣ страшно не хотѣлось ѣхать въ Каварцере. Въ такихъ провинціальныхъ уголкахъ масса сплетенъ, и я не рѣшалась отдать себя на растерзаніе, при моихъ теперешнихъ отношеніяхъ къ мужу. Итакъ, приходилось разстаться съ дѣтьми на цѣлыхъ четыре мѣсяца...

Какъ я ни была огорчена этимъ, все-таки я попыталась поговорить съ мужемъ по хорошему:

— Ты помнишь, Ческо, нашъ уговоръ, что въ періоды твоего отсутствія изъ Болоньи дѣти будутъ проводить половину времени съ тобой, половину—со мной. Ты знаешь и то, что я не желаю больше бывать въ Каварцере; я тебѣ это сразу сказала, когда мы помирились. Ты не захочешь лишить меня дѣтей на цѣлыхъ четыре мѣсяца!

Ческо грубо возразилъ, что въ договорѣ предусмотрѣнъ только случай его выѣзда изъ Болоньи *по дѣламъ*. Онъ же увозитъ дѣтей въ интересахъ ихъ здоровья и можетъ поступать, какъ ему угодно.

— Что касается твоего пріѣзда въ Каварцере, я не принуждаю тебя, хотя для тебя и не составило бы труда это сдѣлать. Но и туда я везу дѣтей только *ради здоровья*. Слѣдовательно, они ѣдутъ со мной.

О, да, въ эту минуту душа моя была полна негодованія противъ этого человѣка, которому какъ будто доставляло удовольствіе мучить меня. Всѣ эти ухищренія клонились только къ тому, чтобы надолго украсть у меня дѣтей, и тонъ Ческо ясно говорилъ мнѣ, что онъ это дѣлаетъ только, чтобы насолить мнѣ, только ради издѣвательства. Но я сдержала негодованіе, не дала воли рѣзкимъ словамъ и, круто оборвавъ разговоръ, убѣжала въ свою комнату, чтобъ выплакаться на свободѣ; мужъ проводилъ меня презрительнымъ взглядомъ и злорадной усмѣшкой. Гнѣвъ и боль душили меня; вся моя душа бурно

протестовала противъ такого насилія, и негодованіе мое, конечно, перешло бы въ ненависть, еслибъ я вообще способна была ненавидѣть. Но постепенно гнѣвъ мой растаялъ въ слезахъ, и осталась только печаль.

«Кто знаетъ,—думала я,—можетъ быть, я сама виновата—говорила съ нимъ слишкомъ рѣзко, раздражила его?... Ну, что-жъ, я смирюсь, буду просить его. Какой толкъ отъ того, что я буду плакать день и ночь? Попробую затронуть въ немъ сердце—можетъ быть, это больше поможетъ»...

Итакъ, однажды утромъ, 26-го—мужъ отмѣтилъ этотъ день въ своемъ дневникѣ,—я пригласила его къ себѣ, въ кабинетъ, съ намѣреніемъ быть спокойной и кроткой, убѣдить его разумными доводами... Но съ первыхъ же словъ я залилась слезами и такъ, плача, просила и умоляла его оставить мнѣ дѣтей хотя бы на одинъ мѣсяцъ, на сентябрь...

— Ну, возьми ихъ съ собою въ Венецію—это, дѣйствительно, можетъ быть имъ полезно, но потомъ позволь имъ ѣхать въ Швейцарію вмѣстѣ со мной. Ты знаешь, какъ они любятъ путешествовать. Послѣ моря горный воздухъ будетъ имъ полезенъ! Будь добренькимъ, милый Ческо! Вѣдь ты знаешь, что я не ѣду въ Венецію не изъ каприза, не для того, чтобъ сдѣлать тебѣ на зло. Развѣ ты не видишь, въ какомъ я состояніи? Я боюсь, какъ бы мнѣ еще хуже не расхвораться. Что тебѣ за радость будетъ, если я снова слягу?

Но на всѣ мои мольбы и слезы онъ лишь упрямо и злобно качалъ головой, пожимая плечами.

— Нѣтъ, нѣтъ, они поѣдутъ со мной.

— Ты, значитъ, желаешь мнѣ только зла? Ты все время мучишь меня, притѣсняешь, это хуже всякой неволи. Или у тебя нѣтъ сердца?

Съ минуту онъ стоялъ молча, угрюмый, съ плотно сжатыми губами, потомъ вдругъ отрѣзалъ:

— Ну-съ, моя милая, я вотъ что тебѣ скажу: разъ ты такъ ужъ свято исполняешь договоры, не желаешь ли заключить со мной еще одинъ? Убѣди своего отца взять меня въ ассистенты. Тогда можно будетъ придумать какую-нибудь комбинацію относительно дѣтей. Или же этотъ твой... (здѣсь—бранное слово по адресу моего отца) папша опять не захочетъ, я такъ и буду знать, что ты—на его сторонѣ. Больше я ужъ не позволю водить себя за носъ и не только не дамъ тебѣ больше дѣтей, но увезу ихъ совсѣмъ изъ Болоньи.

— Совсѣмъ изъ Болоньи!—вскрикнула я.

— Да-съ, сударыня. Чего ради мнѣ жить здѣсь, въ Болоньѣ? Какую я роль здѣсь играю? Работай я въ клиникѣ моего тестя—ну,

это еще имѣло бы смыслъ. Но вѣдь онъ не хочетъ работать со мной. Тогда мнѣ незачѣмъ и жить въ Болоньѣ, гдѣ жизнь вдвое дороже, чѣмъ въ Падуѣ, и гдѣ меня терпѣть не могутъ. Я уѣзжаю къ себѣ домой... кому угодно, пусть слѣдуетъ за мной!

— Но, Ческо! ты же знаешь, что я не могу принудить отца!— воскликнула я, рыдая.

— Ладно, ладно! Все это пустой разговоръ. Всѣмъ извѣстно, что почтеннѣйшій профессоръ Мурри дѣлаетъ все, чего пожелаетъ его достойная дочка. А потому сговаривайтесь между собой, а меня оставьте въ покоѣ.

Я напомнила ему нашъ договоръ, скрѣпленный клятвой, всѣ его льстивыя рѣчи и обѣщанія, разсчитанныя на то, чтобъ я вернулась къ нему. Но онъ только усмѣхался, повторяя:

— Или такъ, какъ я говорю, или будетъ еще хуже.

Негодованіе душило меня.

— Хорошо!—крикнула я,—я поговорю съ отцомъ. Сдѣлаю и на этотъ разъ все возможное, чтобъ угодить тебѣ. Но ты ведешь гнусную игру! *Ты накинулъ мнѣ петлю на шею, воспользовавшись моей любовью къ дѣтямъ—теперь ты хочешь надѣть такую же петлю и на моего отца, пользуясь его любовью ко мнѣ!*

Эти слова, безспорно самыя злыя, какія онъ когда-либо слышалъ отъ меня, я потомъ повторила судебному слѣдователю, и онъ вмѣнилъ ихъ мнѣ въ тяжкую вину. Конечно, я была неправа, какъ всегда неправъ тотъ, кто сердится и говоритъ сгоряча, но въ тотъ день я была слишкомъ нервна, слишкомъ близка къ отчаянію, чтобы взвѣшивать свои слова.

Ческо пожалъ плечами и вышелъ, говоря:

— Какъ знаешь. Мое дѣло было предупредить...

И онъ, какъ Нино, думалъ, что угрозы и насиліе—вѣрнѣйшій способъ добиться желаемаго. Дѣти были для него заложниками, при помощи которыхъ онъ пугалъ меня и заставлялъ подчиняться его волѣ.

Но у меня нехватило духу завести рѣчь съ отцомъ объ этомъ торгѣ. Я знала, что ради меня, ради моего спокойствія онъ сдѣлаетъ все, что угодно, но мнѣ претило быть сообщницей моего мужа въ этомъ вымогательствѣ. И потомъ, даже если бы отецъ мой уступилъ,— что̀ хорошаго могло бы выйти изъ этого насильственнаго сближенія двухъ людей, которые терпѣть не могли другъ друга? Могъ ли отецъ мой позабыть обидныя слова Ческо по его адресу и его грубое, повелительное обращеніе со мною? И развѣ самъ Ческо способенъ былъ постараться вернуть себѣ привязанность и уваженіе отца?

Увы! я не вѣрила этому. Однако, обѣщаніе все же надо было исполнить, и мнѣ пришло въ голову переговорить съ отцомъ не самой, чтобъ не навлечь на себя его гнѣва, а черезъ Нино... Знай я, что за мысли бродили въ его шальной головѣ, какіе безумные планы онъ таилъ про себя, я, конечно, не выбрала бы его посредникомъ между моимъ мужемъ и мною. Я спрашиваю тѣхъ, кто такъ легко осудилъ меня: если бы ужасное предположеніе относительно сообщничества между нами было справедливымъ, чего же ради мнѣ было бы впутывать Нино въ эту новую попытку примиренія? Еслибъ мы сговорились съ братомъ убить моего мужа... (по этому поводу было столько самыхъ убійственныхъ предположеній, что рука моя не подымается писать о нихъ)—будь это такъ, зачѣмъ мнѣ было вымаливать черезъ посредство Нино у отца это ассистентство, при такихъ условіяхъ совсѣмъ ненужное?

Но что за счеты съ логикой, когда нужно во что бы то ни стало обвинить?

Я уже нѣсколько дней не видала Нино, такъ какъ онъ приходилъ домой только къ обѣду, къ семи часамъ, а я къ этому времени спѣшила уже вернуться къ себѣ, чтобъ не тревожить Ческо, который не выносилъ ожиданія. Мнѣ пришло въ голову написать брату. Притомъ же, именно онъ особенно старался о нашемъ примиреніи, слѣдовательно, ему будетъ пріятно скрѣпить миръ и содѣйствовать улучшенію нашихъ отношеній. Когда же всѣ примирятся между собой (вѣчная иллюзія сердца, всегда желавшаго мира!)—папа перестанетъ и корить Нино за происшедшее.

Итакъ, я написала брату и получила отвѣтъ, очень миролюбивый, выражающій полную готовность помочь. Шло ли отъ сердца это обѣщаніе? Смолкла ли злобная мысль, зрѣвшая въ таинственныхъ глубинахъ его сознанія, при этой вновь возникшей надеждѣ, что мужъ мой, когда будетъ удовлетворено его тщеславіе, станетъ добрѣй и спокойнѣе? Почему же этого не могло быть? Вѣдь не былъ же бѣдный Нино прирожденнымъ преступникомъ, лелѣявшимъ кровавые замыслы ради удовлетворенія своихъ звѣрскихъ инстинктовъ; вѣдь онъ вовсе не питалъ ненависти къ моему мужу. Быть можетъ, именно въ этотъ моментъ за чтеніемъ моего письма душа его вздохнула съ облегченіемъ, успокоилась на мысли о возможности мирнаго исхода, на страстномъ желаніи, чтобъ не случилось ничего ужаснаго, чтобъ ему не пришлось, не *надо* было убивать, какъ это подсказывала ему его больная логика и экзальтированное чувство!

Я дала прочесть мужу отвѣтъ Нино.

— Видишь? Нино поговоритъ съ отцомъ о тебѣ. Если все устроится, онъ будетъ доволенъ, бѣдный Нино. Потому что вѣдь ты знаешь—это онъ совѣтовалъ намъ помириться.

Ческо зналъ это. Да онъ и самъ не питалъ антипатіи къ Нино; напротивъ, можно сказать, что между этими двумя людьми было нѣчто общее—оба были вспыльчивы, порывисты, немного хвастуны... Съ той разницей, что вспышки Нино подсказывались великодушіемъ, альтруизмомъ, лишавшимъ ихъ того непріятнаго, отталкивающаго характера, какой носили иногда дикія выходки моего мужа. Я бы сказала, что Нино и свои дурныя качества отдавалъ на служеніе доброму дѣлу, дѣйствовалъ не разсчитывая и не разсуждая; Ческо же, наоборотъ, былъ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ собственному *я*, не позволявшимъ ему принимать близко къ сердцу чужое горе.

Въ общемъ Ческо, повидимому, былъ радъ этому предложенію содѣйствія со стороны моего брата; онъ даже письмомъ благодарилъ Нино и пригласилъ его къ себѣ въ Венецію, говоря, что будетъ очень радъ повидаться съ нимъ.

Послѣ тягостнаго препирательства съ мужемъ я сразу почувствовала себя нехорошо и кончила тѣмъ, что слегла. Меня лихорадило, и въ желудкѣ были такія острыя боли, что Ческо, поставленный въ тупикъ, послалъ за докторомъ Сильваньи. Дней десять я почти ничего не ѣла, такъ мучительны были эти боли. Послѣ меня вдругъ захворалъ Нинетто, съ такими же симптомами—лихорадка и колики, потомъ одна изъ горничныхъ, затѣмъ Марія и, наконецъ, самъ Ческо. Сильваньи вылѣчилъ насъ всѣхъ, одного за другимъ, не придавая значенія этому весьма обычному заболѣванію и поставилъ діагнозъ лѣтней *холерины*, которой въ то время многіе хворали въ Болоньѣ.

Ческо при этомъ такъ злоупотреблялъ водой Гуніади Яносъ и опіумомъ, что не могъ оправиться дольше другихъ. Но, наконецъ, и онъ выздоровѣлъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ дѣтьми и горничными въ Венецію. Это было восьмого іюля... Мнѣ все памятнѣе становятся числа и дни по мѣрѣ того, какъ срокъ, отпущенный ему судьбою, близился къ концу.

Но прежде чѣмъ продолжать этотъ разсказъ, все болѣе и болѣе тягостный для меня, я должна еще остановиться на этомъ скорбномъ пути, какъ путникъ, усталый и удрученный горемъ, всетаки останавливается, чтобы сдвинуть камень, загородившій ему дорогу. Онъ обливается потомъ, израненныя ноги отказываются служить ему, каждая проволочка—въ тягость, каждая остановка — возобновленная мука.

На меня взвалили не только страшное и отвратительное обвиненіе въ томъ, что я подговорила своего бѣднаго брата убить моего мужа, но и другое, переходящее всякія границы нелѣпости и безчеловѣчія. Заболѣваніе, о которомъ я только что упоминала, постигшее не одного только Ческо, но и другихъ, причемъ я, напримѣръ, страшно ослабѣла за десять дней вынужденной голодовки, выставлялось моими обвинителями, какъ попытка *отравить* моего мужа! О, какъ было бы дико это подозрѣніе, не будь оно такимъ ужаснымъ, и нужно ли мнѣ еще и тутъ оправдываться? Но когда человѣкъ придавленъ къ землѣ тяжестью столькихъ оскорбленій, обидъ, грязи,— что̀ остается ему, какъ не выпить до послѣдняго глотка горькую чашу?

Такъ, значитъ, я пыталась отравить своего мужа, рискуя уморить и дѣтей, и прислугу, и самое себя? Гекатомба, достойная Лукреціи Борджіа, которой никакое преступленіе не было чуждо. Итакъ, эта лицемѣрка, «умная, хитрая» дочь врача, жена врача и...—увы! любовница врача, *опытная въ ядахъ* (!), порѣшивъ избавиться отъ своего несчастнаго мужа, котораго она потомъ и убиваетъ два мѣсяца спустя, въ его же собственномъ домѣ, ударами ножа, предпринимаетъ такую жалкую попытку отравленія, не причиняющую жертвѣ ничего, кромѣ желудочныхъ коликъ, которыя докторъ опредѣляетъ, какъ *холерину!* Замѣтьте при этомъ, что докторъ Сильваньи былъ позванъ *моимъ мужемъ* и для меня, такъ какъ я захворала первой. Какая же неопытная, наивная Локуста, совершенно недостойная постыдной славы, созданной для нея ея врагами! Почему же было тогда не выбрать болѣе сильный ядъ? Почему не подольститься къ бѣдному мужу—это было бы такъ не трудно: вѣдь онъ былъ тогда еще совсѣмъ въ моей власти—и не отравить его постепенно, маленькими надежными дозами? Гдѣ былъ тогда мой хваленый умъ, господа обвинители? Это кажется дико и смѣшно рядомъ съ трагической горечью моей исторіи, но кто слѣдилъ бы за моимъ процессомъ глазами Бога или скорбными глазами невинно обвиненнаго, тотъ увидѣлъ бы, сколько страшнаго комизма и безстыдства въ этихъ обвиненіяхъ. Видя, какъ чужды логика и здравый смыслъ обвинителямъ и милосердіе сердцу судей; видя тупую готовность вѣрить всякому вздору и ожесточеніе безумной, не останавливающейся ни передъ какимъ выводомъ, даже и самымъ нелѣпымъ, и жадное стремленіе выискать новые, еще болѣе ужасные факты тамъ, гдѣ уже налицо ужасный фактъ,—быть можетъ, такой посторонній зритель нашелъ бы все это болѣе трагичнымъ, страшнымъ, болѣе поразительнымъ, чѣмъ само преступленіе. Словно сразу обнаружилось все, что есть жесто-

каго въ природѣ человѣка, все, что въ немъ дремлетъ животнаго, низкая страсть къ ужасному и жестокому, прикрывающаяся личиной любви къ истинѣ и справедливости.

Но я не стану распространяться объ этихъ фактахъ, благодаря которымъ я почти утратила вѣру въ человѣческую доброту, ибо добрые, читая повѣсть моей жизни, и безъ того склонны будутъ вѣрить мнѣ и сочувствовать, злыхъ же все равно не убѣдишь словами; они добиваются только одного—выбросить меня изъ жизни, ввергнуть меня въ бездну позора и отчаянія. Но и самые злые, не признававшіе во мнѣ ничего хорошаго, не могли отрицать моей страстной любви къ дѣтямъ и къ отцу. Какъ же я могла пытаться отнять у своихъ любимыхъ дѣтокъ ихъ отца, къ которому они были искренно привязаны? Я, для которой была такъ дорога, такъ свята эта область человѣческихъ отношеній! Я, которая, ненавидя жизнь и не боясь смерти, не рѣшалась убить себя только изъ-за того, чтобы не оставить своимъ бѣдняжкамъ тяжелаго воспоминанія! Такъ неужели же я рѣшилась бы отравить всю ихъ будущую жизнь страшнымъ призракомъ убитаго отца?

Не эти варварскія и нелѣпыя обвиненія пытаюсь я опровергнуть и не за нихъ я была осуждена. Но моя неизлѣчимая рана все время сочится кровью, я не могу примириться съ тѣмъ, что меня раздавила, какъ червяка, тяжесть преступленія, въ которомъ я и мыслью неповинна, и не могу удержаться, чтобы ежеминутно не кричать отъ боли, не заявлять о своей невинности изъ глубины этой тюрьмы, гдѣ я такъ незаслуженно терзаюсь, призывая своихъ дѣтей. Вы, осудившіе меня на эту нескончаемую муку, скажите же, какія преступныя наклонности вы открыли во мнѣ? Въ какой моментъ моей жизни я обнаружила передъ вами жестокость инстинктовъ, злорадство по поводу чужого горя—я, сама вся изстрадавшаяся, отъ постоянныхъ огорченій сдѣлавшаяся болѣзненно-чувствительной до того, что всякую чужую боль я переживала собственными нервами и собственной кожей? Никогда я не ненавидѣла своего мужа, какъ и теперь не ненавижу даже тѣхъ, кто осудилъ меня безвинно. Одинъ врачъ, приглашенный судомъ въ качествѣ эксперта, говорилъ мнѣ, что это моя неспособность ненавидѣть—вовсе не добродѣтель, а просто недостатокъ нравственной энергіи, нѣчто вродѣ болѣзни воли... Пусть такъ. Но при такой слабости воли какъ же могла я упорно *хотѣть* зла, преступленія, смерти. Я теряюсь въ этомъ хаосѣ противорѣчій.

Объясните мнѣ также, если можете, господа обвинители, зачѣмъ я, всѣми признанная *умницей,* задумавъ убить мужа и *имѣя* полную возможность сдѣлать это одна, набрала себѣ цѣлую кучу сообщ-

никовъ—и какихъ сообщниковъ! Зачѣмъ я вложила ножъ въ руку моего несчастнаго брата, когда я могла, никому не открываясь, примѣнить иные и болѣе вѣрные способы уничтоженія? Зачѣмъ устроила убійство въ нашемъ собственномъ домѣ, гдѣ валялись повсюду компрометирующія меня письма, послужившія потомъ такимъ страшнымъ оружіемъ противъ меня въ рукахъ обвиненія, когда могла заранѣе все уничтожить или спрятать, чтобъ оно случайно не попало въ ваши руки? Зачѣмъ, наконецъ, выбрала для совершенія убійства именно тотъ домъ, гдѣ я еще до примиренія съ Ческо, принимала своего любовника, и дала такимъ образомъ возможность правосудію ворваться въ нашъ завѣтный уголокъ, обнаружить тамъ несомнѣнныя доказательства прелюбодѣянія, и сдѣлать соотвѣтствующіе выводы? Не кажется ли вамъ, что *умная* женщина, холодно обдумывавшая преступленіе, искусная притворщица, могла бы устроить все гораздо лучше, много умнѣе?

Три года подъ-рядъ меня терзали безконечными допросами—давала ли я когда-нибудь непослѣдовательныя, сбивчивыя показанія, не согласовавшіяся съ показаніями моихъ «соучастниковъ?» Удалось ли судьямъ хоть однажды уличить меня во лжи? Были вызваны сотни свидѣтелей, выдвинуты тысячи документовъ всякаго рода—что же, опровергнутъ ли ими хоть одинъ изъ фактовъ, на которые я ссылалась, изъ моихъ чувствъ, изъ моихъ словъ? Самый тонкій и гибкій умъ не выдержалъ бы такой пытки, не имѣй онъ поддержки въ сознаніи, что показываетъ правду и только правду? Смогли ли эти свирѣпые судьи найти хоть одно самое маленькое матеріальное доказательство моей вины? Мнѣ не дано было убѣдить всѣхъ въ моей полной невинности—пусть! Но если, несмотря на суровое и несправедливое предубѣжденіе противъ меня, у судей всетаки остались кое-какія сомнѣнія касательно моей виновности, почему же они, судя, забыли о великомъ и глубоко гуманномъ христіанскомъ принципѣ, запрещающемъ осуждать, разъ есть сомнѣніе? Или правосудіе даетъ лишь исходъ ненависти на законномъ основаніи? Или сердца окаменѣли и умы стали недоступны свѣту логики только для того, чтобы обречь несчастную на страшную муку—навсегда утратить своихъ дѣтей и омрачить ихъ невинную жизнь ужасомъ, кровью, позоромъ?

Я, кажется, путаюсь. Но порой я не въ состояніи удержать потокъ горечи, бьющій изъ моего сердца. Говорю и пишу потому только, что мнѣ *надо* излить эту горечь, чтобъ не выплакать окончательно свои глаза; за работой ослабѣваетъ жгучая напряженность мысли, [illegible]ей на части мою душу.

Итакъ, возвращаюсь къ этой несказанно печальной исторіи, которая въ своей простотѣ, логичности и самопроизвольной связи событій должна была бы — будь въ мірѣ справедливость — служить лучшей защитой и мнѣ, и моему злосчастному брату.

Послѣ отъѣзда Ческо съ дѣтьми въ Венецію я, приведя въ порядокъ домъ, стала собираться въ Швейцарію, порѣшивъ взять съ собою Розину Бонетти. Какъ я уже разсказывала, Розина отошла отъ насъ еще въ маѣ, но время отъ времени приходила къ намъ на поденную работу, когда въ томъ была надобность мнѣ или ей самой — бѣдняжка все еще не могла выбиться изъ нужды. Когда она была нужна мнѣ, я посылала ей записку, и она являлась, повидимому, охотно. Такъ, напримѣръ, помню, по возвращеніи нашемъ съ дачи она провела у меня нѣсколько дней, помогая мнѣ и горничной шить лѣтнія платьица для Маріи; затѣмъ во время болѣзни моей и Ческо, она два раза ночевала у насъ, помогая моей прислугѣ. Но дня за два до отъѣзда д-ръ Секки сказалъ мнѣ, что онъ охотно прокатился бы со мною въ Швейцарію, еслибъ я сумѣла найти мѣстечко, гдѣ мы не рискуемъ встрѣтить знакомыхъ итальянцевъ. Перспектива этого путешествія вдвоемъ, вдали отъ міра, въ волшебно-прекрасной странѣ, гдѣ мы будемъ жить только нашей любовью, показалась мнѣ райскимъ блаженствомъ. И я раскаялась, что пригласила ѣхать съ собою Бонетти — мнѣ не хотѣлось посвящать ее въ свою завѣтную тайну. Я попросила Секки разрѣшить мнѣ взять съ собою Тизу, которая все знала и пользовалась моимъ довѣріемъ... Онъ тотчасъ же согласился.

Но Бонетти, узнавъ, что ей не придется ѣхать въ Швейцарію, очень обидѣлась и огорчилась. Она такъ радовалась этой поѣздкѣ, такъ хвасталась передъ другими слугами, и ей обидно было уступить мѣсто другой.

— Умоляю васъ, синьора-графиня, не говорите никому, что вы не берете меня съ собой! Они засмѣютъ меня. Скажите, что я ѣду. Ну, сдѣлайте мнѣ это удовольствіе!

Ея наивное тщеславіе въ данный моментъ оказывало мнѣ услугу. Мнѣ не хотѣлось писать моему мужу, что я беру съ собою Тизу, которой онъ не зналъ, такъ какъ послѣ примиренія она рѣдко бывала у меня, и то въ такіе часы, когда Ческо не было дома, или онъ еще спалъ. Поэтому я сочла за лучшее не сообщать ему о перемѣнѣ, предоставивъ ему думать, что со мной ѣдетъ Бонетти.

Я выѣхала десятаго іюля, въ надеждѣ найти укромное мѣстечко для себя и для Секки и, какъ мнѣ казалось, нашла его въ Шепфелсѣ, чудномъ уголкѣ, лишенномъ всякихъ развлеченій, кромѣ кр-

сотъ природы, привлекающихъ немногихъ, во всякомъ случаѣ не итальянцевъ.

За недѣлю пребыванія въ этомъ прелестномъ уголкѣ я уже успѣла отдохнуть душой и тѣломъ и предвкушала радость встрѣчи съ любимымъ человѣкомъ, какъ вдругъ пришло письмо отъ Ческо, извѣщавшее, что ему хотѣлось бы отлучиться на время, чтобы выдержать курсъ лѣченія, пока стоятъ холода, но онъ не можетъ оставить дѣтей однихъ, и если я пріѣду къ нимъ въ Венецію, это будетъ всѣмъ очень пріятно.

Я была нѣсколько удивлена и, сознаюсь, не очень обрадовалась. Доктора совѣтовали мнѣ прожить въ горахъ не меньше двухъ мѣсяцевъ; горный воздухъ благотворно вліялъ на меня; климатъ Венеціи, наоборотъ, былъ мнѣ вреденъ... Кромѣ того... сюда долженъ былъ пріѣхать ко мнѣ Секки, и я такъ страстно ждала этой минуты. А между тѣмъ Ческо звалъ меня. (Да, звалъ къ себѣ ту, кого онъ *подозрѣвалъ въ попыткѣ отравить его,* какъ увѣряли нѣкоторые свидѣтели,—ужъ не знаю, чего тутъ было больше съ ихъ стороны: злонамѣренности или глупости).

Сначала я колебалась, не зная, что предпринять. Но уже за эти нѣсколько дней разлуки я стосковалась по своимъ милымъ дѣткамъ, и предложеніе въ ближайшемъ будущемъ свидѣться съ ними радостно взволновало мою душу. Вдали отъ нихъ я никогда, никогда не знала полной радости. Я любила Секки,— о, этого я не стану отрицать!— любила его всей душой, но мои дѣти были мнѣ еще дороже, и даже когда я блаженствовала въ его объятіяхъ, меня мучило тайное желаніе увидѣть ихъ. И онъ самъ отлично это зналъ.

Кромѣ того я не хотѣла дѣлать непріятное Ческо, порѣшивъ во что бы то ни стало сохранить между нами добрыя отношенія, въ надеждѣ смягчить его кротостью и лаской. Поэтому я рѣшила побыть въ Швейцаріи вмѣстѣ съ Секки, а на августъ ѣхать въ Венецію, чтобъ не лишить моихъ ангельчиковъ морскихъ купаній, которыя были имъ такъ полезны и которыя они такъ любили. Это было послѣдней радостью ихъ дѣтства. А затѣмъ,—мракъ, борьба... безъ отца, безъ матери... Въ чемъ же согрѣшили эти двое невинныхъ?...

Я написала мужу о своемъ рѣшеніи; онъ, повидимому, остался доволенъ.

17 іюля пріѣхалъ, наконецъ, Секки, и для насъ наступили дни безоблачнаго счастья... Погоди, несчастная! Ты не видишь, какъ судьба во мракѣ точитъ ножъ, которому суждено пронзить заразъ столько сердецъ. Погоди! Каждая минута твоей радости будетъ по-

ставлена тебѣ на счетъ и за каждую ты заплатишь ручьями горькихъ слезъ! . . . . . .

Прошло какихъ-нибудь три дня, и наше пребываніе въ глухомъ альпійскомъ городкѣ стало уже опаснымъ. Я получила письмо отъ мамы, извѣщавшее меня, какъ о пріятномъ сюрпризѣ, о томъ, что на-дняхъ ко мнѣ явятся съ визитомъ Пиппо Кавацца и каноникъ Старци, ѣдущіе въ Швейцарію. Мама дала имъ мой подробный адресъ.

Можно себѣ представить, какъ это извѣстіе о предстоящемъ визитѣ двухъ добрыхъ друзей, которымъ я была бы рада нѣсколько дней тому назадъ, взволновало меня теперь. Надо было бѣжать, и мы моментально собрались. Тизу отправили обратно въ Италію, а сами взяли поѣздъ въ Цюрихъ. Опредѣленныхъ намѣреній у насъ не было; мы просто хотѣли продлить нашу поѣздку и подольше насладиться обществомъ другъ друга. Въ Цюрихѣ я пошла къ Гаабу, въ смутной надеждѣ, что онъ теперь же повторитъ обѣщанную операцію надъ моимъ глазомъ, что было бы очень удобно для меня, такъ какъ тогда я освободилась бы на весь августъ. Было это, если не ошибаюсь, 21 іюля. Но докторъ Гаабъ не нашелъ возможнымъ оперировать, потому ли, что этого не допускало общее состояніе моего здоровья—я страдала малокровіемъ и еще не вполнѣ вылѣчилась отъ нефрита—или потому, что его ассистентъ былъ въ отсутствіи.

Получивъ такой отвѣтъ отъ Гааба и отчаявшись найти спокойное мѣстечко, такъ какъ въ Цюрихѣ въ гостиницѣ мы ежеминутно рисковали встрѣтить знакомыхъ, я уже заговорила о возвращеніи домой, но Секки неожиданно предложилъ мнѣ другое.

Онъ предложилъ мнѣ подняться съ нимъ вверхъ по Рейну, описывая мнѣ въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ это путешествіе и говоря, какъ радъ и счастливъ былъ бы онъ, еслибъ мы поѣхали вмѣстѣ. Соблазнить меня было нетрудно, и, увлеченная его идеей, я уже сама горячо опровергала всѣ его опасенія насчетъ моего здоровья и опасности для меня столь дальняго пути. Его, какъ врача, тревожило, что я не совсѣмъ еще оправилась отъ нефрита и недостаточно отдохнула въ горахъ, но я увѣряла, что чувствую себя превосходно, что путешествіе никогда мнѣ не вредитъ, и, видя, какъ мнѣ хочется ѣхать, онъ не рѣшался противорѣчить.

Рѣшено было, что мы поѣдемъ до Кельна, а на ночь остановимся въ Дармштадтѣ, чтобъ хорошенько отдохнуть, да и путешествовать днемъ гораздо интереснѣе. Такъ и сдѣлали. Утромъ второго дня мы наскоро осмотрѣли Дармштадтъ, совершенно мнѣ незнакомый, и мой спутникъ заказалъ въ большомъ складѣ аптекарскихъ товаровъ у

Мерка, который былъ его поставщикомъ уже нѣсколько лѣтъ, большое количество разныхъ лѣкарствъ и снадобій для научныхъ цѣлей и для собственнаго употребленія. Все это Секки велѣлъ отправить въ Болонью на свое имя и по своему адресу. И *это* также нѣкоторыми обвинителями было истолковано, какъ подготовка къ преступленію...

Въ тотъ же день къ вечеру мы были въ Кельнѣ и оттуда вернулись въ Цюрихъ. Я уже чувствовала себя очень утомленной и осталась въ Цюрихѣ на два дня, чтобъ отдохнуть, между тѣмъ какъ Секки уѣхалъ въ Миланъ. Мы не рѣшились ѣхать вмѣстѣ по желѣзной дорогѣ черезъ Сенъ-Готардъ, такъ какъ тамъ легко было встрѣтить общихъ знакомыхъ. Затѣмъ я двинулась въ Миланъ, гдѣ уже ждалъ меня Секки, и мы провели вмѣстѣ еще два дня—29 и 30 іюля, послѣ чего онъ вернулся въ Болонью, а я поѣхала въ Венецію, какъ обѣщала мужу.

XXVII.

Новыя муки.

Какъ всегда, радость увидѣть дѣтей, ихъ восторги при встрѣчѣ со мною сдѣлали для меня счастливымъ первый вечеръ по возвращеніи, и другая любовь, другое счастье поблѣднѣли передъ любовью и поцѣлуями моихъ ангелочковъ. Но уже на другой день я опять вернулась къ своему обычному удѣлу—слезамъ.

Утромъ Марія, едва проснувшись, разсказала мнѣ, что отецъ возилъ ее въ монастырь св. Сердца, показывалъ ей классы и представилъ ее начальницѣ, говоря, что, по всей вѣроятности, онъ отдастъ ее въ училище при монастырѣ. И она, и Нинетто были очень огорчены: отецъ сказалъ имъ, что они не вернутся въ Болонью и не увидятъ больше дѣда съ бабкой.—Увы!—это была правда! Вотъ ужъ три года, какъ они не видали моихъ бѣдныхъ стариковъ.

Домашніе на мои разспросы подтвердили мнѣ, что, дѣйствительно, мужъ мой говорилъ это. Слуги были мнѣ преданы, всѣ, кромѣ нѣмки-бонны, Фриды Рингеръ, которая, я это знала, злословила на мой счетъ... Все это огорчило меня, взволновало, отъ сладкаго покоя первой встрѣчи снова ввергнуло меня въ пучину черныхъ мыслей, въ непрестанную тревогу. Я все больше убѣждалась, что такая борьба и самое искреннее миролюбіе съ моей стороны совершенно безплодны. Въ то время, какъ я только о томъ и старалась, какъ бы угодить мужу, отодвигая на задній планъ собственныя удобства и желанія, онъ готовилъ мнѣ такое горе!

Письмо, написанное мною послѣ этого моимъ въ Болонью, дѣйствительно, дышало полной безнадежностью. Я жаловалась на свою жизнь, превратившуюся въ непрерывную войну, на то, что я изнемогаю отъ этой жизни и не вижу исхода. Вдобавокъ, какъ разъ въ это время пришло письмо отъ доктора Секки, сообщившаго мнѣ о своихъ измѣнившихся намѣреніяхъ. Когда мы разставались съ нимъ въ Миланѣ, онъ собирался ѣхать въ Берлинъ только въ сентябрѣ,—ему нужно было позаняться тамъ въ публичной библіотекѣ для доклада, который ему предстояло читать осенью на конгрессѣ врачей въ Римѣ—августъ же онъ хотѣлъ провести гдѣ-нибудь вблизи Болоньи, въ надеждѣ свидѣться со мной. Теперь же онъ сообщалъ, что выѣзжаетъ въ Берлинъ немедленно. Это означало, что мы не увидимся, по крайней мѣрѣ, три мѣсяца, такъ какъ въ сентябрѣ мнѣ нужно было ѣхать къ Гаабу для операціи, а въ октябрѣ—ему въ Римъ, на съѣздъ врачей. Я такъ огорчилась этимъ, что и ему, какъ своимъ, написала письмо, полное горькихъ жалобъ, отражавшее состояніе моей души. Но еще прежде, чѣмъ это письмо дошло до него, онъ уже передумалъ и написалъ мнѣ, что прежняя программа, составленная нами въ Миланѣ, остается въ силѣ, такъ какъ друзья убѣдили его провести августъ въ Кастильоне де'Пеполи. Я обезумѣла отъ радости и, въ надеждѣ скоро опять свидѣться съ любимымъ человѣкомъ, телеграфировала ему 4 августа, что онъ возвратилъ мнѣ жизнь.

И эта телеграмма тоже послужила обвиненію оружіемъ противъ меня—въ ней увидѣли какой-то тайный уговоръ между моимъ любовникомъ и мною противъ моего мужа.

Такимъ образомъ мое пасмурное небо снова немного прояснилось. Успокоило меня и письмо отъ мамы, гдѣ она сообщала, что Нино, воспользовавшись моимъ пріѣздомъ въ Венецію, хочетъ сдержать обѣщаніе, данное имъ Ческо, и пріѣхать къ намъ туда, но предварительно намѣренъ завернуть къ отцу, въ Сицилію. Ческо тѣмъ временемъ уѣхалъ лѣчиться—въ точности даже не знаю: куда; знаю только, что онъ былъ въ Болоньѣ, а потомъ въ Сальсомаджіоре. Дня два спустя послѣ возвращенія Ческо снова пришло письмо, уже отъ Нино, гдѣ онъ спрашивалъ, вернулся ли Ческо и удобно ли ему будетъ пріѣхать къ намъ погостить денька на два, на три. Я тотчасъ отвѣтила, что мы оба ждемъ его, и онъ, дѣйствительно, пріѣхалъ, если не ошибаюсь, 13 августа.

Здоровье мое немного поправилось за короткое время пребыванія въ Швейцаріи; близость дѣтей, какъ всегда, дѣйствовала на меня благотворно; я страшно радовалась пріѣзду брата, тѣмъ болѣе, что

онъ былъ чрезвычайно милъ съ Ческо и Ческо съ нимъ, и надѣялась, что это хорошо повліяетъ на настроеніе моего мужа и его отношеніе ко всѣмъ намъ. Ради этого я даже просила Нино погостить у насъ лишній денекъ, и онъ исполнилъ мою просьбу. Отношенія между зятемъ и шуриномъ были наилучшія; никакіе щекотливые вопросы не затрогивались между ними.

Какъ только мы остались вдвоемъ съ братомъ, онъ сообщилъ мнѣ, что съ ассистентствомъ пока ничего не вышло, такъ какъ онъ не видалъ отца, гостившаго въ Сициліи, но что самъ онъ пріѣхалъ къ намъ именно затѣмъ, чтобы доказать Ческо свое доброе намѣреніе и убѣдить его потерпѣть еще немного.

Само собой былъ у насъ разговоръ и о его суженой, и на мой вопросъ, когда же свадьба, братъ сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ сдѣлать большой заемъ, расплатиться со всѣми мелкими долгами, съѣздить въ Германію, чтобъ еще позаняться теогоніей, получить званіе доцента и тогда ужъ вѣнчаться. Официальную же помолвку устроить осенью.

Обо всемъ этомъ Нино разсказывалъ мнѣ весело, съ своей обычной добродушной искренностью, и ни тѣни какихъ-либо затаенныхъ злобныхъ мыслей я не видала на его лицѣ. Да и не могла я подстерегать эти мысли, такъ какъ не подозрѣвала возможности ихъ существованія. Откуда могло бы взяться у меня такое подозрѣніе?

Обо всѣхъ этихъ своихъ дѣлахъ и финансовыхъ затрудненіяхъ братъ уже писалъ мнѣ въ Цюрихъ, когда мы были тамъ съ Секки. Этотъ послѣдній вмѣстѣ со мной читалъ письмо Нино, жалѣлъ, что ему приходится обращаться къ ростовщикамъ, и очень деликатно предложилъ мнѣ взять у него сколько нужно для того, чтобы помочь Нино ликвидировать всѣ свои долги.

Тогда я, полушутя, полусерьезно, возразила ему, что братъ мой не захочетъ взять отъ него денегъ и не повѣритъ, что они мои.

Уже въ іюлѣ сколько мнѣ было съ нимъ хлопотъ, пока я убѣдила его принять отъ меня 400 лиръ для уплаты по векселю. Въ августѣ истекалъ срокъ новому векселю, и мнѣ пришлось оставить Розинѣ Бонетти книжку сберегательной кассы на двѣ тысячи пятьсотъ лиръ, подаренныхъ мнѣ мужемъ послѣ рожденія Нинетто, такъ какъ братъ мой ни за что не хотѣлъ взять отъ меня этихъ денегъ, положенныхъ на имя моего сына, хотя ему и предстоялъ новый платежъ. Въ виду этого Секки очень настаивалъ, чтобъ я убѣдила Нино принять отъ него необходимую сумму, напоминая, что самъ онъ очень обязанъ моему отцу и относится къ Нино, какъ къ брату. Изъ Венеціи я написала Нино о великодушномъ предложеніи доктора Сек-

ки, но ни тотъ, ни другой ничего мнѣ на это не отвѣтили, и я, зная только, что они обмѣнялись между собой письмами по этому поводу, думала, что они поладили.

Поэтому я была очень удивлена, узнавъ изъ разговора съ Нино, что его все еще преслѣдуютъ денежныя затрудненія... На мой вопросъ о Секки братъ отвѣтилъ, что онъ не хочетъ брать отъ него денегъ, такъ какъ Секки настаиваетъ на томъ, чтобъ это было простой дружеской услугой; онъ же, Нино, могъ бы взять только въ долгъ за проценты. Поэтому, не желая обидѣть Секки, онъ написалъ ему, что уже добылъ денегъ въ другомъ мѣстѣ.

Тогда я попросила Нино—и онъ обѣщалъ мнѣ—ничего не предпринимать, пока я не переговорю съ Секки,—мы разсчитывали увидѣться въ ближайшемъ будущемъ въ Болоньѣ или въ Римини.

На другой день послѣ отъѣзда Нино, т.-е. 15 августа, Ческо прислалъ Марію сказать мнѣ, что ему надо со мною переговорить. Дѣло было послѣ завтрака, дѣти играли возлѣ меня. Мнѣ и въ голову не пришло, что мужъ хочетъ вести со мной серьезный разговоръ, и я черезъ ту же милую вѣстницу послала сказать ему, что я къ его услугамъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ пришелъ ко мнѣ мрачный и злой и съ первыхъ же словъ наговорилъ мнѣ рѣзкостей.

— Твой братъ ни словомъ не обмолвился объ ассистентствѣ. Это значитъ, что этотъ твой... отецъ и не намѣренъ вовсе брать меня въ помощники. Но ты ошибаешься, если думаешь, что я позволю водить себя за носъ. Будетъ съ меня! Вотъ здѣсь у меня его письма, съ помощью которыхъ я его такъ осрамлю, что ему стыдно будетъ смотрѣть людямъ въ глаза.

Я, испуганная этимъ неожиданнымъ взрывомъ ярости, пыталась успокоить его.

— Но, Ческо, вѣдь Нино же не могъ переговорить съ отцомъ, потому что отецъ въ отъѣздѣ. Нино именно хотѣлъ и пріѣзжалъ къ намъ, чтобы доказать тебѣ свое доброжелательство. Вотъ увидишь: когда отецъ вернется...

Но Ческо даже не далъ мнѣ докончить фразы. Онъ былъ такъ раздраженъ, что совершенно не соображалъ, что говоритъ, и разразился цѣлымъ потокомъ брани. Я уже не возражала, но мое молчаніе только еще больше злило его. Опять посыпались прежнія обидныя слова и угрозы: въ Болонью онъ не намѣренъ возвращаться; онъ поселится въ Падуѣ, отдастъ дѣтей въ закрытыя учебныя заведенія и проч., и проч.

Понимая безполезность просьбы и убѣжденій и боясь раздражить мужа, чтобы онъ не наговорилъ чего-нибудь еще худшаго въ при-

сутствіи дѣтей, которыя испуганно и удивленно смотрѣли на насъ обоихъ, я не перечила ему, но онъ все больше горячился:

— Я вамъ покажу, кто здѣсь хозяинъ! Вы все дѣлаете мнѣ на зло—ну, такъ не будетъ же по-вашему! Это ты виновата: ты могла добиться отъ своего отца всего, что угодно, но, конечно, ты и пальцемъ не шевельнешь, чтобы доставить мнѣ удовольствіе. А! воздухъ Падуи тебѣ вреденъ? Ну, что-жъ, тѣмъ хуже для тебя; надо было постараться у папаши. Не будь онъ такимъ... онъ бы и безъ твоихъ просьбъ сдѣлалъ, что надо.

— Никто и не думаетъ дѣлать тебѣ на зло,—возразила я, наконецъ,—и я меньше, чѣмъ кто бы то ни было. Смотри же самъ: только для того, чтобы доставить тебѣ удовольствіе, я бросила горы и изъ Швейцаріи пріѣхала сюда. Тебѣ хочется, чтобъ я поѣхала съ дѣтьми въ Каварцере?—я поѣду, если мой отказъ задѣваетъ твое самолюбіе. Но будь же благоразуменъ: пойми, что я не имѣю ни малѣйшаго желанія дѣлать тебѣ на зло, но вѣдь я же не могу принудить отца. Нино взялся это устроить и устроитъ—надо только имѣть терпѣніе. Вѣдь раньше ноября никто не возвращается въ городъ, да и школы не открыты.

Но мои слова только еще больше раздражали Ческо. Онъ несъ ужъ совершенный вздоръ, увѣряя, будто даже слуги дѣлаютъ ему на зло.

— Да когда же? Въ чемъ же?

— А вотъ хоть бы въ послѣдній день передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Болоньи. Твоя горничная пошла изъ дому съ цѣлымъ снопомъ цвѣтовъ и не хотѣла сказать мнѣ, кому она несетъ эти цвѣты. Конечно, это ты велѣла ей молчать.

Вмѣсто отвѣта я позвонила. Вошла Адель.

— Когда я тебя посылала съ цвѣтами въ Болоньѣ, помнишь, передъ отъѣздомъ?—приказывала я тебѣ ничего не говорить барину?

— Нѣтъ, синьора.

— Кому ты снесла цвѣты?

— Барышнѣ студенткѣ.

— Хорошо, можешь идти.

Я хотѣла объяснить мужу, кто такая это студентка и что Адель не могла назвать ему фамилію, такъ какъ сама ея не знала, но Ческо еще пуще разозлился, когда ему доказали, что онъ не правъ, сталъ кричать, что я устраиваю ему очныя ставки съ слугами, подрываю къ уваженіе къ нему, схватилъ стулъ и замахнулся имъ на меня. Я стояла, прислонясь къ стѣнѣ, не трогаясь съ мѣста и не дыша, малѣдныя дѣти, до сихъ поръ безмолвные свидѣтели этой сцены,

увидя жестъ отца, подняли отчаянный плачъ и кинулись ко мнѣ защищать меня.

Ческо, приведенный въ себя этимъ плачемъ, швырнулъ стулъ на полъ и вышелъ, хлопнувъ дверью.

Бѣдныя дѣтки горько плакали, я обняла ихъ и стала успокаивать ласками и поцѣлуями.

Марія затихла первая и, высвободившись изъ моихъ рукъ, пошла къ письменному столу. Нинетто же умолялъ меня:

— Мамулинька, поѣдемъ къ дѣдушкѣ. Тамъ тебя всѣ любятъ, а папа такъ насъ обижаетъ!

Марія немного погодя вернулась къ намъ съ готовымъ письмомъ бабушкѣ, гдѣ она разсказывала о случившемся и «Христа ради» просила, чтобы къ намъ пріѣхалъ дѣдушка или дядя Нино.

Бѣдняжки! Подобно мнѣ, и они въ трудныя минуты искали прибѣжища въ родномъ гнѣздѣ. И будь Маріи не восемь лѣтъ, а восемнадцать, кто знаетъ, не усмотрѣло ли бы праведное человѣческое правосудіе и въ этомъ невинномъ порывѣ какого-нибудь злого умысла со стороны дочери противъ отца. Человѣческій умъ способенъ на самыя гнусныя предположенія.

Я позвала прислугу поиграть съ дѣтьми въ сосѣдней комнатѣ, а сама, въ свою очередь, сѣла писать мамѣ, изливъ въ письмѣ всю свою накипѣвшую боль и обиду. Еслибъ я знала, какой страшный огонь негодованія зажжетъ оно въ другомъ сердцѣ, конечно,—о, конечно,—я сдержалась бы и промолчала, какъ молчала въ первые года.

Я приложила и письмо Маріи и, кажется, въ этомъ же письмѣ предупредила, что на слѣдующей недѣлѣ побываю у нихъ въ Римини. Теперь я убѣдилась, что дѣти и прислуга не обманули меня. Ческо, дѣйствительно, задумалъ что-то серьезное, и мнѣ надо было посовѣтоваться съ моими, что дѣлать, если онъ осуществитъ свой замыселъ.

Я рѣшила выѣхать 17-го августа и остановиться въ Болоньѣ, чтобы повидаться съ Секки, котораго предупредила письмомъ.

Вечеромъ 16-го Ческо сказалъ мнѣ:

— Я передумалъ. Если ты желаешь, чтобы дѣти были съ тобой въ сентябрѣ, я могу тебѣ ихъ дать недѣльки на двѣ. До пятнадцатаго можешь взять ихъ съ собою въ Швейцарію.

Я была удивлена этой внезапной уступчивостью, но не предположила ничего дурного; просто подумала, что онъ хочетъ загладить случившееся наканунѣ, и радовалась отъ души вмѣстѣ съ дѣтьми, которыя прыгали отъ восторга, что поѣдутъ со мною въ Швейцарію. Передъ отъѣздомъ Ческо просилъ меня вернуться къ субботѣ, такъ

какъ въ понедѣльникъ 25-го ему надо быть въ Миланѣ, а по пути онъ хочетъ еще завернуть въ Болонью, по дѣламъ и для того, чтобы въ воскресенье вечеромъ послушать *Миньону*. Это было 17-го; значитъ, у меня оставалась еще цѣлая недѣля на мою собственную поѣздку въ Римини.

Была у насъ рѣчь и о томъ, кого изъ горничныхъ взять съ собою въ Швейцарію, и самъ Ческо выбралъ Розину Бонетти, такъ какъ она носила шляпки и одѣвалась лучше другихъ. Ни онъ, ни я не хотѣли брать опять бонны Фриды; мнѣ пришлось выбранить ее за то, что она говорила обо мнѣ гадости, и Ческо далъ ей разсчетъ, сказавъ, что хочетъ взять гувернантку, притомъ же она была такъ заносчива и надменна, что дѣти терпѣть ее не могли. Бонетти же, узнавъ, что я поѣду въ Венецію, прислала мнѣ письмо, прося взять ее съ собой, и я дѣйствительно выписала ее туда на нѣсколько дней, чтобъ загладить неисполненное обѣщаніе. А теперь, ѣдучи въ Болонью, взяла ее съ собой, такъ какъ она говорила, что ей надо захватить съ собою платья для путешествія въ Швейцарію.

По пріѣздѣ въ Болонью я прямо съ нашей квартиры отправилась къ Тизѣ, гдѣ меня уже дожидался д-ръ Секки. Само собой, я разсказала ему все подробно, въ томъ числѣ и разговоръ мой съ братомъ о займѣ. Секки, очень недовольный тѣмъ, что Нино сказалъ ему неправду, лишь бы только не взять отъ него денегъ, написалъ Нино снова, предлагая по братски помочь ему выпутаться изъ денежныхъ затрудненій и добиться доцентуры. Онъ спрашивалъ, сколько ему нужно, но братъ отвѣтилъ телеграммой, довольно неясно; тогда Секки отдалъ мнѣ все, что у него было дома, т.-е. 3,000 лиръ, прося меня убѣдить Нино взять ихъ и потомъ сообщить ему, сколько еще нужно добавить.

Относительно моего мужа онъ успокаивалъ меня, говоря:

— Онъ нарочно пугаетъ тебя и твоего отца выѣздомъ изъ Болоньи; но ты не обращай вниманія и не огорчайся. Вотъ увидишь, мужъ твой не посмѣетъ нарушить слова; да еслибъ и посмѣлъ, въ крайнемъ случаѣ, отецъ твой скорѣе согласится исполнить его желаніе, чѣмъ лишиться васъ.

Наоборотъ, отецъ, котораго я застала въ Римини, былъ противъ сихъ компромиссовъ, какъ раньше онъ былъ противъ нашего примиренія. Онъ говорилъ, что готовъ на всякія жертвы для моего спокойствія и тоже не придавалъ значенія угрозамъ Ческо, но полагалъ, то, если онѣ серьезны, мы не должны уступать; самое лучшее тогда будетъ требовать развода судомъ. Объ этомъ у нихъ было длинное

совѣщаніе съ дядей Рикардо, который также гостилъ въ Римини, и оба успокаивали и утѣшали меня.

— Да что ты такъ боишься мужа?—что онъ можетъ съ тобою сдѣлать? Ты обратишься къ защитѣ закона, и еще посмотримъ, кого изъ васъ онъ признаетъ достойнымъ воспитывать дѣтей. А пока имѣй терпѣніе и жди, что будетъ. Вотъ увидишь, что мужъ твой не посмѣетъ выполнить своей угрозы.

Разъ всѣ въ одинъ голосъ твердятъ одно и то же, должно быть, они правы, а я преувеличивала и тревожилась напрасно. И ко мнѣ вернулась надежда, что Ческо только такъ нарочно пугаетъ, и успокоится, увидя, что я взаправду готова ѣхать съ нимъ въ Каварцере, какъ это мнѣ ни непріятно. Что я буду дѣлать, если мужъ всетаки осуществитъ свою угрозу, я тогда еще не знала; по всей вѣроятности, я послѣдовала бы совѣту отца и дяди Рикардо и добилась бы новаго разрыва, на этотъ разъ окончательнаго.

Изъ опасенія, какъ бы не соблазниться погостить подольше у своихъ и не нарушить слова, даннаго Ческо, я взяла обратный билетъ изъ Болоньи въ Римини. Но наканунѣ отъѣзда 21-го я получила телеграмму отъ управляющаго домомъ, гдѣ мы снимали квартиру, извѣщавшую, что въ нашей квартирѣ испортился водопроводъ, вода залила комнаты. Я попросила нашего друга Далля, гостившаго въ Римини, немедленно съѣздить въ Болонью, посмотрѣть, въ чемъ дѣло, и дала ему для этого ключи отъ квартиры.

На другой день, 22-го (о, какъ эти числа кровавыми чертами врѣзались мнѣ въ память!), я сама поѣхала въ Болонью. Нѣсколько часовъ мы вдвоемъ съ Бонетти провели у меня на квартирѣ. Она помогла мнѣ убрать комнаты, потомъ пошла купить чего-нибудь поѣсть, а во время ея отсутствія, часовъ около двухъ пополудни, ко мнѣ явился управляющій за деньгами,—срокъ платежа истекъ уже 14-го августа.

— Со мной нѣтъ денегъ,—сказала я ему,—но въ воскресенье пріѣдетъ мой мужъ и расплатится съ вами.

Когда вернулась Бонетти, мы еще поговорили о поѣздкѣ въ Швейцарію, назначенной на 28-е августа; я давала ей инструкціи, наказывала ей, чтобы она хорошенько запомнила день и часъ, не забыла расписанія поѣздовъ, захватила съ собой все нужное,—словомъ, говорила все, что можетъ въ такомъ случаѣ сказать хозяйка своей горничной. Даже на лѣстницѣ я повторяла ей все то же, и кто видѣлъ бѣдную Бонетти, тотъ знаетъ, что это было не лишнимъ: она была безпамятная, все путала, и самыя простыя вещи казались страшными и трудными ея убогому уму.

Такъ, спускаясь съ лѣстницы, я повторяла ей: «Смотри же... помни... не забудь»... и вдругъ вспомнила, что сама забыла захватить съ собою костюмъ *demi-saison,* для сентября въ Швейцаріи необходимый... Съ минуту я колебалась, не вернуться ли за нимъ, но было уже поздно, и я бы опоздала на поѣздъ... Притомъ же я не могла рѣшить сейчасъ, который изъ двухъ костюмовъ взять съ собой: черный или сѣрый. И такъ какъ мы уже были въ швейцарской, я сказала Бонетти:

Словомъ, я подумаю. Въ воскресенье пріѣзжаетъ въ Болонью мой мужъ. До тѣхъ поръ я напишу тебѣ, и ты въ воскресенье пойди къ нему—онъ тебѣ дастъ одинъ изъ двухъ костюмовъ. Если я выберу черный, ты съ нимъ сейчасъ же отправляйся къ портнихѣ—она уже знаетъ, что съ нимъ нужно сдѣлать; если же сѣрый, ты сама осмотри его внимательно и поправь все, что надо.

Повидимому, она поняла, но я говорила наскоро, волнуясь, потомъ оставила ее на крыльцѣ, а сама взяла извозчика и поѣхала на вокзалъ, такъ какъ было уже очень поздно.

Въ Венецію я пріѣхала въ тотъ же день, т.-е. 22, въ 11 часовъ вечера, и мы еще немного побесѣдовали съ Ческо очень дружелюбно. Я сказала ему, что отецъ совѣтуетъ мнѣ поселиться въ Федо, ибо это мѣстечко лежитъ не очень высоко и на итальянскомъ склонѣ Альпъ, такъ что въ сентябрѣ тамъ еще тепло, что дѣти будутъ на седьмомъ небѣ отъ радости, что я надѣюсь вернуться здоровой—и еще многое, чего ужъ я не помню. Я была довольно весела, онъ добродушенъ. Повидимому, давешняя тяжелая сцена была съ обѣихъ сторонъ забыта. Я, по крайней мѣрѣ, уже простила, и отъ души.

Но на другой день, 23-го, ко мнѣ явился съ таинственнымъ видомъ лакей Фердинандъ и шепнулъ, что ему надо сообщить мнѣ что-то непріятное, но только чтобъ—ради Бога!—баринъ не узналъ объ этомъ.

— Въ чемъ дѣло? Что случилось?—допытывалась я, удивленная и не безъ тревоги.

— Завтра, синьора графиня,—завтра, когда графъ уѣдетъ. Сегодня не смѣю... Только чуръ, синьора, ни словечка графу!

Что бы это такое могло быть? Я весь день ломала себѣ голову и приглядывалась къ Ческо, ища разгадки въ его лицѣ, но оно было такимъ же, какъ всегда.

Тѣмъ временемъ я рѣшила, что черный костюмъ новѣе сѣраго и лучше будетъ взять его, такъ какъ портниха успѣетъ перешить его и выслать мнѣ съ Розиной въ Миланъ. Поэтому я предупредила мужа, что въ воскресенье Розина придетъ къ нему за костюмомъ, и телеграфировала ей, *телеграфировала*, такъ какъ сообразила, что мое пись-

мо дойдетъ только въ воскресенье утромъ, а Бонетти въ этотъ день обыкновенно съ утра уходитъ изъ дому, такъ что письма она могла и не получить во-время, и Ческо дожидался бы ее напрасно.

Потомъ, вечеромъ, перебирая въ памяти инструкціи, данныя мною Розинѣ въ Болоньѣ, и побоявшись, какъ бы эта бѣдная глупышка не напутала чего-нибудь, я все-таки послала ей еще открытое письмо, снова наказывая все по порядку и, въ особенности, чтобъ она не забыла зайти къ намъ на квартиру около 15, когда Ческо, навѣрное, уже будетъ дома.

Послѣ я узнала, что она все-таки напутала, не поняла, что такое 15 и пришла къ 5 часамъ, когда Ческо уже ушелъ, не дождавшись ея.

На другой день, 24-го, Ческо уѣхалъ въ Болонью, а дѣти, какъ всегда, въ Лидо. Тогда Фердинандъ, прислуживая мнѣ за обѣдомъ, сказалъ мнѣ наконецъ обѣщанный секретъ.

— Да будетъ извѣстно синьорѣ-графинѣ, что графъ изволили приказать мнѣ, когда барыня уѣдутъ съ дѣтьми въ Швейцарію, очистить квартиру въ Болоньѣ и перевести все въ Падую. Изъ-за этого онъ и позволяетъ вамъ взять съ собой дѣтей.

Я окаменѣла на мѣстѣ. Такого коварства со стороны Ческо я не ожидала. Такъ его снисходительность объясняется просто тѣмъ, что у него былъ тайный умыселъ сплавить насъ всѣхъ подальше, перебраться въ Падую и такимъ образомъ заставить меня переѣхать туда. Блѣдная, какъ мертвецъ, вся дрожа, я съ ужасомъ смотрѣла на лакея, а тотъ продолжалъ разсказывать мнѣ, какія обидныя слова и угрозы высказывалъ при этомъ мой мужъ, какъ дурно онъ отзывался и обо мнѣ, и о моихъ отцѣ и матери, и каждое злое слово въ устахъ лакея вдвойнѣ жгло мнѣ сердце.

Во всякомъ случаѣ,—говорила я себѣ потомъ, стараясь не терять мужества,—въ Падую я не поѣду. Или попрошу папу уступить—взять Ческо въ ассистенты, или же начну процессъ о разводѣ. Теперь я уже не боюсь его. Но зачѣмъ такъ низко поступать? Постоянно дѣйствовать за спиной?... Ну, да конечно, надо было это предвидѣть: онъ заставилъ меня уничтожить разводную, чтобы опять забрать въ руки, нарушилъ всѣ свои обѣщанія, скрѣпленныя присягой; само-собой и за этимъ предложеніемъ взять на 2 недѣли дѣтей должно было таиться предательство.

Долгіе часы я бродила по дому, разговаривая вслухъ сама съ собой, какъ безумная. Я была нервно возбуждена, дрожала, какъ въ лихорадкѣ; жизнь моя казалась мнѣ нескончаемой цѣпью горестей; въ мужѣ я видѣла теперь только врага, преслѣдовавшаго меня не-

устанно и безпощадно. О, еслибъ можно было сбросить съ себя гнетущее бремя жизни—умереть, уйти навсегда! Не видѣть больше злыхъ людей, не страдать отъ человѣческой злобы! Увы, я была крѣпко привязана къ жизни дѣтьми. Я не смѣла оставить имъ въ наслѣдство такое горькое воспоминаніе.

Вотъ какія мысли бродили у меня въ головѣ въ эти ужасные, незабвенные дни. По всей вѣроятности, я преувеличивала; этотъ разсказъ лакея такъ сильно повліялъ на меня, что я утратила способность судить трезво... Но подъ этимъ тяжелымъ впечатлѣніемъ я написала матери о довольно-таки безумномъ планѣ, невѣдомо какъ сложившемся у меня въ умѣ. Я предлагала мамѣ уѣхать со мной и съ дѣтьми далеко, говоря, что тогда Ческо не сможетъ отнять ихъ отъ меня. А я подамъ на него въ судъ за нарушеніе присяги и буду требовать развода, и чтобы дѣтей отдали мнѣ... Ужъ не помню даже хорошенько, что̀ именно я писала въ этомъ письмѣ, но какъ сейчасъ вижу себя въ этомъ состояніи страшной экзальтаціи. Весь день я не могла проглотить ни крошки, ночью не сомкнула глазъ, ворочалась съ боку-на-бокъ, обдумывая самые невыполнимые планы. Да, да, это будетъ лучше всего—уѣхать куда-нибудь далеко вмѣстѣ съ мамой въ такое мѣсто, гдѣ бы Ческо не нашелъ насъ. Посмотримъ тогда, какъ онъ вырветъ у меня дѣтей!

Утромъ 25-го я получила телеграмму, подписанную *Борги*. Такъ иногда подписывался Секки въ письмахъ ко мнѣ. Но какимъ образомъ телеграмма могла придти изъ Римини? Содержаніе ея еще больше поставило меня втупикъ. Повидимому, это былъ отвѣтъ на письмо, посланное мной наканунѣ матери. Значитъ, телеграмма изъ дому, но почему же она подписана *Борги*?

Пока я терялась въ догадкахъ, пришла другая телеграмма, подписанная именемъ Маріи Параццоти—имя, которымъ назвалась у насъ въ домѣ Розина Бонетти.

Значитъ, обѣ телеграммы были изъ дому, скорѣй всего, отъ брата. Но меня все мучило сомнѣніе—не отъ Секки ли первая телеграмма, хотя я и знала, что онъ гоститъ въ Кастильоне. Чтобы выяснить это, я послала еще одно заказное письмо Нино, прося его разъяснить загадку, не подозрѣвая, *что мой бѣдный братъ выѣхалъ ко мнѣ въ Венецію*. Заказное письмо это, отправленное изъ Венеціи въ 2 часа пополудни, пришло въ Римини въ 9 часовъ вечера, т.-е. *пять часовъ спустя* послѣ отъѣзда брата!

И Нино въ этомъ письмѣ я разсказывала о своихъ новыхъ тревогахъ и о своемъ планѣ увезти дѣтей, такъ какъ юристы говорили

мнѣ, что при разводахъ преимущество всегда оказывается на сторонѣ того изъ супруговъ, у кого находятся дѣти.

Весь вечеръ и всю ночь меня терзали сомнѣнія и страхъ; я ждала вѣстей изъ дому, чтобы знать, какъ отнесутся наши къ моему проекту. Утромъ пришли двѣ открытки—*послѣднія отъ бѣднаго Ческо*; я запомнила ихъ слово въ слово, хотя въ то утро едва взглянула на нихъ.

Первая была изъ Болоньи, помѣченная 22 августа 1902 г.

«Милая Линда, моя поѣздка въ Болонью оказалась совершенно напрасной. М. (Марія Параццоти, т.-е. Бонетти), ждалъ до пяти часовъ, но такъ и не дождался. Пошелъ заплатить деньги за квартиру, но управляющаго не засталъ, а прислуга сказала, что ничего не знаетъ, и не рѣшилась взять денегъ».

«Какъ чувствуетъ себя Ф. (Фердинандъ)? Онъ сегодня оступился, провожая меня, и ушибъ себѣ ногу.

Поцѣлуй дѣтямъ и привѣтъ тебѣ.

Ческо».

«P. S. Здѣсь попрежнему страшный холодъ».

Вторая открытка, отъ 25-го, гласила:

«Дорогая Линда, посылаю тебѣ второе письмецо, чтобы сказать, что ты можешь адресовать письма въ гостиницу въ Миланъ; я засталъ здѣсь адвоката Ц., который также ѣдетъ туда. Въ Венецію разсчитываю вернуться во вторникъ вечеромъ къ 7-ми. Въ Болоньѣ мнѣ и въ театрѣ не повезло: вмѣсто «Миньоны», по болѣзни одной пѣвицы, давали «Сельскую честь», и я не захотѣлъ ее слушать.

Поцѣлуй дѣтокъ, привѣтъ тебѣ.

Ческо.

«P. S. Если надо за твоимъ платьемъ еще разъ заѣхать въ Болонью, дай мнѣ знать. Я буду тамъ во вторникъ около трехъ.

Повторяю, этимъ открыткамъ тогда я не придала никакого значенія, и даже не отвѣтила Ческо,—такъ я была возмущена его поведеніемъ. Что мнѣ было теперь до платья и до всего остального! Мнѣ и въ Швейцарію уже не хотѣлось ѣхать. Я мечтала объ одномъ: убѣжать къ своимъ, къ отцу, какъ только онъ одобритъ мой планъ.

Утромъ 26-го я вскочила съ постели и, накинувъ на себя капотъ, перешла въ уборную. Вернувшись къ себѣ въ спальню, я очень удивилась, увидавъ Бонетти, бесѣдовавшую съ одной изъ моихъ горничныхъ. Прежде чѣмъ я успѣла ротъ раскрыть, она сама заговорила, путаясь въ объясненіяхъ, говоря, что она ничего не поняла въ моемъ письмѣ, не застала графа, не знала, какъ быть съ платьемъ и т. п. Видя, какъ она путается, я еще больше удивилась и увела ее въ д у-

гую комнату, чтобы разспросить. Тогда она сунула мнѣ въ руку записку...

Записка была отъ Нино. Онъ извѣщалъ, что пріѣхалъ въ Венецію посовѣтоваться и утѣшить меня, но, не *желая встрѣчаться съ Ческо* до разговора со мной, прислалъ предупредить меня, что до 9 онъ ждетъ меня въ Флоріанѣ, а затѣмъ въ городскомъ саду. Хотя Ческо и былъ въ отъѣздѣ, мнѣ показалось неудобнымъ позвать Нино къ себѣ, такъ какъ пришлось бы объяснять его пріѣздъ, и я сказала Бонетти, что пойду къ нему. Но пока я одѣвалась, обувалась, отправляла дѣтей въ Лидо и отдавала приказанія кухаркѣ, время ушло, и я вышла изъ дому только въ ½ десятаго, такъ что направилась прямо въ садъ.

Я застала брата взволнованно шагавшимъ взадъ и впередъ. Увидя меня, онъ былъ пораженъ перемѣной, происшедшей во мнѣ за эти 4 дня.

— Да что съ тобой? Ты блѣдна, какъ мертвецъ! — воскликнулъ онъ.

Возможно. За эти безсонныя ночи и тревожные дни я совсѣмъ извелась. Видя, какъ братъ блѣднѣетъ отъ испуга, глядя на меня, я почувствовала, что глаза мои полны слезъ.

— Ничего, Нино, ничего. Все уладится... Но ты, зачѣмъ ты пріѣхалъ?

Вмѣсто отвѣта онъ опять зашагалъ по дорожкамъ. Я пошла рядомъ съ нимъ, и нѣкоторое время мы шли молча, какъ бы стараясь движеніемъ заглушить нашу тревогу.

— Я получилъ твое письмо въ Болоньѣ,—говорилъ онъ,—незадолго до выѣзда въ Венецію. Мнѣ его переслала мама черезъ Далла. И я пріѣхалъ, чтобы помѣшать тебѣ сдѣлать глупость.

— Значитъ, обѣ телеграммы были отъ тебя?

— Да, ты писала мамѣ, что хочешь бѣжать вмѣстѣ съ дѣтьми. Но, несчастная, ты не знаешь, что тогда Ческо можетъ окончательно погубить тебя, обвинивъ тебя въ томъ, что ты первая покинула семейный кровъ. Тогда судъ вынесетъ приговоръ въ его пользу и присудитъ ему дѣтей.

Я стала спорить, приводить слова юристовъ, съ которыми я совѣтовалась раньше, доказывать, что если я ушла къ отцу изъ-за нарушенія мужемъ присяги, вина не можетъ быть на моей сторонѣ.

Но Нино волновался, повторяя мнѣ, что этимъ я ничего не добьюсь, а только погублю себя. Кончилось тѣмъ, что я, совершенно обезсиленная и разстроенная всѣмъ, горько разрыдалась. Бѣдный братъ

совершенно растерялся отъ моихъ слезъ; пытался подбодрить меня, но я, рыдая, говорила:

— Что же ты хочешь, чтобы я дѣлала? У меня нѣтъ больше силъ бороться,—что я ни предпринимаю, все выходитъ еще хуже. Ахъ, если бы не дѣти, я бы покончила, ей Богу, покончила бы съ этой несчастной жизнью.

При этихъ неосторожныхъ словахъ братъ страшно измѣнился въ лицѣ и выговорилъ уже совершенно другимъ голосомъ, рѣзкимъ, рѣшительнымъ:

— Я самъ покончу съ этимъ! Или онъ думаетъ, что ты одна на свѣтѣ. Я хотѣлъ съ нимъ поладить добромъ, я перебралъ всѣ средства, и въ результатѣ онъ сталъ еще заносчивѣе. Ну, такъ теперь я заговорю съ нимъ по другому.

Угрозы были тѣ же, которыя я много разъ слышала изъ устъ брата, но звучали онѣ теперь совершенно иначе. Я поблѣднѣла отъ страха и сдержала слезы.

— Нѣтъ, мой бѣдный Нино,—сказала я, беря его подъ руку,—не говори такъ. Это я виновата, мнѣ не слѣдовало такъ огорчать тебя, но это оттого, что я стала такая слабая. Я послѣдую твоему совѣту, я буду мужественна: ты увидишь, что все уладится.

— Нѣтъ, нѣтъ,—повторялъ онъ упрямо и рѣзко,—я самъ сейчасъ же поговорю съ нимъ.

Но я ему сказала, что Ческо нѣтъ въ Венеціи и, не желая, чтобы они встрѣтились, такъ какъ въ открыткѣ мужъ извѣщалъ меня, что онъ вернется въ этотъ же вечеръ, во вторникъ, убѣждала Нино уѣхать сейчасъ же.

Искаженное лицо и взволнованный обрывающійся голосъ брата напомнили мнѣ одну загадочную фразу Секки, который однажды сказалъ мнѣ таинственнымъ тономъ:

— Смотри, какъ бы Нино не выкинулъ какой-нибудь *штуки!*

Увѣренная, что я лучше его знаю своего брата, котораго считала вспыльчивымъ, но добрымъ, я тогда не обратила вниманія. Но теперь передо мною былъ другой Нино, угрюмый, мрачный, съ какой-то упорной злобной мыслью въ головѣ. Я трепетала за этого другого—и за всѣхъ насъ, и раскаивалась, что взволновала своими слезами эту слишкомъ пылкую душу, обезумѣвшую отъ жалости и любви.

— Послушай, Нино, это страшно глупо съ моей стороны, что я такъ волнуюсь,—сказала я, заставивъ себя улыбнуться;—право, я стала, точно ребенокъ, но тутъ ужъ надо принять въ разсчетъ мои нервы. У меня образовалась скверная привычка видѣть все въ мрачномъ свѣтѣ. Собственно говоря, если подумать хорошенько, то вы-

ходитъ, что намъ и не придется даже обращаться въ судъ. Я увѣрена, что папа, увидѣвъ, что дѣло приняло серьезный оборотъ, предоставитъ Ческо это злополучное ассистентство, и все устроится. Да, наконецъ, если бы даже и пришлось обратиться въ судъ, ну что-жъ такое? Не я первая, не я послѣдняя. Ты совершенно правильно сказалъ, что я не одна на свѣтѣ; вы всѣ мнѣ поможете. Совершенно не стоитъ изъ-за этого такъ терзаться.

Я улыбалась, держа его за руку и заглядывая ему въ глаза, и онъ, блѣдный, тоже улыбался мнѣ въ отвѣтъ. Мнѣ казалось, что онъ успокоился. Осталась только блѣдность въ лицѣ да болѣзненная складка на лбу.

— Поговоримъ о другомъ, мой Нино. Какой ты добрый, что пріѣхалъ ко мнѣ, хотя безъ этого, право, можно было бы обойтись, дорогой мой. Теперь у меня все прошло. Впрочемъ, это все-таки хорошо, что ты пріѣхалъ. Ты поддержалъ меня, и теперь мои нервы не станутъ больше шалить. Разскажи мнѣ что-нибудь о себѣ. Что твоя свадьба? Когда ты думаешь вѣнчаться? Давай присядемъ, я такъ устала.

Все это время, пока мы разговаривали, Бонетти сидѣла на скамейкѣ въ ожиданіи, пока мы кончимъ. Мы подсѣли къ ней. Нино въ самомъ дѣлѣ какъ будто успокоился и ласково улыбался мнѣ.

— Ну, такъ какъ же, Нино? Разсказывай. Въ самомъ дѣлѣ, когда обрученіе? Ты помнишь, ты вѣдь обѣщалъ мнѣ поторопиться.

Въ своемъ стараніи какъ-нибудь разсѣять брата и навести его на болѣе веселыя мысли, я совсѣмъ забыла о присутствіи бѣдняжки Розины, которая, услыхавъ мои слова, неожиданно горько заплакала. Нино молчалъ, но я стала утѣшать ее, повторяя то, что уже говорила много разъ.

— Надо примириться съ этимъ, милочка; вѣдь ты мнѣ обѣщала быть благоразумной. Не можешь же ты всю жизнь держать при себѣ Нино. Если ты будешь доброй, ты всегда найдешь во мнѣ друга, потому что я помню, какъ ты была добра къ моему брату. Но если ты начнешь его мучить, ты и ему опротивѣешь, и я предоставлю тебя собственной участи.

Понемногу успокоилась и она, и разговоръ перешелъ на менѣе грустныя темы. Я посовѣтовала Нино ѣхать съ 2-хчасовымъ поѣздомъ, что онъ и сдѣлалъ, и пообѣщала ему при этомъ, что поѣду въ Швейцарію съ дѣтьми, какъ было условлено раньше. Пусть Ческо перевозитъ обстановку въ Падую, я не стану мѣшать ему, потомъ посовѣтуюсь съ хорошимъ адвокатомъ и тогда уже начну дѣйствовать такъ или иначе.

Я успокоилась, Нино тоже—такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось, мы простились, и онъ уѣхалъ...

И ничего, ничего не подсказало мнѣ сердце. Не предупредило меня, въ какую страшную бездну толкаетъ насъ судьба. Нино, мой Нино, не сумѣла я въ эту минуту прочесть въ твоихъ глазахъ затаенной мысли и насильно удержать тебя въ своихъ объятіяхъ... Я отпустила тебя, о, братъ мой, братъ мой!

XXVIII.

Одно слово въ его защиту.

Еслибъ обвиненіе не обладало привилегіей утверждать нелѣпости, мнѣ кажется—достаточно было бы моего письма къ мамѣ отъ 24-го, двухъ телеграммъ, полученныхъ мною 25-го утромъ, моего письма къ Нино, посланнаго 25-го вечеромъ, двухъ открытокъ бѣднаго Ческо и пріѣзда Нино вмѣстѣ съ Бонетти 26-го, чтобъ убѣдить всѣхъ добросовѣстныхъ людей, что между нами не было никакого преступнаго уговора. Дѣйствительно, обвиненіе утверждаетъ, что преступный замыселъ долженъ былъ быть приведеннымъ въ исполненіе 24. Почему же онъ не былъ осуществленъ, когда я уже за недѣлю до того, т. е. 17, знала,—а, слѣдовательно, должны были знать и мои *сообщники,*—что несчастная жертва въ этотъ день, 24, *по своей доброй волѣ* явится на мѣсто, назначенное для преступленія. Вѣдь уже приготовлены были и деньги, чтобъ оплатить услуги *«наемнаго убійцы»,* и этотъ послѣдній еще за мѣсяцъ до этого зналъ, что ему надо будетъ обдѣлать *дѣло,* которое дастъ ему возможность уѣхать въ Египетъ.

Чего же ради было мнѣ писать въ этотъ самый день 24-го отчаянное письмо своей матери, если я, въ качествѣ сообщницы, хотя и *не необходимой*, знала, какъ близко мое освобожденіе отъ ига супружества?

И если мы съ Нино были сообщниками, зачѣмъ же было ему 25-го посылать мнѣ двѣ телеграммы, за чужой подписью—изъ опасенія, какъ бы онѣ, попавъ въ руки Ческо, не выдали ему моего замысла бѣжать? И зачѣмъ ему было брать съ собою неудобную свидѣтельницу—Бонетти, когда онъ долженъ былъ знать *отъ меня*, что мужъ мой находится не въ Венеціи, а въ Миланѣ, и въ Венецію вернется только 26-го вечеромъ?

И какъ же я то, если я дѣйствительно была сообщницей моего брата въ той или иной степени,—какъ я не дала ему всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній, когда я въ это время писала домой по два письма въ день? И почему я 25-го утромъ, получивъ открытки отъ мужа, вмѣ-

сто того, чтобъ посылать Нино заказное письмо и просить у него объясненія телеграммъ, вмѣсто того не сообщила ему, что наша жертва сама вызывается еще разъ явиться на мѣсто закланія, такъ какъ Ческо же предлагалъ мнѣ, если я хочу, заѣхать въ Болонью за моимъ костюмомъ. Могли ли мы, *сообщники,* разсчитывать на болѣе удобный случай?

Не будь даже въ моемъ печальномъ процессѣ всѣхъ этихъ и другихъ невѣроятностей и неправдоподобій, надъ которыми, однако, судьи не удостоили задуматься, посмотрите, на какой слабой тѣни уликъ держится все обвиненіе въ преступномъ уговорѣ. Ибо развѣ между нѣжно любящими братомъ и сестрой, связанными тридцатилѣтней дружбой и общеніемъ, письма, телеграммы и визиты могутъ казаться подозрительными и служить уликами? Вѣдь всѣ вышеизложенные факты свидѣтельствуютъ только объ одномъ—о безмѣрной любви между нами, но никакъ не объ уговорѣ. Почему же не считаться съ этимъ, какъ съ доказательствами въ нашу пользу, и вмѣсто того придумывать самыя неправдоподобныя, нелѣпѣйшія обвиненія?

Здѣсь передъ вами бѣдный мертвецъ и живой, еще болѣе несчастный, который говоритъ вамъ: «*Я убилъ одинъ*». Это фактъ, это правда. Зачѣмъ же непремѣнно стараться сдѣлать непонятнымъ поступокъ, объясняющійся сумасброднымъ и экзальтированнымъ характеромъ моего брата, превращая его въ невозможное сплетеніе умственныхъ и нравственныхъ противорѣчій, а главное, умножая число жертвъ?

Довольно было знать, до какой степени возбужденія способенъ былъ доходить бѣдный Нино, чтобы понять, какое смятеніе вызвали въ его душѣ мои рыданія, мое горе, котораго я не имѣла силы, да и не считала нужнымъ скрывать—мнѣ казалось такимъ естественнымъ плакать при братѣ, все равно какъ при отцѣ и матери.

Изъ любви ко мнѣ братъ, несомнѣнно, преувеличивалъ мое несчастье. Но если оглянуться назадъ, на его жизнь, мы вездѣ найдемъ ту же болѣзненную способность возбуждаться. И ребенкомъ, и юношей Нино положительно не выносилъ насилія надъ слабыми и тотчасъ кидался на помощь, способный въ такія минуты на всякое безразсудство. По временамъ, казалось, его душа, младенчески нѣжная и кроткая, уступала мѣсто другой—властной и злобной.

Порывы дикой злобы смѣнялись порывами безумнаго раскаянія, т. же не соотвѣтствовавшаго размѣрамъ сдѣланнаго зла, и тогда онъ, в рослый мужчина, обливался слезами, плакалъ, какъ дитя. Я была е кумиромъ, его товарищемъ въ работѣ, подругой его игръ. Онъ

съ дѣтства привыкъ любовно оберегать меня и не могъ видѣть, когда меня била мама.

Онъ вообще не переносилъ заносчивости и выговоровъ, хотя бы и заслуженныхъ. Для него было прямо страданіемъ, когда бранили слугъ, и самъ онъ никогда этого не дѣлалъ; его собственный гнѣвъ и нетерпѣніе проявлялись только по отношенію къ равнымъ, и то онъ сейчасъ же раскаивался, даже когда былъ совершенно правъ, и спѣшилъ утѣшить шутливымъ или добрымъ словомъ обиженнаго. Онъ обожалъ нашу мать и никому не позволялъ сказать слово противъ нея, но когда она устраивала «сцену» мнѣ или кому-нибудь изъ горничныхъ, онъ сейчасъ же вступался за насъ.

Въ школѣ онъ съ первыхъ дней былъ прозванъ защитникомъ угнетенныхъ, и, какъ мнѣ разсказывалъ одинъ изъ его учителей, дававшій мнѣ частные уроки, его преслѣдовали за это насмѣшками. Не разъ доходило и до кулачной расправы, и однажды, помню, Нино вернулся домой съ подбитымъ, распухшимъ глазомъ.

Его требованія по отношенію къ слугамъ были сведены до минимума. Не говоря уже о томъ, что онъ никогда не бранилъ ихъ, даже, когда они забывали сдѣлать самое необходимое, какъ, напримѣръ, убрать комнату, или постелить постель; такъ называемыхъ, личныхъ услугъ онъ и совсѣмъ не допускалъ: самъ одѣвался, умывался, чистилъ себѣ сапоги и приносилъ воду для умыванія, говоря, что не слѣдуетъ злоупотреблять тѣмъ, что эти бѣдняки нуждаются въ нашихъ деньгахъ. Разъ только въ Римини братъ самъ жестоко напалъ на нѣмку-бонну, поймавъ ее на томъ, что она бранила Марію, тогда еще совсѣмъ маленькую. Я, полушутя, полусерьезно стала выговаривать ему за то, что онъ былъ слишкомъ рѣзокъ, но онъ говорилъ:

— Бѣдная дѣтка, вѣдь она не можетъ защитить себя, не можетъ даже разсказать тебѣ, что съ ней дѣлаютъ. Долженъ же я вступиться за нее. Не знаю, какъ я удержался, чтобы не дать по физіономіи этой нѣмкѣ!

Одно изъ главныхъ его огорченій въ прошломъ, если не самое главное, было то, что онъ изъ-за мамы не участвовалъ въ войнѣ за освобожденіе грековъ,—если не ошибаюсь, въ 1895 году. Онъ былъ страшно огорченъ и со слезами жаловался мнѣ, что это было безсовѣстно со стороны мамы удержать его угрозой, что она умретъ отъ горя. Его энтузіазмъ вытекалъ изъ двухъ источниковъ, одинаково для него важныхъ: греки были угнетеннымъ народомъ и Греція была родиной Гомера, котораго онъ обожалъ, говоря, что это авторъ *единственнаго произведенія, самаго правдиваго и прекраснаго, какое только существуетъ на землѣ.*

Вслѣдствіе людской забывчивости и неблагодарности, а также естественнаго въ посторонних людяхъ нежеланія фигурировать въ чужомъ дѣлѣ въ качествѣ свидѣтелей, служа мишенью взглядовъ и комментаріевъ, почти всегда враждебныхъ, на судѣ не была выяснена истинная сущность характера бѣднаго Нино. Я бы хотѣла разсказать о немъ какъ можно подробнѣе, но въ моемъ распоряженіи недостаточно фактовъ, или же они недостаточно точны, такъ какъ жизнь моего брата была разнообразна, и онъ не разсказывалъ другимъ о своихъ порывахъ великодушія, какъ равно и о своихъ вспышкахъ гнѣва. И всетаки я *знаю*, что онъ былъ добръ, что онъ по натурѣ *очень добрый* человѣкъ. Я знаю—это слово не имѣетъ опредѣленнаго значенія, и имъ слишкомъ часто злоупотребляютъ. Но никакимъ инымъ словомъ я не могу лучше опредѣлить его чувствительности, сострадательности и благороднаго альтруизма, побуждавшаго его сплошь и рядомъ забывать о себѣ ради тѣхъ, кто нуждался въ немъ. Я знаю много случаевъ, когда онъ выступалъ защитникомъ на судѣ и не только не бралъ ни копейки со своего подзащитнаго, но еще самъ помогалъ ему деньгами. Вообще своей профессіей адвоката онъ пользовался лишь для того, чтобы защищать своихъ политическихъ единомышленниковъ, не имѣвшихъ средствъ нанять платнаго защитника.

Еслибъ Далла, нашъ добрый Далла, не такъ боялся скомпрометтировать себя (нашъ процессъ подѣйствовалъ развращающимъ образомъ и на лучшихъ людей), онъ могъ бы привести много примѣровъ великодушія Нино, а равно и его безразсудныхъ порывовъ. Въ Римини братъ мой вытащилъ его утопающаго изъ воды, самъ рискуя жизнью... Или нашъ другъ Далла уже забылъ объ этомъ? А помнитъ ли онъ вспыльчивость Нино, его безумные необъяснимые приливы гнѣва, совершенно не соотвѣтствовавшіе по размѣрамъ вызвавшей ихъ причинѣ? А его дуэль въ 1901 г. съ Джентили изъ-за какихъ-то пустяковъ—дуэль, въ которой Далла былъ его секундантомъ? За эту дуэль отецъ долго и серьезно сердился на Нино и его услужливаго пріятеля, такъ какъ дуэль противорѣчила всѣмъ его нравственнымъ принципамъ; но братъ огорчался этимъ не столько за себя, сколько за друга.

Что до вспышекъ гнѣва Нино, которыя я объясняю чрезмѣрною нервностью и особенностями душевнаго склада, въ которомъ играла роль и наслѣдственность,—о, какъ часто въ дѣтствѣ онъ пугалъ насъ ими! Эттоpe Вакки, выросшій у насъ въ домѣ, могъ бы разсказать о такихъ безразсудныхъ вспышкахъ по адресу какого-нибудь большого, который, разсердившись на отца за то, что ему пришлось

нѣсколько разъ придти напрасно (отецъ очень рѣдко принималъ больныхъ дома), ругалъ доктора въ передней, думая, что его никто не услышитъ, тотъ же Этторе Вакки помнитъ, конечно, какъ однажды какой-то господинъ, не заставъ отца, выругалъ дуракомъ лакея, и братъ безъ шапки выбѣжалъ на улицу, *чтобъ проучить нахала*.

А какъ однажды Нино на костюмированномъ *корсо* разогналъ палкой цѣлую компанію масокъ только за то, что одинъ изъ замаскированныхъ стукнулъ зонтикомъ по головѣ мальчугана, который попросилъ у него конфетку. И сколько такихъ фактовъ я могла бы привести и еще больше меня другіе его друзья, чаще меня бывавшіе съ нимъ, облагодѣтельствованные имъ и даже обиженные имъ. Потому что и самыя эти обиды не могутъ быть поставлены ему въ укоръ: онѣ свидѣтельствовали не о дурныхъ инстинктахъ, но лишь о неумѣньи обуздывать себя даже въ стремленіи къ добру. Для того, чтобы придти въ возбужденіе, брату не нужно было серьезнаго повода. Его вспышки гнѣва были очень коротки, и онъ скоро успокаивался, такъ какъ имъ руководила не ненависть къ обидчику, но лишь сочувствіе къ обиженному. Когда же обижали его самого, онъ только смѣялся и не реагировалъ иначе. И кто бы повѣрилъ, что этотъ насильникъ, этотъ убійца способенъ быть нѣжнымъ и мягкосердечнымъ, какъ ребенокъ. Съ нимъ бывали иногда безпричинные приливы безпричинной тоски, отвращеніе къ жизни и къ друзьямъ, ко всему привычному складу жизни, и такіе же безпричинные страхи. Онъ боялся темноты, вѣрилъ въ привидѣнія, хоть и смѣялся надъ ними въ нашемъ присутствіи. Этотъ насмѣшникъ, повидимому, всегда и надъ всѣмъ издѣвавшійся, способенъ былъ плакать отъ жалости и любви. Странныя противорѣчія уживались въ этой бѣдной душѣ! Даже я, страшно любившая Нино, находила, что отецъ правъ, называя его сумасбродомъ. Это была страшно неуравновѣшанная натура. И все же, повторяю, онъ былъ добръ и великодушенъ до героизма—своего рода Донъ-Кихотъ, опоздавшій родиться на цѣлое столѣтіе.

Въ моей печальной жизни онъ видѣлъ изо дня въ день, изъ года въ годъ, накопленіе обидъ и несправедливостей, и негодованіе его съ каждымъ днемъ росло и крѣпло. Не успѣвало погаснуть возмущеніе по поводу одного факта, какъ уже налицо оказывался другой, не мѣнѣе возмутительный. Одного этого достаточно для меня, чтобы объяснить, не говорю: оправдать—его безумный порывъ.

Тогда я не понимала, до какой степени онъ кипитъ негодованіемъ. Бѣдный братъ душилъ въ себѣ свой гнѣвъ и боль, чтобъ не огорчить родителей, которые и безъ того изболѣлись за меня душою. Самые снисходительные винятъ меня въ томъ, что я не умѣла стра-

дать молча. Пусть такъ! Я тоже виню себя, что не была ни-святой, ни героиней, а просто слабой женщиной, которая, какъ *всѣ женщины*, оплакиваетъ на груди отца и матери свою неудавшуюся жизнь, свои разбитыя надежды. Скажу только одно въ свою защиту, потому что не хочу прослыть плаксивой бабенкой, натравливающей своихъ родныхъ на мужа: я молчала шесть лѣтъ и когда заговорила, то только о томъ, чего нельзя было скрыть, потому что оно все равно било въ глаза, и мои родные, помимо моихъ жалобъ, видѣли, что моя жизнь сложилась несчастливо. И еще скажу: именно брату я жаловалась очень рѣдко. Брату женщина *не можетъ* многаго разсказать о своихъ тайныхъ обидахъ, которыя угадаетъ только любящее сердце матери. Къ тому же братъ мой мало бывалъ дома; я видѣлась съ нимъ не часто и ненадолго,—откуда же могли взяться между нами сердечныя изліянія, для которыхъ нужно и время, и подходящія условія. О мужѣ я говорила съ нимъ всего рѣже, и случалось даже, что Нино бралъ его подъ свою защиту, какъ всегда, слегка иронизируя и смѣясь своимъ пѣвучимъ смѣхомъ. Во всякомъ случаѣ *ненависти* къ бѣдному Ческо не было въ его душѣ. Своимъ преступленіемъ онъ хотѣлъ только исправить жестокую несправедливость судьбы, соединившей на всю жизнь двѣ совершенно разныя натуры—лебедя и щуку. Только въ ноябрѣ 1901 г. Нино написалъ мнѣ нѣсколько словъ осужденія по адресу моего мужа; въ апрѣлѣ того же года въ письмѣ къ одной нашей общей знакомой онъ, кажется, въ первый разъ ясно выразилъ свое горе при видѣ моихъ страданій, но никого при этомъ не обвиняя. Въ этомъ письмѣ бѣдный Нино пишетъ:

«Не могу сказать вамъ, какъ я мучаюсь, видя мою бѣдную сестру всегда больной и такъ глубоко несчастной и не умѣя ничѣмъ ей помочь. *Я люблю ее безгранично*, какъ и моихъ родителей, и даже больше ихъ, потому что здѣсь къ любви присоединяется жалость къ этому бѣдному созданію *безъ крови, безъ мяса на костяхъ*, безъ радости, явившемуся на свѣтъ, повидимому, только для того, чтобы страдать.

«Даже обидно чувствовать себя такимъ сильнымъ и не имѣть возможности перелить въ нее часть моей крови!

«Если бы я могъ выместить на комъ-нибудь тѣ муки, которыя она терпитъ, я бы сегодня же сдѣлался преступникомъ».

Но это были, очевидно, случайныя, скоро проходившія вспышки. Помню, напримѣръ, лѣтомъ 1902 г., когда отецъ въ моемъ присутствіи огорчался состояніемъ моего здоровья и тѣмъ, что мой мужъ не хочетъ оставить меня въ покоѣ, Нино грозился *проучить* его и «*здутъ на совѣсть*», какъ онъ выражался. Никто тогда не при-

далъ этому значенія; только отецъ встревожился и выругалъ Нино сумасшедшимъ, да и то онъ предполагалъ самое большее, что между ними на самомъ дѣлѣ можетъ произойти потасовка. Кому же могла придти на умъ страшная правда? Я увѣрена, что и самъ Нино *тогда* не думалъ ничего подобнаго. По всей вѣроятности, онъ представлялъ себѣ, что онъ можетъ рѣшить этотъ вопросъ съ зятемъ, какъ бывало въ школѣ между товарищами—обмѣнявшись рѣзкими словами и ударами. Потому что въ сущности бѣдный Нино, такой большой и сильный, все еще оставался мальчикомъ. Но эта мысль запала въ его душу и принесла ужасный, кровавый плодъ.

Помню также, что нѣкоторое время Нино выказывалъ такое равнодушіе къ нашему семейному разладу, что отецъ даже упрекалъ его въ эгоизмѣ, а онъ только смѣялся въ отвѣтъ своимъ полудѣтскимъ пѣвучимъ смѣхомъ. А въ 1902 г., какъ я уже разсказывала, Нино больше всѣхъ стоялъ за примиреніе и даже былъ посредникомъ между нами. Развѣ это не доказываетъ, что онъ, бѣдный, никого не ненавидѣлъ, но все время боролся противъ навязчивой идеи? Я бы хотѣла обладать краснорѣчіемъ нашихъ лучшихъ адвокатовъ, чтобы описать всю борьбу, происходившую въ этой бѣдной душѣ между разумомъ и безразсудными порывами. Да, онъ оправдывалъ себя софизмами, считая себя мстителемъ за поруганную справедливость, но эти софизмы вытекали изъ чувства безконечной жалости и любви; неотвязная мысль медленно, постепенно врастала въ его душу, и наконецъ захватила ее цѣликомъ, не оставивъ доступа никакимъ другимъ соображеніямъ. Теперь, когда я день за днемъ перебираю мою встрѣчу съ братомъ, котораго я всегда видѣла веселымъ, съ ласковой улыбкой на губахъ, не догадываясь, какая страшная борьба шла у него на душѣ, у меня всплываютъ въ памяти отдѣльныя мимолетныя впечатлѣнія, факты, слова, которымъ я тогда не придавала значенія, но которыя теперь бросаютъ страшный свѣтъ на прошлое. *Теперь я понимаю*, что всѣ эти три года онъ одиноко переживалъ свою мучительную внутреннюю борьбу и, когда брали верхъ добрые инстинкты, онъ хлопоталъ о нашемъ примиреніи, и съ каждымъ приливомъ негодованія укоренялась въ душѣ злая мысль. Разумъ, вмѣсто того чтобы смягчить эту борьбу, только разжигалъ ее своимъ обычнымъ доводомъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ насиліе является правомъ. И за этимъ софизмомъ человѣкъ, отъ природы добрый, не видѣлъ всего ужаса поступка, который онъ безсознательно уже готовился совершить, представляя его себѣ актомъ справедливости, за который не жалко отдать и собственную жизнь.

Мой несчастный братъ, безъ сомнѣнія, переживалъ тотъ же самый психическій процессъ, какой во всѣ вѣка переживали и переживаютъ великодушные экзальтированные люди, жертвующіе собой для устраненія тирановъ; а Ческо въ его глазахъ сталъ тираномъ по отношенію ко мнѣ и ко всѣмъ намъ. *Такъ* я понимаю это теперь, потому что знаю факты, потому что слышала на судѣ страшную правду изъ его собственныхъ устъ. Но еслибъ я не слыхала его голоса, не видала своими глазами, какъ дрожали мускулы въ его лицѣ и какъ шевелились его губы во время этой страшной исповѣди, я бы все еще сомнѣвалась; даже и теперь мнѣ часто кажется, что это страшный сонъ, что меня давитъ отвратительный кошмаръ, отъ котораго я избавлюсь, проснувшись. Ахъ, мнѣ уже не суждено проснуться, или проснусь я только для того, чтобы уснуть еще болѣе страшнымъ сномъ. Но теперь я уже *понимаю*. А тогда его молчаніе, веселый видъ, улыбка отгоняли отъ насъ всякія подозрѣнія. Я безсознательно разжигала его возбужденіе разсказами о своихъ несчастіяхъ или даже просто своимъ видомъ,— но не могла же я сдѣлать такъ, чтобы на моемъ лицѣ не отражалось внутреннее истощеніе и въ глазахъ тоска моей души.

Разжигала его и мама, изливая въ рѣзкихъ словахъ свои жалобы, свой гнѣвъ и боль, и при мнѣ, и безъ меня. Разжигалъ его и отецъ, проклинавшій свое безсиліе сколько-нибудь облегчить мою горькую участь, ибо тутъ не могли помочь ни его высокое общественное положеніе, ни его славное имя.

Все это было масломъ, подливаемымъ въ огонь; бѣдный Нино пилъ глотокъ за глоткомъ чашу желчи и гнѣва и наконецъ упился ими... Всѣ мы равно виноваты, и всѣ не знали—да и какъ могли мы знать?—что толкаемъ нашего любимца на неизбѣжную гибель; всѣ мы были слѣпые, а онъ—галлюцинатъ. Надо было видѣть нашу жизнь, чтобы всѣхъ простить и успокоиться, если только можно когда-нибудь примириться съ тѣмъ, что былъ невольной причиной подобнаго несчастья. Сомнамбула, во снѣ упавшая съ крыши, проснувшись съ раздробленными костями, не можетъ больше испугаться, чѣмъ испугалась я, измѣривъ глубину той бездны, куда мы всѣ такъ неожиданно свалились. Я плакала, мама укоряла, отецъ отчаивался, а бѣдный Нино думалъ, что онъ цѣною своей жизни и своей души можетъ освободить насъ всѣхъ отъ страшнаго кошмара; но и онъ также былъ невиненъ и дѣйствовалъ безсознательно. Это была потребность больного ума, но геройской души; неотвязная мысль разрослась до гигантскихъ размѣровъ; выходъ представлялся *неизбѣжнымъ*. Страсть исказила истинные раз-

мѣры вещей, вихрь закружилъ его, и если этотъ вихрь унесъ съ собой жизнь бѣднаго Ческо, то во сколько же разъ несчастнѣе тотъ, кто сталъ виновникомъ столькихъ ужасныхъ бѣдствій для того, кому онъ хотѣлъ дать счастье, пожертвовавъ собой? Тотъ, у кого всегда передъ глазами души стоитъ ужасъ убійства!... Ахъ, жизнь имѣетъ передъ смертью одно преимущество—скорбь.

XXIX.

Въ послѣдній разъ.

Возвращаюсь къ этому дню 26-го августа, когда я въ Венеціи простилась съ моимъ братомъ, не зная, что прощаюсь съ нимъ навсегда. Вечеромъ возвратился Ческо, и мы ходили встрѣчать его на вокзалъ. Онъ разсказывалъ о своей поѣздкѣ изъ Милана по озеру Комо съ адвокатомъ Ч. и другими, разсказывалъ о Брунате, гдѣ я, по его мнѣнію, прекрасно могла провести двѣ недѣли съ дѣтьми въ сентябрѣ. Но я уже была тамъ въ 1901 г. съ отцомъ и знала, что тамъ есть опасныя мѣста для дѣтей; поэтому я осталась при своемъ намѣреніи ѣхать въ Федо, куда уже и написала, чтобы узнать цѣны комнатъ и пансіона. Такъ что общій нашъ отъѣздъ въ Венецію былъ назначенъ на 28-е. Раньше Ческо намѣревался проводить насъ въ Швейцарію и пробыть тамъ дней 6, такъ что комната была заказана и для него, но такъ какъ его поѣздка въ Болонью оказалась неудачной, онъ по возвращеніи сказалъ мнѣ, что предпочитаетъ остаться въ Италіи, чтобъ устроить всѣ дѣла, а затѣмъ уже пріѣдетъ на нѣсколько дней погостить къ намъ въ Федо. Итакъ, мы условились, что мы выѣдемъ въ Миланъ, а онъ въ Болонью, сдѣлаетъ тамъ все, что надо, затѣмъ 29-го вернется въ Венецію и оттуда уже утромъ 30-го выѣдетъ вмѣстѣ со слугами въ Каварцерэ.

Весь разговоръ былъ дружественный, и Ческо былъ, повидимому, хорошо настроенъ, но ни словомъ не обмолвился о приказѣ, отданномъ Фердинанду перевезти всю мебель въ Падую—и сама я не упоминала объ этомъ.

Такъ, повидимому, все налаживалось хорошо. Въ тотъ же вечеръ я написала Розинѣ Бонетти, чтобы она выѣзжала 28-го съ пассажирскимъ поѣздомъ въ III классѣ: Ческо не хотѣлъ, чтобы она ѣхала во II и курьерскимъ. А такъ какъ я въ это же утро получила отъ нея письмо съ извиненіями, что давеча она не поспѣла придти во-время съ моимъ костюмомъ и съ просьбой сообщить ей, не пріѣдетъ ли мой мужъ еще разъ въ Болонью, я написала ей,

что уже забыла думать о костюмѣ и что, когда Ческо пріѣдетъ въ Болонью, ея уже тамъ не будетъ.

На этомъ я успокоилась. Но на утро 27-го, вспомнивъ, какая Розина безтолковая и какъ она въ тотъ разъ напутала, да еще принявъ въ разсчетъ, что наканунѣ я писала ей письмо во время укладки и возни дѣтей, такъ что сама могла спутаться и написать невѣрный адресъ, рискуя очутиться въ Миланѣ одна съ дѣтьми (я всегда путала ея два имени—Бонетти и Параццоти),—я рѣшила телеграфировать ей, повторяя, чтобы она выѣзжала курьерскимъ поѣздомъ и прислала мнѣ открытку въ знакъ того, что она поняла и исполнила мой приказъ.

Въ полдень мужъ уѣхалъ въ Падую, я укладывалась, а дѣти, по обыкновенію, отправились на Лидо, чтобъ выкупаться, какъ я думала, въ послѣдній разъ. Вечеромъ, когда они вернулись, я шутя сказала:

— Ну, что же, простились вы съ моремъ?

— Почему, мамуся?

— Потому что завтра мы уѣзжаемъ, и вы цѣлыхъ десять мѣсяцевъ не увидите моря.

— О нѣтъ, останемся еще! Намъ здѣсь такъ весело, мамочка, побудемъ здѣсь еще нѣсколько деньковъ!

Всѣ знаютъ, какъ настойчивы бываютъ дѣти въ своихъ просьбахъ; къ тому же ихъ желаніе не было неразумнымъ; дни стояли чудные, теплые, и я уже готова была сдаться. Меня смущала только необходимость отмѣнить приказъ, данный Бонетти. Когда мужъ подъ вечеръ вернулся изъ Падуи и узналъ о желаніи дѣтей, онъ сказалъ мнѣ, что я могу, если хочу, оставаться еще на два дня, т.-е. до вечера 30-го, такъ какъ за квартиру, за гондолу, за купальные костюмы по этотъ день было все уплачено. Да это и для самого Ческо было удобнѣе,—онъ могъ успѣть съѣздить 28-го въ Болонью, 29-го въ Каварцере, взять тамъ свое бѣлье, отданное въ стирку, и 30-го ѣхать вмѣстѣ съ нами въ Швейцарію. Слуги могли и одни отправиться въ Каварцере.

Само собой, всѣ мы были очень довольны такой комбинаціей. Въ тотъ же вечеръ послѣ обѣда я написала Розинѣ Бонетти, чтобъ она не выѣзжала 28-го, а вмѣсто того въ половинѣ седьмого пошла ко мнѣ на квартиру, гдѣ будетъ въ это время мой мужъ, и взяла бы *сѣрый* костюмъ, такъ какъ черный уже не успѣютъ перешить, ибо мы навѣрное выѣзжаемъ 30-го. Остальное все, что касается поѣздки, она узнаетъ отъ графа.

Такъ занялась заря рокового дня—28-го, дня рожденія бѣднаго

Ческо. Всякій годъ я въ этотъ день что-нибудь дарила ему, но въ послѣднее время я такъ сердилась на него, что не приготовила ему никакого подарка. А между тѣмъ это былъ его послѣдній день!...

Дѣти, по моему совѣту, подарили ему кошелекъ и конфеты, присланныя имъ бабушкой—я ихъ спрятала, чтобъ они могли съѣсть ихъ потомъ вмѣстѣ съ своимъ папой.

Онъ уѣхалъ въ два часа. Мы простились холодно, какъ и вообще были холодны другъ съ другомъ въ послѣдніе дни; притомъ же Ческо уѣзжалъ всего на двое сутокъ. Дѣти, разряженныя, пошли провожать его на станцію, и послѣдніе часы онъ провелъ съ ними.

Я осталась одна дома; лежала на диванѣ, грустная, какъ всегда, думая о томъ, какъ немного нужно было бы, чтобъ удовлетворить насъ обоихъ, и какъ мы оба несчастливы. Я думала о томъ, что мужъ ѣдетъ въ Болонью съ враждебнымъ мнѣ умысломъ и что мнѣ остается только подать на него въ судъ, чтобы обезпечить себѣ спокойную жизнь съ дѣтьми. И, волнуясь при мысли объ этой новой борьбѣ, я и не подозрѣвала, какую страшную участь готовитъ рокъ бѣдному Ческо, мнѣ, всѣмъ намъ!

За эти три года мукъ не было дня, чтобъ я не видѣла *его* передъ собой, какимъ я видѣла его въ послѣдній разъ. Помню его прощальныя слова, звукъ голоса, взглядъ,—словомъ, все! Вижу его *живого* передъ собой. Чувствую послѣднее пожатіе его руки. И мнѣ все не вѣрится, что послѣ этого спокойнаго прощанія со мной онъ пошелъ навстрѣчу страшной смерти, что эта цвѣтущая жизнь такъ внезапно, такъ трагически оборвалась; что ни онъ, ни я не почувствовали въ эту минуту, какъ десница судьбы оторвала насъ другъ отъ друга, чтобы бросить одного въ пропасть забвенія, другую—на нескончаемыя адскія муки.

Перев. З. Журавская.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

* * *

Мнѣ снится часто колыбель пустая,
Я знаю—въ ней дитя мое спало—
Но гдѣ оно,—во снѣ напрасно вспоминаю:
Быть можетъ, отнято, быть можетъ, умерло.

Во снѣ я помню глазъ его сіянье
И нѣжный пухъ младенческихъ кудрей,
И звѣздный свѣтъ, и Божьихъ устъ дыханье
Въ бездонномъ сумракѣ сомнѣній и страстей.

Но кто-то властный очи мнѣ смежаетъ,
И я уснуть должна... о, эти сны во снѣ!
Кѣмъ отнято дитя—могильный сонъ мѣшаетъ,
Могильный мракъ мѣшаетъ вспомнить мнѣ.

В. Мировичъ.

Мертвая вилла.

Она мертва, и вѣкъ своихъ зеленыхъ
Не открываетъ съ утренней зарей,
Усталыхъ вѣкъ, такъ пышно осѣненныхъ
Ползучихъ розъ гирляндою живой.

Она мертва, и нѣтъ ей возрожденья
На лучезарномъ праздникѣ весны;
И все въ ней дышитъ тайной запустѣнья,
Ненарушимой, грустной тишины.

На колоннадахъ залы опустѣвшей,
На зеркалахъ, на бархатѣ ковровъ
И на картинахъ въ бронзѣ потемнѣвшей
Осѣла пыль медлительныхъ годовъ—

Напрасно къ ней тоскующей мечтою
Геліотропъ тѣснится и нарциссъ,
Благоухаютъ скорбные алоэ
И дышитъ нѣгой темный кипарисъ,—

Нагорный ключъ напрасно подъ вѣтвями
Живой водой къ ея подножью бьетъ,
И день и ночь кропя ее слезами...
Она мертва и жизни не зоветъ.

В. Мировичъ.

Воспоминанія чайковца *).

XI.

Однажды собиралъ я ягоды по долинѣ рѣчонки Ключовки, впадавшей съ лѣвой стороны въ Кару, и встрѣтилъ здѣсь другого охотника-ягодника, согбеннаго старика-каторжника съ клеймами на щекахъ. Онъ собиралъ ягоды въ два берестяныхъ туязка, связанныхъ и перекинутыхъ черезъ плечо. Мы поздоровались и, поискавъ вмѣстѣ ягодъ, усѣлись отдохнуть на валежину. Завязался разговоръ, изъ котораго я узналъ, что старикъ былъ на каторгѣ еще при Разгильдѣевѣ, а теперь-де «богадѣльщикъ». Онъ разсказывалъ между прочимъ о томъ, что былъ такой одинъ годъ при Разгильдѣевѣ, когда каторжники умирали отъ какой-то болѣзни прямо въ разрѣзѣ на работѣ, на которую ихъ, несмотря на то, хворъ ли, здоровъ ли, выгоняли безъ пощады. Мерли они въ разрѣзѣ десятками, и ихъ изъ разрѣза уносили въ одежѣ и въ кандалахъ и зарывали въ общей ямѣ въ долинѣ той самой Ключовки, въ которой мы собирали ягоды.

— Кабы разрыть это самое мѣсто, можно бы желѣзный заводъ основать,—столько народу въ кандалахъ тутъ зарыто!...—замѣтилъ старикъ. Далѣе старикъ сталъ разсказывать о Разгильдѣевскомъ времени. Объ этомъ времени я слыхалъ и раньше, и послѣ отъ стариковъ, пережившихъ эту бѣду и встрѣчавшихся мнѣ потомъ въ Забайкальѣ на золотыхъ пріискахъ. Жестокое это было—убойное для каторжанъ—время. И чего только не терпѣли тогда люди. И голодомъ ихъ морили, какъ бросовыхъ собакъ, и работами. Били ихъ и смотрителя тюремъ и разрѣзовъ, и нарядчики, и полицейскіе, и коменданты. Самъ Разгильдѣевъ очень часто обходилъ разрѣзъ и, по разсказамъ, его всегда сопровождали два гайдука, два своего ро[да] ликтора, которые на сложенныхъ рукахъ несли пуки лозовыхъ па[ло]къ, и, проходя съ одного конца разрѣза до другого, Разгильдѣевъ измо-

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1907 г.—Настоящая статья уже печаталась, когда кр[ыло] скорбное извѣстіе о скоропостижной кончинѣ автора. Сергѣй Силовичъ Си[ва]ъ навсегда связалъ свое имя съ исторіей освободительной борьбы; онъ былъ од[ни]мъ изъ наиболѣе крупныхъ „Чайковцевъ", и русское общество не забудетъ ни [его] народолюбивыхъ стремленій, ни его страданій. Миръ его праху! *Ред.*

чаливалъ всѣ эти палки объ людей. Рѣдко такой разгильдѣевскій обходъ обходился безъ того, чтобъ кто-нибудь изъ арестантовъ не былъ забитъ въ разрѣзѣ до смерти.

Разсказывали о другомъ карійскомъ терзателѣ, бывшемъ уже послѣ Разгильдѣева, о комендантѣ Скоробогачѣ. По жестокости и звѣрству онъ мало въ чемъ уступалъ Разгильдѣеву, и при жизни его боялись на каторгѣ, какъ огня, хотя злобы и ненависти несомнѣнно накопилось противъ него въ сердцахъ терзаемыхъ—масса. И это чувство вылилось въ самой безобразной формѣ. Умеръ Скоробогачъ, и его похоронили на Нижне-Карійскомъ кладбищѣ, и на другой день послѣ похоронъ его могила оказалась разрытой, а трупъ Скоробогача былъ вынутъ изъ гроба, поставленъ на четвереньки и въ спину его былъ вбитъ осиновый колъ. Такъ отомстила каторга тому, кого при жизни боялась, какъ огня, и кого не осмѣливались пальцемъ тронуть!

Со смотрителемъ Усть-Карійской каторжной тюрьмы, котораго и мы еще застали въ живыхъ, каторга, какъ говорили, сдѣлала то же самое послѣ его смерти. А какъ боялись при жизни этого смотрителя Савинскаго, показываетъ циркулировавшій на Карѣ слѣдующій разсказъ.

Савинскій строго наказалъ каторжникамъ, жившимъ на Усть-Карѣ въ вольной командѣ, чтобы не смѣли отлучаться самовольно безъ спроса никуда, и нарушителей этого приказанія жестоко поролъ, морилъ по недѣли, по двѣ въ карцерѣ, а то и возвращалъ въ тюрьму послѣ жестокой порки.

И вотъ однажды кузнецъ и молотобоецъ, пользуясь праздничнымъ днемъ, отправились съ Усть-Кары куда-то въ ближній поселокъ или на Нижнюю-Кару; отправились, не испросивъ на то разрѣшенія Савинскаго. Въ тотъ же день они возвратились и обратно. На ихъ несчастье, какъ только они стали подходить къ мостику, перекинутому черезъ узкое, но длинное озерко, бывшее въ то время и пересѣкавшее дорогу при выходѣ съ Усть-Кары, съ другой стороны по дорогѣ къ этому же мостику ѣхалъ на своей пролеткѣ Савинскій. Это еще издали замѣтили и узнали Савинскаго кузнецъ и молотобоецъ. Идти на мостъ—это значило попасться прямо въ лапы Савинскаго, для котораго было очевидно, что на этой дорогѣ и по этой сторонѣ кузнецъ и молотобоецъ могли очутиться лишь вслѣдствіе самовольной отлучки съ Усть-Кары. А они еще несли съ собой по бутылкѣ водки,—цѣль ихъ отлучки. Словомъ, попадись они Савинскому, и имъ неминовать жесточайшей порки и другихъ терзательствъ. Въ страхѣ они кинулись въ сторону отъ моста по берегу озерка, и чтобъ увернуться совсѣмъ отъ старой «слѣпой» собаки, кинулись на ледъ озерка, въ надеждѣ, что ледъ выдержитъ, и они преблагополучно перейдутъ на другой берегъ.

Дѣло было въ ноябрѣ, чуть ли не въ Михайловъ день, и ледъ недостаточно окрѣпъ, и подъ тяжестью двухъ человѣкъ онъ провалился. Кузнецъ и молотобоецъ стали тонуть. Кучеръ Савинскаго замѣтилъ это и сказалъ Савинскому. Пока подоспѣла затѣмъ помощь, одинъ изъ тонувшихъ

пошелъ ко дну, а другого удалось спасти.—Изъ страха встрѣчи съ мучителемъ люди рискнули жизнью!

Когда я былъ на Карѣ, въ это время изрядно свирѣпствовалъ надъ вольнокомандцами каторжниками полицеймейстеръ П—въ. Этотъ полицеймейстеръ былъ облеченъ довольно широкой дискреціонной властью и, желая вывести на Карѣ среди каторжниковъ спиртоношество и воровскую—«хищническую»—промывку по ночамъ золота въ разрѣзѣ и торговлю имъ, организовалъ изъ казаковъ, а вѣроятно и изъ предателей арестантовъ, охоту на спиртоносовъ и охоту на «хищниковъ» въ разрѣзѣ.

Къ пойманнымъ въ томъ или другомъ дѣяніи полицеймейстеръ примѣнялъ жестокое наказаніе лозами, причемъ наименьшая порція, которую онъ полагалъ за правило отпустить провинившемуся, было 150 лозъ. Жестоко выпоротый казаками полицеймейстера,—«собакъ подобралъ», характеризовали разсказчики полицеймейстеровскихъ казаковъ,—арестантъ изъ вольной команды водворялся вновь въ тюрьму.

Но, практикуя такія жестокія мѣры, П—въ едва ли достигалъ какихъ-либо положительныхъ результатовъ. Спиртоношество на Карѣ, какъ исконное пріисковое зло, не прекращалось и только увеличившійся рискъ этого занятія повышалъ цѣну запретнаго плода. Полиціи все-таки боялись. Припоминается мнѣ тутъ одинъ, можно сказать, анекдотическій фактъ. Квартира Чарушиныхъ, у которыхъ жилъ въ то время Семяновскій, частью оконъ выходила на дорогу съ Усть на Нижнюю Кару. Однажды я и Семяновскій сидимъ у окна и видимъ, что по дорогѣ идетъ, ежеминутно падая, пьянехонькій арестантъ. Наконецъ, онъ свалился среди дороги да такъ и лежитъ. Видя, что ему грозитъ опасность быть задавленнымъ первой же телѣгой, тѣмъ болѣе, что дѣло шло къ сумеркамъ, мы съ Ев. Ст. пошли, чтобъ поднять его и съ дороги увести въ сторону, въ кусты на траву. Но онъ насъ встрѣтилъ невозможными ругательствами и упорнымъ нежеланіемъ идти куда бы то ни было. «Такъ вѣдь изъ тебя кишки выдавятъ проѣзжіе,—говорю я.—Это не твое дѣло! м... т!...—Наконецъ, тебя полиція возьметъ,—убѣждаю я.—А! полиція—это худо!... ладно! веди въ кусты! значитъ, вы добрые люди!...» Мы его увели и уложили на траву.—Часто мы вспоминали потомъ этотъ комическій случай!

Впрочемъ, опасность для спиртоносовъ грозила на Карѣ не только со стороны полиціи, которая по вѣдомымъ ей спиртоношескимъ дорожкамъ устраивала засады, а на самой Карѣ выслѣживала пункты продажи. Это была еще не такая страшная опасность,—была опасность значительно большая отъ своего же брата арестанта. Свой братъ устраивалъ засады и ловилъ спиртоноса и на такихъ таежныхъ дорожкахъ, которыя полиціи были невѣдомы. При этомъ захваченный своимъ братомъ спиртоносъ не только лишался своей лаговки (особый узкій круглый боченочекъ въ ведра полтора-два емкости), а и въ большинствѣ случаевъ лишался жизни; свой братъ почти всегда убивалъ въ такомъ случаѣ спиртоноса, чтобы избавиться отъ жестокой мести со стороны обиженнаго.

Такъ же жестоко раздѣлывался свой братъ и съ торговцами спирта.

Въ первый же годъ нашего пребыванія на Карѣ была вырѣзана и ограблена еврейская семья. На Юрдовкѣ,—поселокъ на Нижней Карѣ, гдѣ ютились въ избушкахъ семьи прибывшихъ каторжанъ и каторжане, выпущенные въ вольную команду,—жила съ шестью или семью дѣтьми еврейка, мужъ которой сидѣлъ еще въ тюрьмѣ и которому она посылала съ сынишкой въ разрѣзъ или приносила сама на свиданье то рубль, то полтинникъ, то того, то другого изъ продуктовъ. Ее—быть можетъ, и совершенно справедливо—заподозрили въ торговлѣ спиртомъ, и во всякомъ случаѣ—полагали, что у нея, какъ вообще, торговавшей то тѣмъ, то другимъ, были деньги и было чѣмъ поживиться. И вотъ къ ней явились убійцы, зарѣзали ее и всѣхъ ея дѣтей, кромѣ одного грудного, и ограбили все, что только было удобно и безопасно унести. Помню, что полковникъ Кононовичъ пришелъ въ неистовое негодованіе, когда его извѣстили объ этомъ звѣрствѣ, и сулилъ крупную награду тому, кто укажетъ убійцъ. Но убійцы, очевидно, были люди опытные, знавшіе прекрасно «кобылку», и дѣло обдѣлали такъ, что никто изъ кобылки не зналъ, кто совершилъ его. Такъ убійцы открыты и не были.

У насъ иногда работала, какъ поденная прачка, жена сосланнаго въ каторгу донского казака Жукова; она же лѣтомъ, когда требовалось полоть большой огородъ Успенскаго, работала, иногда вмѣстѣ со своей дочуркой лѣтъ 15-ти, въ этомъ огородѣ. Было у нея еще двое или трое дѣтей. Мужъ ея былъ при насъ выпущенъ въ вольную команду и работалъ по найму въ разрѣзѣ на промывкѣ песковъ. И вотъ, въ концѣ 79 года онъ отправился въ Лунженки, въ одинъ изъ ближайшихъ къ Карѣ казачьихъ поселковъ, чтобъ добыть тамъ себѣ на праздники съ полведра водки. Ушелъ онъ и не вернулся. Черезъ нѣкоторое время былъ найденъ его обнаженный, съ разбитой головою, трупъ въ кустарникѣ, на снѣгу, въ сторонѣ отъ таежной дорожки. Было очевидно, что его подстерегли, убили и взяли все, что можно было только взять, а голый трупъ оттащили въ кусты. На этотъ разъ ужасное положеніе осиротѣвшей семьи приняли близко къ сердцу всѣ служащіе на Карѣ. Докторъ Кокосовъ устроилъ между нами подписку въ пользу Жуковой съ дѣтьми. Пожертвовалъ онъ и самъ, пожертвовалъ и Кононовичъ, и всѣ знавшіе Жукову, какъ хорошую и добросовѣстную работницу. И при открывшейся навигаціи, снабдивъ Жукову деньгами, одеждой и провизіей, отправили ее съ дѣтьми на пароходѣ до Стрѣтенска, откуда они уже сами отправились дальше. По прибытіи на Донъ, Жукова сочла своимъ долгомъ увѣдомить объ этомъ своихъ карійскихъ доброжелателей.

Сознаюсь, что подобные факты, и то, что̀ приходилось слышать въ разсказахъ, а также и личное знакомство съ нѣкоторыми изъ уголовныхъ каторжниковъ, убивали во мнѣ всякое желаніе войти въ болѣе близкія сношенія съ этой средой.

На Карѣ было нѣсколько человѣкъ уральскихъ казаковъ, сосланныхъ

сначала въ Ташкентъ и тамъ подвергнутыхъ многочисленнымъ терзаніямъ, а затѣмъ отправленныхъ за упорство въ каторгу на Кару.

Съ тремя изъ нихъ на Нижней Карѣ я познакомился, и съ однимъ изъ нихъ, уже пожилымъ человѣкомъ, Киселевымъ, у меня установились довольно симпатичныя отношенія.

Пострадали уральцы за «бунтъ», за нежеланіе принять вводимыя начальствомъ новшества и за смутительство на то же и другихъ. Но ни одинъ изъ этихъ трехъ не могъ мнѣ толково разсказать, чѣмъ собственно эти новшества претили имъ. Киселевъ, наиболѣе сознательный изъ нихъ, пояснялъ мнѣ, что въ новомъ начальственномъ указѣ, подъ которымъ ихъ заставляли подписаться, что-де они принимаютъ его, скрывалось покушеніе на ихъ старую вѣру, которую-де еще царь Михаилъ Ѳедоровичъ обязался за себя и за свое потомство оставить казакамъ уральскимъ навѣки нерушимой.

Киселевъ наивно разсказывалъ, что въ указѣ точно-прямо насчетъ вѣры не сказано, но было одно мѣсто въ немъ, которое начиналось словами: «а что *касаемо*», которое и возбудило неразрушимую увѣренность, что дѣло касалось именно старой вѣры.

— Мы,—говорилъ Киселевъ,—сразу догадались, что это значитъ «касаемо». Хитро написано, да насъ тоже не затуманишь. Видимъ, къ чему дѣло клонятъ.

Отъ вѣры своей отступить они не пожелали, и остались при своемъ протестѣ, какъ ихъ за это ни мучили. Такихъ, какъ Киселевъ съ товарищами, зачинщиковъ и подстрекателей—сѣкли, морили голодомъ и жаждой, сослали въ ташкентскую тюрьму, а оставшіяся на Уралѣ ихъ семьи окончательно разорили и повергли въ нищету. Жены писали имъ въ Ташкентъ письма о постигшемъ ихъ ужасномъ положеніи, но въ то же время увѣщевали мужей не смущаться сердцемъ и, не боясь самой смерти, крѣпко стоять за вѣру отцовъ своихъ. И они претерпѣли и пощады не просили и не просятъ. Правда, въ громадномъ большинствѣ уральскіе казаки поштатнулись и страха ради подписались подъ прочитаннымъ имъ новшескимъ указомъ, а только очень небольшая часть ихъ упорствовала, за что и подверглась мучительному искорененію.

Что касается полковника Кононовича, то онъ относился къ этимъ уральцамъ не какъ къ каторжникамъ; каторжными работами онъ ихъ не морилъ, а назначилъ сторожами при складахъ и амбарахъ.

Киселевъ, лѣтъ 50-ти, съ замѣтной просѣдью въ бородѣ и въ волосахъ, съ добрыми глазами и доброй улыбкой, съ мягкимъ голосомъ мужикъ, самый симпатичный изъ тѣхъ трехъ уральцевъ, которыхъ я зналъ. Онъ прежде всего былъ чуждъ всякихъ стяжательскихъ стремленій. И въ то время какъ другіе два, моложе его, были прижимистые, кулаковатые мужики, стяжаніемъ всякаго рода, до ростовщичества включительно, сбивавшіе себѣ капиталецъ, объегоривая карійскую кобылку вольной команды,—Киселевъ жилъ на свой казенный паекъ, читалъ свои старинныя книги, при-

славныя ему, кажется, съ Урала, служа сторожемъ при амбарахъ дѣтскаго пріюта. Онъ жилъ надеждою, что не попуститъ Господь надолго водвориться неправдѣ на Уралѣ. Мы неоднократно бесѣдовали съ Киселевымъ о его дѣлѣ, о его родномъ Уралѣ,—и эти бесѣды несомнѣнно доставляли ему извѣстную долю отрады. Онъ радъ былъ передъ сочувствовавшимъ ему человѣкомъ вспомнить и о родныхъ мѣстахъ, по которымъ несомнѣнно тосковалъ, и посѣтовать на врага.

Съ остальными двумя уральцами мнѣ никогда не удавалось поговорить, какъ слѣдуетъ, на эти темы. Мысли о покинутомъ Уралѣ, какъ и о томъ, что стряслось надъ ними, ихъ такъ не занимали, какъ Киселева. Они были поглощены другими, ближайшими, житейскими вопросами.

XII.

1880 годъ ознаменовался для насъ нѣкоторыми, очень непріятными событіями, и къ концу года—полнымъ крахомъ созданнаго для насъ Кононовичемъ положенія.

Если не измѣняетъ мнѣ память, то въ концѣ лѣта или въ началѣ осени Кононовичъ уѣзжалъ мѣсяца на полтора въ отпускъ къ себѣ въ имѣніе, въ Полтавскую губернію, повидаться съ престарѣлымъ отцомъ, который звалъ его къ себѣ, чувствуя, что долго уже ему не прожить.

Уѣхавшаго Кононовича замѣнилъ собою, не особенно давно вернувшійся изъ Россіи, казачій баталіонный командиръ, войсковой старшина Р. Желтолицый, сухой, съ недобрыми сѣрыми глазами, этотъ субъектъ посвоему душевному строю былъ истый опричникъ. Занимая мѣсто баталіоннаго командира на Карѣ, онъ пожелалъ попасть въ дѣйствующую армію во время турецкой войны 1877 г., но опоздалъ на театръ военныхъ дѣйствій. Кажется, доѣхавъ до Кіева, онъ тамъ захворалъ и слегъ, что и помѣшало ему попасть въ Турцію на войну, и когда онъ послѣ болѣзни прибылъ въ Болгарію, онъ попалъ уже къ шапочному, такъ сказать, разбору; миръ былъ уже заключенъ, и онъ, не пожавъ военныхъ лавровъ и ничего не извлекши для своей карьеры, вернулся обратно въ Кіевъ. Здѣсь онъ, отпросившись въ отпускъ, поправлялъ свое здоровье, какъ разъ въ то время, когда начинала развертываться воинствующая реакція, въ которой люди, подобные Р., могли видѣть праздникъ на своей улицѣ. По окончаніи отпуска онъ вернулся обратно на Кару баталіоннымъ командиромъ.

Къ счастію, бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ, и Р. не былъ облеченъ властью коменданта каторги на болѣе продолжительное время, а не то, онъ сыгралъ бы роль à la Разгильдѣевъ, развѣ лишь въ болѣе современномъ духѣ.

Тѣмъ не менѣе, какъ только онъ вступилъ въ отправленіе обязанности коменданта, какъ тотчасъ же обрушился на насъ съ репрессіями.

На другой или на третій день по отъѣздѣ Кононовича съ Кары онъ приказалъ смотрителю Нижне-Карійской тюрьмы Баринý созвать всѣхъ го-

сударственныхъ преступниковъ, находившихся въ его вѣдѣніи, и ихъ женъ въ помѣщеніе карійскаго управленія ссыльно-каторжными. Мы сошлись: Семяновскій, Успенскій, Чарушинъ, Шишко, Союзовъ, Квятковскій, я, Ан. Дм. Чарушина, моя жена Лариса Васильевна и А. Г. Квятковская.

Желто-зеленый, съ злыми глазами войсковой старшина, въ присутствіи помощника коменданта Бутакова, объявилъ намъ: 1) что онъ требуетъ, чтобы мы не смѣли ходить по дорогамъ кучами въ три человѣка и что при встрѣчѣ такой кучи онъ будетъ приказывать сопровождающимъ его казакамъ разгонять насъ нагайками; 2) чтобы мы не смѣли подходить къ гауптвахтѣ, гдѣ сидѣли государственныя преступницы, останавливаться передъ нею и вступать въ бесѣды съ заключенными; онъ предупреждалъ насъ, что стоящимъ наружѣ часовымъ приказано стрѣлять въ того изъ насъ, кто остановится передъ гауптвахтой и вздумаетъ бесѣдовать съ арестантками; 3) онъ приказалъ смотрителямъ тюремъ назначать государственныхъ преступниковъ на работы, какъ каторжниковъ, обязанныхъ работать.

Окончилъ онъ эту бесѣду тѣмъ, что напустился вообще на нашихъ женъ, а въ особенности на Анну Дмитр. Чарушину за то, что онѣ особенно позволяютъ себѣ подходить къ гауптвахтѣ, а Чарушина даже позволяла себѣ разговаривать съ сидѣвшими тамъ арестантками по-французски, очевидно, съ тѣмъ, чтобы стража не понимала, о чемъ идетъ рѣчь. Онъ предупреждалъ нашихъ женъ, а Чарушину особенно, что онъ приказалъ слѣдить за ними и что въ случаѣ нарушенія ими его приказанія онъ церемониться не станетъ и поступитъ съ ними по всей строгости имѣющихся у него инструкцій.

Словомъ, въ мирную дотолѣ карійскую жизнь нашу была неожиданно влита значительная струя отравы. Помню, что вскорѣ послѣ объясненія съ Р. мы всѣ, нижнекарійцы, собрались у Успенскаго и вырѣшили на общемъ совѣтѣ вести себя такъ: съ своей стороны не давать никакого повода для Р. обрушиваться на насъ съ какими-нибудь взысканіями или новыми репрессіями, стараться всѣми мѣрами не встрѣчаться съ нимъ и, слѣдовательно, если намъ нужно быть на Средней или Верхней Карѣ, то не ходить туда по главной дорогѣ, а ходить обходными путями, по которымъ не ѣздятъ на лошадяхъ; но, если, несмотря на всѣ наши старанія избѣжать столкновенія съ Р., онъ все-таки вызоветъ кого-либо изъ насъ на протестъ, за который онъ можетъ прибѣгнуть ко всякому наказанію, вплоть до насилія, невыносимаго для человѣческаго достоинства, то въ послѣднемъ случаѣ мстить Р. всячески, даже лишеніемъ его жизни; и если тяжко оскорбленный имъ будетъ лишенъ физической возможности самому совершить актъ мщенія, то кто-либо изъ оставшихся на волѣ товарищей по жребію обязанъ отомстить Р. за оскорбленнаго.

Порѣшивъ такъ, стали мы жить сообразно этому рѣшенію и болѣе или менѣе спокойно ожидать конца заведеннаго Р. режима, тѣмъ болѣе, что ждать его приходилось недолго.

Нашъ смотритель Барúнъ не могъ, конечно, не выполнить приказанія Р. назначить насъ на работы и сначала назначилъ насъ всѣхъ въ разрѣзъ, къ каторжникамъ, снимавшимъ торфа *).

Такъ какъ торфа карійскаго разрѣза заключали въ себѣ много обломковъ каменныхъ породъ, то работавшіе на торфахъ обязаны были эти камни складывать въ кубическія сажени, откуда этотъ «бутъ» шелъ на фундаменты большихъ построекъ. Насъ поставили на эту работу. Я ужъ не помню, какъ былъ великъ урокъ на этой работѣ, но помню хорошо, что мы своею артелью выработать этого урока были не въ состояніи, и уголовные арестанты, видя, что дѣло это для насъ непривычное, выполняли и этотъ урокъ за насъ; мы работали съ ними, какъ могли. Правда, на этой работѣ насъ, кажется, не продержали и трехъ дней.

Семяновскаго, Шишко и Успенскаго (по болѣзни глазъ) по представленію доктора Кокосова даже Р. освободилъ отъ работъ. Союзова назначили въ столярную мастерскую. Квятковскаго назначили смотрѣть за водяной мельницей и за доставкой овса. Чарушина поставили на пріемку бревенъ и теса, а меня—на пріемку сѣна. Это мы и выполняли до пріѣзда Кононовича.

По отношенію къ сидѣвшимъ на гауптвахтѣ женщинамъ Р. тоже принялъ угрожающее положеніе.

Онъ явился туда, довольно грубо обошелся съ заключенными, напустился съ крикомъ на Сарандовичъ за то, что та, состоя на положеніи больной, не поднялась съ койки при его появленіи. Здѣсь, надо сказать правду, и докторъ, сопровождавшій его, смалодушничалъ,—послѣ ухода ихъ, Сарандовичъ была лишена больничной порціи (котлетки и молока). Не знаю, по своей ли иниціативѣ докторъ это сдѣлалъ, или (что вѣроятнѣе) у него просто нехватило мужества не исполнить приказанія Р. лишить больную Сарандовичъ больничной порціи въ наказаніе за непочтительность къ нему, Р., — но только помню, что тогда всѣ мы озлились на доктора и даже онъ былъ продернутъ и въ прозѣ, и въ стихахъ въ одномъ изъ нумеровъ *Кары*.

Наконецъ (въ сентябрѣ?) вернулся Кононовичъ. Однако, чуть-чуть было не разыгралась трагедія съ Р. Кононовичъ пріѣхалъ, но дня три-четыре не принималъ отъ Р. комендантства. Въ одинъ изъ этихъ дней Успенскому понадобилось побывать зачѣмъ-то на Юрдовкѣ. И онъ пошелъ по дорогѣ, пролегавшей у подножья того кряжа, который оканчивался Костылевской сопкой, позади огородовъ, и по которой очень мало ѣздили.

Такъ какъ Успенскій былъ близорукъ и ходилъ безъ очковъ, надѣвая ихъ лишь во время чтенія, то ходилъ онъ, обыкновенно, понуря голову

*) Пріисковые термины: верхніе слои земли, не заключающіе въ себѣ золота, это—торфъ; слои земли, подъ торфомъ, заключающіе золото, это—пески, хотя бы это была вязкая глина, мелкая галька, разрушистый сланецъ съ глинистой примазкой и пр. Когда работами дойдутъ до каменнаго слоя, котораго ни ломомъ, ни кайлой не взять, это значитъ—дошли до почвы.

и глядя себѣ подъ ноги. И вотъ съ нимъ неожиданно стряслась бѣда. Мимо него промчалась пролетка, запряженная парой. Онъ по близорукости не видѣлъ, что сидѣлъ въ пролеткѣ Р., а не видѣвши, не поклонился ему. Да онъ никакъ и не ожидалъ встрѣтить Р. именно на этой дорогѣ.

Вдругъ слышитъ: «Гей! ты, стой!»

Успенскій обернулся, недоумѣвая, кто и кому кричитъ.

— Тебѣ говорятъ, стой!—кричалъ Р., котораго Успенскій, наконецъ, узналъ по голосу.—Ступай сюда! Казакъ, гони его сюда!—приказалъ Р. слѣдовавшему за нимъ казаку. Успенскій, понявши, что крики относятся къ нему, подошелъ къ Р., не снявши шапки.

— Шапку долой, мерзавецъ! Ты какъ смѣешь передо мной шапки не снимать?! Я прикажу накинуть тебѣ веревку на шею и на этой веревкѣ оттащить тебя въ холодную!... И когда еще разъ ругнувшій его Р., до отъѣзда въ Россію его знакомый, подававшій ему руку,—покатилъ дальше, страшно взволнованный Успенскій полетѣлъ къ Кононовичу, къ которому было отсюда ближе, чѣмъ идти домой или къ кому-нибудь изъ товарищей. Кононовичъ тотчасъ же его принялъ, смекнувъ сразу, что что-то стряслось, разъ ужъ Успенскій къ нему пришелъ. Волнуясь и негодуя, Успенскій разсказалъ Кононовичу о томъ, что сейчасъ случилось, и о томъ, какъ вообще Р. повелъ себя съ нами въ отсутствіи Кононовича, и указалъ Кононовичу на необходимость снять поскорѣе Р. съ комендантства во избѣжаніе трагедіи.

Кононовичъ просилъ Успенскаго успокоиться и не доводить пока о случившемся до свѣдѣнія товарищей, что, впрочемъ, Успенскій и самъ порѣшилъ сдѣлать, чтобъ не вызвать какого-нибудь акта мщенія Р.,—а самъ обѣщалъ на завтра же вступить въ обязанности коменданта и не пропустить совсѣмъ безнаказанно для Р. всѣхъ его поступковъ по отношенію къ намъ.—Объ этой исторіи потомъ разсказалъ намъ самъ Успенскій и Кононовичъ, когда уже прошло довольно времени, чтобъ не вызвать противъ Р. особенно остраго негодованія.

XIII.

Въ концѣ года стала надвигаться на насъ тяжелая туча. Въ Россіи водворилась «диктатура сердца», которая принесла политической *Карѣ* первые скорпіоны.

Забайкальскій военный губернаторъ Ильяшевичъ, смѣнившій въ 1880 г. Педашенка, получилъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, во главѣ котораго стоялъ Лорисъ-Меликовъ, предписаніе: запретить всѣмъ ссыльнокаторжнымъ государственнымъ преступникамъ переписку со всѣми родными,—съ отцами, матерями, братьями, сестрами и пр. На Карѣ распоряженіе это было получено Кононовичемъ въ началѣ ноября. Получать письма отъ родныхъ допускалось, но писать имъ было запрещено; только карійское начальство могло отъ себя увѣдомлять близкихъ родныхъ кратко о томъ, что-де такой-то живъ и здоровъ.

Такое распоряженіе тяжеле всего отозвалось въ нашей общинѣ на Семяновскомъ. Оно лишало его возможности переписываться съ отцомъ. Правда, пока были жены и матери сосланныхъ на Карѣ, можно было черезъ нихъ устраивать переписку съ родными: жены и матери, якобы, отъ своего имени могли пересылать письма ссыльныхъ, переписывая эти письма. Но прилетѣвшая изъ Питера мѣра ясно показывала намъ, что на Карѣ будутъ водворены другіе, новые порядки и что надо ждать дальнѣйшихъ репрессій не только относительно самихъ каторжниковъ, но и ихъ женъ и матерей. Семяновскій затревожился. Началъ онъ подумывать о побѣгѣ, но ноябрь и декабрь—суровые зимніе мѣсяцы въ томъ краѣ, морозы достигаютъ 40° R, а морозы въ 30°, 32° и даже въ 36° иногда стоятъ по цѣлой недѣлѣ. При такихъ условіяхъ безъ основательной подготовки не побѣжишь. Стали думать Семяновскій, Успенскій и др. о необходимости подготовленія побѣга хоть къ веснѣ. Но судьбѣ не угодно было, чтобъ эти подготовленія окончились какимъ-нибудь результатомъ. «Диктатура сердца» дала себя знать карійскимъ государственнымъ каторжанамъ новымъ циркуляромъ. Въ ноябрѣ же на Кару прилетѣло отъ забайкальскаго военнаго губернатора Ильяшевича новое распоряженіе Кононовичу, на основаніи приказанія министра внутреннихъ дѣлъ,—держать государственныхъ преступниковъ весь срокъ каторги въ тюрьмѣ и въ кандалахъ.

Кононовичъ запросилъ Ильяшевича, какъ же ему быть съ тѣми государственными преступниками, которые уже выпущены имъ на основаніи закона изъ тюрьмы въ вольную команду, и уже около двухъ лѣтъ пользуются свободою,—находя со своей стороны примѣненіе къ нимъ новаго распоряженія и незаконнымъ, и жестокимъ, такъ какъ оно является для нихъ совершенно безпричиннымъ, ничѣмъ ими не вызваннымъ наказаніемъ. Военный губернаторъ отвѣтилъ Кононовичу, что и выпущенныхъ ранѣе въ вольную команду слѣдуетъ заковать въ кандалы и держать весь срокъ каторги въ тюрьмѣ. Отвѣтъ этотъ пришелъ на Кару за нѣсколько дней до Рождества и страшно взволновалъ ...Кононовича! Онъ пригласилъ всѣхъ государственныхъ Нижней Кары не въ управленіе, а къ себѣ на квартиру, и когда явились къ нему Семяновскій, Успенскій, Чарушинъ, Шишко, Союзовъ и Квятковскій (я не былъ вызванъ къ нему, о чемъ ниже), то Кононовичъ объявилъ имъ приказъ Ильяшевича и разразился припадкомъ истерики! Полковника пришлось успокаивать, принесли ему воды, усадили въ кресло...

Успокоившись, онъ объявилъ, что сразу они не будутъ препровождены въ тюрьму, а что онъ даетъ имъ всѣмъ время устроить свои личныя и семейныя дѣла, разрѣшаетъ имъ провести наступающіе праздники и встрѣтить новый годъ на волѣ; затѣмъ 1 января они должны уже сами явиться къ смотрителю тюрьмы, который и выполнитъ присланную инструкцію—закуетъ въ цѣпи и отправитъ въ тюрьму на Среднюю Кару.

Я въ это время помогалъ женѣ въ завѣдываніи дѣтскимъ пріютомъ, который былъ порученъ моей женѣ и въ которомъ было болѣе 60-ти

человѣкъ дѣтишекъ, обудь, одѣть, накормить и обучить которыхъ лежало на нашей обязанности. Кононовичъ объявилъ товарищамъ, что такъ какъ Синегубу остается быть въ состояніи ссыльно-каторжнаго только до 14 января 1881 г., то онъ беретъ на себя отвѣтственность за то, что не закуетъ меня и не посадитъ въ тюрьму на эти двѣ недѣли, тѣмъ болѣе, что и судьбу болѣе 60 ребятъ въ пріютѣ ему сейчасъ рѣшительно некому поручить, а одной г-жѣ Синегубъ не справиться. Мы нашли, что Кононовичъ правъ, и я остался на свободѣ, получивъ право свиданья со своими товарищами и право заботиться о нихъ, выполнять ихъ порученія и просьбы.

Но тутъ одно за другимъ послѣдовали трагическія событія.

Видя полную невозможность въ такое время года устроить побѣгъ и что новое распоряженіе убиваетъ всякую надежду на скорое осуществленіе побѣга, Семяновскій загрустилъ: ему предстояло пробыть въ тюрьмѣ года три еще!

При этомъ онъ никакъ не могъ примириться съ мыслью: какъ это онъ пойдетъ къ смотрителю тюрьмы,—какъ баранъ, покорно дастъ себя заковать въ кандалы съ тѣмъ, чтобъ его потомъ погнали въ тюрьму? Представленіе объ этомъ поднимало въ его душѣ нѣчто столь могуче протестующее, что онъ не находилъ въ себѣ силы побѣдить и задавить это нѣчто.

Да и сидѣнье въ тюрьмѣ его пугало, какъ видъ медленной для него смерти въ лучшемъ случаѣ, но вѣдь оно могло окончиться для него сумасшествіемъ. И на эту пытку, на эту муку—онъ долженъ идти вполнѣ добровольно, вполнѣ сознательно. Не идти? Грозитъ другое униженіе: насильный приводъ, быть можетъ, съ побоями со стороны казаковъ.

Для Евгенія Степановича создалось положеніе, изъ котораго у него не было выхода, кромѣ смерти. И онъ рѣшилъ покончить съ собой. Объ этомъ своемъ рѣшеніи онъ заявилъ товарищамъ, къ тяжкому ихъ горю и въ особенности къ горю его сотоварищей по дѣлу Степана Богданова.

Прошло Рождество грустно и печально. Приближалось время для товарищей уходить въ тюрьму, для меня—разставаться съ ними. Такъ мы сжились другъ съ другомъ, все время чувствовали мы себя одной семьей, дружной, родственной и любящей. Столько было добраго, ласковаго и согрѣвающаго въ этой нашей семьѣ, и было страшно больно и жутко подумать, что вся эта добрая, дружная жизнь разлетается прахомъ!

Настало 31 декабря. Въ этотъ день мы порѣшили встрѣтить Новый годъ въ домѣ Успенскаго. Наканунѣ, 30 декабря, нѣкоторые товарищи—Семяновскій, Шишко, Богдановъ и Союзовъ,—сошлись у меня. Вечеръ прошелъ тягостно, такъ какъ рѣшеніе Семяновскаго покончить съ собой имъ отмѣнено не было, несмотря на убѣжденія товарищей.

Старанія товарищей въ этомъ отношеніи были совершенно напрасны. Если бы дѣло заключалось въ доводахъ отъ ума, то умъ Семяновскаго нашелъ бы ихъ и безъ товарищей. Трудно убѣждать человѣка жить, когда

жизнь его пугаетъ, когда у человѣка исчезаетъ, вдругъ погибаетъ то, что помимо его сознанія привязываетъ его къ жизни. У Евгенія Степановича не было никакого неразрушимаго довода въ пользу своего рѣшенія, кромѣ одного: я—не могу! Объ это, глубоко охватившее его—«не могу», разбивались всѣ доводы отъ логики и разума.

Но въ этотъ вечеръ Семяновскій какъ будто рѣшилъ отмѣнить свое намѣреніе покончить съ собой.

Вечеръ окончился все-таки тяжелой истерикой Степана Богданова,—такъ былъ онъ душевно измученъ въ эти дни.

На другой день, когда Семяновскій со мной, Ларисой и нѣкоторыми другими товарищами шелъ въ домъ Успенскаго, гдѣ мы намѣревались встрѣтить Новый годъ, я спросилъ Семяновскаго, пойдетъ ли онъ завтра съ товарищами въ тюрьму. Онъ, какъ-то растягивая слова, отвѣтилъ: пой-ду. Этотъ отвѣтъ меня совершенно успокоилъ. Слыхали этотъ отвѣтъ, вѣроятно, и другіе шедшіе съ нами товарищи.

И когда мы пришли къ Успенскому, то чувствовалось, что съ души свалилась та тяжесть, которая лежала на насъ всѣхъ въ эти дни. Вечеръ прошелъ хотя и не торжественно весело, но все-таки съ значительнымъ облегченіемъ. Мы спѣли всѣ свои любимыя пѣсни. Евгеній Степановичъ выпилъ съ Богдановымъ, Шишко и со мною брудершафтъ. Во время вечера Евгеній Степановичъ вызвалъ меня въ комнатушку Успенскаго и сообщилъ мнѣ, что онъ «злоупотребилъ» моимъ именемъ и попросилъ, якобы, для меня, какъ для смотрителя дѣтскаго пріюта, у купца Бѣлокопытова револьверъ; просилъ меня за это на него не сердиться и возвратить завтра этотъ револьверъ Бѣлокопытову. Я понялъ этотъ разговоръ такъ, что Семяновскій, раздумавъ застрѣлиться, оставитъ завтра по уходѣ въ тюрьму револьверъ Чарушиной, отъ которой я и возьму его для возврата Бѣлокопытову.

Довольно поздно мы разошлись по своимъ квартирамъ.

Я и Лариса ушли домой хотя и разстроенные разлукой съ друзьями, но относительно Семяновскаго мы были совершенно спокойны. И какое же тяжкое горе охватило насъ на другой день, когда раннимъ утромъ къ намъ въ пріютъ прибѣжалъ Шишко и, задыхаясь отъ слезъ, вымолвилъ только: «Евгеній Степановичъ!» и рукой указалъ на свой правый високъ.

Я немедленно отправился на квартиру Чарушиныхъ. Когда я переступилъ порогъ ихъ квартиры, въ первой комнатѣ, гдѣ жилъ Семяновскій, я увидѣлъ его лежащимъ на койкѣ, со спокойнымъ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и съ закрытыми глазами. Изъ праваго виска тянулась уже загустѣвшая полоса крови. Онъ съ сильнымъ хрипѣніемъ неправильно дышалъ, съ очень затяжными вдыханіями и выдыханіями.

Оказалось, что послѣ возвращенія домой Семяновскій долго не спалъ, рвалъ какія-то бумаги и письма, и жегъ въ голландкѣ, затѣмъ сидѣлъ и писалъ письма. На разсвѣтѣ онъ застрѣлился. На его столѣ лежало письмо на имя отца, записочка, адресованная моей женѣ, и записочка для началь-

ства. Въ запискѣ къ моей женѣ онъ просилъ отослать письмо отцу и указывалъ, какъ поступить съ его имуществомъ; кромѣ того нѣкоторыя книги и вещи онъ распредѣлялъ на память между остающимися друзьями на Карѣ. (Мнѣ онъ оставилъ два тома англійскаго словаря Александрова, а Ларисѣ «Основы соціологіи» Спенсера и французскій словарь Макарова, какъ своей ученицѣ по французскому языку.)

Прибыло начальство въ лицѣ полицеймейстера, доктора и фельдшера. Былъ составленъ актъ о случившемся. Товарищи вскорѣ были отправлены въ тюрьму на Среднюю Кару, а я вмѣстѣ съ фельдшеромъ отвезли, все еще продолжавшаго дышать, Семяновскаго въ лазаретъ, гдѣ его и положили въ пустую палату. По увѣренію доктора, Семяновскій потерялъ сознаніе моментально послѣ выстрѣла, и лишь потому, что не были поражены тѣ части мозга, которыя вліяютъ на дыханіе и кровеобращеніе, онъ и продолжалъ такъ долго дышать; но умеръ онъ сразу. Въ два часа дня, когда я вновь пріѣхалъ въ лазаретъ, Семяновскій уже не дышалъ. На другой день докторъ его анатомировалъ. Онъ приглашалъ меня присутствовать при этомъ, но въ моей душѣ что-то запротестовало противъ этого, и я не нашелъ въ себѣ достаточно силы духа, чтобъ присутствовать при вскрытіи дорогого для меня человѣка.

По вскрытіи оказалось, что очень маленькая пулька пробила сверху внизъ правое большое полушаріе мозга и низъ лѣваго, остановилась въ днѣ близъ лѣваго виска; твердая оболочка мозга оказалась приросшей къ черепнымъ костямъ.

Не этимъ ли можно объяснить тѣ странныя, хотя и не очень частыя, нервныя вздрагиванья всего тѣла, которыя иногда появлялись у Семяновскаго во время, повидимому, совершенно спокойнаго разговора? Казалось, какъ если бы по Семяновскомъ съ головы до ногъ пробѣгалъ неожиданный электрическій токъ; и это нѣсколько разъ съ небольшими промежутками.

Въ сердцѣ его оказались—сморщенными выходъ аорты и одинъ изъ клапановъ въ перегородкѣ между предсердіемъ и желудкомъ.

На третій день Чарушина, Лариса, Бибергаль, Геллисъ, Родина и я схоронили своего друга на кладбищѣ подъ лазаретной сопкой.

XIV.

Письмо Семяновскаго къ отцу, съ общаго рѣшенія товарищей, я вскрылъ и снялъ съ него копію. Это было сдѣлано на случай, если бы подлинное письмо было перехвачено на почтѣ и не дошло по адресу.

Я, впрочемъ, сохранилъ копію этого письма и для себя, какъ замѣчательный документъ, въ которомъ ярко отразилась чудная душа погибшаго.

Эту же копію, съ краткой характеристикой покойнаго, я вручилъ извѣстному американскому путешественнику Кеннану, когда онъ въ свой послѣдній путь на Кару прогостилъ нѣсколько дней въ Читѣ, гдѣ въ то

время я жилъ уже на поселеніи. Кеннанъ и его компаньонъ живописецъ Фростъ были направлены ко мнѣ Волховскимъ, при проѣздѣ ихъ черезъ Томскъ, гдѣ въ то время жилъ Волховскій, и мною они были введены во всю нашу тогдашнюю компанію въ Читѣ.

Съ вещами, оставшимися послѣ Семяновскаго, было поступлено такъ, какъ онъ указывалъ въ запискѣ къ моей женѣ. Большая часть вещей была продана и деньги истрачены на сидѣвшихъ въ тюрьмѣ товарищей по судьбѣ. Часть была распредѣлена между его друзьями сообразно его завѣщанію.

Не успѣли мы пережить трагическую кончину Семяновскаго, какъ вскорѣ въ тюрьмѣ отравился фосфорными спичками Родинъ, мужъ Лидіи Павловны, жившей въ это время на Нижней Карѣ.

Родинъ былъ осужденъ на 20-лѣтнюю каторгу. Дорогой, идя на каторгу длительнымъ этапнымъ порядкомъ, онъ заболѣлъ сыпнымъ тифомъ. Плохо оправившись, онъ прибылъ на Кару съ послѣдствіями тифа, отразившимися и на состояніи здоровья его духа. Одной изъ ближайшихъ причинъ, побудившихъ Родина покончить съ собой, несомнѣнно явился циркуляръ, приказывавшій держать государственныхъ преступниковъ весь срокъ въ тюрьмѣ и кандалахъ. Онъ убивалъ въ Родинѣ всякую надежду выйти хоть въ вольную команду и быть поставленнымъ въ болѣе благопріятныя условія для возстановленія своего здоровья, чѣмъ тюремное заключеніе. Изъ среднекарійской тюрьмы его перевезли въ нижнекарійскій лазаретъ живымъ и, повидимому, даже спасеннымъ отъ смерти. По крайней мѣрѣ, дня два хотя онъ и недомогалъ, но былъ въ полномъ разумѣ и сознаніи и могъ даже прохаживаться, поддерживаемый женой, по лазаретной палатѣ. Но ужъ сутки на третьи по переѣздѣ въ лазаретъ онъ пересталъ узнавать жену, сталъ забываться, говорить мало и безсмысленно и, наконецъ, при появленіи страшной желтухи впалъ въ безсознательное состояніе,—началась агонія.

Родина не могла выносить вида умиравшаго мужа и просила меня быть при немъ и закрыть ему глаза. Съ разрѣшенія доктора я былъ возлѣ Родина до послѣдней минуты, когда грудь перестала подыматься и опускаться, а глаза уже не фиксировали на свѣтъ спички. Тогда я закрылъ ему глаза и пошелъ увѣдомить Лидію Павловну, которая въ это время ждала конца агоніи мужа у Чарушиныхъ.

И еще одного товарища по судьбѣ пришлось схоронить намъ тамъ же, подъ лазаретной сопкой.

Въ промежутокъ между этими событіями Маруся Ковалевская впала въ помѣшательство и съ гауптвахты была переведена въ лазаретъ въ женское отдѣленіе. Впрочемъ, помѣшательство оказалось временнымъ.

На Кононовича всѣ эти событія оказали подавляющее впечатлѣніе, и подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія онъ написалъ иркутскому генералъ-губернатору, подъ властью котораго въ то время находилась и Забайкальская область, письмо съ настоятельной просьбой снять съ него обязанность завѣдывающаго нерчинскими ссыльно-каторжными, такъ какъ онъ не чув-

ствуетъ себя способнымъ примѣнять новыя инструкціи къ государственнымъ преступникамъ. Онъ просилъ ген.-губ. Анучина не удивляться его письму, такъ какъ онъ пишетъ подъ впечатлѣніемъ двухъ самоубійствъ (Семяновскаго и Родина) и одного помѣшательства (Ковалевской), вызванныхъ появившимися инструкціями; «бываютъ минуты, ваше превосходительство, когда даже палачи плачутъ». Кононовичъ писалъ, что такія инструкціи, какія приказано примѣнять, по его мнѣнію, и несправедливы, и ненужно-жестоки; что нельзя третировать политическихъ такъ же, какъ уголовныхъ; что для политическихъ въ силу ихъ большей нервности и того развитія, и воспитанія, которое большинство изъ нихъ получило, уже одно сознаніе своей горькой безправности есть такое тяжкое наказаніе, съ которымъ не можетъ сравниться никакое другое, и усугублять это наказаніе еще и физическими страданіями, безъ всякаго вызывающаго съ ихъ стороны повода, и жестоко, и несправедливо, и безцѣльно. И во всякомъ случаѣ онъ не способенъ быть исполнителемъ такихъ приказаній.

Я передаю это письмо Кононовича такъ, какъ его сохранила моя память съ тѣхъ поръ, какъ Кононовичъ прочелъ намъ его черновикъ, принеся его однажды къ намъ съ Ларисой въ пріютъ, чтобъ познакомить насъ съ тѣмъ, что онъ написалъ генералъ-губернатору. Я лично увѣренъ, что Кононовичъ въ то время такое письмо Анучину послалъ. Мѣсяца черезъ четыре послѣ этого онъ получилъ другое назначеніе, а на его мѣсто былъ назначенъ полковникъ Потуловъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ, когда были выпущены изъ тюрьмы Шишко и Терентьевъ, какъ окончившіе срокъ каторги, и ихъ должны были отправить на поселеніе въ Читу, мы съ Ларисой рѣшили тоже оставить Кару, гдѣ мы жили незаконно (вышедшіе на поселеніе жить на Карѣ не могли). И насъ въ серединѣ или въ концѣ мая подъ казацкимъ конвоемъ отправили всѣхъ вмѣстѣ въ Читу и тамъ оставили. На полмѣсяца раньше насъ выѣхали туда же Чарушинъ и Анна Дмитріевна.

С. Синегубъ.

Изъ недавняго прошлаго.

(Самара въ 1904—1905 гг.).

Безпокойная эпоха, въ которую мы живемъ, имѣетъ свойство быстро заносить иломъ забвенія событія, свидѣтелями которыхъ намъ пришлось быть въ незабвенные 1904—1905 года. Для историка нашего бурнаго времени, того времени, когда въ катаклизмахъ рождался въ Россіи новый міръ,— цѣнны будутъ всѣ наблюденія свидѣтелей, жившихъ въ это время, тѣмъ болѣе, что періодическая печать, уже въ силу тѣхъ цѣлей, которымъ она служитъ, всегда лишь условно отражаетъ событія, обходя многія изъ нихъ молчаніемъ.

О самарскихъ событіяхъ осени 1905 г., на которыхъ я хочу остановиться подробнѣе, я не могу говорить, не упомянувъ, хотя бы возможно кратко, о времени, имъ предшествующемъ, когда они подготовлялись.

Въ Самару я переѣхалъ весной 1901 г., послѣ зимы, проведенной въ Римѣ. Въ столицахъ я еще не имѣлъ права жить, вслѣдствіе состоянія до 1899 г. подъ гласнымъ надзоромъ (за вздорное обвиненіе въ образованіи тайнаго сообщества среди крестьянъ). Съ той поры я въ Самарскомъ краѣ прожилъ до апрѣля 1906 г.,—зимами въ Самарѣ, лѣтами въ имѣніи, въ 60 вер. отъ Самары, съ разъѣздами въ столицы и въ уѣздный городъ. До осени 1904 г. я былъ всецѣло погруженъ въ интересы сельскаго хозяйства и лишь немного времени удѣлялъ земству, юридической помощи крестьянамъ и организаціи кредитнаго товарищества, а затѣмъ и службѣ въ немъ. Въ 1902—1903 гг. и отчасти въ 1904 г. мною всецѣло владѣла мечта о поднятіи урожайности заволжской степи, къ которой я сильно привязался: дикая красота и мощь этой степи неудержимо привлекали меня. Химическій анализъ удостовѣрялъ громадное потенціальное плодородіе степной почвы; но растенія воспринимаютъ питаніе только въ растворѣ; нужно, значитъ, дать влагу, и тогда эта сухая, жесткая земля, покрытая выгорѣвшей травой, чахлымъ полынкомъ или опаленной пшеницей, обратится въ житницу, роскошный огородъ и садъ. Я останавливалъ снѣгъ, сажалъ лѣсъ, устраивалъ орошеніе долинъ, запруды. Вмѣстѣ съ другими хозяйственными хлопотами и вообще тяжкими степными условіями (полное безлюдіе, зависи-

ность отъ суроваго климата), интересъ къ поднятію сельскаго хозяйства поглощалъ меня и отвлекалъ отъ внимательнаго отношенія въ общественнымъ событіямъ.

Но, кромѣ того, и условія общественной жизни въ Самарѣ и въ уѣздѣ были очень незавидны. Въ уѣздѣ (Николаевскомъ) властвовала ничтожная кучка дворянъ, съ подручными изъ крестьянъ, обратившая земство въ какую-то никому не извѣстную канцелярію. Въ городѣ Самарѣ царилъ глубокій сонъ. Городъ этотъ искони былъ ареной быстрой и нехитрой наживы вышедшихъ изъ крестьянъ купцовъ. Какъ всѣ герои «первоначальнаго накопленія», эти люди были индиферентны ко всему, кромѣ этого накопленія, невѣжественны и неприхотливы въ своихъ потребностяхъ. За ними стояла мелкота, вчера пришедшая изъ деревни, темная, грубая и пьяная. Интеллигенція, попадая въ Самару, чувствовала себя «чужестранцами» (Е. Чириковъ въ своихъ «Чужестранцахъ» и описывалъ именно приключенія редакціи *Самарскаго Вѣстника*) и быстро умственно начинала хирѣть, если только во-время не спасалась бѣгствомъ. Нѣсколько освѣжали атмосферу невольные гости Самары, ссыльные. Тамъ жили поневолѣ В. Водовозовъ, П. Масловъ, покойный Циммерманъ (Гвоздевъ), А. Пругавинъ, П. Румянцевъ, живали покойный Михайловскій (Гаринъ), Е. Чириковъ, Гусевъ-Оренбургскій.

Но почти всѣ они жили своимъ міромъ, болѣе общаясь съ тѣми, кого они оставили въ интеллигентныхъ центрахъ, чѣмъ съ Самарой. Губерніи они не изучали, отъ уѣздной жизни, отъ населенія были далеки, какъ, впрочемъ, и вся губернская интеллигенція, что, помню, меня очень поразило во время голода 1891 г.

Жизнь интеллигенціи проходила уныло, однообразно. Собирались рѣдко, а когда собирались, то вяло говорили о современныхъ событіяхъ и поминали 70-е годы и ихъ героевъ. Были два кружка знакомыхъ, довольно рѣзко враждовавшихъ между собой, но причины этой вражды я никакъ не могъ понять. Юбилеи общественной дѣятельности главъ этихъ кружковъ были событіями, ведшими затѣмъ къ еще большему обостренію. Все это было мелко, скучно и сѣро. Лучше было общаться со степью, ища ключа къ ея плодородію.

Газета влачила жалкое существованіе, задавленная цензурой и совершенно не интересуясь жизнью губерніи. Сотрудники являлись, смѣняя другъ друга, кто изъ Орла, кто изъ Уфы или Казани и писали то же, что писали бы въ этихъ городахъ, на всѣ лады разбирая какое-нибудь, въ сущности, ничтожное общественное событіе изъ городской жизни. Хранимая цензурнымъ карандашомъ, питаясь обильными объявленіями, плодомъ газетной монополіи (добиться разрѣшенія на другую новую газету было страшно трудно; подъ конецъ періода удалось однако получить еще одну газету),—газета была просто коммерческимъ предпріятіемъ мѣстнаго купца.

Губернское земство было въ рукахъ какихъ-то земскихъ Батыевъ, шедшихъ походомъ противъ статистики и всякаго живого дѣла, стремившихся

убить всякое земское начинаніе, выходившее за предѣлы строгой необходимости. Губернскія собранія были страшно скучны и публикой почти не посѣщались; проходили они въ томъ, что господствовавшая клика проваливала всѣ разумныя предложенія «либерала» Костромитинова, чуть не единолично боровшагося почти со всѣмъ собраніемъ. Въ 1903 году К. (впослѣдствіи членъ первой Думы) хотѣлъ даже сложить съ себя званіе губернскаго гласнаго, не видя въ томъ никакой пользы для горячо любимаго имъ земскаго дѣла. Въ уѣздахъ, за исключеніемъ Самарскаго и купечески-крестьянскаго Новоузенскаго, въ земскомъ дѣлѣ царили полнѣйшая мерзость запустѣнія.

Заѣзжіе люди, какъ управляющій акцизными сборами Котельниковъ, директоръ частнаго банка Медвѣдевъ (впослѣдствіи членъ первой Думы), чиновникъ акцизнаго управленія Г., мѣстные дѣятели—адвокатъ Х., врачъ Крыловъ (тоже членъ первой Думы) всячески старались создавать организаціи, въ которыхъ можно было дѣлать хотя бы легальную культурную работу. Усиліями М. было создано очень хорошее коммерческое училище и нѣсколько благотворительныхъ учрежденій. Эти же лица создали въ 1902 г. педагогическій кружокъ, нѣкоторое время объединявшій часть интеллигенціи. Но «политическаго» въ дѣятельности этихъ учрежденій не могло быть и потому истиннаго удовлетворенія работа въ нихъ не могла дать тѣмъ, кого притягивала «политика». Нѣкоторое оживленіе вносили голода: интеллигенція встряхивалась, сплачивалась, энергично работала, вступала въ сношенія съ центрами и съ деревней. Затѣмъ наступали прежнія инертность и оторванность.

Вообще, въ либеральной части общества политическая работа была почти равна нулю. Изрѣдка залетали №№ *Освобожденія;* они опасливо передавались другъ другу. Изрѣдка посылалась въ *Освобожденіе* корреспонденція. Лишь съ конца 1903 г. сталъ ѣздить отъ Самары делегатъ, тотъ же губернскій гласный К., на съѣзды земскихъ конституціоналистовъ; приглашеніе и самыя поѣздки облекались большой таинственностью. Московскій съѣздъ 1903 г. (въ ноябрѣ) долженъ былъ постановить, чтобы всѣ земскія собранія выставили требованіе конституціи. Но это казалось очень рѣзкой и смѣлой мѣрой; она, какъ извѣстно, и не прошла на съѣздѣ.

Общій политическій подъемъ, начавшійся въ Россіи съ 1901 г. и который Плеве думалъ остановить такимъ отчаяннымъ и приведшимъ къ революціи средствомъ, какъ война съ Японіей, въ Самарѣ выражался, главнымъ образомъ, усиленіемъ различныхъ видовъ культурной работы; но эта работа не удовлетворяла и толкала въ сторону исканія болѣе непосредственной политической дѣятельности. Люди томились сознаніемъ, что жизнь ихъ проходитъ даромъ, что они не дѣлаютъ того, что «едино есть на потребу». Назрѣвало, словомъ, то настроеніе, которое черезъ 2—3 года должно было облечься въ форму постановленій ноябрьскаго земскаго съѣзда.

Нѣкоторымъ признакомъ грядущаго пробужденія, нѣкоторой щелкой, открытой для болѣе широкихъ дѣлъ, были въ 1903 г. комитеты о сель-

ской промышленности. Люди начали собираться, громко говорить о нуждахъ губерніи. Кружокъ лицъ сталъ прилагать усилія къ тому, чтобы выяснить участникамъ комитетовъ зависимость хозяйственныхъ затрудненій отъ общихъ политическихъ условій. Появились люди, готовые работать, но до тѣхъ поръ мало кому извѣстные. Были поставлены вопросы объ уравненіи сословій, отмѣнѣ земскихъ начальниковъ, объ областныхъ земскихъ организаціяхъ, долженствовавшихъ завершаться центральнымъ земскимъ органомъ. Но дальше въ требованіяхъ не шли, зная мѣстную публику. И то возраженія были сильныя. Но, какъ извѣстно, затѣмъ Витте рѣзко повернулъ фронтъ; докторъ Мартыновъ, заговорившій въ Воронежѣ о конституціи, полетѣлъ въ ссылку. На окончательномъ совѣщаніи у самарскаго губернатора Брянчанинова все было скомкано и обезличено. Инспекторъ сельскаго хозяйства Ш., выставившій требованіе націонализаціи земли, былъ уволенъ. Кстати, этотъ Ш., не всегда поступавшій практично, сдѣлалъ, благодаря громадной энергіи и серьезности отношенія къ крестьянскимъ нуждамъ, очень много для того, чтобы заронить въ головы крестьянъ и хуторянъ мысль о необходимости измѣнить отжившіе, рутинные способы хозяйства. Немало въ этомъ отношеніи было сдѣлано и удѣльнымъ агрономомъ Л. Они оба поддерживали взглядъ на совершенно своеобразныя сельско-хозяйственныя условія самарскаго края, взывая къ необходимости ихъ изученія путемъ правильно поставленныхъ опытовъ.

Общая тенденція избирать, пока что, путь культурной работы заставила меня содѣйствовать основанію въ ближнемъ селѣ кредитнаго товарищества. Эти учрежденія сыграли свою провиденціальную политическую роль, какъ и вообще всякія легальныя учрежденія; извѣстно, какое значеніе для петербургскаго рабочаго движенія имѣли просвѣтительныя учрежденія, созданныя къ концу 80-хъ годовъ «на тракту», за Невской заставой. Это доказываетъ, какъ вѣрно было политическое чутье нашихъ «фанатиковъ просвѣщенія». Работая въ кредитныхъ товариществахъ, дѣловитые крестьяне сразу упирались въ нелѣпость бюрократическаго строя: товарищества быстро расширяли свои операціи: села у насъ въ степи громадныя, по 3, 4 и 5 тысячъ душъ, хозяйство чисто денежное, народъ рисковый, оборотистый, прирожденный торговецъ и спекулянтъ. Нужно поэтому было расширеніе кредита, а банковское начальство поучало крестьянъ, что надо-де вклады привлекать, что нечего на государственныя средства разсчитывать (Это говорили чиновники того государственнаго банка, который сотни милліоновъ народныхъ денегъ расшвыряетъ въ видѣ противозаконныхъ «внѣуставныхъ» ссудъ прогоравшимъ помѣщикамъ и промышленникамъ.). И въ то же время банковское начальство опутывало товарищества тьмою сложной и срочной отчетности. Канва для политическихъ бесѣдъ давалась готовая, умозаключенія дѣлались сами собой. Тѣмъ не менѣе, во многихъ селахъ, гдѣ не было интеллигента въ правленіи, кредитныя товарищества обратились въ тѣсныя компаніи мѣстныхъ воротилъ, нагрѣвающихъ руки около «банка».

Работая въ товариществѣ въ качествѣ предсѣдателя повѣрочнаго совѣта, я наблюдалъ громадную дѣловитость и быстроту соображенія крестьянъ и въ то же время явное и рѣзкое проявленіе среди нихъ классоваго чувства: все зажиточное грубо старалось оттереть бѣдноту, стремясь обратить товарищество въ банкъ долгосрочнаго кредита для возможно меньшаго числа «жителей» (богачей), которые могли бы переписывать свои долги изъ срока въ срокъ. Вообще, «буржуазныя» стремленія проявлялись постоянно. И поэтому, имѣя въ виду, по крайней мѣрѣ, самарскихъ степняковъ, я только дивился восхвалителямъ крестьянскихъ стремленій къ «уравнительности». Кругомъ меня царили полнѣйшіе индивидуализмъ и равнодушіе къ общественному дѣлу (даже сносныхъ мостовъ и перевозовъ въ самомъ селѣ не могли никогда устроить).

Съ 1903 года я сталъ принимать нѣкоторое участіе въ уѣздной земской работѣ, причемъ на земскія собранія приходилось ѣздить за 140 в. Время тогда въ уѣздѣ было такое, что всѣ почти предложенія, дѣлаемыя небольшой кучкой «либераловъ», очень легко принимались. Противная сторона была застигнута врасплохъ, не была сплочена, не интересовалась земскимъ и общественнымъ дѣломъ. И въ то же время мы внѣшне еще обращались со старой партіей, по прежней привычкѣ. 1905 годъ принесъ полное разобщеніе, глубокую, сознательную вражду, сплоченіе «черныхъ», доносы, изгнанія нашихъ ставленниковъ—настоящую войну.

Подпольная дѣятельность того времени въ городѣ и въ губерніи мнѣ была мало извѣстна. Въ нашемъ глухомъ уѣздѣ не было, по крайней мѣрѣ, и слѣда агитаціи. Въ другихъ уѣздахъ она, до 1905 года, кажется мнѣ, ограничивалась нѣсколькими, ставшими широко извѣстными селеніями. Въ самой Самарѣ были с.-д. и с.-р., но врядъ ли была усиленная работа. Аресты, тѣмъ не менѣе, происходили; но больше въ тюрьмѣ сидѣли лица, привезенныя изъ другихъ мѣстъ. Прокламаціи мѣстнаго издѣлія попадались очень рѣдко. Среди многочисленныхъ городскихъ рабочихъ шла какая-то работа. Зато «транзитомъ» въ Самарѣ бывало, повидимому, много революціонныхъ элементовъ. Таково уже было узловое положеніе города—на самомъ перекресткѣ великихъ путей съ востока на западъ и съ юга на сѣверъ.

Часть городской интеллигенціи, члены редакціи мѣстной газеты, заѣзжіе люди собирались на ужины къ нотаріусу С., человѣку талантливому, другу Горькаго и Скитальца, литературному критику (Треплевъ). Тамъ читались литературные рефераты, поднимались обычные русскіе споры, безбрежные, страстные, отвлеченные. Собирались и у желѣзнодорожника О. На этихъ собраніяхъ ярко выступала общая неудовлетворенность своей вынужденной отторгнутостью отъ политической жизни.

И кто знаетъ? какъ долго бы еще продолжалось это состояніе, когда мы сознавали, что надъ жизнью набита тяжелая гробовая крышка, которую поднять нельзя, что сознательному меньшинству нельзя ничѣмъ противодѣйствовать тому надругательству, которое надъ Россіей совершаетъ кучка тѣхъ

кому все дозволено. Но подошла японская война. Помню, какъ словно всѣхъ что-то стегнуло, когда въ залѣ земскаго собранія въ февралѣ 1904 года узнали, что война объявлена и что уже погибла часть нашего флота. Помню, какъ всѣ словно преобразились: потрясенные, какъ бы выросшіе въ собственныхъ глазахъ, серьезные, переговаривались гласные и публика, которая вдругъ стала вести себя иначе—гораздо менѣе, какъ посторонніе. Оживились кружки интеллигенціи. У нотаріуса С. и у желѣзнодорожника О., которому судьба черезъ какихъ-нибудь 15—16 мѣсяцевъ должна была вручить на краткое время руководящую всероссійскую роль въ забастовочномъ движеніи, собравшіеся сидѣли до 3—4 ч. ночи, а то и до 6 ч. утра. Бѣшено спорили, ссорились даже: одни доказывали, что пораженіе Россіи есть единственное условіе ея освобожденія; другіе взывали къ непосредственному патріотизму и утверждали, что преступно и противоестественно *желать* пораженій, что тогда нужно быть послѣдовательнымъ и помогать японцамъ, что война, и независимо отъ нашихъ неудачъ, поведетъ къ ускоренію темпа всей жизни. Къ числу такихъ «патріотовъ» принадлежали и нотаріусъ С., и будущій стачечникъ О., на главу котораго вскорѣ должны были обрушиться жестокія преслѣдованія.

Въ 1904 г. я ранней весной переѣхалъ на хуторъ, гдѣ прожилъ до половины сентября, совершенно ушедшій въ хозяйство. Живя среди крестьянъ, я наблюдалъ въ первый періодъ войны, въ общемъ, патріотическое отношеніе къ ней, вѣру въ близость нашей побѣды. Бранили правительство лишь отдѣльные голоса. Надъ гибелью «Петропавловска» плакали. Имя Макарова всѣ повторяли. При проѣздѣ Куропаткина черезъ Самару на вокзалъ собрались громадныя толпы всякаго народа. Мобилизація въ деревнѣ происходила удивительно покорно. И тѣ самые степные крестьяне, которые обыкновенно очень не любятъ не только батрацкаго режима, но и вообще всякаго интенсивнаго напряженія, становящагося поперекъ дороги ихъ въ общемъ казачьему идеалу «просторной», вольной жизни (хотя бы въ бѣдности, но только безъ напряженія, безъ тѣсноты),—эти самые крестьяне съ удивительной готовностью собирались въ страшный путь. Поохаютъ бабы, поплачутъ и начинаютъ укладывать и увязывать несложный багажъ.

Объ убійствѣ Плеве я узналъ очень поздно. Почтовыя условія были невозможныя. За почтой приходилось посылать въ Самару, за 60 верстъ. И это несмотря на то, что сосѣднее село и мы, нѣсколько хуторянъ, давали нужныя средства на открытіе въ этомъ селѣ почтоваго отдѣленія. Почтовое вѣдомство выражало согласіе. Но все пошло прахомъ изъ-за земскаго начальника Посникова; онъ далъ заключеніе о безполезности почтоваго учрежденія въ нашемъ селѣ—все, какъ водится въ провинціи, на почвѣ личныхъ отношеній: онъ не могъ простить мнѣ обличеній его служебныхъ упущеній и нелѣпостей. Я жаловался во всѣ инстанціи, вплоть министерства внутреннихъ дѣлъ, но даже отвѣта не получилъ.

Вскорѣ пошли вѣсти о новомъ курсѣ, о такъ называемой «веснѣ». На земскомъ собраніи «молодая» партія явно брала верхъ, крестьяне

гласные подняли голову. Обновили составъ уѣздной управы и губернскихъ гласныхъ. Просвѣтлѣнію крестьянъ много содѣйствовала семья тверичанъ Б., жившая въ центрѣ уѣзда, гдѣ одинъ изъ нихъ управлялъ огромнымъ имѣніемъ человѣколюбиваго общества. Въ началѣ 1906 года, когда реакція подняла голову, Б. былъ арестованъ, продержанъ около 3 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и удаленъ изъ предѣловъ губерніи.

Не успѣлъ я вернуться съ земскаго собранія, какъ пришлось ѣхать въ Петербургъ, на ноябрьскій съѣздъ. Я на него попалъ безъ всякаго полномочія, по ходатайству знакомыхъ членовъ съѣзда. Помню, какъ поразила меня крайняя умѣренность, царившая на предварительныхъ собраніяхъ: не хотѣли, чтобы въ числѣ требованій даже упоминалось слово «конституція». Въ то же время обсуждался, однако, вопросъ о требованіи учредительнаго собранія, вызвавшій отрицательное къ себѣ отношеніе.

Ясно было наступленіе совершенно новой, особенной эры. Ясно было, что съѣздъ и его требованія—явленіе крупное, всколыхнувшее поверхность всей жизни. Дѣло было не столько въ самыхъ требованіяхъ, казавшихся умѣренными, сколько въ томъ, что они были *открыто* заявлены отъ лица людей различныхъ политическихъ оттѣнковъ, но пользовавшихся вліяніемъ. Это былъ реальный починъ, столь важный во всякомъ дѣлѣ; это былъ толчокъ, сдвинувшій съ мѣста и другія тѣла.

Рѣдко видалъ я, развѣ только въ первой Думѣ, болѣе торжественное, болѣе приподнятое настроеніе, чѣмъ въ эти дни. Мы выросли въ собственныхъ глазахъ; мы въ то же время начинали ощущать новое для насъ чувство отвѣтственности за государственное дѣло, отнынѣ ложащееся на насъ.

Въ половинѣ ноября я вернулся въ Самару. Тамъ съ напряженіемъ слѣдили за дѣятельностью съѣзда; знаменіемъ времени было то, что интересовались не одни интеллигенты, но и кое-кто въ купеческихъ кругахъ. Немедленно по пріѣздѣ я сдѣлалъ докладъ о съѣздѣ въ помѣщеніи частнаго банка, привлекшій массу народа, и бывшій повтореніемъ сообщенія, прочитаннаго мною въ Петербургѣ, въ домѣ г-жи Д., теперь одной изъ видныхъ дѣятельницъ к.-д. партіи. Очень было характерно, что мой докладъ вызвалъ рѣзкія возраженія какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Самарѣ. Въ первомъ случаѣ возражалъ присяжный повѣренный Б. 2-й, а въ Самарѣ присяжный повѣренный Г., по просьбѣ мѣстнаго журналиста П., не пожелавшаго выступать публично. Возраженія сводились къ утвержденію, что съѣздъ только и сдѣлалъ, что высказалъ всѣмъ давнымъ давно извѣстныя требованія, придавъ имъ, вдобавокъ, очень умѣренную форму и не указавъ путей дальнѣйшей работы. Высказывалось обвиненіе и въ самочинномъ характерѣ съѣзда; въ этомъ радикальныя возраженія совпадали съ реакціонными.

19 ноября состоялось очень характерное засѣданіе самарскаго педагогическаго кружка. Народу была масса и притомъ много невиданныхъ до того времени лицъ. Управляющій акцизными сборами К. читалъ о «Стѣнѣ» Андре-

ева, дѣлая намеки на современное политическое положеніе. Въ залѣ чувствовалось громадное напряженіе. Аплодисменты были какіе-то бѣшеные. Затѣмъ попросилъ слова ораторъ «Ивановъ», на хорахъ. Впервые въ Самарѣ открыто раздалась рѣчь «товарища»; послышались обвиненія либераловъ въ томъ, что они кругомъ да около ходятъ, что они не смѣютъ даже откровенно сказать, что «стѣна» — это самодержавіе. Зала сперва притихла, потомъ начался общій шумъ; предсѣдатель объявилъ перерывъ. Съ хоръ раздались крики: «долой либераловъ», и посыпались прокламаціи. Затѣмъ кучка молодежи шумно вышла и прошлась по улицамъ съ пѣніемъ обычныхъ пѣсенъ. Кончилось столкновеніемъ съ полиціей, гдѣ нѣсколько человѣкъ были избиты; были произведены и аресты.

Этотъ инцидентъ, предтеча другихъ, устроенный въ исполненіе общаго с.-д. плана (вспомнимъ аналогичное, наприм., выступленіе с.-д. на засѣданіи юридическаго общества 6 ноября въ Харьковѣ), произвелъ сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Разсуждали такъ: стоило появиться хоть намеку на свободу, и вотъ уже часть общества, которой мы всегда сочувствовали, хочетъ одна руководить движеніемъ, выступаетъ рѣшительнѣе насъ и публично насъ осуждаетъ. Возникало какое-то чувство горечи и даже полицейская расправа, несмотря на ея безобразіе, вызывала, пожалуй, какъ-то меньше сожалѣнія и негодованія. Это было для Самары формальнымъ началомъ того раскола, которому черезъ годъ-другой предстояло принять значительные размѣры и сильно сказаться во «дни свободы» и позже.

По указанію изъ центра, 20 ноября по всей Россіи были устроены банкеты по поводу юбилея судебныхъ уставовъ. Идея банкета была въ Самарѣ встрѣчена очень сочувственно; записалось множество народа. Но расправа 19 ноября напугала многихъ: купцы твердили—«а что если насъ за банкетъ да въ Сибирь сошлютъ? Нѣтъ, лучше ужъ не ходить». Пришло поэтому меньше, чѣмъ ожидали. Все же, банкетъ былъ многочисленный. Сперва молчали. «Мы все ѣдимъ да все молчимъ»,—заговорилъ наконецъ управляющій банкомъ М., взывая къ ораторамъ. Начались рѣчи, въ общемъ очень умѣренныя. Адвокатъ Г., наприм., высказалъ пожеланіе возстановленія судебныхъ уставовъ въ ихъ первоначальной чистотѣ. Я предложилъ подписаться подъ заранѣе заготовленнымъ заявленіемъ съ требованіемъ свободъ и народнаго представительства. Начали подписывать заявленіе и собирать, открыто, на «Освобожденіе». Первымъ подписался управляющій акцизными сборами К., а за нимъ пошли подписываться другіе.

Весь ноябрь, декабрь прошли въ вѣстяхъ о ростѣ движенія—о громадныхъ банкетахъ въ Петербургѣ и въ столь близкомъ Саратовѣ, гдѣ жизнь била ключомъ. Но въ Самарѣ дѣло не очень клеилось. Было разъ совѣщаніе съ представителями «обоихъ комитетовъ» для установленія, въ виду осенней парижской конференціи, способовъ совмѣстной работы, но разговоры вышли какіе-то нелѣпые. Одни говорили отвлеченно и придир-

рались; другіе же были чужды всякой общественной работѣ, зарытые въ мелочи обыденной жизни.

Но чувствовалось, что что-то надвигается и наростаетъ. Вѣсть о гибели Портъ-Артура очень поразила низшіе классы, усиленно въ то время читавшіе газеты: постоянно, бывало, видишь, какъ ѣдутъ крестьяне съ обозомъ по степи и тутъ же, на дорогѣ, садятся у возовъ кружкомъ и читаютъ вслухъ купленную въ городѣ газету.

Въ декабрѣ я былъ утвержденъ членомъ николаевской земской управы. И это, несмотря на мое недавнее состояніе подъ надзоромъ и донесеніе губернатора Брянчанинова о томъ, что я организую въ сосѣднихъ къ нашему хутору селахъ какія-то кооперативныя общества—чего у меня, кстати, и въ умѣ не было. Причина утвержденія заключалась въ томъ, что безобразное веденіе дѣлъ въ николаевскомъ земствѣ дошло въ то время до такихъ геркулесовыхъ столповъ, что непремѣнный членъ губ. по земскимъ дѣламъ присутствія К., типичный, въ сущности, чиновникъ, единолично въ то время правившій въ этой области, — рѣшился поддерживать «молодую» партію; онъ полагалъ, что только допущеніе «либераловъ» къ земскому дѣлу можетъ его оживить. Черезъ мѣсяцевъ восемь ему пришлось горько раскаяться въ этомъ шагѣ, а черезъ годъ съ небольшимъ онъ уже «ревизовалъ» «молодую» управу, ища поводовъ ее потопить...

Но меня не тянуло въ уѣздный городъ. Тянуло въ центры.

Въ Самарѣ начиналось оживленіе, была устроена встрѣча новаго (1905) года, въ громадной пивной Вакано. Сошлось до тысячи человѣкъ; сперва мялись, пѣли русскія пѣсни, высматривали шпіоновъ, а потомъ стали говорить на темы, кончавшіяся «извѣстными русскими поговорками». Полиція растерялась предъ открытымъ заявленіемъ того, что доселѣ и дома-то говорили съ оглядкой. Видную по смѣлости роль на этомъ вечерѣ сыгралъ земскій служащій Сумгинъ, нынѣ высланный за границу. Эта встрѣча новаго 1905 года была рѣшительнымъ починомъ крупныхъ открытыхъ выступленій, хотя она и не обошлась безъ столкновенія между с.-р. и с.-д., несмотря на предварительный уговоръ не затрагивать колючихъ темъ.

Въ жизни всѣхъ насъ произошелъ, дѣйствительно, какой-то переломъ. Жизнь стала ярче; появились новые интересы, новые люди. Для многихъ начиналась какая-то сказка Шехерезады, столь богатая событіями, что теперь, когда оглядываешься назадъ, то кажется, что все это свершились не въ теченіе какого-нибудь одного года, а нѣсколькихъ лѣтъ. Помимо революціонныхъ организацій, страшно усилившихся и работавшихъ въ низахъ, быстро прозрѣвавшихъ, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ неудачной войны,—въ движеніи усиленное участіе стали принимать профессіональная интеллигенція, чиновники, третій элементъ, даже часть купечества (хотя и очень небольшая), либеральные помѣщики (еще не знакомые съ «красной пробочкой»). Деньги еще были; ихъ жертвовали, въ увѣренности, что свобода будетъ добыта скоро, что ожидается хозяйственный подъемъ да и вообще мало думая о матеріальномъ, живя тѣмъ упрощеннымъ, востор-

женнымъ міросозерцаніемъ, которое, само по себѣ, есть зачастую источникъ энергіи. Въ настоящее время очень многіе изъ этихъ лицъ совершенно отошли или постепенно отходятъ отъ политической жизни, главнымъ образомъ изъ-за того, что видятъ, какая сложная и долгая предстоитъ борьба. Немало повліяли и матеріальные убытки всякаго рода—отъ потери должностей до дѣлового застоя и паденія цѣнъ. Къ третьему элементу было уваженіе даже у нѣкоторыхъ закорузлыхъ земцевъ; они, кромѣ того, еще не вышли изъ состоянія общественной индиферентности и отсутствія «классоваго сознанія». Поэтому третій элементъ еще систематически не травился и ему еще не ставилось альтернативы либо смиренія, либо увольненія на всѣ четыре стороны.

Въ началѣ января я поѣхалъ въ Саратовъ, чтобы оттуда проѣхать въ Москву и Петербургъ. Въ Саратовѣ я засталъ громадное оживленіе. Вообще, на этомъ городѣ лежалъ особый отпечатокъ дѣловитости и интеллигентности—профессіональная интеллигенція, третій элементъ и либеральный помѣщикъ въ немъ чувствовались гораздо большими хозяевами жизни, чѣмъ въ «купецкой» Самарѣ. Въ зиму 1904—905 въ Саратовѣ шла кипучая общественная дѣятельность, при дружной работѣ всѣхъ политическихъ партій. Я присутствовалъ на банкетѣ 9, кажется, января въ громадной залѣ клуба. Рѣчи были выдержанныя, умѣренныя, но слушатели читали между строкъ; въ залѣ былъ громадный подъемъ. Показывали въ залѣ человѣкъ тридцать настоящихъ крестьянъ, пріѣхавшихъ изъ Балашевскаго уѣзда. Въ концѣ вечера произошелъ, однако, инцидентъ, характерный, какъ провозвѣстникъ недалекихъ междупартійныхъ столкновеній. Около полуночи въ клубъ пришла многочисленная толпа съ митинга на Пѣшемъ базарѣ; это были фельдшерицы, «земледѣлы», мелкіе служащіе, рабочіе—словомъ тотъ элементъ, который вскорѣ былъ объединенъ общимъ именемъ «товарищей». Они проникли въ вестибюль и, стоя тамъ тѣсной стѣной, требовали, чтобы ихъ допустили въ залу слушать ораторовъ; при этомъ они ссылались на кѣмъ-то пущенный слухъ, будто всѣхъ зовутъ въ клубъ на общій митингъ. Ихъ долго увѣщевали, ссылаясь на тѣсноту, они упирались, кричали: «либералы», «буржуи». Въ концѣ-концовъ, толпа ушла, очень недовольная.

Затѣмъ я присутствовалъ на частномъ совѣщаніи гласныхъ, гдѣ была принята четырехчленная формула, послѣ вдохновенной, блестящей рѣчи гл. Масленникова. (Все это засѣданіе и другія изданы отдѣльной брошюрой за границей.) Видѣлъ я и засѣданіе въ клубѣ, гдѣ при свѣтѣ от[к]ка-то добытой свѣчки гласный графъ Нессельроде читалъ требованія, п[ри]нятыя частнымъ совѣщаніемъ гласныхъ. Въ залѣ царилъ общій вос[то]гъ; нѣкоторые плакали, обнимались.

Памятенъ мнѣ и крестьянскій банкетъ въ Покровской слободѣ. У во[ло]стного старшины П. (впослѣдствіи члена 1-ой Думы) собралось до 200 [че]ловѣкъ слободы. Изъ города были приглашены ораторы-адвокаты Н. и П[ав]. сотрудникъ газеты С. и учитель А. (впослѣдствіи членъ 1-ой Думы).

Разъясняли значеніе свободъ и конституціи. Учитель А. поразилъ меня своимъ громаднымъ ораторскимъ талантомъ, оказывавшимъ сильное вліяніе на крестьянъ. Не думалось мнѣ, что черезъ какіе-нибудь 15 мѣсяцевъ мы съ нимъ будемъ засѣдать въ Думѣ, какъ члены двухъ борющихся между собой партій. Самое характерное было на этомъ банкетѣ, во-первыхъ, то, что крестьяне высказывали недовольство всякимъ мало-мальски свободнымъ трактованіемъ религіозныхъ вопросовъ и, во-вторыхъ, то, что одинъ пожилой крестьянинъ мнѣ сказалъ, за чаемъ, послѣ рѣчей: «Гарно это вы про свободы говорили, но, прежде всего, крестьянину нужна земля; надо такъ сдѣлать, чтобы вся земля отошла къ крестьянамъ».

Между тѣмъ, до Саратова уже дошла вѣсть о 9 января. Но подробности были мало извѣстны. Однако то, что знали, было столь ужасно, что въ Саратовѣ уже начиналась забастовка. Говорили о начинающихся желѣзнодорожныхъ забастовкахъ; увѣряли, что Николаевская дорога уже стала.

Въ Москву я пріѣхалъ 12 или 13 января. Здѣсь только и говорили, что про 9-ое. Ходили разные невѣроятные слухи о предстоящемъ бѣгствѣ правительства и т. п. Освобожденцы усиленно работали, распространяя свѣдѣнія о 9 января, комментируя его. Мнѣ пришлось 14 января быть въ засѣданіи московскаго общества сельскаго хозяйства, гдѣ была принята извѣстная резолюція о прекращеніи сношеній съ преступнымъ «петербургскимъ правительствомъ». Меня, привыкшаго къ обширной залѣ и многочисленной публикѣ засѣданій вольнаго экономическаго общества, поразила тѣснота помѣщенія и малочисленность присутствующихъ. Рѣшеніе было принято сочувственно, но оно свалилось, какъ снѣгъ на голову; были и протестующіе голоса.

Въ Петербургѣ я засталъ сильно повышенное настроеніе. Строились смѣлые и широкіе планы. Людей прямо нельзя было узнать...

Но я спѣшилъ въ Самару, гдѣ въ концѣ января открывалось губернское земское собраніе (я былъ осенью 1904 избранъ губернскимъ гласнымъ). Либеральной партіи, вмѣстѣ съ сочувствующими гласными, предстояло провести присоединеніе губернскаго собранія къ тѣмъ требованіямъ (11 пунктовъ), которыя были выставлены ноябрьскимъ земскимъ съѣздомъ. Задача была не изъ легкихъ, такъ какъ ядро гласныхъ, рѣшившихся во что бы ни стало провести 11 пунктовъ, было невелико. Противъ себя они имѣли твердую стѣну реакціонныхъ гласныхъ дворянъ, съ губернскимъ предводителемъ Чемодуровымъ во главѣ. А всякій, поживший въ провинціи, знаетъ, что̀ такое предводитель дворянства для дворянъ—помимо обычнаго бюрократическаго, онъ пользуется еще сословнымъ авторитетомъ совершенно особеннаго свойства. Люди, сочувствующіе либеральному ядру, были довольно многочисленны—духъ времени заставлялъ либеральничать такихъ лицъ, которыя раньше были индиферентны или прямо реакціонны (Теперь они, конечно, излѣчились отъ своихъ увлеченій.). Тѣмъ не менѣе, эти сочувствующіе были очень неустойчивы и испыты-

вали какое-то невольное, особое преклоненіе передъ правыми; такова сила привычки. И вообще, въ провинціальной средѣ средній земецъ всегда опутанъ сѣтью родственныхъ и иныхъ соображеній, совершенно связывающихъ его свободу.

Земское собраніе началось скандаломъ. Его съ нетерпѣніемъ ждали тѣ, кого теперь зовутъ «крайними лѣвыми»; собраніемъ, какъ шумнымъ и пикантнымъ зрѣлищемъ, собирались насладиться и многіе скучающіе обыватели. Публики должно было набраться много. Внезапно стало извѣстно, что просторные хоры, предназначенные для публики, будутъ, по распоряженію Чемодурова, заперты. Такъ 30 января, въ день открытія собранія, и оказалось. Несмотря на рѣзкіе протесты гласныхъ, предводитель этой мѣры отмѣнить не соглашался, считая, что онъ ее принимаетъ всецѣло на свою отвѣтственность.

Явился и. д. губернатора Кондоиди,—дня три назадъ произнесшій дворянскому собранію нравоученіе въ духѣ *Московскихъ Вѣдомостей* (это собраніе отказалось присоединиться къ требованію созыва представителей). Неизвѣстно, что произнесъ бы на этотъ разъ губернскій сановникъ, — прославившійся изобрѣтеніемъ термина «третій элементъ», — если бы во время молебна на хорахъ не появились сперва подростки въ ученической формѣ, а затѣмъ взрослые, производившіе, входя, нѣкоторый шумъ. Затѣмъ на хоры вбѣжалъ смотритель зданія и сталъ довольно шумно удалять публику. Ему подчинились. Предводитель исчезъ изъ зала. Молебенъ, между тѣмъ, окончился, и наступило неловкое молчаніе. Вернувшись въ залъ, Чемодуровъ объяснилъ Кондоиди, что публика вторглась на хоры, сломала замокъ, и что поэтому онъ не признаетъ возможнымъ открывать немедленно собранія, а проситъ это сдѣлать завтра, когда имъ будутъ приняты предохранительныя мѣры. Гласный К. въ присутствіи Кондоиди сталъ рѣзко протестовать. Протестовали и другіе. Публика громко аплодировала протестующимъ. Тѣмъ не менѣе, открытіе было отложено. Гласные удалились въ кабинетъ предсѣдателя управы; началось частное совѣщаніе, положившее починъ ряду подобныхъ совѣщаній. А публика сложилась и положила кучку мѣдныхъ денегъ на предсѣдательскій столъ— на новый замокъ. Оказалось, между прочимъ, что замка никто не ломалъ, а онъ просто былъ не запертъ или испорченъ.

31 января губернское собраніе было открыто, причемъ Кондоиди избралъ самое благоразумное рѣшеніе — ограничился фразой объ открытіи собранія, безъ всякихъ коментаріевъ. Немедленно собраніе было обращено въ частное совѣщаніе гласныхъ, съ удаленіемъ недовольной такимъ рѣшеніемъ публики. Земское собраніе все время до 7 февраля продолжалось въ видѣ такихъ частныхъ собраній. Человѣкъ 40, сидящихъ съ 12 часовъ дня до сумерокъ, и опять вечеромъ — въ пустынномъ обширномъ земскомъ залѣ. Страстныя пренія и въ залѣ, и въ «кулуарахъ» во время перерывовъ. Чувствовалось, какъ неохотно сдается старое, какъ трудно про-

водить новое и что удается его проводить главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что старое захвачено врасплохъ, неподготовлено, не сплочено.

Началось съ того, что было признано необходимымъ установить отношеніе собранія къ участію предсѣдателя губернской управы У. въ петербургскомъ ноябрьскомъ съѣздѣ. Но это должно было быть лишь способомъ перехода къ обсужденію 11 пунктовъ этого съѣзда. Часть гласныхъ открыто, а другая скрыто противилась такому обсужденію. Открыто выступалъ предводитель Чемодуровъ, стараясь перевести собраніе на разсмотрѣніе смѣты. Въ первомъ же засѣданіи, происходившемъ не подъ его предсѣдательствомъ, а подъ умѣлымъ предсѣдательствомъ спеціально на то выбраннаго бывшаго самарскаго уѣзднаго предводителя П., Чемодуровъ заявилъ, что съ ноябрьскимъ съѣздомъ «министръ попался»: Святополкъ-Мирскій соглашался де лишь на съѣздъ предсѣдателей управъ, а организаторы съѣзда ввели въ его составъ иные элементы. Съѣздъ былъ до извѣстной степени тайный—собирались на частныхъ квартирахъ, мѣняя ихъ. Постановленія съѣзда извѣстны намъ въ формѣ краткихъ тезисовъ, безъ мотивировокъ. Теперь организовался кругъ лицъ, которыя всячески проводятъ въ жизнь постановленія ноябрьскаго съѣзда, дѣйствуя въ собраніяхъ, обществахъ, разсылая ихъ по школамъ, по волостнымъ правленіямъ. Между тѣмъ, постановленія съѣзда, «стремясь къ измѣненію вѣковыхъ устоевъ нашего строя, носятъ въ общемъ характеръ предосудительный». При этомъ Чемодуровъ объяснялъ, что эти свѣдѣнія онъ почерпнулъ на московскомъ совѣщаніи предводителей дворянства. Болѣе откровенно возражалъ новый губернскій предводитель (еще въ то время не утвержденный Наумовъ). Онъ вполнѣ одобрялъ дѣятельность съѣзда, но находилъ, что теперь не время возбуждать вопросы коренного государственнаго переустройства: «у страны есть теперь другая, болѣе важная забота—война».

Посыпались наши возраженія, съ указаніями на разнообразный составъ съѣзда, на безпристрастный характеръ его резолюцій, удѣлявшихъ мѣсто и мнѣніямъ меньшинства и т. п. Въ это время (былъ уже вечеръ) было доложено, что внизу давно дожидаются двѣ депутаціи, отъ самарскихъ гражданъ и отъ адвокатуры. Чемодуровъ пытался протестовать: «Сегодня мы примемъ интеллигентовъ, а завтра придутъ рабочіе съ мельницы Ромашева и тоже съ адресомъ». Тѣмъ не менѣе, рѣшено было (26 противъ 21) принять депутатію. Чемодуровъ и нѣкоторые другіе (7 человѣкъ) демонстративно удалились изъ зала.

Затѣмъ совѣщаніе, стоя, выслушало оба адреса, говорившіе о трудномъ времени, переживаемомъ Россіей, и видѣвшіе выходъ изъ него въ коренныхъ реформахъ. Отъ собранія ожидалось исполненіе долга передъ родиной.

Въ результатѣ было рѣшено благодарить предсѣдателя управы за его участіе на съѣздѣ.

День 1 февраля былъ посвященъ обсужденію самихъ 11 пунктовъ. Но предварительно Чемодуровъ всячески старался не допустить такого об-

женія. Указывалось и на многочисленность собранія и на то, что вопросы, затрогиваемые тезисами, уже разсматриваются комитетомъ министровъ. Заявлялось, что общегосударственные вопросы не могутъ быть обсуждаемы въ публичномъ засѣданіи. Но сопротивленіе предводителя было, наконецъ, сломлено, и совѣщаніе стало разсматривать тезисы. Первые 9 быстро были приняты одинъ за другимъ, причемъ нѣкоторые гласные, въ общемъ либеральничавшіе, возражали противъ еврейскаго равноправія. Десятый тезисъ, объ участіи въ законодательной власти, вызвалъ вопросъ о совмѣстимости новаго строя съ самодержавіемъ. Нѣкоторые участники ноябрьскаго съѣзда стали утверждать, что съѣздъ не имѣлъ намѣренія ограничивать самодержавіе, что и въ странахъ Запада монархъ имѣетъ важное право «veto» и т. п. Гласный же Ш. спросилъ, почему совѣщаніе возстаетъ противъ законнаго ограниченія самодержавія, а мирится съ фактическимъ—со стороны всесильнаго чиновничества.

Незначительнымъ большинствомъ былъ принятъ 10 пар. въ редакціи большинства, но съ добавленіемъ словъ «при сохраненіи неограниченной власти Государя», что, именно въ связи съ редакціей большинства, выходило совершенно безсмысленно.

Затѣмъ поднялся вопросъ объ адресѣ. Споры о немъ заняли четыре дня и принимали порой очень страстный характеръ. Было, наконецъ, выработано двѣ редакціи, одна съ упоминаніемъ о сохраненіи самодержавія, другая безъ такого упоминанія. 7 февраля, послѣ ряда рѣзкихъ столкновеній съ публикой и съ печатью, собраніе было закрыто: гласные не находили возможнымъ продолжать занятія при подобномъ отношеніи предсѣдателя къ своимъ обязанностямъ. Передъ земскимъ домомъ, на улицѣ, стояли густыя толпы—все больше интеллигенція. Разъѣзжали наряды изъ запасныхъ артиллеристовъ. Чемодуровъ былъ встрѣченъ свистомъ и бранными словами, на что онъ только иронически раскланивался. Популярныхъ гласныхъ публика провожала аплодисментами.

Адреса были переданы Кондоиди и, подъ какимъ-то формальнымъ предлогомъ, не получили, кажется, дальнѣйшаго движенія.

Земское собраніе сильно оживило губернскую интеллигенцію. Черезъ недѣлю начался съѣздъ представителей кредитныхъ товариществъ, оказавшій въ смыслѣ пробужденія сознательности немалое вліяніе на крестьянство и на деревенскую полуинтеллигенцію. Насъ оказалось человѣкъ 8—10 интеллигентовъ среди около 150—180 крестьянъ и полуинтеллигентовъ и, тѣмъ не менѣе, мы сразу провели, прежде всего, частныя совѣщанія, гдѣ, какъ мы хорошо знали, крестьяне должны были говорить гораздо свободнѣе. Спустя какой-нибудь часъ въ секціи крестьяне горячо присоединялись къ требованію уравненія сословій, установленія свободъ, отмѣны земскихъ начальниковъ. Вскакивали разгоряченные ораторы, приводили примѣры притѣсненій, имъ извѣстные. Связь недостатковъ кредитнаго дѣла съ общимъ положеніемъ дѣлъ становилась все яснѣе. Изъ ораторовъ и ли[illegible]новъ особенно выдѣлялись землевладѣлецъ изъ крестьянъ К., личность

выдающагося ума и энергіи, устроившій сельско-хозяйственное общество, потребительную лавку, кредитное товарищество, первый въ Россіи сельскій общественный элеваторъ (въ с. Алексѣевкѣ, Бузулукскаго уѣзда), и земскій врачъ изъ села Обшаровки, Самарск. у., Кр. (выведенъ подъ фамиліей д-ра Астрова въ разсказѣ Скитальца («Кандалы»); д-ръ Кр. былъ беззавѣтный другъ народа, иниціаторъ ряда полезныхъ учрежденій, человѣкъ удивительнаго личнаго мужества. Обоихъ ихъ октябрьская буря унесла прочь отъ любимой дѣятельности.

Интересно было наблюдать, какъ быстро мѣнялось настроеніе нѣкоторыхъ крестьянъ: одинъ молодой парень въ первый день отчаянно спорилъ съ нами и даже, подбѣжавъ ко мнѣ на улицѣ, послѣ засѣданія, рѣзко укорялъ меня; къ концу же второго дня онъ всецѣло перешелъ на нашу сторону—первоначальнаго недовѣрія не осталось и слѣда.

Несмотря на противодѣйствіе управляющаго отдѣленіемъ государственнаго банка Е. (игравшаго на съѣздѣ ту же роль, что Чемодуровъ въ земскомъ собраніи), двухъ-трехъ чиновниковъ и одного крестьянина, прообраза нынѣшнихъ черносотенцевъ, съѣздъ принималъ одно наше политическое требованіе за другимъ. Отношенія крайне обострились, когда рѣчь зашла объ адресѣ. Мы старались провести адресъ съ требованіемъ созыва народныхъ представителей; управляющій же предлагалъ обыкновенный славословящій адресъ и это почти наканунѣ рескрипта о созывѣ представителей! Его отказъ поставить на баллотировку нашъ адресъ вызвалъ нашъ шумный уходъ изъ засѣданія; ушли и нѣкоторые крестьяне. На скорую руку проведенъ былъ адресъ, составленный Е., но подписывать его оказалось недостаточно охотниковъ. Одного крестьянина кредитный инспекторъ долго уговаривалъ подписать адресъ. «Оставьте меня,—отвѣчалъ крестьянинъ,—если будете настаивать, я возьму да напишу, что съ адресомъ не согласенъ». Такое отношеніе тѣмъ болѣе было поразительно, что кредитныя товарищества очень зависятъ отъ управляющаго отдѣленіемъ государственнаго банка.

Вообще, природная самостоятельность и нелюбовь къ стѣсненіямъ, столь свойственныя особенно степнымъ самарскимъ крестьянамъ, сказались здѣсь вполнѣ.

Съ увлеченіемъ работали мы на съѣздѣ.

Къ отраднымъ моимъ воспоминаніямъ принадлежитъ память объ этомъ съѣздѣ: такъ и вижу передъ собой обширный залъ биржи, гдѣ происходили наши собранія, и обвѣтренныя, смуглыя лица стройныхъ, рослыхъ степняковъ. Какъ, бывало, разговорится петербургскій чиновникъ Б., такъ сосѣдъ и шепчетъ: «Слышь, Д. Д., ты аль Петръ Леонтьевичъ (К.), вставьте вы ему спицу въ колесницу; чего зря калякаетъ!» А чего всего болѣе мнѣ жаль, такъ это того безвозвратно минувшаго настроенія зрѣющей силы, успѣха, которымъ мы тогда были проникнуты...

Съѣздъ нашъ кончился 17 или 18 февраля, а 18 же я получилъ ночью телеграмму изъ Петербурга о рѣшеніи созвать народныхъ представителей.

Признаюсь, на меня это рѣшеніе не произвело почти никакого впечатлѣнія. То же самое замѣчалъ я и относительно окружающихъ. Недовѣріе къ власти сидѣло въ насъ прочно, и обѣщаніямъ мы вѣрили плохо, особенно даваемымъ въ общей формѣ.

Какъ ни какъ, но я все-таки былъ членъ уѣздной управы, и мнѣ пришлось ѣхать въ началѣ марта въ уѣздный городъ, за 180 вер. отъ Самары, посѣщая дорогой школы, бесѣдуя съ крестьянами. Земское дѣло было въ уѣздѣ (Николаевскомъ) поставлено ужасно, но въ крестьянахъ,—откровенныхъ, сочувствующихъ намъ (крѣпостныхъ въ этой части уѣзда никогда не было),—я видѣлъ будущихъ союзниковъ, а уѣздное земское дѣло, созидательное, реальное, съ его постояннымъ соприкосновеніемъ съ населеніемъ, страшно влекло меня къ себѣ. Но внутренній голосъ возражалъ, указывая путь политической работы: какое же возможно земское дѣло безъ общей свободы?

Погода стояла чудная, какой она часто бываетъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ этомъ любимомъ солнцемъ краю: тишина, темно-голубое небо, яркое солнце, сверкающій снѣгъ, припеки днемъ, морозъ ночью. Ѣхалъ я долиной Б. Иргиза, съ которой у меня были связаны еще юношескія воспоминанія (работа въ голодные 1891—1892 гг.). Направо высокіе, но пологіе сырты, чудно синѣющіе вечерами. Вдоль причудливыхъ изгибовъ Иргиза чернѣющіе дубовые «гаи», а за Иргизомъ безконечная даль убѣгающихъ къ «Обчему» степей. Не думалъ я тогда, что всего какіе-нибудь полгода еще остается мнѣ ѣздить этими мѣстами, чтобы затѣмъ навсегда разстаться съ ними.

Не успѣлъ я вернуться въ Самару и принять участіе въ холерномъ совѣщаніи при губернской управѣ, гдѣ я увидѣлъ, какое громадное число живой университетской молодежи приглашено для работы на холерѣ,—какъ во второй половинѣ марта пришлось ѣхать въ Москву на съѣздъ «Освобожденія»; тамъ я съ грустью убѣдился, какъ страшно отстала, въ смыслѣ политической работы, наша Самара. Посѣтивъ раза два пироговскій съѣздъ, я былъ пораженъ сильнымъ подъемомъ настроенія и въ то же время шаблоннымъ радикализмомъ большинства рѣчей. Покойный Скалонъ, какъ истинный либералъ, негодовалъ: «При чемъ тутъ холера?»—твердилъ онъ:—«они одной политикой занимаются». Мы съ нимъ уже не спорили, считая, что наши убѣжденія совершенно расходятся.

Вернувшись въ Самару, я попытался собрать освободженческій кружокъ; онъ издалъ воззваніе къ народу, воспроизведенное однимъ изъ нелегальныхъ комитетовъ. Но дѣло не клеилось.

Недѣли черезъ двѣ я уже былъ на своемъ хуторѣ, на посѣвѣ, гдѣ, какъ всякій хозяинъ въ это горячее время, жилъ среди рабочихъ. Большую перемѣну подмѣтилъ я среди крестьянъ. Аграрный вопросъ пожаловалъ и въ нашу, сравнительно, многоземельную глушь. Только и слышалось: «Ишь, сколько себѣ, черти, земли отхватили, а мы у нихъ арендуй по двадцати рублей. Небось, они на войну-то не идутъ, а нашъ братъ

тамъ за нихъ помирай. Нѣтъ, коли мы Россію защищаемъ, ты намъ и земли подавай; отобрать ее у этихъ лодырей... Будемъ теперь скотину пасть, гдѣ хотимъ; будемъ и косить. А солдатъ намъ нечего бояться; ежели всѣ дружно тронемся, такъ на насъ солдатъ не напасешься». При этомъ можно было наблюдать рѣзко измѣнившееся отношеніе къ войнѣ. Патріотизмъ испарился; вернувшіеся раненые озлобленно поносили нераспорядительность, трусость и вороватость начальства. Рабочіе на бороновкѣ работали вялѣе, были болѣе требовательны насчетъ пищи, хуже слушались приказчиковъ.

Никакого, однако, серьезнаго аграрнаго движенія у насъ въ уѣздѣ затѣмъ не было. Было нѣсколько случаевъ потравъ, поджоговъ, было даже въ 1906 г. убійство станового. Но прибытіе команды полагало всему конецъ. На слабое развитіе аграрнаго движенія вліяли сравнительное многоземеліе, отдаленность владѣльческихъ хуторовъ отъ селъ, отсутствіе въ свое время крѣпостного права со всѣми его земельными послѣдствіями, паденіе арендныхъ цѣнъ и самое отсутствіе объектовъ для народной мести: на громадныхъ купеческихъ участкахъ стоитъ обыкновенно какая-нибудь изба съ нѣсколькими дрянными службами, гдѣ живетъ приказчикъ, занимающійся сдачей земли въ краткосрочную аренду. При немъ 2 рабочихъ да 3—4 лошади. Что же тутъ жечь и громить?

Въ городѣ Самарѣ замѣчалась тоже большая перемѣна. С.-д. начинали выступать все болѣе рѣшительно и открыто, хотя число активныхъ элементовъ среди нихъ не было, повидимому, велико. Ихъ тактикой было являться на всякія легальныя собранія, входить послѣ начала засѣданія, стуча ногами и протискиваясь впередъ. Затѣмъ одинъ-другой ихъ ораторъ говорилъ на обычную тему о тщетности всякихъ буржуазныхъ пріемовъ борьбы и кончалъ славословленіемъ единой революціонной с.-д. п. Публика иногда пасовала, иногда спорила. Въ то время происходили частныя засѣданія союза женскаго равноправія. С.-д. особенно охотно навѣщали этотъ союзъ и, впрочемъ, не безъ пользы, такъ какъ воевали тамъ съ его нерѣшительнымъ отношеніемъ къ четырехчленной формулѣ. Вообще, долженъ сказать, что у с.-д. я подмѣчалъ такія два отношенія къ намъ, будущимъ к.-д. (меня они называли «отжившимъ либераломъ»); публично они смѣшивали насъ съ грязью, но по многимъ дѣламъ они обращались къ намъ съ различными предположеніями, совѣтывались, просили помощи, бесѣдовали. Очевидно, культурное одиночество въ глухомъ провинціальномъ углу толкало къ нѣкоторому сближенію, къ общенію, но догматъ «противопоставленія пролетаріата остальнымъ классамъ» подавлялъ естественное чувство.

Мятущійся духъ времени вторгался и въ другія легальныя учрежденія. Я былъ избранъ предсѣдателемъ самарскаго общества взаимопомощи учащихъ и учащихся, какъ разъ въ ту пору, когда мой предшественникъ, инспекторъ народныхъ училищъ Самарскаго уѣзда, И. С. Ключевъ (членъ второй и третьей Думы) былъ исключенъ изъ числа членовъ общества з

то, что, какъ то было достовѣрно установлено, онъ, будучи предсѣдателемъ общества, сносился съ губернаторомъ «на предметъ» ограниченія правъ общества. Исключенію Клюжева особенно радовались народные учителя, не мало пострадавшіе отъ его бархатныхъ лапокъ. Пришлось мнѣ вытребовать дѣла отъ Клюжева, вести переговоры съ губернаторомъ, проводить присоединеніе общества къ предложеніямъ учительскаго союза. Лѣтомъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ на 6 мѣсяцевъ пріостановилъ дѣятельность общества.

Бурлило и въ коммерческомъ училищѣ, этомъ дѣтищѣ директора банка М., но больше по причинамъ личнаго свойства.

По частнымъ квартирамъ шли выступленія заѣзжихъ ораторовъ обоихъ толковъ, въ окрестностяхъ города—многочисленныя массовки, которымъ полиція обыкновенно не была въ силахъ препятствовать.

Что подготовляли министерскія канцеляріи во исполненіе манифеста 18 февраля, намъ было мало извѣстно, но ничего добраго отъ нихъ мы не ждали. Цензура же давила, какъ никогда; у редакцій обѣихъ нашихъ газетъ порой прямо опускались руки передъ жестокими издѣвательствами, чинимыми надъ печатнымъ словомъ.

Лозунгъ учредительнаго собранія на основѣ четырехчленной формулы былъ всеобщимъ и вполнѣ раздѣлялся и бо́льшей частью либеральнаго крыла,—а кто тогда изъ людей образованныхъ не былъ либераломъ или, по крайней мѣрѣ, сочувствующимъ либераламъ? Долженъ замѣтить, что этотъ лозунгъ многими повторялся въ значительной степени изъ машинальной подражательности, изъ чувства протеста противъ царящаго безправія и отсутствія реформъ. Реальнаго представленія не было ни о томъ, кто созоветъ у. с., ни объ его соотношеніи къ монарху, ни объ его компетенціи. Это было знамя, символъ.

Подошла Цусима, и настроеніе поднялось еще больше, а затѣмъ пошли расправа въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, Одесса, «Потемкинъ-Таврическій», балашовское избіеніе и т. п. Тѣмъ немногимъ, кто указывалъ на преходящій характеръ движенія, на то, что реакція можетъ опять вступить въ свои права,—возражали указаніемъ на глубокое отличіе момента отъ подъема 60-хъ годовъ: тогда, молъ, шевелились только верхніе слои общества, интеллигенція; теперь же тронулись самые народные низы; этого движенія никому ужъ не остановить... Такая глубокая вѣра страшно поднимала энергію.

Параллельно съ ростомъ освободительнаго движенія шло въ Самарѣ ожиданіе еврейскаго и интеллигентскаго погрома, и притомъ, какъ мнѣ кажется, эти толки являлись какъ бы оправданіемъ независимо отъ того или инаго стремленія къ вооруженію. Нѣкоторые зажиточные люди давали сотни рублей на вооруженіе. На нихъ покупались, главнымъ образомъ, дешевые (рублей по 8—9) револьверы и «пули» (патроны) къ нимъ. Это оружіе затѣмъ передавалось куда-то,—въ «организацію». Вооружался, кто могъ, и за свой счетъ. При встрѣчахъ знакомые многозначительно показывали другъ другу браунинги, парабеллумы, смиты...

Въ концѣ апрѣля я совсѣмъ переѣхалъ въ г. Николаевскъ, гдѣ прожилъ до начала октября, часто, однако, отлучаясь то въ Самару, то въ Москву. Въ этомъ городѣ было около 15,000 жител., онъ быстро росъ, расположенный на вновь проведенной ж. дорогѣ,—но это была все-таки ужасная мужицко-купеческая глушь: почти весь городъ состоялъ изъ обыкновенныхъ 3-хъоконныхъ избъ съ дрянными дворовыми постройками, кое-какъ сложенными изъ плитняка; мѣщане занимались посѣвами или перебивались Богъ вѣсть чѣмъ. Служилая интеллигенція ссорилась, пила и играла въ клубѣ, гдѣ сосредоточивалась и проходила вся ея жизнь. Уѣздъ былъ громадный—57 волостей, почти равный площади всей Московской г., съ около 550,000 населенія, съ разстояніями крайнихъ пунктовъ отъ города въ 170—180 вер. Земское дѣло было въ полномъ запущеніи. Школъ было мало, больницы всего четыре, пріемные покои и амбулаторіи были ужасны, дорожныя сооруженія распредѣлены неравномѣрно и построены недобросовѣстно. Таково было наслѣдіе, полученное нами отъ «старой» партіи, ставившей себѣ главной цѣлью низкое обложеніе земли; дѣйствительно, сборы—уѣздный и губернскій—съ владѣльческихъ земель не превышали, до 1905 г., 12 коп., цифры, до смѣшного низкой. Въ то же время управа помѣщалась въ громадномъ 2-хъэтажномъ каменномъ домѣ; штатъ служащихъ былъ большой; канцелярской работы было сверхъ головы. Но живого дѣла не было.

Предсѣдателемъ, недавно избраннымъ, былъ купецъ М., человѣкъ умѣренныхъ взглядовъ, купеческой складки, но удивительно энергичный, находчивый и глубоко преданный земскому дѣлу. Въ канцелярскую рутину сразу былъ внесенъ другой духъ: введена была двойная бухгалтерія (когда М. въ 1907 г. предали суду, онъ въ шутку говорилъ, что это, главнымъ образомъ, за единоличное введеніе двойной бухгалтеріи; другихъ преступленій, при всемъ желаніи, не нашли); проведенъ былъ порядокъ немедленнаго отвѣта на бумаги, какъ въ коммерческомъ дѣлѣ; былъ обсужденъ широкій планъ крупныхъ ассигновокъ на школьное и медицинское дѣло; построены были бараки въ городской больницѣ, пробуренъ абиссинскій колодецъ, давшій городу чудную воду; произведены ремонты больницъ и дорожныхъ сооруженій; замѣщены пустовавшія медицинскія должности; закуплены за счетъ земства учебники и пособія и т. д. Я лично занимался, главнымъ образомъ, народнымъ образованіемъ и земской «политикой». Трудность остальной работы ложилась на М., всецѣло отдавшагося земскому дѣлу и ведшаго его почти единолично. О другихъ двухъ членахъ управы, нѣмцахъ-колонистахъ Г. и Л., предпочитаю умолчать...

Но школы и больницы—это было дѣло будущаго, дѣло ассигнованія со стороны земскаго собранія (тѣ и другія были столь ужасны, что я прямо болѣлъ, посѣщая ихъ). Нужно было дѣлать что-нибудь немедленно. Прежде всего были приглашены новые служащіе: секретарь, завѣдующая народнымъ образованіемъ, другіе служащіе и студенты 4 и 5 курсовъ въ обыкновенно пустующіе пріемные покои. Дѣло закипѣло. Секретарь П. и

его жена, нынѣ покойная, завѣдывавшая народнымъ образованіемъ, были люди необычайной энергіи и преданности дѣлу. Большинство студентовъ работали прекрасно. Одинъ изъ нихъ, С., прямо боготворился нашими грубыми, но непосредственными крестьянами; онъ былъ для нихъ «нашъ дохтуръ»; болѣлъ онъ, и все село скорбѣло; уѣзжалъ въ отпускъ, и его ждали съ нетерпѣніемъ и непремѣнно: «наша одна баба, слышь, нашего дохтура на базарѣ въ городу, баитъ, видѣла; должно, скоро къ намъ воротится». Но такое отношеніе народа покупается лишь самымъ неустаннымъ трудомъ и простотой, аскетизмомъ жизни. А студентъ С. такъ и жилъ; это была не жизнь, а житіе.

Секретарь П. и его жена—были убѣжденные с.-д. и вѣрно служили «движенію», но характерно, что эта служба и культурная работа въ тѣ дни удивительно хорошо переплетались и уживались между собой. Это были истинные представители того третьяго элемента, невидной работѣ котораго столькимъ обязано новѣйшее земство. Широко образованные, гуманные, они не понимали жизни иначе, какъ въ смыслѣ непрестанной общественной работы. Непримиримые въ принципѣ, они отъ второго элемента требовали немногаго; немногаго ожидали въ то время и отъ правительства. Я глубоко уважалъ и любилъ этихъ людей, и къ немногимъ отраднымъ воспоминаніямъ моимъ о жизни въ Николаевскѣ принадлежитъ память о дняхъ совмѣстной работы и бесѣдъ съ этими людьми. П. въ 1906 г. сидѣлъ въ тюрьмѣ, а теперь служитъ въ С. на желѣзной дорогѣ; г-жа П., слабая здоровьемъ, измученная преслѣдованіями, скончалась. Миръ ея праху и да будетъ ей лёгка родная земля, для которой она столько потрудилась!

Весна, лѣто и осень 1905 г. прошли въ службѣ двумъ богамъ—земской работѣ и «политикѣ». Какъ-то тогда это все совмѣщалось, въ эту пору общаго, неанализирующаго, юношескаго подъема... Бывало, съ 9 часовъ утра забирались мы въ управу и сидѣли тамъ, въ жарѣ и духотѣ, часовъ до $2^1/_2$—3; потомъ ѣдешь на постройку бараковъ, на пріемку лѣса; тамъ обѣдъ и отдыхъ, а вечеромъ либо пишешь и подписываешь, либо засѣдаешь въ коллегіи. А то цѣлыми днями и ночами скачешь по уѣзду.

Кромѣ четы П. были приглашены и на низшія должности новые люди, тоже изъ «крайнихъ»... Были среди нихъ толковые люди, но много было людей «товарищеской» складки, въ дурномъ смыслѣ этого слова: работали недурно, но сѣяли вздорные слухи, болтали лишнее, враждовали между собой. Все это подмѣчали формировавшіеся черносотенцы и плели сѣти, въ которыхъ потомъ запутали многихъ. Въ то же время меня поражало полное отсутствіе у нѣкоторыхъ изъ приглашенныхъ лицъ интереса къ жизни населенія, къ изученію уѣзда (то же самое, что у самарскихъ «газетчиковъ»),—а у нѣкоторыхъ—и къ земскому дѣлу, на которое они смотрѣли только какъ на заработокъ. Всѣ они очень увлекались союзомъ земскихъ служащихъ, выставляли требованія сокращенія часовъ работы, увеличенія содержанія, установленія порядка назначенія и увольненія слу-

жащихъ и т. п., причемъ въ союзъ принимались элементы и очень сомнительные, и тогда служившіе и нашимъ, и вашимъ, а нынѣ преблагополучно вѣрой и правдой служащіе реакціоннымъ хозяевамъ земскаго дѣла. Но классовое ученіе властвовало надъ всѣми ними и неукоснительно и порой наивно-послѣдовательно проводилось оно ими въ жизнь.

Въ началѣ іюня было созвано экстренное собраніе, созванное, какъ и другія собранія старой партіей при помощи простого средства—неприбытія законнаго числа гласныхъ. Тѣмъ не менѣе, состоялось частное совѣщаніе прибывшихъ гласныхъ, которое приняло необходимость свободъ, учредительнаго собранія на основѣ четырехчленной формулы и принудительнаго отчужденія земли. Эти резолюціи должны были быть сообщены губернскому земству. Помню, какъ особенно настаивали на чистотѣ этихъ принциповъ гласные землевладѣльцы изъ купцовъ Ш. и П. и лавочникъ крестьянинъ С. Не думаю, чтобы они теперь стали требовать того же...

Во второй половинѣ іюня я уже былъ въ Самарѣ, для участія въ дворянскомъ и земскомъ собраніяхъ. Дворяне выбрали уѣздными предводителями рядъ ничтожностей и постановили послать Линевичу сочувственно-поощрительную телеграмму. Мало у меня болѣе отвратительныхъ воспоминаній, чѣмъ пребываніе среди этихъ «сознательныхъ представителей» самаго узко понимаемаго «классоваго интереса», хитрыхъ, грубыхъ, а главное, абсолютно неспособныхъ къ работѣ.

Черезъ нѣсколько дней началось земское собраніе подъ предсѣдательствомъ новаго предводителя Наумова, несравненно болѣе корректнаго, чѣмъ Чемодуровъ, но проводившаго, въ общемъ, ту же линію—только потоньше. Разсматривали смѣту, ревизовали дѣла и учрежденія, но замѣтно было, что работа не спорится. Всѣ были потрясены вѣстями изъ Одессы и изъ другихъ мѣстъ. Сообщали объ усиленіи революціонной пропаганды въ селахъ. Среди служащихъ губ. земства было замѣтно сильное броженіе.

Либеральный элементъ терялся предъ быстротой движенія и ослѣплялся его кажущимися блескомъ и силой. Во время одного изъ засѣданій земскаго собранія съ хоръ говоритъ студентъ с.-д., прославляя «могучую, красивую революцію», и требуя рѣшительныхъ мѣръ отъ собранія. Гласные чувствовали себя подавленными такими рѣчами,—такъ ново все это было. Предсѣдатель примирительно просилъ хоры не шумѣть, не мѣшать собранію.

Политическое настроеніе собранія выразилось въ присоединеніи къ требованію скорѣйшаго созыва народнаго представительства и въ избраніи особой комиссіи по популяризаціи политическихъ знаній: предполагалось, путемъ изданія подлинныхъ актовъ, законовъ, а также популярныхъ брошюръ по государственнымъ вопросамъ знакомить населеніе съ предстоящимъ введеніемъ народнаго представительства. Передъ тѣмъ гласный Ш.—человѣкъ краснорѣчивый, высоко образованный, но очень умѣренный—произнесъ рѣчь о томъ, что пора земцамъ перемѣнить позицію: до сихъ поръ мы стояли лицомъ къ власти, а спиной къ народу; теперь же нужно повернуться обратно и поступать, слушаясь голоса не губернатора и уря-

ника, а собственной совѣсти; «губернаторъ и урядникъ сегодня здѣсь, а завтра нѣтъ; наша же совѣсть всегда съ нами». Въ распоряженіе коммиссіи было ассигновано 5,000 р. Но напрасно старалась она получить въ управѣ эти деньги немедленно. Намъ письменно отвѣтили, что управа постановила: «Съ выдачей просимой суммы подождать, такъ какъ таковая возможна лишь по утвержденіи журнала собранія начальникомъ губерніи». Нечего говорить, что дѣло это затѣмъ заглохло, и давать «разъясненія» народу силой вещей было предоставлено тѣмъ, кто это стали дѣлать «похлеще», чѣмъ земская коммиссія, предполагавшая дѣйствовать въ очень умѣренномъ духѣ, какъ то и было изложено въ хранящемся у меня проектѣ ея инструкціи.

По аграрному вопросу высказался губернскій экономическій совѣтъ, засѣдавшій до собранія и въ общемъ согласившійся съ точкой зрѣнія гласнаго Костромитинова (члена 1-й Думы), высказывавшагося за передачу всѣхъ земель земству. Въ преніяхъ на засѣданіи экономическаго совѣта было высказано, что отчужденіе земель есть мѣра, можетъ быть, и крайняя, но неизбѣжная, въ виду народнаго настроенія, что это своего рода второе 19 февраля, диктуемое необходимостью. Конкретныя формы отчужденія рисовались довольно смутно. Возраженій не было слышно; лишь одинъ уѣздный агрономъ И. замѣтилъ, что отчужденіе сильно понизитъ доходность тѣхъ имѣній, гдѣ есть заводы. На это ему было отвѣчено, что нельзя ставить на одну доску интересы промышленности и населенія. Попутно былъ подвергнутъ рѣзкой критикѣ новый законъ о сдачѣ въ аренду казенныхъ земель и пріемы мѣстнаго управленія государственныхъ имуществъ, поспѣшившаго передать казенные участки крупнымъ арендаторамъ.

Но проектъ экономическаго совѣта не удостоился обсужденія въ собраніи. Предсѣдатель все оттягивалъ его разсмотрѣніе; оно было благополучно дотянуто до послѣдняго дня собранія, а тогда правые прибѣгли къ излюбленному способу — не явились на собраніе и, узнавъ, что оно состояться не можетъ, за отсутствіемъ законнаго состава, спокойно разъѣхались по домамъ. Помню, какъ негодовалъ гласный К. на такой пріемъ.

Немедленно послѣ окончанія собранія мнѣ пришлось быть по дѣламъ учительскаго общества у губернатора, которымъ въ то время былъ пріѣхавшій въ февралѣ Засядко, человѣкъ довольно культурный и разсудительный, но безвольный и склонный къ доносамъ. Онъ очень одобрялъ упомянутый пріемъ правыхъ, увѣренный, что гласные, какъ неспеціалисты, могли вынести такое рѣшеніе по аграрному вопросу, которое могло повести къ опаснымъ толкамъ въ народѣ. При разговорѣ на общія темы онъ заявилъ мнѣ, что, по его мнѣнію, Россія такъ уже далеко зашла по пути анархіи, что даже созывъ народныхъ представителей врядъ ли уже выведетъ ее изъ нынѣшняго ужаснаго положенія.

Очень характерно для тогдашней администраціи, что, какъ я это узналъ впослѣдствіи, Засядко въ то время былъ убѣжденъ, что я принадлежу къ с[illegible] партіи...

Въ іюлѣ я былъ на московскомъ съѣздѣ, откуда вынесъ чувство сильной неудовлетворенности. Ясно было, что выдѣляются элементы типично земскій, умѣренно-либеральный, и другой, болѣе радикальный. Вмѣстѣ за однимъ столомъ имъ болѣе не казалось возможнымъ сидѣть. Многимъ казалось, что волненія рабочихъ, крестьянъ, матросовъ должны были, въ связи съ упорствомъ правительства, слившись въ одинъ могучій потокъ, смести остатки стараго режима. Революціонная психологія и логика уже были готовы и подчиняли себѣ многихъ, въ сущности, умѣренныхъ людей. Мы, самарцы, и нѣкоторые саратовцы очень отстаивали болѣе рѣшительный образъ дѣйствій. Характерно отмѣтить, что воззваніе къ народу, принятое съѣздомъ, не получило почти никакого распространенія; мы его, въ Самарской губерніи, по крайней мѣрѣ, и не видали, хотя оно, повидимому, и было послано въ губернскую управу.

Непріятное впечатлѣніе отъ съѣзда объясняется, можетъ быть, и тѣмъ обстоятельствомъ, что намъ, провинціаламъ, приходилось у себя даже въ 1905 году вращаться въ кругу элементовъ болѣе революціонныхъ и потому склонныхъ къ упрощеннымъ способамъ рѣшенія политическихъ вопросовъ, и насъ угнетала холодная, осторожная разсудительность столичныхъ «либераловъ», къ тому же относившихся къ намъ, провинціаламъ, съ покровительственной снисходительностью, насъ сильно коробившей.

Много оживленныхъ, рѣзкихъ споровъ пришлось мнѣ выслушать въ чудномъ саду Долгоруковскаго дома, во время перерывовъ. Историческій отнынѣ домъ, историческій садъ! Сколько завѣтныхъ думъ передумано, сколько страстныхъ словъ было сказано подъ красивыми сводами дома и подъ тѣнью развѣсистыхъ деревъ его сада! Въ перерывахъ говорили о приближающейся бурѣ, о готовности народныхъ массъ; таврическій гласный Б., будущій членъ 1-й Думы, нѣсколько разъ вынужденъ былъ разсказывать о своемъ посѣщеніи «Потемкина Таврическаго»; по рукамъ ходило подлинное наивное обращеніе возставшей команды къ европейскимъ державамъ. Бывшій въ Одессѣ московскій прис. пов. князь Ш. разсказывалъ мнѣ ужасы бойни въ одесскомъ порту и съ удивленіемъ констатировалъ громадную революціонную сознательность южнаго пролетаріата и крестьянъ. Я выразилъ сомнѣніе, чтобы такое перерожденіе могло произойти въ столь короткій срокъ. «Нѣтъ, нѣтъ! Это такъ. Это вродѣ распространенія христіанства», убѣжденно возражалъ Ш. Писатель Т. говорилъ мнѣ: «Надо имѣть мужество признаться, что теперь можно быть либо революціонеромъ, либо обывателемъ». Царила глубокая вѣра въ грядущее столкновеніе, но никто не думалъ, что лишь какіе-нибудь три мѣсяца отдѣляютъ насъ отъ него и отъ формальной побѣды. Помню, какъ одинъ с.-д. увѣрялъ меня, что общее движеніе начнется приблизительно въ январѣ 1906 г.

По иниціативѣ нашего гласнаго Ш. члены съѣзда отъ приволжскихъ губерній собрались въ «Мавританіи» и тамъ за ужиномъ рѣшили устроить первый областной съѣздъ въ Самарѣ въ началѣ августа.

Д. Протопоповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Теоретико-познавательный идеализмъ и положительныя науки.

(*Heinrich Rickert.* Der Gegenstand der Erkenntnis. Einführung in die Transzendentalphilosophie. Zweite, verbesserte und erweiterte Auflage. Tübingen-Leipzig, 1904. Русскій переводъ *Густава Шпета. Генрихъ Риккертъ.* Введеніе въ трансцендентальную философію. Предметъ познанія. Изд. В. А. Просяниченко. Кіевъ, 1904 г.)

Четыре года тому назадъ вышелъ въ свѣтъ сборникъ статей «Проблемы идеализма», составляющій въ настоящее время библіографическую рѣдкость. Появленіе сборника вызвало обширную отвѣтную литературу. Воззрѣнія авторовъ «Проблемъ идеализма» подверглись безпощадной критикѣ со стороны позитивистовъ всѣхъ толковъ и пристрастнымъ нападкамъ со стороны ортодоксальныхъ марксистовъ. Насколько понятно было волненіе въ рядахъ позитивистовъ, противъ философскихъ предпосылокъ которыхъ преимущественно и были направлены изслѣдованія идеалистовъ, настолько незаконно было негодованіе марксистовъ, вообразившихъ, будто идеализмъ стремится въ корнѣ подорвать соціализмъ. Первые всѣми силами старались защитить «здравый смыслъ», на который, по ихъ мнѣнію, посягали представители новаго идейнаго направленія; но они не поняли какъ разъ того, что идеалисты стремились именно къ внесенію *смысла* въ положительную науку. Марксисты же умудрились усмотрѣть въ идеализмѣ врага пролетарскаго движенія и сочли своимъ долгомъ вооружить противъ идеалистовъ «сознательныхъ» защитниковъ интересовъ пролетаріата тѣмъ, что не переставали выставлять идеалистовъ реакціонерами, поборниками «буржуазныхъ» идеаловъ, измѣнниками дѣлу свободы и затемнителями «классового самосознанія пролетаріата»; но марксисты также не поняли, что идеалисты не только не задавались цѣлью подорвать соціализмъ, но, напротивъ, только они и могли философски *оправдать* царство грядущей свободы. Марксисты не поняли, что сдѣлать соціализмъ «проблемой»—еще не значитъ уничтожить его, а только—научно обосновать.

Представители новаго направленія почти не отвѣчали ни тѣмъ, ни другимъ. Прокатившаяся волна революціоннаго движенія отодвинула на время интересы русскаго общества отъ философскихъ исканій къ полити-

ческой дѣятельности. Съ другой стороны, и небольшой кружокъ авторовъ «Проблемъ идеализма» распался: многіе изъ нихъ уклонились въ сторону мистическаго реализма, и лишь небольшая (по количеству) группа продолжала (и продолжаетъ) отстаивать гносеологическія предпосылки идеалистической философіи *). Но главнымъ образомъ идеалисты воздерживались отъ полемики со своими критиками потому, что не считали возможнымъ сражаться съ ними неравнымъ оружіемъ: они, прошедшіе серьезную школу новѣйшей нѣмецкой философіи, не могли быть понятыми ни застывшими на Контѣ и Миллѣ позитивистами, ни упорно вѣрившими въ непогрѣшимость Марксовой догмы «учениками». Какъ ни талантливы, какъ ни популярны были статьи авторовъ «Проблемъ идеализма», но проникнуть въ глубину ихъ содержанія могли только философски-образованные читатели, а такихъ оказалось весьма немного.

Тѣмъ не менѣе, идейное значеніе сборника было громадно. Безпристрастные читатели убѣдились въ томъ, что опровергать воззрѣнія идеалистовъ имѣютъ право лишь тѣ, кому удастся основательно продумать предпосылки и проблемы идеалистической философіи. А сдѣлать это, оказывается, гораздо труднѣе, чѣмъ возражать идеалистамъ такъ, какъ это позволили себѣ марксисты. Читатели сборника поняли, что прежде всего необходимо усвоить себѣ элементы выработанной новѣйшей критической философіей теоріи познанія, безъ знакомства съ которой невозможно понять ни одной строчки, написанной представителями новаго философскаго направленія.

Цѣль настоящей статьи—дать по возможности доступное изложеніе теоріи познанія выдающагося современнаго Тюбингенскаго философа Генриха Риккерта, которому, на нашъ взглядъ, блестяще удалось устранить изъ идеалистической теоріи познанія всѣ метафизическія предпосылки и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, что идеализмъ находится въ полной гармоніи съ положительными науками. Даже больше: Риккертъ неопровержимо доказалъ, что идеалистическая теорія познанія можетъ обосновать эмпирическій реализмъ съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ позитивизмъ и гносеологическій реализмъ.

Русскимъ читателямъ достаточно знакомо имя извѣстнаго германскаго философа Виндельбанда. Если предлагаемое изложеніе теоріи познанія не менѣе выдающагося ученика Виндельбанда Риккерта будетъ содѣйствовать возбужденію интереса къ философскимъ взглядамъ послѣдняго, то мы сочтемъ свою цѣль достигнутой **).

---

*) Этимъ, по нашему мнѣнію, объясняется то обстоятельство, что „Проблемы идеализма“ не выходятъ вторымъ изданіемъ.

**) Печатая обстоятельное и сочувственное изложеніе теоріи познанія Риккерта, мы считаемъ нужнымъ указать, что и въ литературѣ русской *критической* философіи построенія Риккерта вызвали возраженія, съ которыми авторъ настоящей статьи не считается (а именно въ предисловіи *Струве* къ книгѣ Бердяева „Субъективизмъ и индивидуализмъ“ и въ сочиненіи *Лосскаго* „Обоснованіе интуитивизма“).

Ред. Русской Мысли.

I.

Основная проблема теоріи познанія заключается въ вопросѣ: что такое предметъ познанія, т.-е. какимъ образомъ познаваніе, въ своемъ стремленіи быть истиннымъ или объективнымъ, сообразуется съ тѣмъ, что противостоитъ познающему субъекту. Хотя новѣйшая теорія познанія разъ навсегда покончила съ воззрѣніями такъ называемаго наивнаго реализма, полагающаго, что познаніе есть процессъ отображенія предметовъ внѣшняго міра въ представленіяхъ людей, но, по мнѣнію Риккерта, даже великій реформаторъ философіи Кантъ не могъ отдѣлаться отъ необходимости противоположенія существующихъ *въ себѣ* вещей постигающему ихъ сознанію. Риккертъ полагаетъ, что всѣ попытки разрѣшить подобнымъ образомъ основную проблему гносеологіи заранѣе обрекаютъ философовъ на неудачи; въ излагаемомъ трудѣ онъ вскрываетъ *логическую* невозможность построенія теоріи познанія на противоположеніи бытія и сознанія и радикально преобразовываетъ обычное понятіе познанія.

Всякая эмпирическая наука можетъ существовать только при условіи допущенія безъ провѣрки извѣстнаго числа предпосылокъ, на которыя она опирается; а потому эмпирическія науки *должны* быть «догматическими». Теорія познанія тоже не свободна отъ предпосылокъ; но такъ какъ предметъ гносеологіи—самыя предпосылки познанія, то она должна ограничить ихъ по возможности, стараться освободиться отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока логически это возможно оправдать.

Новѣйшая гносеологія успѣшно опровергла наивное воззрѣніе на познаніе такъ называемаго внѣшняго міра; но при попыткѣ отвѣтить на вопросъ: *существуетъ ли независимая отъ познающаго сознанія дѣйствительность, которая служитъ предметомъ познанія*, она натолкнулась на непреодолимыя препятствія и приходила или къ нелѣпому солипсизму, или вынуждена была принять утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ въ качествѣ догматической предпосылки. Риккертъ возстаетъ противъ допущенія этого догматическаго утвержденія; онъ выражаетъ *сомнѣніе* въ независимой отъ сознанія дѣйствительности, и для того, чтобы сомнѣніе это имѣло логическій смыслъ и не смѣшивалось съ кажущимися тождественными сомнѣніями другихъ философовъ (Декарта, имманентной школы и др.), считаетъ необходимымъ предварительно разъяснить, что такое собственно сознаніе и независимый отъ него внѣшній міръ, и какъ логически мыслится отношеніе между ними. Изъ этого же разъясненія должно точно опредѣлиться, *что* собственно подвергается сомнѣнію въ теоріи познанія.

Говоря о противоположеніи сознанію независимой отъ него дѣйствительности, гносеологія обычно пользуется терминами *субъектъ* и *объектъ*, употребляющимися нерѣдко и въ чуждыхъ гносеологіи дисциплинахъ. Поэтому Риккертъ считаетъ необходимымъ изслѣдовать всѣ возможныя противоположенія субъекта объекту, чтобы сдѣлать яснымъ, противъ существованія какого именно объекта направляется гносеологическое сомнѣніе.

«Слово «внѣшній міръ» содержитъ въ своемъ первоначальномъ смыслѣ *пространственное* отношеніе. Подъ нимъ можно понимать міръ въ пространствѣ внѣ меня, и то, чему потомъ противополагается внѣшній міръ, есть мое тѣло вмѣстѣ съ моей «душой», которая мыслится *въ* тѣлѣ дѣятельной, такъ какъ только чему-нибудь пространственному можетъ быть противоположенъ пространственный внѣшній міръ. Мое одушевленное тѣло въ этомъ случаѣ—субъектъ, его пространственно окружающій міръ—объектъ». Таково первое возможное противоположеніе субъекта объекту.

«Но къ внѣшнему міру я могу отнести также мое тѣло, поскольку я его отличаю отъ представленій, въ которыхъ оно мнѣ дается». Тогда мое сознаніе и его содержаніе (мое «я» со своими представленіями, воспріятіями, чувствами, проявленіями воли и т. д.) будетъ субъектомъ, а объектомъ будетъ все остальное, что *не есть* мое сознаніе съ его содержаніемъ. Такъ получаемъ мы второе противоположеніе субъекта объекту. За послѣднимъ Риккертъ оставляетъ обычное названіе *трансцендентнаго* объекта, а понятіе субъекта (обычно обозначаемаго названіемъ имманентнаго) оставляетъ пока неразъясненнымъ въ деталяхъ.

Подобно тому, какъ для полученія второго противоположенія мы разложили понятіе субъекта въ его первомъ значеніи и отнесли часть его къ объекту, возможно получить третье противоположеніе изъ разложенія понятія субъекта второго ряда. Хотя этотъ субъектъ и недостаточно выясненъ, но для возможности такого логическаго процесса указаннаго понятія достаточно. Стало быть, второе понятіе субъекта мы разложимъ на субъектъ и объектъ, отнеся къ послѣднему «мои представленія, воспріятія, чувства и проявленія воли», а къ первому—понятіе того, что противостоитъ этому объекту, какъ «воспринимающее воспріятія, чувствующее чувства и желающее желанія». Это—третье и послѣднее противоположеніе обозначимъ словами: сознаніе и содержаніе сознанія (имманентный объектъ).

Схематически эти три противоположенія можно расположить такъ:

Субъектъ:	*Объектъ*:
1) Мое тѣло вмѣстѣ съ дѣятельной *въ* немъ душой.	1) Пространственный внѣшній міръ внѣ моего тѣла.
2) Мое сознаніе + все его содержаніе.	2) Міръ «внѣ» моего сознанія, или трансцендентный объектъ.
3) Мое сознаніе.	3) Содержаніе моего сознанія, или имманентный объектъ.

Спрашивается теперь, какой объектъ въ этихъ трехъ противоположеніяхъ подвергается гносеологическому сомнѣнію? Яснѣе всего, что никоимъ образомъ нельзя усомниться въ существованіи объекта третьяго ряда противоположеній, такъ какъ онъ не можетъ обойтись безъ понятія сознанія. Этотъ объектъ не—независящій отъ сознанія внѣшній міръ, въ существованіи котораго мы съ самаго начала рѣшили усомниться, а—лишь содержаніе сознанія. Въ этомъ случаѣ «то, что есть объектъ, уже не

«объективно» въ смыслѣ «независимости отъ субъекта», а объективно лишь какъ логическое противоположеніе.

Нельзя также подвергать сомнѣнію и существованіе объекта перваго ряда. Разъ мы не сомнѣваемся въ существованіи пространственнаго субъекта, то должны признать и пространственный внѣшній (по отношенію къ моему тѣлу съ душой) міръ. Это положеніе является предпосылкой всѣхъ эмпирическихъ наукъ, въ объективномъ значеніи которыхъ никто не думаетъ сомнѣваться.

Остается подвергнуть сомнѣнію объектъ второго противоположенія, т.-е. усомниться въ существованіи трансцендентнаго міра (міра «внѣ» моего сознанія). «Основная проблема теоріи познанія есть, такимъ образомъ, проблема «*трансцендентности*». «Поэтому мы теперь формулируемъ нашъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: можетъ ли вообще быть строго соблюдено второе противоположеніе субъектъ-объекта въ приведенной формѣ, и, слѣдовательно, должно ли имѣть дѣло познающее сознаніе только съ имманентными или также съ трансцендентными объектами?» Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы постепенно выяснимъ понятіе субъекта и объекта во второмъ противоположеніи, такъ какъ, какъ увидимъ ниже, соблюсти строгую противоположность между субъектомъ и объектомъ въ этомъ случаѣ не всегда возможно.

Взглядъ, согласно которому признаніе внѣшняго трансцендентнаго міра является предпосылкой теоріи познанія, носитъ названіе гносеологическаго реализма, лучшимъ защитникомъ котораго считается А. Риль. Риль строго различаетъ *бытіе объекта* отъ его *объективнаго бытія*. Объективное бытіе, по Рилю, есть всякая вещь, которая намъ дается въ опытѣ. Эта вещь, если разсматривать всѣ ея свойства, всецѣло разлагается на содержаніе сознанія; въ результатѣ такого процесса сознанія отъ вещи остается лишь понятіе чего-то, внѣ меня находящагося, т.-е. бытія объекта, существованіе котораго и есть предпосылка гносеологическаго реализма. Но, по мнѣнію Риккерта, отъ *реализма*, какъ такового, ничего не остается: бытіе объекта едва ли является чѣмъ-либо бо́льшимъ, чѣмъ имманентное объективное бытіе. Во всякомъ случаѣ, дѣлать существованіе трансцендентнаго бытія объекта *предпосылкой* гносеологіи нельзя. Стало быть, бытіе объекта есть не предпосылка, а *проблема* гносеологіи, и въ существованіи трансцендентнаго бытія мы логически въ правѣ усомниться.

Для полнаго выясненія гносеологической постановки вопроса Риккертъ считаетъ особенно важнымъ установить болѣе точное понятіе *сознанія* и *трансцендентнаго*. Устанавливая понятіе «сознанія», Риккертъ отграничиваетъ его, во-первыхъ, отъ Декартова «cogito». Трансцендентальная философія, по мнѣнію Риккерта, не должна имѣть дѣло съ тѣмъ «cogito» Декарта, которое смѣшиваетъ понятіе сознанія съ понятіемъ «мышленія». Вытекающій изъ такого смѣшенія раціонализмъ превращаетъ «логическій приоритетъ въ онтологическій», отчего основная проблема гносеологіи, т.-е. проблема о *постижимости* дѣйствительности, теряетъ категорниче-

скую постановку. Риккертъ ограничивается сперва простымъ предостереженіемъ читателей отъ подобнаго смѣшенія, возвращаясь къ этому вопросу въ концѣ книги.

Затѣмъ Риккертъ устраняетъ второе смѣшеніе понятій сознанія, а именно, онъ подчеркиваетъ, что гносеологическое сознаніе нельзя понимать, какъ «функцію организма», какъ «человѣческое мышленіе» съ психофизіологической точки зрѣнія, относя послѣднее, какъ свойство имманентнаго объекта,—къ объектамъ.

Устранивъ эти смѣшенія, Риккертъ приступаетъ уже прямо къ выясненію понятія гносеологическаго субъекта. Что же такое гносеологическій субъектъ? Не тождественъ ли онъ съ понятіемъ о моемъ сознаніи (т.-е. съ субъектомъ третьей пары противоположеній). Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Риккертъ пользуется такимъ методомъ разсужденія:

«Три пары противоположеній субъекта объекту можно мыслить расположенными въ рядъ такъ, что объемъ того, что относится къ объекту, становится все больше, тогда какъ объемъ относящагося къ субъекту соотвѣтственно сужается».

Сначала «объектъ—только міръ внѣ моего тѣла, затѣмъ къ нему присоединяется собственное тѣло, и, наконецъ, объектъ есть всякое содержаніе сознанія, т.-е. весь имманентный міръ. Обратно, отъ субъекта пространственнаго отвлекается сперва мое тѣло, а затѣмъ все содержаніе сознанія». Этотъ процессъ можно представить себѣ постепеннымъ и, такимъ образомъ, найти болѣе трехъ паръ противоположеній. (Напр., «система С и наше окружающее» Авенаріуса соотвѣтствуетъ чему-то среднему между нашими первымъ и вторымъ противоположеніями). Попробуемъ идти такимъ же образомъ дальше и отвлечь отъ субъекта третьяго противоположенія все индивидуальное (т.-е. *мое* сознаніе). Тогда отъ субъекта останется лишь одно логическое понятіе, которое мы и назовемъ гносеологическимъ субъектомъ, и отнынѣ, спрашивая себя о существованіи трансцендентнаго, будемъ помнить, что рѣчь идетъ о независимой именно отъ этого гносеологическаго субъекта дѣйствительности.

Намъ остается еще освободить отъ смѣшеній понятіе трансцендентнаго міра, въ существованіи котораго мы выразили гносеологическое сомнѣніе.

Выше упоминалось, что существованіе *пространственнаго* внѣшняго міра не является проблемой. Разъ имманентный міръ совершенно наполняетъ извѣстное намъ пространство, то трансцендентный міръ занимать его не можетъ. «Кто думаетъ, что гносеологическій идеализмъ сомнѣвается въ существованіи пространственно окружающаго насъ внѣшняго міра, тотъ еще ровно ничего не понялъ въ этомъ ученіи». Стало быть, правильная постановка вопроса будетъ такая: «существуетъ ли внѣ непосредственно даннаго, какъ содержаніе сознанія, пространственнаго міра еще другой міръ, который не можетъ быть въ извѣстномъ намъ пространствѣ?»

Точно также мы должны удалить отъ понятія трансцендентнаго и все временное. Вѣдь прошедшее, настоящее и будущее извѣстны намъ только,

какъ формы сознанія; поэтому, все, что существуетъ во времени, существуетъ, какъ имманентное бытіе.

Итакъ, понятію трансцендентнаго нельзя дать никакого *положительнаго* опредѣленія. Мы лишены возможности говорить, чѣмъ должно быть трансцендентное, а можемъ лишь говорить, чѣмъ оно быть *не можетъ*.

Нѣкоторые сторонники имманентной школы (Леклеръ) утверждаютъ, что вообще трансцендентное не можетъ быть даже *мыслимо*, такъ какъ одно *представленіе* о немъ приводитъ къ логической нелѣпости. Въ самомъ дѣлѣ,—говорятъ они,—«пытаясь мыслить трансцендентное бытіе, мы дѣлаемъ его вслѣдствіе этого содержаніемъ сознанія, т.-е. имманентнымъ». По поводу этого взгляда Риккертъ правильно замѣчаетъ, что если бы онъ былъ вѣренъ, то нельзя было бы говорить даже о *проблемѣ* трансцендентнаго.

Этотъ взглядъ опровергался раньше тѣмъ, что «вѣдь должно мыслиться не само трансцендентное, а только его понятіе». Опроверженіе это лишено всякой силы, если подъ понятіемъ разумѣть родъ представленія (какъ подъ мышленіемъ—процессъ представленія). Если бы мы въ такомъ случаѣ пытались вообразить «представленіе безъ всякихъ имманентныхъ составныхъ частей, то получили бы представленіе, въ которомъ ничего не представляется», т.-е. впали бы снова въ противорѣчіе.

Но если подъ мышленіемъ понимать здѣсь только *процессъ сужденія*, т.-е. мыслить понятія путемъ разложенія ихъ въ сужденія, то понятіе трансцендентнаго мыслить вполнѣ возможно. Даже если мы отбросимъ отъ понятія вещи все имманентное, т.-е. будемъ *отрицать* эту вещь, то у насъ остается все-таки отрицательное сужденіе: трансцендентное не есть содержаніе сознанія. «Такимъ образомъ, пока подъ понятіемъ трансцендентнаго подразумѣваютъ только понятіе бытія, назначеніе котораго быть содержаніемъ сознанія отрицается,—это понятіе свободно отъ противорѣчія».

II.

Выяснивъ основную проблему теоріи познанія, Риккертъ доказываетъ, что если «понятіе сознанія берется такъ, какъ оно единственно можетъ браться въ трансцендентальной философіи (т.-е. какъ логическая абстракція всѣхъ возможныхъ субъектовъ), то нѣтъ никакого основанія, которое могло бы принудить насъ къ допущенію трансцендентной дѣйствительно- с ı. Напротивъ, единственно возможной, пока мы исходимъ изъ *предста- ющаго сознанія*, оказывается *точка зрѣнія имманентности*». Дока- з ельству этого положенія посвящена вторая глава книги Риккерта, съ с ержаніемъ которой мы теперь и ознакомимся.

Многіе считаютъ необходимымъ признать существованіе трансцендент- н о, какъ основы явленій позади чувственнаго міра, потому что содер- я ie сознанія, подобно всему прочему, должно имѣть *причину*, которая

исходитъ именно изъ трансцендентной сущности міра. Подобно тому, какъ ощущеніе цвѣта или звука обусловливаетъ существованіе дѣйствующаго на зрительные или слуховые нервы колеблющихся «субстратовъ», такъ и содержаніе сознанія для своего существованія нуждается въ воздѣйствіи на сознаніе чего-то трансцендентнаго.

Риккертъ считаетъ эту аналогію безсмысленной, такъ какъ субъективность физіологическихъ ощущеній съ понятіемъ гносеологическаго субъекта ничего общаго, кромѣ названія, не имѣетъ. Вѣдь тѣло въ физіологическомъ смыслѣ есть для гносеолога тоже содержаніе сознанія, а потому воздѣйствіе вещей на тѣло сводится къ воздѣйствію другъ на друга имманентныхъ объектовъ.

Можно и иначе выяснить, что для проблемы трансцендентнаго физіологія органовъ чувствъ не имѣетъ никакого значенія. Физіологія сводитъ качественныя опредѣленія къ количественнымъ (наприм., измѣряемыя извѣстнымъ образомъ колебанія беззвучныхъ и безцвѣтныхъ атомовъ сводятся къ ощущенію звука и цвѣта). Но вѣдь физіологія, какъ наука, занимается лишь обработкой дѣйствительности, обобщеніемъ ея въ чистыхъ понятіяхъ, въ то время какъ сознаніемъ непосредственно переживается только «единство количества и качества». «Вѣдь непосредственный опытъ значительно превышаетъ по содержанію дѣйствительности всѣ продукты абстракціи, и его поэтому никогда не слѣдуетъ понимать, какъ возникшій изъ нихъ». Значитъ, отождествленіе физіологической и гносеологической субъективности является не чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ смѣшеніемъ субъектовъ различныхъ противоположеній, противъ котораго Риккертъ уже предостерегалъ (см. I главу). Физіологъ съ естественно-научной точки зрѣнія не можетъ быть идеалистомъ; въ противномъ случаѣ, физіологія превратится въ иллюзію безъ реальной основы; но гносеологическій идеализмъ вовсе не уничтожаетъ этого физіологическаго реализма, а мирно уживается съ нимъ.

Нельзя также отождествлять точку зрѣнія чистой имманентности съ гносеологическимъ солипсизмомъ, т.-е. съ иллюзіонизмомъ. Послѣднее названіе, по мнѣнію Риккерта, больше подходитъ къ наивному реализму, который придаетъ реальный смыслъ не могущему быть логически оправданному бытію внѣ сознанія, а непосредственное сознаніе, т.-е. именно то, въ чемъ сомнѣваться совершенно нельзя, оставляетъ въ тѣни. Вѣдь имманентная точка зрѣнія не подвергаетъ сомнѣнію существованіе вещей, находящихся внѣ моего тѣла. Можно ли сомнѣваться въ этихъ вещахъ, если наше сознаніе ихъ переживаетъ? Именно потому вещи дѣйствительно существуютъ, что они составляютъ содержаніе нашего сознанія.

Риккертъ дѣлаетъ это отступленіе, чтобы доказать, что вопросъ о допущеніи какой-то причинной связи между трансцендентнымъ и сознаніемъ (въ результатѣ чего получается содержаніе сознанія) не имѣетъ никакого смысла съ точки зрѣнія гносеологическаго идеализма. Понятіе о причинности, какъ воздѣйствія одной вещи на другую, возникаетъ изъ наблюде-

ній надъ измѣненіями въ предѣлахъ имманентнаго чувственнаго міра. Мы констатируемъ фактъ, что два состоянія вещей слѣдуютъ другъ за другомъ во времени, и связываемъ эти состоянія *мыслью*, что это временное соотношеніе должно быть общеобязательнымъ. Но вѣдь эти вещи, соотношенію которыхъ мы придаемъ понятіе причинной связи, суть только два имманентныхъ бытія, и мы никакъ не можемъ объяснить себѣ, какъ это причина и предметъ воздѣйствія обладаютъ различнымъ родомъ бытія. Коль скоро мы причину отнесемъ къ трансцендентному бытію, а предметъ воздѣйствія—къ имманентному, то представить себѣ обязательное отношеніе между ними *во времени* совершенно не мыслимо. Иное же понятіе причинности недопустимо. «Словомъ, принципъ причинности, который мы знаемъ, ни въ какомъ направленіи не выводитъ насъ за предѣлы имманентнаго къ трансцендентному бытію».

Но, возражаютъ на точку зрѣнія имманентности, если мы будемъ ограничивать дѣйствительное бытіе *только* содержаніемъ сознанія, то дѣйствительность не будетъ имѣть *непрерывнаго* характера, такъ какъ сознаніе есть не что иное, какъ постоянно прерывающееся и вновь возникающее «чувство» представленія, и, становясь на такую точку зрѣнія, мы должны отрицать науку вообще, понимаемую въ иномъ смыслѣ, нежели констатированіе смѣны прерывающихся представленій. «Я не могу,—думаютъ,—допустить, что вещь возникаетъ только тогда, когда я направляю на нее свой взоръ,—что она погружается въ ничто, когда я закрываю глаза, и вновь выплываетъ изъ ничего, когда я ихъ раскрываю. Міръ существовалъ прежде, чѣмъ я родился, и будетъ продолжать свое существованіе послѣ моей смерти, слѣдовательно, не находясь въ моемъ сознаніи. Мои родители не были вызваны къ существованію впервые благодаря мнѣ; кромѣ меня, существуютъ также и другіе люди, которые будутъ продолжать существовать, даже если я больше не буду существовать и т. д.». Если мы сдѣлаемъ такое допущеніе, то признаемъ солипсизмъ необходимымъ выводомъ изъ гносеологическаго идеализма, т.-е. придемъ къ нелѣпости, устранить которую можетъ только допущеніе трансцендентнаго бытія.

Послѣдовательный идеалистъ, думаетъ Риккертъ, легко разрѣшитъ эти вопросы, доказавъ, что допущеніе трансцендентнаго бытія этихъ «перерывовъ сознанія» дополнить не можетъ. Гносеологическій идеализмъ никогда не сомнѣвался въ существованіи міра до «моего» рожденія, какъ и въ томъ, что міръ будетъ существовать послѣ «моей» смерти. «Мое рожденіе и моя предполагаемая смерть суть событія въ пространственно-временномъ мірѣ и точно такъ же, какъ самъ міръ, не что иное, какъ факты сознанія». Но для идеалиста совершенно непонятенъ вопросъ, «допускаетъ ли онъ существованіе міра также до или послѣ *сознанія*», какъ безсмысленъ вопросъ, «существуетъ ли міръ до и послѣ времени»: вѣдь само время—не что иное, какъ фактъ сознанія. «Сознаніе не есть вещь во времени, которая можетъ быть до или послѣ чего-нибудь, или о чемъ можно было бы сказать, что оно претерпѣваетъ перерывы». Конечно, въ этомъ случаѣ

говорятъ не объ индивидуальномъ сознаніи («моемъ», «твоемъ»), а лишь о логическомъ понятіи безличнаго сознанія, гносеологическаго субъекта (см. конецъ I главы). «Если мы остановимся на единственно правильномъ гносеологическомъ понятіи субъекта, сознаніи въ противоположность его содержанію, то нѣтъ никакого основательнаго доказательства для допущенія независимаго отъ него трансцендентнаго бытія».

III.

Риккертъ послѣдовательно пришелъ къ тому взгляду, что бытіе всякой дѣйствительности не можетъ разсматриваться иначе, какъ бытіе въ сознаніи.

Но если стать на точку зрѣнія чистой имманентности, т.-е. не признавать ничего трансцендентнаго, то не уничтожается ли тѣмъ самымъ, самый *смыслъ* познанія? Если ничего, кромѣ представленій, не существуетъ, то гдѣ искать независимый критерій, съ которымъ могло бы сообразоваться познаніе? «Что же должны обозначать или отображать представленія, если ничего, кромѣ представленій, не существуетъ, и, стало быть, нѣтъ оригинала, съ которымъ согласовался бы образъ?» Нѣтъ никакого смысла, никакой цѣнности въ познаніи, упорядочивающемъ лишь измѣнчивыя представленія безъ убѣжденія въ томъ, что существуетъ точно такъ же упорядоченная независимая отъ нихъ трансцендентность. Не потому ли философы, стоящіе на точкѣ зрѣнія чистой имманентности, или остаются позитивистами, или становятся скептиками, или же, оставляя чисто теоретическую точку зрѣнія по отношенію къ міру, придаютъ значеніе представленіямъ постольку, поскольку они «связаны индивидуальными чувствами удовольствія или неудовольствія и побуждаютъ индивидуумъ къ желанію или дѣйствованію», или же считаютъ себя вынужденными *вѣрить* въ трансцендентное бытіе и, такимъ образомъ, дополнить критерій познанія тѣмъ, что не есть познаніе.

Вотъ къ какимъ результатамъ приводитъ *предпосылка противоположенія между бытіемъ и представляющимъ сознаніемъ*. Уничтоживъ трансцендентное, мы не можемъ заглушить въ себѣ *потребность* въ мірѣ трансцендентныхъ вещей иначе, какъ подвергнувъ сомнѣнію самое эту предпосылку, т.-е. радикально *преобразовавъ понятіе познанія*. Итакъ, зададимъ себѣ вопросъ: заключается ли познаніе въ *представленіяхъ*, съ помощью которыхъ отображается дѣйствительность?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, станемъ снова на точку зрѣнія обыкновеннаго (не философскаго) міропониманія. Вокругъ себя я вижу окружающія меня вещи и считаю ихъ предметами своего познанія. Въ числѣ этихъ вещей находятся и люди, пространственно отдѣленные отъ другихъ вещей. Съ внѣшнимъ видомъ и психофизической организаціей другихъ людей сходенъ и я, почему и себя я считаю пространственно отдѣленнымъ отъ предметовъ моего познанія. Далѣе, я вижу повсюду, го

одинъ вещи дѣйствуютъ на другія (причинная связь), а потому допускаю дѣйствіе вещей и на людей (вѣдь и люди—предметы). Но о *результатахъ* этого дѣйствія я умозаключаю изъ наблюденій надъ самимъ собой: такъ какъ въ результатѣ воздѣйствія вещей на меня являются представленія о нихъ, то, заключаю я, «благодаря дѣйствію вещей на чужое тѣло, возникаютъ также представленія *въ* этомъ тѣлѣ». Наблюдая, наконецъ, внѣшнія проявленія людей, я убѣждаюсь (изъ ихъ словъ, книгъ, творческой дѣятельности) въ томъ, что они «*знаютъ*, какъ создаются вещи, которыя я воспринимаю въ окружающемъ ихъ». Отсюда я умозаключаю, что познаніе возникаетъ изъ представленій, порождаемыхъ *въ* людяхъ воздѣйствіемъ вещей и согласующихся съ вещами, и такъ какъ я разсматриваю другихъ людей какъ совершенно однородныхъ со мной, то процессъ возникновенія ихъ познаванія считаю тождественнымъ и процессу возникновенія познанія у меня, т.-е. считаю, что окружающія меня вещи находятся *внѣ* меня, воздѣйствуютъ на меня и создаютъ представленія *во* мнѣ. «Такимъ образомъ, возникаетъ удвоеніе міра, расщепленіе бытія на дѣйствительность и міръ представленій, какъ его отображеніе, и только при этомъ предположеніи имѣетъ смыслъ мнѣніе, что познаваніе состоитъ въ согласованіи представленій съ существующими въ себѣ вещами».

Но Риккертъ уже доказалъ (см. выше), что такой взглядъ на понятіе познанія опирается на *пространственное* противоположеніе субъекта объекту. А «кто выяснилъ себѣ, что пространство само есть содержаніе сознанія, тотъ не можетъ уже считать познающаго субъекта вещью въ пространствѣ», такъ какъ такой субъектъ съ гносеологической точки зрѣнія есть объектъ, какъ и представленія другихъ людей.

Р. Авенаріусъ сдѣлалъ попытку объяснить познаніе, совсѣмъ выключивъ познающаго субъекта и воздѣйствіе на него внѣшняго міра, оставшись исключительно въ сферѣ объектовъ. Но «преднаходимое» (въ томъ числѣ и я) Авенаріуса теряетъ смыслъ познанія, если нѣтъ субъекта, *передъ* которымъ находится объективный міръ.

Итакъ, несомнѣнно, что истиннаго познанія нельзя искать въ представленіяхъ, такъ какъ въ нихъ нѣтъ критерія независимой отъ познающаго субъекта дѣйствительности. Въ чемъ же послѣ этого заключается сущность познанія? На этотъ вопросъ отвѣтитъ дальнѣйшее изложеніе.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всякая истина выражается нами въ формѣ *сужденія;* поэтому «основная проблема теоріи познанія состоитъ въ вопросѣ о *предметѣ сужденія*». Устраняетъ ли это потребность въ трансцендентной дѣйствительности? Вѣдь обычно думаютъ, что сужденіе есть не что иное, какъ связываніе или расчлененіе представленій, т.-е. состоитъ изъ того же матеріала, что и представленія. А разъ представленія не даютъ критерія истины безъ трансцендентной опоры, то и сужденія, составленныя изъ нихъ, повидимому, «должны сообразоваться съ трансцендентнымъ бытіемъ, чтобы дать познаніе».

Но обычное пониманіе сужденія развѣнчано современной логикой, и

Риккертъ даетъ обстоятельный обзоръ и критику взглядовъ на значеніе сужденій выдающихся философовъ послѣдняго времени. Мы не станемъ излагать этихъ взглядовъ, отсылая читателя къ книжкѣ Риккерта, а познакомимся лишь съ выводами Риккерта.

Прежде всего Риккертъ указываетъ на то, что гносеологія разсматриваетъ сужденіе не какъ *индивидуальный психологическій процессъ*. Психологія интересуется только бытіемъ сужденія: она спрашиваетъ, «какъ фактически совершается процессъ сужденія и изъ какихъ психологическихъ составныхъ частей оно составляется»; теорія познанія, напротивъ, спрашиваетъ о *смыслѣ* сужденія, поскольку оно претендуетъ быть истиннымъ, объективнымъ. Разумѣется, разсуждать можно только о чемъ-нибудь, а потому безъ психологическихъ актовъ сужденіе обойтись не можетъ; но когда мы произносимъ сужденіе, его психологическая основа не принимается нами во вниманіе, а центръ тяжести переносится на совершенно новый элементъ, придающій фактическому процессу сужденія характеръ истиннаго или ложнаго. Эту мысль Риккертъ поясняетъ слѣдующимъ примѣромъ.

Положимъ, я слушаю музыку; моя мысль отдыхаетъ; звуки льются одинъ за другимъ; я какъ бы сливаюсь съ этими звуками, и мнѣ не приходитъ въ голову высказывать какое-либо сужденіе о томъ, что вотъ-де такіе-то звуки слѣдуютъ за такими-то. Тутъ налицо извѣстное психическое состояніе.

Но, слушая эти звуки, я вѣдь могу образовать объ этомъ сужденіе, чего раньше мнѣ дѣлать не хотѣлось. Тогда получится иное психическое состояніе, кореннымъ образомъ отличающееся отъ перваго. Въ чемъ же различаются эти два состоянія? Вѣдь звуки въ обоихъ случаяхъ я предполагаю одними и тѣми же. Очевидно, разница *не въ представленіяхъ*, а въ томъ, что къ психическому состоянію привходитъ во второмъ случаѣ еще нѣчто, что дѣлаетъ изъ представленій сужденіе. Что же это за «нѣчто?» Это—утвержденіе или отрицаніе факта, т.-е. приданіе ему предикатовъ «истинный» или «ложный». Итакъ, «познаніе по своей логической сущности есть процессъ *утвержденія* или *отрицанія*, или теоретически познающій субъектъ долженъ быть понимаемъ, какъ утверждающій или отрицающій субъектъ».

Для того, чтобы окончательно разрушить обычный взглядъ на познаваніе, какъ на процессъ, состоящій только изъ связыванія представленій, Риккертъ указываетъ на родство, которое есть у познаванія съ хотѣніемъ и чувствами.

Когда у насъ возникаетъ какое-нибудь *желаніе*, то мы или стремимся къ чему-нибудь, или стараемся отъ чего-нибудь избавиться. Когда мы что-нибудь *чувствуемъ*, то или испытываемъ пріятное удовольствіе, или непріятную боль. Значитъ, при желаніи или чувствованіи у насъ всегда имѣется извѣстное «практическое» отношеніе субъекта, т.-е. отношеніе субъекта *къ цѣнности*, отсутствующее въ голыхъ представленіяхъ. Совер-

менно такъ же если сужденіе, преслѣдуя цѣль быть истиннымъ, что-либо утверждаетъ или отрицаетъ, то въ этомъ процессѣ должно выражаться отношеніе къ цѣнности (одобреніе или неодобреніе). Когда мы хотимъ—мы стремимся или отклоняемъ; когда мы чувствуемъ—мы испытываемъ удовольствіе или неудовольствіе; когда мы разсуждаемъ—мы соглашаемся или отвергаемъ. «Оказывается, что и *при чисто теоретическомъ познаніи* рѣчь *идетъ объ отношеніи къ цѣнности*. Только по отношенію къ цѣнностямъ имѣетъ значеніе альтернативное отношеніе одобренія или неодобренія. То, что я утверждаю, должно мнѣ нравиться, то, что я отрицаю, должно возбуждать мое недовольство».

Теперь остается болѣе основательно разсмотрѣть *то чувство*, которое руководитъ познаніемъ. Другими словами, мы должны установить, что собственно признается или отвергается въ сужденіи, должны указать на признакъ, при помощи котораго мы отличаемъ цѣнность въ познаніи отъ цѣнностей въ чувствованіи и хотѣніи.

Испытываемое нами чувственное удовольствіе имѣетъ для насъ цѣнность лишь постольку, поскольку мы его переживаемъ. «*Гедоническое* обсужденіе,—назовемъ его такъ,—стало быть, дѣйствительно только для индивидуальнаго «я» въ томъ мѣстѣ пространства и въ томъ пунктѣ времени, гдѣ именно индивидуумъ испытываетъ удовольствіе».

Цѣнность сужденія, напротивъ, не ограничивается констатированіемъ чувства удовольствія, происходящаго отъ ощущенія *увѣренности*. «Мы твердо убѣждены въ томъ, что сужденіе, къ которому мы получили поводъ, должно быть высказано для всякаго мѣста и для всякаго времени», и чувство удовольствія при сужденіи проистекаетъ именно отъ этой вѣры во внѣвременное значеніе утвержденія или отрицанія (т.-е. сужденія). Но коль скоро цѣнность сужденія заключается во внѣвременномъ его значеніи, то она, стало быть, независима отъ всякаго индивидуальнаго содержанія сознанія, имѣющаго временный характеръ; даже больше: «чувству, съ которымъ мы соглашаемся въ сужденіи, мы придаемъ не только независимое отъ насъ значеніе, но мы переживаемъ въ немъ нѣчто, отъ чего мы зависимъ». Всякое сужденіе опредѣляется надъиндивидуальной силой, которой всегда неизбѣжно подчиняется разсуждающій. Эту *необходимость*, неизбѣжность именно опредѣленнаго сужденія, Риккертъ называетъ *необходимостью въ сужденіи*. Элементъ *долженствованія*, сообщающій сужденію *смыслъ* или *цѣнность*, «выступаетъ по отношенію къ разсуждающему какъ *императивъ*, оправданія котораго мы признаемъ въ процессѣ сужденія».

Итакъ, признакъ, при помощи котораго мы отличаемъ цѣнность въ познаніи отъ цѣнности въ чувствованіи и хотѣніи, есть *долженствованіе*.

Но если, такимъ образомъ, истина не является совокупностью согласующихся со своими предметами представленій, а есть не что иное, какъ совокупность сужденій, признанныхъ цѣнными или должными, то отсюда вытекаетъ весьма важное слѣдствіе: «цѣнность истины сужденій не *выводится* изъ ея отношенія къ дѣйствительности, т.-е. эти сужденія истинны

не потому, что они высказываютъ то, что дѣйствительно, но, съ точки зрѣнія эмпирическаго реализма, мы *называемъ* дѣйствительнымъ то, что должно быть признано какъ дѣйствительное..., т.-е. понятіе дѣйствительности представляется, въ концѣ-концовъ, какъ понятіе цѣнности».

Теперь только Риккертъ считаетъ возможнымъ дать ясный отвѣтъ на поставленную въ началѣ изслѣдованія гносеологическую проблему: *существуетъ ли независимая отъ познающаго сознанія дѣйствительность?* Цѣлью всего предыдущаго изложенія было—разрушить старое понятіе познанія, задачу котораго составляетъ бутдо бы соотвѣтствіе представленій бытію. Положеніе: «познаваніе сообразуется съ сущимъ»—безсмысленно, такъ какъ самое понятіе «сущее» предполагаетъ знаніе чего-то такого, что «существуетъ», т.-е. предполагаетъ сужденіе, въ свою очередь предполагающее долженствованіе.

Отсюда ясно, что мы напрасно стали бы искать какого-то *предмета* (сущности), который познается, или же мы вынуждены будемъ прійти къ кажущемуся парадоксальнымъ положенію, что «предметомъ познанія можетъ быть только долженствованіе, которое признается въ сужденіи».

«Это долженствованіе,—говоритъ Риккертъ,—должно для познанія сдѣлать какъ разъ то, что реалистическія воззрѣнія считаютъ дѣйствіемъ существующей въ себѣ независимо отъ субъекта дѣйствительности». Никакой другой дѣйствительности за представленіями не существуетъ, такъ какъ, благодаря признанію связи имманентнаго комплекса представленій съ чувствомъ необходимости въ сужденіи, въ существованіи трансцендентныхъ реальностей нѣтъ никакой логической надобности.

Итакъ, *познаваніе есть процессъ мышленія, сообразующаюся съ долженствованіемъ, какъ предметомъ мышленія.*

IV.

Все предшествующее изложеніе имѣло цѣлью установить, «что подразумѣваетъ или предполагаетъ всякое правильно понятое познаніе». Но это еще не все. Вѣдь Риккертъ доказалъ пока только то, что предметъ познанія нужно искать не въ трансцендентномъ бытіи, а въ долженствованіи. Но предметъ познаванія только тогда обладаетъ значеніемъ для познаванія и сообщаетъ ему объективность, когда «онъ является предметомъ, во всѣхъ отношеніяхъ *независимымъ* отъ познающаго субъекта». А разъ это такъ, то и долженствованіе, признанное нами, какъ предметъ познанія, имѣетъ трансцендентный характеръ въ томъ смыслѣ, что оно должно существовать, независимо отъ того, признаетъ ли его какой-нибудь познающій субъектъ.

Тутъ возникаетъ чрезвычайно важный вопросъ: «имѣемъ ли мы *право* на допущеніе этого трансцендентнаго? Имѣетъ ли это признаніе долженствованія въ сужденіи абсолютную цѣнность, дѣйствительную независимо отъ всякаго фактическаго признанія?» Отвѣтъ на этотъ вопросъ и будетъ тѣмъ, что Риккертъ называетъ «обоснованіемъ объективности».

Для разъясненія этой проблемы Риккертъ снова примѣняетъ методъ гносеологическаго сомнѣнія. Этотъ методъ, сослуживъ службу въ дѣлѣ разрушенія наивнаго понятія познанія, долженъ теперь «раскрыть свою созидающую силу» и дать возможность гносеологу придти къ несомнѣннымъ основаніямъ и предпосылкамъ познанія.

Интересующій насъ вопросъ, согласно требованію этого метода, долженъ ставиться такимъ образомъ: «можно ли *сомнѣваться* въ томъ, что долженствованіе, которое мы признаемъ въ сужденіи, имѣетъ значеніе, восходящее за содержаніе сознанія и независимое отъ познающаго субъекта (т.-е. трансцендентное), и можно ли сомнѣваться въ томъ, что это долженствованіе необходимо должно быть признано?» Если мы докажемъ, что отрицаніе трансцендентности долженствованія обязательно приводитъ къ противорѣчію, то тѣмъ самымъ докажемъ, что наше сомнѣніе не должно имѣть мѣста (reductio ad absurdum).

Риккертъ уже доказалъ, что «*всякое* сужденіе состоитъ въ признаніи *необходимости* въ сужденіи и что эта необходимость всегда выступаетъ, какъ долженствованіе, отъ котораго зависитъ познающій субъектъ». Сомнѣваться въ томъ, дѣйствительна ли цѣнность сужденія внѣ времени и пространства, значитъ сомнѣваться, долженъ ли я, какъ разсуждающій субъектъ, признавать трансцендентное долженствованіе. А сомнѣваться—значитъ спрашивать, истинно ли *это* сужденіе, или истинно *противоположное*. Отвѣтъ можетъ быть только: *да* или *нѣтъ*. *Какой бы отвѣтъ мы ни дали, онъ будетъ выраженъ нами опять-таки въ формѣ сужденія;* въ этомъ мы сомнѣваться уже не можемъ; въ противномъ случаѣ мы должны будемъ совершенно отказаться отъ высказыванія какихъ бы то ни было сужденій. Но уже доказано, что *сужденія непремѣнно предполагаютъ трансцендентное долженствованіе,* если хотятъ быть истинными. Значитъ, отрицая долженствованіе, какъ форму сужденія, мы уничтожаемъ *несомнѣнную* предпосылку, т.-е. приходимъ къ логическому противорѣчію.

«Итакъ,—заключаетъ Риккертъ,—трансцендентное долженствованіе предохранено отъ всякаго сомнѣнія, потому что единственно несомнѣнныя сужденія также implicite его признаютъ».

Такимъ образомъ, Риккерту удалось установить *наиболѣе свободную отъ предпосылокъ точку зрѣнія*.

Въ началѣ изслѣдованія Риккертъ рѣшилъ слѣдовать тому принципу, по которому теорія познанія должна по возможности ограничить свои предпосылки, т.-е. не допускать ничего недоказаннымъ. И только что, какъ мы видѣли, онъ допустилъ безъ доказательства предпосылку, что «*истина*, т. е. безусловно дѣйствительныя сужденія, существуетъ и что мы въ несомнѣнныхъ сужденіяхъ обладаемъ истиной». Спрашивается теперь, не въ правѣ ли такъ называемые релятивисты не соглашаться съ этой предпосылкой въ виду ея бездоказательности, объявить допущеніе безусловно дѣйствительныхъ сужденій неправомѣрнымъ и, такимъ образомъ, сокрушить однимъ ударомъ все стройное зданіе Риккертовской гносеологіи?

Риккертъ въ высшей степени мѣтко отражаетъ возраженія релятивистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, уничтожая *абсолютную* цѣнность истины, послѣдовательный релятивистъ можетъ считать истину только *относительной*, т.-е. зависящей всецѣло отъ такого же психическаго настроенія познающаго человѣка, отъ какого зависятъ всѣ прочія индивидуальныя чувства этого человѣка. Это значитъ, что два человѣка въ правѣ признавать истинными каждый свое сужденіе, даже если оба эти сужденія противорѣчатъ другъ другу; иначе говоря, послѣдовательный релятивистъ долженъ придти къ тому заключенію, что вообще никакой истины не существуетъ.

Однако, тотъ же релятивистъ, который гордо заявляетъ, что истинныхъ сужденій не существуетъ, или долженъ признать правомѣрность противоположнаго утвержденія, уничтожающаго его заявленіе, или же долженъ признать свое заявленіе единственно правильнымъ или цѣннымъ, т.-е. признать, что существуютъ сужденія, за которыми должно признать цѣнность. И въ томъ и въ другомъ случаѣ релятивизмъ, такъ сказать, кончаетъ самоубійствомъ, если не хочетъ погибнуть естественной смертью, отказавшись вообще разсуждать.

Насколько легко было обезоружить релятивистовъ, настолько трудно защитить трансцендентальную гносеологію отъ предсмертнаго, а потому мощнаго нападенія имманентной теоріи познанія. Представитель послѣдней можетъ и, повидимому, въ правѣ сказать слѣдующее: со всѣмъ, что Риккертъ такъ убѣдительно доказывалъ о трансцендентности долженствованія, сопровождающаго всякое сужденіе, я, представитель имманентной гносеологіи, готовъ согласиться, такъ какъ всякое признаніе независимаго долженствованія въ сужденіи въ конечномъ итогѣ исходитъ отъ того индивидуальнаго «я», которое разсуждаетъ. А такъ какъ и Риккертъ въ началѣ своего изслѣдованія утверждалъ, что при послѣдовательномъ противопоставленіи различныхъ паръ субъектъ-объекта все индивидуальное можно отнести къ объекту, т.-е. содержанію сознанія, то и это индивидуальное разсуждающее «я» вмѣстѣ съ *его* трансцендентнымъ долженствованіемъ можно причислить къ объекту, т.-е. къ имменентному содержанію сознанія. Дальше идти некуда: все, что характеризуетъ трансцендентальный идеализмъ—не что иное, какъ содержаніе сознанія безличнаго гносеологическаго субъекта.

Если мы, выясняя себѣ понятіе субъекта познанія, будемъ разсматривать послѣдній, какъ *представляющее* сознаніе, съ точки зрѣнія котораго, какъ уже доказалъ Риккертъ въ первой половинѣ своего изслѣдованія, недопустимо никакое признаніе чего-либо трансцендентнаго, то уничтожающій трансцендентальную гносеологію выводъ имманентной школы неопровержимъ.

Но Риккертъ уже доказалъ, что сущность познанія заключается не въ представленіяхъ, а въ сужденіяхъ. Спрашивается теперь, имѣемъ ли мы право считать гносеологическій субъектъ *разсуждающимъ* субъектомъ? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: мы не только имѣемъ право на это, но логически даже не можемъ допустить противоположнаго. Въ самомъ дѣлѣ,

если разсуждающій субъектъ будетъ отнесенъ нами къ объектамъ, какъ того хочетъ имманентная гносеологія, то тѣмъ самымъ мы должны предположить существованіе разсуждающаго субъекта, высказывающаго сужденіе: «разсуждающій субъектъ есть имманентный объектъ», и такъ до безконечности. Чтобы выйти изъ этого круга, намъ нужно сдѣлать послѣднюю поправку по отношенію къ перечисленнымъ раньше понятіямъ субъекта: «именно, чистое представляющее сознаніе вообще есть также понятіе, которое мы можемъ образовать; но оно еще не можетъ быть дѣйствительно, какъ понятіе гносеологическаго субъекта. Оно само уже предполагаетъ разсуждающаго субъекта, которымъ оно образуется, и, поэтому, не представляющее, а *разсуждающее сознаніе вообще* есть конечный членъ въ ряду субъектовъ».

Неизбѣжность такого вывода такъ же очевидна, если мы начнемъ доказательство съ расширенія сферы объектовъ, т.-е. содержанія сознанія. О всякомъ содержаніи сознанія мы должны сказать, что оно *есть*. Связка *есть* имѣетъ смыслъ только какъ составная часть сужденія. А вѣдь сужденіе можетъ быть приписано только разсуждающему субъекту. Что же представляетъ изъ себя послѣдній, если все индивидуальное (въ томъ числѣ и разсуждающее «я») выдѣлено нами въ сферу объекта? Конечно—*разсуждающее сознаніе вообще*.

Кажущаяся парадоксальность понятія сужденія, не означающаго индивидуально-психическаго акта, происходитъ исключительно отъ того, что, вслѣдствіе недостаточной дифференцировки рѣчи, мы вынуждены примѣнять психологическіе термины къ гносеологическимъ понятіямъ. Предшествующее разъясненіе эту парадоксальность уничтожаетъ.

Говоря о разсуждающемъ сознаніи, мы признали, что оно предполагаетъ трансцендентное долженствованіе. Намъ остается отвѣтить на послѣдній вопросъ: имѣемъ ли мы право утверждать трансцендентное долженствованіе за предѣлами такой «пустой» абстракціи, какъ отвлеченный гносеологическій разсуждающій субъектъ?

Риккертъ и на этотъ вопросъ отвѣчаетъ утвердительно. Аргументація его слѣдующая: абстрактное понятіе разсуждающаго сознанія вообще можетъ быть правильно образовано только при томъ условіи, когда и «безличное сознаніе мыслится, какъ разсуждающій субъектъ, который признаетъ долженствованіе своимъ трансцендентнымъ предметомъ». Но разъ мы не можемъ образовать понятіе сознанія безъ содержанія, то «сознаніе вообще или гносеологическій субъектъ также долженъ мыслиться, какъ имѣющій содержаніе сознанія», причемъ послѣднее—тоже абстракція. Что же такое содержаніе сознанія? Это—не что иное, какъ имманентное бытіе. Можемъ ли мы мыслить понятіе бытія, не обсуждая его, какъ *сущее* бытіе? Ни въ коемъ случаѣ. Значитъ, и «сознаніе вообще можетъ имѣть содержаніе сознанія вообще лишь постольку, поскольку сужденіе, признающее это содержаніе, какъ сущее, *истинно*, т.-е. содержаніе познанія существуетъ лишь постольку, поскольку имѣетъ значеніе трансцендентное

экзистенціальное сужденіе, утверждаемое разсуждающимъ сознаніемъ вообще».

Допустивъ, такимъ образомъ, послѣднюю абстракцію, мы можемъ «вершиной пирамиды понятій», подчиняющихъ себѣ міръ, считать истинное сужденіе: *нѣчто существуетъ*. Несмотря на то, что это сужденіе не индивидуально, оно, будучи сужденіемъ, тѣмъ самымъ признаетъ независимое отъ сознанія трансцендентное долженствованіе.

Резюмируемъ результаты изслѣдованія Риккерта:

1. Метафизическое бытіе («вещь въ себѣ»), оказывающее воздѣйствіе на познающее сознаніе, есть логическое non sens. Послѣдовательно проведенная имманентная точка зрѣнія дѣлаетъ эту предпосылку излишней.

2. Познаніе возможно только въ формѣ сужденій, которыя логически предполагаютъ трансцендентное долженствованіе, если они стремятся быть истинными.

Итакъ, *наше познаніе выходитъ за предѣлы сознанія, только войдя въ міръ нормъ, цѣнностей, а не въ сферу метафизическихъ реальностей.*

V.

Понятіе познанія и его предмета достаточно выяснено и защищено отъ всѣхъ возможныхъ возраженій. Риккерту не можетъ болѣе возражать и реалистъ-эмпирикъ. Правда, послѣднему, привыкшему всегда имѣть дѣло съ *предметами-вещами*, въ реальномъ существованіи которыхъ внѣ своего сознанія онъ никогда не сомнѣвался, трудно помириться съ мыслью о превращеніи этой незыблемой опоры въ какія-то идеальныя нормы; но онъ, сраженный несокрушимой логикой Риккерта, все же хотѣлъ бы согласить полученное Риккертомъ понятіе познанія со всѣми предпосылками спеціальныхъ наукъ.

Естественнымъ желаніямъ эмпирическаго реалиста и идетъ навстрѣчу Риккертъ, посвящая отношенію трансцендентальнаго идеализма къ эмпирическому реализму послѣднюю и самую обширную главу своего изслѣдованія.

Хотя гносеологическій идеализмъ, какъ не разъ указывалось выше, не споритъ противъ реализма спеціальныхъ наукъ, такъ какъ этотъ реализмъ эмпиричнъ и, какъ таковой, интересуется только имманентными объектами и ихъ отношеніями къ индивидуальнымъ субъектамъ, но реалистъ въ правѣ задать слѣдующіе вопросы:

1. Можетъ ли гносеологическій идеализмъ быть въ гармоніи со *всѣми* предпосылками, которыя дѣлаетъ оправдываемый съ точки зрѣнія спеціальныхъ наукъ реализмъ?

2. Можетъ ли найденный Риккертомъ предметъ познанія дать искомую объективность *научному* познанію?

Эти два вопроса настолько серьезны, что разработка вполнѣ обоснованнаго отвѣта на нихъ потребовала бы спеціальнаго изслѣдованія. По-

этому Риккертъ разбираетъ эти проблемы лишь постольку, поскольку его аргументаціи могутъ лишній разъ подчеркнуть принципіальное значеніе защищаемаго имъ понятія познанія.

Прежде всего Риккертъ считаетъ нужнымъ рѣзко отграничить свою точку зрѣнія отъ другихъ гносеологическихъ воззрѣній.

Трансцендентальный идеализмъ (такъ называетъ Риккертъ защищаемую имъ теорію познанія) не расходится съ *позитивизмомъ* или *абсолютнымъ субъективнымъ идеализмомъ* (имманентной школой) въ томъ, что онъ не признаетъ никакого иного бытія, кромѣ содержанія сознанія. Но такъ какъ позитивизмъ все познаваніе сводитъ къ процессу представленія и отрицаетъ объективность познанія, то «разсуждающій, признающій цѣнности субъектъ не имѣетъ мѣста въ этой системѣ», являющейся, по опредѣленію Риккерта, отрицательнымъ догматизмомъ. Релятивизмъ и скептицизмъ—вотъ, по мнѣнію Риккерта, естественные печальные итоги позитивизма.

Трансцендентальный идеализмъ не расходится и съ *гносеологическимъ реализмомъ* въ томъ, что онъ требуетъ объекта познанія для того, чтобы познаваніе имѣло смыслъ. Но такъ какъ реализмъ полагаетъ этотъ объектъ въ мірѣ вещей въ себѣ, съ которымъ будто бы сообразуются представленія субъекта, то гносеологическій идеализмъ, не считающій возможнымъ опираться на ничѣмъ не доказуемыя предпосылки, долженъ отвергнуть эту точку зрѣнія, являющуюся, по опредѣленію Риккерта, положительнымъ догматизмомъ. Гносеологическій реализмъ начинаетъ съ метафизики и не въ состояніи съ ней раздѣлаться.

«Такимъ образомъ,—заключаетъ Риккертъ,—мы можемъ въ принципѣ преодолѣть обычную до сихъ поръ противоположность имманентной и трансцендентной теоріи познанія и вмѣстѣ съ тѣмъ признать правильное въ обѣихъ системахъ».

Теперь разберемся въ первомъ вопросѣ: *можно ли соединить трансцендентальный идеализмъ съ необходимыми предпосылками спеціальныхъ наукъ, не нарушая смысла послѣднихъ?*

Посмотримъ, въ какой мѣрѣ дѣйствительно воззрѣніе эмпирическаго реализма, будто познаваніе сообразуется съ дѣйствительностью, опираясь при этомъ на опытъ.

Всякая эмпирическая наука начинается съ повидимому недоказуемой по своей несомнѣнности предпосылки: все фактическое (или воспринимаемое) намъ «дается». Гносеологическій идеализмъ эту предпосылку принимаетъ, но не какъ несомнѣнную, а какъ *проблему*, нуждающуюся въ оправданіи. Гносеолога во всякомъ данномъ въ опытѣ фактѣ интересуетъ прежде всего *не содержаніе* того или иного факта (или воспріятія), а то обстоятельство, что тотъ или иной опредѣленный фактъ *данъ*, или то, что Риккертъ называетъ *данностью*. Если въ положеніи «снѣгъ—бѣлъ» эмпирика интересуетъ именно бѣлизна, то гносеолога интересуетъ прежде всего *родъ* фактическаго бытія, т.-е. то обстоятельство, что бѣлизна снѣга намъ

дана. Значитъ, теорія познанія не занимается содержаніемъ даннаго (это—занятіе спеціальныхъ наукъ), а лишь данностью фактовъ, или, говоря словами Риккерта, «то, что мы изслѣдуемъ, не есть содержаніе сужденія, а утвержденіе его, или, какъ мы могли бы также сказать, *форма сужденія*».

Въ чемъ же заключается логическій смыслъ данности фактовъ? Этимъ вопросомъ мы подходимъ, такъ сказать, вплотную къ основной проблемѣ формы сужденія.

Мы уже знаемъ изъ всего предшествующаго изложенія, что всякое познаніе выражается въ сужденіи. Разберемъ теперь логическія предпосылки сужденія, исходя въ своемъ анализѣ изъ готоваго сужденія о дѣйствительности.

Для эмпирическаго реализма формы дѣйствительности логически предшествуютъ формамъ совершеннаго сужденія о нихъ; послѣднія для него—*рефлективныя формы*. Для трансцендентальной гносеологіи—наоборотъ: формы сужденія не отражаютъ дѣйствительности съ существующими для себя формами, а логически обосновываютъ ихъ. «Гносеологическій центръ тяжести, поэтому, лежитъ не въ формѣ уже готоваго сужденія (формѣ дѣйствительности), а въ *актѣ* совершенія сужденія, въ признаніи, *дающемъ* форму, обосновывающую дѣйствительность». А такъ какъ всякое признаніе (какъ актъ) опирается (логически) на норму долженствованія, то актъ признанія обосновывающей дѣйствительность формы готоваго сужденія очутился, такъ сказать, въ логической серединѣ формы готоваго сужденія и нормы долженствованія. Этотъ *актъ признанія долженствованія* въ противоположность *признаваемому долженствованію* или готовому продукту сужденія Риккертъ называетъ *категоріей*, а готовый продуктъ сужденія—*трансцендентальной формой*.

Резюмируемъ все сказанное объ этихъ трехъ «формахъ», какъ факторахъ всякаго познанія.

Норма есть форма трансцендентнаго долженствованія или—предметъ познанія.

Категорія есть форма акта сужденія, дающая возможность посредствомъ признанія трансцендентной нормы возникнуть продукту познанія.

Трансцендентальная форма есть форма готоваго продукта познанія и, благодаря этому, вмѣстѣ съ тѣмъ—форма дѣйствительности.

Въ то время какъ всѣ три формы познанія тѣснѣйшимъ образомъ связаны для трансцендентальнаго идеализма, эмпирическій реализмъ отбрасываетъ норму и категорію и, разлагая третью форму на форму готоваго сужденія и форму дѣйствительности, обозначаетъ первую, какъ продуктъ второй.

Возвратимся теперь къ нашей проблемѣ и посмотримъ, въ какой изъ этихъ трехъ формъ нужно искать логическаго оправданія данности фактовъ.

Раскрывая логическій смыслъ познанія, мы до сихъ поръ имѣли дѣло съ тремя формами *всякаго* сужденія. Теперь же, когда мы ищемъ логическій смыслъ данности факта, мы можемъ говорить только объ отдѣльныхъ,

индивидуальныхъ данностяхъ: вѣдь данъ можетъ быть только отдѣльный фактъ, а не абстракція. Данность заключается не въ сужденіи «цвѣтъ существуетъ», а въ сужденіи «*этотъ* цвѣтъ существуетъ», лишь постольку данность индивидуальна. Все же и это индивидуальное является съ точки зрѣнія гносеолога общимъ, такъ какъ его интересуетъ опять-таки не содержаніе слова «этотъ» (т.-е. не «красный», «бѣлый» и т. п.), а то обстоятельство, что опредѣленная индивидуальность дана. Выраженіе «этотъ цвѣтъ существуетъ» есть готовое (совершенное) сужденіе о дѣйствительности. Мы уже раскрыли логическій составъ всякаго готоваго сужденія и нашли его логическія предпосылки: норму и категорію. Значитъ, и готовое сужденіе «этотъ цвѣтъ существуетъ» предполагаетъ норму и категорію. Но индивидуальности, составляющей отличительный признакъ этого сужденія, мы не можемъ искать въ трансцендентной нормѣ долженствованія, такъ какъ послѣдняя обосновываетъ *всякое* сужденіе (значитъ, и сужденіе «этотъ цвѣтъ существуетъ») и потому не содержитъ ничего индивидуальнаго. Въ такомъ случаѣ только въ категоріи, признающей данное сужденіе дѣйствительнымъ, скрывается оправданіе данности. Эту категорію, какъ логическую предпосылку сужденія объ индивидуальныхъ данностяхъ, Риккертъ называетъ особымъ терминомъ—«*категоріей данности*» *).

Такъ какъ данность факта составляетъ первую необходимую предпосылку всѣхъ эмпирическихъ наукъ, а мы спрашивали, возможна ли полная гармонія гносеологическаго идеализма съ основными предпосылками эмпирическихъ наукъ, то теперь ясно, что сдѣланный нами логическій анализъ познанія далъ на первый интересующій насъ вопросъ утвердительный отвѣтъ: Гносеологическій анализъ познанія вполнѣ оправдалъ первую предпосылку эмпирическихъ наукъ, но онъ идетъ дальше эмпиризма, опирающагося при познаніи дѣйствительности на опытъ; теорія познанія никогда не начинается чистымъ опытомъ, какъ *логически* первымъ, а—нормами. Съ эмпиризмомъ гносеологическій идеализмъ вступаетъ въ борьбу лишь тогда, когда эмпирикъ пытается строить свою гносеологію или на метафизической реальности, или же на уничтоженіи вообще трансцендентнаго, какъ предмета познанія. Но объ этомъ отношеніи трансцендентальнаго идеализма къ другимъ видамъ гносеологическихъ воззрѣній мы уже говорили.

Намъ остается отвѣтить еще на второй вопросъ: можетъ ли найденный нами предметъ познанія дать искомую объективность научному познанію?

Сама постановка вопроса требуетъ предварительныхъ поясненій.

Извѣстно, что спеціальныя науки не ограничиваются констатированіемъ отдѣльныхъ фактовъ, но стремятся къ единому *связному* познанію. Стре-

*) Напоминаемъ, что Риккертъ только намѣчаетъ пути къ разрѣшенію этихъ вопросовъ, и его точка зрѣнія не вполнѣ ясна только потому, что въ одной главѣ достаточно выяснить ее нѣтъ никакой возможности.

мись къ синтезу даннаго, эмпирическій реализмъ дѣлаетъ рядъ новыхъ предпосылокъ, которыя выходятъ за предѣлы воспринимаемаго, или даннаго и которыя все же не могутъ быть уничтожены безъ уничтоженія смысла научнаго изслѣдованія.

Трансцендентальный идеализмъ, поскольку мы выяснили его проблемы, до сихъ поръ занимался только констатированіемъ отдѣльныхъ фактовъ, и лишь для оправданія индивидуальнаго были найдены трансцендентная норма и категорія. Необходимо выяснить, достаточно ли и какъ предметъ *науки* (связнаго даннаго) трансцендентное долженствованіе?

Риккертъ для выясненія этой новой проблемы вновь прибѣгаетъ къ анализу готоваго продукта научнаго познанія, чтобы найти логическія предпосылки его возможности.

Что такое научное познаніе? Съ точки зрѣнія эмпирическаго реализма, оно есть «обработка матеріала». Оба послѣдніе термина прямо указываютъ на двѣ проблемы: одна относится къ матеріалу, другая—къ его обработкѣ.

Изслѣдуемъ раньше проблему, относящуюся къ научному матеріалу. Для этого посмотримъ, что именно, кромѣ индивидуальныхъ фактовъ, съ точки зрѣнія эмпирическаго реализма предполагается еще, какъ матеріалъ познаванія.

Мы уже говорили, что наука имѣетъ дѣло не съ изолированными фактами, а съ связнымъ даннымъ. На это указываетъ между прочимъ и то обстоятельство, что эмпирическій міръ «существуетъ въ *одномъ* пространствѣ, непрерывно измѣняется въ *одномъ* времени, состоитъ изъ *дѣйствующихъ* другъ на друга *вещей* и т. д.». Всѣ подчеркнутыя понятія познающему индивиду не даются непосредственно и, значитъ, выходятъ за предѣлы даннаго, въ отличіе отъ котораго можно назвать предполагаемый эмпирическимъ реализмомъ міръ—объективной эмпирической дѣйствительностью. Тогда вторая главная проблема гносеологіи будетъ *проблемой объективной дѣйствительности*; болѣе точно ее можно выразить такъ: достаточны ли для оправданія объективной дѣйствительности найденныя нами норма и категорія данности, или необходимо допустить новое понятіе познанія, или, быть можетъ, трансцендентное бытіе?

Легче всего отвергнуть необходимость допущенія трансцендентнаго бытія. Въ самомъ дѣлѣ, даже эмпирическій реалистъ не нуждается *въ утвержденіи своего познанія на мірѣ трансцендентныхъ вещей;* въ противномъ случаѣ ему пришлось бы въ качествѣ предпосылки принять, что трансцендентный міръ такъ же безконечно многообразенъ, какъ и окружающій его міръ имманентный. А если многообразіе даже имманентнаго міра не преодолимо во всѣхъ его деталяхъ, то мы должны навсегда отказаться достигнуть идеала познанія и, значитъ, оправданія трансцендентнаго бытія.

Отвергнувъ необходимость допущенія трансцендентнаго бытія (вещей), мы все же приходимъ къ необходимости свести матеріалъ познанія къ *формамъ* объективной дѣйствительности, а именно: пониманіе объективной

дѣйствительности не должно ограничиваться признаніемъ индивидуальныхъ фактовъ, а должно логически опираться на опредѣленное независимое отъ познающаго субъекта *упорядоченіе* фактовъ, благодаря которому возникаетъ связь даннаго.

Итакъ, остается выяснить, съ помощью какихъ *формъ* создается упорядоченіе фактовъ, придающее данному характеръ объективной дѣйствительности.

Теорія познанія, оставивъ понятіе трансцендентнаго бытія, занимается актомъ познанія, который нѣчто утверждаетъ, какъ сущее, т.-е. обращаетъ вниманіе прямо на то, что сужденіе констатируетъ не только отдѣльное воспринимаемое, но одновременно разсматриваетъ данное, какъ связную дѣйствительность. Но, какъ уже выяснено раньше, форма сужденія возникаетъ благодаря категоріи; поэтому объективность познанія дѣйствительности основывается на нормѣ, признаніе которой есть категорія. «Признавать объективную дѣйствительность—значитъ мыслить въ категоріяхъ, которыя воспроизводятъ формы объективной дѣйствительности, т.-е. повиноваться нормамъ, которыя можно обосновать, какъ трансцендентныя».

Итакъ, предметъ познанія не дается, а, съ точки зрѣнія трансцендентальной гносеологіи, *задается*.

Намъ остается изслѣдовать послѣднюю проблему *обработки* научнаго матеріала. Но проблема эта настолько сложна, что Риккертъ для ея разрѣшенія не ограничился нѣсколькими страницами своей книги: «Der Gegenstand der Erkenntnis», а посвятилъ ей большую книгу: «Ueber die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung» *). Не имѣя возможности здѣсь излагать *классификацію и логику наукъ*, построенную Риккертомъ въ названномъ сочиненіи, мы заканчиваемъ наше изложеніе его гносеологіи указаніями на взаимоотношеніе теоріи познанія и философіи.

Познаніе сводится въ конечномъ итогѣ къ *признаванію цѣнностей*—таковъ результатъ всего предшествующаго изслѣдованія. Пойдемъ теперь дальше и спросимъ, имѣютъ ли значеніе абсолютныя цѣнности только для *научнаго познанія*? Этотъ вопросъ уже выводитъ насъ за предѣлы гносеологіи; но значеніе послѣдней тѣмъ самымъ не только не уничтожается, но пріобрѣтаетъ, такъ сказать, универсальный философскій характеръ. Въ самомъ дѣлѣ: въ культурной жизни человѣка выступаютъ, кромѣ цѣнностей научнаго познанія, еще другія цѣнности, какъ-то: цѣнности морали, государства, искусства и религіи, причемъ и эти цѣнности претендуютъ на необходимость и обязательность для всякаго. Значитъ, извѣстная логическая связь между нормами, признаваемыми гносеологіей, и нормами морали, политики, эстетики и религіи можетъ быть установлена.

Наиболѣе очевидна связь между гносеологіей и *этикой*. И человѣкъ, ищущій истины, и человѣкъ, стремящійся къ нравственнымъ поступкамъ,

---

*) Есть русскій переводъ *А. М. Водена* (изданіе Е. Д. Кусковой).

подчиняются нормамъ. «Изъ нашего понятія познаванія слѣдуетъ, что послѣдній базисъ знанія есть совѣсть», занимающая въ системѣ философіи центральное мѣсто. Не нужно однако идти слишкомъ далеко въ этомъ отождествленіи интеллектуальной и этической совѣсти и помнить, что въ *содержаніи* понятія этической и логической совѣсти заключается принципіальное различіе; но только—въ содержаніи, думаетъ Риккертъ и считаетъ себя въ правѣ сказать, что «логическая совѣсть есть только особая форма этической совѣсти *вообще*» *) (курсивъ нашъ).

Политикъ, какъ таковой, считаетъ идеалъ извѣстнаго государственнаго строя общеобязательной цѣнностью, и когда ему приходится изслѣдовать историческія данныя «критически», то его задача превращается въ проблему цѣнности и становится аналогичной съ задачей гносеологіи, основныя предпосылки которой, такимъ образомъ, *обязательны* для политика.

Религія опирается на вѣру въ трансцендентную реальность, являющуюся абсолютно цѣннымъ содержаніемъ ея. А такъ какъ понятіе цѣнности выясняется въ теоріи познанія, то и для религіи предпосылки гносеологіи необходимы для надлежащаго ориентированія въ религіозныхъ проблемахъ.

Цѣль *искусства*—представить образъ дѣйствительности. Возникаетъ вопросъ, какую именно дѣйствительность подразумѣваетъ художникъ: ту ли, которая съ точки зрѣнія гносеологіи понимается, какъ объективная дѣйствительность, обосновывающаяся нормами, или—эмпирическую реальность? Какъ бы эстетика ни отвѣчала на этотъ вопросъ, все же оба понятія дѣйствительности надлежащимъ образомъ обосновываются въ теоріи познанія.

Міръ цѣнностей—единственный осмысленный міръ. Если философія есть міропониманіе, а она является именно таковымъ, то предпосылки и проблемы гносеологіи служатъ центромъ, въ которомъ скрещиваются пути всѣхъ дисциплинъ философіи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Н. И. Бронштейнъ.

---

*) Мы считаемъ Риккертовское понятіе „этической совѣсти вообще“ затемняющимъ принципіальное отличіе гносеологіи и этики, и если повторяемъ это выраженіе, то только потому, что въ настоящей статьѣ не думаемъ подвергать критикѣ ни одного положенія излагаемаго изслѣдованія, а хотимъ лишь въ общедоступномъ изложеніи познакомить русскую читающую публику съ теоріей познанія Риккерта.

Опочецкія воспоминанія о гр. П. А. Гейденѣ.

(Эпизодъ изъ исторіи освободительнаго движенія въ глухой провинціи).

I.

До революціи.

Я зналъ гр. П. А. Гейдена по Опочкѣ лишь послѣдніе три года. О его прошлой мѣстной дѣятельности слышалъ отъ другихъ. Всѣ говорили о немъ, какъ о передовомъ земцѣ, особенно отстаивавшемъ интересы народнаго образованія. Былъ онъ образцовымъ предсѣдателемъ земскихъ собраній, всегда привлекавшихъ много публики. Благодаря этому въ Опочкѣ была особенная связь между земствомъ и городской интеллигенціей. Въ значительной степени благодаря Петру Александровичу, а также и предсѣдателю уѣздной земской управы Н. М. Плену, земскій третій элементъ не въ примѣръ другимъ уѣздамъ Псковской губерніи состоялъ изъ интеллигентныхъ людей. Третьему элементу жилось довольно свободно, особенно врачебный персоналъ пользовался большой самостоятельностью.

У П. А. всегда была страсть къ общественной организаціи всякаго дѣла, къ устройству собраній, на которыхъ онъ и свои взгляды проводилъ, и другимъ давалъ высказываться. Его всегда охотно выбирали предсѣдателемъ разныхъ собраній, и онъ крайне добросовѣстно и умѣло руководилъ преніями. Любопытной страницей его жизни до моего пріѣзда въ гор. Опочку было его участіе въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, созванныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ по мысли гр. С. Ю. Витте.

Большинство уѣздныхъ предводителей дворянства Псковской губ. отнеслось къ этому дѣлу довольно формально. По крайней мѣрѣ въ изданныхъ «Трудахъ комитетовъ по изслѣдованію сельско-хозяйственной промышленности въ Псковской губ.», отчеты по другимъ уѣздамъ, за исключеніемъ Псковскаго, занимаютъ какой-нибудь десятокъ, а то и меньше страницъ. А по Опочецкому уѣзду тотъ же отчетъ занимаетъ почти половину всего тома и очень интересенъ по своему содержанію. Этотъ результатъ—заслуга гр. П. А. Передъ тѣмъ какъ собрать совѣщаніе онъ объѣздилъ весь уѣздъ и всюду собиралъ волостные сходы, на которыхъ

разъяснялъ крестьянамъ значеніе сельско-хозяйственныхъ комитетовъ. Благодаря этой агитаціи собралось довольно много крестьянъ, которые представили свои доклады, большею частью, впрочемъ, очень коротенькіе и высказывали свои взгляды. Особенно много удѣлено было вопросу объ общинѣ. Мнѣнія крестьянъ раздѣлились: крестьянская буржуазія стояла за уничтоженіе общины, а бѣднота находила, что при общинѣ только и можно существовать малоземельному крестьянству. Было представено также довольно много докладовъ и лицами другихъ классовъ, особенно земскими служащими. Особенно дѣльный докладъ принадлежалъ землемѣру о положеніи межевого дѣла.

Но опочецкая жизнь мало давала пищи для дѣятельной натуры П. А., тѣмъ болѣе, что по своему складу онъ собственно не былъ культурнымъ работникомъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Всѣми мелочами и деталями земскаго дѣла и хозяйства онъ не занимался постоянно. Правда, когда ему приходилось соприкасаться съ какимъ-нибудь вопросомъ, онъ всегда вникалъ въ него и тщательно разбиралъ его, удивляя всѣхъ своею необыкновенною работоспособностью и умѣньемъ быстро схватывать суть дѣла. Но его всегда влекла болѣе широкая арена, поскольку она тогда была въ Россіи въ области легальной политической борьбы. Участіе его на различныхъ земскихъ съѣздахъ, даже его роль на губернскихъ собраніяхъ въ Псковѣ были мало извѣстны въ Опочкѣ до 6 ноября 1905 г., когда и у насъ заговорили о знаменитыхъ резолюціяхъ московскаго съѣзда.

II.

Первые дни свободъ въ Опочкѣ.—Митинги.

Но вотъ объявленъ манифестъ 17 октября 1905 г. Движеніе, охватившее всю Россію, не оставило и Опочку, и тутъ П. А. пришлось сыграть блестящую, хотя и довольно тяжелую для него лично роль.

Уже при первой забастовкѣ началось броженіе въ городѣ, вскорѣ изъ частныхъ телеграммъ мы узнали о манифестѣ. Слухъ объ этомъ дошелъ и до крестьянъ, у которыхъ онъ возбудилъ ихъ вѣчную надежду насчетъ прирѣзки земли. П. А. тогда въ Опочкѣ не было. Манифестъ былъ торжественно объявленъ въ городскомъ соборѣ 22 октября. Въ соборъ набралось очень много народу, было много крестьянъ. Чтеніе манифеста разочаровало ихъ; они ждали чего-нибудь «насчетъ земли», а тутъ «какія-то свободы». Многое было совершенно непонятно и вызывало недоразумѣнія. Наприм., «свобода совѣсти» было выраженіемъ совершенно чуждымъ народному языку и могло пониматься у насъ скорѣе всего какъ свобода отъ совѣсти на всякаго рода безсовѣстные поступки. Одинъ извозчикъ сталъ какъ-то особенно громко ругаться при публикѣ трехъэтажными словами и оправдывался тѣмъ, что молъ самъ Государь далъ теперь «свободу слова». О свободѣ печати говорили, что теперь, значитъ, волостныя правленія не будутъ больше прикладывать своей печати на паспор-

тихъ и слѣдовательно не будетъ и сбора съ паспортовъ. Вообще манифестъ былъ встрѣченъ крестьянами съ какимъ-то страннымъ недоумѣніемъ.

Когда по выходѣ изъ собора, оркестръ вольнаго пожарнаго общества проигралъ гимнъ, то «ура» было очень жидкое.

Между тѣмъ въ городѣ чувствовался небывалый подъемъ, было сильное стремленіе къ тому, чтобы собраться и потолковать. Сначала собирались на частныхъ квартирахъ, потомъ устроили собраніе 6 ноября въ залѣ клуба.

Когда-то по всей Россіи пронеслась погромная волна, не миновала она и Псковской губерніи.

Во Псковѣ, Великихъ Лукахъ, Торопцѣ произошли погромы евреевъ, учащихся и прогрессивной интеллигенціи. Пошли грозные разговоры и у насъ въ Опочкѣ. Но у насъ эти погромныя стремленія направлялись не только противъ евреевъ и интеллигенціи; говорили, что надо кромѣ евреевъ бить и чиновниковъ, и помѣщиковъ, и богатыхъ купцовъ, и земскую управу, и больницу... Словомъ, погромные элементы задались слишкомъ широкими планами. Можетъ быть, именно поэтому дѣло ограничилось одними разговорами. Нужно прибавить, что нашъ исправникъ г. Каллайда сразу опредѣлилъ свое безусловно отрицательное отношеніе къ какимъ бы то ни было насиліямъ и принялъ энергичныя мѣры. Когда вспыхнула забастовка на кожевенныхъ заводахъ, и рабочіе стали было поговаривать о томъ, что «чѣмъ съ голоду помирать, лучше бы разнести хлѣбныя лавки», то г. Каллайда энергично выступилъ посредникомъ между хозяевами и рабочими и склонилъ обѣ стороны къ взаимнымъ уступкамъ. Рабочіе получили прибавку въ 5 к. поденной платы, заводчики, конечно, повысили цѣны на свои издѣлія, перенеся (какъ и водится) убытки на покупателей, и все успокоилось въ области нашего рабочаго вопроса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ были наряжены патрули солдатъ и городовыхъ по улицамъ. Появленіе штыковъ и шашекъ на нашихъ стогнахъ несомнѣнно дѣйствовало успокаивающимъ образомъ на пылкія чувства громилъ.

Тѣмъ не менѣе паника была большая, были раскуплены всѣ револьверы и патроны въ лавкахъ. Помню я, какъ пришлось возвращаться изъ поѣздки по уѣзду въ темную ноябрьскую ночь. Въ этотъ день былъ назначенъ кѣмъ-то еврейскій погромъ. Говорили, что пріѣхали какіе-то трое изъ Великихъ Лукъ. Городъ словно вымеръ. Еврейскія лавки были закрыты ставнями, на улицахъ ни одного прохожаго... Вся атмосфера была проникнута какимъ-то тоскливымъ ожиданіемъ. По улицамъ встрѣчались только патрули солдатъ и городовыхъ. Они провожали каждаго прохожаго ужасчымъ, испытующимъ взглядомъ.

III.

Гр. І ѣздитъ на крестьянскихъ собраніяхъ.—Настроеніе народа въ концѣ 1905 года.

С бранія прекратились, настало ужасное время, тѣмъ болѣе, что много прекращалось полученіе газетъ вслѣдствіе забастовокъ. То было

время, когда Россія переживала вторую и третью забастовки. Гр. Гейденъ долго не было, онъ участвовалъ на бывшихъ тогда съѣздахъ. Въ серединѣ ноября онъ пріѣхалъ въ Опочку. Онъ былъ очень бодръ и веселъ; осуществилась мечта его жизни: Россія вступала на путь конституціи!

Наше уныніе ему совсѣмъ не понравилось, оно ему было просто непонятно. Какое тутъ уныніе, когда самое время дѣйствовать! Моментъ показался ему самымъ удобнымъ для внушенія какъ крестьянамъ, такъ и городскимъ обывателямъ началъ истиннаго конституціонализма.

Онъ исхлопоталъ разрѣшеніе устроить собраніе крестьянъ со всего уѣзда и, чтобы могло собраться какъ можно больше народу, назначилъ собраніе въ городскомъ манежѣ, гдѣ могъ свободно помѣститься цѣлый батальонъ, который въ прежнее время стоялъ въ городѣ. Собраніе приняло характеръ настоящаго крестьянскаго митинга 18 ноября 1905 года. Оно было подробно описано въ статьѣ «Крестьянскія настроенія» (*Образованіе,* 1906 г., февраль, о немъ же упоминается въ статьѣ «Памяти гр. Гейдена» въ газ. *Товарищъ,* отъ 22 іюня с. г.). Собраніе это, какъ могутъ судить читатели, было до крайности хаотично. Надежды гр. Гейдена на то, что ему удастся поставить нашихъ мужичковъ на путь истиннаго конституціонализма и разъяснить имъ, что̀ надо понимать подъ разными свободами и участіемъ народа въ управленіи—на этотъ разъ не оправдались.

Передъ лицомъ сѣдого идеалиста оказались не европейскіе пейзаны и не нѣмецкіе «мальчики въ штанахъ», а настоящіе «скопскіе» мужички во всей своей натуральности. Передъ этой дотолѣ безгласной, покорной сѣрой массой точно взвился громадный занавѣсъ, и крестьянинъ вышелъ на внезапно открывшуюся ему арену... Онъ вышелъ и принесъ съ собою всѣ свои вѣковыя нужды, и всю злобу на господъ, сидѣвшихъ на его шеѣ.

Собраніе скоро приняло хаотическій характеръ. Въ началѣ еще все шло хорошо. Гр. Гейденъ прочиталъ манифестъ своимъ яснымъ, звучнымъ голосомъ. Потомъ онъ сталъ разъяснять. Вдругъ раздались крики: «Мы вамъ не вѣримъ, а гдѣ же насчетъ земли?!» Нѣкоторые пытались говорить, но ихъ заглушилъ крикъ толпы. Слышались только отдѣльные возгласы: «Это не настоящій манифестъ! Ни къ чему намъ свободы эти! Намъ земли надо! Отмѣнить земство! Почему я за корову шесть рублевъ плачу?» Наконецъ, и отдѣльныхъ голосовъ не стало слышно, толпа гудѣла, какъ пчелиный рой. Надъ толпой виднѣлась серебряная голова графа, видно было ея равномѣрное покачиваніе въ тактъ словамъ его рѣчи. Лицо его было совершенно спокойно и выражало самое искреннее желаніе разъяснить мужичкамъ основы самаго настоящаго конституціонализма. Пронесся говоръ, что графа хотятъ бить. Поблѣднѣвшая публика стала уходить. А П. А. все разъяснялъ и разъяснялъ. Около 4 час. митингъ прекратился. Часамъ къ 5 на городскую квартиру П. А. собрались знакомые и взволнованно обмѣнивались впечатлѣніями. Графъ былъ, какъ всегда, веселъ и бодръ. Его громадный опытъ на всевозможныхъ собраніяхъ, а также какая-то изумительная сила и

стойкость его нервной организаціи совершенно не позволяли ему падать духомъ. «Я не могу раздѣлять вашихъ опасеній,—говорилъ онъ собравшимся,—собраніе по моему обнаружило только недостаточную способность сосредоточивать свое вниманіе на отдѣльныхъ вопросахъ». И затѣмъ прибавилъ: «У меня теперь свободный вечеръ, хорошо бы собраться сегодня же въ клубѣ,—зачѣмъ терять время?» На выраженныя опасенія П. А. отвѣтилъ: «Главное, что надо помнить при всѣхъ собраніяхъ—это не опаздывать. А то у насъ въ Россіи такая скверная привычка: назначено собраніе въ 7 час., а публика собирается въ 8 и 9. А вотъ въ Англіи этого никогда не бываетъ». На вопросы, кому можно придти на собраніе, П. А ответилъ: «Да пусть приходятъ всѣ, кромѣ пьяныхъ».

Вечеромъ собралось человѣкъ 60—80. Многіе не пришли изъ страха. Кое-кто изъ пришедшихъ нервно ощупывали въ карманахъ револьверы. Графъ пришелъ ровно въ 7 час. и, смотря на часы, ворчалъ на запоздавшую публику и говорилъ объ англійской аккуратности. Его, конечно, выбрали предсѣдателемъ. Онъ открылъ собраніе, предложилъ желающимъ высказаться. Ни малѣйшаго утомленія или волненія послѣ бурнаго дня въ манежѣ не видно было на его спокойномъ лицѣ. Собраніе прошло въ образцовомъ порядкѣ. Выступали отдѣльные ораторы, каждому давалась возможность договорить до конца. Были затронуты самые разнообразные вопросы. Между прочимъ и аграрный. Ораторы болѣе демократическаго оттѣнка настаивали на возможно болѣе скоромъ и полномъ переходѣ частной земли къ крестьянамъ. П. А. возражалъ со своимъ обычнымъ, спокойнымъ юморомъ, указывая, что «конечно, очень легко посулить крестьянамъ всю землю и внушить имъ, что это сразу поправитъ ихъ положеніе, но не такъ просто это устроить и не съ этого надо начинать».

Послѣ этого собранія П. А. вздумалъ объѣхать весь уѣздъ для того, чтобы поговорить съ крестьянами по поводу манифеста 17 октября. Пришлось ѣхать въ сопровожденіи исправника. П. А. объѣхалъ почти всѣ волостныя правленія, всюду собирая крестьянъ, раздавая при этомъ экземпляры манифеста цѣлыми кипами. П. А. находилъ, что этотъ манифестъ—просто кладъ для оратора-конституціоналиста и съ жаромъ принялся за дѣло. Собранія крестьянъ были часто довольно хаотичны и безтолковы. На одномъ такомъ собраніи графу очень мѣшалъ какой-то дѣдъ, который все приставалъ, что у него девять душъ и всего одинъ надѣлъ. Графъ терпѣливо объяснялъ ему, что это вопросъ частный, а тутъ надо выяснить то, что имѣетъ болѣе общее значеніе. Плохо понимали мужички про свободы. Особенно путались они со свободой совѣсти. Самое выраженіе «свобода совѣсти» звучитъ на народномъ языкѣ, какъ свобода на безсовѣстные поступки («хватило у тебя совѣсти»). Когда имъ разъясняли, то они вяло говорили: «ни къ чему намъ это; да намъ, впрочемъ, татаринъ не мѣшаетъ, что онъ своему Магомету молиться будетъ». Участіемъ населенія въ управленіи интересовались болѣе. Повѣрять министровъ, выбрать людей въ Думу, которые съ Царемъ могли бы свободно про всякія

дѣла говорить,—это все имъ улыбалось. Но самую Думу они понимали, какъ какое-то огромное челобитное собраніе, гдѣ надо «вопить» о прирѣзкѣ земли. Многіе сряду собирались выбирать въ Думу по два человѣка отъ каждой волости. Тогда П. А. разъяснялъ, что это никакъ невозможно, такъ какъ тогда пришлось бы послать чуть не двадцать тысячъ депутатовъ отъ однихъ только крестьянъ. «Ничего, у царя хватитъ палатъ и на двадцать тысячъ, да можно и на улицѣ собраться и такъ завопить о нарѣзкѣ, что самое лучшее дѣйствіе произведетъ» возроптали мужички. Но потомъ многіе соглашались, что такъ нельзя, и тогда имъ рисовалась картина какого-то патріархально-семейнаго собранія, гдѣ депутаты будутъ сидѣть съ Царемъ и вмѣстѣ чай пить. Много волновались мужички по поводу высокихъ окладовъ жалованья министрамъ и вообще чиновникамъ. Крестьяне и въ земствѣ всегда стоятъ за всякія сокращенія. Нѣкоторые додумались до такого проекта: «ужъ больно много всякихъ чиновниковъ развелось, надо бы для общаго управленія оставить только двухъ министровъ: одного для нутреннихъ дѣлъ, а другого для иностранныхъ, да каждому положить жалованья по 500 рублевъ въ годъ, да каждому дать въ подмогу по два писаря, каждому въ годъ по 300 р.; вотъ и полно будетъ!»

По этому проекту все наше центральное управленіе обошлось бы всего въ 2,200 р. въ годъ! Правда, до такой экономіи доходили далеко не всѣ, но вообще оклады въ 20—30 тысячъ приводили крестьянъ положительно въ ярость.

Когда потомъ началось движеніе—смѣнять волостныхъ старшинъ и писарей, то имъ стали сильно сбавлять жалованье: вмѣсто обычныхъ 300 р. стали назначать 150 и 100 р. въ годъ. Надо однако замѣтить, что это движеніе очень скоро прекратилось, и старые оклады были возстановлены вслѣдствіе сознанія самихъ крестьянъ, что за меньшую плату работниковъ не найти.

Собранія крестьянъ часто бывали довольно бурны и иногда довольно опасны: сказывалась застарѣлая вражда и недовѣріе къ барину. Разъ какъ-то среди общаго шума прозвучалъ голосъ: «братцы, чего глядѣть, возьмемъ граха за козлиную бороду и выволокемъ изъ волостного правленія, чего онъ про всякія глупости болтаетъ, а про землю скрываетъ». Графъ нисколько не смутился. «Подойди, любезный, поближе, я тугъ на ухо, и повтори, что ты сказалъ» обратился онъ къ тому. Мужичокъ сконфузился и замолчалъ. Тогда другіе крестьяне стали сами высмѣивать неудачнаго подстрекателя. Было и неудобство другого рода: собранія происходили въ помѣщеніяхъ волостныхъ правленій, которыя не могли вмѣстить всей толпы; тѣснота и духота бывала страшная. Но П. А. стоически выстаивалъ по цѣлымъ часамъ въ спертой атмосферѣ и все старался объяснить какъ можно понятнѣе. Говорилъ онъ съ крестьянами довольно хорошо: безъ всякаго подлаживанія подъ мѣстный говоръ, но ясно, просто, толково. Послѣ каждой поѣздки онъ возвращался домой веселый, оживленный; раз

сказывалъ разные комическіе эпизоды. Въ это время онъ жилъ полной жизнью и пользовался случаемъ познакомить населеніе съ конституціей. Вѣроятно, кое-что осталось въ головахъ отъ его разъясненій, хотя крестьяне больше всего интересовались тѣмъ, о чемъ въ манифестѣ не упоминалось, т.-е. земельнымъ вопросомъ.

Вскорѣ послѣ поѣздокъ по уѣзду было собрано 29 ноября 1905 г. въ Опочкѣ экстренное уѣздное земское собраніе для обсужденія вопроса о прекратившихся поступленіяхъ земскаго сбора. И раньше уже съ полгода платили плохо. Первый толчокъ былъ данъ прежнимъ манифестомъ (по случаю рожденія Наслѣдника-Цесаревича), которымъ прощались между прочимъ земскія недоимки (по нашему уѣзду около 30,000 р.). Отъ этого выиграли неисправные плательщики, а остальные—исправные обидѣлись и рѣшили въ видѣ компенсаціи сами не платить сборовъ въ этотъ годъ. Къ этому присоединилась всеобщая растерянность и бездѣятельность властей, и крестьяне и думать забыли про платежи.

Земская касса опустѣла, вставалъ призракъ ликвидаціи земскаго хозяйства.

Итакъ, на 29 ноября было созвано экстренное земское собраніе для обсужденія вопроса, какъ быть. Гласныхъ отъ крестьянъ собралось изъ девяти всего трое, но посторонникъ крестьянъ, стоявшихъ въ публикѣ, было человѣкъ 30 и они устроили довольно внушительную, хотя и своеобразную демонстрацію противъ земства.

Обсужденіе вопросовъ то и дѣло прерывалось грубыми возгласами противъ членовъ собранія. Рѣчи многихъ заглушались иногда криками и ругательствами.

Когда между прочимъ было заявлено, что фельдшерицы получаютъ по 400 р. вмѣсто прежнихъ 360 р., публика—крестьяне стали кричать: «ну, и прогнать ихъ, коли не хотятъ за 360 р.! найдется на ихъ мѣсто!» Упоминаніе о земскомъ книжномъ складѣ, который въ то время былъ очень хорошо поставленъ, выписывалъ изданія *Донской Рѣчи* и др. передовыхъ фирмъ, вызвало злобный хохотъ и крики: «ни къ чему!» Протестовали и противъ расходовъ на земскій сельско-хозяйственный складъ, въ которомъ хотя и были кое-какіе непорядки, но рѣчь была не о ихъ устраненіи; крестьяне просто готовы были закрыть его, чтобъ только сократить расходы. Нѣкоторые кричали: «закрыть больницы и школы!» Но тутъ одинъ крестьянинъ запротестовалъ: «нельзя школъ закрыть, тогда весь народъ необразованный будетъ!» Гр. Гейдену пришлось не только руководить преніями собранія, но и успокаивать публику. Особенно шумѣлъ одинъ дѣдъ. «Это очень трогательно, что вы такъ интересуетесь земскимъ хозяйствомъ, но тутъ могутъ говорить только гласные!» замѣтилъ ему П. А. Кстати приведу подобный же случай отношенія публики на одномъ уже губернскомъ земскомъ собраніи, бывшемъ вскорѣ послѣ описываемыхъ событій въ г. Псковѣ. Тамъ толпа интеллигентной молодежи ворвалась въ залъ и крикомъ и шумомъ заставила собраніе ра-

зойтись. Когда нѣкоторые говорили графу: «вотъ смотрите, до чего дошли вы и ваши земцы: общественное мнѣніе возстало противъ васъ и заставило васъ разойтись!» «Разогнать собраніе могъ бы и быкъ, еслибъ онъ къ намъ ворвался»—«спокойно отвѣтилъ П. А.,—но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы быкъ составлялъ общественное мнѣніе».

Возвращусь однако къ своему разсказу. Деревня волновалась. Прислушиваясь къ толкамъ нашихъ мужичковъ, всюду приходилось наталкиваться на какую-то безтолочь, напр.: на собраніи одной волости какой-то грамотей составилъ резолюцію изъ 16 пунктовъ; крестьяне одобрили и подписали. Но когда потомъ пришлось спрашивать нѣкоторыхъ участниковъ—и притомъ сравнительно довольно толковыхъ—о содержаніи резолюціи, то они помнили только, что «вобче больно хорошо было написано», но что именно, не упомнятъ,—что-то о прибавкѣ земли, о смѣнѣ земской управы, объ уменьшеніи жалованья земскимъ служащимъ, а болѣе ничего не помнили.

Городскіе мѣщане и рабочіе мѣстныхъ кожевенныхъ заводовъ тоже иногда высказывались. Больше всего ихъ, кажется, въ то время возмущали крупные оклады сановниковъ и генераловъ. Цифры этихъ окладовъ выкрикивались съ ожесточеніемъ. Нѣкоторые шли и дальше, и предлагали, чтобы всякій трудъ оплачивался одинаково, напр., по 50 коп. въ день. «Мы сами столько получаемъ, ну и пусть всякій столько же получаетъ: и учитель, и докторъ, и инженеръ, и чиновникъ! Всѣмъ одинаково хлѣба надо! Каждый однимъ животомъ ѣстъ, а не двумя!»

Высшіе и средніе классы городского общества всѣ стояли за конституцію: всѣ желали созыва Государственной Думы, всѣ стояли за отвѣтственность министровъ (впрочемъ, очень рѣдко кто понималъ разницу между простой юридической отвѣтственностью и собственно парламентской). Голосовъ за старый порядокъ совсѣмъ не было слышно.

Что касается до крестьянъ, то если попытаться резюмировать ихъ требованія, то можно было въ то время придти къ такой платформѣ: 1) сохраненіе самодержавія, однако съ непремѣннымъ созывомъ Думы и съ отвѣтственностью (?) министровъ; 2) уничтоженіе земскихъ начальниковъ; 3) смѣна теперешняго состава земской управы и возможно большее сокращеніе расходовъ при уменьшеніи жалованья служащихъ приблизительно до 20—30 руб. въ мѣсяцъ; 4) вообще уменьшеніе оплаты всякаго интеллигентнаго труда; 5) выдача продовольственной ссуды по возможности безвозвратно и—главное—5) прирѣзка земли крестьянамъ.

Очень характернымъ являлось отношеніе крестьянъ къ Государственной Думѣ. Четырехъ избирательныхъ хвостовъ они не понимали, въ этихъ деталяхъ они не разбирались и самую Думу понимали до чрезвычайности «вообще». Нѣкоторые относились болѣе сочувственно къ совѣщательной Думѣ, законодательныя же ихъ пугала. Крестьяне боялись, что ихъ обойдутъ и что Думой завладѣютъ «господа» и вообще разные ихъ хитрые враги. Довольно молъ и того, чтобы мужикъ тамъ могъ свободно разго-

варивать съ Царемъ («съ Царемъ сидѣть и чай пить»), который авось и внемлетъ народному голосу. Но большинство въ то время относилось къ Думѣ равнодушно или скептически. «Намъ некого выбрать, насъ каждый проньетъ! Какъ попадетъ въ Питеръ, такъ и закружится и станетъ только о томъ думать, какъ бы въ карманъ побольше! Хоть господина выберемъ, хоть своего брата, все единственно продадутъ и пропьютъ».

И вотъ народная масса напала на другой исходъ: вымогательство путемъ забастовки и насильственныхъ захватовъ. Пошелъ разговоръ между крестьянами: «перестанемъ платить подати, пусть казна сидитъ безъ денегъ, пока намъ не дадутъ земли! Чего тамъ Дума? И безъ насъ законы напишутъ! Не наше это дѣло! Небось, какъ денегъ въ казнѣ не хватитъ, живо за умъ возьмутся!» И вотъ, идея забастовки становится все популярнѣе. Ее хотятъ примѣнить и къ казнѣ, и къ земству, и къ помѣщикамъ (изъ-за аренды, найма на работы). Эта тактика—тактика младенца, который кричитъ благимъ матомъ, предоставляя родителямъ угадывать, что ему нужно: родители пробуютъ и то и другое, а онъ себѣ кричитъ, пока тѣ не поймутъ и не найдутъ средствъ удовлетворить его.

Въ смыслѣ вымогательства реформъ и проч., эта тактика ничего не могла обѣщать. Прежде всего идея финансоваго бойкота приняла крайне уродливое выраженіе: прямыхъ налоговъ не платили, но зато казенныя винныя лавки торговали, какъ никогда. «Податей не платить, лучше будемъ водку пить!» смѣялись сами мужички, гурьбой вваливаясь въ винную лавку.

Одинъ волостной старшина самымъ серьезнымъ образомъ говорилъ, что надо вовсе отмѣнить всѣ прямые налоги, «потому при нынѣшнемъ народѣ все равно ничего не собрать», но взамѣнъ того увеличить цѣну казеннаго вина на 2 р. съ ведра: «Тогда всѣмъ хорошо будетъ: и казнѣ, и земству, и волости».

Въ области отношеній къ помѣщикамъ о забастовкахъ были больше одни разговоры. Впрочемъ, въ виду общаго настроенія народа, многіе помѣщики растерялись и пошли на кое-какія уступки: немного была кое-гдѣ повышена заработная плата и т. п. Но въ виду зимняго сезона это не могло имѣть большого значенія. Кое-кто изъ помѣщиковъ сталъ продавать свои земли довольно дешево, но потомъ остановились.

IV.

Аграрное движеніе.

Какъ только палъ снѣгъ и замерзли болота, установился санный путь въ лѣса. Это было рѣшительнымъ толчкомъ къ своего рода аграрному движенію въ нашемъ уѣздѣ. Оно приняло форму массовыхъ порубокъ помѣщичьяго лѣса и охватило цѣлую волость (Полянскую) и отчасти сосѣднюю—Старицкую. Крестьяне цѣлыми деревнями двинулись въ лѣса и давай рубить. Въ другихъ волостяхъ не рубили, но чутко прислушивались къ тому, что дѣлаютъ сосѣди, и были на-готовѣ. Шли разговоры между

крестьянами: «сначала порубимъ лѣса, а потомъ пойдемъ громить господскіе амбары». Паника овладѣла помѣщиками: многіе стали спѣшно нанимать амбары въ городѣ и собирались перевозить туда хлѣбъ. Кое-гдѣ крестьяне запретили землевладѣльцамъ рубить лѣсъ даже на дрова: «наша земля будетъ, такъ мы хотимъ, чтобы и лѣсъ сохранился».

И помѣщики подчинялись и въ страхѣ ожидали, что-то будетъ дальше! Шли разговоры и о томъ, что надо «забастовать» (т.-е. попросту разграбить) мелочныя лавки. Собирались придти большой толпой въ городъ, собраться на соборной площади, «а что дальше будетъ, то ужъ дѣло покажетъ». Движеніе это возникло какъ-то само собой, стихійно; посторонней агитаціи было немного. Если и были агитаторы, то больше изъ тѣхъ же крестьянъ, которые только что вернулись изъ Питера, гдѣ работали на фабрикахъ. Между крестьянами очень мало обращалось собственно революціонныхъ прокламацій, но зато каждый даже довольно невинный листокъ толковался ими по-своему. Былъ, наприм., такой случай. Одинъ помѣщикъ узналъ, что рубятъ его лѣсъ. Онъ поскакалъ туда. «Братцы, что вы тутъ дѣлаете!» — завопилъ онъ. «Да вотъ гумага такая пришла, чтобы, значитъ, твой лѣсъ бастовать!» — говорятъ ему мужички и даютъ какой-то листокъ. Это оказывается одинъ изъ легальныхъ листковъ, гдѣ говорится о томъ, что отцы и дѣды теперешнихъ крестьянъ прозѣвали свои права 19 февраля 1861 г. и что теперь-то настало время не зѣвать и бороться за ихъ расширеніе. «Ну вотъ и прекрасно,—обрадовался помѣщикъ,—вы такъ и дѣлайте, отстаивайте и расширяйте свои права; вотъ соберется Дума... ну, а про мой лѣсъ, что его надо рубить, тутъ вѣдь ничего не написано!» «Что ты баринъ!—засмѣялись мужики,—какія такія права да Дума! тутъ вѣдь прямо сказано: не зѣвай! ну, вотъ мы и не зѣваемъ, зря на твой лѣсъ глаза не пялимъ, а прямо за дѣло!»

Въ разгаръ движенія былъ разговоръ о томъ, чтобы разгромить имѣніе гр. Гейдена.

Былъ назначенъ день—7-е декабря, когда должны были собраться со всей волости да и изъ другихъ волостей крестьяне въ Глубоковское волостное правленіе, находящееся въ полуверстѣ отъ дома графа. Предполагалось оттуда идти громить амбары и разогнать служащихъ. Самого графа не было тогда дома и вообще въ уѣздѣ. Служащіе сами рѣшили оказать рѣшительное сопротивленіе: былъ забаррикадированъ винокуренный заводъ, заряжены ружья и револьверы. Но дѣло обошлось миромъ. Помѣшали разгрому, главнымъ образомъ, крестьяне близъ лежащихъ деревень, которые знали графа по непосредственнымъ отношеніямъ, и такъ какъ отношеніе графа къ нимъ всегда было очень хорошее, то знавшіе его лично крестьяне рѣшительно воспротивились погрому. Возбужденіе собравшейся толпы получило другой исходъ: смѣнили волостного писаря,—и тѣмъ дѣло и кончилось.

V.

Организація мѣстнаго отдѣла „союза 17 октября".

Какъ разъ въ это самое бурное время—конецъ ноября и первая половина декабря—графа не было въ уѣздѣ: онъ занятъ былъ на земскихъ съѣздахъ, организовалъ новую партію—«союзъ 17 октября». Вѣроятно, еслибъ онъ былъ на мѣстѣ, то не утерпѣлъ и поѣхалъ бы въ Полянскую волость разъяснять крестьянамъ всю «неконституціонность» ихъ образа дѣйствій. Впрочемъ, подобныя поѣздки могли бы встрѣтить препятствія со стороны администраціи, получившей къ тому времени стражниковъ. Администрація и раньше косилась на графа за его собесѣдованія съ крестьянами. Исправникъ, который ѣздилъ съ графомъ, былъ переведенъ или смѣщенъ.

Графъ пріѣхалъ въ г. Опочку въ самомъ концѣ декабря и, конечно, первымъ долгомъ на 29 декабря созвалъ собраніе. П. А. привезъ съ собой программу недавно образованнаго «союза 17 октября», которую онъ тутъ же читалъ и комментировалъ.

Тутъ же былъ выбранъ комитетъ мѣстной группы «союза 17 октября». Въ него вошло 12 человѣкъ, среди которыхъ были чиновники, купцы, помѣщики, врачи, одинъ священникъ.

На другой день П. А. созвалъ первое собраніе этого новоизбраннаго комитета. Предсѣдателемъ, конечно, выбрали графа. Затѣмъ были выбраны секретарь, казначей. Составили обращеніе къ обществу съ приглашеніемъ записываться въ мѣстный отдѣлъ «союза 17 октября». Рѣшили регулярно собираться разъ въ недѣлю. На собранія комитета постановили допускать и посторонннихъ, желающихъ ознакомиться съ программой новой партіи. Само собою разумѣется, П. А. принесъ съ собой цѣлую охапку отпечатанныхъ программъ «союза», которыя тутъ же были розданы для распространенія. Затѣмъ графъ уѣхалъ въ свои вѣчныя странствія.

Началась дѣятельность мѣстнаго отдѣла. Но тутъ сразу встрѣтилось множество препятствій. Прежде всего исправникъ не далъ разрѣшенія на отпечатаніе объявленія объ образованіи мѣстнаго отдѣла. Обратились къ графу, тотъ лично исхлопоталъ такое разрѣшеніе у губернатора. Но... тутъ встрѣтилось новое затрудненіе: объявленіе было подписано секретаремъ комитета—мѣстнымъ чиновникомъ. Между тѣмъ вопросъ о правѣ чиновниковъ участвовать въ политическихъ партіяхъ представлялся не совсѣмъ яснымъ. Правда, было министерское разъясненіе, что чиновники могутъ быть членами партій, кромѣ революціонныхъ, но... должны больше заниматься службой; кромѣ того, старшіе представители вѣдомствъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ занимать мѣста предсѣдателей и секретарей разныхъ бюро и комитетовъ. Секретарь нашего комитета не былъ старшимъ представителемъ своего вѣдомства въ городѣ. «Союзъ 17 октября», несомнѣнно, нельзя было причислить къ «явно противоправительственнымъ» партіямъ, но... все-таки сомнительно! Тѣмъ болѣе, что изъ Пскова

дошло извѣстіе, что тамъ чиновникамъ вообще не разрѣшили записываться въ «союзъ 17 октября». Рѣшили запросить свое начальство. Черезъ нѣкоторое время пришелъ изъ Пскова офиціальный отвѣтъ: «участіе чиновниковъ такихъ-то вѣдомствъ въ «союзѣ 17 октября» признается нежелательнымъ». Вопросъ былъ теперь ясенъ: всѣ чиновники вышли изъ комитета. Что касается до остальныхъ, то и они были озадачены и стали опасаться, какъ бы не влетѣло, тѣмъ болѣе, что въ то время—по минованіи дней свободъ—слово «ловушка» было очень ужъ у всѣхъ на языкѣ. Наконецъ, у нѣкоторыхъ изъ членовъ комитета подъ вліяніемъ послѣдовавшихъ по всей Россіи репрессій, стало крѣпнуть лѣвое настроеніе, стали переходить въ кадеты. Собранія комитета стали все малочисленнѣе и рѣже; дѣятельности никакой не представлялось, и ко времени слѣдующаго пріѣзда гр. Гейдена комитетъ совсѣмъ сошелъ со сцены.

Исторія нашего отдѣла «союза 17 октября» не мало удивитъ читателя и даже можетъ показаться не совсѣмъ вѣроятной. «Какъ же это такъ?—спроситъ онъ,—а почему же въ Петербургѣ и Москвѣ администрація ничуть не стѣсняла этой партіи? почему тамъ даже въ конст.-демократической партіи могли въ то время открыто участвовать чиновники?» Да просто потому, что въ Петербургѣ и вообще въ большихъ городахъ существуютъ и другія болѣе лѣвыя партіи, и «союзъ 17 октября» тамъ является противовѣсомъ ихъ. А въ нашемъ городишкѣ никакихъ организованныхъ партій не было, и мѣстный отдѣлъ «союза» явился единственнымъ выразителемъ свободной общественной самодѣятельности, который, несомнѣнно, будилъ политическую мысль. Поэтому въ г. Опочкѣ отдѣлъ «союза» былъ, съ точки зрѣнія администраціи, ненужнымъ, и его надо было задушить. Впрочемъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, эти административныя соображенія не оправдались: въ результатѣ получилось только развитіе лѣваго настроенія.

В. Б.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Къ вопросу о происхожденіи русской земельной общины *).

II.

Въ первой части этого очерка мы прослѣдили процессъ сложенія общины и развитія формъ землепользованія у кочевого и полукочевого, или, что въ данномъ случаѣ до нѣкоторой степени синонимъ, у нерусскаго населенія Азіатской Россіи. Теперь мы должны перейти къ эволюціи землевладѣнія и землепользованія у *крестьянъ*, изобразить процессъ сложенія *русской*, крестьянской земельной общины. Кой-какими данными по этому вопросу мы располагаемъ для окраинныхъ областей Европейской Россіи, главнымъ образомъ для казачьихъ, отчасти—для сѣверныхъ ея губерній, а также для нѣкоторыхъ изъ мѣстностей, вошедшихъ въ границы обширнаго района земскихъ статистическихъ изслѣдованій. Но, несомнѣнно, главнымъ источникомъ свѣдѣній о процессѣ сложенія крестьянской земельной общины въ настоящее время являются и, можно съ извѣстною увѣренностью сказать, навсегда останутся данныя мѣстныхъ изслѣдованій, произведенныхъ въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ въ четырехъ сибирскимъ губерніяхъ, нѣсколько позднѣе, въ 1897 году—въ Забайкальской области. Этотъ матеріалъ представляется единственнымъ въ своемъ родѣ по своему изобилію и сравнительной полнотѣ,—и въ то же самое время установленные сибирскимъ изслѣдованіемъ факты представляютъ исключительный интересъ по самому существу дѣла; это, съ одной стороны потому, что въ Сибири могутъ быть наблюдаемы въ настоящее время тѣ процессы, которые въ большей части Европейской Россіи уже отошли въ область преданій; съ другой—еще и потому, что процессъ эволюціи землевладѣнія и землепользованія въ Сибири происходитъ въ наибольшей мѣрѣ независимо отъ административнаго и вообще правительственнаго воздѣйствія, которое, напримѣръ, на сѣверѣ и въ казачьихъ областяхъ Европейской Россіи успѣло наложить специфическую окраску на многія явленія.

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1907 г.

Изъ тѣхъ двухъ частныхъ вопросовъ, на которые распадается вопросъ о процессѣ сложенія крестьянской общины, я намѣренъ подробнѣе остановиться на одномъ: на вопросѣ объ эволюціи формъ *землевладѣнія*, иначе сказать—о *генезисѣ общины*, какъ союза, владѣющаго и распоряжающагося землей. На другомъ вопросѣ—объ эволюціи формъ пользованія землею, въ частности о развитіи уравнительнаго землепользованія изъ первоначальныхъ захватныхъ формъ, я остановлюсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ: *этому* вопроса мнѣ неоднократно случалось касаться въ періодической печати, этому вопросу я десять лѣтъ тому назадъ посвятилъ спеціальную монографію, и въ настоящее время я могъ бы прибавить лишь немного новаго къ тому, что было сказано частью мною въ упомянутой монографіи, частью—К. Р. Качоровскимъ въ I-мъ и, къ сожалѣнію, пока единственномъ томѣ его «Русской общины», С. П. Швецовымъ въ его работахъ по алтайской общинѣ, М. А. Кролемъ въ его работѣ о формахъ землепользованія въ Забайкальѣ и А. А. Чупровымъ въ его изданной на нѣмецкомъ языкѣ монографіи о земельной общинѣ.

Начну съ нѣсколькихъ словъ о ходѣ заселенія страны,—именно только съ нѣсколькихъ словъ, поскольку этотъ вопросъ непосредственно связанъ съ занимающимъ насъ вопросомъ о генезисѣ общины и объ эволюціи формъ землевладѣнія и землепользованія.

Типичный процессъ разселенія—единственный, который можетъ насъ интересовать въ настоящую минуту, – это процессъ образованія заимокъ—сибирскій синонимъ малороссійскаго хутора или вологодскаго починка; на заимки выселяются крестьяне ранѣе существовавшихъ селеній той же мѣстности—губерніи, уѣзда или волости, заимками садятся, точнѣе садились, выходцы изъ Европейской Россіи, которые по тѣмъ или другимъ основаніямъ предпочитали идти въ невѣдомую тайгу. Такъ или иначе возникшая заимка мало-по-малу разрасталась въ болѣе или менѣе значительный поселокъ, село или деревню,—во многихъ мѣстностяхъ Сибири и по сейчасъ можно найти селенія, иногда громадныя села, сохранившія названіе «заимки» съ тѣмъ или другимъ къ нему прилагательнымъ; и эти селенія, разросшіяся изъ заимокъ, въ свою очередь выдѣляютъ изъ себя новыя заимки. Ростъ заимокъ и превращеніе ихъ въ селенія происходилъ двоякимъ путемъ: иногда исключительно путемъ естественнаго размноженія той семьи или тѣхъ двухъ-трехъ семей, которыя основали заимку; чаще заимка разрасталась, главнымъ образомъ, путемъ постепеннаго приселенія другихъ семей,—иногда односельчанъ первыхъ заимщиковъ, иногда крестьянъ постороннихъ селеній, нерѣдко—выходцевъ изъ другихъ уѣздовъ или губерній. Въ первомъ случаѣ получалась «однопородная деревня»; въ лѣсной полосѣ Тобольской губерніи—назову, напримѣръ, лично мною изслѣдованный Туринскій уѣздъ—имѣются десятки селеній, нерѣдко въ 20, 30 и до 50 дворовъ, гдѣ всѣ жители носятъ одну или двѣ фамиліи,—изрѣдка такія «однопородныя» селенія встрѣчаются и въ степныхъ мѣстностяхъ. Во второмъ, далеко болѣе обычномъ случаѣ получается «разно-

родная» деревня или село, безъ всякой, даже номинальной родственной связи между односельчанами, кромѣ развѣ только родства между небольшими группами послѣднихъ. Замѣчу теперь же, что мѣстное изслѣдованіе, поскольку ему приходилось встрѣчаться съ «однопородными» селеніями, не даетъ никакихъ указаній на наличность какой-либо разницы въ эволюціи формъ землевладѣнія и землепользованія между «однопородными» и «разнопородными» селеніями».

Въ тѣснѣйшей связи съ такимъ порядкомъ разселенія стоятъ и первоначальныя формы землепользованія, въ значительной мѣрѣ—и землевладѣнія.

Проще всего дѣло обстоитъ, очевидно, тогда, когда въ глухомъ лѣсу или въ дикой степи, вдали отъ всякаго другого поселенія, возникаетъ одиночная заимка. Въ лѣсу просторно, сосѣдей нѣтъ, ни съ кѣмъ сталкиваться не приходится,—и вотъ, образованіе «заимки», этой первичной формы поселенія, сопровождается «вольною заимкою», «занятіемъ» угодій, этою первичною формой землевладѣнія и землепользованія; земля вольная—паши гдѣ хочешь и сколько хочешь; владѣй, «куда топоръ, соха и коса ходятъ». Но то же самое—пока просторно!—продолжается и тогда, когда заимка разрастается въ селеніе: въ селеніи уже не одинъ, а нѣсколько или много дворовъ,—но къ чему регулировать землепользованіе, къ чему стѣснять свободу «заимки» угодій, когда всѣмъ просторно, когда никто никого не стѣсняетъ, когда земли хватаетъ всѣмъ?... И вотъ, на этой почвѣ развивается неограниченный захватъ, какъ первоначальная, зачаточная форма пользованія землею. Его проявленія, его типы вырабатываются въ строгомъ соотвѣтствіи съ чисто хозяйственными условіями эксплоатаціи отдѣльныхъ угодій и видовъ угодій.

Я говорилъ, что селеніе, возникшее изъ заимки, опять даетъ отъ себя заимки—разница только въ томъ, что эти новыя заимки возникаютъ уже не въ глухомъ «казенномъ» лѣсу, а на территоріи, освоенной извѣстнымъ селеніемъ или группою селеній—не на «порожней», а на «нашей», крестьянской землѣ. Но разница чисто принципіальная—существо дѣла, пока имѣется налицо достаточный просторъ, остается то же: каждый можетъ выселиться на заимку, или устроить себѣ временную, наѣздную заимку, можетъ огородить вокругъ нея поскотину; этому не только никто «не препятствуетъ»—обычное право, олицетворяемое волостнымъ судомъ, защищаетъ права заимщика, воспрещая постороннимъ лицамъ даже «подпахиваться» къ его усадьбѣ, его городьбѣ и пашнямъ.

По отношенію къ пашнямъ первобытная «заимка» облекается чаще всего въ форму самаго неограниченнаго захвата. Захватъ, хотя и имѣетъ, можетъ быть (на этомъ особенно настаиваетъ К. Р. Качоровскій), *принципіальное* основаніе въ затрачиваемомъ на разработку земли трудѣ, но фактически обосновываетъ исключительное право владѣнія и пользованія землею независимо отъ *дѣйствительной* затраты труда: достаточно «отпить» растущій на извѣстномъ пространствѣ лѣсъ,—мало того, до-

статочно положить мѣтки на граничныя деревья,—и «чертежъ» на неопредѣленное время поступаетъ въ исключительное владѣніе и распоряженіе зачертившаго или положившаго мѣтки; мало и этого—достаточно распахать нѣсколько полосъ, и все пространство пустолежащихъ земель, лежащее между этими полосами, становится исключительнымъ достояніемъ, «занятіемъ» распахавшаго. Если затѣмъ пашня послѣ нѣсколькихъ хлѣбовъ заброшена—залежь, опять-таки на неопредѣленное время, остается въ исключительномъ распоряженіи перваго занимщика: только онъ можетъ косить растущую на ней траву, только онъ имѣетъ право распахать ее вновь, когда залежь отдохнетъ и «задернѣетъ». Это, повидимому, преобладающая форма первобытнаго захвата по отношенію къ пахотнымъ землямъ. Мѣстами, однако, наприм., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Алтайскаго округа и въ Забайкальѣ, такой типъ захватнаго владѣнія, гдѣ захватъ самъ по себѣ является правотворящимъ факторомъ, складывается лишь по отношенію къ лѣснымъ пашнямъ, требующимъ предварительной расчистки; по отношенію къ «гладкимъ» пашнямъ, распахиваемымъ безъ предварительной расчистки, наблюдается та же форма захватнаго пользованія, какую мы уже наблюдали у переходящихъ къ осѣдлости кочевниковъ: распаханная пашня остается достояніемъ распахавшаго только до тѣхъ поръ, пока она не заброшена и пока отдохнувшая залежь не сравняется съ окружающею цѣлинною степью.

Приблизительно такіе же или во всякомъ случаѣ аналогичные порядки складываются по отношенію къ расчищеннымъ изъ-подъ лѣса сѣнокосамъ, по отношенію къ пасѣкамъ, къ окопаннымъ и забереженнымъ лѣснымъ участкамъ («сады») и т. п.,—и такимъ образомъ первоначальною формой пользованія по отношенію къ ряду угодій является прочный захватъ, опирающійся на длящіяся отношенія человѣка къ застроенной, расчищенной или распаханной землѣ; право занимщика на его «занятіе» настолько широко и прочно, что занятыя земли передаются по наслѣдству и переуступаются—«продаются» по единоличному усмотрѣнію занимщика, безъ всякаго съ чьей-либо стороны контроля.

Иначе складывается первобытный захватъ по отношенію къ такимъ угодьямъ, типичнѣйшимъ представителемъ которыхъ являются степные или луговые, вообще не требовавшіе предварительной расчистки, сѣнокосы. По отношенію къ угодьямъ *этого* типа нѣтъ почвы для образованія длящихся захватныхъ формъ пользованія,—они въ этомъ отношеніи рѣзко отличаются отъ угодій того типа, которымъ мы занимались до сихъ поръ. Если, въ самомъ дѣлѣ, я распахалъ цѣлинную степь и, по заведенному въ Сибири порядку, продержалъ ее годъ подъ паромъ, то очевидно, что я имѣю въ виду произвести на распаханной цѣлинѣ *нѣсколько* посѣвовъ—иначе не окупится мой трудъ по подъему цѣлины; тѣмъ болѣе должно быть мнѣ гарантировано продолжительное пользованіе, если я затратилъ трудъ на предварительную расчистку пашни изъ-подъ лѣса; но если я въ данномъ году выкосилъ извѣстный участокъ луга или степи,

то изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы я непремѣнно и въ будущемъ году долженъ былъ косить тотъ же участокъ: въ будущемъ году, можетъ быть, мнѣ вздумается косить другой, а мой нынѣшній покосъ, можетъ быть, вздумается косить кому-нибудь другому; можетъ быть и то, что на моемъ нынѣшнемъ участкѣ и вовсе не уродится трава. Поэтому по отношенію къ луговымъ и степнымъ сѣнокосамъ не можетъ сложиться и дѣйствительно не складывается длящихся захватныхъ формъ: первобытною формою пользованія такими сѣнокосами является иногда просто свободное пользованіе—коси гдѣ хочешь и сколько хочешь; иногда—захватъ *на данный сѣнокосный періодъ*,—та форма, которая у уральскихъ казаковъ носитъ названіе «ударнаго» сѣнокошенія. Въ условленный заранѣе моментъ, въ Уральской общинѣ обозначаемый «ударомъ» въ церковный колоколъ, всѣ бросаются вразсыпную, кто верхомъ, кто на телѣгѣ,—каждый старается какъ можно скорѣе доскакать до заранѣе облюбованнаго урочища и окосить здѣсь, однимъ прокосомъ, возможно болѣе обширное пространство; все, что ему удастся окосить въ теченіе назначеннаго для «закоса» дня, поступаетъ на весь данный сѣнокосный періодъ въ исключительное распоряженіе закосившаго; на слѣдующій годъ «закосъ» производится заново и можетъ, очевидно, привести къ совершенно другому распредѣленію сѣнокосовъ.

Таковы формы первобытнаго захвата. Само собою разумѣется, что о какой-либо уравнительности распредѣленія угодій здѣсь не можетъ быть и рѣчи,—какъ разъ наоборотъ: каждый зачерчиваетъ, распахиваетъ, закашиваетъ, огораживаетъ по своей силѣ,—а сила эта вѣдь не только физическая, но и экономическая, сила не только труда, но и капитала; наряду съ «занятіями», обнимающими сотни десятинъ однихъ только пашенъ и сѣнокосовъ, у очень многихъ хватаетъ «силы» на какихъ-нибудь двѣ-три десятины пашни и нѣсколько десятковъ копенъ покоса, а значительная часть населенія въ районахъ первобытнаго захвата и вовсе не имѣетъ пашни и покоса, слѣдовательно фактически вовсе не осуществляетъ своего права пользованія землею. Но это ни для кого не можетъ быть «обидно», ибо самый послѣдній бѣднякъ *можетъ* занять подъ пашню и сѣнокосъ столько же земли, сколько занято у перваго богача, и обширныя «занятія» послѣдняго никому не мѣшаютъ и никого не ограничиваютъ въ возможности пользованія землею.

Но вотъ постепенно надвигается «утѣсненіе»; оно надвигается тѣмъ быстрѣе, что, кромѣ простого, естественнаго прироста населенія, послѣднее увеличивается и путемъ принятія въ общества переселенцевъ, и—въ Сибири до недавняго времени—путемъ причисленія ссыльныхъ; что, съ другой стороны, параллельно съ естественнымъ и механическимъ приростомъ населенія идутъ правительственныя мѣропріятія, направленныя къ «урегулированію» землепользованія, проще сказать къ тому, чтобы ввести послѣднее въ опредѣленныя рамки, а остающіяся внѣ этихъ послѣднихъ земли использовать для водворенія переселенцевъ или для какихъ-нибудь

другихъ государственныхъ цѣлей: какъ бы ни были широки нормы, по которымъ опредѣлялось количество земли, оставлявшееся въ распоряженіи мѣстнаго населенія,—по сравненію съ прежнимъ, безграничнымъ просторомъ оно представляло собой уже болѣе или менѣе рѣзко выраженное «утѣсненіе».

Но при такомъ положеніи дѣлъ неограниченно-свободный захватъ, попрежнему выгодный для наиболѣе сильныхъ элементовъ крестьянства, начинаетъ становиться стѣснительнымъ для другихъ: наступаетъ такой моментъ, когда если не вся земля, то во всякомъ случаѣ—вся лучшая по качеству и наиболѣе доступная для обращенія подъ культуру, оказывается, такъ или иначе, захваченною въ «занятія» болѣе состоятельныхъ дворовъ, и какъ приросту населенія, такъ и тѣмъ дворамъ, которые почему-либо начинаютъ испытывать потребность въ расширеніи своихъ запашекъ, оказывается уже неоткуда взять подходящей для этого земли: все занято—осталось одно только «неудобіе», земля съ плохою почвою или покрытая лѣсомъ, требующимъ слишкомъ много труда для разработки въ угодья.

И вотъ начинаетъ формироваться *новое* обычное право—шагъ за шагомъ входятъ въ обычай тѣ или другія, все болѣе и болѣе ощутительныя ограниченія первобытной свободной заимки угодій; входя въ систему и и постепенно налагаясь, такъ сказать, одно на другое, они постепенно приводятъ къ все болѣе и болѣе ясно выраженнымъ, все болѣе и болѣе выработаннымъ формамъ уравнительнаго землепользованія.

Однимъ изъ первыхъ симптомовъ этой эволюціи является борьба селъ и деревень съ остающеюся въ нихъ, по большей части, бѣднотою, противъ заимокъ и хуторовъ—явленіе, повсемѣстно наблюдаемое на данной стадіи эволюціи, но особенно рѣзко проявлявшееся у кубанскихъ казаковъ. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ эта борьба составляла у нихъ, повидимому, главное содержаніе и во всякомъ случаѣ — наиболѣе рѣзко бросавшееся въ глаза явленіе въ области земельныхъ отношеній: загороженныя при заимкахъ поскотины занимаютъ обширныя пространства земли—ихъ, въ концѣ-концовъ, ломаютъ и заставляютъ ихъ владѣльцевъ подчиняться общимъ для всѣхъ, никого не стѣсняющимъ порядкамъ выпаса скота въ деревенской поскотинѣ и на другихъ пространствахъ, предназначаемыхъ «обществомъ» для выпаса скота; заимщики уклоняются отъ участія въ деревенскихъ натуральныхъ повинностяхъ — ихъ заставляютъ бросать заимки и переѣзжать на жительство въ деревни; прежнее запрещеніе «подпахиваться» къ заимкѣ постепенно исчезаетъ, и волостные суды начинаютъ исходить и въ этомъ случаѣ изъ принципа «сохѣ препятствовать нельзя». Въ концѣ-концовъ заимка исчезаетъ, какъ форма землепользованія, и остается только какъ способъ разселенія, какъ простой пріемъ веденія хозяйства: она остается жилищемъ и помѣщеніемъ для скота, которое, по соображеніямъ хозяйственнаго удобства, используется владѣльцемъ въ теченіе той или другой части лѣтняго періода.

Параллельно съ этимъ идутъ и другія ограниченія первобытнаго захвата. Это, мы знаемъ, былъ именно *захватъ*; если, можетъ быть, онъ и имѣлъ, какъ на этомъ настаиваетъ К. Р. Качоровскій, трудовые корни, то на практикѣ онъ имѣлъ силу и независимо отъ дѣйствительной затраты труда. Постепенно отсѣкаются эти чисто-захватные элементы: устанавливаются, постепенно сокращаются и въ концѣ-концовъ исчезаютъ сроки исключительнаго владѣнія «чертежами» и исключительнаго пользованія залежью, — въ концѣ концовъ остается *чистое трудовое* право на обрабатываемую землю, возникающее съ моментомъ первой затраты труда на обработку и прекращающееся съ ея прекращеніемъ; первобытный захватъ переходитъ этимъ способомъ въ ограниченный захватъ, при которомъ, напримѣръ, пашня, разъ она брошена кѣмъ-либо въ залежь, можетъ быть вновь распахана всякимъ другимъ, и только чисто хозяйственныя соображенія ведутъ на практикѣ къ тому, что выпаханная и потому брошенная пашня ранѣе истеченія нѣсколькихъ лѣтъ не захватывается и не распахивается никѣмъ другимъ.

На нѣкоторое время маломощная масса населенія успокаивается на этомъ: она получаетъ возможность расширять свое пользованіе за счетъ обширныхъ пространствъ «чертежей» и отдохнувшихъ залежей, и этого запаса хватаетъ на болѣе или менѣе продолжительное время.

Но, такъ или иначе, населеніе продолжаетъ расти; такъ или иначе, «утѣсненіе» обостряется сильнѣе и сильнѣе: конечно—это надо всемѣрно подчеркивать—сибирское, *относительное* утѣсненіе, которое было бы такимъ же широкимъ просторомъ для средне-русскаго трехпольнаго крестьянина, какимъ средне-русское «малоземелье» показалось бы, напримѣръ, вестфальскому или бельгійскому земледѣльцу. Мало-по-малу оказываются занятыми и распаханными и всѣ сколько-нибудь отдохнувшія залежи—свободными отъ трудового пользованія остаются либо мало привлекательныя, по плохой почвѣ или по трудности расчистки, «пустыя» земли, либо залежи, еще не успѣвшія отдохнуть. Начинаются споры и столкновенія изъ-за распашки залежей, за разрѣшеніемъ споровъ начинаютъ обращаться къ «обществу», «міру», къ «старикамъ», и въ результатѣ появляются *отводы*. Это, сначала, простая санкція трудового захвата, простое засвидѣтельствованіе захватнаго права или разрѣшеніе возникшаго спора: начавшій пахать извѣстное «польцо» проситъ отвода, чтобы устранить уже заявленныя или могущія возникнуть притязанія другихъ на то же «польцо». Но разъ ставъ на этотъ путь, эволюція на немъ не останавливается; проявляющіяся въ первыхъ отводахъ функціи «общества», какъ нотаріуса, частью судьи, постепенно становятся функціями *распоряженія* землею, изъ практики отводовъ постепенно вырабатываются *отводы-отрѣзки*. Разъ больше не осталось свободныхъ земель, которыя стоило бы распахивать, выманіе тѣхъ Ивановъ, Петровъ и Сидоровъ, у которыхъ занято и распахано особенно мало, или которые по той или иной причинѣ вовсе не имѣютъ запашки, обращается на тѣхъ Сидоровъ, Петровъ и Ивановъ, у

которыхъ захвачено особенно много, у которыхъ одна запашка сплошь и рядомъ занимаетъ по пятидесяти, по сту и болѣе десятинъ. Начинаются распри: какъ мѣтко формулировалъ тотъ же К. Р. Качоровскій, одни ссылаются на *право затраченнаго труда*, «мы разработали землю, такъ неужто ее можно у насъ отнять?...» другіе исходятъ изъ своего *права на трудъ*— «не вамъ однимъ надо питаться и работать, мы такіе же крестьяне, намъ тоже нужно, на чемъ работать». Въ концѣ-концовъ какой-нибудь особенно ретивый и настойчивый Иванъ, очень часто изъ ссыльно-поселенцевъ, добивается того, что «старики» вмѣшиваются въ дѣло и отводятъ ему десятинку-другую пашни, отобравъ ее у какого-нибудь особенно широко распахавшагося Петра. Но лиха бѣда начать—труденъ только первый шагъ: за первою отрѣзкою слѣдуетъ другая, тамъ третья, въ концѣ-концовъ въ практику входятъ *частныя поравненія*—отрѣзка земли у однихъ, имѣющихъ явный избытокъ, для отвода ея другимъ, ощущающимъ столько же явный недостатокъ въ землѣ. Эти частныя поравненія дѣйствуютъ какъ стругъ—они срѣзаютъ слишкомъ грубыя неровности. Разъ онѣ срѣзаны, уже легко выстрогать ровную поверхность: разъ путемъ частныхъ поравненій устранена слишкомъ рѣзко бросающаяся въ глаза неравномѣрность въ распредѣленіи пашенъ, разъ, такимъ образомъ, сломлено сопротивленіе тѣхъ, кто наиболѣе заинтересованъ былъ въ сохраненіи стараго порядка пользованія «по силѣ», то сравнительно легко проходитъ и *общее поравненіе*—грубая форма передѣла: если въ обществѣ еще и остались лица, которымъ это поравненіе невыгодно, то ихъ мало, заинтересованность ихъ уже не такъ сильна,—а въ то же время *всѣ* заинтересованы въ томъ, чтобы установить какія-нибудь общія основанія распредѣленія земли и этимъ способомъ устранить тѣ постоянныя столкновенія и распри, которыми сопровождался каждый случай частнаго передѣла; общее поравненіе и передѣлъ особенно легко проходятъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ предварительно была проведена, въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ, раскладка платежей и повинностей по запашкѣ и скоту: тогда у болѣе состоятельныхъ элементовъ отпадаетъ главный стимулъ отстаивать старые порядки—возможность безплатнаго пользованія значительными количествами земли. Въ свою очередь, отъ общаго поравненія, этой грубой формы коренного передѣла, уже не труденъ переходъ къ болѣе тонкимъ формамъ, къ настоящему «дѣлежу земли», связанному съ точнымъ ея измѣреніемъ и, почти безъ исключенія, съ распредѣленіемъ ея на сорта.

Это—одинъ путь эволюціи отъ захватныхъ формъ къ уравнительному пользованію пашнями. Очень часто, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже какъ общее правило, встрѣчается нѣсколько иной путь: къ общему передѣлу подходятъ не съ такою осторожностью и постепенностью, но сначала подвергаютъ такому передѣлу только *извѣстную часть* пашенъ, оставляя другія въ свободномъ, захватномъ пользованіи. Иногда основаніемъ для такой, такъ сказать, бифуркаціи пользованія служитъ достоинство, цѣнность разныхъ видовъ пашенъ: дѣлятъ, напримѣръ, лучшія по почвѣ

«гривы»—«первый грунтъ», или поддворныя пашни,—а болѣе слабыми или болѣе отдаленными, «отъѣзжими», продолжаютъ пользоваться «по силѣ»; это, между прочимъ, потому, что настаивающая на передѣлѣ бѣднота, всегда стремящаяся пахать какъ можно ближе къ деревнѣ, значитъ получить свою долю поддворныхъ пашенъ, мало заинтересована въ отъѣзжихъ пашняхъ, куда ей нѣтъ разсчета забираться изъ-за какихъ-нибудь нѣсколькихъ десятинъ посѣва, тогда какъ для «заможныхъ» хозяевъ, имѣющихъ или могущихъ устроить себѣ заимки, эти отъѣзжія пашни представляются нерѣдко особенно привлекательными. Иногда эволюція слѣдуетъ по линіи наименьшаго сопротивленія: въ передѣлъ поступаютъ, прежде всего, такія пашни, по отношенію къ которымъ не приходится или сравнительно мало приходится считаться съ захватными правами, со ссылками на право затраченнаго труда: въ общій передѣлъ пускаютъ какую-нибудь «выгородку»—площадь, прежде входившую въ черту присельнаго выгона и, въ виду «утѣсненія», предназначенную подъ распашку; либо подвергаютъ передѣлу «гладкія» пашни, не требовавшія предварительной расчистки, и оставляютъ въ захватномъ пользованіи лѣсныя, на расчистку которыхъ былъ затраченъ значительный трудъ. И даже когда общіе передѣлы уже вошли въ обычный порядокъ, въ передѣлъ нигдѣ не включаются расчистки, не успѣвшія, по приблизительному разсчету, окупить затраченнаго на корчевку труда; онѣ оставляются заинтересованнымъ домохозяевамъ сверхъ душевой нормы, на время, сообразованное съ трудностью расчистки.

Аналогично по существу идетъ эволюція пользованія тѣми угодьями, по отношенію къ которымъ первоначальною формой пользованія былъ не длящійся, а кратковременный захватъ, въ частности естественными сѣнокосами. Дѣло начинается съ того, что исчезаетъ обычай закоса: разъ стало «тѣсно», онъ становится крайне стѣснительнымъ для бѣдноты—богачи въ полдня могутъ закосить всѣ сѣнокосы, какіе только есть, и бѣднотѣ въ такомъ случаѣ «некуда дѣваться». Облеченный въ форму закоса захватъ сѣнокосныхъ угодій на весь данный сѣнокосный періодъ смѣняется абсолютно свободнымъ пользованіемъ: каждый можетъ косить гдѣ и сколько ему вздумается, но никто не можетъ помѣшать другому косить хотя бы «коса о косу», непосредственно рядомъ съ собою. Параллельно съ этимъ, иногда даже раньше, устанавливаются тѣ или иныя ограниченія, преслѣдующія все ту же цѣль — оградить «бѣдноту» отъ стѣсненія со стороны «заможныхъ» домохозяевъ: устанавливается день начала сѣнокоса; появляется запрещеніе выходить на вольный покосъ съ поденщиками-косцами, и такимъ образомъ достигается нѣкоторая пропорціональность пользованія покосами съ рабочимъ составомъ каждой данной семьи. Иногда прямо опредѣляется число косцовъ, какое можетъ высылать на вольные покосы каждая платежная или вообще развертсчная душа, причемъ, въ частности, въ казачьихъ общинахъ урядникамъ и офицерамъ, въ соотвѣтствіи съ чиномъ, предоставляется право на увеличенное число косцовъ; получается

такимъ образомъ форма, которую можно назвать релугированнымъ захватомъ и при которой въ значительной мѣрѣ достигается уже пропорціональность распредѣленія сѣнокосовъ. Въ Сибири эволюція идетъ нѣсколько инымъ путемъ: изъ вольнаго сѣнокошенія, путемъ едва замѣтныхъ, крайне трудно уловимыхъ переходовъ, развивается ежегодный передѣлъ однимъ изъ обычныхъ въ Сибири способовъ, въ основѣ которыхъ лежитъ не точное измѣреніе, а принципъ «субъективнаго равенства» или равноцѣнности отдѣльныхъ сѣнокосныхъ долей. Дѣло начинается съ простого уговора: «ты здѣсь коси, а я тамъ буду»; такъ какъ каждый при этомъ старается оставить за собой такое мѣсто, гдѣ бы ему не было слишкомъ тѣсно, то этимъ путемъ достигается нѣкоторая, грубо приблизительная равномѣрность распредѣленія покосовъ; если нѣсколько человѣкъ сговорились косить на одномъ сѣнокосномъ урочищѣ, они, опять-таки, уговариваются между собой: «одному одинъ уголъ косить, другому—другой». На нѣсколько позднѣйшей ступени начинаютъ выѣзжать «всѣмъ обществомъ» для осмотра покосовъ, и при этомъ осмотрѣ опять-таки условливаются: кому гдѣ косить; если кто-нибудь прогадаетъ при такомъ распредѣленіи, тому «старики» прирѣжутъ отъ сосѣда, которому удалось оставить за собой несоразмѣрно большой участокъ. Отсюда уже совсѣмъ незамѣтный переходъ къ передѣлу «набоемъ» или «съ торговъ» — настолько незамѣтный, что крестьяне, въ видѣ правила, не могутъ даже указать времени, когда у нихъ начали «дѣлить покосы»; и уловить моментъ окончательнаго перехода къ уравнительному пользованію особенно трудно тамъ, гдѣ въ теченіе извѣстнаго времени держится двойственный порядокъ пользованія: когда трава уродилась хорошо—косятъ вольно, при плохомъ урожаѣ травъ передѣляютъ покосы.

Вотъ въ какихъ общихъ чертахъ рисуется, по отношенію къ основнымъ видамъ и категоріямъ угодій, процессъ перехода отъ первобытныхъ захватныхъ формъ къ общинно-уравнительному пользованію. И это долгій и трудный процессъ, при которомъ и съ той, и съ другой стороны дѣйствуютъ не только аргументы правового и нравственнаго порядка, но кромѣ того и, можетъ быть, главнымъ образомъ — сила: и притомъ не только та «сила», то вліяніе, которымъ пользуются въ «обществѣ» богачи-заимщики, или та сила, которую представляетъ собою большинство, но и простое, грубое, физическое насиліе, не останавливающееся передъ употребленіемъ кольевъ и оглобель, а иногда и настоящаго оружія. Въ этой борьбѣ богачи-заимщики нерѣдко дѣйствуютъ пріемами, какъ бы доводящими до абсурда именно тѣ ограниченія захвата, съ которыми они хотятъ бороться: упраздняется, напримѣръ, запрещеніе «подпахиваться» къ заимкамъ; бѣднякъ со своею сохой подъѣдетъ близко къ заимкѣ богача, а тотъ выѣдетъ съ тремя-четырьмя сабанами и кругомъ опашетъ бѣдняка, такъ что тому «некуда и пошевелиться». Устраняется право «закоса»; къ мѣсту гдѣ расположился косить богачъ, слишкомъ близко становится какой-нибудь однодушный, вообще слабый однообщественникъ, а богачъ со своимъ де

сяткомъ косцовъ окосить бѣдняка кругомъ, такъ что тому негдѣ накосить и на самый маленькій зародъ сѣна...

Аналогичный въ существѣ процессъ наблюдается и по отношенію ко всѣмъ другимъ угодьямъ: вездѣ тотъ же самый переходъ отъ первобытнаго вольнаго захвата къ тѣмъ или другимъ формамъ регулированнаго, уравнительнаго пользованія — только эти формы варьируютъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ характеромъ хозяйственной эксплоатаціи тѣхъ или другихъ угодій. По отношенію къ выгонамъ дѣло начинается—какъ я упоминалъ — съ уничтоженія заимочныхъ поскотинъ; на мѣсто захвата становится неограниченное свободное пользованіе общественнымп выгонами и пастбищами — свободное въ смыслѣ количества выпасаемаго скота, но подчиняющееся въ хозяйственномъ отношеніи установляемымъ «міромъ» или установленнымъ традиціею общимъ распорядкамъ; мѣстами дѣло дошло уже и до уравнительныхъ формъ, конечно не въ видѣ раздѣла выгоновъ въ натурѣ, совершенно несовмѣстимаго съ экстенсивнымъ характеромъ скотоводства, а въ формѣ «расположки скотскаго выпуска» — особой системы пропорціональнаго обложенія выпасаемаго скота. По отношенію къ лѣсамъ дѣло осложняется вліяніемъ лѣсоохранительныхъ мотивовъ, вступающихъ въ конфликтъ и съ абсолютною свободою пользованія, и съ строго-проводимымъ принципомъ уравнительнаго распредѣленія. Дѣло начинается, конечно, съ абсолютной свободы рубки лѣса, и притомъ не только на собственныя нужды, но и на продажу; но параллельно съ этимъ во многихъ мѣстностяхъ появляется нѣчто вродѣ «заимочнаго права» по отношенію къ «садамъ» — лѣснымъ участкамъ, заберегаемымъ отдѣльными домохозяевами. Когда прежній избытокъ лѣсовъ, избытокъ, при которомъ лѣсъ разсматривался скорѣе какъ врагъ, подлежащій уничтоженію, уступаетъ мѣсто «стѣсненію», тогда появляются въ однѣхъ мѣстностяхъ «заказы» общественнаго лѣса—запрещенія рубки на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго отпускъ лѣса изъ подросшихъ насажденій производится въ установленномъ «міромъ» порядкѣ, съ уравнительнымъ распредѣленіемъ его между общественниками; въ другихъ мѣстностяхъ на мѣсто свободнаго становится душевое пользованіе общественными лѣсами: послѣдніе подвергаются передѣлу на продолжительные сроки, причемъ самыя формы передѣла лѣсовъ носятъ сильный отпечатокъ вліянія лѣсоохранительнаго начала. Я не буду уже говорить о рядѣ угодій третьестепеннаго, въ общемъ, значенія, вродѣ кедровниковъ, коноплянниковъ, пасѣкъ и т. п.,—коснусь вкратцѣ еще только рыболовныхъ угодій, пользованіе которыми—гдѣ рыболовство имѣетъ существенное значеніе для крестьянъ — облекается въ очень своеобразныя формы, крайне интересныя, между прочимъ, въ виду тѣсной, проявляющейся въ нихъ связи между общиною, какъ земельнымъ союзомъ, и простою хозяйственною артелью. Рыболовство «мелкою снастью», повидимому безъ исключенія, считается вольнымъ и не подчиняется никакимъ ограниченіямъ. Гдѣ для рыболовства требуется затрата болѣе или менѣе значительнаго капитала

или устройство крупныхъ сооруженій, вродѣ заколовъ, перегораживающихъ теченіе рѣки, тамъ промыселъ ведется въ артельной формѣ. Въ мѣстностяхъ съ большими запасами рыбы наблюдаются разнообразныя въ частностяхъ, но однородныя по существу формы артели-общины, гдѣ право участія въ промысловыхъ артеляхъ принадлежитъ только членамъ общины и притомъ пропорціонально числу, у каждаго, разверсточныхъ, земельно-платежныхъ единицъ, причемъ равномѣрное распредѣленіе труда и продукта достигается путемъ очень остроумныхъ комбинацій «пая», какъ трудовой или производственной единицы, съ «душою»—единицею распредѣленія продукта. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ истощенія запасовъ рыбы, эта артель-община уступаетъ мѣсто вольной артели, — такому порядку, когда право рыболовства принадлежитъ, правда, по прежнему только членамъ земельной общины, но каждый изъ нихъ можетъ заниматься промысломъ или входить для этой цѣли въ артельныя соединенія съ другими, совершенно независимо отъ какихъ-либо общинныхъ распорядковъ. Здѣсь, такимъ образомъ, постепенность эволюціи *обратная* той, какую мы наблюдали по отношенію ко всѣмъ другимъ угодьямъ: не вольное пользованіе смѣняется уравнительнымъ, а наоборотъ. Но это исключеніе только подтверждаетъ правило: уравнительное пользованіе пашнями, покосами, лѣсомъ и т. п., является на смѣну вольному по мѣрѣ того, какъ надвигающееся «утѣсненіе» создаетъ усиленный спросъ на угодья и сообщаетъ послѣднимъ болѣе значительную цѣнность, создавая ранѣе отсутствовавшую рентную доходность угодій. По отношенію къ рыболовнымъ угодьямъ дѣло обстоитъ иначе: пока запасы рыбы велики, рыболовство даетъ болѣе или менѣе значительный чистый доходъ, сверхъ оплаты затрачиваемаго труда; задачей артели-общины является распредѣленіе именно этого дохода, носящаго несомнѣнный рентный характеръ; съ истощеніемъ запасовъ рыбы цѣна «водной души» — права на участіе въ общественномъ рыболовствѣ, постепенно падаетъ до нуля,—при такомъ положеніи дѣлъ у «общества» отпадаетъ интересъ входить въ рыболовные распорядки, и исчезаетъ смыслъ существованія уравнительнаго порядка пользованія общественными рыбными ловлями.

Какой же, спрашивается теперь, общій смыслъ набросанной на предыдущихъ страницахъ картины? Смыслъ этотъ ясенъ: неопредѣленныя, расплывчатыя формы абсолютно-свободнаго захвата, гдѣ только при очень большомъ желаніи можно найти признаки существованія общины и общиннаго права, — и постепенный переходъ отъ этихъ первобытныхъ формъ пользованія къ совершенно опредѣленнымъ, ясно выраженнымъ общинно-уравнительнымъ формамъ; переходъ, идущій въ самомъ строгомъ соотвѣтствіи съ постепенно обостряющимся «утѣсненіемъ».

Почему же, спрашивается теперь, эволюція формъ пользованія идетъ именно въ такомъ, а не въ какомъ-либо иномъ направленіи, въ частности— не въ направленіи укрѣпленія первобытнаго захвата и выработки прочнаго подворнаго владѣнія? Играли ли при этомъ роль, и какую именно, такія

обстоятельства, какъ законодательство, регулирующее крестьянскіе земельные распорядки, какъ административное давленіе, какъ податная система съ подушною податью во главѣ,—этимъ вопросомъ намъ удобнѣе будетъ заняться въ послѣдующей, заключительной части настоящаго очерка; предвосхищая то, что будетъ говориться тамъ болѣе или менѣе подробно, я замѣчу здѣсь только въ двухъ словахъ, что данныя мѣстнаго изслѣдованія позволяютъ дать на этотъ вопросъ, въ общемъ, отрицательный отвѣтъ. Такой же отвѣтъ приходится дать и на вопросъ о значеніи этнографическаго момента, о значеніи общинныхъ традицій, которыя населеніе многоземельныхъ окраинъ, въ частности Сибири, могло принести съ собою съ родины, или которыя могли быть привнесены впослѣдствіи подселявшимися къ старожилому населенію переселенцами. О вліяніи чисто этнографическаго элемента,—иначе сказать, объ общинныхъ формахъ, какъ о какомъ-то *специфически-русскомъ* явленіи, очевидно, говорить не приходится: вѣдь не менѣе выработанныя формы общинно-уравнительнаго пользованія встрѣчаются хотя бы у забайкальскихъ бурятъ; съ несомнѣннымъ, хотя и очень своеобразнымъ по формамъ, общиннымъ владѣніемъ и пользованіемъ мы встрѣчаемся у туземнаго населенія Закавказья, гдѣ о вліяніи русскаго примѣра не можетъ быть и рѣчи. Нельзя придавать сколько-нибудь серьезнаго значенія и вліянію «общинныхъ традицій»: вѣдь старожилое населеніе, напримѣръ, Сибири—это потомки людей, уходившихъ изъ Европейской и главнымъ образомъ изъ сѣверной Россіи въ такія времена, когда и здѣсь, какъ можно съ извѣстною увѣренностью думать, еще не существовало передѣловъ; если эти первые насельники Сибири и передѣляли на родинѣ тѣ или другія угодья—можетъ быть, сѣнокосы,—то они конечно не поддерживали передѣльныхъ традицій, когда селились разрозненными заимками на необъятномъ сибирскомъ просторѣ; если они и приходили съ такими традиціями,—это не мѣшало тому, что у нихъ вырабатывалось не уравнительное, а какъ разъ наоборотъ—исключающее всякую уравнительность захватное пользованіе; а тѣ ихъ отдаленные потомки, которые, послѣ длинной эволюціи, въ концѣ-концовъ принимались передѣлять землю, конечно не сохранили въ своей памяти какихъ бы то ни было общинныхъ традицій. И сейчасъ переселенцы изъ Европейской Россіи,—безразлично притомъ, общинники-великороссы или подворники-малороссы,—и не думаютъ передѣлять землю, разъ они располагаютъ въ избыткѣ необходимыми угодьями; мнѣ лично приходилось наблюдать у уссурійскихъ переселенцевъ типичный первобытный захватъ, причемъ захваченныя площади даже не зачерчивались, а просто опахивались кругомъ одною бороздою; и наоборотъ—при наличности «утѣсненія», наступающаго раньше всего по отношенію къ покосамъ, переселенцы, опять-таки безразлично, великороссы или малороссы, установляютъ у себя душевое пользованіе угодьями. При такихъ обстоятельствахъ, очевидно, не приходится говорить и о заносѣ общинныхъ формъ переселенцами; тѣмъ болѣе объ этомъ не приходится говорить потому, что наиболѣе напряженныя и выработанныя формы

общинно-уравнительнаго пользованія господствуютъ какъ разъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ переселенческій элементъ безусловно отсутствуетъ или по крайней мѣрѣ отсутствовалъ въ то время, когда производилось мѣстное изслѣдованіе,—Туринскій и Тобольскій уѣзды, Тобольской губерніи, и т. п.; эти формы успѣли сложиться здѣсь, конечно, и не въ силу какихъ-либо особыхъ мѣстныхъ традицій, а просто въ силу природныхъ условій, создававшихъ, при кажущемся безграничномъ просторѣ, острый недостатокъ въ важнѣйшихъ для крестьянскаго хозяйства культурныхъ угодьяхъ. Если уже искать какихъ-либо постороннихъ вліяній, то въ Сибири, несомнѣнно, нѣкоторую роль въ данномъ отношеніи сыграли причислявшіеся къ обществамъ крестьяне изъ ссыльныхъ и ссыльно-поселенцы,—сыграли, конечно, не потому, чтобы они являлись носителями общинныхъ традицій, а по другой, гораздо болѣе простой и прозаической причинѣ: въ громадной массѣ ссыльные представляли собой не-трудовой элементъ; для нихъ, поэтому, не могло имѣть никакого реальнаго значенія то право свободнаго пользованія, которымъ, до извѣстнаго момента, вполнѣ довольствовались старожилы; ссыльный не могъ ничего извлечь изъ этого «права»; ему нужно было получить нѣчто реальное—земельный пай, который можно было бы сейчасъ же сдать въ аренду, хотя бы за самую незначительную сумму. Вотъ почему ссыльный элементъ всегда становился на сторону тѣхъ, кто требовалъ передѣла, и такъ какъ это былъ элементъ очень безпокойный, то его настоянія нерѣдко являлись немаловажнымъ факторомъ, ускорявшимъ наступленіе передѣла.

Но, конечно, и это обстоятельство могло именно только *ускорить* эволюцію, но не могло ея *создать*. Въ основѣ своей эволюція формъ землепользованія на нашихъ многоземельныхъ окраинахъ, въ частности въ Сибири, представляетъ собою совершенно естественный процессъ, главнымъ двигателемъ котораго является прогрессировавшее утѣсненіе: по мѣрѣ обостренія послѣдняго первоначальныя свободныя, захватныя формы пользованія становились все болѣе стѣснительными для большинства, и настоянія послѣдняго имѣли своимъ послѣдствіемъ переходъ къ регулированному пользованію съ все болѣе и болѣе ясно выраженнымъ уравнительнымъ характеромъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ входить въ ближайшій разборъ вопроса, что̀ такое это «утѣсненіе»; замѣчу только, что это—понятіе далеко не столь простое, какъ можетъ показаться на первый взглядъ, — что степень утѣсненія не можетъ быть измѣрена, напримѣръ, цифрами, показывающими отношеніе населенія къ территоріи губерніи, уѣзда, даже волости, — ибо, прежде всего, абсолютный избытокъ пространствъ нерѣдко совмѣщается съ недостаткомъ тѣхъ собственно угодій, какія необходимы для крестьянскаго хозяйства; а съ другой стороны и самая потребность въ тѣхъ или другихъ угодьяхъ, въ частности—въ пашняхъ или сѣнокосахъ, зависитъ, въ значительной степени, отъ выработавшагося въ извѣстной мѣстности типа крестьянскаго хозяйства—отъ относительнаго значенія хлѣбопашества и скотоводства и

т. п. обстоятельствъ; даже такое обстоятельство, какъ процвѣтаніе или упадокъ неземледѣльческихъ промысловъ, можетъ задерживающимъ или ускоряющимъ образомъ повліять на эволюцію формъ пользованія: въ частности, упадокъ промысловъ заставляетъ населеніе расширять запашки,—отсюда обостреніе «утѣсненія», отсюда—ускоренный переходъ къ уравнительному пользованію.

Но всетаки, почему прогрессирующее «утѣсненіе» приводило *именно къ такой*, а не къ обратной эволюціи—къ развитію уравнительнаго пользованія, а не къ фиксаціи подворнаго владѣнія?... Это, можетъ быть, возможно объяснять вліяніемъ «права на трудъ?» но почему это право повліяло въ данномъ направленіи въ Сибири, вѣроятно повліяло такъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, и не помѣшало фиксаціи подворнаго владѣнія на Украйнѣ? *Это*, мнѣ думается, вопросъ, выходящій изъ области научнаго познанія,—вопросъ, на который каждый будетъ отвѣчать согласно своимъ личнымъ вкусамъ и своей симпатіи къ тому или другому общественному идеалу; это—вопросъ, отвѣтъ на который едва ли когда-нибудь можно будетъ вывести изъ области гаданій. И оставаясь въ области гаданій, я лично склоненъ думать, что переходъ отъ захватныхъ къ уравнительнымъ формамъ землепользованія былъ именно *нормальнымъ*, *естественнымъ* ходомъ эволюціи; вмѣстѣ съ К. Р. Качоровскимъ я думаю, что для того, чтобы эволюція приняла *именно такой*, а не обратный видъ, было достаточно *простою невмѣшательства, нейтралитета* государственной власти. Обратное—фиксація подворнаго владѣнія—могло наступить *только* при ея активномъ воздѣйствіи.

Но опять таки, *что такое община* въ районахъ сложенія общинно-уравнительныхъ формъ пользованія землею? Я и теперь намѣренно избѣгалъ употреблять это выраженіе—я говорилъ о «старикахъ», о мірѣ, «обществѣ» и т. п.; ибо, мнѣ кажется, *общины*, какъ замкнутаго вовнѣ и объединеннаго внутри союза лицъ, владѣющаго землей и ею распоряжающагося, въ этихъ районахъ еще нѣтъ: земельная община *слагается* параллельно съ эволюціею формъ землепользованія, параллельно съ исчезновеніемъ первобытнаго захвата и съ выработкою общинно-уравнительнаго землепользованія.

Какъ извѣстно, споръ о происхожденіи земельной общины въ значительной мѣрѣ сводится къ вопросу: родовая—или сосѣдская община? Мы видѣли, что на нашихъ окраинахъ, въ частности въ Сибири, встрѣчаются однопородныя» селенія,—но преобладающій типъ представляютъ селенія разнопородныя»; немало встрѣчается такихъ селеній, населеніе которыхъ трудно назвать иначе, какъ случайнымъ сбродомъ—сбродомъ со всѣхъ концовъ Россіи,—достаточно упомянуть о деревняхъ, сплошь или почти сплошь состоящихъ изъ ссыльныхъ и «посельскихъ дѣтей». И прежде всего необходимо подчеркнуть то уже мимоходомъ отмѣчавшееся обстоятельство, что мѣстныя изслѣдованія не даютъ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы

«однопородность», «разнопородность» или простая сбродность населенія какъ-либо отражалась на эволюціи формъ землевладѣнія, на послѣдовательности перехода отъ захвата къ уравнительному пользованію. Отсюда, мнѣ кажется, законный выводъ: «однопородность», если она мѣстами и наблюдается, отнюдь не представляетъ собою *необходимаго* признака, не является существенною предпосылкой установленнаго на предыдущихъ страницахъ хода эволюціи землепользованія. Если выбирать то и другое изъ обычныхъ рѣшеній вопроса, то община, какъ таковая, оказывается никакъ *не родовою*, а скорѣе *сосѣдскою* группой. А существованіе селеній сброднаго состава, ничѣмъ не отличающихся отъ другихъ въ интересующемъ насъ направленіи, является не лишеннымъ значенія противупоказаніемъ противъ мнѣнія, усматривающаго въ общинѣ того или другого типа продуктъ разложенія первобытныхъ родовыхъ союзовъ: и чисто сбродная, и даже просто «разнопородная» община, преобладающая въ Сибири, возникли внѣ всякаго отношенія къ родовымъ союзамъ.

Но на этомъ отвѣтѣ мы не можемъ остановиться: въ дѣйствительности ни однопородное, ни разнопородное селеніе, какъ таковое, еще не представляетъ собой *общины*,—тѣ землераспредѣлительныя функціи, въ которыхъ нельзя не видѣть *сути* общины, до наступленія извѣстной степени «утѣсненія» совершенно отсутствуютъ, а затѣмъ, позже, онѣ самымъ причудливымъ образомъ распыляются между волостью, группами селеній самаго разнообразнаго объема и отдѣльнымъ селеніемъ.

Мы наблюдаемъ прежде всего типичную *волостную* общину съ равномѣрнымъ распредѣленіемъ передѣляемыхъ угодій между всѣми входящими въ составъ волости селеніями; распредѣленіе это производится иногда путемъ двухстепеннаго или даже трехстепеннаго передѣла — волость сначала уравниваетъ пользованіе даннымъ угодьемъ, по тому или другому основанію, между селеніями, а затѣмъ каждое селеніе отдѣльно производитъ передѣлъ между своими общественниками, для котораго установляетъ самостоятельно и самыя основанія; иногда волостная община дѣйствуетъ какъ простая деревенская и производитъ передѣлъ угодій непосредственно между отдѣльными дворами или домохозяйствами. Въ Сибири такая волостная община встрѣчается вездѣ, гдѣ существуетъ развитое общинно-уравнительное пользованіе — и въ западной Сибири, именно въ Тобольской губерніи, и въ средней—въ Иркутской губерніи и въ Забайкальѣ.

Въ чемъ же теперь, спрашивается, источникъ, корень этого волостного единства владѣнія и пользованія землею? Отвѣтъ на этотъ вопросъ едва ли можно дать съ достаточною степенью достовѣрности. Мнѣ извѣстенъ одинъ—но только одинъ случай (Туринская волость, Тобольской губ.), гдѣ волость представляетъ собою не что иное, какъ громадное село съ выселками, изъ которыхъ нѣкоторые успѣли уже разрости въ крупныя селенія,—гдѣ, значитъ, волостная община имѣетъ свой корень въ исторіи заселенія волости. Въ рядѣ другихъ случаевъ, преимущественно на сѣверѣ Тобольской губерніи, волостное земельное единство, можно думать, является естествен-

нымъ слѣдствіемъ своеобразнаго расположенія угодій, которое до крайности затруднило бы обособленіе селенныхъ владѣній: селенія расположены «кучей» при большой рѣкѣ, тутъ же располагаются заливные луга, отъ нихъ тянется полоса удобряемыхъ трехпольныхъ пашенъ, затѣмъ—широкая полоса лѣсныхъ пространствъ, болѣе или менѣе пригодныхъ для распашки и усѣянныхъ болѣе или менѣе крупными сѣнокосными участками; разбить такую волостную дачу на поселенные участки, иначе сказать уничтожить волостную общину, было бы возможно—разъ придерживаться крестьянскихъ понятій о равномѣрности распредѣленія земли—не иначе, какъ при условіи крайней чрезполосицы и мелкополосицы: каждому селенію пришлось бы отвести, можетъ быть, десятки клочковъ угодій разнаго рода и качества, лежащихъ въ различномъ разстояніи отъ селеній; такая разбивка сдѣлала бы, притомъ, если не невозможнымъ, то во всякомъ случаѣ крайне затруднительнымъ тотъ процессъ разселенія «на волока», который до сихъ поръ происходилъ и сейчасъ происходитъ безпрепятственно и безъ котораго, при достигнутой уже въ данной мѣстности степени населенности, очень скоро настанетъ острое малоземелье—въ смыслѣ недостатка въ пахотныхъ земляхъ, доступныхъ для хозяйства съ удобреніемъ. Во многихъ случаяхъ однако, повидимому въ большинствѣ, уловить какія-либо внутреннія основанія волостного единства владѣнія и пользованія землею, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ добытаго мѣстнымъ изслѣдованіемъ матеріала, не представляется возможности. Но во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, гдѣ существуютъ или существовали волостныя общины, въ точномъ смыслѣ этого слова, или вообще сложныя общины, обнимающія болѣе или менѣе многочисленныя группы селеній, имѣется налицо *одно* условіе, *одинъ* общій признакъ: *общая межевая* или юридическая *дача:* волостныя или многоселенныя общины, въ строгомъ смыслѣ этого слова, встрѣчаются *только* тамъ, гдѣ было какое-либо межеваніе, и гдѣ земля при этомъ межеваніи была отведена или «приведена въ извѣстность» въ видѣ волостныхъ или многоселенныхъ дачъ. И очень можетъ быть—наши источники и въ данномъ случаѣ не даютъ возможности пойти далѣе предположеній, что въ условіяхъ межеванія нужно видѣть не единственную, конечно, причину, но во всякомъ случаѣ—одну изъ причинъ, одно изъ существенныхъ условій возникновенія волостныхъ или многоселенныхъ общинъ. Межеваніе — это не подлежитъ сомнѣнію—не создало волостной общины изъ ничего; оно не объединило въ пользованіи землею такихъ селеній, которыя ранѣе составляли вполнѣ замкнутыя и обособленныя общины; но явившись въ такой моментъ, когда община находилась еще въ фазисѣ сложенія, когда въ той безформенной картинѣ, какую представляло изъ себя землевладѣніе извѣстной волости или группы селеній, были еще очень сильны элементы общности владѣнія и до извѣстной степени—пользованія землею, оно дало перевѣсъ этимъ элементамъ общности, послужило толчкомъ къ наступленію общихъ волостныхъ передѣловъ и надолго задержало естественный процессъ обособленія землевладѣнія и землепользованія. Но именно только задержало: вездѣ,

повидимому безъ исключенія, мы наблюдаемъ процессъ разложенія волостныхъ, вообще многоселенныхъ общинъ, и постепеннаго распаденія ихъ на общины односеленныя, иногда на мелкія группы, состоящія ихъ двухъ, рѣдко изъ трехъ селеній, расположенныхъ по близости и почему-либо тѣснѣе связанныхъ между собой въ земельно-хозяйственномъ отношеніи. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ—по крайней мѣрѣ въ западной Сибири—эти былыя волостныя общины уже окончательно распались, и ихъ распаденіе зафиксировано либо размежеваніемъ при участіи правительственныхъ землемѣровъ, либо общимъ соглашеніемъ всѣхъ заинтересованныхъ селенныхъ обществъ, установившимъ навсегда междуселенныя границы. Въ другихъ мы наблюдаемъ еще самый процессъ такого распаденія, успѣхи котораго въ отдѣльныхъ случаяхъ весьма различны: данныя мѣстныхъ изслѣдованій даютъ намъ цѣлую гамму ступеней, начиная отъ такихъ волостей, гдѣ селенія, болѣе или менѣе во всемъ, уже совершенно обособились, и волостное единство либо стало уже совершенно номинальнымъ, либо выражается лишь въ общности пользованія какимъ-нибудь дальнимъ покосомъ, лѣсорубомъ и т. п.,—и кончая такими, гдѣ распаденіе можно скорѣе еще только предвидѣть, чѣмъ констатировать какъ фактъ,—гдѣ, напримѣръ, симптомомъ распаденія являются пока еще только затрудненія, встрѣчаемыя при производствѣ общеволостного передѣла. И какъ единодушно констатируютъ болѣе или менѣе всѣ, кто въ послѣднее время трудился надъ научною разработкой вопроса о волостной общинѣ и о процессѣ ея разложенія, напр., К. Р. Качоровскій, А. А. Чупровъ, В. В. и др.,—распаденіе *волостныхъ общинъ* отнюдь не равносильно распаденію *общиннаго землевладѣнія*; наоборотъ — распаденіе волостного землевладѣнія и формированіе селенныхъ общинъ идетъ въ общемъ *параллельно* съ развитіемъ и укорененіемъ тѣхъ уравнительныхъ формъ пользованія, которыя составляютъ вѣдь высшее изъ до сихъ поръ извѣстныхъ проявленій принципа общиннаго землевладѣнія. И это понятно: волость, вообще многочисленная группа селеній—это единица слишкомъ слабо спаянная, интересы различныхъ селеній слишкомъ часто взаимно противорѣчивы, въ частности—мелкія селенія слишкомъ часто подвергаются притѣсненіямъ со стороны большихъ; волостной передѣльный механизмъ слишкомъ громоздокъ, производство волостныхъ передѣловъ, поэтому, требуетъ слишкомъ большихъ затратъ времени и труда, и, сплошь и рядомъ, попытки произвести такого рода передѣлъ разбиваются о связанныя съ нимъ чисто техническія затрудненія. И вотъ волостное единство держится, пока преобладаютъ захватныя формы, но становится неудобнымъ и стѣснительнымъ, когда настаетъ необходимость въ передѣлѣ,—и потому переходъ къ уравнительному пользованію имѣетъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ распаденіе волостной общины на деревенскія. «На извѣстной ступени густоты населенія,—правильно замѣчаетъ К. Р. Качоровскій *),—она почти всегда

*) „Русск. община“, т. I, стр. 105 (цитирую по 1-му изд.).

(особенно въ Сибири) становится крайне нецѣлесообразной, уже хотя бы по одному тому, что охватываетъ пространства въ десятки верстъ совершенно разнокачественныхъ угодій, требующихъ огромнаго количества труда для періодическаго равномѣрнаго распредѣленія,—и поэтому разложеніе ея на общины-селенія представляетъ шагъ къ развитію, а не къ упадку общинной организаціи, такъ какъ въ этомъ случаѣ общинная форма, переставшая соотвѣтствовать уравнительному распредѣленію, замѣняется формою, болѣе къ тому приспособленною».

Для насъ, впрочемъ, въ данное время этотъ собственно вопросъ представляетъ лишь второстепенный интересъ; самое важное для насъ—это то, что получающаяся въ результатѣ распаденія волостной общины селенная община представляетъ собою, очевидно, не продуктъ разложенія какихъ-либо первобытныхъ, родовыхъ соединеній, не исконную или во всякомъ случаѣ издавнюю земельную ячейку, вырабатывающую въ себѣ и изъ себя общинное право; поскольку она является продуктомъ разложенія—она продуктъ разложенія гораздо болѣе обширнаго, чисто-земельнаго союза, въ которомъ было бы совершенно безполезно искать элементовъ какой-либо первобытной родовой связи и который, въ свою очередь, создался исключительно на почвѣ общихъ земельныхъ интересовъ и столкновеній этихъ интересовъ; и не менѣе ясно, что выдѣлившаяся изъ волостной селенная община не предшествуетъ общинно-уравнительнымъ формамъ, не творитъ ихъ,—напротивъ, она слѣдуетъ за ними и слагается подъ вліяніемъ потребностей этихъ уже сложившихся или слагающихся общинно-уравнительныхъ формъ.

Вотъ, значитъ, одинъ изъ путей образованія крестьянской деревенской общины, какъ замкнутаго вовнѣ и объединеннаго внутри земельнаго союза; въ этомъ случаѣ, очевидно, она является не первичною, а вторичною формою землевладѣнія, не творящимъ началомъ, а слѣдствіемъ эволюціи общинно-уравнительнаго землепользованія.

Болѣе обычнымъ является, повидимому, другой путь, иной процессъ сложенія селенной общины. Въ этомъ случаѣ первичною формой является та, которую К. Р. Качоровскій не совсѣмъ удачно называетъ «путаницей границъ»—не совсѣмъ удачно потому, что эта форма существуетъ именно тамъ, гдѣ нѣтъ *никакихъ* границъ, и гдѣ, значитъ, можетъ быть рѣчь только о *путаницѣ владѣній**). По совершенно справедливому замѣчанію того же автора, «эта форма, столь распространенная и едва ли не преобладающая

---

*) Качоровскій, назв. соч., стр. 101—102; для пишущаго эти строки не совсѣмъ я[сно], приходится ли констатировать у этого превосходнаго изслѣдователя только н[еточность] выраженій, или нѣчто болѣе серьезное—недоразумѣніе по существу. К[ак] да г. Качоровскій на стр. 101 говоритъ о „появленіи и развитіи границъ“, при к[отором] „селенія группируются вокругъ данныхъ отдѣльныхъ угодій“,—то легко допустить, что онъ совершенно правильно представляетъ себѣ сущность дѣла, и что сл[ово] „границы“ употреблено просто въ не совсѣмъ обычномъ смыслѣ; но на стр. 1[02] г. Качоровскій уже прямо говоритъ о „*размежеваніи* по населеннымъ единицамъ

(несомнѣнно преобладающая! А. К.) въ Сибири, до сихъ поръ извѣстна сравнительно гораздо меньше волостной общины, а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ гораздо большій интересъ *), въ частности въ томъ отношеніи, что, въ противоположность волостной общинѣ, въ которой «и границы, и форма даны извнѣ, административнымъ дѣленіемъ населенія», интересующій насъ теперь типъ «путаницы владѣній» «всецѣло вытекъ изъ иниціативы самихъ крестьянъ, и потому въ немъ наиболѣе чисто и ясно проявилось приспособленіе границъ къ условіямъ разселенія и земледѣльческаго производства» **).

Само собою разумѣется, что *селеніе* существуетъ и при такой путаницѣ владѣній, — и оно представляетъ собою прежде всего селидебную, затѣмъ административную, податную, до нѣкоторой степени хозяйственную единицу (общая городьба, «деревенскіе» пастухи и т. п.),—хотя надо замѣтить, нерѣдко соединяется по нѣсколько селеній и для чисто-хозяйственныхъ цѣлей, признающихъ для себя удобнымъ имѣть общую городьбу, нанимать общихъ пастуховъ и т. п.

Но играетъ ли селеніе, въ данномъ случаѣ, роль *земельной* общины, и въ какой мѣрѣ можно вообще говорить о земельной общинѣ въ періодъ чисто-захватныхъ формъ или въ эпоху сложенія общинно-уравнительнаго землепользованія?

Вотъ картина землевладѣнія въ сѣверо-западной части Томской губерніи, въ районѣ съ преобладаніемъ захватныхъ формъ и съ зарождающимися еще только общинно-уравнительными порядками: «право пользованія лѣсомъ и неогороженными пастбищами принадлежитъ безраздѣльно крестьянамъ всѣхъ селеній волости; пашни и покосы фактически разбились на участки, состоящіе въ пользованіи отдѣльныхъ селеній; это распредѣленіе... установилось само собой, какъ естественный результатъ тяготѣнія крестьянъ каждаго селенія къ усадьбамъ этого послѣдняго, какъ результатъ сознанія неудобствъ, связанныхъ съ чрезмѣрнымъ удаленіемъ пашенъ и покосовъ отъ усадебъ и особенно съ приближеніемъ ихъ къ сферѣ пользованія крестьянъ другого селенія. Каждое селеніе эксплоатируетъ, такимъ образомъ, ближайшія урочища земельныхъ угодій въ количествѣ, приблизительно соотвѣтствующемъ численности его населенія, и такое распредѣленіе угодій настолько упрочилось въ сознаніи населенія, что отдѣльныя селенныя общины совершенно не стѣсняются передѣлять, когда признаютъ это нужнымъ, входящія въ сферу ихъ захватнаго владѣнія угодья (преимущественно сѣнокосы) по душамъ». Или вотъ аналогичная картина, какую намъ рисуютъ изслѣдователи общинныхъ порядковъ въ Иркутской

или по угодьямъ" и констатируетъ, напримѣръ, что въ Иркутской губерніи преобладаетъ размежеваніе по угодьямъ; это, повидимому, уже недоразумѣніе по существу— ни о какомъ *размежеваніи* по угодьямъ ни въ Иркутской, ни въ какой бы то ни было другой губерніи не можетъ быть и рѣчи.

*) „Русская община", стр. 103.

**) Стр. 104.

губерніи. И здѣсь черезполосица и общее владѣніе представляютъ собой, можно сказать, общее правило: «когда земля считается «Божьей», «ничьей», или что все равно, общей... хозяева отдѣльныхъ сосѣднихъ селеній, пользуясь одинаковымъ правомъ разработки, выбираютъ участки въ перемежку другъ съ другомъ, вслѣдствіе чего оказывается черезполосица»; совмѣстное владѣніе разныхъ селеній замѣчается по отношенію къ выпускамъ, лѣсамъ (въ смыслѣ пользованія ими для заготовки лѣсного матеріала, а также и разработки въ нихъ земель), и главное—къ сѣнокосамъ. Обыкновенно такое совпаденіе устанавливалось весьма просто: былъ просторъ—рубили лѣсъ кто хотѣлъ изъ окрестныхъ селеній—значитъ лѣсъ считался общимъ ихъ достояніемъ; облюбовали пустое мѣсто, стали выгонять туда скотъ—опять изъ всѣхъ деревень, благо мѣсто ничье, общее, всѣмъ удобно, никто «не препятствуетъ» и не имѣетъ ни права, ни нужды воспрепятствовать. Нашли у рѣчки гладкое травянистое мѣсто,—травы «вволю», «хватитъ для всѣхъ», а въ окрестности болѣе удобныхъ покосныхъ мѣстъ нѣтъ,—вотъ и стали ѣздить туда на косьбу изъ всѣхъ окрестныхъ селеній,—такъ и сталъ покосъ общимъ для всѣхъ». Совмѣстное владѣніе, очевидно, устанавливается въ зависимости отъ степени изобилія и отъ расположенія каждаго отдѣльнаго рода угодій,—значитъ, отъ обстоятельствъ, складывающихся своеобразно въ каждой данной мѣстности и обыкновенно—для каждаго отдѣльнаго вида угодій, а потому оно можетъ существовать или не существовать по отношенію къ одному, и къ нѣсколькимъ, и ко всѣмъ угодьямъ; при этомъ по отношенію, напримѣръ, къ пашнямъ возможно совмѣстное владѣніе съ одними, по отношенію къ покосамъ или къ извѣстной части покосовъ—съ другими селеніями, а потому установленіе границъ общины въ такого рода случаяхъ является задачею болѣе чѣмъ затруднительною.

Обособленіе владѣній—мы только что видѣли—сопутствуетъ недостатку въ тѣхъ или другихъ угодьяхъ, вообще «утѣсненію»; но «утѣсненіе» является вѣдь главнымъ двигателемъ эволюціи отъ свободныхъ къ уравнительнымъ формамъ землепользованія. Весьма естественно, что обособленіе владѣній идетъ параллельно съ развитіемъ уравнительнаго землепользованія. Въ той же, напримѣръ, Иркутской губерніи покосныя угодья, имѣющіяся далеко не въ такомъ избыткѣ, какъ земли, пригодныя для распашки, а потому весьма цѣнныя, притомъ не требующія для своей эксплоатаціи предварительныхъ затратъ труда, почти вездѣ передѣляются по душамъ; въ соотвѣтствіи съ этимъ «покосныя общины» представляютъ собой нѣчто легко уловимое,—онѣ болѣе или менѣе рѣзко обособлены одна отъ другой. Обособленіе владѣнія пашнями наблюдается только въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ дѣло дошло уже до поравненій; въ области господства захватнаго пользованія пашнями «особыхъ пахотныхъ общинъ не существуетъ вовсе»; взамѣнъ вопроса объ общемъ или раздѣльномъ *владѣніи* пашнями выступаетъ вопросъ объ относительной скученности или чрезполосности пахотныхъ полей крестьянъ отдѣль-

ныхъ селеній и «понятно, что при правѣ свободнаго захвата незанятыхъ земель въ любомъ мѣстѣ, чрезполосность пахотныхъ земель встрѣчается несравненно чаще, нежели ихъ обособленность». И общій выводъ изъ анализа данныхъ о складѣ землевладѣнія въ районѣ преобладанія захватныхъ формъ, какъ я уже формулировалъ его десять лѣтъ тому назадъ, сводится къ тому, что община въ такихъ мѣстностяхъ существуетъ только въ зародышѣ, почему и внѣшнія ея границы являются болѣе или менѣе неуловимыми; она облекается въ плоть и въ кровь только тамъ, гдѣ появляется душевое пользованіе, но и здѣсь границы ея въ теченіе долгаго времени лишены опредѣленности,—онѣ сливаются и переплетаются между собой.

И дѣйствительно: такая полная спутанность и неопредѣленность границъ земельной общины, такая полная неопредѣленность, если можно такъ выразиться, субъекта землевладѣнія наблюдается даже въ мѣстностяхъ съ вполнѣ развитымъ общинно-уравнительнымъ пользованіемъ, мало того—въ мѣстностяхъ съ очень напряженными и тонко-выработанными формами послѣдняго, напримѣръ въ сѣверной, лѣсной части земледѣльческой полосы Тобольской губерніи. Здѣсь въ общемъ пользованіи, повсемѣстно, состоятъ еще лѣса, а затѣмъ «границы единицъ фактическаго землевладѣнія—земельныхъ общинъ совершенно не могутъ быть опредѣленно очерчены; по отношенію къ каждаго рода угодьямъ населеніе разбивается на совершенно отдѣльныя группы; такою группой является иногда отдѣльное селеніе, иногда состоящее изъ нѣсколькихъ селеній сельское общество, иногда нѣсколько селеній, не составляющихъ цѣлаго сельскаго общества или принадлежащихъ къ разнымъ обществамъ, иногда нѣсколько сельскихъ обществъ, иногда, наконецъ, цѣлая волость—и община-волость, община-сельское общество и община-селеніе переплетаются и пересѣкаются между собой въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ; такъ что каждое селеніе и каждый отдѣльный крестьянинъ въ отношеніи владѣнія разными видами земельныхъ и промысловыхъ угодій принадлежатъ къ нѣсколькимъ разнообразнымъ по объему бытовымъ союзамъ». Въ безконечномъ разнообразіи комбинацій можно однако усмотрѣть одну господствующую тенденцію—преобладаніе общины-«сотни», сельскаго общества, надъ общиною-селеніемъ и общиною-волостью,—преобладаніе, особенно рельефно сказывающееся по отношенію къ сѣнокосамъ и къ промысловымъ угодьямъ; по отношенію къ первымъ единство «сотни» является въ данной мѣстности правиломъ, не знающимъ исключенія. Напротивъ, распоряженіе пашнями сосредоточивается по преимуществу въ отдѣльномъ селеніи, «десяткѣ»—явленіе, лишній разъ свидѣтельствующее о той тѣснѣйшей зависимости, какая существуетъ между формами землевладѣнія и характеромъ хозяйства: въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, издавна ведется хозяйство съ удобреніемъ, при которомъ земля лишь постольку цѣнится крестьянами, поскольку она доступна, по своему мѣстоположенію, для вывозки навоза; между тѣмъ, если бы производились «поравненія»

между различными селеніями извѣстной «сотни», обыкновенно отстоящими другъ отъ друга болѣе или менѣе далеко, прирѣзки къ «десяткамъ», у которыхъ оказалась недостача земли, приходилось бы производить въ пахотныхъ «перемѣнахъ» другихъ «десятковъ»; въ прирѣзку поступали бы, значитъ, такія полосы, которыхъ, за отдаленностью, не было бы возможности удобрять, а потому обдѣленные землей «десятки» обыкновенно и не настаиваютъ на междуселенномъ, «сотенномъ» поравненіи.

Это—конечно, частности. Основная же сущность дѣла въ томъ, что и при наличности ясно выраженныхъ и детально разработанныхъ формъ общинно-уравнительнаго пользованія общины, какъ замкнутаго вовнѣ и объединеннаго внутри союза, совмѣстно владѣющаго и распоряжающагося землей, еще не существуетъ, что общинно-уравнительныя функціи остаются распыленными между самыми разнообразными по объему, взаимно-перекрещивающимися группами населенія.

Такимъ образомъ, у крестьянъ въ районѣ слагающагося общинно-уравнительнаго пользованія наблюдается, только въ болѣе полномъ объемѣ и въ яснѣе выраженномъ видѣ, тотъ же самый процессъ эволюціи землевладѣнія, какой мы наблюдали у переходящихъ къ осѣдлости кочевниковъ. Не въ общинѣ слагаются общинные порядки—сама община слагается вмѣстѣ съ этими послѣдними; не община творитъ общинное земельное право,—какъ это послѣднее, она является *продуктомъ извѣстной эволюціи, а не средою*, въ которой эта эволюція совершается; не органъ вырабатываетъ функцію, а функція создаетъ приспособленный для ея выполненія органъ *). Отдѣльные индивиды (заимщики!) и отдѣльныя селенія вступаютъ между собой въ извѣстныя отношенія на почвѣ пользованія тѣми или другими угодьями. Пока запасъ этихъ угодій значительно превышаетъ наличную потребность, пользованіе каждаго не подвергается никакимъ ограниченіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не существуетъ никакихъ границъ. Надвигающееся «утѣсненіе» вызываетъ необходимость въ регулированіи землепользованія, и за это дѣло берется каждая изъ тѣхъ безконечно пестрыхъ по объему и составу волостныхъ, многоселенныхъ или односеленныхъ, «однопородныхъ», «разнопородныхъ» или просто сбродныхъ группъ, въ которыя населеніе объединяется по чисто-хозяйственнымъ мотивамъ,—каждая изъ тѣхъ пестрыхъ группъ, внутри которыхъ индивиды соприкасаются и сталкиваются между собой на почвѣ пользованія тѣмъ или другимъ угодьемъ, тѣмъ или другимъ видомъ даннаго угодья, можетъ быть даже просто тѣмъ или инымъ пахотнымъ или сѣнокоснымъ урочищемъ.

---

*) Сходную по существу мысль высказываетъ С. П. Швецовъ въ своей статьѣ Крестьянская община. Схема ея возникновенія и развитія" (издана отдѣльной брошюрой. Спб., 1906.) „*Общинному землевладѣнію*—говоритъ онъ—въ смыслѣ совокупности отношеній общины въ ея цѣломъ къ землѣ, *должно было предшествовать* (курс. ой. *А. К.*) *общинное землепользованіе*, т.-е. установленіе опредѣленныхъ отношеній ь землѣ ея составныхъ единицъ — хозяйствъ: другими словами, *общинное землевлаьніе должно опираться на общинное землепользованіе*".

Но по мѣрѣ того какъ вырабатываются и одерживаютъ верхъ общинно-уравнительныя формы, выясняется неудобство такихъ большихъ соединеній, какъ волость или многоселенная группа, выступаетъ на первый планъ та тѣсная сосѣдская связь, которая объединяетъ каждое данное селеніе и противопоставляетъ его съ его объединенными интересами интересамъ всѣхъ другихъ селеній, и изъ пестрой «путаницы владѣній» постепенно выкристаллизовывается община-селеніе, замкнутая вовнѣ и объединенная внутри, совмѣстно владѣющая и распоряжающаяся всѣми видами угодій,— выкристаллизовывается земельная община въ точномъ смыслѣ этого слова.

А. Кауфманъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

А. И. Герценъ *).

Публичная бесѣда, посвященная памяти великаго рýсскаго публициста и политическаго дѣятеля! Какъ ни печальна наша дѣйствительность и въ настоящій моментъ, но всетаки говорить объ А. И. Герценѣ съ публичной трибуны было немыслимо не только десять лѣтъ, но и три года, и два года тому назадъ. Припомните, что еще въ половинѣ 90-хъ годовъ въ періодической прессѣ нельзя было свободно приводить это имя и что сокращенное собраніе его сочиненій, сначала было дозволенное, прошло черезъ цѣлый рядъ мытарствъ.

Еслибъ надъ нами въ настоящую минуту витала тѣнь, дорогая всѣмъ намъ, она бы нашла нѣкоторое смягченіе той горечи, съ какой Герценъ доживалъ свой вѣкъ, послѣ того, какъ его публичная дѣятельность испытала тяжелый кризисъ, въ началѣ 60-хъ годовъ. Жизнь Герцена, его богатая испытаніями и борьбой психика, его значеніе для всего дальнѣйшаго хода нашего освободительнаго движенія—все это уже достояніе исторіи. И мы поставлены въ положеніе несравненно болѣе благопріятное, чѣмъ его ближайшіе сверстники и даже люди дальнѣйшихъ генерацій для того, чтобы воздать ему въ полной мѣрѣ не безстрастную, а объективную, всестороннюю оцѣнку, въ которой онъ, до сихъ поръ, нуждается.

Запретъ, какой лежалъ надъ именемъ Герцена вплоть до послѣднихъ годовъ прошлаго столѣтія, сдѣлалъ то, что русская періодическая печать и книжная литература оказались до такой степени бѣдными во всемъ, что относится и къ біографіи Герцена, и къ оцѣнкѣ его чисто-литературнаго таланта, и еще болѣе къ исторіи его политическаго и соціальнаго развитія, къ тому, что теперь называютъ обязательнымъ словомъ «платформа».

Мои слушатели легко поймутъ, что при всемъ моемъ искреннемъ желаніи написать портретъ А. И. во весь ростъ, я не могу сдѣлать это въ предѣлахъ одной бесѣды, даже еслибъ я и далъ ей необычные размѣры.

*) Этотъ текстъ моихъ лекцій, прочитанныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ (первая въ пользу голодающихъ, вторая въ пользу литературнаго фонда), заключаетъ въ себѣ нѣсколько сокращенное содержаніе ихъ.

Авторъ.

Здѣсь, въ Петербургѣ, въ началѣ января, одинъ изъ моихъ коллегъ по академіи впервые выступилъ съ характеристикой Герцена, какъ писателя въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, беллетриста и автора цѣлаго ряда блестящихъ и глубоко прочувствованныхъ очерковъ, воспоминаній, характеристикъ, той серіи переживаній, которымъ онъ далъ такое удачное общее заглавіе: «Былое и думы». Поэтому я могу сосредоточить мою бесѣду на той продолжительной полосѣ жизни Герцена, когда онъ, такъ сказать, изъ русскаго подцензурнаго писателя *Искандера* превратился въ *А. И. Герцена*. Этотъ періодъ вбираетъ въ себя почти четверть вѣка, съ 1847 г. до 1870, года кончины Герцена въ Парижѣ, на 59-мъ году жизни. Но я не хотѣлъ бы ограничиваться только оцѣнкой его произведеній и моментовъ его общественной борьбы. Нельзя не привести въ прямую органическую связь писателя и общественнаго дѣятеля съ тѣмъ бытомъ и съ той эпохой, которые сказались въ немъ такъ ярко и сохранились до послѣднихъ дней его жизни. Это подтвердитъ каждый, кто, какъ бесѣдующій съ вами въ настоящую минуту, имѣлъ счастье ближе познакомиться съ Герценомъ въ самый послѣдній годъ его жизни.

Знаменательно уже то, что А. И. родился въ 1812 г., въ Москвѣ. Его дѣтство, отрочество и юность, вплоть до «тюрьмы и ссылки», протекли въ бытовыхъ рамкахъ стараго московскаго барства. Хотя онъ и явился на свѣтъ, какъ дитя внѣбрачной связи, но воспитанъ былъ какъ настоящее «барское дитё»; съ раннимъ и горькимъ сознаніемъ особенностей своего происхожденія. Ни одинъ русскій писатель—ни до Герцена, ни послѣ него—обладающій литературнымъ дарованіемъ, не оставилъ намъ такихъ драгоцѣнныхъ документовъ *изъ первыхъ рукъ* обо всемъ, что представляетъ собою настоящую цѣнность, и бытовую, и психологическую, и общественную, особенно когда дѣло идетъ о такой личности, какъ Герценъ. Всѣ воспоминанія, исповѣди и жизненные итоги, записанные тѣми писателями (не исключая и такихъ даровитыхъ, какъ младшій сверстникъ Герцена Тургеневъ), нельзя и сравнивать съ богатѣйшей эпопеей, вошедшей въ серію «Былое и думы». И обыкновенно, мемуары и исповѣди писателей (за самыми рѣдкими исключеніями) оказываются по художественной ихъ цѣнности гораздо ниже того, что ихъ авторы писали, какъ романисты, или драматурги, или стихотворцы; а у Герцена этотъ именно родъ литературы представляетъ собою самый крупный его вкладъ въ отдѣлъ художественной беллетристики. Если тутъ мы не имѣемъ дѣла съ «творчествомъ» въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. съ фабулами, лицами, подробностями, умышленно созданными писателемъ, а только съ записями того, что дѣйствительно *было*—всетаки же яркая образность, свѣжесть колорита, глубина анализа, мастерство въ изображеніи лицъ, характеровъ, подробностей—дѣлаютъ изъ автора «Былого и думъ» настоящаго художника изящнаго слова. И еслибъ даже Герценъ ограничился только, живя въ Россіи и за границей, такимъ проявленіемъ своего писательскаго «я», а не пріобрѣлъ бы имени, какъ крупнѣйшій иниціаторъ нашего освободи-

тельнаго движенія, во второй половинѣ XIX вѣка—онъ всетаки стоялъ бы въ ряду первоклассныхъ русскихъ писателей.

Но отдѣлить Герцена-борца отъ писателя-художника нѣтъ никакой возможности, и конечно, при всемъ его талантѣ, содержаніе по крайней мѣрѣ половины того, что онъ оставилъ послѣ себя, въ формѣ этихъ переживаній, не могло бы быть такъ богато безъ его испытаній, какъ русскаго борца за раскрѣпощеніе своей родины и какъ обличителя фальши хищнаго западно-европейскаго буржуазнаго либерализма.

Судьбѣ угодно было помѣстить начало юношескихъ годовъ Герцена въ то московское десятилѣтіе, когда въ нашей старой столицѣ, послѣ жестокой репрессіи, вызванной декабрьскимъ возстаніемъ, мысль, философская и научная, любовь къ искусству, потребность въ выработкѣ болѣе цѣльнаго міропониманія—все это стало бродить и прорываться сквозь полицейскіе тиски всякаго рода, въ небольшихъ кружкахъ писателей, профессоровъ, трепетныхъ искателей философскихъ откровеній. И когда Герценъ, въ самомъ концѣ третьяго десятилѣтія прошлаго вѣка, превратился изъ барскаго дитяти, котораго держали въ хлопкахъ, не пуская его ни въ какое учебное заведеніе, въ студента московскаго университета—философско-литературная Москва была уже налицо. Тамъ жилъ Чаадаевъ, авторъ «Философическихъ писемъ», признанный николаевскимъ режимомъ умалишеннымъ, тамъ проповѣдывалъ съ каѳедры шеллингіанецъ Павловъ, тамъ Надеждинъ и Полевой создавали первые наши, по времени, живые литературно-общественные журналы, тамъ зарождались уже два теченія русской интеллигенціи—западничество и славянофильство, тамъ раздался горячій, вдохновенный голосъ Бѣлинскаго. И всѣ эти освободительныя стремленія находились въ тѣсной связи съ тогдашнимъ самымъ крупнымъ просвѣтительнымъ центромъ—съ московскимъ университетомъ. Для Герцена поступленіе въ университетъ, доставшееся ему не безъ борьбы съ его отцомъ, Иваномъ Алексѣевичемъ Яковлевымъ, было, въ полномъ смыслѣ, употребляя славянофильскій терминъ, «купелью паки бытія». Для него переходъ прямо изъ стѣнъ стараго барскаго дома въ воздухъ свободной науки и горячаго общенія съ товарищами былъ настоящимъ праздникомъ молодой жизни, и врядъ ли кто-либо изъ его ближайшихъ сверстниковъ получилъ такой «зарядъ» идей, упованій, протестовъ, какой онъ вынесъ изъ университетскихъ аудиторій и изъ пріятельскихъ безконечныхъ бесѣдъ, споровъ, изліяній и ночныхъ пирушекъ.

Для него товарищество пріобрѣло въ лицѣ перваго его, по времени и по силѣ привязанности, друга Огарева такое обаяніе, такую нравственную силу и прелесть, о какихъ люди позднѣйшихъ генерацій не могутъ составить вполнѣ точнаго представленія. Культъ дружбы имѣлъ для нихъ высокую духовную цѣнность. Этому помогъ, разумѣется, и налетъ тогдашняго романтизма, увлеченіе героями Шиллера. Такая нѣжная и трепетная дружба отводила юношей отъ разныхъ искушеній чувственности, а, главное, отъ всего низменнаго, мѣщанскаго, и въ студентѣ Герценѣ уже сидѣлъ

непримиримый врагъ не одного только русскаго, но и всемірнаго «мѣщанства», которое онъ, съ конца 40-хъ годовъ, послѣ своихъ парижскихъ испытаній, такъ безпощадно и глубоко обличалъ и клеймилъ.

Выборъ факультета былъ сдѣланъ Герценомъ подъ вліяніемъ бесѣдъ съ своимъ родственникомъ, сыномъ одного изъ старшихъ братьевъ его отца, который былъ извѣстенъ подъ прозвищемъ «химика» и послужилъ, кажется, моделью для того молодого москвича, о которомъ княгиня Тугоуховская разсказываетъ, какъ о какомъ-то чудищѣ:

„Онъ химикъ, онъ ботаникъ,
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ!“

Этотъ кузенъ оказался братомъ своей незаконной сестры Натальи Александровны Захарьиной, впослѣдствіи жены А. И.

Для выработки всего міровоззрѣнія Герцена поступленіе на физико-математическій факультетъ было весьма важнымъ фактомъ. Ученаго изъ него не вышло; но вѣрность научно-философскимъ основамъ мышленія и міроразумѣнія восторжествовала въ немъ впослѣдствіи и надъ временнымъ налетомъ неохристіанскаго мистицизма, въ которомъ онъ находился въ самую романическую полосу своей жизни, когда любовь къ своей двоюродной сестрѣ, въ первый годъ брачной жизни, въ ссылкѣ, держала его въ воздухѣ тогдашняго нѣсколько сантиментальнаго идеализма, однако безъ какого-либо церковнаго изувѣрства. Университетскія аудиторіи не блистали тогда талантами и ученостью преподавателей, но студенческіе годы остались для Герцена самой дорогой полосой его молодой жизни и сдѣлали его истиннымъ питомцемъ той *alma mater*, съ которой чуткія души и одаренные умы не разрываютъ связи всю свою жизнь, куда бы ихъ ни забросила судьба. Московскій университетъ можетъ, по справедливости, гордиться такимъ питомцемъ. Когда вы читаете все то, что Герценъ разсказываетъ о своихъ студенческихъ годахъ, и сопоставляете это, напр., съ воспоминаніями Тургенева, его младшаго сверстника, о студенческихъ годахъ почти той же эпохи и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ—вы видите до какой степени университетъ сдѣлался дорогъ Герцену, между тѣмъ какъ студенческіе годы Тургенева не оставили въ немъ ничего яркаго, знаменательнаго для его дальнѣйшаго развитія, какъ писателя и человѣка своей эпохи.

Изученіе естественныхъ наукъ и математики съ его заключительнымъ аккордомъ, талантливой диссертаціей на астрономическую тему (которая обратила на него вниманіе и профессоровъ, и высшаго начальства) не помѣшали Герцену страстно отдаваться знакомству съ тѣми запретными идеями, которыя шли съ запада, изъ Франціи. Сенъ-симонизмъ, какъ первая въ XIX вѣкѣ попытка указать культурному человѣчеству новый путь разрѣшенія самыхъ, какъ мы нынче говоримъ, «проклятыхъ» вопросовъ, сдѣлался у Герцена съ Огаревымъ и нѣкоторыми другими товарищами, сладкимъ запретнымъ плодомъ, и ихъ въ сущности невинныя бесѣды во-

или какъ главный обвинительный пунктъ по той исторіи, какая разразилась надъ Герценомъ и нѣсколькими другими его сверстниками, повела къ аресту, къ сидѣнью въ Крутицкихъ казармахъ и къ административной ссылкѣ сначала въ Пермь, потомъ въ Вятку.

Мы не находимъ въ первыхъ главахъ «Былого и думъ» подробностей о томъ, къ чему сводилась тогда литературность студента, кончившаго курсъ на физико-математическомъ отдѣленіи. Читалъ онъ чуть не съ младенчества очень много, сохранялъ всегда культъ Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, но то, что онъ говоритъ про итоги своей московской жизни, до тюрьмы и ссылки, представляетъ собою нѣсколько очень существенныхъ пробѣловъ. Напримѣръ, оцѣнка Гоголя, даже и послѣ появленія «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», нигдѣ не встрѣчается въ его воспоминаніяхъ съ такими подробностями, которыя показывали бы намъ, какъ молодой Герценъ воспринималъ творчество нашего великаго сатирика, вмѣстѣ съ своими ближайшими сверстниками, какъ онъ переживалъ различные моменты того обаянія, какое Гоголь производилъ на людей его генераціи. А между тѣмъ, та складка, какая дана была Гоголемъ нашей беллетристикѣ, пріемы, тонъ, какъ бы обязательность нѣкотораго условнаго юмора,—все это несомнѣнно навѣяно Гоголемъ. Не находимъ мы также и того, произошло ли въ молодомъ Герценѣ временное охлажденіе къ Пушкину какъ разъ въ тѣ годы университетской жизни, когда либерально-настроенная часть публики стала гораздо равнодушнѣе къ Пушкину, а тогдашняя критика до Бѣлинскаго не сумѣла оцѣнить дальнѣйшую фазу его творчества. Есть и другіе пробѣлы, напримѣръ, обо всемъ томъ, что относится къ тогдашнему московскому Малому театру. Есть, правда, упоминаніе о Мочаловѣ. Впослѣдствіи, уже въ 40-хъ годахъ, по возвращеніи изъ ссылки, Герценъ пріятельски сходится съ Щепкинымъ; и эта дружба продолжалась даже и въ годы его заграничныхъ скитаній. Если сопоставить, напримѣръ, роль, какую театръ, въ лицѣ Мочалова, а также и Щепкина,—истолкователей Шекспира, Мольера и Гоголя,—сыгралъ въ критическомъ развитіи Бѣлинскаго, что онъ ему позволилъ пережить самаго высокаго и яркаго, съ тѣми умолчаніями, какія мы находимъ по этой части въ воспоминаніяхъ Герцена, то невольно является вопросъ: переживалъ ли дѣйствительно молодой Герценъ нѣчто подобное, оставлялъ ли въ немъ тогдашній московскій театръ столько животворныхъ впечатлѣній? Мы склонялись бы скорѣе къ положительному отвѣту и объясняемъ всѣ эти пробѣлы тѣмъ, что когда Герценъ сталъ писать за границей свои драгоцѣнныя для насъ воспоминанія, имъ руководила потребность останавливаться всего больше на тѣхъ сторонахъ жизни, которыя создали изъ него борца за освободительное движеніе.

«Тюрьма и ссылка» помогли ему сознать въ себѣ, прежде всего, *писателя*, были точно нарочно посланы ему судьбой, чтобы осмыслить и проявить то, чѣмъ одаренная его природа въ связи со всѣми уже яркими, и радостными, и тяжелыми испытаніями надѣлила его. Подневольное житье въ провинціальномъ захолустьѣ, въ качествѣ ссыльнаго чиновника, оку-

нуло его въ отрезвляющую дѣйствительность той безпробудной эпохи, самой жестокой николаевщины. Литературная возможность уйти воображеніемъ и внутреннимъ чувствомъ въ писательскую работу: это являлось самымъ могучимъ средствомъ противъ засасывающаго давленія тогдашней провинціи. И все, что человѣка безъ дарованія и безъ склонности къ писательству только гнело бы и заставляло опускаться въ тину,—то позволяло такому человѣку, какъ Герценъ, накоплять богатѣйшій матеріалъ, наполнять свои досуги развивающимъ чтеніемъ, проникаться все сильнѣе и сильнѣе сознаніемъ того, что только въ подготовленіи себя къ задачамъ писателя онъ найдетъ противоядіе противъ того, что могло затянуть его въ пошлость, скуку, потерю всякой энергіи и всякаго идеала.

Ссылка, съ ея переѣздами изъ одного провинціальнаго города въ другой, дала тогдашней русской беллетристикѣ и идейному журнализму писателя, прикрывавшагося псевдонимомъ *Искандеръ*. За цѣлый десятилѣтній періодъ, вплоть до желаннаго отъѣзда за границу, въ 1847 г., Герценъ показалъ себя въ различныхъ родахъ литературы однимъ изъ самыхъ типичныхъ и чуткихъ сыновъ своей эпохи, носителемъ лучшихъ традицій тогдашней художественной литературы и участникомъ въ большомъ философскомъ движеніи, которое повліяло тогда на всю нашу критику изящной литературы и на образованіе двухъ главныхъ теченій, расколовшихъ самосознаніе тогдашней интеллигенціи—западничество и славянофильство.

Въ этотъ десятилѣтній періодъ Герценъ-Искандеръ сразу былъ оцѣненъ молодой публикой, какъ чрезвычайно даровитый беллетристъ и то, что англичане называютъ, «эссеистъ» въ области критической мысли. Но можемъ ли мы согласиться съ тѣмъ, что авторъ романа «Кто виноватъ?» (при всемъ его значеніи для галлереи такъ называемыхъ «лишнихъ людей», въ лицѣ Бельтова) далъ полную мѣру своей даровитости, своего художническаго таланта и мастерства? Конечно, нѣтъ. Поставьте рядомъ такую вещь, какъ «Кто виноватъ?», которая представляетъ собою самый цѣнный вкладъ въ писательскую работу Герцена, до отъѣзда за границу, съ любымъ отрывкомъ изъ его «Былого и думъ»,—будетъ ли это изъ его дѣтскихъ лѣтъ, университетской эпохи, изъ годовъ ссылки или изъ заграничныхъ скитаній,—только тутъ, т.-е. съ конца 40-хъ годовъ, мы получаемъ настоящаго Герцена, и въ немъ дарованіе, сила, блескъ, остроуміе, горячность, глубина негодующаго чувства достигаютъ художническаго совершенства не только въ цѣломъ рядѣ разсказовъ, очерковъ, портретовъ, картинъ, но и въ томъ, что называется обыкновенно публицистикой, что мы увидимъ въ особенности, когда будемъ говорить о такой изумительной книгѣ, какъ «Съ того берега».

Добившись законнаго и быстраго успѣха, какъ романистъ, своимъ «Кто виноватъ?», Герценъ, въ этотъ же, какъ бы подготовительный, періодъ своей писательской дѣятельности, съ особой охотой (и воздерживаясь отъ чисто политической работы) выступалъ и съ темами критико-философскаго содержанія. Для характеристики всего его умственнаго и этическаго склада

въ высшей степени знаменательно то, что онъ, въ первую половину 40-хъ годовъ, отчасти въ ссылкѣ, а больше живя въ обѣихъ столицахъ, отзывался на такіе запросы, которые были достояніемъ только самаго избраннаго меньшинства московской интеллигенціи. Пройдя чрезъ обаяніе тогдашней идеалистической философіи, онъ не остался ни шеллингіанцемъ, ни ортодоксальнымъ гегеліанцемъ. Въ немъ научная закваска дала очень хорошій всходъ идей, приведшихъ его къ потребности въ гармоническомъ сочетаніи научныхъ принциповъ анализа и наведенія съ выработкой себѣ цѣльнаго научно-философскаго міропониманія. Это мы видимъ въ цѣломъ рядѣ этюдовъ, появившихся въ тогдашнихъ журналахъ, какъ «Диллетантизмъ въ наукѣ», «Буддизмъ въ наукѣ» и опытъ изложенія развитія философскихъ системъ, который ему не удалось докончить: «Письма объ изученіи природы». Въ этихъ письмахъ онъ даетъ только какъ бы родъ философскаго введенія; но его *credo* вполнѣ опредѣлилось. Черезъ гегеліанство лѣваго лагеря въ лицѣ Фейербаха онъ дошелъ до выработки себѣ того свободомыслія, которому онъ будетъ вѣренъ всю свою жизнь. Изъ-за этихъ ударовъ двойственному идеализму онъ долженъ былъ впервые испытать печальную необходимость разойтись въ принципахъ и вѣрованіяхъ съ нѣкоторыми изъ своихъ ближайшихъ друзей-единомышленниковъ, какъ, напримѣръ, съ Грановскимъ, а раньше онъ также честно и пылко протестовалъ противъ тѣхъ увлеченій Бѣлинскаго, какія сказались временно въ его статьяхъ вродѣ «Бородинская годовщина». Эта черта душевнаго склада Герцена была причиной и дальнѣйшихъ его размолвокъ съ самыми близкими пріятелями. Мотивы ихъ были всегда *идейные*, но не сухо-разсудочные, а жизненные. Онъ не признавалъ возможными настоящую дружбу или даже хорошее пріятельство безъ солидарности въ томъ, что составляетъ самое драгоцѣнное достояніе человѣка въ данный моментъ его духовнаго развитія.

Въ цѣлый, болѣе чѣмъ десятилѣтній періодъ, отъ первой ссылки до отъѣзда за границу, Герценъ-Искандеръ прошелъ точно нарочно чрезъ испытанія, которыя подготовили его къ той громадной роли, какую онъ сыгралъ въ ходѣ освободительныхъ идей въ Россіи. Писатель былъ уже готовъ: мы это видимъ во всѣхъ его беллетристическихъ произведеніяхъ и въ тѣхъ оригинальныхъ этюдахъ на общественно-психологическія темы, изъ которыхъ самымъ удачнымъ считаются «Записки доктора Крупова». Точно такъ же и дальнѣйшій блистательный расцвѣтъ таланта Герцена, какой мы находимъ въ цѣлой серіи воспоминаній и характеристикъ «Былого и думъ» содержится уже въ зародышѣ въ «Запискахъ молодого человѣка» и во многомъ, что вошло потомъ въ сборникъ, изданный въ Россіи, подъ общимъ заглавіемъ «Раздумье». Кажется, и самъ Герценъ, несмотря на быструю извѣстность, пріобрѣтенную имъ послѣ напечатанія романа «Кто виноватъ?», не признавалъ за собою права считать себя равнымъ тогдашнимъ корифеямъ художественной литературы. Его младшій сверстникъ Тургеневъ, въ первыхъ же разсказахъ изъ «Записокъ охотника», появившихся въ самомъ концѣ пребыванія Герцена на родинѣ, показалъ

себя, какъ первоклассный художникъ, и его значеніе въ исторіи русскаго романа и вообще въ художественной беллетристикѣ стоитъ совершенно особенно; и къ 50-мъ годамъ, когда Тургеневъ уже признанъ былъ литературнымъ талантомъ первой величины, Герценъ-Искандеръ не могъ еще противопоставить ему произведенія такого достоинства, какъ «Записки охотника». Но въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, какъ бытописателя, прошедшаго чрезъ столько крупныхъ испытаній, связаннаго всѣмъ своимъ духовнымъ существомъ съ тѣмъ, чѣмъ жило тогда, въ теченіе четверти вѣка, самое передовое европейское человѣчество, Герценъ поднялся до высокой ступени, не только какъ умъ, пылкость темперамента, остроуміе, ѣдкость, глубина анализа, но и какъ художественное воспроизведеніе всего того, что онъ переживалъ и въ Россіи, и за границей. То, что есть самаго замѣчательнаго въ серіи «Былого и думъ», можно смѣло поставить рядомъ съ лучшими вкладами въ нашу творческую литературу.

Личная судьба Герцена, въ этотъ ссыльный періодъ его жизни въ Россіи, могла бы гораздо больше ожесточить его; но онъ вынесъ изъ нея, вмѣстѣ съ вѣрностью тому міропониманію, какое мы видимъ въ его тогдашнихъ философскихъ и общественныхъ этюдахъ, вмѣстѣ съ жаждой освобожденія изъ-подъ тисковъ николаевскаго режима,—и болѣе свѣтлое настроеніе, связанное съ исторіей его любви къ своей незаконной двоюродной сестрѣ Натальѣ Александровнѣ, сдѣлавшейся его женою, послѣ долгой и восторженной переписки между ними, тайнаго увоза ея изъ Москвы, брака во Владимірѣ и перваго года свѣтлой и полной супружеской жизни, которая омрачена была только извѣстнымъ эпизодомъ въ началѣ 40-хъ годовъ, мимолетной невѣрностью, гдѣ дѣйствовало только чувственное. Объ этомъ существуетъ признаніе самого Герцена, еще не появившееся въ печати, гдѣ онъ чистосердечно, и безъ всякаго желанія выгораживать себя, разсказываетъ едва ли не о единственномъ своемъ «паденіи».

Когда послѣ смерти отца и полученія очень хорошаго состоянія, послѣ всѣхъ этихъ подневольныхъ кочеваній по губернскимъ городамъ, службы въ Петербургѣ и болѣе привольной, но всетаки же стѣсненной жизни въ Москвѣ, открылась передъ нимъ возможность очутиться за рубежомъ отечества, уйти, хотя на время, отъ тогдашней николаевщины, трудно было бы и предположить, что онъ не воспользуется этимъ. Но никакихъ замысловъ политическаго характера, никакого намѣренія «экспатрироваться» у него не было. И всѣ его письма изъ Парижа, появившіяся въ *Современникѣ*, по своему содержанію и даже тону подчинялись цензурнымъ условіямъ. Онъ только начиналъ еще свое западно-европейское политико-соціальное обученіе, отдаваясь, на первыхъ порахъ, впечатлѣніямъ заграничной жизни, разнымъ сторонамъ парижскаго столичнаго водоворота, наслаждаясь вскорѣ потомъ всѣмъ, что онъ испыталъ живительнаго въ Италіи. Тогдашнее итальянское движеніе въ Римѣ несомнѣнно дало ему, на первыхъ же порахъ, тотъ зарядъ освободительныхъ настроеній, съ какимъ онъ пріѣхалъ въ Парижъ, послѣ февральской революціи 1848 года.

И вотъ именно послѣ подъема самыхъ радостныхъ чувствъ и радужныхъ надеждъ, онъ перенесъ ударъ, отъ котораго всю свою жизнь не могъ оправиться: «іюньскіе дни» съ жестокой, бездушной репрессіей торжествующаго мѣщанства надъ пролетаріатомъ сдѣлали Герцена непримиримымъ врагомъ политико-соціальной фальши, которая явилась еще болѣе возмутительной послѣ яко бы торжества «демократическихъ» идеаловъ.

То, что онъ пережилъ въ Парижѣ, начиная съ марта 48 года (когда уже можно было предвидѣть во что превратится республика, взявшая себѣ девизомъ слова: «свобода, равенство и братство»), сказалось въ произведеніи, которому нѣтъ равнаго ни въ нашей, ни въ западно-европейской литературѣ. Это—книга «Съ того берега», составленная изъ ряда главъ, написанныхъ съ конца 1847 до 1849 года. Если бы Герценъ не написалъ ничего больше, то и тогда его надо было бы признать одной изъ крупнѣйшихъ писательскихъ индивидуальностей. Ее смѣло можно поставить рядомъ съ знаменитой книжкой Ламенне «Paroles d'un croyant», которая до сихъ поръ считается во Франціи даровитѣйшимъ произведеніемъ въ такомъ родѣ. Одна эта вещь для насъ, русскихъ, является драгоцѣннѣйшимъ документомъ, который показываетъ, какъ даровита, воспріимчива и высока по своимъ идеаламъ была натура русскаго писателя, родившагося и воспитаннаго въ такую эпоху и въ такой средѣ, гдѣ всякое, самое невинное проявленіе свободомыслія глушилъ тогдашній режимъ. Это дѣлаетъ Герцена головой выше и своихъ заграничныхъ сверстниковъ, не исключая самыхъ выдающихся и знаменитыхъ. Та жизнь, изъ которой вышли тогдашніе корифеи революціи въ Италіи и Франціи, даже въ Германіи, Австріи, въ русской Польшѣ—всетаки же представляла собою болѣе или менѣе подходящую почву для выработки и гнѣва, и протестовъ и солидарности съ своими единомышленниками. А тутъ москвичъ 30-хъ и 40-хъ годовъ, котораго судьба держала въ тискахъ много-много писательской кружковой жизни, выступилъ съ пламеннымъ словомъ горечи и обличенія, брошеннымъ въ лицо всей тогдашней якобы радикальной прессы. И эта Европа, въ лицѣ представителей своей прессы, когда «Съ того берега» появилось по-нѣмецки, нашла въ русскомъ авторѣ «измѣну» принципамъ либерализма, обидѣлась на разные лады и обозвала горечь и негодованіе Герцена болѣзненнымъ и вреднымъ пессимизмомъ! И тогда уже ему кидали обвиненіе въ замаскированномъ славянофильствѣ и даже руссофильствѣ, особенно послѣ тѣхъ обращеній къ иностранцамъ, къ Мишле и къ англичанину Линтону, въ которыхъ онъ впервые, въ западной Европѣ, хотѣлъ дать правдивую и осмысленную картину того, какъ жилъ русскій народъ, что онъ выработалъ въ своей подневольной, трудовой жизни, какъ страдалъ отъ азіатскаго деспотизма и въ до-петровскій періодъ, и въ постыдный петербургскій періодъ русской исторіи. То же разъяснялъ онъ и въ своей французской брошюрѣ «О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи». Но ему всетаки же никто не простилъ, ни тѣ обломки революціи — эмигранты, живущіе своими иллюзіями, ни революціонеры, которые боялись идти въ глубь во-

проса о пересозданіи европейскаго общества, ни самодовольные либералы буржуа, не говоря уже о цѣлой стаѣ торжествующихъ реакціонеровъ, которые тогда и во Франціи, подъ прикрытіемъ внѣшнихъ республиканскихъ формъ государства, готовили переворотъ второго декабря и торжество наполеоновскаго полицейскаго шовинизма.

У насъ «Съ того берега»—до сихъ поръ—произведеніе, не оцѣненное еще вполнѣ ни въ чисто-литературной критикѣ, ни въ томъ, что, въ самое послѣднее время, являлось въ нашей публицистикѣ всякихъ оттѣнковъ, партій и лозунговъ. Сторонники платформы самыхъ лѣвыхъ фракцій могутъ, конечно, находить, что Герценъ въ этомъ произведеніи слишкомъ лирикъ, слишкомъ отдается личной горечи и черезчуръ пессимистически смотритъ на дальнѣйшія судьбы освободительнаго движенія въ Европѣ, а потомъ и у насъ. И дѣйствительно, въ такой книгѣ, какъ «Съ того берега», вы не найдете никакихъ партійныхъ программъ, ничего такого, что въ настоящій моментъ считается принадлежностью всякаго опредѣленнаго *credo*. Но никто, какъ онъ, не выступилъ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ съ такимъ пламеннымъ протестомъ во имя *соціальнаго* переворота. Вотъ въ этомъ-то и сказался коренной русскій поборникъ общественной правды и справедливости. И тогда уже для него внѣ соціальнаго вопроса, хотя бы самая радикальная политика была только политиканствомъ или запоздалыми однобокими «платформами», какъ нынче выражаются.

Нѣтъ во всей европейской литературѣ такой книги, какъ «Съ того берега»! Это не одно только субъективное выраженіе горечи и часто отчаянія, чрезъ какія проходилъ Герценъ послѣ іюньскихъ дней 1848 г. На всемъ западѣ, въ числѣ его самыхъ революціонныхъ сверстниковъ, не нашлось *ни одного*, который бы противопоставилъ торжествующей лжи радикальной буржуазіи идеалы, созданные представителемъ народа, находившагося тогда въ полномъ закрѣпощеніи, но сумѣвшаго выработать основы экономической солидарности, какихъ на Западѣ не было.

Въ этомъ вѣдь и заключалось все такъ называемое «славянофильство» Герцена, и это обвиненіе стали выставлять противъ него не только иностранцы, плохо знакомые съ нашей жизнью и исторіей, но и ближайшіе его сверстники вплоть до людей, находившихся съ нимъ когда-то въ близкихъ, пріятельскихъ отношеніяхъ. Славянофильство Герцена сводилось только къ симпатіямъ, быть можетъ слишкомъ горячимъ, какія вызывали въ немъ формы экономическаго быта, выработанныя русскимъ народомъ—сельской общиной и рабочей артелью. Но никогда онъ не измѣнялъ своему строго радикальному и освободительному исповѣданію вѣры. Если онъ, послѣ испытаній 48 и 49 гг., не могъ оставаться *прежнимъ* западникомъ, то онъ возродился для высшаго западничества, на которое представители и тогдашняго европейскаго радикализма не были способны такъ, какъ былъ способенъ онъ.

Въ научно-философскомъ смыслѣ слишкомъ правовѣрно-ортодоксальные позитивисты имѣли, конечно, поводъ говорить, что Герценъ, предаваясь

неумѣренно революціонному пессимизму, какъ бы не признавалъ законовъ эволюціи современнаго общества. На эту тему вступилъ съ нимъ въ продолжительную полемику и его когда-то близкій пріятель, Тургеневъ, что и повело, какъ мы увидимъ дальше, къ разрыву между ними. Такія научно-позитивныя оговорки позволительно было дѣлать и можно ихъ предъявлять и теперь; но это нисколько не служитъ къ поддержкѣ той темы, что будто бы Герценъ сталъ воевать со всей западной культурой, потому что впалъ въ славянофильское *credo*. Между его страстно-обличительнымъ отношеніемъ къ торжествующей, хищной и вѣроломной буржуазіи и тѣмъ, что онъ сталъ писать для иностранцевъ о Россіи, что началъ печатать въ *Полярной Звѣздѣ* подъ общимъ заглавіемъ «Былое и думы» — нѣтъ никакого противорѣчія. Никто еще, не только изъ его современниковъ, но и впослѣдствіи, не умѣлъ, въ крупныхъ чертахъ, такъ ознакомить иностранцевъ съ характерными судьбами русскаго народа и съ движеніемъ освободительныхъ идей въ русской литературѣ, въ той жизни, которая едва теплилась съ конца XVIII столѣтія до половины XIX, и показывала, что въ русской натурѣ заложены были уже задатки всего дальнѣйшаго освободительнаго движенія. Замѣчательно, однако, что та брошюра, которой пользовались и иностранные критики и публицисты, писавшіе о нашемъ обществѣ и литературѣ, вродѣ Мельхіора де-Вогюэ или Анатоля Леруа-Больё — появилась по-нѣмецки и по-французски, а не была первоначально написана русской герценовской прозой. Это — «Развитіе революціонныхъ идей въ Россіи».

Ни одному историку не только общества нашего, но и литературы, въ тѣсномъ смыслѣ, нельзя обѣжать этихъ итоговъ, такъ даровито и проницательно подведенныхъ Герценомъ ко второй половинѣ прошлаго вѣка. И далѣе, все то, что вошло въ «Былое и думы» и появлялось въ видѣ болѣе отрывочныхъ очерковъ, портретовъ, отдѣльныхъ картинокъ, и все, что составило главное содержаніе *Колокола*, представляющее такой захватывающій интересъ для каждаго изслѣдователя русскаго общественнаго движенія, все это проникнуто вѣрностью основному *credo*: ненависть къ самодержавному режиму у насъ и къ хищническому торжеству буржуазіи во всемъ остальномъ мірѣ, и молодая, можетъ быть слишкомъ юная, для вполнѣ сложившагося человѣка, вѣра въ великую будущность соціальныхъ и экономическихъ устоевъ русскаго народа. Но и въ этомъ увлеченіи Герценъ былъ только провозвѣстникъ цѣлой полосы нашего литературнаго и публицистическаго народничества, которое открылось послѣ его кончины къ 70-хъ годахъ, и продолжалось на протяженіи 80-хъ.

Никогда еще ни одинъ органъ печатнаго слова въ исторіи нашего общества не игралъ такой необычайной роли, какъ *Колоколъ*, явившійся результатомъ развитія той горячей потребности послужить своей родинѣ, какая не переставала волновать Герцена. Неудержимымъ импульсомъ къ существленію этой дорогой для него идеи явился моментъ подготовительной работы тогдашнихъ лучшихъ русскихъ людей къ уничтоженію рабо-

владѣльчества, называвшагося «крѣпостнымъ состояніемъ». Выступить во всеоружіи въ такой моментъ было доказательствомъ не романтическаго увлеченія, а дѣломъ глубокой любви къ родинѣ, доказательствомъ яснаго политическаго разумѣнія съ такой подготовкой и съ такой возможностью дѣйствовать, какихъ не было тогда ни у кого изъ его сверстниковъ по ту сторону русской границы.

Мнѣ нѣтъ надобности повторять здѣсь все то, что извѣстно про значеніе, какое *Колоколъ* пріобрѣлъ въ Россіи, вплоть до высшихъ правительственныхъ сферъ. Тонъ, взятый Герценомъ въ такихъ историческихъ документахъ, какъ обращеніе къ дворянству или «Письмо къ Александру II» былъ въ высшей степени симпатичный и подходящій къ моменту. Находились, конечно, слишкомъ прямолинейные люди, которые и тутъ способны были упрекнуть ихъ автора въ уступкахъ, въ извѣстнаго рода компромиссѣ; но если ихъ авторъ и выступилъ съ словами искренняго, какъ бы примирительнаго призыва, то онъ опять-таки ни на іоту не поступился тѣмъ, что ставилъ, какъ краеугольный камень своего credo. Въ такихъ проявленіяхъ его натуры, воспріимчивой и благородной, лежалъ задатокъ благотворнаго обаянія на все то, что тогда въ Россіи сочувствовало уничтоженію крѣпостного права и способно было помогать правительству въ борьбѣ за осуществленіе и этой, и другихъ великихъ реформъ.

Конечно то, чѣмъ занимался Герценъ въ первые годы существованія *Колокола*, на оцѣнку представителей нынѣшнихъ крайнихъ партій можетъ казаться совсѣмъ не революціоннымъ; но стоило только всплыть одному изъ самыхъ болѣзненныхъ вопросовъ нашего государственнаго быта, какъ сейчасъ же образовалась глубокая трещина даже между поклонниками Герцена и тѣмъ, съ чѣмъ онъ выступилъ, рискуя потерять свое обаяніе на массу русскихъ читателей. Этотъ роковой инцидентъ былъ польское возстаніе. Даже тѣ, кто зачитывался Герценомъ и во-всю либеральничали по внутреннимъ вопросамъ—стали бросать ему упреки въ томъ, что онъ измѣнилъ національному чувству и ударился въ защиту такого дѣла, которое ни подъ какимъ видомъ ни одинъ, даже и либерально-настроенный русскій не можетъ разрѣшать съ польской точки зрѣнія.

Но мы теперь, свободные отъ всякихъ узко-патріотическихъ инстинктовъ, которые сводятся въ концѣ-концовъ къ расовому себялюбію и жаждѣ государственнаго преобладанія—мы, во-первыхъ, обязаны подтвердить то, что въ Герценѣ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ защитникомъ освободительныхъ идей, польскія симпатіи всегда жили и развивались съ годами, поддержанныя всѣми его дружественными сношеніями съ героическими личностями эмиграціи 30-хъ годовъ. И это не было романтическимъ увлеченіемъ или позой, своего рода диллетантствомъ либерализма, а отвѣчало основамъ его этики, не знавшей компромиссовъ и въ вопросахъ междурасовыхъ, и чисто-государственныхъ. Для него Польша, несмотря на всѣ отрицательныя стороны своего склада, достойна была симпатіи всякаго честнаго и великодушнаго человѣка, и среди русскихъ—за всѣ тѣ боль-

шею частью незаслуженныя страданія, черезъ какія прошла подъ гнетомъ, одинаково ненавистнымъ и Герцену, и всѣмъ его единомышленникамъ. Требовать, чтобы онъ тогда иначе отнесся къ польскому возстанію—это значило совершенно не понимать его и желать отъ него постыдной роли оппортуниста, забывающаго въ данный моментъ все свое прошлое, для того только, чтобы удержать обаяніе своей популярности у читателей *Колокола*. Если самъ Герценъ, впослѣдствіи (когда это столкновеніе съ русской публикой лишило *Колоколъ* прежняго престижа), если онъ сознался свою ошибку, то только въ формальномъ смыслѣ. Онъ не могъ отрицать того, что дѣйствительно произошло. Но и позднѣе, въ тѣ годы, когда онъ, послѣ лондонскаго своего сидѣнья, началъ переѣзжать съ мѣста на мѣсто и сильно тосковать объ отсутствіи живой дѣятельности—взгляды его и симпатіи, связанные съ судьбой племени намъ родственнаго и потерявшаго національную самостоятельность оттого, что его хищнымъ сосѣдямъ было выгодно раздѣлить его территорію—всѣ эти взгляды и симпатіи остались въ общемъ неприкосновенными.

И выступи Герценъ, сорокъ лѣтъ позднѣе, съ той же защитой правъ польскаго народа и національной самобытности—развѣ бы онъ столкнулся въ этомъ не только съ нашими крайними лѣвыми, но и съ преобладающей среди теперешнихъ либераловъ партіей «народной свободы?» Требованія *автономіи* вошли въ программы не революціонеровъ только, а и сторонниковъ соглашенія между монархическимъ принципомъ и конституціонными гарантіями. Тутъ Герценъ явился провозвѣстникомъ того, что вошло, какъ одинъ изъ существенныхъ пунктовъ, въ освободительную программу нѣсколькихъ партій. Не онъ измѣнилъ дѣлу *Колокола*, а тѣ, кто считали себя его сторонниками и восторженными поклонниками, не знали самихъ себя и оказались въ данный моментъ «патріотами своего отечества»; въ лучшемъ случаѣ не могли отрѣшиться отъ пережитка государственно-расоваго себялюбія.

Это роковое столкновеніе издателя *Колокола* и его ближайшихъ товарищей по эмиграціи переполнило ту чашу горечи, какую онъ выпилъ послѣ іюньскихъ дней 1848 г. Онъ сознавалъ, что успѣху *Колокола* повредила пропаганда идей Огарева и Бакунина, одного въ соціальномъ или, какъ теперь у насъ говорятъ, аграрномъ вопросѣ, а другого въ революціонномъ, съ оттѣнкомъ и тогда уже анархически-бунтарскимъ. Если это въ значительной степени вѣрно, то и тутъ Герценъ сдѣлался жертвою своихъ дружескихъ симпатій. Съ Огаревымъ ихъ связывала неразрывная пріязнь съ того дня, когда они, отроками, поклялись въ дружбѣ, въ Москвѣ, на Воробьевыхъ горахъ. Съ Бакунинымъ у него не было такой точно связи и онъ, оставаясь издателемъ *Колокола*, не раздѣлялъ многихъ пунктовъ его платформы. Не могли ему нравиться и особенности натуры и характера Бакунина, его слишкомъ безцеремонное обхожденіе со всѣмъ тѣмъ, что считается обязательнымъ даже и людьми революціоннаго склада. Позволительно пожалѣть, что Герценъ во-время не освободилъ себя отъ да-

вленія этихъ двухъ сотрудниковъ по *Колоколу;* но и мотивы его слабости остаются всетаки же симпатичными. И тутъ онъ пребылъ вѣренъ всему своему душевному складу.

Попытки, по переселеніи его на материкъ Европы, поддержать *Колоколъ* въ другомъ видѣ, на французскомъ языкѣ, окончательно убѣдили его, что кампанія его проиграна на долгое время, быть можетъ до конца его жизни, что и случилось. Будь онъ по натурѣ менѣе впечатлителенъ, выработай онъ въ себѣ настоящее сознаніе того, что онъ будетъ представлять собою для Россіи конца XIX и начала XX вѣка—ему бы легче жилось. Онъ могъ бы побѣдоносно бороться съ тѣмъ огорченнымъ настроеніемъ, какое, только благодаря его блистательной даровитости и жизнеобильному темпераменту, поддерживало въ немъ потребность высказываться если не какъ руководителю политическаго органа, то опять въ цѣломъ рядѣ произведеній, гдѣ трепетала его личная жизнь и жизнь всѣхъ тогдашнихъ «лучшихъ людей», съ какими онъ сохранялъ дружескія связи. Герценъ-писатель и въ томъ, что выходило изъ-подъ его пера ко второй половинѣ 60-хъ годовъ, стоялъ все на той же высотѣ и можно даже сказать, что въ очеркахъ и характеристикахъ, вошедшихъ въ тотъ томъ, который появился вскорѣ послѣ его смерти, до изданія собранія его сочиненій, мы находимъ Герцена лучшихъ годовъ изъ *Былого и думъ*. Если языкъ сталъ болѣе богатъ неологизмами, отзывающимися долгимъ пребываніемъ за границей, то его пошибъ, образность, темпераментъ, искры комизма и юмора, способность къ анализу людей, характеровъ, цѣлыхъ полосъ европейской жизни—дѣлаетъ впечатлѣніе не подавленной психики огорченнаго неудачника, а, напротивъ, часто жизнерадостнаго и, еще чаще, негодующаго, высокодаровитаго обличителя ненавистнаго *всемірнаго мѣщанства*, все того же несравненнаго въ нашей литературной эволюціи писателя, сохранившаго, и послѣ двадцатилѣтней жизни эмигранта, неувядаемыя черты душевнаго склада и развитія русскаго человѣка, этого мало—москвича временъ Чаадаева, Бѣлинскаго и Грановскаго.

Послѣдняя полоса жизни Герцена, съ переселеніемъ изъ Лондона на континентъ, лишила его той кипучей политической дѣятельности, какая шла въ дни самыхъ большихъ успѣховъ *Колокола*. Попытка издавать *Колоколъ* на французскомъ языкѣ не удалась. Въ Женевѣ онъ продолжалъ дѣйствовать, какъ писатель, освѣжая свои переживанія въ рядѣ такихъ же замѣчательныхъ очерковъ, картинъ и портретовъ; но тамъ же онъ долженъ былъ столкнуться съ молодой русской эмиграціей, которая стала относиться къ нему слишкомъ придирчиво и строго. Соглашенія не могло быть не столько отъ разницы принциповъ, идей и антипатій, сколько отъ различія психики, отъ того, что эта эмиграція была моложе поколѣнія Герцена на цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, если не больше. Онъ нѣсколько разъ высказывается о ней довольно безпощадно, но, въ общемъ, вѣрно. Появились обличенія великаго бойца за свободу и соціальную правду, какимъ была брошюра Серно-Соловьевича, не остановившагося даже передъ

придирками къ частной жизни и привычкамъ Герцена. Примѣшалась тутъ и злосчастная исторія такъ называемаго «русскаго фонда», тѣхъ двадцати тысячъ франковъ, которыя какой-то довольно шалый русскій эмигрантъ оставилъ Герцену на революціонныя цѣли. Женевскіе эмигранты стали приставать къ нему и требовать выдачи этого капитала, на что онъ не соглашался; а впослѣдствіи это кончилось тѣмъ, что деньги попали къ Бакунину и были, главнымъ образомъ, израсходованы на конспиративную пропаганду.

Въ Женевѣ, въ концѣ 1865 г., я впервые имѣлъ случай встрѣтиться съ А. И.; но наше болѣе близкое знакомство произошло въ Парижѣ и длилось съ осени 69 года вплоть до его кончины, 9—22 января 1870 г. У тогдашняго издателя журнала *Philosophie positive* Г. Н. Вырубова и встрѣтились мы. А. И. первый выражалъ желаніе познакомиться съ авторомъ, главнымъ образомъ, тѣхъ корреспонденцій, которыя появились раньше въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* подъ редакціей В. Ф. Корша. Изъ этого перваго вечера, проведеннаго съ Герценомъ, у меня остался въ памяти философскій споръ, который начался между нимъ и старикомъ Литтре, соредакторомъ Вырубова, тогдашнимъ главой позитивистовъ лѣваго лагеря, не признававшихъ той позитивной религіи, которую Огюстъ Контъ создалъ послѣ выпуска въ свѣтъ своей *Системы позитивной философіи*. Герценъ, оставаясь вѣрнымъ научно-философскому *credo*, не могъ соглашаться съ нѣкоторыми положеніями правовѣрнаго позитивизма. Въ немъ сидѣлъ слишкомъ убѣжденный и пылкій поборникъ революціоннаго движенія, онъ не могъ соглашаться на слишкомъ спокойное и объективное признаніе законовъ соціологіи. И тутъ я сразу увидалъ, до какой степени Герценъ, несмотря на продолжительное пребываніе за границей, остался русскимъ человѣкомъ и москвичемъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Говорилъ онъ бойко по-французски, но думалъ по-русски, и намъ всѣмъ, присутствовавшимъ при этомъ состязаніи, было замѣтно, какъ старикъ Литтре часто затруднялся сразу схватить то или иное выраженіе Герцена; его слова были французскія, а обороты—русскіе. И съ этого вечера пошло наше болѣе близкое знакомство. Герценъ жилъ съ частью своего семейства сначала въ Hôtel du Louvre, а по возвращеніи изъ Флоренціи (куда онъ былъ вызванъ серьезной нервной болѣзнью старшей дочери) поселился на Rue de Rivoli, въ меблированномъ домѣ Pavillon de Rohan, куда теперь перешелъ Hôtel du Louvre. По пріѣздѣ оттуда, онъ разъ, подъ вечеръ, зашелъ ко мнѣ, въ небольшой отельчикъ, противъ Старой Оперы (впослѣдствіи сгорѣвшій) на rue Lepelletier, говорилъ о болѣзни дочери, которую онъ привезъ, и тутъ я впервые услыхалъ отъ него, что онъ страдаетъ діабетомъ, но этого никакъ нельзя было бы сказать, глядя на его, еще свѣжую фигуру, живую игру физіономіи, блескъ глазъ, слушая его оживленную, блестящую рѣчь, полную темперамента, ума и тонкаго пониманія всего, что онъ переживалъ и раньше, и въ данную минуту. Онъ остался по манерѣ держать себя, по тону, разговору, по интона-

ціямъ голоса опять-таки типичнѣйшимъ русскимъ интеллигентомъ и москвичомъ. Изъ пережившихъ его пріятелей, покойный К. Д. Кавелинъ всегда очень мнѣ напоминалъ его, если не прямымъ сходствомъ чертъ лица, то фигурой, разговоромъ и манерой произношенія.

Чувствовалась ли въ немъ огорченность человѣка, который не нашелъ себѣ все-таки же постояннаго мѣстопребыванія и сознавалъ, что онъ уже не будетъ значить для своихъ соотечественниковъ того, что онъ представлялъ собою нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ? У него прорывались грустныя ноты, но никакъ нельзя сказать, чтобы тотъ пессимизмъ, какой овладѣлъ имъ послѣ іюньскихъ дней 1848 г., сдѣлался еще сильнѣе или подавлялъ его душевныя настроенія. Мнѣ кажется, что, напротивъ, онъ, съ переселенія на континентъ, сталъ менѣе мрачно смотрѣть на европейскую реакцію, на тогдашній бонапартизмъ, возлагалъ больше надеждъ на французскую молодежь (что сказалось въ теплой и блестящей статьѣ, посвященной Латинскому кварталу) и, не превращаясь въ форменнаго соціалъ-демократа, послѣдователя теоріи Маркса, все-таки же, несмотря на долгое нерасположеніе къ автору «Капитала» (за то, что тотъ обвинилъ Бакунина чуть не въ роли русскаго шпіона), въ письмѣ къ Огареву, относящемуся уже къ послѣднему году его жизни, признаетъ Маркса великимъ иниціаторомъ въ борьбѣ пролетаріевъ съ капиталистическимъ строемъ, а въ письмѣ къ Бакунину, также отъ 1869 г., онъ говоритъ слѣдующее:

«Работники, соединяясь между собою и выдѣляясь въ особое государство въ государствѣ, достигающіе своего устройства и своихъ правъ, помимо капиталистовъ и собственниковъ, помимо политическихъ границъ и границъ церковныхъ, составятъ первое сѣмя и первый всходъ будущаго экономическаго устройства»

Думаю, что подъ такого рода словами подпишется и теперь всякій, даже очень ортодоксальный соціалъ-демократъ.

И въ томъ же письмѣ есть мудрый совѣтъ пролетаріямъ:

«Надо, во-первыхъ, собирать полки, а не грозить: угроза при безсиліи вредна».

Онъ ставилъ въ великую заслугу Марксу созданіе «Международнаго союза рабочихъ». На второмъ съѣздѣ этого союза, бывшемъ какъ разъ въ это время въ Брюсселѣ, я былъ единственный русскій корреспондентъ, сообщавшій въ *Голосъ* подробные отчеты о засѣданіяхъ этого съѣзда. И Герценъ заинтересовался и этими отчетами и говорилъ о нихъ Вырубову, прося его устроить у себя наше свиданіе. Въ своей квартирѣ на Rue de Rivoli Герценъ зажилъ, какъ иностранецъ, сочувствующій тогдашнему настроенію французскаго общества, но не какъ знаменитый эмигрантъ, вокругъ котораго собрался бы видный кружокъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей. За нѣсколько мѣсяцевъ этой зимы 69—70 г. я не помню, чтобы познакомился у него съ какимъ-нибудь выдающимся эмигрантомъ. Французовъ—политическихъ дѣятелей, депутатовъ или выдающихся журналистовъ, къ нему что-то не ходило, кружокъ русскихъ сводился къ нѣ-

сколькимъ молодымъ людямъ, изъ которыхъ я тоже не помню ни одного выдающагося эмигранта. Всего чаще посѣщали его Вырубовъ, я и покойный Е. И. Рагозинъ. По средамъ были журфиксы. Здоровье старшей дочери А. И. поправилось; меньшая была уже невѣста профессора исторіи Моно, французскаго протестанта. Меня лично очень интересовала симпатичная Лиза, меньшая дочь Герцена, считавшаяся офиціально Огаревой, дѣвочка двѣнадцати лѣтъ, необыкновенно развитая для своего возраста, такъ трагически кончившая свою жизнь самоубійствомъ нѣсколько лѣтъ спустя. Я занимался съ нею по русскому языку. А. И. обращался съ ней, какъ съ своимъ ребенкомъ; но Лиза, говоря о немъ, никогда не называла его папой, а постоянно «Александръ Ивановичъ» съ своей англо-французской картавостью.

Тогдашній Парижъ уже сбрасывалъ съ себя иго Бонапартова режима, оппозиція въ палатѣ поднимала голову, происходили и уличныя демонстраціи по поводу убійства одного молодого радикала членомъ императорской фамиліи. Все это волновало Герцена, точно молодого политическаго бойца. Онъ ходилъ всюду, гдѣ проявлялось броженіе, посѣщая публичныя лекціи и сходки, но не примыкалъ, сколько я помню, ни къ какому тогдашнему оппозиціонному кружку. Когда я достаточно ознакомился со всѣми характерными чертами его душевной и бытовой физіономіи, я легко понялъ, что молодыя поколѣнія русской эмиграціи не могли считать его своимъ руководителемъ, исключительно потому, что онъ казался имъ слишкомъ бариномъ, если не «буржуемъ», потому что онъ, продолжая горячо сочувствовать революціонному движенію въ Россіи, не бралъ на себя роли тайнаго агитатора и не могъ мириться со всѣмъ тѣмъ, что онъ въ нихъ видѣлъ слишкомъ фанатически-прямолинейнаго, а, главнымъ образомъ, грубаго, некультурнаго и мелочного. Но никто бы не сказалъ, что въ немъ чувствуется какое-нибудь «генеральство». Напротивъ, онъ оставался до смерти своей чрезвычайно доступнымъ, отзывчивымъ на все, что отвѣчало его симпатіямъ и протестамъ. Онъ способенъ былъ говорить съ юморомъ, и даже съ прямой насмѣшкой о своихъ слабостяхъ, о своихъ эпикурейскихъ наклонностяхъ, о пристрастіи къ хорошей ѣдѣ и къ стакану шампанскаго, въ которомъ такъ безпощадно обличалъ его Серно-Соловьевичъ. Авторскаго тщеславія я не подмѣчалъ въ немъ никакого; разговаривая цѣлыми часами, разсказывая интереснѣйшіе эпизоды своей жизни, дѣлая блестящіе портреты своихъ сверстниковъ, и въ Россіи, и за границей, онъ почти никогда не указывалъ на какія-либо свои произведенія, очерки, статьи. Той чисто писательской самовлюбленности, какую я замѣчалъ во многихъ изъ его знаменитыхъ сверстниковъ и въ людяхъ дальнѣйшихъ генерацій—въ немъ рѣшительно не было. И это понятно. Онъ слишкомъ жилъ дорогими для него идеями, слишкомъ ненавидѣлъ хищническій строй лже-либеральной буржуазіи, слишкомъ сочувствовалъ тому, что въ Россіи работало надъ дѣломъ раскрѣпощенія страны, чтобы вездѣ совать свое авторское «я». Онъ былъ такъ добродушно скроменъ, что на

первыхъ же порахъ нашего знакомства, по поводу записки, написанной мнѣ, самъ шутливо замѣтилъ, что онъ всегда былъ «въ оппозиціи съ русской этимологіей», дѣлая маленькія ошибки въ мягкихъ знакахъ неопредѣленныхъ наклоненій и въ другихъ отступленіяхъ отъ общепринятаго правописанія.

За нѣсколько дней до его болѣзни (когда онъ простудился на публичной лекціи тогдашняго радикала-соціалиста Вермореля) за обѣдомъ въ ресторанѣ «Frères provençaux» (уже не существующимъ теперь) онъ былъ въ особенности въ ударѣ; и тогда я испыталъ самый сильный припадокъ обиды и горечи за то, что такой полный еще жизни, творчества и умственнаго блеска, такой великій возбудитель политическаго и соціальнаго самосознанія нашего отечества принужденъ былъ всетаки довольствоваться жизнью иностранца, не имѣющаго возможности жить и дѣйствовать у себя дома, принять непосредственное участіе въ томъ, что у насъ творится.

Болѣзнь (воспаленіе легкихъ) скрутила его въ нѣсколько дней. Діабетъ осложнилъ ее нарывомъ въ одномъ изъ легкихъ. Когда уже онъ заболѣлъ, пріѣхалъ на нѣсколько дней изъ Баденъ-Бадена его когда-то близкій пріятель И. С. Тургеневъ, и почему-то не захотѣлъ дождаться того дня, когда долженъ былъ произойти кризисъ, что̀ ему не помѣшало̀ въ это самое время присутствовать на казни знаменитаго злодѣя Тропмана, о которой онъ такъ талантливо разсказалъ русскимъ читателямъ. Нѣжная любовь къ Огареву, жившему въ то время въ Женевѣ, прорывалась до самыхъ послѣднихъ минутъ сознательнаго существованія Герцена, и онъ умеръ съ вопросомъ о томъ: получена ли депеша отъ Коли? Этотъ мотивъ я взялъ впослѣдствіи для своего разсказа «Послѣдняя депеша».

Огаревъ и Бакунинъ оставались его соратниками до конца его жизни; но къ Бакунину онъ не чувствовалъ такой глубокой дружеской привязанности, а подъ конецъ не былъ съ нимъ солидаренъ и во многихъ идеяхъ и въ тактикѣ революціонной пропаганды, при всей своей снисходительности, не могъ сочувствовать и разнымъ сторонамъ личнаго характера великаго русскаго анархиста.

Дружба у Герцена не могла никогда идти вразрѣзъ съ его исповѣданіемъ вѣры. Изъ московскихъ друзей, оставшихся въ живыхъ ко дню его смерти, онъ разошелся и съ Кетчеромъ, и съ Евг. Коршемъ, или, лучше сказать, они отошли отъ него, даже издали испуганные въ особенности тѣмъ, что писалось въ *Колоколѣ*. Съ двумя другими близкими пріятелями и единомышленниками—съ Тургеневымъ и Кавелинымъ—онъ долго продолжалъ переписку принципіальнаго характера. И съ тѣмъ, и съ другимъ эта переписка повела къ охлажденію; съ Тургеневымъ къ временному разрыву, а съ Кавелинымъ и къ полному. Кто прочитывалъ письма того и другого къ Герцену, вышедшія первоначально отдѣльной книжкой, въ Женевѣ, послѣ его смерти, конечно согласится, что изъ этихъ двухъ друзей для Кавелина разрывъ съ Герценомъ былъ самый тягостный: онъ нѣжно любилъ Герцена, горячо преклонялся предъ его талантомъ,

умомъ, высотой его принциповъ и вѣрностью имъ. А размолвка съ Тургеневымъ произошла на почвѣ спора между такимъ неисправимымъ почитателемъ западной культуры, какимъ былъ авторъ «Отцовъ и дѣтей», и грознымъ обличителемъ французскаго и всемірнаго мѣщанства. Изъ заграничныхъ политическихъ бойцовъ, сколько я знаю, Герценъ, въ годъ смерти, врядъ ли имѣлъ съ кѣмъ продолжительныя письменныя сношенія, не исключая и такихъ эмигрантовъ, какъ Ледрю Ролленъ и Луи-Бланъ, жившіе въ Лондонѣ. Тогдашняя радикальная пресса, еще очень слабая и малочисленная, проводила его въ могилу сочувственными замѣтками; но похороны Герцена прошли болѣе чѣмъ скромно, не вызвали никакой сенсаціи, никакого чествованія его памяти. Онъ и не желалъ пышныхъ проводовъ и рѣчей. Не помню, чтобы проститься съ нимъ на квартиру или на кладбище Père Lachaise явились крупные представители тогдашняго литературнаго и журнальнаго міра, чтобы произошло что-нибудь хотя и на одну десятую напоминающее прощальное торжество съ тѣломъ Тургенева въ Парижѣ, передъ увозомъ его въ Россію. Помнили его только пролетаріи и за скромной похоронной колесницей шло человѣкъ 100—150 рабочихъ.

Для насъ насталъ моментъ правдивой и сочувственной оцѣнки того, что представляетъ собою Герценъ, какъ великій иниціаторъ въ борьбѣ за политико-соціальное раскрѣпощеніе Россіи. Въ силу запрета, тяготѣвшаго надъ сочиненіями Герцена, у насъ не могла, въ послѣднія тридцать лѣтъ, явиться обширная литература, посвященная ему. До сихъ поръ она сводится только къ нѣсколькимъ брошюрамъ, статьямъ и монографіямъ. Молодыя поколѣнія мало его читали и дѣлались равнодушны къ его памяти. Но теперь наступаетъ періодъ не только настоящаго знакомства съ нимъ, какъ съ писателемъ и политическимъ дѣятелемъ, но и разносторонней, сочувственной оцѣнки, которую мы и находимъ уже въ этюдахъ, посвященныхъ Герцену, вплоть до послѣднихъ дней. Не только политическіе радикалы, но и соціалисты разныхъ фракцій приходятъ къ тому выводу, что въ лицѣ Герцена сошелъ въ могилу великій пробудитель освободительныхъ идей и въ политикѣ, и въ соціальныхъ вопросахъ.

Въ этюдѣ, написанномъ сторонникомъ соціально-демократической доктрины, мы читаемъ слѣдующія слова:

«Много поработало грамотныхъ людей на поприщѣ развитія и просвѣтленія общественнаго сознанія на Руси; но однимъ изъ самыхъ крупныхъ останется навсегда А. И. Герценъ, первый въ Россіи провозвѣстникъ идеаловъ *соціализма* и идеи классовой борьбы, первый теоретикъ народничества и первый реалистическій мыслитель».

Какіе же заключительные выводы—спрошу я моихъ слушателей—можемъ мы подвести въ нашей бесѣдѣ? А. И. Герценъ—не только великій русскій гражданинъ, писатель и иниціаторъ нашего раскрѣпощенія, но и гордость передъ старой Европой, гдѣ ни одинъ изъ его сверстниковъ не послужилъ такого дѣла свободѣ и общественной правдѣ, какъ авторъ книги

«Съ того берега», никто такъ пламенно не обличалъ хищничество и лжесвободолюбіе торжествующаго до сихъ поръ мѣщанства, способнаго всегда и вездѣ поддерживать власть имущихъ, только бы они гарантировали ему безпробудное и невозбранное пользованіе его экономической узурпаціей.

Мы видимъ, что нашъ самодержавно-полицейскій режимъ своими преслѣдованіями Герцена съ первыхъ его шаговъ, вмѣсто того, чтобы довести его до полнаго паденія душевныхъ силъ, напротивъ, точно по уговору, оказался главнымъ виновникомъ его славы и великаго общественнаго дѣла. Этотъ примѣръ можетъ служить бодрящимъ поощреніемъ всѣмъ тѣмъ молодымъ борцамъ за свободу и соціальную справедливость, которые способны приносить самыя тяжелыя жертвы въ дѣлѣ служенія своимъ идеаламъ. И для нихъ гнетъ и преслѣдованіе будутъ прекрасной школой, если только въ нихъ заложены задатки крупныхъ душевныхъ силъ.

Я скажу, въ заключеніе моей бесѣды, что поколѣнія, которымъ суждено еще долго жить на свѣтѣ, увидятъ то, что людямъ моего времени врядъ ли удастся увидѣть, т.-е., что свободная Россія воздвигнетъ памятникъ Герцену, всенародный памятникъ, въ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ, передъ тѣмъ университетомъ, откуда молодой москвичъ вышелъ съ лучшими упованіями людей его эпохи, а въ другой столицѣ, гдѣ будетъ, къ тому времени, красоваться новое зданіе палаты представителей, въ стѣнахъ его будетъ приготовлено мѣсто для бюста Герцена. И каждый депутатъ, изъ рабочихъ или крестьянъ, подойдя къ нему и вглядываясь въ благородныя и одушевленныя черты, скажетъ:

«Болѣе полвѣка назадъ онъ горячо желалъ торжества труду надъ хищничествомъ капитала и не переставалъ, до самой своей смерти, требовать для многомилліоннаго русскаго крестьянства того, о чемъ оно и теперь страстно мечтаетъ: земли и воли!»

П. Боборыкинъ.

Литературныя замѣтки.

Художественный театръ поставилъ «Бориса Годунова». Конечно, онъ потратилъ на это много ума и умѣнья и со свойственной ему детальностью развернулъ блестящую историческую панораму. Костюмы, ткани, внѣшность колоритныхъ фигуръ,—все это ласкало глаза и переносило въ далекую эпоху. Но большаго театръ не далъ; прекрасная и красочная оболочка осталась незаполненной человѣческимъ содержаніемъ, и вещи были лучше людей, а люди были какъ живыя вещи. То общее и вѣчное, что есть въ знаменитой пьесѣ, не проступало съ достойной яркостью. А, несомнѣнно, театръ былъ бы на высотѣ великаго автора только въ томъ случаѣ, если бы сквозь бытовыя и временныя формы онъ показалъ то постоянное психологическое ядро, которое имѣлъ въ виду всеуглубляющій Пушкинъ. «Годуновъ» какъ бы пропитанъ русской исторіей; поэтъ сконденсировалъ ее, любовно извлекъ изъ памятниковъ и преданій и геніально претворилъ въ живые образы. На самыхъ словахъ и ихъ расположеніи отпечатлѣлась родная старина, почилъ ея духъ; онъ таится въ самыхъ складкахъ пьесы, несмотря на ея шекспировскій складъ; онъ ее насыщаетъ, и она, дѣйствительно, Русью пахнетъ. Но частное стало у Пушкина общимъ, время—вѣчностью, и то человѣческое преступленіе, которое сохранилось на памяти исторіи, Пушкинъ изобразилъ не только какъ событіе русской жизни, но и какъ міровое явленіе совѣсти, которая всегда привлекала его художественное вниманіе. Потрясенная совѣсть Бориса,—вотъ на чемъ зиждется все произведеніе, и потому какъ разъ ее долженъ былъ бы въ театрѣ олицетворять собою Годуновъ, въ драмѣ совѣсти должна была бы заключаться его жизнь и его смерть. Исполнитель роли Бориса, г. Вишневскій, былъ необычайно далекъ отъ этой трагичности, и тусклое, невыразительное, неубѣдительное чтеніе, со странными логическими удареніями, оставляло зрителей холодными, и казалось, что холоденъ былъ самъ Годуновъ, что не вѣрилъ онъ собственнымъ словамъ. Боязнь позы и пафоса, стремленіе къ естественности и простотѣ, характерныя для Художественнаго театра, часто вырождаются на его сценѣ въ зрѣлище обыденности и низменности, и героя всегда дѣлаютъ тамъ ниже его роста. Такъ было и съ «Борисомъ Годуновымъ». Не предсталъ передъ

зрителями герой преступленія и страданія, будничной тѣнью прошелъ онъ по своей окровавленной тропѣ; даже знаменитый стихъ о шапкѣ Мономаха произнесъ онъ такъ, что не почувствовалась ея тяжесть, а для него, между тѣмъ, послѣдняя была двойной, потому что къ естественному бремени шапки просоединялось и то, что она была чужая и что она была снята съ головы убитаго младенца (вѣдь, въ извѣстномъ смыслѣ, и Борисъ былъ царемъ незаконнымъ, такъ что самозванецъ пошелъ противъ самозванца).

Вотъ полились эти дорогія слова: «еще одно, послѣднее сказанье», великая краса русской литературы, и звучали они обаятельнымъ голосомъ г. Качалова,—но и они въ его истолкованіи не произвели сильнаго впечатлѣнія. Онъ былъ театрально-красивъ, Пименъ, со своей львиной гривой, какой-то король Лиръ въ монашеской схимѣ,—но мудрость и благость его послѣдняго сказанья были не усилены, а ослаблены подмостками, всей этой пышной и навязчивой конкретностью театра; «Борисъ Годуновъ» вообще отъ лицедѣйскаго воплощенія не выигрываетъ. Истиннаго смысла той глубокомысленной сцены, которая разыгрывается въ кельѣ Чудова монастыря, театръ, столь чуждый кельѣ, не выразилъ. Думалъ ли, напримѣръ, кто-нибудь о томъ, дали ли артисты поводъ къ проникновенію въ то, что Пименъ въ прошломъ былъ Григорій, что онъ смотритъ на него какъ на свою молодость? Если не сотворитъ престарѣлый монахъ молитвы долгой къ ночи, его старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ (какъ трогательно!), и чудятся ему то шумные пиры, то ратный станъ, то схватки боевыя, безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ. И онъ знаетъ, что такое «женская лукавая любовь»,—онъ долго жилъ и многимъ насладился. Не безгрѣшный сонъ Пимена и грѣшная явь Григорія, это—явленія одного порядка. И Пименъ, и Григорій—тѣ самые претенденты на престолъ, которые столь излюблены въ творчествѣ Ибсена. Правда, этотъ моментъ у Пушкина не разработанъ, и Григорій больше выступаетъ какъ мститель Борису, какъ воздаятель цареубійства, чѣмъ какъ самостоятельный искатель престола; но его нравственная сущность несомнѣнно та, что, независимо отъ всякихъ замысловъ быть мірскимъ судьей Бориса, его манитъ сіяніе царской короны. «Бѣдный черноризецъ, монашеской неволею скучая, подъ клобукомъ свой замыселъ отважный обдумалъ», и вотъ изъ кельи онъ взошелъ на тронъ. Свой внутренній цезаризмъ, присущій каждой сильной личности, онъ развилъ, осуществилъ; достигъ онъ высшей власти, какъ и третій претендентъ на корону, Борисъ Годуновъ. Одинъ только Пименъ сумѣлъ свой престолъ воздвигнуть въ кельѣ, «въ сосѣдствѣ Бога»; свою верховную и властолюбивую надежду, свою мечту, онъ претворилъ въ молитву, остановилъ безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ, и сдѣлался лѣтописцемъ, не царемъ, а свидѣтелемъ о царяхъ. И вотъ онъ сидитъ передъ лампадой и пишетъ,—его святая грамотность!... Она дала ему вторую жизнь, безсмертіе на землѣ: «на старости я сызнова живу, минувшее проходитъ предо мною». Историкъ воскрешаетъ и воскресаетъ.

Съ другой стороны, Григорій по существу—будущій Пименъ. Теперь, въ молодости, онъ хотѣлъ бы тѣшиться въ бояхъ, пировать за царскою трапезой,—но потомъ онъ успѣлъ бы «на старости лѣтъ отъ суеты, отъ міра отложиться, произнести монашества обѣтъ и въ тихую обитель затвориться». Такъ бы это и было, если бы тяготѣніе къ первенству и престолу не закружило его въ своемъ вихрѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ сродпился съ мечтой о коронѣ, и недаромъ патріархъ удивленно повторяетъ его слова: «буду царемъ на Москвѣ». Поэтому совершенно неправъ г. Москвинъ, когда онъ изображаетъ лже-Димитрія какимъ-то растерянпымъ, недоумѣвающимъ, точно все съ нимъ случившееся, вся его неожиданная царственность,—нѣкій сонъ, который съ минуты на минуту можетъ оборваться, и опять будетъ келья, молитвы, колокольный перезвонъ. Для такой интерпретаціи нѣтъ основаній, потому что самозванецъ—настоящій, дѣйствительный царь; онъ не лже-Димитрій, а Димитрій, онъ полетомъ своей мечты, силой своей воли сдѣлалъ себя достойнымъ тронныхъ ступеней. Онъ не обманщикъ, онъ самъ повѣрилъ своей дерзкой выдумкѣ, и самозванный сталъ званнымъ. Онъ не робокъ, не слабъ,—онъ быстро входитъ въ свою новую роль, потому что мысленно игралъ ее давно и надѣвалъ на себя корону еще тогда, когда подавалъ костыль старому Пимену. Онъ—«воръ», похититель имени, «а молодецъ». И характеризуетъ его Аѳанасій Пушкинъ: «онъ умепъ, привѣтливъ, ловокъ, по нраву всѣмъ».

Вообще, г. Москвинъ, опять-таки вѣрный не пушкинскому смыслу и пушкинскому тексту, а традиціи Художественнаго театра во имя внѣшняго реализма принижаетъ дѣйствительный героизмъ и низводитъ его на человѣческую плоскость,—г. Москвинъ ничего царственнаго, краснваго и мощнаго въ Григоріи не показалъ; напримѣръ, знаменитыя слова «тѣнь Грознаго меня усыновила» онъ произнесъ вовсе не «гордо», какъ это предложено въ достаточно авторитетной, казалось бы, ремаркѣ Пушкина, а блѣдно, уныло, раздумчиво. Погодинъ же, разсказывая о впечатлѣніи, какое испытывали всѣ, слушая чтеніе «Годунова» самимъ авторомъ, говоритъ, что взрывъ рукоплесканій вызвали эти горделивыя слова. Да и вся сцена у фонтана, дивный поединокъ мужчины и женщины, была, въ изображеніи г-жи Германовой и г. Москвина, лишена своей поэтичности и высшаго разума. Ея не проникала та мысль Пушкина, что Самозванецъ потерпѣлъ глубокую кару, внутреннее возмездіе: за свою ложь онъ встрѣтилъ и ложную любовь, обманное чувство,—обманъ за обманъ! Марина любила не его, а его мнимое имя, и онъ долженъ былъ бы «дѣлиться съ мертвецомъ любовницей, ему принадлежащей». Нельзя безнаказанно мѣнять свое имя, ибо къ нему мистически присоединена и самая судьба наша; всякое переименованіе—самозванство, и оно влечетъ за собою трагическую путаницу и смѣшеніе сердецъ. Кромѣ того, наказанъ Самозванецъ и за то еще, что Марина и самборскій замокъ Мнишка были его Капуей и прервалъ онъ свою борьбу за царственную власть, своей судь-

бы заботы и тревоги. Марина затмила для него блескъ трона, сдѣлала его равнодушнымъ къ коронѣ, и въ этомъ—грѣхъ претендента на престолъ, какъ и Мазепы, который тоже раскаивался, что впрягъ въ одну телѣгу коня и трепетную лань, что призвалъ къ себѣ жену.

Ни г. Вишневскій, ни г. Москвинъ своей игрой не породили въ зрителяхъ того настроенія, той мысли, что въ лицѣ Самозванца явилось Борису его прошлое, которое вообще никогда не проходитъ. Пустое имя, тѣнь можетъ сорвать порфиру, если въ это имя, «какъ въ ризу украденную», облекается преступное прошлое. «Димитрій живъ», потому что живо прошлое, жива совѣсть. Неспокойная, она сдѣлала изъ дочери Годунова «въ невѣстахъ ужъ печальную вдовицу», не успокоила его среди мірскихъ печалей и огненными буквами зажгла передъ нимъ Димитрія воскреснувшее имя. Но изъ игры г. Вишневскаго не видно было, что къ Борису вышли мертвые изъ гроба для страшнаго допроса, и совсѣмъ нельзя было предполагать, что ему тринадцать лѣтъ сряду все снилося убитое дитя. Изъ игры же г. Москвина не видно было, что Самозванецъ былъ объективированной совѣстью Годунова, что терзался послѣдній своимъ преступленьемъ и оттого хотѣлъ въ сынѣ укрѣпить свое неправое стяжанье.

Отмѣтимъ еще, что г. Лужскій создалъ вполнѣ допустимый, значительный образъ Шуйскаго, лукаваго царедворца.

Въ общемъ, къ Пушкину Художественный театръ ничего не прибавилъ, Пушкина не усилилъ, и не уяснилъ, и благородная красота его безсмертныхъ стиховъ была не центромъ спектакля,—не въ Пушкинѣ было дѣло...

Появились составленные г. Н. Денисюкомъ два сборника критической литературы о гр. А. К. Толстомъ и, отдѣльно, біографія его, написанная тѣмъ же авторомъ. Все это сдѣлано очень неудовлетворительно. Критическія статьи подобраны далеко не полно, случайно, произвольно. Г. Денисюкъ сообщаетъ въ предисловіи, что онъ перепечаталъ тѣ отзывы о Толстомъ, которые «заслуживаютъ вниманія современнаго читателя и представляютъ литературную цѣнность съ объективной точки зрѣнія». Но такъ какъ критеріемъ объективности явилась субъективность г. Денисюка, то... то ничего хорошаго и не вышло. Подобные сборники имѣютъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если имъ присущи систематичность и полнота, т.-е. какъ разъ то, чего недостаетъ легкомысленнымъ книжкамъ нашего составителя.

Біографія А. Толстого представляетъ еще болѣе печальное зрѣлище. Нѣсколько фактическихъ крупинокъ разбавлено въ огромномъ количествѣ словесной воды, и въ ней тонетъ прежде всего самъ Толстой. Начинаетъ г. Денисюкъ съ «первыхъ шаговъ русской литературы»,—не торопится. И удручаетъ эта масса лишняго, которую нагромоздилъ обстоятельный авторъ. Пишетъ онъ очень развязно, обнаруживаетъ вниманіе къ самому себѣ. Такъ, на стр. 50 онъ сообщаетъ намъ: «Между нами будь сказано, я не высокаго мнѣнія о состояніи нравственности въ современномъ обществѣ,

но не вижу, чтобы она процвѣтала и въ тѣ времена, когда у насъ не было Николаевской желѣзной дороги, когда пароходы не бороздили Волгу, когда барышни не прибѣгали къ прогулкамъ на велосипедѣ, какъ вѣрному средству выйти замужъ». Иногда неожиданны переходы, и показана внутренняя связь между событіями, которыхъ до сихъ поръ никто не связывалъ, на стр. 7 мы читаемъ: «Царственная ученица и другъ энциклопедистовъ велѣла придворнымъ лакеямъ снести бюстъ Вольтера въ подвалъ. *Вслѣдъ за этимъ* (курсивъ нашъ) начинается Наполеоновская война и 1812 г.». Литература 60-хъ годовъ, по образному выраженію г. Денисюка, «безцеремонно хлопаетъ по животу барскія идеи и по лысинѣ—«преданья старины глубокой»; она гогочетъ и забрасываетъ мочеными яблоками своего сарказма всѣхъ, кто не согласенъ съ нею» (стр. 20). Въ такомъ стилѣ и тонѣ написана вся книжка. Для характеристики литературныхъ вкусовъ автора достаточно сказать, что «Князя Серебрянаго» онъ ставитъ на-ряду съ «Войной и миромъ»; вотъ его буквальныя слова: «На-ряду съ «Войной и миромъ», «Князь Серебряный» можетъ считаться лучшимъ, что написано у насъ въ области историческаго романа» (стр. 83).

Но если такъ слабы произведенія г. Денисюка, то все же, повидимому, онъ искренне интересуется поэзіей Толстого, любитъ ее. Вообще, она популярна въ нашемъ обществѣ. Можетъ быть, читатели не посѣтуютъ, если и мы, по поводу брошюръ г. Денисюка, скажемъ о ней нѣсколько словъ.

Алексѣй Толстой, какъ Іоаннъ Дамаскинъ, герой его поэмы, былъ несомнѣнно искренній иконодулъ искусства, и наиболѣе ненавистны и непонятны были для него иконоборцы, «иконъ истребители», самодовольные въ своей матеріалистической трезвости. Безъ иконъ красоты, безъ этого краснаго угла эстетики не мила ему была самая храмина жизни. Міръ предстоялъ ему какъ художественное произведеніе, которое чуткіе поэты и музыканты выявляютъ, подобно тому какъ «надъ пламенемъ грамоты тайной безцвѣтныя строки вдругъ выступаютъ». Міръ талантливъ. Онъ звучитъ музыкой, переливается красками, въ немъ рѣютъ слова, и это онъ нашептываетъ темы для земныхъ творцовъ. Когда Бетховенъ слагалъ свой маршъ похоронный, онъ не изъ себя бралъ «этотъ рядъ раздирающихъ сердце аккордовъ, плачъ неутѣшной души надъ погибшей великою мыслью, рушенье свѣтлыхъ міровъ въ безнадежную бездну хаоса»,—

> Нѣтъ, эти звуки рыдали всегда въ безпредѣльномъ пространствѣ,
> Онъ же, глухой для земли, неземныя подслушалъ рыданья.
> Много въ пространствѣ невидимыхъ формъ и неслышимыхъ звуковъ,
> Много чудесныхъ въ немъ есть сочетаній и слова и свѣта.

Если такъ, то въ искусствѣ—истина, и красота не украшеніе, а самая сущность бытія, его имманентная природа; если такъ, икона, образъ, это—благодатная необходимость, которой всякій разъ и поклоняется «нашъ міръ удивленный». Толстой больше всего симпатиченъ этой способностью

удивленія передъ міровой и человѣческой иконой, въ особенности если она—старинная, издавна чтимая, если она напоминаетъ благородные выцвѣтшіе тона гобелена, какъ прекрасныя терцины его «Дракона».

Но онъ какъ-то слишкомъ помнилъ о себѣ, что былъ пѣвцомъ, «державшимъ стягъ во имя красоты», говорилъ это не разъ, и кромѣ того, самъ онъ былъ иконописецъ не изъ первыхъ и великихъ. Скоро замѣчаешь рамки его ограниченнаго дарованія; часто его стихи отравлены вялой прозой и разсудочностью; еще чаще онъ выступаетъ какъ поэтъ эффекта, какъ любитель бенгальскихъ огней. Онъ не мастеръ, не учитель,—онъ никогда не поднимался надъ уровнемъ ученика. Ближе ему отзвуки, чѣмъ звуки, и больше слѣдуетъ онъ за чужимъ вдохновеніемъ. Какой-то посредникъ стоитъ упорно между нимъ и самою поэзіей и дѣлаетъ изъ его произведеній нѣчто воспроизведенное. Онъ вториченъ. И большинство его страницъ, тамъ особенно, гдѣ онъ не отдается лирикѣ, написаны на тему.

Именно потому, что онъ не отличался такою силой поэтическаго порыва, которая претворяла бы въ одно сліянное, нераздѣльное цѣлое, въ одну пушкинскую гармонію, «всѣ міра явленья, вблизи и вдали»,—онъ слишкомъ отчетливо, или, употребляя его любимое выраженіе, слишкомъ «отчетисто», видѣлъ ту историческую межу, которая отдѣляетъ близкое отъ далекаго, настоящее отъ прошлаго, Россію отъ Руси. Для него важное, первенствующее значеніе пріобрѣли несущественныя мѣрила временъ и пространствъ, и онъ изъ древности сдѣлалъ особую икону,—нѣтъ, онъ даже часто дѣлалъ изъ нея лубокъ. Онъ вообще болѣе обращенъ къ старому, чѣмъ къ становящемуся. Но въ поэзіи тотъ лишь можетъ быть археологомъ, кто не имѣетъ глубины и синтеза, кто жизнь міра не усвоилъ себѣ какъ вѣчное настоящее и вѣчную близость. Историкъ не поэтъ. Интересъ къ внѣшнему, даже къ человѣческой одеждѣ, ко всѣмъ этимъ людямъ, облаченнымъ въ *корзно*, въ *мурмолку червленую*, весь этотъ маскарадъ національнизма, на которомъ такъ долго пребывалъ Толстой, является лишь показателемъ его нецѣльности, изобличаетъ въ немъ отсутствіе художественнаго обобщенія. Пусть любовно воспринялъ онъ старину и радостно окунулся въ студеныя волны самобытной русской рѣчи, пусть восхищается онъ, какъ отъ перезвона соборныхъ колоколовъ «Москва превратилась въ необъятную гармонику»,—но ему не удалось изо всего этого сдѣлать нѣчто такое, что возвышалось бы надъ простой бутафоріей. Онъ самъ съ удовольствіемъ присутствуетъ на пиру Грознаго въ «Князѣ Серебряномъ». Про него хорошо сказалъ Чеховъ, что онъ нарядился въ оперный костюмъ и такъ и забылъ снять его по выходѣ изъ театра. Получилась явная искусственность и поверхностная стилизація, и Толстой не сумѣлъ даже выдержать стариннаго стиля, который онъ себѣ пріобрѣлъ, но котораго не связалъ органически со своей душой; «изъ былиннаго тона онъ вышелъ давно», и часто въ его гусляриый звонъ диссонансомъ врывается какое-нибудь современное слово или оборотъ; или онъ, и въ серьезъ, и въ шутку, слишкомъ новыя, сегодняшнія мысли облекаетъ въ

старыя, церковно-славянскія реченія. Но главное крушеніе, которое потерпѣлъ въ своей идеализаціи русскаго быта нашъ поэтъ-реставраторъ, заключается въ томъ, что отъ его звонкихъ страницъ не вѣетъ именно русскимъ. Онъ упустилъ изъ виду, что родное, доведенное до краевъ, утрированное, производитъ впечатлѣніе чужого. Націоналистъ похожъ на иноземца: такъ Немезида міровой цѣлости караетъ за исключительность. Къ счастью только, Толстой археологіи не сдѣлалъ почтенной,—его спасъ существенный для него юморъ, который нерѣдко и вноситъ свое живое дыханіе въ отжившія рѣчи и картины. Во многихъ отношеніяхъ церковно-славянскій, онъ умѣетъ однако воскликнуть, устами корсунцевъ:

Настала, какъ есть, христіанамъ бѣда:
Пріѣхалъ Владиміръ креститься!...

И онъ же, въ прекрасныхъ по своей строгости и силѣ строфахъ, отъ лица бывшихъ поклонниковъ Ругевита разсказываетъ, какъ отказались они отъ своего «дубоваго бога». Вообще, онъ поклонялся только тому богу, въ которомъ не было мертвенности; онъ исполненъ былъ духа свободы, ею дорожилъ и, хотя онъ и смѣялся надъ новыми теченіями русской общественности, хотя въ немъ былъ силенъ бояринъ и ему казалось, что самыя звѣзды говорили Грозному: не бывать на землѣ безбоярщинѣ,—но это не дѣлало его гасителемъ духа, не убивало въ немъ рыцаря, и для него не фразой только, а глубокимъ убѣжденіемъ было, что «надъ вольной мыслью Богу неугодны насиліе и гнетъ».

Частный моментъ стариннаго или русскаго, взятый въ своей обособленности, не углубленный до какой-нибудь общей категоріи существованія, сказывается и въ томъ, что нашъ поэтъ легко совершаетъ переходъ отъ природы къ исторіи и даже отъ природы къ политикѣ. Малороссія, это для него тотъ край, гдѣ все обильемъ дышитъ, гдѣ рѣки льются чище серебра—и гдѣ съ Русью бились ляхи, гдѣ пролито много крови славной въ честь древнихъ правъ и вѣры православной. Онъ начинаетъ съ этого прелестнаго привѣта:

Колокольчики мои,
Цвѣтики степные!
Что глядите на меня,
Темно голубые?
И о чемъ звените вы
Въ день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?,—

но сейчасъ же оказывается, что это—аллегорія, что онъ имѣетъ въ виду не цвѣты, а царства, что мчится онъ на конѣ славянскомъ и туда, гдѣ «ковшей славянскихъ звукъ нѣмцамъ не по сердцу». И потому въ его трагедіяхъ тоже больше исторіи, чѣмъ психологіи; временныя событія не показаны въ своемъ вѣчномъ смыслѣ и общечеловѣческой значительности. Страницы русской лѣтописи подъ рукою Толстого не стали всеобщими.

Дробность вдохновенія, отсутствіе душевнаго синтеза, внутренняя нецѣльность характерно проявляются и въ другихъ сторонахъ его поэзіи. Прежде всего онъ самъ сознавалъ эту свою частичность, но только считалъ ее не своимъ личнымъ недостаткомъ, а участью всѣхъ людей, и если прислушаться къ его стихамъ, то станетъ явственной ихъ несмолкающая жалоба на то, что мы не можемъ объединить «отдѣльно взятыя черты всецѣльно дышащей природы», что «любимъ мы любовью раздробленной и ничего мы вмѣстѣ не сольемъ», что «всесторонность бытія» и «неисчерпаемость явленья» далеки отъ насъ, фатально односторонникъ. Божество «едино, цѣльно, недѣлимо»,—а мы тоскуемъ по аккордѣ, мы хотѣли бы слить въ созвучіе враждующіе звуки, собрать въ одинъ фокусъ, въ одно человѣческое солнце и сердце всѣ разрозненные лучи существованія. Его удручаетъ раздробленность нашей любви, ея «порознь», вѣчная несліянность. Единство какъ идеалъ восполняетъ въ его мечтахъ ту множественность, которую онъ чувствуетъ въ себѣ непосредственно,—«согласить я силюсь, что̀ несогласимо».

Онъ знаетъ, что Господь не сотворилъ его непреклоннымъ и суровымъ, не далъ ему законченности, но здѣсь и прекращается его сознаніе,—дальше идетъ уже та его незаконченность, которую видятъ лишь его читатели, та невыявленность и невыясненность «сонной души», которая незамѣтна для самого художника. Онъ не цѣлый поэтъ, не весь онъ поэтъ. Онъ самъ говоритъ въ одномъ стихотвореніи, что въ глубинѣ его сердца таится много непѣтыхъ пѣсней, что изъ этой глубины идетъ шепчущій голосъ какъ ропотъ струй,—но заглушается шепотъ сердца шумомъ жизни, подобнымъ вихрю, ломающему боръ. Такъ боролись въ немъ два шума и отнимали у него полноту поэтичности. Можно убѣдиться въ этомъ даже на томъ внѣшнемъ, но серьезномъ фактѣ, что въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ онъ злоупотребляетъ сравненіями, плодомъ разсудочности. У него—непріятная законченность сравненій, онъ слишкомъ заботливо и тщательно подыскиваетъ параллели, и когда онъ найдетъ послѣднюю черту сходства между физическимъ и духовнымъ, между явленіемъ сердца и явленіемъ природы, когда онъ, по своему обыкновенію, привяжетъ свою эмоцію къ какой-нибудь внѣшней идеѣ, тогда, довольный этой налаженной симметріей, онъ успокаивается и ставитъ точку. Напримѣръ, развѣ поэтично, непосредственно, а не умно только слѣдующее сравненіе:

Обычной полная печали,
Ты входишь въ этотъ бѣдный домъ,
Который ядра осыпали
Недавно пламеннымъ дождемъ.
Но юный плющъ, вiясь вкругъ зданья,
Покрылъ слѣды вражды и зла—
Ужель еще твои страданія
Моя любовь не обвила?

Или для того, чтобы написать излюбленный имъ образъ кроткой, печальной, не сопротивляющейся женщины, онъ уподобляетъ ее листку, сизому дыму на жнивѣ, цвѣтамъ яблони, лощинкѣ, затѣненной горами,—

И какъ съ вершинъ бѣжитъ въ нее (въ эту лощинку)
Снѣговъ растаявшая груда,
Такъ въ сердце бѣдное твое
Стекаетъ горе отовсюда.

На этомъ стихотвореніе кончается; но не кончилась ли на этомъ и самая эмоція, — съ совершеннымъ сравненіемъ не завершилось ли и чувство?...

У Толстого, нецѣльнаго дарованіемъ и душою, вы замѣчаете двойственность и въ томъ отношеніи, что онъ могъ бы о себѣ произнести слова изъ своего «Донъ-Жуана»:

Любовь и грусть, печаль и радость
Всегда межуются во мнѣ.

Онъ дѣлитъ веселье съ грустью пополамъ, уныніе съ отвагой, онъ восклицаетъ: весело и горестно сердцу моему; онъ видитъ печальныя очи, но слышитъ веселую рѣчь.

Въ самомъ теченіи и ритмѣ стиховъ дышитъ у него радость жизни, и часто внутреннимъ зрѣніемъ видишь на его лицѣ веселую, шутливую, порою—насмѣшливую улыбку. Иной разъ льется черезъ край страстное, взволнованное и волнующее чувство. Хочется вздохнуть всей грудью, хочется крикнуть,—нужны междометія, звуки безъ понятій, одинъ припѣвъ:

Гой, ты, родина моя!
Гой, ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья!
Вѣтеръ, степь, да тучи!

«Почуяло сердце, что жизнь хороша», и потому

Сердце скачетъ лихо:
Ой, ладо, лель-люли!

У него есть, у Толстого, неудержимый восторгъ передъ счастьемъ бытія, передъ радостью дыханія, и прямо изъ души выливается эта свѣтлая волна ранней весны, этотъ вѣчно-свѣжій, неумолкающій звукъ русской поэзіи:

То было въ утро нашихъ лѣтъ—
О, счастіе! о, слезы!
О, лѣсъ! о, жизнь! о, солнца свѣтъ!
О, свѣжій духъ березы!

Онъ вообще—поэтъ весны; такъ сказать, несомнѣнная, очевидная, всѣмъ нравящаяся, она, приспособленная къ общечеловѣческому вкусу, является и его любимымъ временемъ года, «зеленѣетъ въ его сердцѣ». Правда, отдѣльными мотивами есть у него и пѣснь объ осени, о которой онъ такъ прекрасно говоритъ, что она наступаетъ, когда «землей пережита пора рос-

кошныхъ силъ и мощныхъ трепетаній, стремленья улеглись»,—но не эта «послѣдняя теплота» природы влечетъ его преимущественное вниманіе. Нѣтъ, майское, счастливое, ласковое — вотъ что звенитъ у него въ стихахъ ликующими ручейками, и кого не возбудитъ эта божественная игра, которая разыгрывается въ свѣжемъ, въ зеленомъ, въ лѣсу молодомъ, гдѣ синѣетъ медуница, гдѣ черемуха гнетъ свои пушистыя вѣтви?

Теперь въ вѣтвяхъ березы
Поютъ и соловьи,
Въ лучахъ поютъ стрекозы,
Въ поляхъ поютъ ручьи,
И много въ небѣ рѣя
Поетъ пернатыхъ стай—
Всѣхъ мѣсяцевъ звончѣе
Веселый мѣсяцъ май!

Отъ этой звонкости «сердце млѣетъ и кружится голова», и недаромъ Канутъ, ослѣпленный природой, обманутый коварной, усыпляющей властью весны съ ея шиповниками и соловьями, не чуялъ близкой погибели, бѣды неминучей,—напрасно предостерегала его любящая супруга, напрасно взывала она къ нему: «любимый, желанный, болѣзный»...

Но земная весна съ ея васильками и синими кувшинчиками, весь этотъ веселый мѣсяцъ май не удовлетворяютъ поэта и ощущаются имъ, какъ нѣкая часть, которой онъ не въ силахъ слить съ цѣлымъ. Подавленный своей дробностью и разрозненностью, Толстой всегда чувствуетъ отдѣльно землю и отдѣльно небо; у него есть сосѣдство двухъ міровъ, но не ихъ тожество, на которое способна только душа синтетически-претворяющая. Вселенная распадается для него на два полушарія,—не слито, не достигнуто великое Одно. И потому онъ часто въ разныхъ формахъ говоритъ о томъ, что душа его влекома въ безпредѣльное, чуетъ незримое, но что онъ въ то же время не чуждъ и здѣшней жизни,—она лишь не кажется ему «окончательной цѣлью». Ибо цѣль въ цѣльности.

Гляжу съ любовію на землю,
Но выше просится душа,—

вотъ искреннее признаніе Толстого. Онъ любитъ землю, но возносится надъ нею, и въ своей лирикѣ онъ запечатлѣлъ отрадную, быть можетъ, отъ другихъ унаслѣдованную, отчасти на вѣру принятую вѣру, что земное не есть начало и не есть завершеніе жизни. Въ его поэзіи таятся и воспоминанія о сверхчувственномъ, и надежды на него. Онъ смотритъ на жизнь, и ему кажется, что

Все это ужъ было когда-то,—
Но только не помню когда.

Душа, какъ у Платона, вспоминаетъ пѣсни, которыя уже звучали нѣкогда, которыя и теперь безмолвно живутъ въ ней, и можетъ быть лучшіе

псалмы каждаго, это — «мои непѣтые псалмы»; каждый, подобно Іоанну Дамаскину, внемлетъ «внутреннимъ звукамъ» своего сердца. Всѣ міровые звуки—отзвуки прошлаго. Но есть и будущее; и вѣритъ поэтъ, что всѣ наши слова сольются въ Слово, откуда они истекли, что всѣ наши отдѣльныя любви сольются въ одну Любовь, широкую, какъ море, что̀ не вмѣстятъ земные берега. И вотъ, Эросъ, тоска по вѣчности, которой Толстой, въ противоположность Пушкину, не сумѣлъ постигнуть здѣсь, на землѣ, въ берегахъ времени,—это желаніе горняго и породило въ нашемъ художникѣ его печаль, затуманило его майскую радость, вдохнуло въ нее сладостную мелодію грусти. Вотъ почему и весело, и горестно его сердцу; вотъ почему вылѣчится острою сѣкирой раненная береза, но не залѣчитъ раны это больное сердце,—вѣчная рана жизни, неисцѣлимая человѣческая боль!...

Тотъ, кто вдохновенными устами пѣвца-монаха благословляетъ и въ полѣ каждую былинку, и въ небѣ каждую звѣзду, кто сливается душою съ мірозданіемъ, тотъ воспринимаетъ отъ него, отъ его полей и небесъ, отъ его былинокъ и звѣздъ, не только ихъ радость, но и всю ихъ печаль; и вступая въ міръ, видитъ передъ собою дитя-Христосъ Голгоѳу,—и свою, и всей земли. Конечно, было бы преувеличеніемъ сказать про Толстого, что онъ глубоко сопричастенъ этому пантеизму страданія и сострадания; конечно, часто его слезы просто—отъ счастья; но безспорно, что ему близки и дороги были мотивы умиленія и какой-то универсальной любви, привѣта всѣмъ: «и кто меня слушалъ, привѣтъ мой тому, и тѣмъ, кто не слушалъ, мой также привѣтъ». Недаромъ въ его трагедіяхъ единственный образъ, который поднимается надъ исторіей къ вѣчному, надъ русскимъ къ общечеловѣческому, это—образъ кротости и благоволенія, воплощаемый царемъ Ѳеодоромъ. Недаромъ у него выступаетъ женщина, которой самый воздухъ, самая жизнь кажутся «стяжаніемъ неправымъ». И когда начинается осень и осыпается весь нашъ бѣдный садъ, Толстой хочетъ заслонить отъ осени любимую женщину, вѣроятно, эту самую женщину; онъ нѣжно грѣетъ и жметъ ея руки, онъ смотритъ ей въ глаза, онъ молча льетъ свои поэтическія слезы. Кто такъ расположенъ къ людямъ и всему живущему, тотъ не можетъ отрѣшиться отъ печали; и ею же проникнуто стремленіе къ «міру незримому».

Итакъ, это сочетаніе майской радости и печали, эта мелодичная игра на «натянутыхъ струнахъ между небомъ и землей» и придаетъ лирикѣ Толстого нѣжную ласковость, тонкую элегичность, звуки благодарности къ Богу, природѣ, женщинѣ. Если бы онъ не уходилъ отъ своего лиризма такъ далеко, въ эту костюмированную старину, въ эту красивость, онъ былъ бы гораздо цѣннѣе, чѣмъ теперь; если бы онъ остался авторомъ нѣсколькихъ лирическихъ стихотвореній, было бы для него лучше. Тѣмъ богаче сталъ бы Толстой, чѣмъ больше отбросилъ бы онъ своихъ аксамитовъ и чаръ сердоликовыхъ и еще сквозныхъ тканей своей театральной грѣшницы...

Есть, однако, у него сфера, гдѣ сливаются обѣ грани его роковой двойственности, гдѣ дѣйствуетъ сила еще не осуществленнаго, но близкаго синтеза: это—область, въ которой сходятся явь и сновидѣніе, реальность и выдумка. «Межъ сномъ и бдѣньемъ кратокъ промежутокъ», и въ теченіе его міръ перестраивается,—и какъ отличить, что̀ въ немъ правда и что видѣніе? Это девять волковъ или девять вѣдьмъ идетъ ночью по деревнѣ? Слышится ли въ самомъ дѣлѣ пѣсня надъ омутомъ, гдѣ гнутся лозы? Наступаетъ ли просто вечеръ, обыкновенный вечеръ безъ тайны, или въ ступѣ поѣхала баба-яга и въ Днѣпрѣ заплескались русалки? Вы можете принять то или другое; незамѣтно переходитъ дѣйствительность въ грезу, и любитъ поэтъ играть съ сверхъестественнымъ,—напримѣръ, показывать, какъ въ «Упырѣ», безсмертіе человѣческаго жилища, вѣчную обитель души, или эту невѣсту, покинутую женихомъ, но все ожидающую его—на портретѣ, который остался послѣ нея. Смѣна дневной естественности и ночныхъ чудесъ такъ хорошо выражена въ «Портретѣ», гдѣ школьный день мальчика завершается ночью пробудившейся любви, гдѣ подъ одною кровлей живутъ будни и волшебство. Нравственная весна коснулась мальчика—то время, «когда для насъ мучителенъ и сладокъ бываетъ платья шелковаго шумъ». Тогда мы переживаемъ еще только «трепетъ чувствъ», и цвѣтетъ въ насъ «душистый цвѣтъ, плодомъ незамѣняемъ» (поэтъ весны, Толстой не разъ высказываетъ свое равнодушіе къ плоду, и когда деревцо миндальное все цвѣтами убирается, въ сердцѣ его думушка печальная невольно зарождается—о томъ, что облетятъ цвѣты и «плодъ непрошенный» заставитъ дерево страдать, наклонитъ его до земли своею горькой ношею). Влюбился мальчикъ, весенній мальчикъ въ портретъ молодой женщины, и была она, въ духѣ Толстого, соткана изъ веселья и грусти: лукавыя уста, на зло глазамъ, исполненнымъ печали, свои края чуть-чуть приподымали.

Грудь украшалъ ей розовый букетъ,
Напудренный на плечи падалъ локонъ,
И полный розъ передникъ изъ тафты
За кончики несли ея персты.

Быть можетъ—наяву, быть можетъ—во снѣ, пришелъ мальчикъ ночью въ залу на свиданіе съ портретомъ и силой своего чувства отрѣшилъ красавицу отъ полотна. Она сошла къ нему на паркетъ пустынной залы, она танцовала съ нимъ менуэтъ, и потомъ она поцѣловала его и съ лаской нѣжной его къ груди прижала бѣлоснѣжной. Онъ упалъ въ обморокъ,—мальчикъ, уже переставшій быть мальчикомъ. Когда на слѣдующее утро въ этой самой залѣ онъ пришелъ въ себя, въ его рукѣ была поблекшая роза. Откуда она? Изъ тѣхъ ли розъ, которыя держала въ своемъ передникѣ молодая красавица? Если такъ, то это—чудо. Но, можетъ быть, разгадка въ томъ, что юный мечтатель любилъ подолгу вдыхать благоуханье цвѣтовъ, которые стояли въ разныхъ залахъ, и ему случалось

иногда пробуждаться отъ своихъ грезъ съ цвѣткомъ въ рукѣ? Каждый по-своему отвѣтитъ на это, выберетъ чудо или фактъ,—Толстой даетъ возможность выбора. Но одно несомнѣнно для всѣхъ: самъ Толстой свою первую любовь отдалъ красотѣ, красотѣ картины. Когда мальчикомъ вошелъ онъ въ залу, ему почудилось дуновенье какой-то свѣжести, запахъ розъ, приближеніе чудеснаго. Эта свѣжесть, вѣявшая отъ картины, не могла сохраниться надолго. Къ розамъ живымъ пришелъ Толстой отъ розъ нарисованныхъ, искусству пріобщился онъ подъ вліяніемъ искусства чужого и сталъ тогда «художества оградой». Собственныхъ розъ достало лишь на нѣсколько чудныхъ лирическихъ стихотвореній.

Ю. Айхенвальдъ.

Конституціонныя силы Россіи.

I.

Дня за три до перваго ноября петербургскій градоначальникъ расклеилъ по всѣмъ улицамъ столицы грозныя объявленія о запрещеніи въ виду собранія Государственной Думы всякихъ уличныхъ скопищъ и манифестацій. Противъ манифестантовъ сосредоточены были огромныя военныя силы и помимо того г. градоначальникъ грозилъ всѣмъ гражданамъ, которые бы вздумали проявлять по случаю созыва Думы свою патріотическую радость или революціонную скорбь, трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ или трехтысячнымъ штрафомъ. Эти широкія бѣлыя объявленія г. градоначальника и по сей день (начало ноября) украшаютъ петербургскія улицы. И по сей день можно иногда наблюдать, какъ скучающій обыватель, у котораго нѣтъ недостатка въ свободномъ времени, подходитъ къ такому объявленію и внимательно прочитываетъ его отъ первой до послѣдней буквы. Какія мысли шевелятся въ это время въ головѣ русскаго обывателя? Богъ знаетъ! Этотъ обыватель превратился теперь совершенно въ сфинкса. Онъ обманулъ всѣ разсчеты начальства, обманулъ и надежды революціонеровъ. Но надо думать, что какой-то сложный и важный психическій процессъ совершается въ его душѣ, и наступитъ день, когда скажутся результаты этого процесса.

Объявленіе градоначальника было только прелюдіей къ административному торжеству въ день самаго открытія третьей Думы. Всѣ улицы, прилегающія къ Таврическому дворцу, были переполнены конными и пѣшими нарядами полиціи и войскъ. Ходъ въ Таврическій садъ—пишутъ газеты—наглухо закрытъ. Закрыты и ворота сосѣднихъ домовъ, у нихъ дежурятъ старшіе дворники со своими подручными. На Шпалерной закрыты казенныя винныя лавки и портерныя. Жильцамъ и прислугѣ запрещено стоять у подъѣздовъ и воротъ. Прекращено движеніе конокъ отъ Кирочной къ Таврическому дворцу. Съ 9 часовъ утра прекращенъ свободный пропускъ извозчиковъ и прохожихъ. Рогатки поставлены на углахъ Потемкинской, Захарьевской, Шпалерной и Таврической улицъ. Свободный до-

ступъ всюду имѣютъ только агенты охраны, они же—«велосипедисты», они же—«гороховыя пальто»... Войска, полиція, агенты въ штатскомъ...

Всѣ эти предостереженія оказались однако совершенно ненужными. Никто и не собирался манифестировать. Не только кучки народа, но даже и любопытныхъ единицъ не было видно и на близлежащихъ улицахъ, даже на тѣхъ, по которымъ полиція дозволяла петербуржцамъ ходить болѣе или менѣе свободно. Развѣ только иногда быстрой походкой проходилъ репортеръ, присутствующій здѣсь по долгу службы. У репортеровъ, получившихъ карту на пропускъ, отымались портфели.

«Поражаетъ,—писалъ органъ «побѣдителей» октябристскій *Голосъ Москвы*,—отсутствіе той толпы, что такъ жадно осаждала этотъ подъѣздъ (Таврическаго дворца) даже въ дни самыхъ будничныхъ засѣданій» (№ 254). *Русскія Вѣдомости* имѣютъ возможность говорить болѣе откровенно: «Совершенно не видно народа... Отсутствіе публики непріятно поразило не только лицъ, бывшихъ депутатовъ первой и второй Государственной Думы, но даже и истинно-русскихъ депутатовъ, избранныхъ въ Думу впервые» (№ 251).

II.

Населеніе столицы просто не замѣтило открытія третьей Думы. Всякій въ этотъ день занимался своимъ дѣломъ и отъ торжества, справляемаго въ Таврическомъ дворцѣ подъ охраной полиціи и велосипедистовъ, ничего не ждалъ ни для себя, ни для своихъ близкихъ, ни для отечества. Нѣкоторое волненіе царило въ редакціяхъ газетъ, но и его нельзя сравнить съ тѣмъ, что было 27 апрѣля 1906 г. и 20 февраля 1907 г. Петербургское населеніе Думой совершенно не интересуется, и даже во время выборовъ мнѣ не разъ приходилось слышать отъ вполнѣ интеллигентныхъ людей, что они *заставляютъ* себя идти на выборы, но что сердцу ихъ третья Дума ничего не говоритъ.

Да въ одномъ ли Петербургѣ такое настроеніе? Не царитъ ли оно во всей странѣ? Въ томъ самомъ № *Голоса Москвы*, въ которомъ съ вымученнымъ подъемомъ чувствъ описывается «торжество» открытія Думы, рядомъ напечатаны такія строки: «Дума собралась въ замершей Россіи. Можетъ ли Дума работать для Россіи, не прислушиваясь къ голосу Россіи?» Даже пишущій въ *Новомъ Времени* г. Валишевскій чего-то испугался и среди радостнаго гула нововременскихъ тромбоновъ, диссонансомъ звучатъ его слова: «Въ настоящую минуту меня болѣе всего безпокоитъ вашъ Katzenjammer; при нѣкоторой продолжительности онъ можетъ вызвать пониженіе уровня политическаго персонала, аналогичное тому, что ощущается теперь во Франціи, но у насъ онъ можетъ вызвать еще болѣе прискорбныя послѣдствія». Г. Валишевскій имѣетъ обыкновеніе писать очень мягко. Мягко стелетъ, но жестко спать. И расшифровывая смыслъ его вѣжливыхъ предостереженій, пропитанныхъ порой тонкой ироніей и ядовитымъ сарказ-

момъ культурнаго европейца, вы можете прочесть въ нихъ грозныя указанія, что Россія катится по наклонной плоскости.

Съ разгономъ первой и второй Думы что-то оборвалось въ душѣ русскаго человѣка, и въ психикѣ его залегла новая борозда. Мы нисколько не скрываемъ отъ себя изъяновъ ни первой, ни второй Думы, но въ томъ способѣ, которымъ властвующая бюрократія отдѣлалась отъ нихъ, было слишкомъ много оскорбительнаго для народа, только что начинающаго жить политической жизнью. Такія обиды не забываются. Фактъ, что послѣ того, какъ первыя двѣ Думы были почти всецѣло отданы крестьянамъ (допустимъ, малообразованнымъ и неприспособленнымъ къ парламентаризму), изъ третьей тѣ же крестьяне были почти совершенно изгнаны и замѣнены господами—этотъ фактъ останется навсегда въ психологіи русской демократіи. Онъ составитъ ея юношеское, самое свѣжее и, слѣдовательно, самое сильное впечатлѣніе, которое наложитъ отпечатокъ на все послѣдующее духовное содержаніе нашихъ демократическихъ классовъ. 130,000 дворянъ-помѣщиковъ, ради интересовъ которыхъ былъ сдѣланъ этотъ шагъ, тѣмъ самымъ противопоставили себя всей націи, и нужно особо счастливое сочетаніе обстоятельствъ, нужно героическое самопожертвованіе со стороны дворянъ, чтобы это событіе не принесло всѣхъ своихъ злыхъ плодовъ, чтобы оно не оказалось тѣмъ подводнымъ камнемъ, о который могъ бы разбиться государственный корабль.

III.

Изъ того, что третья Дума открылась при полномъ равнодушіи народа, было бы ошибочно выводить, что она—маловажное событіе въ русской жизни. Спрошенный однимъ газетнымъ интервьюеромъ В. А. Мякотинъ заявилъ: «Эта Дума никакого значенія не имѣетъ и ожидать отъ нея абсолютно ничего нельзя. Она совершенно расходится со страной. Страна хочетъ одного, большинство Думы — противоположнаго» (*Русское Слово*, № 251). Но вѣдь это рѣчь не политическаго дѣятеля, а кружкового политика, совершенно задавленнаго комнатными спорами различныхъ интеллигентскихъ фракцій, неспособнаго поэтому вѣрно оцѣнивать крупныя жизненныя явленія, выросшія безъ интеллигентской указки, какой бы характеръ, положительный или отрицательный, они ни носили. Достаточно, напримѣръ, припомнить объ отношеніи подобныхъ кружковъ къ гапоновскому движенію, которое они прозѣвали.

Неизмѣримо большимъ политическимъ смысломъ, хотя и специфическимъ, отличаются слова петербургскаго депутата рабочаго большевика Н. Г. Полетаева, заявившаго, что «мы, соціалъ-демократы, отъ третьей Думы ждемъ одной только пользы: народъ ясно увидитъ, кто такіе всѣ эти октябристы, кадеты, правые. Если фракціи въ Думѣ между собой передерутся, это, пожалуй, будетъ польза» (*Голосъ Москвы*, № 254). Съ большевистской, послѣдовательной точки зрѣнія это, пожалуй, самая больш я

«польза», которую можетъ принести «народу» любое «буржуазное» представительное собраніе. И нельзя отрицать, что существуютъ весьма серьезныя основанія опасаться, какъ бы третья Дума на самомъ дѣлѣ не принесла народу именно *такой* пользы, потому что, какъ говоритъ тотъ же Полетаевъ, какой другой пользы можетъ народъ ждать отъ «дворянской Думы». Но при этихъ условіяхъ значеніе третьей Думы для Россіи, для будущихъ судебъ государства, было бы огромное, весьма возможно роковое. И утвержденіе В. А. Мякотина, что «эта Дума никакого значенія не имѣетъ», свидѣтельствуетъ, что онъ, по меньшей мѣрѣ, не сдѣлалъ вывода и изъ своихъ о ней мыслей.

Есть еще одна точка зрѣнія на третью Думу, такъ сказать обывательская, которая отчетливо обнаружилась въ словахъ Ѳ. Н. Плевако, сказанныхъ имъ сотруднику *Биржевыхъ Вѣдомостей* (№ 10185): «Отъ Думы не ждутъ ничего, ей, пожалуй, не довѣряютъ. И потому, если работа нынѣшней Государственной Думы дастъ даже немного, то это несомнѣнно вызоветъ къ ней большія симпатіи со стороны населенія и убѣдитъ его въ необходимости существованія органа народнаго представительства». Казалось бы, устами Ѳ. Н. Плевако говоритъ самъ «здравый смыслъ», который теперь, послѣ «крушенія революціонныхъ иллюзій», долженъ вступить въ свои права и совершенно изгнать изъ общественнаго сознанія всѣ романтическія грезы о катастрофахъ, о быстрыхъ перемѣнахъ и превращеніяхъ. Казалось бы, русскіе люди горькимъ опытомъ должны убѣдиться, что въ исторіи скачковъ не бываетъ, что видимые «скачки» только иллюзорны, что государственная жизнь движется медленно, шагъ за шагомъ, дорого искупая каждый шагъ впередъ. И все-таки, несмотря на тяжелый, продѣланный нами опытъ, слова Ѳ. Н. Плевако насъ не убѣждаютъ. Въ нихъ есть правда, но не вся. Въ нихъ недостаетъ чего-то очень важнаго.

IV.

Въ тотъ самый день, когда газеты сообщали о торжественномъ открытіи Думы посреди равнодушнаго молчанія «замершей Россіи», обычная русская жизнь послѣдняго времени продолжала свое обычное теченіе. Въ тѣхъ же номерахъ газеты вы прочтете такія извѣстія «за одинъ день». Въ Томскѣ 415 студентовъ-технологовъ подвергнуты генералъ-губернаторомъ различнымъ административнымъ взысканіямъ за «незаконную» сходку. Въ отвѣтъ на это студентами созвана другая сходка, на которой рѣшено ...астовать. Предполагавшійся въ Красноярскѣ съѣздъ сибирскихъ профессіональныхъ обществъ торгово-промышленныхъ служащихъ администраціей ...е разрѣшенъ. Въ Одессѣ приговорено къ смертной казни шесть человѣкъ, ...ъ Венденѣ восемь латышей (тоже вѣдь люди!). Въ Полтавѣ солдатъ Сынъ за убійство двухъ человѣкъ и ограбленіе церкви приговоренъ къ безсрочной каторгѣ, а въ Ярославлѣ редакторъ газеты къ пятимѣсячному тюремному ...ключенію. Въ Вологдѣ арестованъ бывшій соціалъ-демократъ депутатъ вто-

рой Думы Жиделевъ, проживавшій по паспорту Кошлакова. Въ Варшавѣ арестованъ бѣглый каторжникъ Персюкъ, убійца и грабитель, и оттуда же сообщаютъ, что со станціи Чернянка бѣжалъ съ поѣзда, захвативъ винтовку, конвоируемый стражниками политическій арестантъ, а изъ Читы бѣжалъ политическій каторжникъ военный писарь Зиминъ. Въ Варшавѣ арестовано 79 человѣкъ, выслано изъ польской столицы—65. Въ Кіевѣ возлѣ губернской тюрьмы найдено пять бомбъ, въ Симферополѣ одна около вокзала, въ Варшавѣ на лѣстницѣ въ домѣ на углу Дикой улицы и Новолипокъ взорвалась бомба. Затѣмъ идутъ убійства, грабежи и поджоги. Въ Землянскѣ убитъ стражникъ Бахтинъ, по подозрѣнію арестованъ другой стражникъ того же уѣзда, въ Новой Паргѣ (сообщаютъ изъ Елисаветграда) убитъ городовой. Около Борзны на хуторѣ Бѣлозерскаго неизвѣстный, войдя къ крестьянину Хоменку, застрѣлилъ его изъ браунинга, а жену и дочь искололъ желѣзными вилами и скрылся: предполагается политическая месть. Теперь грабежи: изъ Уфы телеграфируютъ, что неизвѣстные, сѣвшіе на полустанкѣ Воронкѣ въ вагонъ пассажирскаго поѣзда № 5, выхватили револьверы и подъ угрозою смерти ограбили пассажировъ, а затѣмъ, затормозивъ поѣздъ, скрылись; на хуторѣ Орловкѣ неизвѣстные ограбили амбаръ и скрылись, въ Красноярскѣ ограбили церковь, въ Ростовскомъ уѣздѣ, Ярославской губ, у іеромонаха Нифонта похищено 4,000 рублей, въ Рахновѣ около Кременчуга ограблена винная лавка, въ Курскѣ среди бѣла дня овсяная лавка: «неизвѣстные грабители, угрожая дубинами, взяли денежный ящикъ, сѣли на извозчика и уѣхали; въ Орѣховѣ-Зуевѣ около станціи на полотнѣ жел. дороги восемь грабителей напали на проходившаго пассажира, раздѣли его до нижняго бѣлья и скрылись. Пожары и поджоги (теперь не сезонъ): въ Городянскомъ уѣздѣ сожжены хлѣбъ и сѣно помѣщика Оболенскаго на 18,000 р., въ имѣніи бѣльскаго предводителя дворянства (Смоленской губ.) три сарая съ сѣномъ болѣе 10,000 пудовъ, въ Ельнинскомъ уѣздѣ, въ имѣніи земскаго начальника Кайсарова, сараи съ сѣяннымъ клеверомъ, въ посадѣ Московскомъ (Воронежск. губ.) рига съ хлѣбомъ, въ Ярославлѣ часть казеннаго виннаго склада и т. д., и т. д.

Все это—содержаніе однѣхъ только телеграммъ, помѣщенныхъ въ московскихъ газетахъ въ тотъ день, когда въ нихъ описывалось открытіе третьей Думы. Чтобы устранить всякое подозрѣніе въ тенденціозности, телеграммы взяты изъ благонамѣренной газеты *Голосъ Москвы* (№ 254 отъ 2 ноября). Всѣ извѣстія не телеграфныя опущены. А въ телеграммахъ сообщается вѣдь только одна сотая, если не тысячная, того, что творится на Руси. Кавказъ, напримѣръ, совсѣмъ «не представленъ»...

V.

Мы привыкли ко всему этому ужасу, который зовется русской жизнью, и перечитывая день изо дня въ утреннемъ номерѣ газеты аналогичный приведенному перечень, относимся къ нему равнодушно. Но стоитъ на минуту пріостановиться и задуматься, какъ становится страшно, и мысли,

одна другой пессимистичнѣе, лѣзутъ въ голову. Конечно, безпорядки, убійства, грабежи и поджоги случаются повсюду и въ самыхъ культурныхъ государствахъ, а пропорціонально пространству, бѣдности и некультурности Россія неизбѣжно должна дать большее количество всѣхъ этихъ преступленій. Но дѣло въ томъ, что всѣ пропорціи нарушены, всякій возможный процентъ превзойденъ. Возьмите любой номеръ любой иностранной газеты и сравните его содержаніе съ содержаніемъ соотвѣтствующаго № русской газеты, и вы убѣдитесь въ справедливости этого утвержденія. Не стану тратить времени и мѣста на такое сопоставленіе: если читатель захочетъ лично убѣдиться, онъ безъ труда самъ продѣлаетъ этотъ опытъ.

Для того, что происходитъ теперь въ русской жизни, есть только одно имя, и его надо безбоязненно произнести. У насъ царитъ полная анархія. Никакого «строя жизни» у насъ нѣтъ. Все сдвинуто съ мѣстъ, все заколебалось, всѣ старыя средства управленія, доведенныя до самаго высшаго напряженія, оказались неспособными совладать съ анархіей. Разбои, грабежи, убійства, поджоги—только признаки общаго шатанія. Нравственный авторитетъ исчезъ, вѣра въ физическую мощь власти потрясена, и немудрено, что среди полутораста милліоновъ людей нашлось нѣсколько тысячъ смѣлыхъ партизановъ, нападающихъ на общество въ мѣстахъ наименьшаго сопротивленія. Нападали на банки. Когда власть стянула свои силы на охрану денежныхъ вмѣстилищъ, начали нападать на пароходы, на желѣзныя дороги, на почту, оттуда перешли къ церквамъ, частнымъ жилищамъ, казеннымъ лавкамъ. Будетъ усилена охрана всѣхъ учрежденій, участятся нападенія на отдѣльныхъ лицъ. Полутораста милліонный народъ всегда будетъ рождать десятки тысячъ (сравнительно капля въ морѣ) людей съ наклонностями анархическихъ бандитовъ, бросающихся на наименѣе защищенныя мѣста. Изловить и истребить этихъ субъектовъ—наивная мечта. Опустѣвшіе ряды всегда будутъ пополняться. Серьезное средство защиты только одно: общество и народъ должны быть настолько жизнедѣятельны, чтобы слабыя мѣста немедленно, почти автоматически, затягивались общественными нитями, сквозь которыя бандиты не могли бы прорваться. Только оздоровленіе общественной среды, оживленіе вялой, замирающей народной жизни можетъ спасти Россію отъ бандитизма, который способенъ сыграть роль рака, разрушающаго огромный организмъ.

На протяженіи послѣднихъ лѣтъ мы постоянно встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ. Слова, лозунги и понятія, которые вначалѣ казались теоретическими измышленіями, чуть ли не дѣтскими, почти игрушечными, политическими забавами, проходя сквозь горнило жизни, вдругъ пріобрѣтаютъ живой, реальный смыслъ, хотя и не вполнѣ тотъ, который первоначально связывали съ ними ранніе, наивные предтечи. Такъ было съ понятіями «пролетаріатъ», «революція». То же происходитъ и съ понятіемъ «конституція» и съ лозунгомъ необходимости установленія тѣсной связи власти съ народомъ. Теперь это уже не теоретическія представленія, а насущная потребность жизни...

VI.

Справится ли третья Дума съ исторической задачей, освободитъ ли она Россію отъ анархіи? Найдетъ ли она средства, организующія наше образованіе, побуждающія молодежь учиться и повиноваться неизбѣжнымъ правиламъ внутренняго распорядка и въ то же время устраняющія вмѣшательство губернаторовъ и военныхъ генераловъ въ эту мало знакомую имъ область? Добьется ли она того, что власть, оставивъ преслѣдованіе мирныхъ жителей и культурной работы, обратитъ всѣ свои силы на борьбу съ преступниками? Устроитъ ли такъ, что власть будетъ разыскивать грабителей и бомбистовъ, а не запрещать собранія, съѣзды, закрывать общества, газеты, тратить огромныя средства на поиски «вредныхъ книгъ» и т. д.? Вернетъ ли она законность въ страну, которая—явленіе невиданное во всемъ мірѣ!—десятилѣтія живетъ подъ господствомъ чрезвычайныхъ положеній, упраздняющихъ дѣйствіе всѣхъ законовъ? Найдетъ ли она, наконецъ, мѣры противъ грознаго призрака аграрнаго террора, напоминающаго намъ о судьбѣ Ирландіи и къ которому мы пока относимся черезчуръ легкомысленно? Въ корнѣ всего, что творится въ Россіи, лежитъ крестьянскій земельный вопросъ. Безъ рѣшенія его, безъ предоставленія тѣмъ или инымъ путемъ земли крестьянамъ никакія политическія мѣры, будь онѣ конституціонно-монархическія, самодержавныя или даже республиканскія, никакой пользы не принесутъ. У нашего государственнаго корабля не будетъ поддерживающаго равновѣсія балласта, и онъ перевернется при первой бурѣ—а бури недалеко, онѣ идутъ.

Идея создать на помощь ста тридцати тысячамъ помѣщиковъ нѣсколько сотенъ тысячъ или, быть можетъ, милліоновъ зажиточныхъ крестьянъ, нанимающихъ батраковъ, быть можетъ, имѣла бы извѣстный смыслъ, если бы за проведеніе ея взялись полвѣка тому назадъ, послѣ освобожденія крестьянъ. Но освободивъ крестьянъ, русскій правящій классъ предоставилъ дальнѣйшую судьбу многомилліонныхъ темныхъ массъ случайной игрѣ стихійныхъ силъ и самъ подготовилъ тѣ ужасающія условія, которыя теперь, какъ не можетъ не видѣть каждый сколько-нибудь вдумчивый человѣкъ, грозятъ государственной катастрофой.

Оптимизмъ Ѳ. Н. Плевако, этотъ «голосъ здраваго смысла» былъ бы вполнѣ умѣстенъ, если бы событія разыгрывались тридцать-сорокъ лѣтъ тому назадъ, если мы были одни во вселенной, или по крайней мѣрѣ на островѣ, доступъ къ которому былъ бы очень затрудненъ, если бы съ запада съ нами не сосѣдила мощная Германія, уже почти не знающая соперниковъ ни въ военномъ дѣлѣ, ни въ желѣзнодорожномъ, ни въ промышленномъ, а съ востока не надвигалась Японія, авангардъ желтой расы, если бы, наконецъ, въ этнографическомъ отношеніи Россія представляла цѣльный національный блокъ, а не сожительство множества народностей, среди которыхъ многолѣтняя политика злобнаго насильничества и обирательства не посѣяла горькихъ плодовъ ненависти и отчужденія. Мы л

шены всѣхъ этихъ условій и потому не имѣемъ права предаваться благодушному оптимизму. Нельзя обманываться внѣшней тишиной. Какъ показали недавнія событія, малѣйшій внѣшній толчокъ способенъ все привести въ движеніе и вызвать вмѣшательство сосѣдей и отвратительную свалку внутри.

VII.

Всѣ эти русскіе вопросы въ конечномъ счетѣ могутъ быть сведены къ вопросу о конституціонныхъ силахъ. Есть ли онѣ у насъ и гдѣ именно? Какъ ихъ вызвать? Какъ заставить работать? Рѣшить эти вопросы значитъ рѣшить и судьбы Россіи.

Конституція, конечно, есть понятіе формальное и заполнить его можно различнымъ содержаніемъ. Но для того даже, чтобы это понятіе, оставаясь чисто формальнымъ, не утратило однако всякаго реальнаго смысла (образчикъ—такъ называемая «турецкая конституція»), необходимы извѣстныя предпосылки. Конституція подразумѣваетъ правовой строй, твердое господство закона, т.-е. общихъ, заранѣе установленныхъ, для всѣхъ обязательныхъ нормъ, а не отдѣльныхъ случайныхъ волеизъявленій властвующихъ лицъ разныхъ ранговъ. Для того, чтобы въ странѣ могъ утвердиться правовой порядокъ, необходимо, чтобы онъ отвѣчалъ интересамъ господствующихъ классовъ и во всякомъ случаѣ имъ не противорѣчилъ. Господствующіе классы могутъ, конечно, въ видѣ закона упрочить свое господство и присвоить себѣ много преимуществъ, но это долженъ быть законъ. Соціальныя преимущества должны охраняться законными средствами. Такъ, напримѣръ, дѣйствуетъ во всемъ мірѣ буржуазія, лишь постепенно, шагъ за шагомъ, уступающая напору различныхъ слоевъ демократіи. Относительно удачно разрѣшило эту задачу и прусское юнкерство, сохранившее господство произвола только въ придворной и военной области и, благодаря своей активной культурной роли въ сельскохозяйственной промышленности, не утратившее вліянія на мѣстахъ.

Возможны однако такія состоянія, когда интересы господствующаго класса не могутъ быть охранены въ законномъ порядкѣ, когда возможный законъ недостаточенъ для охраны, а средства, способныя хоть на время дать какую-либо защиту, не могутъ быть возведены въ законъ. Тогда въ странѣ подъ той или иной личиной устанавливается господство произвола отдѣльныхъ лицъ, опирающихся на голую физическую силу и преданныхъ интересамъ господствующихъ классовъ. Такое положеніе дѣлъ существовало и существуетъ въ Россіи.

Правящая бюрократія и помѣстное дворянство, въ большинствѣ случаевъ сливавшіяся въ лицѣ однихъ и тѣхъ же представителей,—вотъ тѣ господствующія силы, которыя были подготовлены исторіей Россіи къ моменту освобожденія крестьянъ, когда при болѣе интенсивномъ развитіи производительныхъ силъ начали относительно быстро расти у насъ и

средніе классы. При освобожденіи крестьянъ десятки милліоновъ населенія Россіи, болѣе трехъ четвертей, были оставлены внѣ сферы современнаго права. Имъ было якобы предоставлено руководствоваться обычаемъ. На самомъ же дѣлѣ этихъ обычаевъ частью вовсе не было, частью они не отвѣчали требованіямъ новыхъ экономическихъ отношеній, частью они только создавались по праву сильнаго. Въ результатѣ общественная и частная жизнь крестьянъ строилась не столько на твердыхъ обычаяхъ, сколько на интересахъ и на произволѣ. Некультурность и умственная лѣнь правящихъ органовъ, неспособныхъ создать для большинства населенія правовыя нормы, соотвѣтствующія условіямъ его жизни, повела къ тому, что сорокъ лѣтъ и народныя массы и правящія ими сферы жили безъ права. Интересъ толкалъ крестьянъ къ поравненію и побуждалъ въ каждую тяжелую минуту требовать помощи отъ государства, принявшаго на себя роль и обязанности крѣпостного барина. Произволомъ, благо-или зложелательнымъ, были проникнуты всѣ отношенія власти къ крестьянамъ. Примѣрамъ, даваемымъ сверху, слѣдовали и тѣ крестьяне, которымъ удавалось добиться силы.

VIII.

Взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ почти нисколько не покоились на почвѣ права. Все сводилось только къ вопросу голаго, неприкрытаго интереса. Помѣщикамъ нужны были окрестные крестьяне, какъ самое простое средство извлеченія дохода изъ земель, оставленныхъ за дворянами при освобожденіи. Сплошь и рядомъ земли эти обрабатывались безъ всякаго приложенія собственнаго труда или капитала, арендой или отработками при крестьянскихъ сѣменахъ и крестьянскимъ инвентаремъ. Оброкъ и барщина, сбросивъ свои крѣпостныя одѣянія, продолжали царить въ русской жизни. Крестьянинъ, которому было ясно, что Царь и вообще государство замѣнили собой крѣпостного барина, видѣлъ въ оставленіи за помѣщиками части земель несправедливость, грабежъ. Онъ упорно продолжалъ считать помѣщичьи земли государственными, т.-е. своими, подлежащими передачѣ крестьянамъ, когда тѣ ощутятъ въ нихъ нужду. Онъ подчинялся давленію обстоятельствъ, платилъ и работалъ на помѣщика, когда не имѣлъ возможности прямо или косвенно уклониться отъ этой повинности, но такое уклоненіе нисколько не противорѣчило его правосознанію.

Въ реальной жизни эти своеобразныя отношенія приняли характеръ постоянной внутренней междоусобной войны 130,000 помѣщиковъ съ десятками милліоновъ крестьянъ. Запрещеніе переселеній, введеніе земскихъ начальниковъ, урегулированіе административнымъ путемъ хозяйственныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, уголовныя кары за отказъ отъ сельскохозяйственныхъ работъ, усиленныя и чрезвычайныя охраны, экзекуціи и порки, карательныя экспедиціи, губернаторскія облавы, контрибуціи съ цѣлыхъ деревень и т. д., съ одной стороны, неисполненіе договоровъ, под-

жоги, убійства, саботажъ (порча орудій и инвентаря), открытыя возстанія и звѣрскіе бунты, съ другой—вотъ внѣшнія проявленія этой истощающей внутренней войны, отъ которой гибнетъ Россія.

Ту же самую войну, которую помѣщики выдерживали въ деревняхъ съ крестьянами, въ городахъ и на окраинахъ администрація вела съ подымавшимися средними классами, постепенно пріобрѣтавшими образованіе и средства, и съ инородцами. Окраинная обрусительная политика составляетъ всецѣло дѣло рукъ бюрократіи, преслѣдовавшей при этомъ исключительно своекорыстные кастовые интересы. Русская промышленность не требовала всѣхъ тѣхъ безсмысленныхъ, проникнутыхъ злобой мѣропріятій, которыми наши чиновники прославились въ Польшѣ, Финляндіи, на Кавказѣ, въ Манчжуріи. Если бы милліарды, затраченные на эти преступные обрусительные опыты, были двинуты въ упорядоченное народное хозяйство, то и національныя задачи русскаго племени получили бы другой обликъ и иные размѣры. Въ настоящее же время мы добились лишь того, что вызвали во всѣхъ инородцахъ ожесточенную вражду и обезпечили за ними первое мѣсто въ экономической жизни Россіи. Пожалуй, отсюда единственный логическій выводъ въ устахъ «націоналиста» изъ «союза русскаго народа»: надо ограбить инородца, поставить его внѣ закона и такимъ путемъ «вернуть русскому народу отнятыя у него средства». Содержа въ Польшѣ огромную армію, мы способствовали тѣмъ развитію польской сельскохозяйственной промышленности и съ кажущейся наивностью щедринскаго Іудушки упрекали поляковъ въ неблагодарности. Ничѣмъ не вызванная попытка разгромить Финляндію останется навсегда позорнымъ памятникомъ русской бюрократіи. Кавказъ загубленъ ея усиліями и вмѣсто доходовъ даетъ огромные убытки. Преслѣдованія евреевъ являются лучшей школой для администраторовъ-насильниковъ и взяточниковъ, успѣшно примѣняющихъ и къ русскимъ тѣ методы управленія, которыя они усвоили, практикуясь на евреяхъ.

IX.

Къ образованнымъ и относительно состоятельнымъ классамъ наша администрація чувствуетъ почти мистическій ужасъ. Она органически не выноситъ ихъ, ненавидитъ въ нихъ своихъ могильщиковъ. Образованные средніе классы не такъ-то легко превращаются въ дойныхъ коровъ, они говорятъ о законности, напоминаютъ о правахъ. Все это и бьетъ администрацію по карману и предъявляетъ къ ней такія требованія, которымъ она удовлетворить не можетъ. Наша администрація не можетъ править по законамъ. По своему культурному уровню она значительно ниже нашихъ среднихъ классовъ и потому при правовомъ строѣ, допускающемъ, такъ сказать, состязательное начало, неизбѣжно будетъ побита. Она чувствуетъ это и боится всякаго возвышенія среднихъ классовъ и уничтожаетъ всѣ способы, ведущіе къ сплоченію этихъ классовъ, къ развитію среди нихъ самодѣятельности, политическаго самосознанія.

Европеецъ можетъ удивляться тому страху, который русская власть испытываетъ передъ мирнымъ собраніемъ гражданъ, обсуждающихъ общественные вопросы. Онъ изумленно спрашиваетъ, какой вредъ произойдетъ, если двѣ-три тысячи человѣкъ поговорятъ въ закрытомъ помѣщеніи объ интересующихъ ихъ дѣлахъ. Нашъ администраторъ можетъ на это только отвѣтить, что падетъ авторитетъ власти. Какъ? почему? Очень просто: малѣйшее прикосновеніе критики разрушитъ этотъ авторитетъ. Недаромъ и подцензурной нашей печати и нынѣшней «свободной» скорѣе простится проповѣдованіе крайнихъ соціальныхъ теорій, чѣмъ разоблаченіе и критика дѣйствій мѣстнаго пристава...

Если бы наша администрація исполняла свои служебныя обязанности, охраняла бы отъ убійцъ, воровъ и разбойниковъ, предупреждала преступленія, обезпечивала примѣненіе закона во взаимныхъ столкновеніяхъ обывателей—она бы пользовалась достаточнымъ авторитетомъ и могла бы не бояться «критики». Но оберечь жизнь и имущество гражданъ, обезпечить законность она не въ состояніи, какъ не въ состояніи оградить отъ покушеній даже самое себя. Общественный органъ, неспособный къ отправленію лежащихъ на немъ обязанностей, болѣе всего заботится о своемъ престижѣ. Въ результатѣ вмѣсто борьбы съ преступниками—борьба съ мирными гражданами, потому что кто же не видитъ, что всѣ наши исключительныя положенія бьютъ только по мирнымъ жителямъ, почти не затрогивая настоящихъ преступниковъ.

А безъ этихъ исключительныхъ положеній наша администрація править не можетъ. Только на этихъ дняхъ министерство опять запросило губернаторовъ о возможности отмѣны исключительныхъ положеній и получило единодушный отвѣтъ: невозможно. Да никто, знающій русскую жизнь, не станетъ въ этомъ и сомнѣваться. Мѣсяца два тому назадъ нашумѣло разбиравшееся въ Калужской губерніи судебное дѣло, выяснившее, что для продолженія дѣйствія исключительнаго положенія жандармскій ротмистръ не отступилъ даже передъ организаціей «экспропріаціи». Въ чертѣ осѣдлости уничтожить чрезвычайныя положенія значитъ по меньшей мѣрѣ втрое сократить содержаніе администраціи. При такихъ условіяхъ стоитъ ли говорить объ отмѣнѣ чрезвычайной охраны?

X.

Способны ли наши правящіе классы защищать свои интересы при господствѣ правового строя? Возможно ли для ничтожной кучки помѣщиковъ охранить, не выходя изъ законныхъ формъ, свои доходы, источникомъ которыхъ являются уцѣлѣвшіе остатки крѣпостническаго хозяйства? Возможно ли для администраціи, вспоенной и вскормленной произволомъ, десятки лѣтъ дѣйствовавшей среди безправныхъ инородцевъ и многомилліоннаго крестьянства, жившаго внѣ сферы дѣйствія правовыхъ нормъ, возможно ли для нея поддержать свой престижъ и выполнить свои элемен-

тарнѣйшія функціи, опираясь только на законъ? Въ самой постановкѣ этихъ вопросовъ содержится уже отрицательный отвѣтъ на нихъ.

Среди двухъ правящихъ нашихъ классовъ, бюрократіи и помѣстнаго дворянства, мы напрасно стали бы искать конституціонныхъ силъ. Интересы этихъ классовъ не могутъ быть ограждены при господствѣ въ странѣ правового строя. Эти классы неспособны осуществить конституціи даже въ формальномъ ея смыслѣ, неспособны установить господство законовъ. Они сами отлично сознаютъ это, и та трагикомедія, которая разыгрывается теперь вокругъ вопроса о существующемъ у насъ государственномъ строѣ, прекрасно это доказываетъ. И въ печати, и въ политическихъ кружкахъ идутъ оживленные споры о томъ, существуетъ ли у насъ конституція, или самодержавіе, или, какъ игриво выражается князь Мещерскій въ *Гражданинѣ*, régime mixte. Эти юридическіе споры являются отраженіемъ того соотношенія соціальныхъ силъ, которое существуетъ въ жизни. Покажемъ это на нѣсколькихъ примѣрахъ.

Живемъ ли мы въ странѣ формально конституціонной, или при неограниченномъ самодержавіи? Стоитъ только взять «основные законы», прочесть ст. 86: «Никакой новый законъ не можетъ послѣдовать *безъ одобренія* Государственнаго Совѣта и Государственной Думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора», чтобы сказать вполнѣ опредѣленно: въ области законодательства воля Государя безусловно ограничена, такъ какъ никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія народнаго представительства. Но что дѣлать, если какому-нибудь министру или просто спасателю Россіи желательно провести свой проектъ, не встрѣчающій одобренія ни совѣта министровъ, ни народныхъ представителей? Предположеніе нисколько не фантастическое: мы знаемъ, наприм., что товарищъ министра путей сообщенія фонъ-Вендрихъ за спиной министра Шауфуса и противъ воли его и всего кабинета чуть-чуть не создалъ себѣ особаго министерства подъ видомъ эксплоатаціоннаго желѣзно-дорожнаго корпуса. Въ старину такіе случаи разрѣшались очень просто: представлялся особый докладъ, утверждался и получалъ силу закона. Теперь такъ поступить нельзя. Существуетъ, правда, довольно широко раскрытая дверь въ видѣ указовъ, издаваемыхъ по ст. 11 осн. зак. въ порядкѣ верховнаго управленія, но кое-кому и она кажется узкимъ входомъ. И вотъ начинаются толкованія. Въ статьѣ-де 86 допущена описка, вмѣсто «одобренія», надо поставить «разсмотрѣнія». Верховная неограниченная самодержавная власть сама не можетъ себя ограничить. Въ присягѣ, которую приноситъ Государь при вступленіи на престолъ, говорится о неограниченномъ самодержавіи и т. д., и т. д. Все это, конечно, явныя натяжки, въ которыя не вѣрятъ и лица, ими аргументирующія. Но цѣль этой аргументаціи ясна: бюрократія не желаетъ выпустить изъ рукъ того орудія, которымъ она пользовалась столько лѣтъ. Ей кажутся тяжелыми даже тѣ ограниченія, которыя наложены основными законами 23 апрѣля 1906 года. Наряду съ думскимъ законодательствомъ бюрократія хочетъ сохранить свое

собственное, параллельное и безконтрольное. Конечно, это—анархія, нарушеніе всякаго правового порядка... Зато нѣтъ «конституціи»...

XI.

Нѣсколько иначе дѣйствуетъ помѣстное дворянство. Правые и октябристы вступили, какъ извѣстно, въ Думѣ въ соглашеніе. Октябристы называютъ себя конституціоналистами, правые громко заявляютъ о своей приверженности къ неограниченному самодержавію. Сдѣлка состоялась на томъ, что октябристы обязуются не выдвигать своего конституціонализма, а правые соглашаются признать законодательныя права Государственной Думы. Но почему и въ какой мѣрѣ пошли они на эту уступку? Это лучше всего можно видѣть изъ письма одного изъ энергичнѣйшихъ и умнѣйшихъ въ своей средѣ вождей умѣренно-правыхъ, бессарабскаго помѣщика П. Н. Крупенскаго, члена той самой семьи Крупенскихъ, которая въ своихъ палестинахъ буквально поработила себѣ всю мѣстную жизнь и разыгрываетъ роль феодаловъ, почти крѣпостниковъ.

П. Н. Крупенскій, бывшій членомъ и II Государственной Думы, пробуетъ оправдаться въ своихъ интригахъ, приведшихъ къ акту 3 іюня. «Мы губили,—пишетъ онъ въ *Нов. Вр.*,—не принципъ народнаго представительства, а подпольные инстинкты антигосударственнаго большинства II Думы. Мы стремились, *можетъ быть, и не вполнѣ корректными иногда поступками*, погубить то зло, какое для русскаго народа представляетъ *то сборище, которое собралось 20 февраля*. Преклоняясь безъ разсужденій передъ волей Царя, мы не могли губить великую идею дарованнаго блага. Государю было угодно возложить на представителей народа извѣстныя задачи, и *мы слѣпо подчинимся его велѣніямъ*. Мы повинуемся безпрекословно его державной волѣ; мы знаемъ, что *то, что имъ дано, онъ имѣетъ право взять назадъ*, но это не наше право, а вторгаться въ его свободную волю—это быть клятвопреступникомъ и поскольку Царю угодно, чтобы народное представительство было, мы будемъ въ немъ работать со всей вѣрой. Этой совмѣстной работой лучшихъ людей мы облегчимъ тяжелое бремя управленія великой Россіей».

Хотя все письмо П. Н. Крупенскаго переполнено лицемѣріемъ, мы пытались всетаки отмѣтить курсивомъ тѣ мѣста, въ которыхъ это лицемѣріе особенно бьетъ въ глаза, заставляя невольно вспоминать объ извѣстномъ нѣмецкомъ стихѣ: Und der König absolut, wenn er unsren Willen thut (король самодержавенъ, когда онъ поступаетъ по нашему).

Г. Крупенскій признаетъ волю Царя и обѣщаетъ слѣпо подчиняться его велѣніямъ. Однако, когда по царскому закону 11 декабря 1905 г. и по царскому указу созвана была Государственная Дума 20 февраля, онъ не подчинился. Онъ позволяетъ себѣ именовать «скопищемъ» законно собранную волею Царя Государственную Думу. Онъ сознается, что губилъ эту Думу «не вполнѣ корректными поступками». Теперь эта Дума загублена, результатомъ усилій г. Крупенскаго явилось положеніе 3 іюня, издан-

ное вопреки ст. 87 «основныхъ законовъ», и г. Крупенскій обѣщаетъ «слѣпо подчиниться», и совмѣстно съ лучшими людьми облегчить «тяжелое бремя управленія великой Россіей». На долго ли? Не до тѣхъ ли только поръ, пока длится союзъ октябристовъ съ правыми и А. И. Гучковъ не выходитъ изъ подчиненія г. Крупенскому? Что онъ скажетъ, если этотъ союзъ распадется, и октябристы совмѣстно съ лѣвыми проведутъ нѣсколько мѣръ, не вполнѣ пріятныхъ помѣщикамъ? Не вернется ли г. Крупенскій тогда снова къ «не вполнѣ корректнымъ поступкамъ», не станетъ ли тогда «губить» и третью Думу? По крайней мѣрѣ, кн. Мещерскій уже теперь недвусмысленно совѣтуетъ правымъ порвать съ октябристами, добиться роспуска третьей Думы, увѣряя, что въ четвертой они получатъ чистое большинство...

XII.

То помѣстное дворянство, представители котораго («правые») прошли въ Государственную Думу и на союзѣ которыхъ съ октябристами только и держится Дума, не является конституціонной силой. Оно соглашается признать народное представительство, поскольку послѣднее способно служить ихъ интересамъ, но оно привѣтствуетъ самое очевидное нарушеніе закона, имѣвшее въ виду защиту ихъ интересовъ, и предусмотрительно открываетъ дверь для дальнѣйшихъ нарушеній, буде они понадобятся по мнѣнію «объединеннаго дворянства»... А цифры сословнаго состава трехъ Думъ наводятъ на много мыслей:

	I Дума.	II Дума.	III Дума.
Крестьяне	173	196	87
Разночинцы, казаки, мѣщане .	91	128	83
Духовенство	16	15	48
Дворяне	168	165	219

Чтобы эти, и такъ краснорѣчивыя, цифры пріобрѣли все принадлежащее имъ значеніе, необходимо помнить, что составъ III Думы уменьшенъ почти на 80 человѣкъ, что среди дворянъ первой и второй Думъ было не мало отщепенцевъ своего сословія, которые въ третью Думу ни въ коемъ случаѣ попасть не могли.

Дума господская и по составу, и по убѣжденіямъ. Что же она сдѣлаетъ? Водворитъ въ Россіи дворянскую конституцію, установитъ путемъ закона господство сотни тысячъ помѣщиковъ надъ остальнымъ стомилліоннымъ народомъ. Но эта задача абсурдная, невыполнимая. Отъ нея давно отказалась даже значительная часть бюрократіи, рѣшившая просто плыть по теченію. Нѣтъ такихъ законныхъ формъ, которыя могли бы установить это господство. Или вѣрнѣе, такія формы существуютъ, но зовутся онѣ «крѣпостнымъ правомъ», «рабствомъ», и о нихъ мечтаютъ теперь развѣ самые дряхлые старички...

Что же сдѣлаетъ господская Дума? Оправдаетъ предсказанія больше-

вика Полетаева?! Послужить самымъ мощнымъ орудіемъ революціонной пропаганды, съ которымъ не смогутъ сравниться всѣ агитаціонныя рѣчи лѣвыхъ депутатовъ первыхъ Думъ? Быть можетъ, этой Думѣ суждено явить Россіи отвратительное зрѣлище сходящей въ могилу силы, судорожно цѣпляющейся за свои привилегіи, кующей народу цѣпи рабства, рукоплещущей каждому насилію, каждому акту произвола? Быть можетъ, вырабатывая бумажные законы, Государственная Дума не будетъ обращать никакого вниманія на то, что дѣлается въ жизни, гдѣ попрежнему будутъ править безотвѣтственные генералы, дѣйствующіе на основаніи чрезвычайныхъ положеній, сущность которыхъ въ отмѣнѣ всѣхъ законовъ? Всѣ эти предположенія не лишены вѣроятности. Но мы не можемъ раздѣлить торжества г. Полетаева. Кто сознательно пережилъ послѣдніе три года, тотъ не могъ не придти къ убѣжденію, что россійская революція безсильна потому, что обладаетъ непреодолимой склонностью переходить въ анархію. Революція погибла не столько отъ правительственныхъ репрессій, сколько отъ анархіи. Гнусныя убійства изъ-за угла городовыхъ и солдатъ, грязь убійствъ, грабежей, «экспропріацій», вся эта отвратительная муть, поднявшаяся отъ выступленій максималистовъ, анархистовъ и проч., и проч.— вотъ что дискредитировало революцію. Революціонныя идеи и по сію пору остаются освободительными идеями, которыя могли бы возродить нашу родину, но у нихъ нѣтъ силъ воплотиться въ жизнь, потому что значительная часть стоявшихъ за ними людей физически и морально погибла въ анархическомъ ураганѣ...

XIII.

Если опытъ съ введеніемъ конституціонной монархіи окончится полной неудачей, насъ ждетъ не возрождающая революція, а черная анархія, слабымъ намекомъ на которую является то, что нынѣ творится въ Россіи. Въ этой анархіи погибнетъ все. И какъ бы предчувствуя возможность такого исхода, многіе, даже очень радикальные люди въ глубинѣ души, скрывая свои мысли отъ постороннихъ, питаютъ надежды, что авось и третья Дума что-нибудь да сдѣлаетъ для народа, заложитъ первые камни гражданской свободы и порядка. Поразительно, до чего велика эта вѣра, казалось бы разсудку вопреки, въ конституціонность третьей Думы. Только при одномъ условіи третья Дума можетъ оказаться конституціонной: и бюрократія и господствующее въ Думѣ помѣстное дворянство должны сознательно и рѣшительно пойти по дорогѣ самоуничтоженія. Бюрократіи предстоитъ отказаться отъ произвола, а помѣстному дворянству передать значительную часть своихъ земель крестьянамъ.

Среди русскаго дворянства есть довольно большая группа людей, вполнѣ сознательно и рѣшительно идущая къ такому самоуничтоженію. Это— кадеты и кадетствующіе, среди лидеровъ которыхъ не мало дворянъ, болѣе или менѣе крупныхъ помѣщиковъ, что дало даже поводъ догадливымъ

большевикамъ видѣть въ нихъ представителей капиталистическаго землевладѣнія. Странная судьба выпала на долю этой партіи! Она безспорно надѣлала немало ошибокъ въ своей политической работѣ, лишь ощупью находила она въ россійской пургѣ свою настоящую дорогу, принимая на себя всю тяжесть ударовъ и справа и слѣва. Теперь правительствомъ ей нанесенъ сильный ударъ. Ея представительство въ Государственной Думѣ сведено къ полусотнѣ депутатовъ, причемъ многимъ наиболѣе выдающимся членамъ партіи искусственно былъ загражденъ туда доступъ. Правительственныя и реакціонныя газеты, захлебываясь отъ восторга, твердили о полномъ разгромѣ партіи, объ ея уничтоженіи. Лѣвыя группы не жалѣли своихъ ударовъ. А въ результатѣ и теперь, какъ раньше, почти вся общественная жизнь Россіи наполнена кадетами. Вы не найдете ни одного газетнаго листа, въ которомъ бы во всѣхъ падежахъ не склонялось слово «кадетъ». Въ огромномъ большинствѣ газетъ, правыхъ и лѣвыхъ, ихъ ругаютъ, надъ ними издѣваются. Но вездѣ о нихъ пишутъ, всѣ интересуются тѣмъ, что они дѣлаютъ и что говорятъ. Октябристами стали интересоваться, только когда они заняли господствующее положеніе въ Думѣ и когда обнаружилось, что правительство вступаетъ съ ними въ соглашеніе. Во времена же междудумья или когда октябристы были въ меньшинствѣ, кому приходило на умъ ими интересоваться? Кадеты же занимали общественное вниманіе и во время междудумья, занимаютъ его и теперь, когда, въ силу переворота 3 іюня, они очутились въ третьей Думѣ въ слабомъ меньшинствѣ.

И сколько бы министерская *Россія* ни твердила объ интригахъ, подвохахъ, фокусахъ ничтожной группы лицъ, вышедшихъ изъ «радикальствующей кружковщины», каждому безпристрастному человѣку очевидно, что тутъ сила не въ интересахъ, что «кучка интригановъ» никогда бы не могла сосредоточить на себѣ столь пристальное вниманіе и русскаго и европейскаго общественнаго мнѣнія. Есть, очевидно, у этихъ людей какая-то идея, которая дѣлаетъ столь жизнеспособнымъ ихъ соединеніе.

XIV.

Такая идея, конечно, есть и состоитъ она въ признаніи той истины, что только въ демократической Россіи возможно установленіе правового порядка, т.-е конституціи, нормальнаго функціонированія народнаго представительства. А для демократизаціи Россіи необходима ликвидація остатковъ крѣпостного хозяйства въ деревнѣ и надѣленіе крестьянъ землей. Благодаря бурному натиску революціи вокругъ этихъ простыхъ и ясныхъ идей наслоилось много утопическихъ, революціонныхъ и соціалистическихъ обо лочекъ. Установленіе конституціоннаго строя подчасъ смѣшивалось съ революціоннымъ переворотомъ, надѣленіе крестьянъ землей окрашивалось въ цвѣтъ націонализаціи. Но по мѣрѣ того, какъ развивался историческій процессъ, кадетская идея постепенно освобождалась отъ чуждыхъ ей уто

ническихъ придатковъ. Изъ-за этихъ придатковъ партія совершила немало тактическихъ ошибокъ. Быть можетъ, было бы лучше, если бы этихъ ошибокъ не было. Но, къ сожалѣнію, жизнь идетъ не по писаному, и политическое воспитаніе народа совершается при помощи ряда опытовъ in anima vili. Когда жгутъ живое тѣло,—конечно, больно.

На состоявшемся передъ открытіемъ Государственной Думы пятомъ общепартійномъ съѣздѣ въ Гельсингфорсѣ партія народной свободы получила возможность яснѣе опредѣлить свою физіономію. Къ сожалѣнію, внѣшнія препятствія, преслѣдованія правительства, необходимость устройства съѣзда на чужбинѣ, небольшой запасъ времени, имѣвшійся у делегатовъ, торопившихся вернуться въ Россію до открытія засѣданій Думы, оказали свое вліяніе и на число съѣхавшихся делегатовъ, и на рамки, въ которыхъ обсуждались затронутые вопросы. Эти рамки были гораздо ýже, чѣмъ можно было ожидать и чѣмъ это было необходимо. Делегаты спѣшили какъ можно скорѣе подойти къ практическимъ выводамъ, къ резолюціямъ и мало останавливались на общихъ идеяхъ, на которыхъ послѣднія основаны, на міросозерцаніи, ихъ породившемъ. Это ослабляло значеніе дебатовъ съѣзда, и многое поэтому оставалось недоговореннымъ. Несмотря на эти крупные недочеты, всетаки позиція партіи опредѣлена была на гельсингфорсскомъ съѣздѣ съ точностью, не оставляющей мѣста для недоразумѣній.

Партія открыто перешла на эволюціонный, конституціонный путь. Она укрѣпилась на твердой правовой почвѣ—манифестѣ 17 октября и основныхъ законахъ 23 апрѣля 1906 г. Она подтвердила невозможность осуществленія конституціоннаго строя безъ соотвѣтствующей демократизаціи русской жизни. Она признала, что поставленная ею цѣль достижима не путемъ революціоннаго переворота, а при помощи мирной законодательной работы, и потому предоставила своей парламентской фракціи широкую свободу поддерживать всякую реформу, идущую сколько-нибудь серьезно въ направленіи ея программы. «Полагая,—говорилъ тактическій докладъ, представленный центральнымъ комитетомъ,—что манифестъ 17 октября и основные законы, несмотря на ихъ фактическое нарушеніе 3 іюня, все еще сохраняютъ свою юридическую силу, партія продолжаетъ считать своей задачей вести борьбу на правовой почвѣ, пока къ этому будетъ представляться хотя бы малѣйшая возможность. Поставленная въ положеніе оппозиціи, партія не будетъ однако играть роль безотвѣтственнаго меньшинства... На Думу она не будетъ смотрѣть, какъ на средство для подготовки внѣдумскихъ выступленій, но какъ на высшій государственный органъ, обладающій точно опредѣленною въ законѣ долей верховной власти. Въ третью Думу, какъ и въ первыя двѣ, партія идетъ съ твердымъ намѣреніемъ принять активное участіе въ ея законодательной работѣ. Этого рода дѣятельность партія всегда считала главной и основной, одинаково противополагая ее и агитаціоннымъ цѣлямъ лѣвыхъ, и конспиративной дѣятельности правыхъ».

XV.

На Гельсингфорсскомъ съѣздѣ выступала и оппозиція, такъ называемые «лѣвые кадеты». Но ихъ выступленіе только доказало, что никакихъ лѣвыхъ кадетовъ, какъ особой группы съ цѣльнымъ міросозерцаніемъ, не существуетъ. Существуютъ кадеты, не вполнѣ освободившіеся отъ старыхъ, кружковыхъ, интеллигентскихъ переживаній, кадеты, надъ которыми еще властвуетъ лѣвое устремленіе и которые соблазняются тактикой лѣвыхъ группъ, не продумывая ее до конца, по тѣмъ или инымъ причинамъ не дѣлая изъ нея всѣхъ необходимыхъ выводовъ. Г. Сафоновъ, напримѣръ, доказывалъ, что партія народной свободы должна смотрѣть на третью Думу, какъ на агитаціонную трибуну, но онъ, очевидно, не вполнѣ ясно представлялъ себѣ, въ чемъ именно заключается агитаціонная роль Думы. Державшіеся такой тактики лѣвые въ законодательную дѣятельность Думы не вѣрили; они все время готовились, или говорили, что готовятся, къ революціонному выступленію, которое повело бы къ захвату власти и созыву полновластнаго учредительнаго собранія. Въ этихъ видахъ они поставили себѣ совершенно химерическую цѣль посредствомъ рѣчей-воззваній, произносимыхъ съ думской каѳедры, подготовить народъ къ революціонному выступленію. Но вѣдь это не политика, а ребяческій вздоръ. Дума имѣетъ, конечно, и большое агитаціонное, воспитательное значеніе, но достигается оно всей ея дѣятельностью, работой, а не чтеніемъ съ трибуны прокламацій. Лѣвые совершенно не понимали сущности парламентскаго механизма, и кадету какъ-то неловко идти въ этомъ отношеніи по ихъ стопамъ. Вотъ, напримѣръ, если третья Дума, дѣйствительно, окажется господской думой и начнетъ работать надъ закрѣпленіемъ дворянскихъ привилегій, этотъ фактъ сыграетъ огромную агитаціонную роль, съ которой по значенію не сравнятся тысячи рѣчей.

Другой представитель «лѣваго крыла», г. Мандельштамъ оказался еще слабѣе г. Сафонова. Начало его рѣчи, взывавшее къ гордой непреклонности, совсѣмъ не вязалось съ концомъ, дававшимъ практическій совѣтъ «здороваго оппортунизма»: «не продешевите»! Наскоро испеченная, тактическая резолюція лѣвой оппозиціи, сводившаяся къ тому, что парламентская фракція партіи народной свободы не должна входить ни въ какія соглашенія съ чуждыми ей по духу октябристами, уже окончательно обнаружила легковѣсность багажа «лѣваго крыла». Сводить тактику партіи народной свободы къ простому анти-октябризму, значило проявить большевистскую мудрость, сводящую всю соціалъ-демократическую тактику къ анти-кадетизму, значило выдать партіи testimonium paupertatis, засвидѣтельствовать, что у нея нѣтъ никакой положительной программы и потому для ея спасенія ей необходимо сдѣлать анти-октябристскую прививку. Характерно, что точно такъ же разсуждаетъ о правыхъ и октябристахъ министерскій офиціозъ, разсматривающій все современное политическое положеніе, какъ «борьбу анти-кадетизма съ кадетизмомъ» (см. № отъ 4 но-

ября 1907 г. *Россія*), откровенно сознается, что правыхъ и октябристовъ можно объединить только на платформѣ борьбы съ кадетами. Что такое кадетизмъ и почему съ нимъ надо бороться, министерская газета отлично знаетъ. Но что такое анти-кадетизмъ, какая пестрая смѣсь скрывается подъ этимъ названіемъ, этого никакой мудрецъ не разберетъ. Господа, назвавшіе себя «лѣвыми кадетами», очевидно, менѣе ясно отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что̀ такое кадетизмъ, чѣмъ даже министерскій офиціозъ. Само собою разумѣется, что они не могли повести за собой съѣздъ.

XVI.

Законодательное осуществленіе путемъ послѣдовательныхъ компромиссовъ съ исторически-сложившеюся властью конституціоннаго и демократическаго строя, какъ двухъ неразрывно одна съ другой связанныхъ половинъ новаго порядка вещей,—таково слово, сказанное на гельсингфорсскомъ съѣздѣ. Такъ именно осуществилась въ Россіи и крестьянская реформа, при сотрудничествѣ Государя, нѣкоторыхъ выдающихся бюрократовъ (Ростовцевъ, Милютинъ) и дворянъ-отщепенцевъ (Кавелина, Черкасскаго, Самарина и т. д.), тогдашнихъ «кадетовъ», которыхъ тогдашнее дворянство травило точно такъ же, какъ нынѣшнее травитъ членовъ первой и второй Думъ.

Аналогію можно провести и дальше. Какъ при крестьянской реформѣ въ самую рѣшительную минуту дѣло освобожденія было вырвано изъ рукъ его истинныхъ сторонниковъ и передано въ руки враговъ, вынужденныхъ волей-неволей мириться съ неизбѣжнымъ фактомъ, такъ могутъ сложиться обстоятельства и при конституціонной реформѣ. Думскому большинству, образованному на платформѣ анти-кадетизма, можетъ быть навязана кадетская программа въ урѣзанномъ и извращенномъ видѣ. И сколотивши кое-какъ государственный корабль, сдѣлавъ необходимыя починки, кое-гдѣ перемѣнивъ доски и гвозди, неприхотливые капитаны могутъ снова пуститься въ плаваніе, разсчитывая, что на ихъ вѣкъ хватитъ.

Гдѣ были всѣ эти гг. Крупенскіе, Бобринскіе, Синадино въ тѣ тяжелые дни, когда Плеве глушилъ всѣ проблески общественной жизни и безсознательно провоцировалъ къ бунту всѣ слои народа? Въ то время эти господа, теперь распинающіеся въ уваженіи къ идеѣ народнаго представительства, пресмыкались передъ злымъ и невѣжественнымъ представителемъ бюрократическаго абсолютизма. Кадеты уже въ то время активно работали для насажденія въ Россіи представительства и старательно собирали въ «союзъ освобожденія» всѣ тѣ, къ сожалѣнію очень слабыя, конституціонныя силы, которыя были подготовлены нашей исторіей. Когда ударилъ громъ, и несчастная война обличила гниль, скрывавшуюся подъ золотымъ мундиромъ, съ рѣзкимъ и смѣлымъ словомъ обличенія выступили опять-таки не Крупенскіе, а князья Трубецкіе, Петрункевичъ, Долгоруковы, Шаховской, Струве, Родичевъ, Милюковъ и т. д., и т. д.—все кадеты и кадетствующіе

Но въ исторіи всякое выступленіе требуетъ искупительной жертвы. Не Моисею только не было дано привести свой народъ въ землю Хананскую. Такова, видно, судьба всѣхъ иниціаторовъ. Какъ было поступлено съ творцами крестьянской реформы, такая судьба постигнетъ, очевидно, и творцовъ конституціонной. Плоды реакціоннаго переворота въ 1861 г. Россія начала ощутительно чувствовать черезъ тридцать лѣтъ, со времени голоднаго года. Черезъ сколько лѣтъ дастъ себя почувствовать искаженіе конституціонной реформы?

Въ наше время жизнь движется гораздо быстрѣе. Внутреннія и внѣшнія отношенія пріобрѣли такую сложность и остроту, о которой и понятія не имѣли полвѣка тому назадъ. Экономика правитъ міромъ и жестоко бьетъ отсталыхъ. А наша экономическая и техническая отсталость представляетъ самый зловѣщій признакъ нашего паденія. При такихъ условіяхъ плоды допущенной ошибки могутъ сказаться очень скоро и будутъ слишкомъ горьки для народа и государства.

А. С. Изгоевъ.

Законодательство и жизнь.

Значеніе Думы теперешняго состава.—Настроеніе страны не измѣнилось.—Нынѣшняя Дума является представительствомъ привилегированнаго меньшинства.—Выборы въ пяти большихъ городахъ.—Необходимость внѣдумской работы.—К.-д-скій съѣздъ.—Чего можно ждать отъ Думы.—Правительственные законопроекты.—Недостатокъ въ Россіи политической культуры.—Преграды для общенія Думы съ народомъ.—Собственная распорядительная дѣятельность правительства.—Желѣзнодорожное и продовольственное дѣло.

«Отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ», а потому да не удивится читатель, что по поводу нынѣшнихъ выборовъ мнѣ вспомнилась одна старушка, любившая раскладывать пасьянсъ и которая по тому, сойдется онъ или нѣтъ, загадывала о томъ, сбудется ли ея желаніе. Если по расположенію картъ пасьянсъ самъ собой не сходился, то она какъ бы незамѣтно перекладывала неподходящія карты, и, когда послѣ этого получался желаемый результатъ, то она была утѣшена. Нѣчто похожее было и съ настоящими выборами въ Думу. Тѣ сферы, которымъ хотѣлось, чтобы Дума «сошлась», такъ какъ онѣ представляли себѣ тоже, что въ такомъ случаѣ получится «исполненіе желаній», видя, что по естественному ходу вещей она «не сходится», выкинули однѣ карты, прибавили другія,—и вотъ Дума «сошлась», и они какъ будто бы тоже довольны. Но такъ какъ они не такъ наивны, какъ та старушка, то, несмотря на видимую удачу, все же не могутъ иногда не задумываться надъ тѣмъ, что желаемый ими результатъ получился не самъ собой, а вслѣдствіе содѣйствія съ ихъ же стороны, а потому, пожалуй, на исполненіе-то желаній и не подѣйствуетъ. Серьезно говоря, исполненіе желаній, т.-е. установленіе извѣстнаго направленія въ ходѣ государственной и общественной жизни, лишь постольку связано съ тѣмъ или инымъ составомъ Думы, поскольку этотъ составъ служитъ выраженіемъ дѣйствительнаго настроенія большинства населенія въ странѣ, а не созданъ искусственно. Если этого нѣтъ, то Дума, какая бы она ни была, будетъ сама по себѣ, а жизнь страны пойдетъ тоже сама по себѣ, своимъ путемъ, причемъ искусственно созданная Дума не будетъ имѣть ни нравственнаго авторитета, ни вліянія на ходъ народной жизни. Если бы послѣдній зависѣлъ лишь отъ состава и напра-

мѣнія Думы, а не отъ соотвѣтствія этого состава требованіямъ народа, то было бы слишкомъ легко измѣнять историческій ходъ событій искусственнымъ подборомъ народнаго представительства. Ничего бы не стоило установить хоть такой избирательный законъ, чтобы въ члены Думы избирались лица, состоящія въ чинѣ не ниже дѣйствительнаго статскаго совѣтника; Дума, конечно, вышла бы генеральской, но стремленія и дѣйствія народа не сдѣлались бы отъ этого генеральскими.

Въ виду новаго избирательнаго закона заранѣе можно было предвидѣть, что третья Дума, въ своемъ громадномъ большинствѣ, будетъ представительствомъ не народа, а привилегированнаго меньшинства. Въ сущности если въ результатѣ только что закончившихся выборовъ и есть что-нибудь удивительное, то это не преобладаніе правыхъ и октябристовъ, а напротивъ, избраніе все же довольно замѣтнаго меньшинства изъ другихъ партій. Въ третьей Думѣ всетаки будетъ больше оппозиціонныхъ лѣвыхъ, чѣмъ въ первой и второй Думѣ правыхъ и октябристовъ. Произошло это потому, что всюду, гдѣ другія группы, кромѣ землевладѣльцевъ и 1-й городской куріи, могли дѣйствовать самостоятельно, тамъ они почти всегда выбирали оппозиціонныхъ депутатовъ. Рабочіе, имѣвшіе ничтожное количество голосовъ, проводили своихъ кандидатовъ благодаря свой непоколебимой партійной дисциплинѣ, вслѣдствіе которой ни одинъ рабочій не соглашался баллотироваться, кромѣ одного, намѣченнаго самими рабочими, который и проходилъ относительнымъ большинствомъ голосовъ. То же бы могли сдѣлать и крестьяне, но у нихъ такой строгой выдержки не оказалось, отчасти потому, что число ихъ было больше и изъ большаго числа скорѣе могъ найтись отщепенецъ, отчасти, вѣроятно, и по недостатку правильной организаціи. Для уясненія дѣйствительныхъ партійныхъ симпатій населенія особенно поучительными были выборы въ большихъ городахъ, въ которыхъ они были прямые. Въ нихъ и сокращеніе общаго числа избирателей, произведенное новымъ закономъ, было не очень велико, и абсентеизмъ избирателей проявлялся въ гораздо меньшей степени, чѣмъ на губернскихъ выборахъ.

И какъ разъ результаты выборовъ въ пяти крупныхъ и самыхъ культурныхъ городахъ Россіи ясно показываютъ, что общественное мнѣніе въ нихъ стоитъ на сторонѣ прогрессивной оппозиціи. Правда, сила этого оппозиціоннаго направленія въ нихъ различна. Всего опредѣленнѣе и несомнѣннѣе оно проявилось въ Петербургѣ, затѣмъ въ Москвѣ и въ Одессѣ и лишь слабо въ Кіевѣ и Ригѣ, хотя даже и въ послѣднихъ двухъ городахъ, если бы не было дѣленія на двѣ куріи, то въ депутаты выбраны были бы прогрессисты. Въ трехъ же первыхъ городахъ перевѣсъ прогрессивнаго направленія является совершенно безспорнымъ. И это тѣмъ важнѣе, что при условіяхъ, въ которыхъ происходили третьи выборы, результатъ ихъ никоимъ образомъ не можетъ быть приписанъ агитаціи партій, такъ какъ именно тѣ партіи, за которыя высказалось большинство, какъ нелегализованныя, лишены были всякой возможности

сколько-нибудь сильно воздѣйствовать на массу избирателей. Значитъ, то, что было высказано избирателями подачей ихъ голосовъ, было результатомъ не временнаго увлеченія, а спокойнаго, твердо установившагося убѣжденія.

Итакъ, ни городскіе, ни губернскіе выборы не даютъ никакого основанія заключать, чтобы созданное ими въ будущей третьей Думѣ явное преобладаніе правыхъ элементовъ произошло вслѣдствіе «поправѣнія» самого народа, а не избирательнаго закона. Чѣмъ рѣзче составъ Думы расходится съ настроеніемъ населенія, тѣмъ яснѣе вырисовывается для партій, ставящихъ своей задачей работать надъ осуществленіемъ народныхъ стремленій, необходимость выяснить себѣ два вопроса: что слѣдуетъ дѣлать въ Думѣ и что слѣдуетъ дѣлать внѣ Думы. На первый вопросъ партія народной свободы на съѣздѣ, происходившемъ передъ открытіемъ Думы, 24—27 октября, дала слѣдующій отвѣтъ, выраженный въ тезисахъ доклада центральнаго комитета партіи, составленнаго П. Н. Милюковымъ, принятыхъ съѣздомъ съ небольшими редакціонными измѣненіями: 1) Не имѣя болѣе возможности играть руководящую роль въ Государственной Думѣ, фракція народной свободы, однако же, будетъ стремиться къ активному участію въ законодательствѣ. Фракція обратитъ особое вниманіе на привлеченіе сочувствующихъ ей элементовъ въ Думѣ для сплоченія такой группы, численность которой давала бы ей возможность вліять на положительную работу въ Думѣ. 2) Фракція народной свободы будетъ энергично бороться противъ всякихъ покушеній на существованіе и на права народнаго представительства, откуда бы они ни исходили. 3) Въ области законодательной дѣятельности фракція, наряду съ собственной иниціативой, строго согласованной съ партійной программой, будетъ поддерживать всякую программу, идущую сколько-нибудь серьезно въ направленіи ея программы, и подвергнетъ строго-дѣловой критикѣ всѣ проекты, ей противорѣчащіе или клонящіеся къ защитѣ интересовъ привилегированнаго меньшинства. 4) Въ области запросовъ и другихъ парламентскихъ выступленій фракція поставитъ попрежнему своей задачей непримиримую борьбу противъ административнаго произвола и выраженіе истиннаго мнѣнія страны, не нашедшаго себѣ надлежащаго отраженія въ искусственно подобранномъ составѣ третьей Думы. Въ докладѣ вообще развивалась та мысль, что партія не должна смотрѣть на Думу только какъ на трибуну, какъ смотрятъ на нее болѣе лѣвыя фракціи, но принимать, насколько это окажется возможнымъ, и активное участіе въ законодательной дѣятельности Думы. По поводу отношеній къ другимъ партіямъ въ докладѣ высказывалось предположеніе, что, вѣроятно, въ Думѣ возникнетъ борьба между крайними правыми, стремящимися къ уничтоженію законодательной власти Думы и вообще послѣднихъ остатковъ конституціоннаго строя, и тѣми изъ октябристовъ, которые искренно признаютъ этотъ строй. Въ этой борьбѣ партія народной свободы, «руководствуясь благомъ страны», не можетъ не принять участія, дѣйствуя заодно

съ искренними конституціоналистами изъ октябристовъ. Обстоятельства могутъ сложиться такъ, что партія не будетъ имѣть возможности проводить собственные законопроекты; въ такомъ случаѣ она все же должна поддерживать всякое предложеніе, клонящееся къ серьезному улучшенію положенія демократическихъ народныхъ массъ, рѣшительно отражая попытки сословнаго эгоистическаго законодательства. Противъ такого «примирительнаго» образа дѣйствій возражали очень немногіе изъ членовъ съѣзда. Особенно рѣзко противъ всякой совмѣстной дѣятельности кадетской фракціи съ октябристами возражалъ П. А. Сафоновъ. «Октябристы,—сказалъ онъ,—это тѣ, которые благословляли нарушеніе конституціи, одобряли военно-полевые суды и защищали чрезвычайныя положенія. Они почти повсюду вступали въ блоки и соглашенія съ правыми, т.-е. съ явными врагами конституціи. Добиться съ ними чего-нибудь реальнаго для блага народа невозможно. Притомъ сближеніе съ октябристами встрѣтитъ протестъ въ широкихъ массахъ народа, которыя считаютъ октябристовъ своими врагами. Поэтому кадетамъ слѣдуетъ уклоняться не только отъ совмѣстной дѣятельности съ ними, но даже и отъ совмѣстнаго голосованія. Намъ остается въ Думѣ только трибуна и при отсутствіи въ странѣ свободы она сорганизуетъ общество». Другой оппонентъ изъ лѣваго крыла партіи, М. Л. Мандельштамъ, предостерегалъ партію противъ «вѣрованія въ лжеконституціонализмъ». Этимъ вѣрованіемъ правыхъ и невѣріемъ лѣвыхъ членовъ партіи и проводится между ними демаркаціонная линія. Правые думаютъ, что правительство можетъ работать вмѣстѣ съ Думой въ конституціонномъ духѣ, лѣвые же полагаютъ, что оно желаетъ сдѣлать изъ Думы лишь послушную канцелярію. Ораторъ не отрицаетъ того, что компромиссы въ политикѣ иногда бываютъ необходимы, но «черезъ мрачное безвременье реакціи надо пронести въ неприкосновенности наши идеалы. Въ этомъ смыслѣ положенія доклада не опредѣлены и въ нихъ можно вложить какое угодно содержаніе. Критика въ Думѣ должна быть не дѣловой, а принципіальной». П. Н. Милюковъ, защищая докладъ, высказалъ, что онъ вовсе не взываетъ къ союзу съ октябристами, но что положеніе таково, что октябристы сами, вѣроятно, будутъ искать поддержки слѣва. Прежде чѣмъ сказать, что Дума можетъ быть только трибуной, надо сдѣлать попытку законодательной работы: ее именно и ожидаетъ народъ, а одна трибуна не можетъ его организовать, какъ это уже доказано опытомъ.—Мы, со своей стороны, полагаемъ, что Дума можетъ быть использована въ партійныхъ цѣляхъ и въ смыслѣ орудія пропаганды, но послѣдняя не должна быть теоретически-принципіальной, а должна сосредоточиваться на практическихъ, дѣловыхъ вопросахъ, конечно освѣщая ихъ согласно принципамъ партіи. Только такая пропаганда и можетъ быть дѣйствительна, потому что только практическіе вопросы могутъ возбуждать живой интересъ въ народной массѣ и только по отношенію къ нимъ со стороны той или другой партіи народъ будетъ судить о самой партіи и ея принципахъ и будетъ относиться къ ней съ большимъ или мень-

шимъ сочувствіемъ. Держась около практическихъ вопросовъ, партія можетъ проявлять двоякую дѣятельность и соотвѣтственно тому и двоякое отношеніе къ другимъ партіямъ: въ сферѣ критики какъ общей правительственной политики, такъ и тѣхъ проектовъ и предложеній, которые будутъ внесены въ Думу правительствомъ или другими думскими фракціями, партійная фракція должна высказываться безъ всякихъ уступокъ или измѣненій въ своей программѣ, потому что только вполнѣ убѣжденная критика можетъ имѣть дѣйствительное значеніе и для непосредственнаго результата дебатовъ и, въ особенности, для проведенія принциповъ партіи въ народное сознаніе. Напротивъ, въ сферѣ практическаго законодательства не можетъ быть партійной исключительности: не занимая въ Думѣ господствующаго положенія, партія народной свободы можетъ вліять на ходъ законодательныхъ работъ, только оказывая поддержку или противодѣйствуя проведенію проектовъ, которые всего вѣроятнѣе будутъ исходить отъ октябристовъ. Надо думать, конечно, что предлагаемыя ими реформы будутъ имѣть нерѣшительный, половинчатый характеръ и въ большинствѣ случаевъ будутъ рабски слѣдовать за тѣмъ, что предложитъ правительство. Ихъ недостаточность можетъ и должна быть выяснена самымъ опредѣленнымъ образомъ; но затѣмъ, если, какъ слѣдуетъ ожидать, правые будутъ противъ даже и такихъ реформъ, то к-д-тамъ придется поддерживать своимъ вотумомъ тѣ, хотя и октябристскіе, проекты, которые будутъ представлять собою хотя бы слабое улучшеніе противъ существующаго порядка, или въ смыслѣ непосредственнаго улучшенія народной жизни, или въ смыслѣ облегченія дѣятельности прогрессивныхъ элементовъ,— при томъ, конечно, непремѣнномъ условіи, что выполненіе этихъ проектовъ не будетъ заграждать пути для дальнѣйшаго развитія прогрессивнаго движенія. Но какъ бы обдуманно и тактично ни вели себя въ Думѣ прогрессивныя партіи, нельзя надѣяться на то, чтобы они могли направить дѣятельность Думы по-своему. Чисто правые слишкомъ далеки отъ к-д-товъ по своей психологіи и вражда ихъ къ послѣднимъ слишкомъ непримирима. Это они высказывали не только раньше, но и наканунѣ открытія 3-й Думы. Что касается до октябристовъ, то безпринципность ихъ какъ партіи дѣлаетъ возможнымъ подчиненіе ихъ болѣе опредѣленнымъ и болѣе энергичнымъ партіямъ, стоящимъ возлѣ нихъ и справа и слѣва; но собственныя симпатіи большинства ихъ влекутъ ихъ скорѣе вправо, что подтверждается и совмѣстной ихъ съ правыми выборной агитаціей противъ к-д-товъ. Единственное, что могло бы ихъ оттолкнуть, это какой-нибудь явный и рѣзкій протестъ правыхъ противъ конституціоннаго строя. Но такой протестъ едва ли вѣроятенъ, съ одной стороны, потому, что существующій строй установленъ волею монарха, выраженной въ манифестѣ 17 октября, и протестъ противъ него поставилъ бы правыхъ въ противорѣчіе съ ихъ монархическими принципами, а съ другой стороны для нихъ, какъ и для ихъ противниковъ, достаточно ясно, что такая конституція, какая теперь существуетъ у насъ, не мѣшаетъ нисколько сохраненію дорогого имъ ста-

раго порядка. Такимъ образомъ всего вѣроятнѣе въ думской дѣятельности октябристовъ произойдетъ то, что меньшинство ихъ вовсе отколется отъ партіи, перейдя къ к-д-тамъ или мирнообновленцамъ, большинство же пойдетъ на буксирѣ правыхъ. Вѣроятность того и другого доказывается уже фактами: 31 октября изъ состава парламентской фракціи октябристовъ вышелъ харьковскій депутатъ Антоновъ и съ нимъ двадцать человѣкъ крестьянъ. Всѣ они были недовольны неясностью позиціи, занятой октябристами, въ особенности по отношенію къ аграрному вопросу и измѣнчивостью ихъ взглядовъ. На бывшемъ на другой день соединенномъ засѣданіи октябристовъ съ правыми, послѣднимъ удалось заставить октябристовъ согласиться на всѣ ихъ требованія: уступить правымъ мѣсто товарища предсѣдателя, секретаря и двухъ помощниковъ секретаря въ Думѣ, хотя раньше октябристы предполагали отдать мѣсто товарища предсѣдателя и помощника секретаря членамъ к-д-ской партіи; точно такъ же правые поставили на своемъ по поводу вопроса о посылкѣ всеподданнѣйшей телеграммы. Раньше, въ своей средѣ, октябристы относились къ этому вопросу отрицательно, теперь согласились на поднесеніе всеподданнѣйшаго адреса, съ той лишь оговоркой, чтобы къ составленію его Дума приступила послѣ пріема предсѣдателя Думы въ Царскомъ Селѣ. Вѣроятно, такъ же пойдетъ дѣло и въ самой Думѣ; поэтому трудно ожидать, чтобы работы Думы привели къ какимъ-нибудь серьезнымъ реформамъ: лозунгомъ правыхъ будетъ конечно: оставить все по-старому, а октябристы будутъ проводить реформы, но такія, которыя ничего бы не реформировали. Въ послѣднемъ родѣ будутъ вѣроятно и реформы, проектируемыя правительствомъ. Въ числѣ такихъ реформъ на одной изъ первыхъ очередей стоитъ, напримѣръ, замѣна нынѣшнихъ трехъ формъ исключительнаго положенія, т.-е. усиленной и чрезвычайной охраны и военнаго положенія—одной общей. При этомъ, сколько извѣстно по слухамъ, такъ какъ проектъ этотъ не былъ опубликованъ, предполагается обставить эту новую форму охраны нѣкоторыми ограниченіями; она объявляется на опредѣленный срокъ, не свыше трехъ мѣсяцевъ, въ объявленіи должны быть указаны причины, вызывающія эту мѣру, которая и распространяется исключительно на мѣстности, гдѣ имѣлись такія причины. Все это какъ будто бы дѣйствительно вноситъ извѣстныя ограниченія въ тотъ произволъ, который до сихъ поръ дѣйствовалъ въ сферѣ исключительныхъ положеній. Но какое значеніе будутъ имѣть эти правила на практикѣ? Вѣдь причину для введенія исключительнаго положенія всегда будетъ нетрудно указать, особенно если предѣлять достаточность этой причины будетъ та же власть, которая водитъ исключительное положеніе. Срочность этой мѣры формально признавалась и теперь, но это не мѣшало по окончаніи срока назначать ее на новый срокъ, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ режимъ исключительнаго положенія продолжается уже болѣе двухъ десятковъ лѣтъ. Такимъ образомъ новыя правила едва ли измѣнятъ на практикѣ положеніе вещей; между тѣмъ принятіе ихъ Думой дастъ имъ какъ бы нравственную санк-

цію и еще болѣе укрѣпить на будущее время то нѣсколько казавшееся страннымъ положеніе, что то, что на словахъ называется исключительнымъ, на дѣлѣ является у насъ нормальнымъ. При нынѣшнемъ составѣ Думы такая санкція, вѣроятно, и будетъ дана ею. Конечно, и правительство разсчитывать на это, такъ какъ оно, вообще, намѣрено, повидимому, въ своихъ проектахъ приноравливаться къ предполагаемому настроенію Думы или тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые въ настоящее время являются господствующими въ Думѣ. Получается довольно неожиданное явленіе: правительство какъ будто намѣрено руководиться общественнымъ мнѣніемъ; только за это мнѣніе оно признаетъ мнѣніе не большинства народа, а привилегированныхъ классовъ: крупныхъ землевладѣльцевъ и крупныхъ промышленниковъ. Считаясь съ этими мнѣніями, правительство, прежде внесенія въ Думу законопроекта о мѣстномъ самоуправленіи, уже давно изготовленнаго, сочло нужнымъ снова разсмотрѣть его, если не въ земскихъ собраніяхъ, какъ хотѣли дворянскіе земцы, то въ особомъ «совѣтѣ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, съ привлеченіемъ къ участію въ работахъ совѣта сверхъ постоянныхъ его членовъ возможно большаго числа общественныхъ дѣятелей, близко знакомыхъ съ условіями мѣстнаго хозяйства». Такая форма разсмотрѣнія законопроектовъ съ участіемъ мѣстныхъ «свѣдущихъ людей» существовала еще при Плеве и теперь возобновляется съ тою разницей, что теперь «свѣдущіе люди» не приглашаются по усмотрѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, а избираются земскими собраніями, что объясняется, конечно, нынѣшнимъ составомъ земскихъ собраній, внушающихъ большее къ себѣ довѣріе, чѣмъ прежнія. Такимъ путемъ достигаются двѣ цѣли: дается удовлетвореніе дворянскимъ земцамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ законодательство не уходитъ изъ рукъ бюрократіи. Въ разосланномъ по этому поводу черезъ губернаторовъ циркулярѣ такъ и говорится, что такой способъ предварительнаго разсмотрѣнія законопроекта министръ избралъ, «идя навстрѣчу» желаніямъ земскихъ учрежденій и дѣятелей; въ томъ же циркулярѣ министръ признаетъ, «что заготовленные проекты, какъ по условіямъ ихъ разработки, произведенной силами исключительно центральныхъ учрежденій, такъ и въ виду чрезвычайной сложности самой задачи могутъ оказаться недостаточно сообразованными съ современными общественными и экономическими условіями», а, слѣдовательно, могутъ быть и измѣнены согласно съ указаніями дворянъ-земцевъ. Правительство, однако, не проявляло такой скромности при изданіи такихъ несомнѣнно связанныхъ съ самыми сложными общественными и экономическими условіями законовъ, какъ изданные имъ на осн. 87 ст. осн. зак. аграрные законы. Поэтому надо думать, что дѣло тутъ не въ скромности, а въ томъ, чтобы найти предлогъ для отказа отъ собственнаго своего проекта, который по настроенію времени оказывается уже слишкомъ либеральнымъ. Предварительному разсмотрѣнію «свѣдущихъ людей» подверглись и вносимые въ Думу министерствомъ торговли и промышленности законопроекты, касающіеся рабочаго законодательства. Одновременно съ разработкой ихъ

въ министерствѣ шла разработка ихъ въ «совѣтѣ съѣздовъ представителей промышленности и торговли» и въ «обществѣ для содѣйствія русской промышленности». Разумѣется, рабочіе не были призваны къ обсужденію вопросовъ, непосредственно ихъ касающихся, такъ какъ правительство намѣрено, повидимому, въ этомъ случаѣ считаться только съ мнѣніемъ одной заинтересованной стороны, представителей промышленнаго капитала, такъ же, какъ въ вопросахъ аграрномъ и мѣстнаго самоуправленія оно считается только съ мнѣніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Понятно, что и составленные при такихъ условіяхъ законопроекты не могутъ заключать въ себѣ какой-нибудь серьезной реформы. Сколько извѣстно, въ нихъ говорится только о врачебной помощи и страхованіи, объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій о наймѣ и о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени, но нѣтъ ни слова о такихъ вопросахъ, какъ учрежденіе примирительныхъ камеръ или спеціальныхъ промышленныхъ судовъ съ выборными судьями, реформа фабричной инспекціи, пересмотръ правилъ о профессіональныхъ союзахъ, хотя всѣ эти, конечно, весьма важные вопросы раньше значились въ министерской программѣ; очевидно, теперь внесеніе ихъ признано несвоевременнымъ. Правда, относительно нормировки рабочаго времени министерскій проектъ заключаетъ въ себѣ сокращеніе его для взрослыхъ рабочихъ съ $11^1/_2$ часовъ до $10^1/_2$ часовъ, но противъ этого положенія ведется сильная борьба со стороны фабрикантовъ и заводчиковъ, и еще неизвѣстно, останется ли оно въ проектѣ; впрочемъ, даже и въ такомъ случаѣ оно компенсируется установляемой въ немъ возможностью гораздо большаго, чѣмъ теперь, примѣненія сверхурочныхъ работъ. При солидарности въ Думѣ представителей крупнаго землевладѣнія и крупной промышленности, составляющихъ въ ней несомнѣнное большинство, разумѣется, невозможно ожидать, чтобы въ ней прошелъ какой-нибудь законопроектъ, нарушающій, по мнѣнію этого большинства, ихъ классовые интересы. Все это ведетъ къ тому заключенію, что, какъ мы уже говорили, задачей прогрессивныхъ партій становится не только, и даже, пожалуй, не столько работа въ Думѣ, сколько подготовительная работа въ странѣ. Сами по себѣ даже и хорошіе законы являются безсильными, если ихъ не поддерживаетъ сила сознательнаго и организованнаго народнаго мнѣнія. Въ этомъ случаѣ мы можемъ только повторить сказанное Г. Н. Штильманомъ въ его статьѣ о 87 статьѣ Осн. зак. (*Русская Мысль*, кн. IX): «Попытка изобрѣсти *формально-юридическое* противоядіе отъ всѣхъ вообще могущихъ на практикѣ возникнуть злоупотребленій потерпѣла бы полную неудачу... Есть только одно средство успѣшной борьбы съ подобными злоупотребленіями: это неустанная забота о торжествѣ права. Въ эту именно сторону зрѣлымъ элементамъ русскаго общества и слѣдуетъ сейчасъ направить свои усилія». И тутъ нужна даже не столько партійная пропаганда въ собственномъ смыслѣ слова, сколько содѣйствіе развитію и организаціи политическаго народнаго самосознанія, политической культуры народа. Въ самомъ дѣлѣ, отчего мы оказываемся такъ политически безсильны? Отчего

мы имѣемъ конституцію на словахъ, а на дѣлѣ управляемся бюрократическимъ произволомъ и отчего этотъ произволъ держится такъ прочно? Говорятъ, что реальная сила находится всецѣло въ рукахъ правительства, солидарнаго съ тѣми общественными классами, которые стоятъ за реакцію. Конечно, результатъ всякой борьбы находится въ зависимости отъ преобладанія реальной силы на той или на другой сторонѣ, но вѣдь не одна физическая сила есть дѣйствительная реальная сила; иногда и моральная сила можетъ имѣть не меньшее, если не большее вліяніе на ходъ общественной жизни. Примѣровъ такого вліянія очень много въ исторіи. Въ этомъ отношеніи особенно поучительно сравнить съ нашимъ положеніемъ положеніе дѣлъ въ Германіи. Тамъ, какъ и у насъ, парламентъ далеко не обладаетъ такимъ могуществомъ, какъ, напримѣръ, въ Англіи, и избраніе министерства зависитъ не отъ парламента, а отъ верховной власти. Тамъ есть помимо министерства вліятельныя сферы, притомъ очень не высокихъ нравственныхъ качествъ, какъ показала, напримѣръ, недавняя исторія графа Мольтке и другихъ членовъ придворнаго кружка. Въ Германіи есть и дворяне-землевладѣльцы, интересы которыхъ противоположны интересамъ большинства населенія и баронскій духъ которыхъ мало чѣмъ отличается отъ настроенія нашего дворянства, есть и промышленная буржуазія, даже болѣе сильно сорганизованная, чѣмъ наша, и очень подозрительно и недоброжелательно относящаяся ко всякаго рода попыткамъ серьезныхъ экономическихъ реформъ. Наконецъ, въ Германіи есть многочисленное и очень сильное войско, не разъ получавшее внушенія въ томъ смыслѣ, что оно должно служить для борьбы съ врагами не только внѣшними, но и внутренними, и командующіе этимъ войскомъ генералы и офицеры принадлежатъ, какъ и у насъ, въ огромномъ большинствѣ къ привилегированному классу. Словомъ, очень многія черты, играющія несомнѣнно важную роль въ установленіи соотношенія реальныхъ силъ, сходны въ Германіи и у насъ. Тѣмъ не менѣе тамъ нѣтъ ничего подобнаго тому, что дѣлается у насъ: нѣтъ ни постоянныхъ чрезвычайныхъ положеній, ни генералъ-губернаторскаго самодержавія, ни ежегодной казни тысячи человѣкъ, ни законовъ, вводимыхъ помимо парламента; съ другой стороны—тамъ нѣтъ и ежедневныхъ убійствъ, экспропріацій, поджоговъ и т. п. Экономическая и политическая борьба различныхъ классовъ и партій существуетъ и тамъ, но она ведется на легальной почвѣ, и даже такая партія, какъ германскіе соціалъ-демократы, столь же мало пріятная правительству и дворянскимъ и буржуазнымъ кругамъ, какъ и наши соціалистическія партіи, не загоняются въ конспирацію, а дѣйствуетъ тоже открыто и легально, какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ его. А у насъ быть не только соціалъ-демократомъ, но и членомъ партіи народной свободы считается уже преступнымъ: бывали случаи прямого привлеченія къ уголовной отвѣтственности за одну принадлежность къ нелегализированной партіи. Такъ, на-дняхъ было извѣстіе изъ Твери, что къ обвиненію по 124 ст. Улож. привлекается членъ

2-й Думы А. П. Бакунинъ за то только, что онъ состоялъ членомъ мѣстнаго комитета партіи народной свободы. Главная же разница между нѣмцами и нами, между тамошнимъ политическимъ положеніемъ и нашимъ, это признаніе незыблемости закона. И самые высокопоставленныя лица, и самый консервативный бюргеръ, и самый крайній соціалистъ-рабочій сознаютъ, что законность есть необходимое условіе не только для правильнаго хода государственной жизни, но и для простого общежитія, что въ обществѣ можетъ быть какой угодно консерватизмъ и либерализмъ, но не можетъ быть безшабашности. А у насъ именно эта безшабашность сверху и снизу, свободно переходящая черезъ всякія законныя грани, составляетъ, если можно такъ выразиться, руководящее начало нашей жизни. Никто не знаетъ, что онъ можетъ дѣлать и что съ нимъ могутъ дѣлать; поэтому постоянно происходятъ неожиданности. Въ Тамбовѣ, напримѣръ, губернаторъ Муратовъ оштрафовалъ на 500 руб. помощника присяжнаго повѣреннаго Шатова за защитительную рѣчь, произнесенную въ судебномъ засѣданіи, въ которой губернаторъ усмотрѣлъ ложное утвержденіе о томъ, что «полиція подъ боемъ заставляетъ неповинныхъ лицъ сознаваться и принимать на себя небывалыя преступленія». Распоряженіе губернатора было отмѣнено министромъ внутреннихъ дѣлъ, но характерно для настоящаго времени такое непониманіе своихъ правъ однимъ изъ высшихъ представителей администраціи. Въ Вологдѣ инженеръ Скрябинъ не снялъ шапку при встрѣчѣ съ крестнымъ ходомъ, въ которомъ была и хоругвь союза русскаго народа. Кто-то изъ толпы сорвалъ съ него шапку. Губернаторъ рѣшилъ посадить въ тюрьму... Вы думаете того, кто сорвалъ шапку? Нѣтъ, г. Скрябина, за то, что «означенный демонстративный поступокъ г. Скрябина (никакимъ закономъ не воспрещаемый) могъ вызвать со стороны религіозно-настроенной и возбужденной оскорбительнымъ неуваженіемъ къ ея вѣрованіямъ и убѣжденіямъ громадной толпы дальнѣйшія избіенія лицъ, почему-либо заподозрѣнныхъ въ несочувствіи процессіи». Значитъ, всякій, по мнѣнію вологодскаго губернатора, обязанъ выказывать сочувствіе толпѣ, особенно, когда она, какъ считаетъ нужнымъ подчеркнуть губернаторъ, идетъ со знаменемъ союза русскаго народа. Ну, а если бы такая же толпа шла съ красными знаменами, то можно ли было бы относиться съ неуваженіемъ къ ея убѣжденіямъ? Очевидно, дѣло не въ возбужденіи толпы, и въ этомъ маленькомъ происшествіи мы видимъ проявленіе того же положенія вещей, въ силу котораго одесская администрація объясняла, что когда «союзники» избиваютъ евреевъ, то виноваты евреи, такъ какъ они служатъ источникомъ возбужденія патріотическаго негодованія. Безшабашныя проявленія беззаконнаго самосуда снизу слишкомъ многочисленны, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы нужно было приводить отдѣльные примѣры. Отмѣтимъ развѣ одинъ довольно оригинальный фактъ. До сихъ поръ мы все слышали о поджогахъ крестьянами помѣщичьихъ имѣній. Теперь крупные помѣщики Тверского уѣзда, трое братьевъ Хвостовыхъ, изъ которыхъ одинъ состоитъ

предсѣдателемъ, а другіе членами мѣстнаго отдѣла союза русскаго народа, обвиняются въ поджогѣ жилыхъ строеній живущаго по сосѣдству съ ними крестьянина Волкова. Суда еще не было, и дѣло будетъ слушаться въ ноябрѣ тверскимъ окружнымъ судомъ, но судя по тому, что прокуроръ судебной палаты распорядился заключить обвиняемыхъ подъ стражу и они не подверглись заключенію, лишь внеся 45,000 руб. залога, надо думать, что наличность преступленія достаточно установлена, или ужъ предположить необыкновенное легкомысліе прокуратуры. Такимъ образомъ мы видимъ повсюду, съ одной стороны, отсутствіе легальной защиты своихъ правъ, съ другой—самосудъ; моральное сознаніе общества несомнѣнно понижается, и оно идетъ прямо по пути къ нравственной анархіи. Естественно, что въ народѣ отсутствуетъ сила коллективной воли, способной поставить преграду нарушеніямъ его общегосударственныхъ правъ. Поэтому и конституція наша превращается на дѣлѣ въ произволъ бюрократіи. Очевидно, что бороться противъ этого надо не столько въ Думѣ, сколько внѣ Думы, развивая и организуя народное сознаніе. Конечно, въ настоящихъ условіяхъ это крайне трудно, такъ какъ на всѣхъ путяхъ, ведущихъ къ политическому, да и всякому свободному развитію и организаціи народа, воздвигнуты преграды. Но вѣдь трудность и тяжесть борьбы доказываютъ лишь необходимость удвоить усилія. Если бы не было этихъ преградъ, если бы у насъ была дѣйствительная свобода печати, свобода собраній и союзовъ, и т. п., то вѣдь это доказывало бы, что уже достигнуто то, чего именно требуется достигнуть. Обязанность работать въ этомъ направленіи особенно несомнѣнна для прогрессивныхъ партій, какъ той части общества, которая по развитію своего общественнаго сознанія и своей большей организованности, находится въ сравнительно лучшихъ условіяхъ для такой работы. Сколько извѣстно, партія народной свободы пришла къ заключенію о необходимости для нея обратить особое вниманіе на свою внѣпарламентскую дѣятельность. Разработкѣ этого вопроса былъ посвященъ заслушанный въ закрытомъ засѣданіи гельсингфорсскаго съѣзда партіи докладъ А. М. Колюбакина. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ *Русскими Вѣдомостями* (№ 250), въ городскихъ и районныхъ комитетахъ партіи тоже обсуждался этотъ вопросъ, причемъ высказывалось, что внѣпарламентская дѣятельность партіи должна быть усилена; необходимо также обратить вниманіе на усиленіе культурной работы и распространеніе идей партіи среди демократическихъ слоевъ населенія. На-дняхъ по этому поводу въ Петербургѣ состоялось пленарное засѣданіе городскихъ комитетовъ съ участіемъ представителей городскихъ районовъ для выработки подробнаго плана дальнѣйшихъ дѣйствій. Изъ появившагося недавно отчета центральнаго комитета партіи за два года, съ октября 1905 по 1907 гг., видно, что кромѣ агитаціонныхъ поѣздокъ, лекцій, разсылки листковъ и т. п. мѣропріятій, имѣвшихъ по преимуществу предвыборный характеръ, болѣе общее значеніе имѣла только издательская дѣятельность партіи. Къ числу издательскихъ предпріятій относятся изданіе *Вѣстника Народной Свободы*, про-

должающееся и понынѣ, временное изданіе газеты *Думскій Листокъ*, изданіе дешевыхъ брошюръ по политическимъ и общественнымъ вопросамъ подъ общей фирмой издательства *Народное Право* и устройство бюро для обслуживанія нуждъ провинціальной печати. Развитіе издательской дѣятельности шло однако слишкомъ слабо для того, чтобы имѣть сколько-нибудь серьезное вліяніе на народное политическое развитіе. Причины этого—отчасти затрудненія, связанныя съ положеніемъ нелегализованной партіи, а отчасти и недостатокъ средствъ, въ значительной мѣрѣ обусловленный той же нелегализованностью. Всѣ попытки добиться легализаціи были до сихъ поръ неудачны. Ходъ этого дѣла разсказанъ въ томъ же отчетѣ: тотчасъ послѣ изданія правилъ 4 марта 1906 г. о союзахъ уставъ партіи, согласно съ этими правилами, былъ представленъ градоначальнику. Разсмотрѣнъ онъ былъ въ присутствіи по дѣламъ объ обществахъ только 1 сентября и въ регистраціи было отказано вслѣдствіе «неопредѣленности цѣлей партіи» и несоблюденія нѣкоторыхъ мелкихъ формальностей. Все это было исправлено, 12 сентября уставъ вновь представленъ, и 30 января 1907 г. въ регистраціи его было отказано, потому что въ числѣ подписавшихъ его были лица, привлеченныя къ суду за выборгское воззваніе. Черезъ нѣсколько дней уставъ былъ вновь представленъ безъ этихъ подписей; на этотъ разъ отказъ послѣдовалъ за не указаніемъ, какими способами будетъ достигаться поставленная себѣ партіей цѣль. Включивши въ уставъ фразу, что цѣль будетъ достигаться всѣми законными способами, центральный комитетъ снова представилъ уставъ, обжаловавъ вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшеніе присутствія въ сенатъ. Съ тѣхъ поръ и понынѣ ни отъ присутствія, ни отъ сената нѣтъ никакого отвѣта, и партія продолжаетъ считаться нелегализованной.

Извѣстно, какія преграды для всякаго общенія съ народомъ ставились Думѣ перваго и втораго созыва. Это могло быть, конечно, объяснено «крамольнымъ» характеромъ этихъ Думъ. Но вотъ теперешняя третья Дума стоитъ, кажется, внѣ всякаго подозрѣнія въ соучастіи въ крамолѣ или въ сочувствіи къ ней. Однако и эта благонадежная Дума едва ли не больше двухъ первыхъ изолируется отъ народа. Такова ужъ, значитъ, незыблемая традиція администраціи. Были, во-первыхъ, приняты мѣры къ тому, чтобы въ день открытія Думы не было на ближайшихъ къ Таврическому дворцу улицахъ толпы, какая была при открытіи первыхъ двухъ Думъ. Съ этой цѣлью петербургскій градоначальникъ издалъ приказъ о томъ, что не только не будутъ допущены какія-либо дѣйствія демонстративнаго характера, но и остановка толпой или отдѣльными группами на ближайшихъ къ Думѣ улицахъ; виновные въ неисполненіи этихъ требованій будутъ подвергаться взысканію въ порядкѣ Положенія о чрезвычайной охранѣ. Этими мѣрами было достигнуто то, что въ день открытія Думы окрестности Таврическаго дворца были совершенно безлюдны и наполнены только многочисленными нарядами пѣшей и конной полиціи. Движеніе экипажей, извозчиковъ, даже пѣшеходовъ было прекращено, и на перекрест-

кахъ поставлены рогатки. Жильцамъ домовъ ближайшихъ къ Таврическому дворцу запрещено было выходить на улицу, въ нѣкоторыхъ домахъ (въ школѣ, въ чайной) даже закрыты были ставни. И депутаты двигались къ дворцу при полномъ безмолвіи, вмѣсто привѣтствій, которыми встрѣчались депутаты двухъ первыхъ Думъ. Въ самомъ зданіи дворца, еще за три дня до открытія Думы введена была военная и полицейская охрана въ полномъ составѣ. 18 октября Высочайше утверждены были новыя правила объ охранѣ порядка въ помѣщеніяхъ Думы. По этимъ правиламъ даже члены Государственнаго Совѣта и сенаторы должны заявлять за три дня, а остальныя, непринадлежащія къ составу Думы, лица за недѣлю о своемъ желаніи присутствовать на засѣданіи Думы. Пропускной билетъ выдается не иначе какъ съ согласія завѣдующаго охраной, который можетъ и отказать въ пропускѣ. По первому требованію этого завѣдующаго охраной, которому принадлежитъ надзоръ во всѣхъ частяхъ дворца, кромѣ помѣщенія, занимаемаго самой Думой, билетъ долженъ быть предъявленъ не только посторонними посѣтителями, но и самими членами Думы и служащими. Особое вниманіе обращено въ правилахъ на представителей печати. Мѣста имъ отведены на галлереѣ, гдѣ и по акустическимъ условіямъ, и по отсутствію какихъ бы то ни было приспособленій, и по тѣснотѣ репотерская работа будетъ крайне трудна и утомительна. Распредѣленіе мѣстъ между представителями печати, по одному на изданіе, производится главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати. Всего отведено 47 мѣстъ для русскихъ и 23 мѣста для иностранныхъ журналистовъ. Билетъ каждому выдается на годъ, но можетъ быть и отобранъ, если предсѣдатель Думы или завѣдующій охраной найдутъ нужнымъ прекратить доступъ въ засѣданія лицу, получившему билетъ. Въ кулуары Думы представители печати и постороннія лица не допускаются, такимъ образомъ всякое непосредственное общеніе съ депутатами дѣлается невозможнымъ и пропадаетъ самая интересная сторона корреспондентскихъ сообщеній изъ Думы, такъ какъ присутствуя только въ залѣ засѣданія, конечно, ничего не узнаешь, кромѣ того, что будетъ записано въ стенографическомъ отчетѣ. Во всѣхъ европейскихъ парламентахъ представителямъ печати не только предоставлены всѣ удобства для работы, тогда какъ у насъ нѣтъ даже столовъ, на которыхъ можно было бы писать, не говоря уже о телефонѣ или телеграфѣ, но они имѣютъ и полную возможность общенія съ депутатами. «Насъ терпятъ,—говоритъ по этому поводу *Слово,*—какъ какихъ-то подозрительныхъ соглядатаевъ, загнанныхъ въ куриныя клѣтки и состоящихъ подъ постояннымъ присмотромъ полиціи». И даже г. Пиленко въ *Новомъ Времени* находитъ, что «весь практическій результатъ новыхъ правилъ сведется къ тому, что работа думскаго репортажа затруднится въ нѣсколько разъ и отчеты сдѣлаются хуже». Это, конечно, но съ полицейской точки зрѣнія стоитъ ли объ этомъ жалѣть. Чѣмъ менѣе гласности получаетъ дѣятельность Думы и чѣмъ меньше интереса въ публикѣ будутъ возбуждать думскіе отчеты, тѣмъ «спокойнѣе».

Закулисный способъ дѣйствій продолжаетъ практиковаться въ бюрократическихъ сферахъ, гдѣ самыя важныя распоряженія проводятся иногда даже не въ порядкѣ іерархической подчиненности однихъ распорядителей другимъ, а въ силу большей симпатіи вліятельныхъ сферъ къ тому или другому лицу или мѣропріятію. Интересный примѣръ такихъ отношеній представилъ этимъ временемъ инцидентъ, происшедшій въ министерствѣ путей сообщенія. Сущность дѣла заключается въ томъ, что товарищъ министра путей сообщенія генералъ фонъ-Вендрихъ, въ отсутствіи и безъ вѣдома самого министра генерала Шауфуса провелъ докладъ объ организаціи на желѣзныхъ дорогахъ особаго «эксплуатаціоннаго» корпуса, задача котораго въ мирное время будетъ состоять въ борьбѣ со всякаго рода волненіями, могущими возникать на желѣзныхъ дорогахъ. Сообразно съ этой цѣлью, въ корпусъ будутъ зачисляться служащіе, отличающіеся особой благонадежностью, которые будутъ получать двойной окладъ жалованья и разныя другія преимущества. А командиромъ этого корпуса, самостоятельнымъ и неподчиненнымъ министру, назначается генералъ фонъ-Вендрихъ. Весь этотъ проектъ по слухамъ былъ уже утвержденъ и генералъ фонъ-Вендрихъ получилъ назначеніе, безъ разсмотрѣнія этого дѣла въ совѣтѣ министровъ, когда Шауфусъ, узнавши обо всемъ происшедшемъ, заявилъ, что онъ при такихъ порядкахъ не можетъ оставаться министромъ и подаетъ просьбу объ отставкѣ. Въ связи съ этимъ распространился слухъ, что и премьеръ-министръ Столыпинъ тоже уходитъ; однако вскорѣ инцидентъ былъ улаженъ. Вопросъ объ эксплоатаціонномъ корпусѣ былъ разсмотрѣнъ въ совѣтѣ министровъ не столько по существу, какъ по поводу того, что генералъ фонъ-Вендрихъ пытался провести свой планъ безъ вѣдома и своего министра и предсѣдателя совѣта министровъ. Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появилось сообщеніе о томъ, что проектъ эксплотаціоннаго корпуса еще находится въ «стадіи предварительнаго соображенія». Этимъ, повидимому, удовлетворились и министръ путей сообщенія и предсѣдатель совѣта министровъ, и оба остались на своихъ мѣстахъ. Остался при своемъ новомъ назначеніи и генералъ фонъ-Вендрихъ. Говоря объ этомъ инцидентѣ въ *Руси*, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ справедливо указываетъ на него, какъ на признакъ «поворота въ психологіи канцеляріи, сферъ и гостиныхъ, къ старому и давно знакомому». Личные мотивы и закулисныя интриги,—говоритъ онъ,—всегда играли у насъ главную роль во внутренней политикѣ. Про смѣну министровъ такъ и говорили всегда: такой-то «съѣлъ» такого-то. Реформа вѣдомства или какое-либо мѣропріятіе, проводившіяся однимъ и оспаривавшіяся другимъ, были очевиднымъ для всѣхъ предлогомъ, за которымъ стояли интересы, ничего общаго ни съ мѣропріятіемъ, ни съ реформой не имѣющіе». Любопытно, что въ данномъ случаѣ и протестъ и примиреніе состоялись на почвѣ личнаго удовлетворенія, самый же проектъ генерала фонъ-Вендриха какъ будто во всемъ этомъ дѣлѣ отошелъ на второй планъ, потому ли, что вопросъ о немъ считался неважнымъ, хотя онъ вносилъ очень су-

щественныя измѣненія въ дѣло желѣзно-дорожной службы и грозилъ вызвать довольно значительные расходы, или, что всего вѣроятнѣе, потому что принятіе проекта было предрѣшено въ такихъ сферахъ, съ которыми спорить было невозможно. Характерна еще та черта, что какъ раньше «съ точки зрѣнія стратегической, можно было Волгу запрудить», такъ теперь можно провести какой угодно проектъ, если онъ будетъ стоять на точкѣ зрѣнія охраны и борьбы съ крамолой. Выдвигается прежде всего проектъ о желѣзно-дорожной службѣ въ смыслѣ приданія ей военно-полицейскаго характера. А между тѣмъ желѣзно-дорожное дѣло съ точки зрѣнія технической и финансовой по признанію самого министерства путей сообщенія, угрожаетъ полнымъ разстройствомъ, если не будутъ немедленно приняты самыя энергическія мѣры, требующія затраты многомилліонныхъ суммъ, чтобы привести его въ порядокъ. Изъ представленія министра путей сообщенія, подготовляемаго для внесенія въ Государственную Думу, оказывается, что техническое состояніе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ ниже всякой критики. Товарное движеніе пришло въ такое разстройство, что «вагоны простаиваютъ больше на станціяхъ, чѣмъ находятся въ пути»; коммерческая скорость перевозки грузовъ не превышаетъ 6—8 верстъ въ часъ, въ результатѣ всѣхъ неисправностей залежи достигаютъ 46,000 вагоновъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, число это увеличилось до 47,083 вагоновъ, въ томъ числѣ хлѣбныхъ грузовъ 43,349 вагоновъ. Главная причина такой плохой желѣзно-дорожной техники заключается въ сокращеніи сверхъ возможности расходовъ по ремонту дорогъ и особенно ихъ подвижного состава. Передъ японской войной расходы на этотъ предметъ составляли болѣе 100 мил. руб.; съ началомъ войны они стали понижаться, потому что деньги шли на войну, и въ 1906 г. дошли до цифры 71,3 мил. Но сокращеніе расходовъ и соотвѣтственное ухудшеніе технической постановки желѣзно-дорожнаго дѣла отразилось и на доходности дорогъ. И въ настоящее время финансовая сторона желѣзно-дорожнаго хозяйства не лучше технической. Съ 1900 г. небольшой чистый доходъ по этой статьѣ замѣнился ежегодными дефицитами, сначала не очень значительными—въ среднемъ выводѣ за пять лѣтъ 1900—1904 года около 26 мил. ежегодно, но съ 1905 г. дефицитъ сталъ быстро возрастать: въ этомъ году онъ равнялся 89,5 мил., въ 1906 г.—103,6 мил. и въ 1907 г. по предварительнымъ разсчетамъ 117 м., а вѣроятно окажется и больше. Разумѣется, причина дефицита лежитъ не только въ убыточности хозяйства на прежнихъ дорогахъ, но и въ постройкѣ сибирской дороги и разныхъ стратегическихъ линій. Во всякомъ случаѣ желѣзно-дорожное хозяйство требуетъ для своего приведенія въ порядокъ радикальныхъ мѣръ, которыя вызовутъ громадные расходы, общая сумма которыхъ опредѣляется министерствомъ путей сообщенія почти въ милліардъ рублей. Такая сумма можетъ быть получена не иначе какъ путемъ займа; но нѣтъ сомнѣнія, что такой заемъ могъ бы быть сдѣланъ безъ затрудненія, если бы имѣлась увѣренность, что занятыя деньги пойдутъ

дѣйствительно на улучшеніе желѣзно-дорожнаго дѣла, что улучшеніе это будетъ производиться по строго выработанному плану, а не по мѣняющемуся настроенію того или другого министра или какихъ-нибудь вліятельныхъ сферъ, наконецъ, что выполненіе техническихъ работъ будетъ находиться подъ строгимъ и добросовѣстнымъ контролемъ, а не такъ, какъ строились, наприм., наши суда, погибшіе при Цусимѣ. Но будутъ ли всѣ эти условія—вотъ въ чемъ вопросъ, на который въ настоящее время едва ли возможно съ полной увѣренностью дать утвердительный отвѣтъ. Напротивъ, мы знаемъ, что бюрократическіе порядки и обычаи, бывшіе раньше, остались и теперь, а что принципъ личнаго усмотрѣнія остается господствующимъ во всѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ. А отъ нынѣшней Думы едва ли можно ожидать какой-либо оппозиціи этому принципу, равно какъ и серьезнаго контроля надъ дѣйствіями правительства. Впрочемъ, это скоро выяснится при разсмотрѣніи Думой государственнаго бюджета. Но пока что, мы едва ли можемъ считать себя застрахованными отъ повторенія всего, что дала намъ бюрократія до сихъ поръ.

Гурко осужденъ, но ничто не доказываетъ, что не явится новый Гурко и распорядится также по личному усмотрѣнію отдачей въ руки какого-нибудь своего знакомаго хотя бы дѣла того же народнаго продовольствія. Это дѣло правительство не прочь сдать земству, но земство не имѣетъ большой охоты принимать его на себя, особенно при сохраненіи нынѣшняго продовольственнаго устава. Между тѣмъ продовольственный вопросъ требуетъ самаго серьезнаго вниманія. Въ нынѣшнемъ году, повидимому, нѣтъ такого общаго недорода въ цѣлыхъ обширныхъ полосахъ Россіи, какой былъ въ прошломъ году; но отъ этого не легче населенію тѣхъ, хотя бы и единичныхъ мѣстностей, которыя и въ нынѣшнемъ году постигнуты неурожаемъ. А такія мѣстности имѣются въ 21 губерніи; и изъ нихъ значительное большинство принадлежитъ къ чисто-земледѣльческимъ районамъ, гдѣ неурожай лишаетъ населеніе почти всякихъ средствъ существованія и заставляетъ его неминуемо обращаться къ государственной помощи. Продовольственный отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ полагаетъ, что помощь понадобится въ размѣрѣ 7.732,000 р., но по прежнимъ опытамъ извѣстно, что первоначальныя цифры продовольственной помощи всегда назначаются ниже дѣйствительной необходимости и значительно возрастаютъ къ концу продовольственной кампаніи. Но даже, если въ нынѣшнемъ году расходъ на продовольственную помощь и не окажется слишкомъ большимъ, то именно въ такое сравнительно спокойное время тѣмъ болѣе слѣдовало бы обратить вниманіе на неправильность общей постановки продовольственнаго дѣла. Вопросъ этотъ очень сложный и находится въ тѣсной связи съ общимъ вопросомъ о мѣрахъ къ поднятію экономическаго положенія мелкаго земледѣльческаго населенія. Недороды въ той или другой полосѣ Россіи сдѣлались, какъ извѣстно, хроническими. Причина этого явленія заключается не только въ климатическихъ случайностяхъ, но и въ плохой обработкѣ земли, которая въ свою очередь обусло-

влена недостаткомъ удобренія, недостаточнымъ количествомъ рабочаго скота, вообще экономическою слабостью крестьянства. Самая площадь посѣвовъ во многихъ мѣстахъ сократилась вслѣдствіе отчасти неимѣнія сѣмянъ, отчасти отсутствія средствъ обработки земли. Затѣмъ всякій неурожай не только временно выводитъ крестьянское хозяйство изъ равновѣсія, но и въ корень разрушаетъ его. При такомъ положеніи вещей система выдачи срочныхъ продовольственныхъ ссудъ является несостоятельной: ссуды или становятся фиктивными и вовсе не взыскиваются, или взысканіе ихъ вноситъ въ крестьянское хозяйство такое же разореніе, какъ и самый неурожай. Необходимо замѣнить эту систему системой безвозвратныхъ пособій, основанной на страховомъ или какомъ-нибудь другомъ началѣ. Кредитъ же земледѣлію долженъ получить долгосрочный, меліораціонный характеръ. Все это крайне важные и насущные вопросы, которыми должна бы была заняться Государственная Дума, если только она окажется способной къ серьезному пониманію своихъ задачъ.

В. Линдъ.

---

15 ноября состоялось чествованіе 50-тилѣтняго юбилея публицистической дѣятельности Константина Константиновича Арсеньева. Редакція *Русской Мысли* горячо привѣтствуетъ маститаго юбиляра, красу и гордость русской публицистики, въ теченіе полувѣка будившаго общественную совѣсть своими блестящими статьями, въ которыхъ глубокій и тонкій анализъ общественныхъ явленій всегда соединялся съ горячимъ чувствомъ гражданина, рыцарски служившаго свободѣ и культурѣ.

Ред.

Иностранная политика.

Россія и Англія.

Великія внутреннія событія, пережитыя Россіей непосредственно вслѣдъ за русско-японской войной, событія, несомнѣнно, связанныя съ этой войной, не дали возможности нашему обществу достаточно оцѣнить другой крупный переломъ, происшедшій въ нашихъ историческихъ судьбахъ, переломъ нашей внѣшней политики. Между тѣмъ именно эта война показала, къ какимъ результатамъ приводитъ традиціонная система, посредствомъ которой направлялась внѣшняя политика Россіи. Возстановить до извѣстной степени потрясенное положеніе нашего отечества въ международномъ мірѣ сдѣлалось возможнымъ лишь путемъ коренного пересмотра этой системы. Конечно, внутреннее неустройство и ненормальныя отношенія между правительствомъ и обществомъ, отсутствіе правомѣрнаго конституціоннаго русла, въ которомъ бы сталкивались и разрѣшались враждующія теченія русской жизни—все это крайне затрудняло и внѣшнюю политическую задачу. Тѣмъ не менѣе надо сказать, что въ этой области произошелъ рядъ первостепенной важности фактовъ, доказывающихъ, какъ дѣйствительно измѣнилась дипломатическая конъюнктура; и среди нихъ едва ли не на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить послѣднее англо-русское соглашеніе. Еще такъ недавно вражда къ «коварному Альбіону» считалась одной изъ обязательнѣйшихъ традицій для русской дипломатіи, а Англія видѣла опаснѣйшаго врага въ Россіи, съ представленіемъ о которой вѣчная угроза для британской Индіи. Знаменитый бардъ англійскаго имперіализма Киплингъ далъ наиболѣе художественную и яркую форму этому чувству своей націи. Европейскіе наблюдатели съ интересомъ всматривались въ этотъ длительный конфликтъ, въ которомъ дѣло шло о судьбахъ Азіи.

Два фактора внесли здѣсь коренное измѣненіе: новая проблема Дальняго Востока, ставшая передъ европейскимъ міромъ, и движеніе Германіи въ сторону «міровой политики» (Weltpolitik). Первая опредѣлилась во всей ея всемірно-исторической важности въ эпоху китайско-японской войны.

Какъ извѣстно, здѣсь произошла новая группировка европейскихъ силъ: права Японіи отстаивала Англія, интересы Китая—Россія, Германія и Франція; именно съ этого момента часто всплываетъ мысль о необходимости противопоставить притязаніямъ Англіи союзъ континентальныхъ державъ, причемъ предполагалось, что постепенно можно даже преодолѣть враждебность Франціи и Германіи. Естественно, особенно оживились эти проекты во время англо-бурской войны, когда по всему европейскому континенту распространена была рѣзкая англофобія. Но именно Дальній Востокъ разрушалъ всѣ эти комбинаціи. Черезъ пять лѣтъ послѣ симоносекскаго договора русскіе, нѣмецкіе и французскіе отряды шли рядомъ съ англійскими и японскими на подавленіе боксерскаго движенія, а призракъ пробудившагося Китая, призракъ панмонголизма и желтой опасности естественно отвлекалъ вниманіе европейскаго міра. Положеніе казалось чрезвычайно запутаннымъ, за совмѣстными дѣйствіями союзныхъ войскъ вовсе не чувствовалось настоящей солидарности державъ. Яснѣе всего опредѣлился рѣзкій антагонизмъ Россіи и Японіи, готовой бороться противъ русскихъ притязаній въ Манчжуріи и особенно Кореѣ. Англія, которая не отказывалась отъ частныхъ соглашеній и съ Россіей, и Германіей, разграничивающихъ сферы вліянія въ Китаѣ, особенно тѣсно соединилась съ Японіей; двумя договорами Ландсдоуна-Гаяши созданъ былъ настоящій англо-японскій союзъ, причемъ, согласно тексту второго, въ сферу дѣйствія союза входила и Индія. А перспектива какого другого иноземнаго вторженія въ Индію могла смущать сенъ-джемскій кабинетъ, кромѣ перспективы вторженія Россіи?

Благодаря союзу, заключенному въ 1902 г., чѣмъ болѣе обострялись отношенія Россіи и Японіи, тѣмъ болѣе противоположными казались интересы Россіи и Англіи. Достаточно вспомнить тонъ англійской печати относительно Россіи наканунѣ открытія враждебныхъ дѣйствій между нами и Японіей. Въ своей книгѣ «La révolte de l'Asie» извѣстный французскій публицистъ Викторъ Бераръ, менѣе всего склонный идеализировать внѣшнюю политику Россіи, возлагаетъ однако на англійскую прессу значительную долю отвѣтственности за самую войну.

Эта война требовала рѣшительной переоцѣнки традиціонныхъ дипломатическихъ цѣнностей. Оказалось, что Россія вовсе не обладаетъ въ Азіи тѣмъ страшнымъ могуществомъ, которое ей приписывалось. Съ другой стороны, оказалось, что Японія есть военная держава перваго ранга, объ истинныхъ силахъ которой самые добросовѣстные европейскіе изслѣдователи не давали точныхъ свѣдѣній. Первыя пораженія Россіи въ общемъ были встрѣчены англичанами съ извѣстнымъ удовлетвореніемъ; но когда вслѣдъ за Тюринченомъ, Кинчжоу и Вафангоу послѣдовали Ляоянъ и Мукденъ, когда Цусима создала для японцевъ морскую гегемонію въ восточно-азіатскихъ водахъ — настроеніе стало замѣтно теряться. Не является ли этотъ необычайный ростъ Японіи великой опасностью для равновѣсія въ Азіи? Тѣмъ болѣе, что японскіе успѣхи находили откликъ

и въ Индокитаѣ, и въ британской Индіи, что среди этихъ народовъ начинала смутно бродить мысль о ихъ естественной солидарности въ борьбѣ противъ европейскаго владычества: за панмонголизмомъ слѣдовалъ паназіатизмъ. Намъ понятно, что въ моментъ заключенія портсмутскаго мира общественное мнѣніе Англіи не могло уже попрежнему смотрѣть на Японію прежде всего, какъ на противовѣсъ русскому владычеству въ Азіи. Умѣренныя условія портсмутскаго мира встрѣчены были съ большимъ сочувствіемъ; можно думать, что если бы Россіи не пришлось жертвовать южнымъ Сахалиномъ, наша традиціонная соперница не была бы этимъ опечалена.

Но портсмутскій договоръ вовсе не разрѣшалъ окончательно всѣхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ войны; мы это достаточно видѣли въ концѣ 1906 г., когда съ одной стороны и японцы проявляли нѣкоторую склонность толковать его параграфы въ духѣ принципа: vae victis, а съ другой—выяснялось, насколько трудно вообще установить на Дальнемъ Востокѣ прочный modus vivendi и къ какимъ значительнымъ послѣдствіямъ ведутъ нѣкоторыя, на первый взглядъ маловажныя, права (напримѣръ, рыболовныя), установленныя въ пользу Японіи. Въ Англіи съ живымъ интересомъ слѣдили за русско-японскими переговорами, и было очевидно, что дальнѣйшія завоеванія японскаго вліянія на счетъ русскаго—сочувствія не встрѣтятъ. Не остались здѣсь безъ вліянія и извѣстныя японофобскія тенденціи, замѣтныя въ англійскомъ колоніальномъ мірѣ—въ Австраліи, Канадѣ.

Съ другой стороны, и русское министерство иностранныхъ дѣлъ, очевидно, понимало, что при существованіи англо-японскаго договора оно можетъ достигнуть прочнаго соглашенія съ Японіей, лишь вступивъ въ болѣе тѣсную связь съ Англіей. Такая связь всегда явится сдерживающимъ мотивомъ для японцевъ на случай ихъ дальнѣйшихъ посягательствъ. Во всякомъ случаѣ разъ созданіе новаго тихоокеанскаго флота представляетъ утопію, а вторая колея сибирской дороги не построена, Россія естественно вынуждена стремиться усилить свою позицію на Дальнемъ Востокѣ моральной поддержкой Англіи.

Другимъ моментомъ, который воздѣйствовалъ на разсѣяніе старой враждебности между Россіей и Англіей, явилась безъ сомнѣнія внѣшняя политика Германіи. Тотъ, кто слѣдилъ за европейской прессой въ періодъ около 1900 г., безъ сомнѣнія былъ пораженъ наличностью въ нѣмецкой публицистикѣ какого-то глубокаго раздраженія и даже озлобленія по адресу Англіи; передъ этимъ новымъ чувствомъ значительно поблекла враждебность къ «наслѣдственному врагу»—Франціи. Особенно это было замѣтно у пангерманистовъ, которые не стѣснялись высказывать въ грубой формѣ и громко произносили то, что другіе, болѣе офиціозные круги хранили про себя. Эту остроту, конечно, было бы наивно относить на долю англо-бурской войны. Несомнѣнно, здѣсь дѣйствовала мысль, что на полѣ міровой политики Германія будетъ имѣть много случаевъ столкнуться съ Англіей.

На очереди, казалось, былъ поставленъ вопросъ не о разрѣшеніи споровъ объ Эльзасъ-Лотарингіи, а раздѣлъ Африки, распредѣленіе сферъ вліянія на Дальнемъ Востокѣ, созданіе опорныхъ пунктовъ въ Тихомъ Океанѣ—и всюду здѣсь выступала противоположность скорѣе англо-германскихъ, чѣмъ франко-германскихъ интересовъ. Это объяснялось, впрочемъ, и самымъ характеромъ германской индустріи, для которой вопросъ о колоніальныхъ рынкахъ стоялъ, несомнѣнно, острѣе, чѣмъ для Франціи, и конкуренція которой съ англійской промышленностью, конкуренція, такъ ярко обрисованная въ замѣчательной книгѣ Берара «Объ англійскомъ имперіализмѣ», являлась соціальной необходимостью.

Съ глубокимъ недовольствомъ смотрѣла Англія на морскую программу Германіи, на ростъ ея военнаго флота. Казалось, имперское правительство и особенно самъ императоръ твердо рѣшились слѣдовать девизу, украшавшему германскій павильонъ на парижской всемірной выставкѣ 1900 г.: «наше будущее—на морѣ». Сообразно съ этимъ англійскій флотъ требовалъ пропорціональнаго увеличенія, пропорціональныхъ добавочныхъ расходовъ. Притомъ опасность морского могущества Германіи не ограничивалась колоніальнымъ міромъ, она была весьма чувствительна на Сѣверномъ морѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Гельголандъ, замыкавшій устья Эльбы, перешелъ въ руки нѣмцевъ. И для Англіи Германія начинала потенціально представлять несравненно серьезнѣйшую угрозу, чѣмъ Франція.

Противоположность интересовъ чувствовалась повсюду; каждый шагъ Германіи въ глубь Малой Азіи и Месопотаміи и каждое ея приближеніе къ Персидскому заливу какъ будто приближало конфликтъ. Для совмѣстнаго, напротивъ, дѣйствія открывалось мало простора. Англія, правда, заключила договоръ съ Германіей, касающійся сферы вліянія въ Китаѣ; но главная цѣль его—противовѣсъ русскимъ претензіямъ въ Манчжуріи—достигнута не была. Князь Бюловъ официально заявилъ, что договоръ не касается Манчжуріи, и что послѣдняя вообще не входитъ въ сферу германскихъ интересовъ.

Такимъ образомъ, на Дальнемъ Востокѣ никакой особой цѣны содѣйствіе Германіи не имѣло. И вотъ мы видимъ новую оріентировку—сближеніе Англіи и Франціи—эра «сердечнаго согласія». А это сближеніе потенціально уже заключало въ себѣ и перемѣну въ отношеніяхъ Англіи и Россіи, разъ была оставлена «блистательная изолированность» (splendid isolation). Надо было идти или съ Германіей, или съ двойственнымъ союзомъ. Что касается Россіи, то здѣсь давно не было мѣста для какихъ-нибудь болѣе тѣсныхъ сближеній съ Германіей, въ особенности разъ центръ тяжести русской политики перемѣщался отъ Дальняго къ Ближнему Востоку; здѣсь русской дипломатіи уже неизбѣжно приходилось дѣйствовать сплошь и рядомъ противъ интересовъ Турціи, которую такъ поддерживаетъ Германія.

Уже поэтому всякое ослабленіе роли Россіи на Дальнемъ Востокѣ за-

ставляетъ насъ искать такой комбинаціи политическихъ силъ, которая обезпечивала бы европейскую международную жизнь отъ германской гегемоніи. И единственно серьезной подобной комбинаціей можетъ быть сближеніе Россіи и Англіи, дополняющее и завершающее съ одной стороны двойственный союзъ, а съ другой—сердечное согласіе Франціи и Англіи.

Нельзя, наконецъ, не упомянуть о внутреннихъ перемѣнахъ въ Россіи и Англіи, которыя помогли этому сближенію. Имперіалистическая политика въ духѣ Чемберлэна потерпѣла на послѣднихъ выборахъ полное пораженіе. Во внѣшней политикѣ традиціи лорда Пальмерстона и лорда Биконсфильда смѣняются традиціями Гладстона, а мы знаемъ, насколько руссофобія была неотъемлемой принадлежностью англійской шовинистической программы.

Что касается Россіи, то безъ сомнѣнія ея переходъ къ конституціоннымъ формамъ, какъ бы послѣднія ни были несовершенны, долженъ былъ отразиться и на внѣшнемъ политическомъ положеніи. Въ частности нельзя было не констатировать счастливой перемѣны въ общемъ характерѣ дѣятельности русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, отказа его отъ всякаго авантюризма и т. п.

Вотъ общая почва, на которой выросло англо-русское соглашеніе. Переговоры начались еще лѣтомъ 1906 г., они шли очень медленно, необходимо было, чтобы предварительно хоть нѣсколько опредѣлилась внутренняя судьба Россіи. Необходимо было считаться съ извѣстными опасеніями и предубѣжденіями среди англійскаго общества. Ждали, наконецъ, къ чему приведутъ переговоры Россіи и Японіи. А между тѣмъ общая дипломатическая конъюнктура создавалась несомнѣнно въ благопріятную для англо-русскаго сближенія сторону—достаточно указать на франко-японскій договоръ и на «западный тройственный союзъ», —соглашеніе Англіи, Франціи и Испаніи, которому придали нѣсколько преувеличенный смыслъ, но которое всетаки отвѣчаетъ господствующей международной тенденціи къ изолированію Германіи.

Первое, что отличаетъ англо-русскую конвенцію—это ея строго-дѣловой тонъ и опредѣленный характеръ. Въ этомъ отношеніи она рѣзко отличается отъ многихъ дипломатическихъ памятниковъ новѣйшаго времени, хотя бы отъ англо-франко-испанской конвенціи. Можно подумать, что это соглашеніе не является чрезвычайно крупнымъ и новымъ фактомъ въ группировкѣ европейскихъ государствъ, а что оно оказалось результатомъ простыхъ недоразумѣній въ близкихъ отъ русской и англійской границы областяхъ Азіи. Ничего не говорится о Ближнемъ Востокѣ, понимая подъ этимъ словомъ Балканскій полуостровъ и Малую Азію, ни о Дальнемъ Востокѣ, а между тѣмъ едва ли мы можемъ сомнѣваться, что именно обстоятельства въ этихъ двухъ районахъ вызываютъ потребность въ англо-русскомъ сближеніи. Очевидно, поэтому формальный договоръ не создаетъ и подобія англо-русскаго союза; это даже нѣчто меньшее, чѣмъ англо-французское «entente cordiale». Не будемъ, однако, придавать этому

характеру преувеличеннаго значенія. Во внѣшней политикѣ слова и обороты рѣчи далеко не играютъ той роли, которая имъ приписывается. Важно, что устанавливается рядъ частныхъ солидарностей по достаточно важнымъ вопросамъ между обѣими странами. Это не союзъ, но базисъ союза, базисъ, безъ котораго вся пышная дипломатическая риторика ничего не стоитъ.

Итакъ, конвенція имѣетъ въ виду три области въ Азіи. Въ настоящее время, быть можетъ, болѣе важна часть, посвященная Персіи. Согласно конвенціи, основанной на взаимномъ обязательствѣ договаривающихся сторонъ—уважать цѣлость и независимость Персіи, въ этой странѣ устанавливаются три зоны: сѣверо-западная, предоставленная вліянію Россіи, юго-восточная, предоставляемая вліянію Англіи—и третья между ними—нейтральная.

Сфера русскаго вліянія ограничивается линіей, идущей отъ Кафи Ширина (близъ границы съ Азіатской Турціей) черезъ Испагань, Іездъ и Хака до мѣста пересѣченія русской, персидской и афганской границъ. Сфера англійскаго вліянія отмежевана линіей, начинающейся у афганской границы, идущей черезъ Бирджанъ и Кирманъ и кончающейся у Бендеръ-Аббаса. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія, такъ сказать, чисто-географической, Россія пріобрѣтаетъ вліяніе въ части Персіи, примыкающей къ Кавказу, въ области, которая всегда особенно интересовала русскую торговлю. Въ сферу русскаго вліянія входятъ два крупныхъ городскихъ центра Персіи—Тегеранъ и Испагань. Здѣсь намъ досталась, повидимому, львиная доля.

Соперничество Англіи и Россіи въ Персіи началось не со вчерашняго дня. Для англичанъ, кромѣ вопроса о персидскомъ рынкѣ, съ тѣмъ или другимъ вліяніемъ въ странѣ связывалась и защита Индіи. Съ другой стороны, и русское правительство стремилось получить компенсацію за каждое преимущество, полученное англичанами — особенно въ области желѣзно-дорожныхъ концессій. Вообще говоря, здѣсь вліяніе Россіи боролось удачно противъ супрематіи Англіи. Основанный въ 1890 г. англичаниномъ Рейтеромъ государственный банкъ, пользующійся огромными привилегіями и взявшій въ свои руки горнопромышленныя концессіи, быстро запутался; въ этомъ отношеніи гораздо лучше идутъ дѣла у устроеннаго въ 1900 г. Россіей персидскаго ссуднаго банка, съ помощью котораго Персія произвела заемъ въ $2^1/_2$ мил. р., гарантированный доходами съ персидскихъ таможенъ. Россія разсчитывала съ помощью этого банка установить контроль надъ персидскими финансами, и дѣйствительно Персія обѣщала освободиться отъ всѣхъ обязательствъ по отношенію къ иностранцамъ и безъ согласія банка не заключать никакихъ договоровъ. А финансовая зависимость естественно порождаетъ и другіе ея виды; послѣдній русско-персидскій договоръ предоставилъ Россіи право проводить войска черезъ Сеистанъ—провинцію, лежащую рядомъ съ Афганистаномъ.

Этимъ притязаніямъ Россіи англичане противопоставили главнымъ образомъ свою дѣятельность на побережьи Персидскаго залива. Простые

слухи о видахъ Россіи на Бендеръ-Аббасъ вызывали сильнѣйшій отпоръ. Особенную энергію проявилъ въ смыслѣ утвержденія англійскихъ притязаній на Персидскій заливъ лордъ Керзонъ, вице-король Индіи, одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей боевого имперіализма, проникнутый глубокимъ недовѣріемъ къ замысламъ Россіи въ Азіи. Въ ковейтскомъ вопросѣ онъ выступилъ противъ неоспоримыхъ сюзеренныхъ правъ Турціи, не боясь конфликта со стоящей за ней Германіей. Вообще въ Персидскомъ заливѣ англичане съ особенною охотой подкрѣпляли свои притязанія морскими демонстраціями. Когда Франція получила въ аренду Бендеръ-Джиссаръ, сейчасъ же явилась эскадра адмирала Дугласа. Въ 1903 г. лордъ Ландсдоунъ заявилъ въ парламентѣ, что всякое созданіе морской базы на Персидскомъ заливѣ, отъ какой бы державы оно ни исходило, являлось бы прямой угрозой для англійскихъ интересовъ, и что англійское правительство воспротивилось бы такому ходу всѣми возможными для него средствами. Передъ самымъ заключеніемъ англо-русской конвенціи министръ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Кэмпбеля Баннермана, напомнилъ Никольсону, англійскому посланнику въ Петербургѣ, что соглашеніе, касающееся Персіи, ограничивается тѣми частями этой страны, которыя соприкасаются съ великобританскими и русскими границами въ Азіи. Персидскій заливъ въ эту область не входитъ и только относится къ персидской территоріи. Поэтому казалось неумѣстнымъ вводить въ конвенцію положительную декларацію относительно спеціальныхъ интересовъ Великобританіи въ этомъ заливѣ,—интересовъ, которые являются результатомъ англійскаго воздѣйствія въ этомъ морѣ за промежутокъ времени болѣе ста лѣтъ. Изъ текста письма Эдуарда Грея къ Никольсону можно вывести заключеніе, что англійское правительство хотѣло получить отъ русскаго какъ бы молчаливое признаніе этихъ интересовъ. Развѣ не казалось правдоподобнымъ, что Россія, отброшенная отъ океана на Дальнемъ Востокѣ, будетъ искать выхода черезъ Персидскій заливъ. Англо-русская конвенція совершенно умалчиваетъ о Персидскомъ заливѣ. Какъ и ранѣе, доходы персидскихъ таможенъ, находящихся на его берегу, не служатъ обезпеченіемъ долга учетному банку. Однако конвенція не замыкаетъ для русской торговли берега залива: порты Лита и Буширъ входятъ въ нейтральную зону. Вѣроятно, важнымъ препятствіемъ къ установленію болѣе опредѣленныхъ условій относительно Персидскаго залива явился вопросъ о багдадской дорогѣ, въ которой заинтересованы и Франція и Германія, въ особенности. Если рельсы багдадской дороги достигнутъ Персидскаго залива, Англія, безъ сомнѣнія, приметъ мѣры къ обезпеченію своего судоходства по Шатель-Арабу. Вообще еще неясно, какая международно-правовая постановка будетъ дана багдадской дорогѣ, и заинтересованныя стороны не спѣшатъ выясненіемъ.

Самый важный вопросъ однако лежитъ, повидимому, въ томъ, какъ отразится на судьбахъ самой Персіи создаваемая сфера вліянія. Конечно, неприкосновенность персидскаго государства оговорена. Но мы знаемъ, хотя бы изъ столь поучительнаго опыта на Дальнемъ Востокѣ, насколько сфера

вліянія мало совмѣстима съ дѣйствительной неприкосновенностью, какъ легко она обращается въ своего рода протекторатъ, именно черезъ созданіе политическихъ и торговыхъ концессій, о которыхъ упоминаетъ англо-русская конвенція, говоря объ организаціи финансоваго контроля, указаннаго въ статьѣ 5 (въ случаѣ неплатежа процентовъ со стороны Персіи). Такъ, для насъ далеко не ясный, но очевидно глубокій кризисъ, который переживаетъ Персія, осложненный національными и вѣроисповѣдными конфликтами въ областяхъ, соприкасающихся съ Турціей, заставляетъ еще болѣе относиться серьезно къ возможной реакціи противъ иноземнаго вмѣшательства. Въ частности для Россіи активное вмѣшательство въ персидскія дѣла вызвало бы рядъ серьезныхъ осложненій, совершенно несвоевременныхъ. И англійской и русской дипломатіи здѣсь придется дѣйствовать съ большимъ тактомъ, чтобы не возбуждать рѣзкаго отпора со стороны персовъ. Поскольку дѣло касается русскихъ дипломатическихъ агентовъ, будемъ надѣяться, что печальный примѣръ, поданный г. Гартвигомъ, не станетъ прецедентомъ.

Вторая часть конвенціи посвящена Афганистану. Со стороны Англіи здѣсь ручательство, что она не измѣнитъ политическаго положенія страны и будетъ пользоваться своимъ вліяніемъ въ миролюбивомъ духѣ; Россія же признаетъ Афганистанъ внѣ сферы русскаго вліянія и сносится съ афганистанскимъ правительствомъ лишь черезъ англійское правительство; впрочемъ, торговое равноправіе обѣихъ націй равно подчеркивается обѣщаніями Англіи не пользоваться своимъ авторитетомъ ради коммерческихъ выгодъ.

Извѣстно, какое важное мѣсто въ исторіи англо-русскихъ отношеній занимаетъ Афганистанъ. И это совершенно понятно: онъ есть ключъ къ британской Индіи. Биконсфильдъ съ парламентской трибуны заявилъ, что афганскія ущелья необходимы для безопасности Индіи, что они составляютъ ея научную границу. Тотъ же Биконсфильдъ въ концѣ-концовъ добился допущенія въ Кабулѣ англійскаго резидента. Когда побѣдоносная экспедиція Робертса сломила сопротивленіе афганцевъ, въ Афганистанѣ образовался настоящій англійскій протекторатъ, и эмиръ Абдурахманъ сталъ пенсіонеромъ британской казны. Еще въ 1905 г. Бальфуръ тѣсно связывалъ проблему реорганизаціи военныхъ силъ Британской имперіи и защиты Афганистана. Все это не исключаетъ весьма рѣзкой враждебности къ англичанамъ мѣстнаго населенія, о которомъ лордъ Робертсъ сказалъ: чѣмъ меньше афганцы будутъ насъ видѣть, тѣмъ меньше они станутъ насъ ненавидѣть.

Прежде афганскіе эмиры, тѣснимые Англіей, обращались въ сторону Россіи; такъ было въ 1838 г., такъ было въ 1845 г. Теперь, когда Афганистанъ вошелъ въ орбиту англійскаго вліянія, измѣнились и отношенія къ Россіи. Столкновеніе при Кушкѣ генерала Комарова съ афганцами вслѣдъ за присоединеніемъ къ нашимъ владѣніямъ мервскаго оазиса, какъ извѣстно, едва не повлекло войны Россіи и Англіи. На укрѣпленіе Герата англичанами русскіе отвѣчаютъ новымъ вооруженіемъ Кронштадта. Благодаря Гладстону и Александру III война не состоялась, начались ра-

боты по разграниченію, хотя отношенія оставались весьма натянутыми и кризисъ могъ считаться оконченнымъ лишь въ 1895 г., когда Россія отказалась отъ права на малый Памиръ. Смерть Абдуррахмана не измѣнила отношеній между Англіей и Афганистаномъ; договоръ 1904 г. закрѣпилъ ихъ.

Англо-русская конвенція несомнѣнно была болѣе благопріятной для Англіи, чѣмъ для насъ; она не даетъ намъ равнаго положенія въ Афганистанѣ. Обѣщаніе «миролюбиваго воздѣйствія», которое, повидимому, надо понимать въ томъ смыслѣ, что Афганистанъ не явится угрозой для нашихъ средне-азіатскихъ владѣній, не имѣетъ, конечно, опредѣленной юридической силы. Надо, впрочемъ, сознаться, что если мы ничего не пріобрѣтаемъ въ Афганистанѣ, то едва ли что-нибудь и теряемъ. Неоднократно представители русской дипломатіи высказывали, что Россія не имѣетъ никакихъ видовъ въ Афганистанѣ. Въ 1869 г. кн. Горчаковъ писалъ русскому послу въ Лондонѣ: «вы можете дать категорическое удостовѣреніе, что Его Величество разсматриваетъ Афганистанъ, какъ совершенно выходящій изъ сферы русскаго вліянія. Никакое вмѣшательство, сколько-нибудь противорѣчащее независимости этого государства, не входитъ въ планы Россіи». Еще положительнѣе высказался въ 1883 г. англійскому послу въ Петербургѣ Гирсъ: «всѣ мѣры приняты, чтобы избѣжать всякихъ отношеній между Россіей и Афганистаномъ: эта страна разсматривается, какъ входящая въ сферу Англіи». Поэтому конвенція не устанавливаетъ новаго соотношенія. По существу дѣла несомнѣнно преимущество, пріобрѣтенное Англіей, больше, чѣмъ ограниченія, которыя взяла на себя Россія.

Наконецъ, остается третья часть конвенціи, посвященная Тибету. Это плоскогорье, поднимающееся на высоту 4,000 метр., отдѣленное отъ остального міра непроходимыми пустынями и гигантскими горными массивами, эта страна, въ которой господствовала много лѣтъ чистая теократія—«страна монаховъ», страна поліандріи, окружена ореоломъ какой-то таинственности; наши свѣдѣнія о странѣ едва ли много прибавились съ тѣхъ поръ, какъ миссіонеры Гюкъ и Габе въ своихъ увлекательно написанныхъ воспоминаніяхъ о путешествіи изобразили природу страны и бытъ народа.

Конвенція подтверждаетъ суверенныя права Китая надъ Тибетомъ и въ то же время спеціальные интересы Англіи; обѣ договаривающіяся стороны—и Россія, и Англія—обязываются сноситься съ Тибетомъ исключительно черезъ китайское правительство; исключеніе дѣлается только для англійскихъ коммерческихъ агентовъ; наконецъ, обѣ державы отказываются отъ какихъ-либо концессій и отъ финансоваго контроля.

Чтобы оцѣнить значеніе этихъ взаимныхъ ограниченій, положенныхъ себя Россіей и Англіей, намъ приходится вернуться къ тому, какъ ялъ тибетскій вопросъ наканунѣ русско-японской войны. Въ нашихъ авящихъ сферахъ тогда пользовалась извѣстной популярностью мысль сближеніи Россіи, обладающей такимъ обширнымъ буддистскимъ населемъ, съ Тибетомъ и Далай-Ламой. При русскомъ дворѣ появились тибет-

скія посольства, велись оживленныя сношенія между Петербургомъ и Лассой; въ публицистикѣ князь Ухтомскій развивалъ программу своеобразнаго «паназіатизма», во главѣ котораго должна стоять Россія. Все это движеніе въ сторону Тибета, которое послужило темой для сенсаціоннаго разоблаченія Юлара, вызывало крайнее неудовольствіе Англіи; какъ и слѣдовало ожидать на принятіи рѣшительныхъ мѣръ для охраны англійскихъ интересовъ въ этой области, пограничной съ Индіей, настоялъ лордъ Керзонъ. Онъ былъ организаторомъ военной экспедиціи полковника Юнгхусбанда изъ Индіи въ Тибетъ. Переходъ черезъ горы былъ сопряженъ съ чрезвычайными трудностями, но все-таки въ концѣ-концовъ въ августѣ 1904 г. англичане вступили въ Лассу, и Далай-Лама бѣжалъ въ Манголію. Англичане вынесли изъ этой экспедиціи договоръ, открывавшій для англійской торговли три пункта въ Тибетѣ; послѣдній сверхъ того обязывался не входить въ торговыя и политическія сношенія ни съ кѣмъ, кромѣ Англіи.

Съ этого времени произошелъ коренной переворотъ во внѣшней англійской политикѣ; программа Керзона въ значительной степени оставлена, а внутреннее броженіе въ Индіи заставляло думать о сосредоточеніи внутреннихъ силъ, а не о новыхъ экспедиціяхъ за Гималаи. Опасность со стороны Россіи надолго устранена русско-японской войной, игра положительно не стоила свѣчъ, и Англія согласилась установить свои отношенія къ Тибету на началахъ равноправія и вспомнить о «сюзеренныхъ» правахъ Китая, которыя были такъ основательно забыты во время экспедиціи Юнгхусбанда. Естественно въ оцѣнкѣ этой части конвенціи мы находимъ у англійской прессы извѣстныя ноты разочарованія и раздраженія. *Daily Telegraph* напоминаетъ, что отказъ англичанъ отъ сношеній съ Лассой, отстоящей отъ индійской границы на разстояніи 200 англійскихъ миль, есть жертва несравненно болѣе чувствительная, чѣмъ отказъ Россіи, отдѣленной отъ Лассы 1,700 милями. По словамъ *Times* и *Standard* эта конвенція сводитъ на нѣтъ всѣ результаты экспедиціи Юнгхусбанда. Еще рѣзче тонъ англо-индійской прессы. «Мы многое потеряли, и ничего не выиграли,—пишетъ *Bombey Gazett*,—эта конвенція—насмѣшка надъ дипломатіей». Едва ли однако эти отзывы можно принимать слишкомъ серьезно, какъ признаніе ущерба для реальныхъ интересовъ Англіи; безопасность же Индіи сохраняется этой независимостью Тибета въ достаточной мѣрѣ.

Что касается до Россіи, то, очевидно, никакихъ непосредственныхъ коммерческихъ интересовъ въ Тибетѣ у нея не существуетъ. Болѣе чувствительна невозможность прямыхъ сношеній съ главой буддійской церкви; но разъ мы отказались вообще отъ политики авантюръ, то само собой разумѣется, отпадали и различныя фантастическіе планы установленія русскаго господства въ Тибетѣ. А разъ это такъ, то главный нашъ интересъ заключался въ обереганіи Лассы отъ всякаго иностраннаго давленія; и съ этой стороны англо-русская конвенція можетъ вполнѣ насъ удовлетворять: она есть цѣнное звено въ системѣ, сложной и трудной, созданія устойчиваго равновѣсія Азіи.

Мы пересмотрѣли всѣ части англо-русской конвенціи, и не можемъ не признать, что она проникнута духомъ разумнаго компромисса. Наши уступки въ Афганистанѣ компенсируютъ на выигрышѣ въ Персіи; нашъ отказъ отъ притязаній въ Тибетѣ уравновѣшивается соотвѣтствующимъ отказомъ со стороны Англіи. Но, какъ мы уже указывали вначалѣ, быть можетъ, болѣе важно не то или другое содержаніе конвенціи, а самый ея фактъ, показывающій коренную перемѣну въ дипломатической традиціи и Англіи, и Россіи.

Если англо-русская конвенція ничего не говоритъ о Дальнемъ и Ближнемъ Востокѣ, то ея вліяніе на дѣла того и другого не можетъ быть оспариваемо. Несомнѣнно, она ставитъ предѣлы японскому имперіализму, образуется перекрестное, такъ сказать, соглашеніе Россіи, Франціи, Англіи и Японіи, которое представляетъ лучшую гарантію мира изъ числа всѣхъ гарантій, находящихся въ распоряженіи дипломатіи. Этимъ путемъ создается и извѣстное обезпеченіе для неприкосновенности Китая. На Ближнемъ Востокѣ фактъ сближенія Россіи и Англіи, является противовѣсомъ Германіи и отчасти Австріи. Та политика, которую преслѣдовала Россія, начиная съ мюрцштегскаго соглашенія, и отъ которой, къ сожалѣнію, не отступаетъ и послѣдняя русско-австрійская нота, посвященная македонскому вопросу, не можетъ поддерживаться безъ серьезнаго урона для русскаго вліянія, естественнаго и законнаго на Балканскомъ полуостровѣ. Для Англіи же гегемонія Германіи здѣсь неизмѣримо опаснѣе этого вліянія Россіи; не надо забывать, что все отношеніе англійской дипломатіи къ турецкому вопросу кореннымъ образомъ измѣнилось со времени берлинскаго конгресса. За послѣднее десятилѣтіе этотъ тяжелый грѣхъ Европы—туркофильская политика, поддерживающая анархію и угнетеніе по всему Ближнему Востоку, политика, породившая армянскіе ужасы, менѣе всего можетъ быть поставлена въ вину Англіи. И теперь, когда отпадаютъ всѣ главные пункты столкновенія англійскихъ и русскихъ интересовъ, то сила вещей заставитъ обѣ стороны идти совмѣстно въ балканскихъ вопросахъ, причемъ несомнѣнно они встрѣтятъ всю политическую и моральную поддержку Франціи, а можетъ быть отчасти и Италіи.

Вотъ вѣроятные непосредственные результаты англо-русскаго сближенія. Мы не знаемъ, входили они или не входили въ намѣренія руководителей иностранной политики обѣихъ державъ; но они являются до значительной степени объективными необходимостями.

Отразится ли, наконецъ, англо-русское сближеніе на нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, отразятся ли эти послѣднія въ свою очередь на немъ? Теоретически можно доказывать, что дипломатія занимается исключительно внѣшними соотношеніями государственныхъ силъ, что она, представляя изъ себя область чистаго оппортунизма, равнодушно проходитъ мимо всякихъ противоположностей въ строѣ и бытѣ государствъ, входящихъ въ международное общеніе. Теоретически былъ правъ графъ Кромеръ, заявившій недавно, что онъ удивляется возраженіямъ радикаловъ противъ

сближенія съ Россіей, какъ страной, управляемой на началахъ антиконституціонныхъ.

И всетаки это вліяніе внѣшней политики на внутреннюю и обратно, которое иногда трудно охарактеризовать точными фактами, существуетъ именно потому, что внѣшняя политика не исчерпывается дипломатической техникой. Намъ, конечно, трудно оцѣнить эти отраженныя дѣйствія, могущія дать блестящій примѣръ осуществленія глубокаго философскаго принципа «гетерогоніи цѣлей»; это вопросъ, который еще ждетъ изслѣдователя. Но въ данномъ случаѣ одна сторона дѣла, по крайней мѣрѣ, чувствуется несомнѣнной: соглашеніе Россіи и Англіи тѣмъ вѣрнѣе подготовитъ англо-франко-русскій союзъ, эту великую гарантію европейскаго и внѣевропейскаго мира, чѣмъ полнѣе воспримете Россія начала конституціоннаго строя, чѣмъ скорѣе она въ этомъ отношеніи станетъ равноправнымъ членомъ въ семьѣ христіанскихъ народовъ въ Европѣ.

С. Котляревскій.

Въ статью С. С. Синегуба—«Воспоминанія чайковца» въ сентябрьской книгѣ вкрались слѣдующія опечатки:

На стр. 86—16 строчка сверху напечатано: „генеральша Гернероссъ", слѣдуетъ читать: „генеральша Герингроссъ".

На стр. 88—20 строчка сверху напечатано: „перевели въ вагонъ же", слѣдуетъ читать: „перевезли въ вагонѣ же".

На стр. 100—12 строчка снизу напечатано: „съ копями", слѣдуетъ читать: „съ кольями".

Споръ Жореса и Клемансо *).

Засѣданіе 18 іюня. Клемансо, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ отвѣтъ на интерпеляцію Жореса произнесъ слѣдующую рѣчь:

Мм. гг.! Отвѣчая на прямой и лично ко мнѣ направленный запросъ достопочтеннаго г. Жореса, я прежде всего желаю отдать дань уваженія благородному порыву соціальной справедливости, которымъ дышитъ его блестящая рѣчь. Онъ весь проникнутъ непреодолимымъ идеалистическимъ желаніемъ осчастливить міръ; мы можемъ засвидѣтельствовать, что онъ ни предъ чѣмъ не остановится, чтобы сдѣлать его счастливымъ.

Подъ звуки скромной лиры Амфіона поднялись лишь стѣны Ѳивъ. Слова г. Жореса производятъ чудо несравненно болѣе величественное: онъ говоритъ, и вся исторически сложившаяся организація человѣческаго общества внезапно рушится. (Аплодисменты.)

Все, что въ умѣ человѣка связывается съ мыслью о соціальномъ порядкѣ, все, чего онъ желалъ, все, что онъ осуществилъ, въ смыслѣ справедливости, зачатой въ мукахъ, въ скорби, въ крови въ тотъ день, когда человѣкъ изъ своихъ пещеръ ринулся на завоеваніе земли,—все вѣковое усиліе, въ погонѣ за лучшей долей: весь прогрессъ, достигнутый цѣною труда, насчитывающаго, быть можетъ, милліоны лѣтъ, какова побѣда!—все разсыпается въ прахъ, разсѣивается дымомъ. А если вы взоромъ прослѣдите за этимъ дымомъ до облаковъ, вы узрите новое чудо: среди величественныхъ облаковъ высятся волшебные дворцы, откуда изгнана человѣческая скорбь; стоитъ лишь укрѣпить ихъ въ воздухѣ и утвердить фундаментъ среди насъ, на землѣ, чтобы дѣло, описанное въ книгѣ «Бытія», было передѣлано разъ навсегда. (Аплодисменты.)

Исчезнетъ соціальное зло, отъ котораго самъ Іегова не могъ оградить свое твореніе. Вамъ останутся лишь естественныя страданія человѣческаго бытія, и этого, клянусь, довольно. Увы! въ то время какъ великое чудо развертывается передъ очарованнымъ взоромъ новаго творца, я, слабый смертный, я продолжаю свой жалкій трудъ въ равнинѣ, даже на

*) *Русская Мысль*, кн. X, 1907 г.

днѣ долины борюсь съ неблагодарной почвой, которая скупо отмѣриваетъ мнѣ урожай. Отсюда и то различіе нашихъ точекъ зрѣнія, которое съ такимъ трудомъ прощаетъ мнѣ его благожелательность. (Смѣхъ и аплодисменты на лѣвой и въ центрѣ.)

Правда, г. Жоресъ удѣлилъ мнѣ нѣсколько цвѣточковъ, но я сразу открылъ, что это лишь для того, чтобы тѣмъ торжественнѣе принести меня въ жертву на алтарѣ коллективизма, предварительно произнеся надо мною безпощадный приговоръ. (Смѣхъ и аплодисменты на тѣхъ же скамьяхъ.)

Но я не могу похвалиться принадлежностью къ благородной категоріи тѣхъ жертвъ, которыя покорно подставляютъ невинную голову подъ ножъ Калхаса. (Новый взрывъ смѣха и аплодисментовъ.)

Я спорю, сопротивляюсь, возстаю, и когда г. Жоресъ говоритъ, что у него о моей политикѣ сложилось самое невыгодное мнѣніе, я апеллирую къ высшему суду, къ палатѣ, выражающей мнѣніе Республики.

Въ чемъ я обвиняюсь? Г. Жоресъ упрекалъ меня въ выраженіяхъ, которыя въ устахъ г. Жореса показались мнѣ нѣсколько жесткими, въ томъ, что я стѣснилъ рабочій классъ, унизилъ его не болѣе, чѣмъ какое-либо изъ правительствъ Франціи,—такъ говорили нѣкоторые изъ его товарищей: г. Поль Констанъ и г. Валльянъ,—но все-таки такъ же, какъ большинство реакціонныхъ правительствъ французской республики.

Эд. Валльянъ. Именно такъ я сказалъ.

Министръ. Я стѣснялъ рабочій классъ! Гдѣ встрѣчался я съ нимъ, съ рабочимъ классомъ?

Г. Жоресъ. О!

П. Констанъ. А развѣ въ Монлюсонѣ не рабочій классъ терпѣлъ притѣсненія? Кто же тамъ былъ? (Шумъ на лѣвой).

Ж. Кутанъ. А въ Парижѣ? Въ департаментѣ Сены было 50,000 солдатъ.

Министръ. Господа, я не прерывалъ рѣчей г. Жореса, г. Тиврье, г. Констана, г. Валльяна, я не прерывалъ, вы сами тому свидѣтели, только что прервавшаго меня г. Кутана. (Смѣхъ.)

Ж. Кутанъ. Господинъ министръ, вы еще разъ издѣваетесь надъ рабочимъ классомъ! (Восклицанія и шумъ на лѣвой.) Я прошу слова.

Предсѣдатель. Вы уже записаны.

Министръ. Не слѣдуетъ вездѣ, гдѣ есть одинъ рабочій, видѣть рабочій классъ. Эту ошибку я отмѣтилъ бы и безъ замѣчаній съ этой стороны (крайняя лѣвая.) Я сказалъ, гдѣ встрѣчалъ я не отдѣльныхъ рабочихъ, о которыхъ можно говорить, а рабочій классъ, о которомъ говорилъ г. Жоресъ? Гдѣ встрѣчалъ я весь рабочій классъ, или его законныхъ представителей,—если вы это хотите сказать? Не за тѣми ли баррикадами, передъ которыми палъ лейтенантъ Латуръ, не вынувъ сабли изъ ноженъ? (Громкіе аплодисменты на многочисленныхъ скамьяхъ. Замѣчанія на крайней лѣвой.)

Если позволите мнѣ продолжать, вы увидите, что я не собираюсь вести тяжбъ ни съ рабочимъ классомъ, ни съ сѣверными стачечниками, но мнѣ нужна возможность говорить, чтобы я могъ сполна высказать свою мысль, чтобы я могъ свободно распоряжаться своимъ словомъ. (Аплодисменты слѣва.)

Гдѣ я встрѣтилъ ихъ? Не среди же несчастныхъ безумцевъ, которые шли грабить, громить, разорять дома своихъ товарищей рудокоповъ? Конечно, нѣтъ. Я видѣлъ рабочихъ-рудокоповъ, но развѣ они, дѣйствуя такъ, являлись законными представителями рабочаго класса? Развѣ вы, которые только что меня интерпеллировали, можете защищать ихъ поведеніе въ тотъ моментъ? Конечно, нѣтъ.

А! я знаю, и вы сами милостиво признали, что столкновеніе стачечниковъ съ вооруженной силой было бы въ моихъ глазахъ величайшимъ несчастіемъ. Если бы вы и не отдали мнѣ справедливости, съ меня достаточно было бы и собственнаго сознанія. (Аплодисменты слѣва.)

Я сдѣлалъ все возможное, чтобы избѣжать несчастія. (Аплодисменты.) Развѣ вы не видѣли, что среди всѣхъ трудностей,—равныхъ которымъ не выпадало на долю ни одному изъ правительствъ, съ которыми вы такъ легкомысленно сравниваете меня,—среди всѣхъ затрудненій я своимъ присутствіемъ—не только во время стачки на сѣверѣ и въ Паде-Калэ, но и въ самомъ Парижѣ (я ниже буду говорить о томъ, что я сдѣлалъ въ Парижѣ) старался показать, что я не изъ числа тѣхъ правителей, которые оставляютъ несчастныхъ безумцевъ на произволъ судьбы и выстрѣловъ.

Нѣтъ, я готовъ былъ, гдѣ было можно, рисковать собственной личностью.

А вы, признавая, что я всетаки дѣлалъ усилія, вы говорите, что я, министръ, у котораго убивали и ранили солдатъ!—я унижалъ и притѣснялъ рабочій классъ больше, чѣмъ прежнія правительства, которыя убивали стачечниковъ и по адресу которыхъ у васъ не находилось словъ порицанія! (Аплодисменты слѣва и въ центрѣ. Съ крайней лѣвой прерываютъ.)

Э. Вальянъ. Мы ихъ порыцали.

П. Констанъ. Мы имѣемъ право протестовать, потому что мы и тогда протестовали.

Въ центрѣ. Недолго.

Министръ. Моя рѣчь относится не къ г. Констану, а къ г. Жану Жоресу, у котораго ни во время шалонской стачки, ни во время забастовки во Франсуа, не нашлось ни слова порицанія для своихъ друзей, членовъ кабинета, чьи жандармы убивали рабочихъ. (Замѣчанія на крайней лѣвой. Аплодисменты на лѣвой и въ центрѣ.) Онъ не взялся за перо, чтобы написать статью въ *Petite République*, а когда его друзья вотировали порядокъ дня, выражавшій довѣріе правительству, которое я отнюдь не обвиняю, не привлекаю къ отвѣту, обратите на это вниманіе,—вы не имѣете права придавать моимъ словамъ смыслъ, коего они не имѣютъ,—

я констатирую факты, а не сужу; я не судья прежнимъ правительствамъ, но вы требуете у меня отчета, и я въ правѣ потребовать его у васъ: я дѣлаю это учтиво и открыто и прошу васъ не сомнѣваться въ моихъ чувствахъ. Итакъ, я говорю: г. Жоресъ, вы не написали статьи въ память павшихъ въ Шалонѣ; а когда ваши друзья, соціалисты, въ парламентѣ вотировали огромнымъ большинствомъ довѣріе правительству, вы написали статью въ ихъ оправданіе. (Аплодисменты.)

А! вы очень снисходительны къ одной сторонѣ и очень строги къ другой.

Объясните, если можете, эту двойственность. Послѣ выборовъ, когда побѣда одержана, вамъ легко вызывать на судъ правительство, которое только что вышло изъ жестокой схватки съ затрудненіями, которыя слишкомъ скоро забыты!

Вы забыли описи церковныхъ имуществъ, волненія, церкви, обращенныя въ крѣпости, тысячи вооруженнаго народу въ долинѣ Оре (Auray) подъ предводительствомъ парламентскихъ дѣятелей, забыли крестьянъ изъ La Chapelle Janson, атаковавшихъ отрядъ?

Лефа (Lefas). Это невѣрно.

Министръ. Дайте же мнѣ говорить! Попросите себѣ слова. Чтобы возражать мнѣ,—выслушайте сперва меня! (Аплодисменты слѣва.)

Я повторяю: крестьяне изъ La Chapelle Janson напали на артиллерійскій отрядъ, производившій маневры, ранили офицера, ранили солдатъ, испортили обозныя фуры.

Лефа. Это ложь! (Оживленный протестъ слѣва.)

Министръ. Ложь—вашъ отвѣтъ. (Аплодисменты слѣва.)

Лефа. Я прошу слова для отвѣта. (Шумъ.) Я настаиваю, чтобы пренія были свободны отъ намѣренныхъ оскорбленій. Я говорю и утверждаю, что эти свѣдѣнія не соотвѣтствуютъ ни слѣдствію, ни судебному разбирательству.

Министръ. Достовѣрность факта доказана судомъ, вынесшимъ приговоръ. (Аплодисменты слѣва.)

Забыли вы мятежныхъ солдатъ, забыли стачки на сѣверѣ и въ Пасде-Калэ; политику запугиванія, организованную реакціей, бѣгство въ Брюссель, закупку съѣстныхъ припасовъ и настроеніе умовъ, извѣстное вамъ,—все это за пять дней до выборовъ!

П. Констанъ. И все это поддерживалось кое-кѣмъ изъ вашихъ друзей. (Восклицанія съ разныхъ скамей), офиціальными кандидатами. Я знаю, что я говорю.

Министръ. Вотъ какъ въ Монлюсонѣ пишется исторія! (Смѣхъ и аплодисменты на лѣвой и въ центрѣ.)

Вальтеръ. И заговоръ, созданный вами? (Шумъ налѣво.)

Предсѣдатель. Господа, ораторъ, выступая, просилъ дать ему возможность говорить для того, чтобы вы имѣли возможность ему возражать. Вы знаками выразили свое согласіе, угодно ли вамъ поддержать свое

молчаливое обѣщаніе и выслушать г. министра внутреннихъ дѣлъ. (Браво, браво!)

Министръ. Господа, одинъ изъ нашихъ друзей, опасаясь, какъ бы мы не возгордились исходомъ выборовъ, позаботился написать нѣсколько статей, фактически устанавливающихъ, что заслуга принадлежитъ не намъ, а странѣ. Я съ нимъ совершенно согласенъ. Но принимая во вниманіе приведенныя мною условія, онъ безъ сомнѣнія признаетъ, что при столь трудныхъ обстоятельствахъ—на обязанности правительства лежало обезпечить необходимый миръ для свободнаго выраженія воли страны. (Аплодисменты слѣва.) Пусть же за нами признаютъ хоть ту заслугу, что благодаря намъ, черезъ насъ и при нашей отвѣтственности, цѣною тяжелыхъ усилій, общественный миръ былъ сохраненъ, и страна могла свободно высказаться. (Новые аплодисменты слѣва.)

Вальтеръ. Это зависитъ отъ того, черезъ какіе очки смотрятъ.

Министръ. Господа, намъ досталось тяжелое наслѣдство. На сѣверѣ было 85,000 стачечниковъ, въ Парижѣ—115,000; г. Жоресъ насчиталъ 200,000; но всякій знаетъ, что онъ на цифры не скупится. (Смѣхъ.)

Я полагаю, могу сказать, что это самая большая изъ извѣстныхъ стачекъ, по крайней мѣрѣ въ опредѣленномъ пунктѣ территоріи. Въ Америкѣ была стачка, насчитывавшая 250,000, но она распространялась на огромную площадь Соединенныхъ Штатовъ. Въ одномъ городѣ Парижѣ бастовали 115,000. Я убѣжденъ, что всѣ стачечники очень порядочные люди, но въ нѣкоторые моменты, спѣшу добавить, они вполнѣ заслуживаютъ извиненія,—они были настроены далеко не мирно.

Я желалъ бы сперва сообщить кое-какія подробности относительно сѣвера и Паде-Калэ, чтобы отвѣтить г. Жоресу и Бали (Basly). Г. Жоресъ говоритъ мнѣ: «Вы грубо попрали стремленія и законныя требованія рабочаго класса, сейчасъ, скоро представятъ вамъ точные факты, за которые вамъ придется отвѣтить». Я ждалъ этихъ точныхъ данныхъ, просилъ, но ихъ не послѣдовало.

Г. Бали всходилъ на трибуну, но съ рискомъ его компрометировать,—я долженъ сказать, онъ похвалилъ меня. (Улыбки.) Г. Вальянъ тоже былъ на трибунѣ, но рискуя сказать ему непріятность, я долженъ замѣтить—онъ не привелъ ни одного точнаго факта.

Онъ нарисовалъ картину... неясную.

Э. Вальянъ. Очень точную.

Министръ. Сейчасъ увидимъ, не увлекайтесь слишкомъ! Я знаю, откуда г. Вальянъ черпалъ свѣдѣнія; онъ сказалъ намъ изъ газеты *Humanité*. Мы сейчасъ увидимъ, въ какой мѣрѣ этотъ органъ заслуживаетъ вѣрія въ вопросахъ стачки и 1 мая. (Смѣхъ.) Дайте мнѣ лишь возможность говорить.

Съ крайней лѣвой. Я вамъ доставлю документы.

Министръ. Вы имѣете право принесть свои документы; но позвольте

сперва мнѣ сообщить свои: вы только выиграете потому, что получите возможность отвѣтить и на нихъ.

Я дважды ѣздилъ въ Ланъ. Благодарю г. Бали за благосклонность, съ какой онъ говорилъ объ этомъ. А вѣдь у него передъ г. Жоресомъ и г. Вальяномъ есть преимущество, онъ былъ свидѣтелемъ фактовъ, о которыхъ говоритъ!

Я прибылъ въ Ланъ тотчасъ послѣ объявленія стачки, потому что мнѣ нужно было нѣчто сказать стачечникамъ, и я желалъ сдѣлать это лично. Въ сотнѣ статей я защищалъ мысль, что правительство не должно спѣшить съ отправкой войскъ въ районъ стачки, пока не обнаружатся акты насилія. Я заимствовалъ у Гамбетты слѣдующій тезисъ:

«Если войска вводятъ тотчасъ по объявленію забастовки,—капиталистъ-владѣлецъ чувствуетъ за собою поддержку».

И Гамбетта наблюдалъ, что подобная поспѣшность компрометируетъ правительство въ глазахъ рабочихъ. (Браво, браво! съ лѣвой.)

В. Рену. Это вѣрно.

Министръ. Вотъ эту-то идею Гамбетты я и желалъ попытаться примѣнить, причемъ мнѣ казалось—я долженъ былъ сперва сообщить ее рабочимъ. Когда я прибылъ въ Ланъ, тамъ царило полное спокойствіе. Я отправился въ мэрію, гдѣ имѣлъ честь быть принятымъ г. Бали, мэромъ Лана, и его друзьями. Онъ велъ борьбу съ синдикатомъ анархистовъ; разумѣется, онъ совѣтовалъ мнѣ не ходить въ народный домъ, гдѣ былъ митингъ анархистовъ. Но я всетаки пошелъ, я пріѣхалъ, чтобы съ ними говорить, и я самъ сказалъ не то, что мнѣ приписываетъ г. Вальянъ (подобное легкомысліе въ его устахъ меня удивляетъ), съ моей стороны было бы просто безуміемъ сказать имъ, что, что бы они ни дѣлали, войска не будутъ посланы въ городъ Ланъ, я просто сказалъ имъ: «Хотите стачки безъ солдатъ? Ну, такъ это зависитъ отъ васъ. Нѣтъ ничего легче: нужно только сохранять порядокъ, а не нарушать законъ». Мнѣ отвѣчали: «Присутствіе солдатъ—провокація и всегда ведетъ къ безпорядкамъ». «Хорошо, солдатъ не будетъ, если вы не прибѣгнете къ насиліямъ и не заставите меня подавлять противозаконія». (Аплодисменты на лѣвой.) Я пошелъ дальше, я прибавилъ: «Однако, въ виду того, что могутъ найтись злоумышленники и такъ какъ необходимо избѣгнуть внезапныхъ насилій въ шахтахъ, я ночью прикажу привести солдатъ и размѣстить ихъ въ шахтахъ. Они не выйдутъ на улицы, но помогутъ предупредить акты насилія злоумышленниковъ; потому что, если машины будутъ испорчены, вы же, въ моментъ возвращенія къ работамъ, потеряете нѣсколько мѣсяцевъ». (Браво, браво!—на лѣвой.)

На этомъ пунктѣ мы прекрасно столковались, и нѣкоторые замѣтили, что если будутъ попытки испортить машины, онѣ навѣрно явятся слѣдствіемъ подстрекательства владѣльцевъ. (Движеніе.)

Уѣзжая, я сказалъ префекту: «Быть можетъ, наступитъ критическій мо-

ментъ, въ такомъ случаѣ дайте мнѣ знать, я опять пріѣду. Я въ еще послѣдній разъ смогу сказать нѣчто стачечникамъ».

Кризисъ наступилъ, и префектъ Паде-Калэ телеграфировалъ мнѣ: «Мы съ генераломъ окружены на станціи. Что дѣлать?»

Слово «окружены» не точно передавало положеніе дѣла, какъ только что замѣтилъ г. Бали; въ дѣйствительности было такъ: съ эскадрономъ или полуэскадрономъ префектъ съ генераломъ подверглись на линіи желѣзной дороги нападенію со стороны значительной толпы стачечниковъ. Я отправился, а въ это время отрядъ подъ командой полковника Шварца, изумительной твердости котораго я уже отдалъ дань уваженія (Аплодисменты), принялся за освобожденіе префекта Паде-Калэ и генерала, запертыхъ на станціи.

Нужно говорить честно и откровенно,—и я для того здѣсь; одобрятъ меня или не одобрятъ—все равно. Я принялъ на себя отвѣтственность и готовъ отвѣчать передъ вами, какъ представителями страны. (Аплодисменты на многочисленныхъ скамьяхъ.)

Обсуждался вопросъ: какой приказъ былъ отданъ войскамъ. Сейчасъ увидите, я прочту вамъ офиціальные документы, но я могу сказать, былъ данъ приказъ использовать весь запасъ терпѣнія, но если жизнь солдатъ окажется въ опасности,—конечно, защищаться. (Браво! Браво!) Вѣдь, очевидно, нельзя посылать солдатъ къ баррикадамъ, откуда въ нихъ швыряютъ камни, стрѣляютъ изъ револьверовъ, и запрещать имъ стрѣлять и защищаться имѣющимся оружіемъ. Но терпѣніе внушалось безконечное число разъ. Съ такимъ именно настроеніемъ полковникъ Шварцъ съ лейтенантомъ Латуръ отправился брать баррикаду. Послѣднимъ словомъ префекта было опять-таки: «Полковникъ, будьте терпѣливы въ предѣлахъ благоразумія, но если будетъ необходимо, вашъ долгъ защищаться». Полковникъ имѣлъ разрѣшеніе воспользоваться своимъ оружіемъ, но, къ чести его, онъ освободилъ станцію, не пуская въ ходъ оружія. Лейтенантъ Латуръ былъ сраженъ, нѣсколько солдатъ было убито: у меня есть списокъ; и если бы я, какъ вы, повидимому, ждете, пожелалъ начать дѣло противъ рабочихъ, противъ «рабочаго класса», какъ говорите вы, противъ забастовщиковъ Паде-Калэ, скажу я, это было бы очень просто; но я знаю въ чемъ оправданіе этихъ несчастныхъ, и я взошелъ на трибуну не для того, чтобы ихъ обвинять. (Аплодисменты на лѣвой, на нѣкоторыхъ скамьяхъ крайней лѣвой и въ центрѣ.)

На слѣдующій день я отправился въ Денэнъ (Denain); нужно отмѣтить, городъ былъ охваченъ мятежомъ. Я запретилъ отряду встрѣчать меня на станціи. Полковникъ пришелъ одинъ и сказалъ:

«Есть улицы, по которымъ можно пройти», и мы безъ помѣхи прошли въ мэрію. Послѣ совѣщанія съ гражданскими и военными властями города мнѣ замѣтили, что вашъ коллега, Селль, мэръ г. Денэнъ, у себя. Онъ попалъ въ свалку стачечниковъ и лежалъ въ постели. Мнѣ дали понять, что я долженъ его навѣстить. Я отправился, а пока я сидѣлъ у него,

подлѣ дома собралась толпа 2—3,000 (нужно замѣтить, среди нихъ много мальчишекъ), требовать, чтобы я отправился въ ратушу и выслушалъ бы делегатовъ отъ стачечниковъ.

Я разговаривалъ съ ними съ балкона и отвѣтилъ, что въ ратушу не пойду, потому что—только что оттуда. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, что согласись я, результаты могли бы оказаться очень непріятные. Я объявилъ, что отправляюсь на станцію и тамъ приму делегатовъ, если они захотятъ придти. Мнѣ предлагали вызвать кавалерію, чтобы расчистить путь. Необходимо отмѣтить, что большинство этихъ людей были вооружены дубинами. Большое заблужденіе, и вамъ, г. Жоресъ, слѣдовало бы разъяснить его рабочимъ: нельзя смѣшивать право на стачки съ правомъ на дубину. (Аплодисменты и смѣхъ.) У насъ, разъ человѣкъ забастовалъ, онъ считаетъ своею обязанностью устроить манифестацію,—всѣ знаютъ, какъ она начинается, но никогда не извѣстно, какъ она кончится (Браво! Браво! на лѣвой и въ центрѣ),—и учинить насиліе надъ тѣмъ, кто не раздѣляетъ его мнѣнія. (Одобреніе на тѣхъ же скамьяхъ.) Я велѣлъ открыть дверь и вышелъ. Увѣряю васъ, въ этомъ не было большой заслуги. Толпа меня приняла не слишкомъ дурно, хотя и было сдѣлано нѣсколько замѣчаній, почти столь же непріятныхъ, какъ тѣ, что я слышалъ отъ г. П. Констана (смѣхъ) о неумѣстности войскъ въ Денэнъ.

П. Констанъ. Ваша иронія меня не задѣваетъ; я удовлетворенъ. (Прерываютъ слѣва и въ центрѣ.) Развѣ г. министръ—табу, что вы его защищаете? Г. министръ задѣлъ меня, и я въ правѣ ему отвѣтить.

Предсѣдатель. Когда вы съ трибуны говорили о г. министрѣ внутреннихъ дѣлъ, онъ васъ не прерывалъ.

М. Констанъ. Я прошу г. министра разрѣшенія отвѣтить ему.

Министръ. Позвольте мнѣ продолжать.

П. Констанъ. Г. министръ меня задѣлъ. (Восклицанія.)

Предсѣдатель. Потрудитесь прекратить, г. Констанъ, слово не вамъ принадлежитъ. Если вы желаете, я васъ запишу.

П. Констанъ. Я записанъ. (Шумъ.)

Предсѣдатель. Хорошо! Такъ подождите своей очереди.

П. Констанъ. Г. министръ допустилъ неточность и инсинуаціи, имѣю же я право ему отвѣтить, хотя бы то былъ и самъ г. Клемансо.

Министръ. Разъ вы записаны, г. Констанъ, значитъ вы будете имѣть случай говорить, не говорите же за меня. (Браво! Браво!)

Я вмѣстѣ съ толпою отправился на станцію. Послали за делегатами. Они пришли, и я часъ съ лишкомъ обсуждалъ, выслушивалъ ихъ жалобы, разсуждалъ съ ними. Я призналъ справедливость нѣкоторыхъ ихъ жалобъ. Но отозвать войска отказался, потому что одно присутствіе толпы съ дубинами показывало, что войска были не безполезны.

Вслѣдъ за этимъ собесѣдованіемъ префектъ, по моему приказу, снесся съ металлургическими обществами, которыя не желали вступать въ пере-

говоры съ забастовавшими синдикатами, и тѣ, по моему предложенію, согласились вступить съ ними въ переговоры на слѣдующій же день.

Позвольте откровенно спросить васъ, г. Жоресъ, неужели все это дѣлалъ человѣкъ, таящій преступные замыслы противъ рабочаго класса. Это—республиканецъ, который старается выполнить свой долгъ министра внутреннихъ дѣлъ, который обязанъ поддерживать общественный порядокъ, когда онъ нарушается не рабочимъ классомъ, а отдѣльными его членами, что̀ не можетъ быть однимъ и тѣмъ же въ вашихъ глазахъ. (Аплодисменты.)

Это не все. На слѣдующій день на станціи Лансъ собрались вызванные мною по телеграфу директора копей, и мы устроили совѣщаніе. Созванный мною синдикатъ, г. Бали, засѣдалъ въ сосѣднемъ залѣ, потому что синдикатъ владѣльцевъ и синдикатъ рабочій не желали встрѣчаться; мое времяпрепровожденіе состояло въ томъ, что я ходилъ изъ одной залы въ другую и старался найти путь къ примиренію: таково поведеніе человѣка, проникнутаго враждебнымъ чувствомъ къ рабочему классу, желающаго угнетать его, попирать его законныя стремленія? (Браво! Браво! на крайней лѣвой.)

На слѣдующій день переговоры продолжались въ префектурѣ Арраса, какъ сообщалъ г. Бали, опять въ двухъ разныхъ залахъ. Тамъ я провелъ время послѣ полудня. Во время одного изъ путешествій изъ зала въ залъ, ко мнѣ обратился начальникъ канцеляріи префекта съ сообщеніемъ: «Г. министръ, капитанъ Лесажъ запертъ въ Ліевенѣ и проситъ разрѣшенія стрѣлять, чтобы освободиться». Господа, я слишкомъ близко видѣлъ 18 марта, это былъ одинъ изъ страшныхъ дней моей жизни, и я не знаю, что могло бы поразить меня сильнѣе, чѣмъ просьба разрѣшить стрѣлять въ безоружныхъ людей. Я былъ въ Аррасѣ и даже не зналъ, что происходитъ въ Ліевенѣ.

Я отвѣтилъ, какъ только могъ отвѣтить. Я не хотѣлъ отдать приказъ, котораго отъ меня требовали. Я сказалъ, что капитанъ Лесажъ получилъ совершенно точныя инструкціи, которыя разрѣшаютъ ему употребленіе оружія только въ случаѣ, если жизнь его людей окажется въ опасности, что я изъ Аррасской префектуры не могу судить о томъ, что дѣлается на площади въ Ліевенѣ, что капитанъ долженъ самъ взвѣсить положеніе и дѣйствовать подъ своей отвѣтственностью, но что я рекомендую ему самую большую осторожность.

Телефонъ былъ перерѣзанъ въ эту минуту, а черезъ два часа капитанъ Лесажъ вышелъ изъ затрудненія, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. (Аплодисменты.)

въ Парижѣ, спросите-ка парижскихъ стачечниковъ.

Г. *Кутанъ*. И рабочихъ округа Парижа?

Министръ. Если вы ничего не имѣете противъ, поставимъ Парижъ пере[illegible]ъ округомъ. (Смѣхъ.)

[illegible]росите у парижскихъ рабочихъ, знаютъ ли они дорогу къ министру

внутреннихъ дѣлъ. Нѣтъ ни одного синдиката, ни одной группы стачечниковъ, которые желали бы меня видѣть и не были приняты. Моя дверь была всегда открыта какъ для предпринимателей, такъ и для рабочихъ.

Я всѣхъ ихъ принималъ, всѣхъ выслушивалъ. Я обсуждалъ съ ними вопросъ. Я устраивалъ совмѣстныя обсужденія враждующихъ сторонъ. Стачка землекоповъ могла создать крупныя затрудненія городской администраціи по поводу сооруженія métropolitain. Я пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ префекта Сены, директоровъ, президента муниципальнаго совѣта, докладчика, всѣхъ, кто только могъ говорить со стачечниками. Долженъ сказать, что послѣ совѣщаній, которыя нѣсколько разъ затягивались до полуночи, стачечники, можетъ быть, въ подкрѣпленіе своей аргументаціи, но я не настаиваю на этомъ, — уходя, хлопали дверью и говорили намъ непріятности. Но до того момента они неоднократно заявляли: во всякомъ случаѣ благодаримъ за то, что вы насъ приняли и выслушали. Я повторяю, характеризуютъ ли такія мои дѣйствія человѣка, который систематически угнетаетъ рабочій классъ?

Вы говорили, г. Жоресъ, прибѣгая къ нѣсколько натянутой психологіи, что я долженъ былъ разсердиться при видѣ собственной неспособности создать новое общество рядомъ съ вашимъ мощнымъ идеальнымъ сооруженіемъ, образчикъ какового вы дали намъ (Браво! на лѣвой, въ центрѣ и на правой)—это помѣщено въ *Journal Officiel*—и что этотъ гнѣвъ меня побудилъ посылать войска противъ стачечниковъ.

Увѣряю, что въ данномъ случаѣ я слагаю передъ вами оружіе, какъ и передъ стачечниками. Я преклоняюсь. Конечно, ваше умѣнье созидать превосходитъ во много разъ мое умѣнье создавать безпорядокъ, въ чемъ вы меня такъ упрекали. (Браво! смѣхъ на тѣхъ же скамьяхъ.) Нѣтъ, я не разсердился: я посылалъ войска только постепенно, по мѣрѣ надобности.

Когда волненіе разрасталось, я посылалъ бо́льшее число солдатъ, чтобы отрядъ всегда могъ чувствовать себя достаточно сильнымъ и не оказался бы побѣжденнымъ. Потомъ я посылалъ еще и чѣмъ больше бы я посылалъ, тѣмъ яснѣе бы это доказывало, что войска необходимы, и я долженъ былъ посылать, все увеличивая цифру, до тѣхъ поръ, пока не овладѣлъ бы волненіями. (Аплодисменты слѣва, изъ центра и направо.)

Вальтеръ. Это ловушка, чтобы не сказать болѣе.

Ж. Кутанъ. Вы посылали даже туда, гдѣ совсѣмъ не было стачки.

Министръ. Г. Кутанъ, вы заражены недугомъ г. Жореса; вы страдаете полузрѣніемъ (смѣхъ), вы видите только половину явленія. Вы видите феноменъ «репрессіи» и не видите другого феномена—«объекта репрессіи». Если бы вы позволили старому медику, я въ надлежащемъ мѣстѣ глазного яблока (новый взрывъ смѣха) сдѣлалъ бы тонкій надрѣзъ, который расширилъ бы поле вашего зрѣнія. Вы легко увидѣли бы, что войска не посылались безъ нужды. А гдѣ манифестаціи сопровождались насиліями, нужно было ихъ подавлять.

Ж. Кутанъ. Разрѣшите мнѣ одно слово.

Министръ. Вы меня перебили, позвольте мнѣ продолжать.

Ж. Кутанъ. Вамъ легко острить, вы журналистъ и всю жизнь жили перомъ, а я былъ въ мастерской. (Шумъ.)

Министръ. Г. Жоресъ острилъ на мой счетъ, но я не поставилъ ему на видъ, что онъ не былъ въ мастерской.

Ж. Кутанъ. Господинъ министръ... (Восклицанія.)

Предсѣдатель. Г. Кутанъ, не угодно ли вамъ прекратить, г. министръ не передалъ вамъ своего слова. Нельзя допустить, чтобы обсужденія постоянно прерывалось замѣчаніями.

Министръ. Въ то же время и въ Парижѣ стачка шла своимъ путемъ, создавая многочисленныя столкновенія. Я внимательно слѣдилъ за всѣми стачками. Не было ни одного столкновенія, ни одного изъ тѣхъ, по поводу которыхъ ко мнѣ поступали жалобы,—а ихъ получена у меня масса,—у меня здѣсь объемистый доссье,—не было ни одного столкновенія, ни—я почти могу сказать,—одного ареста, по поводу котораго я не сдѣлалъ бы запроса, не произвелъ бы разслѣдованія, по поводу котораго мнѣ не были бы представлены данныя обѣихъ сторонъ, какъ жалобщикомъ, такъ и полиціей.

Часто я признавалъ, что стачечникъ правъ, случалось подвергать взысканіямъ чиновъ полиціи, и неоднократно префектъ полиціи мнѣ говорилъ: «Будьте осторожны, если мы слишкомъ часто будемъ обвинять агентовъ полиціи...» (Восклицанія на крайней лѣвой.)

Дайте мнѣ говорить; то, что я говорю, дѣлаетъ честь г. Лепину. Вы требуете у меня отчета, я даю его вамъ, даю совершенно искренно; привожу факты, говорящіе за меня, и факты, говорящіе противъ; покажите же, что вы способны хоть слушать меня. (Аплодисменты.)

Случалось, что префектъ полиціи, нужно отдать ему справедливость, изумительно справлявшійся съ обстоятельствами (новые аплодисменты), говорилъ мнѣ: «Господинъ министръ, будьте осторожны. Если такъ продолжать, наши агенты никого не будутъ арестовывать». Я отвѣчалъ: «Будемъ и впредь оправдывать праваго и обвинять виновнаго». И префектъ полиціи повиновался. Развѣ такъ поступаетъ человѣкъ, объявившій борьбу рабочему классу?—спрашиваю я васъ. Нужно хорошенько уяснить себѣ, что мы всѣ воспитываемся для свободы (аплодисменты) и что тѣ, кому приходится примѣнять репрессіи, должны особенно воспитываться въ смыслѣ свободы. Развѣ я могъ услѣдить за каждымъ? Развѣ могъ это сдѣлать г. Лепинъ? Конечно, нѣтъ. Ихъ нужно было воспитывать, я долженъ былъ формулировать мои инструкціи Лепину, чтобы онъ изложилъ свою своимъ подчиненнымъ; мнѣ нужно было выработать теорію стачки.

Если вамъ угодно будетъ меня выслушать, я прочту вамъ инструкціи. Нужно было, чтобы г. Лепинъ пожелалъ обсудить со мной вопросъ, чтобы проникнуться моими идеями, нужно было, чтобы подчиненные его поняли. Все это потребовало нѣсколько дней, за это время и произошли факты, о которыхъ мы только что говорили.

Можно ли сказать, что человѣкъ, который выработалъ эти инструкціи, который принималъ всѣ синдикаты, разсматривалъ всѣ жалобы, который назначалъ разслѣдованіе каждой,—замѣтьте хорошенько, потому что вы не можете привести мнѣ ни одного достовѣрнаго факта, по поводу котораго я не могъ бы вамъ немедленно отвѣтить,—можно ли сказать, что этотъ человѣкъ ведетъ войну съ рабочимъ классомъ, притѣсняетъ, угнетаетъ его? А допускаете ли вы, что производить насиліе надъ тѣми, кто не примкнулъ къ стачкѣ, составляетъ законное право стачечниковъ? (Браво! Браво!—слѣва, въ центрѣ и направо.)

Признаете? Если признаете—такъ и говорите. Я знаю, у васъ есть цѣлая теорія по этому вопросу, мы къ ней сейчасъ вернемся. А! совершенно вѣрно. Я не пользовался средствами, которыми можетъ располагать министръ внутреннихъ дѣлъ, чтобы заслужить похвальную статью. Справа меня упрекали въ томъ, что я потворствую стачечникамъ, справа заранѣе производили въ герои того, кто приказалъ бы стрѣлять въ безоружную толпу. (Отрицанія справа и съ разныхъ скамей центра.)

Савори де-Борегаръ. Кто говорилъ это?

Министръ. Одинъ изъ вашихъ руководящихъ органовъ. Я питаю слишкомъ хорошія личныя чувства къ автору статьи, чтобы его называть здѣсь; довольно, если я скажу, что онъ редакторъ одного изъ самыхъ вліятельныхъ журналовъ правой прессы.

«Герой—кто отдастъ приказъ стрѣлять».

С. де-Борегаръ. Онъ говорилъ лично за себя.

Министръ. Я не видѣлъ, чтобы справа протестовали противъ этого.

Гр. де-Ланжюинэ. Мы не отвѣтственны за журнальныя статьи.

Министръ. Я думалъ, что мои дѣла будутъ говорить за меня. Я думалъ, что настанетъ часъ, когда мнѣ можно будетъ дать объясненія здѣсь, передъ лицомъ моихъ противниковъ. Этотъ часъ насталъ, и я пользуюсь имъ, чтобы сказать прежде всего, что, въ моихъ глазахъ, дѣйствуетъ противъ рабочаго класса тотъ, кто поощряетъ въ немъ безумную идею, какъ будто всюду, гдѣ имѣется одинъ рабочій, не признающій ни закона, ни права, дѣйствуетъ рабочій классъ (аплодисменты слѣва, въ центрѣ и направой),—тотъ, кто изображаетъ врагомъ рабочаго класса правительство, обязанное поддерживать порядокъ, поддерживать его тѣмъ болѣе, что освобожденіе рабочаго класса можетъ совершиться въ рамкахъ закона и права. (Оживленные аплодисменты.) Я говорю, что дѣйствуютъ противъ рабочаго класса тѣ, кто поддерживаетъ въ немъ мысль, что онъ всегда правъ, и что нужно только направить противъ другихъ тѣ притѣсненія, которыя онъ самъ терпѣлъ. Я говорю, что противъ рабочаго класса дѣйствуютъ тѣ, кто такимъ путемъ задерживаетъ его воспитаніе (новый взрывъ аплодисментовъ), потому что воспитываютъ не слова, какъ утверждаютъ и вѣрятъ педагоги, а дѣйствія. Мы тотчасъ почувствуемъ, что рабочій классъ достоинъ управлять демократіей, какъ вы того желаете, какъ и я всецѣло

хочу, когда его поведеніе, по его личной иниціативѣ, будетъ согласовано съ тѣмъ правомъ, которое онъ самъ провозглашаетъ. (Браво! Браво!)

Вотъ какъ нужно его воспитывать. Это воспитаніе не усваивается изъ рѣчей; если бы рѣчами можно было воспитывать міръ, нагорная проповѣдь давно бы уже осуществилась. (Смѣхъ и аплодисменты.)

Я и пытался вести воспитаніе въ этомъ духѣ, но, какъ я только что замѣтилъ, васъ, г. Жоресъ, я не встрѣтилъ въ качествѣ сотрудника ни въ Ланъ, ни въ Денэнъ. Я не упрекаю васъ въ этомъ, это само собою разумѣется, но, принимая во вниманіе огромное вліяніе, по праву вамъ принадлежащее, кто знаетъ, сколько несчастій было бы избѣгнуто, раздайся ваше слово вмѣстѣ съ моимъ?

Я не говорю, что вы были неправы, но уже самый фактъ, что я былъ на посту-долгу, долженъ бы внушить вамъ бо̀льшую снисходительность. Вы могли бы, по крайней мѣрѣ, отдать мнѣ справедливость въ томъ, что я пытался сдѣлать нѣчто. (Браво! Браво!)

Безъ сомнѣнія, вы смотрѣли на меня съ высоты своихъ соціалистическихъ концепцій. Вы обладаете властью по манію жезла создавать волшебные за̀мки. Я же скромный и безвѣстный рабочій, воздвигающій въ ряду другихъ камень за камнемъ величественный соборъ, котораго ему не суждено увидѣть. Волшебный за̀мокъ разлетится при первомъ дуновеніи дѣйствительности, а республиканскій храмъ когда-нибудь вознесетъ къ небесамъ свой куполъ. (Аплодисменты слѣва.)

Вернемся къ моимъ инструкціямъ во время стачекъ! У меня въ рукахъ инструкціи моихъ предшественниковъ, вашихъ друзей, по адресу которыхъ вы не выражали негодованія... (Браво! Браво! на лѣвой.)

Онѣ у меня въ рукахъ. Если бы я не боялся злоупотребить вниманіемъ палаты... (Читайте! Читайте!)

Я не буду читать. Я здѣсь не для того, чтобы привлекать къ суду отдѣльныхъ лицъ.

Съ правой. Это могло бы сконфузить большинство.

Дэвезъ (Devéze). Не инсинуируйте!

Министръ. Я не инсинуирую; вы меня прервали, прежде чѣмъ я успѣлъ закончить свое предложеніе. Если бы вы дали мнѣ кончить, вы увидѣли бы, что въ моей мысли нѣтъ ни малѣйшаго слѣда инсинуаціи.

Дэвезъ. Вы заронили подозрѣніе.

Министръ. Да дайте же мнѣ говорить! Вы настаиваете на томъ, что демократія способна къ самоуправленію, между тѣмъ какъ вы сами, одинъ изъ ея руководителей, не умѣете управлять собою. (Браво! Браво! Смѣхъ налѣво и въ центрѣ.)

Дэвезъ. Вы задѣваете лица.

Министръ. Когда мнѣ приходится говорить, я изъясняюсь на чистомъ французскомъ языкѣ и никогда не инсинуирую.

Я замѣтилъ, что вы, въ качествѣ вождя демократіи, должны были бы проявлять больше терпимости къ своему противнику. Даю честное слово,

что,—называя васъ однимъ изъ вождей демократіи (я считаю васъ таковымъ, потому что она ввѣрила вамъ защиту своихъ интересовъ),—я отнюдь не намѣревался сдѣлать вамъ непріятность. (Браво! Браво!)

Я говорю,—если бы вы, г. Дэвезъ, дали мнѣ докончить, вы были бы удовлетворены,—что у меня имѣются инструкціи моихъ предшественниковъ, которыя, будучи продиктованы самыми лучшими побужденіями, не подчеркиваютъ, какъ сдѣлалъ я въ своихъ инструкціяхъ префектамъ Сѣвера и Паде-Калэ,—права стачки и вытекающихъ изъ него обязанностей агентовъ администраціи.

Вотъ первая телеграмма человѣка, поставившаго себѣ цѣлью унижать рабочій классъ, попирать его законныя требованія. (Смѣхъ на лѣвой.)

«Министръ внутреннихъ дѣлъ префекту Арраса и Лилля».

Мнѣ сообщаютъ, что—въ силу неправильнаго толкованія инструкцій, данныхъ для поддержанія порядка, нѣкоторыя жандармскія бригады и взводы кавалеріи позволили себѣ прибѣгнуть къ строгостямъ, не оправдываемымъ въ отношеніи рабочихъ, которые, на законномъ основаніи, пользуются правомъ стачки. Прошу васъ дать точныя инструкціи, дабы право каждаго уважалось.

Иначе говоря, свобода труда должна быть прочно ограждена, но равнымъ образомъ отнюдь нельзя препятствовать рабочимъ-стачечникамъ убѣждать товарищей примкнуть къ стачкѣ. Вмѣшательство допустимо лишь въ томъ случаѣ, еслибъ стачники сдѣлали попытку насильно снять товарищей съ работы. (Браво! Браво! въ центрѣ и на лѣвой.)

Предоставленная въ ваше распоряженіе полиція отнюдь не должна понуждать къ возврату къ работѣ. Прошу тщательно наблюдать за исполненіемъ сихъ предписаній. (Аплодисменты на тѣхъ же скамьяхъ.)

Де-Бодри д'Ассонъ. Великолѣпно.

П. Констанъ. Эти предписанія дурно исполнялись.

Министръ. Для меня неясенъ смыслъ замѣчанія.

П. Констанъ. Я объясню.

Министръ. О, нѣтъ!

П. Констанъ. Я говорю, что предписанія не исполнялись. Я не осуждаю вашихъ намѣреній.

Министръ. А я говорю, что въ большинствѣ случаевъ они точно выполнялись.

Я продолжаю и предлагаю вашему вниманію депешу, посланную мною на имя депутата и мэра, Ломандэнъ.

Данныя мною инструкціи точно предписываютъ пользоваться полицейской силою только въ качествѣ патруля для возстановленія нарушеннаго порядка и для огражденія въ равной мѣрѣ права стачки и права на трудъ.

Мои агенты должны быть на-стражѣ обоихъ этихъ правъ. Я потребую у префекта объясненій относительно представленныхъ вами обвиненій (Cnarjes?) Я готовъ подавлять всякое злоупотребленіе и предлагаю вамъ съ своей стороны воспользоваться законнымъ вліяніемъ на рабочихъ-

стачечниковъ, чтобы предотвратить акты насилія надъ людьми и ихъ жилищами, о каковыхъ мнѣ доносятъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ.

Ламандэ. Вы должны отдать мнѣ справедливость въ томъ, что я сдѣлалъ все это, не ожидая вашего приглашенія.

Министръ. Вполнѣ отдаю ее вамъ и съ величайшимъ удовольствіемъ. (Аплодисменты слѣва.)

Вотъ моя телеграмма ко всѣмъ префектамъ Франціи по вопросу о стачкахъ.

«Напоминаю вамъ, что въ случаѣ возникновенія стачки въ вашемъ департаментѣ ваше вниманіе должно быть одновременно направлено на огражденіе и свободы стачки и свободы труда.

«Я отнюдь не желаю повторенія старыхъ ошибокъ, связанныхъ съ появленіемъ пѣхоты или кавалеріи въ моментъ объявленія стачки, въ качествѣ мѣры предупрежденія.

«Держите отряды по близости, маскируя ихъ присутствіе, заранѣе распорядившись на случай быстраго вызова ихъ.

«Если порядку угрожаетъ опасность, приведите ихъ ночью, расположите въ рудникахъ или въ мастерскихъ, на верфяхъ, на заводахъ: въ дѣйствіе слѣдуетъ пускать солдатъ только въ случаяхъ нарушенія порядка.

«Для охраненія порядка и несенія сторожевой службы вы можете пользоваться находящейся въ вашемъ распоряженіи жандармеріей, а если ея силъ окажется недостаточно, вы можете обратиться къ кавалерійскимъ отрядамъ.

«Вы должны всякій разъ точно доносить мнѣ о предполагаемыхъ вами мѣрахъ и о томъ наличномъ составѣ, какимъ вы желаете воспользоваться, и какъ вы его распредѣлите, въ случаѣ надобности. Прошу увѣдомить меня о полученіи этой инструкціи».

А вотъ инструкціи сѣвернаго префекта войскамъ. Я не могу прочесть ее вамъ цѣликомъ. Это слишкомъ большой документъ, но я прочту вамъ начало ея и конецъ, которые точно указываютъ на ихъ духъ.

Эти инструкціи мною одобрены, я думаю, объ этомъ можно и не говорить!

«Войска были вызваны: 1) для охраны свободы труда; 2) для охраны лицъ и имущества; 3) для возстановленія и обезпеченія порядка, нарушеннаго волненіями.

«Всѣ рабочіе свободно могутъ пользоваться правомъ стачки, имъ вполнѣ предоставляется убѣждать своихъ товарищей путемъ общественныхъ собраній, путемъ частныхъ бесѣдъ, путемъ посѣщеній на дому—словомъ, всѣми правомѣрными, закономъ дозволенными способами пропаганды. Но подъ предлогомъ стачки повсюду совершаются акты грабежа и возмущенія. Правительство твердо рѣшило положить имъ предѣлъ. Оно обратилось къ арміи и разсчитываетъ на ея осторожное твердое содѣйствіе.

«Я считаю необходимымъ возможно точнѣе опредѣлить, въ какой мѣрѣ и въ какихъ формахъ я жду помощи отъ вызванныхъ войскъ.

«1) Защита свободы труда. Всѣ рабочіе, которые въ одиночку или группами направляются въ шахты или въ мастерскія на работы, должны пользоваться энергичной защитой отъ всякаго, кто угрозой, запугиваніемъ или насиліемъ захотѣлъ бы имъ воспрепятствовать. Слѣдуетъ немедленно освобождать тѣхъ, кого принуждаютъ присоединяться къ стачечникамъ,—заставляютъ нести флаги, подписи. Въ моментъ прихода на работу или ухода съ нея эти рабочіе должны быть тщательно охраняемы.

«2) Охрана лицъ и имущества.

«Шахты, заводы, дома инженеровъ и владѣльцевъ, дома рабочихъ, не примкнувшихъ къ стачкѣ, должны быть особенно оберегаемы отъ нападеній бунтовщиковъ».

И въ концѣ:

«Правительство разсчитываетъ на осторожность и выдержку офицеровъ и солдатъ. Свобода, которую я имъ предоставляю, покрывая ихъ своей личной отвѣтственностью, я увѣренъ,—не вызоветъ съ ихъ стороны излишняго усердія, а побудитъ ихъ хладнокровно, мужественно и стойко встрѣтить всевозможныя событія». (Браво! Браво!)

Вотъ, господа, мои главныя преступленія; но я еще не все сказалъ.

Въ Эро (Herault) возникла мѣстная желѣзнодорожная забастовка.

Префектъ просилъ меня прислать версальскихъ солдатъ, чтобы обезпечить движеніе поѣздовъ. Я ему отвѣтилъ:

«Вы просите меня, въ случаѣ, если бы мѣстная желѣзнодорожная забастовка затянулась, прислать въ Эро военныхъ машинистовъ и кочегаровъ изъ Версальскаго гарнизона, дабы они обезпечили желѣзнодорожную службу.

«Я могу согласиться на эту мѣру только въ томъ случаѣ, если ее неизбѣжно потребуютъ общественные интересы. Вы не должны терять изъ виду, что уваженіе къ праву стачки налагаетъ на администрацію обязательство не поощрять ни одной изъ борющихся сторонъ.

«Распоряженія, которыя вы просили меня сдѣлать, создали бы для желѣзнодорожной компаніи привилегированное положеніе, такъ какъ помимо содѣйствія обычнаго персонала—обезпечили бы правильность движенія. Эта мѣра можетъ быть оправдана единственно необходимостью обезпечить общественную функцію, напр., почтовую службу.

«Прошу васъ категорически отвѣтить мнѣ, вызвана ли ваша просьба такой законной причиной».

Я здѣсь для того, чтобы дать отчетъ во всемъ, а потому прибавлю, что префектъ отвѣтилъ мнѣ, что почтовая служба требуетъ присылки солдатъ, и... я не послалъ ихъ.

Стачка закончилась, а я не отправилъ ни одного солдата для несенія желѣзнодорожной службы.—Таковъ человѣкъ, который ополчился противъ рабочаго класса. Это не все.

Послѣ инцидентовъ въ Villerupt (это иллюстрація настроенія нѣкоторыхъ патроновъ, настроенія, обязаннаго своимъ происхожденіемъ поведе-

нію нѣкоторыхъ агентовъ предыдущаго правительства) ко мнѣ въ кабинетъ явился одинъ промышленникъ.

Я полагаю, онъ былъ республиканецъ. Онъ дружелюбно подалъ мнѣ списокъ иностранцевъ, которыхъ желалъ выслать.

Онъ ждалъ отъ меня подобнаго рѣшенія потому, что ему этого хотѣлось, и крайнѣ изумился, когда я замѣтилъ, что у меня на мѣстахъ имѣются префекты, су-префекты, полицейскіе комиссары и что я всегда готовъ разсмотрѣть ихъ представленія по данному вопросу.

Нѣсколько сконфуженный онъ унесъ свой проскрипціонный листъ. (Замѣчанія на крайней лѣвой.)

Ни префектъ, ни су-префектъ, ни полицейскій комиссаръ никогда не обращались ко мнѣ по поводу какихъ-либо проскрипцій.

Наконецъ, въ Hennebont, гдѣ до сихъ поръ длящаяся стачка стоила мнѣ многихъ заботъ и, боюсь, принесетъ еще не мало ихъ и впереди,—въ Hennebont стачечники имѣли обыкновеніе собираться въ полѣ, составляющемъ собственность синдиката и носящемъ названіе синдикальнаго поля. Вы знаете, что собранія подъ открытымъ небомъ запрещены.

Директоръ завода одновременно и мэръ и, порою, искушеніе слить желанія директора завода съ полномочіями мэра можетъ быть очень сильно. Онъ просилъ у префекта разрѣшенія занять синдикальное поле войсками. Вы видите я говорю о томъ, что въ вашу пользу, и о томъ, что противъ васъ, съ одинаковымъ прямодушіемъ. Итакъ, онъ просилъ занять поле войсками и палатками, какъ будто нечаянно, чтобы митингъ стачечниковъ не могъ состояться.

Депеша префекта заканчивалась слѣдующей тревожной фразой:

«Можно, дѣйствительно, опасаться, какъ бы митингъ, если онъ состоится, не повлекъ за собою крупныхъ безпорядковъ».

Такимъ образомъ на меня ложилась отвѣтственность за могущіе возникнуть безпорядки, по поводу которыхъ вы не преминули бы обвинить меня въ жестокости къ рабочему классу.

Я запретилъ занимать поле солдатами, хотя, сознаюсь, боялся возможныхъ послѣдствій и чувствовалъ на себѣ отвѣтственность за могущія произтечь несчастья.

Синдикальное поле занято не было, митингъ состоялся, и безпорядковъ не произошло. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ я разсказываю вамъ всѣ эти вещи, думаете ли вы честно, чистосердечно, разумѣется помимо нашихъ разногласій относительно пунктовъ доктрины, можете ли вы искренно вѣрить, что человѣкъ, предлагающій вашему вниманію документы, указывающіе главныя черты его правительственной системы въ томъ смыслѣ какъ это сдѣлалъ я,—что этотъ человѣкъ стремится угнетать и притѣснять рабочій классъ?

Можете ли вы этому вѣрить?

Вы молчите, и я отвѣчу за васъ: вы не вѣрите ни одному слову (громкіе аплодисменты), и вы правы.

Отъ моихъ инструкцій перейдемъ къ фактамъ.

Жюль Кутанъ. Мы не въ школѣ.

Министръ. Прошу извиненія, мы учимся всегда. Когда говорилъ г. Жоресъ, я былъ въ школѣ, я всегда въ школѣ, и въ день моей смерти я все еще буду въ школѣ и чему-нибудь поучусь. (Громкіе аплодисменты.)

Вальтеръ. Безъ сомнѣнія, вамъ еще предстоитъ многое узнать.

Министръ. Желаю, чтобы вы не были въ подобномъ положеніи.

Я не претендую на то, чтобы васъ учить; вы слишкомъ легко забываете, что я здѣсь, чтобы защищаться отъ вашихъ нападокъ. Дайте же мнѣ отвѣтить на запросъ. Я говорю открыто, безъ всякой затаенной вражды къ кому бы то ни было изъ вашей среды, а къ нѣкоторымъ я питаю чувства прямо-противоположныя тѣмъ, какія вы предполагаете.

Дайте же мнѣ говорить. Я не оскорбляю васъ, я не веду войны съ рабочими, я стремлюсь ихъ защищать и претендую лишь на то, чтобы защитить ихъ отъ васъ, помимо вашего желанія. (Громкіе аплодисменты слѣва и въ центрѣ. Замѣчанія на крайней лѣвой.)

Господа, я изложилъ вамъ свои инструкціи, теперь нужно перейти къ фактамъ. Г. Жоресъ упрекнулъ мое изображеніе въ излишней жестокости. Я, какъ и вы, оплакиваю эти событія,—сказалъ онъ.—Быть можетъ, онъ думаетъ, что этимъ онъ сдѣлалъ все. Для меня дѣло обстоитъ иначе.

Я, министръ внутреннихъ дѣлъ, но я министръ не для того, чтобы оплакивать событія; я долженъ слѣдить за тѣмъ, соотвѣтствуетъ ли поведеніе гражданъ закону, республиканскому праву, или нѣтъ, и дѣйствовать согласно результатамъ. (Браво! Браво!—слѣва.)

Если я нахожу, что законъ плохъ, я не скрываю факта отъ васъ, я, не смущаясь, констатирую его, пожалуй я склоню чашку вѣсовъ въ пользу нарушителя закона; если я нахожу, что законъ справедливъ, я постарался бы, изъ чувства состраданія, всетаки склонить вѣсы въ пользу нарушителя; но я не могъ бы измѣнить своему долгу, который предписываетъ мнѣ защищать общественный порядокъ. Я повторяю, не думайте, что я хочу изъ своихъ сообщеній извлекать обвиненія противъ рабочаго класса,—это не можетъ подлежать сомнѣнію для добросовѣстнаго судьи,—ни даже противъ виновныхъ.

У меня совсѣмъ иныя намѣренія, и цѣлюсь гораздо выше; я не отрицаю ни одного слова изъ моей «Mêlée sociale», прочитанныхъ здѣсь г. П. Констаномъ, но ни въ «Mêlée sociale», ни въ какомъ иномъ мѣстѣ я не говорилъ, что не положу предѣла насилію, если рабочіе позволятъ себѣ насилія надъ другими рабочими, если они станутъ грабить, ломать все въ домѣ рабочаго.

Я не говорилъ, что не освобожу несчастныхъ изъ рукъ этихъ людей, если они позволятъ себѣ насиліе. Этого я не говорилъ.

Слѣдовательно, ваши упреки не имѣютъ никакого отношенія къ фактамъ, за которые я являюсь здѣсь отвѣтственнымъ. Не слѣдуетъ оши-

баться, я веду процессъ не противъ рабочаго класса, а противъ тѣхъ, кто, не имѣя полномочій, хочетъ говорить отъ его имени, кто, требуя отъ меня отчета, старается представить меня виновнымъ тамъ, гдѣ я, какъ имъ извѣстно, — правъ. Отъ нихъ въ свою очередь, потребую отвѣта я; отъ тѣхъ, кто поддерживаетъ рабочій классъ въ его заблужденіяхъ, кто воспитываетъ въ немъ жестокость, которая, рано или поздно обратится противъ него же; въ этомъ именно смыслѣ я и являюсь защитникомъ рабочаго класса противъ его самозванныхъ адвокатовъ. (Аплодисменты слѣва.)

Всего труднѣе для властителя знать истину.

«Если бы король зналъ»,—говорили прежде.

«Если бы народъ зналъ»,—могъ бы я сказать: «если бы народъ могъ выбирать между тѣми, кто всегда увѣряетъ его, что онъ правъ, что бы онъ ни дѣлалъ, какія бы ошибки онъ ни совершалъ, и тѣми, кто предостерегаетъ его отъ этихъ ошибокъ и заблужденій!»

Въ одномъ изъ моихъ сочиненій г. Поль Констанъ могъ бы прочесть слѣдующую фразу: «Иногда, когда рабочіе неправы, у нихъ есть основаніе быть неправыми».

Однако не слѣдуетъ ошибаться; я не обвиняю рабочихъ; у нихъ имѣется слишкомъ много извиненій, и я не хочу ихъ уличать; я осуждаю тѣхъ, кто требуетъ съ меня отчета, не требуя его отъ самого себя, и кого я, въ свою очередь, обвиняю въ томъ, что они желаютъ раскрѣпостить рабочій классъ, не указывая ему на его ошибки, поддерживая его въ его заблужденіяхъ; г. Жоресъ, говоря, что посылка войскъ явилась слѣдствіемъ моего гнѣва по поводу моего безсилія создать царство Божіе, — упомянулъ, что предлогомъ къ ней была борьба двухъ синдикатовъ.

Но г. Жоресу извѣстно лучше, чѣмъ мнѣ, что дѣло шло не о двухъ синдикатахъ, а о двухъ партіяхъ, о партіи соціалистической, къ которой онъ принадлежитъ, и о партіи анархической, партіи синдикалистовъ.

А! онъ взялъ синдикалистовъ подъ свою защиту по поводу 1 мая! Не менѣе вѣрно и то, что на сѣверѣ борьба между двумя партіями велась съ ожесточеніемъ.

Г. Бали (Basly) въ одной статьѣ назвалъ анархистовъ апологетами грабежа; онъ сѣтовалъ на то, что они обратились къ всегда наличнымъ «борцамъ за свободу» (libertaires), готовымъ на все для уничтоженія того, что на ихъ образномъ языкѣ зовется: le syndicat des bouffe-galette. Они подразумѣвали подъ этимъ,—съ вашего позволенія—соціалистическій синдикатъ. (Смѣхъ.)

Это написано г. Basly, за его подписью, въ газетѣ *Reveil du Nord*, которая является однимъ изъ главныхъ органовъ соціалистовъ... (Отрицанія на крайней лѣвой.)

Феронъ. Отрекаться отъ журналовъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ, явленіе обычное.

Министръ. Я не случайно упомянулъ объ этомъ. Уважаемый г. Дельсоль (Delesolle) редакторъ, мой другъ, и я всегда смотрѣлъ на него...

Делори. Этотъ журналъ не состоитъ подъ контролемъ партіи. (Восклицанія.) *Réveil du Nord* совершенно не зависитъ отъ партіи.

Министръ. Значитъ ли это, что соціалисты, члены партіи, не являются независимыми?

Какое слово коснулось моего слуха! Есть соціалисты зависимые? И это говоритъ соціалистъ! (Аплодисменты и смѣхъ на многочисленныхъ скамьяхъ. Замѣчанія на крайней лѣвой.)

Я знаю, что въ соціалистическомъ католицизмѣ имѣются свои протестанты. (Смѣхъ.) Я не имѣю права касаться степени правовѣрности г. Дельсоля.

Ж. Л. Бретонъ. Дельсоль превосходный соціалистъ! (Восклицанія и смѣхъ въ центрѣ и справа.)

А. Зеваэсъ. Онъ былъ помощникомъ г. Делори.

Министръ. Итакъ, господа, послушайте, какъ этотъ настоящій соціалистъ говоритъ объ анархистахъ и о синдикалистахъ. «Роль Анархосовъ»— такъ озаглавлена статья. Банда презрѣнныхъ анархистовъ, посланныхъ въ Па-де-Калэ конфедераціей труда, не упустила случая, чтобы посѣять сѣмена разлада среди горнорабочаго пролетаріата и предательски съ тылу атаковать мужественныхъ представителей горнорабочаго синдиката въ то самое время, когда эти послѣдніе борются лицомъ къ лицу съ лживыми эксплоататорами.

«Референдумъ уничтожилъ анархистовъ, и въ то самое время, какъ Леви и Соргъ направлялись въ Парижъ, Монэты и Дельзаны пробовали свои таланты, пропагандируя пожары, грабежи и нищенство съ оружіемъ въ рукахъ. Теперь, благодаря имъ, благодаря ихъ подстрекательству легко воспламеняющихся птенцовъ—такова молодежь, работающая въ рудникахъ— благодаря ихъ агитаціи среди неопытной молодежи, освободительное движеніе горнорабочихъ, столь мощное въ своемъ спокойствіи, обратилось въ безпорядочное вторженіе варваровъ; благодаря имъ, благодаря преступной проповѣди этой разбойничьей шайки, делегированной на Сѣверъ синдикатомъ безымянныхъ профессій въ Парижѣ, общественныя симпатіи мало-по-малу отвертываются отъ стачки углекоповъ, и въ то же время правительство къ великой радости акціонеровъ вынуждено перейти къ репрессіямъ, на что оно не соглашалось раньше...

«Не пропуская ни одного случая, они сѣяли сѣмена жестокости и разбоя; всякій разъ какъ рабочіе посылали своихъ делегатовъ попытать счастья въ совѣщаніяхъ, совмѣстныхъ съ акціонерами, они, чужіе на копяхъ, старались вызывать взрывы гнѣва, что вредило успѣху, какъ наприм., въ тотъ день, когда патроны, сообща вырабатывавшіе рѣшеніе въ Парижѣ, немедленно разъѣхались при извѣстіи о разгромѣ дома Ремо.

Чего они стоятъ, явствуетъ изъ доклада, представленнаго въ муниципальный совѣтъ Парижа, при чемъ вѣрность сообщенія не подлежитъ сомнѣнію.

Докладъ свидѣтельствуетъ, что огромныя денежныя суммы, отпущенныя на поддержку рабочихъ организацій, пошли на отвратительныя оргіи и на непристойнѣйшіе кутежи. Далѣе: лишенные казеннаго пирога, они нашли однако средства—ради пропаганды дезертирства солдатъ передъ лицомъ противника—для распространенія во Франціи милліоновъ оплаченныхъ сборами афишъ, что обошлось по крайней мѣрѣ 300,000 фр.

«Откуда эти деньги? Нужно ли спрашивать объ этомъ теперь, наканунѣ выборовъ, когда реакція стремится запугать робкаго и нерѣшительнаго избирателя?» (Аплодисменты и смѣхъ слѣва.)

Читая этотъ текстъ, я думалъ о порицаніи, выраженномъ мнѣ съ высоты этой трибуны достопочтеннымъ г. Жоресомъ. Онъ упрекалъ меня—я привожу его подлинныя слова—въ томъ, что я «безъ серьезныхъ уликъ набросилъ тѣнь нравственной несостоятельности, навлекъ подозрѣнія на вождей рабочаго движенія наканунѣ большого законнаго сраженія, къ которому рабочіе готовились»; это касается заговора. Мнѣ кажется, позвольте мнѣ это сказать, что слѣдственная власть въ Бетюнѣ, арестовывая людей, на которыхъ соціалистическій *Réveil du Nord,* взводитъ вышеприведенныя обвиненія, лишь слѣдовала указаніямъ соціалистовъ.

Жоресъ. Слѣдовательно, вы арестовываете, руководствуясь газетными статьями?

Министръ. Ваше замѣчаніе меня удивляетъ. Я никого не арестовываю, это не въ моей власти.

Жоресъ. Я говорю о слѣдственной власти въ Бетюнѣ.

Министръ. Вы поспѣшили со своимъ замѣчаніемъ, но я отвѣчу вамъ. Я никого не арестовываю. Я передалъ прокурору республики полицейскія донесенія, бывшія у меня въ рукахъ, и скажу, не смущаясь, въ этихъ донесеніяхъ не было ничего особеннаго компрометирующаго членовъ конфедераціи труда.

Однако, они были арестованы, о чемъ я, какъ и вы, узналъ изъ газетъ. Но, когда я въ главномъ соціалистическомъ журналѣ Сѣвера читаю то же обвиненіе, которое поставлено въ вину арестованнымъ, а именно денежная поддержка стачки изъ реакціонныхъ видовъ,—я имѣю право обратиться къ вамъ, упрекавшимъ меня за опороченіе этихъ людей.

Вы первые опорочили ихъ, назвавъ ихъ разбойниками, апостолами грабежа и хищенія, утверждая, что они получали крупныя суммы отъ реакціонеровъ. (Аплодисменты слѣва. Движеніе.)

О! я знаю, послѣ выборовъ проповѣдывали сближеніе, а въ С.-Мандэ провозгласили миръ. Анархисты отвѣтили не такъ любезно, какъ того отъ нихъ ожидали. Самъ Грифюэль (Grifuelhes)...

Вальтеръ. Онъ не анархистъ!

Министръ. Самъ Грифюэль въ отчетѣ о банкетѣ (онъ подчеркнулъ, что отправился туда, запасшись редакціонной карточкой) шутливо говорилъ: «Идя туда, я ждалъ скорпіоновъ,—меня встрѣтили елеемъ». (Смѣхъ.) Въ заключеніе онъ говоритъ: «Всѣ рѣчи были проникнуты стремленіемъ

къ сближенію. Конечно, это стремленіе не встрѣчаетъ отклика въ рабочей средѣ».

Э. Вальянъ. Тѣмъ не менѣе сближеніе весьма необходимо.

Министръ. Возможно, но я отмѣтилъ, что ваши авансы не слишкомъ радушно были встрѣчены. Во всякомъ случаѣ утвержденіе г. Жореса, что причиной посылки войскъ была борьба анархистовъ съ соціалистами, не находитъ подтвержденія въ извѣстныхъ фактахъ. Господа, разъ фактъ борьбы установленъ, я обязанъ, никого не обвиняя въ совершившемся, но возможно кратко въ виду поздняго времени, отмѣтить нѣкоторые пункты.

Съ разныхъ скамей: До завтра!

Министръ. Я думаю, что сегодня мнѣ не кончить. Но я хотѣлъ бы покончить съ вопросомъ о стачкахъ. (Говорите!)

Аллеманъ. Предоставьте г. министру самому располагать свою работу.

Министръ. Надѣюсь, вы употребляете слово «работа» не въ пренебрежительномъ смыслѣ?

Аллеманъ. Отнюдь нѣтъ.

Министръ. Благодарю.

Я обязанъ отмѣтить нѣсколько фактовъ, официально занесенныхъ въ имѣющіеся у меня рапорты.

Напримѣръ, въ Denain стачечный комитетъ раздавалъ мѣстнымъ коммерсантамъ карточки, гарантирующія ихъ отъ непрошенныхъ посѣщеній стачечниковъ.

Допускаете ли вы, гдѣ бы то ни было, существованіе рядомъ съ правительствомъ другого «побочнаго» правительства, которое раздаетъ охранныя свидѣтельства въ виду могущихъ случайно возникнуть актовъ насилія? Такого рода факты подавлялись. Вы ставите мнѣ это въ вину? Во многихъ мѣстахъ стачечники установили своего рода подорожную пошлину; неужели вы вмѣните мнѣ въ вину, что я запретилъ эти незаконные поборы? Увы! г. Бали (Basly), у меня тоже имѣются фотографіи. Я ихъ показываю, но выставки изъ нихъ не сдѣлаю. Это фотографіи домовъ рабочихъ, разрушенныхъ стачечниками.

У меня длинные списки такихъ домовъ изъ сѣвернаго департамента и изъ департамента Па-де-Калэ. Позвольте мнѣ прочесть вамъ одну изъ легендъ, связанныхъ съ этими фотографіями.

«Коммуна Денен, шахта Ренаръ. Внутренній видъ дома Кашё (Jean Baptiste Cacheux); углекопъ; разгромъ произведенный рабочими-стачечниками 19 апрѣля 1906 года въ половинѣ четвертаго вечера. Оцѣнка убытковъ 668 фр. etc.».

Ну, теперь я спрошу васъ, упрекающихъ меня въ жестокости къ рабочему классу; предположимъ, что вы, г. Жоресъ,—министръ внутреннихъ дѣлъ—несчастья приходятъ вѣдь такъ внезапно. (Смѣхъ.) Неужели вы позволите стачечникамъ грабить и громить дома рабочихъ, единственное преступленіе коихъ заключается въ томъ, что они работаютъ? Это было бы для васъ невозможно! Вы поступили бы, какъ я, вы послали бы

войска; а сдѣлай вы это, найдутся свои Грифюэли, Леви, Монаты, и съ того самого мѣста, которое сегодня занимаете вы, обратятся къ вамъ съ тѣми же упреками, съ какими вы обращаетесь ко мнѣ. (Аплодисменты и смѣхъ слѣва.)

Жоресъ. Это самое говорилъ вамъ Ж. Ферри!

Министръ. Позвольте вамъ замѣтить, г. Жоресъ, что ваше замѣчаніе не кстати: въ то время вы сидѣли рядомъ съ Ж. Ферри. (Аплодисменты слѣва, въ центрѣ и на нѣкоторыхъ скамьяхъ правой.) Тогда вы на меня нападали за крайность, теперь—за умѣренность. Изъ насъ двоихъ только я не измѣнился. (Аплодисменты слѣва.) Я не упрекалъ Ж. Ферри за то, что онъ поддерживалъ порядокъ; я никогда не упрекалъ г. Ж. Ферри за то, что онъ препятствовалъ стачечникамъ грабить дома рабочихъ, оставшихся на работѣ. Но я спрашиваю васъ, дѣло идетъ не о г. Ж. Ферри, а о васъ и обо мнѣ: какъ поступили бы вы на моемъ мѣстѣ, получивъ отъ префекта телеграмму: «Громятъ домъ горнорабочаго»?

Имѣйте мужество отвѣтить, разъ вы прерываете меня,—скажите: встанете вы на защиту порядка или нѣтъ? Я жду отвѣта. (Громкіе аплодисменты въ центрѣ и налѣво.)

Вы не отвѣчаете?

Ваше молчаніе—вашъ отвѣтъ. (Громкіе аплодисменты слѣва.)

Вамъ такъ же, какъ и мнѣ, извѣстно, что дѣло не ограничилось разгромомъ домовъ рабочихъ: жгли скирды хлѣба, грабили базары, хватали людей и обращались съ ними недостойнымъ образомъ. Щадя васъ, я не буду останавливаться на этомъ пунктѣ.

Вотъ списокъ приговоровъ за стачку: грустный списокъ, повѣрьте мнѣ на слово—и не требуйте чтенія. Вотъ сообщеніе сѣвернаго префекта, оно напоминаетъ мнѣ,—въ отвѣтъ на тѣ упреки, которые, какъ оповѣстила ваша газета, должны быть сдѣланы мнѣ съ этой трибуны, но еще не сдѣланы,—что я запретилъ префекту арестовывать на основаніи полномочій, указанныхъ въ ст. 10 кодекса уголовнаго судопроизводства. А вотъ списокъ раненыхъ, всѣ—со стороны солдатъ. Я не стану читать и его, онъ еще печальнѣе, онъ ужасенъ. Онъ относится не только къ сѣверу: у меня есть списокъ изъ Па де-Калэ. Эти солдаты тоже вѣдь дѣти народа. (Громкіе аплодисменты на многочисленныхъ скамьяхъ.) Они принадлежатъ къ рабочему классу; какъ имъ поступать? Ихъ берутъ; вы говорите, ихъ берутъ для защиты отечества, а употребляютъ для поддержанія внутренняго порядка; но разъ вы уважаете идею отечества, не думаете ли вы, что служба отечеству налагаетъ обязательство защищать закономъ установленный порядокъ, на который всѣ граждане, къ какому бы классу они ни принадлежали, имѣютъ одинаковое право? Всѣ заинтересованы, именно въ виду вашихъ великихъ надеждъ на будущее, въ томъ, чтобы закономъ установленный порядокъ поддерживался всюду и во всѣ времена, чтобы нарушенія не были допускаемы? Ихъ посылаютъ и они платятся жизнью;

они не убивали; убитые только съ ихъ стороны; они едва защищались: съ другой стороны даже нѣтъ списка раненыхъ.

Вы, чьи единомышленники изготовили намъ этотъ зловѣщій списокъ, вы жалуетесь, а я вынужденъ защищаться! (Громкіе аплодисменты слѣва и изъ центра.)

Вы говорите—военныя предосторожности часто бываютъ излишни. Вспомните, что произошло въ Парижѣ, по поводу чего у васъ не нашлось еще ни слова порицанія.

Въ разгаръ стачки одинъ патронъ имѣлъ неосторожность пригласить на свадьбу своей дочери 150—200 рабочихъ. Мы не приняли никакихъ мѣръ предосторожности; мы не предвидѣли, что въ вашемъ кодексѣ стачки не значится право жениться. (Смѣхъ.) И вотъ понадобились городовые, чтобы проводить молодую домой по выходѣ изъ церкви С. Филиппъ дю-Руль.

Разъ подобные факты случаются, я говорю, вашъ долгъ ихъ порицать, потому что вы обладаете авторитетомъ, мнѣ не принадлежащимъ, потому что вы открываете вашимъ слушателямъ горизонты, которые я хотѣлъ бы предъ ними раскрыть, если бы мнѣ позволялъ это мой разсудокъ; разъ вашъ разсудокъ это допускаетъ, вы обязаны говорить съ ними, указывать имъ ихъ ошибки, порицать ихъ за акты насилія, которыхъ вы не посмѣете оправдывать. Почему вы не дѣлаете этого? (Аплодисменты слѣва и въ центрѣ.)

Я коснусь 1-го мая, потому что вы о немъ говорили. Вы указали, что мы принимали излишнія, неоправдываемыя мѣры предосторожности.

А эти мѣры получили нѣсколько исключительный характеръ. Я не боюсь сознаться въ этомъ.

Былъ моментъ, когда я, одинъ на одинъ у себя въ кабинетѣ, старался хладнокровно обсудить, чего отъ меня требуетъ долгъ. Я спрашивалъ себя: могу ли я взять на себя отвѣтственность, стянувъ въ Парижъ всѣ эти войска, присутствіе которыхъ васъ, по праву, шокировало, или я могу рискнуть, предоставивъ столицу республики во власть страшныхъ случайностей,—какъ мнѣ казалось,—грозившихъ ей. Я ставилъ себѣ этотъ вопросъ. Бываютъ въ жизни моменты, когда требуется мужество рѣшимости. Мнѣ казалось, я нарушу свой долгъ передъ родиной, передъ республиканскими принципами, если—въ переживаемый нами тогда моментъ—рискну мятежомъ, послѣдствія котораго предвидѣть было нелегко. О! я помню, вы говорили, что никакой опасности не было въ виду. Но подобныя вещи говорятся съ трибуны, когда опасность уже миновала. (Аплодисменты слѣва и въ центрѣ.) Я же долженъ былъ принять рѣшеніе раньше, дѣйствовать на свой рискъ.

А если бы миръ былъ нарушенъ, если бы вспыхнулъ мятежъ со всѣми своими послѣдствіями, вы, если не съ трибуны, то въ частномъ разговорѣ, вы, быть можетъ, первый высказались бы противъ меня. Я откровенно изложу вамъ причины, обусловившія мое рѣшеніе.

1 мая было организовано общей конфедераціей труда; соціалисты,

по выраженію г. Вальяна, дѣйствовали лишь какъ сотрудники. Хорошо! При подобномъ стеченіи обстоятельствъ естественно стремленіе узнать, чего желаетъ и что собою представляетъ эта конфедерація. Вотъ статья г. Лагарделя,—одного изъ наиболѣе авторитетныхъ теоретиковъ революціоннаго синдикализма,—напечатанная въ апрѣльскомъ номерѣ *Mouvement Socialiste*.

«Соціалисты-парламентаристы и демократы стараются завоевать государство»...

Это порицаніе по вашему адресу, г. Жоресъ.

Жоресъ. Насъ порицаютъ со всѣхъ сторонъ!

Министръ. Въ такомъ случаѣ пожалѣйте меня. (Смѣхъ.)

«Синдикалисты-революціонеры стараются дезорганизовать его (государство), чтобы скорѣе разрушить».

А вотъ программа дѣйствія:

«Такимъ образомъ понятна разница тактики по отношенію къ чиновничьимъ синдикатамъ и къ стачкамъ служащихъ или рабочихъ государства. Безъ сомнѣнія и синдикалисты въ борьбѣ противъ государства-работодателя имѣютъ въ виду улучшить положеніе рабочихъ и чиновниковъ, которыми оно пользуется. Но эта цѣль лишь сопутствуетъ главной. Разрушить іерархію, порвать путы зависимости, которыя она налагаетъ, уничтожить чудовищную власть, представляющую главное орудіе господствующей буржуазіи—вотъ смыслъ начинающейся войны противъ государства и его приверженцевъ.

«Анти-милитаристская и анти-патріотическая пропаганда преслѣдуетъ именно эту цѣль. Въ ея основѣ лежитъ не страхъ военной службы, не боязнь войны. Здѣсь преслѣдуется цѣль насильственнаго разложенія арміи и разрушенія идеи отечества, потому что институтъ постояннаго войска и патріотическое чувство составляютъ устои государства».

Итакъ, на моихъ глазахъ готовилась грозная манифестація. Ея организаторами являлись люди, исповѣдующіе только что изложенныя теоріи, люди, которыхъ вы защищали съ трибуны въ выраженіяхъ, не допускающихъ двойного толкованія. Вы намъ говорили, что они подготовляли движеніе, которому отнюдь не предшествовалъ призывъ къ насилію. Это ваши подлинныя слова.

Господа, вслушайтесь въ призывъ, который—для г. Жореса—не является призывомъ къ насилію:

«Делегаты строительныхъ рабочихъ: маляровъ, каменщиковъ, землекоповъ, слесарей, столяровъ, и т. д... составляющихъ въ настоящее время группу въ 25,000 стачечниковъ, собрались въ $8^1/_2$ часовъ въ большой залѣ. Залъ былъ переполненъ. Они вновь подтвердили свои требованія: восьмичасовой день при вознагражденіи въ 8 франковъ, еженедѣльный отдыхъ и уничтоженіе подрядной системы работъ. Собраніе закрылось въ полночь, причемъ была вынесена слѣдующая резолюція:

«Бастующіе строительные рабочіе—маляры, землекопы, каменщики, сто-

ляры, слесаря и т. д., собравшись въ числѣ 3,000, по приглашенію организаціоннаго комитета (comité d'action du bâtiment), заслушавъ рядъ ораторовъ по вопросу о тактикѣ,—рѣшили въ 6 часовъ утра слѣдующаго дня отправиться на сборные пункты, чтобы разбиться на патрули, цѣлью которыхъ будетъ снимать съ работы ренегатовъ всѣхъ цеховъ, пользуясь какими угодно средствами».

Если это не призывъ къ насилію,—я положительно не знаю, что вамъ нужно! (Смѣхъ и аплодисменты слѣва.) Когда организація, объявляющая своей цѣлью разрушеніе государства, организуетъ такую манифестацію, какъ только что указанная, и объявляетъ, что не остановится ни передъ какими средствами, чтобы добиться торжества,—скромному буржуазному министру позволительно насторожиться.

Со мною такъ именно и было; я насторожился. (Смѣхъ.) И въ результатѣ на площади Республики произведены были аресты. Вы насчитали 800, но ваши цифры обыкновенно требуютъ провѣрки.

Арестованныхъ было 650; изъ нихъ 33 уголовныхъ рецедивиста, 76 иностранцевъ; такимъ образомъ около ста манифестантовъ съ равнымъ успѣхомъ могли бы совсѣмъ не участвовать. (Смѣхъ.)

Ж. Кутанъ. Развѣ въ этомъ виноваты рабочіе?

Министръ. Вотъ именно потому, что рабочіе тутъ неповинны, я и защищаю рабочихъ отъ васъ. (Аплодисменты слѣва и въ центрѣ.)

Ж. Кутанъ. Какъ разъ наоборотъ.

Министръ. Вамъ были нужны жертвы, ихъ не было, и вы изобрѣли ихъ: я читалъ въ *Humanité*, что былъ одинъ убитый; я читалъ въ той же газетѣ, что были убитые и что я ихъ скрываю! (Аплодисменты и смѣхъ слѣва.) Я содрогаюсь, министръ внутреннихъ дѣлъ скрываетъ трупы!

«Министръ внутреннихъ дѣлъ покрылъ себя позоромъ,—пишетъ *Humanité*,—подготовивъ заговоръ, гдѣ мошенничество конкурируетъ съ гнусностью,—съ единственной цѣлью дискредитировать конфедерацію и замарать товарищей Грифюэля и Леви...», это тѣ лица, о которыхъ только что такъ хорошо отозвался Дельсалль.

«У него хватаетъ цинизма выдавать за рабочихъ злѣйшихъ враговъ рабочаго класса; чтобы увѣнчать свой произволъ, онъ объявилъ Парижъ на осадномъ положеніи и отдалъ его во власть кровожаднаго Лепина: послѣдній 1 мая справилъ свой кровавый пиръ. Зарегистровано восемьсотъ арестовъ; а кто сочтетъ раненыхъ? Кто сосчитаетъ убитыхъ, которыхъ прячутъ?» (Замѣчанія на крайней лѣвой.) Хорошо! Но когда печатаютъ, что есть убитые, нужно доказать фактъ. Фактъ не былъ установленъ, потому что его нельзя было установить.

Я старался сдѣлать свое сообщеніе по возможности яснымъ, и въ своемъ изложеніи отнюдь не руководствовался дурными чувствами къ тѣмъ, кого вы защищаете.

Соціалистическая партія взяла за принципъ не защиту рабочаго клас-

са, а защиту рабочихъ манифестантовъ, каковы бы они ни были, что бы они ни дѣлали, никогда не считая ихъ неправыми.

Отсюда неизбѣжно и естественно, что партія должна была поставить мнѣ въ вину,— поставить въ вину правительству сообщенные мною факты.

Вотъ что говоритъ въ *Humanité* М. Бракъ (Bracke), одинъ изъ образованнѣйшихъ нашихъ профессоровъ, — говоритъ въ очень изысканной формѣ:

«Было ли министерство болѣе реакціонное,—въ полномъ смыслѣ слова, чѣмъ то, куда вошелъ цвѣтъ радикализма, Саррьены и Клемансо, въ сопровожденіи недавняго соціалиста—въ лицѣ г. Бріана. Было ли когда-нибудь министерство, болѣе враждебно относящееся къ рабочему классу и къ соціализму?

«При ближайшемъ разсмотрѣніи легко замѣтить, что радикальная буржуазія ни передъ чѣмъ не остановится, ни даже передъ уничтоженіемъ всеобщаго голосованія, чтобы сохранить за собою политическую власть, оплотъ экономической эксплоатаціи». (Смѣхъ и восклицанія налѣво и въ центрѣ.—Очень хорошо! Очень хорошо!—съ нѣкоторыхъ скамей крайней лѣвой.)

Очень хорошо!—говорите вы; я фактами докажу вамъ обратное и сомнѣваюсь, чтобы вы могли опровергнуть меня въ данномъ пунктѣ.

Немного ниже, въ той же *Humanité* г. Ревеленъ (Révelin) поставилъ намъ на видъ, что мы управляемъ Франціей такъ, какъ Россія управлялась до Думы. (Движеніе.) Вы все еще съ нимъ согласны? Въ довершеніе всего г. Ревеленъ, думая нанести тягчайшее оскорбленіе, упрекаетъ насъ въ томъ, что у насъ есть предразсудокъ порядка. (Смѣхъ.)

Да, господа, я держусь этого предразсудка. Вотъ пунктъ конфликта, относительно котораго возможно разсуждать. Я не испугаюсь никакой идеи, я не отступлю ни предъ какими предложеніями, — если они доступны разуму; но я говорю, особенно если противъ насъ выступаютъ люди, которые питаютъ честолюбивые замыслы, недавно здѣсь изложенные, что вы, предъявившіе запросъ, не менѣе насъ нуждаетесь въ порядкѣ; никакая дѣятельность невозможна въ обществѣ, гдѣ не поддерживается законный порядокъ. (Громкіе аплодисменты на многихъ скамьяхъ.)

Мы будемъ сметены, думаете вы? Вы будете свидѣтелями нашего пораженія. Вы, наши несчастные преемники, немедленно тоже потерпите крушеніе!

Нѣтъ, нужно знать, чего желаешь; когда желаешь, нужно имѣть мужество сказать, а когда говоришь,—нужно имѣть мужество дѣлать. (Аплодисменты слѣва.) Для этого я и взошелъ на трибуну.

Только что мы говорили объ урокѣ. Позвольте мнѣ дать вамъ урокъ, который я возьму на себя смѣлость назвать дружескимъ, потому что онъ исходитъ отъ одного изъ вашихъ друзей.

Соціалисты объединились. Я не знаю въ какой степени «объединенъ»

г. Вандервельде. Должно быть, весьма, потому что г. Жоресъ цитировалъ его въ прошлый разъ съ этой трибуны. (Смѣхъ.) Однако г. Вандервельде, надо думать, тоже зараженъ предразсудкомъ порядка; онъ хорошо освѣдомленъ обо всемъ, что происходитъ во Франціи, ему очень хорошо извѣстно, какъ вели мы себя во время стачекъ, и вотъ что онъ говоритъ о насъ:

«Съ точки зрѣнія общественнаго спокойствія—во Франціи бываютъ такія же стачки, какія бываютъ въ Бельгіи и во всѣхъ странахъ, гдѣ антагонизмъ классовыхъ интересовъ неминуемо порождаетъ столкновенія капиталистовъ и рабочихъ. Но какая разница въ отношеніи правительствъ къ подобнымъ конфликтамъ! Въ Бельгіи рабочихъ безпощадно разстрѣливаютъ. Мы это видѣли въ Монсѣ, въ Шарлеруа, въ Остендэ, въ Боргеру, въ Брюсселѣ, въ Лувенѣ.

«Во Франціи правительство всѣми силами старается избѣжать кровопролитія. Министры стараются личнымъ вліяніемъ умѣрить волненія. Офицеры до такой степени боятся навлечь на себя обвиненіе въ излишней горячности, что одинъ изъ нихъ стоически позволилъ себя убить, не отдавъ приказа открыть огонь.

«Когда несчастный лейтенантъ Латуръ палъ жертвой соціальной ненависти, за каковую онъ не могъ быть отвѣтственнымъ,—въ средѣ консерваторовъ раздался крикъ негодованія. Что это за правительство, которое позволило убить защитника порядка и не отомстило за его смерть смертью десятка рабочихъ? Что это за правительство, которое предпочитаетъ смотрѣть на битье стеколъ въ домахъ директоровъ копей, вмѣсто того, чтобы дать залпъ въ кучку бунтарей?

«Въ этомъ постоянномъ уваженіи къ человѣческой жизни,—идетъ ли дѣло о бастующихъ рабочихъ, или о католикахъ, возстающихъ противъ закона,—въ этомъ лучшая слава французскаго правительства». (Аплодисменты слѣва.)

Господа, чтобы услышать такой отзывъ о французскомъ правительствѣ—нужно перейти границу! Въ этомъ большое несчастье. При всемъ различіи нашихъ представленій о далекомъ будущемъ,—мы должны были бы прійти къ извѣстному соглашенію, потому что насъ связываетъ глубокое стремленіе къ соціальной справедливости, которое, повѣрьте, одушевляетъ всѣхъ республиканцевъ. (Громкіе аплодисменты слѣва.)

Мы можемъ не раздѣлять изложенныхъ вами идей и мы не раздѣляемъ ихъ, конечно; мы будемъ ихъ оспаривать и, что касается меня,—позвольте мнѣ сказать это,—вы не встрѣтите оппонента болѣе искренняго. Но есть пунктъ, на которомъ мы должны бы сойтись: не слѣдуетъ забывать, что враги республики подстерегаютъ насъ, что всякій безполезный расколъ, всякій опасный расколъ получитъ отраженіе на этой сторонѣ палаты *(на правой)*; когда вы безпричинно, безъ достаточныхъ поводовъ, нападаете на насъ просто, чтобы встать во главѣ крайней фракціи вашей партіи,—эта тактика можетъ показаться вамъ выгодной, я го-

ворю не о васъ лично, васъ я слишкомъ хорошо знаю,—а о группѣ, которую вы собираетесь представлять. Берегитесь! Вы можете одновременно нанести непоправимый вредъ республикѣ. Безъ сомнѣнія, наступитъ часъ, когда намъ придется разойтись; тогда для этого будутъ законныя основанія,—будетъ пунктъ разногласія, относительно котораго мы не сможемъ столковаться... Но до тѣхъ поръ, пока у насъ есть совмѣстная законодательная работа, мы должны искать соглашенія, пока республиканской партіи въ цѣломъ представляется общая работа, я громко заявляю: въ нашей средѣ не должно быть раскола, и за себя я ручаюсь, что не подамъ повода къ расколу. (Громкія продолжительныя рукоплесканія.—По дорогѣ на министерскую скамью, оратора привѣтствуютъ члены министерства и многочисленные депутаты.)

Президентъ. Продолженіе рѣчи г. министра внутреннихъ дѣлъ отложено на завтра.

(Засѣданіе 19 іюня 1906 г.) Министръ Клемансо продолжаетъ свою рѣчь:

Милостивые государи, я кажется доказалъ, я положительно доказалъ тщету упрековъ, сдѣланныхъ мнѣ г. Жоресомъ по поводу моихъ распоряженій во время забастовокъ. Прочитанныя мною инструкціи префекта и сообщеніе о событіяхъ въ Лансѣ, Денепѣ, Аррасѣ и Парижѣ являются достаточнымъ доказательствомъ.

Въ заключеніе мнѣ остается лишь отмѣтить то противорѣчіе въ *идеяхъ*, которое обусловили наши сужденія.

Прежде всего—по вопросу о самой стачкѣ я расхожусь съ г. Жоресомъ въ одномъ основномъ пунктѣ.

Я нахожу, что каждый человѣкъ, которому нужно работать и который находитъ работу, имѣетъ право работать. (Аплодисменты слѣва, въ центрѣ и справа.) Я нахожу, что общество и общественныя власти обязаны обезпечить ему упражненіе этого права. (Браво! Браво!)

Года полтора-два назадъ я съ г. Жоресомъ обсуждали этотъ вопросъ въ прессѣ. Г. Жоресъ безъ обиняковъ отрицаетъ это право и такъ высказался по моему адресу:

«Признаюсь, меня поразила внезапная ссылка г. Клемансо на мнимое право рабочаго стать на мѣсто стачечника, какъ на особую форму права на жизнь».

Это подлинная фраза г. Жореса.

Развивая свои доказательства, мой оппонентъ замѣчаетъ, что я въ своемъ стараніи обезпечить право на жизнь рабочаго создаю препятствія къ осуществленію этого самаго права рабочимъ-стачечникамъ. Это вашъ аргументъ, мой дорогой коллега.

Позволю себѣ замѣтить, что параллель неточна. Во-первыхъ, я не намѣреваюсь изъ числа міровыхъ законовъ вычеркивать законъ жизненной конкуренціи. Я полагаю, что конкуренція—явленіе, которое должно сглаживаться путемъ соціальныхъ законовъ, должно регулироваться; я пола-

гаю, что, по мѣрѣ возможности, мы должны стараться въ законодательствѣ сглаживать несправедливость, существующую въ природѣ, но въ то же время я считаю это возможнымъ только въ томъ случаѣ, если наша общественная организація будетъ покоиться на незыблемомъ правѣ каждаго. (Аплодисменты.)

А взаимное положеніе конкурентовъ не равномѣрно. Не точно говорить, что оба они борются за право на жизнь. Рабочій, который ищетъ работы и находитъ ее, борется за свою жизнь, за жизнь своихъ дѣтей. Если рабочій, имѣющій заработокъ, бросаетъ свое мѣсто, чтобы добиться высшаго заработка,—нельзя сказать, что онъ борется за свою жизнь: онъ борется за улучшеніе своего положенія. (Аплодисменты слѣва и въ центрѣ. Восклицанія на крайней лѣвой.) Это весьма важное различіе. (Браво! Браво!)

Замѣтьте, я отнюдь не порицаю этого рабочаго, но... (шумъ на крайней лѣвой) я боюсь, что въ новомъ общественномъ строѣ умы не будутъ отличаться терпимостью. Право, я не думалъ, что сказалъ что-нибудь необычайное. (Замѣчанія на крайней лѣвой.)

Господа, г. Жоресъ сейчасъ мнѣ будетъ отвѣчать, предоставьте же ему это сдѣлать съ трибуны, съ присущимъ ему краснорѣчіемъ, а мнѣ тѣмъ временемъ позвольте доставить ему матеріалъ для возраженія. (Браво! Говорите!)

Не приписывайте мнѣ того, чего я не говорилъ. Я не нападалъ на стачечниковъ.

Бувери. Вы только этимъ и занимались!

Министръ. Должно быть, вы не слишкомъ вѣрите въ силу своихъ идей, если препятствуете противнику свободно излагать свои. (Аплодисменты.) Но я не вычеркну ни іоты изъ того, что я сказалъ. Я утверждаю, что бастующій рабочій движется идеей улучшенія своего быта, что вполнѣ законно...

Эд. Вальянъ. Положеніе свое и положеніе своего класса.

Министръ. И я удивляюсь, что вы заставляете меня объ этомъ говорить. Но часто бываетъ—какъ это и случилось во время парижской стачки,—что рабочіе, объявившіе стачку съ цѣлью улучшить свое положеніе, оказываются вынужденными, въ силу непредвидѣнныхъ обстоятельствъ,—вернуться въ мастерскія при тѣхъ самыхъ условіяхъ, которыя были ими отвергнуты. Было бы неточно говорить, что эти рабочіе борются за существованіе. Кромѣ того, однажды, когда я у себя въ кабинетѣ бесѣдовалъ со стачечниками—строительными рабочими, многіе изъ землекоповъ говорили мнѣ въ присутствіи префекта департамента Сены, директоровъ, президента муниципальнаго совѣта, которые могли бы подтвердить мои слова: «Мы боремся не за повышеніе заработной платы, а за сокращеніе рабочаго дня».

І. Ж. Кутанъ (Сена). Это одно и то же.

Министръ. Это законно; они пользуются своимъ правомъ; я не про-

тивникъ ихъ и по мѣрѣ своихъ силъ я помогалъ имъ въ ихъ требованіяхъ; но я поставлю вамъ вопросъ, который печатно задавалъ г. Жоресу и не получилъ отвѣта.

Я близко видѣлъ нѣсколько стачекъ и чувствомъ я былъ на сторонѣ стачечниковъ; но я не могу скрыть, что испыталъ страшное смущеніе, когда при мнѣ упрекнули рабочаго, замѣстившаго стачечника, и онъ отвѣтилъ: «Вы объявляете забастовку, чтобы добиться повышенія платы. Мы не говоримъ, что вы неправы. Но у насъ жены и дѣти и мы ничего не зарабатываемъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Намъ предлагаютъ работу; если мы откажемся, станете вы кормить нашихъ дѣтей?» (Браво! Браво!)

Если вы вмѣстѣ съ г. Жоресомъ отнимете у патроновъ право замѣщать стачечниковъ и у свободныхъ рабочихъ—право занимать ихъ мѣста, что сдѣлаете вы съ женщинами и дѣтьми, которыхъ вы лишаете пропитанія?

Я ставлю этотъ вопросъ и жду отвѣта и думаю, что мнѣ еще долго придется ждать. (Смѣхъ и аплодисменты слѣва и въ центрѣ.)

Мнѣ не нужно говорить о томъ, что въ своемъ отвѣтѣ достопочтенный г. Жоресъ не преминулъ объяснить мнѣ, что въ обществѣ будущаго этотъ конфликтъ будетъ устраненъ и, по своему обыкновенію, крупными штрихами показалъ, какъ можно ослабить конфликтъ.

Я не спорю, но въ виду того, что намъ предстоитъ ждать шесть мѣсяцевъ, чтобъ ознакомиться съ условіями новаго общества (улыбки), я прошу, чтобы теперь мнѣ указали способъ, какъ разрѣшить конфликтъ въ современныхъ соціальныхъ условіяхъ. (Аплодисменты.)

За разъясненіями, естественно, я обратился къ избирательнымъ манифестамъ соціалистической партіи. У меня много ихъ здѣсь подъ рукою, всѣ они очень интересны, нѣкоторые изъ нихъ требуютъ реформъ, которыя я готовъ самъ проводить, но я особенно надѣялся на общеобязательную программу партіи. Соціалистическая партія издала программу для всѣхъ своихъ кандидатовъ. Что можетъ быть естественнѣе. Эта программа заключаетъ двѣ части: установленіе принципа и перечень неотложныхъ реформъ, которыя должны быть внесены въ эту сессію.

Вы согласитесь, что я касаюсь самаго наболѣвшаго вопроса. Собраніе еще не остыло послѣ избирательной борьбы; палата съѣзжается, собирается, совѣщается; важно, чтобы каждый внимательно разсмотрѣлъ, съ какими вопросами онъ долженъ прежде всего выступить.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Отъ Правленія Общества русскихъ врачей

въ память

Н. И. ПИРОГОВА.

Общество русскихъ врачей, носящее имя великаго гражданина, извѣстнаго врача и педагога Н. И. Пирогова, признало достойнымъ для увѣковѣченія его имени создать памятникъ, служащій цѣлямъ врачебно-санитарной науки и просвѣщенія,—построить въ Москвѣ Пироговскій домъ, съ аудиторіями, музеями и другими учрежденіями, посвященными врачебно-санитарному дѣлу.

Для постройки дома понадобится около 500,000 руб. Имѣя только незначительныя средства для этой цѣли, общество русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова увѣрено, что всѣ чтущіе память великаго русскаго учителя-врача и общественнаго дѣятеля Н. И. Пирогова и въ то же время заинтересованные въ созданіи дома, могущаго удовлетворить ихъ запросамъ и нуждамъ во врачебно-санитарномъ и педагогическомъ дѣлѣ, не откажутся помочь этому общественному предпріятію и внести свою посильную лепту на постройку дома. Поэтому Правленіе, согласно постановленію X Пироговскаго съѣзда, обращается съ просьбой къ врачамъ, медицинскимъ и педагогическимъ обществамъ, къ общественнымъ учрежденіямъ и всѣмъ сочувствующимъ лицамъ присылать свои пожертвованія, въ полученіи которыхъ будутъ высылаться установленныя квитанціи.

Адресъ для присылки пожертвованій, всѣхъ запросовъ и справокъ по этому дѣлу: Москва, Арбатъ, Денежный пер., д. 28, кв. 5. Правленіе Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Ноябрь 1907 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Исторія, исторія литературы.—Естествознаніе.—Соціологія, правовѣдѣніе, политическая экономія.—Публицистика.—Философія. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го октября по 1-е ноября 1907 г.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

К. Д. Бальмонтъ. Жаръ-птица. Свирѣль славянина.—*Александръ Рославлевъ.* Въ башнѣ. Стихи. Книга первая.

К. Д. Бальмонтъ. Жаръ-Птица. Свирѣль славянина. Книгоиздательство Скорпіонъ. М., 1907 г. Ц. 2 р. Каждая новая книга Бальмонта приноситъ съ собою новое разочарованіе. Перелистывая груды мертвыхъ стиховъ, похожихъ на кучи сухихъ облетѣвшихъ листьевъ, странно видѣть ихъ отмѣченными огненнымъ именемъ того самаго Бальмонта, который не такъ давно взрастилъ весеннія заросли пышныхъ дубравъ въ своихъ солнечныхъ пѣсняхъ. Теперешній Бальмонтъ утратилъ лучшее свое богатство, свой величайшій даръ—пѣвучесть стиха, изысканность медлительной рѣчи, которымъ когда-то по праву похвалялся. Уже онъ самъ не отличаетъ плохихъ стиховъ отъ хорошихъ и давно потерялъ способность судить самого себя, „Жаръ-птица" прямо поражаетъ обиліемъ плохихъ и прозаическихъ стиховъ. Происходитъ это, главнымъ образомъ, оттого, что Бальмонтъ взялся не за свое дѣло. Онъ совсѣмъ не славянинъ,—онъ испанецъ или мексиканецъ, чуждый даже хотя бы приблизительнаго пониманія русскаго духа. Не говоря о Пушкинѣ, Алексѣй Толстой и Мей въ своихъ былинахъ и пѣсняхъ несравненно выше и талантливѣе псевдо-славянина Бальмонта. Страннымъ кажется самое названіе сборника—„Свирѣль славянина". Славянинъ—это такое общее понятіе, съ точки зрѣнія котораго книга любого русскаго поэта можетъ носить названіе „славянской свирѣли". Славянинъ славянину рознь. Когда мы читаемъ „пѣсни западныхъ славянъ", мы понимаемъ, что передъ нами дѣйствительно славяне съ ихъ поэзіею и бытомъ; мы знаемъ и любимъ этихъ выдуманныхъ Пушкинымъ славянъ, какъ живыхъ людей. Точно такъ же другой и особый, но опять доподлинный славянскій міръ рисуетъ намъ сказка Пушкина „Какъ весенней теплой порою",—этотъ дивный перлъ пушкинской поэзіи. А вѣдь это писалъ поэтъ, воспитанный на французской литературѣ, знакомый съ народной поэзіей лишь по немногимъ отрывкамъ. Между тѣмъ въ „Жаръ-птицѣ" передъ читателемъ остается все тотъ же однообразный Бальмонтъ въ маскѣ собирательнаго „славянина", не сумѣвшій использовать сотой доли открывавшагося ему богатаго матеріала.

„Жаръ-птица“—книга бѣдная, именно по своему содержанію, несмотря на кажущееся обиліе темъ. Она состоитъ частью изъ примитивныхъ риемованныхъ переложеній былинъ, частью изъ обычныхъ бальмонтовскихъ варіацій на темы народныхъ пѣсенъ и преданій. Безвкусица въ стихахъ доходитъ до того, что мѣстами подлинный текстъ остается почти не тронутъ и въ то же время къ нему подбираются риемы, которыхъ народная поэзія не знаетъ. Риемы понуждаютъ поэта выдумывать лишніе стихи, присочинять не идущія къ дѣлу слова и предложенія. Получается какое-то мѣсиво изъ чуждыхъ другъ другу словъ. Отъ эпически-строгой красоты торжественныхъ былинъ, отъ раздолья пѣсенъ не осталось слѣда.

Непонятно также, чѣмъ объясняется появленіе въ славянскомъ сборникѣ такихъ, напримѣръ, стихотвореній (стр. 88):

Зарина.

По санскритски Тамара—Вода,
Массагетская диво-царица Томарисъ есть Дочь Океана,
А владычица Сакскихъ степей есть Зарина, Заря,
Что всегда
Достовѣрна надъ зыбью тумана,
Достовѣрною волей тверда,
Хоть и нѣжно сіяетъ, горя,
Какъ сіяютъ снѣга на вершинахъ, цвѣты, и каменья, и пѣна,
Какъ сіяла, сіяетъ и будетъ сіять,
Лунный камень, Елена,
Лунный Эллинскій сонъ, и Троянскій, и нашъ, до скончанія дней,
Роковая печать
Тѣхъ, кто въ счастье влюбленъ,
Тѣхъ, въ комъ Агни, Огонь, созиданье, свѣтящійся, красочный сонъ,
Тѣхъ, чьи мысли—безбрежность морей,
Роковая печать
Для поющей, для огненной, плещущей, думы предвѣчной моей.

Какъ больно въ этомъ хаосѣ небрежныхъ рубленыхъ стиховъ узнавать когда-то мощнаго поэта, дивной музыкой небывалыхъ созвучій звавшаго насъ къ солнцу!

Борисъ Садовской.

Александръ Рославлевъ. Въ башнѣ. Стихи. Книга первая. Книгоиздательство „Eos“. 1907 г. Ц. 1 р. Это—модные стихи, какъ бываютъ модные галстуки. Нѣсколько лѣтъ назадъ были въ модѣ другіе галстуки, и г. Рославлевъ несомнѣнно писалъ тогда другіе стихи. Правда, г. Рославлевъ не совершенно лишенъ поэтическаго дарованія, но всѣ робкіе и рѣдкіе намеки на самостоятельное творчество поглощаются въ его стихахъ бездною почти безнадежной подражательности. Бѣда въ томъ, что самъ г. Рославлевъ, повидимому, очень доволенъ этимъ наборомъ чужихъ словъ и не на шутку воображаетъ себя настоящимъ поэтомъ. Въ сущности, вся „поэзія“ г. Рославлева сводится къ забавнымъ перепѣвамъ двухъ-трехъ брюсовскихъ мотивовъ, причемъ самъ поэтъ оказывается чрезвычайно высокаго о себѣ мнѣнія. То онъ вдругъ именуетъ себя „грозой царей“ (стр. 5), то „возносится орлиной мыслью къ солнцу“ (стр. 11), то его „иногда гнететъ величіе вѣковъ“ (стр. 15). Онъ величаетъ Іуду своимъ „непонятымъ братомъ“ (стр. 27) и, наконецъ, торжественно провозглашаетъ „позоръ всему человѣчеству—отъ пирамидъ до Эйфелевой башни“ (стр. 12). Всѣ эти высокопарные трюизмы написаны довольно гладкими терцинами. Не только обороты и пріемы, но и цѣлыя фразы въ этихъ терцинахъ цѣликомъ выхвачены у Брюсова, напримѣръ, „въ жалкой дрожи“, „минуютъ дни восторженныхъ исканій“,

„согласность губъ и содроганье плечъ", „несытая утроба" и многія другія, которыя за ихъ множествомъ нѣтъ надобности приводить подробно.

Книжку г. Рославлева заключаютъ двѣ „сказки", пародирующія „Конька-Горбунка" въ чрезвычайно пошломъ и грубомъ тонѣ. Какъ литературное явленіе, сборникъ стиховъ г. Рославлева надо отнести къ тому безчисленному ряду появившихся за послѣднее время сборниковъ, которые давно уже ждутъ своего Козьму Пруткова. Всѣ они производятъ одно и то же впечатлѣніе „осины подъ орѣхъ".

Борисъ Садовской.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Г. Іеккъ. Интернаціоналъ.—Библіотека великихъ писателей подъ редакц. С. А. Венгерова. Пушкинъ. Вып. II и III.

Г. Іеккъ. Интернаціоналъ (международное общество рабочихъ). Переводъ съ нѣмецкаго А. А. Полянскаго. Спб. (безъ обозначенія года). Изданіе книгоиздательскаго т-ва „Просвѣщеніе". Стр. IV + 415. Ц. 80 к. Появленіе новаго по исторіи Интернаціонала труда могло бы имѣть серьезное теоретическое и даже практическое значеніе, такъ какъ оно могло бы внести знаніе и опытъ въ современное соціальное движеніе, предохраняя его отъ ошибокъ прошлаго и разъясняя ему задачи настоящаго.

Къ сожалѣнію, нѣмецкій соціалъ-демократъ написалъ не исторію Интернаціонала, а апологію генеральнаго его совѣта, страдающую всѣми недостатками апологій, т.-е. возмутительной несправедливостью по отношенію ко всѣмъ инако мыслящимъ, игнорированіемъ всего, что противорѣчитъ возможности апологизировать и, конечно, полнымъ отсутствіемъ научнаго интереса къ изслѣдуемой темѣ.

Эта ненаучность, это игнорированіе даже фактической стороны исторіи Интернаціонала проявляется буквально съ первыхъ же страницъ работы Іекка и видна на всемъ ея протяженіи. Такъ, начало возникновенія Интернаціонала Іеккъ связываетъ съ возникновеніемъ Союза Справедливыхъ въ Парижѣ въ 1836 году, а приковываетъ его къ Коммунистическому Манифесту. Но это и матеріально и философски невѣрно; философски потому, что уже въ 1814 году С.-Симонъ и его ученикъ Тьерри выпустили въ свѣтъ работу, первая глава которой была озаглавлена такъ: „De la réorganisation de la Société européenne et de la nécessité et des moyens de rassembler les peuples de l'Europe *en un seul corps politique,* en corservant à chacun son indépendance nationale", а такъ какъ эта работа была построена на томъ принципѣ, что „il n'y a pas de changement dans l'ordre social sans un changement dans la propriété", то и связываніе идеи соціальнаго интернаціонализма съ основаніемъ и программой Союза Справедливыхъ или Манифеста Коммунистической Партіи просто напросто невѣрно. Нарожденіе идеи интернаціонализма можно, да и должно искать и въ работахъ авторовъ XVIII ст., и въ событіяхъ французской революціи.

Матеріальное утвержденіе Іекка, что тотъ же союзъ и тотъ же манифестъ послужили основаніемъ къ образованію движенія Интернаціонала 60-хъ годовъ, тоже невѣрно, такъ какъ исторія возникновенія этого Интернаціонала написана его основателями съ точностью почти дневника, и уже въ 1871 году вышла работа Fribourg'a—„L'association internationale des travailleurs", въ которой не только разсказана исторія возникнове-

нія Интернаціонала, но дана и ея характеристика по періодамъ, названныхъ авторомъ: 1-ый la période parisiènne—за время котораго движеніе носило совершенно опредѣленно и принципіально выдержанный характеръ мютіалистическаго движенія, и 2-ой—названный имъ russo-allemande—или коммунистическій.

Извѣстно также и то, что Интернаціоналъ получилъ названіе „ребенка, родившагося въ парижской мастерской и отданнаго на вскормленіе въ Лондонъ"—и въ этомъ фигуральномъ выраженіи заключается много фактической правды. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что первая связь установилась раньше между французскими делегатами рабочихъ на лондонскую выставку 1862 года и англійскими рабочими, чѣмъ между ними и группой нѣмецкихъ эмигрантовъ. Знаменитый банкетъ въ Хрустальномъ Дворцѣ былъ въ 1861 году, а вопросы, поставленные французскими делегатами въ 1862 году представителямъ англійскихъ рабочихъ сводились къ объясненію непонятнаго для французовъ положенія англійской промышленности, достигшей столь высокаго уровня при меньшемъ числѣ часовъ рабочаго дня и высшей, чѣмъ во Франціи, заработной платѣ. Указаніе на трэдъ-юніоны, ихъ практику и ихъ теоріи открыли глаза французскимъ рабочимъ-делегатамъ, побудили ихъ прежде всего заняться этимъ вопросомъ по возвращеніи на родину. На заключительномъ банкетѣ были провозглашены тосты за „будущій союзъ работниковъ".

Вотъ та матеріальная основа, на которой началась строиться интернаціональная ассоціація, и еслибъ дѣло происходило иначе, т.-е. такъ, какъ его описываетъ Іеккъ, то оно было бы лишено не только всякаго значенія, но даже и значительной доли интереса.

Мы не можемъ, къ нашему сожалѣнію, самостоятельно слѣдить здѣсь за дальнѣйшимъ развитіемъ ассоціаціи, но должны указать на то, что появленіе новой рабочей организаціи не только не вызвало „безумной паники въ буржуазномъ мірѣ", но, въ частности, во Франціи, для ея пропаганды были тотчасъ же открыты столбцы либеральной прессы (*L'Opinion Hationale, Le Pays, La Liberté* и друг.), а къ ассоціаціи примкнули H. Martin (историкъ), Corbon, ex-вице-президентъ Конституанты 1848 г., Жюль Симонъ и даже Léon Say основалъ „Caisse des associations populaires de crédit, de production et de consommation" съ участіемъ нѣкоторыхъ французскихъ дѣятелей Интернаціонала.

Вообще развитіе французской группы Интернаціонала совершенно неотдѣлимо отъ развитія общаго политическаго движенія конца наполеоновской эпохи; стоитъ только просмотрѣть Le Siècle и программу французской радикальной партіи, чтобы разъ навсегда покончить со сказкой о „паническомъ ужасѣ буржуазіи", будто бы вызванномъ появленіемъ Интернаціонала; до Коммуны никакого ужаса не было, хотя все время господствовала невѣроятная переоцѣнка силъ Интернаціонала. Во Франціи знаменитая стачка бронзовщиковъ прошла благополучно для рабочихъ только благодаря поддержкѣ и широкой денежной помощи радикальной буржуазіи, открывшей подписку во всѣхъ своихъ газетахъ, а стачка въ Крезо началась криками: vive la république, что ясно указываетъ на связь рабочаго движенія съ общеполитическими радикальными тенденціями. Наконецъ, само отношеніе къ Интернаціоналу даже бонапартовскаго правительства и его самого было вначалѣ далеко не неблагопріятное; это отношеніе можно прекрасно прослѣдить по тремъ процессамъ, имѣвшимъ мѣсто въ Парижѣ, а работа Malon—его Іеккъ называетъ *господинъ* Malon—„La troisième défaite du prolétariat fran-

çais" даетъ превосходный матеріалъ для уясненія той сложной роли, которую игралъ французскій Интернаціоналъ или, точнѣе, французское рабочее движеніе въ общемъ политическомъ кризисѣ. Къ той же категоріи крайне поучительныхъ книгъ нужно отнести и „Le livre bleu de l'Internationale". Роль Интернаціонала во время Коммуны выясняется изъ книги: „Les séances officielles de l'Internationale à Paris pendant le Siège et pendant la Commune".

Здѣсь какъ разъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о той „практической морали", которая вытекаетъ изъ изученія, только не по Іекку, исторіи Интернаціонала.—Мы должны быть краткими, и потому будемъ категоричными: Интернаціоналъ учитъ только тому, что всякая рабочая партія должна быть прежде всего національна.

Позднѣйшее развитіе національныхъ европейскихъ рабочихъ партій нигдѣ не пошло по проекту Интернаціонала, и даже въ Германіи рабочая партія, говоря словами Либкнехта, „никакого отношенія" къ нему не имѣла. То, что Германія первая организовала политическую партію пролетаріата и этимъ создала рабочій парламентаризмъ, зависѣло только отъ своеобразныхъ условій, которыя долго не позволяли никакой другой дѣятельности.

Куда собственно клонитъ Іеккъ, пропагандируя германскій соціалъ-демократизмъ, прекрасно видно изъ его отношенія къ Бакунину; его онъ описываетъ такъ, какъ раньше описывали въ наивныхъ пьесахъ злодѣевъ; у Іекка даже наружность Бакунина ничѣмъ отъ таковой же разбойника Муромскихъ лѣсовъ не отличается.

„Кто же былъ Бакунинъ? По свидѣтельству лицъ, знавшихъ его, *по наружности* онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, внушающаго мало довѣрія. У него были *мрачные, коварные глаза хищника;* огромная грива волосъ придавала ему нѣкоторое сходство со львомъ" (стр. 191), а „натура его была уродлива и политически преступна"—плоды же, ею принесенные, были „змѣиными" (стр. 187). Само собою понятно, что исходя изъ такой почти уголовно-антропологической характеристики—Іеккъ долженъ былъ отнестись къ Бакунину такъ, какъ онъ отнесся, т.-е. пошло.

Резюмируемъ: книга Іекка, какъ историческій трудъ, не имѣетъ почти никакой самостоятельной цѣнности; она въ сущности совершенно не содержитъ исторіи Интернаціонала, т.-е. исторіи его секцій и федерацій; ничего не говоритъ объ Испаніи или Италіи, т.-е. о вліяніи идей Интернаціонала въ этихъ странахъ; не даетъ почти никакихъ указаній на первоисточники; написана въ неприличномъ тонѣ газетной передовицы на тему о тупоуміи и наглости буржуазіи и добродѣтели генеральнаго совѣта.

Что касается перевода, то, повидимому, онъ точенъ, хотя безъ всякихъ литературныхъ достоинствъ; но транскрипція именъ не совсѣмъ правильна и есть кое какіе мало понятныя фразы.

А. Васильевъ.

Библіотека великихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова. Пушкинъ. Вып. II и III. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб., 1907 г. Съ выходомъ III выпуска законченъ I томъ сочиненій Пушкина, обнимающій собою творчество Пушкина до 1820 года и заключающійся поэмой „Русланъ и Людмила". Когда появился первый выпускъ, мы говорили довольно подробно о цѣляхъ этого изданія, о его общемъ планѣ и давали характеристику того, какъ достигаются эти цѣли (см. *Русскую Мысль* 1907 г., кн. 1); теперь намъ остается сдѣлать нѣсколько ука-

заній, касающихся двухъ новыхъ выпусковъ и подвести общіе итоги изданія.

Прежде всего о недостаткахъ. Главный изъ нихъ, указанный нами въ первомъ отзывѣ, разумѣется, остался: стихи Пушкина теряются среди примѣчаній. Они теряются не только потому, что ихъ очень мало сравнительно съ грудой разъясненій, но и по совершенной невозможности добиться, чтобы стихотворенія, печатающіяся только на правыхъ страницахъ книги, и толкованья къ нимъ на лѣвыхъ шли всегда, такъ сказать, въ ногу: постоянно одно отстаетъ отъ другого на 5, на 10, даже на 20 страницъ.

Не исчезъ и другой отмѣченный недостатокъ, — отсутствіе вполнѣ установленнаго плана и масштаба комментарія съ строгимъ разграниченіемъ важнаго и второстепеннаго. Еще III-й выпускъ какъ-то меньше грѣшитъ въ этомъ отношеніи, а во II вып. находимъ, напримѣръ, по поводу совершенно незначительныхъ эпиграммъ Пушкина на гр. А. К. Разумовскаго и на писателя Шихматова большія статьи объ этихъ лицахъ, совершенно не связанныхъ съ біографіей поэта и не игравшихъ никакой роли въ его жизни; отдавать на нихъ половину печатнаго листа,— значитъ, собственно, далеко выходить за предѣлы той „Пушкинской энциклопедіи“, которую обѣщаетъ намъ редакторъ въ своемъ изданіи. Мы склонны признать слишкомъ подробными и очерки о Галичѣ и Кошанскомъ; оба эти лицейскіе профессора, конечно, играли роль въ жизни Пушкина и должны были стать предметомъ вниманія, но авторы очерковъ о нихъ плохо различали задачи изданія Пушкина отъ цѣлей большого энциклопедическаго словаря. Особенно это замѣтно въ статьѣ о Кошанскомъ; она занимаетъ значительно больше листа и въ концѣ ея приложена подробнѣйшая библіографія о Кошанскомъ, гдѣ не только указаны всѣ статьи о немъ, но заботливо перечислены всѣ его сочиненія во всѣхъ изданіяхъ. Составить такую библіографію стоило большого труда и ее нужно имѣть въ архивѣ исторіи русской литературы, но здѣсь, въ изданіи соч. Пушкина, ей, конечно, не мѣсто. Здѣсь опять видно увлеченіе желаніемъ дать „энциклопедію“. Мы очень боимся, чтобы дальше, когда изданіе будетъ слѣдить за Пушкинымъ въ болѣе важные періоды его жизни, за плечами редактора будетъ громоздиться одинъ томъ за другимъ, и онъ по необходимости будетъ не такъ щедръ на объемъ,—не высунулись бы всѣ эти Оссіаны, Гамильтоны, Шихматовы и Кошанскіе, въ своей внушительной полнотѣ, какъ торжествующіе побѣдители на завоеванной позиціи. Притомъ такая исчерпывающая обстоятельность въ мелочахъ сейчасъ же родитъ ненужную требовательность къ изданію: читатель, который считаетъ нужной и естественной подробнѣйшую статью о Ширинскомъ-Шихматовѣ, огорчится, увидавъ, что о Николевѣ даже не упомянуто, что онъ—драматургъ, авторъ знаменитой „Сорены“. И по-своему будетъ правъ: энциклопедія, такъ энциклопедія!

Въ изданіи, которое стремится быть и научнымъ, не отказываясь даже отъ критической разработки текста, непріятно видѣть корректурныя небрежности и погрѣшности; новые выпуски несвободны отъ этого упрека. На стр. 210 читаемъ, что въ пьесу „Бова“ введено нѣсколько новыхъ стиховъ, но одного изъ нихъ не находимъ (стр. 207—209). Вотъ еще рядъ опечатокъ, искажающихъ стихи. Стр. 325: „Но онъ мнѣ, *слышатель*, не нуженъ (вм. *слышите-ль*). Стр. 327: „*Тихой* водой“ (вм. *тихо*). Стр. 341: „Пусть далѣе продлится *вамъ* покой“. Стр. 461: „Законъ поставлю на мѣсто вамъ Горголи“ (стихъ искаженъ — нехватаетъ одного слога). Стр. 477: „Отчизны *внемлетъ* призыванья“ (вм. *внемлемъ*).

Замѣтимъ, что въ „Посланіи къ кн. А. М. Горчакову“ (стр. 331—333), неизвѣстномъ въ рукописи и приведенномъ по тексту *Современника* 1856 г. въ рядѣ мѣстъ отсутствуютъ знаки препинанія, что иногда прямо затрудняетъ читателя.

Покончивъ съ замѣчаніями, оглянемся на то, что даетъ въ цѣломъ законченный первый томъ.

Съ внѣшней стороны—прекрасно отпечатанную большую книгу въ 650 стр. крупнаго формата, около 20 фототипій и хромотипій на отдѣльныхъ листахъ, и до 250 рисунковъ (рядъ изъ нихъ въ цѣлую страницу), гдѣ портреты, виды, сцены, снимки съ картинъ и автографы чередуются съ стильнымъ орнаментомъ въ разныхъ видахъ. Весь художественный матеріалъ новъ, интересенъ, общее впечатлѣніе вполнѣ благопріятное. Таково же оно и относительно литературной стороны. Здѣсь собрано много свѣдѣній о Пушкинѣ, обстановкѣ его жизни, о лицахъ, связанныхъ съ біографіей и творчествомъ поэта,—наконецъ, о внѣшнемъ и внутреннемъ развитіи его поэтическаго дара; ни одно сколько-нибудь замѣтное вліяніе на поэта не осталось не отмѣченнымъ, ни одно, самое мелкое стихотвореніе—не истолкованнымъ. При этомъ использованы всѣ новыя пріобрѣтенія и успѣхи Пушкинской литературы. Редакторъ соединилъ вокругъ изданія, кажется, всѣ литературныя силы, сколько-нибудь прикосновенныя къ Пушкину, много работая и самъ въ качествѣ автора. Въ заслугу ему слѣдуетъ поставить и то, что несмотря на большое количество участниковъ и на неразработанность многихъ вопросовъ по Пушкину вы нигдѣ не встрѣчаетесь съ крупными разногласіями въ мнѣніяхъ.

А. Е. Грузинскій.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Николай Морозовъ. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ.

Николай Морозовъ. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Исторія возникновенія Апокалипсиса. Съ 62 рисунками и снимками съ древнихъ астрономическихъ картъ Пулковской обсерваторіи. Изданіе редакціи журнала „Былое“, 1907 г. Со времени появленія книги г. Морозова прошло только нѣсколько мѣсяцевъ *), тѣмъ не менѣе въ настоящее время появилось уже 2-е изданіе этого труда. Чѣмъ же можно объяснить такой небывалый успѣхъ книги, научнаго труда, трактующаго смыслъ Апокалипсиса? Съ одной стороны—толкованіе Апокалипсиса есть настолько смѣлый и трудный шагъ, на который могъ рѣшиться человѣкъ только послѣ тщательной провѣрки всѣхъ своихъ умозаключеній; съ другой стороны—интересъ къ книгѣ тѣмъ болѣе возрастаетъ, что написана она въ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости—обстановкѣ, нѣсколько не благопріятствующей серьезнымъ кабинетнымъ занятіямъ; наконецъ, не маловажную роль играетъ и имя автора—извѣстнаго своими трудами по естествознанію. Въ нашей короткой замѣткѣ мы постараемся дать сводку тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришелъ г. Морозовъ во время своего изслѣдованія. Кромѣ того для насъ было бы крайне важно указать на достовѣрность выводовъ автора.

Апокалипсисъ являлся до настоящаго времени книгой „за семью пе-

---

*) Нашъ отзывъ нѣсколько запоздалъ сравнительно съ временемъ выхода изъ печати труда г. Морозова.

чатями"; книга была, но смыслъ ея такъ и не былъ истолкованъ изучавшими его теологами. Были попытки къ его объясненію, но всѣ они отличались мистицизмомъ, въ томъ числѣ и замѣтка И. Ньютона. Здѣсь нужно указать на мнѣніе г. Морозова, что Ньютонъ отлично понималъ астрономическое значеніе Апокалипсиса, но не смѣлъ опубликовать своего истиннаго взгляда, боясь обвиненія въ невѣріи.—Въ особенности важную роль играло „апокалиптическое" число—666, являющееся, по мнѣнію религіозныхъ лицъ, синонимомъ антихриста. Авторъ настоящаго труда задался особенной цѣлью: опредѣлить вполнѣ точно время возникновенія Апокалипсиса при условіи разсмотрѣнія находящихся въ немъ описаній, какъ астрономическихъ и метеорологическихъ картинъ звѣзднаго неба и окружавшей автора Апокалипсиса природы. „Новый методъ опредѣленія времени, приложенный къ старой книгѣ, привелъ, какъ это часто бывало въ наукѣ, къ неожиданному открытію. И годъ, и день, и самый часъ наблюденія Іоанна оказались опредѣлимыми съ астрономической точностью. Какъ послѣдствіе этого, явился и другой выводъ, что Апокалипсисъ написанъ знаменитымъ борцомъ противъ византійскаго религіознаго и политическаго абсолютизма, ниспровергателемъ императорскихъ статуй, Іоанномъ Антіохійскимъ, называемымъ Хризостомомъ, или Златоустомъ" (пред., стр. V). Выводъ этотъ чрезвычайно важенъ; онъ не можетъ быть поколебленъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ опровергнутъ годъ появленія Апокалипсиса, а именно 395 г. по Р. Х. Въ этомъ году жилъ и дѣйствовалъ Іоаннъ Антіохійскій, называемый Златоустомъ. Данныя, найденныя г. Морозовымъ, не являются голословными; они были провѣрены астрономами Пулковской обсерваторіи, доказавшими ихъ несомнѣнную вѣрность, а въ зависимости отъ этого и подлинность вычисленнаго года появленія Апокалипсиса.

Лежащая передъ нами книга распадается на 5 частей. Первую занимаетъ прологъ, трактующій общія свѣдѣнія объ астрономическихъ и метеорологическихъ явленіяхъ и указывающій на трудность пониманія прежнихъ міровоззрѣній, въ виду невозможности для современнаго культурнаго человѣка стать на точку зрѣнія христіанина конца IV вѣка по Р. Х. Тутъ мы встрѣчаемся съ оригинальной мыслью автора, касающейся случаевъ возможности такого пониманія; оказывается, что такіе люди есть. „Наиболѣе способными хорошо понимать душу прошлыхъ поколѣній оказываются именно тѣ изъ образованныхъ людей, чья голова съ дѣтства была переполнена разсказами суевѣрныхъ, первобытныхъ нянекъ. Если вѣянье современной науки о природѣ и изгонитъ, наконецъ, изъ ихъ головъ всѣ эти призраки минувшаго мрака, воспоминаніе о нихъ все же остается навсегда" (стр. 5). Въ этомъ отношеніи посчастливилось и нашему автору: долгіе дѣтскіе вечера остались въ памяти на всю жизнь и являлись достаточнымъ основаніемъ для „суевѣрнаго" толкованія необычныхъ явленій окружающей природы. Особенное впечатлѣніе на нашего автора производили грозы, въ частности одна изъ грозъ въ Альпахъ; неудивительно поэтому, что въ томъ или иномъ расположеніи облаковъ, солнца, тучъ во время грозы ему мерещились одушевленные и неодушевленные предметы, надѣленные особыми, фантастическими очертаніями. Прошло много лѣтъ, и вотъ автору внезапно пришлось попасть въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости. Первое время заключенному не выдавали никакихъ книгъ, и только по истеченіи семи мѣсяцевъ принесли въ первый разъ книгу... библію, вѣроятно, какъ справедливо предполагаетъ г. Морозовъ, для вящаго укрѣпленія въ вѣрѣ православной. Конечно, нужно было читать, и первымъ отдѣломъ былъ

Апокалипсисъ. „Подобно ботанику, который узнаетъ свои любимыя растенія по нѣсколькимъ словамъ ихъ описанія, тогда какъ для остальныхъ людей эти слова—пустые звуки, вызывающіе лишь неясные образы, я съ первой же главы вдругъ началъ узнавать въ апокалиптическихъ звѣряхъ наполовину аллегорическое, а наполовину буквально точное и притомъ чрезвычайно художественное изображеніе извѣстныхъ мнѣ грозовыхъ картинъ, а кромѣ нихъ еще замѣчательное описаніе созвѣздій древняго неба и планетъ въ этихъ созвѣздіяхъ. Черезъ нѣсколько страницъ для меня уже не оставалось никакого сомнѣнія, что истиннымъ источникомъ этого древняго пророчества была гроза и зловѣщее астрологическое расположеніе планетъ по созвѣздіямъ, эти старинные знаки Божьяго гнѣва, принятые авторомъ, подъ вліяніемъ религіознаго энтузіазма, за знаменіе, спеціально посланное Богомъ въ отвѣтъ на его горячія мольбы о томъ, чтобы указать ему хоть какимъ-нибудь намекомъ, когда же, наконецъ, Іисусъ придетъ на землю“ (стр. 29). Въ виду массы астрономическихъ данныхъ, находящихся въ самомъ Апокалипсисѣ, явилась возможность вычислить астрономическимъ путемъ, иначе говоря чрезвычайно точно, время прохожденія этой грозы; оказалось, что она „пронеслась надъ островомъ Патмосомъ въ воскресенье 30 сентября 395 юліанскаго года“ (стр. 30).

2-я часть и есть самое „откровеніе въ грозѣ и бурѣ и въ четырехъ ударахъ патмосскаго землетрясенія 30 сентября 395 года“. Это художественное и чрезвычайно поэтическое описаніе грозы, разыгравшейся надъ островомъ Патмосомъ въ этотъ день, и тѣхъ 4 подземныхъ ударовъ землетрясенія, которые имѣли мѣсто въ этотъ день на этомъ же островѣ. Здѣсь особенно интересно мѣсто, относящееся къ извѣстному апокалиптическому числу—666. Оказывается, что въ то время неурядицъ и смутъ въ византійской церкви, отъ перехода того или другого императора на сторону какой-нибудь изъ спорящихъ фракцій христіанской церкви, зависѣло появленіе эдикта, признающаго еретиками всѣхъ, не принадлежащихъ къ покровительствуемой фракціи. Въ этотъ (395-й) годъ по указу императора Ѳеодосія признавались еретиками всѣ тѣ, которые не принадлежали къ Николаитской церкви (послѣдователямъ епископа мирликійскаго Николая); въ числѣ этихъ еретиковъ находился и Іоаннъ Антіохійскій, иначе называемый Хризостомомъ, не принадлежавшій по своимъ убѣжденіямъ ни къ одной изъ главенствующихъ фракцій (ни къ аріанской, ни къ николаитской). Всѣ же послѣдователи николаитской церкви, покровительствуемой императоромъ, должны были имѣть на себѣ особый знакъ, либо со словомъ „латинянинъ“, либо съ суммой цифръ, дающихъ символическое обозначеніе этого слова—именно 666, по числовой оцѣнкѣ каждой буквы этого слова. Очевидно, что такую мѣру Іоаннъ долженъ былъ считать беззаконной и, какъ слѣдствіе такого взгляда, символизируетъ церковь и имперію того времени, какъ чудовищныхъ звѣрей, издающихъ ужасное распоряженіе.

Въ 3-й части книги мы находимъ точное опредѣленіе времени появленія Апокалипсиса. Для нахожденія этого времени г. Морозовъ даетъ два астрономическихъ способа и оба они приводятъ къ одному и тому же году, мѣсяцу и дню и даже часу, а именно 5 часовъ вечера 30 сентября 395 года. Четвертая часть знакомитъ насъ въ политической и религіозной жизнью Византійской имперіи конца IV вѣка, а V выясняетъ намъ имя автора Апокалипсиса. Если мы внимательно прочли бы эту замѣчательную книгу, то окажется, что въ ней самой находятся многія данныя, ведущія насъ къ искомой цѣли. Имя его Іоаннъ, онъ жилъ въ

Малой Азіи, въ концѣ IV вѣка, обладалъ краснорѣчіемъ, писалъ на греческомъ языкѣ, былъ очень богатъ, но затѣмъ роздалъ все свое состояніе, былъ очень хорошо образованъ; кромѣ того это выдающійся революціонеръ и демагогъ того времени, не боящійся метать свои ядовитыя стрѣлы въ земныхъ властителей. Ознакомившись подробно съ біографіей Іоанна Златоуста, г. Морозовъ пришелъ къ неизбѣжному выводу, что онъ-то и былъ авторомъ Апокалипсиса. „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ" настолько же нужно для пониманія жизни Іоанна, насколько и самъ онъ нуженъ для пониманія нѣкоторыхъ мѣстъ „Откровенія". И Апокалипсисъ, и жизнь Іоанна являются незаконченными, пока они въ отдѣльности. Вся біографія Іоанна безъ „Откровенія" является какой-то сплошной фантасмагоріей, гдѣ послѣдующія событія не вытекаютъ изъ предыдущихъ, а одновременныя не вяжутся между собой" (стр. 289). Если въ пустыя страницы біографіи Іоанна вставить „Откровеніе", то весь циклъ является заполненнымъ, и намъ становится вполнѣ понятнымъ каждый моментъ жизни Іоанна. Такимъ образомъ Іоаннъ Златоустъ является неоспоримымъ авторомъ Апокалипсиса. Въ концѣ книги помѣщены приложенія, дающія намъ вычисленія астрономовъ Пулковской обсерваторіи и подтверждающія всѣ выводы (астрономическіе) г. Морозова.

Мы постарались возможно кратко дать представленіе о выдающейся книгѣ г. Морозова. „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ" должно было пробудить къ себѣ интересъ со стороны русской читающей публики какъ сущностью затронутаго въ немъ вопроса, ложно толковавшагося въ продолженіе болѣе чѣмъ 15 вѣковъ, такъ и именемъ и печальной исторіей своего автора.

А. Лѣтникъ.

СОЦІОЛОГІЯ, ПРАВОВѢДѢНІЕ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Современныя конституціи. Т. II. Перев. подъ редакціей и со вступительными очерками В. М. Гессена и Б. Э. Нольде.—*С. А. Хольцовъ.* Современная Америка.

Современныя конституціи. Т. 2-й. Переводъ подъ редакціей и со вступительными очерками В. М. Гессена и бар. Б. Э. Нольде. Спб., 1907 г. Ц. 3 р. Всѣ интересующіеся вопросами конституціоннаго права и конституціонной жизни, всѣ просто образованные люди будутъ горячо привѣтствовать появленіе второго тома настоящаго изданія конституцій въ превосходномъ русскомъ переводѣ. Первый томъ, посвященный конституціоннымъ монархіямъ, уже пріобрѣлъ совершенно заслуженную репутацію среди другихъ многочисленныхъ переводовъ конституцій. Будемъ надѣяться, что появленіе второго тома окончательно вытѣснитъ съ книжнаго рынка разныя спекулятивныя изданія, вродѣ собранія г. Новика и т. п. Въ настоящемъ томѣ читатель найдетъ конституціи, представляющія чрезвычайный историческій и политическій интересъ, но сравнительно мало извѣстныя. На первомъ планѣ здѣсь надо поставить конституцію австралійской федераціи, Канады (1867 г.), Бразиліи (1891 г.). Они даютъ богатый матеріалъ для изученія вопроса о различныхъ типахъ федеративныхъ государствъ. Весьма полезны съ этой стороны будутъ также переведенныя конституціи отдѣльныхъ швейцарскихъ кантоновъ и штата Пенсильваніи. Здѣсь всюду мы видимъ печать новѣйшаго политическаго развитія, кромѣ того конституція воль-

наго города Гамбурга даетъ понятіе о силѣ историческаго преемства и муниципальныхъ традицій, а рядомъ съ этимъ помѣщены конституціи странъ, играющихъ первенствующую роль въ современной политической жизни Австро-Венгріи, Германіи, Франціи, Соединенныхъ Штатовъ.

Весьма цѣнное дополненіе представляетъ приложеніе въ концѣ текста самыхъ новѣйшихъ конституцій: русскіе основные законы 23 апрѣля 1906 г., персидскій уставъ національнаго собранія, черногорская конституція. Сжатый и содержательный комментарій, предпосланный текстамъ, даетъ все необходимое для пониманія историческаго фона, въ которомъ возникали тѣ или другія конституціонныя нормы.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на превосходный предметный указатель, помѣщенный во 2-мъ томѣ, но относящійся къ обоимъ. Его оцѣнятъ всѣ, кому придется дѣлать справки въ различныхъ текстахъ. Въ этомъ отношеніи указатель настоящаго изданія значительно превосходитъ index, помѣщенный при 2-мъ томѣ собранія Дареста.

С. Котляревскій.

Л. С. Хольцовъ. Современная Америка. Историко-географическій, политическій и экономическо-статистическій очеркъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Американскій ежегодникъ. Годъ I. Изданіе А. М. Евваленко. Нью-Іоркъ, 1907 г. Стр. XII + 477 + 80. Ц. 3 р. Свѣдѣнія русской широкой публики объ Америкѣ отличаются крайней неполнотой и сбивчивостью. Отрывочныя сообщенія періодической печати и бѣглыя впечатлѣнія случайныхъ туристовъ—вотъ источники, изъ которыхъ они по преимуществу черпаются. Давая подчасъ пищу удивленію передъ широтой размаха дѣловитыхъ янки въ области производства или потребленія, свѣдѣнія эти не позволяютъ, однако, составиться въ умѣ русскаго читателя сколько-нибудь законченному представленію о Соединенныхъ Штатахъ. Потребность въ соотвѣтствующемъ изданіи несомнѣнно существуетъ, и книга Хольцова имѣетъ назначеніе удовлетворить ей.

По плану издателя *Современная Америка* должна выходить ежегодно, чтобы даваемыя въ ней практическія свѣдѣнія сохраняли постоянную свѣжесть. Книга содержитъ: 1) историческій очеркъ, 2) географическій очеркъ, 3) описаніе государственнаго устройства, 4) очеркъ о населеніи и промышленности, 5) изложеніе таможенной системы и 6) справочный отдѣлъ. Къ тексту приложены статистическія таблицы, діаграммы, географическая карта и предметный указатель.

Удалось ли автору выполнить принятую на себя задачу—дать всесторонній и популярный очеркъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. Въ трудѣ Хольцова есть слишкомъ много лишняго, но еще большаго въ немъ недостаетъ. Такъ, напримѣръ, изложенію таможенной системы авторъ удѣляетъ 100 страницъ, изъ которыхъ 80 занято перечисленіемъ предметовъ, пропускаемыхъ въ Штаты безпошлинно и обложенныхъ пошлиной, съ указаніемъ размѣровъ послѣдней; сверхъ того, приложенъ алфавитный указатель къ таможенному тарифу, занимающій 9 страницъ. Съ другой стороны, глава о населеніи помѣщается всего на 25 страницахъ и содержитъ почти исключительно цифровыя данныя о приростѣ населенія за различные періоды и объ иммиграціи. О народномъ образованіи и вообще о духовной культурѣ американцевъ въ книгѣ Хольцова мы никакихъ свѣдѣній не нашли. Ничего не сказано о политическихъ, соціальныхъ и литературныхъ теченіяхъ въ странѣ. Ни слова объ искусствѣ. Но зато

перечисленію органовъ федеральнаго правительства и ихъ функцій („бюро по изслѣдованію почвы" занято изслѣдованіями почвы, „правительственная типографія" производитъ печатанье для всѣхъ правительственныхъ учрежденій и т. д.)—удѣлено 86 страницъ.

Широко пользуясь сырыми матеріалами, предоставленными въ его распоряженіе административными учрежденіями Штатовъ, г. Хольцовъ не озабоченъ обобщеніями и выводами. Сырой матеріалъ такъ и остался сырымъ, необработаннымъ.

Такимъ образомъ, если принять во вниманіе, что цѣлью автора было дать „популярный очеркъ, доступный и интересный для крупной массы читающей публики", нужно признать, что цѣль эта не достигнута. Намъ думается, что *Современная Америка* оставитъ неудовлетвореннымъ читателя, который пожелаетъ по ней познакомиться съ Соединенными Штатами.

Гораздо большій интересъ книга Хольцова представляетъ какъ справочникъ для людей, завязывающихъ коммерческія или иныя дѣловыя отношенія съ Америкой. Поэтому и „справочный отдѣлъ", содержащій свѣдѣнія—почтовыя, телеграфныя, о пароходныхъ линіяхъ, законы объ иммиграціи, натурализаціи, о торговыхъ знакахъ и проч.—нужно признать наиболѣе цѣнной частью книги.

С. Б. Айзенманъ.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Я. М. Бѣлый. Изъ недавней старины. Воспоминанія земскаго врача 70-хъ годовъ.—*Т. В. Петровъ.* Основы общественной жизни по ученію Евангелія.

Я. М. Бѣлый. Изъ недавней старины. Воспоминанія земскаго врача 70-хъ годовъ. Новгородъ, 1907 г. Стр. 195. Авторъ въ формѣ воспоминаній даетъ яркую картину работы врачей въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда земство дѣлало только первые неувѣренные шаги по пути общественной организаціи врачебно-санитарнаго дѣла. Врачи, начинавшіе работать въ земствѣ, не имѣли передъ собой предыдущаго опыта общественной медицинской работы и никакихъ указаній на желательную постановку дѣла. Они шли сначала ощупью и уже изъ опыта своей собственной работы намѣчали выводы о тѣхъ или иныхъ измѣненіяхъ избраннаго пути. Всякій уѣздъ смотрѣлъ на постановку дѣла различно: въ одномъ—главное мѣсто отводилось санитаріи и санитарному изслѣдованію всѣхъ крестьянскихъ поселеній, въ другомъ—въ основу всей работы ставилась разъѣздная система. Иногда земскому собранію предлагались проекты организаціи медицинскаго дѣла, поражающіе своей безсмысленностью. Авторъ разсказываетъ, напримѣръ, въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ въ борзенскомъ земствѣ Черниговской губерніи былъ предложенъ однажды такой планъ: пригласить для уѣзда 6 врачей, но чтобы всѣ они жили въ городѣ. Каждое первое число выѣзжаетъ одна пара врачей въ противоположныя стороны уѣзда; въ извѣстномъ пунктѣ они встрѣчаются, послѣ чего каждый изъ нихъ проѣзжаетъ тѣ деревни, гдѣ только что побывалъ его товарищъ. Черезъ 10 дней эта пара врачей возвращается въ городъ, а выѣзжаетъ вторая пара и т. д. Проектъ требовалъ, чтобы земство пріобрѣло для этихъ выѣздовъ особыя кареты съ низкоопущенными подножками, для удобства врачей.

Страницы, посвященныя авторомъ описанію условій и обстановки своей жизни въ земствѣ въ началѣ 70-хъ годовъ, очень характерны и по-

называютъ, какъ далеко ушли теперь даже наиболѣе отсталыя земства въ созданіи надлежащей обстановки для работы врачей. Авторъ нѣсколько разъ описываетъ свои квартиры на новыхъ служебныхъ мѣстахъ. Всякій разъ помѣщеніе его состоитъ изъ одной комнаты, много изъ двухъ, и всегда тутъ же помѣщается аптечный шкапъ, и въ этой же комнатѣ ведется и амбулаторный пріемъ—обстановка, какую встрѣтишь въ настоящее время на фельдшерскихъ пунктахъ, и то не во многихъ мѣстахъ.

Населеніе не знало врачей, не шло къ нимъ, и врачамъ приходилось завоевывать довѣріе крестьянъ, на что не мало уходило энергіи. По недѣлямъ на новомъ мѣстѣ врачамъ приходилось ожидать перваго появленія больныхъ. Атмосфера недовѣрія нерѣдко окружала врачей и въ земствѣ. Многіе гласные придумывали разные способы контроля надъ дѣятельностью врачей, доходили до того, что находили нужнымъ выдать всѣмъ сельскимъ старостамъ книги, въ которыхъ отмѣчались бы пріѣзды и имена пользованныхъ больныхъ, и все это скрѣплялось бы печатью старосты.

Но живая работа, творческое созиданіе новыхъ формъ общественнаго дѣла, коллегіальное участіе въ совѣщаніяхъ и врачебныхъ совѣтахъ, въ работахъ земскихъ собраній вознаграждали врачей за всѣ невзгоды. Послѣ перваго уѣзднаго собранія, на которомъ пришлось побывать автору, онъ говоритъ: „Несмотря на сильное утомленіе, настроеніе мое было очень приподнято. Я первый разъ увидѣлъ на дѣлѣ, какъ люди могутъ *цѣликомъ отдаваться* общественнымъ интересамъ, понялъ, что на служеніе земскому дѣлу можно *посвятить всю свою жизнь*“.

„Воспоминанія“ совсѣмъ не обладаютъ достоинствами литературнаго произведенія, но читаются съ интересомъ, несмотря на растянутость и утомительность изложенія. Нагроможденіе ненужныхъ біографическихъ свѣдѣній о каждомъ новомъ лицѣ, встрѣчающемся на служебномъ пути автора, только вредитъ воспоминаніямъ. Непріятно пестрятъ страницы сокращенными, съ пропусками среднихъ слоговъ, названіями лицъ, мѣстностей, уѣздовъ и пр. Къ тому же эти сокращенія безцѣльны, такъ какъ они слишкомъ прозрачны.

Въ общемъ, однако же, несмотря на отмѣченные литературные недочеты, изображеніе повседневной земско-культурной работы въ недавнемъ прошломъ такъ ярко (условія этой работы, къ сожалѣнію, мало разнятся отъ современныхъ), что появленіе „Воспоминаній“ г. Бѣлаго нельзя не признать книгой полезной и интересной.

Л. Френкель.

Т. В. Петровъ. Основы общественной жизни по ученію Евангелія. М., 1907 г. 63 стр. Ц. 30 к. Извѣстно, что религія и въ частности наша православно-христіанская религія, помимо своего значенія для внутренней личной жизни каждаго человѣка, имѣетъ также большое значеніе и въ сферѣ общественной жизни, нерѣдко являясь важнымъ орудіемъ управленія; правительство всегда считаетъ нужнымъ указывать на то, что его дѣйствія согласны съ требованіями религіи. Очень важно поэтому провѣрить эти указанія и опредѣлить, насколько въ самомъ дѣлѣ правительственная политика соотвѣтствуетъ религіознымъ требованіямъ. Никто не сомнѣвается, или, по крайней мѣрѣ, никто не возражаетъ противъ того, что ученіе Христа, какъ оно выражено въ Евангеліи, составляетъ основу христіанства, всѣ догматическія и нравственныя положенія котораго могутъ быть лишь развитіемъ евангельскаго ученія, но ни въ какомъ случаѣ не измѣнять его и не противорѣчить ему. Но про-

типъ тѣхъ, кто считаетъ возможнымъ относиться критически и къ самому Евангелію, признавая въ немъ одно и отбрасывая другое, въ случаѣ если ими будетъ указано на несоотвѣтствіе реальной политики евангельскому ученію, можетъ быть всегда выставлено то возраженіе, что они дѣлаютъ свое сравненіе не съ настоящимъ Евангеліемъ, а со своимъ, произвольнымъ, еретическимъ. Поэтому крайне желательно произвести сказанную провѣрку съ точки зрѣнія традиціоннаго, православнаго пониманія Евангелія. Въ этомъ именно смыслѣ и представляетъ интересъ брошюрка Т. В. Петрова. Авторъ не вноситъ въ свое разсужденіе никакого раціонализма, никакой исторической критики, вообще понимаетъ Евангеліе какъ обыкновенный православный христіанинъ. И тѣмъ не менѣе, сопоставляя совершенно ясныя слова евангельскаго ученія съ дѣйствующими въ жизни политическими принципами и требованіями, онъ вскрываетъ несомнѣнно существующія между ними явныя противорѣчія. Мы не будемъ перечислять всѣхъ указанныхъ имъ случаевъ такого противорѣчія, касающихся свободы совѣсти, свободы слова, равноправности всѣхъ людей, вопроса о богатствѣ и бѣдности и т. д., укажемъ лишь на вопросъ о смертной казни, къ несчастію столь близкій для насъ въ настоящее время. Здѣсь авторъ сопоставляетъ примѣненіе смертной казни съ извѣстнымъ евангельскимъ разсказомъ о приведенной ко Христу женщинѣ, которую по закону Моисееву слѣдовало побить камнями. „Фарисеи, желавшіе исполнить законъ—побить грѣшницу камнями, должны были со стыдомъ скрыться, когда Христосъ предъявилъ имъ безусловное требованіе: „кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень". И затѣмъ женщина, осужденная на смерть грѣшными и слабыми людьми, была прощена Богочеловѣкомъ-Христомъ и возвращена имъ къ жизни. Этимъ Христосъ утвердилъ абсолютную цѣнность всякой человѣческой жизни, показавъ, что она безмѣрно выше грѣха и проступка, почему и не можетъ быть взята за нихъ въ расплату".

Выходитъ, что мы, обвиняя евреевъ, въ практикѣ нашего правосудія держимся еврейскаго закона, отвергая законъ Христовъ. Для искренно вѣрующихъ христіанъ такія сопоставленія, а слѣдовательно и книжки Т. В. Петрова могутъ быть не лишними.

В. Линдъ.

ФИЛОСОФІЯ.

Э. Махъ. Анализъ ощущеній и отношеніе физическаго къ психическому. Перев. Г. Котляра.

Э. Махъ. Анализъ ощущеній и отношеніе физическаго къ психическому. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ рукописи 5-го дополн. нѣмецк. изд. Г. Котляра, съ предисл. автора къ русск. переводу и съ вступительной статьей А. Богданова. Стр. XII.+304. Изданіе Скирмунта. М., 1907 г. Ц. 75 к. Въ современной философской литературѣ книга Маха „Beiträge zur Analyse der Empfindungen", появляющаяся нынѣ на русскомъ языкѣ въ добросовѣстномъ и вполнѣ удовлетворительномъ переводѣ г. Котляра, занимаетъ почетное мѣсто. Авторъ—весьма рѣдкій въ настоящее время образецъ естествоиспытателя, который, будучи самоучкой въ философіи, силою врожденнаго философскаго дарованія, граничащаго съ геніальностью, додумался до новой, оригинальной и яркой постановки метафизическихъ проблемъ и внесъ свѣжую струю мысли въ область философіи, часто засыхающую по[ь]

гнетомъ традиціи. Вмѣстѣ съ Авенаріусомъ и независимо отъ него, Махъ является родоначальникомъ такъ называемаго „эмпиріокритицизма“. Но въ отличіе отъ Авенаріуса, который, стремясь освободиться отъ традиціонныхъ понятій и терминовъ философской литературы, добивался этого измышленіемъ новаго громоздкаго и искусственнаго аппарата понятій и словъ, благодаря чему изученіе его главной работы представляетъ величайшія трудности,—Махъ достигаетъ той же цѣли легко и непринужденно: его языкъ, какъ и его мысли, простъ и ясенъ; „Анализъ ощущеній“ — одна изъ немногихъ философскихъ книгъ, которая, именно благодаря свѣжести мысли, соединяетъ глубину съ популярностью; ея чтеніе не требуетъ предварительной подготовки, а предполагаетъ въ читателѣ лишь общую способность къ отвлеченному мышленію. Другое отличіе Маха отъ Авенаріуса—отличіе въ содержаніи ихъ воззрѣній—состоитъ въ томъ, что Махъ развиваетъ основную точку зрѣнія эмпиріокритицизма въ болѣе широкой и общей формѣ и потому сближается съ философами „имманентной“ школы, отъ которыхъ ревниво, хотя и тщетно, отгораживается Авенаріусъ.

Въ журнальной рецензіи невозможно дать сколько-нибудь исчерпывающую оцѣнку такого широкаго, богатаго мыслями и во многихъ отношеніяхъ плодотворнаго направленія, какъ „эмпиріокритицизмъ“. Это направленіе есть отраженіе и одинъ изъ моментовъ глубокаго философскаго или даже общаго духовнаго переворота, переживаемаго современнымъ сознаніемъ. Самая существенная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая цѣнная черта эмпиріокритицизма—стремленіе вернуть мысль къ реальности, переоцѣнка отношенія между міромъ отвлеченныхъ понятій, построяемомъ наукой, и міромъ конкретной дѣйствительности, непосредственно данномъ живому, не искаженному анализомъ практическому сознанію. Тотъ міръ, который наука и метафизика строитъ позади реальныхъ данныхъ воспріятія, не можетъ, согласно этому ученію, претендовать на абсолютное значеніе; онъ есть лишь абстракція, имѣющая значеніе вспомогательной конструкціи, которая служитъ для ориентировки въ единственно подлинномъ и въ извѣстномъ смыслѣ абсолютно-обязательномъ матеріалѣ воспріятій, или, какъ выражается Махъ, ощущеній. Къ этому гносеологическому убѣжденію эмпиріокритицизмъ присоединяетъ интересное біологопсихологическое соображеніе,—значеніе котораго надо, впрочемъ, признать непомѣрно раздутымъ,—согласно которому эти абстракціи, ложно гипостазируемыя обычнымъ міровоззрѣніемъ, исполняютъ роль механизма, экономизирующаго силы мышленія. Самымъ яркимъ образцомъ новой постановки философскихъ проблемъ можетъ служить рѣшеніе эмпиріокритицизмомъ проклятаго метафизическаго вопроса объ отношеніи между физическимъ и психическимъ. Такъ какъ весь матеріалъ опыта данъ намъ въ ощущеніяхъ, то принципіальнаго различія между частями этого матеріала не имѣется; душа и тѣло—не двѣ различныя субстанціи, а двѣ точки зрѣнія или два способа уясненія одного и того же явленія; одно и то же явленіе—наприм., цвѣтъ, звукъ и т. п.—признается физическимъ, поскольку разсматривается въ связи съ другими объективными моментами, и психическимъ, поскольку обращается вниманіе на его зависимость отъ субъективныхъ факторовъ.

Нельзя не признать относительной правильности и плодотворности этой гносеологической точки зрѣнія, которая была намѣчена уже Беркли, Юмомъ и Кантомъ (презираемый большинствомъ современныхъ эмпиріокритицистовъ, Кантъ оказалъ рѣшающее вліяніе на философское развитіе Маха, по собственному признанію послѣдняго). Но нельзя забывать

при этомъ двухъ вещей. Во-первыхъ, гносеологическій монизмъ законенъ лишь, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отдаетъ себѣ строгій отчетъ въ необходимыхъ дуалистическихъ моментахъ всякой научной гносеологіи. Часто забываютъ, что признаніе имманентности объекта сознанію есть не конецъ, а только начало гносеологической мудрости; имъ еще не разрѣшаются и не устраняются труднѣйшіе вопросы теоріи познанія, какъ, наприм., познаніе прошлаго и будущаго, превращеніе разновременныхъ данныхъ воспріятія въ (одновременно) сосуществующія части міросозданія, примиреніе универсальности гносеологическаго субъекта съ ограниченностью и индивидуальностью конкретнаго сознанія и т. п. Большинство мыслителей разсматриваемаго направленія страдаютъ именно забвеніемъ этихъ трудностей, на разрѣшеніи которыхъ должна быть испытуема всякая теорія познанія; исключеніе составляетъ развѣ только Шуппе, глава „имманентной“ школы, но не Махъ и Авенаріусъ. Во-вторыхъ, самъ гносеологическій монизмъ, столь гордо заявляющій объ уничтоженіи имъ всякой метафизики, есть въ своей основѣ безспорно также *метафизическое построеніе*. Единство объекта и субъекта отнюдь не дано непосредственно непредубѣжденному сознанію; трудности, съ которыми приходится бороться этому воззрѣнію, показываютъ, что дѣло идетъ здѣсь не о констатированіи безспорнаго факта, а объ обобщеніи, которому могутъ быть противопоставлены обобщенія иного и прямо противоположнаго характера. Противорѣчіе между гносеологическимъ монизмомъ и дуализмомъ есть одна изъ тѣхъ антиномій, которыя, можетъ быть, и допускаютъ принципіально логическое, раціональное разрѣшеніе, но изъ которыхъ человѣческое сознаніе фактически по большей части выходитъ путемъ вмѣшательства ирраціональныхъ метафизическихъ мотивовъ, рѣшающихъ споръ въ пользу той или иной стороны. Очень наивное и цѣнное признаніе дѣлаетъ въ этомъ отношеніи Махъ при описаніи зарожденія его теоріи: „Въ одинъ прекрасный день, когда *я* гулялъ на лонѣ природы, *весь міръ вдругъ показался мнѣ* однимъ комплексомъ взаимно связанныхъ между собой ощущеній, а мое *я*—частью этого комплекса, въ которой эти ощущенія лишь сильнѣе между собою связаны“; такимъ путемъ онъ „вдругъ понялъ, какую лишнюю роль играетъ вещь въ себѣ“ (стр. 34 русск. пер., примѣч.). Здѣсь ясно обнаружено, что источникомъ „позитивнаго“ міросозерцанія Маха явилось ирраціональное и недоказуемое сознаніе пантеистическаго единства духа и природы; Махъ описываетъ типическое метафизическое переживаніе, въ которомъ „вдругъ“, интуитивно, духовному творчеству раскрываются неразрѣшимыя для раціональнаго анализа тайны жизни. Переживаніе иного порядка, обусловленное дуалистическимъ настроеніемъ Платоновской метафизики, открыло Канту существованіе „вещей въ себѣ“. Подлинно научному разрѣшенію этой антиноміи придется, быть можетъ, принять въ разсчетъ и дать оправданіе обоимъ метафизическимъ мотивамъ.

Съ неохотой отрываешься отъ книги Маха, чтобы поговорить о русскомъ предисловіи къ ней г. Богданова. Это предисловіе есть свидѣтельство въ политической благонадежности, выдаваемое Маху однимъ изъ членовъ русской соціалъ-демократіи. Нѣкоторые соціалъ-демократы давно уже пропагандируютъ у насъ эмпиріокритицизмъ; дѣло доброе, въ особенности когда онъ идетъ на смѣну вульгарному матеріализму, исповѣдуемому большинствомъ партіи. Но когда эмпиріокритицизмъ провозглашается специфически соціалъ-демократической теоріей познанія—по аналогіи съ той „Спеціально-пролетарско-демократической логикой“, которая была изобрѣтена однимъ недалекимъ нѣмецкимъ рабочимъ и, ра-

зумѣется, переведена на русскій языкъ,—когда политическая секта прикрѣпляетъ партійный ярлыкъ на серьезное достояніе общечеловѣческой мысли,—становится и грустно, и смѣшно. Пусть судитъ читатель. Возражая „товарищу Плеханову“, который написалъ въ соціалъ-демократическій департаментъ полиціи доносъ на „буржуазность“ Маха, „товарищъ Богдановъ“ выдаетъ Маху слѣдующее свидѣтельство въ благонадежности:

„1) абсолютно никакихъ конкретныхъ указаній на практически-буржуазныя тенденціи въ міровоззрѣніи *Маха* означенными его противниками—тов. Плехановымъ и его учениками—*не дается;*

2) характеризуя буржуазную философію вообще, тѣ же самые писатели сводятъ ея специфическія тенденціи къ идеямъ бога, свободы воли, безсмертія души, для каковыхъ идей въ философіи *Маха*, при его отрицаніи всякой „вещи въ себѣ“, *абсолютно нѣтъ* и не можетъ быть мѣста;

3) въ противовѣсъ философіи естествознанія XX вѣка, которой учитъ Э. Махъ, означенные его противники выдвигаютъ философію естествознанія XVIII вѣка, въ формулировкахъ барона *Гольбаха*, чистѣйшаго идеолога буржуазіи, весьма далекаго и отъ умѣренно-соціалистическихъ симпатій *Э. Маха*“.

Слава Богу! „Означенный“ Махъ освобождается отъ слѣдствія по дѣлу о „тенденціяхъ къ идеямъ бога и безсмертія души“, „каковыхъ идей“ у него не оказалось; зато открытъ слѣдъ другого преступника, Гольбаха, благонадежности котораго такъ неосторожно довѣрился тов. Плехановъ. Хотя у означеннаго Гольбаха „таковыхъ идей о богѣ“, какъ извѣстно, тоже не было, но онъ все же оказался „чистѣйшимъ идеологомъ буржуазіи“, потому что въ XVIII вѣкѣ, когда соціализма не существовало, не обнаружилъ даже „умѣренно-соціалистическихъ симпатій“.

Какіе родные, знакомые звуки! Помните ли вы „замѣчанія“ Бенкендорфа на сочиненія Пушкина? „Въ *Цыганахъ*, хотя говорится о свободѣ и вольности, или, лучше сказать, хотя въ сей пьесѣ упоминаются сіи слова, но это не стремленіе къ воспламененію умовъ, не политическая свобода и вольность (такъ называемая), но вольность цыганской бездомной жизни“. „Духъ *цѣлаго сочиненія* (Бориса Годунова)— монархическій; ибо нигдѣ не введены мечты о свободѣ, какъ въ другихъ сочиненіяхъ сего автора, и только одно мѣсто предосудительно въ политическомъ отношеніи: народъ привязывается къ самозванцу именно потому, что почитаетъ его отраслью древняго царскаго рода. Нѣкоторые бояре увлекаются честолюбіемъ,—но такъ говоритъ исторія“.

Бенкендорфы у насъ не переводятся, и они попрежнему склонны къ занятію литературой и философіей... Въ предисловіи къ русскому изданію „Анализа ощущеній“ Махъ, между прочимъ, благодаритъ г. Богданова за содѣйствіе. Какое счастье для него, что онъ не читаетъ по-русски.

С. Франкъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 октября по 1 ноября 1907 г.

Бальмонтъ, К. Три расцвѣта, Драма. Спб., 1907 г. Ц. 60 к.

Вербицкая, А. Духъ времени. Романъ. М., 1907 года. Ц. 1 р.

Бердяевъ, Н. Новое религіозное сознаніе и общественность. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Березинъ, Н. Ледяной плѣнъ. Спб., 1907 г. Ц. 25 к.

Брокгаузъ, Ф. и Ефронъ, И. Энциклопедическій словарь. II. Пруссія—Ѳома. Спб., 1907 г.

Бѣлявскій, Ф. О реформѣ духовной школы. Ч. I и ч. II. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ведекиндъ, Ф. Пьесы. Изд. „Шиповникъ“. Спб., 1908 г. Ц. 1 р. 20 к.

Вермишевъ, И. Созидательный соціализмъ. Спб., 1907 г. Ц. 30 к.

Вишневскій, С. Какъ намъ жить, чтобъ здоровыми быть. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Въ катковскомъ лицеѣ. Записки стараго пансіонера. В. I. М., 1907 г. Ц. 65 к.

Гагенъ, В. Право бѣднаго на призрѣніе. Т. I. Спб., 1907 г. Ц. 3 р.

Гарнакъ, А. Сущность христіанства. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Гартвигъ, А. Школьная реформа снизу. М., 1907 г. Ц. 50 к.

Головановъ, В. Земельный вопросъ во второй Государственной Думѣ. Спб., 1907 г. Ц. 20 к.

Горемыкинъ, М. Аграрный вопросъ. Спб., 1907 г.

Гуго фонъ Гофманстальъ. Электра. Спб., 1907 г. Ц. 30 к.

Güntzberg Benedikt. Die Gesellschafts-und-Staatslehre der Physiokraten. Leipzig, 1907. 4 m.

Данилевскій, М. Разсвѣтъ. Историческій романъ. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.

Денисюкъ, Н. Алексѣй Конст. Толстой. Ц. 30 к.—Критическая литература о произвед. гр. А. К. Толстого. В. I и в. II. М., 1907 г. Ц. по 1 р.

Декабристы—матеріалы для характеристики. Подъ ред. пр.-доц. П. М. Головачева. М., 1907 г. Ц. 1 р.

Діонео. На темы о свободѣ. Сборн. статей. Ч. I и II. Спб., 1908 года. Ц. по 1 р. 25 к.

Дриль, Д. Этюды по педагогической психологіи. В. I. Роль чувства въ жизни души. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.

Жбанковъ, Д. Библіографич. указатель по обществен. медиц. литературѣ за 1890—1905 гг. М., 1907 г. Ц. 2 р. 25 к.

Задѣръ, Г. Право фельдшеровъ и фельдшерицъ на высшее медицинское образованіе. Спб., 1907 г.

Зарницы. Сборникъ. В. I. Спб., 1907 г. Ц. 30 к.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Т. I и т. II. Спб., 1908 года. Ц. по 3 р.

Ивановъ-Разумникъ. Что такое „махаевщина“? Спб., 1908 г. Ц. 50 к.

Ивановъ, Н. Краткія свѣдѣнія по женскимъ болѣзнямъ. М., 1907 г. Ц. 2 р.

Іеизенъ, В. Тѣни прошлаго. Спб., 1907 г. Ц. 50 к.

Карцовъ, Н. Записки по педагогической психологіи. Спб., 1907 г. Ц. 70 к.

Корчемный, В. Разсказы. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Кропоткинъ, П. Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Кульчицкій, Л. Исторія русскаго революціоннаго движенія. Спб., 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Любичъ-Кошуровъ, І. Сѣрый герой. М., 1908 г. Ц. 20 к.

Маклаковъ, В., и Пергаментъ, О. Наказъ Государствен. Думы. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Мацубара Ивагоро. На днѣ Токіо. Спб., 1907 г. Ц. 50 к.

Мережковскій, Г. Вѣчные спутники. Спб., 1907 г. Ц. 30 к.

Мижуевъ, П. Народные университеты въ Лондонѣ. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.

Муйжель, В. Разсказы. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.

М. Е. Сибирь и Дальній Востокъ. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.

Наживинъ, И. Въ долинѣ скорби. Сборникъ. М., 1907 г. Ц. 1 р.

Найденовъ, С. Пьесы. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Новоплянскій, І. Дарвинизмъ или вѣчное упражненіе? Вильна, 1907 г. Ц. 35 к.

Рамакришна, Т. Падмини. Спб., 1907 г. Ц. 40 к.

Рашевскій, К. Основанія аналитической геометріи. М., 1908 г. Ц. 50 к.

Русановъ, Н. Соціализмъ Запада и Россіи. Спб., 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 123 и 124. Спб., 1907 г. Ц. 3 р.

Сергѣевъ-Ценскій, С. Разсказы. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.

Скворцовъ, И. Русская исторія для старшаго класса. Спб., 1907 года. Ц. 1 р. 50 к.

Слобожанинъ, М. На культурной работѣ. Спб., 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Солнцевъ, С. Рабочіе бюджеты въ связи съ теоріей „обѣдненія". Смоленскъ, 1907 г. Ц. 75 к.

Современныя конституціи. Сбор. дѣйствующихъ конституц. актовъ. Т. II. Федерацiи и Республики. Пер. пр.-доц. В. М. Гессена и доц. бар. Б. Э. Нольде. Спб., 1907 г. Ц. 3 р.

Сѣверные сборники. Изд. „Шиповникъ". Спб., 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тормазовъ, С. Загадка куренія. Спб., 1907 г. Ц. 30 к.

Туганъ-Барановскій, М. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Спб., 1907 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма. Спб., 1907 г. Ц. 1 р.

Тумановъ, Г. Характеристики и воспоминанія. Тифлисъ, 1908 г. Ц. 50 к.

Флоберъ, Густавъ. Искушеніе св. Антонія. Спб., 1907 г. Ц. 30 к.

Фортунатовъ, А. О статистикѣ. М., 1907 г. Ц. 30 к.

Франсъ, Ан. Преступленіе Сильвестра Боннара. М., 1907 г. Ц. 1 р.

Чернышевъ, В. Педагогическіе взгляды А. Н. Радищева. Спб., 1907 года. Ц. 10 к.

Чертковъ, В. Наша революція. М., 1907 г. Ц. 20 к.

Юшкевичъ, С. Король. Спб., 1908 г. Ц. 60 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Библіографическаго отдѣла.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика; *К. Д. Бальмонтъ.* Жаръ-птица. Свирѣль славянина.—*Александръ Рославлевъ.* Въ башнѣ. Стихи. Книга первая 215

Исторія, исторія литературы: *Г. Іекъ.* Интернаціоналъ.—Библіотека великихъ писателей подъ редакц. С. А. Венгерова. Пушкинъ. Вып. II и III. 217

Естествознаніе. *Николай Морозовъ.* Откровеніе въ грозѣ и бурѣ . . 221

Соціологія, правовѣдѣніе, политическая экономія: Современныя конституціи. Т. II. Перев. подъ редакціей и со вступительными очерками В. М. Гессена и Б. Э. Нольде.—*С. А. Хольцовъ.* Современная Америка. 224

Публицистика: *Я. М. Бѣлый.* Изъ недавней старины. Воспоминанія земскаго врача 70-хъ годовъ.—*Т. В. Петровъ.* Основы общественной жизни по ученію Евангелія 226

Философія: *Э. Махъ.* Анализъ ощущеній и отношеніе физическаго къ психическому. Перев. Г. Котляра. 228

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 октября по 1 ноября 1907 г.

Фабрика существуетъ съ 1833 г.

Москва 1843. С.-Петер. 1870. Н.-Новгор. 1896.

МАГАЗИНЪ

ЖИРАРДОВСКИХЪ МАНУФАКТУРЪ

МОСКВА. Гилле и Дитриха СОФІЙКА.

Основной капиталъ общества 8.000.000 р.

ПОЛУЧЕНЫ ПОСЛѢДНІЯ

НОВОСТИ

гардинъ, шторъ, гардиннаго тюля, плюшевыхъ скатертей, шерстяныхъ одѣялъ, пледовъ, платковъ и couvre-pieds (экипажныхъ пледовъ) заграничныхъ и здѣшнихъ фабрикъ.

Прейсъ-курантъ высылается безплатно.

Поступилъ въ продажу

вновь изданный главнымъ управленіемъ почтъ и телеграфовъ

СПИСОКЪ ПОЧТОВО-ТЕЛЕГР. УЧРЕЖДЕНІЙ,

волостныхъ правленій и желѣзнодорожныхъ станцій, производящихъ почтовыя операціи.

Въ спискѣ всѣ учрежденія, правленія и станціи сгруппированы по губерніямъ и областямъ и въ общемъ алфавитномъ порядкѣ, съ указаніемъ мѣстъ ихъ расположенія и другихъ свѣдѣній, касающихся направленія и обмѣна почтъ. Къ списку изготовлены 90 отдѣльныхъ почтово-телеграфныхъ картъ губерній и областей, въ 5 красокъ, на которыя нанесены всѣ помѣщенныя въ спискѣ учрежденія, волостныя правленія и станціи, а также телеграфныя линіи, желѣзныя и почтовыя дороги и тѣ проселочныя, по которымъ происходитъ движеніе почтъ.

Списокъ продается въ Экзекуторской Части Главнаго Управленія (Почтамская, 7) по 6 руб. за экземпл., а иногородніе покупатели высылаютъ, при требованіяхъ, сверхъ означенныхъ 6 руб. еще 75 коп. за пересылку. Ежемѣсячныя измѣнія и дополненія къ списку продаются по 20 коп. за экземпл. Карты можно пріобрѣтать только въ хромо-литографіи Петша, Царопетергофскій пр., д. 8, по 7 р. 75 к. за комплектъ изъ 90 картъ.

МАГАЗИНЪ

КАНЦЕЛЯРСКИХЪ И ПИСЧЕБУМАЖНЫХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

МОСКВА, Никольская, д. Чижовыхъ.

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ на исполненіе типографскихъ работъ, конторскихъ книгъ, доставку всевозможныхъ канцелярскихъ принадлежностей въ учебныя и общественныя учрежденія.

Обширный выборъ НОВОСТЕЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1908 годъ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ БОЛЬШУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ

Голосъ Пріуралья

(II-й годъ изданія).

„Голосъ Пріуралья" выходитъ въ г. Челябинскѣ, по программѣ и въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Направленіе газеты—строго демократическое и прогрессивное.

„Голосъ Пріуралья" обслуживаетъ нужды Пріуралья, Урала, Степного края, Тургайской области и Западной Сибири. Обширная сѣть опытныхъ корреспондентовъ. Широкая освѣдомленность. Собственные корреспонденты въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ.

Въ „**Голосѣ Пріуралья**" участвуютъ видные столичные журналисты и лучшія литературныя силы мѣстнаго края.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ **6** р., на ½ года **3** р., на 3 мѣс. **2** р., на 1 мѣс. **75** к.

Подписываться можно на всѣ сроки, но обязательно съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Годовые и сезонные объявленія принимаются по соглашенію съ конторой.

Издатель **А. Бреслинъ.** Редакторъ **В. Весновскій.**

25 книжекъ до 8,000 стран. текста. **Иллюстраціи.**

Открыта подписка

на 1907—8 гг.

на двухнедѣльный литературно-научный и политическій журналъ

Безъ пересылки **6** рублей въ годъ. **Разсрочка.**

БЫЛОЕ-ГРЯДУЩЕЕ.

№ 1-й выйдетъ 10-го ноября 1907 г.

Къ участію въ журналѣ приглашены: А. Амфитеатровъ, Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ, Ю. Балтрушайтисъ, К. Бальмонтъ, В. Брусяниновъ, Н. Будищевъ, И. Буниновъ, О. Дымовъ, В. Ермиловъ, Б. Зайцевъ, Л. Ждановъ, А. Измайловъ, Ан. Каменскій, С. Кругликовъ, В. Лихачевъ, А. Свирскій, В. Свѣтловъ, Ф. Сологубъ, В. Тихоновъ (Мордовинъ), Н. Фалѣевъ, А. Ѳедоровъ, С. Ценскій, Д. Цензоръ, О. Чумина, и мн. др.

Подробный списокъ сотрудниковъ будетъ помѣщенъ въ первой книжкѣ.

Въ каждой книжкѣ: Стихи.—Беллетристика.—Политическое обозрѣніе.—Хроника столичной и провинціальной жизни.—Бытовые отголоски.—Жизнь окраинъ: Польша, Сибирь и Кавказъ.—Сельскій бытъ, сельское священство, старообрядческій вопр.—Текущая литература, критика и библіографія.

Жизнь—сцена обширный театральный отдѣлъ *еженедѣльно.*

Отдѣлъ домоводства, руководство къ изученію ремеслъ; рецепты и пр.—Юмористика, иллюстраціи и портреты видныхъ дѣятелей русскихъ и иностранныхъ.

„ЮНОСТЬ"—отдѣлъ для дѣтскаго чтенія.—Всѣ подписчики имѣютъ право на одну изъ стипендій для своихъ дѣтей школьнаго возраста, выдаваемую по жребію редакціей ежегодно, начиная съ 1 января 1908 г. Подробности въ первой книжкѣ.

Цѣлый рядъ приложеній, до 60 сочиненій лучшихъ авторовъ для саморазвитія и домашняго образованія по всѣмъ отраслямъ знанія.

Медицина.—Исторія.—Соціально-политическая энциклопедія.—Освободительное движеніе въ Россіи и на Западѣ.—Женское равноправіе.—Философія религіи.—Спиритизмъ и оккультивныя науки.

Жизнь—сцена. Обширный театральный отдѣлъ еженедѣльно. Хроника, рецензіи, снимки съ новыхъ постановокъ, портреты артистокъ и артистовъ. Адреса, описаніе театровъ, корреспонденціи. Въ теченіе подписного года будетъ дано 8—10 пьесъ, удобныхъ для домашнихъ и любительскихъ спектаклей.—Списки разрѣшенныхъ пьесъ, всякія свѣдѣнія по театру. (Этотъ отдѣлъ можетъ быть переплетенъ самостоятельно.)

КАРРИКАТУРЫ НА ОБЩЕСТВЕННЫЯ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ТЕМЫ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ главной конторѣ журнала **„Былое Грядущее"**. Москва, Кудринская пл., д. Курносовыхъ, и въ отдѣленіи: Петровскія Лин. магаз. „Знаніе". Редакція: Подвѣски, Н. Воротниковскій пер., д. Эбанъ. Разсрочка; при подпискѣ **2** р., въ январѣ—**2** р. и въ мартѣ—**2** р.

Петербургское отдѣленіе: Невскій, 60, магазинъ „Трудъ". Отдѣленія въ Москвѣ: 1) Тверская, магазинъ „Трудъ". 2) Тверской бульваръ „Сотрудникъ Провинціи".

Лица, внесшія полную годовую плату до 1-го ноября, получатъ въ видѣ безплатной преміи роскошное, новое изданіе: **Ад. Олеарій**—„Путешествіе въ Московію и на Востокъ". Воспроизведеніе цѣннаго 4-го гамбургскаго изданія 1696 г., ставшаго библіографич. рѣдкостью. До 90 рисунковъ въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Въ продажѣ книга будетъ стоить 4 р. 50 к. За пересылку этого тяжелаго тома взимается 40 к. при подпискѣ. Агентамъ и магазинамъ 5% скидки съ подписной цѣны журнала.

Лица, подписывающіяся сразу на 15 экз.—получаютъ 16 экз. безплатно.

Цѣна книжки въ отдѣльной продажѣ—25 коп. Подписка на мѣсяцъ—50 коп. При подпискѣ вносится почтовый расходъ за доставку въ Москвѣ 80 к. За пересылку въ Россіи и Сибири—95 к., за границу—2 р. 50 к.

Редакторъ-издатель **Левъ Ждановъ.**

Открыта подписка на 1908 годъ

НА ЖУРНАЛЫ:

1) ЮНАЯ РОССІЯ

(ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.)

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.

Сороковой годъ изданія.

Въ годъ **4** р. **50** к. безъ пересылки, **5** р. съ пересылкой.

Особымъ отдѣломъ ученаго комитета мин. народн. просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотека.

Въ 1908 году журналъ **«Юная Россія»** (**«Дѣтское Чтеніе»**) дастъ всѣмъ подписчикамъ:

12 КНИЖЕКЪ ЖУРНАЛА.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) **Л. Н. Толстой.**—Избранные разсказы для школы и семьи. 2) **Бретъ-Гартъ.**—Избранные разсказы для школы и семьи. 3) **Оскаръ Уальдъ.**—Сказки. 4) Проф. **А. Л. Погодинъ.**—Очеркъ исторіи Польши. Со многими рисунками.

„Юная Россія“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“ (8 кн.). Безъ доставки, на годъ 5 р. Съ доставкой и перес., на годъ 6 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

Оставшіеся комплекты журнала „Дѣтское Чтеніе“ за прежніе годы съ 1897—1907 гг. по 4 р. безъ пересылки.

2) ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Журналъ для воспитателей и народныхъ учителей.

Сороковой годъ изданія.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія разрѣшенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 листовъ.

Адресъ редакціи: *Москва, Большая Молчановка, д. № 24.*

Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Книгопродавцамъ уступка 5%.

Плата за объявленія въ журналахъ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“: за страницу—**40** руб., за $^1/_2$ страницы—**20** руб.

При журналѣ **„Юная Россія“** и **„Педагогическій Листокъ“** организованъ книжный складъ Д. И. Тихомирова: 1) Библіотека для семьи и школы. 2) Учительская библіотека. 3) Учебники Д. И. Тихомирова.

Каталогъ высылается безплатно по первому требованію.

Издательница Е. Н. Тихомирова. **Редакторъ Д. И. Тихомировъ.**

☞ **При каждомъ № „НИВЫ“**, независимо отъ другихъ приложеній, **подписчики получатъ по одной книгѣ.** Новые подписчики, выписывающіе также (за 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.) **10 книгъ** соч. гр. А. К. Толстого **за 1907 г.**, получатъ ихъ при одномъ изъ первыхъ №№ „Нивы“ 1908 г. ☜

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1908 годъ

(39-й годъ изданія)

на еженедѣльн. иллюстриров.

ЖУРНАЛЪ

со многими приложеніями

НИВА

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1908 года:

52 №№ художеств.-литературнаго журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ романы, повѣсти и разсказы; гравюры, рисунки и иллюстраціи современ. событій.

40 **КНИГЪ** „Сборника Нивы“, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ, на хорошо глазированной бумагѣ и содержащихъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ

28 КНИГАХЪ **Глѣба Ив. УСПЕНСКАГО**

Съ обширной критико-біографической статьею Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Глѣбъ Успенскій—писатель-гражданинъ въ высшемъ смыслѣ этого великаго и близкаго намъ отнынѣ слова. Въ сочиненіяхъ его читатель встрѣтитъ всѣхъ представителей общественныхъ слоевъ дореформенной и пореформенной Россіи. Глѣбъ Успенскій, по мѣткому выраженію критики, протягиваетъ правую руку гр. Льву Толстому, а лѣвую Салтыкову-Щедрину, соединяя своимъ писательскимъ геніемъ этихъ двухъ корифеевъ нашей литературы. Общепризнанный всей русской критикой, истинный художникъ слова, Глѣбъ Успенскій, какъ тонкій психологъ, увлекательный и поучительный повѣствователь, по живости, мѣткости и типичности языка не имѣетъ себѣ равнаго.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ въ

10 КНИГАХЪ **Герхарта ГАУПТМАНА**

Въ образцов. переводѣ извѣстн. писателей, съ критико-біографич. очеркомъ.

Гауптманъ, стоящій во главѣ всей современной драматической литературы, какъ писатель, представляетъ собою рѣдчайшее соединеніе философа съ поэтомъ, безпощаднаго реалиста съ тонкимъ лирикомъ. Произведенія Гауптмана обошли весь міръ и ставились на всѣхъ выдающихся сценахъ Западной Европы и у насъ, въ Россіи. Пьесы Гауптмана глубоко интересны не только на сценѣ, но и въ чтеніи: онѣ читаются, какъ романы, полныя драматическаго дѣйствія и движенія, всегда захватывающія искусно задуманной и выполненной фабулой.

Дневникъ и письма въ

2 КНИГАХЪ **гр. Алексѣя ТОЛСТОГО**

Касаясь самыхъ основныхъ вопросовъ жизни, литературы и искусства, „Дневникъ“ и „Письма“ гр. А. К. Толстого явятся идейнымъ дополненіемъ къ его сочиненіямъ въ видѣ IV тома (11-й и 12-й книгъ) „Полнаго Собранія Сочиненій“.

12 КНИГЪ **„Ежемѣсячныхъ литературныхъ и популярно-научныхъ Приложеній“**, содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ съ иллюстраціями и отдѣлы библіографіи, смѣси, шахматовъ и шашекъ, задачъ и разныхъ игръ.

12 №№ „Парижскихъ модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтовъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300) для рукодѣльныхъ, вышивальныхъ работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину.

1 „ОТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1908 годъ, отпечатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми приложеніями на годъ:

въ С.-Петербургѣ: безъ доставки—**6 р. 50 к.** съ доставкой—**7 р. 50 к.**
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской—7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“—7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи . . . . 8 р.
За границу—12 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА въ 2, 3 и 4 СРОКА.

☞ Новые подписчики, желающіе получить, кромѣ „Нивы“ 1908 г. со всѣми ея приложеніями, еще **10 книгъ** соч. гр. А. К. **ТОЛСТОГО за 1907 г.**, доплачиваютъ **единовременно** при подпискѣ: безъ доставки въ СПБ. — 2 руб.; съ дост. въ СПБ. и съ пересылкой иногороднымъ и за границу—2 р. 50 к. ☜

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Серія періодическихъ сборниковъ, издаваемая при Коммисіи по организаціи домашняго чтенія, подъ редакціей пр.-доц. **Н. Д. Виноградова** (философск. отд.), **М. О. Гершензона** (литературный отдѣлъ), пр.-доц. **П. П. Гензеля** (экономъ. отд.), **Б. А. Кистяковскаго** (юридическій отд.), пр.-доц. **Н. К. Кольцова** (естеств.-науч. отд.), проф. **Д. М. Петрушевскаго** (историч. отд.).

ЦѢЛЬ ИЗДАНІЯ:

поднять на уровень истинной научности дѣло оцѣнки текущей литературы.

Программа изданія: 1. *Систематическіе обзоры* научно-популярной литературы по разнымъ отраслямъ знанія, равно какъ и по беллетристикѣ. 2. *Критическіе отзывы* о вновь вышедшихъ книгахъ, брошюрахъ и журнальныхъ статьяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, а также и по беллетристикѣ. 3. Библіографическія свѣдѣнія. 4. Краткія ученыя и литературныя извѣстія. 5. Почтовый ящикъ. Въ приложеніи будутъ печататься программы, составленныя Коммиссіей по организаціи домашняго чтенія.

Сборники будутъ выходить ежемѣсячно, за искл. четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками отъ 4 до 6 печат. листовъ, цѣной отъ 25 до 50 к. за книжку. Въ вышедшихъ трехъ выпускахъ помѣщены 11 обзоровъ, 131 рецензія. Ц. 40 к. за выпускъ. Выпускъ IV выйдетъ 15 ноября.

До сихъ поръ заявили согласіе участвовать слѣдующія лица: М. П. Авсаркисовъ, Ю. И. Айхенвальдъ, проф. А. С. Алексѣевъ, С. А. Аскольдовъ, А. Д. Алферовъ, пр.-д. Е. В. Аничковъ, С. М. Барацъ, М. В. Бернацкій, Н. А. Бердяевъ, С. Н. Блажко, прив.-доц. М. П. Бобинъ, пр.-д. М. И. Боголѣповъ, прив.-доц. М. М. Богословскій, А. А. Борзовъ, прив.-доцен. А. А. Боровой, В. Н. Бочкаревъ, Н. И. Бронштейнъ, В. Я. Брюсовъ, О. Е. Бужанскій, проф. В. П. Бузескулъ, проф. С. Н. Булгаковъ, М. И. Бѣлоруссовъ, Андрей Бѣлый, А. М. Васютинскій, З. А. Венгерова, С. А. Венгеровъ, почт. акад. А. Н. Веселовскій, Ю. А. Веселовскій, С. Б. Веселовскій, прив.-доц. Д. В. Викторовъ, А. С. Волжскій, А. Л. Волынскій, прив.-доц. А. Э. Вормсъ, бар. Н. Н. Врангель, Б. П. Вышеславцевъ, прив.-доц. П. П. Гензель, прив.-доц. М. Н. Гернетъ, доц. В. М. Гессенъ, проф. П. В. Гидулянов, Н. Б. Гольденвейзеръ, Б. М. Гольдштейнъ, Ѳ. М. Гольдштейнъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Г. Горнфельдъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, проф. В. Э. Грабарь, И. Э. Грабарь, проф. И. М. Гревсъ, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, прив.-доц. А. Д. Гуляевъ, проф. В. Э. Денъ, В. К. Дмитріевъ, А. М. Доматовскій, Н. А. Дубровскій, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, доц. В. Б. Ельяшевичъ, прив.-доц. Е. Н. Ефимовъ, прив.-доц. С. И. Живаго, С. О. Загорскій, прив.-д. М. Д. Загряцковъ, Г. Я. Закъ, А. В. Заремба, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, прив.-доцен. А. А. Ивановскій, Вяч. И. Ивановъ, проф. Л. А. Ивановъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, проф. И. И. Иванюковъ, прив.-доцен. Н. А. Иванцовъ, прив.-доцен. В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, А. І. Калишевскій, В. Я. Канель, проф. Н. И. Карѣевъ, прив.-доц. А. А. Кауфманъ, Д. Н. Кашкировъ, В. А. Келтуяла, прив.-доц. А. А. Кизеветтеръ, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, М. Н. Ковалевскій, П. С. Коганъ, А. П. Коптяевъ, проф. В. А. Косинскій, А. Н. Котельниковъ, прив.-доц. С. А. Котляревскій, Л. П. Кравецъ, Т. П. Кравецъ, прив.-доцен. В. А. Краснокутскій, прив.-доц. С. Г. Крапивинъ, М. А. Кречмаръ, А. А. Круберъ, Е. Д. Кускова, М. К. Лемке, Н. О. Лернеръ, прив.-доцен. Н. О. Лосскій, проф. И. В. Лучицкій, О. И. Рудченко-Лѣтникъ, Е. А. Ляцкій, проф. А. А. Мануиловъ, Л. С. Мееровичъ, Н. Мировичъ, Б. Л. Модзалевскій, С. П. Моравскій, прив.-доц. М. И. Назаревскій, прив.-доц. В. М. Нечаевъ, проф. П. И Новгородцевъ, К. М. Оберучевъ, проф. И. Х. Озеровъ, проф. Р. М. Орженцкій, проф. Н. І. Паліенко, проф. В. К. Пискорскій, В. И. Пачета, прив.-доц. С. В. Позняшевъ, прив.-д. Н. Н. Полянскій, проф. І. А. Покровскій, проф. М. М. Покровскій, С. Н. Прокоповичъ, В. С. Протопоповъ, проф. Э. Л. Радловъ, проф. А. А. Раевскій, проф. М. И. Ростовцевъ, В. Г. Рудневъ, А. М. Рыкачевъ, проф. С. Г. Сабининъ, прив.-доц. В. А. Савальскій, прив.-доц. А. Н. Савинъ, В. Ѳ. Саводникъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. Я. В. Самойловъ, Н. В. Самсоновъ, Н. А. Свавицкій, Н. Ц. Павловъ-Сильванскій, А. П. Семененко, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, А. С. Скляръ, проф. М. Н. Соболевъ, проф. П. П. Соколовъ, прив.-доц. Е. В. Спекторскій, проф. А. В. Сперанскій, Н. В. Сперанскій, В. Н. Сторожевъ, П. Б. Струве, прив.-доц. П. П. Сушкинъ, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, М. А. Таганскій, проф. Ѳ. В. Тарановскій, прив.-доц. Е. В. Тарле, прив.-доц. Л. Я. Тауберъ, прив.-доц. В. Н. Твердохлѣбовъ, проф. П. В. Тихомировъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, прив.-доц. В. М. Устиновъ, пр.-доц. М. А. Фатѣевъ, прив.-доц. А. Ѳ. Фле-ровъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, С. Ѳ. Фортунатовъ, А. Л. Форштетеръ, С. Л. Франкъ, проф. В. М. Хвостовъ, прив.-доц. М. М. Хвостовъ, проф. Г. И. Челпановъ, К. И. Чуковскій, проф. А. И. Чупровъ, проф.

А. А. Чупровъ, проф. М. П. Чубинскій, проф. Л. В. Шалландъ, прив.-доц. Н. Н. Шапошниковъ, прив.-доц. М. Н. Шатерниковъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, прив.-доц. В. Н. Ширяевъ, Г. Н. Шмелевъ, Г. Г. Шпетъ, Ю. Д. Энгель, П. Д. Эттингеръ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. Н. Янжулъ, прив.-доц. А. И. Яковлевъ, Л. Н. Яснопольскій, прив.-доц. А. С. Ященко.

Складъ изданія при редакціи; для Петербурга—въ кн. складѣ „Прометей", Пушкинская, 15.

Объявленія (послѣ текста) о книгахъ, газетахъ и журналахъ принимаются по цѣнѣ въ 10 р. за страницу.

Адресъ редакціи: Москва, Б. Никитская, д. Семенковича, кв. 16.

Редакторъ-издательница Е. Н. Орлова.

XV-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕДОСТУПНУЮ ГАЗЕТУ

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

издаваемую въ г. Томскѣ.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

„Сибирская Жизнь" отстаиваетъ и защищаетъ начала конституціоннаго государства, полную гражданскую и политическую свободу, народное представительство на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, широкое самоуправленіе земствъ и городовъ. Въ экономической области газета защищаетъ интересы трудящихся классовъ народа—крестьянъ, рабочихъ и вообще всѣхъ, живущихъ личнымъ трудомъ, и съ этой точки зрѣнія даетъ разрѣшеніе вопросамъ земельнаго устройства, рабочаго законодательства, обложенія налогами и проч.

Съ особой тщательностью редакція будетъ знакомить читателей съ нуждами и интересами Сибири, сообщая факты ея повседневной жизни и давая имъ посильное освѣщеніе.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. В. Адріановъ, Д. В. Алексѣевъ, В. И. Анучинъ, Г. Б. Бантовъ, М. Р. Бейлинъ, Ив. Бійскій, прив.-доц. П. В. Бутягинъ, Г. А. Вяткинъ, Ю. О. Горбатовскій, В. Ю. Григорьевъ, Е. Г. (псевд. Южанинъ), В. Женинъ, А. Д. Журавлева, проф. Е. Л. Зубашевъ, А. Б. Клюге, М. О. Курскій, Д. Е. Лаппо, Н. П. Лаптевъ, А. И. Макушинъ, проф. І. А. Малиновскій, Митричъ (псевдонимъ), проф. І. В. Михайловскій, прив.-доц. Н. Я. Новомбергскій, проф. В. А. Обручевъ, Николай Степнякъ (псевдонимъ), Г. Н. Потанинъ, проф. Н. Н. Розинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, М. М. Сіяновъ, Н. Л. Скаловубовъ, проф. М. Н. Соболевъ, проф. В. А. Уланицкій, А. Н. Ушаковъ, Ф. Ф. Филимоновъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ	На 9 мѣс.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкой въ Томскѣ или пересылк. въ гор. Россіи.	6 р.	4 р. 75 к.	3 р. 50 „	1 р. 80 к.	— р. 60 к.
За границу . . .	10 „	8 „ — „	6 „ — „	3 „ 50 „	1 „ 20 „

Разсрочка годовой платы не допускается.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ газеты (уголъ Дворянской улицы и Ямского пер., собств. д.) и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина въ Томскѣ.

Иногородніе адресуютъ свои требованія въ г. *Томскъ, въ контору газеты „Сибирская Жизнь"*.

Редакторы издатели: І. Малиновскій и М. Соболевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

на ежедневную газету

ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ТОРГОВЛИ

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города: на годъ 7 руб., за границу 14 руб.

На 11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 руб., 9 мѣс.—5 руб. 50 коп., 8 мѣс.—5 руб., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к., ½ мѣс.—50 к.

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою не менѣе какъ 1 р. въ мѣсяцъ, до выплаты всей суммы; обязательно при первомъ же взносѣ дѣлать надписи въ письмѣ—„въ разсрочку", иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по который внесены деньги.

Подписка въ разсрочку принимается только на годъ или полгода.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются безплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 16 числа каждаго мѣсяца.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 33 буквы, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 коп. и въ слѣдующіе разы 5 коп. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя 20 разъ, дѣлается уступка—10%, 30 разъ—15%, 40 разъ—20%, 50 разъ—25%, 60 разъ—30%, отъ 70—100 разъ—40%, не менѣе 100—150 разъ уступка 50%. За адресы, въ 5 строкъ, на 1-й стран. газеты—20 р. въ годъ 150 разъ, 12 р.—за 75 разъ, 8 р.—за 38 разъ и 4 р.—за 15 разъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1,000 экз. или по 50 к. за 100 экз.

За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщить прежній адресъ. Копейки могутъ быть высылаемы марками.

Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа газеты производятся:

Въ Орлѣ: въ конторѣ *Орловскаго Вѣстника*, Зиновьевская ул., д. № 2, и въ отдѣленіи ея—Московская улица, аптекарскій магазинъ Коссовскаго.

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

Въ **Ельцѣ**—въ книжномъ магазинѣ З. П. Залкинда. Въ **Брянскѣ**—Авиловская улица, домъ Сурнина, А. К. Ѳодоровъ. Въ **Болховѣ**—Карачевская ул., Ѳ. А. Костинъ.

ТОЛЬКО РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА ГАЗЕТЫ:

Въ **Ельцѣ** — Торговая улица, книжный магазинъ Залкинда и магазинъ Пузевскаго. Въ **Карачевѣ**—въ магазинѣ К. А. Хализевой и Ясковскаго. Въ **Брянскѣ**—въ библіот. г. Ѳедорова. Въ **Трубчевскѣ** — магаз. И. И. Гамова—Сафьянова. Въ **Ливнахъ** — въ библіотекѣ г. Крафтъ. Въ **Липецкѣ**—книжн. магазинъ А. И. Полянскаго. Въ **Мценскѣ**—магаз. Половнева и въ книж .маг. Иванова. Въ **Дмитровскѣ**—гал. маг. Антокольскаго.

Издатель А. И. Аристовъ. Отв. редакторъ М. Я. Андреевъ.

Годъ изданія XXV.

ВЪ ГОРОДѢ КАРСѢ, КАРССКОЙ ОБЛАСТИ,

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

КАРСЪ

на 1908 годъ.

Условія подписки: Съ доставкою и пересылкою 3 рубля въ годъ.

Подписка принимается въ редакціи газеты „Карсъ", въ гор. Карсѣ, куда адресуютъ свои требованія и иногородніе.

Газета „Карсъ" имѣетъ ближайшею цѣлью всестороннее изученіе Карской области и распространеніе въ обществѣ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній какъ о нынѣшнемъ ея состояніи, такъ и о мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ ея благоустройству.

1908 г. 20-й годъ изданія 1908 г.

Широко распространенная въ Астрахани и въ Астраханскомъ и Прикаспійскомъ краѣ большая ежедневная политико-общественная, литературная и торгово-промышленная газета, безпартійная, прогрессивнаго направленія.

АСТРАХАНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

издается по программѣ и въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна: на полученіе „Астраханскаго Вѣстника" въ 1908 г. Для иногородныхъ: на годъ—7 р. 50 к., на 6 м.—4 р. 50 к., на 3 м.—3 р. и на 1 м.—1 р. Въ розничной продажѣ отдѣльн. №№ по 5 к. Допускается разсрочка на самыхъ льготн. условіяхъ.

Въ программу газеты входятъ: всѣ отдѣлы, необходимые въ большой прогрессивной, безпартійной газетѣ, имѣющей постоянный кругъ читателей.

Между другими отдѣлами: Мѣстная хроника содержитъ всѣ новости городской и обществ. жизни, всѣ выдающіеся факты и явленія. Въ торгово-промышл. отдѣлѣ даются ежедневно свѣдѣнія о ходѣ рыбнаго дѣла (уловы, цѣны, сдѣлки, привозъ и пр.). Точно такъ же всѣ торгово-промышл. свѣдѣнія о персидскомъ рынкѣ, о лѣсномъ, хлѣбномъ, фруктовомъ и проч.

„Астрах. Вѣстникъ" печатается и расходится въ очень большомъ количествѣ экземпл. и стоитъ въ ряду первыхъ по распространенности провинціальн. газетъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи Астрахань, д. Рѣпина, Почтовая ул., противъ Городского Банка.

Иногородныя объявленія извнѣ Астраханской губ., за исключеніемъ губ.: Нижегородской, Казанск., Симбирск., Самарск., Саратовск. и Закасп. края и смежныхъ съ ними губ., а также банкирскихъ конторъ, желѣзн. дор. и книжныхъ, принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій Л. и Э. Метцль и К⁰ въ Москвѣ, Мясницкая, въ д. Сытина. Цѣна за объявленія: за строку петита на 4 стр.—10 к., на 1-й вдвое дороже.

Издательница А. А. Штылько. Редакторъ А. Н. Штылько.

СИБИРСКІЕ ОТГОЛОСКИ.

Литературно-общественная, политическая ежедневная газета.

(**Редакція: г. Томскъ, Воскресенская ул., № 5.**)

Вступивъ въ X годъ своего существованія, „Сибирскіе Отголоски“ будутъ выходить въ свѣтъ въ 1907 г. по слѣдующей программѣ: 1) Телеграммы. 2) Правительственныя распоряженія. 3) Корреспонденціи изъ разныхъ городовъ Сибири и Россіи, перепечатки изъ разныхъ газетъ и проч. 4) Внутреннее обозрѣніе. 5) Иностранное обозрѣніе. 6) Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и проч. 7) Театральная хроника. 8) Судебная хроника. 9) Всякаго рода свѣдѣнія, рисунки, эстампы, гравюры и т. д. 10) Объявленія.

Время отъ времени при газетѣ выходитъ Сатирически-Карикатурный Листокъ „Бубенцы“.

Редакція съ своей стороны приложитъ всѣ старанія, чтобы изданіе удовлетворяло своему назначенію и давало возможно подробную картину текущихъ событій какъ въ Сибири, такъ и вообще во всей Россіи и за границей, а также литературный матеріалъ для чтенія.

Цѣна въ годъ 3 р., а съ доставкой и пересылкой 4 р., на полгода—2 р. и 2 руб. 50 к. съ доставкой и пересылкой. За доставку за границу добавляется на годъ—4 р., на полгода—2 р.

Лица, желающія имѣть отзывы о своихъ сочиненіяхъ и изданіяхъ, благоволятъ присылать въ редакцію экземпляры ихъ.

Цѣна объявленій—для Сибири: въ началѣ текста 1 строка 15 к., послѣ текста—8 к.; для Европейской Россіи: 30 к. въ началѣ текста, позади текста—15 к.

Подписка и объявленія принимаются: въ редакціи „Сибирскихъ Отголосковъ“ въ гор. Томскѣ, Воскресенская ул., № 5 (телеф. № 1). Въ Москвѣ у И. К. Голубева—книжн. магаз. „Правовѣдѣніе“, Никольская. Объявленія также принимаются въ Москвѣ: въ Центральной конторѣ торговаго дома „Л. и Э. Метцль и К°“, Мясницкая, д. Сытова, и въ отдѣленіяхъ этого торговаго дома: въ Петербургѣ—Морская, № 11, а въ Варшавѣ—Краковское предмѣстье. За перемѣну адреса городского на иногородній и обратно и иногороднаго на другой иногородній вносится 40 коп. деньгами или почтовыми марками.

Редакторъ-издатель **В. А. Долгоруковъ.**

Подписка на ежедневную газету

41-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ДОНЪ

XLI ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

(ВЪ ВОРОНЕЖѢ).

НА 1908 ГОДЪ.

Со 2 февраля 1908 г. газета „Донъ“ начнетъ 41-й годъ своего изданія. Просуществовавъ такой долгій срокъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила больше трети столѣтія. Поэтому, открывая подписку на 1908 г., редакція ограничивается лишь указаніемъ этого факта безъ всякихъ обѣщаній, что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты, то будетъ сдѣлано.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой въ Воронежѣ на годъ — 6 руб., на полгода—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—75 к. Съ пересылкой въ другіе города на годъ—7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р.

Ред.-издатель **В. Веселовскій.**

XXXIX г. изд. **ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 годъ** XXXIX г. изд.

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы

4 р. 50 к. безъ пересылки. **5 руб.** съ пересылкой.

ЮНАЯ РОССІЯ

(„Дѣтское Чтеніе").

Особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Вышла ноябрьская книга журнала „Юная Россія" за 1907 г.

Содержаніе: I. Отъ редакціи. II. Осень. Рисунокъ на отдѣльной страницѣ. **Е. Е. Волкова.** III. Маруша и Надюша. Славянская сказка. **К. Бальмонта.** IV. Нечистая сила. Очерки. **Д. Н. Мамина-Сибиряка.** Съ рисункомъ худож. **В. Спасскаго.** V. Мнѣ грустно отчего-то. Стихотвореніе. **С. Дрожжина.** VI. Бѣлый клыкъ. Повѣсть. **Джека Лондона.** Переводъ съ англійскаго **Р. Рубиновой.** Продолженіе. VII. Отъ птицы къ птицѣ. Стихотвореніе. **К. Бальмонта.** VIII. Закатившаяся звѣздочка. Историческій романъ конца XVI вѣка. **А. Сазоновой.** Продолженіе. IX. Одни. (Изъ дѣтской жизни двухъ братьевъ.) **Е. Н. Опочинина.** Продолженіе. X. Въ новую жизнь. Повѣсть. Глава XX. Въ имѣніи. Глава XXI. Мечты... Мечты... Глава XXII. Выходъ на линію. Глава XXIII. Перемѣна. Глава XXIV. Въ громѣ и пламени. **И. Шмелева.** Съ рисункомъ художника **Н. А. Богатева.** Продолженіе. XI. Освободитель черныхъ рабовъ. (Повѣсть изъ жизни Линкольна.) Глава XXI. Раздоръ въ домѣ. **Ал. Алтаева.** Съ рисунками художника **Е. Е. Гарнана.** Продолженіе. XII. Сокровища Каруна. Сказаніе кавказскихъ евреевъ. **В. Гатцука.** XIII. Гарибальди въ Америкѣ. **М. Костеловской и Вен. Попова.** Продолженіе. XIV. Изъ пѣсенъ осени. Стихотвореніе. **Ив. Бѣлоусова.** XV. Боярыня Морозова. (Повѣсть изъ временъ раскола XVII вѣка). **Е. Булгининой.** Съ рисункомъ худож. **В. Сурикова.** XVI. Дѣдушка и внучка. **Е. Т.** XVII. Изъ жизни природы. **Е. Т.** XVIII. Объявленія.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Тридцать девятый годъ изданія. Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ. Мин. Нар. Просв. разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Вышла ноябрьская книга журнала „Педагогическій Листокъ" за 1907 г.

Содержаніе: I. Моя жизнь. Записки. **Н. Ѳ. Бунакова.** Продолженіе. II. Темпераменты и характеры. **К. Тюлеліева.** Окончаніе. III. Замѣтки о начальной народной школѣ во Франціи. **Л. Чеховой-Шейнисъ.** Окончаніе. IV. 200-лѣтіе русской гражданской азбуки (алфавита) и правописанія (1708—1908 гг.). **А. Павлова.** V. Нужно ли отдавать найденныя вещи? (Къ вопросу о нравственномъ развитіи дѣтей). **А. Нейфельда.** VI. Думы Христа надъ Іерусалимомъ. Стихотвореніе. **Ел. Булгининой.** VII. „Странный старикъ". **И. Смирнова.** VIII. Памяти Бертло. Перев. съ французск. **Н. Вас—вой.** IX. Наша школа. **Н. А. Сиворцова.** X. Среди журналовъ и газетъ. **В.** XI. Библіографія. **П. В. Тулуповъ** и **П. М. Шестаковъ.** „Новая школа", книга для обученія русскому языку въ школѣ и дома. Ч. I, II и III. **Д. Т.—В. Чернышовъ.** Забытые труды К. Д. Ушинскаго. **Д. Л. В.** XII. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію для отзыва. XIII. Сторонніе сообщенія.

Подписная цѣна:

„Юная Россія" (Дѣтское Чтеніе) безъ „Педагогическ. Листка": безъ доставки на годъ—4 р. 50 к. Съ доставкой и пересылкой на годъ—5 р. „Юная Россія" (Дѣтское Чтеніе) съ „Педагогическ. Листкомъ": Безъ доставки на годъ—5 р. Съ доставкой и пересылкой на годъ—6 р. „Педагогическ. Листокъ" (безъ „Юной Россіи") два рубля, на полгода одинъ рубль. За границу „Юная Россія" („Дѣтское Чтеніе") съ „Педагогическимъ Листкомъ" 8 р. „Педагогич. Листокъ" за годъ съ пересылкой 2 р. За перемѣну адреса 28 к. марками. Объявленія, помѣщаемыя въ журналахъ: 1 стран.—40 р., ½ стр.—20 р. Оставшіеся комплекты журналовъ за 1906 годъ продаются: 1) „Юная Россія" по 4 р. за годъ, 2) „Педагогическій Листокъ" по 2 р. за годъ.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Большая Молчановка, д. № 24, Д. И. Тихомирова, и у книгопродавцевъ. Книгопродавцамъ уступка 5%.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.** Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

Контора журнала „Русская Мысль“

(Москва, Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина)

принимаетъ объявленія для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 30 руб.; за $^1/_2$ страницы 25 и 15 руб.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу экземпляровъ прикладываемыхъ къ журналу объявленій взимается за 1 лотъ вѣса 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 руб. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

1908 годъ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ **Годъ XIX.**

„Вопросы Философіи и Психологіи“.

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества

при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества.

НА 1908 ГОДЪ.

Вышла IV (сентябрь—октябрь) книга 1907 года.

ЕЯ СОДЕРЖАНІЕ:

П. Новгородцева. Объ отношеніи психологіи къ философіи.—**Г. Челпанова.** Физикъ-идеалистъ. (Памяти *Н. И. Шишкина*).—**Л. Лопатина.** Кризисъ современнаго правосознанія. (Продолженіе).—**П. Новгородцева.** Императоръ Павелъ I. (Продолженіе).—**В. Чижа.** Теорія эволюціи и философія исторіи *Гердера*.—**Вл. Перцева.** Законъ жизненнаго ряда.—**Д. Викторова.** Критика и библіографія. I) Обзоръ книгъ. II) Библіографическій листокъ. III) Обзоръ журналовъ. Полемика. Письмо въ редакцію. **П. Новгородцева.** Объявленія.

Журналъ выходитъ **ПЯТЬ** разъ въ годъ (приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря) книгами около 15 печатныхъ листовъ.

Условія подписки: На годъ (съ 1 января 1908 г. по 1 января 1909 г.) безъ доставки 6 руб., съ доставкой въ Москвѣ — 6 руб. 50 коп., съ пересылкой въ другіе города—7 руб., за границу—8 руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкою въ 2 руб.

ПОДПИСКА на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ журнала: Москва, Б. Никитская, Б. Чернышевскій пер., д. 9, кв. 5, и книжныхъ магазинахъ: Новаго времени, Карбасникова, Вольфа, Оглоблина, Башмакова и другихъ.

Редакторъ **Л. М. Лопатинъ.**

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовск. ул., соб. д.

Телеграфный адресъ: Москва, „ТИПОКУШ.“

1896.

ТОВАРИЩЕСТВО

ПЕЧАТНАГО ДѢЛА И ТОРГОВЛИ

И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°

въ Москвѣ.

ТИПОГРАФІЯ, ПЕРЕПЛЕТНАЯ,
ЛИТОГРАФІЯ, ФОТОТИПІЯ,
ЦИНКОГРАФІЯ.

ОТДѢЛЕНІЯ:

въ КІЕВѢ, Караваевская ул., домъ № 5,
въ ПЕТЕРБУРГѢ (Минист. Пут. Сообщ.),
Фонтанка, домъ № 117.

МАГАЗИНЪ

конторскихъ книгъ и писчебумажныхъ принадлежностей.

Москва, Никольская ул., домъ бр. Чижовыхъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

для продажи изданій собственныхъ и отпечатанныхъ въ типографіяхъ Т-ва.

Подробный каталогъ высылается по первому требованію БЕЗПЛАТНО.

При этой книгѣ для всѣхъ подписчиковъ прилагается каталогъ книгоиздательства Д. И. Тихомирова.

Открыта подписка на 1908 г.

(ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Русская Мысль.

ПОДЪ ОБЩИМЪ РЕДАКТОРСТВОМЪ

А. А. Кизеветтера и П. Б. Струве.

При ближайшемъ участіи Ю. И. Айхенвальда, Ѳ. К. Арнольда, В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, А. С. Изгоева, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, С. Л. Франка, Л. Н. Яснопольскаго.

Условія подписки (безъ гербоваго сбора):

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

За перемѣну адреса взимается 30 коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается 55 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратность доставки журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 2.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Гостиный дворъ со стороны Невскаго, д. 19.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Въ Одессѣ: въ книжн. магаз. „Трудъ“, Дерибасовская, 25.

Редакторъ Ѳ. К. АРНОЛЬДЪ.

Издатель Т-во И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.

PSlav 605.10

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., соб. домъ.
1907.

Открыта подписка
на 1908 годъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ПРАВДИВАЯ ПОВѢСТЬ О ПРЕКРАСНОЙ ФРАНЧЕСКѢ ИЗЪ РИМИНИ И ПАОЛО МАЛАТЕСТА, О ИХЪ ЛЮБВИ И СМЕРТИ.—Т. Л. Щепкиной-Куперникъ	1
II. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Ѳедора Сологуба	21
III. ЗАПИСКИ ЛИНДЫ МУРРИ.—Перев. съ итальянск. З. Н. Журавской. *Окончаніе*	23
IV. ПОГРОМЫ... ПОГРОМЫ... (Изъ записокъ малопотерпѣвшаго).—А. Б. Дермана	64
V. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Льва Зилова	90
VI. ИЗАИЛЬ. Романъ Генрика Бергера.—Перев. съ нѣмецк. Ал. Чеботаревской. *Окончаніе*	92
VII. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Максимиліана Волошина	129
VIII. АФАЙЯ.—А. К. Топеркова	132
IX. ДУШИ ВОСТОКА. Разсказы изъ японской жизни Лафкадіо Хирнъ.—Перев. С. Лоріе	146
X. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Якова Година	180
XI. ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.—Д. Д. Протопопова. *Окончаніе*	1
XII. КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ.—А. А. Кауфмана. *Окончаніе*	27
XIII. ОПОЧЕЦКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ О ГР. П. А. ГЕЙДЕНѢ. (Эпизодъ изъ исторіи освободительнаго движенія въ глухой провинціи).—В. Б. *Окончаніе*	46
XIV. НЕДОВѢРІЕ.—А. А. фонъ-Брикмана	60
XV. НОВЫЙ ПЕРІОДЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯНСКАГО БАНКА.—Н. Н. Кутлера	70
XVI. ВЕСЕННІЙ ВѢТЕРЪ.—Д. В. Философова	104
XVII. П. А. СТОЛЫПИНЪ.—А. С. Изгоева	129
XVIII. СПОРЪ ЖОРЕСА И КЛЕМАНСО. *Окончаніе*	153
XIX. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Линда	199
XX. ПАМЯТИ А. Н. ТУРЧАНИНОВА.—С. Я. Шкляверъ	219
XXI. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Котляревскаго	222
XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.—Исторія, исторія литературы.—Соціологія, правовѣдѣніе.—Искусство.—Естествознаніе, математика.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 ноября по 1 декабря 1907 г.—III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ за 1907 г.	235
XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1

Объявленія.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ПРИ ТИПОГРАФІИ

„Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°".

МОСКВА, Пименовская улица, собственный домъ.

Изданія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Декамеронъ. Джьованни Бокаччьо. Полный перев. акад. проф. А. Н. Веселовскаго, съ предисловіемъ ко второму исправленному изданію. Съ роскошными иллюстраціями. Изд. 2-е. Два тома. Ц. 10 р., въ 2-хъ роскошн. съ золотымъ тисненіемъ переплетахъ 11 р. 30 к.

Чудесное въ наукѣ (популярная физика) **Э. Дебо.** Содержаніе: Кн. I. Фонографъ.—Телефонъ.—Телефонографія.—Телефотъ. Кн. II. Электрическая энергія. Кн. III. Свѣтовая энергія.—Физическіе опыты безъ аппаратовъ. 516 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Жизнь и удивительныя приключенія Робинсона Крузо, іоркскаго моряка, разсказанныя имъ самимъ. Д. Де-Фо. Полный переводъ съ англійскаго П. Канчаловскаго, одобренный Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Съ портретомъ автора и 100 прекрасными иллюстраціями въ текстѣ. Клише исполнены въ Лондонѣ. Цѣна за 2 тома 4 р., перес. по разстоянію за 3 фунта. Въ роскош. перепл. цѣна 5 р.

Сочиненія Жоржъ-Зандъ. Томъ I. Замокъ Вильпрэ. (Le compagnon du tour de France.) Переводъ Ю. В. Доппельмайеръ. Ц. 1 р. 75 к.

Стихотворенія С. Д. Дрожжина (1866—1888 г.). Новое 3-е исправленное и дополненное изд. Большой томъ 533 стр. съ портретомъ автора. Ц. 1 р. 50 к. Учен. Ком. М. Н. Пр. 3-е изданіе допущено въ ученическія библіотеки низшихъ учеби. заведеній и включено въ списокъ сочиненій, заслуживающихъ вниманія при пополненіи безплатн. народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Изъ русской жизни и природы. Русскіе типы, виды и иллюстраціи къ произведеніямъ русскихъ писателей. 15 прекрасно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣръ $4 \times 2^1/_2$ вершка, въ конвертѣ. Серія I. Ц. 75 к. Серія II. 13 картинъ. Ц. 60 к.

То же, меньшаго размѣра. Серія I. 14 картинъ. Ц. 50 к. Серія II. 13 картинъ. Ц. 50 к.

Народы Европейской Россіи. Наброски перомъ и карандашомъ. Рисунки Л. Л. Бѣлянкина. Текстъ подъ редакціей проф. П. Ю. Зографа. Все изданіе заключается въ трехъ выпускахъ большого формата, съ 6-ю таблицами рисунковъ въ каждомъ, задача которыхъ дать наглядное и вѣрное представленіе о наружномъ видѣ народностей, населяющихъ Россію, ихъ одеждъ, жилищъ и пр. Выпускъ I обнимаетъ: Сѣверный край, Финляндію, Прибалтійскія губерніи, Сѣверозападный край и долину средняго теченія рѣки Вислы. Ц. 60 к. Одобренъ Учен. Комит. Министерства Народн. Просвѣщ. для ученическихъ библіотекъ высшихъ и среднихъ класс. среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ II. Черноземное пространство. Низменное пространство-Степь и Бессарабія, Таврическій полуостровъ и губерніи: С.-Петербургская, Новгородская и Псковская. Ц. 60 к. Выпускъ III. Верховье Волги, по Окѣ и ея притокамъ, Великороссы, средина Волги, Астраханская, Пермская и Вятская губерніи. Мещеряки, Башкиры и Уральскіе казаки. Ц. 60 к. Всѣ три выпуска включены въ каталогъ книгъ М. Н. Пр. для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Путешествія Лемьюэля Гулливера. Дж. Свифта. Полный переводъ П. Канчаловскаго и В. Яковенко, съ біографіей Свифта и примѣчаніями Вальтеръ Скота, Шеридана, Кука, Тейлора, Теккерея и др. Т. I. Путешествіе къ Лилипуту и Вробдиньягъ. Т. II. Путешествіе въ Лапуту и въ Гуингнамъ. Съ 164 рис. рѣзанными въ Лондонѣ. Ц. за 2 тома 4 р. 40 к. Пересылка по разстоянію за 3 фун. Роскошный переплетъ 1 р.

Синяя вуаль. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста **Монгомери.** Перев. съ англ. С. Федоровичъ. Съ 11 рисунками въ текстѣ худож. Л. Бѣлянкина. Цѣна въ папкѣ 1 р.

Тысяча одна ночь. Арабскія сказки. Новый полный переводъ Ю. Доппельмайеръ, съ 450 рисунками въ текстѣ, въ трехъ томахъ. При второмъ томѣ помѣщена статья академика профессора А. Н. Веселовскаго, написанная для этого изданія. Томъ I, изданіе 2-е. Ц. 3 р. 15 к. Томъ II. Ц. 3 р. (на зеленевой бумагѣ). Томъ III. Ц. 2 р. 75 к. За переплеты по 50 к. за каждый томъ. (Пересылка каждаго тома за 3 фунта по разстоянію.)

Вольтеръ. Джона Морлея. Перев. съ 4-го англ. изданія подъ ред. проф. А. И. Кирпичникова. Содержаніе: Введеніе.—Вліяніе Англіи на міросозерцаніе Вольтера.—Его литературная дѣятельность.—Жизнь въ Берлинѣ.—Борьба съ католицизмомъ.—Вольтеръ какъ историкъ.—Жизнь въ помѣстьѣ „Ферне". Ц. 2 р.

Юлія или новая Элоиза, или письма двухъ любовниковъ, живущихъ въ маленькомъ городкѣ у подножья Альпъ. Жанъ-Жака Руссо. Пер. П. Каншиловскаго. Съ портретомъ Ж.-Ж. Руссо и рисунками. Ц. 2 р.

Политическія идеи Бенжамена Констана. Э. Лабуле. Ц. 40 к.

Краткій очеркъ современныхъ конституцій. Л. Олстона. Введеніе въ изученіе политической науки. Перев. съ англійск. К. Тимирязева. Изд. 2-е. Ц. 30 к.

Развитіе англійской конституціи съ древнѣйшихъ временъ. Эд. Фримена. Перев. съ 3-го изд. С. Г. Замойскаго. Ц. 60 к.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. 2-е дополненное и пересмотрѣнное изданіе. Ц. 2 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ,

составленные преподавателями географіи:

А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ,

Азія.—2-е исправлен. и дополн. изд., 548 стр. съ 70 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лист. Ц. 2 р., въ изящн. пер. 2 р. 60 к.

Африка.—2-е испр. изданіе, 512 стр. съ 46 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лист. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.

Америка.—2-е исправл. и дополн. изд., 640 стр. съ 56 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лист. Ц. 2 р. 25 к., въ изящн. перепл. 2 р. 85 к.

Австралія и Полярныя страны.—2-е испр. и дополн. изд., 467 стр. съ 46 иллюстр. въ текстѣ и 14 на отд. лист. Ц. 2 р., въ изящн. пер. 2 р. 60 к.

Европа. 3-е исправл. и дополн. изданіе, 800 стр. съ 83 иллюстр. въ текстѣ и 23 на отд. лист. Ц. 2 р. 75 к., въ изящн. переплетѣ 3 р. 35 к.

Азіатская Россія. 2-е испр. и дополн. изданіе, 584 стр. съ 84 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отдѣл. лист. Ц. 2 р., въ изящн. переплетѣ 2 р. 60 к.

Европейская Россія. 2-е исправл. и дополн. изд., 620 стр. съ 76 иллюстр. въ текстѣ и 16 на отд. лист. Ц. 2 р., въ изящн. переплетѣ 2 р. 60 к.

Учен. Ком. М. Н. П. сборники допущ. въ ученич. библіот. средн. учебн. завед., учительск. институт. и семинарій, въ безплатныя народн. библіот. и читальни.

Учебники географіи тѣхъ же авторовъ:

Начальный курсъ географіи.—5-е изд. 10 цвѣтныхъ картъ и 150 діаграммъ и иллюстрацій въ текстѣ. Ц. въ изящн. коленк. перепл. 90 к.—Учебн. Ком. М. Н. Пр. допущенъ въ качествѣ руководства для средн. учебн. завед.—Учебн. Ком. при Святѣйш. Синодѣ допущенъ въ ученич. библ. мужск. и женск. духовн. учил.—Учен. Ком. М. З. и Г. И. допущенъ въ качествѣ учебнаго пособія въ подвѣдомств. М-ву учебн. заведеніяхъ.

Курсъ географіи внѣевропейскихъ странъ (Азія, Африка, Америка, Австралія).—2-е изд. 35 цвѣтныхъ картъ и 200 иллюстрацій и діаграммъ въ текстѣ. Ц. въ изящн. коленк. пер. 1 р.—Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущенъ въ качествѣ руководства для средн. учебн. завед. (Журн. М. Н. Пр. 1906 г., февраль.)

Изданія, состоящія на складѣ Т-ва.

Божественная комедія. Аллигіери Данте. Переводъ съ итальянскаго размѣромъ подлинника (терцинами) Н. Голованова. Съ рисунками Густава Доре, портретомъ Данте, многочисленными объяснительными примѣчаніями и приложеніемъ статей о Данте проф. Ѳ. И. Буслаева, Карлейля и др. Текстъ перевода „Ада" и первыхъ девяти пѣсенъ „Чистилища" просмотрѣнъ проф. Ѳ. И. Буслаевымъ. Часть 1-я—„Адъ". Изд. 2-е. Ц. 2 р. (Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ ученич. библіотеки среднихъ учебныхъ завед. и безплатн. народн. читальни). Часть 2-я—„Чистилище". Ц. 1 р. 50 к. Часть 3-я—„Рай". Ц. 1 р. 50 к. Всѣ три части въ одномъ коленкоровомъ переплетѣ съ золот. тисненіемъ—ц. 6 р.

Объявленія.

Въ дебряхъ Крыма. С. А. Качіони. Повѣсти и разсказы. Содержаніе. Отъ издателя.—Судъ моря.—Куртдехэ.—Паспортъ съ особой примѣтой.—На заоблачныхъ пастбищахъ.—Свадебный подарокъ.—Подруга звѣздъ. Большой изящно изданный томъ въ 609 стр. Ц. 2 р.

Иллюстрированное собраніе сочиненій Ф. Шиллера, съ рисунками нѣмецк. художниковъ и комментаріями по Шерру, Карьеру и др. Перев. Н. Голованова и др. Два большихъ тома. Цѣна за оба тома 7 р., въ коленкоровомъ перепл. 8 р.

Іоанна Д'Аркъ. Н. Дементьевой. Историческая хроника. Содержаніе: Введеніе.—Дѣтство и юность Іоанны.—Боевая слава. Двойная борьба.—Гибель Іоанны.—Заключеніе. Книга богато иллюстрирована въ текстѣ рисунками мѣстностей, зданій и памятниковъ, связанныхъ съ именемъ Іоанны, и фототипіями на отдѣльныхъ листахъ. Цѣна въ роскошномъ стильномъ перепл. съ золотымъ тисненіемъ (въ двѣ краски) 4 р. 50 к. Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просв. книга одобрена для ученическихъ библіотекъ средняго и младшаго возраста гимназій мужскихъ и женскихъ, и для реальныхъ училищъ. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріей по учрежденіямъ Императрицы Маріи рекомендована для ученическихъ библіотекъ среднихъ и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.

Русскіе писатели послѣ Гоголевскаго періода въ біографіяхъ, образцахъ и характеристикахъ. А. Н. Сальникова. Съ портретами въ текстѣ и списокомъ темъ для ученическихъ сочиненій и классныхъ бесѣдъ. Курсъ VIII класса гимназій и реальныхъ училищъ. Ц. 2 р. 50 к.

Приключенія Фисташки. Жизнеописаніе Петрушки-Маріонетки. Коллоди. Перев. съ итальянск. С. Е. Павловскаго. Съ 57 рис. въ текстѣ и 4 на отдѣльн. листахъ. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Радость. Разсказы для дѣтей Л. Нелидовой. Съ 14 рис. Allegro. Ц. 80 к., въ папкѣ 1 р.

Фаустъ. Гёте. Трагедія. Перев. Н. Голованова. Удешевленное изданіе. Часть I, съ 20 рисунк. Люценъ-Майера и др. Изд. 4-е. Ц. 25 к. Часть II, съ 24 рисунками нѣмецк. художн. Изд. 2-е. Ц. 40 к. 1-я часть М. Н. Пр. допущена въ библіотеки старш. клас. средн. учебн. заведеній.

Практическій курсъ столярнаго искусства. И. Нетыкса. Пособіе для преподавателей техническихъ и ремесленныхъ школъ и любителей. Большой томъ (664 стр.) съ 755 политипажами въ текстѣ и отдѣльнымъ атласомъ чертежей изъ 41 таблицы, заключающихъ 725 рисунковъ. Изд. 2-е, совершенно переработанное. Цѣна съ атласомъ 7 руб.

Практическій курсъ слесарнаго искусства, въ 2-хъ томахъ. Его же. Томъ I. Слесарные матеріалы. Отливаніе. Разметка. Съ 610 фигурами въ текстѣ и 3 литографированными таблицами. Томъ II. Сверленіе. Пробивка. Развертка. Нарѣзка винтовъ. Закалка, отдѣлка и разныя работы. Съ 831 фигурами въ текстѣ и 2 литографир. таблицами. Цѣна за 2 тома 7 р. 50 к.

Школа жестянщика. Его же. Руководство для любителей ремесла и кустарей, съ атласомъ чертежей въ 22 таблицы. Ц. 3 р.

Изготовленіе рисунковъ для волшебнаго фонаря. A. W. S. Ц. 75 к.

Акварель. Цвѣты и плоды. Г. Фрэпона. Ц. 1 р. 20 к.

Акварель. Насѣкомыя, животныя, птицы, рыбы. Его же. Ц. 1 р. 20 к.

Акварель. Морскіе виды. Его же. Ц. 1 р. 20 к.

Акварель. Пейзажъ. Его же. Со многими рисунками на отдѣльныхъ таблицахъ. Ц. 1 р. 20 к.

Акварель. Головки, лица и фигуры. Его же. Искусство писать фигуры акварелью. Ц. 1 р.

Акварель. Натюръ-мортъ. Его же. Ц. 1 р. 20 к.

Биссофанія, простая замѣна живописи на стеклѣ. Глисона Уайта. Со многими рисунками на отдѣльныхъ таблицахъ. Ц. 75 к.

Живопись на стеклѣ. Л. Л. Стокса. Съ 4-мя литографированными таблицами. Руков. для любителей. Ц. 1 р.

Живопись по дереву (акварельными красками) съ замѣткой о лакировкѣ. Lahnek, Fr., D-r. Руководство для любителей ремесла и искусства. Изд. 2-е. Ц. 65 к.

Живопись по майоликѣ и глинѣ эмалевыми красками. Ю. Дубовскаго. Съ 10-ю политипажами. Ц. 65 к.

Искусство и секреты золоченія. Л. Стокса. Перев. съ англійскаго Эпифанидн. Руков. для любител. ремесла. Ц. 70 к.

Краткое руководство миніатюры. К. Робера. Ц. 70 к.

Подновленіе старыхъ гравюръ, рисунковъ, чертежей и подклеиваніе ихъ. Предохраненіе и подновленіе живописи масляными красками (съ табл. чер.). Бріона, Джона. Ц. 60 к.

Руководство рисованія пастелью для любителей. H. Bouffier. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Руководство къ тисненію на кожѣ. G. Büttner. Упрощенный практическій методъ, съ 20 политипажами и литографирован. таб. Ц. 60 к.

Какъ сдѣлать простой акваріумъ (съ политипажами). Х—Х. Ц. 40 к.

Начала ручного труда. Дюпона и Филиппона. Лѣпныя и гипсовыя работы. Ц. 40 к.

Начала ручного труда. Ихъ же. Работы изъ картона и бумаги. Ц. 40 к.

Начала ручного труда. Ихъ же. Тканье изъ бумажныхъ полосокъ. Трафаретное вырѣзываніе изъ картона и бумаги. Ц. 40 к.

Начала ручного труда. Ихъ же. Складываніе и вырѣзываніе изъ бумаги. Ц. 40 к.

Начала ручного труда. Ихъ же. Построенія—наклеиванія. Ц. 40 к.

Начала ручного труда. Ихъ же. Работы изъ проволоки. Ц. 50 к.

Объ устройствѣ простѣйшихъ акваріумовъ пѣсноводнаго и морского. О. Бекнерледжа. Руководство для любителей. Ц. 35 к.

Поучительныя забавы или опыты и фокусы безъ приборовъ съ самодѣльными приспособленіями. Tom Tit. Съ 113 политипажами. Двѣ серіи. Цѣна каждой по 1 р. 20 к.

Праксиноскопъ (зеркальный стробоскопъ) и его приготовленіе. L. Marissiaux. Руководство для любителей. Ц. 40 к.

Полярископъ и его изготовленіе. О. Бекнерледжа. Ц. 40 к.

Простѣйшій фонографъ и его изготовленіе. Его же. Ц. 50 к.

Простѣйшій телескопъ и его изготовленіе. Его же. Ц. 65 к.

Простой микроскопъ и его изготовленіе. Его же. Ц. 40 к.

Рѣзьба по дереву. G. Leland. Руководство для любителей, со многими политипажами въ текстѣ и 150 рисунками на отдѣльныхъ таблицахъ. Ц. 2 р.

Новости:

Анатомія для художниковъ. М. Дюваля. Полный перев. съ новѣйшей терминологіей. Изд. В. Н. Маракуева. Ц. 1 р. 50 к.

Горемычные. (Изъ русской жизни.) Историческій разсказъ для дѣтей **С. Макаровой**, съ рисунк. Ф. Милославина. Ц. 40 к., въ папкѣ 60 к.

Изъ дневника куклы и другіе разсказы для дѣтей Е. Благовѣщенской. Съ рисунками.

Искатель счастья. Славянская поэма XX вѣка. **Бориса Корженевскаго.** 3 выпуска. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

„Новое Слово". Товарищескіе сборники. Книги I и II. Ц. по 1 р.

Проблески утра. (Царство зари.) Драматическая поэма въ трехъ картинахъ **Н. Крашенинникова.** Ц. 50 к.

Растенія и среда. (Приспособленія.—Эволюція.) **Ж. Константена.** Перев. съ франц. подъ редакц. К. Тимирязева. Ц. 1 р. 50 к.

Товарищи дѣтства. Разсказъ для дѣтей **М. Юрьевой**, съ рисунк. Ф. Милославина. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

„Фейерверкъ". Избранные разсказы **Франка Ведекинда.** (Пожаръ въ Эглисвилѣ.—Жертва.—Старый женихъ.—Любовь по первому взгляду.—Княжна Русалка.—Предохранительная прививка.) Переводъ съ нѣмецк. А. Ф. Л. Ц. 60 к.

Печатается новымъ изданіемъ съ дополненіями и выйдетъ въ непродолжит. времени:

Практика Судебнаго Департамента Правит. Сената по торговымъ дѣламъ, въ 2-хъ томахъ, составл. **А. А. Добровольскимъ.**

Новый полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

Книжные магазины пользуются обычною уступкой.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.

1907.

P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1907.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. ПРАВДИВАЯ ПОВѢСТЬ О ПРЕКРАСНОЙ ФРАНЧЕСКѢ ИЗЪ РИМИНИ И ПАОЛО МАЛАТЕСТА, О ИХЪ ЛЮБВИ И СМЕРТИ.—**Т. Л. Щепкиной-Куперникъ** 1

II. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Ѳедора Сологуба** 21

III. ЗАПИСКИ ЛИНДЫ МУРРИ. Пер. съ итал. **З. Н. Журавской.** *Окончаніе.* 23

IV. ПОГРОМЫ... ПОГРОМЫ... (Изъ записокъ малопотерпѣвшаго).—**А. Б. Дермана** 64

V. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Льва Зилова.** 90

VI. ИЗАИЛЬ. Романъ **Генникга Бергера.**—Перев. съ нѣмецкаго **Ал. Чеботаревской.** *Окончаніе* 92

VII. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Максимиліана Волошина.** 129

VIII. АФАЙЯ.—**А. К. Топоркова.** 132

IX. ДУШИ ВОСТОКА. Разсказы изъ японской жизни **Лафкадіо Хэрнъ.**—Перев. **С. Лоріе** 146

X. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Якова Година.** 180

XI. ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.—**Д. Д. Протопопова.** *Окончаніе.* 1

XII. КЪ ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ.—**А. А. Кауфмана.** *Окончаніе.* 27

XIII. ОПОЧЕЦКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ О ГР. П. А. ГЕЙДЕНѢ. (Эпизодъ изъ освободительнаго движенія въ глухой провинціи). **В. Б.** *Окончаніе* 46

Стр.

XIV. НЕДОВѢРІЕ.—А. А. фонъ-Бринкмана 60

XV. НОВЫЙ ПЕРІОДЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯНСКАГО БАНКА.—Н. Н. Кутлера 70

XVI. ВЕСЕННІЙ ВѢТЕРЪ.—Д. В. Философова 104

XVII. П. А. СТОЛЫПИНЪ.—А. С. Изгоева 129

XVIII. СПОРЪ ЖОРЕСА И КЛЕМАНСО. *Окончаніе* 153

XIX. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ.—В. Н. Линда 199

XX. ПАМЯТИ А. Н. ТУРЧАНИНОВА.—С. Я. Шкляверъ 219

XXI. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—С. А. Котляревскаго 229

XXII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Исторія, исторія литературы.—Соціологія, правовѣдѣніе.—Искусство.—Естествознаніе, математика.—II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1907 г.—III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ Библіографическомъ отдѣлѣ журнала «Русская Мысль» за 1907 г. 235

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятыя редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Правдивая повѣсть о прекрасной Франческѣ изъ Римини и Паоло Малатеста, о ихъ любви и смерти.

„Francesca, i tuoi martiri
A lagrimar mi fanno tristo e pio"...
(*Dante, Inferno—C. V.*)

Въ Равеннѣ, гдѣ часты дожди, и съ болотистыхъ береговъ близкаго моря поднимаются въ туманахъ лихорадки, жилъ нѣкогда славный правитель ея, синьоръ Гвидо-ди-Полента. При немъ Равенна процвѣтала не менѣе, чѣмъ во времена приснопамятнаго Теодориха, и Богъ благословилъ домъ синьора Гвидо тремя дѣтьми: храбрыми сыновьями, Остазіо и Рамберто, и дочерью, прекрасной дѣвицей Франческой, красота которой могла сравниться только съ ея добродѣтелью и ученостью.

Рано лишившись матери, Франческа воспитывалась на попеченіи благочестивыхъ монахинь и обладала всѣми дарованіями, свойственными прекрасному полу: искусно вышивала шелками и золотомъ, пряла тонкорунную шерсть, знала домоводство, а также прекрасно играла на лютнѣ и слагала стихи и кантики не менѣе звучные, чѣмъ одухотворенный божественной любовью Якопоне изъ Тоди. Притомъ же знала она латинскій языкъ, и писала не хуже мужчины, такъ что нерѣдко помогала отцу своему въ его обширной перепискѣ.

Франческѣ шелъ 17-й годъ, когда къ отцу ея пріѣхалъ герцогъ Малатеста. Онъ предупредилъ синьора Гвидо, что пожалуетъ къ нему безъ свиты и безъ обычной пышности, такъ какъ дѣло у него личное, и онъ желаетъ сохранить тайну, а потому проситъ не оказывать ему торжественнаго пріема. И дѣйствительно, прибылъ онъ, когда уже смеркалось, въ сопровожденіи только двоихъ приближенныхъ: своего духовника, о. Игнація, и оруженосца—верхами.

Когда синьоръ Гвидо распорядился, чтобы коней отвели на конюшню и дали имъ корму, оруженосецъ не пошелъ за ними, а остался,

какъ вѣрный песъ, у дверей залы, гдѣ хозяинъ принималъ важнаго гостя. Духовникъ же послѣдовалъ за герцогомъ, такъ какъ герцогъ предупредилъ синьора Гвидо, что отъ отца Игнація тайнъ у него нѣтъ.

— Чѣмъ же прикажете мнѣ угостить васъ, достопочтенный герцогъ?—спросилъ синьоръ Гвидо, огорченный невозможностью оказать гостю широкое гостепріимство.—Не въ обычаѣ отказываться: вы меня обидите кровно, если не выпьете хотя бы кубокъ вина со мною.

— Въ винѣ грѣха нѣтъ,—отвѣтилъ герцогъ,—и я охотно осушу у васъ кубокъ вина; слухъ о погребахъ Равеннскаго замка проникъ и въ Римини! Особенно же мнѣ будетъ пріятно, если мнѣ поднесетъ вино ваша молодая хозяйка.

Старый Полента слегка нахмурился, такъ какъ дочь его непривычна была къ мужскому обществу и еще не являлась на празднества и турниры иначе, какъ въ сопровожденіи старой своей кормилицы и нѣсколькихъ дамъ, въ отведенныя для нихъ отдѣльно мѣста. Но онъ не рѣшился отказать въ этой просьбѣ гостю, да еще такому, какъ герцогъ Риминійскій, который, какъ знали всѣ, умѣлъ быть опаснымъ врагомъ.

Онъ призвалъ майордома и приказалъ передать своей дочери, чтобы она явилась сюда и сама подала его гостямъ кубокъ мальвазіи. Самъ же усадилъ герцога въ большія кресла у пылающаго камина, собственноручно пододвинулъ ему звѣриную шкуру подъ ноги и просилъ разсказать, какимъ добрымъ вѣтромъ привело къ нему почтеннаго гостя и по какому дѣлу. На душѣ въ это время было у него неспокойно, такъ какъ Римини часто угрожало миру Равенны; и, зная ненасытное честолюбіе герцога Малатеста, онъ нерѣдко подозрѣвалъ его въ коварныхъ замыслахъ относительно его города.

«Малатестамъ тѣсно въ Римини,—размышлялъ онъ,—Равенна у нихъ въ глазахъ, какъ спѣлое яблоко на деревѣ сосѣда. Кто знаетъ, кто знаетъ?...»

Герцогъ Джіанчіотто Малатеста отличался такимъ же бѣшенымъ и суровымъ нравомъ, какъ его отецъ, знаменитый полководецъ, получившій прозвище Малатеста за свою яростную вспыльчивость; но кромѣ того, онъ былъ безобразенъ до того, что матери въ Римини пугали имъ своихъ дѣтей, особенно послѣ того, какъ въ Крестовомъ походѣ сарацинскій мечъ разсѣкъ ему лицо наискось отъ лѣваго уха къ правому виску. Но это не мѣшало ему любить красивыхъ молодыхъ женщинъ и при дворѣ своемъ держать цѣлый цвѣтникъ.

Тѣмъ съ большимъ безпокойствомъ ожидалъ синьоръ Гвидо по

явленія Франчески. Но къ удивленію его, когда отворилась дверь, герцогъ даже не всталъ навстрѣчу, какъ сдѣлалъ это о. Игнацій, а сѣлъ совершенно за выступомъ камина, въ тѣни, плотнѣе закутавшись въ свой черный плащъ, такъ что изъ темноты было только видно, какъ сверкали его глаза—небольшіе, но одаренные невыносимымъ блескомъ и проницательностью.

Впрочемъ, Франческа и не увидала бы его сразу. Она вошла скромно, но гордо, какъ подобаетъ благовоспитанной дѣвицѣ изъ хорошаго дома; цѣломудренно опустивъ рѣсницы, отъ которыхъ падала тѣнь на щеки, чуть порозовѣвшія отъ волненія, какъ освѣщенныя утренней зарею лепестки лилій.

Передъ нею два маленькихъ пажа несли подносъ съ чеканнымъ кувшиномъ и кубками. Она низко поклонилась, взяла кубокъ въ одну руку, тяжелый кувшинъ въ другую, налила вина и протянула кубокъ гостю такимъ прекраснымъ и стыдливымъ движеніемъ, какъ св. Екатерина на картинахъ художниковъ протягиваетъ перстень младенцу Іисусу. Она стояла, прямая и стройная, какъ молоденькая пальма, въ своемъ тяжеломъ нарядѣ изъ златотканной парчи, плотно облегающемъ ея нѣжный станъ. Вспыхивающій въ каминѣ огонь отъ брошенныхъ въ него цѣлыхъ сосновыхъ стволовъ зажигалъ золотые свѣтлые цвѣты и болѣе темные листья на ея платьѣ, и золотистыя нити въ ея темно-каштановыхъ, перевитыхъ жемчугомъ, волосахъ; и она въ полутемной залѣ со сводами казалась видѣніемъ Мадонны, нисходящей къ художнику, чтобы онъ запечатлѣлъ ее на холстѣ.

— Проси гостя, дочь моя,—сказалъ синьоръ Гвидо.

— Прошу васъ, отвѣдайте,—промолвила Франческа.

Она произнесла только три простыя слова, но имъ голосъ ея придалъ сладость и нѣжность.

О голосѣ синьоры Франчески разсказывали, что въ немъ было нѣчто волшебное, что могло покорить каждое сердце и тронуть самаго закоренѣлаго злодѣя; еще о немъ разсказывали, что не только когда она пѣла, но когда говорила—всѣ смолкали, и казалось, будто слышишь вздохъ вѣтра среди розовыхъ кустовъ весенней ночью, или плескъ ручья въ лѣсу въ знойный полдень, или звонъ ангельскихъ арфъ въ небесахъ. Такъ говорили всѣ, слышавшіе голосъ монны Франчески, даже если она только приказывала своей старой кормилицѣ подвинуть ей жемчугъ для вышиванія, или маленькому пажу принести ея любимаго котенка.

— Благодарю васъ, прекрасная дѣвица!—отвѣтилъ герцогъ, принимая кубокъ изъ ея рукъ; но этихъ словъ также было доста-

точно. При одномъ звукѣ его голоса Франческа вздрогнула отъ непонятнаго ей самой чувства ужаса. Ужасъ охватилъ ее необъяснимый, непреодолимый, такой, какъ когда ея духовникъ говорилъ ей о вѣчныхъ мукахъ ада, ожидающихъ грѣшниковъ. Она невольно подняла взоръ, но увидѣла только безформенную, закутанную фигуру въ темномъ углу, и два глаза, блестѣвшихъ изъ мрака.

Что почудилось въ эту минуту Франческѣ, никто не могъ бы сказать кромѣ нея самой, но она вскрикнула, какъ раненая птица, и схватилась лѣвой рукой за грудь.

Встревоженный отецъ кинулся къ ней съ вопросомъ, что̀ случилось, но она только несвязно отвѣчала, что у нея вдругъ закружилась голова и что она проситъ позволенія удалиться.

Синьоръ Гвидо, извинившись, самъ отвелъ ее въ ея покои и сдалъ, разстроенную и блѣдную, на руки кормилицѣ, которая принялась опрыскивать ее святою водою изъ Іордана отъ дурного глаза. А самъ онъ вернулся къ гостю и многократно просилъ прощенія, ссылаясь на непривычку его дочери выходить къ посѣтителямъ. Герцогъ отвѣчалъ ему, что, наоборотъ, скромность есть жемчужина, украшающая дѣвицу, и что теперь въ Италіи, къ сожалѣнію, многія лишены этого качества. Потомъ они перешли къ дѣламъ. И сидѣвшій за дверью оруженосецъ слышалъ, какъ долго и возбужденно говорили хозяинъ съ гостемъ, какъ будто спорили; какъ потомъ медовый голосъ о. Игнація вступилъ въ бесѣду и завладѣлъ ею, и прекратилъ споръ. Наконецъ, поздно за полночь, герцогъ вышелъ изъ дверей залы въ сопровожденіи хозяина; при великоней, разбудили дремавшихъ привратниковъ, спустили мостъ, и герцогъ уѣхалъ, повторивъ на прощаніе:

— Итакъ, синьоръ Полента, ваше слово за вами.

А старый Гвидо долго не спалъ эту ночь; уже разсвѣтъ проникъ въ цвѣтныя стекла оконъ и нарисовалъ туманно пестрыя отраженія ихъ на каменномъ полу, а онъ все еще ходилъ; иногда подходилъ къ спальному покою Франчески, вздыхалъ и, покачивая сѣдой головой, опять, тяжело ступая, уходилъ къ себѣ.

Раннею весною къ Гвидо-ди-Полента прибылъ посолъ отъ герцога, на этотъ разъ со свитой, на бѣлыхъ коняхъ, въ яркое солнечное утро. Мартъ прогналъ дожди и туманы съ равнинъ Равенны, миндальныя и персиковыя деревья стояли усыпанныя розовыми и бѣлыми лепестками, словно несмѣтнымъ количествомъ мотыльковъ, присѣвшихъ на отдыхъ на черныхъ узловатыхъ вѣтвяхъ и вотъ-вотъ собирающихся упорхнуть. На небѣ плыли бѣлыя облачка, подобныя

тѣмъ, что живописцы пишутъ подъ стопами Мадонны и святыхъ, тѣ кудрявыя, бѣлыя, пушистыя облака, изъ-за которыхъ какъ будто бы выглядываютъ личики херувимовъ. Въ свѣжей травѣ уже были разсыпаны бѣлыя и лиловыя фіалки, желтыя примулы, душистые крокусы, и даже ирисы готовились раскрыть свои чаши. Прекрасная весна украсила сады Равенны, и крѣпкій, мрачный замокъ синьора Гвидо помолодѣлъ подъ дыханіемъ ея животворящаго тепла.

Франческа забавлялась въ дворцовомъ саду со своими подругами, молочной сестрой своей, темноглазой, живой Изоттой и тихою Джиневрой—дѣтскою игрой. Изъ желтыхъ простыхъ цвѣтовъ, съ пустыми внутри стебельками, у которыхъ даже нѣтъ имени, онѣ сдѣлали огромные мячи, какъ это дѣлаютъ маленькія дѣти, и перекидывали ихъ другъ другу, ловя ихъ съ радостными криками и смѣхомъ.

Въ это весеннее утро юный станъ Франчески не гнулся подъ тяжестью парчи и цѣнныхъ украшеній. Гладкое простое платье изъ серебристаго тортозскаго шелка, цвѣта побѣговъ молодой ивы, съ любовью облекало ее, оставляя свободными нѣжную шею, плечи и руки. Волосы ея, цвѣта каштановъ, когда они, поспѣвая, падаютъ на землю, позлащенные сентябрьскимъ солнцемъ, были заплетены тяжелой косой, оттягивавшей маленькую головку. Глаза ея блестѣли и смѣялись, синіе какъ генціаны, растущія въ горахъ на югѣ Равенны. Каждое ея движеніе позволяло видѣть очертанія ея гибкаго тѣла такъ же ясно, какъ если бы ткань платья была пропитана водою.

Въ это время на мраморной террасѣ замка появился синьоръ Гвидо въ сопровожденіи прекраснаго юноши, рыцарски стройнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ тонкаго, какъ молодой кипарисъ. Лицо его еще не утратило женственной мягкости, хотя глаза глядѣли мужественно и темные усики уже украшали пурпуровый свѣжій ротъ.

Улиссъ, увидѣвшій Навзикаю на берегу рѣки, видѣлъ зрѣлище не прекраснѣе, чѣмъ представилось юношѣ, въ образѣ трехъ молодыхъ дѣвушекъ, перебрасывающихся золотистыми, пушистыми шарами изъ цвѣтовъ, летающими въ голубомъ воздухѣ и падающими на яркую зелень дерновой лужайки. Одинъ изъ этихъ шаровъ, брошенный Францеской, подкатился прямо къ подножію лѣстницы, по которой спускались синьоръ Гвидо со своимъ спутникомъ. Юноша бросился съ ловкостью и быстротой молодого оленя черезъ нѣсколько ступеней, схватилъ мячъ и, ставъ на одно колѣно, подалъ его Франческѣ. Тутъ только увидѣла она незнакомца. Вся ея нѣжная кожа зардѣлась румянцемъ, точно въ глубинѣ розы зажегся свѣтъ, и она стала прозрачной и трепещущей. Но видъ отца рядомъ съ незнакомцемъ успокоилъ Франческу, и она учтиво поблагодарила юношу за услугу.

Должно быть, великая сила, которой повинуется вселенная, направила вмѣстѣ съ мячомъ изъ золотыхъ цвѣтовъ и сердце Франчески, потому что съ перваго взгляда эти двое устремились другъ къ другу, какъ два голубя, догоняющіе одинъ другого въ темно-синемъ эѳирѣ весенняго неба.

— Прими дорогого гостя, Франческа!—сказалъ синьоръ Гвидо.—Это младшій братъ почтеннаго герцога Римінійскаго, синьоръ Паоло; пусть нашъ домъ будетъ его домомъ; окажи ему все гостепріимство, какое должно оказать другу

Синьоръ Паоло остался въ замкѣ болѣе недѣли.

Синьоръ Гвидо на этотъ разъ, по случаю его прибытія, далъ празднества, длившіяся нѣсколько дней.

Со всѣхъ сторонъ съѣхались именитые гости; были позваны трубадуры, жонглеры, скоморохи; устраивались потѣшные огни, примѣрныя сраженія. Подъ звуки лютней, флейтъ и мандоръ высокіе гости пировали, смотря на интермедію о св. дѣвѣ Маріи и архангелѣ Гавріилѣ, а пока имъ подавали барашковъ съ золочеными рогами, молодыхъ кабановъ съ золочеными клыками, фазановъ, великолѣпные пироги, фиги, гранаты, заморскія и собственныя вина и медовыя наливки—во дворѣ замка жарились цѣлые быки, били фонтаны вина и, одѣтые въ желтое съ зеленымъ, шуты развлекали простонародье. Не только popolani grassi, но и piccioli принимали участіе въ торжествахъ, всячески восхваляя своего добраго правителя.

Въ этомъ чаду увеселеній Франческа, впервые, по желанію отца, исполнявшая обязанности хозяйки дома, двигалась какъ во снѣ. Цѣловала ли она руку престарѣлымъ графинямъ и баронессамъ, говорившимъ ей, какъ она похожа на свою покойную мать,—выступала ли въ плавномъ танцѣ факела, переходя отъ одного вельможи къ другому, слушала ли она любовныя пѣсенки Кавальканти,—все время, каждую минуту она чувствовала на себѣ взглядъ молодого Паоло Малатеста. Онъ казался ей прекраснѣе всѣхъ блаженныхъ мучениковъ въ церкви св. Агаты, и часто она такъ задумывалась, глядя на него, что пропускала обращенныя къ ней слова; когда же въ танцѣ, мѣняя постепенно кавалеровъ, составляющихъ цѣпь, она доходила до него, и руки ихъ встрѣчались—то оба испытывали жгучую сладость и замедляли танецъ, чтобы не такъ скоро разъединить руки.

Когда приглашенные разъѣхались, синьоръ Паоло остался еще нѣсколько дней. Въ это время часто бесѣдовали они втроемъ; Франческа сидѣла у ногъ отца и слушала разсказы Паоло. Хотя онъ былъ скроменъ и не говорилъ, не будучи вызываемъ на это синьоромъ Гвидо, но тотъ самъ его разспрашивалъ о его странствіяхъ и подви-

гахъ, такъ какъ Паоло, несмотря на молодость, не разъ уже отличался въ военномъ дѣлѣ, въ стычкахъ съ Гибеллинами, кровавыя распри съ которыми Гвельфовъ все еще продолжали время отъ времени потрясать внутренній міръ страны.

Франческа слушала его, и ей становилось жаль, что она не могла, переодѣвшись пажомъ, поскакать за нимъ въ битву и подавать ему оружіе, и утолять его жажду водой изъ ключа, когда ему самому некогда было думать объ этомъ...

Синьоръ же Гвидо, внимая разсказамъ Паоло, изъ-подъ нависшихъ бровей своихъ, похожихъ на опушенныя зимнимъ снѣгомъ вѣтви горныхъ сосенъ, смотрѣлъ то на дочь, то на Паоло—и вздыхалъ...

Молодые люди не открывали другъ другу своей любви, но это и не было нужно. Слова излишни тамъ, гдѣ есть взгляды, глубокіе вздохи, улыбки и молчаніе. Сѣтью таинственной пряжи изъ надеждъ, желаній, предчувствій окутывала ихъ весна, и вся жизнь ихъ была нѣмымъ, но краснорѣчивымъ ожиданіемъ минуты счастья. Оба чувствовали, что принадлежатъ другъ другу, созданы другъ для друга, и пока еще не сказали ни слова; но души ихъ соприкасались крыльями и сливались въ безмолвномъ объятіи, соединяющемъ ближе, чѣмъ тѣлесныя объятія безъ великаго чувства любви.

Проснувшись разъ утромъ, Франческа узнала, что Паоло принужденъ былъ внезапно уѣхать, вызванный гонцомъ отъ брата. Весеннее солнце померкло для нея, и розы показались ей черными, сморщенными старухами. Но синьоръ Гвидо призвалъ къ себѣ дочь и началъ съ ней долгую бесѣду.

Онъ объяснилъ ей, что Паоло пріѣхалъ съ намѣреніемъ просить ее въ жены, что онъ внезапно уѣхалъ, вызванный братомъ, такъ какъ гибеллины опять поднялись въ Феррарѣ; и вотъ, уѣзжая, можетъ быть навсегда, можетъ быть для того, чтобы больше не вернуться,—онъ просилъ соединить ее съ нимъ заочнымъ бракомъ, чтобы въ сраженіи уже думать о ней, какъ о своей женѣ, и имѣть также право писать ей. Говоря это, синьоръ Гвидо отворачивался и тяжело вздыхалъ, Франческа же приписала его скорбь безпокойству за Паоло и съ горячей благодарностью поцѣловала руку отца.

Зная, что заочнымъ бракомъ часто сочетали въ тѣ времена, особенно владѣтельныхъ князей и высоко стоящихъ вельможъ, Франческа не удивилась этой просьбѣ и охотно согласилась на то, чтобы пріѣхавшій о. Игнацій обвѣнчалъ ее съ замѣстителемъ Паоло; собственный ея духовникъ, добрый о. Бернардъ, любившій ее какъ дочь,

слегъ какъ разъ день тому назадъ отъ неизвѣстной причины и не могъ покинуть одра болѣзни.

И вотъ странный бракъ совершился. Въ темной капеллѣ руку Франчески соединили съ чьей-то рукой, прикосновеніе которой заставило Франческу вздрогнуть. Она знала, что это только обрядъ, но ей было 17 лѣтъ, и невольно она думала, какъ прекрасна была бы эта минута для нея, если бы ея руку взяла сильная, но нѣжная рука Паоло, а не цѣпкіе горячіе и влажные пальцы какого-то чужого ей человѣка, по выбору ея отца.

Взволнованная, заплаканная, подъ своимъ густымъ вѣнчальнымъ покрываломъ, въ темнотѣ часовни она почти ничего не видѣла и не соображала. Обрядъ былъ оконченъ въ пять минутъ, и отецъ поспѣшно увелъ ее къ себѣ.

Въ своей дѣвичьей комнатѣ Франческа успокоилась. Она сказала себѣ, что теперь, кромѣ смерти, ничто не можетъ разлучить ее съ Паоло. И дни ея и ночи пошли, озаренные мечтою о свиданіи съ нимъ,—теперь ея супругомъ.

Дни она коротала за работой и за чтеніемъ. Но и работа, и чтеніе были только мыслями о немъ. Она вышивала ему его гербъ—розу и слона для перевязи; читая же священныя книги, съ каждымъ словомъ связывала она его имя. И хотя святой человѣкъ говорилъ о томъ, какъ душа ищетъ Христа,—сама пугаясь своего какъ бы богохульства, Франческа думала, что такъ она ищетъ Паоло, когда читала въ кантикахъ Якопоне:

Пойдемте на лугъ, чтобы тамъ найти его...
Сорвемъ цвѣтовъ и уберемъ ему ложе;
Пурпуромъ розъ украсимъ мы его,—
Поджидая его, высмотримъ всѣ очи,
Идите сюда, мои прекрасныя дѣвы!
Срывайте розъ, больше розъ въ полы одеждъ.
Возлюбленный придетъ! Смотрите, смотрите,
Чтобъ вновь онъ не ушелъ—остался-бъ въ моемъ плѣну!...

И еще Франческа повторяла слова знаменитой священной пѣсни:

Въ огонь любовь меня ввергла,
Въ огонь любовь меня ввергла!...

забывая, что тутъ говорится о небесной любви.

Но потомъ, по ночамъ, она долго молилась и просила прощенія у сладчайшей Маріи, моля, чтобы Та вернула ей Паоло цѣлымъ и невредимымъ. Молилась она также ангелу-хранителю своему, который посылалъ сны, чтобы ей увидѣть во снѣ Паоло, и эта мо-

литва ея была исполнена, ибо каждую ночь ясно видѣла она своего возлюбленнаго и слышала его голосъ.

Въ одно утро синьоръ Гвидо пришелъ къ ней и приказалъ ей собираться: они ѣдутъ въ Римини, такъ какъ супругъ требуетъ Франческу и прислалъ за нею подобающую свиту.

— Отчего же супругъ мой самъ не пріѣхалъ за мной?—изумленная и огорченная спросила Франческа; но упорное молчаніе отца заставило ее подумать, что отъ нея что-нибудь скрываютъ, что, можетъ быть, онъ раненъ, боленъ, и съ бьющимся сердцемъ она поспѣшно принялась за сборы. Старая кормилица должна была ѣхать съ нею и укладывала торопливо ларцы и шкатулки. О. Игнацій предупредилъ Франческу отъ имени ея супруга, что онъ проситъ ее брать съ собой какъ можно меньше, такъ какъ роскошные наряды и полное приданое ожидаетъ ее и въ Римини, лишь бы ускорили отъѣздъ. Желаніе это было исполнено, и пышный поѣздъ торжественно двинулся по дорогѣ, гдѣ нѣкогда проходили легіоны Цезаря. Поздно вечеромъ, уже при свѣтѣ факеловъ, Франческапри была въ Римини; проѣхавъ черезъ мостъ и подъ тріумфальной аркой бѣлаго мрамора, изукрашенной медальонами съ изображеніями древнихъ боговъ, поѣздъ остановился передъ дворцомъ Римини.

Дворецъ былъ значительно богаче, чѣмъ Равеннскій. Свита и дамы съ подобающимъ почтеніемъ встрѣтили Франческу.

— Празднество и пиръ будетъ завтра,—объявилъ синьоръ Гвидо своей дочери,—сегодня нетерпѣливый супругъ хочетъ имѣть тебя для себя одного.

Все замерло отъ счастья и стыда при этихъ словахъ въ Франческѣ, и она покорно вступила за отцомъ во дворецъ; но тщетно искала она глазами въ толпѣ приближенныхъ стройную, юную фигуру своего супруга,—его не было.

О. Игнацій объяснилъ ей, что супругъ ея не совсѣмъ здоровъ и будетъ ожидать ее у себя.

Когда Франческа очутилась въ своихъ покояхъ, женщины, кромѣ ея кормилицы всѣ чужія ей, раздѣли ее, расплели ея косы и надѣли на нее бѣлую ночную одежду изъ тончайшей шелковой ткани, подобно паутинѣ чуть прикрывавшей ея юное тѣло.

Отецъ и почтенная монна Піа—сестра покойной герцогини Малатеста, пришли къ ней тогда.

Отецъ сказалъ:

— Супругъ твой ожидаетъ тебя въ опочивальнѣ.

— Будь покорна ему, дочь моя! Помни, что это участь женщины!—добавила монна Піа.

— И будь счастлива,—промолвилъ синьоръ Гвидо, цѣлуя дочь въ лобъ, но голосъ его дрожалъ, когда онъ произнесъ эти слова. Они взяли Франческу за руки, довели ее до дверей въ сосѣднюю комнату. Раздались рыданія: это кормилица не могла удержать слезъ и заплакала, повторяя:

— О, моя невинная овечка!

Отецъ открылъ дверь, впустилъ Франческу, а самъ остался. Дверь заперлась съ тяжелымъ стукомъ.

Франческа очутилась въ полной темнотѣ, не зная куда идти, вся дрожащая, ощупью протягивая руки во мракѣ. Въ это время сильныя, горячія объятія охватили ее. Она вскрикнула, вся затрепетавъ отъ ужаса, и закрыла глаза. Ее подняли, понесли куда-то, какой-то вихрь налетѣлъ и смялъ ее—какъ ураганъ пригибаетъ къ землѣ тонкую траву во время бури.

Франческа ничего не помнила, не сознавала почти, кромѣ того, что съ ней Паоло, и она должна ему быть покорной. Но, разбитая, уничтоженная, обезсиленная,—она только съ ужасомъ и со стыдомъ говорила себѣ, что если такова любовь, то лучше бы она умерла, не вѣдая любви.

Не сонъ, но тяжелое забытье наконецъ освободило ее отъ невыносимаго терзанія.

Когда она очнулась утромъ, стараясь припомнить, гдѣ она и что съ нею,—блѣдная заря уже проникла въ комнату и освѣщала неяснымъ свѣтомъ герцогскую кровать, балдахинъ съ золотыми кистями, горностаевое одѣяло. Франческа вспомнила все, но той радости, съ которою должна новобрачная проснуться въ первый разъ подъ кровлей любимаго человѣка, она не ощутила въ душѣ своей. Она поднялась на постели, придерживая на плечахъ разорванную одежду—и увидала рядомъ съ собою крѣпко спящаго безобразнаго Джіанчіотто Малатеста.

Какъ женщина, воспитанная въ духѣ добродѣтели и христіанскаго смиренія, Франческа простила своему мужу хитрость, употребленную имъ для того, чтобы поймать ее въ брачныя узы, какъ птицу въ силки. Знала она также, что что̀ церковь соединила, люди разъединить не могутъ. Отцу своему она также простила, особенно послѣ того, какъ въ первое же посѣщеніе родной Равенны синьоръ Гвидо со слезами на старыхъ глазахъ признался ей, что цѣною этого брака было куплено спокойствіе Равенны, что иначе городъ былъ бы пре-

данъ огню и мечу, и даже гробницы предковъ были бы сожжены, и не пощаженъ былъ бы прахъ ея матери,—такъ, по крайней мѣрѣ, клялся Малатеста, военныя силы и богатство котораго неизмѣримо превосходили средства ди-Полента. Хитрость же, по наущенію о. Игнація, была вызвана увѣренностью, что иначе Франческа не согласится на этотъ неравный бракъ.

— Синьоръ Паоло... зналъ ваши намѣренія?—дрожащими губами спросила Франческа.

— Онъ не имѣлъ понятія о нихъ,—возразилъ синьоръ Гвидо.

Увѣренность, что Паоло не былъ виновенъ въ предательствѣ, придала силъ моннѣ Франческѣ. Ей казалось, что если бы это прибавилось въ чашу ея тоски, то чаша бы переполнилась. Теперь же она могла думать о Паоло, какъ ранѣе; но могла ли она останавливать на немъ мысли свои безъ боли? Въ теченіе нѣсколькихъ дней и нѣсколькихъ ночей, обманутая жестокою игрою, она имѣла право думать о немъ какъ о возлюбленномъ супругѣ. Мысленно она называла его своимъ Паоло; на ея устахъ горѣли неотданные поцѣлуи, которые рвались къ нему, и тянулись, и открывались, какъ чаши цвѣтовъ для прикосновенія росы. Все ея существо полно было имъ, томленіемъ по немъ, ожиданіемъ его. И въ весеннія ночи, когда она стояла у остроконечнаго окна своей свѣтлицы и смотрѣла, какъ при свѣтѣ луны чернѣли и голубѣли стѣны замка, обвитыя душистою жимолостью,—къ нему летѣла ея душа, и она протягивала руки въ ночь, призывая его, тоскуя и радуясь,—тоскуя, что его нѣтъ, радуясь, что онъ принадлежитъ ей, и что каждая улетающая минута сокращаетъ и приближаетъ къ ней золотую нить, на концѣ которой сіяетъ жемчужина ихъ счастья.

И вотъ, теперь, *такъ* она уже не смѣла о немъ думать. Когда она молилась о своемъ *супругѣ*,—это должна была быть молитва о жестокомъ Джіанчіотто; о Паоло надо было молиться, какъ о братѣ, но чувства измѣнить она не могла, и хотя губы ея шептали тѣ слова, которыя надлежало произносить, и сознательныя мысли повторяли ихъ, но за ними были другія, безъ словъ, тѣ, которыхъ она боялась; но прогнать ихъ не могла.

Синьора Паоло не было въ это время въ Римини. Цѣлый годъ онъ отсутствовалъ. Франческа знала, что онъ былъ раненъ, но не опасно, поправляется. Она вспоминала, какъ нѣкогда мечтала, переодѣтой жомъ, быть съ нимъ на полѣ битвы, раздѣлять его усталость, повязать ему оружіе; воображала, какъ, быть можетъ, пересохшія отъ хорадки уста его просили пить, и самой ей казалось, будто въ груди горитъ неугасимая рана.

Но тѣмъ не менѣе, послѣ первыхъ недѣль отчаянія и тоски, безсонныхъ ночей и жгущихъ сердце слезъ, она, помня свой долгъ, рѣшила примириться съ судьбою и стала настоящей госпожей въ Римини. Монна Франческа взяла въ свои нѣжныя руки бразды правленія. Она сама вела весь домъ, сама провѣряла запасы въ кладовыхъ и количество сотканнаго полотна; подъ ея наблюденіемъ благородныя дѣвицы изъ дворянскихъ семействъ по цѣлымъ днямъ шили, вышивали и ткали, совершенствуясь въ своемъ умѣньи; она учила маленькихъ пажей вѣжливому обращенію, слѣдила за челядью, а также предсѣдательствовала на пышныхъ пирахъ, которые задавалъ Джіанчіотто, показывая сосѣднему рыцарству свою красавицу жену. Но тайныя слезы, которыя она проливала вечеромъ въ своей молельнѣ или по ночамъ, когда супругъ ея спалъ шумнымъ и тяжелымъ сномъ человѣка, который чрезмѣрно много ѣстъ и пьетъ—подтачивали ея красоту. Никто бы не узналъ въ блѣдной, высокомѣрной хозяйкѣ риминійскаго дворца, въ тяжелыхъ, роскошныхъ нарядахъ,—съ опущенными вѣками и плотно сжатыми губами, въ углахъ которыхъ застыли складки скорби,—той красавицы съ вѣнкомъ на каштановыхъ волосахъ, которая играла золотыми цвѣточными шарами въ садахъ Равенны.

Глаза ея смотрѣли впередъ и какъ бы не видѣли ничего; но они въ это время видѣли свое улетѣвшее счастье, и тѣнь недостижимаго застилала сапфировую ясность ея глазъ, дѣлая ее непроницаемой для лучей солнца и радости.

Прекрасной тѣнью неслышно скользила она по мраморнымъ залаиъ дворца Малатеста; никто никогда не видѣлъ ея улыбающейся; и только тѣ, кто знали раньше, какимъ невыразимымъ обаяніемъ освѣщала улыбка ея нѣжныя черты, могли понять, что̀ значитъ лицо Франчески безъ улыбки.

Ея руки, тонкія руки съ длинными пальцами, такія дѣятельныя прежде—то нанизывавшія жемчугъ на нити, то сплетавшія гирлянды изъ цвѣтовъ, чтобы украшать ими домъ отца, то ласкавшія головки дѣтей въ предвѣдѣніи счастливаго материнства—теперь все чаще лежали безцѣльно сложенныя на колѣняхъ,—и медленная походка ея показывала, что она влачитъ нестерпимую, слишкомъ обременительную для ея хрупкихъ плечъ тяжесть. Тяжесть эта была ея жизнь.

Джіанчіотто Малатеста часто гнѣвался на ея блѣдность и молчаливость. Онъ иногда послѣ своихъ попоекъ осыпалъ ее такою бранью, какъ подгулявшій морякъ въ Porte Primaro свою случайную возлюбленную, а иногда бѣшено ласкалъ, стараясь пробудить въ ней отвѣтную страсть, будя же только ужасъ и отвращеніе; но и въ томъ и въ дру-

гомъ случаѣ она оставалась одинаково безотвѣтной, только стискивала зубы. И въ восемнадцать лѣтъ въ волосахъ ея появились серебряныя пряди.

Такъ шла жизнь въ Римини, когда возвратился синьоръ Паоло. Если онъ уѣхалъ юношей, то вернулся зрѣлымъ мужемъ. Та печать, которую накладываетъ духовное страданіе, облагораживающее и возвышающее, коснулась и его чела. Но онъ встрѣтился съ Франческой дружественно-спокойно, какъ съ почитаемой супругой старшаго брата, и съ великодушіемъ мужчины старался установить между ними дружескія отношенія. Благоразуміе требовало, чтобы онъ не долго оставался въ Римини; однако, возможность видѣть Франческу изо дня въ день была сама по себѣ слишкомъ соблазнительна, чтобы отъ нея отказаться, тѣмъ болѣе, что Джіанчіотто, соскучившійся по братѣ, требовалъ его постояннаго присутствія. Иногда, за трапезой, осушивъ свой рогъ вина, онъ издѣваясь говорилъ:

— Женское общество, слезы и воздыханія успѣли мнѣ порядкомъ надоѣсть; не женись никогда, Паоло! Пріятнѣе тѣ жены, которыхъ можно мѣнять, какъ лошадей.

И смѣялся похожимъ на лязгъ желѣзныхъ цѣпей смѣхомъ, въ то время какъ Франческа по обыкновенію опускала глаза. Паоло же хотѣлось вскочить и кинуться на стараго коршуна, но онъ воздерживался, съ одной стороны, отъ всосаннаго съ молокомъ матери уваженія къ главѣ семьи, съ другой—изъ боязни хуже возстановить брата противъ жены своимъ заступничествомъ. Потомъ Джіанчіотто, развеселившись послѣ выпитаго вина, начиналъ разсказывать исторіи своихъ похожденій, и шрамъ на его лицѣ дѣлался сине-багровымъ. Паоло слушалъ со стѣсненіемъ, опасаясь, что разсказы эти оскорбляютъ Франческу, но въ этомъ онъ ошибался, такъ какъ Франческа слушала не мужа, а свои мысли.

«Неужли одна и та же мать могла произвести ихъ на свѣтъ!—думала она.—Неужли одно и то же чрево носило ихъ обоихъ! Но, вѣрно, всѣ темныя силы души бушевали въ ней, когда она зачала Джіанчіотто,—а въ мигъ, когда она дала жизнь Паоло, солнце свѣтило на небѣ и ангелы пѣли хвалебную пѣснь Творцу!»

И мысленно начинала сравнивать черты лица обоихъ братьевъ, но когда переводила глаза на тонкія черты Паоло, на его благородный лобъ, задумчивые глаза съ стыдливыми, какъ у дѣвушки, вѣками, на чистыя линіи его губъ, то она сама не замѣчала, что каждый взглядъ ея становится лаской, и что, уловивъ одинъ изъ такихъ взглядовъ, Паоло блѣднѣетъ отъ волненія.

Живя подъ одной кровлей, оба просыпались съ тѣмъ же чув-

ствомъ, мучительнымъ и радостнымъ, что сейчасъ они увидятъ другъ друга. Весь день представлялъ для нихъ цѣпь острыхъ страданій и наслажденій; наиболѣе ужасной была минута разлуки, когда послѣ ужина Джіанчіотто бралъ жену властнымъ движеніемъ господина и уводилъ ее, оставляя Паоло, который не спалъ всю ночь въ одномъ изъ отдаленныхъ покоевъ замка, стискивая зубы и ломая руки въ безсильномъ отчаяніи такъ же, какъ это дѣлала Франческа; но ему было легче, такъ какъ онъ былъ одинъ.

Потомъ ночь, тяжелая какъ страшное сновидѣніе, проходила, и съ солнцемъ вмѣстѣ являлась робкая радость и стучалась въ двери сердца:

— Сейчасъ вы увидите другъ друга!

Молодость брала свое. Въ безысходномъ мракѣ ихъ тоски было прекраснымъ то, что они могли насыщать свои глаза видомъ одинъ другого; и какъ на краю бездонной пропасти растутъ хрупкіе цвѣты, цѣпляясь ползучими корнями за голый камень и невѣдомо откуда беря силу и жизненные соки, такъ воздушные цвѣты счастья расцвѣтали на камняхъ двухъ загубленныхъ молодыхъ жизней: цвѣты улыбокъ, взглядовъ, молчанія и вздоховъ.

Джіанчіотто, не тяготившійся только обществомъ своихъ собутыльниковъ, сокольничихъ и псарей, сталъ все чаще и чаще оставлять жену съ Паоло, подсмѣиваясь надъ ихъ общею любовью къ книгамъ:

— Паоло точно въ монахи готовится, все читаетъ да пишетъ; мои пальцы не умѣютъ держать пера, они слишкомъ привыкли къ мечу.

И предлагалъ Паоло, не хочетъ ли онъ ужъ взяться и за пряжку. Но Паоло терпѣливо сносилъ его насмѣшки и отвѣчалъ ему, что броситъ книги, когда поправится. Лѣвая рука его все еще была на перевязи, и Франческа отдала ему ту самую перевязь, которую вышила въ счастливые дни, когда еще думала, что Паоло супругъ ея.

Въ отсутствіе Джіанчіотто они часто сидѣли въ собственныхъ покояхъ Франчески, въ нишѣ у открытаго окна, выходящаго въ садъ. Иногда они играли въ шахматы, но чаще ихъ головы склонялись надъ большими фоліантами, буквы которыхъ терпѣливые монахи изъ Агубб разрисовали яркими красками и золотомъ чудесными гирляндами, гд среди розъ, гранатъ и померанцевъ виднѣлись головки ангеловъ, др коны и грифы. Во дворцѣ Малатеста, кромѣ Библіи и священны книгъ, другихъ не было, но у синьора Гвидо была огромная библіоте по крайней мѣрѣ, въ сто драгоцѣнныхъ томовъ, не только свяще ныхъ книгъ, но и ученыхъ трактатовъ, хроникъ, сочиненій славнаго

современника историка Гвидо Равеннскаго, также математика Леонардо изъ Пизы; «Directorium humanae vitae» Джіованни Миланскаго, «Утѣшеніе философское» Боэція, и многія другія книги, а также и романы, которые Франческа взяла съ собою, уѣзжая изъ Равенны. Когда они читали вмѣстѣ, старая кормилица обычно дремала въ комнатѣ рядомъ, и только отецъ Игнацій иногда глазами рыси посматривалъ на нихъ и упрекалъ, что вмѣсто твореній св. отцовъ они читаютъ безнравственныя книги, какъ романъ Розы или повѣсть о вѣрной Гризельдѣ, или разсказы о рыцаряхъ Круглаго Стола. А именно эти разсказы и были любимою ихъ книгой. Нравилось имъ читать о безупречномъ рыцарѣ, королѣ Артурѣ; также о мудромъ кудесникѣ Мерлинѣ и Вивіанѣ бѣлѣе снѣга, замкнувшей его въ магическій кругъ чарами сильнѣе его, ибо ея были чары любви. О цвѣтѣ рыцарства, Ланчелотѣ съ Озера, воспитанномъ Феей, о Тристанѣ, плачущемъ и вздыхающемъ отъ тоски по нѣжной Изольдѣ съ золотыми косами такъ, что камни вторятъ его вздохамъ. О доброй и сильной Энидѣ, побѣдившей всѣ испытанія, посланныя ей ревностью Гарета. О Персевалѣ, освободившемъ бѣдную принцессу Бланшефіоръ; и о многихъ другихъ храбрыхъ рыцаряхъ, и прекрасныхъ дамахъ и подвигахъ читали они, переносясь мысленно въ тотъ міръ, откуда трубадуры берутъ свои пѣсни, въ міръ, гдѣ царитъ любовь, которая управляетъ солнцемъ и другими звѣздами. Они читали вслухъ, чередуясь, и каждый изъ нихъ, когда произносилъ слова любви, невольно вкладывалъ въ нихъ свой трепетъ. Но когда они бесѣдовали другъ съ другомъ, то никогда не касались того, что было тайной ихъ жизни, а говорили о своемъ дѣтствѣ, о своихъ матеряхъ, о подругахъ и товарищахъ, о прочтенныхъ книгахъ. И, однако, все, что они другъ другу говорили, казалось имъ цѣннымъ и прекраснымъ и значительнымъ.

Въ концѣ апрѣля Джіанчіотто уѣхалъ во Флоренцію по дѣламъ, и Франческа воспользовалась этимъ, чтобы съ его разрѣшенія навѣстить своего отца. Вся Равенна украсилась гирляндами, коврами и флагами къ прибытію дорогой гостьи, толпы высыпали встрѣчать ее. Когда она какъ принцесса проѣзжала на бѣломъ конѣ, покрытомъ роскошно вышитымъ чепракомъ, съ золотой сбруей, а рядомъ съ ней ѣхалъ стройный Паоло, которому Джіанчіотто поручилъ сопровождать ее,—женщины перешептывались о ней, и нѣкоторыя, прибывшія изъ чужихъ мѣстъ, спрашивали:

— Это рядомъ съ ней супругъ ея, что въ камзолѣ алаго бархата, у него гербъ Малатеста на груди?

Но тамошнія горожанки печально покачивали головами и отвѣчали:

— Кто можетъ сравнить розу съ чертополохомъ? Супругъ монны Франчески старъ, суровъ и безобразенъ... Это красивый Паоло, братъ его.

И сокрушенно говорили, какъ поблѣднѣла красавица Франческа, и какъ непохожа она на ту, которая своей дѣтской красотой освѣщала стѣны старой Равенны.

Монна Франческа просила отца, чтобы онъ не устраивалъ празднествъ, такъ какъ она утомлена, и ей хочется отдохнуть въ его обществѣ.

Старый синьоръ Гвидо былъ радъ дочери болѣе, чѣмъ когда-либо, такъ какъ сыновья его въ поискахъ славы почти совсѣмъ покинули отцовскій замокъ,—радъ былъ онъ и Паоло, и гостепріимно просилъ его остаться въ замкѣ, отъ чего тотъ не имѣлъ ни предлога, ни мужества отказаться.

Впервые за цѣлый долгій годъ, показавшійся ей безконечнымъ, снова испытала Франческа сладость родного дома; и ей такъ думалось, будто все прошедшее было тяжелымъ сномъ, но онъ кончился, и вотъ она снова свободная и счастливая просыпается утромъ въ своей дѣвичьей комнатѣ. Все здѣсь нетронуто, словно она и не уѣзжала изъ Равенны. Ея прялка стоитъ въ нишѣ у окна; со стѣнъ отовсюду смотрятъ на нее орлы дома Полента. Въ высокомъ канделябрѣ восковыя падуанскія свѣчи; любимыя ея вазы изъ Фаенцы наполнены свѣжими цвѣтами,—заботливая рука Изотты поставила въ нихъ цвѣтущія вѣтви олеандровъ. Вотъ зеркальце въ отдѣлкѣ изъ слоновой кости, гдѣ художникъ искусной рукою вырѣзалъ богиню любви въ золотой коронѣ, вѣнчающую розами двухъ любящихъ. Вотъ, на золотомъ фонѣ, Мадонна кисти великаго Чимабуэ, кротко склоняющая печальные взоры къ Младенцу и окруженная сложившими руки ангелами. Ларцы изъ санталоваго дерева, гдѣ хранятся ея дѣвичьи наряды, пересыпанные лавандой и розовыми листьями. Пяльцы съ начатымъ и неоконченнымъ покровомъ въ церковь—у стѣны. Ничто не измѣнилось за этотъ годъ, и съ завистью смотрѣла Франческа на неодушевленные предметы, казавшіеся ей болѣе совершенными, чѣмъ она сама.

Старая кормилица плакала отъ радости, очутившись въ родномъ гнѣздѣ, а Изотта опять принялась ухаживать за своей госпожей и спала у ея порога. Всѣ въ домѣ, даже любимыя борзыя синьора Гвидо, и лошади, и кошки, узнавшія Франческу, радовались ея пріѣзду.

Когда въ первое утро по прибытіи своемъ домой Франческа спустилась въ садъ, и съ прежней легкостью обѣжала его, здороваясь со своимъ любимымъ вязомъ, и съ кустами розовыхъ лавровъ, и съ

серебристыми оливами, и миртами, и бесѣдками, и фонтанами—ей почудилось, что она прежняя Франческа. Ночь въ ея комнатѣ, на постели, тонкія брюгскія покрывала которой пахли знакомымъ запахомъ лаванды и розоваго листа, подкрѣпила ее сладостно; и новое чувство, подобное тому, какое испытывала вся природа, проникнутая животворящимъ дуновеніемъ весны, подкралось къ ней.

Дѣти привратника на лужайкѣ играли въ золотые мячи изъ желтыхъ цвѣтовъ и сдѣлали себѣ изъ нихъ же короны. Франческа взяла одинъ изъ ихъ мячей и задумчиво смотрѣла на него.

Въ это время какъ разъ синьоръ Гвидо спускался по мраморной лѣстницѣ съ Паоло. Она взглянула на Паоло, и оба въ одну и ту же минуту вспомнили день ихъ первой встрѣчи. Паоло почувствовалъ желаніе упасть, подобно мертвому тѣлу, отъ избытка скорби. Онъ въ мысляхъ представилъ ее себѣ такою, какою она была въ тотъ день, въ платьѣ цвѣта побѣговъ молодой ивы, и сказалъ себѣ, что если бы какой-нибудь великій мастеръ написалъ тогда ея изображеніе, то трудно было бы узнать, что это одна и та же женщина; но она казалась ему еще прекраснѣе, увѣнчанная вѣнцомъ великой скорби.

Однако, дни, проведенные Франческой въ замкѣ отца, скоро вернули ей нѣкоторое подобіе прежней радости. Розы робко зацвѣтали на ея похудѣвшихъ щекахъ, и глаза становились яснѣе, пропадала понемногу странная дымка, заволакивавшая ихъ глубину; воздухъ родного сада живилъ ее и возвращалъ ей краски и улыбку.

Франческа вернулась къ своимъ дѣвическимъ занятіямъ, отдыхая отъ заботъ домоводства, часто дѣля свои досуги, какъ и въ Римини—съ Паоло.

Франческа вышивала покровъ пятью разрѣшенными церковью цвѣтами: краснымъ, обозначавшимъ кровь мучениковъ, голубымъ—знаменующимъ ихъ надежду на небесное блаженство, бѣлымъ—изображающимъ невинность Дѣвъ, лиловымъ—знакомъ понтификальной власти и, наконецъ, чернымъ—символомъ смерти.

И пока ея тонкіе пальцы прилежно наносили на бархатъ большіе цвѣты, лиліи и розы, голубей и сіяніе вокругъ нихъ—Паоло читалъ ей вслухъ. Май съ долгими днями окружалъ ихъ теплomъ и свѣтомъ, когда же они разставались, чтобы идти на покой—оба уходили умиротворенные и счастливые, какъ дѣти.

Ночь Франчески была чистой и мирной, а заря приносила ей новую радость, не омраченную ужасами ночи.

Въ день, о которомъ идетъ рѣчь, Франческа и Паоло оставались одни въ замкѣ. Уѣхалъ въ свое помѣстье на Монтоне синьоръ Гвидо,

вызванный управителемъ, отлучился въ Римини и о. Игнацій, проживавшій также въ Равеннѣ это время.

День былъ жаркій, и земля какъ бы изнемогала, пронизанная безчисленными лучами солнца, какъ св. Себастіанъ стрѣлами. Съ травъ и кустовъ поднимались одуряющія испаренія. Каждая чашечка и каждый вѣнчикъ цвѣтка были курильницами, расточавшими ароматы, какъ жертвенное славословіе великой силѣ, вызвавшей все живущее къ жизни.

Вокругъ окна вились алыя розы и цѣлыми кистями свѣшивались надъ нимъ; тихо журчали фонтаны въ саду. На солнцѣ бѣлые павлины лѣниво распускали свои хвосты, какъ восточныя опахала, и иногда рѣзкимъ крикомъ ранили тишину. Подъ сѣдою кровлей ворковали голуби. Все отдыхало и замерло въ полдневной истомѣ, только бѣлые мотыльки неутомимо перегонялись въ воздухѣ, слетались и соединялись, трепеща крылышками.

Синьоръ Паоло читалъ Франческѣ повѣсть о Ланчелотѣ и Джиневрѣ, прекрасной и благородной супругѣ короля Артура. О томъ, какъ она не могла побѣдить любви, ниспосланной ей рокомъ, и грѣшной любовью любила Ланчелота. Онъ же, не взирая на то, что былъ достойнѣйшимъ и вѣрнымъ рыцаремъ своего короля, также не могъ противиться тому, что выше царской власти: и эти двое любили другъ друга такъ, что не могли уже скрывать своего чувства отъ другихъ.

Глубоко задумавшись, слѣдила Франческа за разсказомъ о мученіяхъ королевы Джиневры и о борьбѣ ея сердца; грудь ея тяжело вздымалась. Она не могла внимательно работать, и руки ея безсильно упали вдоль колѣнъ.

Сидя въ креслѣ съ высокою спинкой, къ которой она прислонилась, словно боясь упасть, монна Франческа похожа была на изваяніе. Волосы ея, раздѣленные посрединѣ, двумя волнистыми прядями обрамляли ея тонкія щеки и закрывали уши; они были сколоты сзади узломъ, и подъ ихъ тяжестью какъ бы гнулась маленькая головка. Опущенные глаза темнѣли въ тѣни; страдальческая мысль сдвинула тонко очерченныя брови и зазмѣилась въ углахъ устъ съ тѣмъ выраженіемъ, какое художники начали придавать Мадоннѣ, провидящей будущее страданіе.

Паоло дошелъ наконецъ до того мѣста, когда Ланчелотъ и Джиневра отдаются голосу любви, непреодолимо толкающей ихъ другъ къ другу, и когда Ланчелотъ цѣлуетъ улыбку на устахъ своей возлюбленной.

— Онъ поцѣловалъ улыбку на устахъ своей возлюбленной,-

повторилъ Паоло, и дрогнулъ его голосъ, и прервался, точно желѣзная рука судьбы стиснула ему горло. Онъ поднялъ глаза и встрѣтилъ взглядъ Франчески. Не было улыбки на устахъ ея; но двѣ синія звѣзды, служившія глазами моннѣ Франческѣ, смотрѣли ему прямо въ глубину души, и звали и ждали его.

Какъ бы синіе лучи протянулись между ними и магическими чарами притягивали ихъ другъ къ другу. И вотъ, книга выпала изъ рукъ Паоло, онъ склонилъ колѣни, словно невидимая сила любви заставила его преклониться передъ собою—и уста Паоло и Франчески соединились, прильнули одни къ другимъ, какъ къ божественному источнику жизни и смерти, и не могли оторваться; и только легкій стонъ, вырвавшійся у Франчески, какъ бы предчувствіемъ, какъ бы вздохомъ эоловой арфы раздался въ священной тишинѣ.

Въ этотъ день они больше не читали.

Ночью, когда все въ замкѣ стихло, Паоло черезъ окно проникъ къ возлюбленной. И держа ее въ объятіяхъ, какъ любимое дитя, онъ говорилъ о томъ, какъ убѣжать имъ.

— Въ Венеціи у меня есть другъ,—говорилъ онъ,—мы вмѣстѣ съ нимъ были посвящены въ рыцари и въ походѣ помѣнялись крестами. Онъ капитанъ галеры; съ его помощью мы уѣдемъ куда-нибудь, въ Святую Землю или въ Триполисъ, или на какой-нибудь затерянный въ синей безконечности моря островъ, и тамъ никто не будетъ знать о насъ.

И разсказывая другъ другу все, о чемъ молчали до сихъ поръ, они какъ бы спѣшили вознаградить себя за это молчаніе. Какъ они полюбили другъ друга, какъ они страдали и какъ теперь они будутъ жить другъ для друга, все это повторяли они, смѣшивая слова, клятвы, счастливыя слезы и ласки. И не замѣтили, какъ первые лучи зари освѣтили покой и смѣшались съ колебавшимся свѣтомъ восковой свѣчи; не замѣтили и какъ распахнулась дверь, и только вдругъ увидали, что на порогѣ всталъ, какъ привидѣніе, грозный и страшный Малатеста.

Его рубецъ, какъ багровый ударъ бича, пересѣкалъ лицо, и глаза свѣтились дьявольскимъ блескомъ.

Онъ выхватилъ свой мечъ и хотѣлъ кинуться на брата.

— Меня, меня, а не его!—успѣла вскрикнуть Франческа и заслонила Паоло, всѣмъ тѣломъ обвившись вокругъ него подобно виноградной лозѣ, охвативъ его обѣими руками и прижавшись къ нему такъ тѣсно, что когда Малатеста вонзилъ свой мечъ съ нечеловѣческой силой прямо ей въ спину, туда, гдѣ темная коса спускалась въ

нѣжномъ углубленіи между плечъ, то лезвіе проникло и въ грудь Паоло, и въ крѣпкомъ этомъ объятіи двое влюбленныхъ испустили послѣдній вздохъ, бывшій для нихъ и вздохомъ любви.

Убійца съ ужасомъ кинулся вонъ. А когда, нѣсколько часовъ спустя, открыто было страшное злодѣяніе, и синьоръ Гвидо и женщины съ воплями отчаянія бросились въ комнату Франчески, оба тѣла такъ застыли въ смертельномъ объятіи, что разлучить ихъ нельзя было, и ихъ схоронили въ одной могилѣ.

Такъ погибли прекрасная Франческа и Паоло изъ Римини; и хотя жизнь ихъ была печальна, какъ слезы, и коротка, какъ весенняя ночь, зато смерть ихъ была завидною для любящихъ смертью; и, вѣрно, небеса простили имъ ихъ вину, ибо силѣ любви противиться невозможно, и высшій грѣхъ—есть грѣхъ противъ любви.

Т. Щепкина-Куперникъ.

---

* * *

Я печаленъ, я грѣшенъ,—
Только ты не отвергни меня.
Я твоей красотою утѣшенъ
Въ озареньи ночного огня.

Не украшены стѣны,
Желтымъ воскомъ мой полъ не натертъ,—
Я твоей не боюся измѣны
Я великою вѣрою твердъ.

И на шаткой скамейкѣ
Ты, босая, сидѣла со мной,
И въ тебѣ, роковой чародѣйкѣ,
Зажигался плѣнительный зной.

Есть у бѣдности сила,—
И печалью измученный взоръ
Зажигаетъ святыя свѣтила,
Озаряетъ великій просторъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

* * *

Порой повѣетъ запахъ странный,—
Его причины не понять,—
Давно умершій, день туманный
Переживается опять.

Какъ встарь, опять печально всходишь
На обветшалое крыльцо,
Засовъ скрипучій вновь отводишь,
Вращая ржавое кольцо,—

И видишь тѣсные покои,
Гдѣ половицы чуть скрипятъ,
Гдѣ отсырѣлые обои
Въ углахъ тихонько шелестятъ;

Гдѣ скучный маятникъ маячитъ,
Внимая скучнымъ, злымъ рѣчамъ,
Гдѣ кто-то молится да плачетъ,
Такъ долго плачетъ по ночамъ.

Ѳедоръ Сологубъ.

ЗАПИСКИ ЛИНДЫ МУРРИ *).

XXX.

Бездна.

Здѣсь я могла бы окончить свою повѣсть; для того, чтобъ разсказать о дальнѣйшемъ, у меня все равно нехватитъ словъ. Бѣдныя мои дѣтки! Я согрѣшила передъ законами міра, у меня нехватило терпѣнія и покорности, но сумѣла ли я дать вамъ хоть слабое представленіе о тѣхъ мукахъ, какими я искупила свой грѣхъ?

Бѣдный Ческо долженъ былъ вернуться вечеромъ 29-го, въ 11 часовъ. Онъ не вернулся. Но я не удивилась, такъ какъ планъ его путешествія съ остановкой въ Болоньѣ и заѣздомъ въ Каварцере могъ быть выполненъ лишь при условіи совпаденія минуту въ минуту всѣхъ поѣздовъ, а отъѣздъ въ Миланъ былъ назначенъ на 30-ое вечеромъ. Я ждала только объяснительнаго письма или телеграммы, такъ какъ мнѣ надо было отправить кой-какія вещи лагуной въ Каварцере, а мнѣ раньше никогда не доводилось имѣть дѣло съ барочниками. Но утренняя почта ничего мнѣ не принесла; тогда я телеграфировала въ Каварцере, разсчитывая захватить тамъ мужа, и получила въ отвѣтъ, что тамъ онъ еще не бывалъ. Я, конечно, удивилась, но все-таки ждала его съ минуты на минуту и совсѣмъ не тревожилась; даже барочниковъ заставила просидѣть цѣлый день, такъ какъ отъ Бонетти пришла открытка съ извѣщеніемъ, что она видѣла Ческо въ Болоньѣ. Но по мѣрѣ того, какъ время шло, а Ческо не пріѣзжалъ и не давалъ знать о себѣ, мной овладѣвала все возраставшая тревога; мнѣ еще не приходило въ голову, что съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе—мнѣ казалось, что тогда бы я знала объ этомъ,—но я думала, что онъ что-нибудь затѣялъ противъ

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1907 г.

меня. Надо вспомнить, какъ я относилась къ нему въ послѣднее время и каково было мое душевное состояніе всѣ эти дни, начиная съ 24-го августа.

Такъ прошелъ весь день 30-го и потомъ 31-ое августа. Въ своей треволѣ я написала всѣмъ, кто могъ дать мнѣ совѣтъ и вѣсточку о мужѣ, въ томъ числѣ и своимъ. Вызвала къ себѣ Вальвасори, но и онъ, и синьора Скуделлари, родственница Ческо, съ которой я 31-го встрѣтилась у обѣдни, успокоивали меня, говоря, что, еслибъ съ Ческо случилось несчастіе, мнѣ уже дали бы знать. Вальвасори, подобно мнѣ, опасался, не придумалъ ли Ческо какой-нибудь новой каверзы; Скуделлари, напротивъ, думала, что Ческо задержался изъза любовной авантюры. Камердинеръ Фердинандъ, посвященный въ интимную жизнь своего барина, также склоненъ былъ предполагать послѣднее и нимало не тревожился.

Баттиста, зная, что 31-го истекаетъ срокъ нашего контракта на квартиру въ Венеціи, звалъ меня погостить у него въ Сельваццано и тамъ дождаться возвращенія Ческо. Родители, наоборотъ, совѣтовали мнѣ поступить, какъ было условлено между мною и Ческо, и ѣхать въ Швейцарію.

Но моя тревога и нерѣшительность все возрастали; я предпочла бы совсѣмъ не трогаться съ мѣста, еслибъ не безусловная невозможность оставаться дольше на этой квартирѣ. 1-го августа я рѣшила, независимо отъ того, получу я или нѣтъ вѣсточку отъ Ческо, ѣхать на другой день въ Фэдо. Часть вещей отправила въ Падую, часть на вокзалъ на храненіе и придумала, пока что, взять съ собою кухарку, чтобъ не ѣхать одной, а Фердинанда и Адель отправить въ Болонью. Фридѣ же сказала, что не хочу ни брать ее съ собой, ни отправлять ее въ Болонью, такъ какъ мнѣ надоѣли ея дурной характеръ и вѣчныя сплетни; я заплатила ей все, что ей слѣдовало по 15-ое сентября (срокъ ея найма), и посовѣтовала ей вернуться домой. Она, повидимому, осталась довольна.

Такимъ образомъ все какъ будто устроилось и, хотя я все время страшно тревожилась необъяснимымъ отсутствіемъ извѣстій отъ мужа, мнѣ казалось, что теперь можно ѣхать, какъ вдругъ пришла телеграмма изъ дому съ просьбой отложить отъѣздъ. Такъ какъ я писала и Червесато, я рѣшила, что это онъ привезъ моимъ какую-нибудь вѣсточку о Ческо, или что они сами что-нибудь узнали, но успокоиться на этомъ не могла; составленная въ неясныхъ выраженіяхъ телеграмма только взволновала меня еще больше: я предчувствовала, что вѣсти будутъ дурныя. Какъ мучительно тянулись часы ожиданія!

Въ ночь со 2-го на 3-е сентября я ни на минуту не сомкнула глазъ. Въ половинѣ шестого меня поднялъ съ постели рѣзкій звонокъ. Я бросилась отворять, почти увѣренная, что это, наконецъ, вернулся Ческо, но вмѣсто него увидала передъ собой дядю Рикардо и моего брата.

Дальше—сонъ, страшный кошмаръ, ускользающій изъ моей памяти. Мнѣ стоитъ огромныхъ усилій припомнить подробности этого утра.

Оба были блѣдны, но лицо Нино поразило меня, какъ ни была я поглощена мыслью о Ческо. Ни кровинки въ лицѣ и глаза какъ неживые.

— Ну? Знаете вы что-нибудь о Ческо?

Дядя одинъ отвѣтилъ:

— Да... Онъ нездоровъ... Потому онъ и не вернулся.

— Но какъ же это? Почему же онъ не далъ знать мнѣ? Я бы пріѣхала.

— Онъ не въ состояніи былъ говорить... сказать...

— Какъ! Это настолько серьезно? Что съ нимъ такое? Чѣмъ онъ боленъ? Гдѣ онъ? Развѣ не могли посмотрѣть у него въ портфелѣ? Развѣ при немъ не было визитныхъ карточекъ? Сколько времени онъ боленъ?

На мои тревожные разспросы дядя отвѣчалъ неувѣреннымъ голосомъ, путаясь въ словахъ:

— Некому было тебя предупредить... Онъ былъ одинъ дома... Не могъ даже крикнуть, позвать... Съ нимъ случился ударъ... дней пять тому назадъ.

Въ умѣ моемъ блеснула мысль, что Ческо умеръ. Какъ! Черезъ пять дней послѣ удара онъ могъ самъ оправиться, позвать... Это было совсѣмъ невѣроятно. Притомъ же дядя искалъ словъ, запинался, говорилъ какъ-то неясно.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричала я.—Скажите правду! Онъ умеръ?

Дядя не отвѣтилъ; я разсердилась, расплакалась, требовала отъ него болѣе опредѣленнаго отвѣта. Дядя не отрицалъ, бормоталъ только:

— *Да нѣтъ же... но...*—или: *мужайся*, и это, конечно, ничего мнѣ не объясняло и нисколько меня не успокаивало.

Неожиданно онъ спросилъ:

— Скажи мнѣ, Линда: были у тебя золотыя вещи, деньги, цѣнности?

— Золотыя вещи—да; серебро столовое—тоже да; денегъ не

было. Но почему вы спрашиваете? Какое же это имѣетъ отношеніе?— невольно удивилась я, несмотря на свое горе.

— А не можешь ли ты сказать, сколько стоили твои золотыя вещи? Ну, хоть приблизительно?

— Я?... Нѣтъ! Откуда же мнѣ знать? Но почему ты спрашиваешь объ этомъ?—все больше изумлялась я.

— Да... тамъ у васъ, должно быть, побывали воры.

Въ умѣ моемъ возникла смутная догадка, но я такъ растерялась, что еще не сумѣла найти страшную связь между этими двумя фактами, и по настоянію дяди описала ему свои драгоцѣнности, *которыя считала настоящими*. (Позже я узнала, что всѣ эти украшенія, подаренныя мнѣ мужемъ, были фальшивыя). Дядя Рикардо оцѣнилъ ихъ приблизительно въ пять тысячъ.

Во время нашего разговора съ дядей Нино не проронилъ ни слова (тогда я объяснила себѣ его молчаніе только тѣмъ, что онъ находился подъ страшнымъ впечатлѣніемъ смерти Ческо). Я рѣшила немедленно же ѣхать въ Болонью и, вся въ слезахъ, пошла будить дядей.

Проснувшись и увидѣвъ передъ собою своихъ любимыхъ дядей, они очень обрадовались, засмѣялись, запрыгали. И окончательно пришли въ восторгъ, когда я сказала имъ, что мы скоро ѣдемъ,— какъ я полагала въ девять часовъ утра.

Замѣтивъ, что я плачу, они принялись утѣшать меня.

— Не плачь, мамуся! О чемъ ты плачешь?

— Мнѣ нездоровится, дѣтки. Будьте умницами.

Какъ меня поражала ихъ радость! Бѣдняжки, они не знали...

У меня не было ни одного чернаго платья, кромѣ того, что осталось въ Болоньѣ. Я такъ любила тогда одѣваться въ бѣлое, въ голубое! Но надѣть свѣтлое платье теперь, въ *такую* дорогу—нѣтъ, нѣтъ, этого я не могла. Я кликнула горничную Адель и послала ее купить мнѣ черное платье.

— Иди, куда знаешь, покупай, что хочешь, только-бъ было черное. Поди къ Беккони—они, кажется, открываютъ въ восемь.

Адель посмотрѣла на часы.

— Но, синьора, ужъ поздно! Мы опоздаемъ на поѣздъ.

— Боже мой, да не могу же я ѣхать къ *нему* въ этомъ свѣтломъ платьѣ,—простонала я.

Адель робко предложила мнѣ свое праздничное черное платье, и я надѣла его. Смутно помню, что оно было мнѣ коротко и широко... и страшно не къ лицу... Но не все ли равно? Мнѣ хотѣлось какъ нибудь унизить себя, облечься въ трауръ, чтобъ и внѣшность моя соотвѣтствовала безумной тоскѣ моей души.

Помогая мнѣ переодѣваться въ этотъ печальный и бѣдный нарядъ, Адель со вздохомъ сказала мнѣ:

— Ахъ, синьора, вѣдь говорятъ, бѣднаго графа зарѣзали.

— Зарѣзали!—закричала я не своимъ голосомъ. Смерть, воры, драгоцѣнности!... Все, что изъ жалости старался скрыть отъ меня дядя, вдругъ стало яснымъ и понятнымъ; передъ глазами встала страшная картина. Только вспомнить это—какой ужасъ; какой ужасъ!...

Я хотѣла знать больше... допытывалась... и боялась услышать, зажимала руками уши!

А между тѣмъ тогда я еще не знала самаго ужаснаго. Когда намъ кажется, что мы дошли до крайняго предѣла горя и не въ силахъ больше страдать, тутъ-то насъ и стережетъ другое горе, еще болѣе ужасное.

Нино все молчалъ; онъ словно онѣмѣлъ, и въ его широко раскрытыхъ глазахъ застыло выраженіе ужаса.

О, какой ужасъ для меня писать эти строки, снова вызывающія въ моей памяти всю эту страшную картину.

Бѣдныя дѣти, ничего не подозрѣвая и думая, что мы всѣ, вмѣстѣ съ дядями, ѣдемъ въ гости къ дѣду и бабкѣ, смѣялись и прыгали отъ радости. Я бродила по дому, какъ сомнамбула, не зная, наяву все это происходитъ или во снѣ, но тогда у меня не явилось ни малѣйшаго подозрѣнія, что дѣло было не такъ, какъ разсказываетъ дядя Рикардо, а гораздо, гораздо хуже! Мнѣ казалось невозможнымъ пережить и это. О, если-бъ я знала, какая мука еще ждетъ меня впереди!...

Мы поѣхали; не сумѣю описать подробностей; помню, что мнѣ было трудно идти—земля какъ будто уходила изъ-подъ ногъ, и казалось, что нечѣмъ дышать; не понимаю, какимъ образомъ я безъ посторонней помощи продѣлала все, что нужно было для того, чтобы сѣсть въ поѣздъ. На вокзалѣ въ Падуѣ насъ встрѣтилъ Вальвасори; онъ что-то говорилъ мнѣ, утѣшалъ, но я была какъ мертвая, и почти не сознавала, что происходитъ кругомъ.

На вокзалѣ въ Болоньѣ меня ждали нѣсколько добрыхъ друзей; при видѣ ихъ рыданія сдавили мнѣ горло, и я вдругъ такъ ослабѣла, что меня почти на рукахъ внесли въ карету, и кучеръ сдѣлалъ большой крюкъ, такъ какъ друзья не хотѣли, чтобъ я проѣхала мимо южкового дома, гдѣ мы жили съ Ческо.

Дома—у нашихъ—меня встрѣтилъ папа. И мы поплакали вмѣстѣ. Но онъ, бѣдный, могъ только по *человѣчеству* жалѣть несчастнаго Ческо и плакалъ обо мнѣ, повторяя:

— Бѣдная моя Линда! Какая ты всегда была несчастная! Удивительно безжалостна къ тебѣ судьба...

Въ этотъ день и въ послѣдующіе я заказала трауръ дѣтямъ; мои горничныя привезли изъ Венеціи ручной багажъ, но забыли отправить большой сундукъ, отданный на храненіе на вокзалѣ въ Венеціи и приготовленный для отправки въ Фэдо. А тамъ было уложено все мое бѣлье и платье. Но кто въ такомъ испугѣ и спѣшкѣ сталъ бы думать о подобныхъ мелочахъ?

Я искренно желала проводить бѣднаго усопшаго къ его послѣднему жилищу. Но родные мнѣ не позволили, а сама я находилась въ такомъ подавленномъ состояніи, что не имѣла силы сдѣлать по-своему. Я жила точно въ какомъ-то страшномъ кошмарѣ, все время думая о томъ, кого ужъ не было въ живыхъ, съ такой глубокой, безконечной жалостью.

Я не знала тогда, что Нино, по настоянію дяди Рикардо и еще больше собственной совѣсти, открылъ ему свою страшную тайну. И когда на другой день отецъ и всѣ прочіе принялись убѣждать меня тотчасъ же уѣхать, я подумала только, что они хотятъ увезти меня подальше отъ этого злополучнаго города, и была такъ обезсилена своимъ горемъ, что могла только подчиняться чужой волѣ.

И мы уѣхали.

Это путешествіе неизгладимо врѣзалось мнѣ въ память, конечно, потому, что во время его въ душѣ моей открылась новая неизмѣримая бездна скорби, гибель всей нашей семьи и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе моей невольной нравственной отвѣтственности въ этой драмѣ. И безконечное отчаяніе овладѣло мною.

Но я ничего, ничего не помню изъ этого путешествія, кромѣ одного момента, озарившаго словно зловѣщимъ блескомъ молніи всю глубину моего несчастія.

Я выѣхала изъ Болоньи до того поглощенная своимъ горемъ, что не взяла съ собой ничего теплаго—ни одѣяла, ни пледа, ни накидки; а въ Готтардскомъ туннелѣ было холодно, я испугалась, какъ бы дѣти не схватили простуды, сняла съ себя верхнюю кофточку и укрыла Марію, а Нинетто взяла къ себѣ на колѣни и закутала его своимъ платьемъ.

Когда мы подъѣзжали къ Артъ-Гольдау, братъ Нино взялъ меня за руку, чтобъ посмотрѣть, сплю ли я, такъ какъ я сидѣла съ закрытыми глазами и не двигаясь, чтобы не разбудить Нинетто.

Я открыла глаза. Онъ нагнулся ко мнѣ.

— Знаешь?—пробормоталъ онъ,—я думаю не заѣзжать въ Цюрихъ, а бѣжать дальше.

— Какъ?... Что?...—я не поняла.

— Ну да, бѣжать. Говорятъ, въ нашемъ поѣздѣ ѣдетъ полиція.

— Полиція?! Такъ ты то при чемъ? Почему ты хочешь бѣжать? Да что съ тобой?—я никакъ не могла взять въ толкъ, что онъ такое говоритъ.

— Видишь ли... У нихъ, кажись, есть подозрѣнія насчетъ меня... Мнѣ, повидимому, грозитъ арестъ...

— И ты хочешь бѣжать? Бѣжать вмѣсто того, чтобъ защищаться?... Но какъ у тебя могла явиться такая мысль? Вѣдь подобное подозрѣніе можетъ вызвать только негодованіе!

— Да, ты права. Но отъ предварительнаго заключенія все равно не уйдешь, а этого я не хочу... Сама знаешь, какъ это бываетъ... Въ 98-мъ году я тоже ничего худого не дѣлалъ; однако, не удери я тогда, мнѣ пришлось бы таки отсидѣть четыре мѣсяца.

— Да полно же, Нино! Въ 98-мъ году это были пустячныя обвиненія, почти почетныя для тебя... а это!... Нѣтъ, ради Бога, Нино! Нельзя бѣжать! Защищайся!

Онъ, бѣдный, волнуясь, хриплымъ голосомъ возражалъ:

— Тебѣ легко говорить, Линда; но, повѣрь мнѣ, ты ошибаешься.

— Нѣтъ, я не ошибаюсь! Ты *долженъ* защищаться, понимаешь? *Долженъ* ради себя, ради меня, ради всѣхъ насъ!

— Ахъ! Да вѣдь ты же не знаешь, что я раненъ!—простоналъ онъ съ отчаяніемъ.

Я отшатнулась отъ него со страхомъ и недовѣріемъ. Онъ протянулъ ко мнѣ правую руку, завернулъ рукавъ, и я увидѣла раздавленную кисть, багровую, вздувшуюся, ужасную...

И откинулась въ уголъ, теряя сознаніе... Не знаю, много ли времени прошло,—должно быть, всего нѣсколько минутъ... Поцѣлуй въ лобъ, ласковое прикосновеніе пальцевъ къ моему лицу, слова: «*Прощай, бѣдная Линда*» вернули меня къ жизни, и я судорожно зарыдала.

Я еще разслышала слова, которыя несчастный шепталъ, нагнувшись надо мною:

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо плакать, ты погубишь себя... Подумай о дѣтяхъ! Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога! Не дай мнѣ уйти въ такомъ отчаяніи!

Мигъ—и онъ скрылся, прошелъ черезъ всѣ вагоны и съ послѣдней площадки соскочилъ на платформу.

Я, обезумѣвъ отъ ужаса, слѣдила за нимъ взглядомъ; мнѣ вдругъ

— Нѣтъ, мамочка, *я не могу дотронуться до нея*. Унеси ты ее, пожалуйста! Мнѣ больно смотрѣть на нее.

Я исполнила его просьбу. Но мой мальчикъ, до того, какъ обыкновенно, напѣвавшій за игрой, теперь не пѣлъ больше и сидѣлъ задумчивый. При моемъ тогдашнемъ душевномъ состояніи эти слова моего сына произвели на меня особенно сильное впечатлѣніе.

Ахъ, я припоминаю каждое слово, каждую мелкую подробность этихъ послѣднихъ дней нашей совмѣстной жизни, какъ бѣднякъ собираетъ послѣднія крохи, не дающія ему умереть съ голоду. Кто бы сказалъ мнѣ тогда, что я буду такъ долго лишена утѣшенія видѣть моихъ ненаглядныхъ, что это, можетъ быть, послѣднія наши бесѣды, послѣдніе поцѣлуи! Среди самыхъ жестокихъ испытаній, посылаемыхъ судьбой, какъ будто чья-то милосердная рука, не властная избавить насъ отъ боли, но желающая облегчить ее, отмѣриваетъ намъ горе постепенно увеличивающимися дозами, какъ бы пріучая душу переносить его и всякій разъ оставляя надежду, которая не даетъ окончательно обезумѣть...

9-го пріѣхалъ мой отецъ. Мы вмѣстѣ горевали, плакали, вспоминали, и намъ обоимъ стало какъ-то легче. Благодаря лѣченію д-ра Гааба, я настолько оправилась, что уже начинала вставать съ постели, когда пришла телеграмма изъ Болоньи отъ слѣдователя, вызывавшаго меня или брата для дачи нѣкоторыхъ разъяснительныхъ показаній. Гдѣ находился въ данное время Нино, мы не знали; я, сама ужъ не знаю—какъ, нашла въ себѣ силу уѣхать, вполнѣ увѣренная, что вернусь черезъ два-три дня. Я поручила дѣтей заботамъ милаго доктора Гааба и поѣхала вмѣстѣ съ отцомъ.

Мои ангелочки говорили мнѣ:

— Зачѣмъ ты оставляешь насъ однихъ, мамуся?

— Я вернусь черезъ два дня, дѣтки, и если, какъ я надѣюсь, вы будете хорошо вести себя въ мое отсутствіе, я буду съ вами часто-часто ѣздить на электрическомъ трамваѣ.

Это было ихъ любимымъ развлеченіемъ въ Цюрихѣ, такъ какъ въ Болоньѣ у насъ водились только конки.

У меня все время стоятъ передъ глазами ихъ милыя личики, опечаленныя моимъ отъѣздомъ, звучатъ въ ушахъ ихъ огорченные голоса, а въ душѣ—ихъ послѣдніе поцѣлуи. Вотъ ужъ больше трехъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; я выплакала себѣ всѣ глаза, и сердце мое тысячу разъ рвалось на части отъ воспоминаній, но и теперь я не могу писать о нихъ безъ слезъ—не могу, не могу!

О, мои бѣдняжки! Еслибъ я вѣрила, что существуетъ божество, ревнующее, когда человѣкъ слишкомъ привязанъ къ чему-нибудь

земному, я бы сказала, что это божество разлучило меня съ вами, позавидовавъ моей любви къ вамъ. Еслибъ я могла предвидѣть, что мнѣ придется жить вдали отъ васъ, я бы, несомнѣнно, убила бы себя въ тотъ же день!...

Хуже позора, безславія, предательства и тюрьмы, страшнѣй всего, что мнѣ пришлось пережить ужаснаго въ жизни, горше всѣхъ мукъ, какихъ ничья фантазія не нашла и въ аду, мнѣ была и есть разлука съ моими дѣтьми. Это неутѣшное горе не проходитъ, не забывается; его не залѣчитъ время, къ нему нельзя привыкнуть. Позоръ и предательство мнѣ помогаетъ сносить моя гордость; къ тюрьмѣ, къ матеріальнымъ лишеніямъ было нетрудно привыкнуть—суровое воспитаніе въ дѣтствѣ хорошо закалило меня, но противъ этой боли, которая рветъ мнѣ душу на части, безсильны и время, и разумъ. И нѣтъ надежды, и во снѣ не забудешься. Мнѣ снятся всегда они, и послѣ этого призрачнаго блаженства еще ужаснѣй пробужденіе.

Не успѣла я пріѣхать въ Болонью, какъ узнала, что мои отношенія съ докторомъ Секки вышли наружу... Это меня весьма огорчило, ибо теперь моя завѣтная тайна, которую я такъ ревниво хранила, стала пищей злымъ языкамъ.—А мой отецъ! Безпредѣльна была его скорбь, когда онъ узналъ, что его любимая дочка, которой онъ такъ гордился, считалъ ее непорочной душою и тѣломъ, «*прелюбодѣйка*»...

Говорятъ—и я вѣрю этому,—что для отца горше было узнать объ этомъ грѣхѣ своей дочери, чѣмъ о томъ, что сынъ его—убійца! Это убійство онъ до извѣстной степени могъ объяснить себѣ приступомъ безумнаго гнѣва:—кровь кинулась въ голову, затемнила разсудокъ; получилось нѣчто вродѣ остраго, буйнаго помѣшательства. Но моей винѣ онъ не находилъ оправданія. Говорятъ, онъ и теперь еще твердитъ:

— Если *она* любила Секки, ужъ лучше было открыто уйти къ нему, бросивъ дѣтей. Но не идти на компромиссы, не лицемѣрить, не лгать!

Да, бѣдный мой папа! Но ты не испыталъ на себѣ, что̀ такое страсть при тѣхъ ужасныхъ условіяхъ, въ какія я была поставлена. Ты не знаешь, какъ я боролась, прежде чѣмъ пасть... Но ты знаешь, что я *не могла* бросить дѣтей и *только изъ-за нихъ* я лгала.

За то горе, отецъ, которое я тебѣ причинила, я больше у тебя ужъ не прошу прощенія. Ты видѣлъ меня, убитую горемъ, искупившую свой грѣхъ муками, которымъ нѣтъ имени и предѣла, и ты простилъ, я это знаю!

Въ Болоньѣ мнѣ сказали, что отецъ самъ донесъ на сына!...

Боже мой! Боже мой! Какъ онъ можетъ жить послѣ этого? и всего остального, что прошло сквозь его душу?... Въ Болоньѣ же я узнала, какія ужасныя клеветы распространяютъ обо мнѣ, и увидѣла себя захваченной адскимъ вихремъ, который и до сихъ поръ не улегся. Я чувствовала, что мой арестъ неизбѣженъ; въ страхѣ и трепетѣ ждала его,—и вотъ тогда мнѣ пришла мысль о смерти. Впереди сплошной ужасъ, холодъ и мракъ тюрьмы... А дѣти—дѣти далеко! Потомъ наступила реакція: сперва негодованіе проснулось въ душѣ при видѣ безпредѣльности злобы людской, потомъ какая-то безумная жажда страданія, потребность окунуться съ головою въ горе, испить до дна чашу человѣческаго униженія. До того, что я сама себѣ казалась невѣсть какой сильной желаніемъ защитить себя, опровергнуть нелѣпое обвиненіе. Въ дѣйствительности же я, должно быть, просто не успѣла еще разобраться въ томъ, что со мною стряслось. Я думала тогда, что достаточно быть невинной, достаточно найти всему естественное, логическое объясненіе, заговорить откровенно, чтобы все стало ясно. Я думала, что для *правосудія* этого достаточно, а что судъ можетъ быть *неправымъ*, это мнѣ и въ голову не входило...

Тѣмъ временемъ друзья стали предостерегать меня, разсказывать о предстоящихъ важныхъ арестахъ, о томъ, что опасность грозитъ лично мнѣ... Это былъ какой-то сплошной ужасъ и мракъ, безъ единаго просвѣта. И, вдобавокъ ко всему, еще постоянная безумная тревога за брата и страшный кошмаръ убійства... Все это до того измучило мнѣ душу, что, казалось, въ ней совсѣмъ не осталось силы жить...

Наканунѣ ареста меня предупредили, что меня арестуютъ, но тогда я еще не знала—*за что именно*... я думала: можетъ за то, что я способствовала бѣгству Нино... Но мнѣ такъ жутко было идти въ тюрьму, что я хотѣла убить себя и умоляла бѣднаго Далла дать мнѣ яду... мнѣ казалось, что я все равно не переживу этого униженія сдѣлаться *арестанткой*. Меня не пугала тогда даже вѣчная разлука съ моими малютками; я поручила ихъ попеченіямъ Баттиста и графини Кавацца, а сама рѣшила уйти изъ этого ужаснаго міра, съ которымъ слабой женщинѣ не подъ силу бороться.

Но за мной зорко слѣдили, и одинъ изъ моихъ друзей, докторъ Фабіо Витали, говорилъ мнѣ:

— Какъ! Вы не хотите защищаться? Хотите оставить вашего бѣднаго отца и вашихъ дѣтей подъ гнетомъ такого ужаснаго горя?

Я вздрогнула, точно отъ удара хлыстомъ:

— Вы правы! Я буду защищаться.

И гордость, негодованіе, любовь къ моимъ близкимъ дала мнѣ

силы мужественно перенести арестъ. Говорятъ, я проявила спокойствіе, граничившее съ цинизмомъ! Еслибъ я упала въ обморокъ или кричала и плакала, говорили бы: *она боится, потому что виновата!*

14 сентября въ 7 часовъ утра пришли четверо,—не знаю, жандармовъ или полицейскихъ (они были въ штатскомъ платьѣ) арестовать меня.

Я была еще въ постели, мнѣ велѣли встать и одѣться; я отвѣтила, что не могу сдѣлать этого при нихъ... У насъ ночевалъ въ этотъ день мой докторъ, добрый профессоръ Сильваньи; они оставили меня подъ его присмотромъ и вышли всѣ четверо. Онъ, бѣдный, видя мое «ужасающее спокойствіе», боялся, какъ бы я «не выкинула какой-нибудь глупости», и ни на минуту не спускалъ съ меня глазъ. Это меня очень стѣсняло, хотя онъ былъ добрый и участливый другъ, и я одѣлась кой-какъ, накинувъ на себя лишь самое необходимое... Въ душѣ я почти радовалась, что не увижу отца, такъ какъ тяжко было мнѣ его горе. Но онъ, несчастный, проснулся-таки, услыхалъ, какъ меня уводили, кинулся за нами, нагналъ меня на лѣстницѣ и обнялъ съ воплемъ отчаянія. Я же словно окаменѣла, даже плакать не могла. Да и не *хотѣла*, изъ гордости. Скажи я хоть слово, я, навѣрное, не выдержала бы. Поэтому я молча вглядывалась въ любимое дорогое лицо... Отецъ словно обезумѣлъ отъ горя... Меня оторвали отъ него... Но онъ до послѣдней минуты не выпускалъ моей лѣвой руки, на которую падали его горячія слезы, и на прощанье припалъ къ ней губами.

Въ тюрьмѣ я два дня пролежала пластомъ, не имѣя силы встать съ койки даже для того, чтобы умыться... А когда наконецъ смогла, мнѣ жалко было вымыть ту руку, которую поцѣловалъ отецъ и которая была облита его слезами. Какъ много я плакала, думая объ этомъ, и какъ часто добрыя сестры-надзирательницы изъ состраданія будили меня, потому что я плакала во снѣ. Мнѣ тогда каждую ночь снился отецъ, всегда одинокій, безумно тоскующій. Мужа и дѣтей я тоже видѣла во снѣ, но всегда спокойными, только своего мальчика разъ видѣла грустнымъ.

14 сентября, день моего ареста, былъ воскресный, погода стояла чудная. Дома у насъ все время раздавались рыданія—родныхъ, прислуги, друзей; дома день и ночь не умолкалъ колокольчикъ у входной двери,—отцу поминутно приносили телеграммы съ выраженіемъ соболѣзнованія, и при каждомъ звонкѣ я вздрагивала и волновалась, словно онъ сулилъ мнѣ новыя бѣды. Въ тюрьмѣ я попала совсѣмъ въ иной міръ. Послѣ десяти дней острой боли душевной, когда нале-

тѣвшій вихрь подхватилъ меня и кружилъ, не давая опомниться, я впала теперь въ какой-то сонъ наяву. Передъ глазами моими проходили мучительныя видѣнія, но какъ только какой-нибудь звукъ, шумъ или ощущеніе физической боли будили во мнѣ сознаніе, я говорила себѣ: «Нѣтъ, это не правда, я сплю, я грежу!»

Моя камера въ болонской тюрьмѣ была довольно большая, съ окномъ и со всѣмъ необходимымъ: желѣзная койка, жесткая, но не грязная, не отталкивающая, столъ, ночной столикъ, два-три стула. Постельное бѣлье было мое собственное,—потомъ слѣдователь велѣлъ отобрать его,—и отъ него шелъ знакомый запахъ ириса. Спущенное жалюзи на окнѣ скрывало рѣшетку... Здѣсь, въ этой постели, одна, послѣ стольких безсонныхъ ночей и мучительныхъ дней, когда я не въ состояніи была проглотить ни крошки, я казалась сама себѣ какой-то чужой, совсѣмъ не чувствовала своего тѣла. Сестра Розалія, принявшая меня, послѣ мнѣ разсказывала, что я была такъ измучена и блѣдна, что она говорила другимъ сестрамъ: «Ну, эта бѣдняжка недолго протянетъ».

Первые часы въ тюрьмѣ прошли, какъ въ летаргическомъ снѣ... Не слыша ни звонковъ, ни рыданій, я отдыхала и сквозь дремоту думала:

«Приснилось мнѣ? Или это вправду тюрьма?»

Въ полдень бѣдныхъ заключенныхъ выпустили на полтора часа въ садикъ, гдѣ имъ разрѣшалось бѣгать, пѣть, разговаривать между собою.

Я въ своемъ полуснѣ слышала ихъ голоса и думала:

«Нѣтъ, это не тюрьма... въ тюрьмѣ не поютъ, не смѣются! Въ тюрьмѣ только плачутъ всегда, вѣчно!»

Вдругъ прелестный женскій голосъ, глубокій, нѣжный, среди мгновенно водворившагося общаго безмолвія запѣлъ:

Connais tu le pays,
Où fleurit l'oranger?...

Музыка, всегда производившая на меня чарующее дѣйствіе, и теперь пробудила меня отъ моей летаргіи, и я напряженно прислушивалась къ каждой нотѣ знакомой пѣсни, никогда еще я не слыхала ея въ такомъ чудномъ исполненіи. Столько искусства, столько чувства вложила пѣвица въ свою пѣсню! Въ ней звучала тоска по далекой отчизнѣ, скорбь заточенія въ чужомъ краю...

Эта пѣсня, которую я такъ часто пѣла Нинетто, разбудила въ моемъ сердцѣ тоску по дѣтямъ, и съ нею вмѣстѣ проснулось сознаніе всей той бездны горя, въ которую я была низвергнута.

Сколько разъ потомъ эта бѣдняжка, моя товарка по заключенію, пѣла мнѣ дивную пѣсню Миньоны! И я плакала, плакала безъ конца, но въ острой боли иныхъ воспоминаній есть и сладость. И мнѣ слышался голосокъ моего Нинетто, говорившій:

— Какая это, мамочка, красивая пѣсня! Я даже вспотѣлъ отъ удовольствія.

Бѣдную пѣвицу звали Флорой; она была француженка, моя сосѣдка по камерѣ. Слыша, какъ я все плачу, она часто кричала мнѣ сквозь запертую дверь:

— *Du courage, pauvre madame! Il ne faut pas mourir.*

Потомъ ее увезли, осужденную, и я лишилась отрады ея пѣсенъ.

Единственнымъ моимъ утѣшеніемъ въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ были ангельски добрыя сестры. Отсутствіе матеріальнаго комфорта я даже не чувствовала,—я была слишкомъ поглощена своими душевными тревогами. Только холодъ зимою страшно мучилъ меня, парализуя мой умъ, энергію, аппетитъ, не давая мнѣ спать по ночамъ. Не разъ я плакала отъ холода, точно маленькая.

Трудно было также мириться для меня, привыкшей ежедневно брать ванну, съ невозможностью содержать себя и свои вещи въ опрятности. А эти насѣкомыя, которыхъ я иногда находила въ постели!... Въ этомъ было что-то унизительное. Впрочемъ, бѣдныя сестры всячески старались избавить меня отъ этого мученія, совсѣмъ для меня непереноснаго.

Первые дни заключенія я, какъ уже говорила, провела въ постели, физически не чувствуя въ себѣ силы встать, но нравственно полная какой-то новой энергіи.

Допросы слѣдователя скоро подточили эту энергію.

Я, разумѣется, съ ума сходила, не получая извѣстій ни о своихъ бѣдныхъ родителяхъ, ни о дѣтяхъ, и не видя въ томъ никакой опасности для правосудія, упросила одну изъ добрыхъ сестеръ, чтобы она разузнала у прислуги, ежедневно приносившей мнѣ изъ дому обѣдъ, гдѣ мои дѣти и что творится у насъ дома. Эта добрая душа согласилась и разсказывала мнѣ все, что ей удавалось узнать о нихъ, т.-е. очень немногое. Это было для меня большимъ утѣшеніемъ. Не видя въ томъ никакого грѣха, я на допросѣ у слѣдователя, который показался мнѣ человѣкомъ гуманнымъ, на его вопросъ откровенно объяснила ему, откуда я имѣю свѣдѣнія о домѣ. Боже мой, что тутъ поднялось! Было наряжено цѣлое слѣдствіе, чтобы узнать имя сестры, которая совершила непростительный грѣхъ, пролила каплю бальзама на раны измученной души. А когда виновная отыскалась, ее въ свою очередь вызвали къ слѣдователю и грозили всякими бѣдами въ слу-

чаѣ, если проступокъ повторится; а потомъ, изъ опасенія, какъ бы добрыя сестры по слабости характера не провинились снова, имъ и вовсе было запрещено разговаривать съ моими слугами, а велѣно было оставлять приносимое мнѣ кушанье и бѣлье у швейцара.

Безъ сомнѣнія, этотъ слѣдователь читалъ то мѣсто въ Евангеліи, гдѣ разсказывается, какъ богатый въ аду просилъ каплю воды у Лазаря, покоившагося въ лонѣ Авраамовѣ, и тотъ отказалъ ему,—и, думая, что дѣлаетъ угодное Богу, поступая такъ же, онъ отнялъ у меня послѣднее утѣшеніе, правда, очень слабое, но все же не дававшее мнѣ умереть отъ тоски. Сотни разъ я просила у начальницы, начальника тюрьмы и самого слѣдователя позволенія писать домой. Начальница и начальникъ, разумѣется, говорили мнѣ, что нужно спросить слѣдователя, и я писала ему прошеніе за прошеніемъ, но онъ ни разу мнѣ не отвѣтилъ; и я совсѣмъ извелась отъ всевозможныхъ тревогъ, опасеній и тягостныхъ мыслей.

Въ окно ко мнѣ доносились крики газетчиковъ, оповѣщавшихъ публику объ арестѣ моего брата Нино, и каждый день я узнавала такимъ образомъ новыя сенсаціонныя извѣстія—аресты соучастниковъ, разоблаченія совершенно невѣроятныхъ, новыхъ адскихъ преступленій и пр., и пр. И ничего не знать, сидѣть въ тюрьмѣ, отдѣленной отъ міра непроницаемой стѣной... У моей сосѣдки по камерѣ, которую на-дняхъ должны были освободить, нашелся карандашъ; сжалившись надо мною, она его дала мнѣ и я въ послѣдній день сентября по ея совѣту написала тайкомъ письмецо своимъ родителямъ, умоляя ихъ передать мнѣ какъ-нибудь вѣсточку о дѣтяхъ.

Но въ этотъ день мою сосѣдку еще не выпустили, и я, воспользовавшись этимъ, написала еще одно письмецо тому, кого такъ горячо любила и воображала, что онъ безумно горюетъ обо мнѣ, написала ему самыя ласковыя слова, какія только могла придумать, чтобы утѣшить его.

Съ какимъ трепетомъ сердечнымъ вручила я эти письма сосѣдкѣ, которая обѣщала доставить ихъ по назначенію, пойметъ только тотъ, кто самъ прошелъ черезъ эту пытку. При выходѣ одна изъ сестеръ обыскала мою злополучную вѣстницу... письма попали въ ея руки; сторожа, надзиратели, начальство,—всѣ накинулись на нихъ. Начальница и сестра (та самая, что конфисковала письма) были безъ дальнихъ разговоровъ уволены,—интересно знать, что бы они сдѣлали съ сестрой, если бы она не конфисковала писемъ? Моя бѣдная сосѣдка снова была посажена въ тюрьму, причемъ въ наказаніе ее оставили на 8 мѣсяцевъ безъ

прогулки и безъ церкви. Былъ отданъ приказъ стеречь меня день и ночь, и злополучной сестрѣ, дежурившей у меня ночью, запрещено было ложиться...

О, безъ сомнѣнія, эти письма, которыя я хотѣла отправить тайкомъ, были страшно преступны! Въ особенности письмо къ Секки. Новый поводъ къ скандалу.

— Какъ, всего мѣсяцъ назадъ овдовѣла, и еще такъ трагически пишетъ любовнику—и ни словомъ не обмолвится о бѣдномъ мужѣ, который лежитъ въ могилѣ.

Да, такія нелѣпыя, лицемѣрныя слова говорили и писали по поводу моей записки.

Но чего же ради было мнѣ говорить о моемъ мужѣ съ моимъ любовникомъ? Вѣдь Секки едва зналъ въ лицо бѣднаго Ческо, и еслибъ я, вперемежку съ нѣжностями по его адресу, стала бы писать ему о мужѣ,—развѣ это не было бы безнравственно? Вотъ если бы я, по примѣру нѣкоторыхъ, взяла себѣ въ любовники *лучшаго друга* моего покойнаго мужа (напримѣръ, Червесато!)—да, тутъ я могла бы оплакивать его мертваго вмѣстѣ съ другомъ!... Мои обвинители называли меня искуснѣйшей притворщицей,—странно, что въ доказательство этого они приводили именно такіе мои поступки, въ которыхъ не было и тѣни лицемѣрія...

Тѣмъ временемъ мое положеніе въ тюрьмѣ становилось все болѣе тяжелымъ. Начались безчисленныя мелкія придирки и притѣсненія, какъ будто оправдываемыя моей попыткой вступить въ сношеніе съ тѣми, кто былъ мнѣ дорогъ. Всѣ вещи, приносимыя мнѣ изъ дому: одежда, бѣлье, кушанье, подвергались самому тщательному осмотру, причемъ подозрительность доходила до абсурда: напримѣръ, разбивали яйца и шарили внутри, рѣзали мясо на мельчайшіе кусочки, разбивали кости цыплятъ; бобы получались продырявленными,—очевидно, пальцами сторожей! Даже леденцы приносили обращенными въ безформенную массу... А бѣдная сестра, приставленная ко мнѣ, не имѣла права даже ночью положить голову на подушку и обязана была все время не сводить съ меня своихъ усталыхъ глазъ: должно быть, *они* надѣялись, что я во снѣ открою слѣдователю какую-нибудь тайну, пролью свѣтъ на темное дѣло...

Эта пытка длилась нѣсколько мѣсяцевъ. Бѣдныя сестры спали мало, такъ какъ имъ приходилось смѣняться три раза въ ночь. А я такъ и вовсе не спала—и отъ собственныхъ волненій, и отъ этого вѣчнаго наблюденія за мною, и оттого, что мнѣ было жалко несчастныхъ сестеръ... Усталость и наркотики, которыя я посто-

янно принимала, все время держали меня въ состояніи какого-то отупѣнія, промежуточнаго между бдѣніемъ и сномъ. Мои вѣчныя жалобы надоѣли наконецъ начальству и врачу, и они добились у слѣдователя милостиваго разрѣшенія для дежурной сестры ночевать въ моей камерѣ.

Бѣдныя сестры! Между ними были поистинѣ ангельскія сердца. Будь онѣ надменны или грубы со мной, я бы, кажется, совсѣмъ не вынесла, но онѣ были добры ко мнѣ, утѣшали меня своей ласковостью, смягчая жестокость требованій высшаго начальства, вообще были болѣе монахинями, чѣмъ тюремщицами.

Меня подвергали безконечнымъ допросамъ, я говорила только правду, въ увѣренности, что такъ мнѣ будетъ легче всего доказать свою невинность. Я не знала тогда, что *правосудіе* ищетъ только доказательствъ вины, а не доказательствъ истины. Я ждала освобожденія съ часу на часъ и такъ безумно тосковала по дѣтямъ, что мнѣ казалось: только бы ихъ вернули, а остальное я все снесу.

Когда мнѣ какимъ-то чудомъ удавалось заснуть, мнѣ снился бѣдный Ческо, добрый, ласковый, какимъ онъ, кажется, никогда не былъ при жизни, и дѣти съ нами. Послѣ такого сна пробужденіе было еще болѣе тягостнымъ, и я вскакивала съ постели съ мучительнымъ крикомъ:

«Боже мой, Боже мой, какъ это могло съ нами случиться?»

И когда газетчики на улицѣ выкрикивали наше опозоренное имя, сообщая «послѣднія новости объ убійствѣ Бонмартини», мнѣ казалось, что рѣчь идетъ не о насъ, что это имя не наше и что я не та Линда, о которой кричатъ на улицѣ; и мнѣ все казалось, что *я*, настоящая Линда, живу какъ прежде на дачѣ у отца, вмѣстѣ со своими дѣтьми.

Такъ раздвоилась моя личность между прошлымъ и непостижимой реальностью настоящаго. Но довольно мнѣ было мысленно представить себѣ *ту* Линду вмѣстѣ съ дѣтьми, чтобъ очнуться и крикнуть отъ боли:

«Но вѣдь это мои дѣти—и они не со мной!»

А какъ я безумно рыдала, заслышавъ дѣтскій плачъ на улицѣ! Боже мой, я знала, что это плачутъ не мои дѣти; однако, мнѣ чудился голосъ Маріи, голосъ Нинетто, и я сходила съ ума отъ сознанія своего безсилія броситься имъ на помощь.

Но развѣ словами разскажешь эту муку? Кто не чувствовалъ изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ этой щемящей боли въ мозгу, въ горлѣ, въ сердцѣ, не имѣя возлѣ себя ни единой души, которая

бы помогла ему, ни единой мысли, которая бы его успокоила, тотъ не знаетъ, что̀ способенъ вынести человѣческій организмъ и до какой интенсивности можетъ дойти страданіе. Мое сердце работало такъ плохо, что мнѣ постоянно давали строфантъ, а ужъ слезъ моихъ и не перечесть.

Каждая мелочь напоминала мнѣ о дѣтяхъ, и я мучилась мыслью, что недостаточно любила ихъ, недостаточно ласкала, когда они были со мной. Одинъ разъ, когда луна такъ чудно свѣтила въ окно, я весь вечеръ обливалась слезами, вспоминая, какъ нѣсколько недѣль тому назадъ, въ такой же лунный вечеръ въ Венеціи, Нинетто упрашивалъ меня еще немного покататься въ гондолѣ, и я не позволила, потому что было уже половина десятаго. И я страдала вдвойнѣ—за себя и за своихъ ненаглядныхъ, которыя должны были такъ тосковать обо мнѣ. Любовь къ нимъ, хоть она и была наибольшей мукой, не дала мнѣ сойти съ ума, доброта сестры Кандиды не дала дойти до отчаянія.

Послѣ первыхъ допросовъ, казалось мнѣ, истина стала ясной, какъ день, и я съ минуты на минуту ждала освобожденія. Ждала уже цѣлый мѣсяцъ—напрасно.

Однажды, когда я чувствовала себя до того больной и слабой, что съ утра не могла встать съ постели, ко мнѣ около 12 часовъ прибѣжала взволнованная начальница и велѣла мнѣ сейчасъ же одѣться, такъ какъ меня требуетъ слѣдователь.

Чтобы не заставить его дожидаться, я наскоро накинула на себя первое, что попалось подъ руку, бѣлый пеньюаръ съ старинными венеціанскими кружевами, довольно роскошный—и вышла въ коридоръ.

Тамъ ждали слѣдователь и двѣ женщины: одна моего роста и моихъ лѣтъ, одѣтая, какъ мѣщанка, въ грубомъ передникѣ; другая—шестидесятилѣтняя старуха, жалкая, съ перекошеннымъ лицомъ. Слѣдователь велѣлъ мнѣ стать рядомъ съ ними. Я повиновалась. Тотчасъ же изъ боковой двери появился какой-то молодой человѣкъ, совершенно мнѣ незнакомый, судя по внѣшности—лакей. Молодой человѣкъ, не говоря ни слова, пристально вглядывался по очереди въ каждую изъ насъ трехъ. Потомъ меня отвели обратно въ мою камеру.

Подумавъ, я сообразила, что это, очевидно, была очная ставка. И хотя я совершенно не могла припомнить, чтобъ я когда-нибудь встрѣчала этого юношу, все-таки я встревожилась. Если ему предложили опредѣлить, которая изъ насъ трехъ графиня Бонмартини, ему, конечно, не трудно было это сдѣлать; довольно было сравнить мой бѣлый пеньюаръ съ болѣе чѣмъ скромными нарядами моихъ сосѣ-

докъ. Отчего же меня не предупредили, чтобъ я одѣлась иначе? Что это еще за новая ловушка?

Ужъ много времени спустя я узнала, что этотъ молодой человѣкъ, если не ошибаюсь, лакей изъ гостиницы, показалъ, что въ день убійства онъ видѣлъ моего брата вмѣстѣ съ женщиной. Предполагалось, что эта женщина была я. Само собой, юноша не могъ узнать меня, такъ какъ Нино по всей вѣроятности былъ съ Розиной Бонетти. Тѣмъ не менѣе, я волновалась, не понимая, что можетъ означать эта очная ставка съ совершенно незнакомымъ мнѣ человѣкомъ.

Подъ вечеръ того же дня меня еще разъ вызывали къ слѣдователю на допросъ, на этотъ разъ въ его камерѣ. Слѣдователь не вѣрилъ, что мы должны были ѣхать въ Швейцарію съ согласія бѣднаго Ческо. И чѣмъ больше я настаивала, представляя доказательства, тѣмъ упорнѣе онъ не хотѣлъ мнѣ вѣрить. Вдругъ онъ спросилъ меня:

— Что вамъ писалъ вашъ отецъ изъ Санъ-Морица въ Фэдо, въ письмѣ, которое вамъ переслали оттуда?

— Не знаю. Это письмо не дошло до меня.

Дѣйствительно, это письмо нашли два мѣсяца спустя лежащимъ на почтѣ въ Венеціи.

— Какъ! вѣдь вы же сами телеграфировали, прося переслать вамъ его.

— Дѣйствительно, телеграфировала, но не получила.

— Однако содержатель *Hôtel de Suisse,* въ Фэдо, заявляетъ, что немедленно переслалъ вамъ его.

— Мнѣ переслали письмо отъ моего дяди Рикардо, изъ Ріоло. Но письма отца, о которомъ вы спрашиваете, я не получала.

— Вы упорно отрицаете вещи, достовѣрно намъ извѣстныя и подтверждаемыя документами. Неужели вы не понимаете, что этимъ вы только компрометируете *другихъ?* (Т.-е. моего отца!)

— Я не боюсь никого скомпрометировать, говоря правду. Письма этого я не получила и не знаю, что въ немъ было писано. Не можетъ у васъ быть документальныхъ доказательствъ *тому, чего не было.*

— Однако они имѣются.

— Ну, что-жъ, если вы такъ увѣрены, зачѣмъ же вы меня спрашиваете? Разъ мое слово для васъ ничего не стоитъ! Вы думаете, что мы все только лжемъ.

Онъ усмѣхнулся ироническою жесткою усмѣшкой, оскорбительной, какъ пощечина, и, указавъ на пачку протоколовъ допроса, за[illegible]ѣтилъ:

— Да, здѣсь лжи очень много.

Я, всегда говорившая правду, не могла снести этой презрительной усмѣшки и, вся дрожа отъ негодованія, съ плачемъ выкрикнула:

— Такъ не пытайте же меня, не допрашивайте! Не по христіански это—смѣяться въ лицо несчастному, будь онъ виновенъ, или невиненъ!

Онъ вспыхнулъ, сердито захлопнулъ книгу, лежавшую передъ нимъ, и отпустилъ меня, не поклонившись. Знай я тогда, какъ знаю теперь, что обвиняемый имѣетъ право молчать или просить занести все въ протоколъ, я бы, конечно, выбрала то или другое; но я была одинока и тогда еще не знакома съ пріемами человѣческаго правосудія.

Этотъ разговоръ со слѣдователемъ разсѣялъ многія мои иллюзіи. Я начинала понимать, что правда и невинность еще не служатъ защитой, и боялась не столько за себя, сколько за моихъ бѣдныхъ родителей, такъ какъ мнѣ неоднократно давали понять, что и они могутъ быть арестованы.

Что за ужасъ, со всей этой болью въ душѣ имѣть весь міръ противъ себя и, что еще хуже, быть совершенно безсильной заставить повѣрить правдѣ, отъ которой зависитъ жизнь и смерть!

Кто не испыталъ этой муки, тотъ не знаетъ, что такое горе.

Слыша крики газетчиковъ, я вскакивала съ постели, холодѣла отъ ужаса, бѣжала къ окну и, притаивъ дыханіе, старалась разслышать, что они кричатъ. Я боялась самаго ужаснаго: услышать, что кто-нибудь изъ моихъ близкихъ помѣшался или наложилъ на себя руки, или же узнать, что слѣдователь осуществилъ свою угрозу, и что мои родители арестованы.

Я такъ безумно волновалась, что должна была цѣпляться за рѣшетку окна, чтобы не упасть. Я вглядывалась въ лица сестеръ, подстерегая какой-нибудь признакъ, намекъ, и при каждомъ намекѣ вся душа моя содрогалась отъ ужаса. Помню, разъ вечеромъ привезли къ намъ новую арестантку. Я увидѣла ее издали, въ профиль, съ другого конца коридора, и вдругъ мнѣ почудилось, что это—моя мать. Я пришла прямо въ изступленіе. Напрасно мнѣ говорили фамилію новенькой, разсказывали, за что она арестована—я не въ состояніи была повѣрить, и бѣдныя сестры, боясь, какъ бы я не умерла отъ конвульсій, наконецъ, сжалились—разрѣшили мнѣ посмотрѣть въ глазокъ на новенькую. Тогда только я убѣдилась, что это не моя мать.

Эти мѣсяцы жизни безъ воздуха и солнца, въ непрестанной тревогѣ, на холодѣ, до того расшатали мое здоровье, что въ февралѣ

слѣдователь разрѣшилъ мнѣ пригласить врача-спеціалиста, но подъ условіемъ, чтобы онъ ни минуты не оставался со мною наединѣ.

Сестры надзирательницы, не выходя изъ границъ тюремнаго устава, для меня нарочито суроваго, все же были ко мнѣ добры, какъ только могли. Онѣ уговаривали меня молиться, старались утѣшить меня, оживляя во мнѣ вѣру въ Бога. И дѣйствительно, даже тотъ, кто никогда не вѣрилъ въ Бога, увѣровалъ бы, очутившись нежданно въ этой безднѣ позора и муки, незаслуженно отверженный всѣми. Еслибъ Богъ не существовалъ, онъ бы самъ себѣ выдумалъ Бога, чтобы имѣть возможность существовать, прилѣпившись душой къ надеждѣ, что есть въ мірѣ хоть одно существо доброе и справедливое!

Мнѣ ставится чуть ли не въ укоръ, что я такъ много болѣла и все-таки еще жива. И мнѣ самой представляется чудомъ эта живучесть въ такомъ хиломъ организмѣ, десять лѣтъ терзаемомъ всяческими недугами, особенно, когда я вспомню, что я дважды—въ 1901 и 1902 году—была на краю могилы. Но знайте, бѣдныя дѣти мои, это чудо сотворила любовь къ вамъ.

Чѣмъ страшнѣе мнѣ кажется жизнь, чѣмъ полнѣй узнаю человѣческую гнусность и злобу, тѣмъ больше я цѣпляюсь за жизнь, чтобы не оставить васъ однихъ, мои бѣдныя крошки, въ этомъ бездушномъ, жестокомъ мірѣ. Мнѣ кажется, что я не имѣю права умереть, пока не сниму съ своего имени этого позорнаго пятна. Я не могу допустить, чтобы васъ считали дѣтьми убійцы вашего отца! Правда *должна* выйти наружу... послѣ этого—да, послѣ этого я могу умереть.

Когда духъ мой ослабѣвалъ, я смотрѣла, не отрываясь, на ваши милыя личики на портретахъ и черпала въ нихъ новыя силы. Вы были единственной звѣздой на моемъ небосклонѣ; и даже теперь, когда я ужъ никому и ни во что не вѣрю, *въ эту звѣзду* я вѣрю такъ же свято, какъ вѣрили бѣдные пастухи въ звѣзду, приведшую ихъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ Спаситель міра.

Въ апрѣлѣ опять пошли подробнѣйшіе, длиннѣйшіе допросы о вещахъ и фактахъ, имѣвшихъ мѣсто восемь-девять мѣсяцевъ тому назадъ и на мой взглядъ не представлявшихъ никакой важности. Но я все-таки была довольна, ибо во мнѣ снова воскресла надежда. Зато сердце мое совсѣмъ отвыкло биться спокойно, и порой терялась ясность сознанія. Въ каждомъ вопросѣ я чувствовала разставленную мнѣ ловушку. Мнѣ лично бояться было нечего, совѣсть моя была спокойна, но я ничего не знала о другихъ обвиняемыхъ, о моемъ братѣ и мучилась, какъ бы не повредить ему своими показаніями. А *они* увѣряли, что Нино и я сговорились!

Къ счастью, я тогда ничего не знала о разоблаченіяхъ Нальди, знала только то, о чемъ донесъ отецъ, и думала, что разсказъ его вѣренъ во всѣхъ подробностяхъ. Поэтому я не особенно даже встревожилась, когда слѣдователь заговорилъ о *заранѣе обдуманномъ намѣреніи* со стороны Нино. Я думала, что дѣло было такъ: Нино и Ческо поссорились; Нино въ запальчивости поднялъ руку на моего мужа; тотъ, въ свою очередь разсвирѣпѣлъ, и Нино, совершенно обезумѣвъ отъ гнѣва, закололъ его.

Что касается имени Нальди, настойчиво повторявшагося въ вопросахъ слѣдователя, я не понимала, при чемъ онъ здѣсь. Я никогда не была знакома съ этимъ человѣкомъ, не имѣла понятія, кто онъ такой, и долгое время думала, что его арестовали по ошибкѣ.

Въ послѣднемъ апрѣльскомъ допросѣ слѣдователь сообщилъ мнѣ, что предварительное слѣдствіе закончено. Я обрадовалась, какъ уже не считала себя способной радоваться. Значитъ, меня выпустятъ изъ тюрьмы! Я увижу дѣтей, возьму ихъ опять къ себѣ, моихъ дорогихъ, ненаглядныхъ! И я съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ съ минуты на минуту ждала повѣстки, которая скажетъ мнѣ, что мое *alibi* установлено, и мнѣ возвращаютъ свободу.

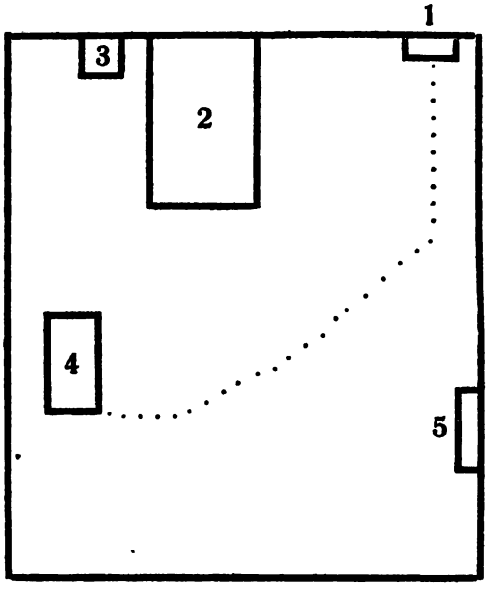
Около этого времени приснился мнѣ странный сонъ, до такой степени похожій на дѣйствительность, что я и сейчасъ помню его до мельчайшихъ подробностей.

Мнѣ ни разу не снилась страшная сцена убійства, хотя отъ боязни, чтобы она мнѣ не приснилась, я иной разъ не могла уснуть. Зато Ческо, какъ я уже говорила раньше, я довольно часто видѣла во снѣ, но всегда веселымъ и добрымъ, и въ этихъ снахъ на мигъ забывалась, отдыхала душа.

Но въ этотъ день (говорю: *день*, потому что странный сонъ приснился мнѣ подъ утро, помню даже точно, въ которомъ часу—между 4¾ и 5-ю)—въ этотъ день, если бы я вообще могла заставить себя вѣрить въ привидѣнія, я бы сказался, что я *видѣла* бѣднаго Ческо.

Моя камера находилась въ верхнемъ этажѣ и состояла изъ двухъ комнатокъ, лучше меблированныхъ и менѣе печальныхъ, чѣмъ моя теперешняя камера въ Туринѣ. Въ одной я спала, въ другой держала свои платья и умывалась. Въ томъ же этажѣ, рядомъ со мною, спали двѣ сестры, всегда говорившія мнѣ, чтобъ, если мнѣ станетъ худо ночью, или если мнѣ что-нибудь понадобится, я постучала бы къ нимъ въ глазокъ, и онѣ сейчасъ же придутъ ко мнѣ. Сестрамъ полагалось вставать въ три четверти пятаго съ первымъ звонкомъ; ровно въ 5, по второму звонку, онѣ уже обязаны были спуститься

въ часовню, гдѣ молились всѣ вмѣстѣ. Здѣсь для того, чтобы меня



хорошо поняли добрыя души, которыя дойдутъ до этого мѣста моей грустной исторіи, я должна нарисовать планъ моей камеры. Итакъ, я лежала на койкѣ (2), повернувшись лицомъ къ двери, выходившей въ уборную (1); и вдругъ, при мерцающемъ свѣтѣ лампадки, стоявшей на ночномъ столикѣ (3), я вижу, какъ дверь (1) медленно отворилась и затворилась нѣсколько разъ подъ рядъ. Я лежу и думаю.

Какимъ образомъ она можетъ открываться? Вѣдь вчера же я заперла ее, и вѣтра нѣтъ, да вѣтеръ и не могъ бы сообщить ей такого правильнаго движенія.

Сколько времени я разсуждала такъ сама съ собой, не знаю— можетъ быть, минуту, двѣ, три. Потомъ рѣшила затворить дверь и еще подумала, что будь это дома, я бы испугалась: не спрятался ли кто-нибудь за этой дверью, или не вздумалъ ли кто подшутить надо мною.

Чтобъ затворить эту дверь, мнѣ нужно было сѣсть на койкѣ, иначе рука не доставала до двери; и я дѣйствительно приподнялась, опершись локтемъ на подушку; но едва я успѣла это сдѣлать, какъ въ отверстіе двери (около 20 сантиметровъ, немного больше, чѣмъ надо для того, чтобъ человѣку просунуть голову) на уровнѣ высокаго мужского роста я увидала *лицо моего мужа, слегка откинутое назадъ*, такъ что лампадка, помѣщавшаяся ниже уровня его лица, *всего ярче освѣщала ему бороду, и верхняя часть лица была видна лучше нижней.*

Мнѣ показалось, что онъ улыбался, но я всетаки оцѣпенѣла отъ испуга и не въ состояніи была пошевельнуться. Только думала:

— Сейчасъ зажгу свѣчу, чтобъ убѣдиться, что я не сплю. Но чтобъ зажечь ее, надо повернуться (свѣча стояла на ночномъ столикѣ (3), а у меня нехватаетъ духу пошевелиться... Можно бы еще встать и кликнуть сестеръ, постучавши къ нимъ въ дверь (5).

Я знала, что сестры уже встали, такъ какъ слышала первый зво

нокъ, въ 4¾, еще до того, какъ начала отворяться дверь, и не слыхала второго 5-тичасового.

Пока я думала такъ, вся дрожа отъ волненія, но не отъ страха, *мужъ мой вошелъ въ камеру, обошелъ кругомъ койки и положилъ на уголъ ночного столика свертокъ бумагъ; я чувствовала,* что въ этихъ бумагахъ—доказательства моей невинности. Я все время слѣдила за нимъ глазами, не отрываясь, затаивъ дыханіе; *туловища его я не могла хорошенько разсмотрѣть, но голову видѣла совершенно ясно...* Мы не обмѣнялись ни единымъ словомъ, не сумѣю сказать, откуда я *знала*, что этотъ свертокъ бумагъ онъ принесъ для того, чтобъ онъ послужилъ мнѣ въ защиту...

Какъ только онъ положилъ бумаги на столикъ, прозвонилъ второй звонокъ, и все исчезло. Но впечатлѣніе было до того ярко, что я посмотрѣла, лежатъ ли бумаги на столикѣ и заперта ли дверь. Само собой, на столикѣ ничего не было, и дверь была заперта... Я отлично знаю, что все это мнѣ приснилось, но ощущеніе реальности было такъ сильно, что я всетаки попросила объясненія у доктора.

— Сонныя грезы,—сказалъ онъ,—плодъ чрезмѣрнаго мозгового возбужденія.

Конечно, такъ оно есть. И защитить меня некому. Развѣ Ческо встанетъ изъ могилы, чтобъ доказать, что мать его дѣтей невинна...

Прошелъ апрѣль, май, половина іюня... Что же наконецъ они хотятъ дѣлать со мной?

Если не ошибаюсь, 22 іюня меня опять вызвали къ слѣдователю на допросъ. Боже мой! что еще случилось? Я страшно встревожилась... Слѣдователь предлагалъ мнѣ какіе-то непонятные вопросы о дробинкахъ, о чемоданахъ, о какомъ-то ядѣ—*кураре*. Я не знала, что это за вещество, не знала даже о существованіи такого яда и не понимала, какое отношеніе могло это имѣть къ моему мужу, зарѣзанному ножомъ... Я поняла только одно—что слѣдствіе еще не окончено, и моя пытка начинается снова.

На нѣсколько дней я снова пришла въ состояніе страшнаго угнетенія, но утромъ 26 іюня меня, какъ ударъ грома, поразилъ этотъ проклятый крикъ газетчиковъ:

— Новое разоблаченіе по дѣлу Мурри! Арестъ доктора Секки!

Надѣяться, что скоро уже выйдешь на свѣтъ, и опять свалиться въ черную бездну,—это ощущеніе, котораго не опишешь словами!

Три дня и три ночи я, какъ безумная, кружилась по своей каморѣ, допытываясь у сестеръ: да за что же его арестовали, въ чемъ его обвиняютъ.

Но онѣ или сами не знали, или не захотѣли сказать.

На первыхъ порахъ слѣдствія, видя, что слѣдователь упорно ищетъ повода для преступленія въ моей измѣнѣ мужу, я страшно волновалась за Секки, говоря себѣ:

Если меня подозрѣваютъ изъ-за этого, почему же не могутъ заподозрить его?

Съ теченіемъ времени я успокоилась, зная, что онъ на свободѣ; мысль о томъ, что онъ можетъ попасть въ тюрьму, была для меня нестерпима; къ тому же, казалось мнѣ, слѣдователь убѣдился, что ни доктору Секки, ни мнѣ не могло быть никакой выгоды отъ убійства бѣднаго Ческо.

Эти разспросы слѣдователя о какомъ-то неизвѣстномъ мнѣ ядѣ и потомъ черезъ нѣсколько дней арестъ Секки, очевидно, должны были имѣть какую-нибудь связь между собою. Но какую?

Ломая себѣ голову надъ этимъ вопросомъ, я совершенно измучилась; не знаю, какъ я въ то время не сошла съ ума.

Меня снова вызвали къ слѣдователю. Начались опять длиннѣйшіе допросы, послѣ которыхъ я возвращалась въ камеру совершенно обезсиленная, окончательно ничего не понимая. Рѣчь шла о неудавшихся попыткахъ отравленія; вытягивались на свѣтъ Божій совершенно невинные и позабытые факты, которымъ придавали самое ужасное значеніе. Мнѣ пришлось убѣдиться, что каждый фактъ можетъ быть разсматриваемъ съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, изъ которыхъ каждая безнаказанно можетъ быть выдана за истину.

Я уже начинала сомнѣваться, существуетъ ли правда вообще, ибо мою правду, о которой я хорошо знала, что это дѣйствительно правда, другіе толковали иначе и называли ложью. Словно начался другой процессъ, еще нелѣпѣй и безумнѣе перваго. Въ умѣ моемъ возникали самыя страшныя фантазіи, какіе-то кошмарные сны...

7 іюля, явившись къ слѣдователю на допросъ, *я застала у него Тизу*. Она была спокойна, почти весела... Я смотрѣла на нее, не понимая, зачѣмъ она здѣсь, надѣясь, что она пришла съ добрыми намѣреніями, и въ то же время до смерти боясь помимо воли сказать что-нибудь такое, что могло бы повредить Секки. Я была вполнѣ увѣрена въ его невинности, но развѣ достаточно быть невиннымъ? А что если обстоятельства будутъ говорить противъ него?

И вотъ началась моя очная ставка съ этой женщиной, которую я любила, потому что она *послана имъ*, потому что я считала ее доброй и преданной мнѣ... И по мѣрѣ того, какъ она говорила, душа моя падала въ какую-то новую бездну, и я спрашивала себя, не сошла ли я съ ума, не во снѣ ли я все это вижу, не шутитъ ли кто надо мной жестокія шутки.

Она разсказывала очень спокойно и увѣренно что-то совершенно мнѣ не понятное, приводила слова и факты, мнѣ не извѣстные, связывали ихъ вмѣстѣ, плетя вокругъ имени моего брата и моего такую запутанную и фантастическую паутину, что мнѣ до боли въ мозгу было трудно слѣдить за ея мыслью. Мѣстами въ этихъ хитросплетеніяхъ мелькали искорки правды, но настолько далекія отъ тѣхъ заключеній, которыя она изъ нихъ выводила, что мнѣ было почти невозможно возстановить факты и слова, какъ они были на самомъ дѣлѣ.

Голова моя окончательно отказывалась разбираться въ этомъ хаосѣ. Я только смутно чувствовала, что Тиза говоритъ въ защиту Секки, и понимала, что его запутали въ это дѣло, но еще не могла сообразить: *какъ*. И эта мысль, что его надо защитить, надо спасти, окончательно погубила меня. Если Тиза даетъ такія показанія, значитъ, это зачѣмъ-нибудь нужно! Не можетъ же быть, чтобы она лгала только для того, чтобы погубить меня,—меня, которая всегда къ ней такъ хорошо относилась. Значитъ, если она выдумываетъ, лжетъ, преувеличиваетъ, можетъ быть, все это входитъ въ планъ защиты Секки? Ну, что-жъ, только бы онъ былъ спасенъ, а я ужъ какъ-нибудь справлюсь! Вѣдь я невинна, и доказать противное не сможетъ никто.

Такъ, раздираемая сомнѣніями, я уже не смѣла рѣшительно и гордо, какъ прежде, опровергнуть всю эту ложь, изъ опасенія повредить Секки, дискредитировавъ свидѣтельницу, которая показывала въ его пользу. Улыбающееся спокойствіе Тизы заставляло меня думать, что она знаетъ, что дѣлаетъ, и дѣлаетъ, что слѣдуетъ; могло ли мнѣ придти въ голову, что она дѣлаетъ безчестное дѣло? Къ тому же я не сомнѣвалась, что Секки самъ уже рѣшительно опровергъ всѣ ея лживые вымыслы; въ этомъ меня убѣждало и то, что намъ съ нимъ не дали очной ставки. Очевидно, онъ показывалъ согласно со мною, т.-е. согласно съ истиной. Я скорѣе усомнилась бы въ себѣ самой, въ собственномъ разсудкѣ, чѣмъ въ немъ, въ его честности, въ его любви ко мнѣ.

Такимъ образомъ, и самое горькое изъ всѣхъ разочарованій, по милосердію Божію, пришло ко мнѣ не вдругъ. Послѣдній ударъ моей душѣ былъ нанесенъ уже впослѣдствіи, моимъ защитникомъ, неожиданно и безъ всякихъ церемоній выяснившимъ мнѣ *невѣроятное* поведеніе Секки. Это окончательно добило меня, и я склонила голову, отнынѣ побѣжденная, впавшая въ состояніе безконечной подавленности, изъ которой я никогда ужъ не выйду.

Сердце мое извѣдало до конца гнусность людскую.

Ангельски добрая сестра Кандида, нѣсколько мѣсяцевъ прожившая въ моей кельѣ, слушая повѣсть о моемъ несчастьи и моемъ грѣхѣ, больше всего дивилась моей глубокой привязанности, моей несокрушимой вѣрѣ въ этого человѣка и говорила мнѣ:

— Если бы вы такъ вѣрили въ Бога, вы были бы святая. Просто думать обидно... Столько времени вы терпите изъ-за него всѣ муки земныя и всетаки ни разу не усомнились, не поколебались въ душѣ. А мы-то все ропщемъ, что намъ приходится жертвовать собою для Бога!

Она убѣждала меня забыть, не думать о немъ.

Я не могла...

— Молитесь за меня,—говорила я,—если считаете это необходимымъ для спасенія моей души. Я не могу молиться.

Когда потомъ сестра Кандида, переведенная въ одинъ горный монастырь, узнала изъ писемъ своихъ товарокъ о новомъ, постигшемъ меня испытаніи, она, бѣдняжка, пріѣхала навѣстить меня, хорошо понимая, въ какое отчаяніе должно было меня повергнуть это крушеніе моей мечты, моей вѣры въ того, кому я отдала всю свою жизнь. И ласково, кротко утѣшала меня, говоря, что Богу угодно было ниспослать мнѣ это послѣднее горе для того, чтобы душа моя вернулась очищенной къ моимъ бѣднымъ малюткамъ, единственно достойнымъ моей любви.

О, сколько мы плакали вмѣстѣ съ нею!

XXXI.

Эпилогъ.

Потомъ мнѣ сказали, что меня будутъ судить судомъ присяжныхъ и перевезутъ въ Туринъ... Это меня не взволновало и не огорчило. Я уже *столько* вынесла, что каждый шагъ, хотя бы самый тягостный, приближавшій меня къ свободѣ, былъ мнѣ желаненъ. Такъ у Данта въ *Чистилищѣ* души обреченныхъ сами спѣшатъ принять муки, надѣясь черезъ нихъ скорѣе достигнуть неба.

Но какъ тягостенъ, какъ мученителенъ былъ этотъ переѣздъ и любопытство толпы съ ея безсознательной жестокостью! Есть душевныя муки, которыя въ тысячу разъ хуже смерти.

Была весна; навѣрное зеленѣли аллеи—тѣ самыя, гдѣ я новобрачной гуляла объ руку съ мужемъ, и солнце свѣтило такъ ласково и ярко. Но я ничего этого не видѣла.

Карета остановилась передъ скучнымъ холоднымъ зданіемъ, пе

глотившимъ меня; высокими пустыми коридорами меня провели въ мою камеру, маленькую, почти пустую. Третью слѣва, въ нижнемъ этажѣ...

Четыре выбѣленныхъ известью стѣны, отъ которыхъ вѣяло холодомъ; высоко вверху оконце, выходящее во дворъ... Койка поставленная на желѣзныя козлы, столъ... Но на столѣ—о Боже!—портреты моихъ ненаглядныхъ. Съ ними мнѣ сразу стало свѣтлѣе въ моей непривѣтливой кельѣ.

Эти безконечные мѣсяцы совѣщаній съ адвокатами, визиты экспертовъ, тоска ожиданія... Я почти отвыкла ѣсть и спать, все время находилась въ состояніи страшнаго моральнаго возбужденія; я и до сихъ поръ не знаю, какъ я могла такъ долго жить этимъ лихорадочно ускореннымъ темпомъ. Были промежутки въ цѣлые мѣсяцы, совершенно выпавшіе изъ моей памяти; и все время въ душѣ моей жила такая страстная тоска по свободѣ, синему небу, цвѣтущимъ лугамъ, по веснѣ, что я ни разу не вышла даже въ тюремный дворикъ, откуда виденъ былъ только кусочекъ неба.

Въ Болоньѣ бѣднымъ заключеннымъ, по крайней мѣрѣ, позволяли гулять вмѣстѣ, и это значительно облегчаетъ ихъ страданія. И потомъ, тамъ, въ Болоньѣ, были милыя сестры, упражнявшіяся въ *дѣлахъ милосердія*.

Тамъ нѣтъ сторожихъ, и эти святыя созданія сами исполняютъ всѣ самыя черныя работы съ терпѣніемъ, поистинѣ ангельскимъ. Будь онѣ добры только со мной, я, конечно, полюбила бы ихъ изъ благодарности, но онѣ были такъ же добры ко всѣмъ. Меня онѣ очень жалѣли: читали мнѣ вслухъ, чтобъ развлечь меня, заставляли меня молиться, чтобы сохранить бодрость, научили меня плести кружева на коклюшкахъ, чтобъ я могла забыться на нѣсколько часовъ, работая платьице или воротничокъ для своей маленькой дочки. Онѣ сами стелили постель, мыли полъ, убирали камеру, наводя чистоту, которой я такъ дорожила, и въ то же время не позволяя мнѣ утомляться.

Я сама смирялась душой при видѣ ихъ смиренія.

На Рождество 1903 года моя мать, чтобъ отблагодарить за меня, прислала начальницѣ довольно значительное пожертвованіе на часовню. Добрая душа, зная, что единственная моя радость какъ-нибудь облегчить положеніе моихъ товарокъ по заключенію, часть этихъ денегъ употребила на вкусный обѣдъ для всего женскаго отдѣленія тюрьмы въ первый день Новаго года, чтобы сказать бѣдной матери, что она дала такимъ образомъ возможность своей дочери менѣе печально провести этотъ печальнѣйшій день.

Мѣсяцы шли своей чередой, и насталъ, наконецъ, страшный день, когда меня посадили въ извозчичью карету и повезли въ судъ. Сколько разъ я старалась припомнить послѣдовательно впечатлѣнія этого ужаснаго дня. Но когда впечатлѣнія такъ остры, впечатлительность какъ-то притупляется, и умъ не запоминаетъ. Безумное біеніе сердца, шумъ въ ушахъ, какой-то туманъ передъ глазами и, среди всей этой несказанной муки, всетаки всепокрывающая, безумная надежда—больше я ничего не знаю, не помню... Послѣ долгихъ лѣтъ заключенія, одиночества, пытокъ, допроса, я радовалась, что наконецъ увижу людей себѣ подобныхъ, быть можетъ добрыя, участливыя лица, души, открытыя для сочувствія моему горю, моему призыву къ справедливости...

Первый разъ, когда меня ввели въ эту гнусную клѣтку, мнѣ показалось, что я брежу... Я забилась въ уголъ и почувствовала себя брошенной въ пустое пространство. Минуту спустя я услыхала стукъ двери—вошелъ одинъ изъ моихъ товарищей по несчастію, но отъ стыда и волненія подъ всѣми этими устремленными на меня взглядами я не въ состояніи была обернуться...

Вошедшій сѣлъ позади меня и вздохнулъ.

Я по вздоху узнала, что это *онъ*, тотъ, кого я такъ любила, и почувствовала, что я умираю. Я схватилась за перила, чтобы не упасть. Прошло лишь мгновеніе, но для меня это мгновеніе длилось годы. Этотъ вздохъ съ быстротою молніи, какъ бурный порывъ вѣтра, разогналъ тучи и унесъ меня съ этой проклятой скамьи подсудимыхъ, отъ всѣхъ этихъ тяжелыхъ и ужасныхъ впечатлѣній въ какой-то небесный міръ, гдѣ надо мной склонялось милое лицо, уста, умѣвшія говорить только слова любви.

Впечатлѣніе было такъ сильно, что оно меня всю перевернуло физически и морально. Я взмолилась къ своему адвокату, чтобы онъ позволилъ мнѣ пересѣсть на другое мѣсто. Онъ позволилъ.

Нѣсколько минутъ спустя вошелъ *другой*—Нино, мой бѣдный Нино! И въ этотъ разъ я не тронулась съ мѣста—если бы я обернулась, я бы кинулась ему на шею и умерла отъ горя... И онъ ничего не сказалъ, опустился на скамью и съ минуту оставался неподвижнымъ, потомъ я вдругъ почувствовала на своемъ плечѣ ласковое прикосновеніе руки, и милый голосъ прошепталъ: «Бѣдная Линда!»

«Господи, неужели мнѣ не зачтется эта страшная мука?...»

Эти ужасные шесть мѣсяцевъ! Эти переходы отъ надежды къ отчаянію, которые переживала не только я одна, но и всѣ, кто былъ мнѣ дорогъ! Эти враждебные взгляды, хихиканья, весь этотъ позоръ!... На скамьяхъ для публики помѣстились изящныя дамы; во

время краткаго перерыва засѣданія я слышала ихъ смѣхъ; мнѣ слѣпили глаза ихъ брилліанты... И я была такая же, какъ онѣ, всего три года назадъ! Всего три года назадъ я была среди нихъ, могла здороваться съ ними, болтать, смѣяться, жить?... А теперь—эти ужасныя цѣпи на вѣкъ раздѣляли насъ, мы ужъ не пріятельницы, не сестры. Онѣ смѣются, смотрятъ на меня съ любопытствомъ, навѣрное, судятъ меня безъ всякаго снисхожденія—Боже мой, да за что же? Ни одного лица, ни одного, на которомъ я прочла бы участіе, ни одного, которое бы мнѣ сказало: мужайся, не теряй надежды, сестра моя! Неужели же ни у одной изъ нихъ нѣтъ дѣтей, такихъ же маленькихъ и любимыхъ, какъ и у меня? Такъ какъ же она можетъ смотрѣть на нихъ, ласкать и не пожалѣть хоть сколько-нибудь другую мать, у которой отняли ея птенцовъ? Будь это животное, вѣдь онѣ пожалѣли бы...

Вонъ тамъ сидятъ мои судьи... Какое страшное слово! Страшное для меня, а для нихъ развѣ нѣтъ? Развѣ не страшно судить себѣ подобныхъ, сердца которыхъ не знаешь, души, открытыя только Богу? Кто далъ человѣку это страшное право, когда самъ Христосъ говорилъ: «Не судите, да не судимы будете»?

Я вглядывалась въ этихъ людей, державшихъ въ своихъ рукахъ мою судьбу, читая въ нихъ сначала любопытство, потомъ скуку, разсѣянность... Немногіе смотрѣли на меня съ жалостью, прочіе—равнодушно, сурово... Боже мой, да развѣ нѣтъ между вами отцовъ? Увѣрены ли вы, что вашимъ дѣтямъ никогда не придется заслуженно или безвинно пережить такой же позоръ? И развѣ вамъ не хотѣлось бы, чтобы тогда ихъ судили добрые люди, доступные жалости и справедливости? Вѣдь и у меня есть отецъ! И у моего брата есть отецъ и мать, которые ждутъ вашего приговора!

Но къ чему продолжать? Чтобы передать все, что я пережила въ эти страшные дни, мнѣ понадобилось бы написать цѣлые тома, и все-таки это дало бы лишь слабое понятіе о томъ, что я выстрадала. Я и теперь задыхаюсь отъ наплыва воспоминаній...

О, эти допросы свидѣтелей, ядовитыя, жестокія, обидныя рѣчи. Нѣтъ, Господи, нѣтъ, не былъ Ты милосердъ ко мнѣ!

Что я выстрадала, слушая изъ устъ Нино подробный разсказъ объ ужасающемъ убійствѣ. Я знала навѣрное, что *онъ* убилъ, но до этого момента упорно думала, что все это какой-то страшный сонъ, что здѣсь кроется какая-то тайна, которую мнѣ разъяснятъ на судѣ. Нѣтъ, ничего, ничего, кромѣ смерти и убійства!...

Съ несказаннымъ ужасомъ смотрѣла я на руки брата, на эти руки, лишившія жизни моего мужа. И цѣпенѣла отъ ужаса, такъ что

голосъ Нино долеталъ до меня точно издали, и мнѣ нужно было дѣлать надъ собой усилія, чтобы понять его слова. И нестерпимо больно было мнѣ видѣть Нино въ ручныхъ кандалахъ, хотя, казалось бы, судьба должна была пріучить меня къ этому зрѣлищу. Но я не могла, не могла привыкнуть!...

Потомъ—подтвержденіе низости, предательства того, кто былъ мной такъ любимъ... Потомъ эта ужасающая усмѣшка и лживыя показанія Тизы...

Довольно, довольно! Я не въ силахъ больше растравлять свою кровавую рану: я чувствую, что умираю...

И, наконецъ, рѣшающій день—день приговора.

Въ этотъ день я не была такъ печальна. Взволнована—да, очень; навѣрное у меня была лихорадка. Но именно это лихорадочное возбужденіе придавало мнѣ силы. Все во мнѣ насторожилось, трепетало, ждало...

Въ маленькой комнаткѣ, куда меня отвели, говорили, смѣялись между собою мои защитники. Они были такъ увѣрены, что все сойдетъ благополучно. Старались казаться вполнѣ спокойными, чтобы спокойствіе ихъ сообщилось и мнѣ. Время шло... То одинъ, то другой изъ адвокатовъ выходилъ и возвращался съ веселымъ лицомъ. Время шло...

Заглянулъ въ нашу комнатку одинъ изъ судей, тотъ, у котораго было доброе лицо: онъ тоже улыбался и говорилъ слова надежды. Лица прояснились; даже карабинеры, всѣ жалѣвшіе меня, какъ-то повеселѣли. Вдругъ я увидала въ дверяхъ адвоката Кавалья, ушедшаго за справками. Онъ шелъ, держась какъ-то особенно прямо, съ холоднымъ замкнутымъ лицомъ; но этому я не придала особеннаго значенія, такъ какъ это была его обычная манера, и прерывающимся голосомъ спросила:

— Ну-съ, господинъ защитникъ?

Онъ поднялъ руку:

— Осуждена большинствомъ одного голоса!

Дальше я уже не слыхала; у меня потемнѣло въ глазахъ, и земля ушла изъ-подъ ногъ... Что было дальше, не знаю. Помню только чьи-то ужасные нечеловѣческіе вопли, звенѣвшіе у меня въ ушахъ; потомъ мнѣ говорили, что съ Розиной Бонетти сдѣлался жестокій нервный припадокъ. Ко мнѣ Богъ былъ милостивѣе—я просто потеряла сознаніе. Очнулась я въ своей камерѣ, и мнѣ показалось, что все это было страшнымъ сномъ. Сестра, дежурившая при мнѣ, ласково спросила меня:

— Вы знаете, который часъ? Четыре утра.

Такимъ образомъ я опять очутилась на днѣ бездны. Лежала недвижная на убогой тюремной койкѣ, вся холодная, какъ мертвая, съ оцѣпенѣвшимъ сознаніемъ. Совсѣмъ очнулась я только въ объятіяхъ матери и отца. Въ своемъ горѣ, въ своемъ возмущеніи противъ несправедливости, осудившей меня, они меня простили! Я чувствовала ихъ слезы на своемъ лицѣ, слышала ихъ горькія слова... Но что говорили они, что говорила я,—не знаю.

Дѣти мои!—рыдала я; это единственное слово, звукъ котораго остался у меня въ ушахъ.

Дѣти мои!—плакали и они, мои бѣдные старики.

Ихъ ужасная скорбь дала мнѣ сверхъ-человѣческое мужество отчасти овладѣть собой, и я плакала вмѣстѣ съ ними и бормотала какія-то слова утѣшенія. Но отца вдругъ куда-то утащили изъ моей камеры... Онъ, кажется, обезумѣлъ, несчастный! И я опять впала въ состояніе безконечнаго отупѣнія.

XXXII.

De profundis clamavi!

Изъ глубины моей скорби взываю къ Тебѣ, Господи! Душа моя полна горечи, ибо грѣхъ мой всегда передо мною!

Не Ты ли сказалъ грѣшницѣ: Многое тебѣ простится, ибо ты много любила?

И я любила, да, всѣми силами своей души! И не въ этомъ я каюсь, Господи. *Я не могла не любить,* разъ Ты самъ вложилъ въ мою душу эту потребность любви. Конечно, ужасна мысль, что любовь была отдана недостойному. Но и тутъ я не считаю себя виноватой. То, что мы сильно любимъ, облагорожено нашей любовью. Въ чемъ я не могу утѣшиться, это въ томъ, что я не сохранила гордаго сознанія своей невинности. Не поддайся я тѣмъ нечистымъ влеченіямъ, которыя несетъ съ собой земная любовь, я была бы счастлива даже въ своемъ несчастіи!... Бѣдный отецъ мой всегда говорилъ мнѣ въ былыя времена, что бѣда моя въ томъ, что у меня черезчуръ много нервной силы. Я не жалѣя расходовала скудный запасъ своихъ физическихъ силъ, въ увѣренности, что меня выручатъ нервы, которые, когда я была довольна, казалось, способны были жить одною только радостью. Папа всегда говорилъ, что моя кажущаяся бодрость и улыбка, которой я передъ людьми прикрывала свои огорченія, были моими единственными обманами. Бѣдный, онъ не зналъ, что я скрываю и свою *любовь*. *Онъ*, пробудившій въ моей душѣ это сладкое и страшное пламя, зналъ, что я охотно открылась

бы отцу и графинѣ Каваццa, такъ какъ горячо любила ихъ обоихъ. Но онъ, сложивъ пальцы крестомъ, заставилъ меня поклясться на этомъ крестѣ здоровьемъ и счастіемъ моего сына, что я никогда никому въ этомъ не откроюсь. И я свято хранила клятву, ибо ни за что въ мірѣ не обманула бы того, кто былъ тогда душой моей души.

Вотъ мой обманъ, вотъ за что меня корятъ! Но если-бъ я тогда кричала на площадяхъ о моей любви, развѣ меня не сочли бы сумасшедшей? И развѣ не инстинктивно въ женщинѣ чувство стыдливости, не дающей ей выставлять напоказъ свои самыя нѣжныя и пылкія чувства? Если я теперь обнаруживаю передъ людьми потайные уголки моей души, то вѣдь это потому, что меня принудили—волочили меня по улицамъ, сорвали съ меня одежду, ничего во мнѣ не оставили, что бы было теперь моимъ: ни стыда, ни души, ни любви! Ничего во мнѣ не пощадили! Забыли, что я женщина, что я человѣкъ, безжалостно загрязнили и тѣло мое, и мою безсмертную душу!

Вотъ почему я принуждена говорить теперь, когда каждый изъ васъ уже сказалъ свое слово. Этотъ червякъ, котораго вы такъ презрительно давили ногами, возмутился, наконецъ, и изъ глубины своей муки устремляетъ взоръ къ Божьему свѣту.

Если я плачу, плачу, плачу въ этомъ мракѣ, то не потому, что я все еще люблю *его*. О, нѣтъ, я не люблю, не люблю его! Я плачу о своей разрушенной мечтѣ, такой живучей и яркой и такъ низко преданной, забрызганной грязью. Если бы Богъ до этого взялъ меня къ себѣ, я бы навѣрное была теперь въ раю, ибо тогда у меня въ душѣ было что-то святое, божественно прекрасное.

Когда меня арестовали, я знала, что единственный мой грѣхъ—измѣна мужу, что въ его смерти непосредственной вины моей нѣтъ, а въ любви своей я еще тогда не каялась, и лично страдала не столько за себя, сколько за *него*.

Сколько разъ за эти одиннадцать мѣсяцевъ мученій въ Болонской тюрьмѣ я силою своей любви отрѣшалась отъ дѣйствительности, отъ сознанія своихъ бѣдствій, и блаженствовала, разсказывая сестрѣ Кандидѣ о *его* добротѣ, *его* любви, *его* вѣрности! И даже потомъ, даже послѣ этого гнуснаго предательства, я мучилась день и ночь, придумывая объясненія, и ни на минуту, ни на одинъ мигъ не заподозрила его. Я скорѣе усомнилась бы въ себѣ, во всемъ и во всѣхъ, чѣмъ въ немъ.

Цѣлые мѣсяцы подрядъ я спорила со своими защитниками, не вѣря въ его измѣну. А когда нельзя было уже отрицать очевидности, я стала подыскивать объясненія и оправданія, и никогда еще умъ мой

не былъ такъ изобрѣтателенъ. Сколько униженій я вынесла отъ адвокатовъ, которые не могли понять, что послѣ такой любви нельзя возненавидѣть. Они думали, что я еще люблю его, несмотря на разоблаченія его низости. Нѣтъ, я уже не любила. Но ради прежней любви мнѣ хотѣлось, чтобы его не трогали, не причиняли ему вреда.

И какъ мучительно, какъ упорно боролась во мнѣ со смертью эта любовь—какъ мертвецъ, предолжающій сжимать въ своихъ объятіяхъ живого. Она умерла совсѣмъ только, когда я своими ушами услыхала *его* показанія на судѣ, своими глазами увидала *его* на перекрестномъ допросѣ вмѣстѣ съ *подученной* имъ Тизой. Боже мой, Боже, какъ я страдала.

Съ какой болью въ душѣ я думаю о своемъ Нинетто, который такъ похожъ на свою несчастную мать, и если кого полюбитъ, такъ не поверхностно, а всѣмъ сердцемъ, всей душой, всѣмъ своимъ существомъ.

Когда допрашивали свидѣтелей, показывавшихъ въ пользу Секки, когда передо мною говорили о его добротѣ, о хорошихъ чертахъ его характера, я, только теперь узнавшая его вполнѣ и утратившая всѣ иллюзіи, не могла удержать слезъ и проплакала все это засѣданіе, къ большому неудовольствію моихъ защитниковъ.

Точно также плакала я во время рѣчи его защитника Морелли и жаждала вдохнуть въ него божественное краснорѣчіе для того, чтобы онъ могъ спасти *его*. То были послѣднія вспышки былого огня, который, погаснувъ, разрушилъ большую часть меня самой.

Я знала рай—въ грезахъ и наяву извѣдала всѣ муки ада.

Отецъ мой объявилъ, что онъ не хочетъ больше видѣть меня, хотя бы меня и оправдали! Онъ былъ убѣжденъ, что я неповинна въ томъ преступленіи, въ которомъ меня обвиняли, но не могъ простить мнѣ моего грѣха изъ-за любви.

А вѣдь это была дѣйствительно большая, чистая, глубокая любовь. Выйти замужъ за человѣка—еще не доказательство любви, но сносить для него съ радостью обиды, безчестье, позоръ, чтобы только имѣть право среди мукъ шепнуть ему: «люблю тебя»—на это способна только истинная любовь. А я готова была вырвать у себя сердце изъ груди и отдать ему.

Когда я говорила это сестрѣ Кандидѣ,—въ тысячу разъ горячѣй и убѣдительнѣй (ибо теперь я говорю объ угасшихъ чувствахъ, а тогда они кипѣли у меня въ груди)—она не бранила меня, хоть и была монахиней. Она говорила только, что это грѣхъ, такъ какъ мы не женаты, но когда я доказывала ей, что для Бога, вложившаго въ насъ душу, важнѣе всего согласіе этой души, цер-

ковь же должна лишь освящать это согласіе, она соглашалась со мной, что я права, и жалѣла только, что такъ много любви *потеряно* ради человѣка.

Только дѣтей своихъ я любила больше него. Даже съ нимъ я тосковала о нихъ, и онъ замѣчалъ это, но никогда не жаловался. Мнѣ казалось, онъ такъ хорошо понималъ меня. Бывало, мы цѣлыми вечерами говорили о Нинетто и Маріи. И какъ сближали насъ эти бесѣды, въ которыхъ я открывала ему всю свою душу, какъ никому и никогда! А когда мы бывали съ нимъ врозь, въ разлукѣ, я писала ему письмо за письмомъ, и все мнѣ было мало, такъ ненасытна была душа моя, такъ много хорошаго и ласковаго мнѣ хотѣлось сказать ему...

И подумать, что все это кончилось такъ гадко! Онъ ли весь измѣнился подъ вліяніемъ страха, я ли въ прошломъ была такъ слѣпа, что считала его добрымъ, между тѣмъ какъ теперь онъ мнѣ представлялся чѣмъ-то вродѣ демона?... Ахъ, никогда, никогда я не примирюсь съ этимъ! Клянусь, я не люблю его; я выздоровѣла, какъ выздоравливаетъ больной ракомъ послѣ ампутаціи, и все же обманъ такъ жестокъ. Кому вѣрить, если *онъ* могъ обмануть меня!...

Этотъ обманъ уже наполовину убилъ меня; несправедливый приговоръ добилъ окончательно... Ахъ, сколько горечи скопилось въ моемъ сердцѣ! Я никогда ужъ не оправлюсь... Еслибъ хоть можно было больше не страдать! Почему это человѣкъ теряетъ способность радоваться, а къ горю становится все воспріимчивѣе?

Стѣны тюрьмы не давятъ мысли; онѣ даютъ ей подъемъ, ибо здѣсь отпадаетъ все, что могло бы отвлечь мысль къ матеріи, и энергія духа вырастаетъ здѣсь въ сто, въ тысячу разъ... Въ тюрьмѣ передумаешь столько, сколько не передумалъ иной мудрецъ, прочитавшій всѣ философскія книги.

Я часто думаю здѣсь—о Богѣ. Я мало читала о религіи, слушала мало проповѣдей, не умѣю опредѣлить, что такое Богъ, но вѣрую въ Него твердо—хоть и не надѣляя Его всѣми человѣческими качествами (въ томъ числѣ и недостатками). Мнѣ сдается, человѣкъ и не можетъ постичь Его вполнѣ, а лишь проблесками, наитіемъ. Для меня Онъ—средоточіе истины, любви, добра—иначе откуда бы взялась въ насъ потребность истины, любовь къ добру? Вѣдь не отъ матеріи же?

Когда у меня родились дѣти, красивые, милые, я молилась объ одномъ: чтобы Богъ сдѣлалъ ихъ добрыми; а если нѣтъ, лучше бы взялъ ихъ къ себѣ, хотя бы въ тотъ моментъ, когда они будутъ

мнѣ всего дороже. Это оттого, что души ихъ были мнѣ дороже тѣлъ, и любовь къ добру почти пересиливала во мнѣ материнскую любовь.

Я не могла видѣть бѣдняка, несчастнаго, обиженнаго судьбой, безъ того, чтобы искренно, всей душой не пожалѣть его. Дамой патронессой я не была—показная благотворительность всегда мнѣ претила,—но я всегда охотно и съ радостью помогала, чѣмъ только могла, знакомому и незнакомому, безъ всякой выгоды для себя, просто изъ внутренней потребности сердца. Откуда же въ насъ эти чувства: любовь, снисходительность, жалость? Вѣдь не отъ матеріи же, разъ они идутъ вразрѣзъ съ ея нуждами и стремленіями. Значитъ, они—проявленіе другой жизни, не поддающейся точному опредѣленію, но болѣе могучей, чѣмъ другая, и я чувствую: это-то и есть *душа*.

Во время мучительныхъ приступовъ нефрита подкожныя впрыскиванія морфія въ большихъ дозахъ до того меня обезсиливали, что я лежала какъ мертвецъ, не въ силахъ шевельнуть пальцемъ, открыть глаза, промолвить хоть слово. Тѣло мое какъ-то отдѣлилось отъ моего мыслящаго *я*, перестало быть моимъ, и мнѣ было какъ-то по особенному жаль его—со стороны. Но никогда моя психическая жизнь не была такой яркой, какъ въ эти дни, когда меня считали уже наполовину умершей. Какъ же послѣ этого не вѣрить въ безсмертіе души? И какъ не вѣрить въ Бога, изъ котораго началась и вышла эта душа, какъ тѣло вышло изъ земли?

Меня всегда тяготила и теперь при моей физической слабости еще больше тяготитъ практика, обряды религіи; въ нихъ мнѣ чувствуется принужденіе, какъ-то принижающее отношеніе человѣка къ Богу. Я только затѣмъ и исполняю ихъ, чтобы принизить себя, смирить свой духъ—пришлось убѣдиться, что жизнь только тогда идетъ гладко, когда она идетъ по проложеннымъ рельсамъ.

Если-бъ я могла быть искренней католичкой и вѣровать, что заповѣди Моисея даны самимъ Богомъ, что «прелюбодѣяніе»—грѣхъ и что, выйдя замужъ за одного, уже нельзя полюбить другого—кто знаетъ? быть можетъ, я бы устояла противъ любви.

Но я *не вѣрила*, что грѣшу противъ Бога; я вѣрила, что если Онъ далъ мнѣ душу, то у этой души есть и права, которыхъ Онъ не отниметъ.

Самое большое издѣвательство, по-моему, это внушать ребенку, что мы *свободны* и *цари вселенной*. Да вѣдь мы и Бога-то не вольны мыслить по-своему. И цари мы только въ скорби.

Я теперь—словно дѣвочка, которая не можетъ объяснить себѣ,

за что такъ суровъ къ ней отецъ, за что онъ избилъ ее. Такъ я вся избита, изранена, душою и тѣломъ, и смиренно склоняюсь челомъ до земли и всетаки спрашиваю:

— За что? Господи, за что?

Тяжко видѣть людскую жестокость тому, кто считалъ всѣхъ людей добрыми!... Бывало, я плакала при видѣ тюремъ отъ жалости къ тѣмъ *душевнобольнымъ,* которые были заперты въ нихъ. Я была далека отъ мысли, что туда могутъ попасть и невинные—туда, гдѣ у человѣка отняты всѣ права на жизнь, кромѣ права страдать!...

Еслибъ я не встрѣтила *потомъ* нѣсколькихъ добрыхъ душъ, жалѣвшихъ меня и плакавшихъ надо мною, я бы, кажется, пожелала смерти своимъ дѣтямъ, чтобы имъ не пришлось жить и мучиться среди мірскихъ беззаконій...

Не знаю, прочтетъ ли кто мою безыскусственную, безрадостную повѣсть—развѣ какая-нибудь милосердная душа. Если найдетъ въ ней что-нибудь хорошее, пусть воздастъ хвалу моему бѣдному отцу; если найдетъ ошибки, заблужденія, пусть пожалѣетъ о тщетѣ всѣхъ человѣческихъ усилій, ибо отецъ хотѣлъ сдѣлать меня хорошей, и я сама такъ горячо хотѣла этого.

Можетъ быть, я заблуждалась? Должно быть, такъ, иначе я не пришла бы къ такому концу. Такъ гласитъ неумолимая логика вещей. Но и теперь я не могу отречься отъ себя самой: я не хотѣла ничего, *ничего* дурного. Я только возмутилась противъ убогой рабской доли женщины, противъ навязаннаго ей долга—отдаваться безъ любви, какъ проданное тѣло... И теперь, и теперь еще я чувствую, что не могла бы поступить иначе! Но, не любя *любовью* человѣка, приковавшаго меня къ себѣ неразрывной цѣпью, я его и не ненавидѣла; и никогда, *никогда* не желала его смерти...

Я говорю, какъ на смертномъ одрѣ. И въ свой смертный часъ, когда душа, покидая свою бренную оболочку, вдругъ увидитъ всю себя, какъ въ зеркалѣ,—если только у меня хватитъ силъ, я съ послѣднимъ вздохомъ повторю то же:

— Я никогда не желала смерти своего мужа!

Ахъ, если я защищаюсь, то только ради моихъ дѣтей. Не будь ихъ, мнѣ было бы все равно—тюрьма, людское осужденіе, безчестье. Душа моя живетъ *собою*, какъ всегда жила, и я умерла бы довольной, если бы мое горе разбудило чью-нибудь женскую душу, заставило хоть одного мужчину понять, что злополучное существо—женщина,—не тряпка, не игрушка, которую можно ради прихоти взять и бросить. Но у меня есть дѣти, и моя свобода, честь моя принадлежатъ имъ.

Почему мнѣ вспомнилось одно милое словечко Нинстто? Въ нашихъ долгихъ, интимныхъ бесѣдахъ вполголоса мой ангелъ такъ часто говорилъ мнѣ, что онъ хочетъ всегда, всегда быть со мной. Я возражала ему:

— Да, теперь ты такъ говоришь, а выростешь, встрѣтишь дѣвушку, которая тебѣ понравится, и уйдешь съ нею отъ своей мамы.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчалъ онъ съ очаровательной серьезностью,—мнѣ женщины не нравятся: онѣ всѣ какія-то скучныя. Мнѣ нравишься только ты, мамочка, и я на тебѣ женюсь. Согласна?

Конечно, я была согласна. А разъ онъ мнѣ и говоритъ:

— Мамуся, какъ же это мы женились, а не ѣли конфетъ и не ѣздили путешествовать.

Онъ слышалъ разсказы о свадьбѣ одной моей подруги.

— Ты правъ. Я пошлю за конфетами, а путешествовать поѣдемъ, когда ты научишься одѣваться безъ посторонней помощи. Слыханное ли дѣло, чтобы молодые везли съ собою *бонну?*

Вспомнивъ это, я разсмѣялась, будто мнѣ солнышко вдругъ засвѣтило, а потомъ зарыдала безъ слезъ. Слезъ у меня больше ужъ нѣтъ.

До чего я дошла, до чего я дошла! Все у меня отняли, все! Вырвали всѣ цвѣты изъ души, отняли все, что дорого, надругались надъ всѣми чувствами. Всѣ мои иллюзіи осмѣяны, растоптаны, всѣ несправедливости обрушились на меня.

Если мнѣ не отдадутъ дѣтей, для меня все кончено. Только ихъ ласки еще могутъ заживить мою страшную рану... Только для нихъ я подала прошеніе о пересмотрѣ дѣла. Еслибъ не они, я бы почти радовалась, что вступаю въ эту юдоль скорби, куда общество сбываетъ своихъ отверженныхъ, а чаще свои жертвы,—гдѣ мнѣ, навѣрное, позволятъ исполнять обязанности сидѣлки, быть можетъ, утѣшить чью-нибудь страждущую душу...

Здѣсь есть одна бѣдная женщина, которая плакала вчера весь день и всю ночь, и сегодня тоже. Дома у нея остался мальчикъ девяти лѣтъ, и она боится, какъ бы онъ за нищенство не попалъ въ исправительное заведеніе. Она и теперь плачетъ... Не знай я, что она мать, я бы по одному этому догадалась. Дѣвушки, попадая сюда, первое время бьются въ истерикѣ, потомъ утѣшаются. Бѣдныя матери плачутъ всегда.

Если я выйду отсюда, я употреблю всю свою энергію, чтобы

облегчить ихъ горе, и научу своихъ дѣтей состраданію къ заключеннымъ, дѣятельному состраданію...

Я говорю безсвязно, что мнѣ придетъ на умъ, что ляжетъ на сердце... Теперь, когда моя скорбная повѣсть, наконецъ, окончена, у меня все спуталось въ головѣ—мысли, воспоминанія, чувства, и я не могу излагать ихъ логично. Когда я говорю, мнѣ какъ-то легче... а то голова плохо работаетъ...

Одинъ врачъ сказалъ, что мужъ мой былъ *типичнымъ психопатомъ*. Я несвѣдуща въ психіатріи; могу только сказать, что онъ не былъ *дурнымъ человѣкомъ*, въ прямомъ значеніи этого слова; онъ былъ какой-то *безсознательный*. Я всегда очень жалѣла его, даже когда мы жили врозь; но эта жалость не могла побѣдить во мнѣ сознанія абсолютной *невозможности* какого бы то ни было физическаго общенія съ нимъ. Полученное имъ воспитаніе и постоянная праздность развили въ немъ нѣкоторыя маніи, невѣдомыя свѣту, но въ совмѣстной жизни съ нимъ непереносныя...

Иные говорили мнѣ:

— Какъ же это вы: терпѣли, терпѣли шесть лѣтъ, а потомъ вдругъ: невозможно? Разъ ужъ вы шесть лѣтъ подрядъ приносили себя въ жертву, почему было и дальше не дѣлать того же?

Легко говорить другимъ о жертвахъ! Да вѣдь жертвуешь собой ради идеала, жертвуешь, пока вѣришь въ его осуществленіе. Первые годы мнѣ было нетрудно, потому что я надѣялась, но послѣдніе два я страдала жестоко и безутѣшно...

Потомъ я взбунтовалась—въ душѣ еще раньше, чѣмъ на дѣлѣ. Если я молчала тогда, это было не лицемѣріемъ, а добродѣтелью—я не хотѣла выдать свое горе. А разочарованіе было для меня тѣмъ тяжеле, что я не искала иного счастья, кромѣ какъ въ семьѣ. Чѣмъ я виновата, что природа такъ ужъ создала меня, что я нуждаюсь въ близости мужчины, въ его любви, въ его поддержкѣ? Неужели и эти мои слова будутъ перетолкованы въ дурную сторону? Вѣдь эта потребность была чисто духовная. Это вродѣ того, какъ мой Нинетто нуждался во мнѣ. Я была его повѣренной, его совѣтницей, его разумомъ и кромѣ того той, которая ласкала его и цѣловала. Мой неудачный бракъ не только былъ для меня постояннымъ фактическимъ горемъ, но и лишилъ меня возможности достигнуть единственнаго, чего я страстно желала.

Никто не узнаетъ, какъ я потомъ полюбила, потому что такихъ чувствъ не разскажешь словами. Нужна была *такая* низость, чтобы убить во мнѣ эту любовь, но вѣдь не будь ея, у меня не было бы и оправданія. Въ той любви моя вина и мое оправданіе. О, вы,

судившіе меня, и тѣ, кто еще будетъ судить, неужели вы допустите, чтобы за эту вину я живая была вычеркнута изъ числа живыхъ? И если я согрѣшила передъ закономъ Бога, пусть Онъ судитъ меня, но не вы!

Къ Нему я взываю, къ Нему, который знаетъ меня, какая я есть, и знаетъ, что я терплю! Пока не отсохнетъ рука моя, пока языкъ мой не прилипнетъ къ гортани, изъ глубины этой темницы будетъ громко раздаваться мой голосъ, мой протестъ, и никакія силы не заставятъ его умолкнуть. Я невинна, невинна, невинна! Вы не смѣли отнять у матери Богомъ ей данныхъ дѣтей. Вы не смѣете налагать на моихъ бѣдныхъ птенчиковъ такой ужасный крестъ: думать, что мать ихъ умерла въ тюрьмѣ и осуждена безвинно!

Ибо знайте, если вы вѣрите, что я убійца, дѣти мои не повѣрятъ этому. Нѣтъ, нѣтъ, Богъ не допуститъ такой противоестественной несправедливости! Они слыхали изъ устъ моихъ мое торжественное заявленіе: ваша мать никогда не хотѣла смерти вашего отца, никогда не думала о ней.

И если человѣческое правосудіе сдѣлало васъ дѣтьми осужденной, оно не можетъ сдѣлать васъ дѣтьми убійцы.

Вы мнѣ повѣрите. *Я невинна*! Этого единственнаго утѣшенія вы, люди, не можете отнять у той, у кого вы отняли все *).

Перев. З. Н. Журавская.

---

*) Трагическая исторія, переданная въ законченномъ нынѣ романѣ, представляетъ [illegible] бою не беллетристическій вымыселъ, а реальный фактъ, о которомъ много писали [illegible] въ западной литературѣ и на который, между прочимъ, отозвался и Бьенстерне[illegible]бьернсонъ.

Читателямъ будетъ интересно и отрадно узнать, что г-жа Мурри не сдѣлалась [illegible] окончательно жертвой потрясающей судебной ошибки, была помилована, и ей верну[illegible] дѣтей.

Примѣч. редакціи.

ПОГРОМЫ... ПОГРОМЫ...

(Изъ записокъ малопотерпѣвшаго.)

I.

Передъ погромомъ.

Второй день въ городѣ N. съ минуты на минуту ожидали возникновенія погрома... Вслѣдъ за недавними извѣстіями о стихійномъ порывѣ всенародной радости—теперь отовсюду сообщали о еврейскихъ погромахъ, о разореніи тысячъ семействъ, о массѣ человѣческихъ жертвъ въ крупныхъ городахъ и объ одинокихъ жертвахъ, затерянныхъ въ безвѣстныхъ деревушкахъ. Городъ N., гдѣ я жилъ, былъ средній губернскій городъ съ густымъ еврейскимъ населеніемъ. Теперь оно сразу и рѣзко возросло: изъ уѣздовъ сюда устремились толпы разгромленныхъ, точно стаи испуганныхъ птицъ отъ лѣсного пожара, спалившаго ихъ гнѣзда съ птенцами и устрашающаго зловѣщимъ заревомъ. Эти живыя вѣсти вливались широкимъ потокомъ, заполняли дома, дворы, улицы, вокзалы, и о томъ, что повсюду погромы, передъ ихъ лицами нельзя было забыть ни на секунду... Къ концу вторыхъ сутокъ городъ, уже охваченный сплошнымъ, все плотнѣе стягивавшимся погромнымъ кольцомъ, походилъ на одинокій домъ, снизу доверху наполненный порохомъ, странно и необъяснимо еще покуда не вспыхнувшій среди бушующаго вокругъ пожарища. То, что погромный пожаръ кругомъ не уменьшался, а разрастался, и то, что ни на секунду не исчезала увѣренность еврейскаго населенія въ томъ, что погромъ неминуемъ, наполняло бездоннымъ холоднымъ ужасомъ тысячи людей—ужасомъ, отчаяніемъ и смертельной кошмарной тоской. Это было непонятно, непостижимо и ошеломляло своей неожиданностью, своимъ внезапнымъ появленіемъ послѣ недавней широкой и красивой радости, какъ ударъ грома на голову въ ясную погоду.

Въ выходящихъ къ улицамъ окнахъ еврейскихъ домовъ не видно было по вечерамъ огня,—его не зажигали, чтобы не привлекать къ окнамъ вниманіе—и рядомъ съ освѣщенными окнами сосѣднихъ домовъ они казались траурными, таящими печаль по грядущимъ и близкимъ жертвамъ. Евреи бродили по улицамъ небольшими группами и безмолвно, глазами, задавали встрѣчнымъ одинъ и тотъ же вопросъ, ясный безъ словъ и понятный всѣмъ евреямъ, какъ пароль заговорщикамъ:—началось!—и всегда отвѣтомъ являлось не увѣренное отрицаніе, а жалкое, растерянное и робкое недоумѣніе.

Было наперечетъ нѣсколько человѣкъ, еще надѣявшихся на то, что грозовыя тучи могутъ разойтись, но имъ не вѣрили, и больше того,—апатичные, подавленные, потерявшіе силы негодовать и злиться,—находили въ себѣ остатки силъ и слово надежды встрѣчали злобной усмѣшкой, какой часто отвѣчаетъ обреченный на смерть, но жаждущій жизни—на дразнящія надежды окружающихъ.

Погромъ долженъ былъ разразиться, но прошло два страшнодлинныхъ дня, а онъ все не начинался. Его начало оттягивали тѣ нѣсколько человѣкъ, что еще не потеряли вѣры. Они ходили по базарамъ и площадямъ въ собиравшіяся тамъ густыя толпы, надъ которыми, казалось, отяжелѣлъ воздухъ отъ сгущенной злобы и томительнаго ожиданія, отъ слуховъ о повсемѣстномъ легкомъ, безпрепятственномъ грабежѣ и разбоѣ. Въ этихъ толпахъ былъ уже прочный кумиръ, которому покланялись—преступленіе. Отъ безпрерывныхъ разговоровъ все объ одномъ—о погромѣ—подымался къ алтарю преступленія чадный, кровяной дымъ, и въ помраченныхъ головахъ складывался пьедесталъ кумиру изъ труповъ убитыхъ, изъ тѣхъ искалѣченныхъ, изнасилованныхъ, изъ разрушенныхъ домовъ—изъ грѣха крови, сладострастія, насилія. Между искрами прежнихъ, добытыхъ тысячелѣтіями истинъ и чувствъ и новымъ, свирѣпымъ божествомъ разстилалась плотная пелена этихъ двухдневныхъ переживаній, и искры сознанія затмились. Но не потерявшіе вѣры люди еще различали ихъ и дѣлали послѣднія усилія разорвать пелену вражды и освѣжить потухавшіе идеалы. Чѣмъ быстрѣе эти послѣдніе гасли, тѣмъ сильнѣе воодушевлялись эти 5—6 человѣкъ, чѣмъ безнадежнѣе становилась ихъ задача, тѣмъ рѣшительнѣе они дѣйствовали. Это импонировало, потому что поражало даже закоренѣлыхъ насильниковъ. Но все рѣже и рѣже горячія слова и мужество вызывали тѣнь сочувственнаго отклика и вниманія, лица въ толпахъ оставались каменными, глухими и сосредоточенно-тяжелыми...

Каждый часъ приносилъ готовый и удобный поводъ къ погрому. То внезапно разносился слухъ, что «жиды перерѣзали семь душъ на-

шихъ» и указывалось мѣсто, гдѣ именно. То раздавался крикъ, что «жиды на базарѣ стрѣляютъ», то пропадали русскія дѣти... Когда же слухи пробовали опровергать все тѣ же смѣлые люди, имъ въ отвѣтъ раздавались голоса, что они подкуплены, что такой-то самъ видѣлъ, какъ раввинъ давалъ деньги опровергавшему.

Были эти два дня праздничные, и на слѣдующій день тоже былъ праздникъ, и всѣ сознавали, что если въ эти три дня погрома не будетъ, то его вовсе не будетъ. Это сознаніе увеличивало злобу и рѣшимость тѣхъ, кто рвался къ погрому, и уже упущенные два дня вставали передъ ними какимъ-то укоромъ въ малодушіи или трусости. Народъ былъ свободенъ отъ работы и чувствовалъ всю доступность погрома. А тутъ еще появились новыя силы—громилы изъ окрестныхъ мѣстностей, прибывавшіе въ поѣздахъ вмѣстѣ со своими жертвами, какъ опьяненная успѣхомъ побѣдоносная армія съ плѣннымъ непріятелемъ. И то, что они разсказывали о своихъ погромныхъ потѣхахъ, кипятило и безъ того густую и горячую злобу.

Всѣ эти дни и еще раньше—почти недѣлю—надъ городомъ стоялъ густой туманъ. Онъ не подымался, не опускался и не клубился, а разстилался ровной, плотной доской, какъ широкія крылья коршуна надъ схваченнымъ цыпленкомъ, и весь городъ въ немъ утопалъ, съ улицами, площадями, домами и садами, съ людьми и ихъ злобой, свирѣпостью, отчаяніемъ и смертной тоской. Бродившіе по улицамъ люди съ мокрыми лицами были точно разъединены, ибо не знали, что творится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, чей придушенный, задавленный туманомъ голосъ слышится тамъ, впереди—друга или врага... Особенно мучительны были эти нѣсколько шаговъ, отдѣлявшіе неясные силуэты: чьи они, кто покажется вонъ изъ того смутнаго, сѣраго пятна?... И было что-то безконечно унизительное и страшное, жалкое и трагическое въ глазахъ еврея, когда пятно оказывалось группой евреевъ: тутъ не было радости, а только перерывъ смертельнаго испуга, и въ слѣдующій моментъ новый туманный силуэтъ грозилъ смертью и позоромъ.

Не на чемъ было отдохнуть глазу, потому что на лицахъ не было ничего человѣческаго, а все—слѣпой страхъ или слѣпая злоба, а остальное—еще не опавшая зелень и золото деревьевъ, остатки цвѣтовъ на бульварныхъ газонахъ, земля и небо,—было задушено въ тяжелыхъ объятіяхъ тумана.

На улицахъ царила необычная тишина, и только колокола бухали всѣ эти дни. Но безъ живого шума жизни въ ихъ звонѣ не чуялось ничего праздничнаго и веселаго. Невидные, они глухо гудѣли въ туманѣ, и въ ихъ звонѣ было что-то грозное и пугающее.

Тамъ, гдѣ рѣшалась участь евреевъ—въ народныхъ толпахъ—имъ нельзя было находиться, и это отягчало положеніе. Они не слышали немногихъ заступниковъ, захлебывавшихся въ океанѣ нарастающей злобы, а то, что слышали въ другихъ мѣстахъ, дышало все той же отчаянной тоской или мрачной угрозой. Когда по улицѣ проходилъ съ такой угрозой на лицѣ весело-свирѣпый или ядовито угрюмый субъектъ, передъ нимъ разступались и жались къ домамъ или къ мостовой, точно это былъ высматривающій добычу дикій звѣрь, вольно бредущій по улицѣ. И когда онъ пьяный, или притворяясь пьянымъ, чертилъ зубцы по тротуару и больно толкалъ проходящаго еврея,—послѣдній, словно сознавая свою вину, замиралъ и поспѣшно удалялся.

Особенно же было тяжело еврейскимъ женщинамъ. Онѣ старались не отлучаться изъ дому, но не всегда это было возможно, и, проходя мимо встрѣчнаго хулигана или группы ихъ, еврейка чувствовала себя, вѣроятно, какъ бы на невольничьемъ рынкѣ: она слышала, что скоро, сейчасъ, начнутъ «рѣзать жидовъ» и что будутъ дѣлать съ ея тѣломъ, и она чувствовала, что наполовину она уже во власти страшнаго дикаря, что ея тѣло дразнитъ его и ускоряетъ развязку...

Въ половинѣ второго дня на одной изъ самыхъ опасныхъ окраинъ произошло убійство и самоубійство: юноша—экстернъ Лёва Перлинъ застрѣлилъ свою сестренку, гимназистку 6-го класса, и самъ застрѣлился. На столѣ лежала записка: «Мы рѣшили добровольно умереть, чтобы не жить среди звѣрей. Мы не вѣримъ, что люди становятся лучшими, это неправда,—такихъ мученій давно уже не было. Мы не можемъ больше ждать начала погрома». Записка была написана красивымъ тонкимъ почеркомъ Перлина и только въ концѣ, послѣ его имени, стояло также имя дѣвочки: «Бася», написанное ломанымъ полуженскимъ, полудѣтскимъ почеркомъ. Бѣлая записочка выдѣлялась на черной клеенкѣ, покрывавшей столъ, съ аккуратно сложенными книжками и тетрадями. А по бокамъ стола, на желѣзной койкѣ и клеенчатомъ диванѣ, лежали трупы. Ихъ лица были заплаканы, и это какъ-то смягчало картину, но только неизвѣстно было: плакали ли они, жалѣя, что кончается въ самомъ началѣ ихъ молодая жизнь, или отъ страха передъ зломъ человѣка, растущимъ, а не убывающимъ, вопреки дѣтскимъ, красивымъ мечтаніямъ?... Заплаканныя мертвыя лица были равнодушны, особенно у Баси. У юноши гдѣ-то между глазъ застылъ слѣдъ судороги,—можетъ быть, отъ того, что онъ стрѣлялъ въ сестренку. Она лежала съ протянутыми вдоль тѣла пухлыми ручонками, выпростанными изъ короткихъ ру-

кавчиковъ коричневой гимназической формы, и на виске ея, по густымъ чернымъ волосамъ, заплетеннымъ въ упругую, живую косу, багрилась кровь. Юноша стрѣлялъ себѣ въ ротъ, и близко отъ его лица, съ темнымъ пушкомъ на щекахъ, въ застывшей рукѣ былъ зажатъ маленькій револьверъ.

Первый крикъ матери надъ трупами остановили. Это привлекало вниманіе, евреямъ надо было стушевываться, и старуха это поняла. Она не плакала и не кричала, но кричали ея помутнѣвшіе, сухіе глаза, и дрожащее одичалое лицо, и рѣзкія тѣлодвиженія, такъ что содрогались, глядя на нее, ко всему привыкшіе члены погребальнаго братства. А она молчала.

Опасно было хоронить мертвыхъ по обычаю, и тайкомъ, какъ уворованныхъ, везли ихъ на кладбище, равнодушно поджидавшее скорыхъ, обильныхъ жертвъ, въ ящикахъ: длинномъ, изъ-подъ багета, для тонкаго и длиннаго трупика юноши и болѣе короткомъ, изъ-подъ резиновыхъ калошъ, для небольшого трупа Баси. Ихъ свезли въ двухъ закрытыхъ экипажахъ съ извозчиками-евреями, не провожали ихъ друзья, не оплакивали родственники. Съ похоронами спѣшили, чтобы успѣть до погрома убрать мертвыхъ. Быстро закидали землей неглубокія ямы, и туманъ придушилъ ихъ своей тяжелой грудью.

И послѣ этого у меня осталось навсегда такое впечатлѣніе. Все еврейское населеніе города представилось мнѣ слабымъ, безпомощнымъ, больнымъ ребенкомъ, котораго, долго цѣлясь, ударилъ сильный, большой и хищный. Слабый хотѣлъ крикнуть, но его опять со страшной силой ударили, и крикъ замеръ на устахъ. И новая попытка крикнуть—новый ударъ, одинъ сильнѣе и безпощаднѣе другого. И такъ долго-долго, безъ конца... Но тихо, ни малѣйшаго стона...

Вечеромъ этого дня двѣ еврейскія депутаціи въ третій разъ за эти дни ходили къ губернатору и полицеймейстеру.

Губернаторъ, человѣкъ не злой, но безвольный и ограниченный, ничего не дѣлалъ для вызова погрома, но ничего также для его предотвращенія. Первые два раза онъ говорилъ депутаціи—казенному раввину и двумъ врачамъ, чтобы они успокоили населеніе, что онъ распорядится, и погрома, какъ онъ думаетъ, не будетъ. Но при этомъ просилъ повліять въ благоразумномъ смыслѣ на молодежь, зараженную анархизмомъ. Онъ самъ чувствовалъ, что отъ него ждутъ иного, и смущался, но что-нибудь сдѣлать онъ точно, пожалуй, не умѣлъ—губерніей правили совѣтники и полицеймейстеръ,—а чтобы не испытывать въ третій разъ непріятное смущеніе, онъ, по совѣту жены, отказался принять депутацію подъ предлогомъ болѣзни.

Полицеймейстеръ Степанюкъ, человѣкъ энергичный и рѣшительный, имѣлъ прочную репутацію преступника. Въ тѣхъ двухъ городахъ, гдѣ онъ прежде служилъ—были погромы, за что его и переводили на новыя мѣста. Знали, что онъ изнасиловалъ крестьянскую дѣвушку, лично имъ арестованную по подозрѣнію въ кражѣ, а на самомъ дѣлѣ—просто ему понравившуюся и не склонявшуюся добровольно на его уговоры. Кромѣ того онъ черезъ своихъ агентовъ вступалъ въ сношенія съ домохозяевами, подговаривая страховать въ крупныя суммы и затѣмъ поджигать имущество, обѣщая ихъ покрывать. А когда возникалъ пожаръ, онъ лично являлся и кричалъ: «пятьсотъ разъ я говорилъ, что съ огнемъ надо обращаться осторожно!»; или: «тысячу разъ я говорилъ...» и т. д. Это означало, что за покрытіе, сверхъ обѣщаннаго, онъ требуетъ 500 или 1,000 руб. Всѣ это знали, и многіе пользовались. Но въ послѣднее время его дѣйствія сталъ разоблачать какой-то корреспондентъ. Степанюкъ разузналъ—кто онъ. Оказалось, что еврей Вейцманъ. Объ этомъ тоже знали и погрома ожидали по первому поводу. Теперь поводъ былъ, и очень благопріятный: возбужденіе патріотическихъ чувствъ населенія, возмущеннаго происшедшими наканунѣ революціонными демонстраціями.

Въ третій разъ депутація, состоявшая изъ двухъ богатыхъ евреевъ, какъ и прежде, предлагала ему деньги, но онъ и на этотъ разъ отказался. Только тогда онъ подолгу распространялся о томъ, что еврейская молодежь во всемъ виновата, на этотъ же разъ не сталъ много разговаривать и заявилъ, что «власть неподкупна», и что онъ одинъ не можетъ идти противъ всего народа. Потомъ онъ вдругъ хищно повелъ своими рыжими, колючими усами, побагровѣлъ и сказалъ тихо и внятно:

— Вы ко мнѣ напрасно ходите... Ступайте къ Вейцману, пускай онъ напишетъ корреспонденцію о вашемъ несчастномъ положеніи...

И, фыркнувъ носомъ, онъ удалился, оставивъ депутацію. А когда евреи, переглянувшись и недолго постоявъ, выходили уже въ переднюю, за ними вдругъ послышался звучный голосъ Степанюка:

— На самооборону своимъ порядкомъ сборы дѣлаете, а я васъ защищай! Или у бундовцевъ вашихъ револьверчиковъ не хватаетъ?!.. Воины...

Самообороны въ городѣ было всего человѣкъ около ста, потому что погромы вспыхнули сразу и къ нимъ не успѣли подготовиться. Было условлено, что если погромъ будетъ поддержанъ администраціей, самооборона не должна выступать, чтобы въ неравной борьбѣ

не умножать напрасныхъ жертвъ, и только отдѣльныя лица могли вольно выходить на защиту. Степанюкъ зналъ объ этомъ рѣшеніи...

Въ ту ночь евреи не спали. Ихъ тѣло было истощено постомъ, назначеннымъ наканунѣ раввиномъ на этотъ день, ихъ души томились въ непрерывномъ ожиданіи гибели и страданій, ихъ мысли замерли и чувства притупились, и каждый изъ нихъ носилъ въ себѣ живую давящую могильную плиту.

Я жилъ тогда въ семьѣ изъ однѣхъ женщинъ—слабыхъ, нервныхъ и болѣзненныхъ. И самъ я былъ слабъ и душою безсиленъ. Вечеромъ, когда мы собрались въ комнатѣ, выходившей окнами ко двору, вмѣстѣ съ пріютившейся у насъ женщиной изъ разгромленнаго города съ груднымъ ребенкомъ и трехлѣтнимъ мальчикомъ Тувикомъ—намъ, послѣ тягостнаго общаго молчанія этихъ двухъ дней, вдругъ стало нестерпимо молчать! Нами всѣми, кажется, почувствовалось одно и то же: что мы уже давно умерли, что ожиданіе смерти въ насъ живетъ по какой-то непонятной инерціи, что жизнь—позади насъ, а нашъ удѣлъ—безпрерывное и вѣчное молчаніе и вѣчная мысль о томъ, на чемъ насъ захватилъ моментъ смерти—о погромѣ, который будетъ, будетъ, будетъ...

О, какой это былъ ужасный моментъ, когда мы вдругъ сбросили съ себя молчаніе!

Первой опомнилась старшая дочь хозяйки, высокая дѣвушка съ бѣлыми, слабыми руками и безкровнымъ матовымъ лицомъ. Я любилъ ее, эту изящную и грустную женщину, и часто со слезами безотчетной, но острой жалости цѣловалъ ея руки, волосы, прекрасный лобъ и печальные глаза, точно взятые съ картины Гвидо-Рени. Въ нихъ сидѣла столѣтіями нажитая тоска ея народа, та тоска, которой не приходитъ на смѣну ни радость, ни надежда... Я любилъ ее и не могъ думать о томъ, что будетъ съ нею завтра... Она вдругъ встрепенулась, какъ большая и красивая птица, побѣжала въ гостиную, открыла рояль и ударила по клавишамъ. Она играла 3-ю часть «Лунной сонаты» Бетховена, и священное пламя этого творенія сорвало печать молчанія съ нашихъ устъ. И мы заговорили, перебивая другъ друга, стараясь громкимъ голосомъ заглушить ядовитый внутренній голосъ недовѣрія и къ этой великой музыкѣ, и къ нашему пробужденію, и къ затеплившейся надеждѣ. Звуки бѣжали по груди, рвали ее и торопливыми, горячими, дрожащими пальцами извлекали вонъ изъ сердца тяжелый, тупой камень. А на его мѣсто наступала живая, легкая волна, била черезъ край, подымалась къ горлу и, переливаясь тамъ, сладко душила, пока не изливалась горячей струе

слезъ. Это былъ бурный и заразительный порывъ, прорвавшійся слезами, легкими, какъ смѣхъ, и смѣхомъ, похожимъ на рыданія... Да, мы смѣялись, шутили, острили, мы смѣялись надъ своимъ безнадежнымъ, обреченнымъ положеніемъ и надъ собой, что мы глупыя дѣти, которымъ не на что надѣяться, всетаки плачемъ послѣдними радостными слезами послѣдней надежды и говоримъ: «а можетъ быть, погрома не будетъ», «можетъ быть, рабочіе съ вокзала не допустятъ», «можетъ быть, Степанюкъ возьметъ деньги, вѣдь онъ всетаки любитъ деньги,—поломается и возьметъ», «можетъ быть, насъ не убьютъ...»

Но женщина изъ разгромленнаго города неожиданно отъ насъ отдѣлилась, усѣлась въ углу и—вдругъ замолчала. И сразу пропало все наше оживленіе... Мы со страхомъ смотрѣли на нее, какъ на ангела смерти, внезапно ступившаго въ кругъ живыхъ, и не спрашивали ее, почему она смолкла, потому что всѣмъ было понятно, что она очнулась отъ овладѣвшаго нами припадка и что мы тѣшили себя. Тогда мы стали нѣмы и въ ужасѣ смотрѣли другъ на друга, какъ смотришь въ кошмарномъ сновидѣніи на приближающееся чудовище и чувствуешь себя прикованнымъ къ мѣсту и безсильнымъ крикнуть. Только послѣ долгой бездонной паузы игравшая на роялѣ дѣвушка заломила передъ собой судорожно сплетенныя слабыя руки и всѣмъ тѣломъ грохнулась о рояль. И на этотъ порывъ отчаянія раздался отвѣтный звукъ—спутанный, хаотическій и отчаянный, и было въ немъ то, что и въ нашихъ душахъ: смертельная тоска.

А маленькій Тувикъ, не спуская глазъ съ дѣвушки, сталъ отодвигаться отъ нея къ матери и, только прикоснувшись къ ней спиной, громко заплакалъ отъ страха...

Завтра или этой ночью насъ будутъ убивать, будутъ надъ нами позорно издѣваться. Тувикъ увидитъ, какъ убиваютъ его мать, а вотъ эта маленькая, сморщенная старушка, быть можетъ, увидитъ, какъ какой-нибудь пьяный дикарь будетъ насиловать ея дочь, только что игравшую Бетховена дѣвушку. Можетъ быть, и меня пощадятъ для этого зрѣлища...

Нѣтъ, не можетъ быть! Насъ будутъ убивать и мучить, насъ, слабыхъ и не злыхъ, живыхъ, безвинныхъ, одинокихъ?!... Убьютъ! Насъ не за что убивать, мы любимъ жизнь, мы переполнены жаждой—жить, мы—люди, насъ не убьютъ!... Убьютъ! Кто убьетъ? У насъ нѣтъ враговъ, нѣтъ ненависти, и то, что мы любимъ—доступно всѣмъ: мы любимъ небо, солнце, свѣжую зелень и полевые цвѣты, запахъ земли и говоръ дождя, хрустѣніе снѣга и вспышки молніи... Убьютъ! Мы любимъ живое человѣческое лицо, когда оно груститъ

или освѣщено радостью. Чужая радость насъ веселитъ и тихая грусть—печалитъ. Мы думаемъ и мыслимъ и стремимся къ таинственному великому Богу и его правдѣ, и Тотъ, Кто умеръ на крестѣ—близокъ намъ, и насъ не убьютъ, не убьютъ, не убьютъ!... Убьютъ!

Мы всѣ, евреи города, сидѣли эту ночь въ глубокой ямѣ, надъ нашими головами перекатывались волны слѣпой и свирѣпой ненависти, и насъ душила налегшая сверху чугунная доска тумана, и не видно было ни единой звѣздочки. Мы были—живые мертвецы въ могилѣ, засыпанные по шею землею, и завтра, мы знали, надъ нашими головами сомкнутся стѣны и могилу сравняютъ съ землею!

Я знаю, что страданіе порой бываетъ полно глубокаго смысла, знаю, что были казни, ярче рожденія, знаю, что бываютъ мученія, надъ которыми зарождаются великіе идеалы. Я знаю, что десятки поколѣній питаются геніальнымъ содержаніемъ великихъ трагедій. И если бы что-либо подобное было въ погромѣ, я бы его понялъ. Но въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ стыда, позора и безсмыслицы, въ немъ—пиршество діавола и его коварный обманъ... И поэтому—я не могу!

Я не могу жить въ положеніи человѣка, вокругъ тѣла котораго обвился гадкій и огромный удавъ. Онъ сокращается, душитъ меня и выжимаетъ изъ моей души, изъ мозга, изъ сердца послѣдніе остатки сознанія. Мой разсудокъ меркнетъ, еще мгновеніе,—и я превращусь въ дикаго звѣря, стану кусаться, царапать когтями свою грудь и лязкать зубами надъ степной падалью!...

Помогите мнѣ... Пощадите меня...

II.

Погромъ.

Утреннія сумерки начинавшагося третьяго дня были долгія и неясныя, ибо во мглѣ тумана тусклая ночь породнилась съ тусклымъ днемъ, и въ наступившемъ утрѣ не чувствовалось солнца. Съ ранней зари на базарѣ началось смутное движеніе, точно завозилось присосавшееся къ землѣ огромное сѣрое животное: то сдвигались въ одну массу отдѣльныя толпы. Тѣ, что были тамъ, не сговаривались, гдѣ и что дѣлать, но ихъ объединило одно чувство: боязнь упустить послѣдній удобный день, и поэтому въ дѣйствіяхъ толпы ощущалась неумолимая и фатальная рѣшимость.

На большой базарной площади къ 8 часамъ утра было уже полно народа. Въ центрѣ площади, на балконѣ второго этажа трактира «Портъ-Артуръ» стоялъ высокій, совершенно бѣлый старикъ безъ шапки, съ длинной бородой, большимъ лбомъ и ясными, свѣтло-сѣрыми глазами. Громкимъ, но спокойнымъ голосомъ, стараясь побороть усталость и волненіе, онъ говорилъ съ народомъ, потому что его одного еще слушали. Это былъ старый, очень популярный въ городѣ докторъ, котораго населеніе хорошо знало и любило. Его плавные и красивые жесты, ровный голосъ и красивая старческая наружность еще производили впечатлѣніе.

Но ему все труднѣе становится говорить... Онъ давно выбился изъ силъ за эти дни, а между тѣмъ сегодня съ 6 часовъ говоритъ одинъ,—другихъ не хотятъ слушать и требуютъ его, а главное—вѣдь такъ ясно, что грабить и убивать людей нельзя, что странно и трудно это доказывать. Между тѣмъ прежде—вчера или третьяго дня—онъ уже говорилъ то самое, что говоритъ сейчасъ, а новыхъ мыслей не находится. А это опасно, потому что удерживать вниманіе такой массы старымъ—невозможно. И ему все чаще и чаще приходится цѣпляться за перила трактирнаго балкона, чтобы въ безсиліи не опуститься на полъ или не зарыдать.

Туманъ осѣдалъ на его старое лицо и, перемѣшиваясь съ потомъ, облѣплялъ его тяжелой маской, затемнялъ очки, мѣшая видѣть даже ближайшихъ къ нему людей, стоявшихъ съ поднятыми кверху лицами. Старое драповое отсырѣвшее пальто съ жесткимъ воротникомъ камнемъ давило плечи и шею, но нельзя было ни на минуту оправиться или просто глубокимъ вздохомъ облегчить грудь, чтобы не прервать жуткаго напряженія. Когда же онъ поверхъ очковъ бросалъ взглядъ на площадь, то видѣлъ подъ самымъ балкономъ неясную поляну холодныхъ лицъ, съ общимъ сосредоточеннымъ выраженіемъ упорной вражды, а дальше—силуэты головъ, сливаясь, пропадали въ туманѣ. И ему невольно должно было казаться, что эти толпы готовыхъ къ преступленію людей простерлись до горизонта, что подъ нимъ колеблется земля, и онъ утопаетъ во враждебномъ морѣ.

Книзу падали слова о грѣхѣ насилія, о законахъ Божьихъ и человѣческихъ, о невзгодѣ, общей всѣмъ обездоленнымъ. Но эти слова попадали какъ бы на раскаленную плиту и мгновенно испарялись. Часть ихъ силы крадъ туманъ. Онъ пролегъ между старикомъ и тѣми, кто его слушалъ, подставлялъ словамъ свою мягкую, влажную спину, заглушалъ громкую рѣчь, хоронилъ въ себѣ ея чувства. Яркія слова—тускнѣли, огненныя—погасали.

каменномъ и неподвижномъ, какъ и весь онъ, торчали старческіе, гнилые зубы, обнаженные неестественно оттопыренной въ гримасѣ острой боли верхней губой. Онъ не обернулся на мои шаги и, послѣ длинныхъ паузъ размыкалъ сжатые зубы и коротко произносилъ: «ай...» А подлѣ него лежала убитая маленькая, простоволосая, тоже сѣденькая старушонка, жена Симхе. Правая половина головы у ней была сплюснута, и волосы ея, бѣлые и еще не посѣдѣвшіе—черные,—пестрѣли отъ крови. Шагахъ въ двухъ отъ исковерканной головы валялась ночная ваза съ отбитымъ краемъ, вся въ крови, съ прилипшимъ къ ней пухомъ, устилавшимъ дворъ и улицу: вѣроятно, ею били старуху по головѣ.

Въ глубокомъ молчаніи я долго стоялъ возлѣ Симхе, но онъ ни разу не взглянулъ ни на меня, ни на убитую старуху—Миреле, какъ онъ ее всегда называлъ, не отнималъ отъ лица руки, перепачканной не то своей, не то старухиной кровью, а въ его окаменѣвшей позѣ съ простертой и сжатой рукой, оскаленнымъ угломъ рта и неподвижной острой бородкой—было безпамятство позора и отчаянія, и проклятіе равнодушному небу, и угроза человѣческому роду со всѣми его надеждами!...

Было тихо въ нашемъ дворѣ, загроможденномъ обломками мебели, посуды, рваньмъ тряпьемъ. Въ одномъ мѣстѣ я наткнулся на тѣло нашей цѣпной собаки, Барса, съ оторванной головой и покалѣченными задними ногами. Голова валялась отдѣльно, подлѣ желѣзнаго кольца на концѣ цѣпи: повидимому, потѣшаясь, ее, «жидовскую» собаку, тянули за ноги, покуда не оторвали головы.

Кто-то окликнулъ меня робкимъ голосомъ,—я оглянулся и увидѣлъ знакомаго намъ русскаго мальчика, гимназиста Сеню. Я подошелъ къ нему, и онъ сообщилъ, что всѣ наши сидятъ въ ледникѣ уже часа два, что улицу разгромили меньше чѣмъ въ часъ. Громилы спѣшили, вѣроятно, потому, что впереди было много дѣла, и до ледника не добрались. Сеня тоже сидѣлъ съ нашими въ ледникѣ и слышалъ, какъ убивали жену портного. Повидимому, она металась по улицѣ и даже забѣгала во дворъ, но кто-то, охочій, все время, догоняя, билъ ее, потому что долго слышны были ея то дальніе, то совсѣмъ близкіе крики. Я подумалъ, что и кровь на роялѣ—навѣрное кровь старушки.

Мы посмотрѣли другъ другу въ глаза... Сеня развелъ руками и недоумѣвающе произнесъ:

— А?!...

Спустились въ ледникъ. Тамъ было много воды отъ растаявшаго за лѣто льда. Взрослыя женщины стояли и сидѣли въ ней, держа на

рукахъ дѣтей, и всѣ они, большія, маленькія, мокрыя, иззябшія и ошеломленныя, были жалки и потеряны, какъ только что ошельмованныя на публичной казни. И всѣ молчали, не глядѣли другъ на друга и не мѣняли своихъ позъ.

Надо было, однако, что-нибудь предпринять. Мы хорошо знали, что въ началѣ погрома обыкновенно только грабятъ и громятъ имущество, но вскорѣ же начинаютъ охоту на людей. Поэтому и теперь не заглянули въ ледникъ, но черезъ нѣсколько часовъ онъ уже едва ли спасетъ. Мы выбрались изъ мокрой ямы и направились въ загородную дачную мѣстность, Лютиху, уже опустѣвшую и, можетъ быть, забытую громилами.

— И собаку убили...—сказалъ Тувикъ,—выражая нашу общую мысль, когда увидѣлъ Барса,—я слыхалъ, какъ она гавкала...

Громилы къ этому времени, вѣроятно, уже дѣйствовали отдѣльными шайками, потому что гулъ доносился съ разныхъ сторонъ. Но намъ поздно было раздумывать, и мы шли по кратчайшей дорогѣ къ полю. Мы шли, а ревъ, приближаясь, все усиливался. Намъ нельзя было ворочаться, ибо не было силъ сидѣть на мѣстѣ и ждать гибели и легче было идти ей навстрѣчу. Уже слышенъ былъ трескъ разрушенія, свистъ, гиканье, и чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ все быстрѣе разлагался темный хаосъ звуковъ на отдѣльные, устрашавшіе, жестокіе возгласы и дикіе крики. Потомъ стали попадаться спасавшіеся бѣгствомъ евреи. Они бѣжали, какъ слѣпые, точно ничего передъ собой не видя, не понимая, и казалось, что они не сознаютъ, куда бѣгутъ, но остановятся тогда лишь, когда изсякнутъ ихъ послѣднія силы. Ихъ было много, но плотный туманъ не сразу отдавалъ ихъ взору, но понемногу, точно рождая бѣглецовъ изъ своихъ темныхъ нѣдръ.

Вотъ ужъ *тѣ* гдѣ-то близко, сейчасъ—и, можетъ быть, нѣтъ спасенія. Мы, какъ лунатики, бредемъ впередъ, а въ это время ищущіе спасенія бѣгутъ намъ навстрѣчу, и ни они, ни мы даже не удивляемся и, не окликая другъ друга, спасаемся бѣгствомъ въ противоположныя стороны... Кто-то изъ насъ, очевидно, совершаетъ безуміе.

Впереди, по улицѣ, пересѣкающей нашу, въ туманѣ замелькали силуэты. Это *они*. Потомъ силуэты сгрудились и потекли ревущей рѣкой, какъ гигантская змѣя, заполнившая своимъ мягкимъ, сѣрымъ тѣломъ всю улицу. Приглядѣвшись, уже не трудно различить отдѣльныхъ громилъ. Прекратилось бѣгство спасавшихся евреевъ, и мы остались одни на улицѣ въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ ревущей толпы. Намъ надо было переждать ихъ. Вдругъ сопровождавшій насъ Сеня громко, забывъ объ опасности, воскликнулъ:

— Господа, да вѣдь мы ихъ видимъ, значитъ они насъ тоже могутъ замѣтить!...

Это была правда. Мы стояли на виду у громилъ, точно ждали, чтобы кто-нибудь изъ нихъ случайно оглянулся въ нашу сторону. И то, что мы этого не сообразили, наполнило холоднымъ, паническимъ ужасомъ, предчувствіемъ сумасшествія, вѣроятно, каждаго изъ насъ. На другой сторонѣ улицы стоялъ чей-то домъ съ углубленнымъ подъѣздомъ и небольшимъ крыльцомъ, и мы бросились туда, еще больше рискуя въ это время быть замѣченными громилами на пустынной улицѣ. По бокамъ крыльца отъ двери дома къ тротуару шли невысокія перила, досчатыя и сплошныя. Какъ бы по уговору мы присѣли на корточки, чтобы спрятаться за перила, и тутъ случилось... я навсегда это запомню! Маленькій, трехлѣтній Тувикъ съ серьезнымъ выраженіемъ, ни на кого не глядя, самостоятельно смѣрилъ своими желтенькими глазами совершенно его заслонявшія перила и тихонько присѣлъ въ уголку на корточки, вжавъ въ плечи свою рыженькую головку... Мы, полуживые, вздрогнули отъ отчаянія! Тувикъ сознательно спасался отъ громилъ и пряталъ отъ ударовъ свое тѣльце! О, позоръ, позоръ!...

Послышался тонкій, дѣтскій крикъ. Я не вытерпѣлъ, приподнялся и взглянулъ черезъ перила. Быстро, сѣменя голенькими ножками, бѣжала невдалекѣ поперекъ улицы дѣвочка лѣтъ пяти, въ одной рубашонкѣ, спустившейся съ худенькаго плечика, съ растрепанными черными волосами, и пронзительно кричала безъ словъ. Ее настигалъ невысокій, но крѣпкій дѣтина въ дворницкомъ фартукѣ, сильно пьяный и путавшійся ногами. Я не успѣлъ сообразить, какъ онъ однимъ прыжкомъ нагналъ ее и грохнулъ сапогомъ въ спинку и шею такъ сильно, что съ его головы свалился картузъ. Дѣвочка молча свалилась ничкомъ, подавшись впередъ, а онъ носкомъ сапога подбросилъ ее вверхъ, какъ щепку.

Мнѣ *нельзя* было выйти изъ засады! У меня былъ револьверъ, но *нельзя* было стрѣлять! Вѣдь я былъ не одинъ, и всѣхъ бы сейчасъ перебили. Надо было это помнить въ ту минуту... Въ моментъ, кратчайшій секунды, я невольно соизмѣрялъ жизнь дѣвочки въ рубашонкѣ и тѣхъ, кто прятался за перилами... и я выстрѣлилъ. Мужикъ, не взглянувъ въ нашу сторону, повернулся и побѣжалъ, сильно шатаясь, а я уже не владѣлъ собой и выстрѣлилъ ему вслѣдъ. Онъ убѣжалъ. Кричалъ Тувикъ... Я приблизился къ дѣвочкѣ: она была мертва; къ бѣлой рубашонкѣ и голой, тонкой, какъ у общипаннаго цыпленка, шеѣ—прилипла земля отъ сапога, и на мертвомъ лицѣ ь текущей изо рта струйкой свѣтлой крови застылъ крикъ предсмер-

наго ужаса. А въ трехъ шагахъ отъ нея валялся новый суконный картузъ...

Часа черезъ два мы были въ Лютихѣ...

Тувикъ живъ и все понимаетъ,—я вижу по его глазамъ. Онъ помнитъ крикъ дѣвочки, вопли жены портного Симхе-Миреле и даже лай Барса, у котораго отрывали голову. А что, если онъ помнитъ, какъ онъ укрылся за перилами? Да, да, онъ и это помнитъ. И онъ вырастетъ и, можетъ быть, ничего не забудетъ?!

Какъ это ужасно, что мы не сошли съ ума! Я не могу жить съ разумомъ и не понимать того, что видѣлъ! Но я и понять не въ силахъ...

Что дѣлать, куда дѣваться?...

III.

Погромъ.

Всю ночь надъ городомъ стояли мутныя зарева пожаровъ, и оттуда доносились отголоски разбойничьяго разгула и ликованія. Къ утру съ востока потянуло свѣжимъ вѣтеркомъ, туманъ заколыхался и разорванными клочьями сталъ расходиться по землѣ. Утренняя заря, охватившая полъ-неба, горѣла уже на чистомъ горизонтѣ, и на западѣ таяли остатки побѣжденнаго тумана. Начинался тихій и ясный осенній день; все выше по прозрачному, свѣтло-синему, глубокому небу подымалось осеннее солнце, яркое, но не палящее, ласковое и грустное. Обсыхали и грѣлись мокрыя, озябшія березы и было столько родного у нихъ со скромнымъ, задумчивымъ солнцемъ, что самая пожелтѣвшая листва казалась оброненными солнечными пятнами, принесшими прощальный привѣтъ милаго неба милымъ березамъ... Ихъ было немного. Далеко кругомъ простирался старый хвойный лѣсъ, подступавшій къ самой дачѣ, и могучія старыя сосны, темныя у корня и красныя въ вышинѣ, держали въ тѣсныхъ, угрюмыхъ объятіяхъ слабыя березки, загадочно улыбались вверху красными отсвѣтами солнца на своихъ старыхъ бокахъ и словно пугали ихъ. Было похоже, какъ будто въ густую толпу сильныхъ и старыхъ мужей, думающихъ крѣпкую думу, случайно забрело нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ подвѣнечныхъ платьяхъ, что ихъ наивный лепетъ встрѣтило суровое молчаніе, и онѣ сконфузились, растерявшись...

Какъ безконечно грустно среди этой торжественно умирающей красоты съ мыслью, что сюда погнало дикое насиліе, каждую минуту

готовое нагрянуть вслѣдъ! Какимъ бредомъ кажется доносящееся до слуха гиканье одичавшей толпы...

Оно тянуло къ себѣ, какъ казнь, собирающая вкругъ эшафота тысячи людей, и не было силъ оставаться вдали отъ погрома. Я отправился въ городъ.

Онъ былъ наполовину разоренъ. Громилы работали всю ночь, и теперь многіе изъ нихъ спали вповалку гдѣ попало, часто на трофеяхъ битвы, подмостивъ подъ голову узелъ съ награбленнымъ платьемъ, подушку, а то и прямо на грязной землѣ, усѣянной обломками, перьями, рванью. Дымились сгорѣвшія зданія, блестя на солнцѣ обуглившимися, глянцевитыми бревнами, и ихъ черные остовы угрожали новыми бѣдствіями. Воняло удушливой гарью...

Я внѣшностью мало похожу на еврея и въ городѣ мало имѣлъ знакомыхъ среди нееврейскаго населенія, поэтому мнѣ было почти безопасно бродить по разрушаемому городу, среди вновь собиравшихся кучками громилъ. Я прошелъ на нашу улицу—тамъ было все по вчерашнему, и только на мѣстѣ, гдѣ лежала старая Миреле, краснѣла мутная, перемѣшанная съ грязью и уже просыхавшая лужа. Кто-то убралъ ее. Я окликнулъ Симхе, но никто не отозвался. Улица точно вымерла, и я совершенно не понималъ, куда попрятались евреи: вездѣ вѣдь было одинаково опасно. Вѣроятно, они бѣжали въ окрестные лѣса, или прятались по чердакамъ и погребамъ и тамъ ожидали гибели. Увидѣвшая меня дочь сосѣда, русская дѣвушка, разсказала, что убитыхъ пока мало, а изъ числа убитыхъ особенно звѣрски растерзали на глазахъ Степанюка его врага, Вейцмана.

Вскорѣ опять раздались гдѣ-то выстрѣлы, гулъ крѣпчалъ. Погромъ продолжался...

Въ одномъ мѣстѣ я увидѣлъ древнюю, лѣтъ 80-ти, должно быть, старушонку, что-то выносившую изъ разгромленнаго, пустыннаго дома. Я подошелъ поближе. Она тащила на себѣ два тяжелыя одѣяла и вся согнулась подъ своей ношей. Сдѣлавъ два-три крошечныхъ шага, она останавливалась, переводила духъ и, отдохнувъ, опять шаркала неспѣша еле сгибавшимися ногами. Я удивленно посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— На что тебѣ, бабка, одѣяла, вѣдь не сегодня-завтра помирать будешь. Грѣхъ.

— Я помру—дочкѣ, либо внучкамъ достанется,—прошамкала она, ласково на меня глядя выцвѣтшими, усталыми глазами.—Ужъ потружусь... У меня внучка засватанная—ей и отдамъ.

— А грѣхъ?—повторилъ я.

— Ишь ты—грѣхъ...—возразила она, уже ворчливо—всѣ вит

такъ, не я одна—первая. А и грѣхъ, такъ на то и молимся... Молодъ ты. За нехристей, небось, вступился, а стараго человѣка попрекнулъ. Это рази не грѣхъ?—и она опять поплелась съ одѣялами.

Проѣхалъ патруль. Солдаты шутили и чему-то громко смѣялись. Одинъ изъ нихъ, веснущатый и бѣлобрысый, внимательно меня оглядѣлъ и сказалъ, обращаясь къ товарищамъ:

— Куды это, други, жиды наши подѣвались? И бить-то нынче некого будетъ...

— Найдутся,—увѣренно отвѣтилъ другой.

А буйство все разгоралось. Я шелъ, приближаясь къ хаотическому шуму. Все чаще раздавались крики евреевъ. Ихъ отыскивали и, окружая тѣснымъ кольцомъ, избивали съ яростными криками. Грабежъ кончился, начинались повальныя убійства. Я видѣлъ, что погромъ въ этотъ день принимаетъ болѣе свирѣпый характеръ. Вчерашній день въ туманной мглѣ не чувствовалось такого простора, какъ теперь, подъ сіяніемъ яркаго солнца. Было похоже на то, какъ будто съ ужасающей быстротой разрушались стѣнки между ямами, въ которыхъ сидѣли евреи и ихъ сбрасывали въ одну общую могилу. Звѣрь утолилъ грабежомъ свой аппетитъ и теперь, пресыщенный, рыскалъ повсюду и тѣшился, дразнился кровью!

Это былъ приливъ безпощаднаго мучительства однихъ и послѣдней границы отчаянія другихъ. Когда грѣхъ творится во тьмѣ—онъ не такъ устрашаетъ. Въ этотъ солнечный день сразу и цѣликомъ выступила наружу прежде закутанная туманомъ и невидимая вся картина полуразрушеннаго города. Глухая кровожадность почерпнула въ ней новый источникъ силъ и взорвалась, какъ отъ электрической искры. Нельзя было остановиться на полдорогѣ. Оставалось только бѣжать въ страхѣ отъ сдѣланнаго, либо поскорѣе растерзать уцѣлѣвшіе остатки. И евреи, увидѣвшіе разрушенный городъ, уже не могли сохранить луча надежды на то, что, можетъ быть, не все еще кончено...

Къ полудню громилы мелкими шайками въ три-четыре человѣка разсыпались по городу, по всѣмъ предмѣстьямъ, разыскивали евреевъ, калѣчили ихъ, убивали. Это былъ самый страшный періодъ погрома, когда въ три-четыре часа было умерщвлено много людей, изнасиловано женщинъ. Евреи ужъ часто не прятались и въ слѣпомъ страхѣ выбѣгали изъ своихъ убѣжищъ, метались по улицамъ, полицейскимъ участкамъ, пока не становились добычей встрѣчныхъ громилъ. Тогда и были произведены тѣ жестокости и непонятныя изувѣрства, которыя сдѣлали самое названіе нашего города пугающимъ евреевъ

всего міра. Тамъ руки человѣка замѣнили звѣриные когти, тамъ выкалывали...

Къ Степанюку опять ходили еврейскіе депутаты...

Въ нашемъ городѣ существовала «Варшавская кухмистерская для пріѣзжихъ», какъ гласила вывѣска. Ее содержала еврейка—вдова Рейза, энергичная, умная женщина. Здѣсь всегда какъ-то пріятно было проводить время, и кухмистерскую посѣщали съ одинаковой охотой и пріѣзжіе и мѣстные евреи всѣхъ возрастовъ и положеній. Тамъ всегда раздавался смѣхъ отъ шутокъ, шумъ громкаго еврейскаго говора и звонъ посуды. Въ кухмистерскую, кромѣ радушія хозяйки, особенно привлекала прелестная дѣвушка, почти дѣвочка, 17-лѣтняя дочь Рейзы—Хася; тонкая, высокая, смуглая, съ большими, темно-карими простодушными ласковыми глазами дикой козы и пышными каштановыми волосами, заплетенными въ двѣ косы. Это было красивое, нѣжное существо, жизнерадостное и веселящееся, какъ жаворонокъ весной, чистое, простое и благоухающее, какъ свѣжій ландышъ. Она помогала матери и цѣлый день носилась по комнатамъ, точно крупная пестрая бабочка, останавливалась у столовъ и, когда она на нѣсколько секундъ задумывалась и, приложивъ смуглую, тонкую руку къ дѣтской груди, переводила дыханіе,—мнѣ всегда казалось, что этотъ прекрасный юный человѣкъ не случайно попалъ сюда, въ Варшавскую кухмистерскую, гдѣ бываетъ такъ много разнаго народа, по большей части отягченнаго нелегкими заботами, что она послана сюда судьбой—смягчать тяготы и скорби трудной еврейской жизни, переполненной крупными и мелкими трагедіями. Она спугивала своимъ милымъ, радостнымъ, заразительнымъ смѣхомъ тоску и заставляла улыбаться самыхъ угрюмыхъ, озабоченныхъ людей.

Она любила молодого и умнаго парня Лейзера, хорошаго работника, слесаря на мѣстномъ заводѣ, и рядомъ съ нимъ, мужественнымъ и крѣпкимъ, было трогательно видѣть Хасю, такую нѣжную и хрупкую, конфузливо и смущенно разговаривающей, съ переполнявшей и бившей фонтаномъ черезъ край, свѣтящейся въ глазахъ и въ румянцѣ на лицѣ, жизнерадостной, расцвѣтающей любовью. И, мнѣ кажется, всѣ радовались и любовались этой парой простыхъ и к[расивых]ъ людей и горящему надъ ними сіянію новой жизни...

Степанюкъ видѣлъ Хасю раза три, и она ему понравилась. Одн[ажды] разъ онъ зашелъ въ кухмистерскую съ богатымъ мѣстнымъ еврее[мъ]-мельникомъ и, когда Хася подавала имъ чай, онъ взялъ ее за р[уку] выше локтя и крѣпко сжалъ. Дѣвочка до того смутилась этимъ [не]жатіемъ, въ которомъ ей, видимо, почувствовалось что-то тяжел[ое],

что совсѣмъ потерялась и расплакалась... Въ слѣдующій разъ Степанюку услуживала уже сама Рейза, и онъ остался этимъ недоволенъ.

Теперь, когда къ нему пробралась депутація и стала умолять прекратить погромъ, онъ вспомнилъ Хасю. Молча выслушавъ мольбы, онъ сказалъ:

— Ну, я все это самъ хорошо знаю.—Потомъ пожалъ плечами, отозвалъ одного депутата въ сторону и, понизивъ голосъ, сказалъ ему:

— Вы, господа, были вѣдь у меня. Я простой исполнитель, говорю все откровенно, безъ свидѣтелей... Погромъ долженъ прекратиться самъ собой, какъ и начался, понимаете? Вы люди мирные и страдаете за грѣхи вашей молодежи, которую не удерживали... Объ чемъ тутъ говорить?... А вы вотъ пришлите ко мнѣ депутаткой Хаську изъ Рейзиной кухмистерской. Она, шельма, тоже, должно быть, демократка, такъ съ ней и поговоримъ. Но чтобы—шито-крыто! Понимаете?—добавилъ онъ строго.—Кромѣ нея никто и ничто не поможетъ!... Вотъ.

Впослѣдствіи мнѣ передавали со всѣми подробностями, какъ убѣждали Рейзу, чтобы она не препятствовала дочери спасти жизнь тысячамъ евреевъ. Какъ плакалъ старый раввинъ, уговаривая Хасю послѣдовать примѣру Эсѳири, спасшей отъ погрома древнихъ временъ подданныхъ царя Артаксеркса. Онъ торжественно бралъ на себя этотъ «грѣхъ». Женщины, особенно Хася, долго не въ силахъ были понять, о чемъ ихъ просятъ—имъ прямо не говорили и пытались подготовить. Потомъ Рейза поняла и, корчась всѣмъ тѣломъ, билась головой обо что попало, рвала космами свои волосы, и никто не осмѣливался утѣшать ее. Наконецъ, собравшись съ силами, она прямо и рѣзко пояснила дочери, на что ее посылаютъ. Послѣ этого онѣ обѣ долго молчали, и всѣ бывшіе здѣсь, почетные евреи города, старики и ученые—какъ безумные рыдали, глядя на нихъ, ибо это было хуже и страшнѣе, и ужаснѣе всего, что они перенесли за послѣднее время. Ихъ всегда приносили въ жертву, но тутъ они сами приносили жертву, полную позорнаго самоуниженія.

Хася была у Степанюка.

. . . . . .

Какъ это несправедливо! Тому, кто разорилъ, потрясъ и изранилъ многотысячное еврейское населеніе, евреи отдали своего человѣка, который, кажется, былъ такимъ свѣтлымъ и дорогимъ для ихъ существомъ.

Она была у него до слѣдующаго утра, и погромъ въ это время былъ прекращенъ.

Я встрѣтилъ Хасю, когда она возвращалась отъ Степанюка въ свою кухмистерскую. Она шла одна, никѣмъ не поддерживаемая, но ее провожала большая толпа евреевъ и еврекъ, уже знавшихъ обо всемъ, молчаливая и сосредоточенная, какъ на похоронахъ и точно загипнотизированная. Всѣ смотрѣли на нее съ жестокой жалостью,— она нашлась еще у этихъ замученныхъ людей,—но Хася глядѣла куда-то вдаль и, я увѣренъ, не замѣчала ни этихъ взглядовъ, ни самой толпы, ни мерзкаго гоготанія встрѣчныхъ громилъ, недавно прекратившихъ пированіе. Она была блѣдна, и губы ея были бѣлы. Въ нетвердой походкѣ и помутнѣвшихъ прекрасныхъ глазахъ и во всемъ ея смертельно раненомъ, трепещущемъ существѣ,—уже чувствовалось безуміе. Какъ мало она напоминала персидскую царицу Эсѳирь, жену полубога, восточнаго деспота Артаксеркса! Какъ и Степанюкъ, сожравшій ея душу и тѣло, мало походилъ на этого древняго властелина.

На ушахъ ея тихо покачивались и сверкали яркими переливами на солнцѣ сережки изъ красныхъ кораллóвъ—вѣрно, подарокъ довольнаго Степанюка—ихъ прежде у нея не было,—и казалось, что это двѣ крупныя кровяныя капли, выжатыя изъ ея мозга жгучимъ стыдомъ и страданіемъ, повисли на ея смуглыхъ ушахъ. Нѣтъ, она не была гордой въ своей жертвѣ и мстительности Эсѳирью!

Съ смутнымъ сознаніемъ происходящаго я вошелъ вслѣдъ за нею въ кухмистерскую. Рейза встрѣтила свою дочь у порога. Растрепанная, истерзанная, со странными изломанными тѣлодвиженіями—она не отходила отъ Хаси и съ безумной усмѣшкой повторяла, прикладывая обѣ руки къ головѣ, точно отдавая честь по-военному:

— Ты теперь большое лицо... Ты теперь уже не Хасинька, а ваша благородія... Тебѣ все боятся, ты теперь ваша благородія... ваша благородія... Я тебѣ боюсь.

Хася подошла къ ней и улыбнулась утѣшительной, жалкой улыбкой. Но въ тотъ же моментъ какимъ-то внутреннимъ вихремъ, порывомъ воспоминанія улыбку согнало съ лица, она ударила себя сжатыми кулаками по головѣ и закричала сухимъ, воющимъ рыданіемъ, какъ бездомная собака. Тогда я вмѣстѣ со многими—бѣжалъ оттуда, изъ этого маленькаго царства безумія, а въ спину намъ вонзалось колющее рыданіе, обгоняло насъ, било въ лицо, въ голову, проникало въ черепъ.

Онѣ обѣ сошли съ ума, а женихъ Хаси, Лейзеръ, исчезъ съ тѣхъ поръ изъ города, неизвѣстно куда.

...Было много убитыхъ, но я не скажу сколько ихъ было, по-

тому что жутко обозначать мертвой общей цифрой вереницы искалѣченныхъ, поруганныхъ труповъ.

Ихъ хоронили черезъ три дня послѣ погрома на предательски-красивомъ кладбищѣ. Вдоль стѣнъ, его окаймлявшихъ—стояли въ пышномъ осеннемъ уборѣ старыя, давно-давно посаженныя деревья. Тополи и рябины тихо вздрагивали подъ дыханіемъ свѣжаго, бодраго вѣтерка, и тогда ихъ красиво умиравшая листва колыхалась, какъ живая стѣна изъ перемѣшаннаго сусальнаго и червоннаго золота. А позади нихъ въ раскрытую пасть земли опускали обезображенные, частью не опознанные трупы. Красивая золотая стѣна стыдливо закрыла ихъ отъ города, но не могла заглушить проклятые крики, безнадежные крики евреевъ, погребавшихъ своихъ братьевъ. Такъ и надо! Такъ и надо! Всѣ вы, сколько васъ есть, нѣсколько милліоновъ, сходящіе съ того эшафота, на который васъ взвели, бѣгите съ этими криками въ города, дальше—въ поля, разсыпьтесь по всему лицу земли, проникайте въ дома, въ храмы, бросьте кормить своихъ дѣтей и вмѣстѣ съ ними, голодными и испуганными, кричите и крикомъ разрывайте свои груди, и пусть ваши вопли не умолкаютъ! Падайте мертвыми и припадочными на порогахъ домовъ и храмовъ, этихъ убѣжищъ Бога, изойдите кровью на глазахъ у взрослыхъ и дѣтей, но убейте спокойствіе человѣка! Дайте ему только малую долю своихъ испытаній и этимъ замучьте его. Внесите смятеніе въ его душу, растерзайте его сердце! И тогда, братья, мы будемъ мечтать о примиреніи!...

Живые опять открыли лавочки, торгуютъ, суетятся... О-о-о! Я не вѣрю, что они нормальны! Я не вѣрю, что и убійцы нормальны.

Мнѣ трудно. Вѣдь я старался спокойно передать все, что видѣлъ и узналъ, но самое главное и страшное—не передается. Я *его* чувствую постоянно въ себѣ, но когда подступаю къ *нему*, чтобы захватить словомъ—*оно* прячется на дно души и не дается, и тогда у меня вырывается крикъ... Услышьте его! Я всего не разсказалъ, и вамъ невѣдомо, какъ настигли еврея, спасавшагося бѣгствомъ черезъ заборъ и разорвали пополамъ, и половины были послѣ найдены въ смежныхъ домахъ. Я не разсказалъ о тѣхъ семи евреяхъ, что вышли къ толпѣ на растерзаніе, чтобы этимъ спасти массы женщинъ и дѣтей, нашедшихъ съ ними убѣжище въ гимназіи. Я не разсказалъ, какъ перепилили...

Вотъ мое твердое убѣжденіе: въ городѣ, гдѣ долго ждали погрома и гдѣ онъ разразился—всѣ больны. Здоровые сошли съ ума, а торгуютъ въ лавочкахъ, плодятъ дѣтей, занимаются въ канцеляріяхъ,

ходятъ въ театръ, учатся, читаютъ книги, молятся Богу—больные. Ихъ улыбки похожи на судороги, а смѣхъ—на рыданіе. Ихъ надо окружить высокой, глубокой стѣной, изолировать отъ міра. Пусть они перемрутъ, ибо ихъ кровь грозитъ разореніемъ. Они зачумленные, хуже, чѣмъ помѣшанные. Ихъ тлетворное дыханіе отравляетъ свѣжаго человѣка. Вѣдь надо попять: въ городѣ живутъ и общаются убійцы и тѣ, кто случайно отъ нихъ спасся!

Меня тяготитъ мой разсудокъ!

IV.

Послѣ погрома.

Со времени погрома прошло уже пять мѣсяцевъ. Его наружныхъ слѣдовъ почти незамѣтно, потому что ихъ старательно стирали, какъ стираетъ разбойникъ пятна крови съ топора, которымъ онъ убивалъ.

Быстро промчалась зима, сейчасъ стоитъ удивительная, небывало ранняя, ровная, могучая весна. Отцвѣла черемуха, отцвѣлъ тополь. Теперь цвѣтетъ каштанъ и въ своихъ бѣлыхъ, стройныхъ гроздьяхъ, среди густо-заселенной листвы—походитъ на рождественскую елку, торжественно убранную восковыми свѣчами. Волнами ходитъ и колышется крѣпкій весенній ароматъ зелени и цвѣтовъ. И все это такъ огромно, очаровательно и томительно нѣжно! А что будетъ дальше, когда расцвѣтетъ акація, липа, когда совсѣмъ распустится береза! Дубъ только одинъ туго поддается весеннему солнцу и все хмурится—темный, крѣпкій дубъ. Но и на немъ уже прыснули по молодымъ побѣгамъ желто-зеленыя почки, кажется издали, что это блестящія на солнцѣ пчелы прилетѣли повеселить старика и усѣяли собою его корявые пальцы. Какъ все свѣжо, молодо, прекрасно и полно жизни! Жаворонки немолчно кричатъ, захлебываются отъ радости. По ночамъ часто разражается величавая гроза, полная огня, страсти и непобѣдимой силы, а къ утру яркое, горячее солнце и сверкающая алмазами зелень, и высокое, бездонное небо—тихо улыбаются, перемигиваются и загадочно шутятъ надъ ночной грозой. Они отняли, взяли себѣ всю ея мощь, и она, безсильная и сконфуженная, куда-то поспѣшно удалилась...

Черезъ недѣлю наступаетъ Пасха. Вернулся изъ-за границы товарищъ и разсказываетъ много интереснаго. Всѣмъ хочется съ нимъ поговорить и вмѣстѣ, по-товарищески побесѣдовать объ всемъ, что происходитъ. Мы назначаемъ вечеръ, чтобы собраться компаніей и сообща потолковать.

Насъ набралось человѣкъ пятнадцать молодыхъ людей и дѣвушекъ разнаго толка и образа мыслей, и поэтому скоро закипѣли горячіе споры по текущимъ вопросамъ. Достали нѣсколько бутылокъ пива, вина и всѣми силами пытались развеселиться. Но это не удавалось, потому что ходили слухи о томъ, что къ праздникамъ подготовляются новые погромы.

Молодой человѣкъ въ студенческой формѣ, съ худенькимъ птичьимъ лицомъ, черненькій, съ большими печальными глазами, слишкомъ большими на маленькомъ, тонкомъ лицѣ, «соціалистъ, еще не излѣчившійся отъ націонализма», какъ его называли,—горячо спорилъ съ другимъ студентомъ, «чистымъ» соціалъ-демократомъ, высокимъ, красивымъ юношей, свѣтлорусымъ, похожимъ на поляка, съ умными, красивыми, чуть жесткими глазами, свѣтящимися веселымъ огнемъ. Этотъ доказывалъ первому, что разъ національное производство побѣждается міровымъ, то нѣтъ мѣста въ соціализмѣ и націоналистическимъ тенденціямъ.

Маленькій спорилъ страстно и порывисто, а высокій спокойно и увѣренно. Потомъ, неожиданно, маленькій замолчалъ, странно какъ-то обвелъ глазами молодежь и безъ словъ выпилъ, одну за другой, двѣ рюмки вина. Вдругъ лицо его задрожало и побагровѣло, выпуклые глаза покраснѣли и увлажнились, онъ вскочилъ съ мѣста, ударилъ кулакомъ по столу и крикнулъ прерывающимся голосомъ:

— Нѣтъ національнаго производства, но есть погромы!.. Понимаете?!..Погромы... погромы!... Пасха скоро, праздникъ, чтобъ онъ пропалъ, погромы... Нѣтъ національнаго производства, но есть погромы, Кишиневъ, Одесса, Гомель, Хася!... Ты спокоенъ?! Да?! Въ Саратовѣ или Оршѣ пьяные подерутся, ребенокъ опоздаетъ на часъ домой придти, городового обидятъ, праздникъ наступитъ, а милліоны людей уже дрожатъ въ страхѣ, уже паника!... Національнаго производства нѣтъ?!

Слова били каскадомъ изъ его устъ, становились все неразборчивѣе, только безпрестанно повторялось слово «погромъ». Лицо его начало блѣднѣть, и глаза на немъ все ярче выдѣляться, какъ на озаренной луннымъ свѣтомъ стѣнѣ—темныя окна, и въ нихъ уже не было мысли, а отраженіе пережитаго и грядущаго отчаянія. Грудь колыхалась отъ рыданій.

Потомъ съ нимъ началась истерика, долгая и тяжелая, и она стала насъ заражать. Тѣ, кто выпилъ рюмку-двѣ, вдругъ почувствовали себя пьяными, пьяныя рыданія уже заглушили неестественныя, выученныя шутки, которыми мы себя забавляли, лились слезы, звучалъ истерическій хохотъ, перемѣшанный съ такими же и похожими

на него рыданіями. Не выдержалъ и свѣтлорусый студентъ съ веселыми, умными и жесткими глазами. И оттого, что онъ былъ силенъ и долго крѣпился—его сразу потрясли бурныя рыданія, повергли на постель, извивали его тѣло. Онъ бился всѣмъ своимъ стройнымъ, красивымъ корпусомъ и говорилъ безсвязныя слова въ тяжеломъ бреду:

— Жизнь пропадаетъ... не то... не то... Будемъ проклинать... Живемъ въ испугѣ... Мстить...

Онъ былъ самымъ крѣпкимъ среди насъ.

Поздно ночью я возвращался съ нашей «пирушки». По таинственному небу катилась пышная луна, почти не затемнившая звѣздъ, чистыхъ, сверкающихъ не то сдержаннымъ смѣхомъ, не то дрожащими на рѣсницахъ слезами. Ихъ было очень много въ эту ночь въ тяжеломъ ночномъ небѣ, онѣ пѣли стройнымъ величавымъ хоромъ какой-то торжественный маршъ, и многія изъ нихъ умирали въ небесахъ отъ счастія. На Западѣ онѣ затѣяли какую-ту веселую игру и, оставляя огнистый слѣдъ, рѣяли по небу, какъ русалки на днѣ моря, и, не удержавшись, падали съ шутливымъ испугомъ за горизонтъ. Млечный путь прокатился отъ края и до края, тихій, далекій и строгій.

О чемъ поютъ звѣзды? Кому слагаютъ свой хоралъ? Видятъ ли онѣ оттуда печаль земли, какъ мы видимъ ихъ свѣтлые хороводы? Услышатъ ли онѣ мою печаль, которую я здѣсь повѣдалъ?

Мнѣ жаль своей великой печали! Я отдаю ее другимъ, но кто ее приметъ?—и она уже не моя и не чужая... Мнѣ тяжело съ нею разставаться.

Мнѣ легче съ нею потому, что она безмѣрно тяжела, и я, когда переполненъ ею, дѣлаюсь жестокъ и безпощаденъ и съ легкимъ сердцемъ, даже съ радостью шлю свои проклятія людямъ и жизни и всѣмъ міровымъ законамъ. Меня перестаютъ обманывать тѣни надеждъ и призраки вѣры, кощунство играетъ на моихъ устахъ, и я начинаю чувствовать себя новымъ, небывалымъ существомъ,—геніальнымъ звѣремъ, съ умомъ, хитростью и мстительностью человѣка, земнымъ дьяволомъ!

Мысли о погромѣ не выходятъ изъ головы. Онѣ тамъ дико и буйно разрастаются, и ужъ черепъ лопается подъ ихъ безпощаднымъ напоромъ, и, какъ волосы, онѣ вытягиваются вонъ изъ головы и колютъ ее острыми иглами.

Дальше что, впереди?

А впереди намъ всѣмъ предстоятъ длинные осенніе и зимніе вечера, ночи безъ сна или съ кошмарными сновидѣніями, когда къ глубокомъ мракѣ подъ вой вѣтра будутъ проноситься въ помраченныхъ головахъ тысячи людей картины пережитаго. Когда лепетъ соннаго ребенка, упадая на потрясенное сознаніе, загремитъ сумасшедшимъ хохотомъ и дикимъ подвываніемъ погромнаго стада и исторгнетъ изъ груди матери вопль животнаго ужаса и смертельной тоски. И новорожденныя дѣти будутъ расти и жить въ этихъ казематахъ среди тупыхъ, глупыхъ убійцъ, гдѣ воздухъ, стѣны, потолки и всякая мелочь дышитъ погромными впечатлѣніями, гдѣ мѣрно бродитъ изъ угла въ уголъ тѣнь Хаси, проданной братьями врагу, а во время дѣтскихъ игръ Тувикъ будетъ имъ разсказывать и показывать, какъ онъ перехитрилъ своихъ враговъ и укрылъ свою желтенькую головку.

Изнуренные, измученные, мы хмурой толпой кой-какъ добредемъ до могилы и на самомъ краю ея оглянемся назадъ и увидимъ пройденный нами путь. Тамъ не будетъ ни красоты, ни славы, ни разума, ни поэзіи. Онъ весь сплошь будетъ—тяжкое, но безсмысленное страданіе, обильная, но безцѣльная, никому не нужная жертва, никого не просвѣтившая жертва холоднаго мрака. А по сторонамъ мы увидимъ человѣчество, черезъ которое пролегалъ нашъ жизненный путь. Тамъ будутъ тѣ, что насъ позорили, нещадно терзали, и тѣ, на чьихъ лицахъ наши муки вызывали веселье и радость, и огромныя массы холодныхъ, безучастныхъ лицъ, для которыхъ и жертвы наши, и кровоточащія раны проходили безслѣдно, незамѣтно, какъ отъ вѣка царящій привычный законъ. Изрѣдка мелькнетъ затерянный сочувствующій взглядъ. И только немногія, одиноко протянутыя къ нашему пути руки—укажутъ мѣсто, гдѣ за насъ и съ нами страдали и помогали намъ.

Но ихъ будетъ такъ мало, что такое человѣчество насъ ужаснетъ, и мы содрогнемся! Нашъ послѣдній, предсмертный моментъ будетъ тяжекъ и отравленъ, ибо въ немъ сосредоточатся всѣ муки жизни, и мы ихъ снова переживемъ, но уже безъ всякихъ надеждъ—передъ лицомъ смерти. Тогда мы поспѣшимъ отъ этой жизни отвратить свои взгляды къ могилѣ и въ темный, глухой, тѣсный гробъ—вступимъ съ радостью, какъ въ блещущій огнями брачный чертогъ!

Если бы добыть безконечно-счастливый удѣлъ сумасшедшаго!... Пасха приближается... Неужели будетъ погромъ?!.. Неужели опять?...

А. Дериванъ.

Скитъ.

Овальный прудъ въ кругу рябыхъ березъ.
Сверкаетъ гладь, пестрѣя въ отраженьяхъ.
Тамъ, одинокъ въ своихъ богослуженьяхъ,
Суровый скитъ стѣной себя обнесъ.

Когда грустя звенятъ колокола,
Когда луга, дымясь, роса туманитъ,
Здѣсь иногда заря, забывшись, встанетъ,
Отъ блеска дня усталая ала.

И прудъ горитъ червонный, какъ алтарь;
Шурша поютъ вечерню въ листьяхъ шумы—
Какъ будто міръ подъ лаской тихой думы
Слился съ Тобой, надзвѣздный Зодчій-Царь...

Чрезъ мигъ ужъ ночь. Тревожный нетопырь
Кричитъ совѣ о тайнахъ тьмы широкой
Съ зубчатыхъ стѣнъ, гдѣ грезитъ одиноко
Подъ бой часовъ суровый монастырь.

Левъ Зиловъ.

Въ межахъ.

Отъ Влахернской до Святителей
Въ темныхъ сводахъ колоколенъ
Заунывно-богомоленъ
Рѣдкій благовѣстъ обителей.

Ржи пахучей межи спѣлыя,
Клейкій листъ березъ шумливыхъ
Привѣчаютъ сумки бѣлыя
Богомольцевъ молчаливыхъ.

Какъ Читеи многотомныя,
Ихъ нѣмые милліоны.
Лица строгія и темныя,
Какъ раскольничьи иконы.

Съ мѣдью, вырванной у голода,
Канетъ скорбь глухихъ селеній
Въ холодъ выбитыхъ ступеней,
Въ раку кованнаго золота.

Левъ Зиловъ.

ИЗАИЛЬ *).

Романъ Геннинга Бергера.

(Съ нѣмецкаго.)

Осенняя сказка.

Былъ конецъ октября.

Болѣе недѣли уже Гуго проживалъ у одного знакомаго, того самаго столяра, который принесъ ему вѣсть о полученіи на его имя денежнаго пакета.

Звали его Матзонъ. То былъ простой человѣкъ, обладавшій однако ловкостью, работоспособностью, бережливостью,—словомъ, всѣми данными, необходимыми для успѣха въ Новомъ Свѣтѣ. Десять лѣтъ прожилъ онъ въ этомъ огромномъ городѣ, постоянно трудясь, никогда не оставаясь безъ работы, но тѣмъ не менѣе никогда не былъ въ состояніи подняться надъ десятью тысячами своихъ товарищей, жившихъ въ Чикаго. Онъ не добился самостоятельности и не смогъ себѣ устроить самой скромной собственной мастерской. На большихъ фабрикахъ, гдѣ онъ работалъ, ему никогда не удавалось занять виднаго мѣста. Жениться ему также не удалось, и вслѣдствіе этого не удалось обзавестись и собственнымъ домомъ. Ему однако всегда хорошо платили, и странички его сберегательной книжки *Illinois Trust und Savings Bank* были сплошь заполнены.

Гуго познакомился съ нимъ, живя въ пансіонѣ. Ихъ комнаты были рядомъ, и по вечерамъ они подолгу болтали за пивомъ и трубкой. Гуго любилъ Матзона, какъ покладистаго и добраго человѣка, стоявшаго въ умственномъ отношеніи гораздо ниже его, но обладавшаго трезвымъ практическимъ взглядомъ на окружающее и на простѣйшіе пути жизни. Матзонъ смотрѣлъ на Нордлинга снизу вверхъ, убѣж-

---

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1907 г.

денный въ томъ, что послѣдній совершитъ нѣчто особенное среди тупыхъ американцевъ, которыхъ Матзонъ никогда ни любилъ и для которыхъ онъ самъ былъ всегда лишь рабочимъ скотомъ. Никогда не могъ Матзонъ забыть родину; въ душѣ онъ вѣчно тосковалъ по маленькому мѣстечку, гдѣ онъ родился и въ округѣ котораго онъ мечталъ купить ферму, усадьбу, быть можетъ, небольшое имѣньице. Теперь эта мечта должна была осуществиться. Черезъ двѣ-три недѣли онъ будетъ уже далеко, по ту сторону океана съ тѣмъ, чтобы никогда не переплывать его больше обратно.

Матзонъ жилъ послѣдніе полгода въ сѣверной части города въ Lake View. У него было тамъ маленькое собственное хозяйство и квартира. Когда Гуго, хватаясь за послѣднюю соломинку, рѣшилъ разыскать столяра, Матзонъ тотчасъ предложилъ ему спать на диванѣ въ столовой и сверхъ того дѣлить съ нимъ его трапезы. Послѣднія были значительно улучшены; Матзонъ радовался тому, что былъ человѣкъ, которому онъ могъ разсказать о своихъ планахъ.

Для Гуго тяжелы были эти разговоры. Онъ чувствовалъ себя какъ песъ, собирающій крошки со стола богача. Однако, насколько могъ, онъ давалъ совѣты и кое-какія справки о покинутой родинѣ. Такъ проходили дни—и вотъ сегодня, наконецъ, Матзонъ долженъ былъ ѣхать.

Осенніе удешевленные рейсы только что открылись, и Матзонъ запасся билетомъ на мѣсто между деками. Даже теперь Матзонъ не подумалъ взять билетъ второго класса въ каютѣ.

Одну ночь Гуго могъ еще провести въ квартирѣ пріятеля. Но со слѣдующаго дня помѣщеніе было сдано внаймы, мебель была продана столяру-нѣмцу.

Теперь всѣ они сидѣли вмѣстѣ, только что пообѣдавъ. Сундуки и ящики были увезены. Послѣдній кувшинъ пива былъ принесенъ, и всѣ закурили трубки. Нѣмецъ говорилъ о родинѣ и о томъ, что онъ черезъ пять лѣтъ поѣдетъ туда съ женою и дѣтьми, показать имъ Берлинъ, императора, дѣда и бабку. И—прибавлялъ онъ—выпить еще разъ пива, которое можно было найти въ одной только Германіи.

— Швеція такъ прекрасна!—сказалъ Матзонъ.—А Стокгольмъ одинъ изъ лучшихъ городовъ въ мірѣ—знаете ли вы это, г. Шульце?

Шульце кивнулъ головой и выпустилъ цѣлые клубы дыма.

— Да, да, разумѣется!

— Онъ совсѣмъ не похожъ на Чикаго!

Гуго молчалъ. О чемъ они говорили? Какъ это сбудется?

— А вы,—спросилъ нѣмецъ,—когда поѣдете домой, м-ръ Нордлингъ?

Да въ самомъ дѣлѣ, когда? Онъ никогда не увидитъ родины. Но въ ушахъ у него еще звучали слова нѣмца о «пяти годахъ», и онъ съ тупою улыбкой отвѣтилъ:

— Черезъ пять лѣтъ.

— Отлично, поѣдемъ тогда на одномъ и томъ же пароходѣ! Кормятъ на нѣмецкихъ пароходахъ несравненно лучше.

Хозяйка, оба сына которой погибли при обвалѣ моста, и которая теперь на старости лѣтъ должна была зарабатывать свой хлѣбъ вмѣсто того, чтобы отдыхать, для чего собственно сыновья и заставили ее пріѣхать въ Америку, вошла съ кувшиномъ пива. Матзонъ сдулъ съ него пѣну и налилъ кружки.

— Да здравствуетъ наша Швеція!—сказалъ онъ.

Всѣ выпили.

Стаканы были наполнены снова, и Шульце всталъ.

— Да здравствуетъ моя старая Германія!—сказалъ онъ.

Всѣ выпили.

Нордлингъ заглянулъ въ кувшинъ. На днѣ его ничего не осталось для того, чтобы провозгласить: «Да здравствуетъ Америка».

Пора было ѣхать на вокзалъ.

Нѣмецъ простился. Гуго хотѣлось проводить своего хозяина.

Электрическій поѣздъ мчался по улицамъ. Мимо огромнаго парка черезъ Кларкстритъ, въ туннель. Затѣмъ снова наверхъ между высокими домами, крыши которыхъ уже были окутаны сѣро-желтымъ туманомъ. Затѣмъ мчался по извилистымъ переулкамъ, въ которыхъ толпились люди и вспыхивали фонари. Вокругъ все шумѣло и звучало; работали легкія огромнаго города. На перекресткахъ дулъ октябрьскій вѣтеръ, поднимавшій пыль, соръ, опилки и солому. Наконецъ, сверкнули высокія окна вокзала. Куполъ изъ стекла и желѣза походилъ на гигантскій колпакъ для сыру.

На всѣхъ путяхъ стояли поѣзда. Калитки на платформахъ медленно пропускали змѣевидный потокъ отъѣзжавшихъ. То были по большей части возвращавшіеся эмигранты. На головокружительной высотѣ, подъ стеклянною крышей, гдѣ плавали облака пару, висѣли огромные электрическіе фонари, бросавшіе внизъ снопы бѣлаго свѣту. Кругомъ раздавались свистки, сигналы, удары молотовъ, голоса и топотъ тысячъ ногъ. На возвышеніи груды багажа и сундуковъ стояли Гуго и столяръ.

Они пріѣхали черезчуръ рано. Нордлингу не хотѣлось говорить. Ему казалось, что онъ никогда не покинетъ этотъ городъ; въ лучшемъ случаѣ, даже когда у него будетъ работа и будутъ деньги, эта страна не выпуститъ его изъ своихъ когтей. Онъ умеръ для того

берега, куда отправлялся Матзонъ и всѣ эти люди. Ему представилось, какъ въ будущемъ онъ провожаетъ отъѣзжающихъ друзей, пожимаетъ руки и говоритъ:

— До свиданія, привѣтъ Старому Свѣту.

Точь въ точь, какъ прощаются съ умирающимъ на пути къ чему-то неизвѣстному, что знали въ дѣтствѣ, но во что современемъ потеряли вѣру, что ускользнуло, растаяло.

На одной багажной телѣжкѣ сидѣлъ матросъ. Онъ былъ черенъ, какъ табакъ, а руки его были покрыты татуировкой—голубыми кораблями и якорями. Въ рукѣ онъ держалъ свертокъ въ оловянной бумагѣ съ темно-синимъ ярлыкомъ. Послѣдній изображалъ собою матроса, стоявшаго на одной ногѣ близъ свернутаго каната и махавшаго шапкой. Вверху стояло названіе табака: Sailor Boy. Одна связка табака лежала вблизи телѣжки. Изъ кармана человѣка висѣлъ длинный яркій остъ-индскій носовой платокъ.

— Эй,—говорилъ онъ,—подходите, друзья, берите! Жуйте, радуйтесь; мы плывемъ къ старой Англіи! Назадъ къ веселой старой Англіи! Домой, понимаете ли, домой?

Грубымъ голосомъ затянулъ онъ матросскую пѣсню, въ которой пѣлось о родинѣ, о дорогихъ берегахъ, о бурѣ, о борьбѣ и побѣдѣ, о сердцахъ, которыя будутъ вѣчно биться для дорогой старой Англіи.

— Прощай,—сказалъ вдругъ Нордлингъ.—Я не въ силахъ оставаться долѣе. Спасибо, Матзонъ, поклонись отъ меня Швеціи!

Быстро, не оборачиваясь, пошелъ онъ прочь отъ вокзала. Сердце его судорожно сжималось, словно сдавливаемое чьею-то ужасною рукой. Грудь наполнилась чѣмъ-то горячимъ, сердце хотѣло разорваться.

— Теперь обрубленъ послѣдній канатъ,—сказалъ онъ и повторилъ эту фразу нѣсколько разъ, самъ не зная почему. Когда онъ очутился на лѣстницѣ снаружи, то замѣтилъ, что шелъ дождь. Гранитъ почернѣлъ отъ воды. Было холодно. Онъ быстро пошелъ впередъ, и осенній дождь заструился какъ слезы по его лицу. Электрическій поѣздъ остановился какъ разъ передъ нимъ. Онъ вошелъ въ вагонъ, и поѣздъ помчался дальше. Уже въ туннелѣ Гуго замѣтилъ, что это былъ сѣверный поѣздъ. Онъ могъ, впрочемъ, оказаться и восточной линіей,—въ эту минуту для него это было безразлично. У него не было даже денегъ заплатить за проѣздъ. Когда къ нему подошелъ кондукторъ, Гуго только взглянулъ на него и сказалъ:

— У меня нѣтъ денегъ! Я безъ работы. Я очень усталъ. Позвольте мнѣ доѣхать до Lake View.

Кондукторъ поглядѣлъ на него съ минуту, ничего не отвѣчая, и

пошелъ обратно на свое мѣсто. Вагонъ несся сквозь дождь. Мало-помалу самообладаніе вернулось къ Нордлингу. Онъ думалъ о любезности кондуктора и чувствовалъ, что у него становится легче на душѣ. Этотъ чужой человѣкъ могъ прямо грубо вышвырнуть его изъ вагона, а вмѣсто того... люди не такъ ужъ дурны, надо только знать, какъ къ нимъ подойти.

Въ открытую дверь вагона вѣяло свѣжестью. Кожаныя петли хлопали по крышѣ. На вагонѣ-моторѣ горѣлъ огромный фонарь, свѣтъ отъ котораго треугольникомъ прорѣзывалъ туманъ. Окна лавокъ, заклеенныя выборными воззваніями, были освѣщены изнутри. На углу улицы Чикаго Гуго вышелъ. Онъ хотѣлъ узнать въ пансіонѣ Остремъ, не получено ли на его имя письма. Выходя, онъ обратился къ кондуктору, который взялся уже за веревку, чтобы дать сигналъ кучеру ѣхать дальше.

— Спасибо за любезность!—сказалъ Гуго.

Кондукторъ тряхнулъ сумкой съ деньгами и отвѣтилъ, не оборачиваясь: «All right!»

Вагонъ исчезъ въ густѣвшемъ туманѣ; задніе фонари поѣзда блестѣли, какъ два круглыхъ глаза, а мѣдныя проволоки воздушныхъ проводовъ шипѣли и звенѣли надъ головою Нордлинга. Гуго пошелъ.

Письма для него не оказалось. Онъ не остался, никого не хотѣлъ видѣть, и уныло поплелся дальше.

Идя такимъ образомъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что за нимъ кто-то идетъ. То была узкая, обсаженная деревьями улица, окутанная туманомъ и пустынная. Прислушавшись, Гуго различилъ шаги, раздавшіеся въ тактъ съ его шагами.

Онъ остановился.

Далеко въ желто-сѣромъ туманѣ остановилась также черная фигура. Она казалась приземистой.

Нордлингъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ и вдругъ обернулся. Человѣкъ, шедшій за нимъ также впередъ, отпрыгнулъ въ сторону и спрятался за дерево.

Долго ждалъ Гуго. Затѣмъ медленно пошелъ назадъ. Никого не было видно.

Онъ вышелъ на средину улицы и ждалъ, всматриваясь и настороживъ уши. Въ концѣ-концовъ ему почудилось, что онъ увидалъ темный образъ, кравшійся у кирпичной стѣны.

Страха онъ не испытывалъ. Наоборотъ, настроеніе у него поднялось. Мысль о печальномъ положеніи, въ которомъ онъ очутился, внушала ему отвагу, и ему показалось трагикомичнымъ, что воръ

слѣдовалъ за нимъ, какъ тѣнь. Но когда въ его умѣ пронеслось слово тѣнь, ему вдругъ пришло въ голову, что это могъ быть сыщикъ или агентъ тайной полиціи. Быть можетъ, его принимали за вора.

Раздраженіе вродѣ того, когда онъ чуть не удушилъ доктора Смита, вдругъ вскипѣло въ немъ. Передъ глазами все было у него красное, въ затылкѣ стучало. Въ два прыжка очутился онъ на лѣвомъ тротуарѣ и схватилъ за воротъ согбенную фигуру. То былъ маленькій человѣчекъ въ остроконечной шапкѣ на курчавой головѣ и съ кольцами въ ушахъ. Онъ, повидимому, былъ испуганъ до смерти, но не издалъ ни звука, а только еще больше сжался, какъ кошка или ежъ. Вдругъ быстрымъ движеніемъ онъ высвободился, прыгнулъ въ сторону и побѣжалъ быстро внизъ по улицѣ. Вскорѣ онъ исчезъ въ туманѣ, но Гуго показалось, что ему удалось замѣтить пару черныхъ глазъ и двойной рядъ крупныхъ пуговицъ, блестѣвшихъ на бархатной куртцѣ, какъ серебряныя монеты. Сверкнулъ красный шарфъ. Одну минуту Гуго показалось, что онъ видитъ передъ собою Изаиль, и онъ снова очутился сразу въ волшебномъ кругѣ мистики. То былъ одинъ изъ цыганъ; гдѣ была Изаиль?

Вся усталость, вся безнадежность исчезли разомъ. Если бы ему удалось найти причудливую дѣвушку, онъ никогда уже не будетъ слабымъ! Завтра онъ обойдетъ всю восточную часть города. Она была драгоцѣннымъ цвѣткомъ, заставлявшимъ его забывать окружающее. Думая теперь объ этомъ, онъ считалъ почти сказкой, что продержался послѣдніе два мѣсяца и не погибъ еще.

Ему пріятно было занести этотъ фактъ въ область загадочнаго: Изаиль сообщила его бродяжнической жизни тотъ блескъ, который согрѣлъ и зажегъ его фантазію и который въ концѣ-концовъ долженъ былъ натолкнуть его на нѣчто весьма причудливое.

«Я становлюсь поистинѣ поэтомъ»,—разсмѣялся про себя Гуго.

Ему вспомнился дневникъ. Терпѣливыя записи, заносимыя въ теченіе двухъ лѣтъ впечатлѣнія. У него было твердое рѣшеніе довѣрять все этимъ листкамъ. Какія только приключенія не считалъ онъ возможнымъ описывать! Начало было уже заложено — солнечныя страницы, полныя надеждъ и чудесъ, раскрытыхъ новымъ свѣтомъ передъ его глазами! Теперь онъ давно уже не заглядывалъ въ тетрадь! Перелистывать и читать ее у него нехватало мужества. Онъ думалъ о ней, какъ о рисункахъ, которые не относились къ его спеціальности. Фантазіи, мечты, которыя слѣдовало глушить. Одна лишь фата-моргана еще манила его, и онъ не хотѣлъ съ нею разстаться,— то было его изобрѣтеніе! Сейчасъ онъ не смѣлъ о немъ даже и думать; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ только и долженъ былъ о немъ думать.

Все остальное надо было отстранить, перерѣзать всѣ канаты, подобно тому, какъ порвалась связь со столяромъ, когда онъ проводилъ его на желѣзную дорогу. Въ ту минуту онъ почувствовалъ это впервые: онъ никогда не вернется къ себѣ на родину.

Раздались звуки музыки. Гуго стоялъ передъ капеллой. Узкія, готическія окна сверкали въ туманѣ оранжевымъ свѣтомъ.

То была маленькая шведская церковка. Гуго вошелъ въ нее.

«Сегодня это—послѣднее,—сказалъ онъ себѣ.—Вечерняя служба, какъ заключеніе всѣхъ глупыхъ мечтаній о родинѣ».

Зала была крошечная; на первыхъ скамьяхъ сидѣло нѣсколько человѣкъ, большею частью старухи; Гуго видѣлъ, что платки были сложены у нихъ на молитвенникахъ, согласно обычаю въ деревенскихъ шведскихъ церквахъ. Нѣсколько пожилыхъ мужчинъ съ сѣдыми бородами стояло тамъ. Нигдѣ не было видно молодежи. Время отъ времени раздавался кашель, гулко раздававшійся въ ушахъ. Нордлингъ сѣлъ вблизи двери.

Передъ скромнымъ алтаремъ на маленькомъ гармоніумѣ игралъ старикъ. Вѣроятно, одновременно онъ былъ и проповѣдникомъ; теперь же онъ игралъ и пѣлъ. То была старая мелодія, которую Гуго помнилъ съ дѣтства.

Дрожащіе голоса подхватывали припѣвъ:

На вѣчномъ берегу потока
Увидимся мы въ небесномъ царствѣ —

звучалъ голосъ пастора.

Словно утѣшительное увѣреніе, повторяли этотъ припѣвъ дрожащіе голоса стариковъ и старухъ. Маленькій гармоніумъ звучалъ громче, пѣніе становилось полнѣе, звучало искреннѣе, отдавалось въ маленькой мрачной церкви.

Звуки органа стихали, затѣмъ органистъ начиналъ снова. Прихожане ему вторили.

Гуго тихонько вышелъ изъ церкви. Его тянуло въ пустую комнатку на Lake View. То былъ долгій путь; но онъ чувствовалъ, что сдѣлаетъ его быстро. Беззвучно захлопнулась за нимъ дверь, и онъ покинулъ маленькую бѣдную церковь въ пустынной уличкѣ, въ которой въ темную осеннюю ночь нѣсколько призраковъ готовились къ послѣднему путешествію надъ неизвѣданными безднами.

Онъ зашагалъ быстро, и въ часъ достигъ жилища Матзона; ключъ, по обыкновенію лежалъ на панели. Онъ вошелъ.

Хозяйки не было дома. Зажегши газъ, онъ увидѣлъ, что она поставила на столъ тарелки, стаканы, ножи и вилки, какъ дѣлала все

да по вечерамъ, но ѣды не было. Онъ поискалъ въ чуланѣ; въ немъ былъ только кусокъ холоднаго, тѣстообразнаго яблочнаго пирожнаго. Выпить было нечего. Проглотивъ не безъ труда яблочное пирожное, Гуго запилъ его стакономъ воды. Затѣмъ онъ заглянулъ въ маленькую спальню. Постель была постлана. Не осталось ли гдѣ-нибудь крошки табаку? Дѣйствительно, на днѣ жестяной коробки были еще остатки. Тщательно собравъ ихъ, онъ набилъ ими старую трубку. Жадно покуривая, бродилъ онъ по пустымъ комнатамъ. Его мысли складывались въ послѣднюю страницу дневника.

Снова передумалъ онъ всѣ свои лишенія, всѣ разочарованія. То была глава о голодѣ, о постепенномъ погруженіи въ безразличіе, объ умираніи чувствъ, которыя онъ привыкъ до сихъ поръ цѣнить. Но одновременно съ этимъ то была и глава опыта, посвященная обнаруженію новыхъ, скрытыхъ дотолѣ силъ и неподозрѣваемыхъ возможностей. Когда онъ оглядывался назадъ въ эту осеннюю ночь, то видѣлъ передъ собою рядъ событій, которыя раньше счелъ бы за сказку. Но надо всѣмъ этимъ витала грусть; при мысли о періодѣ молодости, подходившемъ теперь къ концу, онъ не могъ сдержать вздоха. Ему казалось, что онъ приближается уже къ осени жизни, что онъ въ ея власти. Изаиль, мелькнувшая передъ нимъ однажды ночью въ этомъ большомъ городѣ, также напоминала собою осеннее растеніе. Если бы я захотѣлъ,—думалъ онъ,—теперь заполнить бѣлыя страницы моего дневника описаніемъ начала или, лучше сказать, начала конца моей жизни здѣсь на чужбинѣ,— все это слѣдовало бы назвать исторіей одной осени.

Воодушевляемый своими мыслями, онъ шагалъ все быстрѣе и быстрѣе. Позади него вились клубы дыма.

«А почему бы нѣтъ? Возьму перо и бумагу и буду писать, вѣдь часа два еще я не буду въ состояніи уснуть!»

Улыбаясь, онъ прибралъ большой столъ въ столовой, положилъ на него нѣсколько листовъ бѣлой бумаги, рядомъ съ чернильницей, перьями и нѣсколькими книгами. Старую газету положилъ въ качествѣ бювара и разгладилъ бѣлые листы. Затѣмъ онъ сѣлъ къ столу. Рядъ картинъ пронесся передъ нимъ.

Сотни мелкихъ сценъ въ ресторанахъ, передвижныхъ кафе, притонахъ, въ ломбардахъ, въ самыхъ заброшенныхъ уголкахъ большихъ парковъ. Погребокъ Вослика, полуразрушенное жилище Изаили, потоки луннаго свѣта надъ виллами милліонеровъ на берегу озера, конторы фабрикъ, блѣдное лицо О'Нейля, обрамленное черными кудрями, сцены въ кафе-шантанахъ, каски полицейскихъ и тысячи

уличныхъ типовъ. Умирающій ребенокъ танцовщицы, докторъ-шарлатанъ, заплаканное и загорѣвшее у очага лицо г-жи Остремъ...

Гуго Нордлингъ писалъ. Трубка погасла; онъ отложилъ ее въ сторону. Съ тихимъ шипѣніемъ горѣлъ надъ его головой газъ. Написавъ послѣднія слова, Гуго разразился слезами. Ему казалось, что чей-то голосъ громко и ясно прочелъ ихъ на бѣлой бумагѣ. Сырыя чернила блестѣли на бѣломъ листѣ; ему чудилось, что онъ читаетъ собственную надгробную рѣчь. Онъ отбросилъ перо и хотѣлъ разорвать исписанные листы, но вдругъ, охваченный внезапной усталостью, опустилъ руки; онъ едва не уснулъ, положивъ голову на столъ. Но вдругъ поднялся и, шатаясь, дошелъ до постели. Слишкомъ усталый, чтобы раздѣться, онъ упалъ поперекъ кровати и уснулъ, какъ мертвый. Надъ столомъ въ сосѣдней комнатѣ горѣлъ газъ, пламя временами вспыхивало, словно его касалось чье-то дыханіе...

Дверь.

— Неужели стучатъ?

Гуго повернулся на другой бокъ, потянулся отъ утренней свѣжести и снова заснулъ. Его дыханіе стало совсѣмъ ровнымъ.

— Развѣ стучатъ?

Тяжело повернулся онъ снова и еще глубже погрузился въ сонъ. Ему приснился необыкновенный, смутный сонъ. Казалось, что онъ въ Швеціи, но долженъ ѣхать въ Америку, и это его мучило. Въ Америкѣ у него было хорошее мѣсто, а въ Швеціи ничего не было. Но у него нехватало денегъ на дорогу, и это также его мучило. Затѣмъ ему приснилось нѣчто вродѣ продолженія этого перваго сна: онъ былъ уже въ Америкѣ, въ Нью-Іоркѣ, на площади, представлявшей какое-то смѣшеніе площади Густава Адольфа въ Стокгольмѣ и окончаніемъ Бродуэй въ Нью-Іоркѣ. Онъ находился въ Новомъ Свѣтѣ и былъ безъ мѣста. Сейчасъ долженъ былъ отплыть корабль; когда Гуго взошелъ на него, все было хорошо. Но у него не было денегъ. Затѣмъ ему снилось, что онъ уже на кораблѣ; но не зналъ, куда корабль отправляется: въ Америку или въ Швецію. Если онъ ѣхалъ въ Швецію, то это было плохо, ибо тамъ у него не было ни работы, ни денегъ, между тѣмъ какъ въ Америкѣ его ожидали и мѣсто, и деньги. Далѣе ему снилось, что онъ въ Америкѣ и что онъ никогда не увидитъ болѣе Швецію, хотя его очень тянуло туда, и онъ постоянно повторялъ себѣ во снѣ: вѣдь это всего только сонъ. Вдругъ онъ очутился въ узкой каютѣ съ запертою дверью, въ которую началъ безнадежно колотить. Стучалъ, стучалъ...

— Не стучатъ ли въ дверь?

Нордлингъ открылъ глаза, но тотчасъ же закрылъ ихъ снова. Да, въ дверь стучали. Теперь стукнули отчетливо три раза, осторожно, нащупывая. Гуго выпрямился.

Въ сосѣдней комнатѣ горѣло газовое пламя, величиною, формой и цвѣтомъ своимъ напоминавшее лимонъ. Въ окна безъ занавѣсокъ глядѣлъ, какъ сѣрый туманъ, утренній разсвѣтъ. Первый поѣздъ сѣверной воздушной дороги просвистѣлъ на высотѣ крышъ; стекла тихо звенѣли; бѣлыя облака кружились надъ нимъ, словно птицы. Было холодно. Желѣзная печь съ раскрытою дверцой глядѣла своимъ чернымъ жерломъ. Изъ водопроводнаго крана капала вода. Дверь въ столовую была полуотворена; въ мышеловкѣ сидѣла мышь.

Гуго взглянулъ на дверь. Затѣмъ тихо повернулся сначала направо, потомъ налѣво. Кто-то слегка потрясъ дверь. Молчаніе. Затѣмъ шипящій звукъ—кто-то вложилъ въ замокъ отмычку и поворачивалъ ею во всѣ стороны...

Вмигъ Нордлингъ проснулся. Онъ снялъ башмаки и перешелъ черезъ комнату въ чулкахъ. Одного нехватало ему въ эту минуту: его великолѣпнаго бельгійскаго револьвера, давно уже пропавшаго въ закладѣ. У печки стояли изогнутыя заржавѣвшіе щипцы. Онъ взялъ и нѣсколько выпрямилъ ихъ. Затѣмъ тихо проскользнулъ за дверь и присѣлъ съ поднятыми щипцами въ правой рукѣ. Одну минуту у него мелькнула мысль погасить газъ; но онъ подумалъ, что это увидѣли бы сквозь замочную скважину. Такъ стоялъ онъ, ожидая, затаивъ дыханіе и готовый броситься...

Фальшивый ключъ поворачивали въ замкѣ взадъ и впередъ. Нордлингъ слышалъ біеніе своего сердца.

Теперь между дверью и притолкой просунули узкую желѣзку. Винты замка уступили. Еще секунда, и замокъ долженъ былъ отпереться. Гуго не сталъ ждать. Онъ протянулъ руку, быстро повернулъ ключъ и распахнулъ дверь. Она открывалась внутрь. Маленькій человѣкъ ввалился въ комнату, уронивъ при этомъ пару отмычекъ и желѣзный ломъ. Онъ поднялся на ноги безъ проклятій. Наоборотъ—онъ смѣялся. То былъ цыганъ, котораго Гуго видѣлъ наканунѣ.

— Добрый другъ!—сказалъ онъ.—Хотѣлъ увидѣть добраго товарища. Почему ты не отпираешь, когда добрый другъ стучитъ?

Увидѣвъ въ рукахъ Гуго щипцы, цыганъ вытянулъ впередъ руки и сказалъ льстиво:

— Пришелъ отъ Изаили. Да, много поклоновъ принесъ отъ Изаили...

Гуго отбросилъ щипцы въ сторону и молча смотрѣлъ на гостя.

Онъ ничего не понималъ.

— Добрый другъ! Хорошій товарищъ!—повторялъ цыганъ.

Но глаза его безпокойно бѣгали по комнатѣ и словно искали себѣ добычи.

— Чего тебѣ нужно?—сказалъ Гуго съ внезапною рѣзкостью и подступилъ вплотную къ маленькому человѣку.

Тотъ разсмѣялся, скаля бѣлые зубы. Играя монетами на своемъ сюртукѣ, онъ сказалъ:

— Ты долженъ идти сейчасъ къ Изаили. Я вчера на улицѣ не былъ увѣренъ—ты ли это. Весь день за тобою вчера ходилъ. Да! Съ желѣзной дороги до Кларкстрита. Въ электрическомъ поѣздѣ. Спрыгнулъ—за тобой бѣжалъ. Но ты меня испугалъ, я думалъ, ты меня убьешь. Да. А теперь ты не открывать дверь. Я подумалъ: онъ боится, что полиція пришла за нимъ, взять его. Итакъ, я попробовалъ отпереть дверь, когда ты...

Цыганъ тихо и лукаво засмѣялся.

— Мнѣ идти къ Изаили?—спросилъ Гуго, едва слушая слова человѣка, которыя онъ понималъ лишь наполовину.

— Да, да, тотчасъ! Я пойду и покажу тебѣ. Ты возьмешь съ собою что-нибудь хорошее, маленькій подарокъ для Изаили. Есть у тебя?

— Нѣтъ еще, но скоро будетъ.

— Ахъ, ты скоро сдѣлаешь ей хорошій подарокъ?

— Да! Очень скоро! Скоро я получу хорошее мѣсто, выгодную работу—понимаешь?

Нордлингъ невольно говорилъ тѣмъ же испорченнымъ отрывистымъ англійскимъ языкомъ, какъ цыганъ. Онъ подражалъ даже его сильному акценту.

Цыганъ разсмѣялся и захлопалъ въ ладоши. Глаза его искрились.

— Да, да. Ты—дѣльный парень! Изаиль говорила. Добрый товарищъ! Мы защитимъ тебя отъ полиціи. Да, мы ловко обманываемъ полицію. Ты еще не знать...

Нордлингъ оглянулся. Квартиру онъ долженъ былъ во всякомъ случаѣ покинуть—нѣмецъ хотѣлъ переѣхать на другой день рано утромъ. Гуго раздумывалъ, благоразумно ли было идти съ этимъ мошенникомъ, считавшимъ его повидимому воромъ и преступникомъ. Онъ взглянулъ на листы бѣлой бумаги на столѣ и засмѣялся. Воръ? Ну да, кто знаетъ? подумалъ онъ. Быть можетъ, въ концѣ-концовъ я сдѣлаюсь простымъ чикагскимъ воромъ. Разъ меня уже приняли за «коллегу».

Онъ скомкалъ бумагу, исписанную наканунѣ вечеромъ, и бросилъ ее въ печь.

— Ты очень высокъ и силенъ,—визжалъ цыганъ.—Изаиль любитъ высокихъ и сильныхъ парней. Ты бѣлокуръ. Изаиль любитъ бѣлокурыхъ русскихъ...

Гуго надѣлъ сапоги и взялъ шляпу. Онъ быстро вытеръ себѣ мокрымъ полотенцемъ лицо, спѣша отправиться въ путь. Цыганъ собралъ свои отмычки, и они пошли. Гуго заперъ дверь и положилъ ключъ на панель. Слѣды, оставленные отмычкой, не были видны въ темнотѣ прихожей.

Нѣкоторое время они ждали въ туманѣ, пока не пришелъ подземный поѣздъ. Цыганъ сталъ впереди, вблизи кондуктора, скрутилъ себѣ папироску и по просьбѣ Гуго заплатилъ за его проѣздъ.

— Какъ-нибудь получишь вдвойнѣ!—сказалъ Гуго.

Цыганъ усмѣхнулся.

Весь путь до города Гуго сидѣлъ тихо. Все казалось ему чуждымъ и невѣроятнымъ. Когда они выбрались изъ туннеля, ему приходило въ голову просто выпрыгнуть изъ поѣзда. Затѣмъ явился вопросъ: А что же дальше? Лучше пойду на удачу и посмотрю, что изъ этого выйдетъ.

Ему представилась Изаиль въ ея живописной одеждѣ посреди пурпуровой комнаты.

На углу они пересѣли въ другой вагонъ и спустились въ туннель восточнаго города. Гуго старался запоминать мѣстность. Долгое время ѣхали они вверхъ по аллеѣ Мильуоки,—главной артеріи западной части города. Но затѣмъ свернули въ боковую улицу, трудное названіе которой Гуго тщетно пытался прочесть на вывѣскахъ фонарей. Сначала онъ думалъ, что разобралъ Зангамонстритъ, потомъ Вестъ-Мадисонъ. Въ концѣ-концовъ они вышли изъ поѣзда и пошли пѣшкомъ на западъ. Вдали уже виднѣлась прерія. Свернувъ за бараки и свалки мусора, они очутились передъ домомъ Изаили. Гуго узналъ завалившійся заборъ.

— Иди наверхъ!—шепнулъ цыганъ.—Я же пойду еще. Изаиль ждать.

Онъ быстро исчезъ за сараемъ, изъ щелей котораго вылѣзала солома.

Гуго колебался. Запыленныя стекла нижняго этажа глядѣли на него сонно, словно немытые, грязные глаза, надъ которыми косматыми прядями свѣшивались волосы. За разбитыми тамъ и сямъ стеклами не было гардинъ, взоръ проникалъ вглубь пустыхъ комнатъ съ рваными обоями, покрытыми пятнами отъ сырости и впсѣвшими

клочьями. Вѣтеръ поднималъ съ земли соръ и кружилъ его вокругъ оконницъ.

Когда Гуго взглянулъ на верхній этажъ, то увидѣлъ въ окнѣ надъ дверью красивое лицо Изаили. Большіе блестящіе глаза изъ-подъ тяжелыхъ черныхъ косъ, переплетенныхъ стеклянными бусами, глядѣли на него, улыбаясь. Изъ-за полуоткрытыхъ губъ сверкалъ рядъ бѣлыхъ зубовъ, мелкихъ и острыхъ, какъ у хищнаго звѣря.

Не думая далѣе, Нордлингъ отворилъ дверь и вошелъ. Она тяжело захлопнулась за нимъ; стѣны задрожали, заскрипѣли покрытыя ржавчиной петли. Двери, ведущія въ коридоръ, раскрылись подъ напоромъ сквозного вѣтра, и видны были пустыя комнаты съ потрескавшимися полами, облупленными потолками и насыщеннымъ известковою пылью воздухомъ. Лѣстница скрипѣла; а наверху, освѣщенная яркимъ свѣтомъ, стояла Изаиль, протягивая къ нему обнаженныя округлыя, словно вылитыя изъ бронзы руки.

— Ты пришелъ! Это хорошо! У тебя есть красивый подарокъ для Изаили? Да?

Она позволила поцѣловать себя. Закрывъ глаза, она даже отвѣтила короткимъ поцѣлуемъ на его поцѣлуи, но въ заключеніе освободилась изъ его объятій и вернулась въ комнату.

— У! холодно! Войди, я дамъ тебѣ чего-нибудь хорошаго.

Гуго вошелъ и заперъ двери. Большая комната въ сѣромъ утреннемъ освѣщеніи была непривѣтлива. Качалки стояли въ пыли съ пятнами жиру и табаку на полированной поверхности. Полъ былъ грязенъ; скатертью служила газетная бумага, покрытая масляными пятнами отъ плохо оправленной лампы съ разбитымъ стекломъ. По окнамъ, словно груды коринки, лежали сонныя мухи. Но дверная щель въ стѣнѣ сосѣдней комнаты, какъ и въ прошлый разъ, сверкала пурпуромъ и золотомъ.

Цыганка подошла къ двери, толкнула одну половинку и граціознымъ движеніемъ руки пригласила Гуго войти.

Нордлингъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

То была маленькая комнатка безъ оконъ. Потолокъ и стѣны были затянуты восточными драпировками.

Въ углахъ драпировки висѣли наискось, такъ что комната выглядѣла восьмиугольной, какъ и низкій курительный столикъ, стоявшій посрединѣ. На полу лежали смирнскіе и восточные ковры, и трудно было узнать, были ли они настоящіе, или поддѣльные; по стѣнѣ тянулся низкій диванъ; поверхъ драпировокъ были развѣшаны цитры, выложенныя слоновой костью гитары, кинжалы, кривыя сабли, ожерелья изъ монетъ, фальшивыхъ камней и крупныхъ стеклян-

ныхъ бусъ. Съ потолка спускалась на цѣпи лампа въ формѣ чаши или, вѣрнѣе, колокола, украшенная кусками граненаго цвѣтнаго стекла. Свѣтъ этой лампы, падавшій на красныя гардины и желтые ковры, покрывавшіе диванъ, придавалъ комнатѣ тотъ пурпурно-золотистый блескъ, который возбудилъ любопытство Гуго. Двѣ большія чаши изъ желтаго кованаго металла стояли на столѣ, съ конфетами и сигарами.

Изаиль заперла дверь, задернула драпировку, опустилась на диванъ и сдѣлала знакъ Гуго сѣсть по другую сторону стола. Ему хотѣлось сѣсть къ ней поближе, но она сердито сдвинула тонкія черныя брови.

— Нѣтъ! Ты долженъ слушаться, иначе не придешь больше къ Изаили. Скажи, хорошо ли у Изаили?

— Разумѣется, хорошо. Я никогда не видалъ, чтобы было такъ красиво. Я искалъ тебя, но не могъ найти. Почему ты ушла изъ Трокадеро?

— Устала! Будемъ говорить о другомъ, не спрашивай объ Изаили. Хочешь кофе или шербету?

— Спасибо. Лучше—кофе.

— Хорошо. Кури папиросы. Будь умникъ. Изаиль скоро придетъ.

Она встала. Гуго замѣтилъ, что ея обнаженныя смуглыя ножки были обуты въ миніатюрныя туфельки изъ красной кожи, окаймленныя золотой бахромой. Короткая юбка до колѣнъ была вся вышита золотыми блестками, большинство которыхъ осыпалось, и на матеріи остались одинѣ лишь золотыя нити. Открытая курточка изъ чернаго бархата была надѣта поверхъ такого же лифа, а гибкую талію стягивалъ красный кушакъ. Волосы, заплетенные въ четыре тяжелыхъ косы, свѣшивались на плечи; единственное украшеніе составляла перевязь изъ бусъ. При дневномъ свѣтѣ передней комнаты нарядъ ея выглядѣлъ полинявшимъ и запыленнымъ, какъ старый костюмъ изъ театральнаго гардероба.

Маленькое интимное птичье гнѣздышко въ этой лачугѣ, на краю преріи, казалось тѣмъ обольстительнѣе, что сюда не могъ проникнуть безпощадный свѣтъ осенняго дня, который нарушилъ бы пышность красокъ, а блескъ висячей лампы обливалъ золотомъ ковры и драпировки.

Нордлингъ закурилъ папироску, ароматную, какъ мистическія, восточныя благовонія, и узкая свѣтло-голубая спираль дыма поднялась къ потолку, словно жертвенный дымъ, поднимающійся надъ серебряными чашами магометанской мечети или надъ змѣевидными кубками увитыхъ ліанами алтарей индійской кумирни.

Изаиль вернулась съ двумя крошечными синими фарфоровыми чашечками и двумя тонкими, художественной работы, бокалами. Она стала приготовлять кофе по-арабски, зажгла спиртовую лампочку и налила густого, похожаго на кашицу напитка въ два маленькихъ бокала. Горячая черная жидкость была крѣпка и пріятна на вкусъ. Гуго никогда не пилъ такого хорошаго кофе. Если бы Изаиль дала ему при этомъ немного хлѣба, то это было бы весьма кстати, такъ какъ у него начинало щемить въ желудкѣ отъ голода, но онъ не осмѣлился ничего сказать. Черезъ минуту ощущеніе голода прошло, заглушенное крѣпкимъ кофе. Выкуривъ еще папиросу, Гуго почувствовалъ себя совершенно сытымъ. Изаиль лежала на коврѣ, прислонивъ голову къ дивану. Она медленно курила, полузакрывъ по обыкновенію глаза, такъ что рѣсницы образовывали словно широкую полосу, проведенную тушью. Косы, какъ черныя змѣи, обвивали ея круглую обнаженную шею.

Нордлингъ чувствовалъ себя во власти какой-то непонятной истомы. Сквозь клубы дыма смотрѣлъ онъ на Изаиль. Онъ хотѣлъ бы быть поближе къ ней, но не осмѣливался сказать ни слова. Встать онъ также не могъ; ему казалось, что онъ могъ бы лежать такъ цѣлую вѣчность, глядя въ загадочное лицо цыганки, озаренное магической лампой. Глаза его сомкнулись; пальцы выпустили остатокъ папиросы и голова глубже откинулась назадъ, когда вдругъ онъ услыхалъ шопотъ Изаили:

— Почему русскій не принесъ подарка? Почему ты ничего не дѣлаешь? Тебѣ не везетъ?

— Изаиль,—сказалъ Нордлингъ, вдругъ очнувшись,—какъ ты думаешь, что я дѣлаю?

Она засмѣялась тихимъ бисернымъ смѣхомъ.

— Изаиль хорошо знаетъ. Изаиль понимаетъ. Изаиль не глупа.

— Послушай: я ничего не дѣлаю. У меня нѣтъ работы, но скоро она будетъ. И тогда я сдѣлаюсь важнымъ человѣкомъ, изящнымъ господиномъ, понимаешь? Я заработаю много денегъ. Тогда я найму красивую квартиру въ восточной части города, у озера, и ты должна будешь придти навѣстить меня. Я куплю тебѣ кольцо съ настоящимъ брилліантомъ, и у тебя будетъ новое платье отъ французскаго портного и большая шляпа, когда ты пойдешь со мною въ театръ. Мы будемъ ужинать во французскомъ ресторанѣ и въ ресторанѣ Бисмарка, и у Гепричи, и у Тонзетти...

Она прервала его.

— Какая работа? О какой работѣ ты говоришь?

— Я не знаю, понимаешь ли ты: я—инженеръ, но думаю объ одномъ предпріятіи, которое меня обогатитъ; дѣло касается машинъ, но ты не можешь этого понять; не стоитъ тебѣ разсказывать объ этомъ...

— Что за изобрѣтеніе?

— Ахъ, машина для нагрузки зернового хлѣба, понимаешь? Кукуруза, и ячмень, и рожь, и пшеница—весь хлѣбъ, который привозятъ намъ на большихъ судахъ и затѣмъ выгружаютъ и доставляютъ въ склады при помощи элеваторовъ, знаешь тѣхъ, что стоятъ внизу у рѣки?

Она утвердительно кивнула головой, но лицо ея приняло угрюмое, недовольное выраженіе. Она встала и посмотрѣла ему прямо въ лицо.

— Скажи, — произнесла она медленно, — когда окончишь ты свое изобрѣтеніе? Когда ты получишь деньги, много денегъ?

— О, это можетъ быть очень скоро; подожди немного, въ слѣдующій разъ, когда я приду, у меня будутъ деньги. Я несомнѣнно принесу тебѣ все, что заработаю.

Онъ вѣрилъ въ то, что говорилъ. Въ душѣ онъ былъ растроганъ при мысли о томъ, что эта чужая, полудикая дѣвушка приняла подъ свой кровъ незнакомаго почтого бродягу. Онъ всегда будетъ это помнить, и его первый заработокъ долженъ пойти на маленькій подарокъ для Изаили.

Но лицо цыганки было загадочно. Больше чѣмъ когда-либо напоминало оно красивую, вылитую изъ бронзы маску. Черныя дуги бровей таили какую-то угрозу; подъ тяжелыми, словно застывшими вѣками бѣлки глазъ отражали красный свѣтъ спущенныхъ занавѣсей; въ углахъ рта змѣилась насмѣшка. За низкимъ лбомъ, надъ которымъ проборъ раздѣлялъ густыя черныя, похожія на змѣи, косы, таились черныя мысли Клеопатры. Неподвижныя темно-красныя плотно сжатыя губы выражали жестокость.

— Послушай,—сказала она,—я не понимаю, но до сихъ поръ я думала, что ты такой же, какъ всѣ наши. Ты самъ сказалъ, когда мы видѣлись въ первый разъ. Зачѣмъ? Теперь Изаиль не знаетъ. И все-таки Изаиль тебя очень любитъ. Если ты пообѣщаешь вернуться съ подаркомъ и принести много денегъ, ты всегда будешь нравиться Изаили; она всегда будетъ тебя любить!

Лицо ея измѣнило свое выраженіе. Каждая черта въ немъ дышала теперь привѣтливостью, глаза сверкали, губы манили, голосъ звучалъ мягко, и обнаженныя руки страстно обвивали диванныя подушки. Она прижимала ихъ къ груди, грызла острыми бѣлыми зубами на

нихъ бахрому, а сверкавшіе янтарнымъ блескомъ глаза взглядывали на Гуго изъ-подъ темнаго покрывала волосъ.

Онъ хотѣлъ охватить ее, но она однимъ прыжкомъ вскочила на ноги и, прижавъ палецъ ко рту, стала у входной двери.

— Тише, подожди. Выкури папиросу. Изаиль сейчасъ придетъ.

Не успѣлъ Гуго подняться на ноги, какъ ея уже не было. Онъ слышалъ только шорохъ, потомъ слышалъ, какъ захлопнулась дверь, наконецъ, ему показалось, что онъ слышитъ, какъ повернули въ двери ключъ. Когда онъ дотронулся до двери за пурпуровой драпировкой, то замѣтилъ, что она заперта и что онъ оказался плѣнникомъ, заключеннымъ въ восьмиугольную комнату Изаили.

Но безпокойство, которое онъ при этомъ ощутилъ, тотчасъ же исчезло при мысли о томъ, какъ хороша была Изаиль. Онъ вытянулся во всю длину на томъ самомъ мѣстѣ, которое занимала только что цыганка, пропитанномъ еще теплomъ и ароматомъ ея волосъ, и закурилъ папиросу...

И снова грёза готова была сковать его мысли, когда надъ его ухомъ раздался шопотъ. Звуки были такъ слабы, что сначала онъ принялъ ихъ за сонъ; но теперь раздался мужской голосъ, который показался ему знакомымъ. Нордлингъ всталъ. Онъ прислушивался съ напряженіемъ. Три или четыре голоса примѣшивались къ тихому сердитому говору въ непосредственной отъ него близости. Одинъ изъ голосовъ по музыкальности звука принадлежалъ несомнѣнно Изаили.

Но говорившіе были не въ передней комнатѣ. Звукъ долеталъ съ противоположной стороны,- -вѣроятно, за пурпуровой комнатой было еще какое-нибудь помѣщеніе...

Нордлингъ осторожно всталъ. Онъ тихонько дотронулся до драпировокъ задней стѣны. Изъ нихъ первая была краснымъ ковромъ, затканнымъ тонкимъ синимъ и зеленымъ рисункомъ въ формѣ треугольниковъ и овaловъ; подъ нею висѣла шелковая шаль съ широкой свѣтло-желтой каймой. Она была прикрѣплена къ кольцамъ, обтянутымъ по всей вѣроятности матеріей, такъ какъ они передвигались совершенно безъ шума. Онъ отыскалъ шнурокъ, и когда онъ осторожно за него потянулъ, занавѣсъ безшумно отодвинулся въ сторону, открылъ маленькую черную дверь. Теперь голоса стали отчетливѣе. Гуго прислушался.

Онъ не понималъ ни слова. Говорили на чужомъ языкѣ. Судя по всему, они внезапно пришли къ соглашенію. Казалось, что они одновременно повторили одно и то же слово, затѣмъ всѣ разошлись.

Гуго поспѣшно задернулъ занавѣсъ и поправилъ коверъ. Потомъ онъ снова улегся на диванъ и продолжалъ курить. Открытіе, что здѣсь была еще внутренняя дверь, конечно, поразило его, но чего ему было опасаться? Люди, о которыхъ онъ ничего не зналъ, само собою разумѣется, отличались собственными, чуждыми ему обычаями. А самъ онъ, право же, былъ черезчуръ бѣденъ и ничтоженъ, чтобы вообразить, будто онъ можетъ сдѣлаться жертвою грабежа. Но во всякомъ случаѣ, ему хотѣлось двумя-тремя вопросами вывести Изаиль на чистую воду.

Загремѣлъ замокъ. Черезъ секунду дѣвушка была уже въ комнатѣ. Она спокойно усѣлась на своемъ прежнемъ мѣстѣ, какъ разъ надъ головою Гуго, и взяла изъ вазы нѣсколько засахаренныхъ фиников. Нордлингъ также протянулъ руку къ столу и взялъ маленькую конфету, походившую на розовый миндаль. Гуго отвѣдалъ; конфета была такъ невыносимо приторна и съ такимъ удушливымъ ароматомъ, что онъ поспѣшно спряталъ ее въ носовой платокъ. Затѣмъ онъ всталъ.

— Скажи, Изаиль,—спросилъ онъ,—гдѣ же другія дѣвушки, Консуэло и какъ таиъ звали остальныхъ—которыя здѣсь живутъ? Быть можетъ, онѣ живутъ за маленькою черною дверью тамъ, подъ краснымъ ковромъ?

Онъ указалъ въ глубь комнаты.

Цыганка не выказала изумленія. Она засмѣялась и весело кивнула головой.

— Зачѣмъ ты спрашиваешь о другихъ дѣвушкахъ, когда возлѣ тебя Изаиль?—сказала она.

Гуго настаивалъ.

— Но та дверь?

Она пожала плечами и недовольно опустила углы губъ.

— Тоже комната Изаили. Въ ней я сплю, но тебѣ никогда нельзя будетъ войти туда, если ты будешь спрашивать о другихъ...

Она подобрала ноги на диванъ, закурила папиросу и добавила:

— Тутъ нѣтъ другихъ дѣвушекъ. Одна Изаиль. Я сказала это съ тѣмъ, чтобы надъ тобой пошутить.

— А откуда ты взялась? Ты—цыганка? Кто другіе? Кто тотъ, который приходилъ за мной? Чего хотѣлъ онъ отъ меня? Разскажи же Изаиль!

— О, какъ много вопросовъ! Я люблю тебя. Ты—сильный бѣлокурый юноша изъ Россіи и ты нравишься Изаили. Развѣ этого мало? Зачѣмъ такъ много разспрашивать? Зачѣмъ стремиться все узнать? Ахъ, никогда не нужно спрашивать! Когда не все знаешь, лучше

относишься къ людямъ! Когда мнѣ дарятъ красивое ожерелье, Изаиль не такъ глупа, и не спрашиваетъ, откуда красивое ожерелье, кто сдѣлалъ красивое ожерелье—разскажи о красивомъ ожерельѣ! Изаиль молчитъ и принимаетъ подарокъ и очень рада, очень благодарна! Не нужно спрашивать, не нужно знать...

Она говорила необыкновенно весело и ласково...

Нордлингъ смотрѣлъ на нее восхищенный. Она продолжала:

— Ты похожъ на русскаго.

— Такъ ты была тамъ? Ты изъ Россіи?

— Ахъ, эти глупые вопросы! Изаиль не знаетъ. Хочешь, чтобы я спѣла или сплясала для тебя?

Какъ ни пріятно было Гуго послушать необыкновенную дѣвушку, все же, какъ ему казалось, на этотъ разъ онъ слишкомъ близко подошелъ къ рѣшенію загадки, чтобы безъ дальнихъ словъ отказаться отъ своихъ разспросовъ. Поэтому онъ настаивалъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не теперь, послѣ. Если ты мнѣ разскажешь о себѣ, то я обѣщаю тебѣ не возвращаться сюда безъ красивыхъ вещей и безъ золота.

Изаиль расхохоталась. Это былъ тихій смѣхъ съ осадкомъ горечи, и во взглядѣ ея глазъ сквозило презрѣніе. Она закинула голову и скрестила маленькія ножки, причемъ красныя туфли упали съ нихъ на полъ. Она закурила новую папиросу и сказала, выпуская кольца дыма:

— Итакъ, буду разсказывать. А все, что я могу разсказать, означаетъ, что Изаиль ничего не знаетъ.

Она нагнулась въ его сторону, поджала ноги подъ свою мишурную юбочку и сказала, опираясь на локти, глубоко спрятавъ руки въ черныя свои косы и устремивъ взоръ въ даль:

— Большая площадь у красивой гавани съ синей, синей водой. Много кораблей подъ желтыми, голубыми, красными и синими парусами. И на площади бѣлыя палатки надъ длинными столами, гдѣ всѣ покупаютъ и продаютъ. Много красивыхъ вещей,—о, какихъ красивыхъ! Платки и ковры, и кувшины, и ожерелья, и оружіе, и дѣвушки. Да, дѣвушки. Красивыя, молодыя, обнаженныя дѣвушки. Изаиль была тогда ребенкомъ. И никто не купилъ Изаили.

Но какъ зовутъ городъ и какъ называется страна—Изаиль не знаетъ.

Изаиль ѣдетъ на лошади, Изаиль ѣдетъ на кораблѣ, Изаиль живетъ въ большомъ прекрасномъ домѣ, совершенно бѣломъ со многими высокими стройными башнями. Красивый каналъ отражаетъ бѣлыя высокія башни. Изаиль играетъ въ садахъ, которые растутъ

на крышѣ и смотритъ, какъ танцуетъ много красивыхъ дѣвушекъ. Старикъ куритъ кальянъ, когда всходитъ мѣсяцъ и каналъ подъ красивымъ бѣлымъ домомъ—дѣлается чернымъ. Много слугъ разносятъ шербетъ и вѣютъ большими листьями, а нѣкоторые играютъ и поютъ сказки...

Тамъ вырастаетъ Изаиль, тамъ она получаетъ имя Изаили, но откуда она пришла, какъ звали ее раньше, Изаиль не знаетъ.

А что было потомъ, ахъ, Изаиль не можетъ сказать. Скитается по лѣсу, по степи, по горамъ, Изаиль танцуетъ на рынкахъ въ большихъ городахъ, танцуетъ въ лѣсу у огня, ночью. Изаиль встрѣчаетъ красиваго мальчика съ длинными, свѣтлыми кудрями. Изаиль его любитъ, очень любитъ, и онъ танцуетъ вмѣстѣ съ Изаиль. Изаиль остается одна, съ бѣдными людьми, и они держатъ путь черезъ степи, горы, лѣса. Затѣмъ Изаиль плыветъ далеко на большомъ кораблѣ, плыветъ сюда. И встрѣчаетъ тебя... Изаиль вспоминаетъ перваго юношу, начинаетъ тебя любить... Изаиль танцуетъ въ Трокадеро. Изаиль устала, она одиноко лежитъ дома и куритъ папиросы... У Изаили часто бываетъ тоска. Но по какой странѣ тоскуетъ Изаиль? Этого Изаиль не знаетъ...

Ты обѣщаешь принести красивый подарокъ для Изаили. Изаиль очень рада этому. Быть можетъ, ты сдѣлаешься скоро важнымъ, богатымъ и позабудешь Изаиль. Она уплыветъ на кораблѣ, уѣдетъ на повозкѣ въ неизвѣстныя страны. Будетъ танцовать и пѣть, будетъ встрѣчать красивыхъ юношей, будетъ получать подарки. Но когда-нибудь она поѣдетъ въ самый главный городъ какой-нибудь большой страны и останется тамъ навсегда.

Когда это случится, и какъ называется городъ, куда Изаиль поѣдетъ,—этого Изаиль не знаетъ.

Она умолкла, легла на спину и закрыла глаза. Нордлингъ слушалъ ее, какъ очарованный. Ему казалось, что онъ никогда не слыхалъ такого наивно-прекраснаго разсказа; все его недовѣріе исчезло. Воспоминаніе о ея пѣніи въ погребкѣ Волика пробудилось въ немъ съ особенною силой; онъ всталъ, и подойдя къ дѣвушкѣ, спросилъ:

— Скажи, Изаиль, говоришь ли ты объ этомъ, когда поешь и играешь на гитарѣ?

Изаиль открыла глаза и шепнула съ томнымъ, чарующимъ взглядомъ:

— Да, пою это на моемъ языкѣ.

— А какъ называется твой языкъ?

Онъ опустился на колѣни передъ диваномъ и взялъ въ руки ея жгучія косы.

Она разсмѣялась и покачала головой.

— Этого Изаиль не знаетъ,—сказала она.

Сладострастно потянувшись всѣмъ своимъ змѣинымъ тѣломъ, она подложила руки подъ голову и закрыла глаза.

Часъ спустя Гуго Нордлингъ уходилъ.

Въ прихожей стоялъ его проводникъ, съ монетами на курткѣ.

Онъ засмѣялся необычнымъ смѣхомъ. Гуго не слыхалъ раньше этого смѣха, походившаго на скрежетъ зубовъ хищнаго звѣря.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ,—я доведу тебя до электрички. Знаю, у тебя сейчасъ какъ разъ нѣтъ денегъ. Ты взять у меня. Потомъ намъ помогать.

Онъ подалъ изумленному шведу смятую, потертую и страшно грязную десятидолларную бумажку. Нуждѣ законъ не писанъ. Гуго сунулъ деньги въ карманъ. Поблагодарить у него нехватало силъ, и онъ пробормоталъ только:

— Подожди, все скоро получишь обратно!

На улицѣ была сырая и холодная осень. Вдали надъ сараями этого квартала поднимались изъ тумана громадныя зданія дѣлового города, словно гигантскія, безформенныя крѣпостныя башни, соединенныя между собою крѣпкими валами. Шпили церквей исчезали въ облакахъ; и чѣмъ дальше шли двое людей, тѣмъ тяжелѣе становился туманъ. Все болѣе и болѣе сгущался онъ въ концѣ улицъ; когда они дошли, наконецъ, до одного изъ главныхъ проспектовъ, по которому проходили двойныя рельсы электрической желѣзной дороги, фонари уже горѣли.

— Ты долженъ опять придти,—были послѣднія слова, которыя слышались Гуго среди красноватаго тумана, когда онъ покачивался на дрожащей, колеблющейся платформѣ вагона.

Казалось, что онъ ѣдетъ по сказочной странѣ. Въ его мозгу были только двѣ мысли: Изаиль... деньги... деньги... Изаиль...

Но въ вихрѣ его мыслей было еще и нѣчто другое. Что собственно было, уяснить себѣ онъ не могъ. Время отъ времени оно принимало словно опредѣленныя формы и превращалось въ глухой шепотъ—въ однообразную мелодію, пѣвшую въ тактъ съ монотоннымъ стукомъ вагонныхъ колесъ. Вслѣдъ затѣмъ оно вдругъ таяло, словно дымъ сигаретки подъ металлической лампой Изаили; а затѣмъ превращалось въ нѣчто безпокойное, грозное, походившее на незнакомца, стоявшаго въ ожиданіи за таинственною, запертою, черною дверью.

А электричка все неслась по безконечно-длиннымъ улицамъ.

Работа.

Дрожащими руками разорвалъ Гуго простой, бѣлый, длинноватый конвертъ, на которомъ въ лѣвомъ углу его скромно и съ достоинствомъ мелкими буквами красовалось всего лишь два имени: Фразеръ и Чальмеръ. Поверхъ красной двухцентовой марки съ изображеніемъ Вашингтона стоялъ штемпель Чикаго съ датою дня полученія. Адресъ, написанный пишущею машиной, былъ почти вѣренъ, недоставало только заключительной буквы г въ имени Нордлингъ.

Почтовый листъ былъ наполовину усѣянъ медалями, окружавшими виды громадныхъ фабрикъ этой фирмы. Краснымъ шрифтомъ объявлялось кромѣ того о послѣднемъ произведеніи фирмы, о только что изобрѣтенномъ купольномъ винтѣ, который и былъ изображенъ на бумагѣ черными по золотому полю. Въ заключеніе длиннымъ столбцомъ были напечатаны имена участниковъ въ этомъ огромномъ акціонерномъ предпріятіи.

Письмо также было написано пишущей машиной и гласило:

«Господину Нордлингъ, здѣсь.

«Будьте любезны зайти въ нашу контору по дѣлу, о которомъ недавно говорилось. Спросите мистера Голль.

Съ искреннимъ уваженіемъ
Фразеръ и Чальмеръ».

Нѣсколько разъ перечиталъ Гуго это короткое письмо, въ которомъ заключалось для него его будущее. Онъ запомнилъ каждое слово, каждую букву, каждый знакъ препинанія, форматъ бумаги, печать, всѣ мелочи, водяной знакъ и легкія пятна, оставшіяся отъ темно-синей краски пишущей машины послѣ копировки. Онъ заучилъ наизусть имена директоровъ предпріятія, помѣщенныя въ спискѣ; въ его мозгу запечатлѣлся общій видъ почтоваго листа, конверта, съ лихорадочно-оборванными имъ краями. И съ улыбкой, готовой застыть въ маску, сидѣлъ Нордлингъ на кухонномъ стулѣ у г-жи Остремъ, глядя вдаль передъ собою, держа въ рукѣ распечатанное письмо и не зная, плакать ему или смѣяться.

Наконецъ-то счастье улыбнулось ему! Его фантазія унеслась въ безконечное, въ унисонъ съ стучавшимъ сердцемъ; ему чудился звонъ золота сквозь грохотъ маховыхъ колесъ гигантскихъ фабрикъ. Но одновременно съ блаженствомъ, ему сжималъ горло страхъ. Онъ сказалъ себѣ, что все это не болѣе какъ мечта, хрупкая почва для карточнаго домика. Раньше утра онъ не могъ пойти въ контору, такъ какъ получилъ письмо только вечеромъ; а тогда, быть можетъ, будетъ уже поздно. Можетъ быть, у него хотятъ только о чемъ-нибудь спросить—

въ краткомъ сообщеніи ни слова не было о работѣ. Но слова: «вопросъ, о которомъ недавно шла рѣчь»—могли означать только одно: работу! И снова все ликовало, все пѣло въ немъ.

Наконецъ, онъ всталъ. Чувство головокруженія, овладѣвшее имъ, не проходило, и онъ взбѣжалъ вверхъ по лѣстницамъ въ опьяненіи отъ ожидаемаго успѣха. Выборы президента уже давно окончились, республиканцы снова одержали побѣду, прежній президентъ получилъ большинство, и все подсказывало странѣ блестящій дѣловой періодъ. Несомнѣнно—бормоталъ Гуго—что нибудь изъ этого да выйдетъ! На этотъ разъ адъ былъ побѣжденъ; теперь надлежало создать земной рай, стѣны котораго состояли бы изъ серебра и банковыхъ билетовъ!

Гуго встрѣтилъ самаго почетнаго обитателя пансіона, американца мистера Гардена, спускавшагося изъ ванной комнаты съ третьяго этажа. Они почти столкнулись. Гуго отступилъ назадъ и быстро и свободно заговорилъ по-англійски:

— Извините... Очень спѣшу... Добрыя вѣсти! Только что получилъ выгодное предложеніе...

Лицо американца стало привѣтливѣе.

— Такъ. Очень радъ слышать. Въ какой отрасли?

— Инженеръ.

— Очень хорошо. Но у какой фирмы?

— Фразеръ и Чальмеръ,—сказалъ Гуго, медленно отчеканивая каждый слогъ.

Мистеръ Гарденъ былъ удивленъ и сдѣлался вдругъ необыкновено серьезенъ, онъ поднялъ брови, устремилъ взоръ на шведа и протянулъ ему руку:

— Поздравляю, молодой человѣкъ, поздравляю отъ всего сердца. Вы сынъ Джона Эриксона,—т.-е. соотечественникъ Джона Эриксона, хочу я сказать. А такихъ людей слѣдуетъ привѣтствовать—они дѣлаютъ честь Америкѣ. Они упрочиваютъ, какъ Эриксонъ, славу нашего доблестнаго орла и звѣзднаго знамени, которое всегда будетъ осѣнять ихъ головы. Не хотите ли спуститься и выпить по стакану виски.

Гарденъ говорилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ; Гуго показалось, что въ его глазахъ стального цвѣта были слезы. Самъ онъ былъ страшно растроганъ. Онъ вспомнилъ, что недавно слышалъ тѣ же дешевыя фразы въ иномъ болѣе непріятномъ смыслѣ, но какое это имѣло теперь значеніе? У него была работа! Онъ крѣпко пожалъ руку Гардену и сказалъ:

— Благодарю, мистеръ Гарденъ! Я цѣню ваши слова выше

чѣмъ если бы они исходили отъ кого-либо изъ моихъ соотечественниковъ, которые движимы только завистью.

Онъ самъ не зналъ, зачѣмъ сдѣлалъ себѣ такую нелюбезную характеристику; какая-то внутренняя сила противъ его воли вложила въ его уста эти слова.

— Разумѣется, я охотно пойду съ вами! — прибавилъ онъ.

Онъ почувствовалъ себя польщеннымъ, но при этомъ подумалъ про себя:

«Ты не былъ бы такъ предупредителенъ, американская лиса, если бы у меня до сихъ поръ не было мѣста».

Американецъ и шведъ спустились въ ресторанъ и пили виски.

Внутри стояло нѣсколько шведовъ. Гуго посмотрѣлъ на нихъ съ сожалѣніемъ, почти съ презрѣніемъ и постарался придать своему языку настоящій американскій выговоръ. Онъ также искусно воспользовался случаемъ упомянуть нѣсколько разъ о фирмѣ Фразеръ и Чальмеръ. Когда они покинули маленькое кафе, онъ почувствовалъ себя счастливымъ отъ того общества, въ которомъ находился. Ему казалось, словно онъ получилъ какое-то тайное повышеніе и принятъ въ какое-то общество гражданъ, въ которомъ онъ уже не безработный, не шведъ, а американецъ. У него было положеніе.

На слѣдующее утро онъ всталъ очень рано. Принялъ холодный душъ и передъ завтракомъ постригся и побрился. Цирюльнику тоже было сказано нѣсколько словъ о новомъ мѣстѣ, и даже чистильщикъ сапогъ, негръ на углу улицы Дирборнъ, долженъ былъ узнать о Фразерѣ и Чальмерѣ. Старуха Остремъ сіяла отъ счастія, улыбался даже и мистеръ Остремъ, воспользовавшійся случаемъ выпросить у жены пять долларовъ. Всѣ пансіонеры и прислуга отнеслись со особымъ вниманіемъ къ той сердечности, которую мистеръ Гарденъ проявлялъ по отношенію къ Нордлингу.

Но когда Гуго стоялъ, наконецъ, передъ огромнымъ порталомъ торговаго дома въ западной части Чикаго, и прислушивался къ гулу колесъ, печей и молотовъ, ему почудилось, что онъ—маленькій мальчикъ, впервые отправляющійся въ школу; его сердце стучало отъ страха, какъ громадные мѣхи въ дрожавшихъ стеклянныхъ и желѣзныхъ зданіяхъ по ту сторону фабричной стѣны. Тамъ работали сотни людей, покрытыхъ потомъ, среди свиста паровыхъ машинъ, звона цѣпей, при свѣтѣ до-бѣла раскаленныхъ пылающихъ печей. Паръ свистѣлъ, вода лилась, кругомъ летѣла угольная пыль, звучалъ металлъ, гнулись доски, огромныя телѣги катились по узкимъ рельсамъ надъ и подъ землею. Электрическіе фонари пылали какъ солнце, а люди торопились со своей работой. Въ конторѣ изящные мо-

лодые люди, низко нагнувшись надъ книгами, писали и считали, а во второмъ ряду болѣе свѣтлыхъ комнатъ сотни чертежниковъ сидѣли надъ огромными бѣлыми листами, исчерченными самыми рѣдкими геометрическими линіями и фигурами, которымъ впослѣдствіи механически слѣдовали тысячи рукъ съ ихъ тяжелыми молотками, щипцами и плавильными формами. Маленькій шведъ Гуго Нордлингъ вошелъ въ это зданіе и сразу выросъ.

Онъ глубоко вздохнулъ, выпрямился и рѣшительно толкнулъ громадныя двери изъ стекла съ бронзой.

Швейцаръ въ ливреѣ подошелъ къ нему:

— Куда?

Нордлингъ сжалъ въ карманѣ письмо.

— Къ мистеру Голлю,—сказалъ онъ.

Въ тонѣ швейцара почувствовалось болѣе уваженія.

— Мистеръ Голль? Пожалуйте, пятая дверь налѣво, здѣсь въ коридорѣ направо.

Онъ вытянулъ руку по направленію къ коридору словно сигнализируя семафоромъ.

Гуго послѣдовалъ указанію. Когда онъ, постучавъ, нервнымъ движеніемъ открылъ дверь краснаго дерева, то въ ярко-освѣщенной высокой и узкой комнатѣ увидѣлъ тощаго, одѣтаго въ черное, господина съ индійскимъ профилемъ, сидѣвшаго у элегантнаго письменнаго стола. Около него стояла на особой полированной доскѣ цѣлая баттарея электрическихъ проводовъ; эмалевыя кнопки блестѣли, какъ клавиши пишущей машины. Голль, указавъ на стулъ, повернулъ свой табуретъ такъ, что свѣтъ очутился у него за спиной и спросилъ кратко:

— Что угодно?

Гуго подалъ письмо.

— А, хорошо. Поздравляю васъ, м-ръ Нордлингъ. Вамъ везетъ. Вчера только вы были назначены на окладъ въ шестьдесятъ долларовъ—мѣсто писца,—въ числѣ сорока прочихъ. Сегодня же, благодаря особому случаю, васъ посадятъ въ отдѣльную комнату, гдѣ вы будете работать только вдвоемъ съ однимъ служащимъ. Мѣсячное вознагражденіе ваше равняется ста долларамъ. И къ тому же, какой у васъ будетъ товарищъ—молодой Буллардъ—единственный сынъ Булларда въ Филадельфіи! Если вы благоразумны, то вы съ нимъ сойдетесь! Понимаете,—хорошо сойдетесь.

Американецъ улыбнулся и лукаво подмигнулъ. Нордлингъ улыбнулся въ отвѣтъ. Онъ чувствовалъ, что у него голова кружилась отъ счастія.

— Мы имѣемъ о васъ лучшія рекомендаціи,—продолжалъ м-ръ Голль.—Но онѣ мало говорятъ. Я убѣжденъ, что вы покажете себя на дѣлѣ. А какъ обстоитъ дѣло съ этимъ... у васъ вѣдь, кажется, были какіе-то планы, изобрѣтеніе, идея?

Гуго покраснѣлъ отъ радости. Значитъ, помнили о томъ, что онъ говорилъ при послѣднемъ своемъ безплодномъ посѣщеніи.

— Да,—выговорилъ онъ,—да, уже нѣсколько лѣтъ работаю я надъ однимъ изобрѣтеніемъ.

Г. Голль улыбнулся еще привѣтливѣе.

— Что бишь это было? Изъ области электротехники?

— Нѣтъ, элеваторъ для зернового хлѣба.

— Да, да, совершенно вѣрно! Быть можетъ, вы такимъ образомъ будете конкурировать съ вашимъ высокимъ соотечественникомъ Джономъ Эриксономъ, котораго мы, американцы, вспоминаемъ всегда съ благодарностью. Ну, объ этомъ еще съ вами поговоримъ. Теперь добро пожаловать и будьте увѣрены, что звѣздное знамя и нашъ доблестный орелъ привѣтствуютъ съ радостью каждаго иностранца, который прилагаетъ свои силы къ величію ихъ родины.

Онъ повернулъ стулъ и поспѣшно подалъ шведу руку. Гуго поднялся.

— Извините,—сказалъ онъ.—Долженъ ли я...

— Да, вы должны остаться здѣсь тотчасъ же. Кромѣ того у насъ есть правило выплачивать жалованье за первый мѣсяцъ впередъ, если это желательно, только за первый. Вообще же вы будете получать еженедѣльно,—по истеченіи каждой недѣли. Сверхъ того изъ ежемѣсячнаго жалованья десять долларовъ откладывается въ сберегательную кассу, такъ что когда вы отъ насъ года черезъ два захотите уйти, то у васъ будетъ всегда въ сбереженіи сотни двѣ долларовъ. Понимаете?

— Конечно. Благодарю васъ.

Американецъ заговорилъ особенно поспѣшно и дѣловито.

— Не за что. Идите теперь къ помощнику кассира и скажите ему, что я васъ къ нему послалъ, я его сейчасъ извѣщу.

Онъ дважды надавилъ одну изъ кнопокъ.

— Такъ!

— Извините, еще одинъ вопросъ: Не нужно ли мнѣ засвидѣтельствовать мое почтеніе кому-либо изъ гг. директоровъ фирмы, г. Фразеру или...

Голль разсмѣялся.

— Нѣтъ, юный другъ. Фразеръ умеръ, а Чальмеръ живетъ въ

Нью-Іоркѣ. Я самъ никого изъ нихъ никогда не видѣлъ. Они не подозрѣваютъ вашего присутствія...

И онъ быстро обернулся къ своей конторкѣ и сталъ пододвигать къ себѣ груды писемъ.

Гуго откланялся и ушелъ.

Внизу, въ огромной конторѣ, походившей на банкъ, ему выдали деньги. Когда онъ почувствовалъ шуршащую пачку бумажекъ въ карманѣ своего жилета, онъ ощутилъ дрожь удовольствія. А когда онъ поздоровался съ молодымъ Буллардомъ, ожидавшимъ его въ свѣтлой просторной рабочей комнатѣ, и замѣтилъ, что будущій коллега его—красивый, изящный и ласковый молодой человѣкъ, то хотѣлъ заплакать отъ счастья. Обмѣнявшись нѣсколькими быстрыми вопросами, они освѣдомились о познаніяхъ другъ друга и вскорѣ нашли, что могутъ сдѣлаться отличными товарищами. Отъ старшаго инженера нѣмца, проходившаго поспѣшно мимо, Гуго получилъ порученіе сдѣлать чертежъ новаго желѣзнодорожнаго колеса. Онъ замѣтилъ, что легко понималъ отрывистыя указанія инженера, и чувство неописуемаго покоя и увѣренности наполнило его грудь. Въ ушахъ у него звучало и пѣло: работа, работа, работа!

Рѣзкій свистъ прорѣзалъ воздухъ. Онъ длился цѣлыхъ пять минутъ и въ концѣ-концовъ сталъ такимъ пронзительнымъ, что отъ него болѣли уши. Одновременно раздались еще свистки,—то болѣе рѣзкіе, то болѣе слабые, то короткіе, то продолжительные. На всѣхъ крупныхъ фабрикахъ западнаго города свистѣли къ завтраку. Машинный стукъ и грохотъ понемногу стихали. Смолкалъ стукъ молотковъ и колесъ, замирали стонущіе вздохи моторовъ. Мало-по-малу воцарилась тишина въ воздухѣ, только что дрожавшемъ отъ криковъ, свиста, жужжанья и звона тысячи желѣзныхъ голосовъ. Было двѣнадцать часовъ.

Напѣвая вполголоса вальсъ, Буллардъ скинулъ клеенчатые нарукавники. Въ углу комнаты стоялъ мраморный умывальникъ съ блестящимъ зеркаломъ надъ нимъ, съ теплою и холодною водою. Онъ наполнилъ маленькій круглый тазъ водою изъ блестящихъ никелевыхъ кранов; топкое мыло распространяло слабый миндальный запахъ. Полотняныя полотенца въ маленькомъ туалетномъ шкафчикѣ блестѣли выглаженныя, чистыя и бѣлыя, какъ снѣгъ.

Гуго стоялъ у одного изъ большихъ раздвижныхъ оконъ. Солнце падало на сверкающую рѣшетку духового отопленія; на улицѣ въ легкомъ туманѣ обрисовывались вдали фабричныя зданія, трубы и гигантскій скелетъ ближайшаго моста.

— Позавтракаемъ вмѣстѣ?—сказалъ Буллардъ.—Я могу вам

также показать, гдѣ я покупаю рисовальныя принадлежности. У Аббота на Мадисонстритѣ.

Продолжая напѣвать, онъ пригладилъ кудрявые расчесанные на прямой проборъ волосы. Когда онъ былъ готовъ, то зажегъ сигару и вытащилъ Гуго вмѣстѣ съ собою на улицу.

— Въ нашемъ распоряженіи часъ времени. Пойдемте. Надо сѣсть въ электричку.

По улицѣ извивалась густая черная толпа народу. То были рабочіе, спѣшившіе завтракать. Толпами выходили они изъ фабрикъ, разбивались на группы и становились другъ за другомъ; всѣ должны были пройти черезъ повѣрочный аппаратъ при выходѣ.

— Намъ этого не нужно,—сказалъ Буллардъ, улыбаясь.

Улыбнулся и Гуго Нордлингъ веселою и нѣсколько смущенною улыбкой. Наконецъ-то у него была работа, работа, работа!

Потайная дверь.

Въ одинъ декабрьскій вечеръ инженеръ Нордлингъ шелъ изъ города черезъ туннель подъ сѣвернымъ рукавомъ рѣки. Онъ только что разстался съ инженеромъ Буллардомъ и возвращался домой. Они пообѣдали въ городѣ и выпили бутылку краснаго вина; непривычный напитокъ такъ разгорячилъ Гуго, что онъ предпочелъ идти пѣшкомъ, чѣмъ ѣхать въ одномъ изъ переполненныхъ вагоновъ, съ глухимъ шумомъ непрерывной цѣпью катившихся мимо него.

Зимній вечеръ былъ необычайно мягокъ. Утромъ выпалъ первый снѣгъ, но, какъ всегда, метель вскорѣ улеглась, и теперь была теплая туманная погода. Снѣгъ, казавшійся шафрановымъ при вечернемъ свѣтѣ, покрывалъ улицу; сверкали мокрые блестящіе рельсы. Надъ высокими столбами разводнаго моста, элеваторами, амбарами и фруктовыми лавками горѣло багровое вечернее небо.

Изъ устья туннеля мчались другъ за другомъ поѣзда. Медленно извивалась черная лента, сворачивала въ сторону Кларкстрита и исчезала въ темнотѣ, окутывавшей паркъ. Вагонъ за вагономъ скользили мимо, освѣщенные фонарями, и въ ихъ окнахъ мелькали блѣдныя лица рабочихъ, устало жавшихся другъ къ другу, плечо къ плечу, носъ къ носу. Шляпы съ отвислыми полями бросали тѣнь на равнодушныя, суровыя, неподвижныя лица. Восточныя лица молодыхъ фабричныхъ работницъ при слабо мерцающемъ свѣтѣ выглядѣли болѣзненно, а широкія плечи, крѣпкіе шейные мускулы, или блѣдныя, чахоточныя исхудалыя лица рабочихъ превращали ихъ въ существа, словно не принадлежавшія къ человѣческой расѣ, а лишь

смутно и смѣшно ее напоминавшія. Живой товаръ, запакованный такимъ образомъ, который вагонъ за вагономъ выталкивалъ изъ-подъ земли, какъ двѣ капли воды походилъ на сложенныя машинныя части, которымъ геній строителя шутки ради придалъ человѣческій видъ.

На бѣлой колокольнѣ Notre Dame пробило семь часовъ; движеніе разрослось до невѣроятныхъ размѣровъ. Большія фуры ѣхали по переулкамъ и боковымъ проѣздамъ, чтобы не попасть подъ рабочіе поѣзда. Кучера и носильщики спѣшили въ ближайшіе кабачки; вдоль тротуаровъ сотнями двигались колеса, автомобили безъ умолку и нетерпѣливо пыхтѣли.

Гуго остановился на углу Онтаріострита. Безъ опредѣленной мысли смотрѣлъ онъ на полдюжину полицейскихъ, которые, съ тесаками въ рукахъ, напрасно старались проложить путь людскому потоку.

Одинъ изъ нихъ показался Нордлингу знакомымъ, но онъ не могъ припомнить, гдѣ его видѣлъ. Какъ и остальные, онъ походилъ на ирландца, но въ его угрюмомъ лицѣ проглядывало что-то хорошее, мягкое, открытое и добросердечное. Я гдѣ-то его видѣлъ, думалъ Гуго, наблюдая, какъ онъ раздавалъ осторожные толчки тесакомъ. Кто знаетъ, можетъ быть, я даже съ нимъ говорилъ... Вдругъ онъ вздрогнулъ: передъ его взоромъ развернулся весь голодный періодъ его жизни до той минуты, когда онъ получилъ мѣсто. Уже больше мѣсяца, какъ онъ служитъ у Фразера и Чальмера, и все идетъ, какъ нельзя лучше; онъ уже тамъ какъ у себя дома; его работу цѣнятъ; Буллардъ—его лучшій другъ и приглашалъ его уже пріѣхать погостить къ нему въ Филадельфію. Гуго не могъ предаваться воспоминаніямъ; теперь, когда все прошло, воспоминаніе ужасало его больше, чѣмъ самое его положеніе во время кризиса... Когда онъ очнулся, собираясь продолжать свой путь, ему бросилась въ глаза большая вывѣска Вослика. Цѣлая верепица воспоминаній ворвалась въ душу... Гдѣ Изаиль?

Дня два спустя послѣ поступленія на фабрику, въ воскресенье утромъ Гуго поѣхалъ къ жилищу Изаили. Онъ былъ съ головы до ногъ одѣтъ заново и въ карманѣ его была пѣнковая трубка для цыгана, одолжившаго ему нѣкогда десять долларовъ и маленькое кольцо для Изаили. Но цыганки не оказалось дома; все носило такой странный и неестественный характеръ, что онъ не рѣшился повторить своего посѣщенія. Мужчина приглашалъ его войти почти съ навязчивостью, но при этомъ онъ наводилъ такой ужасъ и отвращеніе выраженіемъ своего лица, что Гуго потерялъ всякую охоту продолжать съ нимъ знакомство. Къ тому же теперь онъ не имѣлъ съ ними ничего общаго.

Но сегодня—гдѣ была Изаиль? Если бы онъ могъ только одинъ единственный разъ прижать ее къ своей груди, теперь, когда былъ увѣренъ, что ему уже не придется просить милостыни! Вдругъ онъ вспомнилъ, что она даже не знаетъ, какъ его зовутъ; она никогда объ этомъ не спрашивала. Странное существо! Она ни о чемъ не спрашивала. Это было почти невѣроятно.

Людской потокъ снова несся впередъ по тротуару. Непрерывно катились электрическіе трамваи, хотя менѣе переполненные. Между пассажирами то и дѣло сновали торговые служащіе. Вдругъ что-то словно потянуло Гуго въ сторону. Онъ перешелъ черезъ улицу и вошелъ въ погребокъ Восликa. Отворяя дверь и машинально оглядывая улицу, онъ видѣлъ, какъ окутывались зимнимъ сумракомъ вагоны электрическихъ трамваевъ съ зловѣще сверкавшими красными и фіолетовыми глазами.

Погребокъ Восликa совсѣмъ не измѣнился. Въ тускломъ свѣтѣ керосиновыхъ лампъ пестрѣла отвратительная масляная картина. Три портрета, засиженные мухами, висѣвшіе надъ дверями, неподвижно и задумчиво глядѣли на собраніе бѣдно одѣтыхъ гостей. Обѣденный столъ въ углу распространялъ запахъ клоаки, и газовый свѣтъ отражался въ покрытыхъ саломъ тарелкахъ и грязныхъ блюдахъ. Маленькій богемецъ-кельнеръ посыпалъ сырой полъ опилками.

Гуго остался у буфета. Стулья показались ему особенно грязными, столы—липкими, люди—убогими и опустившимися, весь залъ особенно похожимъ на трущобу. Никого изъ сидѣвшихъ здѣсь людей онъ не узналъ; можетъ быть, они были здѣсь впервые, но это были такіе же ночные типы, такіе же призраки жизни, какіе онъ видѣлъ здѣсь и раньше.

Въ самой глубинѣ зала попрежнему стоялъ О'Нейль. Его опухшее и блѣдное лицо походило на привидѣніе. Черные глаза неподвижно и мрачно смотрѣли на стаканы, стоявшіе на буфетѣ. Рядомъ съ нимъ стоялъ Восликъ. Онъ еще болѣе заплылъ жиромъ; казалось, что онъ съ трудомъ выпускаетъ дымъ изъ сигары, торчавшей въ углу его синевато-красныхъ губъ.

— Стаканъ пива!—потребовалъ Гуго.

Къ нему подошелъ маленькій богемецъ. Онъ не узналъ его. Быстро погрузилъ онъ свои запачканныя опилками красныя руки въ ведро съ ледяной водой, стоявшее подъ боченкомъ, и вытеръ ихъ о свой заплатанный фартукъ. Въ это время по залу внезапно пронесся крикъ.

Его испустилъ О'Нейль. Онъ выступилъ впередъ и откинулъ назадъ свою голову Нерона; его вьющіеся волосы прилипли, словно влажные отъ пота, къ его блѣдному, красивому лбу.

— Съ нимъ опять припадокъ,—пробормоталъ маленькій слуга,—подождите минуту...

— О'Нейль,—презрительно сказалъ хозяинъ и ударилъ рукою по столу.—О'Нейль, говорю тебѣ, этому долженъ быть положенъ конецъ! Конецъ!—говорю я.—Убирайся отсюда—кричи въ другомъ мѣстѣ... И раздосадованный Восликъ повернулся спиною къ гостямъ.

О'Нейль ничего не слышалъ. Его глаза внезапно вспыхнули свѣтомъ, словно медленно разгорающіяся калильныя лампы. Онъ принялъ позу оратора и, простирая руки, закричалъ:

— Послушайте, милостивые государи! Да, все кончено, мнѣ нечего прибавить. Но я не склоняюсь передъ рѣшеніемъ судей, я не уважаю ихъ, я не подчиняюсь имъ! Я иду своимъ путемъ и больше ничего! Смотрите сюда!

И съ быстротою молніи онъ вытащилъ изъ кармана маленькую склянку, поднесъ ее къ губамъ и воскликнулъ:

— Ваше здоровье, товарищи — грядетъ адвокатъ Франсизъ Джэмсъ О'Нейль!—Онъ осушилъ маленькій стеклянный сосудъ и, бросивъ его на полъ, разбилъ на мелкіе куски. Двѣ, три секунды стоялъ онъ еще, вытянувшись во весь ростъ, вдругъ лицо стало кривиться въ ужасную гримасу, изъ горла вырвался хрипъ. Онъ упалъ, наклонившись впередъ.

Произошло замѣшательство. Гуго выронилъ стаканъ пива, пѣна бѣжала по его платью. Восликъ выглядѣлъ такъ, словно его хватилъ ударъ. Онъ держался обѣими руками за буфетъ и заикаясь говорилъ:

— Боже, я разоренъ! Мой ресторанъ закроютъ! Господа! Вы—свидѣтели, что это было самоубійство. Я тутъ не причемъ. Мои враги станутъ говорить...

Никто его не слушалъ. Всѣ столпились вокругъ несчастнаго адвоката. Бросились подбирать осколки разбитой склянки. Ихъ соединяла красная этикетка съ изображеніемъ мертвой головы и словомъ ядъ, подъ которымъ можно было прочесть: карболовая кислота.

Два-три голоса кричали, перебивая другъ друга:

— Онъ отравился! Онъ выпилъ карболовой кислоты! Бѣгите за полиціей! Доктора! Ядъ! Карболовая кислота!...

О'Нейль пересталъ хрипѣть. Упавъ, онъ перевернулся на спину; высоко поднявъ ноги, онъ стучалъ ими по полу. Но вскорѣ этотъ ужасный стукъ прекратился. Онъ вытянулъ ноги еще два, три раза и застылъ безъ движенія, недвижный, мертвый. Трупъ былъ весь въ опилкахъ; казалось, что съ какой-нибудь арены только что стащили статую императора.

Гуго не осмѣлился взглянуть мертвецу въ лицо. Онъ чувство-

валъ себя больнымъ и снова въ этомъ залѣ ему показалось, что онъ грезитъ. Говоръ толпившихся людей, толковавшихъ о безуміи О'Нейля, Восликъ, полиція—все это были для него слова, лишенныя смысла, которыя непостижимымъ образомъ долетали до него издали.

Нордлингъ всталъ и оглянулся. Всѣ продолжали еще говорить о самоубійствѣ. Медленно подошелъ онъ къ двери, постоялъ съ минуту, но такъ какъ никто повидимому не замѣчалъ его ухода и не приглашалъ оставаться, то онъ быстро отворилъ дверь и вышелъ. Внезапно передъ нимъ словно изъ-подъ земли выросла Изаиль.

Вино, пиво и виски бросились ему въ голову. Ему казалось, что улица, дома, освѣщенныя и празднично-убранныя окна магазиновъ окутаны краснымъ съ золотомъ флеромъ. Изаиль устремила на него свои темно-желтые янтарные глаза и улыбалась.

Одно мгновенье лицо стараго цыгана вынырнуло откуда-то совсѣмъ близко позади Изаили. Онъ тоже улыбался, такъ что бѣлые зубы сверкали изъ-подъ опущенныхъ усовъ. Цыганка сказала что-то на своемъ чуждомъ нарѣчіи, и оба засмѣялись. Потомъ онъ исчезъ, словно провалился сквозь землю, а Гуго засмѣялся, когда, взявъ Изаиль подъ руку, свернулъ съ нею въ переулокъ. Тьма окутала ихъ; онъ еще слышалъ рѣзкій звукъ сигнала полицейской кареты и видѣлъ уголъ черной гробовой крышки на катафалкѣ, за которымъ поспѣшно слѣдовала толпа народа. Затѣмъ онъ скрылся въ глубинѣ переулка съ Изаилью.

— Куда мы идемъ, Изаиль?

— Домой, ко мнѣ. Ты помнишь дверь?—отвѣтила она, ускоряя шагъ.

Сердце у Гуго забилось.

— Да,—горячо сказалъ онъ.—Въ самой глубинѣ жилища, потайная дверь? А затѣмъ?

— Ты пойдешь со мной. Я завтра уѣзжаю. Но Гуго, находившійся въ состояніи высшаго опьянѣнія, не слушалъ ея. Онъ пытался удержать дѣвушку и повторилъ нѣсколько разъ:

— Такъ послушай же, Изаиль! Постой же, послушай; мы не пойдемъ къ тебѣ; пойдемъ со мною въ городъ, въ театръ, въ ресторанъ, поужинаемъ...

Но она тащила его за руку.

— Не глупи! Пойдемъ...

Они свернули за уголъ, прошли дворами, черезъ низкія ворота. Нордлингъ нѣсколько разъ споткнулся.

Онъ продолжалъ бормотать въ большомъ возбужденіи:

— Остановись! У меня есть деньги, много, много денегъ.

— У тебя есть деньги? Изаиль такъ рада! Значитъ, ты окончилъ свое изобрѣтеніе?

— Да, да, да! Много, много денегъ!

Вдругъ онъ остановился, изнемогая отъ усталости, и охватилъ ее руками.

— Я не иду дальше!—заявилъ онъ.

— Иди же; мы уже пришли—смотри!

И дѣйствительно, Гуго словно узналъ притонъ. Въ темнотѣ виднѣлся большой низкій домъ, обнесенный палисадникомъ. Онъ услышалъ голосъ Изаили:

— Иди, Изаиль здѣсь!

Полоса свѣта, словно широкое пламя, пронизала темноту. То была дверь. Потомъ подъ его шагами заскрипѣла лѣстница, снова дверь. И онъ ощупью сталъ пробираться по темному пространству, натыкаясь на столы и стулья; еще дверь, и его ноги ушли въ мягкіе ковры, какъ въ зыбкую, болотистую почву. Портьера была отдернута въ сторону, послѣдняя дверь открылась, и Гуго очутился въ маленькой, слабо освѣщенной комнатѣ, стѣны которой было убраны коврами. Онъ не зналъ, откуда падаетъ свѣтъ, но онъ былъ цвѣта морской волны, а когда онъ сѣлъ, оказалось, что онъ очутился на низкомъ, широкомъ ложѣ, состоявшемъ изъ пестрыхъ подушекъ, платковъ и роскошныхъ одѣялъ яркихъ цвѣтовъ.

Изаиль тѣсно прижалась къ нему, обвила его шею своими обнаженными руками, впилась зубами въ щеку и прижала его къ себѣ съ такою силою, словно хотѣла задушить.

Одну минуту Нордлингу показалось, что онъ видитъ передъ собою на стѣнѣ лицо цыгана съ оскаленными зубами; но оно быстро исчезло. Онъ видѣлъ, какъ Изаиль поднялась и подала ему металлическій бокалъ.

— Пей,—сказала она.

Гуго хотѣлъ оттолкнуть бокалъ. Отъ него несся непріятный, приторный запахъ духовъ. Но дѣвушка разсердилась. Она топнула маленькой ножкой и сдвинула брови. Въ ту же самую минуту она сбросила свою маленькую курточку, и Гуго увидѣлъ ее на разстояніи руки отъ себя, прямую и гибкую, съ широкимъ шарфомъ, плотно стягивавшимъ ея стройныя бедра. Онъ схватился за пряжку изъ граненаго стекла, застегивавшую шарфъ.

— Прежде выпей!—сказала она.

И онъ пилъ.

Теплый паръ, стоявшій надъ кубкомъ, исчезъ, и напитокъ былъ теперь очень холодный.

Гуго вдругъ увидѣлъ, что спальня Изаили за потайною дверью

не мала, а велика и походитъ на длинную галлерею. Потолокъ сводами, съ рѣзьбою, словно мавританскія арабески, весь былъ усѣянъ свѣтло-голубыми пятиугольными звѣздами, тянувшимися безконечными рядами; вокругъ уже не было зеленаго свѣта, а рѣялъ голубой эѳиръ. У стѣнъ стояли стройныя, обвитыя лентами колонны; спиралью вились онѣ и поднимались кверху къ звѣздной палаткѣ. А между колоннами лились цвѣтные потоки воды, падавшіе на мраморный полъ, черные, красные и бѣлые квадраты котораго сливались, казалось, вмѣстѣ. Въ глубинѣ колыхались толстыя, шелковыя драпировки, словно озаренныя солнцемъ вечернія облака. Но сама Изаиль исчезла.

Это, однако, не имѣло большого значенія. Такъ прекрасно, такъ чудно было лежать и глядѣть въ этотъ хаосъ развѣвающихся и крутящихся полосъ, и блестящихъ звѣздъ. Порою онѣ сливались въ треугольники, затѣмъ снова превращались въ шары, въ призмы, подобно стекляннымъ хрусталикамъ калейдоскопа. Въ концѣ-концовъ Гуго показалось, что плыветъ и онъ самъ, ему почудилось лицо О'Нейля, но не мертвое, а живое, и физіономія мистрисъ Остремъ и хищный взглядъ смѣющагося цыгана. Цѣлый потокъ, цѣлое море лицъ нахлынуло и проплывало мимо него, словно лица рабочихъ въ окнахъ вагоновъ на Кларкстритѣ. Затѣмъ все погасло, лица, звѣзды, облака и колонны, и комнатка Изаили, и голубой свѣтъ, и красный шарфъ, и темныя улицы города, раскрывшіяся вдругъ передъ нимъ безконечной перспективой,—все, краски, свѣтъ и движеніе, и наступила непроницаемая тьма. Ему почудилось, что тѣло его застываетъ и превращается въ ледъ. . . . . .

Въ свѣтлый, весенній день инженеръ Гуго Нордлингъ проснулся въ полномъ сознаніи. Онъ лежалъ на койкѣ въ общей палатѣ больницы Алексіанскаго братства.

Постепенно ему разсказали, какъ въ холодное, зимнее утро двое полицейскихъ, обходившихъ наихудшую периферію города, нашли и подняли съ земли полураздѣтаго человѣка. Въ затылкѣ у него зіяла глубокая рана и они сочли его мертвымъ; но онъ ожилъ, благодаря организму, корни котораго были заложены въ цѣлыхъ поколѣніяхъ крестьянъ, жившихъ въ закаляющемъ здоровомъ сѣверномъ климатѣ.

Когда Гуго лежалъ такимъ образомъ въ повязкѣ, пахнувшей хлороформомъ, въ огромной залѣ, подъ дощечкой, то онъ походилъ на раненаго солдата. По крайней мѣрѣ такъ утверждалъ Буллардъ, навѣстившій его и сообщившій ему, что фирма сохранитъ за нимъ его мѣсто, если онъ чуточку поторопится съ выздоровленіемъ.

Нордлингъ думалъ объ этомъ сравненіи и находилъ его очень вѣрнымъ. Онъ палъ на невѣдомомъ ему полѣ сраженія, но палъ послѣ борьбы, которую честно велъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Покидая лазаретъ въ теплый полдень, онъ чувствовалъ, что только теперь пробуждается къ новой жизни, полной яркихъ интересовъ. Никакихъ сказокъ, никакихъ легендъ, и если его разсудокъ чертежника захочетъ когда-либо призвать на помощь фантазію, то послѣдняя будетъ носить всетаки столь матеріальный характеръ, что онъ сможетъ воплотить ее въ звучныя слова.

Все это высказалъ онъ на другой день своему другу Буллярду, когда они стояли другъ противъ друга въ свѣтлой мастерской, нагнувшись надъ своимъ рабочимъ столомъ. Буллардъ нашелъ, что это умно, и оба съ одинаковымъ удовлетвореніемъ, задумчиво и слегка насвистывая въ тактъ, прислушивались къ шуму машинъ, несшемуся со двора, отъ котораго дрожали стекла.

Начатое полиціей слѣдствіе о нападеніи съ цѣлью грабежа и убійства на молодого инженера по предварительномъ одурманиваніи его наркотическими средствами не дало никакихъ результатовъ. Показанія, которыя могъ дать Гуго, были черезчуръ шатки и неопредѣленны. Онъ даже не могъ узнать дома, который, по его убѣжденію, долженъ былъ находиться въ одномъ изъ пустынныхъ, заброшенныхъ кварталовъ по ту сторону сѣверо-западнаго рукава рѣки. Что касается цыганъ, описать которыхъ онъ пытался, то полиціи также не удалось ихъ выслѣдить. . . . . .

Много лѣтъ спустя, когда Гуго Нордлингъ давно покинулъ и фирму Фразера и Чальмера, и Чикаго, послѣ того какъ его изобрѣтеніе было закончено и принесло ему огромное богатство, когда онъ былъ уже женатъ и имѣлъ дѣтей и назывался Гуго Нортингъ (изъ фирмы Нортингъ, Буллардъ и Буллардъ, желѣзныя и стальныя работы, Питсбургъ, Пенсильванія), онъ иногда вспоминалъ всетаки Изаиль.

Вспоминалъ тотъ тяжкій періодъ жизни, когда онъ бродилъ безъ крова, голодный, не зная, гдѣ преклонить голову; и хотя онъ избѣгалъ погружаться въ эти воспоминанія, все же это время сплеталось у него всегда какимъ-то удивительнымъ образомъ съ Изаилью.

Время отъ времени, когда мистрисъ Нортингъ—урожденная Буллардъ—проводила лѣто въ Лондонѣ или на Ривьерѣ, г. Нортингъ выходилъ изъ дому послѣ вечера, проведеннаго въ обществѣ мужчинъ, садился на ступени лѣстницы передъ домомъ и среди тишины тропической лѣтней ночи думалъ о своей судьбѣ.

Его мысли неслись по такимъ страннымъ путямъ, что онъ незамѣтно глубоко и тяжело вздыхалъ. Когда онъ сидѣлъ такъ, одиноко, тихо передъ своимъ великолѣпнымъ дворцомъ, окруженнымъ паркомъ, было трудно понять, о чемъ онъ собственно вздыхаетъ; трудно было повѣрить и тому, чтобы онъ ясно сознавалъ это самъ. Быть

можетъ, онъ видѣлъ причину этого въ томъ, что съ каждымъ годомъ долженъ былъ работать все напряженнѣе—такъ бываетъ всегда—работа захватываетъ всего человѣка все сильнѣе и сильнѣе, и что изнурительные часы, проводимые имъ по дѣламъ желѣзнаго рынка на биржѣ, вмѣстѣ съ работою надъ чертежною доскою, сильно утомляли его нервы. Весьма возможно, что въ тихіе часы такихъ ночей онъ думалъ о томъ, что онъ называлъ боевымъ періодомъ своей жизни.

Тогда съ легкой усмѣшкой онъ вспоминалъ длинныя улицы Чикаго. Въ городѣ, который жилъ людскою кровью, потомъ и мозгомъ, который проглатывалъ милліоны жертвъ и дѣлалъ своими плѣнными всѣхъ, кто къ нему притекалъ, навсегда приковывалъ ихъ къ своимъ гранитнымъ стѣнамъ, давилъ, топталъ и убивалъ этихъ людей; который возбуждалъ безумныя надежды у тысячъ и возносилъ на желанную высоту лишь немногихъ, когда волосы ихъ были уже бѣлы, а взоръ и сердце—мертвы... И несмотря на все это, въ городѣ возникали и осуществлялись всѣ чудеса настоящаго.

Онъ устало улыбался, вспоминая долгія ночи, дикія, лихорадочныя грезы, отчаянныя мысли, ночныя тѣни, уличныя фигуры, опасности темныхъ переулковъ и ужасы голода. Его взоръ уходилъ въ прошлое,—онъ вспоминалъ трепещущіе, смутные образы, которые, въ своемъ вѣчномъ бѣгѣ вокругъ тяжелаго жизненнаго колеса наполняли въ это время его міръ. Онъ старался припомнить ихъ имена, ихъ черты, и не всегда былъ увѣренъ въ томъ, что представляетъ ихъ себѣ вѣрно,—здѣсь, сидя на каменной лѣстницѣ въ тишинѣ и одиночествѣ ночи, ибо онъ такъ давно изгналъ эти тѣни изъ своихъ воспоминаній.

И еще глубже погружались въ прошлое его мысли; какіе-нибудь полчаса витали онѣ надъ маленькою бѣдною страной на сѣверѣ, изъ которой онъ уѣхалъ навсегда. Но тамъ у него было еще менѣе точекъ соприкосновенія, словно послѣ операціи отрѣзанная часть тѣла, замѣненная болѣе сильною, хотя бы и искусственною. Нѣтъ, не было причинъ грустить объ этомъ! Люди, думавшіе о маленькомъ Гуго Нордлингѣ, питавшіе въ тихой радости надежду на то, что онъ вырастетъ и сдѣлается настоящимъ дѣльнымъ человѣкомъ, давно уже умерли; они не дождались вѣстей о его успѣхахъ. И никто вообще не слыхалъ о немъ ничего кромѣ темнаго, смутнаго слуха изрѣдка; у него не было никакого общенія съ соотечественниками.

Но иногда въ исключительныхъ случаяхъ въ рѣдкіе, темные, одинокіе ночные часы вздохи г. Нордлинга имѣли и другой источникъ. Его онъ также не могъ себѣ хорошенько уяснить; однако, чувствовалъ, что онъ связанъ и коренится въ его бракѣ.

Какъ ни счастливо сложилось все для него въ жизни, но здѣсь было нѣчто, будившее въ немъ тоску. Слово «любовь» въ концѣ-концовъ, повидимому, не имѣло ничего общаго со словомъ «супруга»; но, по крайней мѣрѣ, хоть разъ въ жизни каждаго человѣка оно должно было быть связано со словомъ «женщина». А въ жизни Нордлинга такого случая не было.

Впрочемъ, эти странныя мысли приходили такъ рѣдко и такъ были внѣ сферы, въ которой приходилось обычно жить и дѣйствовать Гуго Нордлингу, что онъ хотя бы изъ трусости не смѣлъ углублять ихъ. Казалось, что онъ, какъ человѣкъ въ разсказѣ о привидѣніяхъ, боится увидѣть подъ крышкой сундука свое собственное, полное упрековъ *я*.

И тогда передъ нимъ вставалъ образъ Изаили. Вдругъ, подобно падающей звѣздѣ, возникалъ тонкій, жестокій образъ и отдѣлялся отъ освѣщеннаго ночного фона большого города. И тѣ годы вставали изъ могилы забвенія, въ ихъ холодномъ одѣяніи, въ слезахъ, въ черной одеждѣ, несчастія и разочарованій...

И мало-по-малу имя Изаили срослось съ тѣми годами, стало ихъ воплощеніемъ. Словно годы борьбы слились и воплотились въ эти пять буквъ; иногда ему казалось, что она вообще была чѣмъ-то нереальнымъ. И по мѣрѣ того, какъ проходилъ годъ за годомъ, образъ Изаили блѣднѣлъ; въ концѣ-концовъ она въ его воспоминаніи осталась лишь въ качествѣ созданія его собственнаго воображенія, онъ пересталъ вѣрить, что видѣлъ ее когда-либо въ дѣйствительности. Она превратилась для него въ имя, которое онъ иногда съ удивленіемъ произносилъ про себя. И когда онъ начиналъ раздумывать, то ему казалось, что онъ на самомъ дѣлѣ никогда не могъ видѣть подобной женщины.

«Какъ,—спрашивалъ онъ себя,—какъ могло на самомъ дѣлѣ это случиться? Она—тѣнь ночного города—и ничего болѣе. Я, обладавшій когда-либо въ бракѣ или внѣ брака одною изъ сестеръ Изаили, одною изъ ея законно или незаконно павшихъ сестеръ, какъ могъ я когда-либо обладать Изаилью?...»

И одинокій въ нѣмой, ароматной ночи повторялъ онъ на каменной лѣстницѣ своего богатаго, пустыннаго гранитнаго дворца:

«Она всплыла однажды... спорадически... въ большомъ городѣ... она была этимъ городомъ... улицей... ночью... Изаиль...»

Такимъ образомъ, она была созданіемъ фантазіи бѣдняка, мечтою голоднаго...

Перев. Ал. Чеботаревская.

Стихотворенія Максимиліана Волошина.

Зеркало.

Я—глазъ, лишенный вѣкъ... Я брошено на землю,
Чтобъ этотъ міръ дробить и отражать.
И образы скользятъ... Я чувствую, я внемлю,
Но не могу въ себѣ ихъ удержать.

И часто въ сумеркахъ, когда дымятся трубы
Надъ синимъ городомъ, а въ воздухѣ гроза,
Въ меня глядятъ съ тоской безсонные глаза
И черныя запекшіяся губы.

И комната во мнѣ и капаетъ вода.
И тѣни движутся, отходятъ выростая.
И тикаютъ часы, и капаетъ вода,
Одинъ вопросъ другимъ перебивая.

И чувство смутное шевелится на днѣ.
Въ немъ радостная грусть, въ немъ сладкій страхъ разлуки.
И я молю его: «Останься. Будь во мнѣ.
Не прерывай рождающейся муки».

И вновь приходитъ день съ обычной суетой.
И блѣдное лицо лежитъ на днѣ—глубоко.
Но время наконецъ застынетъ надо мной
И тусклою плевой мое затянетъ око!

* *
*

Посв. А. В. Г—нъ.

Я люблю осенній шелестъ
Старыхъ писемъ, дальнихъ словъ...
Въ нихъ есть запахъ, въ нихъ есть прелесть
Увядающихъ листовъ.

Я люблю узорный почеркъ—
Въ немъ есть шорохъ травъ сухихъ.
Быстрыхъ буквъ знакомый очеркъ.
Тихо шепчетъ грустный стихъ.

Мнѣ такъ близко обаянье
Ихъ усталой красоты—
Это дерева Познанья
Облетѣвшіе цвѣты.

---

* *
*

Небо въ тонкихъ узорахъ
Хочетъ день превозмочь,
А въ душѣ и въ озерахъ
Опрокинулась ночь.

Что-то хочется крикнуть
Въ эту черную пасть—
Робкимъ сердцемъ приникнуть,
Чуткимъ ухомъ припасть.

И идешь и не дышишь...
Холодѣютъ поля...
Нѣтъ, послушай... Ты слышишь?
Это дышитъ земля...

Я къ травѣ припадаю...
Быть твоимъ навсегда!
«Знаю... Знаю... Все знаю...»
Шепчетъ вода.

Ночь темна и беззвѣздна...
Кто-то плачетъ во снѣ...
Опрокинута бездна
На водахъ и во мнѣ...

---

* *
*

Міръ закутанъ плотно
Въ сизый саванъ свой—
Въ тонкія полотна
Влаги дождевой.

Въ тайникахъ сознанья
Травки проросли.
Сладко пить дыханье
Дождевой земли.

Съ грустью принимаю
Тягу древнихъ змѣй—
Медленную Майю
Торопливыхъ дней.

Затерявшись гдѣ-то,
Робко вѣримъ мы
Въ непрозрачность свѣта
И прозрачность тьмы.

АФАЙЯ.

I.

Это было, когда были чудеса, и боги приходили къ людямъ.

На одномъ изъ многочисленныхъ острововъ Эгейскаго моря вокругъ небольшой, защищенной отъ вѣтровъ бухты расположенъ былъ маленькій городъ. Его жители занимались рыболовствомъ, винодѣліемъ и грабежомъ.

Главное святилище общины, храмъ въ честь Діониса, стоялъ нѣсколько вдали отъ города—въ горахъ, на разстояніи получаса пути. Храмъ этотъ былъ деревянный и бѣдный, вполнѣ въ соотвѣтствіи со средствами жителей города. Какъ-то во время грозы молнія пала въ храмъ, и онъ сгорѣлъ дотла. Жители города очень печалились и думали, что это знакъ немилости къ нимъ со стороны Бога, что ихъ должны постигнуть большія несчастія. Богу были принесены многочисленныя умилостивительныя жертвы, чтобы отвратить грядущія бѣдствія. Жрецы примѣнили самыя древнія, наиболѣе дѣйствительныя заклинанія. Жрецы наложили на себя трехдневный трауръ.

Но событія не оправдали ожиданій. Ловы были удачны; виноградъ родился на горныхъ склонахъ обильный, и смѣлые набѣги на сосѣдей приносили большую добычу и славу. Городъ замѣтно богатѣлъ и расширялся. Жители его нѣсколько свысока начинали смотрѣть на сосѣднія общины, которыя пребывали въ прежней бѣдности и скудости.

Постепенно возникла мысль возобновить сгорѣвшій храмъ. Народъ послѣ столькихъ удачъ все еще боялся гнѣва Бога, который сразу могъ уничтожить все, что было добыто съ такимъ трудомъ и напряженіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было желательно дать внѣшнее выраженіе новаго богатства и благополучія. Поэтому было рѣшено выстроить храмъ изъ камня съ большой красотой и не жалѣть средствъ

на его украшеніе. Были приглашены самые лучшіе мастера, которые должны были примѣнить всѣ свои старанія, весь свой талантъ при постройкѣ.

Изображеніе самого Бога было поручено знаменитому художнику. Онъ долженъ былъ сдѣлать статую Бога изъ золота и слоновой кости. Ему была обѣщана щедрая награда.

Но богъ явился во снѣ главному жрецу и сказалъ:

— Я не хочу, чтобы въ храмѣ стояло мое изображеніе. Пусть поставятъ лишь мой тронъ. Я самъ лично буду посѣщать храмъ; такъ я возлюбилъ вашъ храмъ.

Когда жрецъ передалъ жителямъ слова Бога, весь городъ былъ въ большой радости. Всѣ думали, что подъ защитой Бога власть и богатство будутъ расти съ прежней быстротой. Художнику было теперь поручено сдѣлать ужъ не статую Бога, а только тронъ, но сдѣлать его такимъ роскошнымъ, чтобы онъ стоилъ столько же, сколько вся статуя. Художникъ примѣнилъ весь свой талантъ; тронъ былъ сдѣланъ изъ золота и слоновой кости и украшенъ пурпуромъ, который вытkали дочери самыхъ знатныхъ семействъ общины.

Когда храмъ былъ готовъ, тронъ въ пышной процессіи былъ перенесенъ изъ города и поставленъ посреди храма. Три дня и три ночи продолжалось празднество освященія храма. Много было заколото жертвъ возлѣ алтаря. Всѣмъ былъ приготовленъ обильный пиръ. Вино лилось рѣкой. Самымъ разнузданнымъ страстямъ былъ данъ просторъ. Въ ночныхъ оргіяхъ, въ пляскахъ и пѣсняхъ славили жители бога. Дѣвушки и женщины съ распущенными волосами, съ зажженными факелами носились по рощамъ въ священномъ неистовствѣ. Къ концу всѣхъ охватило безуміе, и въ невѣдомомъ для себя ликованіи люди сливались съ пребывающимъ среди нихъ Богомъ.

Наконецъ, умолкли пѣсни, и люди, утомленные ночными бдѣніями, удалились въ городъ, чтобы снова заняться повседневными дѣлами. Въ храмѣ остался лишь старый жрецъ, мудрый прорицатель, угодный богу. Когда на другой день послѣ празднествъ освященія, рано утромъ онъ вошелъ въ храмъ, чтобы передъ пустымъ алтаремъ совершить возліяніе виномъ и возжечь ѳиміамъ въ честь бога, онъ увидѣлъ въ храмѣ спящую дѣвушку. Жрецъ вознегодовалъ: онъ думалъ, что дѣвушка заснула наканунѣ ночью, утомленная виномъ, пляской и любовью. Онъ хотѣлъ ее грубо разбудить. Внезапно имъ овладѣли смутная робость и неувѣренность. Онъ внимательно сталъ разсматривать спящую. Дѣвушка пребывала въ глубокомъ снѣ, почти въ забытьи. Лицо ея было совершенно неподвижно и замѣчательно прекрасно. Въ этой красотѣ было что-то внезапное, поражающее,

почти пугающее. Такая красота казалась чрезмѣрной, слишкомъ несогласной съ обычной красотой женскихъ лицъ. Всѣ черты были правильны и удивительно гармоничны, но ихъ соединеніе обнаруживало нескрываемую дерзость замысла, если такъ можно выразиться о живомъ лицѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ лицо спящей хранило явный слѣдъ глубокой, захватывающей тоски, предѣльной скорби, которую знаютъ люди лишь въ послѣднихъ глубинахъ страданій. Что-то роковое, вѣчно печальное, неутѣшимое было въ этой красотѣ, что-то, что навѣки гаситъ падежду и безпечную радость—вѣчная скорбь бытія. Черныя пряди густыхъ волосъ падали, какъ траурныя покрывала, на цвѣтущій ликъ. Вѣки были закрыты. Всѣ черты странно неподвижны, молчаливы загадочнымъ молчаніемъ могилы.

Съ недоумѣніемъ и любопытствомъ, смѣшаннымъ съ тайнымъ неопредѣлившимся страхомъ, разглядывалъ старый прорицатель спящую дѣвушку въ пустомъ храмѣ.

Въ его душѣ поднялись смутныя чувства, мысли неоформившіяся шевелились въ его умѣ. Его душа была полна предчувствіемъ чего-то неизвѣстнаго ему. Онъ стоялъ, наклонившись надъ спящей, и чутко вникалъ возникающимъ голосамъ въ своей душѣ.

Дѣвушка открыла глаза. Она быстро приподнялась, тревожно оглянулась.

— Гдѣ я?—спросила она почти испуганно.

— Не бойся,—отвѣтилъ жрецъ,—съ тобой не случится ничего дурного. Ты въ храмѣ Діониса.

— Въ храмѣ Діониса?—отозвалась дѣвушка.

Жрецъ смотрѣлъ пристально на нее. Она молчала.

— Ты... чужестранка?—спросилъ жрецъ.

— Не знаю...—отвѣтила та.

— Какъ не знаешь? Кто были твои отецъ, мать? Гдѣ твой городъ?

— Я не знаю ни матери, ни отца. Я не знаю...

— Но откуда-нибудь да ты пришла къ намъ? Скажи, откуда?

— Откуда?—Она подумала. Старалась съ усиліемъ что-то вспомнить, что-то нужное.—Нѣтъ, не помню,—сказала она, наконецъ.

И она посмотрѣла прямо въ глаза жрецу. Тотъ невольно опустилъ свои.

— Не знаю,—медленно и громко повторила дѣвушка.

Ея голосъ, звонкій и отчетливый, отдался отъ мраморныхъ стѣнъ храма и долго стоялъ и колебался въ углахъ потолка. Ея голосъ былъ пѣвучій и глубокій; въ немъ чувствовалась слитность звуковъ флейтъ и тимпановъ.

Дѣвушка замолчала. Молчалъ и жрецъ. Онъ колебался, не зналъ, что̀ долженъ сказать, что̀ долженъ сдѣлать... Нѣсколько минутъ длилась неподвижная тишина. Наконецъ, въ своей груди жрецъ ясно и отчетливо услышалъ голосъ Бога:

— Оставь дѣвушку при храмѣ,—она будетъ моей жрицей.

«Чудеса», — подумалъ старый жрецъ; потомъ сказалъ, обращаясь къ дѣвушкѣ:

— Дѣвушка, какъ зовутъ тебя?

— Афайя,—отвѣтила та.

— Афайя, пойдемъ со мной.

Такъ Афайя стала жрицей въ храмѣ Діониса.

II.

Съ тѣхъ поръ новой славой процвѣлъ храмъ. Разнеслась молва о чудодѣйственной силѣ жертвъ, о пророчествахъ и исцѣленіяхъ. Эти разсказы были связаны съ именемъ новой жрицы при храмѣ, о которой никто не зналъ, откуда она появилась и почему посвятила себя богу. Люди, исполненные суевѣрнымъ страхомъ и любопытствомъ, приходили издалека къ новому святилищу и приносили дары, каждый сообразно со своими средствами и ревностью. Издали еще они замѣчали храмъ, который стоялъ на горѣ, отчетливо видный со всѣхъ сторонъ. Блѣдная желтизна мрамора рельефно отдѣлялась отъ темныхъ садовъ. Строгая дорическая красота, соразмѣрность линій и ритмическая пропорціональность всѣхъ частей настраивали души приходящихъ благоговѣйно и серьезно; чувствовалась близость Бога.

И когда люди входили въ ограду храма, ихъ окружала атмосфера иной, таинственной, значительной жизни, о которой они смутно догадывались благоговѣющей душой. Здѣсь было все не такъ, какъ у нихъ внизу: строго, величественно и прекрасно.

Въ особенности поражало всѣхъ отсутствіе изображенія Бога и его пустой тронъ. Молились невидимому, тайно присутствующему среди нихъ. Молодая жрица, вся въ бѣломъ, совершала жертву. Странно было видѣть кровь у ея ногъ и кровавый слѣдъ ея ступней. Ея загадочная, чрезмѣрная, дерзновенная красота и то несказанное, глубоко затаенное страданіе, которое чувствовалось въ каждомъ движеніи ея цвѣтущаго, стройнаго тѣла, въ каждомъ взглядѣ глубокихъ, темныхъ глазъ, пугали, поражали сознаніе. Афайя стояла въ храмѣ съ воздѣтыми обнаженными руками передъ пустымъ роскошнымъ тропомъ, величавая, гордая и прекрасная, и молилась Богу. Ея низкій грудной голосъ отдавался отъ мраморныхъ стѣнъ. Курильницы

у ея ногъ окружали ее благоуханнымъ дымомъ, словно упавшими на землю облаками. Ея взглядъ, ея жестъ, ея голосъ заклиналъ, подчинялъ волю Бога. Казалось близкимъ чудо. И люди въ ужасѣ падали на каменныя плиты пола, закрывали концами плащей свое лицо, не будучи въ состояніи далѣе вынести созерцаніе образа: имъ казалось, что вотъ сейчасъ имъ долженъ явиться самъ Богъ.

Такъ совершались чудеса и пророчества и исцѣленія. Люди уходили изъ храма и долго сохраняли воспоминаніе объ иной таинственной и значительной жизни.

Почти годъ жила Афайя при храмѣ, окруженная почетомъ со стороны жителей города. Она попрежнему оставалась тинственной и попрежнему внушала своимъ видомъ нѣкоторую суевѣрную робость. Никто никогда не видалъ, какъ она улыбается. Ея прекрасныя черты оставались строгими и неподвижными. Чувствовалось, что она таитъ въ себѣ что-то, ей одной знакомое, чего она не можетъ, не должна сказать. Даже старый жрецъ напрасно пытался проникнуть въ ея тайны. Какъ бы разсчетливо и тонко онъ ни ставилъ свои вопросы, онъ получалъ всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: не знаю. Афайя говорила это такъ просто, такъ искренно, что не было никакой возможности сомнѣваться въ правдѣ ея словъ. И между тѣмъ ясно сознавалось, что тутъ что-то не такъ, что тутъ скрывается нѣчто очень важное и значительное.

Старый жрецъ съ любопытствомъ внимательно слѣдилъ издали за Афайей. Онъ смотрѣлъ на нее долгимъ пристальнымъ взглядомъ, когда она выходила изъ храма, стройная, цвѣтущая, дерзновенно-прекрасняя, съ выраженіемъ затаенной безпричинной муки на лицѣ. Странная была эта дѣвушка, молчаливая, отчужденная; она, казалось, нисколько не интересовалась окружающей жизнью, безпечными утѣхами молодости, совершенно не сознавала свою удивительную красоту; ни на одного юношу она не взглянула еще ласково и привѣтливо, словно желѣзное сердце было въ ея груди.

— Самъ богъ велѣлъ, чтобы она осталась при храмѣ, тутъ скрыта нѣкоторая тайна,—думалъ старый жрецъ.

Вечеромъ послѣ знойнаго дня, когда голубоватыя сумерки падали на землю, Афайя выходила изъ дома и садилась у ограды на каменную скамью. Глубоко внизу, за склонами горъ, было видно море, которое уходило долгимъ изгибомъ въ небо. Прозрачный, свѣтло-фіолетовый туманъ поднимался съ поверхности воды, легкій и нѣжный, какъ покрывало морской богини. Въ немъ растворялись очертанія далекаго берега, и лощины темнѣли внизу сѣрыми складками. Солнце, багровое, словно утомленное отъ долгаго дневного пути, садилось въ

море, и волны становились темно-пурпуровыми, какъ вино. Нѣжнѣйшія краски загорались на небѣ, переливались одна въ другую, какъ тихая мелодія. На бѣлыхъ одеждахъ Афайи ложились алыя тѣни, и вокругъ ея темныхъ волосъ зажигалось золотое сіяніе. Во всей ея фигурѣ, наклоненной впередъ, было видно какое-то скрытое, могучее стремленіе, властное и неудержимое, точно эта дѣвушка была влюблена въ солнце, въ его погасающую силу и красоту.

«Тутъ какая-то тайна», думалъ старый жрецъ и внимательно издали слѣдилъ за Афайей.

Уже годъ была Афайя жрицей въ храмѣ Діониса, и время, казалось, нисколько не измѣнило ея, оставило нетронутымъ ея существованіе. Близился праздникъ освященія храма, который хотѣли справить съ особой пышностью, такъ какъ всѣ дѣла общины удались, была обильная жатва винограда, хорошій уловъ рыбы и благополучны всѣ даже наиболѣе смѣлые набѣги на сосѣдей. Въ храмѣ шла оживленная радостная работа; заботливо готовились къ празднику. Изъ города приходили дѣвушки изъ самыхъ знатныхъ семействъ, чтобы помочь при уборкѣ старому жрецу и Афайѣ.

На площадкѣ передъ храмомъ слышался веселый гомонъ. Дѣвушки перекликались другъ съ другомъ, оживленно сновали туда и сюда, беззаботно смѣялись. Обычная тишина и строгость была нарушена и замѣнилась свободнымъ и невиннымъ проявленіемъ дѣвичьихъ игръ.

Афайя работала вмѣстѣ съ дѣвушками и, сидя среди нихъ, слушала ихъ звонкія пѣсни, внимала ихъ безпечной болтовнѣ и частымъ безпричиннымъ радостнымъ взрывамъ смѣха. Дѣвушки плели вѣнки изъ темной зелени и розъ, которыя они принесли изъ долинъ въ корзинахъ. Повсюду были кучи смоченныхъ водой цвѣтовъ; они покрывали мраморный полъ портика, въ тѣни котораго сидѣли дѣвушки. И храмъ преобразился, сталъ похожимъ на радостный садъ, на счастливый островъ, котораго не касаются заботы и скорбь міра. Все было радостно и красиво: и сами дѣвушки, ихъ пѣсни и игры, и вершины близкихъ горъ, и ясное безоблачное небо. Даже суровый жрецъ улыбался, глядя на изобиліе невиннаго веселья. Задумчивая красота Афайи была какъ низкій аккомпанементъ играющей, свободно-развивающейся мелодіи.

Насталъ канунъ праздника. Тяжелыя гирлянды темной зелени и вѣнки изъ яркихъ, слегка блекнущихъ розъ украшали храмъ. Все блестѣло, какъ новое. Работа была исполнена, и жрецъ въ послѣдній разъ осматривалъ внимательнымъ взглядомъ весь храмъ: завтра—

праздникъ, отовсюду соберется много народа, чувствовалась близость чего-то очень важнаго и интереснаго.

Дѣвушки ушли веселой толпой въ городъ, чтобы завтра въ праздничныхъ одеждахъ вмѣстѣ со своими семьями вернуться сюда и принять участіе въ жертвоприношеніяхъ и ночныхъ играхъ. Ихъ звонкая пѣсня еще доносилась изъ долины, постепенно слабѣя. Близился вечеръ. Лощины дымились въ сыромъ туманѣ, тамъ, внизу, уже легли сѣрыя тѣни. Вершины близкихъ горъ были окружены сіяніемъ заходящаго солнца. Краски на небѣ и на далекомъ фіолетовомъ морѣ сливались въ одинъ упоительно-нѣжный длящійся аккордъ. Было полное безвѣтріе. Воздухъ, казалось, застылъ. Темные кипарисы стояли неподвижно, какъ траурныя свѣчи.

Когда старый жрецъ вышелъ изъ храма, онъ увидѣлъ Афайю на скамьѣ около ограды. Она сидѣла согнувшись и руками закрыла лицо. Вся ея поза, изгибъ тѣла, складки платья выражали жгучее страданье, слѣпую, безмолвную тоску. Жрецъ испугался. Такой онъ еще не видалъ никогда Афайю. Онъ медленно подошелъ къ ней. Она его не замѣчала. Жрецъ видѣлъ, что она тихо плачетъ. Онъ коснулся ея плеча:

— Афайя, о чемъ ты?

Та не откликнулась.

— Афайя, о чемъ ты, что съ тобой?—онъ пытался развести ей руки.

Афайя отвертывалась отъ него. Легкій стонъ вырвался изъ ея губъ:

— Не знаю, не знаю,—сказала она. Голосъ ея былъ глубокій и пѣвучій, въ немъ слышалась слитность звуковъ флейтъ и тимпановъ.

Вдругъ она выпрямилась, стройная, прекрасная, закинула голову и схватилась руками за темные тяжелые волосы.

— Тяжко мнѣ, тяжко...

И она безпомощно, безсильно зарыдала, какъ ребенокъ. Все ея тѣло содрогалось отъ рыданій, она громко стонала, губы ея шевелились, словно пытались произнести какія-то слова.

Жрецъ пытался ее успокоить. Но его усилія были напрасны. Рыданія усиливались; не было уже силъ сопротивляться властному приливу тоски. Тѣло Афайи изгибалось отъ внутренней живой боли. Ея прекрасное лицо было искажено. Изъ закушенныхъ губъ вырывались заглушенные, смутные стоны. Афайя совсѣмъ обезсилила. Она тяжело опиралась на жреца, казалось, была близка къ безпамятству.

«Что съ ней?—думалъ старый жрецъ,—должно быть, демоны терзаютъ ея душу».

Онъ увелъ ее въ комнату, уложилъ на постель, опрыскалъ водой и медленно и долго гладилъ ея холодныя руки.

Черезъ нѣкоторое время Афайя стала спокойнѣе. Большими, черными, наполненными слезами глазами она неподвижно глядѣла въ пространство. Время отъ времени все ея тѣло вздрагивало, колеблемое послѣдними приступами возвращающихся рыданій. Она дышала медленно и тяжело...

Стоя надъ ней, старый жрецъ шепталъ молитвы и мудрыя заклинанія. Онъ былъ взволнованъ происшедшимъ.

«Дурное предзнаменованіе», думалъ онъ.

Афайя затихла. Она лежала съ закрытыми глазами, всѣ ея черты были странно-неподвижны.

Старый жрецъ взялъ лиру и сталъ тихимъ старческимъ голосомъ пѣть гимнъ Аполлону. Однообразно-повторная медленная мелодія баюкала, какъ колыбельная пѣсня. Голосу вторили металлическимъ звономъ струны, гасили сознаніе боли и усталости, клонили ко сну. Повторная мелодія овладѣвала уступающимъ вниманіемъ, нѣжно качала душу, какъ въ люлькѣ младенца.

Въ комнатѣ погасалъ отсвѣтъ заката. Афайя лежала совершенно неподвижно съ закрытыми глазами. Длительно звучала однообразная пѣсня жреца подъ чуть слышный аккомпанементъ металлическихъ струнъ:

Родъ людской, неустанно мятежный,
Пребываетъ въ грѣхахъ и страстяхъ;
Онъ, какъ путникъ въ пустынѣ безбрежной,
Легкій челнъ на скользящихъ волнахъ.
Отовсюду намъ страшныя бѣды,
Давитъ бремя насъ вѣчныхъ оковъ...
Богъ ликующій свѣтлой побѣды,
Помоги намъ отъ тяжкихъ трудовъ!
Вѣчно радостный, вѣчно блаженный,
Выше скорби, заботъ и тревогъ,
Ты царишь, навсегда неизмѣнный,
Свѣтлый Богъ!

Старый жрецъ всталъ и наклонился надъ Афайей. Она спала. Дыханіе было ровное и спокойное. И какъ годъ тому назадъ, жрецъ съ тайнымъ, непонятнымъ страхомъ увидалъ ея лицо, черезмѣрно-прекрасное, завершенную гармонію всѣхъ чертъ, величавыхъ и строгихъ, какъ у изваяній богинь. И сквозь эту загадочную поражающую красоту выступала скрытая, глубоко-затаенная тоска, вѣчно-длящаяся скорбь.

Видя, что Афайя спитъ, жрецъ всталъ и вышелъ.

III.

Была ночь. Свѣтлый куполъ неба медленно вращался вокругъ своей оси. Рѣдкія звѣзды слабо теплились вверху, какъ одиноко зажженныя, молчаливыя лампады. Полная желтая луна разливала свой однообразный пепельный свѣтъ на поросшіе лѣсомъ склоны горъ и далекое море. Ущелья темными пятнами означались внизу. Храмъ, весь бѣлый въ лунномъ свѣтѣ, строгій и отчужденный, казалось, таилъ въ себѣ нѣчто важное, торжественное. Черные кипарисы стояли неподвижно; было тихо и пусто. Только изъ долинъ неслось неумолчное пѣніе цикадъ. Молчаливо-длящаяся ночь, казалось, исполняла чей-то непреложный законъ, полный скрытаго значенія.

Близился часъ вѣщихъ сновъ. Афайя проснулась. Она широко раскрыла свои глубокіе черные глаза, быстро, почти пугливо оглянулась кругомъ. Въ комнатѣ было темно, на полу неподвижно лежала полоса луннаго свѣта.

Афайя встала со своего ложа. Медленными, торжественными шагами, точно влекомая чьимъ-то властнымъ словомъ, словно исполняя службу, она вышла изъ своей комнаты и пошла въ храмъ. Отчетливо яркій свѣтъ мѣсяца заигралъ холодными лучами на золотѣ запястій. Воздушная тѣнь легла у ея ногъ. Храмъ стоялъ передъ ней торжественный и строгій. Колонны изъ бѣлаго мрамора слабо искрились въ лунномъ свѣтѣ.

Афайя вошла въ храмъ. Она упала на колѣни передъ пустымъ роскошнымъ тропомъ, закрыла лицо руками и заплакала. Заплакала искренними слезами, которыя одолѣваютъ скорбь, даютъ утѣшеніе. Можетъ быть, въ первый разъ она молилась богу, которому служила, молилась за себя, а не за другихъ. И она испытывала утѣшеніе и радость молитвы: она забывала сознаніе времени и себя самой.

Вдругъ она услыхала надъ собой чей-то голосъ:

— Афайя, о чемъ ты плачешь?

Голосъ былъ молодой, привыкшій повелѣвать... Афайя вскинула голову. На роскошномъ тронѣ, дотолѣ пустомъ, сидѣлъ юный Богъ и глядѣлъ на нее ласковыми глазами.

Афайя вздрогнула. Въ свѣтломъ сумракѣ засвѣтились ея темные глаза. Казалось, что-то давно дремавшее пробудилось, обнаружилось тамъ, за этими глазами.

— Афайя, о чемъ ты плачешь?—повторилъ богъ.

Брови Афайи слегка дрогнули, словно этотъ голосъ вырвалъ ее изъ какихъ-то думъ, которымъ она сполна отдалась.

— О чемъ я плачу?—медленно повторила она.—Какъ же мнѣ

не плакать? Я не имѣю родныхъ, я не знаю ни матери, ни отца, нѣтъ у меня милыхъ братьевъ и сестеръ; ничего у меня нѣтъ. Одна я, совсѣмъ одна. Живу и не знаю, зачѣмъ. Ничто не связываетъ меня съ жизнью. У меня никого нѣтъ...

Она замолкла, лицо ея выражало страданіе; она хотѣла что-то высказать наболѣвшее, острое, мучительное; у нея нехватало словъ.

— Дѣвушки пришли въ храмъ помогать намъ для твоего праздника. Онѣ смѣялись, онѣ пѣли; имъ было весело; у нихъ есть все. Онѣ вернутся къ своимъ, домой; у нихъ есть счастье и радость. У меня нѣтъ ничего. Я одна. Я тоже хочу счастья, я тоже хочу радости. Я хочу жить, какъ другія. Люди боятся меня. Они говорятъ, что я слишкомъ красива. Я ихъ пугаю. Ты все можешь, ты—Богъ. Помоги мнѣ, избавь меня, спаси!

Она протягивала къ Богу свои обнаженныя, стройныя руки съ послѣдней просьбой.

— Тоска, тоска, тоска...

Голосъ ея звучалъ громче, пѣвучій и глубокій.

— Черная тоска всегда вездѣ окружаетъ меня. Моя душа словно погружена въ горькое вино. Я не знаю средствъ, цѣлебныхъ лѣкарствъ, вѣщихъ заклинаній противъ этой скорби, которая непрестанно жива въ моей груди. Я ношу ее всегда въ себѣ. Она гложетъ, давитъ мою душу, изсушаетъ мое сознаніе; нѣтъ больше силъ, я не хочу больше терпѣть. Довольно страданій, довольно напрасныхъ мукъ. За что, за что караютъ меня Боги? Что я совершила, чѣмъ преступила ихъ законъ. Неужели ихъ тѣшатъ страданія несчастной, жалкой дѣвушки, заброшенной въ чужую сторону... Помоги мнѣ!

Богъ молчалъ; черты его лица были неподвижны и строги. Казалось, его покой не могли нарушить мольбы молодой жрицы. Губы Афайи что-то шептали. Она говорила прерывистыя слова.

— Я не знаю, я не помню, ничего не помню. Все смѣшалось, все спуталось въ моей памяти. Прошлаго нѣтъ для меня. Одно я помню, какъ во снѣ. Была ночь. Узкій серпъ мѣсяца всталъ надъ лощиной среди горъ. Я стояла въ долинѣ. Вокругъ меня былъ словно разграбленный лагерь, валялись пышныя, разорванныя одежды, золотыя чаши, кѣмъ-то брошенныя, и вокругъ лежали люди въ безобразныхъ изгибахъ тѣлъ, голые, кто навзничь, кто скрюченный, словно отъ боли въ темныхъ лужахъ. Была ли это кровь или вино? Были эти люди мертвы, или спали тяжелымъ, удрученнымъ сномъ? Я не знаю. Тамъ, въ этой долинѣ, стояла я, и передо мной былъ прекрасный юноша съ темными кудрями. Его бѣлое тѣло свѣтилось мнѣ на-

встрѣчу сквозь ночную мглу. Онъ смотрѣлъ на меня. Его губы улыбались. Казалось, онъ былъ счастливъ...

Она была, какъ въ экстазѣ: она стояла, выпрямившись, среди храма съ закинутой головой; губы ея были открыты, и въ глазахъ горѣлъ огонь желанія. Властно, почти надменно, она протянула руку къ Богу.

— Онъ былъ, какъ ты, прекрасный Богъ!

— Афайя! такъ не говорятъ съ Богомъ,—сказалъ строго Богъ.

— Я не могу иначе, прости меня.

Богъ посмотрѣлъ на Афайю.

— Ты... очень страдаешь?

— Очень,—отвѣтила дѣвушка.

Богъ молчалъ.

— Ты правильно помнишь,—сказалъ онъ, наконецъ.—Это было такъ, какъ ты говоришь, ровно годъ тому назадъ во Фракіи. Мнѣ были принесены обильныя жертвы. Въ ночныхъ играхъ прославляли меня по горнымъ рощамъ. Неистовство овладѣло моими служителями. Женщины сбрасывали съ себя одежды и терзали груди ногтями. Дѣвушки отдавались самымъ пылкимъ ласкамъ разгоряченныхъ виномъ и плясками мужчинъ. Факелы мелькающими огнями освѣщали долину, гдѣ раздавались голоса флейтъ и тимпановъ, топотъ быстрыхъ ногъ и пѣсни, пропѣтыя голосами почти озвѣрѣвшихъ людей. Всѣ страсти, всѣ давно дремавшія похоти проснулись, всплыли на поверхность сознанія людей. Не было закона, не было мѣры. Все сливалось въ первобытный хаосъ и ночь. Вино будило сладострастіе, и сладострастіе—новую жажду.

Среди безумія и предѣльныхъ восторговъ моихъ служителей пребывалъ я. Я пребывалъ среди нихъ, переживалъ себя въ ихъ изнуряющихъ играхъ. Въ каждомъ чрезмѣрно-смѣломъ изгибѣ тѣла терзаемой внутреннимъ страданіемъ безумной менады, изживалъ я мою скорбь, расточалъ мою наростающую, никогда неизсякающую силу. И въ безуміи и неистовствѣ, въ дикихъ пляскахъ и пѣснях моихъ служителей я находилъ мое успокоеніе, мой отдыхъ отъ моихъ страданій, отъ муки моего изобилія.

Наконецъ, люди были исчерпаны. Они валялись въ лужахъ вина и крови заколотыхъ жертвъ, обезсиленные, тамъ, гдѣ каждаго изъ нихъ застигъ свинцовый сонъ. Я одинъ бодрствовалъ, вокругъ меня лежали, какъ трупы, тѣла опьяненныхъ людей.

Ночь наклонилась надо мной, золотой серпъ мѣсяца выгнулся надъ безмолвной долиной. И во мнѣ наростала, ко мнѣ приближалась, какъ растущій приливъ, моя тоска, мое страданіе, мука моего

изобилія, моего богатства, неизсякающей силы. Я не могъ въ безумной вакханаліи пережить, обезсилить себя, какъ слабые мои служители. Я очень страдалъ тогда, Афайя.

Мнѣ тягостно было сознаніе жизни, сознаніе самого себя. Я долженъ былъ найти забвеніе въ чемъ-нибудь другомъ, потерять себя въ созерцаніи чуждаго бытія. Въ печальныя минуты предѣльныхъ страданій я создалъ тебя, Афайя! Мнѣ необходимо было творить, что-нибудь сдѣлать, дать исходъ моему стремленію, сложить бремя неисчерпанныхъ силъ. Какъ тяжелыя облака, несущія въ себѣ обильный оплодотворяющій дождь, лѣпились неопредѣлившіеся образы, въ нихъ я чувствовалъ смутно завершеніе красоты. Я задумалъ нѣчто чрезмѣрно-прекрасное, капризно-роскошное. Все мое существо было направлено къ единой цѣли, исполнено одного стремленія, одного желанія. Я находилъ снова мое счастіе, мою радость, освобожденіе отъ страданій.

Афайя, ты носишь въ себѣ мои страданія, ты никогда не освободишься отъ нихъ. Нѣтъ лѣкарствъ, нѣтъ такихъ заклинаній! Въ твоей груди моя скорбь, моя тоска.

Ты стояла передо мной, Афайя, впервые призванная къ жизни, прекрасная мечта страдающаго Бога. Я смотрѣлъ на тебя, какъ люди смотрятъ на звѣздное небо, какъ дѣти на любопытную игрушку. Въ этотъ мигъ ты взяла отъ меня мое изобиліе, чрезмѣрность моего бытія. Освобожденный отъ меня самого, я смотрѣлъ на тебя радостными глазами.

Богъ замолчалъ, и въ храмѣ настала тишина. Въ свѣтломъ сумеркѣ жрица стояла неподвижно, высокая, стройная, надменно прекрасная. Казалось, мимо нея скользили слова Бога.

— Поистинѣ, зло творите вы, Боги, — сказала Афайя.—Люди для васъ, какъ игрушка, и страданія ихъ для васъ—утѣха. Неужели ты, когда создавалъ меня, не зналъ, не подумалъ о томъ, каково мнѣ будетъ носить въ себѣ твое горе, твою скорбь? Ты, щедрый, зачѣмъ ты отдалъ мнѣ то, что отягощало тебя? Развѣ тебѣ отъ этого стало легче?

Но я не стану тебя упрекать. Что значатъ упреки Богамъ? О, я благодарю тебя за то, что ты создалъ меня въ ночь угасшихъ ликованій въ честь тебя, мой Богъ. Я благодарю тебя за то, что ты далъ мнѣ нести твое бремя, твои скорби; они слаще для меня самыхъ сладкихъ винъ. Я благодарю тебя за то, что ты милостиво бережешь тотъ храмъ, гдѣ я служу тебѣ, мой Богъ.

Ея голосъ повышался, и въ немъ ярче чувствовалась слитность

звуковъ; казалось, гдѣ-то вдали пѣло два хора подъ аккомпанементъ флейтъ и тимпановъ.

— Если когда-нибудь мои жертвы были угодны тебѣ, если когда-нибудь фиміамъ моихъ алтарей ласкалъ твои чувства, то будь же милостивъ ко мнѣ въ послѣдній разъ. Я прошу тебя, я молю тебя, какъ никогда не молила тебя за другихъ, а ты исполнялъ мои просьбы тогда: дай мнѣ любви, прекрасный Богъ. Ты, который создалъ въ радостномъ творчествѣ и небо, и землю, и меня, ты, щедрый и богатый, ты, страдающій отъ своего изобилія,—дай мнѣ себя, прекрасный богъ.

— О, я знаю, мнѣ говорятъ это всѣ, даже ты, даже ты—я прекрасна. Моя красота, словно преступленіе противъ законовъ божественныхъ и человѣческихъ. Въ ней есть что-то властное и надменное, какъ въ тебѣ самомъ. Нынѣ я даю тебѣ мою красоту, которую ты самъ создалъ, нынѣ я приношу тебѣ мое тѣло,—самую прекрасную жертву, которую я когда-либо приносила. Дай мнѣ любви, прекрасный Богъ.

Она властно, почти повелительно протягивала свою руку къ Богу, словно требовала того, что принадлежало ей по праву.

— Страшнаго ты требуешь, Афайя,—воскликнулъ богъ.—Моя любовь принесетъ тебѣ смерть. Смертныя дѣвушки не могутъ любить Боговъ. Я убью тебя, я сожгу тебя! Опомнись, Афайя! Проси у меня всего, чего хочешь, но не любви; проси у меня власти, богатства. О, если-бъ ты знала! Моя мать, моя несчастная мать! Объятія Зевса ее превратили въ пепелъ, когда она ему взглянула въ глаза. Я убью тебя моими глазами, Афайя.

— О, дай мнѣ смерти, прекрасный богъ. На что мнѣ жизнь? Развѣ я счастлива? Развѣ я буду счастлива, если на рукахъ моихъ будутъ драгоцѣнныя запястья, если самоцвѣтные камни будутъ украшать пальцы моихъ ногъ; развѣ тѣло мое станетъ лучше отъ египетскихъ притираній. О, я чувствую уже, какъ огонь пробѣгаетъ по моимъ членамъ, какъ обжигаютъ меня твои губы, твои взгляды... Дай мнѣ любви, прекрасный Богъ!

— Ты не должна умирать, Афайя. Что значитъ твоя боль, твоя мука въ сравненіи съ тѣми, которыя я всегда ношу въ себѣ. Гдѣ тотъ міръ, въ которомъ я могъ бы забыться, гдѣ тѣ неистовыя пляски, объятія и безумства, въ которыхъ я могу изжить себя. Все всегда возвращаетъ меня къ себѣ, все приходитъ ко мнѣ снова и снова, и я долженъ брать, впитывать въ себя, что я отринулъ. Я хотѣлъ бы разорвать мое тѣло и разбросать разрозненные члены по всѣмъ концамъ земли; я хотѣлъ бы потонуть въ самыхъ глубокихъ моряхъ;

я хотѣлъ бы растворить себя въ бытіи. Я хотѣлъ бы забыться въ чужой жизни, въ чужомъ я. Отъ Индіи до Геркулесовыхъ столбовъ мое владычество, мое царство. Всѣ народы служатъ мнѣ... На что мнѣ это все? Гдѣ моя ночь, гдѣ мой холодъ, гдѣ мое ничто, Афайя?

— Когда тебя я сотворилъ, и ты стояла передо мной, впервые призванная къ жизни, надменно-прекрасная, я смотрѣлъ на тебя, какъ люди смотрятъ на звѣзды, мнѣ было хорошо; какъ дѣтскій садъ, цвѣлъ міръ, и звѣзды были, какъ далекіе факелы на праздникѣ примиренія. Афайя, ты исцѣляла мою душу, мою тоску, ты брала отъ меня мой избытокъ, мое богатство, въ тебѣ я забывалъ мое я. Ты не должна умирать, Афайя!

Афайя исподлобья взглянула на Бога.

— Ты меня любишь?

— Да, люблю,—отвѣтилъ богъ.

И они замолкли; въ храмѣ было тихо, неподвижно, пусто, мертво.

— Хорошо, я буду жить,—сказала Афайя, какъ будто что-то рѣшивъ окончательно.

Она стояла, какъ призракъ, въ пустомъ храмѣ, съ опущенными вѣками, съ потупленнымъ взглядомъ. Ея руки сжались, какъ будто что-то хватали.

— Хорошо, я буду жить.

Богъ глядѣлъ на нее задумчиво, печально и потомъ поднялся со своего роскошнаго трона изъ золота и слоновой кости и медленно сталъ спускаться по мраморнымъ ступенямъ. Обращаясь къ жрицѣ, онъ сказалъ властно и громко:

— Богъ идетъ къ тебѣ.

А. Топорковъ.

ДУШИ ВОСТОКА.

Разсказы изъ японской жизни Лафкадіо Хэрнъ.

Уже болѣе двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ на Манчжурскихъ поляхъ все затихло, и поруганная, залитая кровью мать-земля укрыла въ нѣдрахъ своихъ безуміе своихъ дѣтей, но интересъ къ Востоку и преимущественно къ Японіи въ насъ не изсякъ. Все съ тѣмъ же недоумѣвающимъ уваженіемъ мы смотримъ *туда*, на этихъ маленькихъ «великихъ людей», перешагнувшихъ черезъ нѣсколько вѣковъ и внезапно принявшихъ культуру и цивилизацію XX столѣтія.

Съ ней, съ этой трагической для насъ страной органически слился Лафкадіо Хэрнъ. Онъ любилъ ее безсознательно, раньше, чѣмъ зналъ, будто въ этомъ англичанинѣ воплотилась душа древняго буддиста. Своеобразной прелестью вѣетъ отъ его произведеній, отъ этой поэзіи настроенія, красочной, многообразной, но оплетенной, какъ черною лентой, буддизмомъ, религіей смерти.

Онъ родился на одномъ изъ Іоническихъ острововъ, Лафкадіо, въ честь котораго ему дано было имя. Отецъ его былъ англійскимъ полковымъ врачомъ, мать—гречанкой. Въ туманной Англіи, куда они переселились нѣсколько лѣтъ спустя послѣ рожденія сына, молодая гречанка не ужилась и, оставивъ семью, вернулась въ лучезарную Грецію; а докторъ Хэрнъ, объявивъ бракъ недѣйствительнымъ, женился на другой. Семилѣтняго Лафкадіо взяла на воспитаніе старая, богомольная, богатая тетушка.

Внезапное крушеніе семейной жизни навсегда омрачило чуткую душу ребенка; на всю жизнь имъ овладѣла тревога, недовѣрчивость даже къ лучшимъ друзьямъ, жгучая жалость къ красавицѣ матери.

Рано выбросивъ за бортъ все, относящееся къ христіанской религіи, онъ въ іезуитскихъ школахъ беззастѣнчивымъ атеизмомъ ввергалъ въ священный ужасъ товарищей и наставниковъ.

Порвавъ съ покровительницей-тетушкой, онъ съ 16 до 19 лѣтъ скитается по Лондону потерянный, несчастный. Объ этомъ періодѣ его жизни мало извѣстно; извѣстно лишь то, что одно время онъ даже былъ слугою, что долго былъ боленъ и почти утратилъ зрѣніе: у него съ дѣтства былъ одинъ только глазъ, другой вышибъ товарищъ во время игры. Девятнадцати лѣтъ маленькій хрупкій Лафкадіо очутился въ Нью-Іоркѣ безъ друзей, безъ поддержки; непрактичный мечтатель, онъ непригоденъ къ борьбѣ за су-

ствованіе; ничто не удается; голодный, озябшій, усталый онъ сидитъ въ народной библіотекѣ, читая книжку за книжкой; спитъ гдѣ-то въ сараѣ; и такъ въ продолженіе 4-хъ лѣтъ. Наконецъ, въ Синсиннати онъ находитъ прочное мѣсто наборщика въ типографіи, гдѣ за точность въ знакахъ препинанія его называютъ «Old Semicolon».

Съ той поры онъ идетъ въ гору, дѣлается корректоромъ, репортеромъ, даже издателемъ крошечной воскресной газетки, просуществовавшей, впрочемъ, лишь девять недѣль.

Въ 1877 году тоска по южному солнцу повлекла его въ Новый Орлеанъ, гдѣ судьба улыбнулась ему. Всецѣло подъ вліяніемъ французскихъ романтиковъ, частью переведенныхъ имъ на англійскій языкъ, Хэрнъ писалъ фельетоны, восхищавшіе романское населеніе Орлеана. Опьяненный югомъ, онъ поетъ ему хвалебныя пѣсни, восхищается тропической растительностью опустѣвшихъ садовъ, руинами феодальныхъ замковъ, «гдѣ все пусто, мертво, молчаливо, гдѣ все—роскошь и разрушеніе». Онъ воспѣваетъ домъ, гдѣ живетъ совершенно одинъ среди привидѣній, не наводящихъ страха, потому что онъ чувствуетъ себя «похожимъ на нихъ».

Онъ сотрудничаетъ въ газетахъ, журналахъ, составляетъ креольскій словарь, изучаетъ испанскій языкъ и литературу всѣхъ странъ. Но, несмотря на лихорадочную дѣятельность, имъ иногда овладѣваетъ неясная тоска, «будто гдѣ-то далеко у меня есть друзья, которыхъ я покинулъ такъ давно, что даже именъ ихъ не помню», пишетъ онъ.

Но восторженное состояніе еще преобладаетъ; онъ счастливъ богатствомъ внутренней жизни своей, дивной природой вокругъ.

Но спустя четыре года Новый Орлеанъ внезапно и окончательно надоѣдаетъ ему; ему кажется, будто онъ «долго держалъ въ объятіяхъ дивную фею, и вдругъ она превратилась въ прахъ».

Опять наступаетъ тяжелое время: для серьезной литературной дѣятельности, которая влечетъ его, онъ, по его же словамъ, недостаточно образованъ; пополнить же образованіе не позволяетъ все ухудшающееся зрѣніе. «Міръ фантазіи—единственный, доступный мнѣ», пишетъ онъ. Лѣтомъ 1887 года онъ ѣдетъ на островъ Мартиникъ, гдѣ тропическія чары снова имъ овладѣваютъ и гдѣ онъ собираетъ матеріалъ для своей книги о Вестъ-Индіи.

Въ 1890 году по порученію нью-йоркскаго издателя онъ въ качествѣ корреспондента ѣдетъ въ Японію. Но черезъ годъ, обезсилѣвъ отъ тяжкихъ матеріальныхъ и нравственныхъ условій, онъ порываетъ съ издателемъ и беретъ мѣсто учителя англійскаго языка въ Матсуэ. Новая дѣятельность его воодушевляетъ, а древне-японскій духъ въ Матсуэ приводитъ его въ восторгъ. Въ буддійскихъ храмахъ, на старыхъ кладбищахъ сидитъ онъ часами въ бесѣдѣ съ жрецами; вслѣдъ за паломниками идетъ поклоняться буддійскимъ святынямъ; по вечерамъ въ полутьмѣ слушаетъ туземныя сказки. Литературная работа однако въ застоѣ; ему кажется, что тихая атмосфера Матсуэ парализуетъ мысль, вдохновеніе, душу. «Напишу ли я

когда-нибудь хорошую книгу о Японіи, это вопросъ», пишетъ онъ другу «Во всякомъ случаѣ лишь послѣ многолѣтней сухой работы безъ проблеска духа. Вы говорите о моемъ «огненномъ перѣ»; это очень любезно, но «огня» въ немъ ужъ нѣтъ; его здѣсь не нужно. Все здѣсь мягко, мечтательно, тихо, слабо, мило, блѣдно, призрачно, благоуханно, туманно»...

Черезъ нѣкоторое время его переводятъ въ Кумамото, въ «современнѣйшій городъ». Всѣ его сослуживцы, за исключеніемъ одного стараго китайца, говорятъ по-англійски. Хэрнъ ихъ избѣгаетъ. Во время обѣденной паузы онъ ищетъ одиночества на холмѣ за школой, на старомъ кладбищѣ, гдѣ покоятся предки.

«Между могильныхъ камней,—пишетъ онъ,—я смотрю на огромныя, модныя зданія, на суетливую жизнь вокругъ нихъ. Но я никогда не одинъ: Будда рядомъ со мной сидитъ; изъ-подъ полуопущенныхъ каменныхъ вѣкъ смотритъ онъ внизъ. Носъ и руки мхомъ поросли и спина его тоже. «Учитель,—говорю я ему,—что думаешь ты обо всемъ, что тамъ творится внизу? Вѣдь все суета? Ни вѣры тамъ нѣтъ, ни догмата, ни мыслей о прошломъ или о будущемъ,—нѣтъ, только химія, стереометрія, тригонометрія и трижды проклятый англійскій языкъ...» Будда молчитъ и смотритъ съ грустной улыбкой на каменномъ ликѣ,—будто его оскорбили, и онъ не въ силахъ отвѣтить. Эта улыбка—самая патетическая изъ всѣхъ».

Оскорбленіе, живущее въ душѣ Хэрна и приписываемое имъ Буддѣ, не что иное, какъ постепенное торжество новой Японіи надъ древней. Онъ сознаетъ неизбѣжность его, но не хочетъ съ нимъ помириться. Другу своему, Базиль Халль Чемберлену, онъ пишетъ: «Я никогда не чувствовалъ такъ безнадежно, что древняя Японія безвозвратно скончалась, что юная становится такъ некрасива».

Но стоитъ уродливой слѣпой уличной пѣвицѣ сладкимъ голосомъ пропѣть у его двери балладу,—и онъ опять во власти старой, первой любви къ Японіи. Онъ горячо надѣется, что въ странѣ снова воскреснетъ восточная душа. «Она никогда не приметъ христіанства! Нѣтъ!—восклицаетъ онъ.—Да объединится Востокъ въ борьбѣ съ жестокой западной цивилизаціей!» Еще болѣе чувствуетъ онъ угасаніе древней Японіи, когда въ 1896 году его переводятъ въ Токіо, въ «этотъ міръ интригъ, отнимающій послѣднюю надежду на великую будущность Японіи». «Университетъ въ Токіо,—пишетъ онъ дальше,—это—маска для ослѣпленія Запада; студенты плохо подготовлены, слушаютъ философію на нѣмецкомъ языкѣ и Мильтона на англійскомъ, не имѣя понятія объ этихъ языкахъ; а съ профессорами они дѣлаютъ, что хотятъ; мы—въ повиновеніи у нихъ».

Близкій, родной его сердцу, древне-японскій духъ воскресаетъ въ семьѣ Лафкадіо Хэрна, гдѣ все такъ, «какъ было 1000 лѣтъ тому назадъ». Въ 1891 году онъ женился на молодой японкѣ дворянскаго рода. Боясь повторенія драмы, пережитой его матерью, онъ лишаетъ себя права гражданства и официально входитъ въ семью и касту жены. Бракъ совершается по буддійскимъ обрядамъ. Тѣмъ пресѣкается даже мысль о возвращеніи на Западъ.

«Переселеніе этой маленькой женщины въ чужую страну было бы для нея большимъ несчастіемъ,—пишетъ онъ.—Ни ласка, ни комфортъ не замѣнятъ ей *ея* атмосферы, въ которой всѣ мысли и чувства такъ далеки отъ нашихъ». Въ домѣ Лафкадіо Хэрна сидятъ, ѣдятъ, говорятъ, читаютъ и спятъ на полу, устланномъ циновками, по которымъ безшумно прохаживаются босикомъ или въ чулкахъ. На ночь приносятъ тяжелые матрацы, утромъ ихъ складываютъ и уносятъ. Въ комнатѣ нѣтъ мебели, кромѣ цвѣточной вазы въ углу, курильнаго прибора да разложенныхъ всюду подушекъ; на стѣнахъ—картины, писанныя по шелку. Дома Хэрнъ облекается въ національный костюмъ; на улицѣ же или въ университетѣ онъ одѣтъ по-европейски, считая свой необычайно большой орлиный носъ не стильнымъ для японской одежды; почти годъ онъ питается японскими кушаніями, по-вегетаріански, потомъ снова набрасывается на мясо и пиво. Рожденіе сына въ 1893 году—великое радостное событіе для Хэрна, событіе, мѣняющее и міросозерцаніе его во многихъ отношеніяхъ: послѣ рожденія ребенка атеистъ Хэрнъ приноситъ Богу благодарственную молитву и вообще подвергаетъ пересмотру свое прежнее отрицаніе христіанства; задумываясь надъ воспитаніемъ мальчика, онъ приходитъ къ такому заключенію: «Я начинаю думать, что много въ католически-религіозномъ воспитаніи, что я считалъ дурнымъ и жестокимъ, основано на тонкомъ наблюденіи и всестороннемъ опытѣ; я понялъ многое, и то, что раньше считалъ суевѣріемъ, я теперь признаю безусловной мудростью».

Въ послѣдніе годы жизни разыгрывается въ душѣ Хэрна тяжелая драма: чѣмъ больше онъ проникаетъ въ глубь японской души, чѣмъ больше онъ ее любитъ, тѣмъ болѣе чувствуетъ онъ себя чуждымъ ей.

Книги о Японіи создали ему уже имя въ Европѣ *), а онъ къ концу своей жизни пишетъ съ тоской: «Я изучилъ Японію настолько, чтобы убѣдиться, что я совершенно не знаю ея».

На-ряду съ разочарованіемъ въ себѣ въ знаніи страны, такъ много любимой, въ талантѣ своемъ, въ немъ растетъ жгучая тоска по Западу. Онъ въ этомъ не хочетъ сознаться, онъ ищетъ предлога, ему кажется, что хорошо было бы помѣстить сына своего, Кацуо, въ англійскую школу. Онъ снова завязываетъ сношенія съ Америкой и Англіей; лондонскій и оксфордскій университеты приглашаютъ его. Но ему не суждено покинуть Токіо: силы слабѣютъ. 13 (26) сентября 1904 года онъ умираетъ. Похороненъ онъ по буддійскимъ обрядамъ на древне-буддійскомъ кладбищѣ. Какъ символъ освобожденной души, на могилѣ его выпускаютъ птичекъ изъ клѣтокъ.

С. Лорie.

---

*) Главныя сочиненія Лафкадіо Хэрна: „Kokoro“ (1 томъ). „Glimpses of unfamiliar Japan“ („Мимолетныя картинки изъ незнакомой Японіи. 2 тома). „Out of the East“ („Съ Востока“. 1 томъ). „Gleanings in Buddha fields“ („Колосья съ полей Будды“. 1 томъ).

Гуго фонъ Гофманстaль о Лафкадіо Хернѣ подъ впечатлѣніемъ извѣстія о его смерти осенью 1904 года.

Меня позвали къ телефону, чтобы сообщить, что умеръ Лафкадіо Хёрнъ. Умеръ въ Токіо,—вчера, а можетъ быть нынѣшней ночью, или нынѣшнимъ утромъ: телеграфная проволока быстро разноситъ вѣсти, и сегодня къ вечеру въ Германіи объ этомъ узнаютъ нѣсколько десятковъ, а далѣе на западѣ нѣсколько сотенъ, а еще далѣе нѣсколько тысячъ людей, узнаютъ о томъ, что умеръ ихъ другъ, которому они такъ многимъ обязаны, но котораго они никогда не видѣли.—Никогда его не видѣлъ и я, и никогда не увижу, и никогда не попадетъ въ его теперь окоченѣвшія руки письмо, которое я такъ часто собирался написать ему...

Японія потеряла своего пріемнаго сына. Тысячи сыновъ она теперь теряетъ ежедневно: трупы ихъ нагромождаются другъ на друга, они запружаютъ рѣки, они лежатъ на днѣ морскомъ, съ остановившимися мертвыми глазами... Десятки тысячъ семействъ гордо, безмолвно и благочестиво, безъ громкихъ словъ и рыданій ежедневно приготовляютъ своимъ умершимъ маленькую трапезу, зажигаютъ тихій, ласковый огонекъ... И вотъ умеръ чужой, пришлецъ, такъ глубоко и много любившій Японію,—быть можетъ, единственный европеецъ, знавшій страну эту въ совершенствѣ и привязанный къ ней всѣмъ сердцемъ. Онъ любилъ ее не любовью эстета и не любовью ученаго, а любовью сильнѣйшей, всеобъемлющей, рѣдкой,—любовью, которая живетъ внутренней жизнью любимой страны.

Все разнообразіе внутреннихъ явленій проходило передъ нимъ и все было прекрасно, потому что во все онъ умѣлъ вдохнуть душу живую. Онъ зналъ древнюю Японію, продолжающую жить въ замкнутыхъ паркахъ, въ опустѣвшихъ дворцахъ великихъ вельможъ и въ далекихъ деревняхъ съ ихъ маленькими храмами; онъ зналъ и новую Японію, испещренную сѣтью желѣзныхъ дорогъ, трепещущую лихорадочной жизнью Запада; и одинокаго нищаго, странствующаго отъ одного Будды къ другому; и великое войско, юное, но преисполненное древней, классической отваги; для него одинаково важно было и игрушечное кладбище, построенное дѣтьми изъ липкой грязи и чурочекъ, и величавый промышленный городъ Осака, съ сотнями тысячъ людей, такъ же страстно и самоотверженно отдающихся торговлѣ, какъ другіе отдаются войнѣ,—Осака, гдѣ въ огромныхъ складахъ шелка, за нагроможденнымъ товаромъ по цѣлымъ мѣсяцамъ сидятъ на корточкахъ блѣднолицые приказчики, фанатики чувства долга, пр-

дающаго даже ихъ тривіальной жизни поэтическую, сказочную окраску.

И онъ внималъ и понималъ, что говорилось вокругъ него: въ его книгахъ слышатся и дѣтскій лепетъ, и старческія рѣчи; въ нихъ запечатлѣлись нѣжныя женскія слова, прозрачныя, какъ щебетанье птицъ,—слова любви и слова печали, которыя безъ него улетучились бы безслѣдно. Онъ записывалъ изреченія мудрецовъ и правителей древности на-ряду со словами ученыхъ современниковъ, ничѣмъ не отличающимися отъ рѣчей высокообразованнаго европейца, надъ которымъ тяготѣетъ все бремя вѣками унаслѣдованнаго знанія.

И вотъ Лафкадіо Хёрнъ умеръ, и никто ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ, никто изъ среды его многочисленныхъ незнакомыхъ друзей не отвѣтитъ ему, никто не поблагодаритъ за его многія письма... никто—никогда!...

I.

На станціи желѣзной дороги.

Вчера изъ Фукуоки по телеграфу пришла вѣсть о задержаніи тяжкаго преступника. Онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, и его ждали сегодня съ двѣнадцатичасовымъ поѣздомъ въ Кумамото.

Однажды ночью, четыре года назадъ, воръ забрался въ одинъ домъ, связалъ обитателей его и, похитивъ множество драгоцѣнностей, скрылся. Полиція быстро изловила его. Но по пути въ тюрьму ему удалось разорвать оковы, вырвать у полицейскаго мечъ, убить его и скрыться; все это было дѣломъ одного мгновенія. Съ тѣхъ поръ о немъ не было ни слуху, ни духу.

Но вотъ на прошлой недѣлѣ одинъ изъ полицейскихъ чиновниковъ случайно посѣтилъ тюрьму въ Фукуокѣ; въ каторжномъ отдѣленіи его внезапно поразило одно лицо,—лицо, четыре года назадъ неизгладимо запечатлѣвшееся въ его памяти.

— Кто этотъ человѣкъ?—спросилъ онъ.

— Воръ,—отвѣтили ему.—У насъ онъ зарегистрованъ подъ именемъ Кузабэ.

Чиновникъ подошелъ къ заключенному и сказалъ ему:

— Васъ зовутъ не Кузабэ! Номура Тейхи,—четыре года назадъ вы въ Кумамото совершили убійство!

Преступникъ сознался во всемъ.

Вслѣдъ за большой толпой народа и я отправился на вокзалъ, чтобы быть свидѣтелемъ его прибытія. Я ждалъ порывовъ гнѣва со стороны толпы, я боялся даже насилія. Убитый пользовался большой

любовью; въ толпѣ были, конечно, и родственники его,—а толпа въ Кумамото свирѣпа. Я ждалъ также большого наряда полиціи. Но ничего подобнаго не было.

Когда поѣздъ остановился, моимъ глазамъ представилась лишь обычная шумно-суетливая картина желѣзнодорожной сутолоки: нервная бѣготня путешественниковъ, спѣшащихъ, скрещивающихся и не замѣчающихъ другъ друга; крикъ маленькихъ торговцевъ, предлагающихъ газеты и лимонадъ. Намъ пришлось прождать около 5-ти минутъ за баррьеромъ. Но вотъ двое полицейскихъ протолкнули въ дверь преступника, коренастаго малаго; съ опущенной на грудь головой, со связанными на спинѣ руками, онъ остановился въ дверяхъ рядомъ съ караульнымъ. Тогда, чтобы лучше видѣть, толпа хлынула впередъ, напряженно, безмолвно. Вдругъ громкій, внятный голосъ полицейскаго прервалъ молчаніе:

— Сугихара-Сакъ! Сугихара-О-Киби! Тутъ ли она?

Стоявшая рядомъ со мною нѣжная маленькая женщина, съ ребенкомъ за спиной, отвѣтила: «Хай» и двинулась впередъ. Это была вдова убитаго, ребенокъ—его сынъ.

Полицейскій сдѣлалъ знакъ, и толпа разступилась; вокругъ преступника и его конвоя образовалось свободное мѣсто. Тамъ стояла вдова со своимъ мальчикомъ и смотрѣла убійцѣ прямо въ лицо. Полицейскій обратился не къ женщинѣ, онъ обратился къ ребенку, и говорилъ онъ тихо, но такъ внятно, что до меня долеталъ каждый звукъ.

«Дѣточка, смотри,—вотъ человѣкъ, который убилъ твоего отца. Тебя тогда еще не было на свѣтѣ; ты еще покоился во чревѣ матери. Этотъ человѣкъ виноватъ въ томъ, что ты не зналъ отеческой ласки. Взгляни на него,—полицейскій грубо схватилъ преступника за подбородокъ и заставилъ его поднять голову,—взгляни на него, мальчикъ, не бойся,—это долгъ твой, смотри на него».

Широко раскрытыми испуганными глазами смотрѣлъ мальчикъ изъ-за плеча матери; рыданье вырвалось изъ его груди, слезы ручьемъ хлынули изъ глазъ; но онъ послушно и пристально продолжалъ смотрѣть въ судорожно-подергивающееся лицо преступника.

Толпа безмолвствовала, затаивъ дыханье.

Я видѣлъ, какъ лицо преступника исказилось. И вдругъ, несмотря на оковы, онъ бросился на колѣни, ударился лицомъ о землю, и въ голосѣ его прозвучало такое страстное, такое жгучее отчаяніе, что всѣ сердца дрогнули и сжались:

— Прости меня, малютка, прости! Не по злобѣ я убилъ отца твоего,—страхъ, желаніе спастись заставили меня пойти на это

преступленіе. Страшный, страшный грѣхъ я совершилъ по отношенію къ тебѣ,—но я искупаю свой грѣхъ,—я иду на казнь,—я хочу умереть,—я охотно умираю,—но только, будь милосердъ, малютка, прости меня!

Ребенокъ все еще плакалъ.

Тюремщикъ поднялъ съ земли рыдавшаго преступника, толпа разступилась, чтобы дать имъ дорогу. А когда загорѣлый конвойный проходилъ мимо меня, я увидѣлъ то, чего еще никогда не видѣлъ, что немногіе видѣли въ своей жизни, чего я, вѣроятно, никогда больше не увижу,—я увидѣлъ слезы на глазахъ японскаго полицейскаго.

Толпа разсѣялась, а я остался одинъ въ глубокомъ размышленіи о нравственномъ смыслѣ только что разыгравшейся сцены.

Справедливость довела до сознанія виновнаго весь ужасъ преступленія, явивъ ему потрясающее зрѣлище послѣдствій его, и вызвала въ преступникѣ отчаяніе и раскаяніе, жаждущее смерти и прощенія. А народная толпа,—по природѣ свирѣпая, дикая, мстительная,—при видѣ этого раскаянія смягчилась и все поняла; видъ сокрушеннаго преступника преисполнилъ ее великой печалью, и она интуитивно почувствовала, какъ жизнь непосильно-тяжела и какъ слабъ человѣкъ.

Но характернѣе всего для Востока то, что въ преступникѣ было затронуто отеческое чувство, эта потенціальная любовь къ ребенку, такъ глубоко заложенная въ душѣ каждаго японца.

Разсказываютъ, будто извѣстный преступникъ, Исхикава Гоэмонъ, во время ночного нападенія такъ былъ очарованъ улыбкой ребенка, протягивавшаго къ нему ручонки, что совершенно забылъ о своемъ преступномъ намѣреніи и, заигравшись съ малюткой, пропустилъ удобный моментъ для выполненія своего плана.

Этотъ разсказъ очень правдоподобенъ. Полицейскіе анналы ежегодно приводятъ факты состраданія, жалости и трогательной заботливости профессіональныхъ преступниковъ по отношенію къ дѣтямъ.

II.

Законъ Кармы.

Наука увѣряетъ насъ, что страсть первой любви не есть проявленіе данной личности; что чувство, кажущееся намъ столь личнымъ, субъективнымъ, въ дѣйствительности вовсе не индивидуально.

Философія открыла эту истину еще задолго до науки и, пытаясь проникнуть въ мистерію страсти, она развивала заманчивѣйшія тео-

ріи, тогда какъ естествознаніе, касаясь этого вопроса, ограничивалось немногими гипотезами.

Разрѣшить эту проблему не удалось и метафизикамъ: то они учили, что видъ любимаго существа будитъ въ душѣ любящаго врожденное, доселѣ дремавшее предчувствіе божественнаго идеала; то предполагали, что любовную иллюзію вызываютъ души еще не рожденныя, но ищущія воплощенія. Но какъ естествознаніе, такъ и метафизика согласны въ томъ, что у самихъ любящихъ нѣтъ выбора, что оба безвольны и подвластны одному общему вліянію извнѣ.

Естествознаніе въ этомъ отношеніи особенно категорично: оно опредѣленно говоритъ, что вся отвѣтственность лежитъ не на живыхъ, а на умершихъ. По его теоріи первую любовь вызываетъ какое-либо воспоминаніе изъ царства духовъ и тѣней.

Правда, что въ противоположность буддизму,—наша современная психофизіологія не допускаетъ *индивидуальныхъ* воспоминаній изъ далекаго прошлаго нашихъ предыдущихъ жизней; но она признаетъ наслѣдіе гораздо болѣе властное, хотя и не поддающееся опредѣленію: сумму безчисленныхъ воспоминаній *изъ жизни нашихъ предковъ,* совокупность несчетнаго числа *ихъ* переживаній.

Такъ она объясняетъ и полную загадочность нашихъ ощущеній, противорѣчивость нашихъ побужденій, таинственность интуиціи,—всю кажущуюся несообразность притяженія и отталкиванія, всю безпричинность свѣтлыхъ и мрачныхъ настроеній, все, что необъяснимо индивидуальнымъ опытомъ.

Но къ болѣе основательному изученію первой любви наука еще не пришла, хотя связь между первой любовью и невидимымъ міромъ—самое загадочное изъ всѣхъ человѣческихъ ощущеній.

На Западѣ вопросъ этотъ ставится такъ: въ развитіи каждаго подрастающаго здороваго отрока наступаетъ атавистическій періодъ инстинктивнаго презрѣнія къ слабому полу, въ силу сознанія своего физическаго превосходства. Но именно въ пору, когда общество дѣвочекъ становится ему безразличнымъ, даже непріятнымъ,—юноша теряетъ нравственное равновѣсіе. На его жизненномъ перепутьѣ появляется дѣвушка, доселѣ не видѣнная и ничѣмъ особеннымъ не отличающаяся отъ другихъ; посторонніе не находятъ въ ней ничего чудеснаго. На него же она производитъ необычайное дѣйствіе: при видѣ ея, кровь единой могучей волной приливаетъ къ сердцу, и всѣ чувства его зачарованы.

Съ этого момента до истощенія любовнаго экстаза вся жизнь его принадлежитъ «ей», этому сверхъестественному существу, представшему предъ нимъ какъ откровеніе, о которомъ онъ знаетъ лишь то,

что даже солнечный лучъ, падая на «нее», сіяетъ ярче. И нѣтъ земныхъ силъ, способныхъ освободить его отъ этихъ чаръ. Но откуда онѣ, эти чары? Въ самомъ ли кумирѣ кроется непобѣдимая сила? Нѣтъ, психологія говоритъ, что «идолопоклонникъ» подвластенъ вліянію умершихъ. Мертвые совратили разумъ его. Отъ нихъ—внезапный трепетъ въ сердцѣ любящаго, искра, зажигающая все существо при первомъ прикосновеніи дѣвичьей руки.

Почему выборъ умершихъ въ данномъ случаѣ палъ именно на эту дѣвушку? Въ этомъ вопросѣ кроется глубочайшая тайна.

Взглядъ величайшаго нѣмецкаго пессимиста не совпадаетъ съ научной психологіей. По теоріи эволюціи выборъ этотъ основанъ скорѣе на воспоминаніи, чѣмъ на провидѣніи...

Допустима еще романтическая разгадка, что въ этой дѣвушкѣ призрачно сочетались всѣ черты тѣхъ многихъ женщинъ, которыя предкамъ нашимъ нѣкогда дарили счастье. Но возможно и то, что въ ней они нашли отблескъ тѣхъ чаръ, которыми плѣняли ихъ безнадежно любимыя ими женщины.

Если согласиться съ болѣе мрачнымъ рѣшеніемъ проблемы, то придется допустить, что страсть, много разъ умерщвленная и погребенная, все же не можетъ ни умереть, ни угаснуть. Души, тщетно добивавшіяся любви, только мнимо умираютъ; онѣ продолжаютъ жить цѣлыми поколѣніями въ ожиданіи, что жажда ихъ утолится. Ждутъ онѣ, быть можетъ, цѣлыми столѣтіями, пока черты любимаго существа не воплотятся снова,—ждутъ, вѣчно вплетая туманные образы своихъ воспоминаній въ грёзы юности. Отсюда тяготѣніе къ недосягаемому идеалу, отсюда неутолимая тревога души, вѣчно мечтающей о той женщинѣ, которой нѣтъ на землѣ...

На далекомъ Востокѣ думаютъ иначе, и предстоящій разсказъ мой поясниттъ буддійскій взглядъ на эту проблему.

На-дняхъ умеръ священникъ при очень исключительныхъ условіяхъ.

Онъ былъ жрецомъ въ древне-буддійскомъ храмѣ, въ деревнѣ близъ Осаки. Храмъ этотъ виденъ, когда ѣдешь по желѣзной дорогѣ Ёванъ-Зетзу въ Кіото.

Онъ былъ молодъ, вдумчивъ, уменъ и необычайно красивъ. Слишкомъ красивъ для жреца, какъ говорили женщины. Онъ былъ похожъ на одну изъ прекрасныхъ статуй Амида, на ваяніе великихъ буддійскихъ скульпторовъ древности. У мужчинъ онъ справедливо былъ за высоконравственнаго и ученаго человѣка. Женщины же мало думали о его учености и добродѣтели. Онъ обладалъ роковой

силой притяженія,—онъ дѣйствовалъ на нихъ помимо своей воли,—дѣйствовалъ какъ мужчина. Онѣ испытывали по отношенію къ нему далеко не святые восторги и своимъ обожаніемъ мѣшали его научнымъ занятіямъ и благочестивымъ размышленіямъ. Подъ разными предлогами онѣ во всякое время приходили въ храмъ,—только для того, чтобы увидѣть его на мгновеніе и сказать ему нѣсколько словъ. Долгъ заставлялъ его отвѣчать на ихъ вопросы и принимать ихъ благочестивыя приношенія. Иныя задавали ему нескромные вопросы, которые смущали его и заливали румянцемъ его щеки.

Слишкомъ мягкій по природѣ, онъ не сумѣлъ защитить себя броней неприступности.

Поэтому дерзкія горожанки говорили ему слова, которыхъ деревенская дѣвушка никогда не рѣшилась бы произнести,—слова, послѣ которыхъ онъ требовалъ удаленія дерзкихъ изъ храма.

Съ ужасомъ онъ отклонялъ отъ себя и застѣнчивую восторженность однѣхъ, и смѣлую назойливость другихъ; но искушенія росли, росли и стали безпрерывнымъ терзаніемъ и мукой его жизни.

Родителей у него не было; они давно умерли; земныя нити не привязывали его къ жизни, и онъ любилъ только свое призваніе и научныя занятія, связанныя съ нимъ. Онъ страшился суетныхъ и запретныхъ думъ. На свою необычайную красоту онъ смотрѣлъ какъ на несчастіе.

Ему неоднократно предлагали богатство подъ условіемъ, отъ котораго содрогалось все существо его. Дѣвушки бросались къ его ногамъ, напрасно моля о любви. Онъ безпрерывно получалъ любовныя письма, на которыя никогда не отвѣчалъ.

Иныя были написаны древнимъ, образнымъ слогомъ и говорили о «ложѣ любовной встрѣчи, непоколебимомъ какъ утесъ», и о «волнахъ, оживляющихъ тѣни лица», и о «потокахъ, разверзающихся, чтобы сомкнуться вновь...»

Другія были безъискусственны, безконечно-нѣжны, полны невиннаго паѳоса, перваго признанія дѣвичьей любви...

Долгое время письма эти оставляли его нетронутымъ и холоднымъ, какъ статуя Будды, воплощеніемъ котораго онъ казался. Но молодой жрецъ былъ не Буддой, а лишь слабымъ человѣкомъ, и положеніе его становилось невыносимымъ...

Однажды вечеромъ въ храмъ вошелъ мальчикъ, вручилъ ему письмо, шопотомъ назвалъ имя отправительницы и скрылся въ темнотѣ.

Храмовой служитель, нѣмой свидѣтель этой сцены, разсказывалъ потомъ, что священникъ прочиталъ письмо, вложилъ его обратно въ

обложку и положилъ на коврикъ, рядомъ съ подушкой, на которой, колѣнопреклоненный, онъ всегда совершалъ свои молитвы. Долго онъ сидѣлъ въ глубокомъ раздумьѣ, потомъ досталъ письменныя принадлежности, написалъ письмо, адресовалъ его своему духовному начальнику и оставилъ на столѣ. Потомъ посмотрѣлъ на часы и справился съ японскимъ расписаніемъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ. Было очень поздно; ночь была темная, бурная...

Онъ бросился на колѣни передъ алтаремъ, совершилъ короткую молитву и поспѣшно вышелъ. Дошелъ онъ до вокзала въ тотъ моментъ, когда экспрессъ изъ Кобэ на всѣхъ парахъ подлеталъ къ дебаркадеру. Съ быстротою молніи онъ бросился на рельсы, и пыхтящее чудовище покрыло его...

Крикъ ужаса вырвался бы изъ устъ боготворившихъ священника при видѣ того, что осталось отъ его бѣднаго, преходящаго тѣла, когда поѣздъ умчался, а на рельсахъ осталась какая-то безформенная масса...

Нашли письмо, написанное имъ къ своему начальнику. Онъ кратко извѣщалъ о томъ, что силы его истощились, что сопротивляться онъ больше не въ состояніи, что онъ рѣшилъ умереть, чтобы не подпасть грѣху... Другое письмо еще валялось на полу, тамъ, гдѣ онъ оставилъ его; женское письмо, въ которомъ каждое слово— тихая, смиренная ласка... Какъ всѣ подобныя письма (ихъ никогда не посылаютъ по почтѣ),—оно не было помѣчено числомъ, не было въ немъ ни имени, ни иниціаловъ, и конвертъ былъ безъ адреса. Въ переводѣ оно гласитъ приблизительно такъ, хотя нашъ жесткій, негибкій языкъ не въ состояніи передать всей прелести его:

«Смѣлость моя безмѣрна, и я не дерзаю надѣяться на снисхожденіе. Но я не въ силахъ скрыть свои чувства, я должна сказать вамъ все, и вотъ я пишу вамъ... Что сказать вамъ обо мнѣ, о моемъ ничтожномъ, маленькомъ «я»?... Позвольте мнѣ сказать, что лишь въ тотъ день, когда на «праздникѣ дальняго берега» очи мои увидали васъ, впервые мысль моя пробудилась; и съ тѣхъ поръ я не знаю забвенья... Съ каждымъ днемъ погружаюсь я все глубже въ думы о васъ; думы эти во снѣ витаютъ надо мною; но, пробуждаясь, я не вижу васъ; я понимаю, что обманчиво было видѣніе, что дѣйствительность пуста,—и слезамъ моимъ нѣтъ удержу... Простите, что обреченная быть въ этомъ мірѣ жалкой женщиной выражаетъ желаніе стать близкой къ столь возвышенному и прекрасному... Грубо, безумно должно казаться вамъ, что я не укрощаю своего сердца, что я даю ему терзаться и жаждать того, что недосягаемо для меня, какъ небо. Но не можетъ успокоиться это бѣдное сердце, и изъ глу-

бины его всплываютъ несчастныя, немощныя слова; несмѣлой, неумѣлой кистью я записываю ихъ и посылаю вамъ; я прошу васъ, удостойте меня состраданія; я заклинаю васъ, не встрѣчайте меня суровой рѣчью... Пожалѣйте меня... поймите... вѣдь это письмо—перелившееся чувство мое... Благоволите понять и справедливо оцѣнить мое сердце; оно окутано страданіемъ,—оно взываетъ къ вамъ и теперь, мгновеніе за мгновеніемъ, ждетъ отвѣта, ждетъ счастья...

. . . . . .

Все доброе и благое призываю на вашу главу,
сегодняшняго числа,
отъ нѣкой, несмотря на все ея ничтожество,
знакомой вамъ.
Желанному, любимому, почитаемому
я шлю это письмо».

Я отправился къ одному изъ моихъ японскихъ друзей, буддійскому ученому, чтобы узнать, какъ онъ смотритъ на это событіе съ религіозной точки зрѣнія.

Мнѣ это самоубійство казалось героизмомъ. Не такъ моему другу. Слова осужденія полились изъ его устъ; онъ говорилъ, что самоубійство не избавляетъ отъ грѣха, что самоубійца въ глазахъ Учителя—духовно потерянный, недостойный общенія со святыми мужами, безумецъ. Такимъ безумцемъ былъ и молодой священникъ, если онъ думалъ, что, убивая тѣло, онъ умерщвляетъ и источникъ грѣха въ душѣ...

— Но,—возразилъ я;—вѣдь жизнь этого человѣка была чиста и прозрачна, какъ горный ручей... Предположите, что онъ покончилъ самоубійствомъ, чтобы невольно не ввести во искушеніе другихъ.

Мой другъ иронически улыбнулся, потомъ промолвилъ:

— Жила однажды знатная японка, необыкновенно красивая, и захотѣлось ей пойти въ монастырь. Она отправилась въ храмъ и заявила о своемъ желаніи. Но верховный жрецъ сказалъ ей:—«Вы очень молоды и жили всегда придворной жизнью. Въ глазахъ свѣтскихъ мужчинъ вы очень красивы, и красота эта будетъ для васъ вѣчнымъ искушеніемъ, мірскія радости будутъ вѣчно манить васъ. И не горе ли какое, мгновенное, преходящее, заставляетъ васъ бѣжать отъ свѣтской суеты и искать умиротворенія въ тихой обители? Нѣтъ, я не могу принять васъ въ общину».—Но она продолжала упрашивать его, и чтобы покончить разговоръ, жрецъ быстро удалился. Оставшись одна, она вдругъ увидѣла «хибажи» (жаровню с

раскаленными угольями). Она быстро схватила щипцы, раскалила ихъ до-красна и безжалостно изуродовала ими лицо; дивная красота ея была разрушена навѣки. Испуганный запахомъ гари, жрецъ поспѣшно вернулся и съ ужасомъ увидѣлъ, что случилось. Но она, будто не чувствуя боли, тотчасъ же возобновила просьбы, и даже голосъ ея не дрожалъ, когда она говорила: — «Красота, препятствіе на моемъ пути въ святую обитель, уничтожена; примите же меня теперь!»—Тогда жрецъ исполнилъ ея просьбу; она вступила въ общину и стала святой монахиней. Кто по-вашему былъ мудрѣе: эта женщина или молодой священникъ, котораго вы такъ превозносите?

— Но развѣ и священникъ долженъ былъ изуродовать свое лицо?—спросилъ я.

— О, нѣтъ! И женщина эта поступила бы неправильно, если бы ею руководила исключительно боязнь мірскихъ искушеній. Законъ Будды воспрещаетъ какое бы то ни было саморазрушеніе. Она же, хотя и преступила законъ его, но лишь для того, чтобы сдѣлать возможнымъ свое поступленіе въ священный союзъ. Священникъ же вашъ виноватъ безусловно: онъ лишилъ себя жизни, потому что искушенія были сильнѣе его; онъ трусливо ушелъ, тогда какъ долженъ былъ бы смѣло обращать на путь истинный соблазнявшихъ его. Но онъ былъ слишкомъ слабъ. Лучше было бы ему вернуться въ свѣтъ и жить жизнью простого смертнаго, жизнью человѣка, не подвластнаго священнымъ законамъ ордена.

— По буддійскимъ понятіямъ, значитъ, въ его поступкѣ нѣтъ заслуги?—спросилъ я.

— Не думаю. Заслуга можетъ быть развѣ въ глазахъ незнающихъ закона.

— А тѣ, кто знаетъ законъ,—что думаютъ они о послѣдствіяхъ, о «Кармѣ» его поступка?

Мой другъ задумался и послѣ непродолжительнаго молчанія произнесъ:

— Вся суть этого самоубійства не поддается нашему пониманію,—быть можетъ, это ужъ не въ первый разъ...

— Вы хотите сказать, что когда-нибудь, въ предшествовавшей жизни, онъ искалъ въ самоубійствѣ спасенія отъ грѣха?

— Да, и можетъ быть не разъ, и не въ одной, а во многихъ жизняхъ...

— А что ожидаетъ его въ будущемъ?

— Никто, кромѣ Будды, не въ состояніи отвѣтить на эти вопросы.

— А ваша религія, что скажетъ она?

— Что происходило въ душѣ этого человѣка, мы не знаемъ, и потому молчимъ...

— Онъ въ смерти искалъ спасенія отъ грѣха.

— Если такъ, то ему суждено возрождаться еще много, много разъ; ему суждены все тѣ же искушенія, тѣ же терзанія и муки, доколѣ онъ не научится побѣждать свои желанія. Въ самоубійствѣ же нѣтъ ограды отъ вѣчной необходимости самоодолѣнія.

Я оставилъ моего друга, но слова его преслѣдовали меня; и они продолжаютъ преслѣдовать меня, расшатывая прежнія убѣжденія и терзая мысль. Я не могъ, и до сихъ поръ не могу выяснить себѣ, что вѣрнѣе: эта ли таинственная интерпретація любви, или наше западное толкованіе? Значеніе любовной мистеріи не даетъ мнѣ покоя...

Возрожденіе ли въ ней, которая сильнѣе смерти, погребенныхъ страстей?... Или больше того,—неизбѣжное воздаяніе за давно забытые грѣхи?...

III.

Монахиня въ храмѣ Амиды.

Супругъ О'Тойо, дальній родственникъ, взятый въ семью, былъ вызванъ вассальной службой въ столицу. Эта первая разлука послѣ свадьбы не тревожила О'Тойо; только тихая грусть опустилась на сердце ея. Но съ ней оставались отецъ и мать, у нея былъ сынъ, любимый ею больше всего на свѣтѣ, въ чемъ она даже себѣ самой еле признавалась. Кромѣ того, она весь день была занята: то хозяйничала, то ткала шелковыя и бумажныя ткани для платьевъ.

Разъ въ день приготовляла она на изящномъ лакированномъ подносикѣ миніатюрную трапезу для далекаго мужа,—такія трапезы готовятъ духамъ предковъ и богамъ.

Подносикъ она ставила передъ подушкой супруга къ восточной стѣнѣ комнаты, такъ какъ онъ отправился на востокъ. Убирая кушанье, О'Тойо поднимала крышку мисочки, чтобы убѣдиться, осѣлъ ли внутри паръ. Такова примѣта: пока родной на чужбинѣ здоровъ, на внутренней сторонѣ крышки осѣдаетъ паръ; если же крышка суха, значитъ,—умеръ, и одна душа прилетала за пищей. Но лакированная крышка всегда была сплошь покрыта каплями влаги.

Мальчикъ былъ ея неизмѣнной радостью. Ему минуло три года; онъ ставилъ вопросы, на которые могли бы отвѣтить лишь боги. Если ему хотѣлось играть, она складывала работу и играла съ нимъ

когда же онъ былъ настроенъ такъ, чтобы смирно сидѣть, она сидѣла съ нимъ, разсказывая ему волшебныя сказки или по-своему,—красиво и благочестиво,—объясняя ему чудесное и непонятное. По вечерамъ, когда предъ алтарями и священными изображеніями зажигались лампочки, она учила его дѣтскимъ молитвамъ; уложивши спать, садилась съ работой у постельки, любуясь тихой прелестью его личика. Когда онъ во снѣ улыбался, она знала, что Кваннонъ, божественная, забавляетъ его играми изъ царства тѣней; и она шептала буддійское заклинаніе, взывая къ Дѣвѣ, «всегда милостиво склоняющейся на звуки молитвы».

Въ ясные дни она поднималась на гору Дакейяма со своимъ мальчикомъ на спинѣ. Эти прогулки доставляли ему большое удовольствіе, онъ жадно вслушивался и всматривался во все, что происходило вокругъ него. Дорога постепенно поднималась въ гору, чрезъ лѣса и рощицы, по цвѣтущимъ лугамъ, между утесами, гдѣ въ цвѣтахъ жили сказки, а въ деревьяхъ ютились духи. Раздавался крикъ дикихъ голубей: «корупъ-корупъ», и страстно-нѣжное воркованіе ручныхъ: «О-ваò, о-ваò»; а цикады трещали, жужжали и пѣли...

Кто съ тоской ожидаетъ возвращенія издалека любимаго человѣка, тотъ уходитъ на гору Дакейяма, съ вершины которой открывается видъ на нѣсколько провинцій. На этой вершинѣ—камень, величиной и формой напоминающій человѣка; множество камешковъ разбросаны вокругъ него и на немъ. А рядомъ—шинтоистскій храмъ, посвященный духу нѣкой принцессы. Она съ тоской смотрѣла съ вершины этой вдаль, ожидая далекаго возлюбленнаго; но тотъ не вернулся, съ горя она умерла и окаменѣла на-вѣки. Народъ же на мѣстѣ этомъ воздвигнулъ храмъ; въ немъ до сихъ поръ молятся о счастливомъ возвращеніи съ чужбины близкихъ людей. Уходя, каждый молельщикъ беретъ съ собою камешекъ; когда же вернется желанный, камешекъ нужно положить на прежнее мѣсто вмѣстѣ съ нѣсколькими новыми въ знакъ памяти и благодарности.

Когда О'Тойо возвращалась съ такой прогулки домой, густыя сумерки уже спускались на землю, окутывая рисовыя поля и городъ; путь былъ далекъ, и шла она медленнымъ шагомъ. Звѣзды сверху освѣщали ея путь, а снизу—свѣтлячки. Когда на небѣ показывалась луна, О'Тойо пѣла дѣтскую пѣсенку:

«—Ноно Санъ,
луна златая,
сколько времени тебѣ?»
«Тринадцать,

тринадцать и девять мнѣ дней!»
«—Какъ ты молода еще!
Потому и опоясана
ты красивымъ краснымъ кушакомъ *).
Отдай его лошадкѣ!»
«Нѣтъ, не отдамъ!»
«—Отдай его коровкѣ!»
«Нѣтъ не отдамъ!»

А съ сѣрыхъ необъятныхъ полей поднимался и улеталъ въ синій мракъ ночи невидимый хоръ,—будто голосъ самой матери-земли; то лягушки заливались, а О'Тойо говорила ребенку: «Слышишь лягушекъ? Онѣ кричатъ: Мэ́-Кайюи, Мэ́-Кайюи,—глаза мои смыкаются, я спать хочу!»

То были счастливые, свѣтлые дни!

Но роковыя силы, по законамъ для насъ, смертныхъ, вѣчно неразгаданнымъ, повергли ее внезапно въ великое горе.

Она узнала, что добрый супругъ, о возвращеніи котораго она такъ часто молилась, никогда не вернется больше къ ней, ставъ снова прахомъ, изъ котораго создано все земное. Вскорѣ ей пришлось убѣдиться и въ томъ, что мальчикъ ея заснулъ сномъ непробуднымъ, предъ которымъ была безсильна даже мудрость китайскихъ врачей.

Рѣдкія мучительныя вспышки сознанія разсѣивали мракъ, царившій въ ея душѣ—мракъ безпамятства, въ который сострадательные боги погружаютъ души людскія.

Все проходитъ. Мракъ разсѣялся. Она вдругъ очутилась во власти злого врага, во власти воспоминанія. Въ присутствіи другихъ она могла улыбаться, могла быть спокойной и ясной, какъ въ прежніе дни; но оставшись одна, она теряла всю силу. Она разбиралась въ игрушкахъ, раскладывала предъ собой на цыновкѣ дѣтскія платьица, ласкала ихъ, шепотомъ разговаривала съ ними, тихо улыбаясь. Но улыбка всегда переходила въ громкое судорожное рыданіе; она бросалась на полъ, билась головой о землю и забрасывала боговъ безумными вопросами.

Тогда она рѣшила искать утѣшенія въ таинственномъ обрядѣ, извѣстномъ въ народѣ подъ именемъ «Торитсу-Банаши»,—заклинаніе мертвыхъ. Отчего не вызвать мальчика, хотя бы на мгновеніе!

*) Ярко-красный кушакъ Оби, который позволяется носить только дѣтямъ.
Примѣч. автора

Ради любимой матери душа его радостно приметъ страданіе, сопряженное съ возвращеніемъ въ міръ живыхъ.

Чтобы вызвать умершихъ изъ царства тѣней, надо обратиться къ буддійскому или шинтоистскому жрецу, знакомому съ обрядомъ заклинанія, и передать ему «ихаи»,—дощечку съ именемъ умершаго.

Производятся очистительныя церемоніи, передъ «ихаи» зажигаютъ свѣчи и куреніе, читаютъ молитвы или отрывки изъ Сутръ, приносятъ жертвы цвѣтами и рисомъ, но только сырымъ.

Окончивъ церемоніи, жрецъ беретъ лѣвой рукой дугообразный инструментъ, правой ударяетъ въ него, громко произнося имя умершаго, и слова: «Китацо-іо, Китацо-іо! Я пришелъ, я пришелъ!» Но постепенно голосъ заклинателя странно мѣняется и переходитъ въ голосъ умершаго, духъ котораго вселился въ жреца.

Быстро отвѣчаетъ духъ на вопросы, безпрестанно восклицая: «Спѣши, спѣши, мучительно мое возвращеніе изъ царства тѣней, я не могу долго здѣсь оставаться». По окончаніи бесѣды, духъ отлетаетъ, а жрецъ падаетъ на полъ безъ чувствъ.

Но вызывать умершихъ нехорошо,—имъ этимъ вредишь: возвращаясь въ царство тѣней, они должны занимать мѣста ниже покинутыхъ.

Теперь обряды эти запрещены закономъ. Когда-то они утѣшали скорбящихъ, но законъ справедливъ, такъ какъ находились люди, злоупотреблявшіе имъ, глумившіеся надъ божественнымъ въ человѣкѣ.

Однажды ночью, въ одинокомъ маленькомъ храмѣ, на окраинѣ города, О'Тойо стояла на колѣняхъ передъ «ихаи» своего мальчика и вслушивалась въ таинственное заклинаніе. И вдругъ изъ устъ жреца заговорилъ голосъ родной, самый дорогой и близкій ей; но голосокъ былъ тоненькій, тихій, какъ вздохъ вѣтерка.

«Спрашивай, мама, скорѣе, скорѣй,—молвилъ онъ; передо мною далекій, темный путь; я долженъ скоро уйти».

Мать съ трепетомъ вопрошала: «За что я томлюсь и страдаю въ тоскѣ по тебѣ? Гдѣ справедливость боговъ?»

«Не тоскуй такъ по мнѣ, мама,—раздалось въ отвѣтъ;—я умеръ, чтобы избавить отъ смерти тебя: то былъ годъ болѣзней и печали; я зналъ, что тебѣ суждено умереть,—но боги вняли моей молитвѣ,—мнѣ дано было умереть за тебя. О, мама, не плачь! Горевать по умершимъ не надо. Безмолвный, безгласный путь ведетъ ихъ черезъ потоки слезъ; но отъ слезъ матерей потокъ растетъ и бушуетъ; и не можетъ душа достигнуть дальняго берега, а тревожно носится взадъ и впередъ. И потому прошу тебя, мама, брось печаль; давай намъ только изрѣдка водицы».

Съ той поры она перестала плакать. Спокойно, безмолвно, какъ въ прежніе дни, она исполняла смиренныя дочернія обязанности.

Время шло, и отецъ началъ думать о вторичномъ замужествѣ для нея.

— Было бы счастіемъ для нашей дочери и для насъ,—сказалъ онъ женѣ,—если бы у нея родился еще сынъ.

Но мать была проницательнѣе и отвѣтила мужу:

— Она перестала страдать; о вторичномъ бракѣ не можетъ быть рѣчи, она превратилась въ ребенка—безъ заботъ и безъ грѣха.

И, правда, она перестала страдать. Въ ней стала проявляться странная привязанность ко всему маленькому. Сначала ей показалась велика ея постель; можетъ быть, это было ощущеніе пустоты, потому что умеръ ребенокъ. А потомъ все другое начало казаться ей слишкомъ большимъ: домъ, комнаты, ниша съ большими цвѣточными вазами,—даже кухонная посуда. Рисъ она пожелала ѣсть маленькими дѣтскими палочками изъ крошечныхъ мисочекъ. Этимъ невиннымъ затѣямъ никто не мѣшалъ, а другихъ причудъ у нея не было.

Часто старики-родители толковали между собой о ней.

— Тяжело будетъ дочери нашей,—горилъ отецъ,—жить съ чужими людьми; мы же такъ стары, что скоро придется разстаться съ ней. Лучше всего ей стать монахиней; мы построимъ ей маленькій храмъ.

На слѣдующій день мать спросила О'Тойо:

— Не хочешь ли стать святой монахиней и жить въ маленькомъ, маленькомъ храмѣ съ крошечнымъ алтарикомъ и миніатюрными изображеніями Будды? Мы всегда оставались бы вблизи тебя. Если ты согласна, то мы попросимъ жреца научить тебя Сутрамъ.

О'Тойо съ радостью согласилась и просила сдѣлать ей маленькое монашеское платьице.

Но добрая мать возразила:

— У хорошей монахини все можетъ быть мало за исключеніемъ одѣянія. Платье ея должно быть широко и длинно,—такъ повелѣваетъ Учитель нашъ Будда.

Тогда О'Тойо согласилась одѣться, какъ другія монахини.

Въ пустой оградѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ большой храмъ Амиды-іи, построили маленькую монашескую обитель, назвали ее тоже Амида-іи и посвятили Амидѣ Ніорайю и другимъ Буддамъ.

Обитель украсили маленькимъ алтарикомъ и миніатюрн утварью. На крошечномъ пюпитрѣ лежалъ изящный экземпл

Сутры,—вокругъ стояли ширмочки, висѣли колокольчики и какемоно *).

Родители О'Тойо умерли, а она все жила въ своей тихой обители. Ее прозвали Амида-іи-но-Бикуни, т.-е. «монахиня храма Амиды».

Передъ храмомъ возвышалась статуя Іицо,—друга больныхъ дѣтей. Молящіеся о выздоровленіи больного ребенка приносили къ ногамъ его рисовыя лепешки,—столько, сколько ребенку было лѣтъ. Обыкновенно у подножья статуи лежали двѣ-три лепешки,—рѣдко отъ семи до десяти. Амида-іи-Бикуни заботилась о статуѣ, курила передъ нею ладаномъ и украшала ее цвѣтами изъ своего садика.

Послѣ утренняго обхода за милостыней, она обыкновенно садилась за крошечный ткацкій станокъ. Несмотря на то, что ткани ея были слишкомъ узки для употребленія, купцы, знакомые съ ея судьбой, всегда брали ея работу, даря ей взамѣнъ чашечки, вазы и смѣшныя карликовыя деревца для ея садика.

Лучше всего она чувствовала себя съ дѣтьми, которыхъ вокругъ нея всегда было много: японскіе ребятишки играютъ цѣлыми днями за оградами храмовъ. Много счастливыхъ дѣтскихъ лѣтъ протекало въ храмѣ Амиды-іи; матери, живущія по сосѣдству, охотно посылали туда своихъ малышей, запрещая имъ смѣяться надъ Бикуни-Санъ.

— Она странная,—говорили онѣ;—но это потому, что умеръ ея сынокъ, и душа ея не вынесла этого горя. Будьте же добры и почтительны къ ней.

Дѣти были очень добры и ласковы, но не совсѣмъ почтительны въ обычномъ смыслѣ слова, чувствуя, что дѣло не въ этомъ. Они называли ее Бикуни-Санъ и ласково здоровались, но обращались съ нею, какъ съ равной себѣ. Они вмѣстѣ играли, а она поила ихъ чаемъ изъ крошечныхъ чашекъ, угощала самодѣльными рисовыми лепешечками, величиною съ горошину, дарила шелковыя и бумажныя ткани для куколъ.

Малютки любили ее, какъ добрую старшую сестру.

Такъ проходили дни за днями, проходили годы, дѣтки, вырастая, постепенно покидали дворъ храма Амиды. Суровый жизненый трудъ смѣнялъ ихъ дѣтскія игры; они становились отцами и матерями и въ свою очередь посылали дѣтей играть за оградою храма Амиды. Любовь къ Бикуни-Санъ переносилась съ родителей на дѣтей и внуковъ.

---

*) Какемоно—японскія картинки въ формѣ свитковъ, которые вѣшаются развернутыми сверху внизъ. Макимоно — картинки въ видѣ настольныхъ свитковъ, развертываемыхъ справа влѣво. *Примѣч. переводч.*

Народъ заботился о ея нуждахъ, принося ей больше, чѣмъ вдоволь. Излишкомъ она щедро дѣлилась съ дѣтьми и звѣрками. Птицы гнѣздились въ храмѣ ея, клевали изъ ея рукъ, покидая прежнія жилища свои на головахъ Буддъ.

Но вотъ Бикуни-Санъ умерла. Послѣ ея похоронъ толпа дѣтей прибѣжала ко мнѣ. Дѣвочка лѣтъ девяти отъ имени всѣхъ обратилась ко мнѣ съ такими словами:

— Господинъ, пожертвуйте что-нибудь для умершей вчера Бикуни-Санъ! Ей поставили большой памятникъ «хака», красивый, богатый. Намъ же хочется подарить ей крошечный «хака», такой, о которомъ она говорила, когда была еще съ нами. Каменотесъ обѣщалъ намъ сдѣлать маленькій, очень красивый «хака», если мы принесемъ ему денегъ. Не соблаговолите ли и вы пожертвовать что-нибудь?

— Съ удовольствіемъ,—сказалъ я,—а гдѣ же вы теперь будете играть?

— Да все тамъ же,—отвѣтила дѣвочка, улыбаясь.—Вѣдь тамъ Бикуни-Санъ похоронена, ей будетъ радостно слушать, какъ мы играемъ.

IV.

Хару.

Хару, воспитанная въ родительскомъ домѣ по обычаямъ старины, была воплощеніемъ самаго чуднаго, самаго трогательнаго женскаго типа въ мірѣ. Простота сердечная, естественная прелесть въ обращеніи, послушаніе и чувство долга,—результаты этого воспитанія, только въ Японіи развиваются до такого совершенства; въ каждомъ другомъ обществѣ, кромѣ древне-японскаго, они были бы слишкомъ хороши и утонченны. Къ суровой современной жизни воспитаніе это плохо подготовляетъ.

Дѣвушкѣ высшаго круга прививали чувство полной зависимости отъ мужа; ее учили скрывать и ревность, и гнѣвъ, и печаль,—даже, если бы былъ поводъ къ тому; ей внушали, что только кротость слѣдуетъ побѣждать всѣ недостатки супруга. Словомъ, отъ нея требовали почти сверхчеловѣчности и, хотя бы съ внѣшней стороны, полнаго самоотреченія. Все это было бы возможно въ совмѣстной жизни съ мужемъ, равнымъ ей, чуткимъ, нѣжнымъ, способнымъ проникать въ ея душу, никогда не оскорбляя ея.

Но Хару по происхожденію стояла гораздо выше своего супр

и была слишкомъ хороша для него,—неспособнаго понять ее должнымъ образомъ. Ихъ поженили очень рано, и сначала они были бѣдны; но условія жизни ихъ скоро измѣнились къ лучшему, благодаря способностямъ мужа. Подчасъ ей казалось, что любилъ онъ сильнѣе, когда они жили скромнѣй; а женщина въ такихъ случаяхъ рѣдко ошибается.

Она все еще шила его одежду, и онъ всегда восхвалялъ ея умѣніе. Всѣ его желанія она исполняла въ точности,—помогала ему одѣваться, а вечеромъ раздѣвала его; въ ихъ прелестномъ родномъ уголкѣ она создавала покой и уютность; неизмѣнно улыбаясь, она прощалась съ нимъ утромъ, встрѣчала его вечеромъ; она съ безукоризненной любезностью принимала его друзей и вела хозяйство удивительно бережливо, рѣдко требуя къ себѣ дорогого вниманія. Но онъ и самъ для нея ничего не жалѣлъ,—одежда богатая и изящная, какъ серебристыя крылья бабочки, украшала ея стройный станъ. Часто онъ бралъ ее собою въ театры, на прогулки,—туда, гдѣ весной цвѣтутъ вишневыя деревья, лѣтомъ ярко блестятъ свѣтлячки, а осенью пурпуромъ окрашиваются кленовые листья. То уѣзжали они на цѣлый день въ Майко, на берегъ моря, гдѣ гибкія сосны склоняются, будто дѣвушки въ пляскѣ; то проводили вечернее время въ Кіомидцу, въ старинномъ загородномъ домѣ, гдѣ все кажется далекой туманною грезой; гдѣ лѣсъ отдыхаетъ въ тѣни и, журча, вытекаетъ изъ горнаго ущелья ручеекъ, холодный, прозрачный; гдѣ слышатся ласково-грустные звуки невидимыхъ флейтъ, такъ дивно поющихъ старинную пѣснь, въ которой сливаются миръ и печаль, какъ отблескъ вечерней зари сливается съ далью небесъ.

Если не считать этихъ маленькихъ развлеченій, Хару рѣдко выходила изъ дома. Ея немногіе родственники и родственники ея мужа жили далеко отъ нихъ, въ другихъ провинціяхъ, такъ что въ гости ей случалось рѣдко ходить. Она любила свой домъ, любила разставлять цвѣты въ нишахъ боговъ, украшать комнаты, кормить ручныхъ золотыхъ рыбокъ въ бассейнѣ.

Еще не появлялось дитя, которое внесло бы въ ихъ жизнь новую радость или новую печаль. Хару, несмотря на головной уборъ замужней женщины и практичность въ домашнихъ дѣлахъ, выглядѣла какъ дѣвочка,—наивна была, какъ дитя. Но въ этихъ домашнихъ дѣлахъ ея серьезности мужъ часто дивился и снисходилъ до того, что спрашивалъ ея совѣта въ серьезныхъ случаяхъ. Тогда сердце ея судило, быть можетъ, вѣрнѣе головы; но руководилъ ли ею инстинктъ или разумъ,—совѣтъ ея всегда былъ хорошъ. Пять лѣтъ прожила она счастливо съ мужемъ; все время онъ былъ внимателенъ къ ней,

насколько этого можно требовать отъ молодого японскаго купца, стоящаго по происхожденію ниже жены.

И вдругъ онъ къ ней охладѣлъ; охладѣлъ такъ внезапно, что причина, навѣрное, была, не та, которой могла бы бояться бездѣтная женщина. Не въ силахъ понять, откуда эта перемѣна, она обвиняла себя въ нерадѣніи, напрасно пытала свою невинную совѣсть, старалась по глазамъ угадывать его желанья.

Ничто его не трогало. Онъ не говорилъ ни единаго жесткаго слова, онъ молчалъ; но за этимъ тяжелымъ молчаніемъ чувствовалось подавляемое желаніе оскорбить.

Свѣтскій японецъ рѣдко скажетъ женѣ рѣзкое слово,—это считается грубымъ, вульгарнымъ. Образованный человѣкъ съ нормальными наклонностями даже упреки жены встрѣтитъ кроткою рѣчью; по-японскому этикету этого требуетъ простая учтивость; кромѣ того это—самое цѣлесообразное.

Утонченная, чуткая женщина не вынесетъ грубаго обращенія; женщина съ темпераментомъ можетъ лишить себя жизни изъ-за слова, вырвавшагося въ моментъ страстнаго порыва, а такое самоубійство обезчещиваетъ мужа на всю его жизнь. Но есть безмолвная жестокость, она хуже словъ и поражаетъ больнѣе,—напримѣръ, явное пренебреженіе и равнодушіе, неминуемо порождающія ревность.

Воспитаніе требуетъ отъ японской женщины, чтобы она скрывала ревность; но чувство это старѣе воспитанія, оно старо, какъ любовь, и умретъ только съ нею. Подъ безстрастной маской японка чувствуетъ то же, что женщина Запада; украшая своимъ присутствіемъ вечеръ, очаровывая улыбкой гостей, она въ глубинѣ сердца одинаково ждетъ часа освобожденія, чтобы въ одиночествѣ предаться страданію и слезамъ.

У Хару былъ поводъ къ ревности, но она была слишкомъ наивна и не скоро догадалась о настоящей причинѣ; слуги же слишкомъ любили ее, чтобы открыть ей глаза. Раньше она всегда проводила вечера вмѣстѣ съ мужемъ,—то дома, то въ театрѣ, то на прогулкахъ. Теперь же онъ уходилъ каждый вечеръ одинъ, сначала подъ предлогомъ торговаго дѣла, потомъ безъ предлога, потомъ пересталъ говорить и о томъ, когда онъ намѣренъ вернуться, и, наконецъ, онъ сталъ оскорблять ее нѣмымъ пренебреженіемъ. Онъ такъ измѣнился, будто «злой духъ околдовалъ его сердце», какъ говорили слуги. Оно такъ и было, онъ попался въ ловушку: шепотъ одной гейши убилъ его волю, ея улыбка ослѣпила очи его. Она была далеко не такъ красива, какъ Хару, но зато съ большимъ искусствомъ ткала паутину, роковую паутину чувственности, обольщающую слабыхъ мужчинъ, оплетаю-

щую ихъ все тѣснѣй и тѣснѣй, пока, наконецъ, не наступитъ часъ разочарованія и разрушенія. Хару не знала, не подозрѣвала ничего дурного до тѣхъ поръ, пока странное поведеніе мужа не вошло въ привычку и пока она не убѣдилась, что деньги ихъ стали исчезать неизвѣстно куда. Онъ не говорилъ ей, гдѣ онъ проводитъ вечера; она же боялась спросить, боялась, что онъ сочтетъ ее ревнивой. Вмѣсто того, чтобы высказаться, она молча страдала, но въ ея обращеніи съ нимъ было столько изысканной любви, что, будь онъ умнѣе, онъ все угадалъ бы. Къ несчастію, онъ былъ проницателенъ только въ дѣлахъ. Всѣ вечера проводилъ онъ внѣ дома; и по мѣрѣ того, какъ онъ возвращался позднѣй и позднѣй, совѣсть его говорила все тише и тише. Хару учили, что добрая жена не смѣетъ ложиться въ постель, пока не вернется ея супругъ и повелитель. Отпустивъ слугъ въ обычное время, она терпѣливо ждала. Отъ безсонныхъ ночей, отъ одинокихъ долгихъ часовъ ожиданія ея нервы ослабли, она стала страдать лихорадкой, черныя мысли терзали ея голову.

Разъ только мужъ, возвратившись особенно поздно, промолвилъ: «Жаль, что ты изъ-за меня такъ долго не ложилась спать. Прошу тебя, не дожидайся меня никогда больше». Опасаясь, что онъ дѣйствительно тревожится изъ-за нея, она, ласково улыбнувшись, сказала: «Мнѣ спать не хотѣлось, и я не устала; прошу высокочтимаго не думать обо мнѣ». И онъ совсѣмъ пересталъ о ней думать, обрадовавшись, что можетъ поймать ее на словѣ. Вскорѣ послѣ этого онъ всю ночь не возвращался домой, вторую и третью тоже. Прогулявъ всю третью ночь напролетъ, онъ даже къ завтраку не вернулся. Тогда Хару почувствовала, что супружескій долгъ ей велитъ говорить.

Она прождала все утро, боясь за него, боясь за себя; она вдругъ ясно сознала глубочайшую обиду, какая только можетъ ранить женское сердце. Вѣрные слуги ей кое-что передали, объ остальномъ она догадалась сама. Она была очень больна, но не сознавала болѣзни; она сознавала лишь гнѣвъ свой, эгоистическій гнѣвъ за ту боль, которую ей причинили, за мертвящую, жестокую, тяжкую боль. Ужъ полдень насталъ, а она все еще въ мысляхъ искала словъ, достаточно кроткихъ, чтобы сказать наконецъ то, чего требовалъ супружескій долгъ; первый разъ въ жизни она должна была произнести слово упрека. Вдругъ сердце ея дрогнуло такъ сильно, что въ глазахъ потемнѣло: она услыхала звуки колесъ и голосъ слуги, докладывающаго, что «достопочтенный вернулся домой!»

Еле держась на ногахъ, она дошла до входныхъ дверей навстрѣчу супругу; лихорадочный трепетъ пробѣгалъ по стройному тѣлу ея,

сердце сжималось отъ боли, и она страшно боялась выдать это страданіе. Мужъ испугался, увидя ее; она не привѣтствовала его обычной улыбкой, а, схвативши дрожащей маленькой ручкой его шелковый плащъ, посмотрѣла на него глазами, которые, казалось, хотѣли проникнуть въ самую глубь его виноватой души. Она пыталась что-то сказать, но могла промолвить одно лишь слово: «Аната?» («Ты?»). И въ то же мгновеніе ея нѣжныя ручки ослабѣли, вѣки сомкнулись, губы дрогнули странной улыбкой, и она упала на полъ раньше, нежели онъ успѣлъ поддержать ее. Онъ попытался поднять ее, но жизнь отлетѣла отъ нѣжнаго тѣла. Она умерла.

Произошло страшное смятеніе. Побѣжали за докторами, плакали, громко рыдали, въ отчаяніи звали ее. Но она мирно лежала,—блѣдна, недвижима, прекрасна; вся мука, весь гнѣвъ исчезли съ лица ея, она улыбалась, какъ въ свадебный день.

Пришли изъ больницы два доктора,—японскіе военные врачи. Они задавали мужу вопросы кратко и строго; слова ихъ проникали въ самую глубь его сердца. Потомъ они сказали ему голую правду, какъ холодная, острая сталь проникшую въ виноватую душу его,—и оставили его одного съ умершей.

Люди дивятся, что онъ въ знакъ раскаянія не принялъ священническаго сана. Весь день онъ сидитъ задумчивый, молчаливый, среди кипъ Кіотскаго шелка и статуй боговъ изъ Осака. Служащіе считаютъ его добрымъ господиномъ; онъ никогда не браниться ихъ; работаетъ часто за полночь. Въ хорошенькомъ домѣ, гдѣ нѣкогда жила Хару, теперь поселились чужіе; владѣлецъ дома никогда не посѣщаетъ его. Онъ боится, быть можетъ, встрѣтить тамъ легкую тѣнь, скользящую между цвѣтами или, какъ стебель человѣческаго цвѣтка, склоняющуюся надъ золотыми рыбками въ бассейнѣ. Но гдѣ бы онъ ни былъ,—всюду, всегда въ молчаливый часъ отдыха появляется та же безмолвная тѣнь у его изголовья; она шьетъ, гладитъ, любовно старается украсить богатую одежду его, въ которую онъ наряжался, когда измѣнялъ ей. А иногда въ самый суетливый моментъ его занятой, дѣловой жизни, вдругъ все вокругъ него умолкаетъ, іероглифы на стѣнахъ блѣднѣютъ и исчезаютъ, и въ его осиротѣвшее сердце проникаетъ жалобный голосъ, произносящій одно лишь слово: «Аната?» («Ты?»)—какъ вѣчное напоминаніе боговъ о его преступленіи

V.

Кимико.

„Желаніе быть забытой
возлюбленнымъ душѣ
гораздо труднѣе, нежели
стараніе самой не забыть...“
(Изъ стихотвореній Кимико.)

На бумажномъ фонарѣ у входа въ одинъ изъ домовъ «улицы Гейшъ» написано ея имя. Ночью улица эта производитъ фантастическое впечатлѣніе,—узкая какъ коридоръ, съ глухими фасадами изъ темнаго полированнаго дерева, напоминающими пароходныя каюты перваго класса; въ маленькихъ раздвижныхъ дверяхъ—оконца, затянутыя бумагой, похожей на узорчатое стекло. Зданія въ нѣсколько этажей, но въ безлунную ночь этого и не замѣтишь: освѣщены только нижнія помѣщенія до спущенныхъ маркизъ,—все остальное, вверхъ, темно. Свѣтятся лампы изнутри, сквозь узенькія бумажныя окна,—свѣтятся фонари, висящіе снаружи, по одному у каждой двери. Смотришь вдоль улицы, между двумя рядами такихъ фонарей, сливающихся въ перспективѣ въ неподвижную массу желтаго свѣта. Фонари—яйцеобразные и цилиндрическіе, четырех-и шестиугольные—съ японскими надписями, въ красивыхъ іероглифахъ.

Улица безмолвствуетъ, какъ выставка послѣ ухода посѣтителей. Обитательницы ея упорхнули и украшаютъ своимъ присутствіемъ банкеты и пиршества; какъ ночныя бабочки—онѣ живутъ только ночью.

Если идти съ сѣвера на югъ, то на первомъ фонарѣ слѣва читаешь: «Кинойя: ухи О—Ката», т.-е. «золотой домъ, въ которомъ живетъ Оката». Фонарь справа повѣствуетъ о домѣ Нишимуры и о дѣвушкѣ Міутсуру, о «пышномъ аистѣ». Слѣдующій домъ слѣва—домъ Каиты съ Коханой—цвѣточкомъ и Хинакой—куколкой. Напротивъ возвышается домъ Нагайа, гдѣ живутъ Кимика и Кимико... Съ полмили тянутся эти параллельныя линіи свѣтящихся именъ.

Хозяйка и владѣлица послѣдняго дома—Кимика. Она послѣдовательно воспитала двухъ гейшъ, назвавъ обѣихъ однимъ и тѣмъ же именемъ: Кимико первую—«Ихи-дай-мэ» и нынѣ существующую Кимико—«Ни-дай-мэ»,—т.-е. Кимико номеръ второй. Очевидно, Кимико-Ихи-дай-мэ въ свое время пользовалась большой извѣстностью, такъ какъ имена обыкновенныхъ гейшъ никогда не переходятъ на ихъ преемницъ.

Можетъ быть, случай занесетъ тебя когда-либо въ этотъ домъ; раздвинувъ дверь, ты услышишь звукъ гонга, возвѣщающаго о тво-

емъ посѣщеніи, и увидишь Кимику, если только она со своей маленькой труппой не приглашена въ этотъ вечеръ куда-нибудь. Кимика—очень интелигентная особа, съ которой стоитъ поговорить. Если она въ настроеніи, то поразскажетъ тебѣ много интереснаго, почерпнутаго непосредственно изъ живой жизни, изъ наблюденій надъ природой людской. Вѣдь улица гейшъ полна преданій,—трагическихъ, комическихъ, мелодраматическихъ. Кимикѣ всѣ извѣстны. Въ каждомъ домѣ—свои воспоминанія—страшныя, смѣшныя и такія, надъ которыми невольно задумаешься. Такова исторія Кимико первой. Не то, чтобы она была необычайной, но она во всякомъ случаѣ доступнѣе другихъ нашему западному пониманію.

Ихи-дай-мэ-Кимико нѣтъ больше въ домѣ Нагайэ; о ней осталось лишь одно воспоминаніе. Кимика была еще очень молода, когда Кимико стала ея товаркой по профессіи.

«Необыкновенная дѣвушка», отзывается Кимика о ней.

Чтобы стать извѣстной, гейша должна быть или красива, или умна,—а лучше, если въ ней соединено и то, и другое. При выборѣ дѣвочекъ-подростковъ,—будущихъ гейшъ,—воспитатели ихъ обращаютъ на это особенное вниманіе. Даже отъ гейшъ второго и третьяго разряда требуютъ въ юности извѣстной прелести, хотя бы beauté du diable, породившей японскую поговорку, что въ «восемнадцать лѣтъ и чортъ красивъ» и въ «двадцать драконъ!»

Но Кимико была не просто хороша собою,—въ ней какъ бы воплотился японскій идеалъ красоты, что̀ среди тысячъ женщинъ рѣдко находишь въ одной.

Она была не просто умна,—она была талантлива: писала изящные стихи, съ изысканнымъ вкусомъ все украшала цвѣтами, безукоризненно продѣлывала всѣ чайныя церемоніи, прекрасно вышивала и дѣлала шелковую мозаику; однимъ словомъ—она была совершенство.

Въ Кіото, съ перваго же выхода ея «dans le monde où l'on s'amuse», она произвела сенсацію; ея успѣхъ сразу былъ обезпеченъ, и началось побѣдоносное шествіе. Подготовка у нея была прекрасная, она справлялась со всѣми положеніями, не терялась ни при какихъ обстоятельствахъ. А то, чего *она* еще не знала,—то вѣдала Кимика. Власть красоты и немощь страсти, цѣну обѣщаній и муки равнодушія, все безуміе и всю низость, царящія въ сердцахъ мужчинъ. Руководимая ею, Кимико рѣдко ошибалась и мало проливала слезъ. С временемъ она стала немного опасной, чего Кимика и желала,—опасной, какъ лампа для ночныхъ бабочекъ,—не болѣе того; иначе

могли бы и потушить. Лампа должна освѣщать то, что пріятно для глазъ, страдать же она никого не заставляетъ,—такъ и Кимико никого не заставляла страдать: она была не *слишкомъ* опасной. Заботливые, почтенные родители скоро убѣдились, что она и не думаетъ вторгаться въ ихъ семьи; она даже романтическихъ приключеній не искала. Но юношамъ, подписывающимъ договоры собственной кровью, требующимъ отъ гейши отрѣзаннаго мизинчика въ знакъ вѣчной вѣрности,—имъ она спуску не давала и исцѣляла ихъ безуміе жестокостью. Также безжалостна она была и по отношенію къ богатымъ поклонникамъ, желавшимъ купить ее цѣною имѣній и домовъ. Одинъ изъ нихъ былъ такъ великодушенъ, что предложилъ за ея свободу сумму, которая сдѣлала бы ее сразу богатой женщиной. Кимико сердечно поблагодарила, но осталась гейшей. Отказывая, она не обижала и отчаяніе почти всегда умѣла врачевать. Были, конечно, и исключенія. Пожилой господинъ, вообразившій, что жить безъ Кимико не можетъ, пригласилъ ее однажды на пирушку и предложилъ ей выпить съ нимъ вмѣстѣ вина. Но опытная Кимика, по лицу читающая въ душахъ людскихъ, сразу смекнула въ чемъ дѣло, быстро замѣнила вино въ бокалѣ дѣвушки чаемъ и спасла такимъ образомъ ея драгоцѣнную жизнь. А душа стараго влюбленнаго глупца нѣсколько минутъ спустя одна отправилась въ Мэйдо *), вѣроятно очень удивленная и разочарованная своимъ одиночествомъ.

Съ тѣхъ поръ Кимика оберегала Кимико, какъ дикая кошка—своего котенка.

«Котенокъ» сталъ баловнемъ высшаго свѣта, злобой дня, мѣстной знаменитостью.

Одинъ изъ ея поклонниковъ, заграничный принцъ, до сихъ поръ помнящій ея имя, посылалъ ей брилліанты, которыхъ она никогда не носила; счастливцы, имѣющіе возможность доставлять ей удовольствіе, засыпали ее драгоцѣнными подарками; пользоваться ея благосклонностью хотя бы въ теченіе одного дня,—было мечтой «золотой молодежи». Но она никому не давала предпочтенія и слышать не хотѣла о вѣчной вѣрности. На мольбы и клятвы она неизмѣнно отвѣчала, что знаетъ свое мѣсто и назначеніе. Даже женщины свѣта снисходительно отзывались о ней, такъ какъ она никогда не бывала причиной семейной драмы. Она дѣйствительно знала свое мѣсто. Время, казалось, щадило ее; она съ годами становилась все лучше. Появлялись другія гейши, достигали славы, но не было равной ей. Фабри-

*) Царство смерти. *Прим. автора.*

кантъ, пріобрѣтшій право пользоваться ея фотографіей на своихъ ярлыкахъ, составилъ себѣ тѣмъ состояніе.

Но вдругъ распространилась изумительная вѣсть: неприступное сердце Кимико сдалось! Она распростилась съ Кимикой и ушла къ возлюбленному, богатому и щедрому. Говорили также, что онъ хотѣлъ упорядочить ея соціальное положеніе, возстановить ея репутацію, зажать ротъ сплетникамъ, заставить всѣхъ забыть о ея прошломъ. Онъ готовъ былъ тысячи разъ умереть за нее, хотя и такъ уже былъ еле живъ отъ любви.

По разсказамъ Кимики, Кимико сжалилась надъ безумцемъ, покушавшимся изъ любви къ ней на самоубійство, и ухаживала за больнымъ, пока вмѣстѣ съ здоровьемъ не возродилось и прежнее безуміе его. Тайко Хидейоши сказалъ, что онъ боится только безумцевъ и темныхъ ночей. Кимика тоже боялась безумцевъ,—и къ такому безумцу ушла ея Кимико. Со слезами, не лишенными эгоизма, Кимика увѣряла, что Кимико ушла навсегда, такъ какъ взаимная любовь ихъ такъ велика, что переживетъ нѣсколько человѣческихъ жизней.

Но, несмотря на всю свою проницательность, Кимика ошибалась: если бы ей дано было проникнуть въ самый тайникъ души своей воспитанницы,—она громко вскрикнула бы отъ удивленія.

Кимико отличалась отъ другихъ танцовщицъ еще и своимъ происхожденіемъ изъ знатной семьи. Кимико было профессіональнымъ именемъ, а раньше ее звали Аи. Смотря по начертанію, имя это означаетъ то «любовь», то «страданіе». Судьба Аи дѣйствительно сплелась изъ любви и страданія. Она получила хорошее воспитаніе, училась въ частной школѣ, которой завѣдовалъ старый самурай. На корточкахъ сидѣли дѣвочки на своихъ подушкахъ за низенькими двѣнадцатидюймовыми пюпитрами и прилежно учились; обученіе было безвозмездное. (Нынче, когда учителя получаютъ больше жалованья, нежели другіе чиновники, обученіе не такъ основательно и не такъ интересно, какъ было раньше.) Служанка провожала дѣвочку въ школу и домой, неся за нею книги, подушку, тетради и столикъ.

Послѣ этого Аи поступила въ общественную начальную школу. Первые «модные учебники» только что появились. Это были переводы на японскій языкъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ разсказовъ о чести, долгѣ и геройствѣ,—чудесные сборники, съ наивными маленькими картинками, изображающими людей Запада въ такихъ костюмахъ, которыхъ никто на свѣтѣ никогда не носилъ, и видѣлъ. Эти трогательныя книжечки теперь стали рѣдкостью; и

давно вытѣснили другія, составленныя съ бо́льшей претензіей и меньшей любовью.

Ай училась съ большой легкостью. Разъ въ годъ во время экзаменовъ въ школу пріѣзжалъ знатный сановникъ; онъ отечески разговаривалъ съ дѣвочками и, раздавая награды, ласково проводилъ рукой по ихъ шелковистымъ головкамъ. Теперь онъ достигъ высшихъ чиновъ, удалился отъ общественной жизни и, конечно, забылъ объ Ай. Въ наши дни въ школѣ не такъ нѣжно обращаются съ маленькими ученицами и не радуютъ наградами ихъ сердечекъ.

Но наступили общественные перевороты; именитыя семьи лишались положенія и имущества. Ай должна была оставить школу. Непрерывной цѣпью сливалось одно горе съ другимъ. Ай осталась безъ поддержки, безъ помощи, одна съ матерью и маленькой сестрой. Мать и Ай умѣли ткать, но это приносило такъ мало, что скоро пришлось распродавать имущество, оставляя только самое необходимое; сначала—домъ и землю, затѣмъ одну за другою хозяйственныя принадлежности, драгоцѣнности, богатую одежду, гравированныя и лакированныя вещицы. За полцѣны все это переходило въ руки тѣхъ, чье благосостояніе построено на несчастіи другихъ, чье богатство въ народѣ называется «Намида-Нокана»,—деньги слезъ. Отъ живыхъ нечего было ждать поддержки,—большинство родственниковъ самураевъ находились въ такомъ же безотрадномъ положеніи. Когда же всѣ источники истощились, когда все было распродано,—даже маленькіе учебники Ай,—тогда прибѣгли къ помощи мертвыхъ.

Вспомнили, что дѣдушка Ай былъ похороненъ съ драгоцѣннымъ, въ золотой оправѣ мечомъ, подаркомъ дайміоса *). Раскрыли могилу, замѣнили роскошную рукоятку простой и сняли украшенія съ лакированныхъ ножекъ. Лезвее же оставили,—оно могло понадобиться воину. Ай увидѣла высокую фигуру въ красной глиняной урнѣ, употребляемой по старинному обычаю вмѣсто гроба при погребеніи знатныхъ самураевъ. Долго пролежалъ онъ въ могилѣ, но черты его лица еще можно было узнать; и когда ему возвратили мечъ, Ай показалось, что по лицу его пробѣжала свирѣпая, но одобрительная улыбка.

Но наступили черные дни: мать Ай все слабѣла и не могла больше работать за ткацкимъ станкомъ; золото мертвеца истощилось. Тогда Ай рѣшительно сказала:

— Мама, исходъ одинъ: я продамъ себя, пойду въ танцовщицы.

---

*) Даймiосы — японскіе крупные землевладѣльцы, составлявшіе феодальное дворянство. *Примѣч. переводч.*

Мать молча рыдала; Ай не плакала и одна вышла изъ дома.

Она вспомнила свободную гейшу, по имени Кимика, часто бывавшую на пирахъ въ домѣ ея отца и всегда ласкавшую ее. Къ нейто она и направилась.

— Купи меня,—сказала Ай, входя,—мнѣ очень много нужно денегъ.

Кимика улыбнулась, приласкала, накормила дѣвочку и выслушала печальную повѣсть ея.

— Дитя мое,—сказала Кимика,—много я дать тебѣ не могу,—у меня самой денегъ мало. Но обѣщаю заботиться о твоей матери; это лучше, чѣмъ дать ей въ руки большую сумму. Мать твоя, дитя мое, была знатной дамой; она не умѣетъ обращаться съ деньгами. Попроси ее подписать договоръ, по которому ты обязуешься остаться у меня до двадцатичетырехлѣтняго возраста или до тѣхъ поръ, пока не уплатишь своего долга. А то, чѣмъ я сейчасъ могу подѣлиться, возьми съ собой, какъ подарокъ.

Такъ Ай стала гейшей; Кимика назвала ее Кимико и сдержала обѣщаніе относительно матери и маленькой сестры. Кимико еще не достигла славы, когда мать ея умерла; сестрицу отдали въ школу, затѣмъ произошло то, о чемъ разсказано выше.

Молодой человѣкъ, покушавшійся на самоубійство изъ-за любви къ гейшѣ, былъ достоинъ лучшей участи. Онъ былъ единственнымъ сыномъ богатыхъ, уважаемыхъ людей, готовыхъ ради него на всякую жертву,—готовыхъ даже гейшу признать невѣсткой,—такъ трогала ихъ ея любовь.

Незадолго до ухода отъ Кимики, Кимико выдала замужъ сестру, Умэ, только что окончившую школу. Пользуясь своимъ знаніемъ людей, Кимико сама выбрала ей мужа, прямого, честнаго, старомоднаго купца, человѣка, рѣшительно неспособнаго ни на что дурное.

Умэ безпрекословно и радостно приняла выборъ сестры, и бракъ въ самомъ дѣлѣ оказался очень счастливымъ.

Въ четвертомъ мѣсяцѣ года Кимико ввели въ новый, приготовленный для нея домъ. Великолѣпіе его могло изгладить изъ памяти всѣ тяжелыя воспоминанія,—это былъ волшебный замокъ въ зачарованномъ молчаніи большихъ, тѣнистыхъ садовъ. Ей казалось, что боги перенесли ее за добрыя дѣла въ царство Хораи *). Но прошла весна, наступило лѣто, а Кимико все еще не рѣшалась на послѣдній

*) Загробная обитель. *Примѣч. автора.*

шагъ. По необъяснимымъ причинамъ она уже трижды откладывала день свадьбы.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Настроеніе Кимико омрачалось все больше, и въ одинъ прекрасный день она кротко, но рѣшительно изложила причину своего отказа:

— Пора высказать то, что я такъ долго таю въ себѣ. Изъ любви къ матери, давшей мнѣ жизнь, изъ любви къ сестрицѣ я жила, какъ въ аду... Все это миновало, но позорное клеймо осталось на мнѣ, и ничто въ мірѣ не смоетъ его. Не можетъ такая, какъ я, войти въ вашу семью, стать матерью вашего сына, устроить вамъ уютный родной уголокъ. Не перебивайте меня,—дайте высказать... Въ познаніи зла я много, много опытнѣе васъ... Не могу я стать вашей женою, не хочу опозоривать васъ,—нѣтъ, никогда... Я лишь подруга ваша, товарищъ вашихъ игръ, мимолетная гостья,—безкорыстная, свободная... Намъ должно разстаться, и когда я буду далеко,—вы все поймете. Я всегда буду вамъ дорога, но чувства ваши измѣнятся: не будетъ больше слѣпого безумства, которое васъ обуяло теперь. Слова эти вытекаютъ изъ нѣдръ души моей,—вы современемъ вспомните ихъ... Для васъ выберутъ прелестную невѣсту изъ знатной семьи; она станетъ матерью вашихъ дѣтей; быть можетъ, я увижу ихъ,—но супругой вашей мнѣ не быть и материнскихъ радостей мнѣ не знать никогда... Дорогой мой, вѣдь я—лишь безуміе твое, иллюзія, греза, легкая тѣнь,—промелькнула въ твоей жизни и снова исчезла... Можетъ быть, когда-нибудь я буду бо̀льшимъ для тебя,—но супругой твоей,—нѣтъ, никогда... Не уговаривай меня,—иначе я сейчасъ же покину тебя...

Съ наступленіемъ шестого мѣсяца года Кимико вдругъ скрылась неожиданно и безслѣдно.

Никто не зналъ, какъ и когда она ушла. Даже сосѣди не замѣтили ея ухода. Сначала надѣялись на ея скорое возвращеніе, такъ какъ изъ всѣхъ своихъ вещей, роскошныхъ и красивыхъ, она ничего не взяла съ собою,—ни платья, ни драгоцѣнностей, ни даже подарковъ,—сто́ившихъ цѣлое состояніе. Но проходила недѣля за недѣлей, а она все не возвращалась. Ужъ стали опасаться несчастнаго случая. Отводили рѣки, обыскивали колодцы,—все было напрасно. Наводили справки письменно и по телеграфу. Во всѣ концы за нею разсылали вѣрныхъ слугъ. Назначили награду за ея нахожденіе; Кимикѣ же обѣщали золотыя горы, хотя она такъ любила дѣвушку, что была бы счастлива найти ее и безъ всякой надежды на

награду... Тайна такъ и осталась тайной. Обращаться же къ властямъ было бы напрасно: вѣдь бѣглянка не совершила преступленія, не нарушила закона, а ради страсти и прихоти влюбленнаго юноши нельзя было приводить въ движеніе сложный полицейскій механизмъ.

Проходили мѣсяцы, проходили годы; ни Кимика, ни юная сестра въ Кіото, ни бывшіе поклонники прекрасной гейши, никто никогда не видѣлъ ея больше...

Кимико была права: время—великій цѣлитель—осушило слезы, залѣчило раны; дважды по той же причинѣ не покушаются на самоубійство, даже въ Японіи. Другъ ея сталъ забывать ее, успокоился, женился на премилой дѣвушкѣ и сталъ отцомъ прелестнаго мальчугана.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Счастіе и довольство царили въ волшебномъ замкѣ, гдѣ нѣкогда жила Кимико.

Въ одинъ прекрасный день къ дому подошла странствующая монахиня, будто за милостыней. Услыша ея буддійскій возгласъ: «Ха-и, Ха-и», ребенокъ подбѣжалъ къ воротамъ. Служанка, слѣдовавшая за нимъ съ обычнымъ подаяніемъ, рисомъ, увидѣла съ изумленіемъ, что монахиня ласкаетъ ребенка и шопотомъ разговариваетъ съ нимъ. Увидя служанку, мальчикъ воскликнулъ:

— Я подамъ ей!

А изъ-за фаты, спускавшейся съ широкополой соломенной шляпы, раздался голосъ монахини:

— Прошу васъ, исполните просьбу его!

Ребенокъ высыпалъ рисъ въ чашечку монахини; поблагодаривъ, она сказала:

— Повтори мои слова!

Мальчикъ тихо произнесъ:

— *Отецъ, та, которую въ этомъ мірѣ ты никогда не увидишь, говоритъ, что сердце ея преисполнено радостью, потому что она видѣла сына твоего!*

Монахиня кротко улыбнулась, еще разъ приласкала мальчика и поспѣшно удалилась.

Служанка съ удивленіемъ смотрѣла ей вслѣдъ, а ребенокъ, подбѣжавъ къ отцу, исполнилъ порученіе таинственной посѣтительницы.

Услыша нежданную вѣсть, отецъ склонился къ головкѣ ребенка и тихо заплакалъ. Онъ одинъ только зналъ, *кто* подходилъ къ его воротамъ; онъ постигъ глубину жертвы, руководившей всей жизнью ея.

Съ тѣхъ поръ онъ часто сидитъ, погруженный въ глубокія, скрытыя думы. Онъ знаетъ, что легче сойтись свѣтиламъ небеснымъ, чѣмъ ему съ женщиной, такъ много любившей его. Онъ знаетъ, что напрасно было бы искать, гдѣ,—въ далекомъ ли городѣ, среди безличной, пестрой толпы или въ темномъ, безвѣстномъ убогомъ храмѣ,—она ждетъ наступленія мрака,—предтечу необъятнаго вѣчнаго свѣта. Въ свѣтѣ этомъ ликъ Учителя съ улыбкой склонится надъ ней, и голосъ его, слаще голоса земной любви, коснется уха ея.

— *О, дочь моя,*—скажетъ Онъ,—*вѣрный путь избрала ты; ты повѣрила и проникла въ самую глубь истины; привѣтъ тебѣ, приди ко мнѣ!*

Перев. С. Лорie.

Незабудки.

Вдоль узкихъ рельсъ и сѣрыхъ будокъ,
Въ травѣ зеленой и сквозной
Синѣютъ глазки незабудокъ,—
Дымится паръ и вѣетъ зной...

Тамъ, опираясь на обрубокъ,
Склонилась дѣвочка въ лучѣ.
Свѣтла улыбка дѣтскихъ губокъ
И мягки кудри на плечѣ.

Въ болотѣ—лѣсъ. Тамъ зелень бьется...
Сосна упала на сосну.
Лѣсная дѣвочка смѣется,
Закинувъ глазки въ вышину.

Слѣдитъ мелькающія тучки,
Лукаво щурясь на меня,
И въ лѣсъ пошла, сложивши ручки,
Подъ солнцемъ сѣвернаго дня.

На мохъ морщинистыхъ дорожекъ,
Переплетаясь вдоль травы,
Легли слѣды румяныхъ ножекъ,
И тѣнь кудрявой головы.

Тамъ тишина у сѣрыхъ будокъ.
Дымится паръ и вѣетъ зной.
Синѣютъ глазки незабудокъ
Въ травѣ зеленой и сквозной.

Яковъ Годинъ.

Изъ недавняго прошлаго *).

(Самара въ 1904—1905 гг.)

Московскій съѣздъ окончился около 10 іюля, а 20 іюля состоялся у насъ въ уѣздномъ городѣ съѣздъ врачей. Цѣли ставились практическія, ближайшія — открытіе новыхъ медицинскихъ участковъ, и другіе спеціальные вопросы. Но обсужденія сами собой перешли на политику, и вышло что-то вродѣ маленькаго пироговскаго съѣзда. При громкомъ одобреніи встрепенувшейся уѣздной публики (теперь она опять погрузилась въ глубокій сонъ) обсуждались и принимались обычныя политическія требованія. Наши старые, утомленные работой въ ужасной обстановкѣ врачи ожили и трогательно братались со студентами, кипящими надеждами, еще не помятыми суровой дѣйствительностью. Какъ водится, производили какіе-то сборы, ходила шапка. Все это было страшно ново для Николаевска, и, можетъ быть, потому членъ управы, а теперь и лѣтняго московскаго съѣзда, Г. тоже внесъ, на моихъ глазахъ, свою ленту въ шапку, отъ которой теперь бы съ ужасомъ отпрянулъ... Студенты ночью въ номерахъ распѣвали нѣсни свободы.

Въ скоромъ времени послѣ съѣзда были по городу разосланы и разбросаны глупѣйшія прокламаціи о какомъ-то предстоящемъ избіеніи зажиточныхъ людей, весьма подозрительной фабрикаціи. А затѣмъ послѣдовала слѣдующая бумага отъ губернатора къ саратовской жандармеріи (николаевская жандармерія своей метрополіей имѣетъ Саратовъ). Въ ней, вначалѣ, говорилось объ усиленіи въ Николаевскѣ агитаціи, о появленіи прокламацій. «Обстоятельство это, по моему мнѣнію, стоитъ въ нѣкоторой связи съ водвореніемъ на жительство въ этомъ городѣ новоизбраннаго члена уѣздной земской управы, дворянина Д. Д. Протопопова, противоправительственное направленіе котораго проявилось и ранѣе, за что онъ отбывалъ гласный надзоръ полиціи, производится (?) и теперь; онъ участвовалъ въ обоихъ неразрѣшенныхъ московскихъ (?) съѣздахъ 11 ноября 1904 г. и 6 іюля с. г., онъ участвуетъ во всякихъ (?) союзахъ, старается проник-

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1907 г.

нуть во многія уставныя общества и вездѣ вноситъ требованіе политической и личной (?) свободы; подъ его предсѣдательствомъ происходило въ Николаевскѣ въ прошломъ мѣсяцѣ совѣщаніе врачей, на которомъ производился денежный сборъ на усиленіе революціоннаго фонда (?)». «Вслѣдствіе сего» губернаторъ просилъ наблюдать и сообщать свѣдѣнія.

Въ этомъ документѣ характеренъ и русскій языкъ, и незнаніе того, что ноябрьскій съѣздъ происходилъ въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ, и обвиненіе въ участіи во всякихъ союзахъ, и противопоставленіе личной и политической свободы. Но что можно было требовать отъ человѣка, который напримѣръ былъ убѣжденъ въ томъ, что я принадлежу къ партіи с.-д.?

Въ началѣ августа я уѣхалъ въ Самару для участія въ областномъ съѣздѣ. Въ Николаевскѣ, между тѣмъ, нагрянула жандармерія и произвела обыски у служащихъ управы и чинила имъ допросъ, ровно ни къ чему не приведшій, но очень обрадовавшій ту компанію, которая уже вела подкопъ подъ новую управу. Въ управѣ нужно было усиленно работать, на дорожныхъ сооруженіяхъ нельзя было наживаться, облагать меньшую братью данями тоже было невозможно; отсюда скрытая, но глубокая ненависть къ новому составу у части самихъ управскихъ служащихъ. Еще большей ненавистью кипѣли прежніе избранники—бывшій предсѣдатель А. (онъ же уѣздный предводитель) и его единомышленники. Для нихъ хороши были всѣ средства, а изъ нихъ обвиненіе противника въ неблагонадежности было средствомъ испытаннымъ и быстро дѣйствующимъ. Оно широко и примѣнялось. Кромѣ того, сильно развивалось черносотенство, усилившееся параллельно росту революціоннаго настроенія, какъ отвѣтъ на это настроеніе со стороны безсознательнаго обывателя. Мелкій служащій управы З. громко проповѣдовалъ въ управѣ принципы союза русскихъ людей. Уволенный за пьянство и немедленно нашедшій пристанище въ полицейскомъ управленіи, онъ сталъ злѣйшимъ врагомъ управы.

Какъ въ микрокосмѣ, повторялись въ глухомъ уѣздномъ городкѣ общерусскія картины. Приходилось дѣлать заразъ двѣ работы—политическую и культурную и въ то же время обороняться отъ тѣхъ, кто, ненавидя насъ за культурную работу, а, главное, за отобраніе у нихъ власти, вліянія и доходовъ, использовалъ малѣйшій поводъ для того, чтобы крикнуть: «слово и дѣло». А такіе поводы всегда должны были быть. Но вѣра въ грядущій переворотъ поддерживала насъ, и мы бодро смотрѣли впередъ, полагая, что нашимъ противникамъ уже не поднять опять головы.

Въ августѣ, 6-го и 7-го, состоялся въ Самарѣ первый областной земскій съѣздъ. Собралось около 40 человѣкъ изъ губерній Симбирской, Самарской, Уфимской и Саратовской. Преобладалъ второй элементъ, но были представители и третьяго элемента. Помѣщеніемъ съѣзда служила небольшая крытая баржа, спеціально устроенная для прогулокъ, которую водилъ пароходикъ. Съѣздъ крейсировалъ два дня, отъ 12 час. дня до 8 ч. вечера, то уходя выше Самары, то опускаясь ниже, и находясь въ предѣлахъ то Самарской, то Симбирской губерніи. Въ перерывахъ при-

ставали къ берегу и гуляли по утопающимъ въ свѣжей зелени буеракамъ Жигулевскихъ горъ. Величественные виды проходили предъ нашими глазами во время засѣданій. Рѣдкій съѣздъ происходилъ въ болѣе своеобразной обстановкѣ.

Нельзя сказать, чтобы съѣздъ вышелъ удачный: вообще пора съѣздовъ отходила; замѣчалось быстро назрѣвающая потребность въ партіяхъ, по которымъ должны были распредѣлиться элементы, общавшіеся на съѣздахъ; ни эти съѣзды, ни союзъ «Освобожденія», ни союзы служащихъ не могли отнынѣ объединять тѣхъ, кто потомъ разбился между к.-д., октябристами, н. с. и трудовиками.

Поэтому на съѣздѣ возникли прежде всего продолжительныя и столь обычныя на всякихъ русскихъ собраніяхъ пренія о томъ, какъ организовать дальнѣйшіе съѣзды и какое вообще должно быть на нихъ представительство. Споры эти заняли порядочно времени. Затѣмъ рѣчь пошла о средствахъ борьбы съ правительствомъ, доступныхъ земствамъ. Подробно обсуждалась земская забастовка, но она была отвергнута въ виду многихъ неудобныхъ ея сторонъ и неблагопріятнаго отъ нея впечатлѣнія на народъ; указывалось и на то, что она мыслима только въ формѣ участія въ общей забастовкѣ. Призывъ населенія къ неплатежу налоговъ былъ отвергнутъ въ виду ничтожности прямыхъ налоговъ и опасности оскудѣнія земскихъ кассъ; но отказъ въ дачѣ рекрутъ былъ принятъ. «Правительство тогда останется, какъ щука на пескѣ», замѣтилъ кто-то. Мысль объ этихъ двухъ способахъ борьбы съ властью (копіяхъ европейскихъ рецептовъ), какъ крайнихъ изъ не насильственныхъ, возникала очень часто въ той средѣ, которая меньше, чѣмъ черезъ годъ выпустила выборгское воззваніе: въ числѣ 40 членовъ «пловучаго» съѣзда было 7 будущихъ депутатовъ первой Думы—всѣ они подписали выборгское воззваніе.

Бурныя пренія вызвалъ вопросъ объ участіи въ булыгинской думѣ (манифестъ 6 августа мы получили на второй день съѣзда). Большинство видѣло въ законѣ прямую пощечину безцензовой интеллигенціи и рабочимъ, т.-е. именно тѣмъ, кто больше другихъ принесли жертвъ за свободу. Большинство участниковъ съѣзда отстаивали воздержаніе отъ выборовъ, такъ называемый «бойкотъ». Будущій саратовскій депутатъ Котляревскій, наоборотъ, доказывалъ, приводя историческіе примѣры, неизбѣжную неудачу тактики бойкота. Раздавались голоса о томъ, что булыгинской Думѣ, все равно, не бывать.

Въ двадцатыхъ числахъ августа мы созвали въ Николаевскѣ особое крестьянское совѣщаніе для опредѣленія потребности въ прокормленіи скота (грозили голодъ и безкормица) и для разсмотрѣнія вопросовъ, связанныхъ съ прокормленіемъ. Сперва назвали было это совѣщаніе уѣзда экономическимъ совѣтомъ, но потомъ были вынуждены измѣнить названіе, вслѣдствіе телеграфныхъ угрозъ губернатора.

Совѣщаніе вышло очень интересное. Наѣхало до 100 человѣкъ, вы-

борныхъ отъ волостей. Въ залѣ, гдѣ до того времени крестьяне сиживали лишь небольшой кучкой гласныхъ, впервые засѣдалъ почти сплошной крестьянинъ. Нужно ли говорить, что порядокъ и соблюденіе очереди были образцовые. Вниманіе громадное. Быстро разобрались въ вопросѣ о прокормленіи скота. Переговорили и насчетъ общественныхъ работъ. А затѣмъ пошла рѣчь о передачѣ земству всего продовольственнаго дѣла, объ отмѣнѣ опеки надъ крестьянами, объ уничтоженіи сословій, о земельномъ вопросѣ.

Крестьяне спрашивали разъясненій объ избирательномъ законѣ и вообще о положеніи 6 августа; ясно было, что среди нашихъ крестьянъ сторонниковъ думскаго бойкота быть не можетъ. Въ другихъ вопросахъ крестьяне не соглашались съ радикальной ихъ постановкой, принимая ее, однако, какъ нѣчто, связанное съ тѣмъ, что для нихъ казалось важнѣе всего—съ разрѣшеніемъ аграрнаго вопроса.

Одинъ изъ членовъ управы задалъ вопросъ:

— Ну, скажите, господа, по чистой совѣсти, сколько же земли вамъ нужно на душу, на наличную?

Зашумѣли крестьяне, повскакали съ мѣстъ. Когда они успокоились, то одинъ изъ нихъ такъ отвѣтилъ:

— Намъ чтобы по 15 десятинъ на каждую мужскую душу. Меньше никакъ невозможно.

— Но, позвольте, какъ же быть, если у кого-нибудь не хватитъ силы обработать самому такое количество? Вѣдь при 3 мужскихъ душахъ это будетъ 45 десятинъ на дворъ.

— Принаймется себѣ кого, а то и продастъ (т.-е. сдастъ въ аренду)...— послѣдовалъ классическій отвѣтъ.

Нужно замѣтить, что нашъ относительно многоземельный (болѣе 5 дес. на душу въ среднемъ) уѣздъ очень далеко ушелъ въ смыслѣ денежнаго хозяйства: крестьяне сѣютъ яровую пшеницу на своей или на 1 годъ арендуемой землѣ, продаютъ ее и на вырученныя деньги покупаютъ на базарахъ рѣшительно все,—не говоря уже объ одеждѣ, но даже овощи и пшено. Натуральнаго хозяйства почти нѣтъ; дифференціація крестьянъ полная — мало-мальски зажиточные крестьяне никакой полевой работы сами не дѣлаютъ; все исполняется наймомъ; зато въ каждомъ селѣ много такой бѣдноты, у которой даже коровы нѣтъ и которая лѣто работаетъ на богатыхъ, а зиму живетъ, питаясь мукой, получаемой взаймы, подъ лѣтнюю работу. Немало живетъ по селамъ и «странныхъ» (пришельцевъ) ремесленниковъ и батраковъ. Но земли всѣ хотѣли, хотя бы для того, чтобы однимъ ее снимать въ аренду у другихъ за дешевую плату.

Когда же былъ поставленъ вопросъ о возможности переселеній въ Самарскую губернію изъ малоземельныхъ мѣстностей, то поднялась цѣлая буря. Крестьяне указывали на то, что громадное большинство владѣльческихъ земель въ уѣздѣ арендуются крестьянами, у которыхъ, прежде всего, нехватаетъ сѣнокосовъ. Передача этой земли переселенцамъ повела бы

за собой ломку существующаго, налаженнаго хозяйства. «Мы такъ располагаемъ,—говорили крестьянскіе ораторы,—что въ нашу губернію никого чужого пущать нельзя; она для насъ и для дѣтей нашихъ; а которые безземельные изъ другихъ мѣстъ, то пускай себѣ мимо насъ идутъ, въ дальнюю Сибирь: тамъ, сказываютъ, вольныхъ земель довольно. А то насъ разорите, да и имъ не поможете: они у насъ хозяйствовать не смогутъ. Вонъ удѣльные хохлы; развѣ хорошо живутъ? Начисто разорились — потому непривычные они къ нашему мѣсту».

Въ общемъ, это совѣщаніе оставило очень дѣловитое впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ, совершенно противоположное тому, что я выносилъ, присутствуя, ex officio, въ продовольственныхъ засѣданіяхъ уѣзднаго съѣзда (уѣздъ въ 1905 г. былъ постигнутъ неурожаемъ). Это было что-то хаотическое: достаточно сказать, что мы, представители земства, прямо столбенѣли, видя, какъ въ свѣдѣніяхъ, представляемыхъ земскими начальниками, волости съ посредственнымъ урожаемъ были представлены обреченными на голодъ и наоборотъ.

Въ началѣ сентября состоялось экстренное уѣздное собраніе относительно того же прокормленія скота. Опять пріѣхали представители отъ волостей, которымъ было предоставлено право совѣщательнаго голоса. Въ концѣ-концовъ, договорились и установили порядокъ отпуска денежныхъ средствъ управой особымъ волостнымъ комитетамъ. Началось же съ инцидента: предводитель А. былъ въ нетрезвомъ состояніи и сталъ говорить дерзости предсѣдателю управы. Его образъ дѣйствій былъ управой обжалованъ Сенату, немедленно въ 1905 г., но пока резолюціи еще, кажется, не послѣдовало.

Московскій сентябрьскій съѣздъ оставилъ только то впечатлѣніе, что нужно скорѣйшее образованіе партіи. Бойкотъ Думы былъ тамъ проваленъ всѣми голосами противъ одного нашего гласнаго Ш., который упорно отстаивалъ свою позицію.

Между прочимъ, Ш. мнѣ передавалъ, что Стэду въ Царскомъ Селѣ было опредѣленно заявлено, что свободы будутъ даны въ самомъ непродолжительномъ времени. Присутствовалъ я и на томъ собраніи, гдѣ столь жестоко, но заслуженно отдѣлали Стэда.

Побывавъ въ Петербургѣ по дѣлу объ отпускѣ уѣзду средствъ на прокормленіе скота и подивившись на мягкотѣлость и неосвѣдомленность высшихъ министерскихъ сферъ, съ которыми пришлось вести переговоры, я въ двадцатыхъ числахъ сентября вернулся въ Самару, гдѣ мы 26 сентября положили основаніе группѣ к.-д. партіи. Это былъ актъ пока чисто формальный. Малочисленна была группа и трудновато было привлекать въ нее членовъ. Многіе интеллигенты ставили вопросъ, почему же не вступать въ существующія крайнія партіи? Въ чемъ же, въ сущности, различіе? Вскорѣ получили мы проектъ программы партіи, напечатанной въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Пунктъ, вызывавшій наибольшія разногласія, былъ аграрный—многихъ коробило отчужденіе по справедливой оцѣнкѣ. Нужно ска-

зать, что программа обсуждалась въ собраніяхъ возникшей «конституціонной лиги», ставившей себѣ цѣлью участіе въ предвыборной кампаніи; въ эту же лигу входило не мало лицъ либо безпартійныхъ, либо сочувствовавшихъ крайнимъ партіямъ.

Послѣдніе дни сентября и начала октября я провелъ въ Николаевскѣ, гдѣ мы лихорадочно готовились къ земскому собранію, погруженные въ вопросы о переводѣ всѣхъ расходовъ на школы и медицину на земскій счетъ, о новыхъ техническихъ способахъ постройки зданій изъ самана на желѣзныхъ остовахъ, объ улучшеніи положенія учителей, объ учрежденіи новыхъ читаленъ, объ устройствѣ педагогическаго музея и общеобразовательной библіотеки при управѣ, объ учительскомъ съѣздѣ, выработкѣ нормальной школьной и медицинской сѣти и т. д. На скорую руку справляли текущее дѣло и опять съ головой уходили мы въ совѣщанія, писаніе и редактированіе докладовъ. Дружно работалъ весь третій элементъ, вкладывая душу въ дѣло, не досыпая ночей, еле успѣвая перекусить. И какъ правъ былъ онъ черезъ нѣсколько дней, горько кляня культурную работу (на которую его, однако, тянуло), когда черезъ нѣсколько дней «старая» партія сорвала собраніе обычнымъ пріемомъ—пріѣздомъ въ городъ, и отсиживаніемъ по номерамъ, не являясь въ собраніе. А если бы собраніе состоялось, они были бы тутъ какъ тутъ и явились бы на него, чтобы противодѣйствовать начинаніямъ, имъ столь непріятнымъ (въ 1905 г. земскіе сборы повысились съ 12 до 17 коп. съ десятины; впереди можно было ожидать еще большаго «угнетенія»). Съ чувствомъ глубокой обиды глядѣли мы на кипы докладовъ, въ которые мы вложили столько энергіи и надеждъ и которымъ теперь предстояло покрываться пылью.

8 октября я пріѣхалъ въ Самару по земскимъ дѣламъ. Побывавъ въ «конституціонной лигѣ», гдѣ мы собрали на предвыборную агитацію до 2,000 руб., я собирался ѣхать къ Москву на учредительный съѣздъ к.-д. партіи.

Въ это время и въ Самарѣ началось то, что потрясло всю Россію, что кореннымъ образомъ измѣнило жизнь массы людей.

Сперва пошли слухи о небольшой забастовкѣ желѣзныхъ дорогъ. Никто этому извѣстію не придавалъ значенія. Не успѣли, однако, опомниться, какъ бастовали уже 27 дорогъ. Стала и наша дорога.

11 октября должно было состояться засѣданіе городской думы, въ которомъ гласный Х. намѣревался предложить выставить требованіе учредительнаго собранія. Но это предложеніе было отвергнуто въ частномъ совѣщаніи. Послѣ этого, толпа, наполнявшая часть думы, заняла все помѣщеніе и устроила тамъ митингъ. Гласные ушли, предоставивъ залъ толпѣ. Начались рѣчи. Предложеніе благодарить гласныхъ за помѣщеніе было отвергнуто. Говорили о связи экономическихъ требованій съ политическими—скучно, общими мѣстами. Я стоялъ у входа въ залъ; кругомъ стояли рабочіе:—«Чего онъ тамъ несетъ!—говорилъ одинъ,—опять

жанитель свою затянули, а тутъ надо бы говорить, чего намъ завтра дѣлать». Я рано ушелъ и не знаю, до чего тамъ договорились. Насколько сильна была привычка къ кружковымъ, несрочнымъ, неконкретнымъ разсужденіямъ, унаслѣдованная отъ прежняго періода, видно изъ того, что въ Москвѣ, вечеромъ 8 декабря, когда войска уже подходили къ «Акваріуму», тамъ «вызвались говорить,—по предложенію предсѣдателя митинга,—3 оратора, одинъ изъ нихъ — *на тему о косвенныхъ налогахъ*». (Москва въ декабрѣ 1905 г. стр. 34).

11 октября началась забастовка и въ городѣ. Съѣздъ служащихъ губернской управы забастовалъ и выставилъ 45 пунктовъ обычныхъ профессіональныхъ требованій. Придя случайно, по дѣлу, въ губернскую управу, я попалъ на митингъ служащихъ, гдѣ пришлось предсѣдательствовать. Говорились горячія рѣчи, было много постороннихъ; составъ управы допрашивали объ отношеніи къ забастовкѣ; управа увиливала, но обѣщала никого за нее не преслѣдовать. Было шумно, бурно.

12 октября главная улица города и площадь представляли замѣчательный видъ, котораго видѣвшіе его ввѣкъ не забудутъ. Стояли мягкіе октябрьскіе деньки, столь частые въ этомъ краю. Ясное небо, глубокая тишина, яркое, но не жгучее солнце. Бѣлые дома съ зелеными крышами, а изъ поперечныхъ улицъ виды на зеркальную Волгу и величественную панораму нагорнаго берега, съ желтѣющими жнивами и съ лѣсами, одѣтыми «въ багрецъ и золото». Съ 9—10 часовъ утра сплошныя толпы заливали улицы. Всѣ были тутъ—рабочіе, учащіеся, купцы, чиновники, запасные солдаты, приказчики. Удивительно радостное, особое какое-то настроеніе, какъ будто каждый хочетъ сказать: Вотъ что дѣлается! Вотъ до чего дожили! Ходятъ и закрываютъ послѣдніе магазины. Встрѣтившись съ пріятелями, я сталъ на углу Алексѣевской площади.

— Господа,—сказалъ кто-то:—вѣдь это революція; вѣдь, это чисто революціонныя сцены.

Громкое «ура», слѣва—это «сняли» канцелярію губернатора. «Ура» справа: выходятъ изъ окружнаго суда «снятые» судейскіе, съ прокуроромъ во главѣ: «Ура, прокуроръ!»

У памятника Александра II — митингъ. Худощавый «товарищъ» (заѣзжій) говоритъ рѣчь—на обычныя темы.

— Какой же вамъ надо свободы: казенной или народной?

— Извѣстно, народной,—отвѣчаютъ нѣсколько голосовъ.

Въ толпѣ—приставъ одной изъ частей; добродушно слушаетъ. Къ нему отношеніе вполнѣ доброжелательное: что же, и онъ человѣкъ; послушаетъ, авось лучше станетъ.

Вообще удивительный день, удивительныя настроенія,—точно что-то стихійное, большое, властное налетѣло, подчинило и повлекло за собой всѣхъ. И люди этому радостно отдавались. Но что это былъ конечный, общій натискъ, никто этого не думалъ.

Затѣмъ—митингъ за городомъ. Обычныя боевыя резолюціи. Забастовалъ и телеграфъ.

На слѣдующій день, 13-го—перемѣна. На Алексѣевской площади солдаты, ружья въ козлахъ; казаки съ лошадьми въ поводу (они впервые появились въ Самарѣ весной 1905 года изъ-за волненій портовыхъ грузчиковъ. Рѣшетка сада заперта. Настроеніе въ городѣ тревожное. Говорятъ о томъ, что пойдутъ «разбивать тюрьму». «Товарищи» уходятъ за городъ. Погода пасмурная. На засѣданіи «конституціонной лиги», мы, даже не будучи въ законномъ числѣ, рѣшаемъ, что булыгинской Думы не бывать, что нарождается что-то совсѣмъ иное, и постановляемъ отдать наши 2,000 руб. въ руки крайнихъ на продолженіе борьбы. Въ видѣ аргумента указываемъ другъ другу на улицу, по которой, мимо оконъ нашего помѣщенія, идутъ народныя толпы, направляющіяся на митингъ. Протестуетъ одинъ Морозовъ, «нынѣ высланный за границу». Онъ увѣрялъ, что деньги попадутъ къ с.-д., а къ ихъ дѣятельности онъ относился отрицательно, считая ихъ доктринерами, плетущимися въ хвостѣ движеній, возникающихъ стихійно.

Присутствіе солдатъ на улицахъ имѣло обыкновенное послѣдствіе — столкновеніе съ толпой, при чемъ причину этого столкновенія, тоже, какъ водится, выяснить съ точностью не удалось.

Въ этотъ день митингъ происходилъ за городомъ. Я былъ на собраніи родителей въ частной школѣ Х., гдѣ мы рѣшили не начинать прерванныхъ занятій въ виду опасности для дѣтей отъ присутствія солдатъ на улицахъ; попутно заговорили объ общемъ положеніи; послѣ нѣкоторой оппозиціи была принята резолюція объ учредительномъ собраніи на основѣ четырехчленной формулы.

Было около 8 часовъ вечера, когда я вышелъ на улицу; я задержался нѣсколько у подъѣзда и вижу, идетъ толпа, возвращаясь изъ-за города, черной стѣной, въ ширину всей улицы. Полная тишина, только слышно, какъ стучатъ ноги по асфальту, да перекликаются мальчишки, бѣгущіе впереди и по бокамъ толпы. Впереди, на нѣкоторомъ разстояніи, идетъ полицеймейстеръ К., дѣлавшій въ эти дни — нужно ему отдать справедливость,—все, чтобы придать движенію мирный характеръ, чтобы избѣжать кровопролитія. Я пропустилъ толпу, въ которой, мнѣ кажется, было не болѣе 400—500 человѣкъ, и пошелъ въ послѣднихъ ея рядахъ, направляясь домой. Спокойно прошли мы одинъ кварталъ и подходили уже къ концу втораго, къ зданію почты и телеграфа, расположенному въ самомъ бойкомъ мѣстѣ города. Толпа вдругъ остановилась; щелкнуло нѣсколько слабыхъ выстрѣловъ; а затѣмъ оглушительное «д-рръ!» одинъ залпъ, потомъ другой, за нимъ третій. Звуки такіе, словно камнями швыряютъ въ желѣзный листъ. Поднялись крикъ и вой. Толпа бросилась назадъ. Ужасенъ видъ панически испуганной толпы: одни летятъ быстро, легко, какъ убѣгающіе зайцы, другіе грузно, шатаясь; третьи оступаются, падаютъ, и надъ ними сейчасъ же образуется куча упавшихъ на нихъ... Меня толпа было смяла, но потомъ потащила, и я, не помню какъ, очу-

тился въ какомъ-то тѣсномъ дворѣ, гдѣ было насъ человѣкъ 20. Нѣсколько молодыхъ рабочихъ быстро полѣзли куда-то, застучали по желѣзной крышѣ и перелѣзли, вѣроятно, въ сосѣдній дворъ. Какая-то молоденькая барышня металась по двору, увѣряя, что мы пропали, войдя во дворъ, что здѣсь насъ зарубятъ, какъ въ Саратовѣ. Мы ее успокаивали, какъ могли. Залпы продолжались. Потомъ затихли. Ворота отперли, и молодой голосъ крикнулъ изъ-подъ воротъ: «Выходите! во дворахъ хуже». На улицѣ почти никого не было. Стояло двое рабочихъ, одинъ весь растерзанный, и говорили, что надо бы «еще имъ всыпать».—У зданія почты были лужи крови.

Раненымъ тяжело оказался одинъ рабочій, вскорѣ умершій. Было еще 9 человѣкъ раненыхъ легче, поступившихъ въ земскую больницу. Пули оставили слѣды въ рамахъ магазиновъ, въ вывѣскахъ.

Истину выяснить не удалось. Утверждали, что казаки у телеграфа были пьяны, что толпа хотѣла снять телеграфистовъ или телефонистокъ, что когда казакъ ударилъ кого-то, то изъ толпы тогда выстрѣлили; казаки дали залпъ, потомъ другой, третій; имъ отвѣчали; казаки, услышавъ отвѣтную пальбу, ускакали. Говорили о 4 раненыхъ казакахъ, но оказалось, что револьверная пуля только вдавила одному казаку кожу сапога въ ногу, не пробивъ сапога.

На третій день, 14 октября, возбужденіе въ городѣ было очень велико. Администрація была смущена, но оправдывала казаковъ тѣмъ, что изъ толпы раздавались возгласы о пріостановкѣ работы телеграфа и что первые выстрѣлы были сдѣланы изъ толпы же.

Въ 12 час. дня собралось засѣданіе у пароходчика Б. Въ немъ участвовали многіе изъ тѣхъ, кто потомъ образовали комитетъ общественной безопасности. Участвовали представители болѣе сознательной буржуазіи, движимые страхомъ за собственную безопасность. Тѣмъ болѣе, что ходилъ слухъ, что рабочіе собираются поджечь нефтяные склады, если войска не будутъ выведены изъ города. А пожаръ этихъ складовъ, при извѣстномъ направленіи вѣтра, грозилъ бѣдой всему городу. Было въ совѣщаніи не мало и «товарищей».

Говорили объ общемъ положеніи дѣлъ. Старый с.-д. замѣтилъ мнѣ:

— Эта революція особенная; совсѣмъ иная, чѣмъ до сихъ поръ бывшія. Она—сознательно пролетарская.

Рѣшили ѣхать къ губернатору переговорить объ удаленіи войскъ съ улицъ—иначе могло произойти новое кровопролитіе. Человѣкъ 10 поѣхало насъ къ губернатору; онъ жилъ еще въ лѣтнемъ помѣщеніи, на другомъ концѣ города, за струковскимъ садомъ. Во дворѣ дачи тѣсно стояли осѣдланныя казачьи лошади съ навѣшенными торбами, бродили казаки. Въ передней лежали казачьи офицерскія фуражки. Оказалось, что у губернатора какъ разъ въ это же время происходило совѣщаніе о томъ, какъ дальше быть. Вице-губернаторъ Кондоиди и казачье начальство стояли за рѣшительность. Губернаторъ сказалъ намъ, что онъ, пожалуй, согласенъ удалить войска съ улицъ, но подъ условіемъ прекращенія уличныхъ де-

монстрацій и съ тѣмъ, что войска всетаки останутся внутри охраняемыхъ учрежденій; присутствія же войска около почты и телеграфа требуетъ начальникъ этихъ учрежденій. Съ этимъ отвѣтомъ, подъ проливнымъ дождемъ, поѣхали мы было за Самарку, гдѣ происходилъ митингъ, но онъ уже окончился. Ѣдучи по Алексѣевской площади, мы видѣли, какъ садились на коней и трогались промокшіе казаки. Рѣшили побывать на телеграфѣ. Черезъ громадныя опустѣвшія аппаратныя залы прошли мы въ небольшую комнату, гдѣ находился телеграфный начальникъ, командиръ Березовскаго пѣхотнаго полка, и куда вскорѣ вошло нѣсколько чиновниковъ. Мы старались убѣдить начальника, что наружная охрана войска ему не нужна, что ни у кого въ головѣ нѣтъ намѣренія портить ввѣренные ему аппараты, а что присутствіе наружной охраны можетъ только вести къ новому кровавому столкновенію. Начальникъ округа, крайне ограниченный нѣмецъ и въ обыкновенное время поразительно грубый съ подчиненными, имѣлъ теперь видъ очень жалкій и растерянный и все твердилъ, что наружная охрана нужна уже потому, что его чиновники не ходятъ на службу, боясь уличной толпы. Мы возражали, взывая къ здравому разсудку: «Но чѣмъ же поможетъ ихъ правильному посѣщенію службы охрана, стоящая около телеграфа? Вѣдь, разсуждая такъ, какъ вы, нужно бы конвоировать каждаго чиновника домой и обратно, на службу». Тучный, красный начальникъ въ отвѣтъ начиналъ повторять то же самое. Очевидно, событія сбили его съ толку. Никакъ нельзя было даже ему втолковать, что рѣчь идетъ лишь о томъ, чтобы убрать солдатъ съ улицы, а у себя въ зданіи пусть онъ держитъ ихъ, сколько угодно.

Тутъ въ разговоръ вмѣшался командиръ полка, небольшого роста, худенькій, смуглый, жесткій такой. «Если нужно будетъ, мы своими трехлинейными цѣлыя горы положимъ изъ этой сволочи, а держать солдатъ въ аппаратныхъ неудобно: могутъ начать стрѣлять по окнамъ». — «Въ томъ, что вы, полковникъ, будете храбро дѣйствовать противъ безоружной толпы, что вы съ успѣхомъ можете устроить второе 9 января,—въ этомъ мы нисколько не сомнѣваемся; а кто въ вашихъ солдатъ собирается стрѣлять, вотъ этого мы не знаемъ, потому что нѣтъ на то охотниковъ»—отвѣчали ему.

Этотъ же полковникъ 11 декабря положилъ конецъ революціонному движенію въ Самарѣ, о чемъ рѣчь впереди.

На четвертый день, 15 октября, былъ митингъ въ большомъ городскомъ (струковскомъ) саду. Погода была скверная: сѣверный вѣтеръ, временами мокрый снѣгъ. Народъ собирался вяло и озираясь. Въ павильонѣ, гдѣ лѣтомъ играетъ музыка, помѣстились руководители. Предсѣдательствовалъ тотъ же интеллигентъ небольшого роста съ усталымъ ртомъ, котораго я видѣлъ у памятника. Говорилъ больше всего другой, черноватый и плотный, похожій на еврея; но «товарищи» мнѣ говорили, что онъ не еврей и что онъ докторъ философіи иностраннаго университета. Говорилъ онъ хорошо, съ громаднымъ увлеченіемъ, образно, ярко—объ общемъ положеніи, о «крас-

ныхъ сотняхъ», которыя столь же нужны народу, какъ красное солнце—землѣ, о вооруженномъ возстаніи. Послѣдняя мысль была встрѣчена одобрительно, особенно группой типичныхъ «горчичниковъ», стоявшихъ около меня. («Горчичники»,—это спеціальный самарскій терминъ, равнозначный «посадскому» въ окрестностяхъ Петербурга. Это компаніи молодыхъ людей, одѣвающихся одинаково, по своей особой модѣ—обыкновенно короткіе теплые пиджаки, шаровары и лаковые сапоги—ходящіе по улицамъ и по злачнымъ мѣстамъ, дерясь между собой, производя шумъ, задѣвая и избивая прохожихъ, разбивая окна, портя, что можно испортить; «горчичниками» бываютъ приказчики, рабочіе, мастеровые, мѣщане и т. п. Такъ и говорятъ: «Задѣлался горчичникомъ», «поступилъ въ горчичники», или «онъ теперь это бросилъ, онъ болѣе не горчичникъ». Источники горчичничества—удаль молодецкая, которой нѣтъ иного выхода вслѣдствіе отсутствія образованія, разумныхъ развлеченій, легальныхъ профессіональныхъ и иныхъ организацій, а также темнота и пустынность улицъ и малочисленный и плохой составъ городской полиціи. «Дни свободы» дѣйствовали, подобно газамъ, во всѣ стороны и были использованы горчичниками въ смыслѣ усиленныхъ уличныхъ безобразій, чему не мало способствовало двусмысленное поведеніе полиціи, во всей Россіи вдругъ начавшей исповѣдывать принципъ «laisser faire» относительно уличныхъ безобразій).

Долженъ сказать, дѣлая небольшое отступленіе,—нѣсколько словъ про пресловутую проповѣдь вооруженнаго возстанія. Оглядываясь назадъ, я вижу, что въ Самарѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, это было нѣчто своеобразное, нѣчто такое, чего нельзя было буквально понимать. Теперь соглашаются, что это было не реальное подготовленіе къ возстанію (въ смыслѣ закупки оружія, раздачи его, организаціи кадровъ, сбора денегъ и всего этого въ широкихъ размѣрахъ, соотвѣтственно размѣрамъ самой задачи—поднять всю страну — вещь, кстати сказать, врядъ ли вообще возможная въ современномъ государствѣ),—это было скорѣе отстаиваніе полемически-тактическаго тезиса, что только народное возстаніе можетъ кореннымъ образомъ покончить со старымъ режимомъ. Этотъ пріемъ противополагался другимъ — конституціонной борьбѣ либераловъ, террору с.-ровъ и, какъ таковой, проповѣдывался на митингахъ и въ печати. Оружія, мы знаемъ, вездѣ бывало очень мало, денежные сборы давали тоже мало, наприм., въ Москвѣ, несмотря на общее возбужденіе, наканунѣ декабрьскаго возстанія, собрано было въ одномъ мѣстѣ 110, а въ другомъ—*7 р.* (Кохановскій: «Москва въ декабрѣ 1905 г.», стр. 41).

Холодное оружіе, которое въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ ковали рабочіе, годилось только противъ черной сотни. Велась также пропаганда среди войскъ, но она, какъ извѣстно, практическимъ послѣдствіемъ имѣла развѣ усиленіе ассигнованій народныхъ денегъ на улучшеніе солдатской обстановки, во имя какового улучшенія и удавалось подвигать войска на поступки, которые вообще скорѣе можно назвать нарушеніями дисциплины, чѣмъ возстаніями.

Наконецъ, вооруженное возстаніе понималось, такъ сказать, въ пространствѣ, т.-е. безъ назначенія срока, опять-таки какъ общій революціонный принципъ. Но въ то же время, для борьбы съ черной сотней, накоплялось кое-какое оружіе, отчасти на средства запугиваемой буржуазіи; и вотъ наличность сотни, другой револьверовъ (обыкновенно дешевки и розданныхъ на руки лицамъ, неумѣющимъ хорошо стрѣлять—этому искусству нельзя научиться въ 2 недѣли), двадцати-тридцати браунинговъ, десятка винчестеровъ или маузеровъ—наличность этого оружія начинала оказывать свое особое дѣйствіе, начинали говорить: «Мы недурно вооружены», забывая, что это вооруженіе годно лишь противъ черной сотни, *неподдерживаемой войсками*. Проповѣдь вооруженнаго возстанія сливалась съ непосредственнымъ чувствомъ задора и увѣренности, которое возникаетъ у вооруженнаго человѣка, и вслѣдствіе этого дѣлались попытки, оканчивавшіяся немедленной неудачей.

Въ Москву нельзя мнѣ было ѣхать изъ-за забастовки, нужно было возвращаться въ уѣздный городъ. Я выѣхалъ 16-го, но страшная мятель 17—18 октября задержала меня въ пути; снѣгъ смѣшался съ грязью и ѣхать было невозможно. Кое-какъ дотащился я обратно до Самары. Этотъ буранъ, обстоятельство случайное, рѣшилъ мою судьбу. Не знаю, что было бы со мной далѣе, если 20 октября рано утромъ я не вернулся бы въ Самару.

Дома мнѣ первымъ дѣломъ подали манифестъ. Въ полушубкѣ, весь перепачканный дорожной грязью, сѣлъ я его читать. И странная вещь! онъ не произвелъ на меня сильнаго впечатлѣнія.

Почему-то радость была у меня скорѣе формальная. Обѣщанія манифеста были платоническаго свойства. А въ то же время чувствовалось, что легко какъ-то все досталось. Вліяло и вошедшее въ плоть и кровь недовѣріе къ правительству, а также то, что во главѣ министерства оставались прежнія личности.

Среди знакомыхъ ликованія я не засталъ и слѣда. Ихъ настроеніе стало мнѣ понятно, особенно когда я прочелъ послѣдующее «разъясненіе» о томъ, что все въ Россіи должно оставаться пока по-старому. А далѣе немедленно стали приходить ужасныя вѣсти про Казань, Москву, Одессу, Кіевъ, Минскъ, Тверь, Томскъ и др. Бывало прочтешь и рукой по лицу проведешь,—неужели это правда? И это при свободѣ? Загадочное же бездѣйствіе властей или ихъ даже содѣйствіе немногочисленнымъ шайкамъ погромниковъ, остававшееся совершенно безнаказаннымъ, еще болѣе сбивало съ толку. Начались къ тому же тяжкія осложненія и въ самой Самарѣ, о чемъ рѣчь впереди.

Само собой какъ-то вышло такъ, что я немедленно вступилъ въ образовавшійся, тоже какъ-то самъ собой, самарскій комитетъ общественной безопасности и оставилъ пока всякую мысль о возвращеніи въ уѣздный городъ.

Комитетъ общественной безопасности составился изъ делегатовъ отъ

всѣхъ организацій. Я пошелъ туда отъ партіи к.-дем.; М.—отъ «конституціонной лиги», другіе—кто отъ желѣзно-дорожнаго союза, кто отъ с.-д., отъ с.-рев., отъ бундистовъ, отъ адвокатовъ, отъ биржевого комитета и т. д. Были совсѣмъ, конечно, мнимыя представительства. Было избрано бюро, назначены дежурства, установлена связь съ формировавшимися дружинами самообороны.

20 или 21 числа въ комитетѣ было газетамъ поставлено рѣшительное требованіе, чтобы они немедленно начали выходить безъ цензуры.

Администрація ссылалась на распоряженіе о томъ, что, несмотря на манифестъ, слѣдуетъ руководствоваться существующими правилами о печати. Газеты нѣкоторое время не рѣшались сдѣлать рѣшительный шагъ—этому противились издатели. Но духъ времени взялъ верхъ, и вотъ впервые увидѣли мы газету, вышедшую въ Самарѣ безъ цензурнаго билета. Сдѣлали даже такъ, что звѣздочкой отмѣтили тѣ мѣста, которыя были вычеркнуты вице-губернаторомъ въ послѣднихъ посланныхъ къ нему гранкахъ. Администрація была смущена, но вынуждена молчать и терпѣть. Странно, непривычно было читать статьи и корреспонденціи, въ которыхъ вещи назывались собственными именами.

Но въ первыхъ же свободныхъ номерахъ обѣихъ газетъ (с.-р. и с.-д. направленія) стали жестоко нападать на либеральную буржуазію, «которая» и т. д. и проводить дешевыя параллели между переживавшимся моментомъ и положеніемъ Германіи въ 1848 г. (по извѣстной книгѣ Маркса «Революція и контръ-революція въ Германіи»). Даже рядомъ съ фамиліями прусскихъ министровъ въ скобкахъ ставилось для поясненія,—«наши Родичевъ и Петрункевичъ». Была совершена та грубая тактическая ошибка, за которую мы продолжаемъ расплачиваться поднесь.

Одновременно комитетъ общественной безопасности сталъ искать выхода изъ создавшагося въ Самарѣ положенія дѣлъ.

Послѣ 15 октября произошло слѣдующее:

Желѣзно-дорожная забастовка продолжалась до 21 или 22 октября. Въ хорѣ общаго къ ней сочувствія начала, однако, слышаться дисгармонія. Протестовали и отправители, и пассажиры, а, главное, тѣ мелкіе хозяева, наприм., ломовые, которые кормились отъ желѣзной дороги. Говорили, что съ окончаніемъ забастовки пришлось поспѣшить уже потому, что ломовики грозили взяться за оглобли и избить желѣзнодорожниковъ. Ѣдучи въ конкѣ, мнѣ пришлось слышать рѣзкую брань противъ забастовщиковъ: «разворъ одинъ отъ нихъ». Становилось ясно, какая палка о двухъ концахъ такая грозная забастовка, какъ желѣзно-дорожная; она бьетъ по массѣ лицъ, независимо отъ того, сочувствуютъ они цѣли забастовки или нѣтъ; она поступаетъ съ ними круто, принудительно. Она для массы людей—бѣдствіе болѣе тяжкое, чѣмъ возстаніе, которое локализируется и проходитъ обыкновенно быстро: въ московскіе декабрьскіе дни въ городѣ уже торговали, когда на Прѣснѣ еще дрались.

Итакъ, затяжной характеръ забастовки создалъ много недовольныхъ.

Они были готовымъ матеріаломъ для черносотенной агитаціи, которой занимались нѣкоторые купцы и, по слухамъ, нѣкоторые агенты полиціи. Другимъ обстоятельствомъ, тоже дававшимъ пищу черносотенной пропагандѣ и являвшимся поводомъ для толковъ о погромѣ, были похороны рабочаго, умершаго отъ раны, полученной при стрѣльбѣ у зданія почты. Реакціонно настроенная публика утверждала, что при отпѣваніи этого рабочаго въ Вознесенской церкви евреи были въ шапкахъ и курили. Курилъ ли кто-нибудь въ дѣйствительности, это трудно сказать, хотя я слышалъ отъ нѣкоторыхъ безпристрастныхъ лицъ, что кто-то въ церкви курилъ. Но свидѣтелями факта они не были. Какъ бы то ни было, но этотъ слухъ послужилъ хорошей канвой для погромныхъ узоровъ. Ихъ стали усердно расшивать.

Къ этому присоединились извѣстія о безнаказанно совершавшихся погромахъ въ другихъ городахъ. На Троицкомъ базарѣ,—этой цитадели черносотенства,—пошли разговоры о томъ, что пора жидовъ бить, а кстати и всякихъ забастовщиковъ. Евреевъ въ Самарѣ, кстати сказать, было очень немного—нѣсколько ремесленниковъ, торговцевъ и затѣмъ врачи, адвокаты, какъ во всякомъ губернскомъ городѣ.

Среди этихъ тревожныхъ ожиданій незамѣтнымъ прошелъ указъ объ амнистіи, тѣмъ болѣе, что отъ него ждали гораздо большаго.

Начались для самарской интеллигенціи, примѣрно съ 22 окт., воистину ужасные дни. И долго длились они. Ничего подобнаго я никогда не испытывалъ въ моей жизни. Чувствую, какъ слабо перо мое описать ихъ такъ, какъ слѣдовало бы, но всякій, переживній подобное время въ другихъ мѣстахъ, сумѣетъ самъ восполнить пробѣлы и возстановить картину.

Въ чемъ заключался главный ужасъ этихъ дней? По-моему, во-первыхъ, въ неразъяснимомъ внутреннемъ противорѣчіи всего совершавшагося. Съ одной стороны, манифестъ и могучій, казалось, пролетаріатъ, съ другой—систематическія возмутительныя преступленія властей, остающіяся вполнѣ безнаказанными, о которыхъ раньше, при старомъ режимѣ, и слышно не было. Самооборона, милиція ничего не могли подѣлать, потому что на сторонѣ погромщиковъ были полиція, войска и казаки. Во главѣ министерства—тѣ же ненавистные люди. Губернаторы безъ инструкцій или съ сомнительными указаніями. Никакой чистки прежняго персонала. Это съ одной стороны. А съ другой, безконечно тягостна была мысль, что интеллигенціи гибель уготовляется непосредственно не оттуда, откуда она могла бы всего скорѣе того ожидать, отъ агентовъ администраціи, а отъ рукъ части населенія. Какой, кромѣ того, былъ резонъ населенію возставать противъ интеллигенціи именно теперь, послѣ манифеста? Почему именно теперь?

Самара за эти дни наполнилась откуда-то появившимися рваными людьми, типами Горькаго, злыми на весь свѣтъ, бранившимися, просившими милостыни, раздѣвавшими и грабившими прохожихъ. «Теперь, братъ, свобода—одно слово», говорили они.

Наступившее положеніе было хуже войны. Тамъ я могу обороняться всѣми средствами. Здѣсь кругомъ внѣшняя обстановка обычной мирной жизни. Но на тебя, на твой домъ, однако, во всякое время могутъ напасть. Попытайся стрѣлять (мы всѣ были вооружены), и противъ тебя могутъ быть пущены войска. Да и независимо отъ того, легко ли вообще стрѣлять въ собственныхъ согражданъ, хотя бы и ослѣпленныхъ черносотенствомъ?

Что было дѣлать кучкѣ интеллигенціи и сознательныхъ рабочихъ, имѣвшей основаніе предполагать заговоръ противъ себя? Казанскія событія были поучительны: тамъ обезоружили полицію, учредили явную милицію, дали ей бѣлыя перевязи на руку, а затѣмъ полиція, оставшаяся праздной, оглядѣлась и съ помощью войскъ перестрѣляла часть милиціи, а другую заставила сдаться. Намъ было ясно, что наша самооборона—она быстро формировалась—должна оставаться тайной, безъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ; численность ея должна быть неизвѣстной—пусть себѣ молва ее преувеличиваетъ. Затѣмъ полицію нужно оставить отвѣтственной за порядокъ и занятой своимъ дѣломъ, но подчинить надзоръ за порядкомъ не ей, а враждебной погрому артиллеріи. Всѣмъ остальнымъ силамъ дѣйствовать дружно и сообща.

Всѣ эти начала выработались въ теченіе нѣсколькихъ дней, не сразу. Члены комитета обыкновенно приходили по двое дежурить смѣнами съ 8 час. утра въ помѣщеніе охотниковской артели винныхъ сборщиковъ, гдѣ помѣщался комитетъ. Закопченая комната со столомъ и телефономъ. На столѣ листъ для записей событій по часамъ. Звонки, приходы публики, дружинниковъ, ихъ начальниковъ. Днемъ, часовъ съ четырехъ, начинали засѣдать и кончали иногда поздно въ ночь. Ни долгихъ, ни лишнихъ рѣчей, порой шумъ, но въ общемъ дѣловитое обсужденіе. Отношеніе со стороны товарищей дружинниковъ въ эти дни было корректное, дисциплинированное. Нѣкоторое время комитетъ былъ чѣмъ-то вродѣ новаго правительства, существующимъ параллельно со старымъ, которое его терпѣло въ силу того оцѣпенѣнія, въ которомъ старое правительство въ то время находилось. И это длилось довольно долго.

Важное засѣданіе имѣло мѣсто 23 октября. Въ этотъ день получены были ужасныя извѣстія изъ Томска (эти извѣстія могли вліять на настроеніе черной сотни), въ этотъ же день ожидали погрома въ части города (около Воскресенской площади), гдѣ болѣе всего живетъ «горчичниковъ». Донесенія по телефону и устно сообщались не успокоительныя: стоятъ кучками другъ противъ друга, съ одной стороны—«товарищи», а съ другой—черносотенники, переругиваются, готовыя каждую минуту открыть стрѣльбу. Въ сумеркахъ, когда народу въ комитетъ набралось много, влетаетъ пожилой соціалъ-демократъ и кричитъ: «Погромъ начался!» Затѣмъ разсказываетъ, какъ онъ отстрѣливался и какъ съ трудомъ ускакалъ на извозчикѣ отъ черной сотни. (Разслѣдованіе на слѣдующій день выяснило, что это было недоразумѣніе, что стрѣлялъ с.-демократъ по людямъ, просто обидившимся на его замѣчаніе: «это

черносотенцы». Никакого погрома не начиналось). Но впечатлѣніе его появленіе произвело. Между тѣмъ пріѣхалъ адвокатъ Спиринъ (нынѣ умершій, славный былъ человѣкъ!) и заявилъ, что самооборона слаба, что въ ней, повидимому, всего 60 человѣкъ; потому онъ ставитъ вопросъ, не слѣдуетъ ли искать помощи у артиллеріи. Общее одобреніе было ему отвѣтомъ. Но вспомнили о томъ, что войска подчинены при патрулированіи полиціи. Рѣшили хлопотать о подчиненіи патрулей офицерамъ и стремиться къ разобщенію солдатъ отъ полицейскихъ, вредно на нихъ вліяющихъ при совмѣстномъ отправленіи службы. Постановили послать депутацію къ губернатору и къ начальнику гарнизона, ген. Сергѣеву.

Залъ засѣданія представлялъ замѣчательное, незабвенное зрѣлище. Столы, стулья въ безпорядкѣ; плохое освѣщеніе, табачный дымъ; вокругъ комитетскаго стола люди въ сюртукахъ, въ рабочихъ блузахъ, пиджакахъ, молодые артиллерійскіе офицеры, блестящіе шарфами; бряцаніе шашекъ и шпоръ; появленіе вѣстовыхъ солдатъ и дружинниковъ. Тутъ же находился полицеймейстеръ К., дѣлавшій все возможное для предупрежденія погрома. При иномъ его настроеніи погрома, вѣроятно, не избѣжать бы, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ его подчиненныхъ агитировали въ пользу погрома. Въ Самарѣ стояло въ то время очень много запасныхъ артиллеристовъ; среди офицерства, въ то время охваченнаго общимъ подъемомъ (но вскорѣ потомъ круто перемѣнившаго фронтъ), выдѣлялся подполковникъ фонъ-Г. Сѣдой, жилистый, высокій, всегда спокойный, хладнокровный, онъ искренно былъ преданъ дѣлу предупрежденія погрома. Онъ сильно вліялъ на офицеровъ и вносилъ элементъ спокойствія и самообладанія въ среду изнервничавшихся интеллигентовъ.

Впослѣдствіи онъ былъ арестованъ, но вслѣдствіе вздорности обвиненія и его весьма серьезныхъ возраженій освобожденъ.

Я участвовалъ въ депутаціи. Губернаторъ говорилъ не безъ извѣстнаго злорадства: недавно, господа, вы же настаивали на удаленіи войскъ, а теперь сами просите объ ихъ усиленной службѣ. И притомъ просите только вы, а другія лица, другіе городскіе гласные ничего подобнаго не заявляютъ. Мы объяснили, въ чемъ дѣло, и замѣтили, что, вѣроятно, другіе гласные люди безъ иниціативы. Поднялся споръ о черной сотнѣ. Засядко отрицалъ ея широкое развитіе. Про подчиненіе уличной охраны офицерамъ ничего опредѣленнаго не сказалъ, отославъ насъ къ генералу Сергѣеву, съ которымъ мы сговорились гораздо скорѣе: онъ согласился на увеличеніе патрулей и на передачу командованія офицерамъ.

На слѣдующее утро, объѣзжая городъ, я видѣлъ артиллерійскихъ офицеровъ, разъѣзжавшихъ по городу и сообщавшихъ мнѣ, что все спокойно. Въ то же время дружинники ходили группами по улицамъ, систематически патрулируя. Нашъ подполковникъ преподавалъ имъ пріемы правильнаго патрулированія. Артиллеристы и дружинники были, конечно, сила недостаточная уже потому, что у первыхъ было мало сѣделъ и что часть ихъ выѣзжала просто на попонкахъ, а такой всадникъ немногаго стоитъ. Въ тотъ ве-

черъ, когда была пальба у зданія почты, лошади артиллерійскаго патруля испугались и сбили сѣдоковъ, которые потомъ, какъ настоящіе русскіе солдаты, расталкивая толпу, искали на землѣ казенное имущество, пуговицы, которыя они пуще всего боялись потерять. Среди дружинниковъ было много лицъ, не умѣвшихъ владѣть оружіемъ, были гимназисты, было нѣсколько женщинъ; это были почти все люди, никогда пороха не нюхавшіе и только мечтавшіе о бояхъ. Настоящіе рабочіе выгодно отличались отъ интеллигентовъ въ томъ отношеніи, что драка была для нихъ дѣломъ привычнымъ. Но тѣхъ и другихъ было достаточно, чтобы разсѣять всякихъ черносотенниковъ. Противъ войска эти силы, конечно, ничего не значили. Вся задача, такимъ образомъ, сводилась къ тому, чтобы держать черную сотню подъ страхомъ самообороны и въ то же время войску противопоставить войско же.

Потянулись съ 20—23 октября тяжелые, черные дни, дни невѣроятныхъ слуховъ, тревогъ, неожиданныхъ осложненій, полной неизвѣстности. Многіе ждали пугачевщины; одинъ с.-р. (sic) мнѣ говорилъ полушутя: «Чортъ его знаетъ, кончится, можетъ быть, тѣмъ, что мы вмѣстѣ съ губернаторомъ гдѣ-нибудь засядемъ и будемъ отъ меньшей братіи отстрѣливаться».

Центромъ новыхъ осложненій неожиданно сдѣлались грузчики. Цѣлыми днями начали они стоять на площади передъ первой частью, громадной толпой подъ дождемъ и изморозью, требуя денегъ. Число ихъ росло. Отдѣльныя группы ихъ ходили по улицамъ, звонили въ дома и требовали денегъ; другіе останавливали прохожихъ, иногда снимая съ нихъ пальто и шубы, требовали денегъ. Ходить на работу толпа никому не позволяла. Противъ нея стояли въ нерѣшительности артиллеристы и казаки.

Въ чемъ было дѣло? Трудно было разобраться въ чемъ именно, но, повидимому, въ слѣдующемъ. Броженіе среди грузчиковъ, какъ безсознательный откликъ общаго движенія, шло всю навигацію: весной казаки разгоняли ихъ нагайками, но они добились очень высокой заработной платы.

Отношенія между ними и нанимателями остались очень натянутыя: хозяева ихъ жали, когда могли; зато грузчики брали съ нихъ при первомъ удобномъ случаѣ «горловыя деньги»,—т.-е. становились на работу, потомъ ихъ же товарищи ихъ для вида снимали, а они требовали платы за весь день, рублей по 5 на брата. Послѣ октябрьской забастовки желѣзнодорожные грузчики получили по 1 р. въ день за простойные 12 дней. Этого же хотѣли и портовые грузчики. Изъ-за этого они стояли толпами на площади. Но къ нимъ немедленно присоединились люди, никогда не грузившіе ни одного пуда, разные безработные или даже бросившіе работу, нищіе, окрестные крестьяне, околачивавшіеся въ городѣ.

Профессіональные грузчики были только частью этой толпы и не были сами въ силахъ справиться съ этими посторонними элементами. Они составляли, напримѣръ, списки настоящихъ грузчиковъ съ приложеніемъ печати той фирмы, у которой они работали. Но другіе, никогда не работавшіе на

эти фирмы, составляли свой списокъ, вваливались гурьбой въ конторы и угрозами заставляли удостовѣрять списокъ.

Два интеллигента, Г. и Т., заинтересовались судьбой грузчиковъ и начали хлопотать о выдачѣ имъ вознагражденія. Ихъ прекрасное намѣреніе, однако, только подлило масла въ огонь. Толпа все росла и все настойчивѣе требовала денегъ. Г. и Т. втянули комитетъ общественной безопасности въ это дѣло, касавшееся, въ сущности, только хозяевъ и рабочихъ и суда. Слухъ объ участіи какого-то комитета тоже подлилъ масла въ огонь. А тутъ еще полицеймейстеръ, сбитый съ толку всѣмъ тѣмъ непонятнымъ, что творилось кругомъ, не находилъ ничего лучшаго, какъ собирать среди оробѣвшихъ купцовъ по 300—400 р. въ день. Собиралъ раза два такія деньги между собой и комитетъ. Подъ вечеръ раздавали эти деньги по 50 к. на человѣка; доставалось не всѣмъ—шла ругань изъ-за этого, а на завтра все начиналось сызнова.

Цѣлыми днями стоялъ подполковникъ фонъ-Г. на площади, уговаривая толпу.

Крючники были страшно злы *на всѣхъ*, той злостью, которую описалъ Горькій. И купцы, и товарищи слышали отъ нихъ угрозы расправы. Купцу говорили: «погоди, толстопузый, узнаешь»; интеллигенту: «погоди, *забастовщикъ*, намнемъ тебѣ бока» и т. п. Ко мнѣ ломились ночью въ домъ человѣкъ шесть, смертельно перепугавъ семью; грозили мнѣ, говоря, что я и въ селѣ народъ мутилъ, а здѣсь былъ зачинщикомъ забастовки; ясно было, что тутъ была посторонняя инспирація.

Вообще это былъ моментъ сведенія, подъ шумокъ движенія, всяческихъ старыхъ счетовъ. По всей Россіи ярко доигрывалось то, что начато было раньше.

Засѣданія комитета были очень бурны уже изъ-за этихъ грузчиковъ, тѣмъ болѣе, что городская дума не хотѣла вступаться въ это дѣло, сваливая его на комитетъ. Полицеймейстеръ говорилъ одно, а дѣлалъ другое. Г. и Т. увлекались своей ролью, а грузчики водили ихъ за носъ. Городъ же трепеталъ и жилъ ожиданіемъ всяческихъ бѣдствій. А тутъ еще новыя неожиданности.

Такъ, 26 октября вдругъ узнаемъ, что готовится забастовка домашней прислуги. Почему? Кто ее организуетъ? Ясно было, что такая забастовка выброситъ на улицу массу самаго безсознательнаго элемента и что черная сотня можетъ найти среди нихъ нужный матеріалъ. Узнали, что прислугу подбиваетъ, повидимому, контора найма прислуги К.; нѣкоторые утверждали, что она думаетъ нажиться при этомъ на томъ перемѣщеніи прислуги, которое можетъ произойти. Призвали К. и серьезно ему пригрозили; предупредивъ, что за нимъ будутъ наблюдать дружинники. Никакой забастовки не произошло.

27-го начиналась забастовка кучеровъ, организованная, повидимому, с.-д. Но ничѣмъ не кончилась, ибо кучера, сперва очень рьяно приступившіе къ забастовкѣ, стали поговаривать о томъ, что надо вздуть главнаго оратора: «пустое несетъ да и на жида больно смахиваетъ».

28-го около 2 ч. дня на площади появилась толпа человѣкъ въ 200. Выкинули два *бѣлыхъ* флага. Малѣйшая оплошность, и пошла бы писать губернія! Но два здоровенные дружинника с.-д. врѣзались въ толпу, вырвали знамена и переломали ихъ. Тутъ же на парѣ подлетѣлъ полицеймейстеръ, сгребъ обоихъ знаменщиковъ и увезъ ихъ съ собой въ часть—для вытрезвленія.

Передъ тѣмъ у полицеймейстера былъ характерный разговоръ въ комитетѣ. Онъ доказывалъ, что манифестъ манифестомъ, а безъ казаковъ не обойтись, если начнется погромъ. Но не нужно ждать, чтобы разбили первый магазинъ; тогда казаковъ уже не удержать, они сами станутъ товары тащить. Нужно сейчасъ же пустить казаковъ на толпу, не давая ей организоваться. И что же? Бывшіе въ комитетѣ с.-р. вполнѣ соглашались съ такимъ пріемомъ. Стали спорить противъ этого только либералы—адвокатъ и чиновникъ. «Разсуждать, какъ вы,—сказалъ имъ с.-р.—и значитъ губить свободу».

Затѣмъ опять сюрпризъ—и какой! Приносятъ прокламацію, подписанную вице-губернаторомъ Кондоиди. Ее подобрали вчера въ театрѣ, гдѣ ихъ бросали изъ темной губернаторской ложи. Прокламація была написана неуклюжимъ слогомъ (наприм., такая фраза: «Правительство столь трусливо, столь растеряно, нерѣдко корыстно, развратно и непослѣдовательно въ своей дѣятельности, а общество безпечно, дряблo, узко личные интересы и партійные интересы его окончательно поработили общественные, причемъ семейный очагъ, лишь (за?) въ рѣдкихъ исключеніяхъ, утратилъ свой патріархальный бытъ» и т. п. перлы). Прокламація съ умиленіемъ вспоминала времена Александра III, возмущалась Святополкомъ-Мирскимъ и манифестомъ 17 октября, дѣлающимъ народъ «сюзереномъ»; поносились евреи и студенты и призывались всѣ вѣрные сыны отечества къ возстановленію самодержавія. Мимоходомъ замѣчалось, что «уже пошелъ теперь между крестьянами слухъ, что господа, чиновники и остальные люди изъ личныхъ выгодъ отнимаютъ власть у Царя». Эта глупѣйшая прокламація очень встревожила терроризованное общество, особенно евреевъ. Опять депутація къ губернатору. Онъ былъ смущенъ, потребовалъ отъ Кондоиди остатокъ прокламацій и объясненія. Тотъ заявилъ, что прокламація не предполагалось распространять, но что ихъ у него выкрали.

Воистину, это былъ «le monde à l'envers»—комитетъ изъ гражданъ, привлекающій вице-губернатора и вчерашняго свирѣпаго цензора къ отвѣту за распространеніе прокламацій! Мы заявили, что посылаемъ депутацію къ Витте—просить удаленія Кондоиди. Губернатору это было непріятно, но, съ своей стороны, онъ предложилъ Кондоиди взять отпускъ.

Въ Петербургъ взялись ѣхать адвокатъ Г. и я. Я радъ былъ уѣхать изъ Самары и увезти оттуда семью, жизнь которой обратилась въ сплошную тревогу. Кстати я хотѣлъ хлопотать въ министерствѣ о ссудѣ на прокормленіе скота для нашего уѣзда.

29 или 30 покинулъ я Самару. На вокзалѣ всюду собирались маленькіе ми-

тинги. Говорили о забастовкѣ, о свободѣ, о республикѣ, о религіи. Вездѣ было оживленіе. На какой-то станціи сильный мужской голосъ пѣлъ въ другомъ поѣздѣ: «Вставай, подымайся, рабочій народъ», а потомъ плясовую. Въ Батракахъ я увидалъ военную охрану. «Что это такое?—спросилъ я у желѣзнодорожнаго служащаго. «А это вотъ зачѣмъ: крестьяне страшно раздражены забастовкой; чортъ ихъ разберетъ, чѣмъ она имъ не угодила; все грозятъ разнести станцію. Отъ станціи ночью не рѣшаемся отходить—того гляди убьютъ».—«Ну, а что думаете дѣлать?» «*Въ январѣ* у насъ будетъ такая забастовка, что ни одно колесо не чукнетъ. Добьемся своего, чтобы всѣ рѣшительно служащіе были смѣнаемы и назначаемы нашими общими собраніями...» Какъ просто принимались тогда рѣшенія на два мѣсяца впередъ, когда, въ сущности, нельзя было знать, что будетъ впереди черезъ недѣлю, когда жизнь подносила тягостный сюрпризъ за сюрпризомъ.

Такимъ сюрпризомъ было, напримѣръ, появленіе наканунѣ моего отъѣзда изъ Самары того врача К., о которомъ я говорилъ также по поводу кредитнаго съѣзда. Блѣдный, растерянный, взбѣшенный, онъ разсказалъ слѣдующее: «На-дняхъ мы праздновали изданіе манифеста. Прочли его въ церкви, отслужили молебенъ, потомъ съ красными флагами прошлись по селу и зашли въ народный домъ. Полный порядокъ, общее удовольствіе. Но, слышу, начинаютъ интриговать удѣльный чиновникъ и урядникъ: провели, обманули, попъ, батюшку, заставили подложный манифестъ читать; бить ихъ надо, забастовщиковъ. И вотъ вчера прибѣгаютъ ко мнѣ, говорятъ: толпа собралась, съ кольями, учениковъ церковнаго училища (второкласснаго) бить собираются да и вашимъ фельдшерамъ не сдобровать. Я вскочилъ на тарантасъ и поѣхалъ къ толпѣ. Встрѣчные меня удерживаютъ—не ѣзди, убьютъ. Я всетаки ѣду. Тѣмъ временемъ крестьяне начали избивать учениковъ, загоняли ихъ въ воду, раздѣвали ихъ, снимали калоши. Подъѣзжаю къ толпѣ. Уговариваю, стыжу. Меня окружили; блѣдные такіе, всѣ трясутся. Уѣзжай, говорятъ, Христа-ради, уѣзжай ты отъ грѣха; мы вотъ какіе сдѣлались; мы тебя любимъ, но неравенъ часъ, и тебѣ можетъ быть худо... Я продолжаю съ ними говорить, усовѣщевать. Тутъ меня начинаютъ теребить, трепать. Но мало того! Одинъ, котораго я хорошо знаю, говоритъ: «Надо у него «листковъ» (прокламацій) поискать»; и вотъ шарятъ по карманамъ, обыскиваютъ... Тутъ кто-то вывелъ мою лошадь изъ толпы, и погналъ ее. Не знаю, какъ вернулся домой. Ухожу, бросаю все! Обыскали! И это тѣ, кого я лѣчилъ, на ноги ставилъ! Это какіе-то звѣри!» И онъ ушелъ, бросилъ все и теперь практикуетъ въ Самарѣ *). Октябрьская буря унесла и его, какъ унесла она и Кондонди, и столько другихъ.

*) Случай съ д-ромъ К. былъ изслѣдованъ спеціальной комиссіей. Въ числѣ другихъ были и такія показанія нѣкоторыхъ крестьянъ,—правда, очень возбужденныхъ и противъ комиссіи. Они заявили, что все лѣто 1905 г. у нихъ появлялись прокламаціи, вліяніе которыхъ на молодежь и подростковъ было такое, что они не-

А дѣло съ Кондоиди обернулось очень скоро. 7 ноября Г. и я были приняты Витте, заранѣе доставивъ ему инкриминируемую прокламацію. О значеніи поступка Кондоиди онъ не сталъ и распространяться. «Дѣло ясно; я снесусь съ министромъ внутреннихъ дѣлъ». Черезъ нѣкоторое время К. уже былъ прикомандированъ къ министерству внутрен. дѣлъ. Разговоръ затѣмъ перешелъ на общія темы; мы услышали жалобы на обремененіе дѣлами,—«вотъ тутъ на диванчикѣ и отдыхаю», на желаніе уйти, на отсутствіе подчиненныхъ, на которыхъ можно было бы положиться, на массу реакціонныхъ писемъ, имъ постоянно получаемыхъ, на былое величіе Россіи при Александрѣ III. Я замѣтилъ, что правительство, не опирающееся на сильную партію, всегда будетъ висѣть въ такое время на воздухѣ, и что общее желаніе есть созывъ учредительнаго собранія. «Это невозможно, это была бы революція». «Господа, согласитесь, что вся бѣда въ томъ, что Россія такъ страшно дика». Г. заявилъ Витте, что русское общество смотритъ на него съ упованіемъ и довѣріемъ. Я сказалъ, что врядъ ли это такъ и что вывести Россію на вѣрный путь можетъ лишь та сила, которая отречется и отъ реакціи, и отъ революціи,—ни той, ни другой Россія не хочетъ.

На слѣдующій день пришлось мнѣ поддерживать ходатайство нашего земства, въ засѣданіи по продовольственному дѣлу, гдѣ участвовалъ и знаменитый Гурко; предсѣдательствовалъ товарищъ министра внутр. дѣлъ Ватацци. Меня поражала ихъ растерянность и легковѣріе. «Поскорѣе только бы увидать берегъ въ этомъ туманѣ, поскорѣе созвали бы Думу», вотъ что твердили они всѣ въ одинъ голосъ.

Такое же настроеніе, осложненное нервозностью, встрѣтилъ я и у министра народнаго просвѣщенія И. И. Толстого, предъ которымъ пароходчикъ Б. и я хлопотали о скорѣйшемъ открытіи самарскихъ учебныхъ заведеній—иначе учащихся неудержимо тянуло на улицу, что представлялось опаснымъ.

Пришлось мнѣ, все въ качествѣ члена комитета общественной безопасности,—званіе, имѣвшее въ то время право гражданства,—побывать и въ главномъ штабѣ у генерала Поливанова и у помощника фельдцейхмейстера Кузьмина-Караваева (брата бывшаго депутата), хлопоча о скорѣйшемъ роспускѣ самарскихъ запасныхъ артиллеристовъ, неводольство которыхъ грозило принять рѣзкую форму. Долженъ сказать, что, въ общемъ, военныя власти держали себя откровеннѣе и, главное, немедленно исполняли обѣщанное.

Въ Петербургѣ я видѣлъ вторую забастовку изъ-за кронштадтскихъ матросовъ и военнаго положенія въ Польшѣ. Вѣрнѣе сказать, что я ея *не* видалъ, ибо въ городской чертѣ она выражалась лишь въ томъ, что

рестали слушаться старшихъ; безъ такого повиновенія нельзя, однако, вести хозяйства. Недовольство у крестьянъ противъ „листковъ“ все росло. Тутъ подошла забастовка и произошла демонстрація съ красными флагами. Крестьяне рѣшили, что имъ приходитъ конецъ, и схватились за колья. Впослѣдствіи сами участники погрома умоляли доктора К. вернуться къ нимъ.

не выходили газеты, былъ закрытъ книжный магазинъ «Трудъ» и нѣкоторое время не горѣло электричество въ квартирахъ этой части города, гдѣ я жилъ. «Корявая вышла забастовка», сказалъ мнѣ рабочій въ конкѣ. (А между тѣмъ, вотъ какъ она аттестовалась въ *Изв. Сов. Р. Депут.* «Стачка протеста, объявленная совѣтомъ Р. Д., началась 2 ноября въ 12 ч. дня и продолжается въ настоящій моментъ съ такимъ единодушіемъ, которое превосходитъ даже январскую и октябрьскую забастовки».) Тѣмъ не менѣе тотъ же авторъ, изъ книги котораго заимствована эта цитата, самъ признаетъ, одной страницей ранѣе: «Забастовка почти исключительно носила фабрично-заводскій характеръ и была менѣе удачна, чѣмъ октябрьская» (*Б. Радинъ:* «Первый совѣтъ рабоч. депутатовъ», стр. 71, 72).

Постоянно читалъ я въ Петербургѣ *Новую Жизнь* и *Начало* и испытывалъ тягостное двойственное чувство. Съ одной стороны, я еще не могъ допустить, чтобы все, что тамъ писалось, было сплошной фата-морганой, но, съ другой стороны, я сознавалъ чудовищныя преувеличенія въ нападкахъ на выдуманную, вычитанную «буржуазію» и неисполнимость выставляемыхъ требованій. Я теперь пересмотрѣлъ обѣ газеты. Это рядъ скучнѣйшихъ, скорѣе журнальныхъ, чѣмъ газетныхъ статей, съ повтореніемъ нѣсколькихъ заученныхъ мыслей. Ни слѣда оригинальности; одна скука.

Остался у меня въ памяти митингъ 4 ноября въ залѣ Тенишевскаго училища, устроенный к.-д. по поводу польскихъ дѣлъ. Высокій, худощавый интеллигентъ (с.-д.), одѣтый на рабочій ладъ, высмѣивалъ собравшихся и объяснялъ, насколько дальше ушли рабочіе въ своемъ политическомъ развитіи: для нихъ нѣтъ уже національнаго вопроса: поляк и русскій—люди и потому должны быть равны въ правахъ. Вопросъ о монархіи рѣшенъ для самыхъ отсталыхъ работницъ... Все это заслуга революціоннаго пролетаріата, борющагося подъ знаменами с.-д. партіи. Предсѣдательствовалъ Н. Ф. Анненскій. Онъ, наконецъ, не выдержалъ и, потрясенный, въ страстной рѣчи напомнилъ, что отрицать заслуги прежнихъ бойцовъ значитъ не уважать самой революціи; онъ кончилъ цитатой изъ Мицкевича о веревочной петлѣ, охватившей столь дорогую поэту шею Рылѣева... Ему сдѣлалось дурно отъ волненія.

Эта сцена усилила ту работу скептицизма, которая началась во мнѣ еще въ Самарѣ, по отношенію къ «товарищеской» революціонной теоріи.

Въ Петербургѣ я пробылъ до 11 ноября и за все время пребыванія тамъ я дивился той личной безопасности, въ которой жили петербуржцы. И все-таки тамъ въ концѣ октября ждали какого-то погрома. Но жил въ Петербургѣ неизвѣстнымъ никому жильцомъ пятиэтажной громады, т нуть въ толпѣ, выйдя на улицу,—какая это была разница съ провинціей гдѣ интеллигенція живетъ на виду у всякаго («а вотъ у Х. гости на совѣщаніе, вотъ Х-вы дѣти поѣхали на лошади, что онъ у NN. ку пилъ, вотъ самъ Х. идетъ; куда это онъ идетъ?») Правда, и на петер бургскихъ улицахъ въ тѣ дни толкали прохожихъ, грубили имъ, извозчи

ѣздили какъ попало, пьяные вели себя еще непринужденнѣе, чѣмъ обыкновенно; полиція, повидимому, съ умысломъ «не препятствовала»—любуйтесь, люди добрые, какова прекрасна есть эта свобода. Но что было это въ сравненіи съ Самарой, гдѣ въ 7 ч. вечера улицы совершенно пустѣли и гдѣ при ночныхъ встрѣчахъ прохожихъ каждый нащупывалъ въ карманѣ собачку револьвера или просто вынималъ револьверъ изъ кармана?

Съ другой стороны, я подмѣтилъ въ Петербургѣ, въ бо́льшей степени, чѣмъ въ Самарѣ, быстрый ростъ того, что зовется «la peur bourgeoise». Все имущее, все служилое терзалось страхомъ за будущее: неужели нищета, лишеніе земли, домовъ, службы? Неужели Хрусталевъ все это отниметъ? Назрѣвало среди имущихъ то настроеніе, которое заставило привѣтствовать Дубасова и все послѣдующее—вплоть до переворота 3 іюня.

Въ Москвѣ я, задержавшись въ Петербургѣ, засталъ только конецъ земскаго съѣзда. Настроеніе было смутное, неувѣренное, колеблющееся. Много толковъ о статьѣ Струве противъ забастовокъ. Вѣсти о революціонномъ броженіи въ арміи Линевича. Съѣздъ меня мало интересовалъ; мнѣ казалось, что пѣсенка либераловъ спѣта.

Въ Самарѣ я засталъ положеніе страшно запутанное, прямо невыносимое.

Погрома все еще продолжали ожидать. Вопросъ о грузчикахъ усложнился общимъ вопросомъ о безработныхъ. Иниціаторъ вопроса о грузчикахъ Г. уѣхалъ; дума ничего не хотѣла дѣлать; заводчикъ Вакано звалъ на земляныя работы; туда не шли или, придя, не находили свободныхъ мѣстъ; погода стояла ужасная и трудно было продолжать земляныя работы; въ ночлежномъ домѣ свирѣпствовалъ тифъ. С.-д., исходя изъ начала «организовать неорганизованное», старались вліять на безработныхъ, отвращая ихъ отъ погромовъ, убѣждая ихъ требовать общественныхъ работъ, но хорошо обставленныхъ въ смыслѣ вознагражденія и продолжительности дня. Безработные писали заявленія въ народный домъ, гдѣ пребывали «товарищи», но продолжали толпиться на площади, требовать денегъ, грозить и бить окна. Руководители с.-д. убѣждали комитетъ общ. безопасности принять мѣры противъ безработицы, указывая на возможность перехода къ «конфискаціи хлѣбныхъ складовъ». «Но вѣдь этого не допустятъ войска, не допуститъ мелкій и средній торговый людъ»—«Посмотримъ, настроеніе войскъ—величина сомнительная».

Безопасности въ городѣ не было никакой. Хулиганы безобразничали. Извозчики вечеромъ боялись подавать, а домой, на окраины, возвращались партіями.

Изъ Самарскаго уѣзда приходили вѣсти о разгромѣ волостныхъ правленій, объ установленіи «народныхъ правленій». Соціализація земли была вопросомъ, казалось, завтрашняго дня. Продажи земли прекратились. Богачи покидали городъ, уѣзжали за границу.

Въ тюрьмѣ начинались волненія, но ихъ успокоили, причемъ былъ произведенъ обыскъ у заключенныхъ (уголовныхъ, ибо политическихъ въ

то время не было) въ присутствіи двухъ членовъ ком. общ. без., приглашенныхъ начальникомъ тюрьмы въ видахъ успокоенія арестантовъ.

Начались нелады у комитета съ дружинниками. Адвокатъ В., завѣдовавшій боевыми организаціями, заявилъ, что с.-д. съ нимъ не считаются, что дисциплины у нихъ нѣтъ, что они набираютъ мальчишекъ. Я лично былъ свидѣтелемъ, какъ начальникъ дружины тщетно уговаривалъ въ телефонъ своихъ дружинниковъ пройти туда, гдѣ нужна была ихъ помощь. Они отказывались, а онъ очень деликатно ихъ убѣждалъ исполнить его распоряженія. Они такъ и не пошли.

У меня въ квартирѣ жило 12 дружинниковъ изъ самообороны, все интеллигенты, очень молодые, 16—20 лѣтъ. Впечатлѣніе отъ нихъ было непріятное: самонадѣянность, игра въ карты, обжорство, неприличное обращеніе съ прислугой, варварское отношеніе къ обстановкѣ дома. Вооруженіе было совершенно плохое. Раньше у насъ стоялъ дружинникъ рабочій. Это былъ совсѣмъ другой человѣкъ, съ прекрасными народными чертами—смѣлый, открытый, разумный. Поразила меня у дружинниковъ чисто русская черта, — нелюбовь къ самостоятельной дѣятельности и охотное, слѣпое исполненіе даже опасныхъ приказаній, если только приказывающій сумѣетъ поставить себя на должную ногу. Но это рѣдкій даръ, и немногіе имъ обладаютъ.

Отношенія ком. общ. без. къ дружинникамъ окончились въ декабрѣ полнымъ разрывомъ въ виду неисполненія дружинниками условій, на которыхъ комитетъ соглашался давать имъ кровъ и столъ: оказалось, что, напримѣръ, мало дежурствъ на улицахъ.

Въ земствѣ начиналось оскудѣніе, платежей не поступало. Въ государственномъ банкѣ около 16—20 ноября яблоку негдѣ было упасть: несмотря на ужасное состояніе дорогъ, вкладчики притащились изъ своихъ угловъ выбирать вклады. Это было вызвано слухами о близкомъ прекращеніи платежей, основанными отчасти на лущенномъ кѣмъ-то по губерніи печатномъ оповѣщеніи, якобы за подписью управляющаго отдѣленіемъ государственнаго банка, о томъ, что слѣдуетъ спѣшить выбирать вклады. А кромѣ того, вообще говорили и писали о близкомъ банкротствѣ государства, столь же мало, конечно, вдумываясь въ значеніе этихъ словъ, какъ и въ значеніе словъ «учредительное собраніе».

Эти неожиданныя явленія, постоянные митинги съ рѣчами о предстоящемъ послѣднемъ рѣшительномъ боѣ, растерянность властей, преувеличенныя вѣсти о крестьянскихъ «выступленіяхъ»—все это создало въ тѣсной средѣ особый міръ представленій. Но стоило выйти изъ круга радикальной интеллигенціи и «сознательныхъ рабочихъ», чтобы замѣтить ростъ недовольства и тенденцію къ организаціи у зажиточнаго класса и невозможность активныхъ дѣйствій для крестьянъ, а на эти-то дѣйствія и возлагались главныя упованія. Крестьяне охотно слушали «ораторовъ», составляли приговоры въ желательномъ духѣ, лишь бы въ нихъ говорилось объ отобраніи земли, изрѣдка жгли хутора, грозили местью всему

зажиточному—но отсюда до революціонныхъ выступленій была «дистанція огромнаго размѣра». Это было пробужденіе политической и соціальной сознательности, а не готовность перейти къ революціоннымъ дѣйствіямъ. Оптическій обманъ состоялъ въ смѣшеніи этихъ двухъ состояній. Мнѣ пришлось какъ-то позже разговаривать съ умнымъ крестьяниномъ на тему о возможности крестьянскаго возстанія: «Да что они, съ ума, что ли, сошли? Это чтобы крестьянинъ пошелъ съ оружіемъ? Да кто же на это у насъ рѣшится? Вѣдь это, по нашему мнѣнію, по крестьянскому, все равно что на разбой идти. Съ семействомъ, значитъ, съ хозяйствомъ ужъ навѣки разстаться. Мыслимое ли это дѣло? А оружіе на какія же это деньги покупать, когда мы всѣ въ обрѣзъ живемъ? А гдѣ же собираться, готовиться такъ, чтобы никто не зналъ? Да и куда же идти—правленіе, что ли, или казенку расшибать? Иль хутора жечь? Такъ для этого и оружія не нужно, только какой отъ этого прокъ? А въ губернію идти походомъ, съ оружіемъ, подъ солдатскія пули—ну, на это охотниковъ не найдется». (Съ 1906 и 1907 г. въ нашемъ уѣздѣ поля засѣивались и убирались, только больше было недоразумѣній съ рабочими. Цѣна поднялась, но не особенно.)

Но сильны переживанія, и поэтому вѣра въ возможность революціи продержалась долго. Арестуемые зимой 1905 г. не вѣрили въ долговременность ареста и ссылки; вѣрили въ революцію и въ первой Думѣ, вѣрили и въ Выборгѣ, когда хотѣли регулировать ея ходъ. Мало кто въ ноябрѣ 1905 г. понималъ, что революція уже была и совершила свое провиденціальное назначеніе—сверженіе цѣльнаго самодержавнаго строя и измѣненіе связанныхъ съ нимъ государственной системы и всего уклада жизни. Я помню, какъ мы спорили въ августѣ 1906 г. со Струве, когда онъ, въ частной бесѣдѣ, процитировалъ слова Мирабо: «La révolution est consumée, mais le pays n'est pas encore constitué», и заявилъ, что отъ революціи теперь осталось одно «трепыханіе».

Я недолго пробылъ на этотъ разъ въ Самарѣ. Я чувствовалъ себя лишнимъ, безсильнымъ, невыяснившимъ свое міровоззрѣніе, сбитымъ съ толку. Старое еще имѣло власть надо мною, но уже пробивались ростки иной точки зрѣнія. Кромѣ того, для однихъ я былъ «помѣщикъ», а для другихъ—«красный». Тянуло въ столицу, воочію видѣть событія и искать ключа къ нимъ. Въ уѣздъ возвращаться казалось немыслимымъ—вѣдь, думалось мнѣ, старому земству недолго жить, что тамъ дѣлать? Выступать на ежедневныхъ самарскихъ митингахъ (даже въ реальномъ училищѣ были собранія, гдѣ обсуждалась, напримѣръ, такая тема: «Буржуазія и демократическая республика») было невозможно—люди, типа к.-д., не могли въ то время конкурировать съ ораторами, сулившими всю землю всему народу, 8 ч. рабочій день, 50% прибавку къ платѣ и т. п. Нуженъ былъ «не одинъ урокъ нежданный и кровавый», чтобы люди стали критически относиться къ окружающему.

Послѣднее событіе, которое произошло въ Самарѣ при мнѣ, была атака

казаковъ на толпу грузчиковъ, все еще собиравшихся на площади. Пострадавшихъ не было, такъ какъ толпа бросилась врассыпную при первомъ натискѣ кавалеріи. Послѣднее извѣстіе, которое я узналъ уѣзжая, было рѣшеніе реакціонеровъ сплотиться и издавать свою газету. Они это и исполнили.

А затѣмъ въ Самарѣ, какъ и вездѣ, пошло усиленіе «боевого настроенія» въ тѣсномъ кругу единомышленниковъ, поддерживаемое ложными извѣстіями о петербургскихъ и московскихъ событіяхъ, на-ряду съ постепеннымъ ослабленіемъ общаго подъема и возрастающей увѣренностью власти въ томъ, что можно и слѣдуетъ прибѣгнуть къ силѣ. 11 декабря былъ легко обезоруженъ митингъ въ Народномъ домѣ, послѣ того какъ въ томъ же домѣ шли обсужденія о захватѣ власти и о намѣченіи даже своихъ кандидатовъ на высшіе губернскіе посты. Послана была сотня казаковъ и солдаты проѣзжаго моршанскаго полка,—послѣдніе, кстати, безъ патроновъ. Народный домъ окружили. Внутри началось смятеніе, но все-таки сверху дома были брошены бомбы, которыя, однако, не разорвались. Готовились сдѣлать вылазку. Въ это время командиръ борисовскаго полка, о которомъ я упоминалъ ранѣе, предложилъ срокъ для сдачи. Смятеніе еще болѣе усилилось. Казаки, еще до истеченія срока, дали залпъ по окнамъ. Въ Народномъ домѣ было много женщинъ, подростковъ. Началась паника. Въ результатѣ побросали оружіе и сдались. Выходящихъ били нагайками и прикладами.

Затѣмъ начались аресты безъ всякаго разбора. Мѣстныя власти, особенно земскіе начальники и полиція, сводили при помощи арестовъ старые счеты. Хватали учителей, врачей, мѣстныхъ дѣятелей. Многихъ, продержавъ въ тюрьмѣ 2—3 мѣсяца, отпускали, за полнымъ отсутствіемъ состава преступленія и въ виду заступничества людей съ вѣсомъ. Другихъ ссылали на сѣверъ и въ Сибирь или высылали за границу. Третьи скрылись, предчувствуя месть мелкихъ сошекъ, сердитыхъ на нихъ за старое.

Въ Самару я вернулся въ половинѣ января 1906 г. Перемѣна вездѣ и во всемъ чувствовалась громадная, даже по линіи желѣзной дороги всѣ словно въ себя ушли, словно кого-то близкаго схоронили.

Началась предвыборная кампанія, подошли и выборы въ Государственную Думу. Прошли они при повышенномъ настроеніи, при глубокой вѣрѣ въ чудотворную мощь Государственной Думы, которая считалась призванной сдѣлать то, чего не могъ сдѣлать подъемъ «дней свободы». И здѣсь ждало разочарованіе.

16 апрѣля я уѣхалъ изъ Самары членомъ первой Думы, уѣхалъ, вѣроятно, навсегда.

Д. Протопоповъ.

Къ вопросу о происхожденіи русской земельной общины. *)

III.

На предыдущихъ страницахъ сведены—конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ—данныя нашей «живой исторіи», касающіяся вопроса о генезисѣ и эволюціи земельной общины и общинно-уравнительныхъ формъ пользованія землею. Мнѣ остается теперь попытаться выяснить связь между этою «живою» исторіей и тою исторіей болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго, которая является объектомъ историческаго, въ собственномъ смыслѣ слова, изученія. Я и на этомъ вопросѣ остановлюсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ—подробнѣе мнѣ пришлось коснуться его на страницахъ одного спеціальнаго изданія, куда я и отсылаю читателя, который захотѣлъ бы ближе познакомиться съ изложенными ниже соображеніями **).

Мнѣ уже не приходится напоминать о томъ, въ чемъ суть полувѣковой исторической контроверзы по вопросу о генезисѣ русской земельной общины—въ чемъ суть спора между сторонниками естественной и государственной, если можно такъ ихъ обозначить, теорій ея происхожденія. Я обращусь поэтому непосредственно къ вопросу объ *источникѣ, первопричинѣ* этой контроверзы. Мнѣ представляется, что этотъ первоисточникъ въ самомъ свойствѣ тѣхъ матеріаловъ, на которыхъ историкамъ, по самому существу дѣла, приходится строить свои заключенія, что вопросъ о причинахъ данной частной контроверзы представляетъ собой не болѣе, какъ частный случай важнаго общаго историко-методологическаго вопроса: о значеніи разныхъ категорій источниковъ, какъ основы историческаго познанія.

Попытки реконструировать генезисъ и историческій ходъ развитія русской земельной общины строятся, какъ извѣстно, всецѣло на разнаго рода актахъ, вообще на документальномъ, архивномъ матеріалѣ. Сторон-

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1907 г.

**) См. мой очеркъ „Документы и живая исторія общины"—*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1904 г. и отдѣльная брошюра.

ники теоріи естественнаго зарожденія и развитія общиннаго владѣнія и пользованія землею ищутъ въ немъ доказательствъ нѣкогда происходившихъ передѣловъ; сторонники государственно-фискальной теоріи ищутъ въ немъ же доказательства тому, что община создана правительственными распоряженіями и произволомъ помѣщиковъ-душевладѣльцевъ. Но и тѣ, и другіе знаютъ лишь тѣ факты, которые оставили слѣдъ въ какомъ-нибудь актѣ или документѣ, и отвергаютъ или точнѣе—не знаютъ и не имѣютъ способа знать тѣхъ фактовъ, которые не оставили достаточно яснаго и достовѣрнаго документальнаго слѣда.

А между тѣмъ, значеніе и цѣнность документальнаго матеріала, какъ единственной основы и источника историческаго познанія, подвержены существеннымъ сомнѣніямъ. Подлинность документа—не безъ основанія констатируютъ Ланглуа и Сеньобосъ въ своемъ «Введеніи въ изученіе исторіи», «вызываетъ къ нему уваженіе и понуждаетъ безъ разсужденій принимать и его содержаніе», а между тѣмъ «выраженіе *подлинный* относится въ сущности только къ происхожденію, а не къ содержанію документа; назвать документъ подлиннымъ значитъ только сказать, что происхожденіе его не подлежитъ сомнѣнію,—но отсюда еще не слѣдуетъ, что и содержаніе его заслуживаетъ довѣрія». И такое довѣріе, какъ на этомъ настаиваетъ Бернгеймъ, авторъ, какъ кажется, наиболѣе обстоятельнаго спеціальнаго труда по исторической методологіи, можетъ служить поводомъ для серьезныхъ ошибокъ: «въ документахъ событія довольно часто изображаются, по какимъ-либо побужденіямъ, иначе, чѣмъ происходили въ дѣйствительности», съ другой стороны, «матеріалъ во многихъ случаяхъ сохранился въ столь неполномъ видѣ, что случайно сдѣлавшіеся намъ извѣстными документы даютъ одностороннее или даже совершенно невѣрное представленіе о дѣйствительныхъ событіяхъ»; даже при полной достовѣрности документы далеко не всегда свидѣтельствуетъ о фактѣ—«нерѣдко случается, что документы и акты были совершены въ законномъ порядкѣ, а между тѣмъ событія, къ которымъ они относятся или которыя должны были наступить, какъ ихъ послѣдствіе, въ дѣйствительности не наступили... Документы остаются несомнѣнными свидѣтельствами; но то заключеніе, которое я дѣлаю на основаніи этихъ документовъ, именно, что извѣстныя событія въ дѣйствительности наступили, будетъ преждевременнымъ, пока оно не подтверждено другими источниками, которые свидѣтельствовали бы, что данныя событія дѣйствительно имѣли мѣсто, въ соотвѣтствіи съ указаніями документовъ». Сами документы «очень часто только тогда становятся понятными, когда мы ихъ интерпретируемъ при помощи историческаго преданія»: возникнувъ для тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, документы въ самомъ своемъ изложеніи согласованы именно только съ этими ближайшими цѣлями, а не съ задачами послѣдующаго историческаго изученія: «возникнувъ изъ извѣстныхъ отношеній, документы по большей части вовсе и не преслѣдуютъ цѣли быть понятными во всѣ времена и предназначаются для пониманія лишь непосредственно заинте-

ресованныхъ лицъ»; самая редакція документа «поэтому» весьма часто даетъ поводъ для самыхъ разнообразныхъ толкованій, для самаго разнообразнаго пониманія событій, не только какъ они въ дѣйствительности наступили, но даже какъ они изображаются въ данномъ актѣ или документѣ или во всей совокупности сохранившихся актовъ и документовъ.

Историкъ, изучающій отдаленное прошлое русской земельной общины, лишенъ, повидимому, возможности интерпретировать сохранившіеся отъ прошлыхъ вѣковъ акты и документы при помощи свидѣтельствъ историческаго преданія—земельная община, какъ таковая, и происходившія въ ея внутренней жизни событія въ тѣ времена, разумѣется, никѣмъ не описывались и не изучались. Но то, что я позволяю себѣ называть живою ея исторіей, иначе сказать, изученіе современныхъ или весьма недавнихъ явленій эволюціи формъ землевладѣнія на нашихъ окраинахъ, значитъ непосредственное наблюденіе картины хозяйственныхъ и земельныхъ отношеній или возстановленіе ея по свѣжимъ воспоминаніямъ людей, непосредственно переживавшихъ эти отношенія,—такое изученіе, очевидно, даетъ полную возможность подобнаго рода интерпретаціи, такъ какъ располагаетъ, кромѣ весьма отрывочнаго и, нерѣдко, также «не предназначеннаго для пониманія во всѣ будущія времена», документальнаго матеріала, еще и весьма обширнымъ описательнымъ матеріаломъ мѣстныхъ экспедиціонныхъ изслѣдованій; *этотъ* матеріалъ, по существу обладающій, только въ потенцированной степени, всѣми свойствами историческаго преданія, можетъ служить превосходною провѣркою показаній документовъ, и такая провѣрка проливаетъ яркій свѣтъ, вообще, на ихъ значеніе и степень достовѣрности, какъ свидѣтельства о фактахъ. И такого рода провѣрка имѣетъ важное значеніе не только для тѣхъ, кто работаетъ въ области современныхъ земельныхъ отношеній, но и для тѣхъ, кто изучаетъ отдаленное прошлое: она способна въ принципѣ выяснить степень достовѣрности сужденій, основанныхъ на документальномъ матеріалѣ, и потому она поможетъ намъ разобраться и въ общемъ вопросѣ о внутренней достовѣрности документовъ, какъ источника изученія отдаленнаго прошлаго русской земельной общины, а въ извѣстной степени и въ болѣе общемъ историко-методологическомъ вопросѣ—о значеніи документовъ, какъ источника историческаго познанія.

Начну съ примѣра изъ нѣсколько иной сферы.

Въ 1896 году мнѣ довелось изслѣдовать арендныя отношенія русскихъ поселенцевъ въ одной изъ киргизскихъ областей. Въ основѣ этихъ отношеній лежала любопытная юридическая аномалія, созданная попыткою законодателя разрушить бытовыя земельныя отношенія у киргизъ и на мѣсто старыхъ, исторически-сложившихся союзовъ поставить волость и административное «аульное общество», въ качествѣ не только административныхъ, но и земельныхъ единицъ. Законъ предоставляетъ право сдачи земли въ аренду исключительно этимъ, искусственно-созданнымъ, соединеніямъ. Между тѣмъ фактически киргизская волость и аульное общество остались исключительно административными, а не земельными единицами; владѣніе

землей пріурочивается къ разнообразнѣйшимъ другимъ соединеніямъ, нерѣдко даже къ отдѣльнымъ дворамъ. Получалось такое положеніе, что лица и соединенія лицъ, дѣйствительно владѣющія землею, не имѣли законнаго способа сдавать ее въ аренду, и такіе способы были предоставлены только административному соединенію, не обладающему ни пядью земли. Между тѣмъ въ киргизской степи сидѣли и съ каждымъ годомъ подходили многія тысячи русскихъ поселенцевъ, и въ теченіе долгаго времени они не имѣли другого способа устраиваться, какъ на арендованной землѣ. Естественно, что жизнь должна была оказаться и дѣйствительно оказалась сильнѣе закона: при молчаливомъ согласіи администраціи, нерѣдко при дѣятельномъ ея сочувствіи, выработались разнообразнѣйшіе обходы послѣдняго—разнообразнѣйшія юридическія фикціи, вродѣ сдачи по фиктивнымъ приговорамъ не владѣющихъ ни пядью земли волостныхъ съѣздовъ, вродѣ столь же фиктивныхъ испольныхъ сдѣлокъ, подъ покровомъ которыхъ совершалась самая обыкновенная аренда и т. п.; очень обычны были и прямыя нарушенія закона: аренда по простымъ словеснымъ соглашеніямъ или даже по распискамъ, которыя однако, какъ лишенныя всякой законной силы, нигдѣ не регистрировались и, по большей части, уничтожались по истеченіи срока аренды.

Всѣ эти фиктивныя и нефиктивныя арендныя отношенія были подробно описаны въ одной моей спеціальной работѣ, нѣсколько позже—и въ трудахъ статистической экспедиціи Ф. А. Щербины. Предположимъ однако, что и эти труды, и моя работа не существовали или утратились, и что историкъ, наприм., XXII вѣка пишетъ исторію русско-киргизскихъ арендныхъ отношеній на основаніи однихъ тѣхъ только документовъ, какіе ему удастся найти въ разныхъ архивахъ; этотъ историкъ—если ему, притомъ, не посчастливится попасть на тѣ немногія бумаги, гдѣ имѣются прямыя указанія на фиктивный характеръ извѣстныхъ категорій сдѣлокъ—написалъ бы совершенно вѣрную документамъ, но безусловно невѣрную дѣйствительности, картину: для него волость оказалась бы, дѣйствительно, земельною единицей, сдающею землю въ аренду, а дѣйствительныя, бытовыя земельныя единицы остались бы ему совершенно неизвѣстными; онъ получилъ бы совершенно превратное представленіе о роли испольнаго найма во взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ и киргизъ; не менѣе невѣрными оказались бы его заключенія относительно арендныхъ цѣнъ и т. п. Отъ всѣхъ этихъ ошибокъ можетъ избавить его только интерпретація документовъ при помощи указаній историческаго преданія, олицетворяемаго, въ данномъ случаѣ, статистическими «сборниками».

Нѣчто аналогичное окажется и въ непосредственно занимающей насъ области эволюціи формъ общинно-уравнительнаго пользованія.

Чтобы сдѣлать послѣдующее болѣе понятнымъ, я долженъ отмѣтить нѣкоторыя подробности, которыхъ я не касался въ предыдущемъ изложеніи; я долженъ именно упомянуть о томъ, что въ Сибири, какъ и среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ Европейской Россіи, переверстки пла-

тежей и передѣлы пахотныхъ земель,—гдѣ эти послѣдніе имѣли мѣсто!—пріурочивались къ ревизіямъ. Ревизская разверстка осталась дѣйствовать и послѣ X ревизіи,—она дѣйствовала и по истеченіи 15, 20, 25 лѣтъ, несмотря на все болѣе обострявшіяся съ каждымъ годомъ ея неудобства; она держалась потому, что среди крестьянъ, а въ значительной мѣрѣ и среди мѣстной администраціи, существовала увѣренность въ томъ, что установленная ревизіею раскладка можетъ быть измѣнена только другою ревизіею. Потребовалось вмѣшательство сената, который въ 1884 году разъяснилъ право крестьянъ, не ожидая новой ревизіи, измѣнять внутреннюю разверстку платежей, а соотвѣтственно этому и распредѣленіе земли. Разъясненіе это, переходя отъ губернатора къ исправнику или крестьянскому чиновнику, отъ чиновника къ волостному писарю и т. д., почти вездѣ дошло до населенія въ такой формѣ, которая гораздо болѣе напоминала предписаніе, чѣмъ разъясненіе, причемъ администрація нерѣдко считала себя въ правѣ рекомендовать крестьянамъ даже тѣ или другіе способы разверстки и основанія передѣла. Имѣется не мало указаній и на частные случаи административнаго воздѣйствія, вызванные то желаніемъ начальства выдѣлить землю для причислявшихся къ сибирскимъ деревнямъ ссыльныхъ, то какъ-нибудь уладить внутри-общинныя распри или обезпечить болѣе исправное поступленіе податей. И не подлежитъ сомнѣнію—за разъясненіями 1884 года почти вездѣ послѣдовали новыя разверстки податей, во многихъ мѣстностяхъ—и коренные передѣлы; мало того—можетъ считаться установленнымъ, что во многихъ случаяхъ такого рода вмѣшательство правительственной власти непосредственно вызвало наступленіе или повтореніе передѣла тамъ, гдѣ для этого въ данное время еще вовсе не было внутренней необходимости: въ этомъ убѣждаютъ, независимо отъ анкетныхъ данныхъ мѣстнаго изслѣдованія, хотя бы приговоры о передѣлахъ, мотивированные исключительно ссылкою на «предписаніе г. чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, въ которомъ сказано раздѣлить землю по душамъ»,—приговоры, притомъ, нерѣдко написанные по одной формѣ въ цѣлой волости или мировомъ участкѣ, иногда—даже одной рукою; а тѣмъ болѣе—документы вродѣ приговора, гдѣ находятся, между прочимъ, слѣдующія строки: «намъ было *повторено черезъ прочтеніе* предписаніе г. чиновника... относительно уравненія между собою надѣлами пахотной земли; согласно предложенію старосты и распоряженію г. чиновника, *по долгомъ между собою разсужденіи*, единогласно (sic) приговорили: нынѣ же раздѣлить пахотную землю по душамъ».

Мѣстное изслѣдованіе даетъ однако факты и другого рода: бывали случаи, когда крестьяне, несмотря на всѣ «повторныя прочтенія», оставались при своемъ отказѣ; или когда крестьяне, хотя и постановляли приговоры, но въ дѣйствительности оставались при прежнихъ, свободныхъ формахъ пользованія; или когда навязанный крестьянамъ передѣлъ послѣ немногихъ лѣтъ терялъ свое значеніе, и на мѣсто предписаннаго начальствомъ уравнительнаго пользованія вновь водворялся прежній захватъ.

Гораздо красноречивѣе однако количественныя данныя о степени распространенности передѣловъ въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири. Сенатское разъясненіе 1884 г. съ послѣдовавшими за нимъ «циркулярами» и «предписаніями» распространялось на всѣ четыре сибирскія губерніи и Забайкальскую область. Если бы *въ немъ* была causa efficiens, вызвавшая появленіе передѣловъ, то и послѣдствія его должны бы были быть болѣе или менѣе одинаковы на всемъ огромномъ протяженіи коренной Сибири. Въ дѣйствительности оказывается совсѣмъ не то. На западной, густо населенной и малоземельной окраинѣ Сибири (западъ Тобольской губерніи) за сенатскимъ разъясненіемъ вездѣ послѣдовали передѣлы—но въ громадномъ большинствѣ случаевъ это были *не первые*, а вторые, третьи и четвертые передѣлы, и только въ незначительномъ числѣ случаевъ «разъясненіе» ускорило наступленіе перваго передѣла—окончательный переходъ къ уравнительному пользованію. Въ очень многоземельныхъ, Томской и Енисейской, губерніяхъ передѣловъ какъ не было до «разъясненія», такъ не было и послѣ. Въ Иркутской губерніи изъ 20 зарегистрированныхъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ случаевъ общаго поравненія 15, дѣйствительно, послѣдовало подъ непосредственнымъ вліяніемъ сенатскаго разъясненія; но всѣ эти 15 случаевъ относятся къ одной мѣстности, самой малоземельной во всей губерніи: здѣсь и до «разъясненія» шли толки о передѣлѣ, но крестьяне «не знали своихъ правовъ»,—значитъ «разъясненіе» только устранило препятствія, задерживавшія осуществленіе уже назрѣвшей мысли о передѣлѣ. Что касается, наконецъ, до Забайкальской области, то въ восточной ея половинѣ уравнительное пользованіе пахотными землями почти не встрѣчается—въ такомъ пользованіи даже у крестьянъ, не говоря о казакахъ, по даннымъ мѣстнаго изслѣдованія оказалось всего 4% пахотныхъ земель; напротивъ, у крестьянъ гораздо гуще населеннаго западнаго Забайкалья передѣляется уже четыре пятыхъ—79,8% всего количества пахотныхъ земель.

Мы знаемъ изъ предыдущаго изложенія, и только что приведенныя данныя о степени распространенности передѣловъ всецѣло это подтверждаютъ, что основной моментъ, лежащій въ основѣ эволюціи формъ пользованія землею отъ захвата къ передѣламъ,—это приростъ населенія и связанное съ нимъ «утѣсненіе», сокращеніе земельнаго простора. Воздѣйствіе администраціи, справедливо замѣчаетъ А. А. Чупровъ, «отражается только на темпѣ эволюціи: тамъ, гдѣ внутренній процессъ развитія формъ землепользованія не успѣлъ подготовить почвы для перехода къ душевому пользованію, тамъ администрація, несмотря на всѣ свои старанія, не могла добиться никакого результата». Распоряженія администраціи—развиваетъ ту же мысль изслѣдователь Забайкальской общины, М. А. Кроль—«въ иныхъ мѣстахъ являются послѣднимъ толчкомъ къ осуществленію давно назрѣвшей потребности въ поравненіи, и тогда, сыгравъ скромную роль такого толчка, начальственное предписаніе перестаетъ имѣть какое бы то ни было значеніе; тамъ же, гдѣ потребности въ уравнительномъ пользованіи еще нѣтъ, циркуляры очень рѣдко приводятъ къ дѣйствительнымъ поравне-

ніямъ: передѣлы и поравненія наступаютъ только тогда, когда въ поравненіи заинтересовано значительное большинство членовъ общины, которые при раздѣлахъ земли ревниво слѣдятъ, чтобы всѣ малоземельные были удовлетворены по справедливости».

Далѣе, административное воздѣйствіе, гдѣ оно явилось не послѣднимъ толчкомъ, а самостоятельнымъ, творческимъ моментомъ, на много лѣтъ ускорившимъ наступленіе передѣла, неизбѣжно должно было выразиться въ какомъ-нибудь рѣзкомъ скачкѣ, въ какомъ-либо переломѣ въ ходѣ развитія формъ пользованія, въ появленіи формъ, чуждыхъ общепринятымъ порядкамъ и привычкамъ населенія. Такъ, дѣйствительно, и происходило дѣло тамъ, гдѣ «предписаніе», въ самомъ дѣлѣ, на десятилѣтія ускорило естественную эволюцію: въ *такихъ* случаяхъ переходъ отъ чистаго захвата къ общему передѣлу совершался безъ всякой постепенности, и самыя формы передѣла нерѣдко не имѣли для себя никакихъ прецедентовъ въ мѣстныхъ порядкахъ уравнительнаго пользованія; въ одной мѣстности Тобольской губерніи, напримѣръ, производившіе передѣлъ наемные мѣрщики вели что-то вродѣ планшетной съемки самодѣльными «стрелябіями», разбивая весь надѣлъ, иногда не исключая выгоновъ, на сѣть правильныхъ квадратовъ. Въ видѣ общаго правила—мы знаемъ—дѣло шло совершенно иначе: первобытное захватное пользованіе смѣнялось ограниченнымъ захватомъ, затѣмъ появлялись отводы, постепенно принимавшіе форму отводовъ-отрѣзокъ; достигавшееся такимъ путемъ «частное поравненіе» приводило въ концѣ-концовъ къ «общему поравненію», за которымъ уже слѣдовалъ передѣлъ, по техникѣ имѣвшій много сходнаго съ простымъ «общимъ поравненіемъ»; переходъ съ одной ступени этой постепенной эволюціи на другую совершался такъ просто и естественно, этотъ переходъ такъ легко объясняется дѣйствіемъ внутреннихъ силъ, двигавшихъ эволюцію формъ пользованія и въ то же время создававшихъ земельную общину, что для объясненія этого перехода нѣтъ надобности и вводить въ учетъ такой искусственный факторъ, какъ административное давленіе. А главное—нѣтъ никакой возможности *уловить того момента*, когда административное воздѣйствіе могло бы сыграть приписываемую ему роль: что, въ самомъ дѣлѣ, было послѣдствіемъ предписаній? первое ограниченіе срока залежности? или первый отводъ? или первая отрѣзка? или общее поравненіе, послѣдовавшее за десятками частныхъ поравненій?...

И если это вѣрно по отношенію къ пахотнымъ землямъ, относительно которыхъ всетаки можно говорить о «первомъ передѣлѣ», то тѣмъ справедливѣе это по отношенію къ угодьямъ другихъ категорій, хотя бы, напримѣръ, къ покосамъ. Переходъ отъ первобытнаго вольнаго сѣнокошенія къ обычнымъ сибирскимъ формамъ ежегоднаго передѣла совершается, мы видѣли, черезъ рядъ столь неопредѣленныхъ промежуточныхъ формъ, что самое опредѣленіе момента, когда прекратилось вольное пользованіе и началось душевое, значитъ того момента, когда можно было бы предполагать административное вмѣшательство, становится окончательно невозможнымъ.

Весьма любопытныя данныя, могущія служить къ выясненію занимающаго насъ вопроса, добыты изслѣдованіемъ Забайкальской области: здѣсь зафиксированъ рядъ случаевъ, гдѣ возможность административнаго воздѣйствія исключалась самимъ существомъ вещей, или гдѣ уравнительное пользованіе установлялось вопреки закону и распоряженіямъ администраціи: какая власть, въ самомъ дѣлѣ, могла заставить забайкальскихъ бурятъ «уравнивать» между собою тѣ покосы, которыми они пользуются на китайской территоріи? или могла требовать отъ крестьянъ передѣла тѣхъ угодій, которыя ими самовольно захвачены въ казенныхъ или чужихъ межевыхъ дачахъ? Можно ли говорить объ уравнительномъ пользованіи, какъ продуктѣ административнаго воздѣйствія, когда надѣленные землей *подворно* нерчинскіе горнозаводскіе крестьяне, въ отвѣтъ на предложеніе подворно же арендовать кабинетскія земли, ходатайствуютъ о сдачѣ имъ земли въ общее пользованіе подъ круговою порукою, причемъ «распредѣленіе земли между домохозяевами обязывались произвести по усмотрѣнію сельскаго схода?» И напротивъ—уравнительное пользованіе менѣе всего распространено у казаковъ, т.-е. какъ разъ у того разряда населенія Забайкальской области, которому законъ *предписываетъ* такое пользованіе: законъ, какъ и административныя велѣнія, оказался безсильнымъ навязать населенію передѣлъ, гдѣ земельный просторъ благопріятствовалъ сохраненію захватныхъ формъ, и наоборотъ, общинно-уравнительныя формы слагались безъ всякаго внѣшняго воздѣйствія, даже вопреки ему (передѣлы лѣсовъ въ западной Сибири прямо *запрещались* лѣснымъ вѣдомствомъ, какъ якобы вредные съ лѣсохозяйственной точки зрѣнія!), гдѣ находили благопріятную для себя почву въ общихъ условіяхъ землевладѣнія и хозяйства.

Я приглашаю опять читателя поставить себя въ положеніе историка XXII вѣка, которому пришлось бы возсоздавать эволюцію землевладѣнія и землепользованія въ Сибири на основаніи одного только архивнаго матеріала. Онъ опять-таки далъ бы, можетъ быть, совершенно вѣрную документамъ, но совершенно невѣрную дѣйствительности картину: онъ неизбѣжно запутался бы въ разныхъ формахъ первобытнаго захвата, а допускаемыя при этомъ переуступки земли, слѣды которыхъ разыскалъ бы въ документахъ, онъ неизбѣжно принялъ бы за доказательство существованія строго-подворнаго владѣнія; отъ него осталась бы скрытою вся та медленная эволюція формъ пользованія угодьями, которая не находила себѣ выраженія въ письменныхъ приговорахъ и не вызывала ни жалобъ, ни тяжбъ, ни вмѣшательствъ правительственной власти; онъ ничего не зналъ бы ни о случаяхъ категорическаго отказа населенія исполнить предписанія о передѣлѣ, ни о тѣхъ, когда постановлявшіеся приговоры оставались на бумагѣ. И для историка XXII вѣка, работающаго надъ одними архивнымъ матеріаломъ, было бы совершенно неизбѣжно видѣть въ исторіи общинно-уравнительнаго пользованія въ Сибири только рядъ административныхъ воздѣйствій, помощью которыхъ правительству удалось въ концѣ концовъ внѣдрить въ Сибири, несмотря на явное, мѣстами, нежеланіе

даже сопротивленіе населенія, совершенно чуждыя ему и не вытекавшія ни изъ какой внутренней необходимости формы пользованія землею. Изъ изложеннаго на предшествующихъ страницахъ ясно, какъ безконечно далеко отъ дѣйствительности было бы такое представленіе.

Совершенно то же мы видимъ, когда обращаемся въ область *настоящей* исторіи,—исторіи крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія въ отдаленномъ прошломъ. Просматривая книгу В. В. «Къ исторіи общины въ Россіи», содержащую богатый архивный матеріалъ по исторіи формъ землепользованія у удѣльныхъ крестьянъ, или посвященныя данному вопросу главы «крестьянъ при Екатеринѣ II» В. И. Семевскаго, невольно испытываешь такое впечатлѣніе, что это—не исторія *общины*, а исторія *административныхъ мѣропріятій*, направленныхъ къ ея насажденію. Аналогичные факты въ изобиліи даетъ намъ и исторія четверныхъ крестьянъ, какъ ее изображаетъ, напримѣръ, Н. А. Благовѣщенскій: и здѣсь на первый взглядъ все дѣло сводится къ фантазіямъ и степени энергіи тѣхъ или другихъ представителей мѣстной администраціи, гдѣ «насадившихъ» общину, а гдѣ—ее искоренявшихъ.

Но даже и оставаясь въ предѣлахъ того же документальнаго матеріала (другимъ мы, въ данномъ случаѣ, уже не располагаемъ), нельзя не усомниться въ нашемъ правѣ обобщать не подлежащіе сомнѣнію факты административнаго воздѣйствія и тѣмъ болѣе—придавать имъ самостоятельно-творческое значеніе.

Прежде всего: въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительства нельзя усмотрѣть ничего похожаго на сколько-нибудь опредѣленную, планомѣрно-проводимую политику, направленную къ внѣдренію общиннаго землевладѣнія. Къ 1766 году относятся знаменитыя межевыя инструкціи, которымъ приписывается такая важная роль въ дѣлѣ созданія общины у государственныхъ крестьянъ, а въ 1767 году главная дворцовая канцелярія предписываетъ: «пашенною землею и угодьями, впредь до разсмотрѣнія канцеляріею, владѣть какъ до сего владѣли, и собою другъ у друга не отнимали бы и во владѣніе не вступали»; генералъ-губернаторъ Тутолминъ предписываетъ произвести поравненіе земель въ Олонецкой губерніи, а губернаторъ Державинъ отмѣняетъ его предписаніе и приказываетъ отбирать у крестьянъ приказы о передѣлѣ; въ Шенкурскомъ уѣздѣ приказъ дворцовой канцеляріи о производствѣ передѣла не приводится въ исполненіе въ виду распоряженія мѣстнаго губернатора «о не отниманіи отъ большетяглыхъ нынѣ имѣющихся за ними земель и о не отдачѣ малотяглымъ и нерадивымъ крестьянамъ».

И едва ли не съ еще большею яркостью эта невыдержанность и непослѣдовательность правительственной политики по занимающему насъ вопросу проявляется въ дѣятельности удѣльнаго вѣдомства, какъ она изображается въ работѣ г. В. В.: въ 1799 году департаментъ удѣловъ предписываетъ произвести передѣлъ, «включая въ сей общій раздѣлъ и тѣ земли, которыми нѣкоторые поселяне владѣютъ по купчимъ и закладнымъ,

какъ по документамъ, уничтожающимся по закону», а въ 1802 году признаетъ себя «не въ правѣ уничтожать законно-совершенныя крѣпости и закладныя»; по одному представленію своихъ мѣстныхъ органовъ департаментъ отмѣняетъ начатый передѣлъ, по другому возстановляетъ его; удѣльная администрація «первоначально многократно повторяетъ свои приказы къ производству уравнительнаго раздѣла земель, а впослѣдствіи не только терпимо относится къ приговорамъ крестьянъ о сохраненіи за селеніями (рѣчь идетъ здѣсь о междуселенныхъ передѣлахъ! А. К.) прежнихъ владѣній, но даже сама поощряетъ ихъ къ этому»; одинъ и тотъ же удѣльный чиновникъ по одному и тому же дѣлу даетъ три совершенно противорѣчащихъ другъ другу предписанія. Въ документахъ г. В. В. имѣется немало указаній на «многократныя понужденія» къ передѣлу, на «угрозы, насилія и притѣсненія», даже на «битье и сажанье [на цѣпь несогласныхъ»,—но приводятся и случаи, когда низшіе чиновники удѣльнаго вѣдомства собственною властью предписывали «начатый, но не оконченный раздѣлъ во всѣхъ частяхъ оставить», и т. п.

По справедливому замѣчанію А. Я. Ефименко, какъ во внутренней жизни крестьянъ, такъ и въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ центральнаго правительства и его мѣстныхъ органовъ «постоянно сталкиваются два правовыхъ принципа, не имѣющихъ между собой ничего общаго и другъ друга взаимно исключающихъ: съ одной стороны, право, держащееся на старинныхъ документахъ и другихъ законныхъ (точнѣе—облеченныхъ въ законныя формы. А. К.) основаніяхъ; съ другой стороны, тоже признанное закономъ право каждой ревизской души на извѣстное земельное обезпеченіе»,—отсюда и постоянныя колебанія правительственной политики, и разнообразнѣйшія злоупотребленія мѣстныхъ органовъ администраціи,—отсюда, въ частности, и та видная роль, какую играетъ «денежная» или «золотая молитва» въ исторіи отношеній органовъ администраціи къ вопросу о передѣлахъ: эта «золотая молитва» приносилась то сторонниками передѣла, то его противниками, то тѣми и другими одновременно, и была, несомнѣнно, одною изъ существенныхъ причинъ, обусловливавшихъ иногда чрезмѣрно активное сочувствіе, иногда рѣшительное противодѣйствіе мѣстныхъ органовъ администраціи уравнительному движенію.

Но нельзя не замѣтить здѣсь прежде всего, что по части «денежной молитвы» широкодачники—заинтересованные противники передѣла всегда имѣли перевѣсъ передъ добивавшеюся послѣдняго бѣднотой. А главное: вѣдь даже эта борьба взятками,—это не что иное, какъ проявленіе во-внѣ борьбы за передѣлъ, происходившей издавна внутри общинъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ. И даже оставляя въ сторонѣ вопросъ о взяткѣ: постоянныя колебанія во взглядахъ правительственной власти въ вопросѣ о передѣлахъ въ значительной мѣрѣ вытекали изъ того обстоятельства, что правительственное вмѣшательство въ ту или другую сторону было не болѣе, какъ откликомъ на издавнюю борьбу между сторонниками и противниками передѣла. Уже наказы крестьянъ въ Екатерининской коммиссіи,

обработанные В. И. Семевскимъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что «начиная съ 60-хъ годовъ XVIII вѣка, малоземельные крестьяне сѣверной Россіи добивались передѣловъ земли, и что правительственныя мѣры были лишь отвѣтомъ на настоятельныя просьбы крестьянъ, нуждавшихся въ болѣе уравнительномъ пользованіи землею. Администрація въ принудительномъ введеніи передѣла видѣла единственный способъ «для отвращенія неустройствъ и взаимныхъ распрей», для «пресѣченія буйствъ и дальнѣйшихъ опасныхъ непріятностей». Но «распри» и «непріятности» исходили и отъ сторонниковъ, и отъ противниковъ передѣла. Въ центральныя и мѣстныя учрежденія поступали то прошенія малоземельныхъ, весьма убѣдительно доказывавшихъ необходимость передѣла,—за такими прошеніями слѣдовали распоряженія и настоянія о производствѣ поравненія; то обставленныя также весьма существенными аргументами и формальнаго, и хозяйственнаго характера (право труда!) жалобы широкодачниковъ на нарушеніе ихъ исконныхъ правъ на разработанныя ими угодья,—и сдѣланное распоряженіе о передѣлѣ ограничивалось или уничтожалось новымъ распоряженіемъ, отмѣнявшимъ передѣлъ, или исключавшимъ изъ него расчистки и крѣпостныя земли.

Далѣе: самое содержаніе правительственныхъ распоряженій, если не всегда, то во многихъ случаяхъ, несомнѣнно заимствовалось изъ жизни, изъ дѣйствительно практиковавшихся порядковъ уравнительнаго пользованія. «Циркуляръ 29 февраля 1812 года объ уравненіи землепользованія,—читаемъ мы въ офиціальной «Исторіи удѣловъ»,—исходилъ изъ того положенія, что крестьяне, *какъ извѣстно по опыту* (курс. мой. *А. К.*), сами знали качество состоявшихъ въ ихъ пользованіи угодій и при помощи простыхъ пріемовъ уравнительно разверстывали ихъ между собой, не нуждаясь въ этомъ отношеніи въ руководительствѣ чиновниковъ». И достаточно взять, напримѣръ, напечатанное въ работѣ г. В. В. наставленіе о порядкѣ производства передѣловъ, составленное Вельскимъ нижнимъ земскимъ судомъ, чтобы увидѣть, что изложенныя здѣсь подробнѣйшія указанія касательно техники передѣловъ были не теоретическимъ измышленіемъ его полуграмотныхъ канцеляристовъ, а точнымъ сколкомъ съ пріемовъ уравненія земли, уже фактически примѣнявшихся въ данной мѣстности крестьянами. Или еще одна любопытная категорія свидѣтельствъ—правительственныя распоряженія, направленныя къ *запрещенію* или *ограниченію* передѣловъ: въ одномъ, также приводимомъ у В. В., циркулярѣ департамента удѣловъ говорится объ обычныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ежегодныхъ передѣлахъ, практикуемыхъ «не по какой-либо необходимости, но безъ всякой цѣли, единственно только по укоренившемуся издавна обычаю, съ явнымъ ущербомъ для успѣховъ земледѣлія вообще и для крестьянъ въ частности», и предписывается на будущее время допускать передѣлы только при ревизіяхъ. Можно допустить, что «издавна установившіеся обычаи» изобрѣтались принципіальными сторонниками передѣла; но уже никакъ нельзя допустить, чтобы такіе обычаи сочинялись спеціально только для того,

чтобы запретить примѣненіе сочиненнаго обычая; *такого* рода свидѣтельства, поэтому, могутъ быть признаны за несомнѣнное доказательство того, что передѣлы въ извѣстномъ районѣ дѣйствительно существовали,—существовали притомъ не только внѣ зависимости отъ какого-либо административнаго воздѣйствія, но даже вопреки послѣднему.

Я коснусь теперь еще, мимоходомъ, вопроса о роли системы податнаго обложенія въ числѣ факторовъ, направившихъ въ извѣстную сторону эволюцію формъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія. Извѣстно, какая роль приписывается въ этомъ отношеніи подушной подати. «Спрашивается однако,—справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. В. В.,—есть ли это единственный или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе легкій способъ обезпеченія исправнаго поступленія податей? Не было ли бы умѣстнѣе, не производя радикальной ломки порядковъ частновладѣльческаго владѣнія землей, настоять на томъ, чтобы раскладка государственныхъ податей производилась внутри общины (тяглой) не по числу душъ, а по количеству владѣемой каждымъ земли,—система, извѣстная населенію по прежней практикѣ»; это было бы не только проще, но съ чисто финансовой точки зрѣнія и гораздо цѣлесообразнѣе: въ этомъ случаѣ получилась бы разверстка платежей по дѣйствительной хозяйственной силѣ, а слѣдовательно и платежеспособности, тогда какъ, навязывая передѣлъ, правительство тѣмъ самымъ ослабляло лучшихъ плательщиковъ и создавало новыхъ плательщиковъ съ болѣе или менѣе сомнительною или, по крайней мѣрѣ, проблематическою платежною способностью. «И если,—продолжаетъ г. В. В.,—государство громадно усложнило дѣло, потребовавъ, чтобы вмѣстѣ съ переложеніемъ платежей было произведено и уравненіе крестьянскихъ земельныхъ участковъ,—то не произошло ли это потому, что идея уравненія находилась въ согласіи съ желаніями массы крестьянъ? Что, предписывая передѣлы, правительство удовлетворяло не только (и даже не столько! А. К.) требованіямъ фиска, но и уяснившимся экономическимъ нуждамъ населенія», шло навстрѣчу господствовавшему въ средѣ его теченію? И справедливость этихъ теоретическихъ соображеній всецѣло подтверждается данными мѣстныхъ изслѣдованій въ Сибири: въ такихъ многоземельныхъ мѣстностяхъ, какъ Томская или Енисейская губернія, стремленіе крестьянскихъ общинъ привести податное бремя въ соотвѣтствіе съ размѣрами пользованія землей выражалось не въ распредѣленіи угодій соразмѣрно платежамъ, а въ раскладкѣ платежей пропорціонально посѣвамъ, скотоводству,—вообще размѣрамъ землепользованія и благосостоянію; въ частности «разъясненія» 1884 года привели въ Енисейской губерніи не къ земельнымъ передѣламъ, а къ поимущественно-поземельной раскладкѣ платежей. Переходъ же къ уравнительному землепользованію совершался только тамъ, гдѣ того требовали общія условія землевладѣнія и, главнымъ образомъ, наступившее земельное «утѣсненіе».

Поставимъ однако вопросъ нѣсколько болѣе принципіально: попытаемся выяснить, каковы *могли быть* практическія послѣдствія правительствен-

наго воздѣйствія, какъ оно имѣло мѣсто въ XVIII или началѣ XIX вѣка, не говоря уже о болѣе раннихъ временахъ, на формы крестьянскаго землепользованія? *Могло ли*, въ частности, такое воздѣйствіе, въ условіяхъ русскаго прошлаго, привести къ *дѣйствительной* ломкѣ? Былъ ли, иначе сказать, правительственный аппаратъ XVIII или начала XIX вѣка достаточно силенъ, чтобы навязать крестьянской жизни новыя и чуждыя ей формы? Вѣдь извѣстно, что еще и въ настоящее время, несмотря на сравнительное совершенство современнаго правительственнаго механизма, правительство безсильно бороться съ вытекающими изъ хозяйственной необходимости процессами народной жизни,—достаточно напомнить о тщетной борьбѣ правительства, въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ, съ переселенческимъ движеніемъ, о фіаско закона о семейныхъ раздѣлахъ и т. п., наконецъ, о крайне слабомъ, какъ мы видѣли, вліяніи административнаго воздѣйствія на земельно-платежные порядки въ Сибири. Тѣмъ менѣе была мыслима какая-либо существенная ломка въ XVIII вѣкѣ, съ его слабою по составу, невѣжественною и продажною администраціею, которой высшіе представители откровенно признавались въ совершенномъ незнакомствѣ съ тѣми явленіями, которыя будто бы складывались и видоизмѣнялись по ихъ иниціативѣ, и которой мѣстные агенты за «золотую молитву» съ одинаковымъ усердіемъ поддерживали и сторонниковъ, и противниковъ передѣла. И въ особенности немыслима была такая ломка въ сѣверныхъ губерніяхъ, съ ихъ крайне рѣдкимъ населеніемъ, самая изолированность котораго, среди дремучихъ лѣсовъ и болотъ, отнимала у правительственныхъ «воздѣйствій» почти всякое практическое значеніе. И дѣйствительно—въ той же работѣ В. В. приводятся десятки фактовъ, когда крестьяне, несмотря на всѣ воздѣйствія, оставались при старыхъ, захватныхъ формахъ, и ихъ упорное сопротивленіе заставляло администрацію, въ концѣ-концовъ, отмѣнять свои распоряженія и санціонировать сохраненіе старыхъ, захватныхъ формъ. А изъ исторіи четвертныхъ крестьянъ извѣстны случаи, когда «настоянія» начальства оказывали воздѣйствіе противоположное тому, какое ожидалось: четвертные владѣльцы, сами собой дошедшіе до передѣла сѣнокосовъ, прекращали этотъ передѣлъ и принимались снова косить «по дворамъ», «убоявшись» не въ мѣру горячей пропаганды душевого раздѣла присланнымъ къ нимъ для того чиновникомъ. И это въ то время, когда въ другой мѣстности несочувствовавшій передѣлу окружной начальникъ оказался безсильнымъ пріостановить дѣйствіе циркуляра, разъяснявшаго право четвертныхъ владѣльцевъ переходить къ душевому пользованію.

Почему же, спрашивается, правительственное воздѣйствіе въ однихъ случаяхъ дѣйствительно приводило къ передѣламъ, въ другихъ разбивалось объ упорное сопротивленіе крестьянъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ: передѣлы осуществлялись тамъ, гдѣ среди общины, или точнѣе—среди достаточно сильной группы общинниковъ, «выработалось міровоззрѣніе, что вся земля принадлежитъ міру, что міръ имѣетъ право раздѣлить

ее какъ угодно»,—гдѣ поэтому «достаточно было незначительнаго толчка, чтобы ветхое зданіе прежней формы землевладѣнія рухнуло и замѣнилось душевымъ поравненіемъ», гдѣ «бумага» сыграла только роль «искры, упавшей на порохъ», гдѣ на осуществленіи передѣла настаивали малоземельные крестьяне, осаждавшіе своими жалобами начальство. И всѣ приказы, циркуляры и настоянія, до битья и сажанья на цѣпь включительно, оставались мертвою буквой, когда «община не доразвилась до извѣстной ступени, такъ сказать предусмотрѣнной законами эволюціи», когда «идея уравнительнаго раздѣла земель еще не достаточно назрѣла», когда сторонники передѣла «подчинялись общему рѣшенію» (очевидно, рѣшенію противниковъ. А. К.), чтобы избѣжать «одного на другого вчиняемыхъ исковъ» *),—другими словами, когда нужда въ землѣ была еще не достаточно остра и потому сторонники передѣла готовы были ради устраненія распрей и тяжбъ пожертвовать своими притязаніями. И уже Б. Н. Чичеринъ, въ которомъ, какъ мнѣ кажется, по нѣкоторому недоразумѣнію видятъ родоначальника «государственной» теоріи происхожденія русской земельной общины, опредѣленно указалъ на первопричину, обусловливающую въ однихъ случаяхъ одну, въ другихъ другую судьбу вопроса о передѣлѣ: «передѣлъ земли,—говорилъ Чичеринъ,—можетъ установиться только тогда, когда земли становится мало, а люди не могутъ уходить съ мѣста и искать новыхъ поселеній». Этихъ условій не было налицо въ XVI вѣкѣ, а потому, «гдѣ же тутъ было образоваться передѣлу?» Но «съ умноженіемъ населенія въ общинѣ, при невозможности перехода, должно было неизбѣжно установиться неравенство,—слѣдовательно, для возстановленія первоначальнаго нормальнаго отношенія необходимъ былъ передѣлъ земель».

Вопросъ такимъ образомъ только въ томъ, существовала ли на сѣверѣ Европейской Россіи въ эпоху межевыхъ инструкцій и послѣдовавшихъ за ними мѣропріятій, направленныхъ къ «насажденію» общинно-уравнительной разверстки земли, готовая почва для развитія этихъ формъ? Имѣлась ли здѣсь налицо та степень населенности и земельнаго утѣсненія, на которой возникшее неравенство въ землепользованіи можетъ быть устранено лишь посредствомъ передѣла? Повидимому, нѣтъ. При необъятномъ просторѣ русскаго сѣвера каждый, у кого нехватало земли, могъ свободно расширять свое землепользованіе путемъ простой заимки, свободнаго захвата и расчистки угодій. Правда, этотъ необъятный, пока мы говоримъ о «пространствахъ», просторъ сопровождался весьма ощутительнымъ «утѣсненіемъ» въ отношеніи культурныхъ угодій—готовыхъ пашенъ и покосовъ; все, что оставалось и остается свободнымъ для заимки,—это были лѣса, требовавшіе громаднаго труда для расчистки и обращенія подъ угодья. Но населеніе русскаго сѣвера получило въ этомъ отношеніи, если можно такъ выразиться, совсѣмъ особое воспитаніе, въ основѣ котораго

*) Слова въ ковычкахъ принадлежатъ гг. В. В. и Благовѣщенскому.

лежали вѣковыя традиціи подсѣчнаго хозяйства: оно не боится никакого лѣса, не останавливается ни передъ какою трудностью расчистки,—и благодаря этому здѣсь получалась нѣсколько своеобразная комбинація условій: для захватнаго пользованія уже разработанными угодьями затраченный трудъ создавалъ прочную обычно-правовую основу; а между тѣмъ трудность расчистки новыхъ угодій утрачивала свое значеніе рѣшающаго аргумента въ пользу притязаній сторонниковъ «поравненія».

Справедливо или нѣтъ это, конечно, гипотетическое объясненіе, но фактъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію: готовой почвы для дѣйствительнаго укорененія уравнительнаго пользованія въ то время не было, въ значительной мѣрѣ нѣтъ и до сихъ поръ; какъ констатируетъ г. В. В., сѣверная община «оказалась не въ силахъ сама справиться со всѣми затрудненіями нравственнаго, юридическаго и экономическаго характера, стоявшими на пути введенія общихъ передѣловъ земли»; не оказалось въ силахъ этого сдѣлать и правительственное вмѣшательство: въ данномъ районѣ и въ данную эпоху оно было, несомнѣнно, преждевременнымъ, ибо существовалъ еще полный просторъ для расчистокъ, для образованія новыхъ починковъ, вообще для разселенія,—тотъ самый просторъ, который Б. Н. Чичеринъ совершенно правильно считаетъ рѣшительнымъ противопоказаніемъ противъ передѣла,—и потому захватныя формы пользованія еще сохраняли законное право на существованіе. Если поэтому исторія землевладѣнія на русскомъ сѣверѣ что-нибудь доказываетъ въ занимающемъ насъ вопросѣ, то *не творческую роль* административнаго воздѣйствія, а наоборотъ, *его безсиліе* тамъ, гдѣ оно не находило для себя подготовленной почвы, гдѣ оно не шло навстрѣчу естественной эволюціи формъ пользованія землею. Вѣдь даже и по настоящее время, по истеченіи столѣтія со времени межевыхъ инструкцій и послѣдовавшихъ за ними правительственныхъ мѣропріятій въ данномъ направленіи, захватныя формы еще весьма распространены, если не господствуютъ, на сѣверѣ Россіи; еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія сѣнокосныя расчистки въ Вологодской губерніи, какъ извѣстно изъ работъ Соколовскаго, Щепотьева, Лалоша и т. п., вводились въ надѣлы въ качествѣ участковъ подворнаго владѣнія, и потребовался извѣстный Трироговскій циркуляръ, чтобы измѣнить дѣйствовавшій въ этомъ отношеніи порядокъ; а на сѣверо-востокѣ той же губерніи захватное пользованіе сохранилось и до нашихъ дней въ совершенно чистомъ видѣ. На сѣверѣ Россіи, поэтому, межевыя инструкціи и послѣдовавшія за ними дальнѣйшія мѣропріятія дѣйствительно были—употребляя выраженіе А. Я. Ефименко—«декретами конвента», ломавшими жизнь и навязывавшими ей такія формы, для которыхъ не было еще въ наличности соотвѣтствующихъ условій. Но *именно потому* они и остались, въ значительной мѣрѣ, безрезультатными. А если въ извѣстномъ числѣ частныхъ случаевъ «декреты конвента» и произвели насиліе надъ жизнью, если они, дѣйствительно, вызвали преждевременное наступленіе передѣловъ, то отсюда еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы *рус-*

ская земельная община, какъ таковая, была продуктомъ такихъ «декретовъ».

Въ той же работѣ г. В. В. мы находимъ и чрезвычайно цѣнныя указанія на основной источникъ очень распространеннаго въ данномъ отношеніи ошибочнаго взгляда: «крайній недостатокъ относящагося сюда фактическаго матеріала», и мало того—неизбѣжную, вытекающую изъ самаго существа вещей, его односторонность. «Наши свѣдѣнія,—говоритъ, напримѣръ, г. В. В.,—о ходѣ перваго уравненія земли среди удѣльныхъ крестьянъ Вологодской губерніи, заимствованныя изъ дѣлъ центральнаго учрежденія удѣловъ, заканчиваются приблизительно серединой перваго десятилѣтія восьмисотыхъ годовъ. Это значитъ, что возникавшія позже этого времени недоразумѣнія при раздѣлѣ разрѣшались на мѣстахъ и не восходили на разсмотрѣніе департамента удѣловъ». Иначе сказать: г. В. В. удалось найти матеріалъ лишь для тѣхъ моментовъ въ исторіи вопроса о поравненіи, гдѣ возникали недоразумѣнія и гдѣ эти недоразумѣнія восходили до центра; о тѣхъ случаяхъ, гдѣ недоразумѣній не было, изслѣдователь, работавшій въ архивахъ, никакими свѣдѣніями не располагаетъ. Въ другомъ мѣстѣ г. В. В. указываетъ на то, что его матеріалы, изобилуя данными о междуселенныхъ передѣлахъ, «весьма бѣдны свѣдѣніями относительно разверстки земли между хозяевами одного селенія; причины сказаннаго,—говоритъ г. В. В.,—надлежитъ видѣть въ мирномъ характерѣ этого акта, въ отсутствіи такихъ споровъ и недоразумѣній, которые требовали бы вмѣшательства администраціи»; значитъ, изслѣдователь знаетъ о тѣхъ фактахъ, гдѣ имѣло мѣсто вмѣшательство администраціи, и ничего не знаетъ о тѣхъ, которые протекали при отсутствіи споровъ и недоразумѣній. Или обобщая сказанное: *при мирномъ, спокойномъ теченіи эволюціи формъ крестьянскаго землевладѣнія, отдѣльные моменты этой эволюціи остаются неизвѣстными изслѣдователю, работающему надъ архивнымъ матеріаломъ, потому что отъ нихъ не остается никакихъ документальныхъ слѣдовъ;* документъ возникаетъ лишь тогда, слѣдовательно, работающій въ архивѣ историкъ только тогда можетъ установить наличность того или иного факта, когда возникли распри, затрудненія или недоразумѣнія, когда, такъ или иначе, имѣли мѣсто судьбища, обращенія къ начальству или его вмѣшательство въ крестьянскіе земельные распорядки.

Въ самомъ дѣлѣ: даже и въ настоящее время—мы видѣли—документальный матеріалъ далъ бы совершенно превратное представленіе о той «живой исторіи общины», которой посвящена главная часть настоящаго очерка. Лишь интерполируя весьма неполныя и далеко не всегда ясныя указанія документовъ въ богатые ряды фактовъ, установленныхъ описательнымъ путемъ, изслѣдователь этой «живой исторіи» получаетъ возможность построить болѣе или менѣе полную и—надо думать—достаточно близкую дѣйствительности картину эволюціи формъ землевладѣнія и земле пользованія, совершенно непохожую на тѣ каррикатурные контуры, какіе

могли бы быть очерчены, если бы исходить изъ одного только документальнаго матеріала. И это—въ концѣ XIX вѣка, при сравнительно большомъ распространеніи грамотности, при наличности опредѣленныхъ требованій закона относительно записи приговоровъ, при существованіи сравнительно интенсивнаго правительственнаго надзора, гораздо чаще вмѣшивающагося въ крестьянскую жизнь, гораздо чаще реагирующаго на нее и притомъ—всегда въ письменной формѣ. Что же сказать о настоящей исторіи общины, какъ она разыгрывалась въ XVIII, XVI или XIV вѣкѣ? Я оставлю совершенно въ сторонѣ вопросъ, были ли, или нѣтъ передѣлы пахотныхъ земель въ XVI или XVII столѣтіи,—я лично считаю болѣе вѣроятнымъ, что не было; или какъ происходилъ, въ дѣйствительности, переходъ отъ захватныхъ къ уравнительнымъ формамъ пользованія. Меня въ данную минуту интересуетъ чисто методологическій вопросъ: *можно ли надѣяться возстановить по документальнымъ матеріаламъ дѣйствительный складъ и дѣйствительный ходъ эволюціи формъ землепользованія* въ XVI, XVII или XVIII столѣтіи? По моему разумѣнію на этотъ вопросъ приходится дать категорически-отрицательный отвѣтъ. При отсутствіи какихъ-либо опредѣленныхъ требованій закона, при болѣе или менѣе поголовной безграмотности, даже коренной передѣлъ далеко не всегда или вѣрнѣе—очень рѣдко могъ оставить за собой какой-нибудь документальный слѣдъ—чаще всего онъ происходилъ, надо думать (какъ иногда происходитъ и по сейчасъ!), по простому, ничѣмъ неоформленному соглашенію; и уже окончательно—*это* можно утверждать съ полною увѣренностью!—не могли оставить никакого документальнаго слѣда такіе факты внутриобщинной жизни, какъ ежегодный передѣлъ покосовъ, какъ въ особенности тѣ ограниченія захвата, тѣ отводы, отрѣзки и прирѣзки, помощью которыхъ происходитъ естественный переходъ отъ чистаго захвата къ уравнительному пользованію, а тѣмъ болѣе—какъ неуловимыя переходныя ступени отъ вольнаго пользованія къ ежегодному передѣлу сѣнокосовъ,—явленія, которыя и въ настоящее время протекаютъ, не оставляя за собою никакого документальнаго слѣда. Если возникали документы, касающіеся того или другого момента въ ходѣ занимающей насъ эволюціи, то это именно потому, что данный моментъ вызвалъ споръ или жалобу, что данный моментъ обусловленъ вмѣшательствомъ начальства; документы являются и останутся характерными *только* для такихъ ненормальныхъ моментовъ, и не даютъ права на какія бы то ни было заключенія относительно того, что происходило, такъ сказать, въ промежуткахъ между жалобами, спорами и вмѣшательствами правительственной власти.

Приведу авторитетное свидѣтельство изъ нѣсколько иной области. «Старинные кодексы,—говоритъ М. М. Ковалевскій, разбирая вопросъ о происхожденіи индійской общины,—являются скорѣе сборниками религіозныхъ и нравственныхъ правилъ, нежели сводомъ всѣхъ дѣйствующихъ у извѣстнаго народа обычаевъ и формъ. Ихъ цѣль—*не столько кодифици-*

ровать обычное право, сколько свесть воедино массу измѣненій, внесенныхъ въ него верховною властью (курс. мой. *А. К.*) подъ вліяніемъ требованій, предъявляемыхъ ей привилегированными сословіями и прежде всего—духовенствомъ. При такихъ условіяхъ,—заключаетъ г. Ковалевскій,—неудивительно, если повседневныя явленія обыденной жизни менѣе всего останавливаютъ на себѣ вниманіе законодателей, и регулирующіе ихъ обычаи не входятъ вовсе въ составляемые ими своды, продолжая жить попрежнему во внутреннихъ распорядкахъ отдѣльныхъ общинъ и родовъ». То же, въ существѣ, можно сказать и о документахъ, по которымъ приходится изучать древнюю исторію русской общины. Нормальная жизнь протекала въ видѣ правила въ установленномъ тѣмъ или другимъ, старымъ или вновь вырабатываемымъ, обычаемъ порядкѣ, въ видѣ правила не оставляя за собою никакихъ письменныхъ слѣдовъ. Документъ возникалъ именно тогда и, въ видѣ правила, *только* тогда, когда нормальное развитіе «внутреннихъ распорядковъ отдѣльныхъ общинъ» осложнялось тѣмъ или инымъ вмѣшательствомъ правительственной власти,—вмѣшательствомъ, и здѣсь весьма часто вытекавшимъ изъ «требованій, предъявляемыхъ привилегированными сословіями»: правительственная власть вмѣшивалась либо чтобы оградить обширные захваты зажиточнаго меньшинства, либо чтобы отстоять права и интересы представителей городского класса, церквей и монастырей, пріобрѣвшихъ освоенную отдѣльными общественниками землю. Письменный документъ—этотъ единственный источникъ, надъ которымъ приходится оперировать историку, только потому и существуетъ, что въ извѣстномъ случаѣ имѣло мѣсто вмѣшательство правительственной власти или обращеніе къ этой власти; происходили ли, или нѣтъ, какія-нибудь событія, не связанныя съ такимъ вмѣшательствомъ ни какъ съ причиною, ни какъ со слѣдствіемъ,—во всякомъ случаѣ такія событія, въ видѣ правила, не могли оставить за собой документальнаго слѣда, а потому отсутствіе такихъ слѣдовъ не можетъ доказывать ни существованія, ни несуществованія событій; эти послѣднія остаются не доказанными, но и не опровергнутыми отсутствіемъ документовъ. Эти событія, въ занимающемъ насъ случаѣ проявленія естественной эволюціи формъ землепользованія, могли бы быть изучаемы лишь по даннымъ исторической традиціи; но если не считать единичныхъ, крайне отрывочныхъ и не всегда ясныхъ показаній, исторія формъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія такими данными не располагаетъ и, надо думать, не будетъ располагать. А пока она ими не располагаетъ, всякія дальнѣйшія изслѣдованія, сколько бы ни удалось еще разыскать документовъ, будутъ давать *неизбѣжно* неполные и *неизбѣжно* односторонніе, въ выясненномъ выше направленіи, результаты.

На этомъ заканчиваются тѣ историко-методологическія соображенія, которыми мнѣ хотѣлось заключить эти краткіе очерки. Цѣль ихъ была—ближе выяснить значеніе «живой исторіи» современности для освѣщенія явленій давняго прошлаго, показать, что, изучая «живую исторію», мы

пріобрѣтаемъ ключъ къ уясненію гораздо болѣе широко поставленныхъ общихъ вопросовъ, мы уясняемъ себѣ путь къ гораздо болѣе широкимъ обобщеніямъ. Изучая «живую исторію», мы примѣняемъ къ изученію исторіи давняго прошлаго тотъ самый «методъ переживаній», который рекомендуется М. М. Ковалевскимъ: чтобы пополнить пробѣлы, оставляемые документальными источниками, «мы обращаемся къ изученію дѣйствующихъ въ наше время обычаевъ и обрядовъ съ цѣлью найти въ нихъ какіе-нибудь слѣды исторической старины». Но *предѣлы убѣдительности* тѣхъ заключеній, къ которымъ приводитъ пользованіе этимъ методомъ, приходится признать довольно ограниченными. Изучая живую исторію, примѣняя методъ переживаній, мы можемъ съ достаточною—мнѣ кажется—научною объективностью придти къ тому заключенію, что эволюція формъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія и въ прошломъ не могла быть продуктомъ административнаго воздѣйствія, что это послѣднее могло играть и здѣсь лишь болѣе или менѣе случайную, болѣе или менѣе побочную роль, что оно могло, въ извѣстныхъ случаяхъ, только ускорять естественную эволюцію, но не въ состояніи было навязать крестьянской жизни чуждыя и нежелательныя ей формы. Но наше положеніе станетъ гораздо болѣе рискованнымъ, если мы пойдемъ дальше этого чисто отрицательнаго заключенія, если мы захотимъ путемъ приложенія метода переживанія достигнуть и положительныхъ заключеній, если, въ частности, мы будемъ пытаться этимъ способомъ реконструировать картину дѣйствительной эволюціи крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія въ нашемъ отдаленномъ прошломъ, а тѣмъ болѣе если мы этимъ методомъ захотимъ выяснять причины интересующей насъ эволюціи. Я лично думаю, что, при полномъ тожествѣ условій, эволюція крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія въ Европейской Россіи должна была идти, въ общихъ чертахъ, тѣмъ же путемъ, какимъ она еще и въ настоящее время идетъ на нашихъ многоземельныхъ окраинъ. Но я не могу не сознавать, что такого рода основанное на аналогіи заключеніе будетъ убѣдительно только для того, кто такъ или иначе предрасположенъ къ теоріи самопроизвольнаго зарожденія и развитія формъ общиннаго землевладѣнія и землепользованія.

А. Кауфманъ.

Опочецкія воспоминанія о гр. П. А. Гейденѣ *).

VI.

Провалъ мѣстнаго отдѣла „союза 17 октября".—Лѣвое настроеніе.

1906 годъ начался очень скучно для Опочки. Собраній никакихъ не было, въ газетахъ приходилось читать про повсемѣстныя репрессіи, про разстрѣлы послѣ только что усмиреннаго московскаго возстанія и т. п.

Скоро, однако, опять пріѣхалъ гр. Гейденъ, который, казалось, одинъ только и могъ оживлять нашу уѣздную общественную жизнь. 4 февраля онъ рѣшилъ устроить собраніе лицъ, сочувствующихъ «союзу 17 октября». Но... администрація не разрѣшила. П. А. поѣхалъ объясняться къ исправнику. «Телеграфируйте губернатору о разрѣшеніи,—совѣтовалъ исправникъ,—но я не могу». «Я могу только телеграфировать жалобу на васъ за то, что вы не разрѣшаете моей законной просьбы,—отвѣтилъ ему П. А.—Вѣдь мое заявленіе подано за три дня до собранія, и указываю отвѣтственное лицо»... Тѣмъ не менѣе пришлось опять обратиться въ Псковъ, и, наконецъ, собраніе было разрѣшено на 17-е февраля.

Это собраніе должно было быть своего рода смотромъ для мѣстнаго отдѣла «союза 17 октября», такъ какъ офиціально оно и было «собраніемъ лицъ, сочувствующихъ «союзу 17 октября». Но на самомъ дѣлѣ собралась обычная наша митинговая публика, человѣкъ 100—120: городская интеллигенція съ небольшой примѣсью «народа», рабочихъ и крестьянъ, неловко тѣснившихся кучкой около входныхъ дверей. Собраніе началось съ заявленія, что никакого мѣстнаго отдѣла уже не существуетъ, что и самый комитетъ, избранный какихъ-нибудь $1^1/_2$ мѣсяца тому назадъ, отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть. Послѣ того пренія невольно перешли на тѣ стѣсненія, которыя угнетаютъ всякую политическую самодѣятельность. Рядъ ораторовъ заговорили о томъ, что выборы въ Думу будутъ происходить подъ штыками, что тюрьмы переполнены будущими избирателями и кандидатами, что теперь разстрѣливаютъ безъ суда и т. д. Указывали на разнаго рода факты мѣстной жизни, вродѣ увольненія одного чинов-

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1907 г.

ника, совсѣмъ еще молодого человѣка, за нѣсколько, въ сущности, довольно невинныхъ словъ, сказанныхъ еще на митингѣ 6 ноября, указали на запрещеніе концерта въ пользу голодающихъ черезъ вольно-экономическое общество и т. д.

Тщетно гр. Гейденъ возражалъ, что въ общемъ положеніе не такъ ужъ неблагопріятно, что собранія, которыя не носятъ явно-революціоннаго характера, у насъ все еще возможны. «Надо стоять на легальной почвѣ, надо пользоваться хоть существующей свободой, надо что-нибудь дѣлать». Онъ защищалъ свой «союзъ 17 октября», говорилъ о конституціонности его программы, которая притомъ достаточно широка и для Россіи могла бы дать очень много весьма существеннаго. Но ему возражали, что эта программа и неопредѣленна, и слишкомъ узка, что не того хочетъ народъ и не октябристамъ бороться...

Его забрасывали фактами нашей суровой дѣйствительности, указывали, что при теперешнихъ условіяхъ на собраніяхъ могутъ говорить только лица съ независимымъ общественнымъ положеніемъ или особенно смѣлыя; маленькому же сѣренькому человѣку или служащему остается молчать... Октябристы почти не поддерживали графа. Особенно неловко себя чувствовали чиновники—бывшіе члены мѣстнаго отдѣла, недавно принужденные выйти изъ него подъ внѣшнимъ давленіемъ. Защищать графа они не могли, такъ какъ налицо были слишкомъ недавніе факты стѣсненій мѣстнаго октябристскаго комитета и вынужденнаго ухода его членовъ, да и являлось сомнѣніе, можно ли чиновникамъ вообще-то публично выступать, развѣ что подъ флагомъ союза русскаго народа. Кое-кто изъ правой и умѣренной публики хотѣли было выразить свой протестъ противъ лѣвыхъ ораторовъ шипѣніемъ и свистомъ, но этотъ способъ, столь удачно примѣненный 29 декабря, теперь потерпѣлъ фіаско: ихъ попросили выражать свои взгляды болѣе членораздѣльными звуками, и они замолчали. Графъ остался одинъ. Въ концѣ-концовъ за «союзъ» не высказался никто. Не было и рѣчи о возобновленіи выборовъ въ комитетъ и... опочецкое отдѣленіе «союза 17 октября» было объявлено не существующимъ.

Все опять частью разбрелось, частью ушло въ подполье. Остались только небольшіе кружки единомышленниковъ, собиравшихся частнымъ образомъ, варившихся въ собственномъ соку и «пущавшихъ революцію промежду себя». Когда черезъ годъ у насъ возникла «группа гейденистовъ», то и они собирались въ небольшомъ числѣ, частнымъ образомъ, безъ правильной организаціи.

VII.

Выборы въ первую Думу.—Предвыборныя собранія въ городѣ.

Послѣ всего описаннаго политическая жизнь города, вѣроятно, опять замерла бы, разъ само общество отрицательно отнеслось къ человѣку, который только одинъ и могъ ее оживлять. Но тутъ подоспѣли выборы въ первую Думу.

Гр. Гейденъ принялъ самое дѣятельное участіе въ избирательной кампаніи и сумѣлъ поставить ее на европейскій манеръ. Въ большинствѣ другихъ уѣздныхъ городковъ нашей губерніи дѣло очень часто сводилось къ тому, что собравшіеся избиратели сразу, иногда даже совсѣмъ безъ всякихъ предвыборныхъ собраній, подавали избирательныя записки, и выборы проходили въ темную. У насъ было не такъ. Правда, инициатива предвыборныхъ собраній принадлежала не графу, а главнымъ образомъ его антагонисту на выборахъ какъ въ первую, такъ и во вторую Думу, Н. А. Л. Старый земскій врачъ-народникъ и демократъ до глубины души, питавшій какое-то органическое недовѣріе къ «аристократизму» графа, Н. А. Л. выступилъ его главнымъ противникомъ. Онъ пріобрѣлъ довольно большую популярность своею смѣлостью и независимостью. На собраніяхъ онъ нисколько не смущался остроумными сарказмами графа и неутомимо возражалъ ему своимъ простымъ и яснымъ языкомъ. Демократической публикѣ нравился этотъ языкъ, она видѣла въ Н. А. Л. своего человѣка, своего трибуна. Кромѣ того, Л. подкупалъ своимъ добродушнымъ оптимизмомъ, создававшимъ самое радужное настроеніе.

Первое предвыборное собраніе было созвано въ концѣ февраля по иниціативѣ Н. А. Л., но тамъ присутствовалъ и графъ, избранный предсѣдателемъ. Было предложено записками наимѣтить кандидата. Большинство голосовъ получилъ Л., графъ получилъ всего 9 голосовъ, но это потому, что тогда еще графъ не рѣшилъ ставить свою кандидатуру въ городѣ, и предполагалось, что онъ выставитъ ее на съѣздѣ землевладѣльцевъ. Можетъ быть, графъ такъ и думалъ, но скоро выяснилось, что тамъ пройти совершенно невозможно. Дѣло въ томъ, что въ силу тогдашняго избирательнаго закона, съѣздъ землевладѣльцевъ превратился чуть ли не въ съѣздъ крестьянъ. Крестьяне-уполномоченные отъ мелкихъ собственниковъ составляли двѣ трети всего съѣзда. Это произошло отчасти вслѣдствіе корректности графа, который, какъ предводитель дворянства, назначилъ 15 избирательныхъ участковъ, чтобы дать возможность участвовать въ выборахъ возможно бо́льшему числу мелкихъ собственниковъ. Выборы же у крестьянъ проходили подъ вліяніемъ крайне обостреннаго классоваго чувства и крайняго недовѣрія къ господамъ: «отъ господъ никого не пропускать, которые въ сюртукахъ или при калошахъ, тѣхъ намъ не надобе, выбирать надо своего брата-мужика, который самъ нашу нужду испыталъ». На первыхъ стадіяхъ господствовалъ даже цензъ бѣдности, но, въ послѣдней стадіи всякіе цензы уступили мѣсто простой случайности и чуть ли не жребію. При такомъ настроеніи крестьянъ при выборахъ въ *первую* Думу (потомъ это нѣсколько измѣнилось на выборахъ во вторую Думу) не имѣлъ шансовъ пройти на съѣздѣ землевладѣльцевъ ни одинъ помѣщикъ. Да не только помѣщики, а и разнаго рода интеллигенція крестьянскаго происхожденія. У насъ было много интеллигентныхъ лицъ, вышедшихъ изъ крестьянъ: учителя, земскіе служащіе, которые могли быть выбранными и отъ волостныхъ сходовъ; но и тамъ ихъ шансы

сильно упали. Эта крестьянская интеллигенція отвратила отъ себя народъ частью своимъ отрицательнымъ, а быть можетъ, просто осторожнымъ отношеніемъ къ начинавшемуся было аграрному движенію, а частью тѣмъ, что толковала больше «про свободы тамъ разныя, да про законы, какъ ихъ тамъ писать, а намъ это ни къ чему, намъ земля нужна, а законовъ намъ не писать; когда намъ землю дадутъ, такъ мы своихъ и выбирать въ Думу не будемъ, пущай господа законы пишутъ». Если и пользовались интеллигенты какою-нибудь популярностью среди крестьянъ, то развѣ только нѣкоторые очень молодые люди, горячія головы, которые носились съ эсъэровскими прокламаціями и кричали «о всей землѣ безъ выкупа и всей волѣ». Такіе, дѣйствительно, были часто героями дня. Когда кое-кого изъ такихъ арестовывали, то иногда собирались толпы крестьянъ, грозно требуя ихъ освобожденія. Такіе могли бы быть выбранными и въ Думу, несмотря на крайнюю молодость и отсутствіе сколько-нибудь серьезныхъ общественныхъ заслугъ.

При такихъ условіяхъ гр. Гейденъ, само собой разумѣется, не могъ разсчитывать пройти отъ «землевладѣльцевъ». Графъ выставилъ свою кандидатуру въ городѣ.

Когда на слѣдующемъ предвыборномъ собраніи П. А., выбранный предсѣдателемъ, предложилъ всѣмъ намѣченнымъ кандидатамъ изложить свои платформы, то большинство оробѣло и стало отказываться. Нѣкоторые ограничивались краткими заявленіями о томъ, что необходимо понизить обложеніе городскихъ имуществъ, причемъ нельзя было понять, желаютъ ли они этого для всѣхъ городовъ, или для одной Опочки. Были и такія рѣчи: «я несвѣдущъ въ политическихъ программахъ, но тѣмъ не менѣе принадлежу къ союзу 17 октября». Возраженія изъ публики были тоже сначала очень краткія: поднялся одинъ старый дѣдъ и, обратившись къ какому-то кандидату, изрекъ: «если тебя выбрать въ Думу, то ты тамъ будешь только сидѣть и... воздухъ портить» (ораторъ употребилъ другое выраженіе, но до такой степени простонародное и непарламентское, что публика только ахнула, а графъ смутился и не рѣшился сдѣлать замѣчанія). Наконецъ, выступилъ Л. Въ обстоятельной, горячо сказанной рѣчи онъ развивалъ программу, которую самъ назвалъ ближе всего подходящей къ партіи «демократическихъ реформъ». Онъ особенно налегалъ на аграрный вопросъ и требовалъ широкаго надѣленія крестьянъ землей, сильно нападалъ на помѣщиковъ-дворянъ, видя въ нихъ корень зла. Рѣчь Л. очень понравилась избирателямъ: ему много аплодировали, сказалось то лѣвое настроеніе, которое усилилось у насъ послѣ зимней реакціи. Послѣ говорилъ гр. Гейденъ: онъ спокойно, методически разбиралъ широкія проекты своего противника: «самое легкое дѣло и въ то же время для кандидата самое выгодное—это посулъ; на посулѣ, какъ на стулѣ! обѣщать можно все, разсчитывая на то, что избиратели не знаютъ, какъ трудно исполнить то или другое». Графу опять возражалъ Л. Казалось, что сочувствіе большинства было на его сторонѣ.

VIII.

Избраніе гр. Гейдена.

Приближалось 16 марта — день выборовъ. Сторонники Л. составляли довольно плотное ядро: около 70 евреевъ, земскій третій элементъ, радикальная интеллигенція, часть мѣщанъ и вообще городской демократіи, органически не переносившей «аристократа» и «земца». Въ противномъ лагерѣ не было такого единодушія; правда, тамъ было очень твердое ядро, главнымъ образомъ изъ чиновничества и вообще интеллигенціи, для которой «еслибъ графъ Гейденъ не былъ выбранъ въ Думу, то это былъ бы позоръ для всей губерніи», но ядро это, руководившееся обще-государственными соображеніями и считавшее, что въ числѣ 4-хъ депутатовъ отъ губерніи «графу Гейдену должно же быть мѣсто, такъ какъ Дума должна быть средоточіемъ всѣхъ талантовъ, а не свалочнымъ мѣстомъ для всякихъ сѣрыхъ бездарностей» — это ядро было довольно малочисленно. Очень многіе горожане были сильно настроены противъ графа на томъ основаніи, что онъ не городской, а уѣздный житель, да притомъ глава земства, а горожане ненавидѣли земство изъ-за высоты земскаго обложенія городскихъ имуществъ. Да и вообще горожане хотѣли бы выбрать «своего» — горожанина, который бы и въ Думѣ отстаивалъ интересы мелкихъ городовъ, да и родной Опочки не забылъ. Но трудно было найти достаточно выдающагося кандидата. Очень многіе остановились на И. Ф. Будрявцевѣ—богатомъ кожевенномъ заводчикѣ, человѣкѣ не лишенномъ природнаго ума и довольно прогрессивномъ, во всякомъ случаѣ понимавшемъ, что «къ старымъ порядкамъ возврата быть не можетъ и не должно». Но г. Будрявцевъ самъ снялъ свою кандидатуру, о чемъ и заявилъ на послѣднемъ предвыборномъ собраніи. Да и вообще въ послѣднюю минуту наша буржуазія сумѣла отрѣшиться отъ чисто-городскихъ предразсудковъ, и на одномъ частномъ совѣщаніи «сочувствующихъ союзу 17 октября», гдѣ было около 100 человѣкъ, значительное большинство рѣшило выставить гр. Гейдена.

16 марта 1906 г. состоялся въ Опочкѣ съѣздъ городскихъ избирателей для выбора одного выборщика въ губернское избирательное собраніе. Изъ 867 избирателей (въ томъ числѣ: проживающихъ въ городѣ 382 и въ уѣздѣ 485) голосовало 392, т.-е. 45%, процентъ довольно значительный, если принять во вниманіе, что большинство проживало въ уѣздѣ, откуда пріѣхать въ городъ при начинавшейся весенней распутицѣ было довольно затруднительно.

На выборахъ сказалась прежде всего та подготовка, которую получили избиратели благодаря частымъ предвыборнымъ собраніямъ и вообще довольно широкой агитаціи. Записки подавались только за двухъ кандидатовъ. Побѣдилъ гр. Гейденъ, получившій 233 голоса противъ Л., получившаго ихъ 149. Только 9 записокъ было дикихъ.

17 марта на выборахъ уполномоченныхъ отъ волостныхъ сходовъ были трое рядовыхъ крестьянъ.

18 марта на съѣздѣ землевладѣльцевъ прошло тоже трое такихъ же крестьянъ-землепащевъ.

27 марта произошли выборы въ г. Псковѣ 4-хъ членовъ Государственной Думы.

Результатовъ этихъ выборовъ ждали съ волненіемъ и нетерпѣніемъ. Большинство выборщиковъ (42 изъ общаго числа 61) были крестьяне, а крестьянскіе выборы всюду проходили подъ общимъ лозунгомъ: «господъ не надо, а надо выбирать настоящихъ крестьянъ, которые и т. д.»... Поэтому исходъ выборовъ предвидѣлся двоякій. Или будутъ выбраны одни крестьяне; это предположеніе основывалось на томъ недовѣріи къ «господамъ», т.-е. ко всѣмъ, ходящимъ въ нѣмецкомъ платьѣ, которое крестьяне достаточно ярко проявили во время всей избирательной кампаніи. Или же, кромѣ 3-хъ крестьянъ, будетъ выбранъ еще одинъ интеллигентъ, котораго крестьяне проведутъ въ качествѣ руководителя или, хотя бы просто для справокъ по объясненію разныхъ трудныхъ словъ, вродѣ «автономія», «амнистія» и т. п. Этотъ интеллигентъ всего скорѣе долженъ быть человѣкъ, прежде всего не имѣющій земельной собственности и не дворянинъ. Наши кадеты сильно надѣялись, что таковымъ окажется кто-либо изъ партіи народной свободы (лѣвѣе кадетовъ выборщиковъ въ первую Думу не было). Что касается до выборщиковъ-крестьянъ, то надѣялись, что они выберутъ сознательныхъ и сравнительно развитыхъ мужиковъ. Но въ дѣйствительности вышло не то: изъ интеллигентовъ былъ выбранъ графъ Гейденъ—предводитель дворянства, крупный землевладѣлецъ и членъ союза 17 октября. Что касается крестьянъ-депутатовъ, то это все оказались люди безличные, ничѣмъ не выдающіеся, попавшіе случайно.

Графа Гейдена крестьяне выбрали потому, что знали его больше другихъ, но совсѣмъ не какъ октябриста, а просто какъ честнаго и умнаго человѣка. Много помогло гр. Гейдену и то, что одновременно онъ баллотировался въ Государственный Совѣтъ отъ земства, но провалился, потому что высказался за принудительное отчужденіе помѣщичьей земли. Это, конечно, стало извѣстно крестьянамъ и сильно подняло его шансы.

IX.

Междудумье.—Репрессіи.—Усиленіе лѣваго настроенія.

Со времени созыва Государственной Думы, П. А. надолго покинулъ Опочку, и жизнь тамъ снова замерла. Еще во время Думы публика увлекалась газетными отчетами. Интересъ къ Думѣ былъ большой. Дума была въ общемъ довольно популярна; особенно крестьяне ждали отъ нея скорой нарѣзки земли.

Рѣчи графа большинству не нравились: они шли вразрѣзъ съ общимъ настроеніемъ, которое все лѣвѣло. Впрочемъ, графу былъ посланъ сочувственный адресъ, подписанный болѣе, чѣмъ 100 лицами. По мѣрѣ того, какъ разгарался конфликтъ съ правительствомъ, среди крестьянъ подыма-

лись разговоры о поддержкѣ Думы. «Если Думу разгонять, то вся Россія взбунтуется,—говорили многіе изъ мужиковъ. Мы тогда податей платить перестанемъ и въ солдаты не пойдемъ». Податей, т.-е. главнымъ образомъ земскихъ сборовъ, они и такъ не платили, но водку пили, какъ никогда. Въ 1906 г. продажа казеннаго вина была самая большая со времени введенія въ нашей губерніи монополіи. Но вотъ Думу распустили; извѣстіе объ этомъ подѣйствовало ошеломляющимъ образомъ, но фактическихъ проявленій негодованія не было. Выборгскія воззванія ходили по рукамъ, но идея финансоваго и рекрутскаго бойкота не представляла у насъ ничего новаго. Финансовый бойкотъ и такъ до извѣстной степени шелъ, пока осенью полиція не стала взыскивать, и тогда покорно стали платить. О рекрутской забастовкѣ были одни разговоры, но на дѣлѣ не было ни одного случая во время призыва новобранцевъ въ октябрѣ 1906 г.

Насчетъ собраній стало хуже, чѣмъ во времена Плеве: тогда хоть собирались по частнымъ квартирамъ, и полиція не обращала почти никакого вниманія. Теперь стало не то: городовые стали внимательно слѣдить за домами, гдѣ бывали хоть небольшія собранія. Октябристы и кадеты совсѣмъ перестали собираться лѣтомъ 1906 года, особенно съ осени; продолжали [или, вѣрнѣе, начали собираться одни лѣвые. Собранія происходили вполнѣ конспиративно, и полиція о нихъ ничего не знала. Пріѣзжали, говорятъ, и ораторы изъ другихъ городовъ. Движеніе уходило въ подполье, но, кромѣ того,—и это было новымъ у насъ въ городѣ—оно распространилось шире въ глубинѣ простонародія, которое становилось все болѣе оппозиціоннымъ. Полицейскій надзоръ тамъ былъ недѣйствителенъ: глухо бродившія глубины народныхъ массъ выражали свои оппозиціонныя и демократическія чувства словами, не поддающимися начальственному уловленію, именно потому, что слова-то эти «обывательскія», а не «политическія». Среди крестьянъ тоже совершался какой-то переломъ: вѣра въ прежніе авторитеты сильно поколебалась. Сплошь и рядомъ приходилось слушать разговоры, радикализмъ которыхъ просто поражалъ. Одинъ старичокъ мнѣ жаловался: «просто диву даешься, что это такое приключилось? Вѣдь годъ тому назадъ самъ народъ за такія слова на клочки бы разорвалъ, а теперь—ничего!» Многіе предполагали, что народное негодованіе за разгонъ Думы обрушится прежде всего на господъ. Однако никакого аграрнаго движенія не поднялось. Помѣщиковъ никто не винилъ. «Господа въ Думѣ, слышишь ты, почти всѣ согласны были намъ земли прибавить, только спорили о томъ, какъ именно это сдѣлать: за выкупъ, али дарма и тому подобное, а все ничего не вышло! Тутъ стало не они виноваты»—слышались разговоры среди крестьянъ. Народное негодованіе пошло выше, мимо господъ и мѣстнаго начальства. Но за разрушеніемъ прежняго міровоззрѣнія не слѣдовало образованіе чего-нибудь новаго. Оставалось пустое мѣсто. Возгласъ: «долой!» разрушалъ старое, не давая ничего новаго взамѣнъ.

X.

Сообщеніе гр. Гейдена о первой Государственной Думѣ.

17 августа гр. Гейденъ устроилъ собесѣдованіе о бывшей Думѣ. Народу собралось по нашему городу очень много, человѣкъ 300—350. И немудрено. Опочка со дня выборовъ совсѣмъ не знала публичныхъ собраній, такъ какъ никто даже и не пытался испрашивать разрѣшенія,—все равно не позволили бы. И это собраніе было выхлопотано графомъ у губернатора.

И вотъ передъ большой и разношерстной толпой снова появился нашъ маститый, но вѣчно бодрый и неутомимый депутатъ.

Онъ довольно подробно разсказывалъ о ходѣ работъ, о партійныхъ группировкахъ и проч., но все время чувствовалась какая-то недоговоренность... Связанъ ли онъ былъ какими-нибудь условіями со стороны администраціи, которая въ то время во всей Россіи крайне опасливо относилась къ публичнымъ отчетамъ бывшихъ депутатовъ, или его стѣсняла неизвѣстность настроенія нашей публики, этого сфинкса, который какъ бы говоритъ каждому оратору: «разгадай меня, или я тебя пожру, а чего мнѣ надо—я и самъ не знаю», но графъ часто давалъ объясненія не вполнѣ опредѣленныя и какъ-то обходилъ многое.

Относительно конфликта онъ винилъ въ равной степени и Думу, и министерство. Думу онъ винилъ въ излишней горячности, рѣзкости, въ доктринерствѣ, а министерство—въ неуступчивости и еще въ томъ, что оно не приготовило проектовъ новыхъ законовъ и тѣмъ предоставило Думу самой себѣ. Говоря объ аграрныхъ законопроектахъ, онъ сообщалъ, что многіе изъ крестьянъ, подписавшихъ проектъ трудовиковъ, на самомъ дѣлѣ были ярыми сторонниками частной собственности и въ частныхъ разговорахъ высказывались противъ земельнаго фонда, распредѣляемаго и перераспредѣляемаго по трудовой или потребительной нормамъ. Въ то же время графъ вообще отозвался о крестьянахъ-депутатахъ, что они вели себя въ Думѣ очень хорошо, но это касалось только «настоящихъ» крестьянъ. О трудовикахъ и особенно о соціалъ-демократахъ графъ отзывался съ видимымъ раздраженіемъ. По окончаніи доклада было предоставлено предлагать бывшему депутату вопросы. Первый вопросъ былъ: что говорилось въ Думѣ объ интересахъ уѣздныхъ городовъ? Графъ отвѣчалъ, что въ этой области ничего пока не успѣли сдѣлать. Затѣмъ попросили дать болѣе подробныя свѣдѣнія о работахъ комиссіи о равноправіи, причемъ разговоръ скоро перешелъ на вопросъ о равноправіи евреевъ и вообще о національностяхъ. Графъ сообщилъ, что эти вопросы при разработкѣ въ комиссіяхъ представились гораздо болѣе сложными, чѣмъ это могло казаться по рѣчамъ на общихъ собраніяхъ. «Такъ, многіе полагали, что достаточно взять синій карандашъ и вычеркнуть изъ Свода Законовъ всѣ старые законы, ограничивающіе права евреевъ, чтобы еврейскій вопросъ былъ рѣшенъ. Мы видимъ, однако, что еврейскій вопросъ существуетъ и въ Западной Европѣ».

Затѣмъ начались кое-какія возраженія. Но они были очень слабы. Радикальные ораторы боялись «какъ бы не забрали», и потому большинство ихъ мрачно молчало. Рѣшились выступить два мѣстныхъ кадета, независимость положенія которыхъ (они оба были дворянами-помѣщиками) давало имъ бо́льшую возможность говорить. Одинъ изъ нихъ задалъ вопросъ, находитъ ли графъ конституціоннымъ со стороны правительства, что оно распустило Думу, не объявивъ о томъ въ засѣданіи самой Думы и назначивъ новый созывъ послѣ Новаго года, причемъ бюджетъ на 1906 годъ не могъ быть утвержденъ парламентомъ? Графъ отвѣтилъ, что роспускъ Думы состоялся на основаніи закона, «но если вы меня спросите: хорошъ ли такой законъ? Я скажу: нѣтъ!» Всталъ одинъ пріѣзжій ораторъ г. К. и произнесъ рѣчь въ духѣ «мирнаго обновленія» о погибающей Россіи и о необходимости объединиться, забывъ партійные раздоры. Но г. Л. замѣтилъ, что такой призывъ слишкомъ неопредѣленъ: «надо лучше призывать къ объединенію для борьбы съ произволомъ стараго режима». На это послѣдовало возраженіе г. К., что еще страшнѣе произволъ толпы. Обоимъ ораторамъ хлопали одинаково потому, что оба говорили одинаково сильно и горячо.

Предсѣдатель собранія, видимо старавшійся поскорѣй прикончить, предложилъ благодарить гр. Гейдена, какъ депутата, оправдавшаго довѣріе избирателей, что и было исполнено посредствомъ вставанія.

Въ общемъ публика осталась довольна, графа просили пріѣхать еще разъ для собесѣдованія о новой партіи мирнаго обновленія. Но эта бесѣда не состоялась, и вообще до выборовъ въ январѣ 1907 года никакихъ митинговъ больше не было.

XI.

Противники гр. Гейдена.—Отношеніе къ нему демократическихъ слоевъ.

Чѣмъ болѣе приближалось время выборовъ, тѣмъ болѣе выяснялось, что шансы графа въ городѣ сравнительно съ прошлымъ слабѣе. Не то, чтобы общее настроеніе стало лѣвѣе, но дѣло въ томъ, что на сцену выступилъ новый элементъ, который раньше стоялъ въ сторонѣ или голосовалъ совершенно случайно. Этотъ элементъ—низшіе слои городскаго населенія: заводскіе рабочіе, ремесленники,—вообще городская бѣднота. Подъ вліяніемъ общихъ событій («работа» самого правительства), а отчасти и нѣкоторой работы демократической интеллигенціи (октябристы, наоборотъ, по обыкновенію спали, а отчасти не могли дѣйствовать и собираться въ силу своей боязливости и лояльности), стало пробуждаться народное сознаніе и, какъ это всегда бываетъ вначалѣ, направилось въ крайнюю лѣвую сторону. Все чаще слышались разговоры о томъ, что молъ «довольно господа да чиновники наши управляли, пора и простому народу ходъ дать. Надо выбирать своего человѣка, который попроще, который самъ изъ народа вышелъ и нашу нужду знаетъ и будетъ за наши права

стоять, а не за дворянъ». Это пробужденіе сознанія народныхъ массъ создало ту массу избирателей, которые инстинктивно не довѣряли сколько-нибудь правому кандидату и, наоборотъ, столь же инстинктивно тяготѣли къ болѣе лѣвому, болѣе простому. Никакой опредѣленной программы не было; въ нашихъ партіяхъ масса не разбиралась: всѣ эти эсъ-эры, эсъдеки, ка-деты были для нихъ пустыми звуками. Тѣмъ не менѣе масса твердо стояла на почвѣ своихъ, можетъ быть, и не вполнѣ разработанныхъ и опредѣленныхъ, но вполнѣ прочувствованныхъ демократическихъ стремленій. Этотъ сырой, необработанный демократизмъ, или, точнѣе сказать, *мѣщанскій радикализмъ* представилъ благодарную почву для противниковъ гр. Гейдена. Однимъ изъ главныхъ центровъ лѣвой оппозиціи (если не считать слабыхъ въ то время зародышей соціалъ-демократіи), былъ земскій третій элементъ. Несмотря на то, что именно отчасти благодаря гр. Гейдену, положеніе земскихъ служащихъ было у насъ лучше, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ, они были возстановлены противъ него такъ, какъ ни въ одномъ уѣздѣ. Все это были довольно интеллигентные люди типа земскаго статистика, которые держали себя независимо. Земскіе врачи были очень хорошо поставлены въ нравственномъ отношеніи: ихъ медицинскій совѣтъ пользовался большою самостоятельностью. Недурно было и положеніе народныхъ учителей: ихъ часто созывали на особые съѣзды, гдѣ всѣ могли свободно высказываться о своихъ нуждахъ, впослѣдствіи допустили трехъ депутатовъ отъ учителей въ училищный совѣтъ съ правомъ совѣщательнаго голоса, причемъ земская управа постановила ходатайствовать о предоставленіи имъ и рѣшающаго голоса. Была довольно хорошая библіотека для земскихъ служащихъ. Но какъ разъ «сознательная» часть народныхъ учителей была возстановлена противъ гр. Гейдена больше всего. Отрицательное отношеніе высшаго, вполнѣ интеллигентнаго земскаго персонала, вещь вполнѣ понятная: это фактъ обычной партійной или фракціонной вражды. Гр. Гейденъ былъ для нихъ человѣкомъ другой партіи,—этимъ все сказано.

Но нелюбовь низшаго персонала, т.-е. собственно учителей, была довольно любопытнымъ знаменіемъ времени. Если исключить учителей пожилыхъ и еще часть учительницъ, питомицъ мѣстной прогимназіи, относившихся къ графу безразлично, то остальная и притомъ наиболѣе живая и сознательная часть учителей видѣла въ немъ своего врага и относилась къ нему хуже, чѣмъ даже ко многимъ завзятымъ реакціонерамъ. Это тоже можетъ быть объяснено первою ступенью сырого демократизма. Волна революціи озарила головы молодежи, и они стали относиться къ «представителю буржуазнаго либерализма» со всѣмъ задоромъ и пыломъ ненависти неофита. Гр. Гейденъ былъ виноватъ тѣмъ, что среди прочихъ мягкотѣлыхъ и индиферентныхъ земцевъ, являясь болѣе крупной, энергичной фигурой, былъ на виду, былъ борцомъ, и потому онъ сталъ какимъ-то символомъ враждебнаго міра, и на него главнымъ образомъ и сыпались стрѣлы. Было еще обстоятельство, которое усиливало вражду и дѣлало невозмож-

ными добрыя отношенія. Это крайняя грубость нѣкоторыхъ оппонентовъ гр. Гейдена. Если бы они предъявляли свои требованія въ болѣе культурной формѣ!... Гр. Гейденъ, при всемъ своемъ либерализмѣ, былъ все-таки человѣкъ стараго воспитанія, и онъ совершенно не могъ выносить, когда какой-нибудь юнецъ на собраніи кричалъ ему: «да, ну васъ къ чорту!» Подобный тонъ раздражалъ стараго графа, разумѣется, совсѣмъ къ этому не привыкшаго, и онъ самъ становился иногда рѣзокъ, а порой, быть можетъ, и несправедливъ. Затѣмъ онъ совершенно не могъ помириться съ бойкотомъ школъ, практиковавшимся учителями въ случаяхъ перевода учителя изъ одной школы въ другую въ видѣ наказанія.

На этой почвѣ отношенія съ очень многими учителями обострялись до такой степени, что когда кое-кого изъ нихъ арестовывала полиція, то графа съ самымъ серьезнымъ видомъ обвиняли... въ доносахъ, и въ *Псковскій Голосъ* изъ Опочки летѣли корреспонденціи, гдѣ графъ назывался «доносчикомъ», «черносотенцемъ», «реакціонеромъ» и писалось, что «графу мѣсто не въ Государственной Думѣ, а около дворцовыхъ конюшенъ».

XII.

Гр. Гейденъ не избранъ въ городѣ.

Когда графъ объявилъ свою кандидатуру въ городѣ, то вся волна нашего мѣщанскаго радикализма обрушилась на него еще съ бо́льшей силой, чѣмъ раньше.

Вторая выборная кампанія велась такъ же широко, какъ первая: было нѣсколько предвыборныхъ собраній, привлекавшихъ массу избирателей. Соперникомъ графа опять выступилъ Л., но рядомъ съ нимъ выходило много другихъ ораторовъ. Въ пользу графа тоже выступало много сторонниковъ. Обѣ партіи на этотъ разъ выпустили довольно пространныя печатныя воззванія къ избирателямъ. Велась ожесточенная полемика въ мѣстной прессѣ: за графа стоялъ *Псковитянинъ*, противъ—*Псковскій Голосъ*.

Вообще, борьба на этотъ разъ велась съ болѣе широкимъ размахомъ и была ожесточеннѣе, чѣмъ раньше, несмотря на то, что ко второй Думѣ населеніе въ массѣ относилось индиферентнѣе, чѣмъ къ первой. Здѣсь сказалось выросшее политическое сознаніе и выступленіе на арену избирателей изъ простого народа, которые раньше держались какъ-то въ сторонѣ.

Гвоздемъ преній былъ вопросъ: какова должна быть новая Дума? Графъ проводилъ ту мысль, что она должна быть работоспособнымъ, прочнымъ и долговѣчнымъ органомъ для устройства Россіи; для этого она, конечно, не должна идти на буксирѣ даннаго министерства, но, съ другой стороны, она не должна предъявлять правительству невыполнимыхъ требованій, не должна обращать парламента въ митингъ, должна сосредоточить свое вниманіе на терпѣливой, обдуманной обработкѣ законовъ.

Графъ Гейденъ говорилъ, что не надо смѣшивать правительства съ

министерствомъ, онъ указывалъ, что, если министерство Горемыкина проявило неуступчивость, то вѣдь оно могло быть смѣщено и замѣнено другимъ, какъ потомъ оно и вышло, хотя и поздно. Онъ указывалъ, что въ Германіи чуть не 50 лѣтъ существуетъ порядокъ, гдѣ даже нѣтъ отвѣтственности министерства передъ парламентомъ, и тѣмъ не менѣе дѣла идутъ тамъ хорошо, и парламентъ находитъ возможность работать съ правительствомъ.

Очень много мѣста было удѣлено роли дворянства въ Россіи. Въ дворянствѣ противники графа видѣли причину всѣхъ золъ: «изъ-за «совѣта объединеннаго дворянства» была распущена Дума, только ради интересовъ дворянства правительство не хочетъ рѣшить аграрнаго вопроса. Дворянство у насъ—главный тормозъ прогресса—и въ то же время оно представляетъ сплоченную силу, гдѣ всѣ болѣе или менѣе заодно и противъ народа». Выводъ, къ которому клонились подобныя рѣчи, былъ вполнѣ ясенъ: разъ все зло происходитъ отъ дворянъ, а графъ Гейденъ дворянинъ, то значитъ не слѣдуетъ «народу» избирать графа Гейдена. Затѣмъ много говорилось о высокомъ обложеніи городскихъ имуществъ земствомъ, во главѣ котораго стоялъ будто бы одинъ гр. Гейденъ.

Эти рѣчи сильно дѣйствовали на массу избирателей: понемногу страсти разгорались, выступали народные ораторы-мѣщане, и вопросъ все болѣе сворачивался на узко-сословную почву, а затѣмъ просто толклись на разныхъ мелочахъ мѣстной жизни и все время зудили и пилили, что графъ Гейденъ—дворянинъ, дворянинъ, дворянинъ... На возраженія графа, что онъ никогда не отстаивалъ дворянскихъ привилегій, публика отвѣчала злобно-скептическимъ фырканьемъ... Многіе относились къ графу Гейдену совершенно такъ же, какъ будто это былъ какой-нибудь Пуришкевичъ или Шульгинъ. Агитація противъ графа порой производила крайне тяжелое впечатлѣніе.

По ходу преній можно было предвидѣть, что графъ Гейденъ не пройдетъ отъ города. Къ тому же многіе рѣшили голосовать противъ него, такъ какъ выяснилось, что онъ все равно можетъ пройти отъ съѣзда землевладѣльцевъ, гдѣ должны были пройти теперь одни помѣщики, и являлось желаніе, чтобъ отъ города прошелъ демократическій выборщикъ.

20 января состоялись выборы отъ города. Гр. Гейденъ не прошелъ. Этого такъ и ждали, можно было ожидать, что онъ будетъ забаллотированъ значительнымъ большинствомъ, но оказалось, что перевѣсъ былъ всего въ десять голосовъ. Онъ получилъ 280 голосовъ, а г. Л.—290.

Бюллетеней въ пользу другихъ кандидатовъ не было ни одного. Всего голосовало 570 чел. изъ общаго числа избирателей—943, что составляетъ 61%, причемъ больше трети избирателей были уѣздные.

23 января на съѣздѣ землевладѣльцевъ гр. Гейденъ былъ выбранъ 40 избирательными голосами противъ 25 неизбирательныхъ. На этомъ съѣздѣ (не такъ, какъ въ прошломъ году) большинство составляли помѣщики и вообще крупные собственники. Незначительное число крестьянъ

объясняется причинами административнаго характера, общими по всей Россіи: (оповѣщеніе мелкихъ избирателей не личными повѣстками, а общими объявленіями по волостнымъ правленіямъ, сокращеніе числа избирательныхъ участковъ, требованіе удостовѣреній личности, исключеніе тѣхъ, кто купилъ землю черезъ крестьянскій банкъ). Но кромѣ графа не прошелъ ни одинъ изъ его сторонниковъ.

XIII.

Окончательное забаллотированіе гр. Гейдена.—Заключеніе.

6 и 7 февраля происходили въ Псковѣ выборы 4 членовъ въ Думу. Всѣ 58 выборщиковъ раздѣлены на двѣ приблизительно равныхъ партіи: блокъ лѣвыхъ и блокъ правыхъ съ умѣренными. Лѣвые вообще дѣйствовали очень дружно. У нихъ было рѣшено предварительно намѣтить кандидатовъ, причемъ никто, кромѣ помѣченныхъ, не смѣлъ самовольно выставлять своей кандидатуры. Графъ Гейденъ одно время думалъ присоединиться къ лѣвымъ, но ему поставили условіемъ, что если онъ не будетъ предварительно намѣченъ, то долженъ отказаться отъ выставленія своей кандидатуры. Графъ на это не согласился.

Что касается правыхъ, то тамъ шла разноголосица. Ядро ихъ составляли типичные аграріи-помѣщики, для которыхъ и гр. Гейденъ казался лѣвымъ. Тѣмъ не менѣе по правилу: «изъ двухъ золъ выбирай меньшее», они должны были сплотиться, чтобъ провести хоть его и не дать пройти болѣе лѣвому, тѣмъ болѣе, что ни у кого изъ нихъ серьезныхъ шансовъ не было.

Къ аграріямъ-помѣщикамъ поневолѣ примкнули семь крестьянъ Псковскаго уѣзда, непринятыхъ въ лѣвый блокъ. Лѣвые крестьяне не хотѣли имѣть дѣла съ такимъ «дубьемъ стоеросовымъ», изъ которыхъ каждый хотѣлъ къ тому же пролѣзть въ Думу исключительно съ «десятирублевой» цѣлью. Но эти правые крестьяне тоже были противъ гр. Гейдена, Богъ знаетъ почему. Изъ нихъ особенно выдавался одинъ. Лохматый, черный, какъ уголь, онъ заслужилъ прозвище «лѣсовика». — «Родные вы мои, — взывалъ онъ къ другимъ выборщикамъ, — чего вы тутъ кафкаете, бросьте гомонить, кинемъ лучше жребій: Богъ лучше знае, кому въ Думѣ быть!» Онъ бросалъ свой шаръ въ избирательный ящикъ на конекъ внутренней перегородки, предоставляя ему катиться по волѣ Божіей; передъ этимъ онъ истово крестился. По странной иронія судьбы онъ-то и оказался выбраннымъ и попалъ въ члены Государственной Думы.

Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы правые рѣшили отдать всѣ депутатскія мѣста крестьянамъ (кромѣ одного для Гейдена), да сами постарались получше сплотиться во имя своихъ хотя бы классовыхъ интересовъ, а не личныхъ, то они могли провести графа. Но оказалось, что наши правые далеко отстали отъ своихъ лѣвыхъ противниковъ въ смыслѣ нравственной силы и самоотреченія. Это были почти всѣ—люди, основательно прошед-

шіе школу мелкаго земско-дворянскаго интригантства на почвѣ себялюбивыхъ разсчетовъ.

Офиціально чуть не всѣ правые принадлежали къ «союзу 17 октября», который огласилъ свое желаніе, чтобы всѣ октябристы голосовали за гр. Гейдена. Но у нашихъ октябристовъ нехватило даже элементарной партійной дисциплины.

Оказалось, что большинство изъ нихъ прежде всего сами стремились попасть въ Думу и потому клали Гейдену черняковъ, какъ наиболѣе опасному конкуренту!

Правда, когда былъ выбранъ Рокотовъ и осталось только двѣ вакансіи, то всѣ дворяне сплотились и собрали въ пользу Гейдена 23 голоса, но уже было поздно, да и правые крестьяне не соглашались голосовать за него.

А такъ какъ гр. Гейденъ не былъ поддержанъ и лѣвыми (хотя среди нѣкоторыхъ кадетовъ и кое-кого изъ крестьянъ онъ могъ бы сначала найти поддержку), то онъ и не прошелъ, и, такимъ образомъ, Дума лишилась несомнѣнно яркаго и сильнаго парламентскаго дѣятеля.

Неизбраніе въ Думу, несомнѣнно, было тяжелымъ ударомъ для графа Гейдена. Онъ былъ прирожденнымъ парламентаріемъ. Дума была ему необходима, только въ ней онъ могъ вполнѣ развернуться. Послѣ своего провала онъ какъ-то замѣтно осунулся.

Въ Опочкѣ больше собраній онъ не устраивалъ.

Въ третью Думу онъ прошелъ бы навѣрное. Но 15 іюня онъ скончался, еще полный силъ.

Онъ умеръ именно тогда, когда могъ бы быть всего полезнѣе. Теперь онъ боролся бы съ крайними правыми, развертывая лучшія стороны своей души, отстаивая дорогія ему начала истиннаго конституціонализма.

В. В.

Недовѣріе.

I.

По роковой необходимости историческаго возмездія, *неполномощность законовъ* *), создаваемая системой опричнаго управленія, отражается прежде всего на положеніи самой опричнины въ ея представителяхъ. Съ одной стороны, недовѣріе къ земщинѣ, какъ враждебному къ «правительству» лагерю, вооружаетъ этотъ лагерь взаимнымъ недовѣріемъ ко всему, что такъ или иначе носитъ отпечатокъ «правительства»; съ другой стороны, политика попечительнаго усмотрѣнія, дозволяющая игнорировать законъ, ради достиженія «благожелательныхъ» цѣлей, порождаетъ предъявленія къ опричнинѣ непомѣрныхъ требованій объ уврачеваніи немедленно всѣхъ будничныхъ золъ повседневнаго существованія обывателей. Презираемая въ своемъ отчужденіи отъ интересовъ страны и вмѣстѣ съ тѣмъ призываемая ежеминутно обывателями на помощь—опричнина, ради сохраненія своего внѣшняго престижа, ради того, чтобы изъ носительницы власти не выродиться во всѣми помыкаемаго слугу, должна драпироваться въ тогу неприступнаго величія и ограждаться штыками, спеціальными постановленіями и внѣшними знаками отличія не только отъ дерзости, но и отъ простой фамильярности обывателя. И чѣмъ ближе къ населенію поставленъ данный представитель опричнинаго управленія, тѣмъ щепетильнѣе охраняетъ онъ свое внѣшнее служебное достоинство.

Внутреннее презрѣніе и внѣшній почетъ, абсолютное недовѣріе и постоянное требованіе на помощь—вотъ чѣмъ платитъ опричнинѣ земщина за неполномощность въ отношеніи послѣдней государственныхъ законовъ. И убаюкиваемая этимъ внѣшнимъ почетомъ въ связи съ постоянными обращеніями за помощью, опричнина, въ концѣ-концовъ, проникается сознаніемъ своей внутренней крѣпости и безусловной необходимости для страны. Указаніе на это безпрестанное обращеніе за помощью является самымъ неотразимымъ аргументомъ со стороны представителей опричнаго управленія въ доказательство безусловнаго соотвѣтствія ихъ существованія истиннымъ

*) См. нашу статью „Неполномощные законы“. *Русская Мысль*, кн. VI, 1907 г.

потребностямъ страны. Между тѣмъ одно самое простое наблюденіе совершенно опрокидываетъ весь этотъ аргументъ. Крамольность нашихъ окраинъ твердо установлена всей охранительной печатью и даже, за послѣднее время, правительственной властью. Дѣйствительно, недоброжелательное отношеніе инородческаго населенія окраинъ къ представителямъ чуждаго имъ русскаго управленія не подлежитъ сомнѣнію. И однако нигдѣ въ коренной Россіи населеніе не обращается такъ часто къ содѣйствію администраціи въ обходъ суда, какъ именно на этихъ окраинахъ.

Психологія подобнаго явленія отлично обрисовывается случаемъ, бывшимъ въ 1905 году въ м—скомъ губернскомъ присутствіи: нѣкій помѣщикъ-полякъ требовалъ вмѣшательства губернской администраціи въ его чисто судебные споры съ крестьянами. На это одинъ изъ непремѣнныхъ членовъ весьма неосторожно замѣтилъ, что польскіе помѣщики, относясь крайне недружелюбно къ русской администраціи, любятъ однако слишкомъ часто обращаться къ ея содѣйствію. Помѣщикъ отвѣчалъ: «Это понятно. Вѣдь и съ ассенизаторами непріятно имѣть дѣло, а приходится къ нимъ обращаться, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше»!... Подобная откровенность и ея безнаказанность, конечно, легко объясняются общимъ настроеніемъ 1905 г., но сущность этого взгляда мнѣ приходилось слышать и отъ «истинно-русскихъ» людей даже въ послѣднее время.

Такимъ образомъ, не довѣріе къ власти, не уваженіе къ справедливости представителей опричнаго управленія, а наоборотъ, отношеніе къ нимъ, какъ къ людямъ, которыхъ не зазорно марать въ своихъ грязныхъ дѣлахъ, заставляетъ обращаться къ нимъ огромное большинство обывателей. И какъ только опричнина подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ соображеній надѣваетъ на себя маску охранительницы законности, такъ тотчасъ негодованіе и явное пренебреженіе къ ней обитателей стихійно пробивается наружу.

Какъ ни парадоксально, на первый взглядъ, подобное явленіе, оно однако легко находитъ себѣ объясненіе. Весь смыслъ опричнины, какъ системы управленія, заключается въ предоставленіи возможности обходить положительный законъ. Но въ обходѣ законовъ, какъ общихъ нормъ, болѣе всего нуждаются тѣ, кому они препятствуютъ въ осуществленіи личныхъ эгоистическихъ цѣлей. Каковы же могутъ быть эти цѣли? Очевидно, что никакая власть никогда не рѣшится издать законъ, открыто нарушающій господствующія въ данную эпоху основныя понятія справедливости, и пробивающіяся иногда тенденціи къ подобному нарушенію всегда прикрываются соображеніями яко бы общественнаго или государственнаго блага. Такимъ образомъ, законъ, какъ таковой, всегда на сторонѣ нравственно праваго. Слѣдовательно, въ обходѣ закона всегда заинтересованы или тѣ, которые стремятся къ обдѣлыванію темныхъ дѣлишекъ, или тѣ, которые домогаются особыхъ преимуществъ себѣ въ ущербъ другимъ лицамъ одной съ ними группы. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ побужденія обходящихъ законъ несомнѣнно безнравственны, и пользующіеся въ этихъ

цѣляхъ услугами опричнины отлично это сознаютъ, какъ сознаютъ и настоящее значеніе для нихъ опричнины. И вотъ, если опричнина почему-либо становится въ огражденіе закона, она не исполняетъ того назначенія, къ которому всѣ привыкли и, не будучи въ состояніи привлечь довѣрія земщины въ ея цѣломъ, возбуждаетъ негодованіе массы отдѣльныхъ обывателей, именно тѣхъ, которые принципіально стоятъ за опричнину, какъ систему управленія.

Я умышленно подчеркиваю разницу между земщиной, какъ цѣлымъ, какъ противоположеніемъ опричнинѣ, и отдѣльными обывателями, входящими въ составъ земщины. Земщина, какъ таковая, всегда оппозиціонна по отношенію къ опричнинѣ. Обыватели же, входящіе въ составъ земщины, въ силу своихъ будничныхъ, житейскихъ дрязгъ, въ огромномъ большинствѣ заинтересованы въ опричнинѣ, и все стремленіе послѣдней направлено къ тому, чтобы цѣлую духомъ земщину превратить въ различныя, противоположныя другъ другу по цѣлямъ группы обывателей. Но оттѣсняя послѣднихъ ото всего, что выходитъ за предѣлы будничныхъ дрязгъ, громко именуемыхъ ею «областью хозяйственнаго благоустройства», опричнина тѣмъ самымъ напоминаетъ обывателямъ о ихъ принадлежности къ земщинѣ и связуетъ ихъ всѣхъ единой цѣпью общаго недовѣрія. Такъ устанавливается заколдованный кругъ, къ выходу изъ котораго земщина приближается очень медленными шагами, по мѣрѣ усиленія произвола опричнины и параллельной эволюціи обывателя, какъ носителя своихъ собственныхъ интересовъ, въ гражданина, какъ сознательнаго члена единой земщины. Но и здѣсь, у самаго выхода, земщина встрѣчаетъ одно препятствіе, прикрывающее таковой и неоднократно заставлявшее ее возвращаться къ исходному пункту. Препятствіе это заключается въ одномъ особомъ свойствѣ опричнины, какъ системы управленія, на которомъ слѣдуетъ здѣсь остановиться подробнѣе, хотя я и отмѣтилъ уже его въ статьѣ «Неполномощные законы».

Необходимо твердо помнить, что «опричнина» не есть учрежденіе, а система. То, что обыкновенно въ просторѣчіи именуется «опричниной», есть лишь ея выраженіе въ отдѣльныхъ представителяхъ. А такъ какъ среди таковыхъ встрѣчаются люди, дѣйствительно руководящіеся идеями общественнаго или частнаго блага и приносящіе пользу, въ представленіи большинства земщины зло, причиняемое самой опричниной, ставится въ счетъ отдѣльнымъ опричникамъ. Такимъ образомъ, приносящія вредъ личности заслоняютъ собою породившую ихъ вредоносную идею. Кромѣ того, система опричнаго управленія, въ основаніе которой положено начало недовѣрія вообще, допускаетъ въ принципѣ выраженіе этого недовѣрія въ отдѣльныхъ случаяхъ со стороны верховной власти и къ отдѣльнымъ представителямъ опричнины. Вслѣдствіе этого, въ представленіи земщины не угасаетъ надежда добиться «опричнымъ» путемъ верховнаго правосудія надъ даннымъ опричникомъ, и довѣріе къ верховной власти парализуетъ силу проявленія недовѣрія къ опричнинѣ.

II.

Сплоченная общимъ духомъ недовѣрія къ опричнинѣ земщина только и сильна этимъ недовѣріемъ. Все противуопричное считается земскимъ, и земщина становится во всемъ своемъ цѣломъ въ явную оппозицію къ «правительству». Такую картину мы видѣли въ нашемъ отечествѣ до 17 октября 1905 года. Въ то время политическая окраска той или иной личности опредѣлялась весьма просто: за или противъ? Тотъ, кто былъ «за», пользовался въ лучшемъ случаѣ скрытымъ презрѣніемъ; кто былъ «противъ»—открытымъ одобреніемъ земщины. Почему—«за», почему—«противъ»—это никого не интересовало, принималась во вниманіе только степень силы «за» и «противъ». Принадлежность къ тѣмъ, которые были «противъ», выдавала патентъ на довѣріе земщины и, наоборотъ, принадлежность къ тѣмъ, которые были «за», заставляла относиться къ даннымъ субъектамъ подозрительно. Характерно, что и подозрительность эта проистекала въ глазахъ земщины не изъ оцѣнки данныхъ политическихъ убѣжденій, а изъ апріорнаго предположенія объ *отсутствіи* самыхъ убѣжденій и наличности корыстныхъ видовъ. Быть «за»—значило носить клеймо безсознательности, было равносильно неимѣнію никакихъ убѣжденій; наоборотъ, быть «противъ»—значило сознательно относиться къ дѣйствительности, имѣть твердыя убѣжденія. До такой степени сочувствіе опричнинѣ представлялось въ то время явнымъ абсурдомъ, несвойственнымъ здравомыслящему честному человѣку.

Острота противоположенія опричнины земщинѣ, взаимная вражда этихъ двухъ началъ получила еще особый специфическій отпечатокъ, благодаря тому нарочитому свойству русской психологіи, по которому все для даннаго субъекта противоположное представляется ему нестерпимо гнуснымъ. Какъ кажется, ни на одномъ языкѣ обозначеніе «противнаго», въ смыслѣ отвратительнаго по физіологическому ощущенію, не производится отъ слова «противъ» и не является, вмѣстѣ съ тѣмъ, синонимомъ противоположнаго!

Неожиданность развязки 17 октября и послѣдовавшихъ затѣмъ событій совершенно перевернула все міровоззрѣніе земщины. Единая прежде въ своемъ недовѣріи къ опричнинѣ земщина раскололась на партіи, и каждая изъ послѣднихъ перенесла на остальныя громадную долю своего «противнаго» отношенія къ опричнинѣ. Въ силу той же психологіи каждая партія стала критиковать всѣ другія исключительно подъ угломъ подозрѣнія въ корыстныхъ видахъ или въ безсознательности, что, при отсутствіи политическаго воспитанія и такта въ общей массѣ, произвело картину отталкивающаго по внѣшнимъ способамъ выраженія междоусобія.

Однако и въ этомъ хаосѣ межпартійной «брани» основная, общая всей земщинѣ тенденція отрицательнаго отношенія къ опричнинѣ, какъ таковой, остается ненарушимой. Ходъ выборовъ въ первую и вторую Думу опредѣленно показывалъ, что преимущественными кандидатами въ депутаты являлись тѣ, которые были болѣе «противъ», или имѣли болѣе основаній

быть «противъ». Поэтому всякая кара въ административномъ порядкѣ немедленно вызывала кандидатуру даннаго лица въ Думу. Съ своей стороны и печать, которая, по первому взгляду, не можетъ насчитать въ своихъ рядахъ двухъ не враждующихъ между собою органовъ, по вопросу объ опричнинѣ отличается рѣдкимъ единодушіемъ и, кромѣ офиціозовъ, у насъ нѣтъ органовъ печати, относящихся не отрицательно къ правительству. Даже если бы показать нашимъ предкамъ, безъ всякихъ предупрежденій, *Русское Знамя* и *Рѣчь*, то, вѣроятно, они сразу бы ошиблись, отнеся первое къ крайнимъ лѣвымъ, а вторую—къ правымъ.

Наконецъ, и общественное мнѣніе массы въ своей оппозиціи опричнинѣ остается неизмѣннымъ, оцѣнивая какъ данную личность, какъ и данный органъ печати исключительно по способу прежней оцѣнки: за или противъ. Нашъ «несознательный» среднеинтеллигентный слой хотя и не можетъ до сихъ поръ разобраться въ причинахъ и стимулахъ окружающей дѣйствительности, однако инстинктивно цѣнитъ независимость. Рептиліи и офиціозы пользуются всеобщимъ нескрываемымъ презрѣніемъ, а успѣхъ въ этомъ слоѣ такой газеты, какъ *Новое Время*, объясняется исключительно тѣмъ, что обдуманные выпады ея противъ извѣстныхъ представителей правительства принимаются большинствомъ за непререкаемое доказательство честности и независимости ея направленія. Именно этотъ аргументъ мнѣ приходилось весьма недавно слышать отъ горячихъ поклонниковъ *Новаго Времени* съ перечисленіемъ его смѣлыхъ нападокъ, наприм., на министра народнаго просвѣщенія Кауфмана, вообще, или на премьеръ-министра Столыпина послѣ извѣстной декларація по аграрному вопросу. Не лишено въ этомъ смыслѣ интереса и то обстоятельство, что на страницахъ именно *Русскаго Знамени* появилась статья прис. пов. Булацеля противъ опричнины, какъ учрежденія, причемъ значеніе опричнины для земщины оцѣнивалось почти такъ же, какъ и мною нѣсколько ранѣе на страницахъ *Русской Мысли*.

Наша благодушная Коробочка—общественное мнѣніе—никакъ не можетъ усвоить себѣ, что опричнина не учрежденіе, а система, что система эта тѣсно и неразрывно связана съ абсолютизмомъ, и, консервативное въ своемъ исконномъ недовѣріи къ опричнинѣ, оно даетъ себя морочить минимыми побѣдами надъ отдѣльными опричниками, принимая за разрушеніе то, что ведетъ къ сохраненію и наоборотъ! Эта Коробочка никакъ не можетъ понять, что до тѣхъ поръ, пока центръ тяжести въ разрѣшеніи вопроса—«желательно или нежелательно?» будетъ лежать *надъ* земщиной, до тѣхъ поръ будетъ существовать опричнина, какъ система, какъ принципъ «благожелательнаго попеченія». Она никакъ не можетъ усвоить себѣ, что до перемѣщенія этого центра тяжести въ самое земщину послѣдняя роковымъ образомъ обречена постоянно валиться то на одну, то на другую сторону. Между тѣмъ еще Гейне рисовалъ абсолютную монархію въ видѣ трона, балансирующаго на остромъ шпилѣ, а конституціонную—въ видѣ спокойнаго кресла, прочно установленнаго на широкомъ фундаментѣ. И Коробочка не довѣряетъ

шпилю, но не довѣряетъ ему не потому, что онъ острый, не потому, что шпиль по самой природѣ своей не можетъ удовлетворять назначенію надежной поддержки, а потому, что данный шпиль представляется ей сдѣланнымъ изъ ненадежнаго матеріала. Она заботится только о томъ, чтобы одинъ шпиль замѣнить другимъ, болѣе, по ея мнѣнію, прочнымъ.

III.

Нечего и говорить, насколько подобное положеніе на руку опричнинѣ. Съ одной стороны, громадная доза недовѣрія къ ней парализуется взаимнымъ недовѣріемъ партій другъ къ другу; съ другой—общественное мнѣніе отвлекаетъ свое вниманіе отъ нея, какъ цѣлаго, какъ системы, на борьбу съ отдѣльными ея представителями. Отсюда простой логикой подсказываемый выходъ: увеличить какъ можно больше количество этихъ представителей и поставить ихъ, повидимому, внѣ зависимости отъ центра. Въ результатѣ земщина получаетъ ту децентрализацію управленія, на которой она постоянно настаивала, но только въ видѣ эксцентрическихъ генералъ-губернаторствъ съ неограниченными полномочіями для предупрежденія и пресѣченія. Наступаетъ эпоха «неограниченныхъ возможностей», и въ ея хаосѣ бѣдная Коробочка окончательно сбивается съ толку.

Замѣна извѣстныхъ понятій соотвѣтствующими имъ словами—составляетъ вообще одинъ изъ испытанныхъ пріемовъ опричнины въ тѣ періоды, когда она считаетъ необходимымъ прикрыть свое существованіе, и опричнина охотно разсыпаетъ тѣ слова, которыя, не будучи органически связаны съ заключающимися въ нихъ понятіями, не влекутъ за собой неотразимой необходимости ея упраздненія; къ другимъ же любезнымъ земщинѣ словамъ она пристегиваетъ то или иное прилагательное, которое даетъ возможность объявить заключающееся въ самомъ словѣ понятіе спорнымъ. Такимъ образомъ, опричнина охотно признаетъ «децентрализацію», «равенство всѣхъ передъ закономъ» и т. п. Къ такимъ же словамъ, какъ «свобода совѣсти», «неприкосновенность личности» и т. п. прибавляется прилагательное «истинная» и, такимъ образомъ, сохраняется возможность проводить «истинную» и преслѣдовать «ложную». Въ крайнемъ случаѣ въ обращеніе пускается просто слово безъ всякаго соотвѣтствія съ заключающимся въ немъ понятіемъ, согласно Мефистофельскому правилу: «а если недочетъ въ понятіяхъ случится,—ихъ можно словомъ замѣнить...» И результаты получаются поразительные!...

Слыша знакомыя, милыя слова и встрѣчаясь съ сопутствующими имъ совершенно неожиданными понятіями, общественное мнѣніе легко склоняется къ осужденію самыхъ понятій, и не тѣхъ, которыя ему преподноситъ опричнина, а именно тѣхъ, которыя оно раньше берегло, какъ зеницу ока!... Тогда опричнина открыто выступаетъ въ роли спасительницы отъ заблужденій, и реакція утверждается въ массѣ.

На этой именно психологіи русской Коробочки, на этомъ разсчетѣ побороть недовѣріе къ себѣ развитіемъ еще большаго недовѣрія ко всему

окружающему—и былъ построенъ весь планъ борьбы съ революціей въ эпоху графа Витте. Я далекъ, конечно, отъ мысли приписывать послѣднему сознательное построеніе этого плана. Онъ вылился самъ собой, какъ Аѳина изъ головы Зевса, потому что графъ Витте не могъ не впитать въ себя всѣ соки опричнины за время долголѣтняго пребыванія въ ея рядахъ. Дѣйствуя инстинктивно, не продумывая до конца ни одного хода, онъ однако поступилъ такъ, какъ именно долженъ былъ поступать умный и опытный опричникъ.

Актъ 17 октября разбилъ всю земщину на куски, разрознилъ и разслоилъ ее взаимнымъ недовѣріемъ. Далѣе опричнинѣ приходилось только оставаться самой собою, чтобы все пошло такъ, какъ это необходимо опричнинѣ. И напрасно изъ рядовъ послѣдней несутся проклятія на голову автора всеподданнѣйшаго доклада 17 октября. Онъ спасъ опричнину въ самый критическій для нея моментъ, онъ замѣнилъ революцію смутой, онъ и только онъ наметилъ весь ходъ дальнѣйшихъ событій!... Его преемникамъ пришлось только плыть по испытанному теченію, смѣло направляя государственный корабль въ самую мутную струю, ибо—гдѣ муть, тамъ и глубь.

Но та ненависть, которая окружаетъ имя графа Витте со стороны всей земщины, и особенно справа, показываетъ, что земщина инстинктивно чувствовала въ немъ спасителя опричнины. Въ рефлексіяхъ «малаго разума» она, правда, бранила его совсѣмъ за другое; но «большой разумъ» земщины не переставалъ шептать ей, что это змій, отогрѣтый ею на своей груди.

Какъ ни странно, но «правая» часть нашей земщины, пожалуй, еще болѣе проникнута традиціями послѣдней, чѣмъ «лѣвая». Вѣдь она заключаетъ въ себѣ остатокъ земщины Грознаго, ея ненависть къ опричнинѣ питается историческими корнями, и ее отнюдь не надо путать съ союзомъ русскаго народа, даже въ томъ случаѣ, если она сама себя съ нимъ путаетъ. Послѣднее можетъ быть лишь плодомъ недомыслія, результатомъ ослѣпленія отъ «иллюминацій» и результатомъ только временнымъ. Вѣдь не даромъ же такія лица, какъ князь Н. Ф. Касаткинъ-Ростовскій, считались «красными» въ царствованіе Александра III, хотя они и тогда были тѣми же, что и теперь!... Вотъ почему мнѣ кажется, что представленіе объ «опасности справа», дѣйствительно, нѣсколько преувеличено. Эта опасность питается только другою опасностью—«слѣва».

Если бы представители «правой» земщины были болѣе образованы, болѣе сознательны; если бы они могли понять въ данный моментъ, что они дѣлаютъ, проходя мимо единственнаго выхода изъ заколдованнаго круга, устроеннаго опричниной,—они сами прониклись бы ужасомъ и завопили: «нѣтъ, этого мы не хотимъ!» Но, воспитанные въ духѣ казеннаго православія, русской самобытности и офиціальной народности; обученные по учебникамъ, «одобреннымъ для среднихъ учебныхъ заведеній», эти представители правой земщины не въ состояніи отрѣшиться отъ младенческихъ

вѣрованій, равныхъ по силѣ только ихъ недовѣрію къ опричнинѣ, и не могутъ понять, что эти вѣрованія нисколько не препятствуютъ выходу изъ заколдованнаго круга и что послѣдній только мѣшаетъ чистотѣ ихъ богослуженія; что ихъ стремленіе къ Богу зиждется только на страхѣ передъ діаволомъ!...

IV.

Но совершенно особенное основаніе проклинать автора Всеподданнѣйшаго доклада 17 октября имѣютъ представители «лѣвой» земщины.

Проникнутые недовѣріемъ къ тѣмъ устоямъ, которые пропагандировались опричниной въ качествѣ «историческихъ» и «исконныхъ», но которые созданы Іоанномъ Грознымъ только около трехсотъ лѣтъ тому назадъ, эти представители уже давно призываютъ къ выходу изъ заколдованнаго круга путемъ отрѣшенія отъ всякихъ традицій, всякой связи съ исторіей. И здѣсь крупное недомысліе, крупное невѣжество!...

Принявъ слова за содержавшееся въ нихъ понятіе, возненавидя эти слова за искаженіе ихъ понятія опричниной, представители «лѣвой» земщины объявили походъ самымъ понятіямъ и предали анаѳемѣ всѣхъ ихъ послѣдователей. Воспитанные, въ противоположность «правымъ», въ духѣ полнаго отрицанія религіи, всякой самобытности и національности; обученные исключительно по книгамъ совершенно запрещеннымъ опричниной и, главнымъ образомъ, по брошюрамъ «по Марксу»,—эти представители «лѣвой» земщины могли импонировать послѣдней въ ея цѣломъ только до тѣхъ поръ, пока все «противъ» считалось непогрѣшимымъ, все запрещенное глубоко-истиннымъ. Актъ 17 октября, сдѣлавъ кое-что запрещенное дозволеннымъ, уничтожилъ сладость запретнаго плода и сорвалъ священный ореолъ истины со многихъ ученій, непогрѣшимости—съ ихъ послѣдователей, ума—со многихъ вождей!...

Актъ этотъ оказался той костью, которая заставила правое и лѣвое крыло земщины броситься другъ на друга. Какъ первоначально въ борьбѣ съ опричниной, такъ и потомъ, въ борьбѣ съ правымъ крыломъ, лѣвое пользовалось широко тѣми же пріемами, которые были ему столь ненавистны въ опричнинѣ. Подъ видомъ всеобщаго равенства, оно пропагандировало диктатуру пролетаріата, подъ видомъ неприкосновенности личности,—насиліе надъ малѣйшимъ независимымъ ея проявленіемъ, подъ видомъ свободы совѣсти и слова,—строжайшую цензуру всякой противной мысли. Вся разница заключалась въ томъ, что лѣствица наказаній, применяемыхъ «лѣвой» земщиной къ ослушникамъ ея воли, состояла только изъ двухъ ступеней: смертной казни и «презрѣнія», т.-е. бойкота, и что протестъ именно противъ смертной казни былъ основнымъ ея лозунгомъ! Но подобно тому, какъ опричнина душила всякое свободное слово путемъ воспрещенія и закрытія собраній, такъ и «лѣвая», съ ненавистью ко всякой критикѣ, заглушала неугодныя ей рѣчи свистомъ и громовыми возгла-

сами «долой!» Вмѣстѣ съ тѣмъ, «лѣвая» земщина заимствовала у опричнины и ея главное оружіе въ дѣлѣ поддержанія собственнаго престижа—ложь. Всѣ дѣянія «лѣвыхъ», какъ бы дики ихъ проявленія ни были, оправдывались всѣми мѣрами съ пѣной у рта, а открытое признаніе собственныхъ ошибокъ считалось совершенно недопустимымъ. Наконецъ, и самый принципъ классовой борьбы, такъ настойчиво выдвигаемый «лѣвыми», какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ исконной тенденціи опричнины разбивать земщину на взаимно противоположныя группы.

Результаты подобной тактики не замедлили сказаться.

Опять-таки, слыша родныя, милыя слова и видя воочію ихъ совершенно неожиданныя проявленія въ дѣйствительности со стороны уже не опричнины, а своихъ же собратій, правая, столь же мало сознательная часть земщины, сначала пришла въ глубокое недоумѣніе. По инерціи она продолжала было дѣйствовать противъ опричнины, но вскорѣ почувствовала себя въ положеніи короля Лира между Реганой и Гонерильей». И злая тварь мила предъ тварью злѣйшей!» воскликнула тогда «правая» земщина и, «видя предъ собой бушующее море», бросилась назадъ въ пасть медвѣдя»—къ опричнинѣ. Со слѣпой яростью убѣжденнаго ренегата, она стала сжигать все, чему поклонялась, и поклоняться всему, что сжигала. «Лѣвая опасность» совершенно заслонила въ ея глазахъ опасность опричнины и ненависть къ послѣдней. Понимая таковую не какъ систему, а какъ совокупность опричниковъ, она съ пламенной вѣрой фанатика снова обратилась къ тому источнику довѣрія, который уже не разъ прикрывалъ отъ ея гнѣва опричнину, какъ систему.

И опричнина отлично воспользовалась этимъ. Актомъ 3 іюня н. г. всѣ выгоды акта 17 октября перенесены на правую сторону и, не уничтожая послѣдняго формально, опричнина возстановила по существу всѣ свои права и преимущества. Она поняла, что «лѣвая» земщина прогонитъ «правую» мимо выхода и что послѣдняя будетъ принципіально выбирать всѣхъ тѣхъ, кто только противъ «лѣвой», т.-е. будетъ поступать точно такъ, какъ раньше поступала вся земщина въ отношеніи самой опричнины.

Но возненавидя «лѣвыхъ», «правые» заимствовали у нихъ въ свою очередь всѣ способы борьбы—и ложь, и неистовые вопли, и тайныя убійства, подъ именемъ «смертной казни».

Таковъ результатъ недовѣрія, какъ принципа.

V.

Очевидно, что при подобныхъ условіяхъ борьба съ опричниной представляется не чѣмъ инымъ, какъ борьбой со спрутомъ. Отрубая присосавшіеся къ ней щупальцы, земщина вмѣстѣ съ тѣмъ наноситъ удары самой себѣ, а спрутъ выпускаетъ только ту кровь, которую высосалъ изъ самой же земщины. И чѣмъ болѣе бьется несчастная жертва въ тискахъ его эластичныхъ объятій, тѣмъ крѣпче впиваются въ ея тѣло смертоно

ныя присоски. Рѣшительный ударъ спруту можетъ быть нанесенъ только при отсутствіи судорожныхъ движеній, при планомѣрности и выдержкѣ. Рѣшительный ударъ опричнинѣ долженъ быть нанесенъ, какъ системѣ, а всѣ отдѣльныя выступленія противъ опричниковъ или ихъ совокупности только портятъ дѣло. Земщина должна объединиться опять, должна понять свою солидарность въ борьбѣ съ опричниной и хладнокровно выжидать, когда охватившій ее спрутъ выставитъ свою голову.

И это неминуемо должно быть.

Во-первыхъ, кромѣ «лѣвой» и «правой», у насъ есть еще къ счастью и коренная, настоящая земщина; во-вторыхъ, эти крайнія крылья единой по существу земщины представляютъ другъ для друга отличныя зеркала, въ которыхъ они отражаются,—и это не можетъ не содѣйствовать внутреннему отрезвленію всей земщины, какъ цѣлаго; въ-третьихъ, наконецъ, то обстоятельство, что опричнина не учрежденіе, а система, заключаетъ въ себѣ не только ея силу, но и залогъ погибели. Учрежденіе можетъ быть прикрыто другимъ учрежденіемъ, но система можетъ только или оставаться такой, какая есть, или упразднится.

То, что мы видимъ въ настоящее время,—та вакханалія произвола и анархіи,—все это послѣдняя ставка опричнины, и эта ставка можетъ держаться лишь до тѣхъ поръ, пока «правые» и «лѣвые» взаимно парализуютъ силы другъ друга. Но какъ только они объединятся или какъ только побѣда перейдетъ хотя бы даже на правую сторону,—опричнина предстанетъ во всей своей наготѣ, ибо въ пылу борьбы она на этотъ разъ сбросила всѣ свои покровы.

А. А. фонъ-Бринкманъ.

Новый періодъ дѣятельности крестьянскаго банка *).

Послѣ 3 ноября 1905 г. въ дѣятельности крестьянскаго банка произошелъ переломъ. Манифестъ 3 ноября предоставилъ банку право пріобрѣтать земли за свой счетъ, не считаясь съ размѣрами и наличностью собственнаго своего капитала, какъ было раньше, но пользуясь для этой цѣли выпускомъ свидѣтельствъ банка. Значительно расширены были манифестомъ также и предѣлы ссудныхъ операцій банка подъ залогъ пріобрѣтаемыхъ крестьянами земель: по уставу банка ссуды были ограничены 90% оцѣнки закладываемыхъ банку земель; по манифесту банкъ пріобрѣлъ право выдавать ссуды безъ этого ограниченія—въ размѣрѣ до полной оцѣнки залога. Эти измѣненія устава банка, за которыми послѣдовалъ рядъ мѣръ финансоваго характера, направленныхъ къ освобожденію банка и отъ фактическихъ стѣсненій, зависящихъ отъ состоянія денежнаго рынка, существеннымъ образомъ расширили дѣятельность банка и дали ей иное, чѣмъ раньше, направленіе.

Въ прежнее—до манифеста 3 ноября 1905 г.—время операціи крестьянскаго банка достигли, въ общей своей совокупности, наибольшаго развитія въ трехлѣтіе 1901—1903 гг. Средній годовой размѣръ ссудъ, выданныхъ крестьянамъ на покупку земель и подъ залогъ уже пріобрѣтенныхъ, опредѣлился въ это трехлѣтіе около 58 м. р., а средняя годо-

*) Фактическія данныя для составленія этого очерка заимствованы главнымъ образомъ изъ „Обзора дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка съ 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г.“. Обзоръ этотъ составленъ былъ администраціею банка для второй Государственной Думы, но не былъ ей предъявленъ за ея роспускомъ. Въ обзорѣ приведены краткія свѣдѣнія о дѣятельности банка и за первые три мѣсяца 1907 г. За послѣдующее время официальнымъ матеріаломъ являются періодическія публикаціи о дѣятельности банка въ ежедневной прессѣ. Но публикаціи эт составленныя не по однообразной формѣ, содержатъ недостаточный матеріалъ. пользовался свѣдѣніями, заготовленными въ крестьянскомъ банкѣ для обзора за кущій годъ (по 1 сентября) и любезно сообщенными мнѣ. Къ сожалѣнію, свѣдѣн эти еще не вполнѣ разработаны и касаются не всѣхъ вопросовъ, разсматриваемы въ статьѣ. За время до 1906 г. свѣдѣнія взяты изъ отчетовъ банка, главнымъ об зомъ изъ отчета за 1905 г.

вая затрата банка на покупку земель за свой счетъ приближалась къ 11 м. р. Всего такимъ образомъ банкъ производилъ операцій на сумму около 69 м. р. въ годъ. На эти деньги банкъ содѣйствовалъ пріобрѣтенію крестьянами около 736 тыс. десятинъ въ годъ и пріобрѣталъ въ среднемъ земли за свой счетъ около 120 тыс. дес. Операція банка съ 3 ноября 1905 г. по 1 октября 1907 г., т.-е. за два почти года, развились до гораздо бо̀льшихъ размѣровъ. Выдача ссудъ и покупка банкомъ имѣній за этотъ періодъ недостаточно характеризуютъ объемъ его операцій: и то, и другое отстаетъ отъ соотвѣтственныхъ разрѣшеній и должно будетъ получить полное развитіе еще въ будущемъ. Что же касается до операцій, намѣченныхъ банкомъ для себя, то онѣ достигаютъ слѣдующихъ размѣровъ. Общая сумма разрѣшенныхъ съ 3 ноября 1905 г. по 15 октября 1907 г. ссудъ на покупку крестьянами земли опредѣлилась въ 166.665,839 р., или среднимъ числомъ въ годъ около 85 м. руб., а съ прибавленіемъ ссудъ подъ залогъ уже купленныхъ крестьянами земель—86 м. р. На покупку земель за собственный счетъ банка разрѣшено затратить 519.568,288 р. или по расчету на годъ—260 м. руб. Если дѣйствительные обороты банка оказались бы въ полномъ соотвѣтствіи съ этими предположеніями, что они достигли бы 346 м. р. въ годъ, превышая въ 5 разъ средній годовой размѣръ операцій банка за трехлѣтіе 1901—1903 гг. Согласно послѣдовавшимъ разрѣшеніямъ совѣта банка, имѣетъ быть пріобрѣтено банкомъ за свой счетъ 4.692,426 десятинъ земли или по расчету на годъ около 2,350 т. дес., т.-е. почти въ 20 разъ больше, чѣмъ ранѣе, и выдано крестьянамъ ссудъ на покупку 1,509 т. д., или среднимъ числомъ въ годъ 770 тыс. дес. (не считая около 19 т. дес. закладываемыхъ банку уже пріобрѣтенныхъ крестьянами земель). Въ дѣйствительности не всѣ эти операціи имѣютъ быть совершены: значительное число покупокъ банка разстраивается уже послѣ ихъ разрѣшенія; равнымъ образомъ не полностью выдаются и разрѣшенныя ссуды. Тѣмъ не менѣе размѣръ оборотовъ банка во всякомъ случаѣ долженъ быть признанъ возросшимъ очень сильно.

При этомъ въ дѣятельности банка произошло перемѣщеніе центра тяжести. Ранѣе банкъ занимался главнымъ образомъ ссудными операціями, покупка же земель за собственный счетъ банка являлась лишь незначительною добавкою къ этимъ операціямъ. За два года съ 3 ноября 1905 года ссудныя операціи возросли сравнительно очень мало, покупка же банкомъ земель получила громадное развитіе, сдѣлавшись главною задачею банка. Эти измѣненія въ дѣятельности банка столь существенны, что оправдываютъ принятіе 3 ноября 1905 г. за начало новой эры въ исторіи крестьянскаго банка.

Покупка земель банкомъ, несмотря на преобладаніе ея въ современной дѣятельности банка надъ выдачею ссудъ, по существу дѣла является, однако, операціею дополнительною, подчиненною задачѣ расширенія, черезъ посредство банка, площади крестьянскаго землепользованія. Поэтому

логически правильно было бы остановиться сначала на ссудныхъ операціяхъ, въ которыхъ указанная задача находитъ себѣ непосредственное выраженіе.

Первый вопросъ, относящійся до ссудныхъ операцій крестьянскаго банка, касается спроса на эти операціи со стороны крестьянскаго населенія.

Общее количество заявленій о выдачѣ ссудъ подъ залогъ покупаемыхъ земель съ 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г. простирается до 10,095 *), за первые 8 мѣсяцевъ 1907 г. вновь поступило въ банкъ 5,703 заявленія **); итого за 22 мѣсяца (дальнѣйшихъ свѣдѣній нѣтъ)—15,798 заявленій, что по расчету на годъ составляетъ 8,616 заявленій. Сравнивая это количество съ численностью заявленій за предшествующее время ***), нельзя не отмѣтить весьма значительнаго увеличенія числа заявленій противъ 1904 и 1905 гг., когда общее ихъ число равнялось 3,834 и 3,754. Но весь 1904 и большая часть 1905 года протекли подъ дѣйствіемъ особыхъ ограниченій, установленныхъ для крестьянскаго банка по случаю войны, когда нормальный размѣръ ссудъ былъ ограниченъ 75% оцѣнки залога для сельскихъ обществъ и товариществъ и 60% для отдѣльныхъ домохозяевъ, вслѣдствіе чего для покупки земель при помощи банка требовались огромныя доплаты изъ собственныхъ средствъ покупателей, для большинства крестьянскаго населенія совершенно непосильныя. Если же вернуться къ времени, предшествующему войнѣ, а именно къ трехлѣтію 1901—1903 гг., то окажется, что спросъ на помощь банка, если судить о немъ по числу заявленій о ссудахъ, уже въ то время достигъ въ среднемъ 8,197 въ годъ, а въ 1901 г. повышался даже до 9,114. Такимъ образомъ число случаевъ, когда крестьяне обращались къ посреднической помощи банка, не подверглось замѣтному измѣненію.

Но если отъ числа заявленій обратиться къ количеству земли, о которой говорится въ этихъ заявленіяхъ, и къ размѣру испрашиваемыхъ ссудъ, то новѣйшія данныя окажутся далеко превосходящими прежнія. За 1901—1903 гг. среднее годовое количество земли, о покупкѣ которой крестьяне заявляли банку, равняется 1.065,523 дес. въ годъ, а въ ссуду испрашивалось въ среднемъ 95.024,752 р. Съ 3 ноября 1905 года средняя годовая количества приторгованной крестьянами земли, подъ залогъ коей испрашиваются ссуды, возрастаетъ до 1.360,944 дес. ****), или на 28%,

*) Обзоръ, стр. 46.

**) По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ крестьянскаго банка.

***) Свѣдѣнія о числѣ заявленій за 1901—1905 гг. показаны въ отчетѣ крестьянскаго поземельнаго банка за 1905 г., стр. 46 и сл. Оттуда же взяты приводимыя ниже данныя о площади приторгованной крестьянами земли и о суммахъ испрашивавшихся ссудъ.

****) Съ 3 ноября 1905 г. по 1 января 1906 г.—199,937 десятинъ, за 1906 г.—1.525,461 дес., за январь-мартъ 1907 г.—300,393 дес. (Обзоръ, стр. 193 и приложеніе, табл. I) и за май-августъ—466,279 дес. Незначительное число заявленій, въ которыхъ не указанъ размѣръ испрашиваемыхъ ссудъ, въ расчетъ не принято.

а сумма испрашиваемыхъ ссудъ повышается до 174.666,300 р. *), или на 84% болѣе противъ 1901—1903 гг. Такимъ образомъ при слабомъ измѣненіи числа требованій на помощь банка замѣтно повысился средній размѣръ требованій.

Это зависѣло прежде всего отъ измѣненія въ составѣ покупщиковъ земли. За 1901—1903 гг. заявленія, по среднему годовому расчету, распредѣлялись такъ: отъ сельскихъ обществъ—457, отъ товариществъ—5,708 и отъ отдѣльныхъ домохозяевъ—2,033. Иначе говоря, на каждыя 100 заявленій приходилось: отъ сельскихъ обществъ—5,6, товариществъ—69,8 и отъ отдѣльныхъ домохозяевъ—24,7. Съ 3 ноября 1905 г. по 1 сентября 1908 года заявленій поступило: отъ сельскихъ обществъ—2,483, отъ товариществъ—9,781 и отъ отдѣльныхъ домохозяевъ—3,411 **), т.-е. на 100 заявленій причиталось: отъ сельскихъ обществъ—15,8, товариществъ—62,6 и отдѣльныхъ домохозяевъ—21,6. Такимъ образомъ число заявленій отъ сельскихъ обществъ возросло почти втрое за счетъ товариществъ и отдѣльныхъ домохозяевъ ***).

Въ предѣлахъ каждой отдѣльной группы размѣры покупокъ измѣнялись немного. За 1901—1903 гг. средній размѣръ общественныхъ покупокъ опредѣляется по заявленіямъ въ 350 дес., товарищескихъ—152 дес. и отдѣльныхъ домохозяевъ—15 десят. За 1906 г. эти цифры равняются 379, 160 и 17 дес., за 1907 г.—338, 145 и 18 дес. Отсюда видно, что увеличеніе площади приторгованныхъ крестьянами земель зависитъ именно отъ измѣненія въ группировкѣ покупателей.

Размѣръ испрашиваемыхъ ссудъ возросъ, какъ уже сказано, гораздо болѣе, чѣмъ площадь приторгованной крестьянами земли. Объясняется это явленіе двумя причинами: во-1-хъ, ростомъ цѣнъ на землю, о чемъ будетъ подробно сказано ниже; во-2-хъ, требованіемъ ссудъ въ бо́льшемъ, чѣмъ прежде, процентномъ отношеніи къ цѣнѣ на землю. За время съ 3 ноября 1905 года по 1 января 1907 г., при покупной цѣнѣ земли въ 237.725,492 р., въ ссуду испрашивалось—222.626,021 руб., или 93,6% покупной цѣны; за 8 мѣсяцевъ 1907 г. при цѣнѣ 105.164,878 руб.—97.376,133, или 92,6%. За прежнее время, кромѣ 1905 г., въ отчетахъ банка испрашиваемая по заявленіямъ ссуда не сопоставлялась съ продажною цѣною земли. Но несомнѣнно, что отношеніе ссуды къ цѣнѣ было менѣе значительно. Такъ, наприм., по сдѣлкамъ, отклоненнымъ банкомъ за 1903 и 1904 гг., испрашивалось въ ссуду около 79% покупной цѣны ****).

---

*) Съ 3 ноября 1905 г. по 1906 г.—27.332,423 р., за 1906 г.—195.293,131 р. (табл. I); за 8 мѣсяцевъ 1907 г.—97.376,133 р.

**) Заявленія безъ показанія испрашиваемой ссуды въ расчетъ не приняты.

***) Нельзя, однако, не отмѣтить, что увеличеніе требованій на общественныя ссуды было особенно замѣтно въ 1906 г., а въ 1907 г. распредѣленіе крестьянъ покупателей снова нѣсколько приблизилось къ прежнему: заявленій за 8 мѣсяцевъ поступило—отъ обществъ 736 (13,1%), отъ товариществъ—3,406 (60,6%) и отъ отдѣльныхъ домохозяевъ—1,483 (26,3%).

****) См. отчеты за соотвѣтственные годы, приложенія ко 2-ой части, табл. III.

За 1905 г. (отчетъ за который составленъ нѣсколько полнѣе) это отношеніе по всѣмъ вообще заявленіямъ опредѣляется въ 86%*).

Указанныя измѣненія въ группировкѣ покупателей земли и въ ихъ требованіяхъ на ссуды находятся, безъ сомнѣнія, въ связи съ введеніемъ по манифесту 3 ноября 1905 года болѣе льготныхъ правилъ о ссудахъ, чѣмъ тѣ, которыя дѣйствовали ранѣе. Ограниченіе по уставу крестьянскаго банка выдаваемыхъ ссудъ 90% оцѣнки земли требовало со стороны покупателей довольно значительныхъ доплатъ изъ собственныхъ средствъ, которыхъ не было у весьма многихъ крестьянъ, въ особенности для общественныхъ покупокъ. Какъ только возникла возможность сократить доплаты до минимума, тотчасъ покупателями земли явились сельскія общества, ранѣе искусственно устранявшіяся отъ покупки; въ зависимости отъ увеличенія этого разряда покупателей возросло и отношеніе ссудъ къ покупной цѣнѣ. Что это было именно такъ, доказывается приложенною къ обзору дѣятельности банка таблицею I, изъ которой видно, что сельскія общества испрашивали ссуды въ размѣрѣ 97% покупной цѣны на землю, тогда какъ требованія товариществъ не превышали 92%, а отдѣльныхъ домохозяевъ—76%. Высокій % ссудъ, испрашиваемыхъ товариществами также свидѣтельствуетъ, что составъ ихъ отличался сравнительно малою состоятельностью.

Спросъ на землю со стороны крестьянъ распредѣлился весьма неравномѣрно по мѣстностямъ. Наиболѣе силенъ онъ оказался за 22 мѣсяца въ восточномъ районѣ **) (губерніи: Пензенская, Симбирская, Саратовская, Казанская и Уфимская)—645 тыс. дес. и въ особенности въ центральномъ-земледѣльческомъ (губерніи: Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская и Тульская)—651 тыс. дес. Значительно слабѣе спросъ былъ въ Новороссійскомъ (губерніи: Бессарабская, Донская, Екатеринославская, Таврическая и Херсонская) районѣ, гдѣ крестьянами приторговано—287 тыс. дес., и центрально-промышленномъ (губерніи: Владимірская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Смоленская, Тверская и Ярославская)—225 тыс. дес. Во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ количество приторгованной крестьянами земли значительно меньше, а на окраинахъ—совершенно ничтожно. Тѣ мѣстности, въ которыхъ проявился наибольшій спросъ на землю, отличаются въ то же время по развитію общественныхъ покупокъ. По среднему расчету для 72 губерній сельскія общества приторговали 933 тыс. дес., или около 37½% всей земли, о покупкѣ которой поданы въ банкъ заявленія (2,495 тыс. дес.), тогда какъ въ центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ этотъ процентъ повышается до 47 (308 тыс. дес. изъ 650 тыс. дес.), въ восточныхъ до 46% (301 тыс. дес. изъ 645 тыс. дес.), а въ Новороссійскихъ—до 3

*) Прилож. ко 2-ой ч., табл. I.

**) Группировка губерній на районы, принятая крестьянскимъ банкомъ, отличается значительною своеобразностью и правильность ея представляется довольно спорной. Въ этой работѣ указанная группировка сохранена, однако, безъ измѣненія.

(123 тыс. дес. изъ 287 тыс. дес.). Нельзя не отмѣтить и нѣкоторыхъ особенностей товарищескихъ заявленій въ районахъ наибольшаго спроса на землю. Товарищества здѣсь вообще гораздо многолюднѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ: при среднемъ составѣ товариществъ въ 23 члена, въ Новороссійскомъ районѣ составъ этотъ возрастаетъ до 32 лицъ, центральномъ земледѣльческомъ—32 и восточномъ—47 лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и требованія товариществъ на ссуды въ поименованныхъ районахъ выше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ: въ новороссійскомъ районѣ товарищества просятъ въ ссуду 93,2% продажной цѣны, въ центральномъ земледѣльческомъ—95,5% и въ восточномъ—96,9%, при среднемъ размѣрѣ товарищескихъ требованій въ 91,1% *). Такимъ образомъ въ районахъ наибольшаго спроса на землю товарищескія сдѣлки приближаются къ общественнымъ.

Обращаясь къ вопросу о томъ, какъ отвѣтилъ крестьянскій банкъ на требованія земли со стороны крестьянъ, надлежитъ прежде всего отмѣтить, что количество разрѣшенныхъ ссудъ лишь немногимъ превышаетъ половину числа поступившихъ заявленій: послѣднихъ до 1 сентября 1907 года—15,675 **), а ссудъ разрѣшено—8,722 ***) или 56,8% общаго числа заявленій.

За послѣднее пятилѣтіе отношеніе числа разрѣшеннымъ ссудъ къ числу заявленій было гораздо выше—въ среднемъ 81% и не ниже 71% за отдѣльные годы ****). Слѣдуетъ замѣтить, что разрѣшеніе ссудъ шло въ разсматриваемомъ періодѣ очень неравномѣрно. Съ 3 ноября 1905 г. по 1 августа 1906 г. или за 9 мѣсяцевъ было разрѣшено всего 2,624 ссуды (по частнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ мною въ свое время отъ банка), т.-е. по 291 ссудѣ въ мѣсяцъ; съ 1 августа 1906 г. по 1 января 1907 г. разрѣшено 2,295 ссудъ, или по 460 въ мѣсяцъ, а съ 1 января по 1 апрѣля 1907 г.—1,958 ссудъ или по 653 въ мѣсяцъ. Въ дальнѣйшемъ произошло вновь сокращеніе числа разрѣшенныхъ ссудъ: до 1 сентября было разрѣшено всего только 1,843 ссуды или по 368 въ мѣсяцъ. Изъ этихъ данныхъ можно заключить, что неблагопріятное отношеніе между числомъ требованій на ссуды и числомъ разрѣшеній зависитъ отъ условій дѣлопроизводства банка и что съ разрѣшеніемъ ссудъ банкъ вообще запаздываетъ.

Преимущественно вліяніе указанныхъ формальныхъ причинъ на соотношеніе между числомъ заявленій и разрѣшеній доказывается данными о числѣ сдѣлокъ, разстроившихся до разсмотрѣнія ихъ въ совѣтѣ крестъ-

---

*) Эти выводы сдѣланы на основаніи данныхъ обзора (табл. I, прил.) и имѣвшихся у меня дополнительныхъ свѣдѣній за 8 мѣсяцевъ 1907 года. Разница между данными 1906 и 1907 гг. весьма незначительна.

**) Не принимая въ расчетъ заявленій, въ которыхъ не указана испрашиваемая ссуда.

***) Съ 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г.—4,921 (прил. къ Обзору, табл. IV), за первые три мѣсяца 1907 г.—1,958 (Обзоръ, стр. 196) и за слѣдующіе пять—1,843.

****) Отчетъ за 1905 г., стр. 46 и 52.

янскаго банка, и о числѣ отказовъ банка въ ссудахъ: и то, и другое сравнительно не велико. Общее число разстроившихся сдѣлокъ за 17 мѣсяцевъ (съ 3 ноября 1905 г. по 1 апрѣля 1907 г.) оказалось равнымъ 662 *) или $5^1/_2$% общаго числа заявленій. Это отношеніе даже нѣсколько ниже обычнаго. Что же касается числа отказовъ въ ссудахъ, то оно очень возростало за періодъ съ 1900 г., когда отказано было всего въ 2,6% всѣхъ испрашивающихся ссудъ до 1904 года, когда число отказовъ повысилось до 38,4% заявленій. Въ 1905 году число отказовъ рѣзко упало до 14% **) и на этомъ приблизительно уровнѣ съ пониженіемъ еще на 1%—осталось и въ послѣдующее время ***). Причиною отказовъ въ ссудахъ, какъ объяснено въ обзорѣ (стр. 61), по большей части являлась преувеличенность покупныхъ цѣнъ на землю, что подтверждается и сопоставленіемъ цѣнъ по сдѣлкамъ разрѣшеннымъ и отклоненнымъ: по первымъ средняя цѣна земли равняется 124 р. за десятину, по вторымъ—поднимается до 131 р. Въ данномъ случаѣ банкъ, слѣдовательно, боролся противъ роста цѣнъ. Однако рѣшительность этой борьбы, долгой, но безуспѣшной, видимо ослабѣла подъ вліяніемъ усиленныхъ требованій крестьянъ на землю.

Распредѣленіе разрѣшенныхъ ссудъ (по 1 января 1907 г.) по категоріямъ покупателей земли близко къ соотвѣтственному распредѣленію заявленій о ссудахъ: обществамъ разрѣшено—15,9% всѣхъ ссудъ, товариществамъ—68% и отдѣльнымъ домохозяевамъ—16,1% (обзоръ, стр. 52).

Ссуды товариществамъ разрѣшались лишь въ нѣсколько большемъ количествѣ, чѣмъ соотвѣтствовало бы числу заявленій, на счетъ сокращенія числа ссудъ обществамъ и отдѣльнымъ домохозяевамъ. Измѣнилось ли распредѣленіе ссудъ по категоріямъ покупателей земли въ 1907 г., когда выдвинулись новыя задачи землеустройства, свѣдѣній пока не имѣется.

Количество земли, для пріобрѣтенія которой разрѣшены ссуды, за время съ 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г. простирается до 837,337 дес., въ томъ числѣ на 42,473 дес. разрѣшено ссудъ за два послѣдніе мѣсяца 1905 г., а на остальную площадь—784,864 дес. разрѣшеніе дано въ 1906 г. ****). Сравнительно съ 1901—1903 гг., когда площадь земли, на покупку которой разрѣшены ссуды, составляли въ среднемъ 792 т. дес. въ годъ *****), замѣчается даже нѣкоторое сокращеніе результатовъ дѣятельности банка. Судя по краткимъ свѣдѣніямъ о дальнѣйшей дѣятельности банка до 15 октября 1907 г. ******), когда за $9^1/_2$ мѣсяцевъ ссудъ разрѣшено на покупку 671,881 дес., она и въ настоящемъ году не подверглась

---

*) Прилож. къ Обзору, табл. II и XXVIIa. Дальнѣйшихъ свѣдѣній нѣтъ.

**) Отчетъ за 1905 г., стр. 51.

***) 1,615 отказовъ на 12,059 заявленій съ 3 ноября 1905 г. по 1 апр. 1907 г. Табл. III и XXVIIa прил. къ Обзору.

****) Обзоръ, прил., табл. IV.

*****) Отчетъ за 1905 г., стр. 52.

******) *Россія*, № 596.

существенному расширенію: предполагая тотъ же ходъ дѣла до конца года, можно ожидать разрѣшеній на покупку не болѣе 850 т. дес. земли.

Значительнѣе возросла сумма разрѣшенныхъ ссудъ. Съ 3 ноября 1905 года по 1907 г. ссудъ разрѣшено на 88.247,288 р., въ томъ числѣ собственно за 1906 г.—84.549,768 р. *). Съ 1 января по 15 октября 1907 г. вновь разрѣшено ссудъ на 78,419 т. руб., или по разсчету на годъ почти 100 милл. руб. Сравнительно съ среднимъ результатомъ за 1901—1903 гг., когда въ ссуду разрѣшалось около 62 мил. руб. **), увеличеніе—очень крупное.

Такимъ образомъ дѣятельность крестьянскаго банка, оставаясь мало подвижною въ отношеніи количества земли, переходящей къ крестьянамъ, сильно возрастаетъ по размѣрамъ денежныхъ оборотовъ. За 1901—1903 годъ на 1 дес. земли причиталось около 78 р. ссуды, между тѣмъ какъ за 1906 г. подесятинный размѣръ ссуды возросъ до 108 р., а за 1907 г. даже до 117 руб., т.-е. на 38 и 50%. Интересно опредѣлить, въ какой степени этотъ ростъ ссудъ зависѣлъ отъ увеличенія отношенія между ссудою и покупною цѣною на землю, съ одной стороны, и отъ роста этой послѣдней—съ другой.

За трехлѣтіе 1901—1903 гг. на каждые 100 р. продажной цѣны приходилось въ среднемъ 75 р. ссуды и 25 р. доплаты изъ собственныхъ средствъ покупателей ***). За періодъ съ 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г. на 100 р. продажной цѣны приходится ссуды 85 р. и доплаты 15 р. ****). За первые три мѣсяца 1907 г. доля ссудъ повышается до 88 руб., а доплатъ падаетъ до 12 р. *****). Такимъ образомъ отношеніе ссуды къ продажной цѣнѣ увеличилось на 13 и 17% противъ прежняго времени; остальное увеличеніе подесятиннаго размѣра ссудъ (на 25% въ 1906 г. и на 33% въ 1907 г.) относится на счетъ повышенія продажныхъ цѣнъ на землю.

Увеличеніе доли продажной цѣны, покрываемой ссудою банка, объясняется, конечно, полученнымъ банкомъ по манифесту 3 ноября 1905 г. разрѣшеніемъ выдавать ссуды свыше 90%. Какъ видно изъ приложенной къ обзору таблицѣ IV, банкъ довольно широко воспользовался этимъ разрѣшеніемъ, выдавъ по 1 января 1907 г. 1,155 ссудъ или 23% общаго ихъ числа въ размѣрѣ свыше 90% оцѣнки. Эти льготныя ссуды составили въ среднемъ 98,7% банковской оцѣнки земли. Но такъ какъ оцѣнка оказалась замѣтно ниже продажной цѣны, то покупателямъ, воспользовавшимся

---

*) Обзоръ, прил., табл. IV.

**) Отчетъ за 1905 г., стр. 53.

***) Эти данныя относятся до выданныхъ ссудъ. См. отчетъ за 1905 г., стр. 60.

****) Обзоръ, стр. 52.

*****) Обзоръ, стр. 196. Этотъ результатъ получается, если принять во вниманіе покупки крестьянъ какъ у частныхъ лицъ, такъ и у банка; по посредническимъ сдѣлкамъ въ собственномъ смыслѣ размѣръ ссудъ не превышалъ 83 р. на 100 р. ссуды, т.-е. былъ даже ниже, чѣмъ въ 1906 г.

льготными условіями кредита, пришлось всетаки доплатить изъ собственныхъ средствъ 6,7% продажной цѣны. Ссуды повышеннаго размѣра разрѣшались преимущественно сельскимъ обществамъ. Изъ 759 обществъ, коимъ разрѣшена ссуда, 438 или 58%, получили въ ссуду около 99% оцѣночной стоимости пріобрѣтенной ими земли и 94% ея покупной цѣны. Площадь земли, пріобрѣтенной этими обществами (197,385 дес.), составляетъ около 68% всей площади сельско-общественныхъ покупокъ (286,569 дес.). Товарищества воспользовались повышенными ссудами въ гораздо меньшей мѣрѣ—только въ 672 случаяхъ изъ 3,368 (20%) на покупку 102,739 дес. или 34% площади товарищескихъ покупокъ (537,091 дес.). Отдѣльные домохозяева воспользовались льготнымъ кредитомъ только въ 45 случаяхъ изъ 794 (5,7%) на покупку 318 дес. изъ 11,677, пріобрѣтенныхъ крестьянами въ одиночку (менѣе 3%).

Оказывая одной части своихъ кліентовъ весьма льготный кредитъ, въ отношеніи другой части банкъ предъявлялъ тѣ же условія, что и въ прежнее время. По ссудамъ, выданнымъ въ размѣрѣ ниже 90%, доплаты играютъ крупную роль, достигая 23,4% покупной цѣны на землю. Ссуды ниже 90% оцѣнки получили 84,780 домохозяевъ или 53% общаго числа, получившихъ помощь банка (151,481 домох.), а площадь пріобрѣтенной ими земли (456,895 дес.) достигаетъ 55% общей площади покупокъ съ 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г. (837,377 дес.) Такъ какъ доплата въ размѣрѣ $^1/_4$ высокой покупной цѣны свидѣтельствуетъ о нѣкоторой зажиточности покупателя, то позволительно заключить, что дѣятельность крестьянскаго банка и послѣ 3 ноября 1905 г. была направлена, какъ и раньше, по преимуществу на пользу не бѣднѣйшей, но скорѣе средне-состоятельной части крестьянства *).

Выше было указано, что наибольшее требованіе на землю предъявлено было въ районахъ: восточномъ, центральномъ земледѣльческомъ, новороссійскомъ и центральномъ промышленномъ и что первые три района характеризуются наибольшимъ количествомъ сдѣлокъ общественныхъ, а также товарищескихъ, по типу подходящихъ къ общественнымъ. Эти же районы, въ особенности центральный земледѣльческій и восточный, характеризуются и особенно высокимъ размѣромъ ссудъ. До 76% всѣхъ сдѣлокъ, по которымъ разрѣшены ссуды свыше 90% оцѣнки и до 82% всей площади пріобрѣтенной крестьянами на этихъ условіяхъ земли приходится на центральный земледѣльческій, восточный и новороссійскій районы. Средній размѣръ доплатъ по этимъ районамъ составляетъ лишь 9,7% покуп-

*) Необходимо оговориться, что въ отчетныхъ свѣдѣніяхъ банка о разрѣшенныхъ ссудахъ (прил. къ Обз., табл. IV) не показано, сколько испрашивалось въ ссуду; нѣтъ въ обзорѣ и данныхъ о сдѣлкахъ, разстроившихся послѣ разрѣшенія ссудъ, а также о способахъ расплаты по доплатамъ. При такихъ условіяхъ сужденія о степени соотвѣтствія предложенныхъ банкомъ условій ссудъ съ денежными средствами крестьянъ-заемщиковъ весьма затруднительно и выводы могутъ имѣть лишь характеръ приблизительныхъ.

ной цѣны земель, тогда какъ по остальнымъ районамъ доплаты опредѣляются въ 26% цѣны. Отсюда можно вывести дополнительное заключеніе о состоятельности кліентовъ банка. Въ поименованныхъ трехъ районахъ *) кліентами банка являлись по преимуществу (около 60%) крестьяне, нуждающіеся въ особыхъ льготахъ, слѣдовательно, надо полагать—малосостоятельные. Напротивъ, на сѣверѣ, западѣ и промышленномъ районѣ повышенныя ссуды являются сравнительно рѣдкими (8% сдѣлокъ и 2% площади земли), и составъ кліентовъ банка здѣсь оказался гораздо болѣе состоятельнымъ.

Главнѣйшему вопросу, относящемуся до ссудныхъ операцій крестьянскаго банка—о цѣнахъ на земли—обзоръ посвящаетъ особое вниманіе. Въ этомъ отдѣлѣ обзора встрѣчаются новыя и интересныя группировки данныхъ, наприм., сопоставленіе продажныхъ цѣнъ съ размѣромъ продаваемыхъ участковъ. Съ другой стороны, говоря о цѣнахъ на земли, обзоръ утрачиваетъ до нѣкоторой степени выдержанный въ другихъ отдѣлахъ его строго безпристрастный тонъ: стремясь оправдать всѣ отдѣльные случаи рѣзкаго повышенія (а иногда и пониженія) цѣнъ, обзоръ какъ бы вступаетъ въ полемику съ предполагаемымъ противникомъ, прибѣгая иной разъ къ натянутымъ объясненіямъ. Вообще выводы обзора въ этой его части представляются наиболѣе спорными. Происходитъ это главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ. Во-первыхъ, выводы обзора основываются на данныхъ, не отличающихся достаточною полнотою, а иногда не имѣющихъ достаточно объективнаго значенія; во-вторыхъ, обзоръ упускаетъ изъ виду часть того матеріала, который преподносится имъ самимъ читателю въ приложенныхъ къ тексту таблицахъ.

Послѣ бѣглаго сопоставленія цѣнъ на земли, купленныя крестьянами при содѣйствіи банка послѣ 3 ноября 1905 г., съ цѣнами при такихъ же покупкахъ за пятилѣтіе 1901—1905 гг., обзоръ останавливается особенно подробно на сличеніи цѣнъ 1905 г. и 1906 г. Мотивируется это тѣмъ, что «число крестьянскихъ покупокъ въ 1905 г. было настолько значительно, что представляется вполнѣ возможнымъ воспользоваться для сопоставленія съ 1906 г. данными исключительно за этотъ (т.-е. 1905 г.) годъ. При этомъ устранено будетъ то сглаживаніе характерныхъ особенностей, которое неизбѣжно при обращеніи со средними за болѣе значительный періодъ **). По поводу этого заявленія нельзя однако не указать, что 1905 г. характеризуется наименьшимъ количествомъ ссудъ за все время съ начала XX вѣка: съ 6,557 ссудъ, выданныхъ въ 1901 г., число ссудъ, постепенно падая, дошло въ 1905 г. до 2,985. Затѣмъ изъ дальнѣйшаго изложенія самого обзора видно, что по многимъ губерніямъ данныя 1905

*) Надо, впрочемъ, замѣтить, что новороссійскій районъ отличается по условіямъ кредита крестьянскаго банка довольно значительно отъ восточнаго и центрально-земледѣльческаго и стоитъ какъ бы въ промежуткѣ между этими двумя и остальною Россіей.

**) Обзоръ, стр. 174.

и 1906 гг. относятся до разныхъ уѣздовъ, почему и оказываются несравнимыми между собою. Въ виду указанныхъ соображеній сопоставленіе цѣнъ 1906 г. съ соотвѣтственными данными одного 1905 г. имѣетъ мало значенія, и гораздо болѣе интереса представитъ сличеніе новѣйшихъ данныхъ съ свѣдѣніями за рядъ лѣтъ, начиная хотя бы съ 1901 г.

Начнемъ съ самаго общаго сравненія, для котораго послужитъ нижеслѣдующая табличка:

Годы.	Покупная цѣна въ руб. 1 десят. *), пріобрѣтенной: Сельскими обществами.	Товариществами.	Отдѣльн. домохозяевами.	Средняя.
1901	88	91	130	91
1902	101	107	134	108
1903	104	108	135	108
1904	116	111	126	112
1905	116	110	123	111
1906	132	121	106	124

Съ перваго взгляда бросаются въ глаза двѣ особенности 1906 года. Во-первыхъ, общій ростъ цѣнъ, гораздо болѣе значительный, чѣмъ за 4 послѣдніе года; во-вторыхъ, иное распредѣленіе цѣнъ по разрядамъ покупателей, чѣмъ то, какое замѣчалось въ предшествующія 5 лѣтъ. Ранѣе самыя высокія цѣны платились отдѣльными домохозяевами, а сельскія общества платили или наиболѣе дешевыя (1901—1903 гг.), или среднія цѣны (1904 и 1905 гг.). Нынѣ сельскія общества по размѣру платимой имъ цѣны на землю стоятъ на первомъ мѣстѣ, затѣмъ идутъ товарищества и уже на третьемъ мѣстѣ отдѣльные домохозяева, которые платили за землю въ 1906 г. даже значительно дешевле, чѣмъ за все пятилѣтіе съ 1901 года. Обзоръ **) объясняетъ эти явленія тѣмъ, что покупки 1906 г. произведены, главнымъ образомъ, въ районахъ съ дорогими цѣнами и что именно въ наиболѣе дорогихъ районахъ (центральный земледѣльческій и новороссійскій) совершались общественныя покупки. Насколько такое объясненіе вообще правильно, выяснится ниже при разсмотрѣніи движенія покупныхъ цѣнъ по мѣстностямъ. Необходимо, однако, теперь же отмѣтить, что объясненіе обзора неполно, ибо оно оставляетъ совершенно въ тѣни различіе въ цѣнахъ по разрядамъ покупателей въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго района. Между тѣмъ это различіе очень велико, какъ видно изъ слѣдующей таблицы, составленной (на основаніи данныхъ приложенной къ обзору таблицы IV) по 6 районамъ, гдѣ посредническія операціи въ 1906 г. достигли наибольшаго развитія.

---

*) Данныя за 1901—1905 гг. взяты изъ отчета за 1901 г. (стр. 63), за 1906 г. изъ приложенной къ обзору таблицы IV.

**) Стр. 56—57.

Названіе районовъ.	Покупная цѣна 1 десят., пріобрѣтенной: Сельскими обществами.	Товариществами.	Отдѣльными домохозяев.	Средняя.
Восточный	107	83	71	92
Центр. земледѣльч. .	159	168	103	164
Новороссійскій . . .	175	173	113	173
Юго-восточный *) .	89	62	—	69
Юго-западный **) .	256	188	206	200
Центр. промышл. . .	91	83	80	86

Оказывается, что сельскія общества во всѣхъ 6 районахъ платятъ за землю гораздо дороже отдѣльныхъ домохозяевъ, а въ 5 районахъ изъ 6 дороже и товариществъ, причемъ единственное исключеніе приходится на центральный земледѣльческій районъ, гдѣ товарищескія сдѣлки часто близко подходятъ къ общественнымъ, различаясь отъ нихъ лишь съ формальной стороны. Далѣе, за исключеніемъ одного юго-западнаго района, отдѣльные домохозяева платили за землю значительно дешевле товариществъ.

Бо́льшая умѣренность покупныхъ цѣнъ въ единоличныхъ сдѣлкахъ сравнительно съ коллективными заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что она, повидимому, противорѣчитъ тому констатируемому обзоромъ (стр. 183) факту, что покупная цѣна тѣмъ выше, чѣмъ меньше покупаемый участокъ ***). Если, съ другой стороны, принять во вниманіе, что средній размѣръ сельскообщественныхъ покупокъ равнялся въ 1906 году 380 дес., товарищескихъ—159 и отдѣльныхъ домохозяевъ—15 дес. (таблица IV), то, казалось бы, въ предѣлахъ каждаго района съ болѣе или менѣе одинаковыми цѣнами наиболѣе дешевыми должны бы быть общественныя покупки, а самыми дорогими—отдѣльныхъ домохозяевъ, а не наоборотъ.

Искать объясненія сравнительной дешевизны единоличныхъ покупокъ передъ коллективными въ различіи пріобрѣтаемыхъ отдѣльными разрядами покупателей угодій и качества земли было бы, повидимому, натяжкою: такъ можно было бы объяснить отдѣльные случаи, но не общій выводъ изъ многочисленнаго ряда фактовъ. Впрочемъ, искать объясненія указаннаго явленія и не приходится, такъ какъ приложенная къ обзору таблица IV даетъ это объясненіе, оставшееся незамѣченнымъ составителями обзора. Оно состоитъ въ томъ, что цѣна земли повышается одновременно съ увеличеніемъ льготности кредита: по ссудамъ, выданнымъ въ размѣрѣ выше 90% оцѣнки, покупная цѣна выше, чѣмъ по ссудамъ, выданнымъ въ болѣе умѣренномъ размѣрѣ. Это ясно видно изъ нижеслѣдующей таблицы.

---

*) Губерніи: Самарская и Оренбургская.

**) Губерніи: Кіевская, Подольская и Волынская.

***) Объ этомъ будетъ сказано подробно ниже. Здѣсь достаточно указать, что покупная цѣна, опредѣлившись для участковъ до 30 дес. въ 149 руб., почти непрерывно падаетъ по мѣрѣ увеличенія участка и для имѣній отъ 1,000 до 2,000 дес. равняется всего 95 руб. за десятину.

Районы.	Покупная цѣна въ руб. на 1 дес. по ссудамъ: Выше 90%.	Ниже 90%.	По всѣмъ вообще.
Восточный	105	74	92
Центр. земледѣльч. . .	168	157	164
Новороссійскій	192	165	173
Юго-восточный	85	58	69
Юго-западный	105	74	92
Центр. промыш. . . .	97	82	86
Всѣ 72 губерніи . . .	136	114	124

Если, просмотрѣвъ эту таблицу, припомнить, что льготнымъ кредитомъ пользовались по преимуществу сельскія общества, рѣже товарищества и совсѣмъ рѣдко отдѣльные домохозяева, то разница въ покупныхъ цѣнахъ по разрядамъ покупателей выяснится гораздо болѣе, чѣмъ изъ объясненій обзора.

Въ чемъ слѣдуетъ искать причину болѣе высокихъ покупныхъ цѣнъ на земли при ссудахъ выше 90% оцѣнки, на этотъ вопросъ матеріалъ обзора не даетъ отвѣта. Я, по крайней мѣрѣ, такого отвѣта не нашелъ. Позволю себѣ прибѣгнуть къ догадкѣ: ссуды выше 90% оцѣнки выдаются при наличности особой нужды крестьянъ именно въ данной землѣ, когда крестьянамъ невозможно выпустить ее изъ своихъ рукъ; наличность такой нужды побуждаетъ крестьянъ идти на повышеніе цѣны, а банкъ—смотрѣть на это повышеніе менѣе строго, чѣмъ онъ сдѣлалъ бы при другихъ условіяхъ. Я почти увѣренъ, что дѣло обстоитъ именно такъ. Я полагаю вмѣстѣ съ тѣмъ, что и крестьяне, и банкъ дѣйствуютъ при данныхъ условіяхъ правильно. Но не служитъ ли указанное положеніе дѣла доказательствомъ неправильности существующей системы содѣйствія расширенію крестьянскаго землевладѣнія?

Переходя къ обзору движенія цѣнъ по мѣстностямъ, данныя за 1906 г. умѣстно сличить какъ съ средними цѣнами за 1901—1905 гг., такъ и съ наивысшими изъ среднихъ годовыхъ за это пятилѣтіе. Сколько-нибудь правильно можетъ быть произведено, однако, это сличеніе только по тѣмъ губерніямъ, гдѣ операціи банка за послѣдній годъ получили достаточное развитіе. Считая таковыми только тѣ губерніи, гдѣ за 1906 г. было не менѣе 25 сдѣлокъ о покупкѣ земли и куплено крестьянами не менѣе 5,000 десятинъ, нижеприводимый списокъ я ограничилъ 34 губерніями.

Въ поясненіе нижеслѣдующей таблицы необходимо указать, что среднія продажныя цѣны 1901—1905 гг. по сдѣлкамъ о пріобрѣтеніи земли крестьянами при содѣйствіи крестьянскаго банка взяты изъ обзора (стр. 170—173), наивысшія изъ среднихъ годовыхъ за указанное пятилѣтіе заимствованы изъ таблицы VIII, приложенной къ отчету банка за 1905 г.; наконецъ, среднія подесятинныя цѣны новѣйшаго времени (съ 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г.) взяты не изъ текста обзора, а изъ приложенія IV, гдѣ эти цѣны выведены изъ большаго числа данныхъ

(по всѣмъ разрѣшеннымъ ссудамъ), чѣмъ цѣны, показанныя въ текстѣ и относящіяся только до ссудъ, дѣйствительно выданныхъ въ 1906 г.

Губерніи.	Покупныя цѣны въ руб. на 1 десятину. За 1901—1905 гг. Средняя.	Высшая годовая.	Съ 3 ноября 1905 года по 1 января 1907 г.	Цѣны съ 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г. выше (+) или менѣе (—) въ рублях. Средняя за 1901—1905 года.	Высш. годов. за то же пятил.
Пермская	19	22	35	+16	+13
Новгородская	39	52	36	— 3	—16
Псковская	96	103	107	+11	+ 4
С.-Петербургская	52	66	77	+25	+11
Гродненская	90	95	111	+21	+16
Минская	56	71	67	+11	— 4
Могилевская	60	93	108	+48	+15
Владимірская	69	79	78	+ 9	— 1
Калужская	82	95	91	+ 9	— 4
Костромская	27	31	27	—	— 4
Нижегородская	80	89	97	+17	+ 8
Смоленская	95	102	103	+ 8	+ 1
Тверская	85	96	100	+15	+ 4
Воронежская	121	164	158	+37	— 6
Орловская	155	176	175	+20	— 1
Рязанская	126	137	153	+27	+16
Тамбовская	136	144	168	+32	+24
Тульская	127	138	138	+11	—
Полтавская	208	236	208	—	—28
Харьковская	158	173	201	+43	+28
Черниговская	139	155	188	+49	+33
Волынская	124	147	141	+17	— 6
Кіевская	167	184	212	+45	+26
Подольская	188	223	246	+58	+23
Донская	104	146	154	+50	+ 8
Екатеринославская	157	172	167	+10	— 5
Херсонская	168	179	212	+44	+33
Казанская	76	109	93	+17	—16
Пензенская	72	98	119	+47	+21
Саратовская	96	100	116	+20	+16
Симбирская	90	100	109	+19	+ 9
Уфимская	37	44	63	+26	+19
Оренбургская	37	42	40	+ 3	— 2
Самарская	69	86	89	+20	+ 3

Какъ видно изъ таблицы, изъ 34 губерній только въ одной Новгородской цѣны 1906 г. оказались нѣсколько ниже среднихъ за пять предшествующихъ лѣтъ; въ двухъ губерніяхъ (Костромской и Полтавской) цѣны остались на прежнемъ уровнѣ; наконецъ, во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ (31) послѣдовало повышеніе цѣнъ, часто весьма значительное. Еще болѣе заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что въ 21 губерніи цѣны 1906 года оказались выше максимальныхъ среднихъ за любой годъ предшествующаго пятилѣтія, въ одной губерніи (Тульской) средняя 1906 г. совпадаетъ съ максимальной, а изъ остальныхъ 12 губерній въ 10 цѣна 1906 г. близка къ максимальной и только въ двухъ (Новгородская и Полтавская) значительно ниже ея. Въ виду этихъ данныхъ не можетъ, казалось бы, подлежать сомнѣнію, что въ 1906 г. произошло серьезное повышеніе земельныхъ цѣнъ.

За 1907 годъ подробныя данныя о цѣнахъ по губерніямъ имѣются только за первые три мѣсяца. Но число сдѣлокъ по большей части губерній за эти три мѣсяца слишкомъ недостаточно. Судя же по средней цѣнѣ за 9½ мѣсяцевъ 1907 года по всей Европейской Россіи и Закавказью, можно думать, что движеніе цѣнъ вверхъ не остановилось. За время съ 1 января по 15 октября 1907 г. разрѣшено ссудъ на покупку 671,891 д. за цѣну 92.014,131 руб. *). Слѣдовательно, средняя цѣна десятины за 1907 г. опредѣляется въ 137 р., тогда какъ за 1906 г. она была равна 124 руб.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что крупный ростъ земельныхъ цѣнъ за послѣднее время находится въ связи съ условіями выдачи ссудъ изъ крестьянскаго банка. Продавцы земель получаютъ продажную цѣну не наличными деньгами, какъ было ранѣе, а процентными бумагами, изъ которыхъ 5%-ныя свидѣтельства стоятъ обыкновенно ниже номинальной цѣны на 20 и болѣе %, а 6%-ныя именныя записи могутъ быть передаваемы лишь при самомъ полученіи ссуды изъ банка и фактически продавались съ убыткомъ отъ 5 до 15% и даже болѣе. Такія условія расплаты за проданныя земли не могли, конечно, не побуждать частныхъ землевладѣльцевъ къ повышенію продажныхъ цѣнъ: даже по повышенной номинально цѣнѣ продавцы выручали обыкновенно менѣе среднихъ цѣнъ за предшествующее пятилѣтіе. Отъ какихъ бы условій, однако, ни происходило повышеніе продажныхъ цѣнъ, оно одинаково неблагопріятно отражается на интересахъ крестьянскаго населенія, покупающаго землю.

Значеніе роста цѣнъ особенно хорошо уясняется на текущихъ платежахъ крестьянъ—заемщиковъ крестьянскаго банка. На основаніи Высочайшаго указа 14 октября 1906 г. средній подесятинный окладъ этихъ платежей понизился по всей Европейской Россіи съ 3 р. 36 к. до 2 р. 86 к.

*) Количество десятинъ и цѣна приторгованной въ 1907 году крестьянами (по сдѣлкамъ, разрѣшеннымъ банкомъ) опредѣлены путемъ вычета изъ показанныхъ въ объявленіи банка итоговыхъ данныхъ за время съ 3 ноября 1905 г. по 15 октября 1907 г. соотвѣтственныхъ цифръ по 1 января 1907 г.

или на 50 коп. *), что составляетъ около 15% прежняго оклада. Это пониженіе платежей поглощается, однако, болѣе чѣмъ на $^2/_3$ уже тѣмъ повышеніемъ цѣнъ на земли, которое послѣдовало въ 1906 году сравнительно съ 1905 г. (на 11,7%). Новое повышеніе цѣнъ, отмѣченное выше для 1907 г. (на 23,4% противъ 1905 г.), совсѣмъ уже уничтожаетъ выгоду отъ пониженія платежей. Тѣ крестьяне, которые особенно нуждаются въ землѣ и имѣютъ наименѣе средствъ и которымъ вслѣдствіе этого выдаются ссуды въ размѣрѣ свыше 90% оцѣнки, уже въ 1906 г. уплачивали въ среднемъ за десятину по 136 р. (на 22,5% выше средней цѣны 1905 г. и на 9,7% выше средней 1906 г.) и такимъ образомъ даже по пониженному окладу должны будутъ платить болѣе, чѣмъ прежніе заемщики банка платили по высшему окладу. Отсюда видно, что пониженіе банковскихъ платежей, возлагающее тяжкое бремя на казну, покрывающую убытки банка, доставляетъ въ сущности выгоду только старымъ заемщикамъ банка, новые же лишаются этой выгоды въ пользу продавцовъ земли.

Оставляя въ сторонѣ всѣ прочіе вопросы о посреднической дѣятельности крестьянскаго банка, перехожу къ покупкѣ банкомъ земель за собственный его счетъ.

Эта операція производилась за два послѣдніе года въ совершенно иныхъ размѣрахъ и на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ прежде. Ограниченный въ своихъ покупкахъ земель предѣлами собственнаго капитала, не превышавшаго 30 милл. руб., и кассовою наличностью, крестьянскій банкъ до 3 ноября 1905 г. не задавался какими-либо широкими задачами по пріобрѣтенію имѣній. Обыкновенно имѣнія пріобрѣтались имъ въ тѣхъ случаяхъ, когда банкъ разсчитывалъ вѣрнѣе помочь этимъ способомъ сосѣднимъ малоземельнымъ крестьянамъ, чѣмъ путемъ посредническихъ операцій; когда, напр., на покупку большого имѣнія оказывалось очень много претендентовъ, непосредственныя отношенія къ которымъ были затруднительны для продавца; когда въ имѣніи находились цѣнныя принадлежности, не нужныя или недоступныя по цѣнѣ крестьянамъ, но которыми банкъ разсчитывалъ удобно распорядиться въ теченіе ряда лѣтъ; когда, наконецъ, представлялся случай дешево, по мнѣнію банка, купить землю въ малоземельной мѣстности. Таковы были обычные поводы къ самостоятельному выступленію банка въ качествѣ покупателя на земельномъ рынкѣ. Общій ихъ характеръ мало измѣняется отдѣльными случаями покупокъ какъ бы въ личное одолженіе продавцамъ. Были, впрочемъ, и другого рода покупки очень крупныхъ имѣній съ цѣлью извѣстнаго рода опытовъ въ области колонизаціи (въ Пермской губ.) или землеустройства. Но и это были сравнительно рѣдкія исключенія. При такихъ условіяхъ покупка земель банкомъ шла довольно медленно. Съ 1896 года **) по 3 ноября 1905 г.,

*) Обзоръ, стр. 133.

**) Ранѣе, въ 1893 году, было куплено только одно крупное имѣніе по особому Высочайшему повелѣнію.

т.-е. за 10 лѣтъ, изъ 2,785 предложенныхъ ему имѣній банкъ пріобрѣлъ всего 490, общею площадью въ 935,512 дес., за 65.448,702 руб.

За отдѣльные годы число покупокъ банка не превышало 87 (1901 г.), площадь купленной земли—175,527 дес. (1898 г.), а цѣна ея—12.700,549 р. (1903 г.) *). Даже въ годы наибольшаго развитія покупокъ онѣ составляли лишь незначительный придатокъ къ посреднической дѣятельности банка.

Съ конца 1905 года положеніе дѣла рѣзко мѣняется, и въ дѣятельности банка выдвигается на первый планъ накопленіе земельнаго фонда. Напуганные аграрными безпорядками въ разныхъ ихъ видахъ, землевладѣльцы обнаруживаютъ серьезную склонность освободиться при помощи банка отъ своихъ имѣній. Съ 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г. въ крестьянскій банкъ поступаетъ 7,617 заявленій о желаніи продать имѣнія, общею площадью 8.742,825 **). Такимъ образомъ среднее мѣсячное предложеніе достигаетъ 544 имѣній и около 625 тыс. дес. Предложеніе это, достигавшее наибольшей силы въ началѣ зимы (декабрь 1905 г. и январь 1906 г.) и концѣ лѣта (іюль—сентябрь) ***), вскорѣ однако начинаетъ сокращаться. За первые 8 мѣсяцевъ 1907 г. банку предложено уже только 2,475 имѣній съ площадью въ 2.161,644 дес. Тѣмъ не менѣе общіе результаты предложенія, выразившіеся за 22 мѣсяца въ 10,092 имѣнія съ площадью свыше 10.904 тыс. дес., представляются все же внушительными.

По мѣстностямъ предложеніе имѣній банку распредѣляется неравномѣрно. На первомъ мѣстѣ стоитъ восточный районъ съ предложеніемъ 1891 тыс. дес., далѣе идутъ районы: юго-восточный ****)—1.676 тыс. дес., бѣлорусскій (губерніи: Витебская, Минская и Могилевская)—1.262 тыс. дес., новороссійскій—1.223 т. д., центральный промышленный 1,062 т. д., центральный земледѣльческій—908 т. д., пріозерный (губерніи: Новгородская, Псковская, С.-Петербургская)—765 т. д., малороссійскій (Полтавская, Харьковская и Черниговская губ.)—608 т. д., юго-западный—586 т. д., литовскій (губерніи: Виленская, Гродненская, Ковенская)—315 т. д., прибалтійскій (Курляндская, Лифляндская и Эстляндская губ.)—325 т. д., Закавказье—280 т. д.; изъ прочихъ мѣстностей предложеніе не достигаетъ сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ.

Чтобы составить себѣ болѣе опредѣленное представленіе о значеніи этихъ абсолютныхъ цифръ, ихъ надо сопоставить съ общею площадью частнаго землевладѣнія по районамъ. Для этого сопоставленія я воспользовался сводомъ данныхъ по 50 губерніямъ Европейской Россіи статистики землевладѣнія 1905 г. Въ этомъ изданіи центральнаго статистическаго

*) „Обзоръ", стр. 15.
**) „Обзоръ", стр. 75.
***) Тамъ же, стр. 79.
****) Безъ Астраханской губ.

комитета частная земельная собственность раздѣлена на двѣ категоріи: личная собственность и собственность обществъ и товариществъ. Такъ какъ вторая категорія, гдѣ преобладаетъ собственность крестьянскихъ обществъ и товариществъ, не принимала почти никакого участія въ происходившемъ мобилизаціонномъ процессѣ, то я взялъ данныя только о личной собственности. Безъ всякаго сомнѣнія, эти данныя далеко не точны; но другихъ, лучшихъ не имѣется. Прибалтійскій и Закавказскій районы я не ввелъ въ нижеприводимую таблицу, такъ какъ они вошли въ сферу дѣятельности крестьянскаго банка гораздо позже остальныхъ—лишь съ конца 1906 г.

РАЙОНЫ.	Общая площадь частн. землевл.	Площадь предложенныхъ банку имѣній.	Въ % къ общей площади.
	Тысячи десятинъ.		
Юго-восточный	4,270	1,673	38,3
Восточный	6,869	1,891	27,8
Бѣлорусскій	8,639	1,262	14,6
Малороссійскій	4,499	608	13,5
Центральный земледѣльческій	8,262	908	11
Новороссійскій	10,695	1,223	11,4
Юго-западный	5,829	586	10
Центральный промышленный	11,139	1,062	9,5
Пріозерный	7,450	765	10,3
Литовскій	4,315	315	7,3
Итого по 41 губерн. . . .	71,964	10,293	14,3

Такимъ образомъ по размѣру предложенія имѣній къ покупкѣ крестьянскому банку рѣзко выдѣляются оба восточныхъ района, гдѣ уже къ сентябрю 1907 г. предложено банку въ одномъ почти $^2/_3$, въ другомъ—свыше $^1/_4$ всей площади частнаго личнаго землевладѣнія. Далѣе идутъ районы бѣлорусскій и малороссійскій. Въ прочихъ районахъ, кромѣ литовскаго, предложеніе довольно равномѣрно, составляя отъ $9^1/_2$ до 11,4% площади частнаго владѣнія.

Такимъ образомъ предложеніе идетъ главнымъ образомъ со средняго Поволжья и примыкающихъ къ нему мѣстностей. Какъ мнѣ уже пришлось указывать въ статьяхъ своихъ о дѣятельности крестьянскаго банка, помѣщенныхъ въ газетѣ *Рѣчь* въ сентябрѣ 1906 г. *), въ этихъ мѣстностяхъ повышенное предложеніе земель, повидимому, обусловливается силою аграрнаго движенія. Нѣсколько высокое мѣсто, занятое бѣлорусскимъ райономъ, объясняется иначе,—стремленіемъ къ ликвидаціи искусственно насажденнаго въ краѣ русскаго землевладѣнія. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого объясненія служитъ сравнительно слабое предложеніе земель въ литовскомъ районѣ, гдѣ русское землевладѣніе гораздо менѣе распространено, чѣмъ въ Бѣлоруссіи.

*) *Рѣчь*, №№ 162 и 166.

Въ обзорѣ приведены *) данныя о распредѣленіи предложенныхъ крестьянскому банку имѣній по ихъ размѣрамъ. Сопоставленіе этихъ данныхъ **) съ свѣдѣніями статистики землевладѣнія 1905 г. (сводн. вып.) о распредѣленіи по размѣрамъ всѣхъ вообще частныхъ владѣній даетъ возможность выяснить участіе въ возникшемъ, при посредствѣ крестьянскаго банка, мобилизаціонномъ процессѣ личной собственности тѣхъ и другихъ размѣровъ. Изъ этого сопоставленія обнаруживается, что въ то время, какъ площадь предложенныхъ банку имѣній уже къ 1 январю 1907 г. достигла по 10 вышеуказаннымъ районамъ 11,3% общей площади частнаго владѣнія, отношеніе числа предложенныхъ банку имѣній къ общему ихъ числу равно всего 1%. Очевидно, въ изслѣдуемомъ мобилизаціонномъ процессѣ участвуетъ по преимуществу сравнительно крупное владѣніе. Это наглядно видно изъ слѣдующей таблички.

Размѣры владѣній.	% отношеніе предложенныхъ банку имѣній. Къ общему числу владѣній.	Къ общей площади владѣній.
Менѣе 100 дес.	0,12	0,5
Отъ 100 до 500 »	5,1	6,2
» 500 » 1,000 »	11,3	11,3
» 1,000 » 2,000 »	11,9	12,4
Свыше 2,000 »	16,7	16,1

Въ каждомъ отдѣльномъ районѣ повторяется приблизительно то же самое. Нѣкоторое исключеніе представляютъ лишь восточный и юго-восточный районы, гдѣ цифры процентныхъ отношеній возрастаютъ гораздо быстрѣе и достигаютъ очень крупныхъ размѣровъ уже для категорій владѣній отъ 500 до 1,000 дес. ***).

Такимъ образомъ мелкое землевладѣніе почти вовсе не обнаруживаетъ склонности къ ликвидаціи; въ ближайшей къ нему группѣ землевладѣнія (отъ 100 до 500 дес.) эта склонность вдвое менѣе средней для всей частной земельной собственности вообще. Группы имѣній отъ 500 до 1,000 дес. и отъ 1,000 до 2,000 участвуютъ въ ликвидаціи почти одинаково, въ размѣрѣ, близко подходящемъ къ среднему. Наконецъ, латифундіи, содержащія свыше 2,000 дес., обнаруживаютъ наибольшую склонность къ ликвидаціи. Нужно еще замѣтить, что банкъ далеко не во всѣхъ случаяхъ покупаетъ цѣлыя имѣнія: изъ числа купленныхъ по 1 января 1907 г. 816 имѣній лишь 500 (61%) пріобрѣтены въ полномъ составѣ ****). Поэтому доля участія крупныхъ имѣній въ ликвидаціонномъ процессѣ въ дѣйствительности еще болѣе велика, чѣмъ оказывается по вышеприведеннымъ даннымъ.

---

*) Стр. 81.

**) Имѣются только по 1 января 1907 г.

***) Въ этихъ районахъ предложено (по 1 января 1907 г.) къ продажѣ 26,3 и 23% общаго числа имѣній съ площадью отъ 500 до 1,000 дес. и 26 и 23,9% общей ихъ площади.

****) Обзоръ, прилож., табл. XVI.

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что доли участія въ мобилизаціи имѣній разныхъ размѣровъ находятся въ зависимости, между прочимъ, и отъ того обстоятельства, что покупателемъ является крестьянскій банкъ, для котораго покупка крупныхъ владѣній имѣетъ гораздо больше значенія и представляетъ болѣе удобствъ, чѣмъ покупка земель мелкими участками. Однако нужно принять во вниманіе, что предложеніе земель къ продажѣ, далеко опережая разрѣшеніе покупокъ, опредѣлилось уже въ то время, когда спросъ со стороны банка оставался не вполнѣ выясненнымъ. Поэтому данныя приведенной таблицы могутъ считаться въ значительной мѣрѣ характеризующими и степень устойчивости вообще землевладѣній различныхъ размѣровъ.

Изъ общаго числа предложенныхъ банку по 1 сентября 1907 г. 10,092 имѣній съ площадью въ 10,904 т. д. разстроились еще до разсмотрѣнія совѣтомъ банка 1,566 сдѣлки о продажѣ 1,531 тыс. дес. *). Разстройство столь значительнаго количества сдѣлокъ (15,5% общаго ихъ числа и 14% общей ихъ площади) подробно въ обзорѣ не поясняется: глухо говорится, что причинами отказа со стороны мѣстныхъ органовъ банка и землеустроительныхъ комиссій являлись или высокія цѣны на землю, или отсутствіе опредѣленнаго спроса на земли даннаго имѣнія; со стороны продавцовъ—измѣненіе ихъ первоначальныхъ намѣреній **). Сопоставляя цѣны, заявленныя по разстроившимся сдѣлкамъ (табл. XI), съ цѣнами по всѣмъ вообще заявленіямъ (табл. X), можно отмѣтить, что первыя выше вторыхъ по большей части губерній съ значительнымъ мѣстнымъ спросомъ на землю (Саратовская губ.—133 р. и 128 р., Бессарабская—286 и 253, Орловская—258 и 187, Полтавская—282 и 275, Харьковская 216 и 206); напротивъ, въ губерніяхъ, гдѣ мѣстный спросъ незначителенъ, разница проявляется въ обратную сторону (Уфимская—64 р. по разстроившимся сдѣлкамъ и 81 р. по всѣмъ вообще заявленіямъ, Самарская—63 и 104, Костромская—43 и 47). Такимъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда банкъ не разсчитывалъ скоро сбыть землю съ рукъ, онъ отклонялъ и сдѣлки по сравнительно дешевой цѣнѣ.

За исключеніемъ разстроившихся сдѣлокъ, до разсмотрѣнія въ совѣтѣ банка дошло (по 1 сентября 1907 г.) — 8,526 предложеній о продажѣ имѣній, съ площадью въ 9,374 т. д. Изъ этого общаго числа банкъ отклонилъ покупку 1,261 имѣнія (14,9% общаго ихъ числа) съ площадью 1,776 т. д. (18,9%) и разрѣшилъ покупку въ 3,797 случаяхъ (44,5%), обнимающихъ площадь 4,507 т. д. (48,1% заявленной) ***). Судьба остальныхъ сдѣлокъ (40,6%) оставалась еще не опредѣлившеюся. Сверхъ того банкомъ разрѣшено пріобрѣсти съ торговъ 126 имѣній съ 101 тыс. дес.,

*) Данныя по 1 апрѣля 1907 г. взяты изъ приложенія къ обзору, табл. XI и XXVII б, за слѣдующіе 5 мѣсяцевъ изъ матеріаловъ, полученныхъ мною изъ банка.

**) Обзоръ, стр. 84 и 85.

***) Обзоръ, прил., табл. XII, XIII и XXVII б, а за 5 послѣднихъ мѣсяцевъ — матеріалы банка.

а всего по 1 сентября 1907 года—3,923 имѣнія съ площадью въ 4,608 тыс. дес.

Въ дальнѣйшемъ—до 15 октября 1907 г.—число случаевъ разрѣшенія покупокъ увеличилось до 4,033, а площадь ихъ до 4,692 т. д. *), но за отсутствіемъ свѣдѣній о вновь поступившихъ заявленіяхъ, а также о числѣ разстроившихся сдѣлокъ и отказовъ банка, дальнѣйшій ходъ дѣятельности банка не можетъ быть выясненъ сколько-нибудь удовлетворительно.

Причины отклоненія банкомъ сдѣланныхъ ему предложеній о покупкѣ земель въ обзорѣ указаны (стр. 85) лишь въ общихъ чертахъ, но приложенныя къ обзору таблицы (XII, XIII и XXVII б) и дополнительныя свѣдѣнія, полученныя мною изъ банка, даютъ возможность болѣе точнаго отвѣта на вопросъ, чѣмъ руководствовался банкъ, отклоняя или разрѣшая покупки.

Оставляя въ сторонѣ тѣ мѣстности, гдѣ покупка банкомъ имѣній происходила какъ рѣдкое исключеніе, и ограничивая изслѣдованіе вопроса объ отношеніи банка къ сдѣланнымъ ему предложеніямъ тѣми 10 районами, гдѣ операціи банка по покупкѣ имѣній достигли сколько-нибудь значительнаго развитія, можно замѣтить, что районы эти дѣлятся довольно опредѣленно на двѣ группы. Въ одной изъ нихъ банкъ сравнительно охотно идетъ на покупку имѣній и рѣже прибѣгаетъ къ отказамъ. Въ эту группу входятъ районы: восточный, юго-восточный, центральный земледѣльческій, малороссійскій и новороссійскій. Напротивъ въ районахъ: бѣлорусскомъ, литовскомъ, юго-западномъ, центральномъ промышленномъ и пріозерномъ, банкъ рѣже даетъ разрѣшеніе на покупку имѣній и охотнѣе прибѣгаетъ къ отказамъ. Различіе между этими двумя группами районовъ наглядно видно изъ слѣдующей таблицы:

РАЙОНЫ:	Число случаевъ.				
	Заявленій.	Разрѣшеній.		Отказовъ.	
		Абсолютно.	Въ % къ числу заявлен.	Абсолютно.	Въ % къ числу заявлен.
Восточный	1,757	847	48,2	111	6
Юго-восточный. . . .	723	297	41	22	3
Центр. земледѣльч. .	1,311	532	41	86	7
Малороссійскій. . . .	1,100	671	61	83	7
Новороссійскій. . . .	1,030	527	51	101	10
Итого по 1-й группѣ.	5,921	2,874	48	403	7,5
Бѣлорусскій.	573	89	15	89	15
Литовскій.	416	126	30	55	13
Юго-западный	421	149	35	70	17
Центр. промышлен . .	1,432	338	24	357	25
Пріозерный	519	85	16	12	27
Итого по 2-й группѣ .	3,361	787	23	713	21

*) *Россія*, № 596. Неизвѣстно, заключаются ли въ этихъ цифрахъ имѣнія, пріобрѣтаемыя съ торговъ.

Отсюда ясно, что банкъ охотно шелъ на покупку земли въ земледѣльческомъ центрѣ, на востокѣ и югѣ, но обнаруживалъ менѣе склонности къ земельнымъ пріобрѣтеніямъ на западѣ и еще менѣе въ промышленныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ.

Отношеніе крестьянскаго банка къ предложеннымъ ему покупкамъ находилось въ зависимости также отъ размѣра предлагаемыхъ имѣній. Если распредѣлить всѣ имѣнія, какъ сдѣлано въ обзорѣ (стр. 81) на мелкія—до 200 дес., среднія—отъ 200 до 1,000 дес. и крупныя—свыше 1,000 дес., то въ числѣ предложенныхъ къ покупкѣ имѣній первыя составятъ—24,3%, вторыя—49,8% и третьи—25,9%; имѣнія же, которыя разрѣшено купить, распредѣляются на эти категоріи такъ: мелкія—17,2, среднія—53,5 и крупныя—26,2% *). Такимъ образомъ банкъ отдавалъ нѣкоторое предпочтеніе покупкѣ среднихъ и крупныхъ имѣній.

Въ обзорѣ (стр. 85) какъ причина отказа банка отъ покупки земель выставляется также, и даже на первомъ мѣстѣ, явно преувеличенная цѣна, заявленная продавцомъ. Слѣдуетъ однако признать, что эта причина отказовъ, проявляясь, вѣроятно, лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, на общіе результаты дѣятельности банка вліянія не оказала. Это ясно изъ слѣдующей таблицы, гдѣ сопоставлены среднія подесятинныя цѣны въ заявленіяхъ продавцовъ вообще (табл. X) и въ сдѣлкахъ разрѣшенныхъ (табл. XIII) и отклоненныхъ (табл. XII).

РАЙОНЫ:	Среднія подесятинныя цѣны въ рубляхъ.		
	Въ заявленіяхъ вообще.	Въ сдѣлкахъ разрѣшенныхъ.	Въ сдѣлкахъ отклоненныхъ.
Восточный.	122	113	88
Юго-восточный. . . .	92	99	99
Новороссійскій. . . .	201	204	170
Центр. земледѣльч. .	173	182	127
Малороссійскій. . . .	231	230	190
Литовскій.	112	126	83
Бѣлорусскій.	79	85	91
Юго-западный. . . .	172	203	132
Центр. промышл. . .	104	120	81
Пріозерный	81	108	67

Въ этой таблицѣ не только нельзя подмѣтить особой умѣренности цѣнъ, заявленныхъ продавцами по сдѣлкамъ, на которыя послѣдовало разрѣшеніе банка, и преувеличенности цѣнъ по сдѣлкамъ отклоненнымъ, но напротивъ, замѣчается прямо обратное: цѣны земли—наиболѣе низки по отклоненнымъ сдѣлкамъ и наиболѣе высоки въ сдѣлкахъ разрѣшенныхъ.

По даннымъ за 8 мѣсяцевъ 1907 г. то же явленіе обнаруживается еще рельефнѣе: по всѣмъ десяти районамъ цѣны земель, заявленныя продавцами, оказываются выше по сдѣлкамъ, закончившимся разрѣшеніемъ

*) Обзоръ, стр. 93. Эти данныя относятся ко времени до 1 января 1907 г.

банка на покупку имѣнія, чѣмъ по сдѣлкамъ отклоненнымъ. Такъ, напримѣръ, въ восточномъ районѣ цѣна по сдѣлкамъ разрѣшеннымъ достигаетъ 127 р., а по отклоненнымъ равняется 80 руб., юго-восточному—91 и 58 руб., новороссійскому—210 и 160 руб., юго-западному—213 и 104 р. и т. д. Въ этомъ явленіи нельзя видѣть, впрочемъ, какой-либо неправильности въ дѣйствіяхъ банка. Какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, крестьянскій банкъ, разрѣшая покупку имѣнія, вовсе не стѣснялся цѣною продавца и назначалъ свою, бо́льшею частью гораздо болѣе низкую; неуступчивость продавца могла оказать вліяніе на дальнѣйшую судьбу сдѣлки, приводя къ ея разстройству, несмотря на послѣдовавшее разрѣшеніе банка; но первоначальное требованіе продавца само по себѣ еще не давало банку повода къ отказу отъ покупки имѣнія. Съ другой стороны, покупая имѣнія для извѣстныхъ цѣлей, банкъ не имѣлъ основанія соблазняться цѣною въ случаяхъ, когда предлагаемое имѣніе этимъ цѣлямъ служить не могло. Однако позволительно думать, что дешевизна продаваемыхъ земель все же располагала банкъ къ ихъ покупкѣ. Поэтому изъ факта отклоненія банкомъ наиболѣе дешевыхъ покупокъ можно заключить, что землевладѣльцы во многихъ случаяхъ старались сбыть банку земли или очень плохія, или совершенно ему непригодныя. Въ этомъ обстоятельствѣ можно, между прочимъ, видѣть одну изъ причинъ сравнительно слабаго развитія покупокъ банка въ лѣсистыхъ и болотистыхъ районахъ европейской Россіи—на западѣ, сѣверѣ и промышленной области.

Обращаясь къ болѣе подробному изслѣдованію вопроса о покупныхъ цѣнахъ земель по сдѣлкамъ, разрѣшеннымъ банкомъ, слѣдуетъ прежде всего остановиться на сопоставленіи первоначальныхъ требованій продавцовъ съ цѣнами, предложенными банкомъ. Онѣ расходятся между собою довольно существенно: средняя подесятинная цѣна, назначенная продавцами, опредѣлилась на 1 января 1907 г. въ 152 р., а средняя, предложенная по тѣмъ же сдѣлкамъ банкомъ—въ 117 р., достигая всего 76% цѣны продавцовъ *).

По соотношенію между требованіями продавцовъ и предложеніями банка 10 упомянутыхъ выше районовъ сравнительно широкаго развитія операцій банка можно раздѣлить на тѣ же двѣ группы, какія установлены выше. Въ 1-й группѣ оцѣнки банка ближе подходятъ къ требованіямъ продавцовъ, колеблясь въ предѣлахъ отъ 74 (новороссійскій районъ), до 84% (восточный). Напротивъ, въ районахъ 2-й группы эта разница значительнѣе: оцѣнка банка здѣсь равняется отъ 67% (литовскій р.), до 74% (юго-западный р.) требованій продавцовъ. Такимъ образомъ, менѣе охотно [illegible] купая земли въ районахъ 2-й группы, банкъ и цѣнитъ эти земли ни[illegible] Въ 1907 году отношеніе между цѣною, заявленною продавцами и на[illegible]

*) Обзоръ, стр. 92—93. На стр. 91 средняя, предложенная банкомъ, цѣна по[illegible]зана въ 115 р. и 76% цѣны продавцовъ. Эти цифры относятся однако до всѣ[illegible] сдѣлокъ, разрѣшенныхъ банкомъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, по которымъ продавцы [illegible]ихъ цѣнъ не показали.

ченною банкомъ, сильно уменьшается: въ районахъ 1-й группы оно колеблется отъ 69% (юго-восточный и малороссійскій) до 82% (централ. земледѣльческій); въ районахъ 2-й группы—отъ 58 (пріозерный и бѣлорусскій) до 70% (юго-западный). Но въ общемъ группировка районовъ остается прежнею, кромѣ юго-западнаго района, который подходитъ ближе къ 1-й группѣ.

Степень соотвѣтствія оцѣнки банка съ требованіями продавцовъ, конечно, должна бы вліять на послѣдующую судьбу сдѣлокъ, т.-е. на согласіе продавца или на отказъ его отъ продажи имѣнія банку. Но это вліяніе трудно уловить по общимъ итогамъ дѣятельности банка. Вообще по 10 районамъ на 3,663 разрѣшенія приходится 2,099 случаевъ согласія продавцовъ (57%) и 1,042 отказа (28%); судьба остальныхъ 15% разрѣшенныхъ сдѣлокъ оставалась на 1 сентября 1907 г. еще не опредѣлившеюся. По отдѣльнымъ районамъ эти отношенія сильно мѣняются, причемъ установить связь ихъ съ соотношеніемъ между заявленною продавцами цѣною и оцѣнкою банка не всегда возможно. Это видно изъ слѣдующей таблицы *):

Районы:	%-ное отношеніе къ числу разрѣшеній.		
	Оцѣнки банка въ %-хъ къ требован. продавцовъ.	Числа отказовъ продавцовъ.	Числа согласій банка съ продавцами.
Централ. земледѣльч.	81	26	62
Восточный	79	17	73
Новороссійскій	75	47	35
Юго-восточный	75	17	63
Малороссійскій.	74	36	49
Юго-западный	73	38	44
Централ. промышленный	70	26	63
Пріозерный	67	18	82
Литовскій.	66	36	44
Бѣлорусскій	64	22	46

Бѣглаго взгляда на эту таблицу достаточно, чтобы видѣть, что цифры второго и третьяго столбцовъ располагаются далеко не соотвѣтственно цифрамъ перваго. Пока остается открытымъ вопросъ о судьбѣ значительнаго количества разрѣшенныхъ банкомъ сдѣлокъ, опредѣленныя заключенія трудны. Но возможно тѣмъ не менѣе отмѣтить, что въ восточномъ, юго-восточномъ и пріозерномъ районахъ продавцы земель особенно охотно

*) Таблица составлена на основаніи данныхъ, заключающихся въ приложенныхъ въ обзорѣ таблицахъ XIII—XV и XXVII б.

идутъ на предложенія банка; напротивъ, въ малороссійскомъ, новороссійскомъ и юго-западномъ районахъ продавцы считаютъ условія банка для себя неудобоприемлемыми. Нельзя не замѣтить также, что низкая оцѣнка банка земель бѣлорусскаго района не оказываетъ особаго препятствія къ переходу частновладѣльческихъ имѣній къ банку.

Необходимо однако оговориться, что если цѣны, заявленныя продавцами одинаково расходятся съ банковскими оцѣнками какъ по сдѣлкамъ разстроившимся, такъ и состоявшимся, то сами банковскія оцѣнки оказываются абсолютно болѣе высокими въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло доходитъ до соглашенія между банкомъ и продавцомъ. Это ясно изъ слѣдующаго сопоставленія по даннымъ обзора до 1 января 1907 г.

РАЙОНЫ:	Средняя банковская оцѣнка 1 дес. въ рубляхъ. По всѣмъ разрѣшеннымъ сдѣлкамъ.	По сдѣлкамъ состоявшимся.
Восточный	95	103
Юго-восточный. . . .	76	77 *)
Централ. земледѣльч. .	144	143
Малороссійскій	180	186
Новороссійскій.	151	158
Юго-западный.	143	164
Литовскій.	85	91
Бѣлорусскій.	53	54
Центр. промышл. . . .	87	96
Пріозерный.	75	91

По отдѣльнымъ губерніямъ различіе проявляется еще болѣе рѣзко.

Сдѣлки, по которымъ состоялось соглашеніе между банкомъ и продавцами, могутъ считаться опредѣляющими размѣры операцій банка по скупкѣ частновладѣльческихъ земель. Изъ данныхъ обзора и полученныхъ мною изъ банка свѣдѣній видно, что самая покупка земель банкомъ сильно отстаетъ отъ соглашеній. Такъ на 1 сентября согласіе продавцовъ было получено по 2,192 имѣніямъ съ площадью въ 3.044,372 дес., тогда какъ купчія крѣпости были совершены только на 1,614 имѣній съ площадью въ 2.356,982 дес. Замедленіе это вызывается исполненіемъ необходимыхъ формальностей по переукрѣпленію правъ на имѣнія. Затѣмъ, хотя и возможны случаи, когда сдѣлка разстраивается уже послѣ выраженнаго на нее согласія обѣихъ сторонъ, но, надо думать, число такихъ случаевъ не велико. Поэтому, изслѣдуя покупныя цѣны на земли, пріобрѣтаемыя банкомъ, возможно принять въ расчетъ всѣ случаи, когда между банкомъ и продавцомъ состоялось соглашеніе. Это представлялось бы желательнымъ еще и потому, что, оперируя съ болѣе крупными цифрами, легче устранить элементъ случайности и ошибочныя заключенія.

*) Въ табл. XIV стоитъ цифра 62 руб., но она получается, если включить въ районъ Астраханскую губ. съ 1 крупнымъ имѣніемъ, не показаннымъ въ табл. XII въ числѣ сдѣлокъ разрѣшенныхъ.

Подробное сличеніе, дѣлаемое обзоромъ (стр. 156—169), цѣнъ, уплачиваемыхъ банкомъ за земли въ настоящее время, съ цѣнами покупокъ банка за предшествующее пятилѣтіе, не имѣетъ особаго интереса: количество земель, купленныхъ банкомъ въ прежнее время, было слишкомъ недостаточно, а распредѣленіе ихъ за отдѣльные годы по губерніямъ и районамъ слишкомъ разнообразно, чтобы дать матеріалъ для сравненія съ новѣйшими данными. Гораздо болѣе значенія имѣетъ сопоставленіе банковскихъ оцѣнокъ покупаемыхъ имъ земель въ теченіе новѣйшаго періода дѣятельности банка, за 1906 г. (съ послѣдними двумя мѣсяцами 1905 г.), съ одной стороны, и за 1907 г.—съ другой. Выяснивъ предварительно вопросъ, повышаются ли платимыя банкомъ цѣны на землю по мѣрѣ развитія скупки имъ частновладѣльческихъ имѣній, можно будетъ затѣмъ обратиться къ сличенію современныхъ оцѣнокъ банка съ прежними и современными цѣнами крестьянскихъ покупокъ непосредственно у помѣщиковъ при помощи ссудъ изъ банка.

Сопоставленіе цѣнъ 1906 и 1907 гг. можетъ быть болѣе или менѣе правильно только по тѣмъ губерніямъ, въ которыхъ покупки банка достигли за оба года достаточно широкаго развитія, гдѣ, напр., въ теченіе каждаго года куплено не менѣе 10 имѣній и 10 тыс. дес. земли. Сопоставленіе это приведено въ слѣдующей таблицѣ.

Губерніи.	Цѣны, платимыя банкомъ въ руб. на 1 дес. Въ 1906 г.	Въ 1907 г.	Цѣна 1907 г. болѣе (+) или менѣе (—) цѣны 1906 г.
Псковская	92	85½	— 6½
Калужская	99	97	— 2
Нижегородская. . . .	97	79	—18
Смоленская	105	92	—13
Воронежская	130	144	+14
Курская	188	168	+20
Орловская	126	176	+50
Рязанская	137	136	— 1
Тамбовская	164	148	—16
Тульская	140	139	— 1
Полтавская	200	206	+ 6
Харьковская	169	160	— 9
Черниговская	170	133½	—36½
Подольская	221	209	—12
Бессарабская	190	218	+28
Донская	114	123	+ 9
Казанская	66	89	+23
Пензенская	122	122	—
Саратовская.	104	111	+ 7
Симбирская.	106	88	—18
Уфимская	49	56	+ 7
Самарская	81	78	— 3

Изъ таблицы явствуетъ, что въ одной губерніи цѣны 1906 и 1907 гг. стоятъ на одномъ уровнѣ, въ девяти повысились въ 1907 г. и въ 12 понизились. Результатъ—довольно неопредѣленный, но, повидимому, свидѣтельствующій о томъ, что существенныхъ измѣненій въ оцѣнкахъ банка не произошло. Такой же выводъ получается, если сопоставить цѣны по цѣлымъ районамъ, т.-е. сдѣлать сравненіе въ болѣе грубомъ видѣ, но за то въ болѣе широкомъ масштабѣ.

Районы.	Цѣны, платимыя банкомъ за 1 дес. въ руб. Въ 1906 г.	Въ 1907 г.	Цѣны 1907 г. выше (+ или ниже (—) цѣны 1906 г.
Пріозерный	92	84	— 8
Литовскій	91	82	— 9
Бѣлорусскій.	54	61	+ 7
Центр. промышл. . .	96	80	—16
Центр. земледѣл. . .	143	153	+10
Малороссійск.	186	164	—22
Юго-западный. . . .	164	171	+ 7
Новороссійскій . . .	158	163	+ 5
Восточный	103	95	— 8
Юго-восточный . . .	77	75	— 2

Результатъ сравненія снова не вполнѣ опредѣленный: въ четырехъ районахъ замѣчается повышеніе цѣнъ, въ шести—пониженіе.

Наконецъ, сравнивая средніе цѣны за 1906 и 1907 гг. по всей Имперіи, мы видимъ нѣкоторое пониженіе въ 1907 г.: за 1906 г. средняя цѣна земли по сдѣлкамъ, закончившимся соглашеніемъ банка съ продавцами, опредѣляется въ 109 руб. за дес., за 1907 г.—106 руб. *).

На основаніи всѣхъ приведенныхъ данныхъ можно придти къ заключенію, что въ 1907 г. повышенія цѣнъ, уплачиваемыхъ банкомъ за купленныя имъ имѣнія не послѣдовало; скорѣе замѣчается напротивъ нѣкоторое ихъ пониженіе.

Крестьянскій банкъ такимъ образомъ съ успѣхомъ борется противъ того роста цѣнъ, которое должно бы явиться слѣдствіемъ его же собственнаго спроса на землю. Что въ данномъ случаѣ между банкомъ и продавцами земли происходитъ борьба и весьма серьезная, доказывается рядомъ данныхъ, уже указанныхъ въ этой статьѣ. Не встрѣчая со стороны банка благопріятнаго отвѣта на ихъ требованія повысить цѣны, продавцы земель, во-первыхъ, сокращаютъ предложеніе банку земель: до 1 января 1907 г. помѣсячное предложеніе выражалось цифрами—544 имѣній и 625 тыс. дес. земли; за 8 мѣсяцевъ 1907 г.—309 имѣній и 270 тыс. десятинъ. По мѣрѣ развитія операціи покупки банкомъ земель увеличивается далѣе число сдѣлокъ, разстроившихся до разсмотрѣнія ихъ въ совѣтѣ банка:

*) При всѣхъ приведенныхъ въ текстѣ сопоставленіяхъ принимались за 1906 г. данныя табл. XIV, а за 1907 г.—свѣдѣнія за первые 8 мѣсяцевъ 1907 г., полученныя мною отъ банка.

до 1 января 1907 г. на 7,617 заявленій приходилось 807 разстроившихся сдѣлокъ, или 11%, на 1 мая 1907 г.—8,614 заявленій и 1,100, или 13%, разстроившихся сдѣлокъ, наконецъ на 1 сентября число заявленій возрастаетъ до 10,092, а разстроившихся сдѣлокъ—до 1,566, или 15½% числа заявленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ число случаевъ отказа отъ совершенія сдѣлокъ какъ со стороны банка, такъ въ особенности со стороны продавцовъ: до 1 января 1906 г. банкъ отклонилъ покупку имѣній въ 638 случаяхъ, или въ 9% разсмотрѣнныхъ имъ предложеній (6,810); на 1 мая 1907 г. % отказовъ банка повышается до 11% (843 на 7,514), а на 1 сентября—до 14,9 (1,261 отказа на 8,526 разсмотрѣнныхъ предложеній). Еще болѣе характерны цифры, опредѣляющія отношеніе продавцовъ къ предлагаемымъ имъ банкомъ условіямъ.

Сроки.	Число случаевъ. Разрѣшенія покупокъ.	Согласія продавцовъ. Абсолютн.	Въ % къ числу разрѣш.	Отказа продавцовъ. Абсолютн.	Въ % къ числу разрѣш.
До 1 янв. 1907 г.	2,311	1,174	51	314	14
» 1 мая »	2,911	1,572	53	510	17
» 1 сентяб. »	3,797	2,153	57	1,066	28

Изъ таблицы видно, что по мѣрѣ хода дѣла число случаевъ состоявшагося соглашенія возрастаетъ очень медленно, повысившись за 8 мѣсяцевъ съ 51 до 57% общаго числа разрѣшенныхъ банкомъ покупокъ. Напротивъ, число отказовъ продавцовъ возрастаетъ за это время съ 14 до 28% или вдвое. Эти данныя находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ приведенными выше свѣдѣніями о соотношеніи между денежными требованіями продавцовъ и предложеніями банка: съ теченіемъ времени тѣ и другія все болѣе и болѣе расходятся.

Изложенное не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что успѣхъ банка въ борьбѣ противъ повышенія цѣнъ достигается цѣною сокращенія объема намѣчавшейся ходомъ вещей операціи банка по скупкѣ частновладѣльческихъ земель. Если банкъ не измѣнитъ своего отношенія къ вопросу объ оцѣнкѣ покупаемыхъ имъ земель, то эта покупка должна, повидимому, въ скоромъ будущемъ придти къ концу. Нельзя тутъ не припомнить кстати довольно распространеннаго въ обществѣ мнѣнія, что банку легко сбыть плохія и посредственныя земли, но хорошія, по общему правилу, ему не достаются изъ-за разногласія съ продавцами относительно цѣны.

Произведенное сравненіе цѣнъ, которыя банкъ платилъ за покупаемыя имъ земли въ 1906 и 1907 гг., свидѣтельствуя объ ихъ малой измѣняемости, даетъ возможность сравнивать эти цѣны за весь періодъ новѣйшей дѣятельности банка съ цѣнами крестьянскихъ покупокъ прежняго (1901—1905 гг.) и новаго (1906 г.) времени. Сравненіе это по губерніямъ, гдѣ покупка земель банкомъ развилась до 1 сентября 1907 г. до значительныхъ размѣровъ (не менѣе 10 имѣній и 10 т. дес.), представлено въ нижеслѣдующей таблицѣ.

Губерніи.	Средняя цѣна на 1 дес. въ руб.			Цѣна банка выше (+) или ниже (—) цѣнъ крестьянскихъ покупокъ.	
	Въ крестьянскихъ покупкахъ.		Въ банковск. покупкахъ.		
	1901—1905 гг.	1906 г. *).	1906—1907 гг.	1901—1905 гг.	1906 г.
Псковская . . .	96	107	90	— 6	—17
Гродненская . .	90	111	92	+ 2	—19
Ковенская . . .	75	(78)	82	+ 7	+ 4
Витебская . . .	92	(100)	51	—41	—49
Минская. . . .	56	67	59	+ 3	— 8
Могилевская . .	60	108	75	+15	—33
Владимірская . .	69	78	73	+ 4	— 5
Калужская. . .	82	91	98	+16	+ 7
Нижегородская .	80	97	84	+ 4	—13
Смоленская . .	95	103	97	+ 2	— 6
Тверская . . .	85	100	92	+ 7	— 8
Воронежская . .	121	158	133	+12	—25
Курская	175	(191)	173	— 2	—18
Орловская . . .	155	175	120	—35	—55
Рязанская . . .	126	153	137	+11	—16
Тамбовская . .	136	168	158	+22	—10
Тульская . . .	127	138	139	+12	+ 6
Полтавская . .	208	208	202	— 6	— 6
Харьковская . .	158	201	178	+20	—23
Черниговская. .	139	188	152	+13	—36
Волынская. . .	124	141	94	—30	—48
Кіевская . . .	167	212	147	—20	—65
Подольская . .	188	246	215	+27	—31
Бессарабская .	170	(280)	199	+29	—81
Донская. . . .	104	154	116	+12	—38
Екатеринославск.	157	167	140	—17	—27
Таврическая . .	169	(197)	156	—13	—41
Херсонская . .	168	212	177	+ 8	—35
Казанская . . .	76	93	72	— 4	—21
Пензенская . .	72	119	122	+50	+ 3
Саратовская . .	96	116	106	+10	—10
Симбирская . .	90	109	97	+ 7	—12
Уфимская . . .	37	63	54	+17	— 7
Оренбургская .	37	40	26	—11	—14
Самарская . . .	69	89	80	+11	— 9

Разсмотрѣніе этой таблицы показываетъ, что изъ 35 включенныхъ въ нее губерній въ 11 цѣна покупокъ банка оказалась ниже среднихъ цѣнъ по посредническимъ сдѣлкамъ 1901—1905 гг., а въ 24 губерніяхъ цѣны современныхъ покупокъ банка превысили среднія за предшествующее пяти-

*) Въ скобкахъ показаны цифры, выведенныя изъ недостаточныхъ данныхъ.

лѣтіе. Сравненіе цѣнъ, по которымъ совершались покупки банка за 1906—1907 гг., съ цѣнами крестьянскихъ покупокъ 1906 года даетъ иной результатъ: въ 31 губерніи покупки банка происходили по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ посредническія сдѣлки, и только въ 4-хъ губерніяхъ крестьянскія покупки были совершены по цѣнѣ болѣе дешевой, чѣмъ покупки банка.

Тотъ же приблизительно результатъ получается, если произвести сравненіе цѣнъ по районамъ.

Районы.	Средняя цѣна 1 дес. въ рубл. по сдѣлкамъ: Крестьянъ.		Банка.	Цѣна банка выше (+) или ниже (−) цѣнъ крестьянскихъ покупокъ.	
	1901—1905 гг.	1906 г.	1906—1907 гг.	1901—1905 гг.	1906 г.
Пріозерный . .	64	84	89	+25	+ 5
Литовскій . . .	87	98	89	+ 2	— 9
Бѣлорусскій . .	72	87	56	—16	—31
Центр. промыш.	80	86	86	+ 6	—
Центр. земледѣл.	140	164	140	—	—24
Малороссійскій .	166	199	177	+11	—22
Юго-западный .	161	200	168	+ 7	—32
Новороссійскій .	139	174	157	+18	—17
Восточный . .	66	92	101	+35	+ 9
Юго-восточный .	50	69	76	+26	+ 7

Изъ таблицы оказывается, что цѣны, по которымъ банкъ покупаетъ земли по общему правилу (въ 8 районахъ изъ 10), выше среднихъ цѣнъ пятилѣтія 1901 – 1905 гг. и въ одномъ равны имъ. Рѣзкимъ исключеніемъ является бѣлорусскій районъ, но и это исключеніе находитъ себѣ объясненіе въ покупкѣ банкомъ по дешевой цѣнѣ (46 р. за дес.) одного очень крупнаго имѣнія (61,679 дес.) въ Витебской губ. *).

За послѣднее время цѣны, платимыя банкомъ, оказываются ниже цѣнъ крестьянскихъ покупокъ въ 6 районахъ, въ одномъ равны имъ и выше ихъ въ трехъ. Однако въ этихъ послѣднихъ районахъ большая высота цѣны, уплачиваемой банкомъ, сравнительно съ цѣнами, платимыми крестьянами, объясняется неодинаковымъ размѣщеніемъ банковскихъ и крестьянскихъ покупокъ по губерніямъ. Такъ, въ пріозерномъ районѣ банковскія покупки сосредоточились почти въ одной Псковской губ., гдѣ цѣна земли выше, чѣмъ въ двухъ другихъ губерніяхъ того же района—Новгородской и С.-Петербургской. Въ восточномъ районѣ банкъ пріобрѣталъ земли главнымъ образомъ въ Саратовской, Пензенской и Симбирской губерніяхъ, а крестьяне—въ Уфимской, гдѣ цѣна земли гораздо ниже, чѣмъ въ трехъ первыхъ. Наконецъ, въ юго-восточномъ районѣ банковскія покупки приходятся главнымъ образомъ на Самарскую губ., а крестьянскія—на Оренбургскую, цѣны же въ первой вдвое выше, чѣмъ во второй.

*) См. допол. табл. III, стр. 113.

Изъ сказаннаго, повидимому, вытекаетъ, что хотя цѣна земель по покупкамъ банка и превышаетъ цѣны крестьянскихъ покупокъ предшествующаго пятилѣтія, но въ значительно меньшей мѣрѣ, чѣмъ новѣйшія цѣны по посредническимъ сдѣлкамъ. Иначе говоря, банкъ покупаетъ земли нѣсколько дешевле крестьянъ. Однако обзоръ опровергаетъ такое довольно благопріятное для дѣятельности банка заключеніе. Распредѣляя имѣнія, купленныя при посредствѣ банка и за счетъ банка, на группы по размѣрамъ, обзоръ (стр. 182—184) указываетъ, что по бо́льшей части группъ земля доставалась банку дороже, чѣмъ крестьянамъ. Дешевле крестьянъ банкъ пріобрѣталъ земли лишь въ слѣдующихъ группахъ:

Размѣръ покупокъ.	Цѣна 1 дес. въ руб. при покупкахъ Банка.	Крестьянъ.
До 30 дес.	115	149
Отъ 2,000— 5,000 дес.	115	137
» 5,000—10,000 »	111	199

Но покупки крестьянами участковъ указанныхъ размѣровъ относятся всего до 15% всей купленной ими площади (группа отъ 5,000 до 10,000 дес. состоитъ всего изъ одного случая покупки), а потому не имѣютъ рѣшающаго вліянія на средній размѣръ подесятинной цѣны въ крестьянскихъ покупкахъ. Напротивъ, по остальнымъ группамъ крестьяне платили дешевле банка.

Размѣръ покупокъ.	Цѣна 1 дес. въ руб. при покупкахъ. Банка.	Крестьянъ.
Отъ 30—50 дес. . . .	161	144
» 50—100 дес. . .	172	132
» 100—200 дес. . .	159	135
» 200—500 дес. . .	148	123
» 500—1,000 дес. .	131	112
» 1,000—2,000 дес.	125	95
Свыше 10,000 дес. . .	87	—

Разница въ пользу крестьянскихъ покупокъ по большей части группъ довольно существенная. Только низкая цѣна самыхъ крупныхъ имѣній, пріобрѣтенныхъ банкомъ (каковыхъ крестьяне не покупаютъ) и составляющихъ 23,8% всѣхъ пріобрѣтеній банка, понижаютъ среднюю цѣну покупокъ банка. Если же изъ покупокъ банка исключить эту группу, то средняя цѣна опредѣлится въ 123 руб. за дес., и такимъ образомъ въ окончательномъ результатѣ получится, что банкъ платитъ столько же, сколько крестьяне (124 р.)

Это заключеніе обзора, конечно, содержитъ въ себѣ самое рѣшительное осужденіе дѣятельности крестьянскаго банка. Оказывается, что крестьяне, входя въ непосредственныя соглашенія съ помѣщиками, получаютъ землю еще сравнительно дешево; банкъ же, явившись крупнѣйшимъ покупателемъ на земельномъ рынкѣ, поднимаетъ цѣну противъ покупателей изъ

крестьянъ, которымъ ему придется впослѣдствіи перепродавать купленныя имѣнія; и только пріобрѣтеніе банкомъ исключительно крупныхъ имѣній, которыхъ крестьяне или вовсе не покупаютъ, или покупаютъ рѣдко, даетъ возможность банку показать среднюю цѣну своихъ пріобрѣтеній не дороже крестьянскихъ покупокъ. Очевидно, что если бы дѣло обстояло такъ, то покупка земель банкомъ могла бы имѣть оправданіе, съ точки зрѣнія интересовъ крестьянъ, развѣ въ исключительныхъ случаяхъ—при покупкахъ наиболѣе крупныхъ латифундій; скупка же банкомъ мелкихъ и среднихъ имѣній не имѣла бы ни малѣйшаго оправданія.

Убійственное для банка заключеніе обзора весьма мало смягчается указаніемъ на наличность въ имѣніяхъ банка прибавочныхъ цѣнностей: такихъ цѣнностей, если не считать лѣса, имѣется въ покупкахъ банка всего на 2,5% цѣны ихъ; лѣсъ же, съ которымъ прибавочныя цѣнности достигаютъ 9% цѣны банковскихъ имѣній, имѣется, конечно, и во многихъ имѣніяхъ, купленныхъ крестьянами непосредственно. Притомъ самое причисленіе лѣса къ прибавочнымъ цѣнностямъ представляется спорнымъ, такъ какъ во многихъ случаяхъ земля подъ лѣсомъ сама по себѣ не стоитъ ничего или очень мало.

Болѣе тщательная разработка данныхъ, содержащихся въ III дополнительной таблицѣ къ обзору, приводитъ однако къ заключенію, что обзоръ осудилъ дѣятельность банка слишкомъ рѣшительно. Выводы обзора основаны на итоговыхъ данныхъ, относящихся до всей Имперіи. Обзоръ упустилъ изъ виду неоднократно отмѣчаемое имъ самимъ неодинаковое размѣщеніе по мѣстностямъ банковскихъ и крестьянскихъ покупокъ; разница же въ этомъ размѣщеніи настолько существенна, что выводы по итогамъ совершенно не отвѣчаютъ выводамъ по каждой мѣстности въ отдѣльности. Даже дѣлая группировку по районамъ, нельзя произвести правильнаго сравненія цѣны банковскихъ и крестьянскихъ покупокъ разныхъ размѣровъ. Такъ, наприм., изъ дополнительной III таблицы къ обзору банка видно, что въ юго-восточномъ районѣ, состоящемъ изъ Самарской и Оренбургской губ., крестьяне платили дешевле банка за имѣнія всѣхъ группъ, кромѣ одной группы отъ 100 до 200 дес. Если же произвести сличеніе по каждой изъ двухъ губерній района отдѣльно, то окажется, что въ Оренбургской губ. крестьяне платили за имѣнія всѣхъ размѣровъ дороже банка, а въ Самарской изъ пяти группъ, гдѣ банковскія покупки встрѣчаются съ крестьянскими, только въ одной группѣ (отъ 2,000 до 5,000 дес.) крестьяне платили дешевле банка, а въ остальныхъ четырехъ дороже. Такимъ образомъ итоги по району даютъ выводъ, прямо противоположный тому, какой слѣдуетъ изъ погубернскихъ данныхъ. Причина понятна: банковскія покупки сосредоточились въ Самарской губ., гдѣ земля вдвое дороже, чѣмъ въ Оренбургской, а крестьянскія—въ этой послѣдней.

Просмотрѣвъ данныя III дополнительной таблицы по 41 губерніи, входящихъ въ составъ 10 районовъ широкой дѣятельности банка, я нашелъ, что въ 8 губерніяхъ покупки банкомъ и крестьянами вмѣстѣ имѣній одной

и той же группы вовсе не встрѣчаются. Изъ остальныхъ 33 губерній только въ 7 (Калужской, Кіевской, Волынской, Минской, Могилевской, Пензенской и Тульской) въ большей части группъ крестьянскія покупки дешевле банковскихъ, а въ 26-ти губерніяхъ наоборотъ въ преобладающемъ числѣ группъ крестьяне платили дороже банка. Вообще изъ 113 случаевъ, когда размѣры покупокъ банка и крестьянъ совпадаютъ, въ 71 случаѣ банкъ платилъ дешевле крестьянъ и только въ 42 случаяхъ дороже.

Итакъ, вопреки мнѣнію, выраженному въ обзорѣ, сопоставленіе крестьянскихъ и банковскихъ покупокъ по размѣрамъ купленныхъ имѣній приводитъ къ заключенію, что цѣны, платимыя банкомъ, нѣсколько умѣреннѣе, чѣмъ крестьянами. Конечно, и это заключеніе не даетъ основанія къ признанію дѣятельности банка особенно плодотворною. Для того, чтобы серьезно помочь крестьянскому малоземелью, банкъ долженъ былъ бы платить за землю значительно дешевле крестьянъ. Та небольшая разница въ цѣнѣ въ пользу банка, какая замѣчается въ дѣйствительности, еще не обезпечиваетъ возможности для банка продать впослѣдствіи землю крестьянамъ дешевле, чѣмъ они могли бы купить непосредственно у помѣщиковъ. Прибавляя къ уплаченной цѣнѣ свои расходы и причитающійся, но невыручennый, доходъ на затраченный капиталъ, банкъ во многихъ случаяхъ окажется вынужденнымъ продавать свои земли не дешевле помѣщиковъ. Конечно, банкъ можетъ продавать землю и въ убытокъ, но тогда ему потребуются крупныя пособія отъ казны. Разсчитывать на это нельзя. Общеизвѣстно, что проявленная истекшимъ лѣтомъ забота о скорѣйшей ликвидаціи скоплennаго банкомъ земельнаго фонда вызывалась главнымъ образомъ финансовыми соображеніями—малою доходностью имѣній въ рукахъ банка и проистекающими отсюда убытками. Если не признается возможнымъ терять проценты на капиталъ, то какъ же согласиться на потерю самаго капитала?

По интереснѣйшимъ вопросамъ объ использованіи банкомъ накопленнаго имъ фонда, какъ временномъ, такъ и постоянномъ, обзоръ не даетъ сколько-нибудь полнаго матеріала. Указывая способы эксплуатаціи имѣній, обзоръ не даетъ финансовыхъ ея результатовъ. Что же касается ликвидаціи фонда, то за періодъ, къ которому относится обзоръ и мои дополнительныя свѣдѣнія, она находилась еще въ зачаткѣ. Лѣтомъ текущаго года со стороны банка были приняты рѣшительныя мѣры къ скорѣйшей ликвидаціи фонда, но результаты этихъ мѣръ по 1 сентября еще не выяснились. Насколько мало опредѣлился вопросъ о ликвидаціи фонда, видно изъ слѣдующей таблицы, гдѣ его размѣры на 1 сентября сопоставлены съ требованіями, заявленными крестьянами въ теченіе 8 мѣсяцевъ 1907 г., и съ ссудами, выданными на покупку земель у банка.

Районы.	Земельный фондъ на 1 января 1907 г.	За 8 мѣсяц. 1907 г. продавцы согласились продать.	Итого на 1 сент. земельнаго фонда *).	Пріобрѣтается крестьянами въ десят. Заявлено требованій.	Продано **).
	Десятинъ.				
Пріозерный . . .	34,536	36,466	71,002	907	160
Литовскій	32,146	14,929	47,075	1,163	214
Бѣлорусскій . . .	138,034	71,701	209,735	6,983	1,410
Центр. промышл. .	52,223	114,963	167,186	19,718	4,406
Центр. земледѣл. . .	173,196	166,333	339,529	50,087	8,752
Малороссійск. . .	103,859	88,192	192,051	10,903	1,971
Юго-западный . .	32,506	45,337	77,842	1,377	2,901
Новороссійскій . .	159,872	85,055	244,927	10,159	11,148
Восточный . . .	468,361	375,536	843,897	62,515	26,966
Юго-восточный ***)	210,716	146,268	356,984	62,517	13,811
По Имперіи . . .	1.463,247	1.229,708	2.692,955	234,812	75,396

Изъ этой таблицы видно, что крестьянами до 1 сентября 1907 года заявлено желаніе о пріобрѣтеніи лишь весьма незначительной части накопленнаго крестьянскимъ банкомъ земельнаго запаса. Въ среднемъ выводѣ по Имперіи имѣется требованій менѣе, чѣмъ на десятую часть этого запаса (8,8%); ни въ одномъ районѣ не опредѣлилось требованіе даже на 20% запаса. Что же касается до количества проданной банкомъ земли, то оно на 1 сентября было совершенно ничтожно (менѣе 3%). Дѣлать какія-либо заключенія на основаніи этихъ данныхъ было бы преждевременно ****).

Н. Кутлеръ.

---

*) Этотъ итогъ неточенъ, такъ какъ нѣкоторыя сдѣлки могутъ разстроиться послѣ заявленія продавцами согласія на условія банка.

**) Часть этихъ продажъ сдѣлана въ удовлетвореніе требованій прошлаго 1906 г.

***) Безъ Астраханской губ.

****) Эта статья была уже сдана въ наборъ, когда я получилъ дополнительныя свѣдѣнія о скопленномъ крестьянскимъ банкомъ по 1 октября 1907 г. земельномъ фондѣ (около 3.303 тыс. дес. вмѣстѣ съ удѣльными землями, которыхъ сдано банку 594 т. дес.) и о ходѣ ликвидаціи его: совѣтомъ банка по 1 октября, а временными его отдѣленіями—по 22 октября. Ликвидація фонда сильно подвинулась впередъ, но тѣмъ не менѣе продолжаетъ далеко отставать отъ накопленія фонда: продано и запродано банкомъ всего 479,163 дес., или около 15% фонда.

Весенній вѣтеръ.

. . . . . .
И осѣдаетъ онѣмѣлый,
Усталый, талый, старый ледъ...
Люби весенній вѣтеръ бѣлый,
Его сверкающій полетъ!
З. Н. Гиппіусъ.

Кантъ, изслѣдуя противорѣчія между природой и культурой *), между стремленіемъ человѣчества къ выполненію своего нравственнаго предназначенія и подчиненіемъ его первобытнымъ инстинктамъ звѣрской природы, приводитъ, въ видѣ примѣра, несоотвѣтствіе между моментами наступленія половой и гражданской зрѣлости человѣка. Въ естественномъ состояніи, въ первобытномъ обществѣ—эти два момента совпадаютъ. Но чѣмъ культурнѣе гражданское общество, чѣмъ сложнѣе общественная жизнь, тѣмъ больше разрывъ между половой и гражданской зрѣлостью. Культура вступаетъ въ противорѣчіе съ природой. Праведный, нормальный инстинктъ наталкивается на незрѣлое сознаніе, которое не можетъ съ нимъ справиться. Поэтому-то періодъ наступленія половой зрѣлости—самый опасный въ жизни человѣка. Имъ въ сущности предопредѣляется вся его судьба. Это эпоха раздвоенія, когда человѣкъ способенъ единовременно на самое высокое и на самое низкое. Романтизмъ сталкивается съ самымъ грубымъ реализмомъ. Пробуждающееся сознаніе еле справляется съ потокомъ новыхъ чувствъ и ощущеній. Въ молодомъ существѣ происходитъ мучительный процессъ образованія личности, индивидуальности. И взрослымъ людямъ, конечно, за него страшно.

Мнѣ кажется, примѣръ Канта отлично иллюстрируетъ современное положеніе русской жизни. Прежде, когда Россія находилась въ періодѣ младенчества, взрослые люди отвлеченно разсуждали, что они будутъ дѣлать съ выросшими дѣтьми. Были сочинены великолѣпныя программы. Все было учтено и взвѣшено. Одно только упустили изъ виду, что половая зрѣлость наступаетъ раньше зрѣлости гражданской. Когда въ силу здоро-

*) „Mutmaasslicher Anfang der Menschengeschichte". 1786.

ваго жизненнаго инстинкта молодая Россія ощутила потребность свободы, поняла неестественность жизни въ пеленкахъ и вѣчнаго хожденія на помочахъ, когда по всей Россіи пронесся весенній вѣтеръ, началось пробужденіе весны, всѣ возрадовались. Кто не восхищался подъемомъ народныхъ силъ, который вывелъ насъ изъ кабинетныхъ теорій, подпольныхъ споровъ, интеллигентскихъ мечтаній на свѣжій воздухъ, въ широкое поле?

Но это восхищеніе длилось не долго. Сейчасъ же начались разочарованія. Ждали гражданской зрѣлости, думали, что проснувшаяся стихія сразу войдетъ въ рамки культуры, подобострастно подчинится заранѣе приготовленнымъ программамъ и расписаніямъ. Но этого не случилось, потому что зрѣлый человѣкъ не есть еще зрѣлый гражданинъ, да и всѣ предуготовленныя программы и теоріи были созданы для человѣка отвлеченнаго, только разумнаго, въ которомъ нѣтъ начала стихійнаго, ирраціональнаго. И тогда начались причитанія о разбитыхъ надеждахъ, плачъ о гибели культуры, словомъ—признаки общественной реакціи. Однако нечего себя обманывать. Если въ интеллигенцію вкралось разочарованіе и утомленіе, то именно потому, что идеи ея оказались слишкомъ короткими. Онѣ не выдержали напора нахлынувшей волны стихійнаго инстинкта свободы. Заготовленные въ долгую зимнюю стужу математическіе расчеты оказались непримѣнимыми. Весенній вѣтеръ разрушилъ неустойчивыя плотины. Порою кажется, что въ культурѣ произошелъ *прерывъ*, что слишкомъ долго жданная весна не возродила, а погубила насъ. Мы не справились съ ней, наша культура не справилась съ природой, и надо снова, упорнымъ трудомъ, собирая камень за камнемъ, строить новые устои культуры новой. Великая, тяжелая задача. На развалинахъ старыхъ идеологій должны мы начать борьбу за новое міросозерцаніе. Жить въ хаосѣ невозможно. Намъ нужно идейное возрожденіе. Отъ этого зависитъ наше будущее. Возложивъ всѣ свои упованія на интеллектъ, мы забыли противоположную ему силу, силу инстинкта, и эта забытая сила намъ жестоко отомстила. Пресловутый интеллигентскій «реализмъ» оказался самой нереальной мечтательностью, и, можетъ быть, это самое страшное и самое значительное слѣдствіе переживаемаго нами перелома русской жизни.

I.

Литература—отраженіе жизни. Она хаотична, потому что хаотична жизнь: она переросла накопленный интеллигенціей уровень сознанія. Еще недавно въ литературѣ царили опредѣленныя направленія, враждебные лагери. Широкой публикѣ надо было выбирать. Или читать декадентовъ, или увлекаться тенденціознымъ реализмомъ. Многіе малодушные на такой выборъ не рѣшались и цѣплялись за классиковъ. Какая-жъ это литература, Брюсовъ или Горькій—говорили они—когда у насъ есть Толстой или Тургеневъ. Чеховъ былъ предѣломъ модернизма. Теперь не то. Литературныя партіи какъ будто исчезли. Подъ напоромъ весенняго вѣтра все смѣша-

лось, все какъ бы вернулось къ «первоначальной интеграціи». Разобраться въ «современныхъ теченіяхъ» стало почти невозможно. Стерлось какъ различіе между отдѣльными литературными индивидуальностями, такъ и между направленіями. Въ ходъ было пущено, ставшее модньмъ, словечко «мистическій анархизмъ». Кличка въ сущности безсмысленная, но пришедшаяся всѣмъ по вкусу. Найденъ былъ мѣшокъ, въ который можно валить всѣхъ безъ разбора. Отдѣльные писатели протестуютъ, пишутъ письма въ редакцію, просятъ ихъ не смѣшивать съ сотоварищами. Но эти протесты похожи на тѣ правительственныя опроверженія, которыя только подтверждаютъ вѣрность опровергаемаго. Въ новой литературной полосѣ еще не начался процессъ диференціаціи, еще нѣтъ гражданской зрѣлости. Она переживаетъ половую зрѣлость, когда ломается голосъ, характеръ, убѣжденія, когда лишь начинаетъ образовываться личность. Какъ бы ни смотрѣть на «мистическій анархизмъ», эту скобку, за которую общественное мнѣніе беретъ всю современную литературу, смотрѣть ли на него какъ на болѣзненное или нормальное явленіе,—его нельзя преодолѣть извнѣ,устранить мановеніемъ руки, признать несуществующимъ. Надо къ нему подойти изнутри, расчистить молодой зеленый лѣсъ, освободить живыя деревья отъ цѣпкихъ порослѐй, которыя, путаясь, высасываютъ ихъ соки. Задача нелегкая, но необходимая: литература—отобразъ жизни, и кто не прислушивается къ голосу литературы, врядъ ли услышитъ и голосъ жизни.

Первая крупная фигура, на которую наталкиваешься, подходя къ новѣйшей литературѣ, это—Леонидъ Андреевъ. Онъ—истинно цѣнный матеріалъ для изученія современнаго идейнаго сдвига, перелома, который произошелъ въ нашей интеллигенціи.

Это писатель очень талантливый. Не геніальный, а,именно, талантливый. У него нѣтъ мудрости генія, нѣтъ творческаго синтеза, но непосредственное художественное чутье подсказало ему, что старые пути ведутъ въ тупикъ, и онъ безстрашно пошелъ напрямки, черезъ тайгу, безъ дороги, безъ карты, безъ компаса, словомъ—безъ всякой помощи со стороны культуры.

Карьеру свою онъ началъ въ «здоровой» средѣ «трезваго» реализма, около Горькаго, около сборника *Знанія*. Нечисть декадентства была ему глубоко чужда. Казалось,—все для него просто и ясно, такъ же какъ для Горькаго или для Чирикова. Но художественный даръ его оказался шире примитивнаго общеармейскаго сознанія, и Андреевъ, самъ того не подозрѣвая, создалъ нѣсколько произведеній, выходящихъ изъ твердо установленныхъ предѣловъ философіи «оптимизма».

Онъ написалъ «Бездну» и «Въ туманѣ». Наивные читатели и почитатели *Знанія* проглотили эти двѣ пилюли, не чуя ихъ яда. Они не поняли, какъ глубоко эти двѣ повѣсти подкапываютъ основы ихъ безмятежно ясной идеологіи. Правда, были попытки истолковать трагедію молодыхъ Андреевскихъ героевъ недостатками режима. Дурныя, молъ, соціальныя

условія погубили двухъ несчастныхъ юнцовъ, а вотъ, когда наступитъ обобществленіе орудій производства, тогда все будетъ иначе. Можетъ быть, даже самъ Андреевъ лишь смутно сознавалъ, что тутъ не въ режимѣ дѣло, но теперь-то всѣмъ ясно, что бездна и туманъ пола шире «режима», что это—сила, легко становящаяся анархической, что полъ проблема вѣчная, а не только историческая. Самъ того не желая, Л. Андреевъ протянулъ руку В. В. Розанову, нововременскому декаденту, этому самому страшному революціонеру пола.

Дальше пошло еще хуже. Увидавъ въ самомъ источникѣ жизни туманъ и бездну, Андреевъ заглянулъ и въ глаза смерти. Заглянулъ и преклонился. Здѣсь уже полное крушеніе философіи *Знанія*. Полъ и смерть, тайна пола и личности—убили общественность. Общество состоитъ изъ людей. Но гдѣ-жъ этимъ людямъ взять силъ для борьбы за воплощеніе соціальныхъ идеаловъ, когда человѣкъ—рабъ «Сѣраго Нѣкто», когда онъ движется въ туманѣ пола и каждую минуту можетъ быть безъ остатка съѣденъ слѣпыми силами разрушенія? Съ этой точки зрѣнія я и назвалъ «Жизнь человѣка» произведеніемъ глубоко реакціоннымъ *).

Одинъ изъ «мистическихъ анархистовъ», молодой и талантливый поэтъ А. Блокъ выступилъ въ защиту Л. Андреева **). Меня онъ обвиняетъ въ томъ, что я пребываю въ «культурномъ снѣ», что я «поддался магіи европеизма». Въ своемъ увлеченіи культурой и Европой я просмотрѣлъ живую, реальную Россію, «или лучше Русь». Я вижу въ Андреевѣ носителя «горьковской философіи». «Но есть ли горьковская философія,—восклицаетъ А. Блокъ,—не придумана ли она, не выведена ли a posteriori культурнымъ критикомъ, мѣряющимъ на свой аршинъ писателей огромнаго таланта, устами которыхъ вопитъ некультурная Русь?» И въ «Жизни человѣка» Блокъ усматриваетъ «рыдающее отчаяніе», которое не притупляетъ, какъ утверждалъ я, чувства и воли, а будитъ ихъ.

Что вчерашній декадентъ, сегодняшній «мистическій анархистъ», Блокъ взялъ подъ свою высокую руку Леонида Андреева, а съ нимъ вмѣстѣ и другихъ реалистовъ изъ сборника *Знанія*—фактъ самъ по себѣ очень знаменательный.

Прежде всего важно выяснить, къ чему собственно сводится защита Андреева, и отвѣтить Блоку на его основной вопросъ.

Да, у Горькаго никогда никакой философіи не было. Неужели Блокъ въ этомъ сомнѣвается? Но «горьковская философія» была и есть. Это тотъ ходячій, дешевый матеріализмъ, смѣшанный съ гимназической романтикой, тотъ пресловутый монизмъ, который до самаго послѣдняго времени, до послѣдняго сдвига, царилъ во всей нашей интеллигенціи. Самъ Горькій на этой философіи выросъ, всосалъ ее съ молокомъ матери. Это та филосо-

*) Въ фельетонѣ „Разложеніе матеріализма“ газ. *Товарищъ* отъ 15 мая 1907 г. Фельетонъ этотъ былъ вызванъ полемикой, возгорѣвшейся вокругъ моей статьи „Конецъ Горькаго“ (*Русская Мысль*, 1907 г., № 4.)

**) См. его статью „о реалистахъ“, *Золотое Руно*, 1907 г., № 5.

фія, которая была вездѣ и нигдѣ, тотъ воздухъ, которымъ всѣ дышали. Вооружившись ею, широкіе слои нашего общества разрѣшали всѣ вопросы человѣческаго бытія и, главнымъ образомъ, проблему общественности. Всѣ пессимисты, сомнѣвающіеся въ цѣлебной силѣ «реализма» (и г. Блокъ въ томъ числѣ), были признаны мѣщанами, культурными дикарями, или даже черносотенниками.

Но вотъ грянула гроза событій, и пресловутый реализмъ оказался сплошной утопіей. При господствѣ рѣшившаго всѣ вопросы безмятежнаго реализма—послышались вопли «рыдающаго отчаянія». Въ самый разгаръ борьбы, когда сотни и тысячи людей сознательно шли на смерть во имя жизни, оказалось, что эта жизнь—сплошная насмѣшка «Сѣраго Нѣкто», какая-то безсмысленная чепуха. Есть отъ чего въ отчаяніе придти. И не за себя, а именно за ту некультурную Русь, о которой печется Блокъ. Это крушеніе «горьковской философіи» нисколько не удивительно. Но страшно за тѣхъ, кому, въ силу разныхъ причинъ, не удалось, оторвавшись отъ Горькаго, добраться до яснаго, трезваго сознанія. Конечно, взобравшись на вершины метафизическаго Монблана, можно только радоваться, что толпа распростилась со старымъ кумиромъ. Чѣмъ скорѣй будетъ свергнуто самодержавіе матеріализма, тѣмъ лучше. Но вѣдь мы живемъ не на Монбланѣ. Смѣна идей и настроеній происходитъ среди живыхъ людей, и смотрѣть на нихъ идейную растерянность и безпомощность, какъ будто опыты дѣлаются in anima vili—невозможно. Войдемъ въ психологію любого «распропагандированнаго» рабочаго, искренняго адепта «горьковской философіи», хотя бы, напримѣръ, въ психологію героя послѣдней повѣсти Горькаго «Мать». Ему только что набили голову «экономическими надстройками», «всеобщимъ, равнымъ и тайнымъ», и т. д., и т. д. И вотъ этотъ рабочій попадаетъ въ театръ на пьесу Леонида Андреева. Онъ смотритъ «Жизнь человѣка», не жизнь буржуа или черносотеннаго дворянина, нѣтъ, жизнь человѣка вообще, т.-е. и *свою жизнь*. Какое это должно произвести на него впечатлѣніе? Вѣдь если онъ и «сознательный» рабочій, то мы-то знаемъ, что это только первые проблески сознанія, зачатки его. Справится ли его полусознаніе уже не съ горьковской философіей оптимизма, а съ андреевскимъ «воплемъ отчаянія»? И если люди болѣе культурные отлично видятъ, насколько дешевъ этотъ бутафорскій пессимизмъ, то увидитъ ли это та «некультурная Русь», о которой печется г. Блокъ? Вѣдь если «Жизнь человѣка»—какъ общественное явленіе—одно изъ *слѣдствій* глубокихъ причинъ, связанныхъ съ переломомъ міросозерцанія русскаго общества, то эта драма въ свою очередь становится *причиной*, направляющей полупроснувшееся сознаніе въ опредѣленную сторону. Только что «некультурную Русь» обнадежили, наобѣщали того, чего завѣдомо не могли выполнить, и вдругъ—крахъ. А что какъ «некультурная Русь» возьметъ да и повѣритъ Андрееву? Убѣдится, что всѣ «прямые, равные и тайные»—пустая забава, что всѣ безчисленныя жертвы революціи погибли безсмысленно, въ усладу «Сѣрому Нѣкто»? Куда ей тогда податься? Что

ей дѣлать? Остается одно, провалиться въ столь дорогое и любезное г. Блоку, русское, самобытное хулиганство. Ему-то это не страшно. Для него это игрушки, эстетическія «переживанія», а для «некультурной Руси» это подлинныя «слезки».

«Я думаю,—пишетъ Блокъ въ вышеназванной статьѣ,—что тѣ страницы повѣсти Скитальца, гдѣ «огарки» (бывшіе люди) слушаютъ какую-то «прорѣзающую» музыку въ городскомъ саду, гдѣ пѣвчій Сѣверовостоковъ ссыпаетъ въ театральную кассу деньги, набросанныя ему въ шляпу озвѣрѣвшей отъ восторга публикой, гдѣ спитъ на волжской отмели голый человѣкъ съ узловатыми руками, громадной пѣсенной силой въ груди и съ голодной и нищей душой, спитъ какъ «странное исчадіе Волги»,—думаю, что эти страницы представляютъ литературную находку, если читать ихъ безъ эрудиціи и безъ предвзятой идеи, не будучи знакомымъ съ «великимъ ханомъ».

Г. Блокъ со смакомъ обсасываетъ эту «литературную находку», утомленный своей культурностью, онъ радуется сродству душъ съ «исчадіемъ Волги» и «озвѣрѣвшей толпой». Конечно, во всякомъ культурномъ человѣкѣ сидитъ звѣрь, насѣкомое, но казалось бы культура въ томъ и состоитъ, чтобы идти отъ звѣрства къ человѣчеству, а отъ человѣчества еще дальше и выше. Но Блоку этого не надо. Какъ юноши, недостигшіе еще гражданской зрѣлости, онъ съ безсознательной порочностью тянется къ звѣрству исчадія Волги. Новая форма соединенія интеллигенціи съ народомъ, соединеніе въ хулиганствѣ, въ нищетѣ душъ. Старые славянофилы вѣрили въ народъ богоносецъ, критическіе народники толковали о самобытномъ типѣ развитія Россіи, и всѣ они говорили о неоплатномъ долгѣ интеллигенціи передъ народомъ. А новѣйшіе народники уменьшили задачу. Опростившись, опустившись, они братаются съ обладающимъ пѣсенной силой исчадіемъ Волги: «Въ хороводы, въ хороводы! О, соборуйтесь народы». Думаю, что эти хулиганскіе хороводы, это новое соединеніе обнищавшей интеллигенціи съ «некультурной Русью» не особенно утѣшительно. Неоплатный долгъ можно выплатить, накопляя богатства, а не проматывая ихъ съ легкомыслiемъ.

Для смотрящаго со стороны «европейца» братающіеся съ исчадіемъ Волги мистическіе анархисты не такъ страшны. Это явленіе находится въ связи съ тѣмъ сдвигомъ, который переживаетъ наше общество. Оно вполнѣ нормально и закономѣрно, а какъ реакція противъ благодушнаго позитивизма и зазнавшагося раціонализма—даже отрадно. Но, несмотря на весь мой европеизмъ, несмотря на пребываніе въ «сонной культурѣ», я не могу смотрѣть на исторію, какъ на процессъ, и приносить въ жертву этому Молоху живую человѣческую личность. Это дѣло безстрастныхъ соціологовъ, ортодоксальныхъ марксистовъ, наблюдающихъ исторію, какъ врачи, которые слѣдятъ за борьбой бактерій въ желатинѣ, наконецъ, это дѣло эстетовъ, чающихъ новыхъ литературныхъ находокъ. Исчадіе Волги не только соціальный отбросъ, не только литературная находка, а

прежде всего живая человѣческая личность. И не только къ этому исчадію, но и къ Блоку нельзя относиться такъ, какъ онъ самъ относится къ «исчадію». И Блокъ живая личность, но только гораздо болѣе свободная, чѣмъ исчадіе Волги, потому что обладающая большимъ сознаніемъ, большей независимостью отъ внѣшнихъ условій, а слѣдовательно и болѣе отвѣтственная. Когда Блокъ и его сотоварищи сводятъ, праведный въ основѣ своей, бунтъ противъ плоскаго реализма не къ освѣщенной сознаніемъ свободѣ, а къ разнузданности, чураются всякаго нормирующаго начала, видятъ въ немъ не условія коллективной свободы, а нарушеніе ея,—становится больно и горько. Въ этомъ новомъ народническомъ хулиганствѣ мистическіе анархисты теряютъ самое цѣнное, что они получили въ наслѣдство отъ старыхъ декадентовъ, или, какъ ихъ теперь называютъ, «неоромантиковъ 90-хъ годовъ»: ощущеніе личности. Съ извращеннымъ сладострастіемъ они топчутъ свое *я*, спѣшатъ раствориться въ безформенномъ хулиганствѣ. Соборный *индивидуализмъ* только пустое слово; потеря индивидуальности, жажда забыть ее—подлинная реальность.

„*Въ тьмѣ отдаленія,*
Самодовлѣнія,
Богомъ зачатая
Ярь непочатая,
Дщерь неизмѣнности
Щедрыхъ страстей
Сонно колышется...“
(*Городецкій*).

Блокъ противъ «сонной культуры Запада», но что ставится взамѣнъ этой сонной культуры?—«сонно колышущаяся, самодовлѣющая, ярь непочатая».

Ниже, изслѣдуя теорію главнаго идеолога мистическаго анархизма, Вячеслава Иванова, я болѣе подробно остановлюсь на противоположеніи русскаго Діониса-Ярилы западному Аполлону. Здѣсь мнѣ хотѣлось лишь подчеркнуть расколъ между старымъ и новымъ декадентствомъ въ столь существенномъ пунктѣ, какъ пониманіе личности.

Понятіе личности у старыхъ декадентовъ было, конечно, очень шаткое. Въ немъ нельзя искать опредѣленныхъ религіозныхъ или метафизическихъ основъ. Это было скорѣй полусознательное, мистическое ощущеніе творческаго начала, заключеннаго въ индивидуальности. Личность интересовала ихъ не какъ абсолютъ, на которомъ должно построить связь людей съ міромъ и между собою, а наоборотъ, какъ нѣчто самодовлѣющее, обособленное, безъ всякихъ мостовъ къ *не-я*, къ внѣшнему міру. Связи между такими самодовлѣющими, одинокими личностями они и не искали. Имъ это было просто неинтересно, потому что ихъ интересовало прежде всего не то, что *объединяетъ* людей, а именно то, что *разъединяетъ*, различаетъ. Всякая общая норма была для нихъ мѣщанствомъ, пошлостью,

всякое подчиненіе воли чему-либо внѣшнему, выше человѣческой воли стоящему, было для нихъ нарушеніемъ свободы. Главный ихъ врагъ была *безличность*. Но не имѣя ни философскаго, ни научнаго критерія, обладая лишь эстетическимъ чутьемъ, они, конечно, мало были гарантированы отъ нашествія въ ихъ среду *обратной пошлости*,—пошлости маленькихъ сверхъ-человѣчковъ, которые прикрывали творческое безсиліе культивированіемъ своихъ ничтожныхъ «особенностей». Всякій горбунъ начиналъ гордиться своимъ горбомъ: «все-таки я не такой какъ другіе»! Эта же боязнь метафизики сдѣлала ихъ духовными отцами мистическихъ анархистовъ. Богатые индивидуальными творческими силами декаденты боролись съ проявленіями безличности. Но оружіе ихъ оказалось непригоднымъ. Старой, общеинтеллигентской безличности они не побѣдили, а создали новую, куда болѣе страшную безличность современныхъ мистическихъ анархистовъ. Наша старая, столь распространенная «горьковская» безличность, имѣетъ за собой много хорошаго. Это—простое безхитростное уваженіе къ *эмпирической* человѣческой личности. Трезвое здравое стремленіе къ примитивной человѣческой культурѣ, къ человѣческому достоинству, стремленіе къ тому, что отчасти уже достигнуто на Западѣ. Какъ бы ни относиться къ Западу, какъ бы ни презирать заѣвшее его мѣщанство, это элементарное уваженіе къ личности, на которомъ покоится весь его строй—громадная его заслуга, тотъ историческій плюсъ, за который нельзя не уважать Запада. Успѣшная борьба за подлинный ликъ человѣка возможна только тамъ, гдѣ достигнута эта первая ступень культуры,—уваженіе къ *безличной личности*. У насъ въ Россіи все идетъ навыворотъ. На верхахъ, въ самыхъ высшихъ слояхъ нашего общества, мы культурнѣе Запада, мы пошли дальше его. А внизу старое варварство, безличность не вторичная, какъ на Западѣ, а первозданная, первобытная.

Декаденты въ своей жаждѣ личности пришли къ одиночеству. Мистическіе анархисты вырвались изъ этого одиночества, но не въ сознательное общеніе *личностей*, а назадъ, въ первичный хаосъ, въ «ярь непочатую». Мистическій анархизмъ самъ по себѣ не имѣетъ значенія *положительнаго*, и легко можетъ получить значеніе отрицательное. Къ чему онъ приведетъ, можно будетъ лишь судить тогда, когда наступитъ гражданская зрѣлость. Онъ показалъ, что пренебрегать началомъ ирраціональнымъ, какъ то дѣлалъ господствующій въ нашемъ обществѣ раціонализмъ—прежде всего легкомысленно и неизненно. Голый интеллектъ не можетъ обнять творческой жизни. Спасеніе въ сочетаніи обоихъ началъ, въ какомъ-то высшемъ синтезѣ. Но мистическіе анархисты, такъ же какъ и раціоналисты, о такомъ сочетаніи пока и не думаютъ. Они слѣпо преклонились передъ началомъ ирраціональнымъ, мистическимъ и затемнили разумъ, отвергли сознательную личность. Они забыли, что имъ надо было идти къ гражданской зрѣлости. Мистика — сила громадная, но сама по себѣ нейтральная. Не добрая и не злая. Доброй она становится, если овладѣть ею при помощи высшаго сознанія, злой—если всецѣло подчиниться ей. А Блокъ съ товарищами—

находится именно въ плѣну у нея. Справиться съ мистикой нелегко. Это дѣло не единичныхъ, а коллективныхъ усилій, дѣло подлинной культуры.

У большинства нашихъ мистическихъ анархистовъ даже нѣтъ стремленія къ мистикѣ сознательной. Леонидъ Андреевъ освободился отъ власти ходячаго позитивизма и раціонализма. Художественнымъ инстинктомъ онъ ощутилъ силу ирраціональнаго и завопилъ съ отчаянія о безсмысленности бытія, предалъ проклятію весь міръ, какъ будто смыслъ міра долженъ совпадать съ тѣмъ, какъ его понимаетъ человѣческій интеллектъ. Можетъ быть, это лишь переходная ступень душевнаго роста Андреева. Хочется вѣрить этому. Но какъ отнеслись къ драмѣ «Жизнь человѣка» мистическіе анархисты? «Ты нашъ, ты нашъ!» закричали они вмѣстѣ съ толпой, и начали вокругъ него свою свистопляску. Не возможный переходъ къ высшему разуму привѣтствовали они въ Андреевѣ, а отказъ отъ здраваго смысла. А этотъ отказъ именно и прельщаетъ мистическихъ анархистовъ. «Все на свѣтѣ безсмысленно, мы во власти темной ирраціональной силы. Міръ непріемлемъ. Да здравствуетъ хулиганство!» Вотъ послѣдній выводъ «соборнаго индивидуализма». Милымъ юношамъ не приходитъ даже въ голову, какъ безнадежна стара, и бы даже сказалъ, провинціальна эта хулиганская мистика, какъ безлична ихъ анархическая личность, и въ какую опасную игру они играютъ,—опасную прежде всего для нихъ самихъ.

II.

Идеологомъ мистическаго анархизма, главой и вдохновителемъ возрожденія «варварства» и «миѳотворчества» по праву считается Вячеславъ Ивановъ.

Ужъ если кто пребываетъ во снѣ культуры, такъ это именно онъ.

Ивановъ противопоставляетъ латинскій западъ, насыщенный эллинизмомъ ясной формы и гармоническаго равновѣсія—англо-германскому и славянскому варварству, которое ищетъ воскресить Элладу оргійную, древнедіонисическую, корибантизмъ асійскихъ флейтъ и музыку трагическихъ хоровъ. Онъ проповѣдуетъ возрожденіе варварское, которое вернетъ намъ миѳъ. Художникъ вспомнитъ, что онъ былъ нѣкогда миѳотворцемъ, понесетъ свою отжившую новыми прозрѣніями душу навстрѣчу дремлющей душѣ народной, и разбудитъ эту спящую красавицу. Поэзія станетъ вселенской, младенческой. Преодолѣвая отвлеченный индивидуализмъ, «евклидовъ умъ», прозрѣвая въ мірѣ намеки божественнаго, она начертаетъ на своемъ треножникѣ слова: хоръ, миѳъ и дѣйство. Такъ устремляется искусство къ родникамъ души народной. Страна покроется орхестрами и ѳимелами для народныхъ сборищъ, гдѣ будетъ пѣть хороводъ, гдѣ въ дѣйствѣ трагедіи или комедіи, диѳирамба или мистеріи, воскреснетъ свободное миѳотворчество. Предвѣстниковъ такихъ вселенскихъ младенческихъ миѳотворцевъ Вяч. Ивановъ уже нашелъ въ лицѣ молодыхъ писателей—Сергѣя Городецкаго, Алексѣя Ремизова, Александра Блока, М. Кузьмина.

Все это не фантазіи лишеннаго ощущенія реальности поэта и эрудита, не измышленія, выросшія въ кружкахъ хулиганствующихъ культурниковъ, на литературныхъ журъ-фиксахъ, въ туманахъ предумышленнаго города Петербурга. Нѣтъ, это продуманное, зрѣлое profession de foi, въ которомъ Вячеславъ Ивановъ выступаетъ передъ широкой публикой. Изложенная мною выше теорія русскаго возрожденія—заимствована изъ публичной лекціи, прочитанной въ Петербургѣ, на высшихъ женскихъ курсахъ, 14 апрѣля 1907 г. *).

Прежде всего въ Вяч. Ивановѣ, какъ и въ Блокѣ, поражаетъ наивное народничество наизнанку. Западная культура, по мнѣнію Иванова, «не культура, а дрессура, расчищенный садъ и вспаханный огородъ, укрѣпленный за собственникомъ».

Этой культуры Вячеславъ Ивановъ не желаетъ. Надежды свои онъ возлагаетъ на стихійно-творческую силу народной, варварской души, на «поэтическую дѣвственность непочатыхъ вѣрованій и преданій, вѣщую слѣпоту миѳотворческаго міросозерцанія». Словомъ, на воспѣтую Городецкимъ «Ярь непочатую». Латинскій западъ слишкомъ одностороненъ въ своемъ культѣ Аполлона. Россія, съ ея всеславянскимъ варварствомъ, наиболѣе къ сему подходящая страна. Ея душа не въ православіи, какъ думали славянофилы, не въ общинномъ бытѣ, какъ утверждали народники, а въ варварскомъ, дохристіанскомъ оргіазмѣ, который живъ еще на Руси и который покроетъ Россію «ѳимелами и орхестрами». Россія Богомъ избранная страна.

Русь! Что больше, и что ярче,
Что сильнѣе, и что смѣлѣе?
Гдѣ сіяетъ солнце жарче?
Гдѣ сіять ему милѣй?

Городецкій.

Въ этомъ народничествѣ наизнанку чувствуется не здоровое *возрожденіе,* а болѣзненная *реставрація.*

Въ сущности, что дѣлаетъ Вяч. Ивановъ?

Одну изъ антиномій не только античной, но и всякой культуры, потому что тѣсно соприкасающейся съ основнымъ противорѣчіемъ человѣческаго естества,—онъ разрѣшаетъ не въ какомъ-либо синтезѣ, а въ однобокомъ утвержденіи одного изъ тезисовъ антиноміи.

Въ человѣчествѣ всегда шла борьба формы съ хаосомъ, культуры съ природой, Аполлона съ Діонисомъ. Въ немъ всегда таилась жажда феноменальнаго проявленія обособленности, индивидуаціи, потребность мѣры и трезвости—рядомъ съ жаждой освобожденія отъ феноменальнаго міра, соприкосновенія съ духомъ музыки.

Но исторически Діонисъ предшествуетъ Аполлону. Архаическая Грецiя развилась въ классицизмъ Перикла, какъ бы побѣдивъ Діониса. Вѣчный Діо-

*) Напечатана въ *Золотомъ Руномъ,* 1907 г., № 5.

нисъ опять возродился, но уже въ иной формѣ. «Вакханки» Эврипида—нѣкое сочетаніе архаическаго Діониса съ Сократомъ, съ Эвклидовымъ умомъ. Далѣе, развитіе орфическихъ и элевзинскихъ мистерій шло параллельно съ развитіемъ классицизма, аполлинизмъ Сократа—уперся въ мистику Плотина, который, на склонѣ эллинской культуры, далъ новую попытку сочетать Эвклидовъ умъ съ Діонисомъ. Между Плотиномъ и архаическимъ асійскимъ корибантизмомъ лежитъ вся эллинская культура, и ея высшая точка—античная трагедія. *Трагедіи* не можетъ быть безъ столкновенія *личности*, съ началомъ *безличнымъ*, съ Рокомъ. Ивановъ же своей реставраціей архаизма отрицаетъ *трагедію*, проповѣдуетъ не разрѣшеніе трагедіи, а ея механическое устраненіе путемъ отказа отъ личности. Вся его философія не что иное, какъ умствованіе эрудита надъ тѣмъ, какъ бы отдѣлаться отъ умствованій, оголиться, обнажиться, изъ абсолютной монады—превратиться въ клѣточку, въ каплю великаго океана стихіи. Это особый видъ романтической махаевщины, отрицающей исторію и ея уроки, а потому глубоко реставраціонной, а не прогрессивной. Греки преодолѣвали трагедію, а не уклонялись отъ нея. Въ высшемъ опьяненіи принимали трагизмъ міра, а не безсильно спасались отъ него въ простомъ пьянствѣ. Оргіазмъ Иванова есть именно пьянство, а не опьяненіе. Возрождая въ своей трагедіи архаическаго Діониса, классическая Грецiя ни минуты не отказывалась отъ яснаго Аполлона. Признавая вѣчную силу безсознательнаго, она не хотѣла ничѣмъ поступиться изъ пріобрѣтеннаго своей великой культурой. Сила Діониса не въ томъ, что онъ варварскій, а въ томъ, что онъ, какъ и Аполлонъ, *вѣчный*. Культура есть безконечный путь все новыхъ и новыхъ сочетаній этихъ двухъ противоположныхъ началъ, путь къ соединенію двухъ параллельныхъ линій въ одной послѣдней точкѣ. Своей проповѣдью архаическаго Діониса Ивановъ неизбѣжно долженъ придти къ отрицанію *культуры*, потому что безъ личности нѣтъ культуры. И если вся эта схоластика вышла изъ предѣловъ кабинета нашего эрудита, то потому именно, что она совпала съ переживаемымъ нами кризисомъ культуры и личности. Теперь, какъ никогда, вылился наружу живущій въ варварскомъ русскомъ народѣ первобытный архаическій Діонисъ, и г. Ивановъ съ преступнымъ легкомыслiемъ, вопреки всей тяжелой борьбѣ русскихъ западниковъ, начиная съ Петра Великаго и кончая нынѣшнимъ революціонеромъ, хочетъ сдѣлать этого темнаго бога рычагомъ русскаго возрожденія. Какъ нѣмецкій аптекарь, готовитъ Ивановъ на своихъ декадентскихъ журъ-фиксахъ какую-то искусственную минеральную воду, наливаетъ въ зеленыя бутылки и подноситъ русскому народу, который пьетъ еще угарную водку, зелено-вино, дающее не веселый хмель, а звѣрскую тупость.

Опохмеляясь своей искусственной содовой водой, Ивановъ воображаетъ, что онъ общается съ народной душой, будитъ спящую красавицу. Но прежде всего эта содовая вода—вовсе не нужна народу. Иванову же съ товарищами русскаго *народнаго* хмеля никогда не переварить. Что русскому здорово, то нѣмцу смерть. И наши петербургскіе вагнеріанцы,

ницшеанцы, оргіасты, соединяющіе въ своемъ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ архаическій эллинизмъ съ Перуномъ и Барыбой, эти великіе шутники—именно тѣ нѣмцы, которымъ придетъ смерть, какъ только они приложатъ свои безкровныя губы къ шкалику подлинной русской сивухи. Ужъ если христіанство не побѣдило сивухи хлыстовства, самосожигательства, не смогло преобразить эту страшную силу, заложенную въ народной стихіи, то гдѣ ужъ нѣмцамъ-аптекарямъ съ ихъ искусственной минеральной водой, съ ихъ филологіей, тредьяковщиной и оргіастической похотью. Не они побѣдятъ исчадіе Волги, а исчадіе Волги сожретъ ихъ безъ остатка. Объѣвшись своей эрудиціей и культурой, Ивановъ просто отказывается отъ культуры. Его ученики съ радостью пошли по этому пути отказа отъ культуры и, прикрывшись духомъ музыки, соединились съ обществомъ «огарковъ», съ бывшими людьми, передъ которыми они совершенно безоружны. Завѣтъ Ницше—человѣкъ долженъ быть преодолѣнъ,—они исказили, превратили въ культъ звѣрства. О гражданской зрѣлости они забыли и думать.

А гражданская зрѣлость, культура, какъ разъ и есть то, что отличаетъ человѣка отъ звѣря; половая зрѣлость—явленіе природное, а не культурное. Она есть и у звѣрей.

Весь этотъ оргіазмъ, все это миѳотворчество выросли на почвѣ слишкомъ зыбкаго, не продуманнаго до конца индивидуализма. Мистика, не подчиненная никакой высшей нормѣ, духъ музыки, не связанный съ сознаніемъ, ведетъ къ полной потерѣ личности.

Это понялъ Андрей Бѣлый и взбунтовался противъ музыки *). Бѣлый правъ въ своемъ бунтѣ.

Его никто не можетъ упрекнуть въ непониманіи духа музыки. «Лучшіе годы упивался я,—замѣчаетъ онъ,—этимъ чарующимъ дурманомъ». И вотъ теперь онъ ощутилъ опасность этого дурмана, уничтожающаго личность, дѣйствіе и цѣнность. Музыка—вампиръ, высасывающій душу героя. Концертный залъ—громоотводъ геройства. Бѣлый недоумѣваетъ, въ чемъ нормативная красота музыки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прочихъ формъ искусства. Норма реализуема только тамъ, гдѣ она опирается на *цѣнность*, а самоцѣнность всего настоящаго и прошлаго искусства въ свѣтѣ проблемы цѣнностей для Бѣлаго сомнительна вообще.

Вольфингъ въ своемъ возраженіи не понялъ *скорби* Бѣлаго, и, вставъ на защиту музыки, отвѣтилъ мимо. Вольфингъ говоритъ о музыкѣ, какъ о спеціальномъ родѣ искусства, изъ котораго не надо дѣлать кумира, приводитъ много цѣнныхъ замѣчаній спеціалиста, но это все *не о томъ*.

Не о музыкѣ, какъ о спеціальномъ родѣ искусства, говорилъ А. Бѣлый, а о духѣ музыки. А. Бѣлый зоветъ впередъ, за предѣлы музыки,

*) *Вѣсы*, 1907 г., № 3, „Противъ музыки“. См. также *Вольфингъ*: „Борисъ Бугаевъ противъ музыки“. *Золотое Руно*, 1907 г., № 5 и отвѣтъ Бугаева—*Перевалъ*, 1907 г., № 10.

стремится побѣдить ее, овладѣвъ ею. Вольфингъ зоветъ назадъ, къ узко эстетическому, декадентскому пониманію музыки, какъ спеціальнаго рода искусства. Начинается опять старое одиночество спеціалиста, когда отдѣльныя личности, по выраженію А. Бѣлаго, становятся фабричными трубами. Каждый видитъ въ трубу кусочекъ неба, но не видитъ того, кто съ нимъ рядомъ. Для Бѣлаго это одиночество такъ же ненавистно, какъ и безличный духъ музыки. Если, присматриваясь къ молодымъ, вѣришь, что у нихъ есть сила выбраться изъ тупика, въ который они попали, то именно потому, что среди нихъ есть такіе люди, какъ А. Бѣлый. Онъ еще не высказался. Слишкомъ онъ молодъ, да и не даютъ ему говорить серьезно. Поневолѣ онъ обреченъ на то, чтобы пускать эффектные фейерверки афоризмовъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ сочетались всѣ условія для того, чтобы сказать серьезное и нужное слово. Съ одной стороны, у него большое чисто художественное дарованіе, соединенное съ глубокими мистическими переживаніями, съ другой—ясный, трезвый, философскій умъ и большая философская эрудиція.

Всѣмъ существомъ своимъ ощущаетъ онъ, что эвклидовъ умъ не можетъ и не долженъ быть въ противорѣчіи съ религіознымъ сознаніемъ, что настоящая, продуманная до конца гносеологія неизбѣжно въ какой-то точкѣ соприкасается съ вѣчными сверхъэмпирическими цѣнностями *). Наивная же варварская мистика большинства современной молодежи, отрицая значеніе цѣнности, высшей нормы, вырождается въ новую пошлость,—въ махаевщину. «Свобода, свобода»,—кричатъ новые мистики. «Прочь всякія догмы, онѣ ведутъ къ насилію». И тутъ же они что-то лепечутъ о миѳотворчествѣ, о религіи. Но интересно было бы знать, что такое религія безъ догмы?

Не связанная никакими нормами, мистика становится темной силой, приводитъ къ потерѣ сознанія, къ изувѣрскому опьяненію, къ уничтоженію, а не къ утвержденію творческой личности. Въ этомъ смыслѣ голая мистика есть отрицаніе дѣйствія. Она именно тотъ концертъ, который, по выраженію Бугаева, служитъ громоотводомъ геройства, а потому она глубоко противообщественна.

Величайшая ошибка не видѣть дѣйственной, прагматической стороны догмы, вѣчныхъ абсолютныхъ цѣнностей. Догма—это мостъ къ дѣйствію. Скептицизмъ, голое созерцаніе, сознаніе, не связанное никакимъ постулатомъ вѣры—не можетъ перейти въ дѣйствіе. Поэтому у дешевыхъ, модныхъ мистиковъ, отрицающихъ всякую общеобязательную норму, не можетъ быть никакого дѣйствія. Имъ съ міромъ и въ міру нечего дѣлать.

---

*) Андрей Бѣлый, въ философскомъ отношеніи, опирается на Риккерта. Думаю, что ему слѣдовало бы считаться и съ французскимъ философомъ Бергсономъ. Вообще, было бы очень любопытно провести параллель между обоими философами, столь различными по *темпераменту*, и *складу мышленія*, но имѣющими точки соприкосновенія въ конечныхъ выводахъ. Въ *идейномъ* кризисѣ, переживаемомъ Франціей, Бергсонъ сыгралъ не меньшую роль, чѣмъ Риккертъ въ Германіи.

Аскеты огуломъ отрицали міръ и уходили изъ него, мистическіе анархисты—такъ же не принимаютъ его, но остаются въ немъ. Приму ли я міръ огуломъ, или огуломъ не приму—результатъ тотъ же. Я признаю себя безсильнымъ бороться со зломъ въ мірѣ, признаю себя не точкой воздѣйствія на міръ, а органической клѣточкой, участвующей помимо своей воли въ міровомъ *процессѣ*, а не прогрессѣ. Непріемлющіе міра мистическіе анархисты отвергли нормы и вѣчныя цѣнности только для того, чтобы не нести никакой отвѣтственности за міръ, чтобы не считать себя обязанными устремлять свою волю къ добру, а потому ихъ непріятіе міра сводится къ самому наивному его пріятію,—въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть. Пресловутый анархизмъ становится наивной бутадой, сплошной «словесностью». Только имѣя опредѣленный критерій, только въ убѣжденіи, что существуютъ абсолютныя цѣнности, примѣняясь къ которымъ, можно разобраться въ мірѣ, отличить въ немъ добро отъ зла, «да» отъ «нѣтъ»—дѣятельность человѣческая получаетъ свой смыслъ, а слѣдовательно получаетъ его и личность человѣческая. Превращая міръ въ безжизненное смѣшеніе, отказываясь отъ всякой нормы, имѣя которую только и можно дѣйствовать, мистическіе анархисты этимъ самымъ отказываются отъ единственно цѣннаго наслѣдія, полученнаго ими отъ декадентовъ—ощущенія *личности*. Ощутивъ свое одиночество, они пошли вовсе не впередъ къ *соборности*, а назадъ, къ *стадности*, къ примитивному варварству. А всякое возвращеніе вспять—непремѣнно хулиганство *).

Мы до такой степени запутались въ ложномъ догматизмѣ, омертвѣвшіе каноны стараго быта, старой идеологіи до такой степени затемнили наше сознаніе, связали нашу волю, что разрывъ со старымъ есть уже самъ по себѣ нѣкоторый плюсъ. Но такое *оголеніе* можетъ быть только одной изъ точекъ линіи, по которой мы движемся. Для того, чтобы надѣть новыя одежды, надо снять старыя, т.-е. хотя бы на минуту обнажиться. Наша литература переживаетъ именно такой моментъ обнаженія, заголенія. Въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего страшнаго, особенно если бы новыя одежды были уже тутъ, готовы. Но наши мистическіе анархисты оголились раньше, чѣмъ была приготовлена новая одежда, и за нихъ становится страшно. Не замерзнутъ ли они? Вѣдь все равно, какихъ бы босяковъ они изъ себя ни корчили, за «исчадіями Волги» имъ не угнаться. Отказываясь отъ нормы, отъ свободной воли, отъ личности, мистическіе анархисты—перестаютъ дѣйствовать на окружающую ихъ среду, на жизнь, на міръ. Не они что-нибудь *дѣлаютъ*, а съ ними что-то *дѣлается*. Какъ эоловы арфы на весеннемъ вѣтрѣ издаютъ они жалобные, протяжные звуки. Вѣтеръ воетъ о свободѣ, о паденіи стараго міра, о новой религіозной общественности, и эолова арфа подвываетъ ему, подвываетъ безпомощно и грустно. И

*) Объ отношеніи *догмы* къ *волѣ* см. замѣчательную книгу *Le-Roy*: „Dogmes et critique". Paris, 1907. Ле-Руа одинъ изъ самыхъ талантливыхъ учениковъ Бергсона и вмѣстѣ съ тѣмъ представитель католическаго модернизма. Это—вооруженный современной гносеологіей, философъ *прагматизма*.

требства. Документики у него есть любопытные, но къ проблемѣ пола они имѣютъ такое же отношеніе, какъ журналъ *Тайны жизни,* который въ своихъ рекламахъ обѣщаетъ описаніе всѣхъ пороковъ всѣхъ временъ и народовъ. *Отношеніе къ полу* въ исторіи мѣнялось, но *пороки* всегда были одни и тѣ же. *Отношеніе* же къ полу у Кузьмина самое старое, и напрасно изъ него дѣлаютъ какого-то носителя новыхъ словъ.

«Крылья» озаглавилъ Кузьминъ свою повѣсть о нѣкоемъ аномальномъ юношѣ. Для возвеличенія героя онъ не пожалѣлъ красокъ, и вытащилъ изъ стараго провинціальнаго театра всю бутафорію отжившаго эстетизма: и Боттичелли, и Флоренцію, съ антиками и нью-стэйлемъ. Трагедію пола, которая, казалось бы, именно въ аномаліи достигаетъ особой остроты, онъ свелъ къ невѣроятной банальности и плоскости. Если Кузьминъ стремился защитить аномалію, то онъ достигъ какъ разъ обратнаго. Ничьихъ симпатій эти чирикающіе воробьи, съ легкостью прыгающіе съ вѣтки на вѣтку, возбудить не могутъ. Герои Кузьмина полны незыблемаго благополучія. Имъ въ сущности ничего не нужно. Какія еще реформы, къ чему мѣнять что-либо во внѣшней и внутренней жизни? Прекрасно живется и такъ. Казалось бы, послѣ Достоевскаго, Льва Толстого, Розанова, этихъ истинныхъ культурныхъ дѣятелей, говорить о полѣ столь легкомысленно просто невозможно. Но Кузьминъ ни надъ чѣмъ не задумывается. Даже свою тему, *которая, можетъ быть, трагична по преимуществу,* онъ превратилъ въ повѣсть о томъ, какъ легко и безмятежно блудодѣйствуютъ аномальные люди. И это *Вѣсы* называютъ культурною дѣятельностью!

Кузьминъ вываливаетъ все, что у него въ карманахъ: старыя любовныя письма, замѣтки изъ записной книжки, вываливаетъ съ величайшей небрежностью, какъ попало. Точно всѣ мелкіе факты, сообщаемые имъ, интересны сами по себѣ! *).

Кто изъ поэтовъ не писалъ любовныхъ писемъ въ стихахъ, кто изъ художниковъ, сидя ночью въ ресторанѣ, не набрасывалъ на поданномъ счетѣ, или даже прямо на скатерти, какую-нибудь карикатуру? Говорятъ, что Пушкинъ, ожидая лошадей на почтовой станціи, написалъ—четверостишіе пальцемъ на пыльномъ зеркалѣ. Художники, писатели расточительны. Но, выходя въ публику, они становятся страшно скупы. У нихъ есть чувство мѣры, сознаніе отвѣтственности. Кузьминъ этого лишенъ. Удалась ему или не удалась какая-нибудь любовная интрижка—онъ спѣшитъ повѣдать о томъ міру и печатаетъ «любовь этого лѣта», или «прерванную повѣсть». У него нѣтъ никакого ощущенія интимности, потому что живетъ онъ буквально на улицѣ. Но тотъ, кто живетъ на улицѣ, у кого нѣтъ ничего интимнаго, личнаго,—прежде всего *цинизмъ*. Цинизмъ—характерная черта творчества Кузьмина. Поэтому въ его вещахъ почти

*) Небрежность Кузьмина доходитъ до самой простой неграмотности. Такъ, наприм., въ „Прерванной повѣсти“ онъ пишетъ: „Письмо, *которому* онъ не отвѣтитъ“.

нѣтъ и пола. Его легкомысленный, буржуазный оптимизмъ свелъ самую проблему пола на нѣтъ, лишилъ ее всякой глубины, мистики. Кузьминъ весь въ эмпирикѣ, и тихо принимаетъ ее какъ данное, не подлежащее измѣненію. Черта совсѣмъ не русская и не современная. Именно русская литература никогда не относилась къ полу съ такой мѣщанской узостью. У насъ есть «Братья Карамазовы», «Анна Каренина». Неужели мы недостойны этихъ произведеній, неужели это переживанія отдѣльныхъ геніальныхъ личностей, ничѣмъ не связанныя съ народной душой? Нельзя требовать, чтобы Кузьминъ былъ геніаленъ, какъ Толстой или Достоевскій, но можно требовать, чтобы онъ, если онъ русскій писатель, чувствовалъ геніальность самой темы. Розановъ какъ-то сказалъ: «Пусть я бездаренъ, но тема моя талантлива». Кузьминъ талантливости своей темы не чувствуетъ, онъ ощущаетъ лишь свою собственную геніальность. Все наше чисто «интеллигентское» теченіе такъ же не ощущало геніальности этой темы. На то есть свои серьезныя причины, о которыхъ я скажу ниже. Но интеллигенты ея и не касались. Они просто ея не видѣли. Кузьминъ же имѣетъ претензію тутъ что-то видѣть. И его зрѣніе хуже слѣпоты. Все его творчество—сплошное отрицаніе завѣтовъ великой русской литературы, т.-е. самое некультурное къ ней отношеніе.

Наслѣдіе Достоевскаго и Толстого приняли теперь писатели изъ «интеллигентовъ». Они съ этимъ наслѣдіемъ еще не справились, оно давитъ ихъ, но безсознательно они чувствуютъ его величіе, чувствуютъ, что, не разобравшись въ немъ—не выйдешь изъ тупика, въ который мы попали. Я говорю о «пессимистахъ» пола въ современной литературѣ. Къ нимъ можно причислить Леонида Андреева, Арцыбашева, Сергѣева-Ценскаго, отчасти Алексѣя Ремизова (особенно его романъ «Прудъ»).

Нечего скрывать: вся наша революціонная интеллигенція въ вопросѣ пола, поскольку она его касалась, была глубоко буржуазна. Здѣсь она не создала ничего. Но она и смотрѣла на этотъ вопросъ лишь извнѣ. Душа интеллигенціи была цѣликомъ отдана общественности. Весь уклонъ интеллигентской психологіи былъ de facto строго аскетическій. Что такое, какъ не монашескіе ордена, наши подпольныя политическія партіи, представители которыхъ отказывались отъ всѣхъ благъ ради спасенія не себя, а человѣчества? Да и съ точки зрѣнія метафизической этотъ вопросъ имъ казался яснымъ и простымъ. Они его разрѣшали по шаблону матеріализма и смотрѣли на полъ, какъ на явленіе нормальной или ненормальной физіологіи, тѣсно связанное съ общими соціальными условіями. Лишенные пониманія мистики пола и соприкасающейся съ ней проблемы личности, они естественно не могли увидать и внутренней трагедіи пола. Имъ казалось, что все это блажь людей праздныхъ, а потому и развратныхъ. Проблема разрабатывалась въ другой плоскости, людьми иного міропониманія. Всѣ наши подлинные революціонеры пола—Достоевскій, Толстой, Влад. Соловьевъ, Розановъ, подходили къ нему съ точки зрѣнія религіозной. Они впадали въ другую крайность. При геніальныхъ прозрѣніяхъ въ вопросѣ

пола и личности они, т.-е. вѣрпѣе ихъ религія, оказывалась совершенно безсильной въ области общественной: не даромъ всѣ они соприкасались съ реакціей. Цѣлостное міросозерцаніе, подлинная религія, должна обнимать въ гармоническомъ равновѣсіи всѣ стороны человѣческаго бытія: личность, полъ и общественность. Только въ религіозномъ синтезѣ этихъ трехъ началъ, которыя эмпирически кажутся непримиримыми, возможно искать выхода изъ окутывающихъ насъ противорѣчій *).

Въ русской мысли эти три начала всегда были раздѣлены. Пафосъ западнической интеллигенціи лежалъ въ буржуазно-скопческой, безличной общественности, пафосъ нашихъ мистиковъ—въ безобщественной личности и полѣ. Оба лагеря оскорбляли другъ друга въ святыняхъ своихъ. Что бы ни говорили Достоевскій или Розановъ, наша интеллигенція не слушала ихъ, потому что праведно не прощала имъ ихъ общественной слѣпоты. Съ другой стороны, мистики не видали и не слышали революціонеровъ. Слишкомъ оскорбляла ихъ безличная, безполая и безбожная общественность интеллигентовъ. Русская мысль раскололась, и, казалось, нѣтъ исхода изъ этого раздвоенія.

Событія послѣднихъ годовъ потрясли стѣну, раздѣлявшую оба лагеря. Интеллигенція какъ бы почувствовала однобокость своей идеологіи, она начинаетъ видѣть хотя бы разрушительную силу мистики. Съ другой стороны, наши мистики начинаютъ видѣть всю мертвенность религіи, не связанной съ общественностью. Въ исторіи русской культуры это фактъ громадной важности, до сихъ поръ еще многими не оцѣненный. Конечно, говорить о наступившемъ сочетаніи обоихъ элементовъ преждевременно. Нѣтъ еще сознательной работы мысли въ этомъ направленіи. Но важно, что враги—встрѣтились, что Леонидъ Андреевъ, Арцыбашевъ и др., почти безсознательно, силою вещей, натолкнулись и на проблему пола, и на ощущеніе, что проблема эта не лежитъ лишь въ области эмпирики.

Эти писатели—дѣти той интеллигенціи, которая этотъ вопросъ игнорировала, для которой Толстой и Достоевскій прошли какъ бы незамѣченными. Но сама жизнь врѣзалась въ отвлеченную душу интеллигентовъ. И они почувствовали «туманъ» и «бездну» пола. Пока еще только *почувствовали*. Какъ неопытные новички, подходятъ они къ темѣ, на которой ихъ предшественники чуть не сошли съ ума. Совладѣть съ ней они, конечно, не сумѣли. Слишкомъ наивна и безпомощна ихъ идеологія. Ей ли выдержать столкновеніе со стихіей пола? Съ философіей Андреева невозможно подойти къ такой страшной темѣ, не впавъ въ предѣльное отчаяніе. Но лучше отчаяніе, чѣмъ равнодушное или благодушное прохожденіе мимо. Самая психологія русскаго интеллигента какъ будто измѣнилась, обновилась. И это страшно важно.

---

*) Эту формулировку, насколько мнѣ извѣстно, впервые предложила З. Н. Гиппіусъ. Къ ней всецѣло присоединился Д. С. Мережковскій (см. его статью „Мечъ“) и Н. А. Бердяевъ. („Новое религіозное сознаніе и общественность“. Спб., 1907 г.)

О, конечно, не мистическому анархизму внести свѣтъ въ это темное царство. Идеологія новѣйшаго направленія русской литературы пока еще безпомощнѣе старыхъ интеллигентскихъ идеологій. Но не въ нихъ «философіи» дѣло; за ней стоитъ великая жизненная правда: органическая, почти физическая, потребность *полноты* жизни, жажда гармоническаго сочетанія измучившихъ человѣчество противорѣчій, безсознательное стремленіе къ дѣйствительно *религіозной* концепціи міра. Объективно—отчаяніе этихъ пессимистовъ пола довольно наивно. Это, такъ сказать, *первичное* отчаяніе, хотя сами-то пессимисты и считаютъ его послѣднимъ. Первичное отчаяніе — ступень къ сознанію. Мѣра дарованія этихъ писателей не особенно велика; въ сравненіи съ Достоевскимъ или Толстымъ—ничтожна. Но *скорбь* ихъ самая подлинная и живая. Они поняли, что скорбь пола такъ же ужасна, какъ и скорбь общественности. Полъ для нихъ—великое страданіе, а не благополучная похоть. Молодой критикъ Чуковскій обрушился какъ-то на Арцыбашева, доказывая, что полъ его не жизненный, а чисто мозговой. Не въ томъ несчастіе Арцыбашева, что онъ мозговикъ, а въ томъ, что у него слишкомъ много сознанія, чтобы не ощущать трагедіи пола, и слишкомъ его мало, чтобы эту трагедію преодолѣвать. Но самое ощущеніе трагедіи—уже первый шагъ къ побѣдѣ. У «пессимистовъ пола» такое ощущеніе есть, и они реально существуютъ, и страданія ихъ не пропадутъ даромъ: это люди обращенные къ будущему.

«Оптимисты» же обращены къ прошлому: они не преодолѣли трагедію, а просто отвернулись отъ нея. Утомленныя, отживающія народности обыкновенно оптимистичны. Съ истинной силой чувствуютъ трагизмъ міра народности, едва вступающія въ исторію. Въ этомъ смыслѣ Кузьминъ представитель народности утомленной. Въ его улыбкѣ—мертвенность человѣка ко всему готоваго, уже всему покорившагося. И если страданія «Идіота», «Братьевъ Карамазовыхъ», «Подростка» перешли по наслѣдству къ нашимъ новѣйшимъ пессимистамъ, то Кузьминъ скорѣй наслѣдникъ Смердякова: онъ подыгрываетъ на своей старенькой гитарѣ, и на всякую скорбь, на всякое томленіе духа отвѣчаетъ «стишкомъ», который такъ нравится сантиментальной Машенькѣ:

„Сколько не стараться,
Стану удаляться,
Жизнью наслаждаться
И въ столицѣ жить“.

IV.

Въ номерѣ седьмомъ журнала *Вѣсы* (за 1907 г.) одинъ изъ вдумчивыхъ русскихъ критиковъ, Антонъ Крайній, замѣчаетъ, что наша изящная литература «воспользовалась снятіемъ цензуры для того, для чего покойнички въ разсказѣ Достоевскаго («Бобокъ») воспользовались «послѣднимъ милосердіемъ»,—для заголенія и обнаженія. Она сдѣлалась сплошь эроти-

ческой. Вѣрнѣе, даже не эротической, а просто порнографической. При нашей общей некультурности, какой-то повальной, атмосферной, не могло въ наше эротическое заголеніе и обнаженіе не влиться явная струя хулиганская». Въ видѣ примѣра критикъ ссылается на повѣсть Кузьмина «Крылья».

Редакція *Вѣсовъ* заступилась за своего сотрудника, и въ послѣсловіи къ статьѣ Антона Крайняго говоритъ:

«Что же касается того «эротизма», въ которомъ повинно будто бы цѣлое теченіе русской литературы, мы должны напомнить Антону Крайнему давнія слова Пшибышевскаго: «Такъ же, какъ я ничего не могу подѣлать противъ того, что въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ откровенія души бывали исключительно въ области религіозной жизни, такъ же мало могу я измѣнить что-либо въ томъ фактѣ, что въ наше время душа проявляется только въ отношеніи половъ другъ къ другу. Пусть дѣлаютъ упреки за это душѣ, но не мнѣ».

Вѣсы по-своему правы. Это журналъ стараго классическаго «декадентства». Ко всему онъ подходитъ съ критеріемъ чисто-художественнымъ. На цѣлостное міросозерцаніе не претендуетъ. Въ своихъ сужденіяхъ онъ всегда держался трудно опредѣлимаго субъективнаго критерія. Его руководителямъ—этимъ культурнымъ скептикамъ—прежде всего важна творческая индивидуальность, личный ея талантъ.

„Всѣ гавани, всѣ пристани
Люблю, люблю равно",—

сказалъ когда-то Брюсовъ, и остался вѣренъ этому завѣту. Послѣдній, высшій судъ эстетизма выражается словами: «нравится» или «не нравится». Тутъ спорить нечего. И если бы Антонъ Крайній оставался въ области одной эстетики, и заявилъ, что повѣсть Кузьмина ему кажется слабой въ чисто литературномъ отношеніи, *Вѣсы*, вѣроятно, своего редакціоннаго примѣчанія не сдѣлали бы. Въ извѣстномъ отношеніи они очень терпимы. Они допускаютъ на своихъ страницахъ самыя разнородныя оцѣнки художественныхъ произведеній, лишь бы эти оцѣнки покоились на неуловимыхъ впечатлѣніяхъ и ощущеніяхъ, а не на идеяхъ, не на высшихъ цѣнностяхъ, лежащихъ за предѣлами чистой эстетики. Антонъ Крайній выходитъ за дозволенные предѣлы субъективизма, ищетъ высшей основы для своего суда, и *Вѣсы* не могли не протестовать.

Смѣшно возставать противъ художественной оцѣнки произведеній искусства. Я вовсе не за возвращеніе къ старой тенденціозной критикѣ, когда прощалась самая грубая нехудожественность, лишь бы идея была «честная» и «назидательная». Я только нахожу, что бываютъ времена (а именно такое время мы переживаемъ), когда подходить къ художественному произведенію съ аршиномъ старой, установившейся эстетики—то же самое, что къ морю съ ковшомъ. Эстетизмъ—непремѣнно удѣлъ установившагося быта, потому что эстетизмъ—это особый видъ *созерцанія*. Чѣмъ крѣпче строй

общества—тѣмъ полновластнѣе царитъ въ немъ эстетика. Мы же вступили въ атмосферную полосу трагизма, изъ котораго насъ можетъ вывести не безкорыстное созерцаніе, а нормированная *воля*. Воля, если она сознательна (а одна сознательная воля можетъ творить событія), прежде всего *корыстна*. Воля непремѣнно утверждаетъ одно, отрицаетъ другое. Она дѣйственна лишь тогда, когда, борясь съ противнымъ теченіемъ, устремляется въ опредѣленную гавань, когда у нея есть цѣнность, которой она подчиняетъ всю полноту жизни, и не только искусство,—проявленіе *личности*,—но равнымъ образомъ и *полъ*, и *общественность*. Эстетическое созерцаніе «всѣхъ гаваней и пристаней»—это прошлое. Будущее въ борьбѣ за опредѣленныя цѣнности, въ воспитаніи сознательной воли, въ коллективномъ устремленіи къ созданію цѣлостнаго міросозерцанія. Достигнутый нами уровень сознанія уже не мирится съ эстетизмомъ стараго пошиба. Созидается или, во всякомъ случаѣ, должна создаться *новая эстетика*, какъ слѣдствіе новаго міропониманія. И здѣсь «мистическіе анархисты» правѣе *Вѣсовъ*. Они правы своимъ инстинктомъ, какъ правы крысы, бѣгущія съ корабля, который тонетъ. Большинство этихъ крысъ, можетъ быть, все равно погибнетъ, но нѣкоторыя спасутся. Оставшіяся же на дырявомъ, старомъ кораблѣ *Вѣсовъ* погибнутъ всѣ, навѣрное.

Вотъ редакціонное заявленіе этого журнала: «Вѣсы идутъ своимъ путемъ между реакціонными группами писателей и художниковъ, которые до сихъ поръ остаются чужды новымъ теченіямъ въ искусствѣ, и революціонными группами, полагающими, что задачей искусства можетъ быть вѣчное разрушеніе безъ строительства». Какое безсиліе, какая несовременность въ этихъ словахъ! Да, наши модернисты разрушаютъ, а не строятъ, у нихъ нѣтъ еще того «во имени», которое объединило бы ихъ въ общемъ планомѣрномъ дѣйствіи. Какъ рыбья икра, носятся они по морю, безпомощные, ожидающіе своего оплодотворенія. Пусть они не создали еще новой жизни: *потенціально* она въ нихъ есть,—есть ея зачатки. *Вѣсы* же превратились въ безплодную смоковницу, отъ которой ничего уже не ждешь. Всѣ вѣтви цѣлы, но нѣтъ листвы, нѣтъ плодовъ, и новыя птицы не вьютъ гнѣздъ на ея сухихъ вѣтвяхъ. Сидитъ лишь дятелъ, выискивающій букашекъ въ гниломъ стволѣ. Кузьминъ, котораго такъ защищаютъ *Вѣсы*, именно дятелъ, присосѣдившійся къ червоточинѣ. И напрасно *Вѣсы* думаютъ, что, выдѣливъ его изъ среды мистическихъ анархистовъ, они покровительствуютъ *новому* искусству. Въ своемъ отвлеченномъ уединеніи, оторванные отъ жизни, цѣпляясь за устарѣвшій эстетизмъ, они примкнули теперь какъ разъ къ той реакціонной группѣ писателей, которые чужды новымъ теченіямъ въ искусствѣ. Самый ихъ эстетизмъ поблекъ, устарѣлъ, сталъ антикварнымъ, чтобъ не сказать провинціальнымъ. Теперь время созданія новыхъ теченій, созданія новой эстетики, а не выискиваніе на литературномъ рынкѣ современныхъ древностей.

Въ защиту эротизма *Вѣсы* приводятъ слова Пшибышевскаго. И тутъ опять сказывается несовременность *Вѣсовъ*. Жажды цѣлостнаго міросо-

зерцанія, исканія религіознаго синтеза—они въ современной жизни не видятъ. Пшибышевскій, конечно, правъ. Современная душа проявляется и въ отношеніи половъ другъ къ другу. Онъ не правъ, когда дѣлаетъ изъ проблемы пола религію. Это—розановская «теитизація пола», безсознательное укорачиваніе самаго понятія «религія», сведеніе ея къ отвлеченному началу. Полъ лишь одна изъ сторонъ человѣческаго существа, и обожествленіе его такъ же узко и нежизненно, какъ обожествленіе личности или общественности. Поэтому-то параллель со средними вѣками прежде всего нелогична. Нельзя противопоставлять, какъ то дѣлаетъ Пшибышевскій, откровенія души въ области религіозной, откровеніямъ ея въ области пола. Религія шире пола, какъ шире только «личности» и только «общественности». Обожествленіе одного изъ элементовъ религіи, все равно котораго, не что иное, какъ идолопоклонство. Въ качествѣ спеціалистовъ особаго рода, Пшибышевскій и Розановъ дали очень много. Но увлекшись своей спеціальностью, сдѣлавъ ее центромъ міра, они, сами того не замѣчая, превратились въ идолопоклонниковъ.

Какъ бы мы ни относились къ средневѣковой религіозной концепціи—одно ясно: формально она обнимала всю полноту человѣческаго бытія. Религія среднихъ вѣковъ разрѣшала по-своему не только проблему пола, но проблему и личности и общественности. Средневѣковое міросозерцаніе рухнуло, потому что исторія и человѣческое сознаніе переросли его; но истинная побѣда не въ томъ, чтобы выдергивая по очереди то одну, то другую жизненную проблему, обожествлять ее, т.-е. доводить до абсурда. Надо твердо помнить, что полъ лишь одно изъ звеньевъ жизненной цѣпи. Вырванное изъ нея—это звено, полъ, окрашенный самодовлѣніемъ,—становится темной силой, разрушающей не только общественность, но и личность. Какъ разъ это дѣлаютъ Пшибышевскій и Розановъ.

Казалось бы, человѣчество достаточно пострадало отъ преклоненія передъ разными идолами. Казалось бы, пора убѣдиться, что односторонній культъ личности, или пола, или общественности ведетъ къ безысходнымъ противорѣчіямъ. Теперь, какъ никогда, въ человѣческомъ сознаніи пробудилась жажда единаго цѣльнаго *знанія*, жажда побѣды надъ агностицизмомъ, стремленіе къ единой, высшей цѣнности, которая направляла бы не только умъ, но и волю, выводила бы изъ созерцанія прошлаго—къ дѣйствію будущаго. Сознательно или безсознательно всѣ мы «гностики», всѣ стремимся къ знанію религіозному, предъощущаемъ религіозное возрожденіе.

Психологически мы переживаемъ нѣчто подобное тому, что переживали люди эпохи возрожденія. Въ античной культурѣ искали они новыхъ силъ, чтобы выбраться изъ-подъ обломковъ разрушающагося средневѣковья. Обогащенные дарами христіанства, особенно ощущеніемъ абсолютной личности—они подошли къ античному міру не безоружными, взглянули на него новыми просвѣтленными глазами. Не о реставраціи шло тутъ дѣло, а о возрожденіи, т.-е. о движеніи впередъ, черезъ христіанство дальше, а не назадъ, къ «до христіанскому» язычеству.

Вся современная культура движется еще до сихъ поръ подъ знакомъ возрожденія XV вѣка. Отъ гуманизма, реформы, черезъ энциклопедистовъ прямой путь къ господствовавшему еще вчера культу точной науки, созданію чисто свѣтской, атеистической общественности (современная Франція). И этотъ путь нынѣ пройденъ до конца. Какъ въ пятнадцатомъ вѣкѣ человѣкъ вернулся изъ потусторонняго міра къ землѣ, къ міру реальностей, такъ теперь, доведя свой культъ человѣческаго—слишкомъ человѣческаго до послѣднихъ предѣловъ, обожествивъ землю, и какъ бы разорвавъ ея связь съ мірами иными, онъ вновь стремится возстановить эту связь, найти вѣчное въ преходящемъ.

Но какъ возрожденіе не уничтожило христіанства, а лишь взглянуло новыми глазами на старый античный міръ, такъ теперь намъ предстоитъ, не отрицая того праведнаго, что создала новѣйшая культура, взглянуть новыми глазами на христіанство, понять его уже какъ начало динамическое, а не статическое.

Когда-то, соскабливая съ пергаментныхъ свитковъ житія святыхъ, гуманисты открывали подъ ними блѣдные знаки одъ Горація. Теперь настало время подъ знаками современной культуры найти ихъ вѣчную религіозную основу. Надо выявить въ завоеваніяхъ человѣческаго знанія и человѣческой воли абсолютную правду Христа. Она теперь не въ историческихъ церквахъ и не въ міру. Вѣрнѣе—и тамъ и тутъ. Надо только возродить ее въ нашемъ сознаніи, ощутить ея поступательное движеніе въ исторіи. И въ этомъ главная задача будущаго.

«Нѣтъ въ Европѣ другой культуры кромѣ эллинской» говоритъ Вячеславъ Ивановъ. Можно какъ угодно относиться къ христіанству вообще и къ двумъ главнымъ его историческимъ проявленіямъ: католичеству и православію. Можно имѣть самое разнообразное отношеніе къ проблемѣ христологіи. Но ставить всю европейскую культуру подъ знакъ эллинства нельзя, ибо это прежде всего не исторично. Въ европейской исторіи нельзя ничего понять, она становится сплошной загадкой, если не учитывать роли христіанства, столкновенія общественныхъ идей Рима и Византіи со строго личнымъ, аскетическимъ идеаломъ христіанства. Отношеніе Иванова къ христіанству такъ же некультурно, какъ отношеніе Савонаролы къ «эллинству». Психологія реставраторовъ, къ какому бы толку они ни принадлежали, всегда одинакова. Отсутствіе жизненности, непониманіе правды исторіи, плачъ по утерянному раю. У вскормленниковъ Вяч. Иванова эти реставраціонныя вожделѣнія доходятъ иногда до весьма комичнаго изувѣрства. Такъ, Сергѣй Городецкій пишетъ: «Развитіе славянской души на полпути было остановлено принятіемъ чужой вѣры, и еще не слившіеся въ одинъ костеръ языки огня—были залиты заморскимъ крещеніемъ» (*Вѣсы* 1907 г. № 8).

Развѣ это не черносотенство навыворотъ? Константинъ Леонтьевъ плакалъ надъ невозможностью спасти Россію отъ вторженія тлетворнаго

духа безбожнаго Запада — нынѣшніе славянофилы наизнанку горюютъ о томъ, что заморское крещеніе залило костеръ Ярилы и Барыбы.

О, конечно, это «черносотенство», это желаніе идти вспять—не серьезно. Это фантазіи разочарованныхъ, идейно безпомощныхъ мечтателей. Но опять-таки психологически эти фантазіи очень глубоки и полинны. «Отъ хорошей жизни не полетишь» говоритъ въ разсказѣ Горбунова одинъ зритель изъ толпы о портномъ-воздухоплавателѣ. И если наши современники хотятъ во что бы то ни стало летѣть, хотя бы вверхъ тормашками, лишь бы не стоять на мѣстѣ, то значитъ имъ стало не въ моготу. Все дрогнуло, все двинулось вокругъ нихъ. Куда идти—они не знаютъ, *пока* еще не знаютъ, но что пора собираться въ путь—это они чуютъ всѣмъ существомъ своимъ. И это хорошо, потому что жизнь—движеніе.

Если бы къ тому развалу, къ которому мы пришли, привели насъ здоровыя, нормальныя условія жизни—положеніе было бы безнадежно. Это значило бы, что нашъ организмъ неизлѣчимо боленъ. Но мы знаемъ, что современный кризисъ—слѣдствіе господства нездоровыхъ соціальныхъ *условій* и ложныхъ, или, вѣрнѣе, ставшихъ ложными, *идей*. Освободиться отъ власти этихъ двухъ устарѣвшихъ тирановъ безъ тяжелаго кризиса нельзя. Но болѣзнь наша не къ смерти, а къ выздоровленію. Послѣ долгой зимы вышли мы на весенній воздухъ и опьянѣли, голова закружилась. Можетъ быть, не всѣ вынесутъ рѣзкій вѣтеръ. Можетъ быть, многіе изъ насъ погибнутъ. Но многіе и спасутся. Впереди чуть брезжитъ свѣтъ нашего возрожденія, потому что никогда такъ не жаждала душа наша истиннаго знанія, полноты жизни, цѣлостнаго міропониманія, какъ теперь. Люди поняли, что всѣ вопросы поставлены передъ нами вновь, съ новой остротой, что всѣ старые отвѣты—уже не годятся. А нѣкоторые изъ насъ уже знаютъ, гдѣ искать отвѣта.

Наша современная литература отражаетъ нашу жизнь. Она полна всякихъ возможностей: дурныхъ и хорошихъ. Въ ней есть писатели талантливые, въ ней чувствуется подлинное томленіе духа.

Будемъ вѣрить, что при свѣтѣ религіознаго сознанія—она выйдетъ изъ великаго смятенія, и тьма не обниметъ ея.

Д. Философовъ.

П. А. Столыпинъ.

I.

13 мая 1906 года, когда старый чиновный баринъ И. Г. Горемыкинъ читалъ свой сдержанный и холодный по формѣ, но пропитанный желчью негодованія и презрѣнія, отвѣтъ на Всеподданнѣйшій адресъ первой Государственной Думы, въ министерской ложѣ сидѣлъ недавно назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпинъ и внимательно прислушивался къ тому необычайному разговору, который развертывался въ Таврическомъ дворцѣ. Ставленникъ реакціи съ худо скрытымъ лицемѣріемъ говорилъ: «Сознавая первостепенное значеніе мѣръ, направленныхъ къ обновленію нашего законодательства на началахъ Высочайшаго манифеста 17 октября 1905 года, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуто убѣжденіемъ, что могущество государства, его внѣшняя крѣпость и внутренняя сила неизмѣнно покоятся на закономѣрной, но твердой и дѣятельной исполнительной власти». На это первая Государственная Дума отвѣчала: «Исполнительная власть да покорится власти законодательной».

Такимъ образомъ министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпинъ въ первый же день своего знакомства съ русскимъ парламентомъ, вслушиваясь въ переговоры своего шефа, предсѣдателя совѣта министровъ Горемыкина, съ первой Думой, могъ нащупать главный узелъ трагическаго конфликта русской жизни. Съ одной стороны, существующая власть, инстинктивно чувствующая и противъ воли проговаривающаяся, что для нея «начала Высочайшаго манифеста 17 октября 1905 года» въ сущности несовмѣстимы съ «твердой и дѣятельной исполнительной властью», безъ которой, какъ правильно замѣтилъ глава правительства, немыслима «крѣпость и внутренняя сила государства». Съ другой стороны, общество, само по себѣ безсильное, но чувствующее основную фальшь бюрократіи, вмѣсто закономѣрной работы и сотрудничества властей, требуетъ: исполнительная власть да покорится законодательной...

Когда черезъ три недѣли, 8 іюня, П. А. Столыпину самому пришлось впервые выступить передъ Думой съ отвѣтами на запросъ о погромной дѣятельности властей, оборудовавшихъ съ этой цѣлью даже тайную ти-

графію въ помѣщеніи департамента полиціи, онъ всецѣло очутился во власти того же самаго трагическаго конфликта. Говоря о дѣйствіяхъ своихъ подчиненныхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ заявлялъ: «отдѣльные чины корпуса жандармовъ позволяли себѣ, дѣйствуя вполнѣ самостоятельно, вмѣшиваться въ политическую агитацію, что было своевременно остановлено... Эти дѣйствія неправильны, и министерство обязывается принимать самыя энергичныя мѣры къ тому, чтобы они не повторялись, и я могу ручаться, что повторенія ихъ не будетъ». На это министру отвѣчали, что указанныя имъ лица, дѣйствовавшія «неправильно», Будаговскій, Тимофеевъ, Комиссаровъ, Рачковскій, Подгоричани, получили награды и повышенія. «То, что нехорошо, того больше не будетъ»—заявлялъ министръ и въ отвѣтъ слышалъ крики: «а Бѣлостокскій погромъ?» «Осуждая всемѣрно произволъ и самовластіе,—говорилъ министръ,—нельзя не считать опаснымъ безвластіе правительства. Тутъ въ Государственной Думѣ раздавались обвиненія правительству въ желаніи насаждать вездѣ военное положеніе, управлять всей страной путемъ исключительныхъ законовъ; такого желанія у правительства нѣтъ». А въ отвѣтъ раздавался смѣхъ, шумъ, свистъ, крики: довольно! отставка!

Уже во время своего перваго думскаго выступленія П. А. Столыпинъ чувствовалъ, что онъ вступаетъ въ какую-то заколдованную область: «Мнѣ рисуется волшебный кругъ, изъ котораго выходъ, по-моему, такой: примѣнять существующіе законы до созданія новыхъ, ограждая всѣми способами и по мѣрѣ силъ права и интересы отдѣльныхъ лицъ. Нельзя сказать часовому: у тебя старое кремневое ружье; употребляя его, ты можешь ранить себя и постороннихъ; брось ружье. На это честный часовой отвѣтитъ: покуда я на посту, покуда мнѣ не дали новаго ружья, я буду стараться умѣло дѣйствовать старымъ». А въ отвѣтъ опять шумъ, смѣхъ...

II.

Первая Дума погибла. Сквозь шумъ и грохотъ думскихъ рѣчей П. А. Столыпинъ вѣрнымъ и твердымъ взглядомъ усмотрѣлъ, что за Думой не было никакой физической силы, что вся сила, поскольку она не изъѣдена глубокимъ анархическимъ процессомъ, попрежнему находится въ рукахъ исполнительной власти. П. А. Столыпинъ дерзнулъ и въ ночь съ 8 на 9 іюля превратился изъ министра внутреннихъ дѣлъ въ предсѣдателя совѣта министровъ.

Роспускъ первой Думы сопровождался несомнѣнно извѣстными формальными нарушеніями основныхъ законовъ, вродѣ отсутствія скрѣпы, неуказанія срока выборовъ и т. д. Срокъ созыва новой Думы назначался на 20 февраля 1907 года. Семь съ половиной мѣсяцевъ страна должна была существовать безъ народнаго представительства. Въ настоящее время мы не располагаемъ еще достаточными данными для отвѣта на вопросъ,

предполагалось ли вслѣдъ за роспускомъ первой Думы упразднить народное представительство и назначить диктатуру. Утверждали, что созывъ второй Думы въ назначенное время на основаніи формально неизмѣненнаго и только исправленнаго сенатскими разъясненіями избирательнаго закона, дался П. А. Столыпину не безъ серьезной борьбы съ реакціонными кругами. Въ то именно время выдвинулся совѣтъ объединеннаго дворянства, руководимый графомъ А. А. Бобринскимъ. Этотъ совѣтъ, одна рука котораго была среди камарильи, а другая среди демагогическихъ низовъ погромныхъ организацій, начиналъ въ то время диктовать свою волю. Имъ были поставлены четыре условія: роспускъ Думы, введеніе скорорѣшительныхъ судовъ, отказъ отъ приглашенія въ кабинетъ министровъ либеральныхъ общественныхъ дѣятелей (тогда переговоры велись съ графомъ Гейденомъ, Д. Н. Шиповымъ и Н. Н. Львовымъ) и, кромѣ того, дворянскимъ совѣтомъ рекомендовалось П. А. Столыпину «выйти изъ заколдованнаго круга прямымъ и смѣлымъ шагомъ»: поступиться соображеніями формальнаго свойства и, признавъ ошибку въ законѣ о выборахъ, произвести въ немъ необходимыя измѣненія. Первыя три условія были точно выполнены; передъ четвертымъ тогда остановились въ раздумьи. Время еще не приспѣло. И то, что было задумано въ іюнѣ 1906 г., было осуществлено только 3 іюня 1907 г.

Есть нѣкоторыя основанія думать, что П. А. Столыпинъ не безъ борьбы уступилъ домогательствамъ дворянства, что были минуты колебанія, которыя грозили Россіи введеніемъ диктатуры, что П. А. Столыпинъ, принявъ идею военно-полевыхъ судовъ, ограждалъ Россію и постъ предсѣдателя совѣта министровъ отъ диктатора. По крайней мѣрѣ, въ своей рѣчи по поводу военно-полевыхъ судовъ во второй Думѣ (13 мая 1907 г.) онъ говорилъ: «Бываютъ, господа, роковыя минуты въ жизни государства, когда государственная необходимость стоитъ выше права... Состояніе необходимой обороны доводило государство не только до усиленія репрессій, не только до примѣненія различныхъ репрессій къ различнымъ людямъ, къ различнымъ *категоріямъ* (?) людей,—оно доводило государство до подчиненія всѣхъ одной волѣ—произволу одного человѣка; оно доводило до диктатуры, которая иногда выводила государство изъ опасности и приводила къ спасенію».

Какъ бы тамъ ни было, обѣщаніе созвать Государственную Думу 20 февраля было выполнено. Семь мѣсяцевъ междудумья были страшнымъ кошмаромъ. Обнажилось истинное подполье русской жизни Организованныхъ силъ у общества для борьбы съ «исполнительной властью», какъ и предвидѣли люди, знавшіе русскую жизнь, не оказалось Но выяснилось, что нѣтъ той области, въ которую бы не проникъ червь анархіи. Военные бунты по своей безсмысленности и дикости ничѣмъ не отличались отъ крестьянскихъ безпорядковъ и еврейскихъ погромовъ. Учащаяся молодежь, наряду съ безкорыстными фанатиками и маніаками идеи или чувства, выдвинула много элементовъ, въ которыхъ обыкновенное негодяйство

причудливо переплелось съ поверхностно воспринятыми идейными переживаніями. Изъ народныхъ низинъ обыкновенные уголовные преступники, убійцы, воры, грабители, массами хлынули въ «политику» и, прикрываясь политическимъ знаменемъ, совершенно сгладили границу между идейными и просто корыстными преступленіями. Одной изъ жертвъ террора явился П. А. Столыпинъ, лично чудомъ спасшійся отъ смерти, но перенесшій еще болѣе страшное горе, горе отца у кровати своихъ искалѣченныхъ дѣтей. Трагическій личный эпизодъ сыгралъ большую роль и въ политической судьбѣ предсѣдателя совѣта министровъ. Личный героизмъ своеобразно освѣтилъ всю политическую программу П. А. Столыпина и придалъ особый вѣсъ его словамъ и заявленіямъ. Террористы, отдавшіе на Аптекарскомъ островѣ свою жизнь ради того, чтобы, уничтоживъ около сотни случайно собравшихся людей, поразить между ними и П. А. Столыпина, воздвигли ему прочный и красивый пьедесталъ. Они помогли бы, быть можетъ, ему и выиграть его «дѣло», если бы судьбы народа дѣйствительно зависѣли отъ отдѣльныхъ лицъ, какой бы властью и какими бы способностями послѣдніе ни обладали...

III.

20 февраля собралась вторая Государственная Дума, и П. А. Столыпинъ не безъ гордости сказалъ ей въ эффектной рѣчи, защищавшей министерскую декларацію отъ нападокъ соціалъ-демократовъ: «борясь исключительными средствами въ исключительное время, правительство вело и привело страну во вторую Думу». Вторая Дума была «его» Думой, Столыпинской Думой. «Вести и привести страну во вторую Думу» было его point d'honneur. Но эта вторая Дума была думой крайне лѣвой, насчитывавшей въ своихъ рядахъ свыше 200 соціалистовъ. Такова была вольная или невольная цѣна за борьбу съ кадетами, составлявшую одно изъ главныхъ звеньевъ политики П. А. Столыпина.

Надо было войти въ сношенія съ этой революціонной Думой, и «честный часовой со старымъ кремневымъ ружьемъ» предсталъ передъ парламентомъ съ обширной министерской декларацією. Вещи познаются только по сравненію, и первую декларацію, прочитанную П. А. Столыпинымъ 6 марта 1907 года, мы можемъ оцѣнить, только сравнивъ ее со второй, прочитанной передъ благонамѣренной третьей Думой.

Въ заявленіи, сдѣланномъ 6 марта 1907 года, предсѣдатель совѣта министровъ прежде всего говорилъ о совмѣстной съ Государственной Думой дѣятельности. Затѣмъ П. А. Столыпинъ заявилъ, что «ранѣе всего правительство почло своимъ долгомъ выработать законодательныя нормы для тѣхъ основъ права, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября, которыя еще закономъ не установлены». Въ концѣ декларації еще разъ говорилось о «происшедшемъ въ октябрѣ 1905 года коренномъ измѣненіи въ нашемъ государственномъ устройствѣ». Помимо изложенія этихъ общихъ

началъ и защиты междудумской правительственной аграрной политики, о которой рѣчь будетъ особо, первая декларація П. А. Столыпина содержала перечень множества реформъ во всѣхъ отрасляхъ русской жизни. Всѣмъ обывателямъ преподносились законы о свободѣ совѣсти, неприкосновенности личности, жилищъ, тайна корреспонденціи. Эти законопроекты обѣщали свободу перехода изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, безпрепятственное богомоленіе, отмѣну связанныхъ исключительно съ исповѣданіемъ ограниченій и т. п. Вмѣсто трехъ исключительныхъ положеній министерство предлагало одно, внося въ то же время законъ о неприкосновенности личности. Представленъ былъ цѣлый рядъ законовъ, касающихся мѣстнаго управленія и самоуправленія: о безсословной самоуправляющейся волости, земельныхъ обществахъ, поселковомъ управленіи, о земскомъ и городскомъ преставительствѣ, при чемъ предствалено было нѣсколько уставовъ, регулирующихъ различныя отрасли мѣстнаго хозяйства и расширяющихъ компетенцію органовъ самоуправленія. Декларація обѣщала ввести мѣстное самоуправленіе въ Прибалтійскомъ и Западномъ краяхъ и въ Царствѣ Польскомъ. Предстояла и административная мѣстная реформа: министерство внесло проекты законовъ о губернскомъ и уѣздномъ управленіи и объ участковыхъ комиссарахъ. Главное вниманіе обращено было на организацію административнаго суда для облегченія жалобъ на дѣйствія должностныхъ лицъ. Земскихъ начальниковъ декларація обѣщала упразднить, жандармскую полицію объединить съ общей, передать политическія дознанія слѣдственной власти и т. д. Преобразованіе мѣстнаго суда ставилось на первый планъ. Вводились выборные мировые судьи. Въ Думу вносился проектъ о гражданской и уголовной отвѣтственности служащихъ. Признавая рабочее движеніе «естественнымъ стремленіемъ рабочихъ къ улучшенію своего положенія», декларація обѣщала рабочимъ «свободу дѣйствій черезъ посредство профессіональныхъ организацій и путемъ ненаказуемости экономическихъ стачекъ», страхованіе на случай болѣзни, увѣчій, инвалидности, старости, организацію врачебной помощи, ограниченіе труда женщинъ и подростковъ, сокращеніе времени труда взрослыхъ рабочихъ. Намѣчалась широкая школьная реформа «на началахъ непрерывной связи низшей, средней и высшей школы».

Однимъ словомъ, какъ тогда замѣчали, министерская декларація содержала экстрактъ изъ внутреннихъ обозрѣній *Вѣстника Европы* за то двадцатилѣтіе, въ которое слово «конституція» было изъято изъ русской жизни.

IV.

Надлежащую оцѣнку этой первой декларацiи наиболѣе проницательные люди сдѣлали еще тогда. Теперь же, послѣ того, какъ мы ознакомились со второй декларацiей, сдѣланной семь мѣсяцевъ спустя и растерявшей половину обѣщанныхъ реформъ, произвести такую оцѣнку и вовсе нетрудно.

Немедленно послѣ прочтенія декларацiи началось умираніе второй Думы. Это было тяжелое, гнетущее зрѣлище, способное привести въ ужасъ каждаго искренняго патріота. Предсѣдатель совѣта министровъ говорилъ, что «правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совмѣстная работа, найти тотъ языкъ, который былъ бы одинаково намъ понятенъ», а министерская печать день изо дня поносила Думу, какъ скопище преступниковъ, травила партію народной свободы, которая, несмотря на крайне неблагопріятныя условія, дѣлала попытки образованія конституціоннаго центра. Та самая трагедія, которая разыгрывалась въ первой Думѣ, повторилась и во второй, только въ формѣ болѣе тяжелой, такъ какъ безсиліе общества, точно въ насмѣшку выславшаго крайнее большинство, было очевидно для всѣхъ. Каждому было ясно, что бюрократія играетъ съ Думой, какъ кошка съ мышкой, и только ищетъ удобнаго предлога, чтобы распустить ее, наиболѣе скомпрометировавъ оппозиціонныя партіи. Такой предлогъ и былъ найденъ въ ту минуту, когда Дума уже наполовину обсудила серьезный законъ о мѣстномъ судѣ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ теперь опредѣлить, насколько основательно было обвиненіе въ заговорѣ, взведенное на соціалъ-демократическую фракцію второй Думы, такъ какъ, вопреки обѣщаніямъ, дѣло о заговорѣ разбиралось при закрытыхъ дверяхъ.

Смерть второй Думы ни для кого не явилась неожиданностью. Декларація, переполненная реформами, была прочитана—на томъ дѣло и кончилось. Предназначалась она не столько для русскихъ людей, сколько для за-границы, гдѣ должны были убѣдиться, что русскую оппозицію никакой самой широкой и либеральной программой не удовлетворишь.

При роспускѣ второй Думы программа совѣта объединеннаго дворянства была уже выполнена въ точности. Изъ «заколдованнаго круга» вышли «прямымъ и смѣлымъ шагомъ», «соображеніями формальнаго свойства» поступились съ очень легкимъ сердцемъ: «ошибка» въ избирательномъ законѣ была признана и этотъ законъ измѣненъ, несмотря на буквальный текстъ ст. 87 «основныхъ законовъ», категорически возбраняющей измѣненіе избирательнаго закона помимо согласія Думы.

Актъ 3 іюня былъ «фактомъ» и за таковой его признали всѣ партіи за исключеніемъ соціалистовъ-революціонеровъ, объявившихъ бойкотъ третьей Думѣ. Опять наступило бездумье. Пять мѣсяцевъ часовые со старыми кремневыми ружьями стрѣляли во всѣ стороны, нанося раны и себѣ, и случайно подвертывавшимся людямъ. Но за это время часовые уже отвыкли отъ мысли, что находящееся у нихъ въ рукахъ ружье старое и негодное и начали свыкаться съ тѣмъ, что въ сущности для русскихъ людей никакого иного ружья и не полагается. Пообѣщавъ въ первой декларацiи не мѣнѣе сотни реформъ, правительство за время второго междудумья не осуществило ни одного пункта изъ своей программы. Эти пять мѣсяцевъ были, очевидно, посвящены составленію второй декларацiи.

V.

Наконецъ 16 ноября 1907 г. П. А. Столыпинъ выступилъ съ декларацiей передъ правой Думой, вышедшей изъ рядовъ привилегированнаго меньшинства, въ руки котораго актъ 3 iюня отдалъ представительство отъ народа. Вторая декларацiя въ теченiе одного года!—но какая огромная перемѣна за эти семь мѣсяцевъ и въ тонѣ, и въ содержанiи! Второй, «революцiонной» Думѣ говорили о «совмѣстной дѣятельности» *правительства* съ народнымъ представительствомъ, третьей, «благонамѣренной» Думѣ говорятъ уже о «совмѣстной работѣ *вашей* съ правительствомъ». Въ первой декларацiи была выказана «твердость», во второй къ твердости присоединились и угрозы по отношенiю къ чиновникамъ, педагогамъ и судьямъ, которымъ было указано на возможность отмѣны судейской несмѣняемости. Эти угрозы были, быть можетъ, единственнымъ реальнымъ содержанiемъ декларацiи, такъ какъ обѣщанiя всѣхъ остальныхъ реформъ въ этой декларацiи были заключены въ очень оригинальную рамку. Правительство, по словамъ декларацiи, не отказывается отъ «расширенiя и переустройства мѣстнаго самоуправленiя, реформы мѣстнаго управленiя, развитiя просвѣщенiя», отъ установленiя неприкосновенности личности и т. д., но оно ставитъ проведенiе всѣхъ этихъ реформъ въ зависимость отъ того, приметъ или не приметъ Государственная Дума правительственные земельные законопроекты, изданные въ первое междудумье на основанiи ст. 87 основ. зак. Правительство согласно допустить въ эти законы «усовершенствованiя, быть можетъ, поправки», но «въ конечномъ результатѣ твердо надѣется на приданiе имъ упроченной силы путемъ законодательнаго утвержденiя». Если Государственная Дума исполнитъ волю правительства, тогда декларацiя согласна предоставить народному представительству «строить необходимыя для страны преобразованiя». Вотъ эта черта и является совершенно новой во второй декларацiи, и она столь важна, что по сравненiю съ ней блѣднѣютъ всѣ остальныя многочисленныя различiя между первой и второй декларацiями.

Само собою разумѣется, что во второй декларацiи нѣтъ ни признанiя «естественности рабочаго движенiя», ни слова о профессiональныхъ союзахъ, ненаказуемости экономическихъ стачекъ, ограниченiя труда подростковъ, женщинъ и взрослыхъ рабочихъ. Правительство только говоритъ, что «государственное попеченiе о неспособныхъ къ труду рабочихъ, страхованiе ихъ и обезпеченiе имъ врачебной помощи останавливаютъ теперь его особенное вниманiе». Понятно, что въ декларацiи, заключающей явную угрозу по адресу педагогическаго персонала, нѣтъ ничего ни о «школьной реформѣ на всѣхъ ступеняхъ образованiя», ни даже «объ общедоступности начальнаго образованiя». За семь мѣсяцевъ «ближайшiя задачи министерства» обратились въ отдаленныя грезы, почти утопiи. Нечего удивляться, что исчезли упоминанiя о законопроектахъ, о граждан-

ской и уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ, объ упраздненіи земскихъ начальниковъ, о свободѣ совѣсти, неприкосновенности жилищъ, тайнѣ корреспонденціи и проч., и проч. Заявленіе первой декларации, что самоуправленіе на общихъ основаніяхъ предполагается ввести въ Прибалтійскомъ, Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ» смѣнилось туманнымъ обѣщаніемъ внести «проекты самоуправленія на *нѣкоторыхъ* окраинахъ»... Кое-какіе изъ старыхъ проектовъ были внесены въ Думу, такъ сказать, изъ приличія.

Естественно, что во второй декларации нѣтъ и упоминанія о манифестѣ 17 октября, нѣтъ ничего, подобнаго крамольнымъ словамъ, сказаннымъ П. А. Столыпинымъ 6 марта о «происшедшемъ въ октябрѣ 1905 г. коренномъ измѣненіи нашего государственнаго устройства». Въ обширной декларации 6 марта ни разу не встрѣчалось слова «самодержавіе», въ декларации 16 ноября весь конецъ посвященъ апологіи самодержавной власти, которая одна «призвана въ минуты потрясеній и опасности для государства къ спасенію Россіи на путь порядка и исторической правды». Въ своей второй рѣчи, прямо назвавъ «*актъ 3 іюня*», П. А. Столыпинъ воскликнулъ: «Не мнѣ, конечно, защищать право Государя спасать въ минуту опасности ввѣренную ему Богомъ державу». Существующій у насъ строй П. А. Столыпинъ опредѣляетъ, какъ «строй представительный, дарованный самодержавнымъ Монархомъ и, слѣдовательно, обязательный для всѣхъ его вѣрноподданныхъ».

Несмотря на категорическій тонъ П. А. Столыпина, сущность спора все же осталась невыясненной. Если можно «спасать» страну измѣненіемъ избирательнаго закона, почему нельзя спасать ее, наприм., утвержденіемъ закона, принятаго Государственнымъ Совѣтомъ и отвергнутаго Государственной Думой или утвержденіемъ его въ формѣ, несогласной съ той, въ которой онъ вышелъ изъ представительныхъ учрежденій? Всякій абсолютизмъ склоненъ видѣть въ противорѣчіи его планамъ опасность, грозящую гибелью странѣ, склоненъ считать, что въ проведеніи этихъ плановъ и заключается спасеніе страны. При такихъ условіяхъ исчезаетъ всякая основа твердаго порядка, колеблется почва подъ закономѣрностью строя. Сегодня существуютъ такіе-то законы, завтра они отмѣняются въ экстра-ординарномъ порядкѣ или вводятся новые въ виду того, что это требовалось спасеніемъ страны.

Теорія, развитая П. А. Столыпинымъ, есть теорія просвѣщеннаго абсолютизма, соглашающагося терпѣть около себя представительныя учрежденія, если они согласны одобрять правительственныя мѣропріятія. При свѣтѣ этой теоріи становится понятной и та совершенно новая черта, которой вторая декларація отличается отъ первой. Третья Государственная Дума призвана одобрить земельныя мѣропріятія правительства. Когда это будетъ сдѣлано, Думѣ будетъ предоставлена возможность одобрить другія предположенія о мѣстныхъ реформахъ. Если же земельныя мѣро-

пріятія, изданныя по ст. 87, будутъ отвергнуты, придется снова спасать Россію *)...

VI.

Таковъ зигзагъ отъ «честнаго часового съ кремневымъ ружьемъ», самоотверженно ждущаго, пока его снабдятъ усовершенствованнымъ оружіемъ, и корректно настаивающаго на такой замѣнѣ, до премьеръ-министра, развертывающаго передъ глазами «революціонной Думы» огромную реформаторскую программу, а отъ него до предсѣдателя совѣта министровъ, апологета акта 3 іюня, автора своеобразной теоріи спасенія Россіи.

Получается странное, кошмарное впечатлѣніе. Сотни важныхъ существенныхъ для населенія реформъ, точно волшебные шары, вылетаютъ неизвѣстно откуда, прыгаютъ, мѣшаются одни съ другими и затѣмъ неизвѣстно куда исчезаютъ. Точно и на самомъ дѣлѣ это не реформы, а баллоны, выпускаемые съ развѣдочными цѣлями. Невольно возникаетъ мысль, что этихъ реформъ тѣмъ больше и тѣмъ онѣ шире, чѣмъ меньше шансовъ на ихъ осуществленіе. Серьезно ли все это или тутъ преслѣдуются какія-то особыя цѣли? Обыватель, ошеломленный этой массой реформъ, способенъ окончательно потерять голову и остаться съ раскрытымъ ртомъ передъ блестящимъ пиршествомъ. Вѣдь даже въ третьей Думѣ, послѣ второй декларацiи, нашелся одинъ правый депутатъ, Марковъ 2-й, простодушно выболтавшій, что «если правительство выполнитъ хотя бы половину того, что здѣсь было объявлено, то Россія будетъ вознесена на высоту могущества, силы, покоя». Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ возносить ее на двойную высоту, выполнивши все, что «объявлено?» На какую же высоту она была бы возвышена, если бы выполнено было все, что объявлялось во второй Думѣ? На высоту разъ въ десять бо́льшую противъ той, о которой мечтаетъ Марковъ 2-й, патріотизмъ котораго, какъ видимъ, не особенно великъ сравнительно съ полетомъ первой декларацiи, прочитанной П. А. Столыпинымъ 6 марта 1907 г. передъ «лѣвой» Думой...

Развертывается, положительно, какая-то феерія... Чтобы найти ключъ къ загадкѣ, добраться до смысла всего, что творится съ роспуска первой Думы до нашихъ дней, когда всѣ видимыя нити политической власти сосредоточились въ рукахъ П. А. Столыпина, намъ надо обратиться къ сердцевинѣ правительственной политики, къ тому, что составляетъ и idée-

---

*) Одинъ изъ правыхъ депутатовъ-„простецовъ“ М. Сушковъ въ засѣданіи 13 ноября такъ развилъ эту мысль, изложенную министромъ въ ученыхъ терминахъ: „Толкуемъ безплодно. Говорятъ, въ Высочайшемъ повелѣніи 17 октября сказано, что ни одинъ законъ не имѣетъ силу безъ одобренія. Да, одобряйте. Вѣдь тамъ не сказано утверждайте, а только одобряйте. Ну, и одобряйте“. (*Бурныя рукоплесканія правыхъ. Смѣхъ въ центрѣ и налѣво.*) Съ тѣхъ же скамей рукоплескали и П. А. Столыпину...

maîtresse П. А. Столыпина. Такая идея у него безусловно есть, идея ясная, опредѣленная. Этимъ онъ, быть можетъ, больше всего отличается отъ своихъ предшественниковъ, среди которыхъ было очень много опытныхъ, энергичныхъ или вялыхъ полицейскихъ, были и ловкіе люди, умѣвшіе пускать пыль въ глаза, и обыкновенные честолюбцы-интриганы, но было мало людей, у которыхъ традиціи носителя твердой власти уживались бы въ Думѣ съ индивидуальной излюбленной мечтой. Конечно, лелѣять въ душѣ своей мечту не значитъ еще осуществлять ее въ жизни. «Мнѣ представляется,—заявилъ П. А. Столыпинъ въ своей рѣчи 16 ноября,—что когда путникъ направляетъ свой путь по звѣздамъ, онъ не долженъ отвлекаться встрѣчными попутными огнями».

Но по звѣздамъ нерѣдко направляли свой путь и иллюзіонисты...

VII.

Если отодвинуть въ сторону всѣ обѣщанія будущихъ благъ, оставленныя и во второй декларацiи, хотя сравнительно съ первой и въ очень ощипанномъ видѣ, то реально-политическое содержаніе прочитаннаго 16 ноября П. А. Столыпинымъ заявленія сводится къ слѣдующимъ четыремъ пунктамъ: 1) Дума должна утвердить бюджетъ, чтобы государственные финансы имѣли приличный видъ; 2) Дума должна дать денегъ и подготовить почву для займа; 3) чиновники, особенно судьи и педагоги, должны знать, что надъ ними виситъ Дамокловъ мечъ; 4) Дума должна утвердить правительственные земельные законы, такъ какъ безъ этого невозможны никакія реформы.

Въ концѣ-концовъ, не на словахъ, а на дѣлѣ, вмѣсто множества реформъ Государственной Думѣ предлагается только одна, да и та въ видѣ ультиматума: утвердите правительственную земельную программу. Сущность этой программы выражена П. А. Столыпинымъ въ слѣдующихъ словахъ декларацiи: «Признаніе неприкосновенности частной собственности и, какъ послѣдствіе отсюда вытекающее, созданіе мелкой личной земельной собственности, реальное право выхода изъ общины и разрѣшеніе вопросовъ улучшеннаго землепользованія—вотъ задачи, осуществленіе которыхъ правительство считало и считаетъ вопросами бытія русской державы». Въ рѣчи, сопровождавшей правительственную декларацію, П. А. Столыпинъ, не связанный уже официальнымъ тономъ, далъ волю своему краснорѣчію и воспѣлъ гимнъ «крѣпкимъ людямъ земли», крестьянамъ—мелкимъ собственникамъ. «Пока крестьянинъ бѣденъ, пока онъ не обладаетъ личной земельной собственностью, пока онъ находится насильно въ тискахъ общины—онъ останется рабомъ и никакой писаный законъ не дастъ ему блага гражданской свободы». Надо дать удовлетвореніе «врожденному у каждаго человѣка, а потому и у нашего крестьянина, чувству личной собственности, столь же естественному, какъ чувство голода, какъ влеченіе къ продолженію рода». «Мелкій земельный собственникъ, несомнѣнно

явится ядромъ будущей мелкой земской единицы; онъ, трудолюбивый, обладающій чувствомъ собственнаго достоинства, внесетъ въ деревню и культуру, и просвѣщеніе, и достатокъ» и т. д., и т. д.

И во второй Думѣ П. А. Столыпинъ провозглашалъ тѣ же самыя идеи, правда, въ болѣе неопредѣленной формѣ, которая нѣсколько щадила бы соціалистическія настроенія значительнаго числа депутатовъ. Онъ говорилъ (въ рѣчи 10 мая), что правительство должно дать трудолюбивому крестьянину, «соли земли русской», возможность «укрѣпить за собой плоды трудовъ своихъ и предоставить ихъ въ неотъемлемую собственность», «освободиться отъ тисковъ», отъ «теперешнихъ условій жизни». Развивая свой планъ, сводящійся къ продажѣ крестьянамъ земли въ собственность съ уплатой части цѣны государствомъ, П. А. Столыпинъ во второй Думѣ говорилъ, что если эта мысль «можетъ напомнить принципы соціализма, то соціализма государственнаго, который примѣнялся не разъ въ западной Европѣ и приносилъ реальные и существенные результаты». Передъ третьей Думой П. А. Столыпинъ не рѣшился произнести даже такую похвалу «соціализму государственному». Въ рѣчи, которую П. А. Столыпинъ держалъ передъ депутатами третьей Думы, онъ парадировалъ въ древне-русскомъ кафтанѣ. Переводя, по язвительному замѣчанію П. Н. Милюкова, съ нѣмецкаго своихъ «крѣпкихъ людей земли» (fester Bauernstand), предсѣдатель совѣта министровъ торжественно доказывалъ, что «нельзя къ нашимъ русскимъ корнямъ, къ нашему русскому стволу прикрѣплять какой-то чуждый, чужестранный цвѣтокъ», и даже кончилъ свою рѣчь громкими, но малосодержательными словами: «неуклонная приверженность къ русскимъ историческимъ началамъ—противовѣсъ безпочвенному соціализму». «Соціализмъ государственный» на этотъ разъ выпалъ изъ поля зрѣнія краснорѣчиваго министра...

Ниже мы увидимъ, что, несмотря на свою горячую и самоотверженную защиту «130,000 культурныхъ очаговъ», П. А. Столыпинъ сказалъ во второй Думѣ кое-что такое, что весьма не понравилось русскому дворянству и отъ повторенія чего онъ остерегся въ рѣчи, произнесенной 16 ноября. Эти, не всегда замѣтныя съ перваго взгляда, различія между тѣмъ, что говорилъ предсѣдатель совѣта министровъ весной 1907 г., и тѣмъ, что онъ сказалъ осенью того же года, конечно, очень интересны, такъ какъ бросаютъ яркій свѣтъ на силы, руководящія гдѣ-то вдали, за кулисами открытой сцены, нашей внутренней политикой. Но справедливость заставляетъ насъ тотчасъ же прибавить, что основная идея П. А. Столыпина зародилась у него давно, а не представляетъ случайный продуктъ, результатъ какихъ-либо сторонніхъ вліяній. Свою идею созданія изъ русскаго крестьянина свободнаго личнаго собственника П. А. Столыпинъ принесъ съ собой въ министерство. Ему ея не навязывали со стороны. Она давно сидѣла у него въ головѣ, онъ годами вынашивалъ ее. Этой своей идеей П. А. Столыпинъ и отличается отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ по министерству внутреннихъ дѣлъ...

VIII.

Во второй Думѣ П. А. Столыпинъ говорилъ: «пробывъ около 10 лѣтъ у дѣла земельнаго устройства, я пришелъ къ глубокому убѣжденію, что въ дѣлѣ этомъ нужна продолжительная черная работа... Разрѣшить этого вопроса нельзя, его надо разрѣшать». У насъ подъ рукой имѣются матеріалы, позволяющіе судить, какихъ убѣжденій по этому вопросу держался П. А. Столыпинъ въ 1902 году, когда, исправляя должность гродненскаго губернатора, онъ предсѣдательствовалъ въ мѣстномъ губернскомъ комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (см. «Труды мѣстныхъ комитетовъ», вып. XI, Гродненская губернія. Спб., 1903 г.)

Это было то время, когда В. К. Плеве ликвидировалъ «затѣю Витте». Начиналось движеніе общественной мысли, но никто, конечно, не могъ предвидѣть того, что разгорѣлось три года спустя. Мнѣнія, высказанныя тогда П. А. Столыпинымъ, безспорно, въ значительной мѣрѣ отражаютъ общій административный духъ, но въ нихъ можно подмѣтить оригинальныя и характерныя черты. Уже въ первомъ засѣданіи губернскаго комитета, 16 іюля 1902 г. въ своей вступительной рѣчи П. А. Столыпинъ указалъ, какъ на «главнѣйшіе факторы улучшенія сельско-хозяйственной промышленности губерніи», на 1) разселеніе крестьянъ на хутора, 2) переходъ отъ шнурового пользованія надѣльными землями къ хуторскому хозяйству, 3) устраненіе черезполосности земель, 4) меліоративный кредитъ. Въ ноябрьскихъ совѣщаніяхъ онъ подробнѣе развилъ свою аграрную программу. «Сохранить установившіеся, вѣками освященные, способы правопользованія землей,—говорилъ въ концѣ 1902 г. нынѣшній предсѣдатель совѣта министровъ,—нельзя, такъ какъ они выразятся въ концѣ-концовъ экономическимъ крахомъ и полнымъ разореніемъ страны». Въ частности для Гродненской губерніи онъ выдвигалъ на первую очередь уничтоженіе сервитутовъ и разверстаніе чрезполосныхъ земель, «безъ чего никакое серьезное улучшеніе сельскаго хозяйства, вообще, произойти не можетъ». Въ дѣлѣ уничтоженія вредныхъ «способовъ правопользованія землей» П. А. Столыпинъ стоялъ за радикальныя мѣры: «ставить въ зависимость отъ доброй воли крестьянъ моментъ ожидаемой реформы, разсчитывать, что при подъемѣ умственнаго развитія народонаселенія, которое настанетъ неизвѣстно когда, жгучіе вопросы разрѣшатся сами собой,—это значитъ отложить на неопредѣленное время проведеніе тѣхъ мѣропріятій, безъ которыхъ немыслима ни культура, ни подъемъ доходности земли, ни спокойное владѣніе земельной собственностью».

Руководившіе въ то время нашей земельной политикой Стишинскій и Гурко держались нѣсколько иныхъ точекъ зрѣнія и въ сохраненіи общины видѣли одно изъ условій сохраненія самодержавія. Общимъ для Столыпина и тѣхъ дѣятелей, аграрныя идеи которыхъ воспринялъ Плеве, были лишь безграничная вѣра во всесиліе административныхъ мѣръ и худо скрытое

недовѣріе къ «подъему умственнаго развитія народонаселенія, которое настанетъ неизвѣстно когда». Само собою разумѣется, что въ 1902 г. П. А. Столыпинъ былъ абсолютистомъ, хотя и просвѣщеннымъ, но былъ ли онъ вполнѣ чистымъ абсолютистомъ? Въ его рѣчахъ проскальзываютъ какіе-то слабые намеки на необходимость и общественной самодѣятельности и, во всякомъ случаѣ откровенные крѣпостники не вызывали его сочувствія. На одномъ изъ засѣданій комитета кн. А. К. Святополкъ-Четвертинскій развилъ обычную крѣпостническую теорію: «намъ нужна рабочая сила человѣка, нуженъ физическій трудъ, а не образованіе. Образованіе должно быть доступно обезпеченнымъ классамъ, а не массѣ, нравственные и государственные взгляды которой таковы, что съ введеніемъ обязательнаго образованія или съ расширеніемъ доступа въ школы она несомнѣнно будетъ стремиться къ государственному перевороту, соціальной революціи и анархіи». На эту рѣчь гродненскаго зубра П. А. Столыпинъ отвѣтилъ горячей отповѣдью. «Бояться грамоты и просвѣщенія, бояться свѣта нельзя. Образованіе народа, правильно и разумно поставленное, никогда не поведетъ его къ анархіи. Сравните Германію и Италію: главный контингентъ анархистовъ даетъ послѣдняя страна, а народное образованіе въ ней очень слабо. Общее образованіе въ Германіи должно служить идеаломъ для многихъ культурныхъ странъ... Соціализмъ въ Германіи скорѣе академическій вопросъ, и предохранительный клапанъ распространенія соціализма и соціалистическихъ идей—страхованіе рабочихъ... Для всей страны нашей необходимо общее женское образованіе. Распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній, безъ которыхъ земледѣльческая страна существовать не можетъ и мало-по-малу приходитъ къ разоренію, зависитъ отъ общаго образованія. Развивайте его по широкой программѣ въ связи съ преподаваніемъ сельско-хозяйственныхъ знаній, и вы дадите большую обезпеченность земледѣльческому классу, самому консервативному въ каждой странѣ» и т. д., и т. д. (см. указанные «Труды», вып. XI, стр. 32).

Въ то же время, какъ предсѣдатель совѣщанія, П. А. Столыпинъ не допускалъ никакихъ «общихъ вопросовъ», въ той или иной мѣрѣ касающихся государственнаго строя. Онъ, правда, признавалъ, что, «быть можетъ, всякое политическое ограниченіе и вноситъ въ иныхъ случаяхъ экономическое стѣсненіе», но въ другой разъ довольно рѣшительно заявилъ, что вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности съ вопросомъ о введеніи земской реформы «не имѣетъ тѣсной, непосредственной и, такъ сказать, органической связи» (стр. 181).

Когда вообще встрѣчаешься съ «народолюбивыми» и «просвѣтительными» взглядами П. А. Столыпина начала девятисотыхъ годовъ, нельзя забывать, что онъ былъ губернаторомъ въ Гродненской губерніи, гдѣ огромное большинство помѣщиковъ поляки и гдѣ давно дѣйствуетъ старая традиція россійской бюрократіи выдавать себя за авангардъ демократіи. Тотъ же П. А. Столыпинъ такъ, наприм., формулировалъ свое отношеніе

къ обязательному обученію: «со временемъ обязательное обученіе будетъ понятно, такъ какъ единственная цѣль и главная задача школъ—обученіе знанію государственнаго языка и воспитаніе русскихъ гражданъ». Такъ сузить значеніе народнаго образованія можно, конечно, только въ пылу борьбы съ полонизмомъ, который въ Гродненской губерніи представленъ былъ, главнымъ образомъ, помѣщиками...

IX.

Гражданскій губернаторъ П. А. Столыпинъ полагалъ, что для поднятія благосостоянія Россіи необходимо сдѣлать крестьянина самостоятельнымъ мелкимъ собственникомъ, уничтоживъ сервитуты, размежевавъ черезполосныя земли и создавъ для него хутора. Достиженіе этой цѣли онъ считалъ возможнымъ внѣ всякой связи съ общественно-политическими реформами. Скорѣе, наоборотъ, проведеніе реформъ онъ ставилъ въ зависимость отъ превращенія крестьянскаго хозяйства въ хуторское. Тѣмъ самымъ всякія общественно-политическія реформы отодвигались въ безгранично отдаленное будущее время.

Предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ свой гродненскій опытъ распространилъ на всю Россію. Спасеніе Россіи онъ попрежнему видитъ въ созданіи класса мелкихъ земельныхъ собственниковъ, крѣпкихъ людей земли, ведущихъ хуторское хозяйство. Но такъ какъ въ большей части Россіи господствуетъ не подворное, хотя и шнуровое, землевладѣніе, а общинное, то къ требованію разверстанія черезполосныхъ земель присоединилось еще болѣе важное требованіе свободнаго выдѣла изъ общины съ землей съ отводомъ ея къ одному мѣсту.

Въ декларации, прочитанной въ третьей Думѣ, П. А. Столыпинъ уже безъ обиняковъ поставилъ образованіе класса мелкихъ собственниковъ предварительнымъ условіемъ для созданія осуществленія какихъ-либо реформъ. Только при образованіи такого класса предсѣдатель совѣта министровъ соглашается на созданіе мелкой земской единицы, безъ которой земская реформа не имѣетъ никакой цѣны. Только когда появится мелкій земельный собственникъ, «писаная свобода превратится и претворится въ свободу настоящую». «Писаная свобода»—это не что иное, какъ манифестъ 17 октября, и въ приведенныхъ выше словахъ предсѣдатель совѣта министровъ далъ точный отвѣтъ на докучные вопросы, когда же будутъ осуществлены въ жизни начала манифеста.

Наиболѣе проницательные члены Гос. Думы отлично разобрались въ томъ, что хотѣлъ сказать П. А. Столыпинъ, и перевели его мысли на общедоступный языкъ. «Мечтанія правительства,—сказалъ, напр., г. Бобянскій въ своей рѣчи 20 ноября,—что гражданскія свободы осуществятся въ Россіи въ дѣйствительности лишь тогда, когда будетъ закончена реформа землеустройства, когда создастся крупное земельное крестьянство,

мнѣ кажется, отдалитъ осуществленіе свободъ, по крайней мѣрѣ, на сто лѣтъ. Для того, чтобы въ Россіи устроить земельныя условія такъ, какъ полагаетъ предсѣдатель совѣта министровъ, необходимы громадныя, милліардныя средства; для этого необходимы вѣка труда многихъ поколѣній, и тѣмъ не менѣе сомнительно, чтобы эти условія когда-нибудь могли осуществиться».

Становится поэтому понятнымъ, почему П. А. Столыпинъ былъ такъ щедръ на обѣщанія реформъ во второй Думѣ, завѣдомо враждебной его земельному законодательству, и почему списокъ реформъ такъ сильно поблѣднѣлъ и сократился, а главное, былъ поставленъ въ прямую зависимость отъ принятія народными представителями правительственной земельной программы въ третьей Думѣ, на покорность которой можно было прочно разсчитывать. Освободительныя реформы, иначе говоря, установленіе у насъ, если не на словахъ, то на дѣлѣ конституціоннаго строя, безусловно отодвинуто на второй планъ, но было бы несправедливо видѣть въ этомъ результатъ личной воли П. А. Столыпина. Тутъ узелъ трагедіи всей русской жизни.

X.

Характерно, что г. Бобянскій, проницательно нащупавшій сердцевину правительственной декларації, въ своей рѣчи открыто заявилъ, что онъ самъ «поклонникъ» хуторского хозяйства. Даже лидеръ партіи «народной свободы», П. Н. Милюковъ, наиболѣе безпощадно отнесшійся къ земельной политикѣ правительства и охарактеризовавшій ее, какъ «революціонную», счелъ нужнымъ сдѣлать оговорки, которыя нельзя не считать симптоматическими. «Я вовсе не сторонникъ русской общины quand même», заявилъ Милюковъ, а говоря о стремленіяхъ «укрѣпить право собственности среди крестьянъ», прибавилъ: «можетъ быть, отчасти я даже присоединяюсь къ тому, что тутъ есть элементы правильные». Но онъ все время настаивалъ, что «эта реформа не можетъ быть столь немедленной», что «этотъ переворотъ, который на западѣ совершался вѣками, у насъ не можетъ быть совершенъ по мановенію, хотя бы и властной руки, въ одну минуту» (засѣданіе 17 ноября 1907 г.).

Я лично убѣжденъ, что развитіе среди крестьянъ началъ земельной собственности явленіе неизбѣжное, прогрессивное и желательное. Россія превращается въ страну крестьянскихъ самостоятельныхъ хозяйствъ и переходъ общиннаго землевладѣнія въ собственническое вовсе не равносиленъ обезземеленію крестьянъ, такъ какъ и современное государство обладаетъ средствами для предотвращенія скопленія земель въ однѣхъ рукахъ и для контроля надъ мобилизаціей земельной собственности. Мнѣ представляется безспорнымъ, что конституціонно-демократическій строй прочно водворится только тогда, когда исчезнетъ крупное помѣщичье хо-

зяйство и уступить свое мѣсто крестьянскому, индивидуалистическому, при которомъ земледѣліе и землевладѣніе сосредоточено въ однѣхъ рукахъ. Быть можетъ, если бы въ 1861 году вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ были бы приняты энергичныя мѣры для развитія мелкой земельной собственности, у насъ теперь уже существовалъ бы классъ крѣпкихъ крестьянъ, а ликвидація помѣщичьяго землевладѣнія была бы уже совершившимся фактомъ. Но такъ какъ этого не произошло, такъ какъ крестьянскія, земельныя правоотношенія все время оставались въ хаотическомъ состояніи, помѣщичьи земли играли роль кабальнаго средства для полученія оброка съ крестьянъ, формально освобожденныхъ отъ крѣпостного права, такъ какъ крестьянство намѣренно держали въ темнотѣ, а крестьянская община искусственно укрѣплялась изъ-за фискальныхъ соображеній и вслѣдствіе творческаго безсилія правительства, то мы дожили до полнаго кризиса крестьянскаго хозяйства, до голодныхъ годовъ и аграрныхъ бунтовъ.

Безъ принудительнаго отчужденія, въ той или иной формѣ, помѣщичьихъ земель едва ли для Россіи возможенъ выходъ какъ изъ экономическаго, такъ и политическаго кризиса въ виду того, что при сохраненіи полукрѣпостническаго помѣщичьяго хозяйства нечего и думать объ установленіи въ провинціи дѣйствительно закономѣрнаго строя. Поэтому-то введеніе принципа «принудительнаго отчужденія» въ программу конституціонно-демократической партіи было дѣломъ государственной мудрости. Но по программѣ этотъ принципъ нисколько не противорѣчилъ развитію крестьянской земельной собственности. На этомъ необходимо было твердо настаивать. Къ сожалѣнію, революціонный подъемъ 1905 года оживилъ на нѣсколько секундъ умиравшую было утопію о возможности перехода русской общины въ соціалистическую форму землепользованія и подогрѣлъ вражду русской интеллигенціи къ началу личной собственности, за которое, какъ за якорь спасенія, судорожно ухватились дворяне-землевладѣльцы. Отъ общаго увлеченія не убереглась и партія «народной свободы». Записка 42-хъ членовъ первой Думы несомнѣнно передвинула земельный вопросъ нѣсколько въ иную плоскость и оперировала съ понятіемъ «земельнаго фонда» совсѣмъ не въ томъ прямомъ смыслѣ, который вытекалъ изъ программы. Сдѣланъ былъ довольно рѣшительный шагъ въ сторону отъ личной собственности по направленію къ націонализаціи и соціализаціи земли и, благодаря обилію въ партіи интеллигентскихъ элементовъ, не вышедшихъ изъ подъ обаянія воспринятыхъ въ юности народническихъ теорій, это видоизмѣненіе программы встрѣтило немало симпатій. Но для меня несомнѣнно, что если партіи народной свободы суждено остаться крупной общественной силой, она неизбѣжно должна придти къ признанію начала личной собственности въ крестьянскомъ земельномъ строѣ, совмѣстивъ это начало и съ демократизаціей землевладѣнія и съ борьбой противъ концентраціи земельныхъ участковъ въ однѣхъ рукахъ.

Созданіе самостоятельнаго, экономически-сильнаго крестьянства есть

безспорно вопросъ существованія Россіи, такъ какъ государство не можетъ существовать безъ такого крѣпкаго фундамента. Какъ же создать это крестьянство? Партія народной свободы считаетъ, что безъ принудительнаго отчужденія достигнуть этого невозможно. За полвѣка протекшихъ послѣ освобожденія крестьянъ, техника крестьянскаго хозяйства почти нисколько не улучшилась, капиталъ этого хозяйства скорѣе относительно уменьшился, чѣмъ возросъ, поэтому миролюбивое разверстаніе крестьянскихъ земель безъ дополнительнаго надѣленія невозможно. Только имѣя значительный фондъ земель, можно оказать крестьянству серьезную поддержку при его попыткахъ перейти къ индивидуалистическимъ формамъ хозяйства (въ томъ числѣ и хуторскому). Однѣхъ государственныхъ и удѣльныхъ земель недостаточно. Что же касается земель частновладѣльческихъ, то если ихъ скупать по рыночнымъ цѣнамъ, то реформа потребуетъ такихъ затратъ, тяжесть которыхъ убьетъ зарождающіяся крестьянскія самостоятельныя хозяйства. Отсюда, какъ прямой логическій выводъ, и вытекало принудительное отчужденіе по справедливой оцѣнкѣ.

XI.

Необходимость дополнительнаго надѣленія малоземельныхъ крестьянъ признаетъ, конечно, и г. Столыпинъ. Еще такъ недавно онъ открыто высказывалъ это и въ своей рѣчи передъ второй Думой заявилъ, что «надлежитъ сдѣлать учетъ всѣмъ тѣмъ малоземельнымъ крестьянамъ, которые живутъ земледѣліемъ» и «всѣмъ этимъ малоземельнымъ крестьянамъ дать возможность воспользоваться изъ существующаго земельнаго запаса такимъ количествомъ земли, которое имъ необходимо на льготныхъ условіяхъ». Въ декларацiи и рѣчахъ, произносившихся передъ третьей Думой, такихъ мотивовъ уже нѣтъ; они всецѣло заглушены барабаннымъ боемъ во славу выдѣленія изъ общины. Эта перемѣна имѣетъ поучительную исторію.

Образуемый правительствомъ земельный фондъ долженъ былъ служить запасомъ для надѣленія въ личную собственность малоземельныхъ крестьянъ. «Въ общихъ чертахъ,—говорилъ П. А. Столыпинъ во второй Думѣ,—дѣло сводилось бы къ слѣдующему: государство закупало бы предложенныя въ продажу частныя земли, которыя вмѣстѣ съ землями удѣльными и государственными составляли государственный земельный фондъ. *При массѣ земель, предлагаемыхъ въ продажу, цѣны на нихъ при этомъ не возросли бы*». На указаніе, что существующій земельный фондъ для этой цѣли совершенно ничтоженъ, что необходимо, по меньшей мѣрѣ, 57 милліоновъ десятинъ, тогда какъ имѣется всего только 10 милліоновъ, П. А. Столыпинъ отвѣтилъ: «Но, господа, вѣдь правительство *только недавно* начало образовывать земельный фондъ, вѣдь крестьянскій банкъ перегруженъ предложеніями».

Эти заявленія имѣли довольно странную судьбу. Крестьяне-депутаты сдѣлали изъ нихъ такіе, на первый взглядъ неожиданные, но въ сущности

логически вытекающіе выводы: правительство хочетъ скупать помѣщичьи земли; чтобы было что̀ покупать и чтобы цѣны на землю не поднимались, необходимо, чтобы помѣщики продолжали «перегружать крестьянскій банкъ предложеніями»; это же достижимо только тогда, когда въ деревнѣ нѣтъ порядка, когда помѣщикъ вынужденъ бѣжать оттуда и не можетъ вести свое хозяйство. Успѣхъ правительственной закупки находится, какъ оказалось, въ прямой зависимости отъ силы «смуты». Такой же точно выводъ сдѣлали изъ этихъ словъ тѣ помѣщики-дворяне, которые ни за что не хотятъ отказываться отъ своихъ земель. Эти помѣщики, «зубры» и т. д. увидѣли и въ политикѣ правительства то же самое «принудительное отчужденіе», котораго они испугались въ кадетской программѣ. Только это отчужденіе проводилось, по ихъ словамъ, правительствомъ болѣе деликатными средствами и съ разсчетомъ на болѣе длительный ходъ операціи. Такъ какъ къ тому же и кн. Васильчиковъ въ своей рѣчи говорилъ о принудительномъ «передвиженіи границъ» въ извѣстныхъ случаяхъ, да и П. А. Столыпинъ въ своей рѣчи призналъ, что иной разъ «качественное» принудительное отчужденіе (наприм., для проложенія дорогъ, устройства водопоя, устраненія черезполосицы) окажется необходимымъ, то противъ аграрной политики премьера и началась кампанія. Дворяне пошли, впрочемъ, не противъ всей правительственной программы, а только противъ той ея части, которая касалась скупки помѣщичьихъ земель. Другая же часть программы, имѣющая въ виду разрушеніе общины, встрѣтила со стороны дворянъ энергичную поддержку. Но при этомъ гг. дворяне исходили не совсѣмъ изъ тѣхъ соображеній, которыми руководился П. А. Столыпинъ. Ихъ мало интересовало образованіе крѣпкаго земельнаго крестьянства, но ихъ прельщала идея внести междоусобицу въ крестьянство, натравить бѣдныхъ на богатыхъ и, пользуясь этой внутренней деревенской смутой, укрѣпить господство бюрократіи и помѣщиковъ, которымъ бы удалось привлечь на свою сторону болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Въ смутные дни крестьянскихъ волненій эта идея высказывалась «зубрами» съ циничной откровенностью, и знаменитый графъ Дорреръ предлагалъ прямо вооружить богатыхъ крестьянъ. П. А. Столыпинъ мечтаетъ на крестьянинѣ личномъ собственникѣ построить зданіе мелкой земской единицы. Дворяне, какъ показалъ московскій «земскій» съѣздъ, отлично поняли значеніе этой «единицы» и рѣшительно высказались противъ правительственнаго законопроекта, не безъ сарказма предложивъ сдѣлать введеніе этого органа «факультативнымъ», т.-е. зависящимъ отъ воли дворянъ.

Правительство, какъ извѣстно, отступило по всей линіи. Оно значительно ослабило свое рвеніе по части скупки помѣщичьихъ земель, приняло мѣры, чтобы чиновники крестьянскаго банка не понижали оцѣнки дворянскихъ земель, оказало серьезныя льготы по уплатѣ недоимокъ заемщикамъ дворянскаго банка, имѣнія которыхъ могли пойти съ молотка, прекратило разговоры объ увеличеніи государственнаго земельнаго фонда, сняло съ очереди свои законопроекты земской реформы и передало ихъ на обсужде-

ніе особаго дворянскаго совѣщанія, носящаго названіе совѣта по земскимъ дѣламъ. Изъ всей программы уцѣлѣли только указы о выходѣ изъ общины, изданные по ст. 87-й, по поводу которыхъ крестьянинъ Кропотовъ недавно сказалъ въ Думѣ: «радуются, что много заявленій поступило о выдѣлѣ; это только заявленія, а какъ начнутъ дѣлить, такъ и раздерутся». Этого момента и ждутъ «зубры», чтобы совершенно покончить со всѣмъ «движеніемъ».

XII.

Руководящими силами нашей внутренней политики являются и по сей день бюрократія, какъ организованная правительственная машина, и классовый интересъ землевладѣльческаго дворянства. Выражается ли послѣдній въ совѣтѣ объединеннаго дворянства, камарильѣ, звѣздной палатѣ или въ чемъ-либо иномъ—вопросъ второстепенный. Каждый министръ, каждый общественный дѣятель чувствуетъ за своей спиной эту силу. Пока дѣло ограничивается общими обѣщаніями, деклараціями, дворянство, какъ классъ, хотя и протестуетъ, но терпитъ. Но чуть только отъ обѣщанія ста и одной реформы переходятъ къ осуществленію какого-либо, хотя бы самаго ничтожнаго преобразованія, истинная сила, руководящая нашей политикой, вытягиваетъ свои когти и даетъ себя больно чувствовать. П. А. Столыпинъ съ первыхъ же шаговъ своей политической карьеры долженъ былъ ознакомиться съ этимъ «закономъ русской жизни». Быть можетъ, онъ съ самыми искренними реформаторскими намѣреніями начиналъ переговоры съ Д. Н. Шиповымъ, Н. Н. Львовымъ, гр. Гейденомъ о вступленіи ихъ въ министерство, но онъ продолжалъ эти переговоры уже тогда, когда былъ увѣренъ въ полной ихъ безплодности, такъ какъ «совѣтъ объединеннаго дворянства» уже довелъ до его свѣдѣнія о тревогѣ по этому поводу среди дворянъ. Трудно, напримѣръ, сомнѣваться, чтобы П. А. Столыпинъ не могъ оцѣнить такого страннаго факта, что когда онъ читалъ во второй Думѣ свою декларацію и говорилъ по поводу ея рѣчи, его встрѣчали громовыми аплодисментами съ правыхъ скамей, на которыхъ, какъ онъ зналъ, сидятъ принципіальные противники возвѣщаемыхъ имъ реформъ. А въ то же самое время онъ съ благодарностью принималъ эти аплодисменты, а министерская печать поддерживала «правыя» партіи, которыя неизмѣнно вдохновлялись классовымъ дворянскимъ интересомъ. Получалась интересная картина, и не даромъ на-дняхъ одинъ изъ публицистовъ этой камариллы И. Меньшиковъ, восхищенный рѣчью П. А. Столыпина, утверждавшаго въ отвѣтѣ на думскій адресъ права самодержавной власти, разразился такой своеобразной похвалой: «Простите за неожиданную мысль. Мнѣ кажется, г. Столыпинъ, повернись иначе его судьба, могъ бы быть замѣчательнымъ актеромъ. Столько искренности и силы въ его монологѣ!» (*Новое Время*, № 11381).

Когда въ памятномъ засѣданіи первой Думы 8 іюня 1906 г. кн. Уру-

совъ, недавно оставившій постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, предупредилъ П. А. Столыпина, только что вошедшаго въ министерство, о «темныхъ силахъ, стоящихъ за недосягаемой оградой», будущій предсѣдатель совѣта министровъ гордо отвѣтилъ: «Вступивъ въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, я получилъ *всю полноту власти* и на мнѣ лежитъ вся тяжесть отвѣтственности; если бы были призраки, которые бы мѣшали мнѣ, то эти призраки были бы разрушены, но этихъ призраковъ я не знаю». Впослѣдствіи, когда П. А Столыпинъ занялъ постъ премьера, «полнота власти» естественно должна была только усилиться, и загадочныя отношенія къ «союзу русскаго народа», исторія Шауфуса—Вендриха, Каульбарса—ген. Григорьева и въ особенности трагикомическая исторія взаимныхъ отношеній ген. Думбадзе и губернатора Новицкаго давали только яркія иллюстраціи этой «полноты власти».

О ялтинской исторіи стоитъ, пожалуй, сказать нѣсколько словъ, такъ какъ она останется приснопамятнымъ свидѣтельствомъ переживавшейся Россіей анархіи. Ялта входитъ въ составъ Таврической губерніи, и потому таврическій губернаторъ, объявляя Ялту на положеніи чрезвычайной охраны, облекъ соотвѣтствующими полномочіями ген. Думбадзе. Но послѣдній не удовольствовался врученными ему полномочіями и задумалъ, такъ сказать, отложиться отъ губерніи. Вмѣшавшись въ конкуренцію двухъ цирковъ Никитина и Безкоравайнаго и найдя, что послѣдній, какъ членъ союза русскаго народа, заслуживаетъ большаго сочувствія, генер. Думбадзе отмѣнилъ формальное запрещеніе задуманной Безкоровайнымъ лотереи, отданное губернаторомъ Новицкимъ. Губернаторъ въ отвѣтъ на это освободилъ ген. Думбадзе отъ полномочій по охранѣ. Ген. Думбадзе вступилъ съ нимъ въ полемику въ приказѣ по гарнизону отъ 31 декабря. «Вчера ночью,—писалъ генералъ,—губернаторъ Новицкій телеграммой освободилъ меня отъ данныхъ имъ мнѣ полномочій... Не въ моихъ правилахъ распространяться о причинахъ такого исхода моей тутъ продолжительной работы, потребовавшей съ моей стороны большого напряженія всѣхъ силъ и даже жертвъ, до кровопролитія включительно. Теперь мѣстный губернаторъ нашелъ мою работу лишней, это—его дѣло». Черезъ три дня совершенно неожиданно послѣдовала отмѣна распоряженія, и ген. Думбадзе былъ возстановленъ въ своей должности, а «милые и дорогіе его сердцу союзники и союзницы», которымъ онъ въ томъ же приказѣ выражалъ свою признательность, отправили благодарственныя телеграммы и ходатайства о томъ, чтобы городъ Ялта былъ изъятъ изъ вѣдѣнія таврическаго губернатора. Ялтинскій анекдотъ вовсе не простой курьезъ, это—фактъ, характерный для нашихъ дней.

Въ рѣчи, произнесенной 13 ноября А. И. Гучковымъ, реакціонная печать съ особымъ остервенѣніемъ клевала слѣдующее мѣсто: «Мы знаемъ, что Государь, опираясь на народное представительство, становится свободнымъ, свободнымъ отъ придворной камарильи и чиновничьяго средостѣнія». Князь Мещерскій увѣрялъ, что, будучи физіономистомъ, онъ по

фотографіи Гучкова видитъ, что тотъ спитъ и мечтаетъ, какъ бы пробраться въ эту канарилью. Меньшиковъ своимъ тонкимъ нюхомъ сразу же открылъ крамолу въ «московскомъ купчикѣ и раскольникѣ». А въ то же время петербургскій корреспондентъ берлинской газеты *Rundschau*, близкой къ германскимъ придворнымъ сферамъ, писалъ: «Въ выборѣ князя Волконскаго товарищемъ предсѣдателя Думы отражено желаніе тѣхъ петербургскихъ круговъ, въ которыхъ открыто теперь агитируютъ за упраздненіе манифеста 17 октября. Настроеніе этихъ круговъ такое: сначала провести необходимые законы, вотировать бюджетъ съ огромными требованіями военнаго вѣдомства, обезпечить заключеніе займа, а затѣмъ упразднить конституцію и водворить прежній бюрократическій строй. Все это однако невозможно, пока г. Столыпинъ остается у власти... Недаромъ г. Столыпинъ удрученъ заботами теперь больше, чѣмъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ, когда онъ распустилъ вторую Думу. Тогда онъ видѣлъ, что устранена опасность, угрожавшая Монарху и отечеству. Теперь онъ видитъ, что опасность грозитъ тому дѣлу, на которое онъ потратилъ бездну труда... опасность со стороны той, близко къ премьеру стоящей партіи, которая готова опутать страну своими сѣтями» (*Биржевыя Вѣдомости*, № 10199 13 ноября).

П. А. Столыпинъ борется за новый строй, онъ отстаиваетъ реформы. Но странная получается борьба. Подъ барабанный бой и подъ аплодисменты враговъ развертываются широкія и заманчивыя программы будущихъ реформъ, затѣмъ происходитъ какой-то маневръ, пораженіе безъ боя, отступленіе безъ сраженія, и изъ программы исчезаетъ значительная часть того, что недавно на ней красовалось. Такимъ путемъ мы въ сущности подошли уже къ полной ликвидаціи манифеста 17 октября подъ флагомъ осуществленія аграрной реформы, изъ которой нетронутымъ остается только выдѣлъ изъ общины, да и то больше на бумагѣ, чѣмъ въ жизни.

Иронизируя надъ ссылками октябристовъ на знаменитый манифестъ, министерская газета теперь не останавливается и передъ такими словами: «Можетъ быть, членамъ партіи 17 октября нужно было оттѣнить свою непоколебимую вѣрность такъ называемымъ «свободамъ», въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимаетъ свобода быть застрѣленнымъ и ограбленнымъ» (*Россія*, № 617).

Вотъ какъ далеко мы ушли съ тѣхъ поръ, какъ 6 марта 1907 г. П. А. Столыпинъ въ правительственной деклараціи съ такимъ уваженіемъ говорилъ о «свободѣ» и обѣщалъ выработать законодательныя нормы для тѣхъ основъ права, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября, которыя еще закономъ не установлены.

XIII.

Борьба съ узко-классовыми тенденціями той части дворянства, которая не желаетъ отказаться отъ безконтрольной власти надъ Россіей, возможна

только при содѣйствіи живыхъ общественныхъ силъ. Но вотъ это-то обстоятельство больше всего претитъ душѣ русскаго администратора, какъ бы онъ ни отличался отъ другихъ бюрократовъ. Боязнь и непріязнь къ общественнымъ силамъ роднитъ всѣхъ нашихъ бюрократовъ, и лучшій изъ нихъ есть только просвѣщенный абсолютистъ, идеаломъ котораго является николаевскій министръ графъ П. Д. Киселевъ.

П. А. Столыпинъ въ данномъ случаѣ и унаслѣдовалъ самыя прочныя традиціи русской бюрократіи. Онъ внесъ въ ея ряды свою идею, но тогда какъ эту идею ему подъ давленіемъ господствующей соціальной силы пришлось чрезвычайно сузить и даже извратить, свои бюрократическія традиціи онъ получилъ возможность примѣнить въ полной мѣрѣ. Онъ внесъ въ это дѣло свою недюжинную энергію, талантъ, силу воли и упорство. Еще въ бытность свою саратовскимъ губернаторомъ П. А. Столыпинъ проявилъ эти свои качества, исполняя трудную задачу успокоенія этой тревожной губерніи. Онъ отказался дѣйствовать сразу. Стремительная атака не въ его характерѣ, онъ предпочитаетъ медленную, послѣдовательную осаду. Ему надо было, напримѣръ, уничтожить развившіеся въ Саратовѣ митинги. Онъ сначала взялъ подписку у нѣкоторыхъ содержателей залъ, затѣмъ у остальныхъ, послѣ перешелъ къ клубамъ и обществамъ. Вытѣсненные рабочіе перебрались за городъ. Сначала имъ дозволили массовки, но постепенно шагъ за шагомъ вокругъ города была установлена стража, и рабочія собранія были прекращены. Такая же точно политика блокады примѣнена была и по отношенію къ земствамъ.

Если вы вспомните исторію отношеній министерства ко второй Думѣ, недопущеніе экспертовъ, отказъ думскимъ комиссіямъ въ выдачѣ необходимаго матеріала и т. д. и т. д., то и тутъ вы увидите ту же политику блокады. Безошибочно можно предсказать, что и третью Думу ждетъ тоже отношеніе къ ней правительства. Нѣкоторые наивные октябристы думаютъ, что такъ какъ лойяльность, націонализмъ и патріотизмъ внѣ сомнѣнія, то они могутъ разсчитывать на дружелюбіе власти. Имъ предстоитъ въ скоромъ времени горькое разочарованіе, какъ предстояло бы оно даже Государственной Думѣ съ чисто-правымъ большинствомъ. Рядомъ мелкихъ, но упорно и послѣдовательно проводимыхъ ограниченій, щелчковъ по носу и т. д. третья Дума будетъ приведена въ полную покорность или она исчезнетъ. Наиболѣе экспансивные члены впадутъ въ отчаяніе, другіе—болѣе спокойные сначала поволнуются, потомъ успокоятся, станутъ посѣщать засѣданія и комиссіи черезъ пень колоду и будутъ вотировать то, что для нихъ и за нихъ выработаютъ чиновники. Русскій человѣкъ горячо за дѣло берется, но скоро остываетъ. Его надо брать измором. Эту истину наша бюрократія хорошо знаетъ и умѣетъ примѣнять на дѣлѣ. Другое начало политической премудрости—divide et impera! (раздѣляй и властвуй!) тоже хорошо извѣстно нашей бюрократіи и неоднократно и весьма умѣло пускалось и пускается ею въ ходъ. Эти вѣковыя традиціи господствуютъ попрежнему.

XIV.

Даже политическіе противники не станутъ оспаривать у П. А. Столыпина выдающихся личныхъ качествъ: безстрашнаго физическаго мужества, ораторскаго таланта, упорной энергіи. Мы идемъ даже дальше и признаемъ, что П. А. Столыпинъ одинъ изъ немногихъ русскихъ государственныхъ дѣятелей, выступившихъ съ идеями не чисто-полицейскаго характера. Идея о превращеніи Россіи въ страну свободнаго, зажиточнаго крестьянства (на подобіе датскаго), разселившагося хуторами и поддерживающаго на своихъ плечахъ и богатую промышленность и сильное государство—эта истинно-государственная идея владѣетъ, очевидно, душой нашего предсѣдателя совѣта министровъ. Но идея, отрѣшенная отъ дѣйствительности, превращается въ мечту.

Классовое дворянское чувство не мирится съ превращеніемъ русскаго крестьянства въ самостоятельную силу. Появленіе въ деревнѣ на-ряду съ бѣдной, нищей массой отдѣльныхъ богатыхъ крестьянъ, полупанковъ, конечно, на руку господствующему сословію, какъ вносящее расколъ въ крестьянство. Но обращеніе крестьянской массы въ зажиточныхъ земледѣльцевъ, вродѣ датскихъ, возможно при уничтоженіи помѣстнаго класса. При столкновеніи съ этимъ классомъ изъ программы П. А. Столыпина сразу выпало три четверти ея содержанія.

Но и для осуществленія послѣдней четверти у П. А. Столыпина не осталось другихъ средствъ, кромѣ традиціонно-бюрократическихъ. На практикѣ онъ вернулся къ мысли, что созданіе самостоятельнаго и зажиточнаго крестьянина возможно въ безсудной странѣ, всѣ отношенія въ которой проникнуты произволомъ, гдѣ человѣческія мысль и слово не могутъ свободно подойти къ широкой жизни, а служатъ только орудіями или правительству для оглушенія народа, или травимой интеллигенціи для борьбы за свое существованіе. Это чистая утопія, самый несомнѣнный иллюзіонизмъ. Въ темной, несчастной странѣ, распаленной ненавистью въ разныхъ направленіяхъ, пьянымъ угаромъ поддерживающей государственную казну, не можетъ расцвѣсти тотъ «цвѣтокъ», о которомъ мечтаетъ П. А. Столыпинъ. Да и на кого разсчитываетъ онъ опереться въ своей родинѣ? Всѣ общественныя силы, которыя возникали на нашей родинѣ, встрѣчали въ немъ своего злѣйшаго и неумолимаго врага. Онъ пользовался всякой ошибкой, исторически неизбѣжной при томъ громадномъ катаклизмѣ, который мы переживаемъ, чтобы ослабить елико возможно каждую общественную организацію. И какія бы силы ни возникали у насъ въ будущемъ, хотя бы самыя благонамѣренныя даже съ точки зрѣнія нашихъ историческихъ троечныхъ устоевъ, отношеніе къ нимъ будетъ то же самое. При такихъ условіяхъ приходится все строить только на личномъ самолюбіи и на классѣ чиновниковъ, среди которыхъ много людей образованныхъ и дѣльныхъ, много никуда негодныхъ, совершенно неприспособленныхъ къ законномѣрности, но во всякомъ случаѣ очень мало людей, близко стоящихъ къ населенію.

Можно, конечно, мечтать, что землеустроительныя комиссіи будутъ разъѣзжать по Россіи, дѣлить крестьянскія земли на отрубные участки, а крестьяне будутъ туда переселяться, строить посреди́нѣ домики и заводить хуторское хозяйство... а начальство въ это время будетъ практиковать свои старые способы суда, управленія и усмиренія. Однако скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, и правъ крестьянинъ Бропотовъ, говорившій въ Думѣ: «Это только заявленія, а какъ начнутъ дѣлить, такъ и раздерутся». И намъ кажется, что, когда отъ «заявленій» перейдутъ къ «дѣлежу», бюрократія сама испугается и сократитъ свои «смѣлые опыты», а «общія реформы» будутъ тоже ждать окончанія земельной реформы.

Такъ мы и будемъ жить, занимая за-границей деньги, до новаго толчка.

А. С. Изгоевъ.

Споръ Жореса и Клемансо *).

Вотъ что я нахожу въ вышеупомянутомъ манифестѣ: прежде всего изложеніе доктрины: «Для вашего освобожденія имѣется лишь одно средство: замѣнить собственность капиталистическую—собственностью коллективной». Манифестъ не выводитъ заключеній изъ этого положенія, не предлагаетъ способовъ осуществленія предлагаемой замѣны. Декларація устанавливаетъ принципъ.

Какія реформы вытекаютъ изъ установленія этого принципа?

Вотъ онѣ:

«Ограниченіе рабочаго дня восьмью часами.

«Распространеніе синдикальнаго права на всѣхъ состоящихъ на службѣ у государства, у департамента и у коммуны.

«Соціальное страхованіе на случай безработицы и болѣзни.

«Прогрессивный налогъ съ доходовъ и съ наслѣдствъ.

«Возвратъ націи монополій, которыя являются главнымъ оплотомъ капитала.

«Пропорціональные выборы представителей».

Ш. Бенуа. Это очень хорошо. (Смѣхъ.)

Министръ. Позвольте мнѣ замѣтить—это страшно буржуазная программа. (Смѣхъ и аплодисменты въ центрѣ и слѣва. Шумъ на крайней лѣвой.)

Когда г. Жоресъ, изложивъ свою программу, спрашивалъ, какова моя программа, я не безъ труда удержался отъ искушенія отвѣтить: «Вы прекрасно знаете мою программу, она у васъ въ карманѣ, вы взяли ее у меня. (Аплодисменты слѣва. Замѣчанія на крайней лѣвой.)

Жоресъ. Очень хорошо! Примемъ къ свѣдѣнію!

Министръ. Какъ! Въ самомъ дѣлѣ! вы приняли къ свѣдѣнію, что я въ принципѣ сторонникъ восьмичасового рабочаго дня!

Съ крайней лѣвой. Въ принципѣ.

Министръ. Конечно, въ принципѣ. Не думаю, что кто-нибудь изъ васъ пойдетъ на рискъ экономической катастрофы, которую можетъ по-

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1907 г.

влечь за собой внезапная замѣна одиннадцатичасового дня—восьмичасовымъ. Относительно себя скажу—я не пойду,—но я готовъ, какъ можно скорѣе, даже немедленно направиться къ этому конечному результату, къ восьмичасовому дню.

Вы принимаете къ свѣдѣнію, что я сторонникъ прогрессивнаго подоходнаго налога. Но, г. Жоресъ, меня удивляетъ это замѣчаніе съ вашей стороны: въ 1885 г. въ этой палатѣ вы вотировали противъ прогрессивнаго подоходнаго налога (аплодисменты и смѣхъ слѣва и въ центрѣ), теперь во имя этой измѣнчивой непогрѣшимости вы упрекаете меня въ томъ, что я остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ! (Браво! Браво! на тѣхъ же скамьяхъ.)

Право, это не выдерживаетъ критики.

Я утверждаю, что эта практическая программа принадлежитъ намъ: я стою за возвращеніе народу монополій, захваченныхъ частной промышленностью. (Аплодисменты на крайней лѣвой и на разныхъ скамьяхъ лѣвой.)

Но необходимо договориться. (Восклицанія на крайней лѣвой.) Выражая мнѣ одобреніе, вы шумите такъ же, какъ при выраженіи мнѣ неодобренія. (Смѣхъ.)

Я не могу сказать двухъ фразъ подъ-рядъ; увѣряю, вы сильно препятствуете моему изложенію. Прежде всего я утомленъ, и, право, наши разсужденія не могутъ вестись путемъ отрывочныхъ фразъ. Напомню вамъ, что я не прерывалъ господина Жореса, сейчасъ онъ почтитъ меня отвѣтомъ съ трибуны, я обязуюсь его не прерывать и просилъ бы васъ оказать мнѣ ту же милость. (Браво! Браво!)

Необходимо честно объясниться; я не желаю, чтобы моимъ словамъ придавали иной смыслъ кромѣ того, который они имѣютъ. Если вы полагаете, что я собираюсь не сегодня-завтра внести проектъ о возвратѣ монополій—вы ошибаетесь; я этого не думаю. Я хотѣлъ сказать, что готовъ сегодня же приступить къ этой работѣ, напримѣръ, путемъ выкупа нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ линій. (Аплодисменты на крайней лѣвой и на лѣвой.)

Я долженъ откровенно предупредить палату, что правительство не уполномочивало меня дѣлать заявленіе въ этомъ смыслѣ; однако, не торжествуйте, мнѣ извѣстно мнѣніе большинства моихъ товарищей, и я знаю, они поддержатъ меня.

И даже, съ вашего позволенія, я, въ качествѣ одного изъ авторовъ министерской программы, которая подверглась жестокой критикѣ съ вашей стороны, нахожу, что она не такъ ужъ плоха. (Смѣхъ.) И, по-моему, она обладаетъ большимъ преимуществомъ передъ вашей: она поставила на очередь самый важный въ настоящую минуту вопросъ, передъ которымъ, повидимому, вы отступаете. Я имѣю въ виду законъ о коллективномъ рабочемъ договорѣ.

Ж. Кайо (Caillaux). Очень хорошо!

Министръ. А! въ кулуарахъ развлекаются на нашъ счетъ, говорятъ,

что мы пропустили въ декларацiи ту или иную реформу и что это документъ, лишенный всякихъ выводовъ. Г. Жоресъ отзывался о ней съ величайшимъ презрѣнiемъ. Я спокойно принимаю презрѣнiе, но, если когда-нибудь осуществится, я не говорю коллективизмъ, но болѣе полное, по сравненiю съ настоящимъ, обобществленiе орудiй производства,—все-таки вѣрно, что мы поставили вопросъ, который долженъ привести къ этому результату по мѣрѣ воспитанiя рабочаго класса, его культурнаго роста. (Браво! Браво! съ лѣвой.)

Развѣ это ничто? Вы же ни слова не сказали объ этомъ вопросѣ; такимъ образомъ, при сравненiи двухъ манифестовъ оказывается, что министерская декларацiя болѣе соцiалистическая, чѣмъ декларацiя коллективистовъ. (Аплодисменты и смѣхъ слѣва.)

Я долженъ признаться, что вы создали организацiю, передъ которой отступаетъ мой буржуазный умъ. Я буду говорить о томъ, что называется соцiалистическимъ объединенiемъ. Въ моихъ глазахъ это объединенiе не что иное, какъ окатоличенiе соцiализма. (Аплодисменты слѣва). Оно равносильно деспотизму правящей олигархiи, налагающей свою властную руку на освободительное движенiе рабочей демократiи.

Это возрожденiе того духа, который, для вящшаго торжества Евангелiя, обратилъ проповѣдь свободы въ страшное орудiе противъ свободы личности. (Аплодисменты на тѣхъ же скамьяхъ.)

П. Констанъ. Вы предпочли бы видѣть насъ разъединенными.

Министръ. На послѣднихъ выборахъ былъ побѣжденъ не одинъ католицизмъ, на нихъ потерпѣлъ пораженiе духъ угнетенiя,—догматизмъ во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Догматизмъ былъ изгнанъ изъ области чисто-интелектуальной и, конечно, не мы будемъ содѣйствовать его возстановленiю въ области экономической. (Аплодисменты слѣва.) Мы желаемъ видѣть свободу вездѣ и во всемъ...

Эйнаръ. Прекрасно!

Министръ. И мы не позволимъ никакой организацiи создать власть, которая, по слову Эрнеста Ренана, весьма кстати приведенному сегодня г. Жеро-Ришаромъ, поставила бы насъ въ необходимость думать по указкѣ. (Аплодисменты).

Переходя къ вопросамъ, затронутымъ съ трибуны уважаемымъ г. Жоресомъ, я попрошу у него позволенiя не касаться въ эту минуту причинъ, побудившихъ его объявить—противъ всѣхъ гражданъ, безъ исключенiя—свой знаменитый декретъ экспропрiацiи.

Онъ все общество разсматривалъ на основанiи двухъ рядовъ данныхъ, констатирующихъ, съ одной стороны, крайнее богатство, съ другой—крайнюю бѣдность. Я нахожу подобный критерiй нѣсколько черезчуръ общимъ: такой сложный организмъ, вѣками складывавшiйся, безконечно сложный организмъ нельзя судить по двумъ рядамъ данныхъ. Я нахожу, однако, этотъ вопросъ слишкомъ серьезнымъ, чтобы подвергать его обсужденiю во

время интерпелляціи: онъ потребуетъ разносторонняго разсмотрѣнія; его нельзя устранить, но его необходимо разсмотрѣть во всей полнотѣ.

Я надѣюсь, что, какъ только г. Жоресъ представитъ свой проектъ общественной организаціи, мы сможемъ достойнымъ образомъ разработать этотъ важнѣйшій вопросъ. (Браво! Браво!)

Я не знаю, будетъ ли эта организація организаціей прогрессивной, какъ думаетъ г. Жоресъ, или будетъ регрессивной. Я только замѣчу, что онъ грубо ошибся, когда туманно далъ намъ понять, что требованія аграрной комиссіи въ русской думѣ какъ разъ совпадаютъ съ его идеями; тамъ нѣчто совершенно противоположное,—тамъ общественная собственность, исчезая, уступаетъ мѣсто собственности индивидуальной. (Аплодисменты. Замѣчанія съ крайней лѣвой.)

Наконецъ, у меня противъ его заключеній имѣется одинъ аргументъ, конечно, апріорный, но по-моему не лишенный значенія: онъ даетъ намъ абсолютъ,—онъ совершенно исключаетъ человѣческую слабость, это очень много—его организація означаетъ повидимому предѣлъ эволюціи человѣка: эволюціи человѣческихъ обществъ какъ бы суждено остановиться. Я не довѣряю системѣ, которая не оставляетъ простора безконечной эволюціи человѣческаго духа.

П. Констанъ. Никто никогда не говорилъ этого!

Министръ. Я прекрасно знаю, что г. Жоресъ не говорилъ этого именно этими словами, онъ слишкомъ научно мыслитъ, чтобы сказать это; но вопросъ именно въ томъ, не вытекаетъ ли это изъ его концепцій; это и будетъ подлежать обсужденію. Индивидуальная собственность эволюціонировала и будетъ еще долго развиваться.

П. Констанъ. Конечно!

Фр. Фурнье. Какъ дадите вы личную собственность желѣзно-дорожнымъ рабочимъ?

Министръ. Что бы вы сказали, господа, если бы я такъ относился къ рѣчи г. Жореса? (Браво! Браво! слѣва.)

Я говорю, что личная собственность будетъ еще долго развиваться; я говорю, что взаимоотношенія собственности личной и собственности общественной не останутся въ томъ видѣ, какъ они существуютъ, говоря это, я не говорю ничего такого, чего кто-нибудь изъ присутствующихъ не признавалъ бы.

А затѣмъ, вопросъ открытъ, и мы обсудимъ его такъ всесторонне, какъ только вы пожелаете; пока же я отмѣчу софизмъ, на которомъ вы обосновали свое право на экспропріацію. Вы изобразили намъ крайность богатства и крайность нищеты, вы обѣщали черезъ полгода найти средства для уничтоженія указаннаго зла.

Въ заключеніе вы говорите: «Развѣ это общество не будетъ лучше, справедливѣе, человѣчнѣе? Отвѣчайте прежде, чѣмъ осуждать!»

Господинъ Жоресъ, вѣдь палатѣ представлены только два типа, двѣ гипотезы, но между обществомъ существующимъ и вашимъ, между этими

двумя крайностями, на самомъ дѣлѣ, безконечное число соціальныхъ концепцій, которыя могутъ развиваться. (Браво! Браво! слѣва.)

Вы слишкомъ облегчаете себѣ задачу. Допустимъ, что ваша критика вполнѣ обоснована, что существующее общество такъ дурно, какъ вы говорите; я не изъ тѣхъ, кто утверждаетъ, что оно хорошо, вы хорошо это знаете; допустимъ еще, что идея вашего общества осуществима, вы опустили одинъ пунктъ, который заслуживаетъ вниманія: именно, что намъ не предстоитъ выбирать *только* между существующимъ обществомъ и тѣмъ обществомъ, которое вы намъ предлагаете. Существуетъ масса иныхъ гипотезъ; когда я буду излагать передъ вами проектъ соціальнаго строя, который заканчиваетъ столь инкриминируемая республиканская буржуазія, я безъ труда покажу вамъ, что современный соціальный строй уже не строй, существовавшій двадцать лѣтъ назадъ, что онъ даже основывается на совершенно иныхъ принципахъ.

Я не могу допустить, чтобы намъ предлагали выборъ лишь между этими двумя планами, чтобы заканчивали обращеніемъ: «Берегитесь, если вы не примете мой проектъ, вы создадите банкротство человѣческаго разума».

Г. Жоресъ, не слѣдуетъ смѣшивать два разныхъ явленія: банкротство человѣческаго разума и ума г. Жореса. (Аплодисменты слѣва.)

Позвольте замѣтить, вы черезчуръ свысока обращаетесь съ людьми, которые до сего времени были вашими сотрудниками. Вы даете намъ картину эллинскихъ боговъ, которые на высотѣ аѳинскаго акрополя состязались въ творчествѣ чуда.

Своимъ всесильнымъ скипетромъ вы ударяете о землю, и изъ нея возникаетъ типъ новаго общества—это ваши слова—и вы, обращаясь къ намъ, говорите: «Сдѣлайте то же!» Ну, что же, вашъ вызовъ можетъ быть принятъ.

Алхимики искали философскій камень: вы его нашли; у васъ въ рукахъ волшебная формула, которая должна разрѣшить—я не говорю разрѣшаетъ—потому что мы ея еще не знаемъ, должна разрѣшить въ теченіе шести мѣсяцевъ соціальный вопросъ.

Однако свѣтлый критическій разумъ современной Франціи (вы его не признаете, потому что онъ въ данную минуту мѣшаетъ вамъ) оберегалъ насъ отъ этихъ мечтаній. Совершенно естественно, однако, что въ историческій моментъ, когда на очередь становится соціальный вопросъ въ полномъ его объемѣ, люди съ живымъ и сильнымъ воображеніемъ даютъ ему волю. Это нужно тѣмъ, кто не смѣетъ взглянуть судьбѣ въ лицо; имъ нужно на мѣсто потерянной религіи, душившей вѣчное счастье, поставить пророчество объ иллюзіи, будущемъ земномъ раѣ.

Л. Мильеуа. Иллюзія никогда не замѣнитъ дѣйствительности. (Восклицанія слѣва.)

Министръ. Прекрасно. Пророчествуйте. Поколѣнія, дремлющія во тьмѣ грядущихъ вѣковъ, не придутъ свидѣтельствовать противъ васъ.

Впрочемъ, развѣ предложенный вами типъ общественнаго идеала такъ

новъ? Кто не мечталъ объ обществѣ будущаго? Я самъ готовъ мечтать о немъ съ вами вмѣстѣ. Пока еще недоказано и вамъ предстоитъ доказать, что эта мечта сможетъ занять вниманіе законодательнаго собранія. Это общество было постояннымъ предметомъ мечтаній всей Азіи, и Іисусъ заключившій собою длинный рядъ пророковъ, за то, что онъ вѣрилъ въ полное обновленіе человѣчества, поплатился тѣмъ, что...

Лосси... былъ распятъ.

Министръ. ...тѣмъ, что увидѣлъ, какъ его прежніе ученики его именемъ возсоздавали кровавый строй насилія, противъ котораго онъ протестовалъ. (Аплодисменты слѣва. Восклицанія на многочисленныхъ скамьяхъ правой.)

Гейро. Это нѣсколько смѣло.

Министръ. Ваша побѣда не превзойдетъ его побѣды. Я не вѣрю, что наступитъ часъ, когда вы воздвигнете свои храмы во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ и ежедневно будете проповѣдывать передъ толпою жадныхъ слушателей. Вы не пожнете бо́льшаго успѣха. Если вы констатируете, что матеріальный успѣхъ христіанства привелъ къ моральной неудачѣ проповѣди Христа, иначе говоря, привелъ къ возстановленію того самаго порядка, который Христосъ желалъ упразднить, то позвольте мнѣ не желать вамъ подобной побѣды.

Америка до сихъ поръ покрыта мистическими общинами, которыя мечтаютъ о воплощеніи Царствія Божія на землѣ. Въ лѣсахъ Новой Англіи мнѣ часто приходилось слышать проповѣди, въ существенныхъ чертахъ не отличавшіяся отъ вашей.

Въ 1848 г. республика видѣла себя наканунѣ великаго дня и мы видѣли многочисленныхъ творцовъ будущихъ обществъ. Вспомните засѣданія конституанты и законодательнаго собранія, гдѣ Пьеръ Леру, Викторъ Консидеранъ и Прудонъ излагали, какъ собираетесь сдѣлать вы, проекты новаго общественнаго строя. Очень многіе высказывались за уничтоженіе индивидуальной собственности. Гораздо раньше ихъ еще въ началѣ шестнадцатаго вѣка Томасъ Моръ осуждалъ индивидуальную собственность въ такихъ рѣшительныхъ выраженіяхъ, на какія ни у кого изъ васъ не хватитъ смѣлости. Всѣ они были не ниже васъ. Гдѣ они? Найдите ихъ. (Замѣчанія на крайней лѣвой.)

Вы замѣстили ихъ, а въ будущемъ другіе замѣнятъ васъ. (Аплодисменты.) Дѣло въ томъ, что въ общественной организаціи необходимо различать двѣ вещи: человѣка и его обстановку. Повидимому, теоретически реформа обстановки вещь болѣе простая, всякій съ удовольствіемъ берется за нее. Но если вы вдумаетесь въ тотъ фактъ, что обстановка, что условія соціальной организаціи являются и не могутъ не быть результатомъ послѣдовательнаго развитія человѣческихъ идей, то окажется, что произвольное измѣненіе соціальнаго строя, безъ точнаго знанія, можетъ ли человѣкъ къ нему приспособиться, неминуемо поведетъ къ явному безпорядку. (Аплодисменты слѣва.)

Поэтому даже тѣмъ, кто желаетъ стремиться къ реорганизаціи общества,

приходится считаться съ предварительнымъ перевоспитаніемъ личности. (Новый взрывъ аплодисментовъ на тѣхъ же скамьяхъ.)

П. Констанъ. Вы начинаете съ конца.

Деванъ. Это религіозная концепція общества!

Министръ. Если вы реформируете личность, если вы, хотя не исключительно, но главнымъ образомъ, займетесь пересозданіемъ человѣческой личности, человѣкъ самъ сумѣетъ найти подходящія для себя условія, не обращая вниманія на ваши теоріи, не задумываясь надъ вашими проницаніями, которыя не сбудутся уже потому, что вы сами, прорицатели, не можете, не ставъ божествомъ, провидѣть результатовъ эволюціи человѣчества. (Аплодисменты.)

Я не знаю результатовъ вашихъ трудовъ; но могу сказать, что послѣ того, какъ вы выработаете новыя общественныя формы, вамъ придется ввести новаго человѣка въ общество, создавшееся въ вашемъ мозгу; я утверждаю, что современный человѣкъ не можетъ соотвѣтствовать будущему обществу.

Въ сегодняшнемъ номерѣ *Aurore* П. Бонкуръ въ замѣчательной статьѣ задалъ вамъ вопросъ, на который я попрошу васъ отвѣтить, когда вы будете мнѣ отвѣчать.

Я спрашиваю г. Жореса: неужели онъ искренно вѣритъ въ то, что въ настоящее время и даже въ нѣкоторомъ отдаленіи рабочій классъ сумѣетъ взять на себя управленіе всѣми промышленными, земледѣльческими и коммерческими предпріятіями.

П. Констанъ. Конечно.

Ж. Кутанъ. Разумѣется. (Движеніе.)

Министръ. Я задаю свой вопросъ не г. Кутану, и также не г. Констану, а г. Жоресу, который смѣнитъ меня на трибунѣ.

П. Констанъ. Я полагаю, что вы обращаетесь ко всей палатѣ.

Ж. Кутанъ. Во всякомъ случаѣ вина легла бы на Третью Республику. И вы не родились на свѣтъ образованнымъ.

Министръ. Во всякомъ случаѣ ваши концепціи фатально грѣшатъ въ одномъ пунктѣ: человѣкъ, который понадобится вамъ для реализаціи вашего общества, еще не существуетъ, даже если бы ваши теоріи осуществились. А когда этотъ новый человѣкъ явится, если ему суждено вообще существовать, онъ воспользуется собственнымъ разумомъ и устроится по своему благоусмотрѣнію, не сообразуясь съ путемъ, который вы ему предначертали. Вы беретесь прямо за созиданіе будущаго; мы же создаемъ человѣка, который создастъ будущее: наше чудо гораздо величественнѣе вашего. Мы не фабрикуемъ человѣка спеціально для нашего общественнаго строя, мы беремъ его, какъ онъ есть, какъ онъ вышелъ изъ первобытной пещеры, съ его жестокостью, съ его добротой, съ эгоизмомъ, и съ альтруизмомъ, съ его личными страданіями и съ тѣми страданіями, которыя онъ причиняетъ себѣ подобнымъ. (Браво! Браво! слѣва.)

Мы беремъ его со всѣми его слабостями, противорѣчіями, ощупью бре-

дущаго къ неизвѣстному лучшему, и мы просвѣщаемъ его, выращиваемъ, искореняемъ въ немъ зло и укрѣпляемъ его въ добрѣ, мы его освобождаемъ и ведемъ его по пути высшей справедливости. (Оживленные аплодисменты слѣва и на нѣкоторыхъ скамьяхъ центра.) И съ каждымъ днемъ онъ становится нѣсколько болѣе безкорыстнымъ, пріобрѣтаетъ частицу благородства, доброты и красоты, пріобрѣтаетъ бо́льшую власть надъ собою и надъ окружающимъ міромъ. (Новый взрывъ аплодисментовъ на тѣхъ же скамьяхъ.)

Нашъ идеалъ возвеличить этого человѣка, дѣйствительность, а не мечту, тогда какъ вы замыкаетесь, увлекая за собою и человѣка, въ узкой области анонимнаго коллективнаго абсолютизма. Нашимъ идеаломъ является красота индивидуализма, пышный расцвѣтъ его въ общественной средѣ, которая управляетъ личностью единственно въ цѣляхъ ея развитія. Неужели этотъ идеалъ не выдержитъ сравненія съ вашимъ, передъ которымъ онъ имѣетъ къ тому же то преимущество, что онъ уже осуществляется? Вы патетически приводили въ примѣръ великихъ дѣятелей революціи и говорите: поступайте, какъ они, принимайте рѣшеніе.

Но изъ журнальной полемики вамъ извѣстно, что я уже принялъ свое рѣшеніе, я не хочу сказать лично противъ васъ, но противъ вашихъ концепцій, противъ вашихъ идей, и за общество, выросшее изъ французской революціи. (Аплодисменты.) Французская революція никогда не желала того, чего желаете вы, она желала какъ разъ противоположнаго, она провозгласила права человѣка, провозгласила свободу, господство личности, и, провозгласивъ, приступила къ ихъ осуществленію. А вы, плохо эмансипированные даже въ возмущеніи, вы стремитесь вернуться къ догматическому единству въ тотъ моментъ, когда оно терпитъ крушеніе.

Вы говорили о моей программѣ 1885 г.!

А будь я на вашемъ мѣстѣ, было бы очень легко отвѣчать. Въ 1885 г. вы были противъ соціальныхъ реформъ; во имя перемѣнъ, возникшихъ въ вашемъ міровоззрѣніи, вы требуете, чтобы мое не измѣнялось; по счастью, я не измѣнился. Мы показали народу идеалъ, отмѣну режима наемнаго труда; что касается меня, я не измѣнился съ тѣхъ поръ и не вижу, почему бы я измѣнился, только вмѣсто того, чтобы, подобно вамъ, декретировать эту отмѣну путемъ еще неизвѣданныхъ средствъ...

Эйнаръ. Очень хорошо!

Министръ. Мы всѣ знаемъ, что мы лишь намѣтили то, что должно быть достигнуто путемъ болѣе тѣснаго единенія, путемъ—я сказалъ бы—взаимнаго сліянія труда и капитала, которое должно совершиться посредствомъ воспитанія рабочаго міра,—такова цѣль всѣхъ нашихъ стремленій.

Думаю, все это достаточно ясно. А если мы примѣнимъ этотъ принципъ къ настоящему моменту, что мы увидимъ? Только что закончились выборы, явившіеся крупной побѣдой республиканской идеи. Каково значеніе этихъ выборовъ? Прежде всего республика стала недосягаемой для какихъ-либо покушеній. (Браво! Браво!); анти-республиканскія партіи объявлены безсильными.

Лази. Посмотримъ.

Министръ. И должны разъ навсегда отказаться отъ возстановленія стараго порядка на развалинахъ республики. Вотъ первое заключеніе, которое мы, не исключая и этихъ господъ (жестъ на правую), должны единодушно сдѣлать; я жду, что они добросовѣстно сдѣлаютъ выводъ изъ вердикта избирателей. Вы видите—никто не протестуетъ. (Аплодисменты и смѣхъ.)

Ф. де-Рамель. То же говорили наканунѣ паденія Имперіи. Будущее отвѣтитъ вамъ, а мы не потеряли ни надежды, ни вѣры.

Министръ. Оставляя за собою вѣру и надежду—сохраните немножко милости ко мнѣ. (Смѣхъ.)

Слѣдующій пунктъ. Страна пожелала, она совершенно точно заявила это, чтобы клерикальный вопросъ былъ разрѣшенъ въ смыслѣ свободы. Время клерикальнаго гнета миновало.

Генро. А время другого гнета?

Министръ. Государственныя привилегіи церкви упразднены, вы ихъ не увидите вновь; церковь не будетъ больше пользоваться нашей помощью, денежной поддержкой французскаго государства, привилегіями котораго оно жило до сей поры. (Аплодисменты слѣва.)

Эти два пункта совершенно точно освѣщены послѣдними выборами.

Наконецъ, внимательно вглядываясь въ броженіе, совершающееся во всѣхъ фракціяхъ республиканской партіи, мы ясно видимъ, что день бо́льшей соціальной справедливости уже насталъ. Вотъ третій пунктъ, отмѣченный выборами. (Браво! Браво!) Что же касается средствъ, избиратели предоставили намъ позаботиться о нихъ. Иначе и быть не могло. Средства эти не новы, они извѣстны; я только что ихъ нашелъ въ соціалистическомъ манифестѣ, а передъ тѣмъ я видѣлъ ихъ въ правительственной декларацiи. Этого не стоитъ повторять. (Движеніе на крайней лѣвой.) Не улыбайтесь, я повторяю, я нашелъ ихъ въ правительственномъ сообщеніи, гораздо болѣе ясно выраженными, чѣмъ въ манифестѣ соціалистической партіи.

Съ крайней лѣвой. Тѣмъ лучше!

Министръ. А между тѣмъ вы намъ говорите, что наша декларація слаба. Я готовъ бы согласиться, но только замѣчу вамъ, мы—правительство лишь на одинъ день, а вы депутаты лишь на четыре года, и если бы въ теченіе четырехъ лѣтъ намъ удалось осуществить половину этой программы, я съ своей стороны, сознаюсь, гордился бы этимъ. (Аплодисменты.)

Однако, въ то время, какъ вы еще не успѣли поставить на ноги, вдохнуть жизнь въ свою коллективистскую программу,—мы создали нашу программу, живую программу соціальныхъ улучшеній. И тутъ я долженъ заявить, что меня возмущаетъ, приводитъ въ негодованіе одна фраза г. Жореса, который намъ говорилъ о многочисленномъ рабочемъ классѣ, «которому отказываютъ во всемъ».

Теперь, г. Жоресъ, я отвѣчу за себя. Въ наказаніе вамъ я прочту перечень реформъ, выполненныхъ республиканской буржуазіей, на пользу рабочаго класса, которому, по вашимъ словамъ, мы почти во всемъ отказываемъ. (Аплодисменты слѣва.)

Документъ этотъ нѣсколько длиненъ, но чѣмъ онъ длиннѣе, тѣмъ глубже будетъ ваше смущеніе, я еще вычеркнулъ большое число законовъ. Это длинный рядъ послѣдовательныхъ усилій, связанныхъ съ эволюціей человѣка и личной собственности въ смыслѣ осуществленія все большей и большей справедливости.

Прежде всего слѣдовало бы упомянуть всѣ законы о свободѣ, которые, по моему, являются основаніемъ соціальнаго освобожденія, и всѣ законы, касающіеся образованія и воспитанія, потому что безъ воспитанія демократіи, соціальное освобожденіе ея остается пустымъ звукомъ. (Аплодисменты слѣва.)

Она могла бы на одинъ день добиться власти, и скоро увидѣла бы себя низвергнутой въ бездну; всѣ наши реформы были бы недолговѣчны, если бы намъ не удалось усовершенствовать, улучшить человѣка, внѣдрить въ него демократическія чувства. (Браво, браво!)

Слѣдовательно, я въ правѣ прежде всего перечислить законы о свободѣ и законы о воспитаніи.

Жоресъ. Я никогда не отрицалъ этого.

Министръ. Вы говорите, что никогда этого не отрицали?

Жоресъ. Нѣтъ!

Министръ. Но вы говорили, что мы почти во всемъ отказываемъ рабочему классу.

Жоресъ. Г. министръ, угодно ли вамъ позволить мнѣ?... Чтобы показать, что мы согласны...

Министръ. Я покажу вамъ, что мы сдѣлали для тѣхъ, кому, по вашимъ словамъ, отказано почти во всемъ. Ваша безличная форма подразумѣваетъ законодателя. (Аплодисменты съ лѣвой.)

Жоресъ. Позвольте мнѣ...

Министръ. Пожалуйста, позвольте мнѣ кончить, вы мнѣ отвѣтите. Но вамъ придется выслушать. (Ропотъ на крайней лѣвой.)

Жоресъ. Я всегда говорилъ то, что вы собираетесь сказать.

Министръ. Въ прошлый разъ вы говорили противоположное.

Я читаю:

Законъ 9 апрѣля 1881 года создалъ почтовую сберегательную кассу.

Законъ 16 февраля 1883 года возложилъ на фабричную инспекцію обязанность обезпечить исполненіе закона 9 сентября 1848, касающагося продолжительности рабочаго дня для взрослыхъ.

Дюбуа. Двѣнадцатичасового!

Министръ. Скоро уже мы дойдемъ до десятичасоваго. Развѣ эта работа совершилась безъ законодателя? Ваши замѣчанія подчеркиваютъ совершившійся прогрессъ.

Законъ 21 марта 1884 года, допускающій образованіе профессіональныхъ синдикатовъ. (Шумъ и замѣчанія на крайней лѣвой.)

П. Констанъ. Потому-то рабочихъ и выставляютъ за дверь! (Шумъ.)

Министръ. Дайте же мнѣ говорить!

Предсѣдатель. Прерывая такимъ образомъ оратора, вы, въ самомъ дѣлѣ, можете подать поводъ думать, что перечисленіе работъ, произведенныхъ вашими предшественниками,—васъ смущаетъ. (Оживленные аплодисменты на лѣвой.)

Артуръ Груссье. Однако нельзя отрицать, что мы внесли свой трудъ въ созданіе ихъ.

Министръ. Кто же это отрицалъ? Это наша совмѣстная работа; тѣмъ менѣе у васъ основанія отъ нея отрекаться. (Снова перерывы на крайней лѣвой.)

Ж. Кутанъ. Въ тотъ моментъ г. Клемансо не принималъ участія въ политикѣ. (Шумъ.)

Президентъ. Г. Кутанъ, когда вамъ будетъ угодно допустить продолженіе рѣчи?

Министръ. Я продолжаю перечень главнѣйшихъ злодѣяній республиканской демократіи въ отношеніи рабочаго класса, которому «она отказываетъ почти во всемъ».

Законъ 29 іюля 1886 года, организовавшій кассы страхованія на случай старости.

Законъ 24 іюля 1887 года о защитѣ дѣтей отъ дурного обращенія.

Законъ 27 декабря 1890 года о договорѣ найма и объ отношеніяхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ къ акціонернымъ обществамъ (1. устанавливаетъ для рабочихъ, не опредѣляя его вполнѣ точно, право на вознагражденіе въ случаѣ увольненія при наемѣ на срокъ неопредѣленный; 2 предписываетъ представлять въ министерство на утвержденіе уставы желѣзнодорожныхъ кассъ взаимопомощи и страхованія).

Законъ 20 іюля 1891 года, создавшій департаментъ труда (office du travail).

Законъ 2 ноября 1892 года, касающійся работы дѣтей, молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ въ промышленныхъ заведеніяхъ.

Продолжительность рабочаго дня—10 часовъ до 16 лѣтъ, 11 часовъ (максимумъ 60 недѣльныхъ часовъ) отъ 16—18 лѣтъ, 11 часовъ для дѣвушекъ и женщинъ старше 18 лѣтъ. Запрещеніе ночной работы для мужчинъ моложе 18 лѣтъ и для женщинъ всѣхъ возрастовъ (допущеніе ея только для непрерывныхъ производствъ съ максимумомъ 7 часовъ въ сутки).

Еженедѣльный отдыхъ и отдыхъ въ закономъ установленные праздники. Возрастъ для поступленія дѣтей на фабрику повышенъ до 13 лѣтъ; женщинамъ запрещены работы подъ землею. Департаментскіе инспекторы сдѣланы государственными чиновниками и составъ инспекціи опредѣленъ въ 11 окружныхъ инспекторовъ и 92 департаментскихъ инспекторовъ и инспектрисъ.

Законъ 27 декабря 1892 года, устанавливающій, на началахъ факультативности, примирительное и третейское разбирательство коллективныхъ споровъ между предпринимателями и рабочими и служащими.

Законъ 12 іюня 1893 года, касающійся гигіены и безопасности рабочихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ.

Законъ 15 іюля 1893 года, организующій безплатную медицинскую помощь.

Законъ 1 августа 1893 года, вносящій измѣненіе въ законъ 24 іюля 1867 года объ обществахъ путемъ пониженія номинальной цѣны акцій, облегчившій образованіе кооперативныхъ обществъ.

Законъ 29 іюня 1894 года, организующій обязательныя кассы для пособій и пенсій горнорабочихъ, дополненный закономъ 16 іюля 1896 г.

Законъ 30 ноября 1894 года относительно дешевыхъ жилищъ, дополненный закономъ 16 іюля 1896 г.

Законъ 12 января 1895 года—охрана заработной платы и небольшихъ жалованій рабочихъ и служащихъ отъ судебныхъ взысканій.

Законъ 5 апрѣля 1898 года, новый органическій законъ объ обществахъ взаимопомощи.

Законъ 9 апрѣля 1898 года, касающійся несчастныхъ случаевъ съ рабочими.

Три декрета 10 августа 1897 года объ условіяхъ труда въ договорахъ, заключенныхъ именемъ государства, департаментовъ, коммунъ, и благотворительныхъ учрежденій (декреты Мильерана). Эти декреты обезпечиваютъ рабочимъ, занятымъ въ государственныхъ предпріятіяхъ: 1) еженедѣльный отдыхъ (для служащихъ и для рабочихъ); 2) покровительство противъ конкуренціи иностранныхъ рабочихъ; 3) минимумъ заработной платы, и 4) ограниченіе продолжительности рабочаго дня. Эти постановленія, обязательныя для казенныхъ работъ, могутъ быть включаемы въ условія работъ, производимыхъ на счетъ департаментовъ, коммунъ и благотворительныхъ учрежденій.

Декретъ 1 сентября 1899 года, реорганизующій высшій совѣтъ по дѣламъ труда (conseil superieur du travail). Этотъ совѣтъ реорганизованъ на выборномъ началѣ. Члены, хозяева и рабочіе, раньше назначавшіеся министромъ, теперь избираются: члены-предприниматели—торговой палатой и промысловыми судами (conseils de prud'hommes), рабочіе—синдикатами и промысловыми судами.

Законъ 30 марта 1900 года, вносящій измѣненіе въ законъ 20 ноября 1892 года относительно работы дѣтей, молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ въ промышленныхъ заведеніяхъ (законъ Мильерана-Кольяра). Этотъ законъ установилъ съ 1 апрѣля 1904 года десятичасовой рабочій день для женщинъ и для дѣтей, а равно и для взрослыхъ мужчинъ, работающихъ въ тѣхъ же помѣщеніяхъ. Раньше законъ 1894 года опредѣлилъ 11 часовъ для женщинъ и десять—для дѣтей.

Законъ 1 іюля 1902 года о договорѣ товариществъ. Законъ 1 іюля

1902 года, установившій свободу союзовъ, былъ использованъ для образованія профессіональныхъ союзовъ тѣми профессіями, которыя не подошли подъ дѣйствіе закона 1884 года о профессіональныхъ синдикатахъ.

Законъ 14 марта 1904 года, касающійся организаціи пріисканія занятій (placement) для служащихъ и рабочихъ обоего пола и всѣхъ профессій. Этотъ законъ допускаетъ закрытіе конторъ для пріисканія мѣстъ, разрѣшая вопросъ, предложенный парламенту еще въ 1898 г.

Законъ 9 мая 1905 года внесъ измѣненіе въ законъ 8 іюля 1890 г. о представителяхъ горнорабочихъ при рѣшеніи вопросовъ безопасности.

Этотъ законъ обезпечиваетъ делегатамъ вознагражденіе, достаточное для того, чтобы они не были вынуждены работать въ рудникахъ для обезпеченія своего существованія.

Законъ 29 іюня 1905 г. относительно продолжительности рабочаго дня въ копяхъ и рудникахъ. Этотъ законъ постепенно сводитъ рабочій день къ восьмичасовой нормѣ.

Законъ 14 іюля 1905 года касается обязательной помощи престарѣлымъ, больнымъ и неизлѣчимымъ.

Законъ 14 ноября 1905 года открываетъ добавочные кредиты къ смѣтѣ 1905 года и имѣетъ въ виду сокращеніе рабочаго дня въ казенныхъ предпріятіяхъ.

Законъ 2 апрѣля 1906 года касается участія вышеупомянутыхъ представителей горнорабочихъ, призываемыхъ къ рѣшенію вопросовъ безопасности, въ пенсіонныхъ кассахъ.

Наконецъ, страхованіе рабочихъ на случай старости и неспособности къ труду, вотированное палатой и теперь поступившее на разсмотрѣніе сената.

Итакъ, господа, я спрашиваю,—если подобная законодательная работа совершена въ теченіе двадцати пяти лѣтъ—о! я не утверждаю, что нельзя было сдѣлать лучше! Я не утверждаю, что больше ничего не осталось совершить, но я говорю: если подобная работа произведена рядомъ республиканскихъ законодательныхъ собраній, никто не имѣетъ права обращаться къ нимъ съ упрекомъ: «Вы почти ничего не сдѣлали для рабочаго класса». (Аплодисменты слѣва и въ центрѣ.)

Ф. де Рамель. Сосѣднія монархіи давно уже сдѣлали то же самое.

Ж. Кутанъ. Это сдѣлали не радикалы, а соціалисты... (Шумъ.)

Министръ. Я отнюдь не намѣревался приписывать всѣ эти реформы какой-либо изъ здѣсь присутствующихъ партій. (Браво! Браво! на лѣвой и въ центрѣ.) Я не обмолвился ни словомъ въ этомъ смыслѣ, и вамъ очень легко отвѣчать на то, чего я не говорилъ.

Я сказалъ и повторяю, что та буржуазная организація, которую вы осуждаете, которую вы упрекаете въ неспособности—какъ-нибудь удовлетворить рабочій классъ, заранѣе отвѣтила вамъ дѣлами. Не достаточно вотировать законъ, нужно быть способнымъ призвать его къ жизни, ввести его въ практику и извлечь изъ него заключающіеся въ немъ преимуще-

ства. Когда парламентъ, который, какъ тотъ, въ которомъ я теперь говорю, собирается послѣ избирательной кампаніи и сразу же ставитъ на очередь соціальные вопросы, онъ этимъ даетъ вамъ непререкаемый залогъ своихъ добрыхъ намѣреній. Сказать ему: «При современной организаціи общества вы ничего не можете сдѣлать для рабочаго класса»,—значитъ оказать ему дурной пріемъ и дурно ему отвѣтить. (Аплодисменты слѣва.)

Ваши обвиненія—слова, нашъ отвѣтъ—дѣла. (Снова аплодисменты на тѣхъ же скамьяхъ.)

Однако и среди вашей партіи находятся люди, которые становятся на мою точку зрѣнія; одинъ изъ нихъ, здѣсь присутствующій, г. Вареннъ, «объединенный» соціалистъ, я полагаю, недавно въ *Lanterne* помѣстилъ статью, откуда я беру слѣдующее мѣсто: «Что же касается соціальнаго переустройства, которое является, безъ сомнѣнія, отдаленной»—г. Вареннъ не требуетъ шести мѣсяцевъ!—«но постоянной цѣлью нашей пропаганды, то не достаточно его провозгласить и изобразить его въ качествѣ пугала.—Важно подготовить его воспитаніемъ и организаціей».

Это цѣликомъ программа радикальной партіи. (Аплодисменты слѣва.)

Вареннъ. По этому поводу можно поспорить.

Министръ. Мы будемъ спорить, когда вамъ будетъ угодно, но я скажу, что нельзя всѣ вопросы обсуждать сразу.

Когда я съ трибуны привожу вопросы, поднятые вами въ прессѣ, я дѣлаю это добросовѣстно, и дѣлаю все, что нужно, чтобы, вы въ свою очередь выяснили, какія идеи вы желаете выдвинуть въ этой палатѣ, какія предложенія вы желаете сдѣлать, это необходимо для того, чтобы мы, смотря по обстоятельствамъ, одобрили бы или привели свои возраженія.

Ф. Фурнье. Это уже министръ интерпеллируетъ партію! (Восклицанія на лѣвой.)

Министръ. Я стараюсь показать вамъ, въ какихъ пунктахъ для насъ возможно соглашеніе, и право же неумѣстныя замѣчанія, вродѣ только что сдѣланнаго, свидѣтельствуютъ просто о вашей неспособности понять положеніе. (Аплодисменты слѣва.)

Я цитирую одного изъ вашихъ; я привожу его мнѣніе, ничего не мѣняя, и въ заключеніе говорю, что въ этихъ пунктахъ я съ нимъ согласенъ. Что въ этомъ можетъ васъ задѣвать?

Я продолжаю свою цитату: «Если это воспитаніе совершится своевременно, когда пролетаріатъ будетъ достаточно просвѣщенъ и достаточно дисциплинированъ»...—это же самое и я говорю; я говорю, что онъ не достаточно развитъ и не достаточно дисциплинированъ для того, чтобы въ настоящій моментъ найти себѣ мѣсто въ задуманной вами организаціи—«... когда пролетаріатъ будетъ въ достаточной мѣрѣ просвѣщенъ и дисциплинированъ, чтобы взять на себя руководительство производствомъ,—преобразованіе общества, подготовленное путемъ долгой эволюціи, совершится безъ насилій и, такъ сказать, безъ усилій. Политическая демократія свободно разовьется въ демократію соціальную. Всеобщимъ голосованіемъ,

которое освящаетъ политическое верховенство гражданъ, трудящіеся завоюютъ верховенство экономическое». (Браво! Браво! съ лѣвой.)

Варенъ. Это—коллективизмъ, г. министръ.

А. Мишель. Въ такомъ смыслѣ мы всѣ коллективисты.

Министръ. Если это коллективизмъ, то онъ отнюдь не похожъ на тотъ, который намъ преподносили до сихъ поръ.

Вы говорите намъ, что, когда рабочіе достаточно развовьются и дисциплинируются, они создадутъ коллективистскій режимъ. Возможно, а можетъ быть они создадутъ и иной; во всякомъ случаѣ насъ тамъ не будетъ, и они создадутъ режимъ, какой имъ заблагоразсудится. Всего вѣрнѣе намъ прійти къ соглашенію о томъ, чтобы ихъ воспитывать, просвѣщать и дисциплинировать. (Аплодисменты слѣва.)

Я могу еще сослаться на одинъ авторитетъ, который не ниже, даже позволю себѣ сказать—выше вашего,—на авторитетъ вамъ хорошо извѣстнаго г. Эдуарда Бернштейна.

Г. Эдуардъ Бернштейнъ въ книгѣ, озаглавленной «Socialisme théorique et la social-democratie pratique» пишетъ слѣдующее:

Вмѣсто того, чтобы спекулировать на великую катастрофу Карла Маркса, на революцію,—соціалъ-демократія еще долгое время должна работать надъ политической организаціей, надъ подготовкой рабочаго класса для демократическаго строя, должна бороться въ государствѣ за всѣ реформы, которыя могутъ поднять рабочій классъ и видоизмѣнить институтъ государства въ демократическомъ смыслѣ...» (Браво! Браво! съ крайней лѣвой.)

Это не что иное какъ простое изложеніе республиканской доктрины. «Ввиду того, что я глубоко убѣжденъ въ невозможности перескакивать черезъ важные періоды въ эволюціи народовъ, я придаю огромное значеніе обязанности, лежащей на соціалъ-демократіи въ настоящее время,—борьбѣ за политическія права рабочихъ, политической дѣятельности рабочихъ въ интересахъ своего класса, а равнымъ образомъ—дѣлу ихъ экономической организаціи. Въ этомъ именно смыслѣ я какъ-то и писалъ, что для меня движеніе—все, а то, что обыкновенно называютъ конечной цѣлью соціализма—ничто». (Движеніе.)

Мы пришли къ окончательному соглашенію. (Смѣхъ.)

Конечная цѣль соціализма—ничто, движеніе въ направленіи соціальной справедливости—все. (Аплодисменты на лѣвой.) И это говоритъ одинъ изъ вашихъ. Это—программа радикальной партіи, и я считаю себя въ правѣ сказать такъ: это—даже программа настоящаго правительства. (Браво! Браво! съ лѣвой.)

Варенъ. А всетаки для движенія нужно еще направленіе.

Министръ. Ради ораторскаго пріема вы, меньшинство, заявляете, что большинство, которое не поручало вамъ дѣлать такое заявленіе, что правительство ниже всеобщаго голосованія, что оно не оправдываетъ довѣрія страны. Вы, меньшинство этой палаты, которое не имѣетъ права говорить отъ имени большинства избирателей,—вы осуждаете насъ. (Движеніе.)

Хорошо! Позвольте же сказать вамъ: вы можете осуждать правительство, мы вернемся въ строй и, если мы не сумѣли быть хорошими офицерами, мы будемъ хорошими солдатами.

Р. Пуанкарэ, министръ финансовъ. Очень хорошо!

Министръ. Но позвольте мнѣ сказать вамъ, что въ настоящій моментъ вы не можете намъ приписать иного преступленія, кромѣ того, что мы привели всѣхъ республиканцевъ къ побѣдѣ. (Аплодисменты слѣва.—Замѣчанія съ крайней лѣвой.)

Мелье (Meslier). Это не вполнѣ точно!

Ж. Кутанъ. Я съ своей стороны ничего не требовалъ отъ г. Клемансо во время выборной кампаніи.

Министръ. Если вы хотите заставить меня сойти съ трибуны, прежде чѣмъ я кончу,—я съ удовольствіемъ сдѣлаю вамъ одолженіе. Вчера вы прерывали меня за то, что я на нападки отвѣчалъ нападками; сегодня я ищу пунктовъ соглашенія, вы прерываете меня съ тѣмъ же ожесточеніемъ. Я не имѣю права расходиться съ вами во взглядахъ и я не имѣю права съ вами соглашаться! (Смѣхъ.)

Взойдите на трибуну и скажите, что я долженъ говорить!

Ж. Кутанъ. Я только этого и хочу. (Опять смѣхъ.)

Министръ. Хорошо? Позвольте мнѣ сказать, что если мы ниже всеобщаго голосованія—есть нѣчто худшее—это воображать себя стоящимъ выше его (браво! Браво! на лѣвой и на разныхъ скамьяхъ),—изображать изъ себя небожителя, по выраженію Паскаля. (Смѣхъ и аплодисменты),—желать,—именно потому, что представляешь меньшинство,—навязать странѣ отвергнутые ею взгляды. (Новые аплодисменты.)

Я хорошо понимаю, что съ этой оговоркой вы намъ предлагаете свое сотрудничество,—но не безъ оговорки: мы заранѣе знаемъ, что вы откажетесь утвердить бюджетъ. (Браво! Браво! на лѣвой и въ центрѣ.)

А! вы киваете головой? Я очень скорблю объ этомъ отказѣ.

Министръ финансовъ. И я тоже!

Министръ. Я смотрю на васъ, какъ на людей серьезныхъ, какъ на политиковъ, пришедшихъ сюда съ опредѣленными цѣлями, выбравшими свои средства.

Я знаю, откуда у васъ этотъ методъ—отказъ въ утвержденіи бюджета; вы его заимствовали изъ Германіи, гдѣ онъ имѣетъ смыслъ...

Гескьеръ (Guesquière). Мы заимствуемъ его отъ всего міра! Онъ пришелъ къ намъ отъ рабочаго интернаціонала.

Министръ. Вы получили его изъ Дрездена. (Замѣчанія на крайней лѣвой.—Шумъ.)

Будущее общество будетъ воистину невыносимымъ! (Аплодисменты и смѣхъ на лѣвой и въ центрѣ.)

Феронъ. Это будетъ хаосъ!

Министръ. Я говорю, что эта идея заимствована изъ Дрезденскихъ постановленій.

А. Груссье. Мы вотировали противъ бюджета гораздо ранѣе этого постановленія!

Предсѣдатель. Вы всѣ по очереди прерываете оратора. Вамъ не угодно, чтобы онъ говорилъ? Вы отвѣтите ему! Для этого существуетъ запись ораторовъ. (Браво! Браво!)

А. Груссье. Неточности вынуждаютъ протестовать!

Министръ. Этимъ господамъ будетъ благоугодно разрѣшить мнѣ высказать свое мнѣніе, несогласное съ ихъ собственнымъ? (Знаки согласія на крайней лѣвой.) Я ихъ благодарю. (Смѣхъ.)

Я говорю, что до 1904 года вы утверждали бюджетъ и вы перестали это дѣлать съ того дня, когда Амстердамскій конгрессъ повторилъ Дрезденское постановленіе, сообщивъ ему интернаціональный характеръ. Постановленіе гласитъ: «Партія отклоняетъ всякую отвѣтственность при наличности политическихъ и экономическихъ условій, основанныхъ на капиталистическомъ производствѣ, а потому не можетъ одобрить ни одного изъ средствъ, поддерживающихъ у власти господствующій классъ».

Вотъ, чтобы не поддержать у власти господствующій классъ, т.-е. республиканскую буржуазію, вы завтра откажетесь утвердить бюджетъ республики. Необходимо договориться: здѣсь кроется недоговоренность, недостойная ни васъ, ни насъ.

Если вы сотрудники, вы должны оставаться сотрудниками до конца, и, принявъ принципъ, должны принять слѣдствія. (Браво! Браво! слѣва.)

Какъ! вы собираетесь съ нами вмѣстѣ обсуждать вопросъ о страхованіи рабочихъ, вы говорите: «Мы разсмотримъ вопросъ вмѣстѣ съ вами, мы укажемъ налоги, которые падутъ новой тяжестью на несчастныхъ отягченныхъ уже налогами плательщиковъ; мы опредѣлимъ, какія новыя категоріи налоговъ можно установить, чтобы помочь рабочему классу». Вы предлагаете намъ свою помощь для выработки редакціи статей закона. А когда настанетъ моментъ расчета, вы скажете: «Мы умываемъ руки»! (Повторные аплодисменты на лѣвой, въ центрѣ и на нѣкоторыхъ скамьяхъ крайней лѣвой.)

Этотъ способъ обсужденія я отдаю на общественный судъ! И онъ тѣмъ менѣе—я не хотѣлъ бы употребить слова, могущаго васъ оскорбить; пожалуйста, не усматривайте такихъ намѣреній въ моихъ словахъ,—онъ тѣмъ менѣе лойяленъ, что не препятствуетъ вамъ обращаться въ различныя министерства съ запросами, которые, если ихъ выполнить, выразятся денежными затратами. (Аплодисменты и смѣхъ на многочисленныхъ скамьяхъ.)

Гейро. А профессіональная тайна?

Министръ. Я утверждаю, что всякій долженъ свободно выбирать свое положеніе, и что пора перестать повторять:

«Я—птица: взгляните на мои крылья.

Я—мышь: да здравствуютъ крысы!» (Аплодисменты.)

Если вы наши сотрудники, вы должны поддерживать насъ до окончa-

тельнаго утвержденія бюджета, если вы противники буржуазіи и не желаете вотировать за бюджетъ, въ такомъ случаѣ вы противники въ самомъ дѣлѣ, а не сотрудники! (Аплодисменты на скамьяхъ лѣвой.)

Вы, г. Жоресъ, поддерживали это положеніе на Амстердамскомъ конгрессѣ, но вы были побиты Бебелемъ и должны были сдаться ему на капитуляцію. Вы удалились на Авентинскій холмъ, но я знаю ваши сокровенныя чувства и надѣюсь, что въ недалекомъ будущемъ мы съ радостью будемъ привѣтствовать ваше возвращеніе. Есть очаровательныя созданія, которыя всѣ супружескія недоразумѣнія заканчиваютъ вѣщими словами: «Я ухожу къ матери!» (Общій хохотъ и аплодисменты), и которыя никогда не уходятъ къ великому счастью своихъ супруговъ! (Снова смѣхъ.) Я только министръ внутреннихъ дѣлъ, а васъ я зналъ почти президентомъ совѣта... (Улыбки.)

Де-Бодри д'Ассонъ. Это еще будетъ!

Министръ. И я убѣжденъ, что тотъ день, когда вы вспомните о крупныхъ выгодахъ, которыя вы извлекали изъ этого возвышеннаго положенія—я говорю о выгодахъ для вашей партіи—и будетъ счастливымъ днемъ возвращенія, какъ говорится въ пѣснѣ.

Де-Бодри д'Ассонъ. Да такъ будетъ, г. Жоресъ. (Смѣхъ.)

Министръ. Что бы вы ни говорили, исходя изъ доктринерскаго абсолютизма, вы входите въ составъ побѣдоносныхъ республиканцевъ (хорошо! очень хорошо!—на лѣвой), вы побѣдители, а на той сторонѣ *(на правой)* возсѣдаютъ побѣжденные.

Жоресъ. Они берутъ свой реваншъ. (Движеніе.)

Министръ. Онъ имъ не удастся, если мы не окажемъ имъ содѣйствія. Именно на этой сторонѣ (на правой) живетъ духъ угнетенія и реакціи, противъ котораго мы вмѣстѣ боремся.

Лази. Однако сейчасъ вы испытали давленіе совсѣмъ съ другой стороны.

Министръ. Дорогой коллега, я просилъ у васъ единственно вашей благосклонности, и вы оказались въ этомъ отношеніи гораздо великодушнѣе многихъ изъ моихъ политическихъ друзей; я вамъ очень благодаренъ, но никакихъ иныхъ уступокъ я вамъ сдѣлать не могу.

Лози. Да я и не требую; вы бы скомпрометировали меня. (Смѣхъ.)

Министръ. Реакція насъ подстерегаетъ со своими враждебными замыслами; она ждетъ часа; остережемся, чтобы не доставить ей случая. Во время битвы, какъ бы велико ни казалось разстояніе между мною и г. Жоресомъ, мы дружно будемъ дѣйствовать противъ антиреспубликанской реакціи (аплодисменты на крайней лѣвой и на лѣвой), и каждый разъ, когда республика будетъ въ опасности, вы увидите меня подлѣ него. (Новый взрывъ аплодисментовъ на тѣхъ же скамьяхъ.)

Но я сказалъ: берегитесь! Реакція въ этой странѣ безсильна, если только мы не доставимъ ей удобнаго случая, не дадимъ воспользоваться растерянностью. Но если вы обманете страну иллюзіями, неисполнимыми обѣщаніями, тогда бойтесь реакціи. (Браво! Браво! слѣва.) Если вы станете

поощрять духъ насилія, помните, рано или поздно, онъ обратится противъ васъ самихъ, и если вы будете и впредь изображать народу въ качествѣ врага республиканское правительство, которое упорно стремится обезпечить свободу рабочему классу, тогда въ тотъ самый день, когда вы вооружите его противъ насъ, въ тотъ день, когда мы падемъ жертвами вами подготовленнаго движенія, тогда, будьте увѣренны, не замедлитъ пробить и вашъ часъ. (Аплодисменты слѣва.)

Вы надѣялись смутить меня, напомнивъ мнѣ о моей отвѣтственности; я о ней думаю не меньше вашего.

Однако какое заблужденіе говорить только объ отвѣтственномъ правительствѣ! Въ демократическомъ государствѣ отвѣтственность ложится равно на всѣхъ гражданъ. Французскій народъ отвѣтственъ за парламентское большинство. (Браво! Браво! на лѣвой. Замѣчанія на правой.) Вы сомнѣваетесь? Очень же вы дурного мнѣнія о странѣ.

Ф. Бужеръ. Мы не убѣждены, что избирательныя права оппозиціи повсюду пользовались надлежащимъ признаніемъ.

Министръ. Вы думаете, что страна случайно послала республиканское большинство, составившее четыре пятыхъ палаты? Я этого не думаю; успѣхъ республиканцевъ указываетъ на твердое рѣшеніе страны сохранить республиканскія учрежденія. (Аплодисменты слѣва.)

Ф. Бужеръ. На этотъ разъ я съ вами согласенъ. Я увѣренъ, что случай тутъ роли не игралъ.

Министръ. Ваша отвѣтственность не меньше нашей; въ нѣкоторые моменты она можетъ оказаться еще болѣе тяжкой. Мы всѣ отвѣтственны за общія усилія, за общія ошибки; и тѣ, кто идетъ во главѣ, отвѣтственны болѣе, чѣмъ тѣ, кто слѣдуетъ за ними. Долгое время наши отвѣтственности были тѣсно связаны; мы бокъ-о-бокъ участвовали во многихъ побѣдоносныхъ бояхъ, и мнѣ не хотѣлось бы утратить память объ этомъ.

Я говорилъ противъ васъ, но выводъ мой не противъ васъ, а за нашъ общій идеалъ соціальной справедливости, а по возможности и за нашу совмѣстную работу. Во всякомъ случаѣ, благодаря вамъ въ самомъ началѣ сессіи поставленъ вопросъ о томъ, заключаетъ ли настоящій политическій и соціальный строй элементы естественной эволюціи по пути высшей справедливости, или намъ придется прибѣгнуть къ общей экспропріаціи, которая дастъ намъ всеобщее счастье, если только, конечно, пророки не ошиблись, потому что, несмотря на легенду о боговдохновенныхъ законодателяхъ, общество никогда еще не рождалось сразу изъ головы человѣка. Оно являлось всегда результатомъ длинной эволюціи человѣческаго духа.

Ш. Бенуа. Очень хорошо!

Министръ. Результатомъ самопроизвольнымъ, фатальнымъ, непреодолимымъ (браво! Браво!), общей мысли, медленно созрѣвшей, управляющей поступками и дѣлами каждаго.

Вы сію минуту предложите выразить намъ порицаніе. Я не смущаюсь этимъ. (Улыбки.)

Г. Руонэ. Вы правы.

Министръ. Я уже доказалъ вамъ, что вы не имѣли права порицать мой образъ дѣйствій во время стачекъ, я заставилъ васъ молчать на мой вопросъ, поступили ли бы вы на моемъ мѣстѣ такъ, какъ я, или нѣтъ. (Аплодисменты слѣва и изъ центра.) Теперь я укажу мотивы обвиненій противъ республиканскаго правительства.

Я обнаружу, не передъ вами, а передъ обществомъ, причину этой аггрессивной политики.

Вы хотите либо терроризировать и подчинить радикаловъ, привести ихъ къ слѣпому повиновенію, какъ то уже иногда бывало. (Браво! Браво! слѣва.) Либо оттѣснить ихъ въ лагерь умѣренныхъ, чтобы привлечь на свою сторону избирателей, жаждущихъ соціальной справедливости, которымъ придется выбирать между враждебной реакціей и огромнымъ прыжкомъ въ революціонную неизвѣстность. (Аплодисменты слѣва.)

Но радикальная партія останется на своемъ мѣстѣ и разобьетъ вашу игру политикой радикальнаго дѣйствія. (Новые аплодисменты на тѣхъ же скамьяхъ.)

Мы не нуждаемся въ томъ, чтобы вы напоминали намъ нашу программу, намъ не нужно, чтобы вы спрашивали насъ—хотимъ ли мы примѣнить ее. Единственное основаніе нашего присутствія на этихъ скамьяхъ—работа, работа, которая разсѣеваетъ недоразумѣнія, работа, которая увлекаетъ слабыхъ, работа, которая направляетъ и дисциплинируетъ волю сильныхъ. (Аплодисменты слѣва и на нѣкоторыхъ скамьяхъ центра.) Работой мы побѣдили гнетъ церкви; работой мы устранимъ экономическій гнетъ привилегій. Мы освободили умы, освободимъ и тѣло.

Довѣріе, маловѣрный (Улыбки), маловѣрный, не узнающій дѣлъ республики, въ которыхъ онъ самъ былъ добрымъ работникомъ! Неужели разномысліе—достаточный поводъ для ненависти? Это остатокъ религіознаго міровоззрѣнія. (Недовольство на правой.)

Что касается меня, то я не хочу произносить противъ васъ догматическаго осужденія, и меня мало тревожитъ тотъ или иной характеръ вашихъ идеаловъ будущаго. Если мы поймемъ другъ друга, мы сможемъ произвести въ этомъ собраніи общую политическую работу, при томъ условіи, однако, что ваше сотрудничество будетъ искренно и цѣльно, а слѣдовательно будетъ исключать самую идею неутвержденія бюджета. Вы говорите, что для радикальной партіи настала рѣшительная минута? Мы знаемъ это. Но позвольте мнѣ сказать, что моментъ рѣшительный и для соціалистовъ.

Ш. Дюмонъ. Очень хорошо!

Министръ. Для соціалистовъ, которые не всѣ объединены, что бы вы ни говорили. Нужно или проводить реформы, или начать революцію. Мы проводили реформы: мы желаемъ ихъ продолжать. Готовы ли вы прійти намъ на помощь? Будемъ работать! Если вы желаете работать съ нами, мы протягиваемъ руку вамъ и вашимъ избирателямъ.

Если нѣтъ, пусть каждый идетъ навстрѣчу своей судьбѣ. Мы же по-

стараемся безъ васъ выполнить свою задачу. Мы честно примемъ на себя отвѣтственность и въ остальномъ полагаемся на чувство справедливости палаты и республики. (Громкіе продолжительные аплодисменты на многочисленныхъ скамьяхъ лѣвой и центра.)

(Ораторъ возвращается на министерскую скамью; его привѣтствуютъ его друзья.)

Можанъ. Отъ имени моихъ коллегъ гг. Декюера-Давида, Ферона, Труэна и отъ себя лично я предлагаю опубликовать большую рѣчь, въ которой изложена политическая программа и соціальныя реформы, только что привѣтствованныя республиканскимъ большинствомъ палаты. Пусть страна ознакомится съ ними. Она пойметъ и одобритъ насъ. (Очень хорошо! Очень хорошо! на многочисленныхъ скамьяхъ.)

Президентъ. Г. Можанъ и нѣкоторые изъ его товарищей требуютъ опубликованія рѣчи г. министра внутреннихъ дѣлъ.

Я ставлю это предложеніе на голоса.

Президентъ. Вотъ результатъ подсчета голосовъ:

Число голосующихъ	443
Абсолютное большинство	222
За принятіе	355
Противъ	78

Палата депутатовъ приняла предложеніе. (Аплодисменты лѣвой.) Слово принадлежитъ г. Жоресу.

Жоресъ. Господа, я вхожу на эту трибуну, весь покрытый стрѣлами, пущенными въ меня искусной и все еще молодой рукой. Я не буду пытаться вырвать ихъ и бросить обратно моему грозному противнику. Во-первыхъ, я, конечно, оказался бы побѣжденнымъ въ этомъ состязаніи полемики и эпиграммъ. Во-вторыхъ, у меня есть задача болѣе высокая, чѣмъ наши пренія, а именно, выяснить и со своей стороны тѣ условія, въ которыхъ здѣсь можетъ осуществляться республиканская дѣятельность въ области соціальныхъ реформъ.

Этому дѣлу реформъ мы готовы способствовать вмѣстѣ съ вами. Г. министръ внутреннихъ дѣлъ ошибся; онъ невѣрно истолковалъ мою мысль, утверждая, что я обвинилъ въ безплодіи всѣ республиканскія усилія послѣднихъ 34 лѣтъ. Это какъ разъ обратно моей мысли.

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Прочтите *Journal officiel.*

Жоресъ. Это какъ разъ обратное тому, что я всегда говорилъ. Я сказалъ здѣсь на-дняхъ, анализируя распредѣленіе собственности въ нашей странѣ, что, каковы бы ни были усилія въ прошломъ, сила капиталистической системы одержала верхъ надъ ними въ томъ смыслѣ, что меньшинство, которое не всегда производитъ, обладаетъ двумя третями національнаго капитала, и что значительная часть французскаго народа, состоящая изъ тѣхъ именно, которые ежедневно трудятся и производятъ, не обладаетъ ни малѣйшимъ достояніемъ. Вотъ что я сказалъ.

Но я далекъ отъ того, чтобы оспаривать, что республика начала дѣло реформы благодаря демократіи, подъ вліяніемъ возрастающихъ усилій рабочаго класса. Я не только не отрицаю этого дѣла реформъ, но пользуюсь имъ каждый день, господа, для моей пропаганды среди пролетаріата, чтобы придать ему надежду, такъ какъ однимъ изъ главныхъ препятствій къ соціальному прогрессу является чувство безнадежности слишкомъ большой части самихъ эксплуатируемыхъ. Они всегда склонны говорить: «Къ чему? Намъ все равно никогда не удастся сбросить это иго». И мы, соціалисты, говоримъ имъ, чтобы пробудить ихъ къ дѣятельности и къ надеждѣ: смотрите, совсѣмъ наоборотъ: за послѣднія тридцать лѣтъ сдѣлано много такого, что привилегированные объявляли невозможнымъ, неосуществимымъ; и еще многое будетъ сдѣлано. Но надо знать, господа, при какихъ условіяхъ и какими путями это достигнуто. (Громкіе аплодисменты на крайней лѣвой.)

Вотъ почему я взошелъ на эту трибуну, чтобы еще разъ объясниться съ правительствомъ и, если мнѣ позволено сказать, съ большинствомъ. Какое множество недоразумѣній между г. министромъ внутреннихъ дѣлъ и нами! Я желаю, чтобы честное обсужденіе помогло разсѣять ихъ. Онъ, повидимому, думаетъ, что партія соціалистовъ разсчитываетъ создать изъ ничего новое общество единственно посредствомъ изобрѣтенія индивидуальнаго ума, и онъ сказалъ вамъ вчера, что мы имѣемъ претензію вычеркнуть всѣ прошлыя усилія человѣческаго рода, считать за безконечно малую величину, за ничто всѣ прошлыя побѣды человѣка надъ природой, надъ несправедливостью и надъ зломъ. Какое недоразумѣніе! Ибо нѣтъ партіи, болѣе проникнутой идеей эволюціи, чѣмъ наша. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Въ оправданіе соціализма мы говоримъ не только, что онъ осуществляетъ идею высшей справедливости,—я почти готовъ сказать, что не это главное,—мы говоримъ, что онъ представляетъ конечный пунктъ, завершеніе всѣхъ предшествовавшихъ усилій человѣка. (Отлично! Отлично! на крайней лѣвой). Именно потому, что люди—и особенно люди новѣйшаго времени—завоевали нѣкоторые проблески свѣта и свободы, они стремятся посредствомъ этого свѣта и этой свободы къ высшей справедливости; потому именно, что благодаря наукѣ создались обширные механизмы, группирующіе и согласующіе человѣческія усилія, въ умѣ рабочихъ зародилась мысль о возможности соціальнаго строя, который тоже былъ бы внутри себя согласованъ; потому именно, что, какъ напомнилъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ, права человѣка были объявлены, утверждены, вошли въ политическій строй, потому-то у пролетаріевъ явилась надежда осуществить эти права и въ экономическомъ строѣ, вывести производителей изъ рабскаго состоянія, стоящаго ниже правъ человѣка, провозглашенныхъ революціей. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

И въ то время, какъ мы представляемъ себѣ прогрессъ человѣчества именно въ видѣ эволюціи, вы обвиняете насъ въ томъ, что мы отрицаемъ прогрессъ.

Нѣтъ, мы его не отрицаемъ, изъ того что мы говоримъ: теперь плоды созрѣли и пришло время собрать ихъ, нисколько не слѣдуетъ, чтобы мы презирали цвѣты и разрушали корни. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Это вы, господинъ министръ, вы, человѣкъ науки, такъ странно далеки отъ идеи эволюціи; я не знаю никакой философіи исторіи болѣе противной идеѣ эволюціи, чѣмъ та, которую вы набросали съ этой трибуны, чтобы бороться съ нами. Какъ! Само христіанство является полнымъ банкротствомъ, оно только воспроизвело въ новыхъ формахъ всю грубость древнихъ временъ! Какъ! Идеалисты 1848 года, которыхъ безъ различія свалила въ общую кучу ваша иронія, всѣ эти Пьеры Леру, Луи Блапы, Прудоны и Фурье раньше ихъ,—какъ! Всѣ они не оставили никакихъ слѣдовъ въ исторіи и въ дѣйствительности! Но вѣдь все движеніе нашихъ идей, нашихъ страстей, нашихъ разногласій исходитъ изъ высказанныхъ ими положеній. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

И теперь—они господствуютъ въ нашихъ спорахъ. Когда вы ставите намъ въ вину, что мы стараемся создать представленіе о новомъ соціальномъ механизмѣ, о новой соціальной средѣ, гдѣ человѣческія способности будутъ имѣть возможность развиваться болѣе широко и болѣе гармонично, вы говорите намъ: существуетъ только одна живая сила—это личность; существуетъ только одно средство преобразовать человѣческія общества—это преобразовать отдѣльныя личности; нравственное преобразованіе индивидовъ есть альфа и омега соціальной реформы.

Какъ! Это вы, еще разъ повторяю, человѣкъ науки, вы врачъ, вы, какъ вы сами говорили на-дняхъ, старый студентъ-медикъ, это вы отдѣляете индивидуальный организмъ отъ общественной среды? (Аплодисменты на крайней лѣвой.) Да вѣдь это вы провозглашаете самую странную, самую химеричную отвлеченность!

Между личностью и средою существуетъ взаимодѣйствіе, а законъ этого взаимодѣйствія и составляетъ прогрессъ человѣчества.

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Да, но индивидъ—творецъ среды.

Жоресъ. А личности создаются средою.

Мелье. Это ошибка, г. министръ. (Разнообразныя движенія.)

Жоресъ. Я съ своей стороны тоже попрошу въ свою пользу тишины и вниманія.

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Вамъ нечего жаловаться, я же не могъ сказать трехъ фразъ подъ рядъ! Ваши друзья лишили меня голоса и парализовали всѣ мои средства.

Жоресъ. Прошу васъ, не будемъ считаться.

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Я могу считаться,—было сдѣлано все, чтобы помѣшать мнѣ говорить.

Мелье. Мы никогда не были спокойнѣе!

Жоресъ. Не будемъ дѣлать подсчета—уступаю вамъ, что онъ не оказался бы къ чести ни той, ни другой стороны—всѣхъ случаевъ, когда прерывали того или другого изъ насъ.

Я говорю, что вы выставляете противъ насъ странную отвлеченную идею, идею абсолютнаго индивидуализма.

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Нѣтъ.

Жоресъ. Да, отдѣльныя личности вліяютъ на среду, но среда опредѣляетъ предѣлы, способы дѣйствія личностей и приглашаетъ ихъ, заставляетъ ихъ преобразоваться, если онѣ хотятъ жить.

Ваша доктрина абсолютнаго индивидуализма, ваша доктрина, утверждающая, что соціальная реформа содержится вся цѣликомъ въ нравственномъ преобразованіи отдѣльныхъ личностей, представляетъ собою, позвольте мнѣ сказать это, отрицаніе всѣхъ широкихъ прогрессивныхъ движеній, опредѣлившихъ исторію, отрицаніе самой французской революціи. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Развѣ она притязала лишь на измѣненіе только индивидуумовъ?

Да, въ продолженіе полувѣка уже существовала нравственная проповѣдь философовъ, появилось энциклопедическое образованіе умовъ, но вліяніе одной этой философіи на сознаніе отдѣльныхъ личностей не привело бы къ преобразованію цѣлаго міра, если бы великіе умы не поняли необходимости преобразовать самую среду, создать самую среду. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

И тогда были консерваторы, которые говорили людямъ революціи: вы хотите преобразовать внѣшнія условія человѣческой жизни; одна только вещь важна,—это совѣсть, одно только имѣетъ жизненное значеніе,—это внутренній міръ индивида; предоставьте вещи ихъ естественному ходу, предоставьте молчаливую внутреннюю эволюцію сознаній и умовъ ея собственному медленному теченію.

Люди революціи отвѣтили громовымъ ударомъ, который преобразовалъ среду и сотрясеніе котораго еще чувствуется до сихъ поръ. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Но даже это всеобщее голосованіе, на которое вы ссылаетесь и которое всѣ мы призываемъ, скажите пожалуйста, какимъ образомъ было оно установлено? Оно было установлено вопреки двойному сопротивленію умовъ двухъ типовъ. Одни, вмѣстѣ съ Гизо, говорили: «Никогда!» Великій урокъ скромности, господа, для тѣхъ, кто идеѣ противопоставляетъ «никогда!». (Очень хорошо! Очень хорошо! на крайней лѣвой). Были также такіе, которые говорили: «Всеобщее голосованіе будетъ, можетъ быть, возможно когда-нибудь; но оно требуетъ долгаго предварительнаго воспитанія. Ждите, производите опыты, откладывайте».

О, я хорошо знаю, г. министръ внутреннихъ дѣлъ, что грубая сила переворота, заставшаго врасплохъ республику и получавшаго въ теченіе двадцати лѣтъ санкцію всеобщаго голосованія, какъ бы оправдала ихъ тезисы; но неужели вы придерживаетесь этого положенія и неужели вы признаете, что люди 1848 года ошибались, когда они вѣрили въ демократію и основывали всеобщее голосованіе?

Всякая великая реформа, всякое великое дѣло предполагаетъ одновре-

менно съ вѣрою въ отдѣльныя личности преобразованіе той среды, въ которой онѣ должны дѣйствовать; для подтвержденія этой мысли я не нуждаюсь въ другихъ примѣрахъ и доказательствахъ, кромѣ словъ самого г. министра внутреннихъ дѣлъ, произнесенныхъ въ ту минуту, когда онъ пытался установить свой абсолютный индивидуализмъ. Что же намъ онъ сказалъ? Что правительственная декларація, такъ плохо оцѣненная мною, упоминала про великую реформу, про нѣчто совершенно новое, именно про коллективный договоръ труда, и онъ поставилъ въ вину избирательному манифесту соціалистовъ, что эта реформа не была спеціально указана въ перечисленіи законодательныхъ задачъ настоящей сессіи.

Какъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ, это говорите вы? За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ вы во имя абсолютнаго права индивида надъ самимъ собою, во имя права жить и чувствовать по-своему, оправдали людей, нарушающихъ во время стачки узы взаимной солидарности и поддержки, соединяющія ихъ съ ихъ товарищами; и вы съ безпощадною ироніей спрашиваете меня, беремся ли мы кормить рабочихъ и работницъ, которымъ стачечники запретили бы, ради общаго результата, слишкомъ поспѣшное возобновленіе работы. Но если вы введете коллективный договоръ, онъ или будетъ насмѣшкой, или будетъ означать признаніе права организаціи трудящихся, даже обнимающей только меньшинство ихъ, заключать договоры и условія отъ ихъ имени, и синдикатъ или группа, съ которою будетъ заключенъ этотъ коллективный контрактъ на трудъ, будетъ имѣть право обезпечить его исполненіе (очень хорошо! Очень хорошо! на крайней лѣвой); онъ сдѣлается главою всей рабочей массы, принимающей участіе въ столкновеніи, и работа можетъ возобновиться не иначе, какъ на опредѣленныхъ имъ условіяхъ, въ назначенный имъ часъ. Такимъ образомъ въ то самое время, когда вы выступаете здѣсь съ отвлеченнымъ прославленіемъ абсолютнаго индивидуализма, единственная соціальная реформа, на которую вы намъ указали, или не имѣетъ смысла, или создаетъ узы солидарности. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Господа, я вовсе не желаю итти дальше въ этомъ теоретическомъ спорѣ, затягивать эти пренія о доктринѣ. Достаточно одного дѣла на каждый день. Мы положили начало начертанію тѣхъ принциповъ, которыми, по нашему мнѣнію, должна руководиться соціальная дѣятельность. Взаимныя возраженія и объясненія, начатыя теперь, будутъ продолжаться. Что касается меня, я вѣрю въ могущество нашихъ идей. Я не льщу себя надеждой обратить въ одинъ день, какъ бы внезапнымъ дѣйствіемъ мистическаго свойства, умы, настроенные противъ нихъ; но я убѣжденъ, что самъ опытъ докажетъ ихъ правоту. Я говорю «опытъ»; въ немъ единственно лежитъ рѣшеніе вопроса. Разъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ вернулся, послѣ меня впрочемъ, къ прошлому, къ 1885 году, я хочу напомнить только слѣдующее: еще въ 1884 году, когда онъ излагалъ съ этой трибуны свои взгляды на экономическіе вопросы, г. Клемансо являлся положительнымъ противникомъ того, что мы называемъ обязательностью въ дѣлѣ соціаль-

паго страхованія. Его идеалъ не шелъ дальше того, чтобы оказывать правительственное пособіе рабочимъ, страхующимъ себя по собственной иниціативѣ. Онъ не только отвергалъ обязательное страхованіе на случай старости, но отвергалъ даже обязательное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, и объявилъ съ этой самой трибуны 31 января 1884 года, что согласится на страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ только подъ условіемъ, чтобы оно не имѣло обязательнаго характера. Такъ вотъ, господа, мнѣ достаточно констатировать присутствіе г. Клемансо на этихъ министерскихъ скамьяхъ, мнѣ достаточно удостовѣрить его подпись подъ правительственной декларацією, которая берется провести черезъ сенатъ законопроектъ о страхованіи рабочихъ, принятый палатою, чтобы знать, что въ этомъ вопросѣ, путемъ вполнѣ достойной уваженія и счастливой эволюціи, образъ мыслей г. Клемансо измѣнился. Онъ теперь признаетъ этотъ принципъ обязательности въ дѣлѣ соціальнаго страхованія, который тогда былъ формулированъ только кучкою воинствующихъ соціалистовъ.

Вотъ какимъ образомъ мало-по-малу прогрессируютъ и пролагаютъ себѣ путь идеи; и на основаніи опыта, я разсчитываю на ту же силу проникновенія для всего нашего ученія. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Еще разъ, господа, первое условіе для того, чтобы мы могли вести пренія по этимъ вопросамъ, для того чтобы рабочій классъ считалъ наши разсужденія за нѣчто серьезное, чтобы онъ не видѣлъ въ нихъ только академическую игру, цѣль которой обмануть его страданія и развлечь его вниманіе (очень хорошо, очень хорошо! на крайней лѣвой), первое условіе для этого, чтобы дѣятельность самаго этого рабочаго класса могла развиваться вполнѣ свободно. И тутъ я снова наталкиваюсь на вопросъ о стачкахъ.

Дѣлаю это безъ удовольствія; мнѣ было бы пріятнѣе въ началѣ настоящей законодательной сессіи не сводить съ вами этихъ счетовъ за прошлое, этихъ счетовъ за стачки; мнѣ было бы безконечно пріятнѣе, если бы мы, какъ та, такъ и другая сторона, могли бы просто обратиться къ будущему и спросить себя, при какихъ условіяхъ можетъ осуществиться новая попытка реформъ; но, повторяю, было бы насмѣшкой изучать здѣсь и излагать на бумагѣ планы реформъ, еслибъ внѣ этихъ стѣнъ организованный пролетаріатъ могъ бояться, что встрѣтитъ препятствія въ своей свободной законной дѣятельности.

И послѣ объясненій г. министра внутреннихъ дѣлъ я настаиваю отчасти въ значительно бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ желалъ бы, на высказанныхъ мною опасеніяхъ. Какъ могли вы сказать намъ по поводу жалобъ, которыя мы заявляли относительно стачекъ въ Па-де-Кале, относительно событій 1 мая въ Парижѣ, какъ могли вы сказать намъ: «Гдѣ же я встрѣтилъ рабочій классъ? Гдѣ онъ? Я видѣлъ рабочихъ, я видѣлъ горнорабочихъ, я видѣлъ землекоповъ, я видѣлъ блуждающія, безпорядочныя группы, потерявшія понятіе о порядкѣ и о законѣ. Гдѣ же я встрѣчалъ рабочій классъ и гдѣ онъ находится?» Гдѣ онъ, г. министръ? Очень просто, въ

своихъ организаціяхъ! (Очень хорошо, очень хорошо! на крайней лѣвой.) Просто въ своихъ синдикатахъ и въ федераціяхъ этихъ синдикатовъ. (Аплодисменты на тѣхъ же скамьяхъ. Разнообразное движеніе.)

Министръ внутреннихъ дѣлъ. А тѣ, которые не организованы въ синдикаты?

Жоресъ. Задачи движенія были поставлены не по анархической иниціативѣ отдѣльныхъ личностей. Въ Па-де-Кале списокъ требованій рабочихъ былъ составленъ синдикатомъ горнорабочихъ; въ томъ, что касается 1 мая, въ томъ, что касается или восьмичасового рабочаго дня, или подготовительныхъ и переходныхъ мѣръ, которыя могутъ привести къ нему, программа была начертана рабочими синдикатами, они же на своихъ съѣздахъ давали пароль. Да, я хорошо знаю, что и другіе элементы, неорганизованные и неотвѣтственные, могли волноваться вокругъ нихъ и около нихъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Этихъ-то мнѣ и приходилось видѣть. (Восклицанія на крайней лѣвой.)

Г. Ламендэ. Во главѣ рабочихъ организацій вы видѣли моихъ товарищей Гоніо, Бали и меня. Нельзя говорить, чтобы мы не были съ рабочими и чтобы за нами не стояли рабочія организаціи. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Васъ не было за баррикадами!

Ламендэ. Вы отлично знаете, что мы тамъ были.

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Но баррикады строились вопреки имъ.

Жоресъ. Въ эту минуту я подхожу къ самому главному и животрепещущему въ нашихъ преніяхъ. Я говорю, что въ основѣ движеній, въ требованіяхъ, въ силу которыхъ они произошли, вы найдете рабочія организаціи, рабочіе синдикаты, федераціи синдикатовъ.

Да, вы можете торжествовать вмѣстѣ съ г. Бьетри, преувеличивая, впрочемъ, цифры, по поводу малаго количества рабочихъ, организованныхъ въ синдикаты, сравнительно со всею массою рабочаго класса.

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Я не сказалъ ни слова объ этомъ!

Жоресъ. Но я не говорю о васъ!

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Въ такомъ случаѣ не приписывайте мнѣ того, чего я не говорилъ!

Жоресъ. Я говорю, что наши противники слишкомъ часто торжествуютъ по поводу малой пропорціи рабочихъ, организованныхъ въ синдикаты, относительно всей массы рабочаго класса, и всѣ мы, господа, стараемся исправить это отношеніе; но меня лично удивляетъ то, что уже теперь существуетъ такъ много рабочихъ, организованныхъ въ синдикаты.

Образованіе синдиката предполагаетъ громадное, тройное усиліе со стороны рабочихъ, усиліе сдѣлать сбереженія для взноса изъ недостаточнаго заработка (очень хорошо, очень хорошо! на крайней лѣвой), усиліе мысли, чтобы возвыситься надъ ежедневными заботами, несмотря на изнурительную работу, и подготовлять коллективное будущее своего класса (аплодисменты на крайней лѣвой), усиліе мужества, доводимаго иногда до

героизма, потому что именно на воинствующихъ, на организаторовъ, основателей и должностныхъ лицъ рабочихъ синдикатовъ падаютъ усиленные удары предпринимателей въ минуты кризисовъ. (Снова аплодисменты на крайней лѣвой.)

А потому я говорю, что, когда происходитъ обширное рабочее движеніе, главнымъ двигателемъ, органомъ и даже регуляторомъ котораго являются синдикаты, если рядомъ съ ними примѣшиваются элементы безпорядочные, способные производить опасную и достойную порицанія смуту, вашею цѣлью должно быть, независимо отъ предупредительныхъ мѣръ противъ этихъ безпорядковъ, чтобы не было сдѣлано ничего, что могло бы разрушить, попортить или ослабить силу синдикатовъ. И послѣ того, какъ были констатированы факты, послѣ свидѣтельства нашихъ друзей гг. Ламендэпа и Бали, мнѣ приходится сказать, что въ Па-де-Калэ вы не только устранили элементы безпорядка, но вы произвели такое давленіе военной массой на весь округъ, что даже дѣятельность законнаго синдиката оказалась подавленною и парализованною. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Г. Бали не сказалъ ни слова объ этомъ; обращаюсь къ самому г. Бали. Пусть онъ встанетъ!

Густавъ Руане. Онъ сказалъ, что вы закрыли школы и что синдикаты не могли нигдѣ собираться.

Жоресъ. Вы спросили меня въ формѣ настойчиваго запроса: «А вы, что бы вы сдѣлали, еслибъ стали когда-нибудь министромъ внутреннихъ дѣлъ—несчастью случиться такъ недолго?»

Если мнѣ случится въ свою очередь быть министромъ, я желалъ бы, г. министръ внутреннихъ дѣлъ, сохранить на этомъ посту такую же свѣжесть ума, какъ вы; но я желалъ бы также, чтобы событія позволили мнѣ дѣйствовать въ большей гармоніи съ постояннымъ стремленіемъ всей моей жизни.

Вы спросили меня: что бы вы сдѣлали? Допустили бы вы разграбленіе домовъ рабочихъ? Насилія надъ личностями? И вы упрекнули меня въ томъ, что я не помогъ вамъ своимъ авторитетомъ—большимъ или маленькимъ, это не важно передъ рабочимъ классомъ,—чтобы обезпечить законный порядокъ во время событій въ Лансѣ и 1 мая.

Вы ошибаетесь; я сдѣлалъ, что могъ въ этомъ отношеніи. Такъ же какъ я считаю, что необходимы реформы и что мы сдѣлаемъ пролетаріевъ способными принять на себя управленіе и обязанности новаго кооперативнаго порядка, улучшая мало-по-малу, путемъ законовъ, ихъ состояніе, такъ, господа, меня огорчаетъ всякая попытка, производимая въ демократіи, къ тому, чтобы отвлечь рабочій классъ отъ законныхъ путей.

Я считаю, что его законныя дѣйствія въ настоящее время могутъ быть болѣе могучи и дѣйствительны, чѣмъ судорожныя выступленія. (Аплодисменты на крайней лѣвой.) Я всегда говорилъ это, и разъ оба мы обречены обременять палату цитатами, я приведу только двѣ, изъ которыхъ

вторая будетъ очень коротка. Позвольте мнѣ прочесть то, что я писалъ по поводу вашего перваго посѣщенія горнорабочихъ-стачечниковъ Ланса.

Вчера я убѣдился, г. министръ, что кто-то читаетъ для васъ «l'Humanite». Онъ читаетъ ее немного поспѣшно, потому что вы поставили намъ въ вину,—какъ будто дѣло шло о нѣкоторомъ свѣдѣніи, сообщенномъ нами,—то, что мы просто воспроизвели, въ качествѣ документа, афишу, расклеенную биржей труда, но есть вещи, которыхъ вашъ обычный чтецъ не замѣтилъ.

Вотъ что я говорилъ:

«У г. Клемансо явилась прекрасная мысль отправиться въ Лансъ, чтобы говорить со стачечниками, увѣрить ихъ, что правительство не окажетъ никакого давленія на осуществленіе ими права стачекъ и потребовать у нихъ въ свою очередь, чтобы они избѣгали всяческаго насилія.

«Справедливость требуетъ признать, что онъ пытается свести до минимума мѣры предосторожности и отнять у нихъ всякій характеръ или даже кажущійся видъ провокаціи.

«Улицы не запружены солдатами и съ горнорабочими не обращаются заранѣе, какъ съ лицами подозрительными и съ врагами. Это является замѣтнымъ прогрессомъ въ нашихъ политическихъ и общественныхъ нравахъ. Хватитъ ли у г. Клемансо силы характера, чтобы выдержать до конца эту систему? Если совѣщаніе делегатовъ отъ рабочихъ и отъ предпринимателей не придетъ ни къ какому соглашенію, если стачка будетъ объявлена и если она затянется, будутъ сдѣланы попытки склонить министра къ тому, чтобы онъ вернулся къ старому классическому способу унижающаго устрашенія рабочихъ. Самыя незначительныя происшествія будутъ искажены и преувеличены; самыя естественныя сборища, какъ, напримѣръ, публичныя собранія, самыя мирныя процессіи будутъ представлены какъ начало возстанія, какъ угрозы общественному порядку. Самыя невинныя, самыя законныя дѣйствія рабочихъ, предпринятыя съ цѣлью убѣдить ихъ товарищей не возобновлять работы до тѣхъ поръ, пока синдикатъ не даетъ соотвѣтствующаго распоряженія, будутъ превращены въ противозаконное давленіе, въ покушеніе на пресловутую свободу труда. Тогда-то особенно понадобится министру все его хладнокровіе, вся его проницательность, чтобы не попасть въ ловушки, которыя будутъ разставлены передъ нимъ; чтобы не потерять голову отъ согласованныхъ разсказовъ лживой печати, отъ спѣшныхъ призывовъ администраторовъ, привыкшихъ разсчитывать только на властныя дѣйствія.

«Первый шагъ г. Клемансо очень хорошъ; онъ продиктованъ истинно демократическимъ и республиканскимъ духомъ, но самое трудное не въ томъ, чтобы вступить въ открытыя и дружескія сношенія съ стачечниками; самая большая трудность и главное—самая большая заслуга состоитъ въ томъ, чтобы удержаться, вопреки всѣмъ усиліямъ реакціи, на почвѣ политики истинной безпристрастности и искренней свободы».

Отдавая вамъ полную дань уваженія, я отмѣчалъ свои опасенія. Но я прибавилъ тогда:

«Спѣшу прибавить, что долгъ рабочихъ и ихъ собственный интересъ требуетъ, чтобы они содѣйствовали спокойной силой своего вліянія усиліямъ министра ввести новую практику.

«Успѣхъ большихъ стачекъ зависитъ отъ спокойной силы организаціи, отъ единенія пролетаріевъ, отъ общности ихъ движенія. Отдѣльныя насилія надъ лицами и надъ собственностью могутъ только повредить побѣдѣ и извратить направленіе борьбы. Соціальная революція совершенно не предполагаетъ насилій надъ личностями, а наоборотъ, ставитъ себѣ цѣлью обезпечить жизнь и достоинство всѣхъ и даже тѣхъ, которые являются привилегированными, господствомъ общаго закона суверенна́го труда. Соціальная революція состоитъ не въ томъ, чтобы разрушать или портить имущество, копи, фабрики, машины, но въ томъ, чтобы сохранить ихъ какъ собственность соединенныхъ и освобожденныхъ тружениковъ». (Очень хорошо! очень хорошо! на крайней лѣвой.)

Во время выборной борьбы и при приближеніи 1 мая я обратился къ тѣмъ, голоса которыхъ хотѣлъ получить, съ воззваніемъ, которое перепечаталъ здѣсь въ надеждѣ, что оно будетъ услышано, и говорилъ—это моя послѣдняя цитата, и я извиняюсь, что обременяю ею ваше вниманіе. (Читайте! читайте!)

«Путемъ непрерывныхъ усилій общественной справедливости мы установимъ, наконецъ, истинный и глубокій порядокъ въ безпокойномъ, волнующемся обществѣ. Нынѣшнее общество, которое ставитъ трудъ на одну сторону, капиталъ—на другую, порождаетъ безпорядокъ и волненія; оно придетъ въ состояніе равновѣсія только при установленіи верховной власти организованнаго труда. Политика реакціи и репрессіи только ожесточаетъ борьбу; обманщики и фарисеи тѣ, которые стараются сѣять панику и страхъ по поводу каждаго явленія общественной жизни; лицемѣры и преступники тѣ, кто пытается употребить во зло противъ соціальной республики движенія гнѣва, вырвавшіяся у этого бѣднаго сѣвернаго населенія, возбужденнаго, перевозбужденнаго ужасной катастрофой въ Курьерѣ и эгоизмомъ компаній; но очень неосторожными и виновными были бы также тѣ, которые стали бы призывать рабочій классъ искать освобожденія грубыми средствами, актами разрушенія; насилія надъ собственностью и людьми являются еще больше преступленіями противъ соціалистическаго свода законовъ, чѣмъ противъ буржуазнаго».

Густавъ Руанье. Очень хорошо! очень хорошо!

Жоресъ. «...они вызываютъ реакціонную панику, отъ которой рискуетъ погибнуть пролетаріатъ, а главное, они обезображиваютъ великолѣпный соціалистическій идеалъ. Соціализмъ не будетъ разрушеніемъ, а наоборотъ, организаціей и созиданіемъ; онъ не будетъ безудержнымъ разгуломъ проявленій дикости, а окончательной побѣдой цивилизаціи надъ старыми дикими инстинктами власти, захвата и убійства».

Господа, если вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я присоединился къ политикѣ демократіи и реформъ, если я часто, даже въ тѣхъ трагическихъ случаяхъ, по поводу которыхъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ упрекалъ меня вчера, требовалъ отъ рабочаго класса терпѣнія, самопожертвованія въ размѣрахъ, даже превышающихъ то, что многіе изъ моихъ друзей соціалистовъ считаютъ разумнымъ и правильнымъ.

Эдуардъ Вальянъ. Совершенно вѣрно.

Жоресъ. ...то я дѣлалъ это въ надеждѣ, что ростъ республиканской свободы и законной силы самихъ рабочихъ позволитъ имъ вѣрнѣе достигнуть ихъ цѣли и избавитъ ихъ отъ необходимости стремиться къ ней насильственными путями.

И вы удивляетесь, что послѣ такого долгаго терпѣнія я протестую противъ политики, которой вы послѣдовали. (Очень хорошо! очень хорошо!) Я имѣю право удивляться, что послѣ восьмилѣтнихъ республиканскихъ усилій рабочій классъ, близкій къ цѣли своихъ усилій, послѣ того, какъ онъ помогъ республикѣ избѣгнуть грозныхъ кризисовъ, освободиться, выйти изъ-подъ опеки, наткнулся на стѣсненія, большія, чѣмъ тѣ, которыя примѣнялись по отношенію къ нему двумя предыдущими правительствами. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Тѣми, которые убивали рабочихъ!

Жоресъ. Что говорили вы вчера? По поводу манифестацій при стачкахъ вы употребили, увѣряю васъ, очень неосторожныя и очень опасныя выраженія. Вы сказали: право стачекъ не подразумѣваетъ право манифестацій.

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Права дубинъ.

Жоресъ. Позвольте, г. министръ, вы говорили о двухъ вещахъ, вы сказали: «Мы хорошо знаемъ, какъ начинается манифестація, но никогда не знаемъ, какъ она кончится». Это сама истина. Но это слова, которыя, будучи истолкованы исполнителями власти, тѣми исполнителями, про которыхъ вы сами вчера сказали, что вамъ стоитъ большого труда передѣлать ихъ привычки управленія и перевоспитать какъ представителей власти, это слова, которыя, будучи истолкованы этими исполнителями, поведутъ къ подавленію всякихъ массовыхъ движеній, даже мирныхъ, даже законныхъ, посредствомъ которыхъ рабочіе во время стачекъ заявляютъ о своемъ единеніи и проникаются сознаніемъ своей силы. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Я не говорилъ, что они не имѣютъ права этого дѣлать.

Жоресъ. Но я припоминаю, что г. Вальдекъ-Руссо доказалъ съ этой трибуны, въ отвѣтъ на упреки правой, что стачка немыслима безъ обширныхъ сборищъ, безъ широкихъ движеній, безъ большихъ процессій. (Различныя движенія въ центрѣ.) И я помню, какъ я лично, во время министерства Вальдекъ-Руссо, велъ по улицамъ такого большого города, какъ Сентъ-Этьенъ, процессію изъ 20,000 забастовавшихъ горнорабочихъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Я позволилъ это въ Лиможѣ.

Жоресъ. Вы позволили это въ видѣ исключенія.

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Нисколько.

Жоресъ. Послѣ предварительныхъ переговоровъ, и мнѣ прискорбно, что ваши вчерашнія слова могутъ быть поняты какъ установленіе болѣе ограничительнаго толкованія закона, чѣмъ то, которое формулировалъ самъ г. Вальдекъ-Руссо по вопросу о стачкахъ. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Я не говорилъ ничего подобнаго.

Жоресъ. И если я ошибся...

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Вы хорошо знаете, что я не говорилъ этого.

Жоресъ. Если я придалъ вашимъ словамъ смыслъ, котораго они не имѣютъ...

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Прочтите *Journal Officiel.*

Жоресъ. Г. министръ, я его читалъ и перечитывалъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Нѣтъ, я не сказалъ ничего подобнаго.

Жоресъ. Я извиняюсь. Я веду здѣсь честное и серьезное обсужденіе. Я могу ошибиться, но я говорю по совѣсти. Я размышлялъ, изучалъ, вы можете опровергнуть и исправить мои утвержденія. (Разнообразное движеніе.)

Прибавлю просто, что если бы при министерствѣ Комба правительство поддалось возбужденію во время стачки земледѣльческихъ рабочихъ на югѣ подъ вліяніемъ депешъ, которыя посылали ему даже прежніе министры, если бы оно сдѣлало трагедію изъ того, что эти труженики полей собрались на деревенской площади, влѣзли на колокольню, подняли тамъ знамя своего синдиката и созывали собраніе синдиката звономъ въ колокола, я не увѣренъ, что общественный порядокъ былъ бы поддержанъ болѣе дѣйствительно; но я увѣренъ, что политика грубаго насилія, которую примѣнили бы къ рабочему классу, уничтожила бы тотъ порывъ всѣхъ демократическихъ и рабочихъ силъ, который позволилъ республиканскому большинству достигнуть успѣха въ его великомъ дѣлѣ и въ его великой битвѣ. (Громкіе аплодисменты на различныхъ скамьяхъ крайней лѣвой.)

Мы хотимъ предложить рабочему классу сорганизоваться законнымъ путемъ во избѣжаніе всякаго соблазна и всякой возможности насилія; но, г. министръ внутреннихъ дѣлъ, насъ не обманываетъ, насъ не можетъ обмануть общественное лицемѣріе правящихъ классовъ. (Аплодисменты на разныхъ скамьяхъ крайней лѣвой.)

Шарль Бенуа. Что такое эти правящіе классы?

Жоресъ. То, что они подразумѣваютъ подъ поддержаніемъ порядка, это только поддержаніе порядка... (Очень хорошо! очень хорошо! на тѣхъ же скамьяхъ.) Что они подразумѣваютъ подъ подавленіемъ насилій, это подавленіе всѣхъ уклоненій, всякихъ эксцессовъ рабочихъ; а также, подъ предлогомъ подавленія ея уклоненій подавленіе самой силы рабочаго класса,

для того чтобы оставить поле свободнымъ для насилій однихъ только предпринимателей. (Аплодисменты на крайней лѣвой; въ центрѣ и на лѣвой прерываютъ.)

О, господа! когда подводятъ балансъ стачекъ, когда подводятъ балансъ соціальныхъ конфликтовъ, страннымъ образомъ забываютъ противоположность смысла, заключающагося въ однихъ и тѣхъ же словахъ для класса предпринимателей и для рабочаго класса. Да, условія борьбы страшно тяжелы для рабочихъ! Для нихъ насиліе есть нѣчто видимое.

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Фрессенвиль можно видѣть, это не пустая вольность рѣчи.

Жоресъ. Да, г. министръ, насиліе—это нѣчто грубое.

Министръ внутреннихъ дѣлъ. Однако оно васъ не поражаетъ!

Жоресъ. Оно осязаемое, оно легко уловимое у рабочихъ, жестъ виденъ, онъ отмѣчается. Актъ грубаго насилія виденъ, его запоминаютъ. Попытка къ устрашенію замѣчается, констатируется, ее предъявляютъ судьямъ.

Въ этой борьбѣ отличительнымъ свойствомъ дѣйствій рабочаго класса, когда они доведены до отчаянія, до крайностей, является видимая и поддающаяся наблюденію грубость. О! предприниматели съ своей стороны не нуждаются въ безпорядочныхъ движеніяхъ и шумныхъ словахъ, чтобы произвести актъ насилія! Нѣсколько человѣкъ собираются за семью замками, въ безопасности и интимности какого-нибудь правленія, и эти нѣсколько человѣкъ рѣшаютъ безъ запальчивости, безъ безпорядочныхъ жестовъ, не возвышая голоса, какъ дипломаты, разговаривающіе за зеленымъ столомъ, что рабочимъ будетъ отказано въ приличной заработной платѣ; они рѣшаютъ, что рабочіе, которые будутъ продолжать борьбу, будутъ исключены, выгнаны, получатъ неуловимыя, но хорошо извѣстныя другимъ предпринимателямъ отмѣтки, предающія ихъ мести всѣхъ предпринимателей. Тутъ нѣтъ никакого шума; это смертоносная работа машины, которая захватила трепещущаго и кричащаго человѣка въ свои зубчатыя колеса, въ свои рѣзаки, въ свои ремни, машина даже не скрипитъ и безшумно раздавливаетъ его. (Продолжительные аплодисменты на крайней лѣвой.)

Та же самая противоположность ярко выступаетъ въ вопросѣ объ отвѣтственности. Именно потому, что акты насилія со стороны рабочихъ грубы, судьѣ легко при помощи нѣсколькихъ свидѣтелей установить наличность этого насилія и наложить за него наказаніе, вотъ почему всякій періодъ стачекъ автоматически сопровождается большимъ числомъ обвинительныхъ приговоровъ.

Когда же дѣло идетъ объ отвѣтственности предпринимателей—о! позвольте мнѣ высказать всю мою мысль, я не обвиняю ни судей, не обвиняю разслѣдователей, не обвиняю, потому что мнѣ не удалось исчерпать задачу до дна, я не обвиняю тѣхъ, кому поручено было выяснить, на кого падаетъ отвѣтственность за событія въ Курріерѣ, и я прибавлю даже, что каково

бы ни было ихъ чувство справедливости, даже еслибъ у нихъ хватило мужества признать, что крупные предприниматели и инженеры крупныхъ предпринимателей могутъ быть точно такими же преступниками, какъ рабочіе, которыхъ доставляютъ цѣлыми возами въ исправительные суды—даже если бы у нихъ оказалось это мужество, они встрѣтились бы еще съ большимъ затрудненіемъ, такъ какъ отвѣтственность анонимнаго правящаго капитала, хотя и очевидна въ общемъ, но исчезаетъ въ подробностяхъ различныхъ осложненій и тонкостей, которыя могутъ поставить въ тупикъ правосудіе. Такой-то инженеръ можетъ сказать: «да, въ шахту спускались, хотя знали уже о пожарѣ, но на основаніи предшествовавшихъ теоретическихъ и химическихъ изслѣдованій опасности въ этомъ не было, и она обнаружилась только впослѣдствіи самимъ событіемъ».

Такимъ образомъ, актъ насилія рабочаго выходитъ всегда наружу, всегда легко опредѣляется и наказуется, между тѣмъ какъ глубокая и губительная война крупныхъ предпринимателей и капиталистовъ ускользаетъ и разсѣевается въ какомъ-то туманѣ. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Вы мнѣ говорили, господинъ министръ, что мы васъ обвиняемъ въ сокрытіи одного трупа: нѣтъ, мы не обвиняли васъ въ сокрытіи одного трупа, но вотъ 1,400 труповъ, которые въ настоящее время собирается скрыть капиталистическое общество. (Оживленные аплодисменты на крайней лѣвой.)

Оно собирается ихъ скрыть; вы сами не увѣрены въ томъ, что у васъ хватитъ силъ пролить свѣтъ, что вы будете въ состояніи отыскать виновныхъ. Остается тотъ чудовищный фактъ, что достаточно было въ теченіе нѣсколькихъ дней, до опредѣленія границъ пожара, пріостановить спускъ въ шахты, что объ этомъ не подумали или этого не захотѣли, и вслѣдствіе этой ошибки, легкомыслія и алчности 1,400 человѣческихъ жизней оказались погребенными. А ваши судьи ищутъ! ваши слѣдователи блуждаютъ впотьмахъ! Только для однихъ рабочихъ нѣтъ ни розысковъ, ни блужданій: ихъ тащатъ въ судъ и осуждаютъ! (Оживленные аплодисменты на крайней лѣвой.)

Жюль Кутанъ. Вотъ буржуазное правосудіе! (Шумъ.)

Жоресъ. Наконецъ, какъ могли бы вы...

Луи Барту, министръ общественныхъ работъ, почтъ и телеграфовъ. Вы не въ правѣ, г. Жоресъ, предъявлять это обвиненіе къ правительству .Я обѣщалъ палатѣ произвести слѣдствіе въ судебномъ порядкѣ и отыскать виновныхъ.

Морисъ Алларъ. Съ рабочими это не такъ долго.

Министръ общественныхъ работъ. Это слѣдствіе еще продолжается; разслѣдованіе же, начатое по моему приказу, какъ вы знаете, было произведено путемъ перекрестнаго допроса при участіи делегатовъ горнорабочихъ.

Бувери. Они протестовали.

Министръ общественныхъ работъ. Мы намѣрены пролить свѣтъ и

обнаружить виновныхъ, и я протестую отъ своего собственнаго имени и отъ имени всего правительства противъ возмутительной и ничѣмъ не оправдываемой инсинуаціи. (Оживленные аплодисменты на скамьяхъ лѣвой и центра. Шумъ на крайней лѣвой.)

Жоресъ. Господа, объяснимся точнѣе. Заявленіе господина министра общественныхъ работъ вынуждаетъ меня констатировать то, что я, безъ сомнѣнія, выразился очень плохо, такъ какъ онъ при своемъ ясномъ и хладнокровномъ умѣ страннымъ образомъ пришелъ въ волненіе.

Въ настоящій моментъ я вовсе не выдвигаю вопроса объ отвѣтственности правительства, но чѣмъ болѣе вы снимаете съ него отвѣтственность, тѣмъ большею тяжестью ложится она на общество. (Оживленные аплодисменты на крайней лѣвой.)

Я сказалъ, что это отъ васъ не зависѣло, прибавлю, если вамъ угодно, что это произошло вопреки вашей волѣ, но сама природа вещей устанавливаетъ страшную противоположность между тѣмъ, съ какою легкостью и грубостью привлекаются къ отвѣтственности рабочіе, и тѣмъ, какой глубокій туманъ покрываетъ преступленія предпринимателей. (Новые аплодисменты на тѣхъ же скамьяхъ.)

Прибавлю, что предпринимателями гораздо легче, чѣмъ рабочими, достигается въ борьбѣ то единодушіе, которое въ соціальныхъ столкновеніяхъ служитъ залогомъ самой побѣды.

Вотъ почему Адамъ Смитъ говорилъ: существуетъ постоянная коалиція между предпринимателями и достаточно 10, 12, 15 или 20 предпринимателямъ собраться вмѣстѣ, чтобы между ними установилось абсолютное согласіе. Всякій, кто пожелалъ бы уклониться отъ такой предпринимательской солидарности, подвергся бы тайной опасности, грозящей его кредиту и промышленнымъ и торговымъ сношеніямъ. Угроза въ данномъ случаѣ налицо, но вовнѣ она не проявляется.

Ну, а рабочіе, тѣ, которые борются, при какихъ условіяхъ могутъ они одержать побѣду? Г. министръ внутреннихъ дѣлъ сейчасъ только что намекалъ на пренія, которыя при моемъ участіи имѣли мѣсто нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Съ его позволенія я замѣчу, что тогда обсуждалось собственно не то, чего онъ коснулся. Пренія эти имѣли предметомъ судебное рѣшеніе, разсматривавшее стачку, какъ нарушеніе договора труда. Лично я, въ согласіи, впрочемъ, съ многими юристами, взглядъ коихъ былъ формулированъ въ сборникѣ Даллоза, говорилъ, что стачка сама по себѣ не есть нарушеніе договора труда, что до тѣхъ поръ, пока она не довела до окончательнаго разрыва, рабочіе по праву сохраняютъ свои мѣста въ предпріятіи, и что, замѣщая ихъ, предприниматель произвольно нарушаетъ договоръ труда. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Вотъ нашъ взглядъ. Вы сказали, господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ, тономъ, полнымъ благородства и человѣчности, что у рабочихъ, даже когда они неправы, есть иногда, даже часто, основанія быть неправыми. И вотъ я васъ прошу, представьте себѣ состояніе умовъ у рабочихъ, которые на

своихъ плечахъ вынесли тяжесть стачки. Ахъ, вы сказали, что они боролись не за право жить, не за элементарное право существовать; конечно, такъ какъ наканунѣ они физически, матеріально существовали при данномъ уровнѣ заработной платы, то, значитъ они не могутъ оправдать требованіе ея увеличенія голою ссылкою на необходимость жить. Но, спрашиваю васъ, что значитъ, по-вашему, жить? Вы только что говорили о нравственномъ совершенствованіи личности, какъ объ условіи, безъ котораго невозможна соціальная реформа, я спрашиваю васъ, какова была бы сегодня жизнь промышленныхъ пролетаріевъ, каковы были бы условія ихъ матеріальнаго и моральнаго существованія, до какой степени соціальнаго, физическаго, умственнаго и моральнаго паденія они были бы доведены, если бы постепенными періодическими усиліями, путемъ борьбы и стачекъ, они не требовали для себя немного болѣе благосостоянія, немного болѣе хлѣба, отдыха, свободы? Что это была бы за жизнь для человѣка. Это была бы не жизнь человѣка, а условія существованія животнаго, звѣря. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Такимъ образомъ эти люди своею борьбою двигаютъ впередъ цивилизацію. И прекрасно, величественно и удивительно въ нихъ то, что они борются не исключительно за свои интересы, что они борются за всѣхъ своихъ товарищей, за весь свой классъ, что они не разъ борются и продолжаютъ сражаться, отлично сознавая, что они сами должны пасть, но вмѣстѣ съ тѣмъ зная, что они подготовляютъ для новыхъ усилій и будущихъ поколѣній лучшія условія существованія. (Очень хорошо, очень хорошо! на скамьяхъ крайней лѣвой.)

Тутъ мы видимъ самопожертвованіе, безкорыстіе, нравственное совершенство, высокія личныя качества. Но что же должны чувствовать, по-вашему, эти люди, когда въ самоотверженной борьбѣ за общее благо, отъ исхода которой зависитъ общая побѣда, въ ихъ рядахъ попадаются такіе же, какъ и они сами, рабочіе, которые вмѣстѣ съ ними воспользуются плодами побѣды, но которые отказываются участвовать въ общихъ усиліяхъ. (Очень хорошо, очень хорошо! на скамьяхъ крайней лѣвой.) Впрочемъ, я ихъ не обвиняю. Они придавлены тяжестью неизбѣжности, которая сильнѣе слабой человѣческой воли. Но я спрашиваю васъ еще разъ, какія мысли и какое негодованіе должны чувствовать тѣ, которые, обрекая себя въ жертву и надѣясь на возможность побѣды только при полной солидарности рабочаго класса, вдругъ убѣждаются, что рабочіе на самомъ дѣлѣ идутъ вразбродъ, въ одиночку, что часть рабочихъ служитъ помѣхою къ эмансипаціи своего же рабочаго класса и по слабости или подъ вліяніемъ крайней нужды содѣйствуетъ торжеству предпринимательскаго капитала? Это—плѣнники, прикованные къ одной и той же цѣпи, и болѣе смѣлые изъ нихъ могутъ попытаться бѣжать на свободу не иначе, какъ насильно увлекая за собою товарищей по неволѣ, мѣшающихъ ихъ усиліямъ. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Далѣе, если такъ обстоитъ дѣло, если условія борьбы явно небла-го-

пріятны для рабочаго класса, мы, господа,—я говорю это во всеуслышаніе,—пытаемся систематическимъ пристрастіемъ въ пользу одной стороны (аплодисменты на крайней лѣвой) возстановить нарушенное равновѣсіе. Оно нарушено въ ущербъ рабочимъ. На сторонѣ капитала—вся сила денегъ, вся сила времени, находящагося въ распоряженіи тѣхъ, которые не страдаютъ, вся сила сплоченности и легко достижимаго единодушія, вся сила законной безнаказанности, вытекающей не изъ соучастія людей, а изъ неизбѣжнаго соучастія учрежденій. Такимъ образомъ вѣсы, на которыхъ взвѣшивается судьба капитала и рабочаго класса, неправильны и фальсифицированы, а общество и судьба всею своею тяжестью обрушиваются на рабочихъ, чтобы ихъ окончательно придавить; вотъ почему мы идемъ къ нимъ, ободряемъ ихъ и говоримъ имъ: на вашей сторонѣ право, и мы строго порицаемъ тѣ правительства, которыя, устраняясь отъ борьбы, думаютъ, что соблюдаютъ безпристрастіе, оберегая ложное равновѣсіе, которое, впрочемъ, въ концѣ-концовъ нарушается въ ущербъ рабочему классу. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Господа, что дѣло обстоитъ именно такъ, доказательствомъ тому служитъ, что г. Клемансо, самъ того не желая и не вѣдая,—такъ какъ онъ, повидимому, до сихъ поръ этого не замѣтилъ,—вынужденъ былъ нарушить свою собственную систему невмѣшательства. Но достаточно было слышать его вчера, достаточно было перечитать сегодня утромъ его рѣчь, чтобы вполнѣ убѣдиться въ томъ, что онъ самъ не примѣнялъ своей теоріи невмѣшательства, во время событій 1 мая.

Въ чемъ же однако смыслъ 1 мая? Цѣлью стачечнаго движенія было сокращеніе рабочаго дня. По словамъ г. Клемансо, никогда не слѣдуетъ прибѣгать къ мѣрамъ предупрежденія, а только къ мѣрамъ репрессіи; а между тѣмъ всѣ принятыя имъ мѣры были мѣрами предупрежденія. Такой характеръ носитъ арестъ членовъ конфедераціи труда. Самый арестъ ихъ, а равно и время его объясняются только тѣмъ, что нужно было задержать ихъ до наступленія 1 мая. Я хорошо знаю, что г. Клемансо, цитируя выдержку изъ соціалистической газеты, въ которой, впрочемъ, никого не называли и никого не обвиняли, смягчилъ серьезное значеніе этого ареста. Когда же я спросилъ автора законопроекта о свободѣ личности, какимъ образомъ могли быть арестованы, въ видахъ предупрежденія, борцы конфедераціи труда, онъ мнѣ отвѣтилъ: «Я лично ограничился передачею полицейскихъ донесеній, въ которыхъ, впрочемъ, противъ нихъ ничего не содержалось». Такимъ образомъ отвѣтственность падаетъ на слѣдственную власть. Это не площадь Бово (Beauvau), это Вандомская площадь (Vendôme) *). Я любовался быстротой, съ какою г. министръ внутреннихъ дѣлъ передавалъ дитя, неудачно явившееся на свѣтъ, въ руки г. предсѣдателя совѣта. (Аплодисменты и смѣхъ на крайней лѣвой.)

---

*) На площади Бово помѣщается министерство внутреннихъ дѣлъ, на Вандомской площади—министерство юстиціи. *Ред.*

Г. Саррьенъ, предсѣдатель совѣта, хранитель печати, министръ юстиціи. Позвольте мнѣ дать объясненіе. Господа Гриффюэль и Леви были арестованы по приказу слѣдственной власти Бетюна, сохранявшей при этомъ всю полноту и независимость присвоенныхъ ей полномочій. Этотъ арестъ былъ произведенъ вслѣдъ за открытіемъ у делегата всеобщей конфедераціи труда, г. Монатта, документовъ, дававшихъ вѣскіе поводы думать, что мятежъ и волненія на сѣверѣ и въ Паде-Калэ были подготовлены и организованы стараніями всеобщей конфедераціи.

Г. Алларъ. И все это улетучилось!

Г. Жоресъ. Господинъ предсѣдатель совѣта, хранитель печати, если такъ, если члены конфедераціи труда были арестованы по приказу слѣдственной власти Бетюна послѣ того, какъ были захвачены документы, доказывавшіе или дававшіе только поводъ подозрѣвать соучастіе этихъ членовъ въ происходившихъ на Сѣверѣ и въ Паде-Калэ безпорядкахъ, то какимъ образомъ случилось, что они были отпущены на свободу безъ допроса. (Аплодисменты на крайней лѣвой и на разныхъ скамьяхъ правой.) Чѣмъ объяснить, что они не допрошены еще до настоящаго времени?

Г. предсѣдатель совѣта. Ихъ подвергли допросу.

Г. Вильмъ. Восемь дней тому назадъ.

Г. предсѣдатель совѣта. Судебный слѣдователь допросилъ ихъ въ самый день задержанія.

Г. Вильмъ. Это было простое удостовѣреніе личности; допросъ же по существу имѣлъ мѣсто восемь дней тому назадъ, причемъ судебный слѣдователь сказалъ обвиняемымъ, что никакого заговора никогда не было, что это не болѣе, какъ изобрѣтеніе журналистовъ. (Аплодисменты и смѣхъ на крайней лѣвой, въ центрѣ и на разныхъ скамьяхъ правой.)

Г. предсѣдатель совѣта. Они были допрошены судебнымъ слѣдователемъ въ самый день ареста. У меня въ рукахъ рапортъ г. прокурора республики, который удостовѣряетъ фактъ допроса. Въ слѣдующіе дни ихъ не требовали къ допросу, такъ какъ имѣлись налицо указанія на то, что были израсходованы извѣстныя суммы денегъ для возбужденія безпорядковъ; въ виду этихъ указаній судебный слѣдователь считалъ своимъ долгомъ предварительно выслушать тѣхъ, на которыхъ падало преимущественно это обвиненіе.

Г. Гриффюэль былъ имъ освобожденъ въ виду представленія медицинскаго свидѣтельства, удостовѣрявшаго, что дальнѣйшее пребываніе его въ тюрьмѣ вредило его здоровью. Г. Леви былъ также освобожденъ, если я не ошибаюсь, при одинаковыхъ условіяхъ.

Спустя восемь дней оба подверглись допросу согласно указаніямъ г. прокурора республики. Никакого нарушенія закона допущено не было. Впрочемъ, въ этотъ моментъ обвиняемые были на свободѣ и нѣсколько дней могли подождать новаго допроса. Болѣе спѣшнымъ являлся допросъ тѣхъ, которые находились подъ стражею.

Г. Вильмъ. Говорилъ ли, или нѣтъ, судебный слѣдователь, что ника-

кого заговора никогда не было, что это изобрѣтеніе журналистовъ. Лицо, снабдившее будто бы фондами, на которые вы намекнули, г. Фромантэнъ, когда-то послало другимъ достойнымъ вниманія особамъ фонды, въ полученіи которыхъ г. Клемансо велѣлъ выдать расписку. (Аплодисменты и смѣхъ на крайней лѣвой и правой. Движеніе на скамьяхъ лѣвой.)

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ. Не будете ли добры повторить вашу фразу.

Г. Вильмъ. Я сказалъ, что г. Фромантэнъ, на котораго намекалъ господинъ хранитель печати и котораго подозрѣвали въ доставленіи средствъ забастовщикамъ сѣвера и Паде-Кале, неоднократно совершалъ акты человѣколюбія. Между прочимъ, въ то время, когда г. Клемансо состоялъ главнымъ редакторомъ газеты *l'Aurore,* онъ посылалъ достойнымъ вниманія или покровительства лицамъ суммы... (Восклицанія и шумъ на скамьяхъ лѣвой.)

Чтобы отвѣтить на возраженія, добавлю, что въ настоящій моментъ г. Фромантэнъ не привлеченъ къ отвѣтственности, что посылка фондовъ не признана достаточною уликою противъ него. Вотъ что я сказалъ. (Шумъ слѣва.)

Г. Жоресъ. Если палата, вернувшись на мгновеніе къ хладнокровію (шумъ на лѣвой), пожелаетъ позволить мнѣ продолжать мое объективное обсужденіе, я спрошу у правительства: въ чемъ же состоитъ его игра? Для оправданія предварительной посылки огромныхъ массъ солдатъ на улицы Парижа до 1 мая правительство намъ говоритъ: была опасность, такъ какъ движеніе было поднято и направлялось воинствующими членами конфедераціи труда, которые, кромѣ насилія, не признаютъ никакой другой политики и тактики.

Такимъ образомъ предвидѣніемъ насилія со стороны членовъ и вожаковъ конфедераціи труда правительство объясняетъ принятіе огромныхъ предупредительныхъ мѣръ, которыми оно подавило парижское рабочее движеніе 1 мая. И въ то время, когда правительство такими соображеніями объясняетъ свою политику по отношенію къ парижскому рабочему классу, то же самое правительство, устами г. хранителя печати, намъ сообщаетъ, что, задержавъ за нѣсколько дней до 1 мая этихъ опасныхъ революціонеровъ, выступленіе которыхъ могло быть предупреждено лишь паводненіемъ Парижа солдатами, оно отнюдь не спѣшило подвергнуть ихъ допросу: оно ограничилось простымъ удостовѣреніемъ ихъ личности и только нѣсколько дней тому назадъ они были допрошены по существу обвиненія.

Но въ такомъ случаѣ скажите правду, скажите ее всю цѣликомъ, вы можете ее сказать; да впрочемъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ высказалъ ее вчера въ достаточной мѣрѣ.

Ваши дѣйствія вызывались великими и благородными политическими соображеніями, вы испугались страха буржуазіи и вы захотѣли, преувеличивая, какъ и всѣ правительства, ваше вліяніе на общественное мнѣ-

ніе и ходъ всеобщаго голосованія, вы захотѣли, повторяю, снять съ себя отвѣтственность и успокоить тѣхъ, которые были въ страхѣ. На всякій случай, не зная, есть ли среди членовъ конфедераціи труда заговорщики и безпокойные элементы, сами даже не вѣря вполнѣ въ насильственные замыслы тѣхъ рабочихъ, которые—не правда ли, странные заговорщики—посылали къ вамъ делегацію за делегаціею, вы захотѣли актомъ сильной власти успокоить общественное мнѣніе, утишить испугъ одной части буржуазіи. И вотъ вы сказали себѣ: рабочіе—хорошіе республиканцы, они достаточно преданы республикѣ, чтобы простить намъ еще разъ защиту ея за ихъ счетъ и на ихъ спинахъ. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Вотъ ваша дѣятельность, признайте же ее и не пытайтесь возводить въ систему ту усмирительную практику, къ которой вы прибѣгли, и скажите себѣ, что рабочій классъ, въ которомъ вы сомнѣвались, но который не сомнѣвался въ республикѣ, оказалъ вамъ еще разъ услугу, обязывающую васъ къ новому усилію въ его пользу.

Итакъ, что собираетесь вы дѣлать?

Я хочу скромно повторить, какъ человѣкъ, который даже не является болѣе «почти предсѣдателемъ совѣта», какъ человѣкъ, принадлежащій къ меньшинству, противъ котораго вы, г. министръ внутреннихъ дѣлъ, только что сгруппировали страшный блокъ со включеніемъ въ него всей правой. (Протесты справа.)

Г. Бодри д'Ассонъ. Это ошибка.

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ. Вамъ извѣстно, что я сказалъ наоборотъ.

Г. Жоресъ. Нѣтъ, г. Клемансо.

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ. Да, вамъ это извѣстно.

Г. Жоресъ. Нѣтъ, я не понимаю, какъ вы можете говорить мнѣ подобнымъ образомъ. Я удостовѣряю общеизвѣстный фактъ.

Г. Альберъ Турніе. Министръ сказалъ противоположное.

Г. Жоресъ. Я удостовѣряю общеизвѣстный фактъ, что всякій разъ...

Графъ де-Ланжюинэ. Это заблужденіе.

Графъ де-Померё. Вы ошибаетесь.

Г. Жоресъ. Вамъ неизвѣстно, что я хочу сказать. (Смѣхъ.)

Графъ де-Ланжюинэ. Намъ извѣстно, что вы сказали.

Г. Жоресъ. Еще разъ, вы не знаете того, что я хочу сказать. Недостаточно сказать «вся правая», чтобы вы считали себя въ правѣ угадывать смыслъ всей слѣдующей фразы.

Я говорю, что всякій разъ, когда вы съ поразительной діалектической и полемической силою обрушивались на соціализмъ и соціалистовъ, когда даже съ этой трибуны вы открыто выступали противъ нихъ, противъ насъ, защитниковъ рабочаго класса, я говорю, что въ моментъ этой манифестаціи, направленной прямо въ самое сердце соціализма, васъ поддерживала правая.

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ. Вы не олицетворяете соціализма въ своей особѣ.

Г. Жоресъ. Не будемъ играть словами. Здѣсь существуетъ соціалистическая партія.

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ. Но есть соціалисты внѣ этой партіи. Вы не Богъ. (Смѣхъ.)

Г. Жоресъ. Вы же, господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ, даже не дьяволъ. (Смѣхъ.)

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ. Вы этого не знаете.

Г. Жоресъ. Я говорю, что здѣсь существуетъ, оставимъ игру словъ...

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ. Это вы играете словами.

Г. Жоресъ. Нѣтъ, г. Клемансо; и позвольте вамъ замѣтить, что малѣйшее возраженіе вызывало съ вашей стороны пространныя жалобы, между тѣмъ теперь вы прерываете всѣ мои замѣчанія.

Я говорю, что всякій разъ, когда вы нападали на соціалистическую партію въ томъ видѣ, какъ она организована здѣсь, все равно, имѣетъ ли она или нѣтъ официальное удостовѣреніе, дипломъ и привилегію или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ въ томъ видѣ, какъ она существуетъ здѣсь, повторяю всякій разъ, когда вы, пользуясь вашимъ правомъ, съ силою обрушивались на нее, когда вы, наконецъ, произнесли то чрезвычайно важное слово, которое могло бы стать непоправимымъ для нашихъ отношеній...

Г. Л. Мильуа. Будемъ надѣяться на это.

Г. Жоресъ. Я васъ понимаю сударь! Я говорю, что въ то время, какъ вы заявили о своемъ выступленіи противъ насъ въ качествѣ защитника рабочаго класса, въ этотъ моментъ васъ поддержало единодушное и восторженное одобреніе всей остальной части палаты. (Очень хорошо, очень хорошо! на крайней лѣвой.)

Но въ качествѣ представителя этого меньшинства, слѣдовательно со всею скромностью, я въ свою очередь, говоря о предстоящей законодательной сессіи, высказываю громкое пожеланіе: нужно достигнуть результатовъ. Двѣ предшествовавшія сессіи были успѣшны. Необходимо, чтобы настоящая сессія достигла успѣховъ въ новыхъ и болѣе трудныхъ вопросахъ: по моему убѣжденію, было бы огромнымъ несчастьемъ для всѣхъ, соціалистовъ и ихъ противниковъ, если бы она оказалась безплодною или принесла только незрѣлые плоды. (Аплодисменты на крайней лѣвой и на различныхъ скамьяхъ лѣвой.)

При какихъ же условіяхъ она можетъ и должна имѣть успѣхъ? Милостивые государи, не заблуждайтесь, настало время исключительныхъ затрудненій. Та часть предстоящей задачи, къ которой вы приступите, въ особенности преисполнена чрезвычайныхъ трудностей. Вы натолкнетесь на максимумъ сопротивленія и вы могли бы побѣдить, простите мнѣ эту загадочную формулу, но я постараюсь объяснить ея смыслъ,—вы могли бы только одержать верхъ надъ этимъ максимумомъ сопротивленія, проявивъ максимумъ энергіи при проведеніи максимальной программы республикан-

сного большинства. Я утверждаю, что сопротивленіе будетъ весьма велико что препятствія будутъ трудно преодолимы. До сихъ поръ вы побѣждали силы прошлаго; вы побѣждали силы церкви, какъ онѣ ни велики и могучи, соединенными усиліями рабочей и крестьянской демократіи, рабочаго и крестьянскаго пролетаріата и значительной части республиканской буржуазіи; эта значительная часть республиканской буржуазіи, въ извѣстные вамъ часы кризиса, была испугана угрозами антисемитскихъ насилій, угрозами государственныхъ переворотовъ, въ которыхъ одновременно со свободой могло погибнуть ея собственное соціальное существованіе; вотъ почему эта республиканская буржуазія поддержала васъ въ вашемъ дѣлѣ утвержденія свѣтской власти, въ вашей республиканской демократической работѣ, даже цѣною нѣкоторыхъ непосредственныхъ жертвъ, на которыя она согласилась, принимая первыя соціальныя реформы, перечень которыхъ только что представилъ намъ г. министръ внутреннихъ дѣлъ. Конечно, я не хочу оскорблять ее предположеніемъ, что вся она цѣликомъ перейдетъ на сторону реакціи или на сторону сопротивленія, какъ только ея привилегированному денежному положенію будетъ угрожать хотя бы малѣйшая опасность отъ финансовой и соціальной реформъ; но вы были бы очень наивны и очень слѣпы, если бы вообразили себѣ, что можете разсчитывать, для великаго дѣла финансовой и соціальной реформы, которое собираетесь предпринять, на положительную помощь всѣхъ тѣхъ, кто поддерживалъ васъ до сихъ поръ въ вашей антиклерикальной дѣятельности.

Г. Аллеманъ. Будетъ убыль!

Жоресъ. Какъ говоритъ мой другъ Аллеманъ, будетъ убыль, будутъ измѣны и отпаденія. Вы уже видите это на той кампаніи, которая ведется, чтобы посѣять панику, вызвать паденіе курсовъ, уходъ капиталовъ; итакъ, господа, лицомъ къ лицу съ этими затрудненіями, какъ люди, желающіе видѣть истинное положеніе вещей — такъ выражался г. министръ внутреннихъ дѣлъ,—какъ же вы поступите?

Или вы будете побѣждены, ослаблены уходомъ не только капиталовъ, но и части вашихъ политическихъ силъ, или вамъ придется, для пополненія этой силы, которая будетъ ослаблена, и для того, чтобы быть въ состояніи преодолѣть возросшія передъ вами препятствія, обратиться со смѣлымъ, энергичнымъ призывомъ ко всему этому рабочему, крестьянскому люду, отъ пролетаріевъ до ремесленниковъ и мелкихъ буржуа. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Какъ же вы сдѣлаете это? Какъ сгруппируете вы всѣ эти силы демократіи?

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ только что призывалъ насъ восхищаться красотою декларацій; онъ сказалъ намъ, что было бы уже прекрасно, если бы настоящая законодательная сессія осуществила половину этой программы. А я, я говорю, что вамъ не удастся осуществить и этой половины иначе, какъ собравъ сразу живыя демократическія силы, иначе, какъ посредствомъ законопроектовъ, далеко превосходящихъ по немедлен-

ности и обширности своего дѣйствія все то, что, повидимому, возвѣщаютъ тонъ, оттѣнокъ, форма вашей декларацiи. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Я говорю, что если вы не внесете безъ замедленія такой проектъ общаго и прогрессивнаго налога, который немедленно чувствительнымъ образомъ облегчилъ бы бремя крестьянъ, крестьянской массы, если вы не обратитесь такимъ образомъ къ крестьянской демократіи, чтобы найти въ ней пополненіе, которое вамъ будетъ нужно для замѣны отпаденій и проявленій слабости (аплодисменты на крайней лѣвой) части буржуазіи, вы придете къ политическому безсилію. Посмотрите, каковы будутъ послѣдствія. Какъ только вы вступите на этотъ путь, вы натолкнетесь на всевозможныя сопротивленія и хитрости.

Недостаточно будетъ, чтобы вы предложили международное совѣщаніе съ цѣлью помѣшать отливу капиталовъ; хвалю васъ за это, но этого не будетъ достаточно; если вы не хотите быть обманутыми, если вы хотите имѣть дѣйствительный контроль надъ доходами и наслѣдствами, которые вы собираетесь обложить налогомъ, если вы не хотите быть обокрадены, вы должны будете національзировать банки, кредитныя учрежденія и, какъ предложилъ г. Клемансо, министерскія канцеляріи. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Г. Лази. Г. Дрюмонъ уже предлагалъ все это!

Жоресъ. Вы будете вынуждены также сломить центръ сопротивленія этихъ экономическихъ силъ, которыя уже угрожаютъ вамъ, уже вызываютъ васъ.

Васъ уже предупреждаетъ объ этомъ молодой и достойный писатель *Action Libérale,* г. Нобльмэръ.

Г. Энаръ. Это прогрессистъ.

Жоресъ. Оттѣнокъ такъ тонокъ!

Энаръ. У насъ очень тонкое зрѣніе.

Жоресъ. Онъ говоритъ вамъ: «Мы, консерваторы, потеряли нашу политическую силу, но намъ еще остается наша экономическая сила, которою мы должны же сумѣть воспользоваться».

Чтобы уничтожить эту угрозу, чтобы отвѣтить на этотъ вызовъ, отвратить этотъ маневръ, вы въ самомъ дѣлѣ должны наложить руку народа на этотъ великій механизмъ желѣзныхъ дорогъ и горныхъ богатствъ, который является центральной пружиной экономической дѣятельности страны. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Не съ цѣлью произвольно удлинять программу намѣчаю я эти требованія, но потому, что всѣ эти усилія связаны одни съ другими, потому что въ сраженіи, которое вы начали, вы или пойдете слѣпо и пассивно навстрѣчу пораженію, предлагая лишь неполные и недѣйствительные проекты, которые будутъ раздражать врага, не побѣждая его, или же вы сразу вооружитесь противъ него сильной организаціей всѣхъ родовъ оружія, которымъ онъ въ свою очередь будетъ пытаться дѣйствовать противъ васъ.

Эта программа, фигурирующая въ качествѣ программы-минимумъ въ соціалистическомъ манифестѣ, уже не принадлежитъ намъ однимъ. Г. Клемансо былъ правъ только что, говоря, что я тоже запоздавшій монополистъ. Мы отказываемся отъ нашей монополіи.

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ. Постарайтесь, чтобы это осталось такъ надолго.

Жоресъ. Да, г. Клемансо, вы изъ нашихъ. Ваша программа минимумъ, только что высказанная, это наша программа. Г. Сарріенъ сказалъ въ своей декларації: программа правительства не замкнутая программа. И вы, какъ искусный человѣкъ, увидавъ дверь этой программы открытой, ввели черезъ нее на эту трибуну и продемонстрировали на ней націонализацію желѣзныхъ дорогъ, націонализацію горныхъ богатствъ, и вы сказали намъ: правительство настолько же соціалистично, какъ вы. Да, при условіи, что правительство понимаетъ свою декларацію такъ, какъ формулировалъ ее г. Клемансо, и объ этомъ-то я имѣю честь спросить у правительства. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Такъ какъ необходима точность и ясность, надо, чтобъ мы знали куда мы идемъ и съ кѣмъ мы идемъ; надо, чтобъ мы знали, какова программа правительства и каково правительство; надо, чтобъ мы знали, равносильны ли тексту комментаріи г. Клемансо. Вотъ что нужно намъ сказать.

И чтожъ! Когда я читаю декларацію, я не замѣчаю въ ней того порыва вверхъ, который постарался придать ей г. Клемансо. Онъ высмѣялъ мои роскошные волшебные замки и вызвался самъ камень за камнемъ построить соборъ. Онъ заявилъ, что шпицъ этого республиканскаго собора устремится въ будущее, когда отъ моихъ волшебныхъ замковъ ничего не останется.

Но, да будетъ мнѣ разрѣшено замѣтить, со всѣмъ уваженіемъ къ предмету и лицамъ, что, въ ту минуту, какъ я говорю, у министерскаго собора, какъ мнѣ кажется, немного нехватаетъ шпица. (Аплодисменты на крайней лѣвой.—Смѣхъ.)

Да, я хотѣлъ бы, чтобы намъ представили нѣсколько болѣе точный и смѣлый планъ постройки. Если съ нами согласны отъ основанія до вершины, пусть намъ такъ и скажутъ, пусть не заставляютъ демократію и палату терять первые, рѣшительные мѣсяцы, тѣ мѣсяцы, когда образуются дѣятельныя силы. Берегитесь! Если вы будете ждать, вы пропустите часъ прилива.

Что же касается насъ, которыхъ вы пытались сдѣлать отвѣтственными за судьбу всѣхъ реформъ, мы окажемъ вамъ содѣйствіе не только для нихъ—вы понимаете меня—но и... (Очень хорошо! Очень хорошо! на крайней лѣвой.) Но мы осуществимъ ихъ, не соглашаясь на иныя условія, кромѣ тѣхъ, какія отвѣчаютъ нашей собственной совѣсти и нашей собственной партіи. (Аплодисменты на крайней лѣвой.)

Вы совершенно невѣрно истолковали прежнее рѣшеніе—принятое гораздо раньше дрезденскаго или какого-либо другого германскаго конгресса,—

въ силу котораго французскіе соціалисты отказываются отъ общаго голосованія бюджета; дѣлая это, они ничуть не отказываются отъ своей доли отвѣтственности... (Ироническія восклицанія налѣво и въ центрѣ.)

Г. Раймонъ-Пуанкаре, министръ финансовъ. Они отказываютъ въ рессурсахъ!

Жоресъ. Они ничуть не отказываются отъ своей доли отвѣтственности въ точныхъ расходахъ на опредѣленныя реформы, принятыя вами. Можете ли вы утверждать это? Можетъ ли хоть одинъ изъ членовъ правительства сказать это человѣку, который вошелъ на эту трибуну въ послѣдніе мѣсяцы настоящей законодательной сессіи, наканунѣ выборнаго періода, когда отвѣтственность этого рода отзывается всего тяжеле, и который сказалъ: чтобы создать страхованіе рабочихъ, надо апеллировать къ государству, надо обратиться съ призывомъ къ предпринимателямъ, но надо также на одну треть обратиться къ обложенію заработковъ рабочихъ.

Вотъ что я сказалъ, по всей совѣсти и съ цѣлью добиться результатовъ, и я отрицаю, чтобы можно было обвинить людей, держащихся такой честной политики, въ желаніи уклониться отъ отвѣтственности за реформы.

Отказываясь утвердить бюджетъ, — который, въ силу необходимости и недостатковъ современной соціальной системы, на двѣ трети поглощается расходами, ничего общаго съ трудомъ не имѣющими (браво! Браво! на крайней лѣвой),—мы хотимъ протестовать противъ общественнаго неравенства, эмблемой коего этотъ бюджетъ является. (Аплодисменты на крайней лѣвой. Восклицанія на лѣвой и въ центрѣ.) Вотъ почему мы отказываемся вотировать бюджетъ, но никогда—вы слышите,—если вы захотите осуществлять опредѣленныя реформы и найдете для этого необходимыя средства—я имѣю въ виду соціальное страхованіе на случай безработицы, соціальное страхованіе на случай старости путемъ налоговъ, согласованныхъ съ нашимъ демократическимъ и соціальнымъ идеаломъ, который одновременно дорогъ и многимъ изъ вашей среды,—никогда мы не уклонимся отъ этихъ реформъ; не старайтесь же заранѣе, произвольно и надменно предлагая намъ непріемлемыя условія, перемѣстить отвѣтственность. (Восклицанія и движеніе на лѣвой и въ центрѣ.)

Никто не можетъ избѣгнуть своей доли отвѣтственности, и если мы, благодаря ли непримиримости или въ силу формализма, погубимъ какую-нибудь реформу, вы будете имѣть право сложить на насъ отвѣтственность за это.

До тѣхъ же поръ мы сами будемъ судить о способахъ нашего поведенія и о нашей тактикѣ, и я скажу вамъ— только будучи столь же убѣжденными республиканцами, какъ и соціалистами...

Эд. Вальянъ. Очень хорошо!

Жоресъ... будучи рѣшительными реформаторами и реалистами по методу, и столь же рѣшительными революціонерами по цѣли, которая заключается въ полномъ преобразованіи общества (браво! Браво! на крайней лѣвой),—

мы всецѣло присоединимся ко всѣмъ стараніямъ проводить реформы, лишь бы они были серьезны, дѣйствительны, не были бы только блуждающими огнями, были бы реальны. Рѣшеніе за вами. (Оживленные аплодисменты на крайней лѣвой.)

Аллеманъ. Я предлагаю расклеить рѣчь г. Жореса. (Движеніе.) Я пользуюсь своимъ правомъ и ставлю вопросъ на баллотировку.

Президентъ. Г. Аллеманъ предлагаетъ расклеить рѣчь г. Жореса. Никто не желаетъ высказаться? Я ставлю вопросъ на голоса.

Ко мнѣ поступило требованіе баллотировки, подписанное Бремонъ, Дюбуа, Груссье, Фурнье, Девецъ, Дюруръ, Вальянъ, Тивріе, Розье и т. д.

Баллотировка открыта.

(Записки собраны. Секретари производятъ подсчетъ.)

Президентъ. Вотъ результатъ подсчета:

Число голосующихъ.	427
Абсолютное больш.	222
За принятіе	139
Противъ	288

Палата депутатовъ не приняла предложенія Аллемана. (Ироническіе аплодисменты на крайней лѣвой.)

Законодательство и жизнь.

Дума третьяго созыва.—Выборы президіума.—Адресъ Государю.—Значеніе Думскаго вотума.—Взаимоотношеніе правительства и Думы.—Декларація предсѣдателя совѣта министровъ и ея обсужденіе.—Инцидентъ Родичева.—Несостоявшійся отвѣтъ на декларацію.—Рѣчь министра финансовъ о государственной росписи.—Работа въ думскихъ коммиссіяхъ.—Отношеніе къ Думѣ народа.—Отсутствіе надеждъ.—Непосредственныя народныя нужды.—Неурожай.—Переселеніе.—Ликвидація освободительнаго движенія.—Преслѣдованіе общественныхъ группъ и отдѣльныхъ лицъ.—Надо начинать общественную работу сызнова.—Сорокалѣтній юбилей Н. Н. Златовратскаго.

Вотъ уже около мѣсяца прошло съ открытія третьей Государственной Думы; никакой законодательной работы она еще не начала, но общая ея физіономія за это время уже успѣла выясниться,—именно физіономія, а не направленіе, такъ какъ опредѣленіе послѣдняго въ смыслѣ содержанія будущихъ думскихъ законопроектовъ еще впереди; то же направленіе, которое выражается въ провозглашеніи извѣстныхъ принциповъ, проявилось пока только въ бросаніяхъ направо и налѣво, обусловленныхъ, главнымъ образомъ, временными настроеніями октябристской группы, мнящей себя господствующею въ Думѣ, но которая, новидимому, и по сейчасъ не уяснила себѣ, куда она дѣйствительно намѣрена пойти, даже если бы это ея господство оказалось не мнимымъ. Поэтому и ежемѣсячному обозрѣвателю приходится говорить о думской дѣятельности не какъ о чемъ-либо цѣломъ и стройномъ, а только отмѣчать отдѣльные наиболѣе любопытные ея эпизоды, изъ которыхъ наибольшую практическую важность имѣютъ тѣ, въ которыхъ такъ или иначе высказывается взаимоотношеніе думскаго большинства и правительства.

Первый эпизодъ, какъ и слѣдовало, касался выбора президіума. Предсѣдателемъ Государственной Думы былъ выбранъ смоленскій депутатъ Н. А. Хомяковъ, принадлежащій къ партіи октябристовъ, но избранный по взаимному соглашенію всѣхъ партій и получившій 371 избирательный и 9 неизбирательныхъ шаровъ, причемъ въ выборахъ не участвовало лишь ничтожное меньшинство, состоявшее изъ крайнихъ лѣвыхъ и поляковъ, явившихся въ Думу позже. Взойдя послѣ своего избранія на трибуну, новый предсѣдатель сказалъ совершенно безцвѣтную рѣчь, въ которой не

упомянулъ ни однимъ словомъ ни о конституціи, ни о манифестѣ 17 октября, а также не высказалъ ничего, кромѣ общихъ мѣстъ, о дальнѣйшей дѣятельности Думы, но счелъ нужнымъ подчеркнуть «нераздѣльность» Россіи, что вызвало продолжительныя рукоплесканія правыхъ, понимавшихъ, какъ извѣстно, эту нераздѣльность въ смыслѣ насильственнаго господства надъ окраинами,—въ теоріи великорусскаго племени, а на практикѣ русской бюрократіи. Несмотря на это, одно время казалось, что большинство Думы найдетъ возможнымъ сговориться съ лѣвымъ меньшинствомъ насчетъ выборовъ остальныхъ членовъ президіума. Какъ извѣстно, такого соглашенія не состоялось, и во всемъ этомъ эпизодѣ выборовъ въ президіумъ выяснились уже многія характерныя черты нынѣшней Думы. Опредѣлилось, что общая сила оппозиціи равна приблизительно 140 человѣкамъ, т.-е. составляетъ слишкомъ третью часть всей Думы,—больше, чѣмъ можно было ожидать тотчасъ послѣ выборовъ; выяснилось также, что въ большинствѣ, состоящемъ изъ правыхъ и октябристовъ, послѣдніе вовсе не имѣютъ господства или направляющей роли и не они влекутъ за собою правыхъ, а скорѣе, напротивъ, сами идутъ на буксирѣ за правыми; что правые относятся къ оппозиціи съ непримиримой ненавистью, доходящей у нѣкоторыхъ изъ нихъ до совершенно непарламентской несдержанности, вслѣдствіе чего и на прочное соглашеніе хотя бы кадетской части оппозиціи съ колеблющейся изъ стороны въ сторону, но въ общемъ склоняющейся вправо, партіей октябристовъ, едва ли можетъ быть надежда; что, наконецъ, и предсѣдателю недостаетъ, если не внутренняго безпристрастія, то внѣшней парламентской ловкости, чтобы удерживать въ границахъ крайнихъ правыхъ и заставить ихъ уважать свой авторитетъ. А что этотъ авторитетъ не особенно великъ и не усилился отъ выбора новаго президіума, доказывается тѣмъ, что очень скоро въ самомъ президіумѣ произошли несогласія и столкновенія.

Болѣе идейный характеръ имѣлъ эпизодъ съ редакціей адреса отъ Думы Государю Императору. Составленіе проекта этого адреса было поручено комиссіи изъ 18 лицъ, съ довольно разнообразнымъ составомъ, гдѣ были представители почти всѣхъ партій, кромѣ крайнихъ лѣвыхъ. Эта комиссія выработала слѣдующій проектъ адреса: «Всемилостивѣйшій Государь! Вашему Императорскому Величеству благоугодно было привѣтствовать насъ, членовъ Государственной Думы третьяго созыва, и призвать на предстоящіе намъ законодательные труды благословеніе Всевышняго. Считаемъ долгомъ выразить Вашему Императорскому Величеству чувства преданности Верховному Вождю Россійскаго государства и благодарности за дарованныя Россіи права народнаго представительства, упроченныя основными законами Имперіи. Вѣрьте намъ, Государь, мы приложимъ всѣ наши силы, всѣ наши познанія, весь нашъ опытъ, чтобы упрочить обновленный манифестомъ 17 октября Вашею Монаршею волей государственный строй, успокоить отечество, утвердить въ немъ законный порядокъ, развить народное просвѣщеніе, поднять всеобщее благосостояніе, упрочить

величіе и мощь нераздѣльной Россіи и тѣмъ оправдать довѣріе къ намъ Государя и страны». Ни противъ подачи адреса, ни противъ высказанной въ немъ благодарности никто не возражалъ, но крайними лѣвыми были сдѣланы указанія на то, что въ немъ ничего не сказано о дѣйствительныхъ нуждахъ народныхъ, такъ, какъ это было сказано въ первой Думѣ. Другимъ представителемъ лѣвыхъ было предложено включить въ адресъ сожалѣніе о томъ, что Дума говоритъ лишь отъ небольшой части населенія, «проведшей своихъ представителей на основаніи закона 3 іюня, изданнаго правительствомъ въ нарушеніе основныхъ законовъ». Всѣ эти заявленія были встрѣчены шумомъ, свистомъ, криками «довольно», а послѣднее предложеніе предсѣдателемъ не было поставлено и на баллотировку. Не обратило серьезнаго вниманія и было отвергнуто и предложеніе поляковъ о включеніи въ адресъ словъ объ удовлетвореніи «справедливыхъ требованій народностей, входящихъ въ составъ Имперіи». Главный интересъ преній сосредоточился на двухъ поправкахъ, внесенныхъ съ различныхъ сторонъ: правые желали, чтобы въ адресѣ былъ включенъ титулъ «самодержецъ». Кадеты желали, чтобы было сдѣлано ясное и прямое указаніе на существованіе въ Россіи конституціоннаго образа правленія. Ни тотъ, ни другой результатъ не былъ достигнутъ, но на этой почвѣ возникло цѣлое разсужденіе о томъ характерѣ, который имѣетъ въ настоящее время въ Россіи монархическая власть, причемъ сказаны были рѣчи, достаточно уяснившія точки зрѣнія на этотъ предметъ различныхъ партій. Одна изъ наиболѣе интересныхъ рѣчей была сказана А. И. Гучковымъ. Въ ней лидеръ октябристовъ, вопреки ожиданіямъ, высказался, какъ убѣжденный конституціоналистъ, хотя въ то же время не находилъ нужнымъ включать въ адресъ самое слово «конституція». «Я принадлежу,—сказалъ онъ,—къ той политической партіи, для которой ясно, что манифестъ 17 окт. заключаетъ въ себѣ добровольный актъ,—актъ отреченія Монарха отъ права неограниченности. Въ основныхъ законахъ мы увидѣли точное выполненіе тѣхъ обѣщаній, которыя были даны въ манифестѣ. Для насъ несомнѣнно, что тотъ государственный переворотъ, который совершонъ былъ нашимъ Монархомъ, является установленіемъ конституціоннаго строя въ нашемъ отечествѣ, и тѣмъ не менѣе, мы считаемъ себя не въ правѣ навязывать кому бы то ни было наше толкованіе»... и далѣе: «мы, конституціоналисты, сумѣемъ доказать, что мы такіе же вѣрные и преданные слуги конституціоннаго Монарха, какъ наши предки были вѣрными слугами неограниченнаго самодержца». Большое впечатлѣніе произвела также рѣчь другого виднаго октябриста, Петрово-Соловова, который опредѣленно возражалъ тѣмъ, кто хотѣлъ внести въ адресъ титулъ самодержца въ смыслѣ сохранившейся и до сихъ поръ неограниченности власти. Онъ рѣзко упрекалъ правыхъ за внесеніе этимъ путемъ новой смуты и, обращаясь къ депутату Пуришкевичу, призывавшему октябристовъ идти съ правыми, заявилъ: «Мы, члены союза 17 октября, пойдемъ своею дорогою, пойдемъ со своимъ знаменемъ 17 октя-

бря. Мы его толкуемъ въ смыслѣ конституціоннаго акта и отъ этого толкованія не отступимъ». Вполнѣ ясно и безъ всякихъ недомолвокъ конституціонныя воззрѣнія были высказаны представителемъ партіи народной свободы П. Н. Милюковымъ. Онъ заявилъ, что его партія не вноситъ своего проекта адреса, потому что остается при адресѣ первой Думы; фракція считаетъ возможнымъ поддержать, какъ исходную точку для обсужденія, текстъ, предложенный союзомъ 17 октября. Но въ настоящее время является господствующая тѣма для обращенія народнаго представительства къ Государю... Вопросъ о государственномъ строѣ оказывается теперь спорнымъ, и страна ждетъ на него отвѣта отъ Государственной Думы. Предлагаемый адресъ не даетъ, однако, на это прямого отвѣта. Онъ старается объединить разномыслящихъ, но этимъ путемъ можно только никому не угодить. Ораторъ потомъ доказываетъ, что актъ 17 октября не былъ обновленіемъ или улучшеніемъ прежняго государственнаго строя; онъ замѣнилъ его новымъ. Имъ совершенъ переходъ отъ абсолютизма къ представительному правленію, онъ создалъ новый органъ управленія, со времени созданія котораго Монарху принадлежитъ только власть верховнаго управленія, разграниченная отъ власти законодательной. Таковы слова указа 23 апрѣля. Это не есть обновленный строй, а строй, при которомъ не только Государственная Дума и Монархъ являются органами государственной власти, но граждане и избирательный корпусъ сдѣлались органами избирательной власти. Если октябристы съ этимъ согласны, то что же можетъ помѣшать имъ сказать то слово, произнесеніе котораго одно только и можетъ положить конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ. «Я полагаю,—сказалъ г. Милюковъ, обращаясь, главнымъ образомъ, къ октябристамъ—что если вы теперь упустите выпавшую на вашу долю великую честь назвать, наконецъ, своимъ именемъ ту вещь, къ которой стремилось столько поколѣній, то вы совершите преступленіе передъ пославшими васъ».

Со своей стороны крайніе правые въ теченіе преній ставили тоже точки на і, поясняя, что защищаемое ими слово «самодержецъ» не есть просто титулъ, но понятіе, обозначающее, что неограниченность воли Монарха существуетъ и теперь, и что власть Государственной Думы остается лишь до тѣхъ поръ, пока такъ угодно Монарху. Путемъ всѣхъ этихъ преній было выяснено, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не только о словесной редакціи адреса, но о томъ, чтобы отвѣтить на вопросъ: какъ смотритъ Дума на существующій въ настоящее время въ Россіи образъ правленія, вскрыта была и та двусмысленность, въ которую хотѣли облечь понятіе самодержавія нѣкоторые правые, вродѣ Пуришкевича, который увѣщевалъ Думу включить лишь слово «самодержавіе», предоставивъ каждому понимать его по-своему. Поэтому и состоявшееся послѣ преній постановленіе Думы получило такое принципіальное значеніе, которое оно въ сущности, пожалуй, и не имѣло. Правые сдѣлали большую ошибку, что, несмотря на отрицательное отношеніе къ ихъ предложенію

значительнаго числа октябристовъ, они всетаки продолжали на немъ упорно настаивать. Переговоры шли нѣсколько дней, и самое обсужденіе адреса вслѣдствіе этого отсрочивалось. Сначала въ комиссіи, и даже въ началѣ засѣданія 13 ноября, октябристы готовы были на нѣкоторыя уступки, чтобы достигнуть соглашенія съ правыми: они, вѣроятно, пошли бы и на включеніе титула самодержца, если бы рядъ правыхъ ораторовъ не разъяснилъ, какой они придаютъ ему смыслъ. Въ послѣдній моментъ передъ голосованіемъ во время перерыва, когда октябристы ушли на совѣщаніе, со стороны правыхъ депутатовъ Марковымъ сдѣлана была новая попытка поставить вопросъ на почву простого титулованія. Но октябристы уже возвращались съ готовымъ рѣшеніемъ. Поправка правыхъ о включеніи слова «самодержецъ» была поставлена на баллотировку и отвергнута 212 голосами противъ 146. Послѣ этого правые отказались отъ участія въ голосованіи адреса; а Милюковъ отъ лица кадетовъ заявилъ, что они берутъ обратно свои поправки. Фракція умѣренныхъ правыхъ присоединилась къ адресу, выработанному комиссіей 18-ти. За уклоненіемъ отъ голосованія трудовой группы и поляковъ адресъ, предложенный комиссіей, принятъ единогласно. Получился, такимъ образомъ, дѣйствительно эффектный фактъ: Дума третьяго созыва забаллотировала самодержавіе.

Немудрено, что эта внѣшняя эффектность заставляетъ многихъ видѣть въ засѣданіи 13 ноября историческое событіе, и даже В. А. Маклаковъ, близко знакомый съ закулисной стороной дѣла (*Русск. Вѣд.*, № 264), находитъ, что «каковы бы ни были политическія *послѣдствія* этого вотума, его политическій *смыслъ* громаденъ, хотя тутъ же говоритъ, что данный результатъ получился лишь благодаря ошибочной тактикѣ правыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы они во-время догадались взять назадъ свое требованіе, то и не было бы никакого пораженія самодержавія, а была бы только довольно безцвѣтная формула привѣтствія, совершенно отвѣчающая тому, чего можно было ждать отъ третьей Думы. Точно такъ же, если бы к-д-ты не поспѣшили взять назадъ свою поправку, то не можетъ быть ни для кого ни малѣйшаго сомнѣнія, что вслѣдъ за отверженіемъ «самодержавія» Дума отвергла бы и «конституцію». Поэтому намъ кажется во всей этой исторіи нельзя видѣть ничего другого, кромѣ того, что к-д-ты умнѣе вели свою парламентскую тактику, чѣмъ правые, а вовсе не то, чтобы большинство Думы искренно и твердо стояло на конституціонной точкѣ зрѣнія. Такъ на это, повидимому, посмотрѣли и въ высшихъ сферахъ. Въ вотумѣ Думы не было усмотрѣно ничего мятежнаго, ничего противоправительственнаго, и адресъ былъ принятъ милостиво, чего, конечно, не было бы, если бы правительство заподозрѣло въ Думѣ не только стремленія къ дѣйствительной самостоятельности, но даже и внѣшнее фрондерство. Отношеніе правительства къ Думѣ, да и къ народу вообще за послѣднее время ясно опредѣлилось въ томъ смыслѣ, что оно смотритъ сверху внизъ на народное представительство, въ которомъ оно, пожалуй, согласно видѣть своихъ помощниковъ, но никакъ не направителей. И, что

еще важнѣе, сама Дума въ большинствѣ своемъ склонна стать на эту точку зрѣнія, притомъ не только тѣ правые, которые по своимъ личныхъ и партійнымъ взглядамъ склонны къ союзу съ абсолютизмомъ и вообще со старымъ режимомъ, но и такіе «конституціоналисты», какъ, наприм., проф. Капустинъ, рѣчь котораго по поводу министерской декларації напомнила то сравнительно недавнее, но, казалось бы, очень отдаленное время, когда русское общество радовалось и посылало привѣтствія князю Святополкъ-Мирскому за довѣріе, выраженное правительствомъ обществу. Впрочемъ, и г. Капустинъ отмѣтилъ тотъ фактъ, что правительственная декларація составлена въ «холодныхъ тонахъ». Слышавшіе ее въ чтеніи предсѣдателя совѣта министровъ говорятъ, что даже внѣшній ея тонъ измѣнился и сталъ больше походить на обращеніе начальства къ подчиненнымъ. Внутреннее же ея содержаніе несомнѣнно указываетъ на то, что правительство чувствуетъ себя въ настоящее время полнымъ хозяиномъ положенія и, обращаясь къ Думѣ, не ожидаетъ ея указаній, которымъ оно признавало бы себя обязаннымъ слѣдовать въ предѣлахъ основныхъ законовъ, но прямо заявляетъ отъ себя, что оно будетъ дѣлать то, что считаетъ нужнымъ и съ чѣмъ, по его мнѣнію, Дума обязана согласиться. Прежде всего декларація констатируетъ, что «разрушительное движеніе, созданное крайними лѣвыми партіями, превратилось въ открытое разбойничество и выдвинуло впередъ всѣ противообщественные преступные элементы... Противопоставить этому явленію можно только силу. Какое-либо послабленіе въ этой области правительство сочло бы за преступленіе... По пути искорененія преступныхъ выступленій шло правительство до настоящаго времени; этимъ путемъ пойдетъ оно и впредь. Для этого правительству необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи въ качествѣ орудія власти должностныхъ лицъ, связанныхъ чувствомъ долга и государственной отвѣтственности. Поэтому проведеніе ими личныхъ политическихъ взглядовъ и впредь будетъ считаться несовмѣстимымъ съ государственной службой». Упомянувъ о предъявленіи соотвѣтствующихъ требованій и къ педагогическому персоналу, декларація заявляетъ, что, «сознавая настоятельность возвращенія государства отъ положенія законовъ исключительныхъ, къ обыденному порядку, правительство рѣшило всѣми мѣрами укрѣпить въ странѣ возможность быстраго и правильнаго судебнаго возмездія». При чемъ оно вѣритъ въ возможность избѣжать отмѣны судебной несмѣняемости. Дѣйствуя въ этомъ направленіи, правительство разсчитываетъ и на содѣйствіе Думы «путемъ обличенія незакономѣрныхъ поступковъ властей, какъ относительно превышенія власти, такъ и бездѣйствія оной». Переходя къ реформамъ, декларація останавливается на поднятіи благосостоянія земледѣльческаго класса населенія. «Коренною мыслью теперешняго правительства, руководящею его идеей, былъ всегда вопросъ о землеустройствѣ. Не безпорядочная (?) раздача земель, не успокоеніе бунта подачками,—бунтъ погашается силою,—а признаніе неприкосновенности частной собственности... и созданіе мелкой земельной собственности, реальное право выхода

изъ общины и разрѣшеніе вопросовъ улучшеннаго землепользованія—вотъ задачи, осуществленіе которыхъ правительство считаетъ и считало вопросами бытія русской державы... Никакія политическія событія не могутъ остановить дѣйствія правительства въ этомъ направленіи... Правительство считаетъ, что исполнило свой долгъ, осуществивъ рядъ аграрныхъ мѣропріятій въ порядкѣ 87 ст. осн. зак., и будетъ защищать ихъ передъ законодательными учрежденіями, отъ которыхъ ждетъ усовершенствованій, быть можетъ поправокъ въ нихъ, но въ конечномъ результатѣ твердо надѣется на приданіе имъ упроченной силы путемъ законодательнаго утвержденія». Затѣмъ въ деклараціи слѣдуетъ перечисленіе законопроектовъ, вносимыхъ въ Думу различными вѣдомствами, на которыхъ мы не останавливаемся, такъ какъ содержаніе ихъ еще не вполнѣ извѣстно; далѣе идетъ авторитетное указаніе на необходимость осуществленія «воли Державнаго Вождя нашихъ вооруженныхъ силъ о постановкѣ ихъ на ту высоту, которая соотвѣтствуетъ чести и достоинству Россіи», въ связи съ нимъ говорится о разсмотрѣніи государственной росписи и, наконецъ, декларація заканчивается весьма интереснымъ принципіальнымъ положеніемъ, опредѣляющимъ своеобразную точку зрѣнія правительства на нашъ конституціонализмъ. Упомянувъ о дарованномъ странѣ представительномъ строѣ, въ заключеніе говорится: «Проявленіе царской власти во всѣ времена показывало также воочію народу, что историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ русской государственности, такъ какъ единственно эта власть и эта воля, создавъ существующія установленія и охраняя ихъ, призвана въ минуты потрясенія и опасности для государства къ спасенію Россіи и обращенію ея на путь порядка и исторической правды».

Сводя все сказанное въ правительственномъ заявленіи къ немногимъ главнымъ положеніямъ, мы видимъ, что эти основныя положенія правительственной политики заключаются въ слѣдующемъ: правительство будетъ и далѣе примѣнять дѣйствовавшую и до сихъ поръ систему подавленія силою,—но подавленія чего? Съ чѣмъ или кѣмъ ведется безконечная и безпощадная борьба, сопровождаемая атрибутами военныхъ судовъ и казней и ради которой государство въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отказывается отъ возстановленія нормальной гражданской жизни? Если борьба ведется съ политической или соціальной революціей, то, слѣдовательно, эта революція, несмотря на всю направленную противъ нее правительственную энергію, представляетъ и до сихъ поръ такую грозную силу, которая продолжаетъ требовать напряженія всѣхъ государственныхъ силъ. Въ такомъ случаѣ очевидно, что источникъ ея заключается не въ какой-нибудь внѣшней агитаціи, которую можно уничтожить, истребивши агитаторовъ, а коренится въ глубинѣ народной жизни и народнаго сознанія, и, слѣдовательно, борьба съ нимъ только посредствомъ внѣшней силы будетъ всегда безплодна. Декларація говоритъ, что революціонное движеніе, «созданное крайними лѣвыми партіями», превратилось въ разбойни-

чество. Въ этомъ есть доля правды, въ томъ смыслѣ, что въ чистую вначалѣ струю, можетъ быть, утопическихъ, но безкорыстныхъ революціонныхъ стремленій, съ теченіемъ времени влился дѣйствительно грязный потокъ личныхъ, корыстныхъ побужденій; но все-таки странное разбойничество, по поводу котораго представитель правительства считаетъ нужнымъ разсуждать о государственной отвѣтственности судебнаго и педагогическаго персонала и о несовмѣстимости личныхъ политическихъ взглядовъ съ государственной службой. Въ этомъ разсужденіи явно чувствуется какая-то неправильность, вслѣдствіе чего, въ борьбѣ, которую ведетъ правительство, на одной сторонѣ оказывается оно, а на другой—такіе, казалось бы, совершенно несовмѣстимые, факторы, какъ «противообщественные, преступные элементы» и судебный и педагогическій персоналъ, хотя бы и имѣющій свои личные политическіе взгляды, не совпадающіе съ правительственными. Неправильность заключается въ томъ, что борьба въ настоящее время ведется не съ противообщественными элементами и даже не съ острыми формами революціонныхъ выступленій, а съ общераспространенными и глубоко укоренившимися въ народѣ требованіями новой государственной жизни. Эти требованія, бурно проявившіяся два года тому назадъ, вызвали тогда и у правительства рѣшеніе пойти по новому, согласному съ народными стремленіями пути, результатомъ чего былъ манифестъ 17 октября и созывъ народнаго представительства. Съ тѣхъ поръ бурныя проявленія народныхъ требованій отчасти сами улеглись, отчасти были задавлены внѣшнею силою, но сознанныя потребности, изъ которыхъ особенно ярко выступила потребность земельной реформы, постоянно державшаяся въ народномъ сознаніи, съ неменьшею силою сохранились въ немъ и до сихъ поръ. Двѣ первыя Думы подтвердили какъ это требованіе, такъ и требованіе народомъ политическихъ правъ. Но правительство, перенеся потрясеніе и снова почувствовавъ себя прочнымъ, начало борьбу уже не только съ крайними проявленіями революціонныхъ стремленій, но со всѣмъ тѣмъ освободительнымъ движеніемъ, къ которому одинъ моментъ оно само присоединилось. Обѣ первыя Думы признаны были тоже враждебными элементами; онѣ были распущены, и значительное число бывшихъ ихъ членовъ оказываются теперь на скамьѣ подсудимыхъ. Аграрное движеніе, въ направленіи котораго были правительствомъ приняты такія, хотя и недостаточныя, мѣры, какъ продажа казенныхъ и удѣльныхъ земель, теперь квалифицируется какъ бунтъ, который долженъ быть погашенъ не подачками, а силой. Вмѣсто увеличенія землепользованія крестьянства, земельный вопросъ предполагается разрѣшить утвержденіемъ права земельной частной собственности и введеніемъ «улучшенныхъ» способовъ землепользованія на манеръ закона 9 ноября 1906 г., относительно котораго декларація ставитъ третьей Думѣ непремѣнное требованіе его законодательнаго утвержденія. Если присоединить къ этимъ заявленіямъ о неуклонной борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ и о замѣнѣ крестьянскаго земленадѣленія бюрократическимъ землеустройствомъ,

еще вышеприведенное толкованіе манифеста 17 октября, какъ такого акта, который «въ минуты потрясенія и опасности», а въ дѣйствительности именно скорѣе всего въ минуты наибольшей безопасности, можетъ быть взятъ назадъ, то мы получимъ въ декларацiи весьма недвусмысленное выраженіе того поворота къ старому режиму, который совершается теперь правительствомъ.

Какъ же отнеслась къ этому заявленію третья Дума? Стенографическая запись рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ неоднократно прерывается отмѣтками: бурные аплодисменты справа и въ центрѣ; крики браво и аплодисменты. А. И. Гучковъ отъ имени фракціи союза 17 октября предложилъ слѣдующій переходъ къ очереднымъ дѣламъ: «Государственная Дума, выслушавъ сообщеніе предсѣдателя совѣта министровъ и твердо рѣшивъ безотлагательно приступить къ законодательной работѣ для проведенія въ жизнь назрѣвшихъ неотложныхъ дѣлъ государственнаго преобразованія и неуклонно, въ предѣлахъ указанныхъ закономъ, осуществить правильное наблюденіе за закономѣрной дѣятельностью правительства, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ». Прежде всего правые въ лицѣ гр. Бобринскаго и Маркова 2-го высказали свою полную солидарность съ заявленіемъ представителя правительства. Первый изъ нихъ особенно настаивалъ на томъ, что они будутъ помогать правительству, помимо довѣрія или недовѣрія къ министерству, потому что и министерство облечено довѣріемъ Государя, и они избраны страной тоже по зову Государя. «Служа Государю, мы служимъ Россіи и служа Россіи служимъ Государю... мы съѣхались сюда не для борьбы съ правительствомъ, а въ помощь ему». Затѣмъ ораторъ высказалъ нѣсколько упрековъ по адресу первой и второй Думъ и сочувствіе «истиннымъ исполнителямъ своего долга отъ городового до министра, при чемъ указаніе на опасность, которой подвергался премьеръ-министръ и его дѣти, вызвало бурные знаки одобренія и громъ аплодисментовъ справа и въ центрѣ. Еще болѣе подчиненный по отношенію къ правительству характеръ имѣла рѣчь депутата Маркова. Онъ привѣтствовалъ и поздравлялъ правительство съ объявленной имъ программой, назвавши ее прекрасной, возвышенной, чудной. «Если,—сказалъ онъ,—мы съ нашими слабыми, разрозненными силами сумѣемъ облегчить трудъ правительства Самодержца Всероссійскаго, то это будетъ для насъ высшей наградой. Мы не будемъ здѣсь говорить, что мы будемъ дѣлать, мы будемъ только помогать нашему Государю въ законодательныхъ трудахъ. Вотъ наша программа». Конечно не отъ людей съ такими убѣжденіями можно было ожидать серьезной критики правительственной программы. Критика эта была дана въ рѣчахъ представителей крайнихъ лѣвыхъ партій и въ особенности партіи народной свободы. Но заявленія первыхъ были встрѣчены крайне враждебно; ораторовъ прерывали шумомъ и криками, при чемъ не стѣснялись въ выраженіяхъ, а во время рѣчи депутата Розанова правые и центръ почти всѣ ушли изъ залы засѣданія. Вообще большинство Думы не отличается терпимостью къ несогласнымъ съ

нимъ мнѣніямъ. Больше вниманія было оказано представителямъ к-д-ской фракціи. Изъ нихъ Маклаковъ особенно указывалъ на то, что въ министерской декларации слышится теперь даже не то, что говорилось въ прошломъ году. Вмѣсто ожидаемаго заявленія о томъ, что революція кончилась и революціонный пароксизмъ больше не пугаетъ правительство, а потому оно вмѣстѣ съ Думой не откладывая проведетъ все то, что два года тому назадъ обѣщало, теперь на первомъ планѣ стоитъ опять точно такая же борьба съ революціоннымъ движеніемъ а не реформы; опять говорятъ, что нужно сначала уничтожить крамолу, а потомъ можно будетъ что-нибудь сдѣлать. «И что говорится по поводу необходимости бороться съ насиліемъ? Только одно, что правительство попрежнему будетъ пускать въ ходъ свою силу. Сила правительства необходима, но она успѣшна только тогда, когда она встанетъ на твердую почву законности, когда апологія силы основана не на томъ, что она сила, а на томъ, что съ нею совпадаетъ право. Силы у правительства было много, но что оно съ нею сдѣлало? Оно дѣйствовало насиліемъ и беззаконіемъ, оно не заботилось о созданіи нормальныхъ общественныхъ отношеній, гнало суды, создавало охранныя отдѣленія и введеніемъ исключительныхъ положеній парализовало нормальную жизнь. Теперь правительство даже и не обѣщаетъ, какъ обѣщало въ прошломъ году, что исключительныя мѣры окончатся, что неприкосновенность личности, обѣщанная въ манифестѣ 17 октября, будетъ осуществлена. Объ этомъ уже не говорится, а дѣлаются намеки на пріостановку судейской несмѣняемости. Предсѣдатель совѣта министровъ сказалъ о своей надеждѣ, что этой пріостановки не будетъ; но, если не будетъ, то зачѣмъ же о ней и говорить? И обращаясь къ правительству, ораторъ заявилъ: я былъ бы радъ, если бы мнѣ сказали: Ваши страхи напрасны... Задача правительства и теперь—полностью до конца осуществить все, что обѣщано манифестомъ... Но если вы этого не скажете, то я боюсь, что никакой солидарности не выйдетъ между тѣми, кто готовъ служить манифесту 17 октября, и тѣми, кто хочетъ его ликвидировать.

На ту же разницу между прошлогодней и нынѣшней правительственной декларацией указывалъ и Милюковъ; прежде рѣчь шла о превращеніи Россіи въ государство правовое, о законодательныхъ нормахъ для осуществленія началъ манифеста 17 октября, теперь уже о немъ не упоминается. Прежде правительство обращалось къ Думѣ съ заявленіемъ: не запугаете; теперь оно само запугиваетъ и судей, и учителей, и чиновниковъ, и всѣхъ несогласно съ нимъ мыслящихъ. Но, кромѣ этихъ общихъ замѣчаній, Милюковъ остановился въ частности на земельномъ вопросѣ: правительство въ разрѣшеніи этого вопроса руководится не общими, а дворянско-землевладѣльческими интересами. Стремленіе насадить въ Россіи мелкую крестьянскую земельную собственность противорѣчитъ и основнымъ началамъ русской исторической жизни и собственной многолѣтней политикѣ правительства. Въ сущности созданныя теперь правительствомъ аграрные законы

представляютъ собою не что иное, какъ принудительное отчужденіе, только не помѣщичьихъ, а надѣльныхъ земель. Рѣчь Милюкова была выслушана сравнительно спокойно и внимательно. Но зато наибольшаго возбужденія и раздраженія достигло настроеніе Думскаго большинства во время рѣчи Родичева, одной изъ самыхъ сильныхъ, когда-либо имъ сказанныхъ. Предсѣдатель совѣта министровъ въ отвѣтной рѣчи на критику декларации, возражая противъ указанія на неравноправность населенія окраинъ, находящихся какъ бы на положеніи гражданъ 2-го разряда, сказалъ между прочимъ: «станьте сначала на нашу точку зрѣнія, признайте, что высшее благо—это быть русскимъ гражданиномъ, носите это званіе такъ же высоко, какъ носили его когда-то римскіе граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами 1-го разряда и получите всѣ права»—фраза, вызвавшая тоже бурные аплодисменты центра и правой. Да, говоритъ Родичевъ, тогда передъ словами: я русскій гражданинъ, преклонится власть и остановится передъ нарушеніемъ правовой сферы, окружающей личность каждаго гражданина. Но до тѣхъ поръ, теперь, существуетъ ли эта незыблемая и непереходимая властью грань закона? Можетъ ли каждый изъ насъ быть увѣреннымъ, что права его не могутъ быть нарушены ради государственной пользы такъ, какъ она понимается случайнымъ носителемъ власти? Можемъ ли мы ручаться, что представителями власти ради государственной цѣли домъ этотъ не будетъ сожженъ. Нѣтъ—не можемъ. До тѣхъ поръ, пока русскій гражданинъ свободенъ не въ предѣлахъ закона, а въ предѣлахъ усмотрѣнія, пока право каждаго поставлено въ зависимость отъ его заслугъ передъ властью, стоящею выше права, до тѣхъ поръ русскаго гражданина нѣтъ, и мы еще только стремимся создать его... Заявлено ли намъ, что отнынѣ право будетъ охраняться тѣми учрежденіями, безъ которыхъ оно ежечасно будетъ нарушено? Нѣтъ. Намъ указали на то, что съ преступленіемъ будутъ бороться силой... Въ воздѣйствіе физическое русскія власти вѣрятъ, а въ правосудіе не вѣрятъ»... Чѣмъ дольше продолжалась страстная рѣчь оратора, тѣмъ настроеніе большинства Думы становилось раздраженнѣе и возбужденнѣе. Когда онъ, обращаясь къ правымъ, припомнилъ, какъ «представитель вашего патріотизма» въ Варшавѣ (генералъ Скалонъ) угрожалъ польской депутаціи иностраннымъ нашествіемъ, то шумъ и крики справа достигли такой степени, что предсѣдатель принужденъ былъ настойчиво просить соблюдать молчаніе, такъ какъ онъ ничего не слышитъ, когда же, продолжая свою рѣчь, Родичевъ сказалъ: «Мы защитники порядка. Я хочу сказать болѣе. Въ то время, когда русскія власти находили въ борьбѣ съ эксцессами революціи только одно средство, видѣли только одинъ палладіумъ въ томъ, что̀ Пуришкевичъ назвалъ муравьевскими воротниками, и что потомки, можетъ быть, назовутъ столыпинскимъ галстукомъ»... то онъ былъ прерванъ общими криками правыхъ и центра, заглушившими звонокъ предсѣдателя. Затѣмъ произошла неописуемая сцена: посреди общаго крика и непечатныхъ ругательствъ, многіе депутаты вскакиваютъ съ мѣстъ и кидаются съ поднятыми кулаками

къ каѳедрѣ. Предсѣдатель и товарищи предсѣдателя покидаютъ свои мѣста и уходятъ изъ залы засѣданія. Волненіе въ залѣ продолжается; толпа, предводительствуемая правыми: Пуришкевичемъ, Крупенскимъ и др., но за которыми слѣдуютъ и октябристы: гр. Уваровъ, Плевако, окружаютъ съ угрожающими жестами и криками: вонъ, долой!—каѳедру, на которой стоитъ Родичевъ. Затѣмъ онъ сходитъ съ каѳедры и въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ членовъ партіи народной свободы уходитъ изъ залы, въ которой правые и октябристы еще продолжаютъ нѣкоторое время шумѣть, затѣмъ уходятъ совѣщаться. По возобновленіи засѣданія предсѣдатель обратился къ Думѣ съ увѣщаніемъ не повторять подобныхъ сценъ, относительно же Родичева предложилъ: «въ виду того, что онъ былъ виновникомъ всего того, что случилось, и въ виду того, что онъ позволилъ себѣ въ стѣнахъ этого почтеннаго собранія оскорбить высшаго представителя правительства Его Императорскаго Величества, примѣнить къ нему высшую мѣру наказанія: удалить его изъ собранія на 15 засѣданій». Приглашенный дать объясненіе Родичевъ заявилъ, что онъ беретъ свои слова назадъ и что онъ принесъ уже личныя извиненія предсѣдателю совѣта министровъ. По офиціальному сообщенію, Родичевъ принесъ извиненіе по требованію Столыпина, но самъ Родичевъ утверждаетъ, что онъ извинился по собственному почину. Несмотря на заявленное съ трибуны извиненіе, Дума большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ 96 постановила исключить Родичева на 15 засѣданій. Тотчасъ послѣ этого депутатъ Крупенскій предложилъ выразить свое сочувствіе предсѣдателю совѣта министровъ, и тутъ произошелъ инцидентъ, доказывающій, какъ иногда въ подобныхъ случаяхъ можетъ быть заразительно общее волненіе, затмевающее ясность сужденій и вызывающее у самыхъ разсудительныхъ людей не вполнѣ сознательныя дѣйствія. Столыпину аплодировали не только правые и октябристы, что было вполнѣ естественно, но и кадеты по иниціативѣ своего лидера, Милюкова. Что вызвало съ ихъ стороны такое ничѣмъ не мотивированное сочувствіе? Вѣроятно, то же, что заставило и Родичева извиняться: желаніе отнять у его словъ личный и съ извѣстной точки зрѣнія оскорбительный характеръ. По Родичевъ совершенно справедливо сказалъ въ своемъ объясненіи Думѣ, что онъ говорилъ согласно съ объективной правдой. Въ самомъ дѣлѣ, онъ высказалъ въ образной формѣ несомнѣнный фактъ: въ теченіе двухъ минувшихъ лѣтъ къ смертной казни было приговорено военными судами (въ томъ числѣ и военно-полевыми) 2,717 человѣкъ, казнены по приговору этихъ судовъ 1,780 чел. Число ежегодныхъ казней было таково, какъ ни въ одномъ періодѣ русской исторіи. Что энергія правительства въ этомъ отношеніи не ослабѣваетъ и послѣ отмѣны военно-полевыхъ судовъ и понынѣ, доказывается опять-таки цифрами: въ теченіе сентября военно-окружнымъ судомъ было приговорено къ смертной казни 145 человѣкъ, а въ октябрѣ 117. Если эти цифры связываются съ именемъ нынѣшняго премьера, то не только потому, что онъ является главнымъ представителемъ правительства, при которомъ дѣйствуетъ режимъ,

ихъ обусловливающій, но даже и потому, что преданіе военному суду непосредственно зависитъ отъ него, какъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ своей декларацiи онъ обѣщаетъ, что репрессивная энергія правительства, а слѣдовательно и казни, будутъ продолжаться и дальше. Что-нибудь одно: или онъ видитъ въ нихъ проявленіе спасительной энергіи, тогда съ его точки зрѣнія нѣтъ ничего оскорбительнаго въ сопоставленіи его имени съ казнями, какъ не видѣлъ, конечно, ничего обиднаго и для памяти Муравьева Пуришкевичъ, говоря о муравьевскихъ воротникахъ. Или, если въ такомъ сопоставленіи оказалось, по мнѣнію г. Столыпина, нѣчто оскорбительное, то вѣдь ужъ въ этомъ не Родичевъ виноватъ. Все это происшествіе въ особенности характерно для третьей Думы и главнымъ образомъ для октябристовъ, которые съ московскимъ избранникомъ Плевако во главѣ проявили такую же нетерпимость и въ такой же грубой и разнузданной формѣ, какъ и ихъ естественные союзники—правые. Не менѣе ярко выступаетъ въ этомъ случаѣ и пристрастность какъ большинства Думы, такъ и ея предсѣдателя. Только что передъ этимъ одинъ изъ говорившихъ правыхъ назвалъ того же Родичева клявопреступникомъ, и ни Дума, ни предсѣдатель не придали тогда этому несомнѣнно оскорбительному выраженію никакого значенія; теперь за слова, выражавшія дѣйствительный фактъ и послѣ принесеннаго извиненія, Родичевъ былъ подвергнутъ высшей мѣрѣ допускаемаго въ Думѣ дисциплинарнаго наказанія. Какъ ни печаленъ этотъ фактъ самъ по себѣ, онъ имѣлъ однако свою хорошую сторону, показавши дѣйствительную цѣну октябристскаго либерализма и послуживши полезнымъ предостереженіемъ для кадетской фракціи, у которой послѣ вотума 13 ноября, повидимому, появилась ошибочная надежда на то, что съ помощію сближенія съ октябристами она можетъ вліять на практическую дѣятельность Думы. Сверхъ того, исторія Родичева нѣсколько всколыхнула общественное мнѣніе. Онъ получилъ многочисленныя выраженія сочувствія какъ отъ петербургскаго общества, такъ и изъ другихъ концовъ Россіи. Физіономія же Думы обрисовалась для общества и народа въ своемъ дѣйствительномъ видѣ; правильное освѣщеніе ея составляетъ одну изъ задачъ прогрессивныхъ депутатовъ, и эта задача вполнѣ успѣшно выполнена была Родичевымъ.

Неспособность Думы и въ частности октябристской фракціи къ созданію какого-нибудь опредѣленнаго большинства, выяснилась немедленно вслѣдъ за этимъ эпизодомъ, когда одна за другою были отвергнуты всѣ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, причемъ октябристы вотировали противъ мирнообновленческой формулы, содержавшей въ себѣ призывъ къ осуществленію манифеста 17 октября!

Естественно, что сходною по характеру съ заявленіемъ премьеръ-министра оказалась и рѣчь министра финансовъ, обращенная къ Государственной Думѣ при внесеніи на ея разсмотрѣніе проекта росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1908 г. Никакихъ общихъ реформъ, никакихъ новыхъ горизонтовъ въ финансовомъ дѣлѣ не предвидитъ предста-

витель правительства и рекомендуетъ и Думѣ не увлекаться «заманчивыми перспективами финансовыхъ преобразованій» и «не преувеличивать область возможнаго примѣненія критики», а ограничить свои сужденія о бюджетѣ технической стороной дѣла, именно провѣркой того, «насколько при дѣйствующемъ нашемъ законодательствѣ... правильно предусмотрѣны государственные расходы, достаточны ли для этого тѣ средства, которыми мы располагаемъ, и какимъ путемъ должны мы восполнить обнаружившійся недостатокъ, если онъ въ дѣйствительности оказывается». Словомъ, по справедливому выраженію *Русскихъ Вѣдомостей*, министръ «предложилъ Думѣ исполнить работу бухгалтера, призваннаго провѣрить книги большого предпріятія и исправить вкравшіеся въ счета ошибки и пробѣлы, а въ какомъ направленіи вести дѣло, объ этомъ подумаютъ другіе» (*Рус. Вѣд.*, № 272). Какъ для г. Столыпина хозяиномъ въ дѣлѣ внутренней политики является правительство, и онъ обращается къ Думѣ съ ожиданіями не указаній, а лишь формальнаго согласія на мѣропріятія правительства, такъ для г. Коковцева такимъ же хозяиномъ является правительство и въ сферѣ финансовъ, и онъ тоже ожидаетъ отъ Думы, за мелкими поправками, утвержденія всѣхъ требованій росписи. Самый тонъ рѣчи министра финансовъ былъ крайне поучительный и вызвалъ нѣкоторое проявленіе самостоятельной критики даже со стороны октябристовъ, представитель которыхъ Еропкинъ возражалъ противъ неправильнаго построенія бюджета главнымъ образомъ на косвенныхъ налогахъ и указывалъ на необходимость измѣнить правила 8 марта 1906 г. въ смыслѣ расширенія правъ Государственной Думы. Вопросъ въ томъ, насколько эти проблески самостоятельности окажутся прочными, когда дѣло дойдетъ до постановки практическихъ вопросовъ. Въ этомъ отношеніи представляется мало успокоительнымъ заявленіе того же представителя октябристовъ о непозволительности скупости въ расходахъ по государственной оборонѣ. Извѣстно, что подъ этимъ названіемъ разумѣются расходы на армію и флотъ, тогда какъ еще вопросъ, чѣмъ лучше обороняется государство—силой ли войска, или возрастаніемъ его экономическихъ и моральныхъ силъ и справедливой политикой внѣшней и внутренней. Если армія и флотъ нужны намъ для того, чтобы вести въ отношеніи сосѣдей и собственныхъ окраинъ политику, которую депутатъ Милюковъ справедливо назвалъ «Ассирійской», то чѣмъ меньше мы будемъ употреблять на это народныхъ средствъ, тѣмъ будетъ лучше и для народа и для государства. И какъ разъ въ настоящее время возникаетъ вопросъ о возстановленіи нашего флота. Въ смѣту 1908 года на этотъ предметъ внесенъ расходъ въ 21 мил. руб., но это только небольшая часть всѣхъ затратъ, составляющихъ на постройку лишь первой серіи проектированныхъ судовъ 130 милліоновъ. Но и этотъ уже очень солидный расходъ можетъ быть производителенъ, даже съ узко-военной точки зрѣнія, лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ продолжаться въ томъ же или даже усиленномъ размѣрѣ и далѣе, такъ какъ затратой 130 милліоновъ мы, во-первыхъ, не достигнемъ того, чтобы имѣть возможность

вести успѣшную борьбу на морѣ не только съ Англіей, догнать которую въ развитіи морскихъ силъ мы очевидно никогда не можемъ, но даже и съ какой-нибудь другой первоклассной державой; во-вторыхъ, усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ и въ постройкѣ судовъ идутъ такъ быстро, что черезъ десятокъ лѣтъ выстроенныя дорогія суда оказываются устарѣвшими и должны быть замѣнены новыми еще болѣе дорогими. Нельзя не принять въ расчетъ и того соображенія, что постройка судовъ велась у насъ до сихъ поръ крайне плохо, и, по отзывамъ авторитетовъ морского дѣла, эта плохая постройка была одной изъ важнѣйшихъ причинъ погибели нашего флота при Цусимѣ. Между тѣмъ нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобы теперь это дѣло повелось лучше. Кому будутъ сдаваться подряды на постройку, какія будутъ условія сдачи и пріемки и какую роль будутъ играть при этомъ личныя отношенія и покровительство высшихъ сферъ? На всѣ эти вопросы едва ли можно дать успокоительный отвѣтъ. Все это, конечно, извѣстно Думѣ, но ей извѣстно и то, что возстановленіе флота имѣетъ сильныхъ сторонниковъ въ такихъ сферахъ, относительно которыхъ не только представители такого направленія, которое было выражено, напр., въ вышеприведенной рѣчи депутата Маркова, но и большинство Думы можетъ не оказаться достаточно самостоятельнымъ. Да и помимо такихъ жгучихъ вопросовъ, довольно сомнительно, окажется ли нынѣшнее, вообще мало подготовленное думское большинство способнымъ работать самостоятельно и не предпочтетъ ли оно слѣдовать правительственной указкѣ: и хлопотъ меньше, и «треній» не будетъ, и съ канцелярской точки зрѣнія все будетъ исполнено и скоро и къ общему удовольствію, если не народа, то Думы и правительства, послѣ чего первая получитъ отъ послѣдняго, въ противоположность двумъ первымъ думамъ, аттестатъ работоспособности. Работоспособность же Думы проявилась до сихъ поръ пока лишь тѣмъ, что выбрано очень много коммиссій, которымъ даны различныя названія: бюджетной, финансовой, государственной обороны, продовольственной, переселенческой, по народному образованію и проч., и проч., но не дано имъ никакихъ указаній не только о томъ, въ какомъ направленіи работать, но даже чѣмъ именно имъ заниматься. Вопросъ этотъ поднимался по поводу продовольственной коммиссіи, которой предполагали дать опредѣленное порученіе разсмотрѣть дѣйствія правительства въ предыдущую продовольственную кампанію; но большинство Думы отвергло это предложеніе, и коммиссія осталась безъ опредѣленнаго дѣла. На первый разъ особенно интересно, конечно, какъ поведетъ свое дѣло бюджетная коммиссія, начавшая свою дѣятельность 19 ноября въ присутствіи 53 членовъ изъ 66. Представителей оппозиціи было только 6, и никто изъ нихъ не попалъ въ президіумъ: предсѣдателемъ и секретаремъ выбраны октябристы: Алексѣенко и Ерошинъ, товарищами предсѣдателя тоже октябристы Н. Л. Марковъ и Острогорскій. И вотъ съ самаго начала появились для руководства коммиссіи правила, составленныя какими-то «свѣдущими лицами». Когда извѣстіе объ этомъ появилось въ

печати, то президіумъ бюджетной комиссіи счелъ нужнымъ опровергнуть его, объяснивши, что руководящая записка, о которой шла рѣчь, была составлена не государственной канцеляріей, а канцеляріей Государственной Думы. Но и эта канцелярія состоитъ изъ чиновниковъ и въ составленныхъ ими правилахъ подъ видомъ «справки» о порядкѣ разсмотрѣнія комиссіей государственной росписи, преподаются совѣты комиссіи о томъ, какъ разсмотрѣть составленную министерствомъ финансовъ смѣту какъ можно скорѣе и «не останавливая своего вниманія на тѣхъ законодательныхъ предположеніяхъ, которыя могли бы возникнуть при ближайшемъ разсмотрѣніи узаконеній положенныхъ въ основаніе кредитовъ, не подлежащихъ измѣненію въ смѣтномъ порядкѣ». И далѣе: «Точная провѣрка основаній назначеній излишне усложнила бы занятія бюджетной комиссіи, а принятіе резолюцій, касающихся признанія нѣкоторыхъ узаконеній подлежащими отмѣнѣ, послужило бы только поводомъ къ треніямъ... не могущимъ привести къ практическимъ результатамъ». Значитъ, дѣлайте бухгалтерскую работу, не углубляйтесь въ основанія, а пуще всего избѣгайте всякихъ треній—таковы основные принципы, которые преподаются (кѣмъ?) комиссіи и которыми она, повидимому, намѣрена руководиться. Эти совѣты довольно близки и къ тѣмъ, которые даются официозной *Россіей*, по мнѣнію которой задача Думы не критиковать и контролировать веденіе народнаго хозяйства правительствомъ, болѣе опытнымъ въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ народное представительство, а лишь выражать свое довѣріе къ власти и тѣмъ способствовать упроченію ея кредита, въ особенности за границей. Такія же педагогическія воздѣйствія существуютъ, повидимому, и въ земельной комиссіи, которой также не дано никакихъ указаній отъ Думы. Было предложено, чтобы она прежде всего разсмотрѣла аграрные законы, изданные въ порядкѣ 87 ст. осн. зак. Это было отвергнуто, но потомъ, когда въ комиссію для составленія плана ея работъ приглашены были представители разныхъ правительственныхъ вѣдомствъ, вродѣ гг. Лыкошина и Пестржецкаго, т.-е. защитники ex officio изданныхъ законовъ, комиссія приступила именно къ ихъ разсмотрѣнію и, конечно, при содѣйствіи приглашенныхъ чиновниковъ утвердитъ ихъ безъ всякихъ «треній».

Такой характеръ третьей Думы дѣлаетъ понятнымъ, почему она гораздо меньше, чѣмъ ея предшественницы, возбуждаетъ къ себѣ интереса въ народѣ. Ничего не слышно о томъ моральномъ взаимодѣйствіи между Думой и избирателями, которое было въ первыхъ думахъ, несмотря на препятствія, ставимыя ему правительствомъ. Отъ третьей Думы не только не ждутъ, какъ было раньше, немедленнаго разрѣшенія всѣхъ наболѣвшихъ вопросовъ, немедленнаго удовлетворенія всѣхъ насущныхъ нуждъ, но и вообще ничего не ждутъ. Представленіе о ней ничего не прибавляетъ къ идеѣ правительства вообще. И прежде было въ Петербургѣ начальство, состоящее изъ чиновныхъ генераловъ и крупныхъ помѣщиковъ, которое по своему усмотрѣнію и большему или меньшему благоволенію могло одного

наградить и облагодѣтельствовать, другого наказать и обездолить. Одно время казалось, что на мѣсто этого начальства стало дѣйствительное народное представительство, которое и удовлетворитъ народныя ожиданія, давши народу «землю и волю». Теперь оказалось, что эта надежда отодвинута въ неопредѣленное будущее, а въ Петербургѣ опять начальствуютъ тѣ же генералы и помѣщики. Золотая рыбка изчезла, и осталось разбитое корыто, а на воспоминаніе о несбывшихся надеждахъ наводитъ лишь ликвидація освободительнаго движенія въ формѣ преслѣдованія «заблуждавшихся». Такъ, 15 ноября въ особомъ присутствіи С.-Петербургской судебной палаты слушалось дѣло о всероссійскомъ крестьянскомъ союзѣ. Извѣстно, что въ 1905 году крестьянскій союзъ представлялъ организацію, если не признанную, то во всякомъ случаѣ нисколько не скрывавшую своихъ намѣреній и своей дѣятельности, основной задачей которой былъ переходъ земли въ пользованіе крестьянъ. Къ нему принадлежали тогда и лица изъ интеллигенціи, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цѣлыя массы крестьянскаго населенія. Судились теперь лица, случайно выхваченныя изъ общаго числа участвовавшихъ въ союзѣ. Обвинительный актъ признавалъ преступнымъ самую принадлежность къ союзу, какъ къ противозаконному обществу. Основной вопросъ, поставленный палатою послѣ разбора дѣла, былъ слѣдующій: «Доказано ли, что въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ 1905 года въ Петербургѣ существовало сообщество, поставившее цѣлью своей дѣятельности достиженіе при посредствѣ объединенія крестьянскихъ массъ ниспроверженія существующаго въ государствѣ общественнаго строя, для чего оно призывало крестьянъ къ сплоченію во всероссійскій крестьянскій союзъ для требованія всей земли и всей воли всему народу, уничтоженія частной собственности и созыва учредительнаго собранія, грозя въ противномъ случаѣ всеобщей забастовкой и противодѣйствіемъ законнымъ требованіямъ правительственныхъ властей». Изъ 27 обвиняемыхъ трое не явились, одинъ, Барановъ, потому что уже раньше былъ сосланъ въ Енисейскую губернію; изъ остальныхъ—14 оправданы, восемь присуждены къ заключенію въ крѣпости на время отъ одного года и трехъ мѣсяцевъ, до шести мѣсяцевъ и двое къ отдачѣ въ дисциплинарный батальонъ на годъ и три мѣсяца, съ зачетомъ времени, проведеннаго въ предварительномъ заключеніи. Гораздо болѣе тяжкая участь постигла бывшихъ членовъ соціалъ-демократической фракціи 2-й Думы и другихъ лицъ, обвинявшихся вмѣстѣ съ ними. Дѣло это разсматривалось въ особомъ присутствіи правительствующаго сената съ участіемъ сословныхъ представителей. Несмотря на требованіе большинства подсудимыхъ и ихъ защитниковъ о слушаніи дѣла при открытыхъ дверяхъ, и хотя, казалось бы, для самого правительства должно было быть желательно, чтобы вина подсудимыхъ была несомнѣнно доказанной въ глазахъ всего общества и не могло бы быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что судъ былъ въ данномъ случаѣ дѣйствительно безпристрастнымъ судомъ, а не преслѣдованіемъ подъ видомъ суда политическихъ противниковъ,—дѣло все-таки было разсмотрѣно при закрытыхъ дверяхъ. Вслѣдствіе

этого подсудимые депутаты, кромѣ шести, отказались присутствовать при разборѣ дѣла. Послѣ восьмидневнаго разбора дѣла 1 декабря состоялся приговоръ, которымъ бывшіе депутаты Аникинъ, Анисимовъ, Джанаридзе, Ломтатидзе, Е. А. Петровъ, Сѣровъ, Церетели и Чащинъ присуждены къ каторжнымъ работамъ на 5 лѣтъ, Баташевъ, Бѣлоусовъ, Вагжановъ, Виноградовъ, Головановъ, Кирієнко, Махарадзе, Мироновъ и Юдинъ—къ каторжнымъ работамъ на 4 года, Бѣлановскій, Вовчинскій, Измайловъ, Калининъ, Лопатинъ, Нагихъ, И. А. Петровъ, Прихольскій, Рубанъ и Федоровъ къ ссылкѣ на поселеніе. Изъ обвинявшихся въ принадлежности къ военной организаціи не депутатовъ присуждены: Нина Морозова, Лидія Субботина, Сапоницкій къ каторжнымъ работамъ на 5 лѣтъ, Архиповъ, Колесниковъ, Ковалевъ, Эпштейнъ, Долговъ и Воробьевъ на 4 года, Попокъ и Фишеръ къ ссылкѣ на поселеніе; 11 обвиняемыхъ, въ томъ числѣ 10 депутатовъ, оправданы. 12 декабря, какъ извѣстно, должны предстать передъ судомъ 168 бывшихъ депутатовъ 1-й Думы, обвиняемыхъ въ составленіи и распространеніи Выборгскаго воззванія. Кромѣ массовыхъ каръ цѣлыхъ группъ къ обвиненіямъ въ преступленіяхъ политическаго характера привлекались и были наказаны за послѣднее время очень много отдѣльныхъ лицъ. Кромѣ приговоренныхъ къ смертной казни, въ теченіе послѣдняго сентября были приговорены къ разнымъ другимъ наказаніямъ 1,285 человѣкъ; сверхъ того за то же время привлечено было къ судебной отвѣтственности 23 редактора оппозиціонныхъ изданій и 17 изданій пріостановлено судомъ. Оштрафовано административно на осн. циркуляра 2 іюня 37 редакторовъ на 21,200 руб. и по суду 6 редакторовъ на 1,178 руб. Репрессіи противъ печати въ тѣхъ же размѣрахъ продолжались и въ октябрѣ. Въ этомъ мѣсяцѣ по подсчету *Рѣчи* было 24 случая наложенія штрафовъ, сумма которыхъ достигала 18,000 р. Всѣ эти мѣры не привели однако не только къ водворенію спокойствія въ странѣ, но даже и къ сколько-нибудь замѣтному уменьшенію наиболѣе рѣзкихъ и болѣзненныхъ проявленій смуты. Попрежнему каждый день приноситъ извѣстія о совершающихся по всей Россіи экспропріаціяхъ и грабежахъ, убійствахъ полицейскихъ чиновъ и т. п. Не прекратились и покушенія на представителей высшей администраціи: въ октябрѣ былъ убитъ начальникъ главнаго тюремнаго управленія Максимовскій и было произведено покушеніе на вятскаго губернатора, князя Горчакова, а 21 ноября совершено въ Москвѣ покушеніе на московскаго генералъ-губернатора генерала Гершельмана. Все это не указываетъ на успокоеніе; но конечно, когда надежда на исполненіе ожиданій уходитъ далеко, то всякій, вовсе не удовлетворяясь настоящимъ и не отказываясь отъ своихъ идеальныхъ требованій, старается временно какъ-нибудь устроиться, потому что надо же какъ-нибудь жить. И это обращеніе къ непосредственнымъ житейскимъ задачамъ при поверхностномъ наблюденіи можетъ сойти за успокоеніе. Нѣтъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, ничто, даже самая жизнь не обезпечена, но люди приспособляются и къ такому положенію и живутъ со дня

на день, какъ на войнѣ, или какъ американскіе піонеры на дальнемъ западѣ во времена Купера. Но такое приспособленіе не дѣлаетъ положенія вещей нормальнымъ, не дѣлаетъ и принужденныхъ къ нему людей довольными, а сверхъ того ведетъ къ пониженію общей культуры, такъ что всякое потрясеніе, всегда возможное и вѣроятное при такомъ неустойчивомъ равновѣсіи общества, угрожаетъ выразиться въ самыхъ грубыхъ и некультурныхъ формахъ. Если бы еще матеріальная обстановка нашей народной жизни располагала къ спокойному ожиданію будущихъ улучшеній; а то и этого нѣтъ. Самыя первоначальныя нужды народа грозятъ остаться безъ удовлетворенія. Предполагалось, что въ нынѣшнемъ году не будетъ по крайней мѣрѣ голода. Но, кажется, и этотъ разсчетъ не оправдается, такъ какъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ неурожай оказывается не только въ юго-западномъ краѣ, гдѣ онъ предполагался и раньше, но и въ нѣкоторыхъ частяхъ центральной черноземной полосы, какъ въ уѣздахъ Калужской, Тульской и Тамбовской губерній, а также въ поволжскомъ районѣ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Самарской губерніи. Изъ Саратовской губерніи, откуда шелъ слухъ о прекрасномъ урожаѣ озимыхъ хлѣбовъ, получились потомъ извѣстія о неурожаѣ яровыхъ, что сдѣлало экономическое положеніе населенія крайне ненадежнымъ, такъ что весна грозитъ настоящимъ голодомъ. Еще болѣе тревожныя извѣстія идутъ изъ Вятской губерніи, гдѣ лишь по восьми уѣздамъ недостатокъ продовольствія исчисляется въ 13 милліоновъ пудовъ. Нужда принимаетъ острый характеръ и въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ; въ послѣдней уже начинаютъ вмѣсто хлѣба питаться разными суррогатами. Словомъ, открывается обычная картина повсемѣстнаго недорода и голода. Потребуются опять многіе милліоны продовольственной помощи, но они, конечно, не возстановятъ экономическаго благосостоянія деревни, которое продолжаетъ неудержимо падать, особенно если, какъ это дѣлается теперь во многихъ губерніяхъ, одновременно съ продовольственной помощью будетъ производиться принудительное взысканіе прежнихъ недоимокъ. Извѣрившееся въ возможность измѣненія своей участи въ существующихъ условіяхъ населеніе массами стремится въ Сибирь: никогда еще переселенческій потокъ не достигалъ такихъ размѣровъ, какъ въ послѣднее время. По свѣдѣніямъ челябинскаго регистраціоннаго пункта, за первое полугодіе 1907 года въ области Азіатской Россіи прослѣдовало 432,601 чел. переселенцевъ, считая въ томъ числѣ 119,728 ходоковъ. Но и эта масса людей, вслѣдствіе неподготовленности Сибирскихъ и Дальне-Восточныхъ мѣстностей для поселенія, оказывается въ такомъ тяжеломъ положеніи, которое иной разъ еще хуже того, какое было для нихъ на родинѣ. Между тѣмъ переселеніе, раньше сдерживаемое и запрещаемое, теперь поощряется, потому что въ немъ видятъ суррогатъ увеличенія крестьянскаго землевладѣнія на мѣстахъ. Все клонится къ одной цѣли—охраненію 130 тысячъ помѣщиковъ. И конечно, нынѣшняя помѣщичья Дума не можетъ имѣть другой политики. Чтобы бороться съ этимъ, надо организовать народную

силу, и въ этомъ должна заключаться въ настоящее время главная задача прогрессивной интеллигенціи—задача крайне трудная, такъ какъ приходится начинать все сызнова и при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ.

В. Линдъ.

Въ концѣ ноября въ Москвѣ очень задушевно былъ отпразднованъ сорокалѣтній юбилей литературной дѣятельности Николая Николаевича Златовратскаго. Истинный поэтъ русскаго народничества, Николай Николаевичъ посвятилъ свое творчество изображенію положительныхъ «устоевъ» крестьянскаго быта, привлекательныхъ сторонъ крестьянской души. Быть можетъ, онъ не избѣгнулъ при этомъ нѣкоторой идеализаціи, но за этой идеализаціей чувствовался горячій протестъ противъ переполнившей нашу жизнь соціальной неправды.

Редакція *Русской Мысли* присоединяетъ свой голосъ къ общему хору привѣтствій тому, кто внесъ столь многоцѣнный вкладъ въ сокровищницу нашего демократическаго движенія.

Ред.

Памяти А. Н. Турчанинова.

Скончавшійся 9 ноября 1907 года въ Петербургѣ присяжный повѣренный Александръ Николаевичъ Турчаниновъ былъ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей русской адвокатуры. Одинъ изъ творцовъ Судебныхъ Уставовъ императора Александра II (А. Н. былъ членомъ комиссіи по обсужденію новыхъ правилъ уголовнаго судопроизводства), покойный болѣе сорока лѣтъ служилъ имъ вѣрой и правдой и какъ широкообразованный и вдумчивый адвокатъ-цивилистъ и какъ выдающійся защитникъ въ политическихъ процессахъ, въ громадномъ большинствѣ которыхъ, начиная съ знаменитаго Каракозовскаго дѣла, онъ принималъ видное участіе. Съ 1866 года, года своего вступленія въ Петербургское адвокатское сословіе, и до послѣднихъ лѣтъ Александръ Николаевичъ, пользовавшійся общей любовью и уваженіемъ своихъ товарищей, постоянно избирался на разныя должности по совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, причемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ совѣта; вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ Николаевичъ былъ однимъ изъ основателей и неизмѣнныхъ руководителей столь полезныхъ для молодыхъ адвокатовъ конференцій помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Смерть Александра Николаевича Турчанинова вызвала цѣлый рядъ оцѣнокъ его дѣятельности и характера. Всѣми единодушно отмѣчались крупныя его достоинства какъ человѣка и какъ общественнаго дѣятеля, восхвалялась его эрудиція, доброта, скромность, подчеркивалась кристальная чистота его души. Повидимому, покойному воздано было должное... Но, кому выпало на долю счастье ближе присмотрѣться къ Александру Николаевичу, ближе узнать его, въ томъ некрологи эти оставляли чувство нѣкоторой неудовлетворенности... Въ нихъ пространные перечни добродѣтелей заслоняли собою живой обликъ Александра Николаевича, а за этими перечнями не видно иногда того, что было безсмертнаго въ человѣкѣ, бренные останки котораго мы съ скорбью предали на-днѣхъ землѣ.

Пишущій эти строки хотѣлъ бы указать, что въ Александрѣ Николаевичѣ гармонически сочетались два рѣдко совмѣстимыхъ крупныхъ достоинства: онъ былъ не только добродѣтельный, но и плѣнительный человѣкъ. Его добродѣтели не были продуктомъ настойчивыхъ усилій воли и ума,

упорнаго самовоспитанія, онѣ были органической частью его крѣпкаго нравственнаго существа, неизбѣжнымъ, я бы сказалъ—невольнымъ проявленіемъ рѣдкой красоты его чистаго сердца: свои обязанности Александръ Николаевичъ исполнялъ съ радостнымъ воодушевленіемъ, свои добрыя дѣла творилъ съ безшумной простотой, и благодаря этому вокругъ его личности создавалась особая нравственная атмосфера, вызывавшая душевный подъемъ во всѣхъ, кто имѣлъ счастье такъ или иначе съ нимъ соприкасаться.

Мы судимъ человѣка по его дѣламъ, но любимъ его за его сердце, и только въ мѣру этой любви подчиняемся его вліянію. Слова и поступки Александра Николаевича отличались однимъ совершенно исключительнымъ свойствомъ: они были подлинные; за каждымъ изъ нихъ чувствовалась живая личность, живое человѣческое сердце... Вотъ почему Александръ Николаевичъ былъ незамѣнимымъ воспитателемъ не только для своихъ помощниковъ, не только для своихъ товарищей, но для всѣхъ, кому довелось встрѣтиться съ нимъ на жизненномъ пути.

За время продолжительнаго существованія европейской культуры наше представленіе о «добродѣтельномъ человѣкѣ» сложилось вполнѣ прочно; опредѣлился также и обязательный для «добродѣтельнаго человѣка» катехизисъ. Но догматы этого катехизиса въ практическомъ своемъ примѣненіи даже добродѣтельными людьми обнаружили такую гибкость и эластичность, которыя въ значительной степени лишаютъ ихъ практическаго значенія, Александръ же Николаевичъ былъ ихъ полнымъ и живымъ воплощеніемъ.

«Подчиняй личное общему», вотъ первый изъ этихъ догматовъ. Въ Александрѣ Николаевичѣ этотъ догматъ съ рѣдкой послѣдовательностью воплотился прежде всего въ его безграничномъ, истинно христіанскомъ безкорыстіи. Считая защиту чужого права своей общественной обязанностью, Александръ Николаевичъ допускалъ лишь минимальное, на взглядъ громаднаго большинства ничтожное вознагражденіе за исполненіе своей обязанности и не соглашался на увеличеніе этого минимума даже въ самые тяжелые въ матеріальномъ отношеніи моменты своей жизни. Въ результатѣ, участникъ цѣлаго ряда милліонныхъ гражданскихъ процессовъ, консультантъ богатѣйшихъ общественныхъ и частныхъ учрежденій, видный адвокатъ, одно имя котораго само по себѣ представляло реальную и очень крупную цѣнность и при этомъ человѣкъ весьма скромной жизни, поражавшій всѣхъ полнымъ отсутствіемъ личной требовательности, Александръ Николаевичъ, сошелъ въ могилу послѣ 40 лѣтъ адвокатской дѣятельности, не оставивъ послѣ себя въ буквальномъ смыслѣ этого слова никакихъ средствъ.

Но не въ одномъ безкорыстіи проявлялась способность Александра Николаевича жертвовать личнымъ для общаго; съ неменьшей силой она сказывалась и въ постоянномъ, никогда не измѣнявшемъ ему сочувственномъ отношеніи къ ближнему.

Судьба не щадила А. Н. и въ личной его жизни непрестанно наносила ему жестокіе удары; но какъ бы болѣзненно ни отзывались эти удары въ его сердцѣ, оно всегда оставалось открытымъ не только для состраданія чужому горю, но и для благожелательнаго сочувствія чужимъ радостямъ.

Говорить о томъ, какъ свято исполнялъ А. Н. свой долгъ, какъ широко понималъ онъ свои обязанности и какъ легко и охотно забывалъ о своихъ собственныхъ правахъ,—мы имѣемъ въ виду другой догматъ того катехизиса, о которомъ упомянуто было выше,—значило бы давать подробную его біографію, значило бы изображать шагъ за шагомъ дѣятельность А. Н., какъ стойкаго борца за право и человѣческое достоинство, какъ судьи, какъ руководителя сословія присяжной адвокатуры и одного изъ главныхъ творцовъ сословной этики... Для этого не настало еще время.

«Учись находить награду за добродѣтель въ ней самой», — таковъ третій обязательный для избранниковъ догматъ. Александру Николаевичу этому учиться не приходилось, онъ отличался врожденной неспособностью къ ассоціаціи добродѣтели съ наградой. Члены Петербургской присяжной адвокатуры живо помнятъ, какъ въ тѣ моменты, когда А. Н. неизбѣжно становился предметомъ усиленнаго вниманія со стороны своихъ товарищей, въ моменты юбилейныхъ и другихъ торжествъ, когда адвокаты восторженно привѣтствовали своего старѣйшину, А. Н. принималъ самыя энергичныя мѣры къ быстрому перемѣщенію изъ центра къ периферіямъ и всегда стремился къ стѣнкѣ, гдѣ казался себѣ самому лучше защищеннымъ отъ бурныхъ проявленій уваженія и любви своихъ почитателей.

Не могу не отмѣтить еще одного исключительно рѣдкаго достоинства Александра Николаевича: его истинно свободнаго демократизма въ отношеніяхъ къ людямъ. Обладаніе добродѣтелями не для всѣхъ проходитъ безнаказанно: «избранникамъ» нерѣдко трудно бываетъ отрѣшиться отъ сознанія собственнаго превосходства надъ своими ближними, и нѣкоторое высокомѣріе, нѣкоторое предубѣжденіе по отношенію къ среднему человѣку является обычнымъ спутникомъ высокихъ душевныхъ качествъ. Для Александра Николаевича не существовало дѣленія людей на разряды: національныя различія имѣли для него такъ же мало значенія, какъ и сословное или общественное положеніе; въ каждомъ человѣкѣ онъ умѣлъ видѣть и цѣнить брата.

Видный юристъ, крупный судебный дѣятель, выдающійся представитель и руководитель петербургской адвокатуры, Александръ Николаевичъ, несомнѣнно, займетъ почтенное мѣсто въ исторіи русской общественности.

Его вліяніе какъ человѣка труднѣе поддается учету и опредѣленію, тѣмъ не менѣе оно было громадно, и, думается мнѣ, именно это-то вліяніе и обезпечитъ памяти о немъ еще бо́льшую прочность въ сердцахъ современниковъ и потомковъ.

С. Я. Шкляверъ.

Иностранная политика.

Македонія и Европа.

Съ какими многочисленными и разнообразными ассоціаціями связано у европейскаго читателя имя этой страны. Въ мучительной проблемѣ Ближняго Востока Македонія играетъ въ настоящее время едва ли не центральную роль. Берлинскій конгрессъ, признавшій самостоятельную Болгарію, ничего не сдѣлалъ для Македоніи, и европейская дипломатія какъ-то особенно склонна была считать, что всякое измѣненіе въ положеніи этой страны угрожаетъ крупными пертурбаціями на Дальнемъ Востокѣ; съ другой стороны—народы Македоніи тѣмъ тяжелѣе переносили свое положеніе, чѣмъ яснѣе они видѣли контрастъ между ними и политической независимостью Греціи, Болгаріи и Сербіи. И это противорѣчіе между европейской дипломатіей и мѣстными стремленіями тѣмъ болѣе обострялось, чѣмъ болѣе руководящую роль въ дѣлахъ Ближняго Востока занимала Германія съ ея послѣдовательнымъ и безпощаднымъ туркофильствомъ.

Между тѣмъ, однако, оказывалось, что и сохраненіе statu quo невозможно. Анархія въ странѣ росла, естественная солидарность, связующая болгарское населеніе Македоніи и княжества, едва не привела къ турецко-болгарской войнѣ. Кромѣ того, что здѣсь создавался очагъ международныхъ осложненій, все это пагубно отражалось на экономической жизни страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на интересахъ европейской торговли,—интересахъ, которые сдѣлались достаточно существенны съ проведеніемъ желѣзной дороги до Салоникъ. Вотъ что мы читаемъ въ отчетѣ англійскаго консула за 1903 г.: «ввозъ и вывозъ оказались болѣе значительными, этотъ процессъ объясняется менѣе тревожнымъ состояніемъ страны въ теченіе первой половины года, но въ особенности превосходнымъ урожаемъ. Надѣялись, что къ концу года наступитъ больше оживленія въ дѣлахъ, но эта надежда оказалась совершенно ложной. Воображать, что въ этой странѣ воцарилась большая безопасность, и что торговля пойдетъ вслѣдствіе этого въ гору, какъ думали въ нѣкоторыхъ кругахъ, значитъ предаваться смѣшному оптимизму. Нѣтъ ничего болѣе далекаго отъ истины:

безопасности въ Македоніи такъ же мало, какъ и всегда было, и торговля кажется улучшившейся лишь по сравненію съ весьма плохимъ 1903 г.» Такимъ образомъ въ отношеніи европейской дипломатіи и Македоніи мы видимъ два мотива—съ одной стороны, стремленіе оставить statu quo, съ другой стороны—смягчить его извѣстными реформами, которыя, не нарушая существеннаго права Турціи, всетаки внесутъ нѣкоторое умиротвореніе въ страну. И въ этомъ отношеніи можно отмѣтить характерное различіе между политикой, проводимой отдѣльными государствами. Наиболѣе энергично интересы сохраненія власти Турціи всегда отстаивала Германія. Наибольшую готовность идти въ Македоніи по пути реформъ выказывала Англія, къ которой склонялась постепенно Франція и Италія. Двѣ державы, имѣющія наибольшіе интересы на Ближнемъ Востокѣ, Россія и Австро-Венгрія стремились въ своей политикѣ совмѣстить обѣ тенденціи, но онѣ шли обычно охотнѣе по пути, представленномъ Германіей, чѣмъ Англіей; при этомъ, что важнѣе всего, между Россіей и Австро-Венгріей на почвѣ балканской политики обрисовалась извѣстная солидарность.

На первый взглядъ она могла казаться странной. Вѣдь Австрія вмѣстѣ съ Англіей всегда съ особеннымъ недовѣріемъ смотрѣли на возможное преобладаніе Россіи въ балканскихъ странахъ. Вѣдь чтобы не спускаться къ крымской войнѣ, во время русско-турецкой войны, Австрія совершенно опредѣленно держала сторону Турціи, и въ исторіи туркофильской политики имя Андраши можетъ смѣло встать рядомъ съ именемъ лорда Биконсфильда. Но общеевропейская коньюнктура измѣнилась радикально. Англія изъ покровительницы высокой Порты обратилась въ страну, которая внушаетъ наибольше недовѣрія и даже ненависти въ Стамбулѣ,—ненависти, передъ которой померкла традиціонная вражда съ Россіей. И въ Арменіи, и въ Македоніи, и въ Греціи Англія склонна поддерживать интересы народностей, съ которыми Турція борется. Съ другой стороны, въ Россіи наступило несомнѣнно нѣкоторое разочарованіе въ ея традиціонной балканской политикѣ, слишкомъ труднымъ оказалось сохранить вліяніе на самостоятельныя славянскія государства, и эта трудность особенно проявилась на примѣрѣ Болгаріи. Далѣе, чѣмъ больше интересы русской внѣшней политики перемѣщались въ сторону Дальняго Востока, чѣмъ грандіознѣе были замыслы и чѣмъ на большія затраты были они разсчитаны, тѣмъ необходимѣе, казалось, не принимать чрезмѣрныхъ обязательствъ и не вести слишкомъ притязательной политики въ районѣ Ближняго Востока. Всякое серьезное нарушеніе здѣсь statu quo неминуемо должно было бы отразиться на всѣхъ европейскихъ отношеніяхъ и такая пертурбація оказывалась бы вовсе несвоевременной въ минуты, когда Россія сосредоточивала свое вниманіе въ Восточной Азіи. Здѣсь можно было сойтись и съ Австріей, которая хотя и слѣдовала за Германіей, но не могла не чувствовать нѣкотораго страха передъ тѣмъ, что̀ естественно казалось началомъ настоящаго мирнаго, но тѣмъ не менѣе весьма дѣйствительнаго завоеванія нѣмцами Турціи. Прошли тѣ времена, когда Бисмаркъ, направляя Австрію по пути

къ Босфору и Дарданеллы, готовъ былъ дать ей carte blanche. Въ настоящую минуту Германія стремится не только къ Босфору, но и черезъ Босфоръ, черезъ Малую Азію, Месопотамію въ водамъ Персидскаго залива: она уже готова видѣть въ передней Азіи обѣтованную землю для своей колонизаціи, своей промышленности, своей торговли.

Такъ встрѣтились двѣ извстари соперничающія страны, Россія и Австрія, и такъ начались въ частности ихъ солидарныя дѣйствія относительно Македоніи.

Первое соглашеніе между Россіей и Австріей было заключено въ 1897 г.; оно заключало въ себѣ взаимное обязательство не измѣнять ничего въ картѣ Балканскаго полуострова. Соглашеніе это было всецѣло въ интересахъ Турціи, которая въ то же время на глазахъ Европы могла производить разгромъ Арменіи; но, даже не беря его съ точки зрѣнія высшихъ интересовъ человѣчности, приходится отмѣтить, что въ немъ сказалась весьма обычная ошибка европейской дипломатіи. Представители державъ часто готовы были думать, будто одного ихъ властнаго слова было достаточно, чтобы удержать броженіе между народностями, несущими всю тяжесть турецкаго владычества. Въ дѣйствительности, въ Македоніи анархія продолжается и растетъ; очевидно, при существующемъ положеніи оставаться невозможно. Въ концѣ 1902 г. французскіе дипломатическіе представители въ Софіи и Константинополѣ указывали въ своихъ pro memoria на необходимость выработать, съ одной стороны, систему серьезныхъ реформъ для Македоніи и съ другой—поставить выполненіе этихъ реформъ подъ реальный контроль Европы. Встревоженный султанъ, который болѣе всего опасался контроля, учредилъ соотвѣтствующія комиссіи о преобразованіяхъ и въ знакъ миролюбивыхъ пожеланій далъ амнистію македонскимъ инсургентамъ. Очевидно, онъ заботился не столько о Германіи, которая и безъ этихъ мѣръ безусловно его поддерживала, сколько объ Австріи и Россіи, которыя, при всей благосклонности къ султану, считали необходимыми извѣстныя уступки. И дѣйствительно, повидимому, дипломатія обѣихъ странъ была этимъ удовлетворена; изъ Петербурга давались настойчивыя указанія въ Софію и Бѣлградъ относительно необходимости сохранить спокойствіе и терпѣливо ждать реформъ со стороны самой Турціи. Между тѣмъ послѣдовали въ теченіе 1903 г. довольно энергичныя указанія Англіи, за которой слѣдуютъ Франція и Италія; эти указанія придаютъ и новый характеръ и австро-русскому соглашенію. Въ концѣ 1903 г. лордъ Ландсдоунъ выработалъ программу измѣненія въ режимѣ Македоніи, которую онъ однако хотѣлъ не противопоставить солидарному австро-русскому воздѣйствію на Балканскомъ полуостровѣ, а добиться, напротивъ того, дѣятельнаго сочувствія обѣихъ державъ къ плану дѣйствительныхъ реформъ. Въ этой программѣ предлагалось назначеніе въ Македонію генералъ-губернатора изъ христіанъ, отправка европейскихъ офицеровъ, которые должны стать во главѣ реорганизованной арміи, причемъ изъ Македоніи должны быть удалены всѣ иррегулярныя турецкія войска; ссылки

представителя отъ каждой изъ шести великихъ державъ, который долженъ сообщать о дѣйствительномъ положеніи страны; наконецъ, продовольственная помощь населенію. Эта программа послужила канвой для мюрцштегскаго соглашенія Австріи и Россіи; послѣднее однако во многихъ существенныхъ пунктахъ стояло на почвѣ гораздо большаго компромисса съ турецкими притязаніями. Стремленіе совмѣстить несовмѣстимое—внести успокоеніе въ Македоніи, не нарушая коренныхъ образомъ права турецкаго владычества—и было главной причиной безплодности мюрцштегскаго договора.

Вмѣсто генералъ-губернатора изъ христіанъ—Россія и Австрія предлагали назначить при «инспекторѣ реформъ» Хильми Пашѣ особыхъ гражданскихъ агентовъ, представителей этихъ странъ, которые обязаны всюду сопровождать главнаго инспектора, обращать его вниманіе на нужды христіанскаго населенія, указывать на злоупотребленія мѣстныхъ властей, передавать соотвѣтствующія представленія пословъ въ Константинополѣ и доносить своимъ правительствамъ обо всемъ происходящемъ въ Македоніи. Далѣе имѣлось въ виду реорганизовать жандармерію, причемъ эта задача должна быть возложена на генерала иностранной національности. Территоріальное разграниченіе административныхъ единицъ, пріуроченное къ племеннымъ элементамъ отлагалось до умиротворенія страны, какъ и реформа административныхъ и судебныхъ учрежденій. Было бы желательно—мюрцштегская программа, не употребляя болѣе твердаго выраженія—открыть доступъ къ должностямъ христіанамъ и создать мѣстное самоуправленіе (il sérait désirable d'ouvrir l'accès aux chrétiens indigènes et de favoriser le développement des autonomies locales). Напротивъ того, въ ближайшее время требовалось учрежденіе смѣшанныхъ коммиссій въ главномъ центрѣ вилайета,—коммиссій, образованныхъ изъ христіанъ и мусульманъ въ равномъ числѣ для разбора дѣлъ по политическимъ преступленіямъ; въ эти коммиссіи должны войти также представители Россіи и Австро-Венгріи. Другого рода коммиссіи, и также при участіи представителей Россіи и Австріи, должны были заняться распредѣленіемъ суммъ, которыя обязано выплачивать турецкое правительство для водворенія вновь христіанскихъ семействъ, скрывшихся въ Болгаріи, для возстановленія разрушенныхъ церквей и школъ. Въ христіанскихъ селеніяхъ, выжженныхъ турецкими войсками, жители должны быть освобождены въ теченіе года отъ уплаты налоговъ. Въ заключеніе мюрцштегское соглашеніе напомнило Портѣ о ея обязательствѣ безъ дальнѣйшихъ отсрочекъ приступить къ реформамъ.

Эти требованія не были широкими, но первое извѣстіе о нихъ произвело все-таки нѣкоторое впечатлѣніе въ странѣ. Ходили слухи, которые передавались и дипломатическими кругами, что македонскіе революціонные комитеты рѣшили воздерживаться отъ активныхъ выступленій и ждать организаціи жандармеріи; революціонеры совѣтовали населенію поступать въ полицію и жандармы и не противиться реформамъ. Вообще представители европейской дипломатіи разсчитывали, что весна 1907 г. можетъ пройти въ Македоніи сравнительно спокойно. Съ другой стороны Турція, повидимому,

поощряемая Германіей, относилась весьма несочувственно ко всему, что могло явиться въ какой-нибудь мѣрѣ контролемъ надъ ея дѣйствіями. Въ частности она утверждала, что ей одной можетъ принадлежать рѣшеніе относительно преобразованія жандармеріи, а продовольственныя средства должны распредѣляться не только между христіанами, но и мусульманскимъ населеніемъ.

Вслѣдъ за введеніемъ мѣръ, обезпечивающихъ элементарную безопасность, должна была быть выработана финансовая реформа. Главная цѣль ея заключалась въ томъ, чтобы средства, собираемыя въ македонскомъ вилайетѣ, прежде всего покрывали мѣстныя административныя потребности, которыя оставались въ полнѣйшемъ пренебреженіи; это достигалось бы помѣщеніемъ всѣхъ суммъ, взимаемыхъ съ населенія, въ мѣстныя отдѣленія оттоманскаго банка; это помѣщеніе и ихъ расходованіе должно было производиться подъ непосредственнымъ контролемъ христіанъ. Турція же хотѣла во что бы то ни стало не допускать этого контроля и вмѣсто него просила поднять ввозныя пошлины на 3%. Но такая мѣра естественно затрогивала интересы общеевропейской торговли и не встрѣтила никакого сочувствія въ державахъ. Всѣ онѣ признавали финансовый контроль неизбѣжнымъ, и разногласія могли касаться лишь вопроса, насколько онъ долженъ ограничивать права Порты. Россія и Австро-Венгрія и здѣсь готовы были помириться на меньшемъ, чѣмъ то, что предлагала Англія.

Интересны, конечно, не столько эти программы, выработанныя въ кабинетахъ посольствъ и министерства иностранныхъ дѣлъ; интересно прежде всего ихъ реальное осуществленіе. Какъ отразились онѣ на жизни страны? Если вѣрить отчету русскаго посольства въ Константинополѣ (*Прав. Вѣстн.*, 1904 г., № 253), «результаты, достигнутые за немного мѣсяцевъ, позволяютъ предвидѣть еще большіе успѣхи въ будущемъ. Населеніе привыкло обращаться къ гражданскимъ агентамъ; привыкло видѣть въ нихъ своихъ защитниковъ, они вездѣ были принимаемы съ довѣріемъ и уваженіемъ и пользовались при исполненіи лежащихъ на нихъ задачъ содѣйствіемъ. Чувство возрастающей обезпеченности личныхъ и имущественныхъ правъ еще болѣе окрѣпло у жителей этихъ подвергшихся испытаніямъ странъ съ пріѣздомъ офицеровъ, призванныхъ къ преобразованію жандармеріи, объ увеличеніи состава которой въ настоящее время идетъ рѣчь». Далѣе отмѣчалось улучшеніе экономическаго положенія края, возобновленіе полевыхъ работъ и ростъ торговли. Нельзя, конечно, это объяснять однимъ примѣненіемъ мюрцштегской программы—тутъ дѣйствовали и хорошій урожай, и миролюбіе основной массы населенія, и данная амнистія; но все позволяетъ глядѣть на будущее съ достаточнымъ оптимизмомъ. Однако это оптимистическая картина, сопровождается характерными оговорками. Съ одной стороны, спокойствіе революціонныхъ комитетовъ не должно обманывать относительно ихъ истинныхъ намѣреній; это спокойствіе временное и вынужденное отчасти энергичными мѣрами болгарскаго правительства. Съ другой стороны, отчетъ не проходитъ мол-

чаніемъ личнаго противодѣйствія, которое попрежнему оказывается введенію реформъ; личный составъ администраціи не отказывается отъ прежнихъ злоупотребленій. И далѣе говорится: «оттоманское правительство рискуетъ вызвать для него результаты самые прискорбные, если необдуманно будетъ поддерживать это стремленіе вмѣсто того, чтобы оказать добросовѣстную поддержку дѣлу прогресса и мира».

Эти оговорки могутъ въ читателѣ, сколько-нибудь привыкшемъ обращаться съ дипломатическими документами, вызвать мысль, что осуществленіе мюрцштегской программы въ гораздо большей степени парализуется двойной оппозиціей революціонеровъ и правительства, чѣмъ можно вывести изъ текста сообщенія. Прежде всего, повидимому, контроль европейскихъ представителей въ высшей степени преувеличенъ. Положеніе дѣлъ въ Македоніи было таково, что оно требовало не контроля, а облеченья высшей административной властью лица, не воспитаннаго въ традиціяхъ турецкой власти и достаточно самостоятельнаго. Такимъ человѣкомъ отнюдь не могъ быть Хильми-паша при всѣхъ его добрыхъ намѣреніяхъ. Вся администрація была единодушна въ желаніи избавиться отъ европейскаго контроля. Реорганизація жандармеріи также шла крайне неудовлетворительно. Миссія эта державами была предоставлена итальянскому генералу Деджіорджису. Выборъ оказался не изъ самыхъ удачныхъ; черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего прибытія генералъ обратился въ послушное орудіе воли султана. Онъ вполнѣ заслужилъ имя Деджіорджиса-паши, которое турки дали ему изъ любезности, а македонскіе христіане—иронически. Какъ мы можемъ видѣть, напримѣръ, изъ инструкціи французскаго посла въ Константинополѣ, полковнику французской службы Веранду, бывшему сотруднику Деджіорджису, эта крайняя податливость вызвала рѣзкія нападки даже въ дипломатическомъ мірѣ, тѣмъ болѣе, что турецкое правительство открыто не исполняло мюрцштегской программы и по всѣмъ вообще пунктамъ. Такъ, оно обязалось дать въ жандармеріи мѣсто христіанамъ пропорціонально отношенію ихъ къ общему числу населенія Македоніи; между тѣмъ въ этой жандармеріи мусульманъ оказывается болѣе 80%, тогда какъ среди населенія Македоніи они составляютъ менѣе 40%. Нечего удивляться, что неопредѣленныя указанія программы на необходимость измѣнить административное дѣленіе сообразно съ этнографическимъ составомъ не получили осуществленія.

Совершенно мертвой буквой осталось положеніе программы, чтобы на будущее время и христіане допускались къ должностямъ наравнѣ съ мусульманами. Наконецъ, не лучше обстояло и съ мѣрами гуманитарнаго характера. Крестьянинъ, у котораго сожжена была изба, получалъ 10—20 франковъ; но очевидно такая помощь весьма близко подходила къ насмѣшкѣ, и это еще въ лучшемъ случаѣ: множество не получило ничего. А вѣдь считалось, что въ Македоніи сожжено около 1,000 жилищъ. Что касается до обязательства, которое дало турецкое правительство, не взимать налоги въ

пострадавшихъ деревняхъ, то оно также осталось невыполненнымъ. Сборщикъ податей бралъ даже у македонскихъ крестьянъ полученныя ими отъ англійскаго благотворительнаго общества средства. Такимъ образомъ программа реформъ оказалась совершенной неисполненной. При такихъ условіяхъ нельзя было разсчитывать на прекращеніе дѣятельности революціонныхъ организацій—болгарскихъ, сербскихъ и греческихъ. Недостаточно сильныя, чтобы низвергнуть владычество Турціи, онѣ оказались, однако, въ состояніи не допустить какой-нибудь прочный порядокъ. Лучшимъ союзникомъ для нихъ была укрѣпившаяся среди населенія вѣра, что воздѣйствіе державъ для Македоніи не даетъ ничего. Естественно, что дипломатическія сообщенія говорятъ о нихъ съ крайнимъ раздраженіемъ; они готовы объяснить все ихъ вліяніе терроромъ, который они наводятъ на македонскихъ крестьянъ; но рядомъ съ этимъ они признаютъ, что временные участники партизанскихъ экспедицій послѣ окончанія ихъ возвращаются домой и входятъ въ ряды мирнаго населенія, которое ихъ укрываетъ. Подавить революціонное броженіе въ Македоніи не могутъ ни дѣйствія въ самой странѣ, ни требованія, обращенныя великими державами въ Софію, Бѣлградъ и Аѳины—требованія обуздать единоплеменниковъ. Съ другой стороны, упорство Турціи шло гораздо дальше самыхъ пессимистическихъ ожиданій. Вопросъ о финансовомъ контролѣ привелъ къ извѣстной морской демонстраціи, на которую въ принципѣ заявила свое согласіе даже Германія, ограничившись, впрочемъ, моральнымъ содѣйствіемъ за отсутствіемъ у нея военныхъ судовъ, которыя бы стояли въ Средиземномъ морѣ. Лишь эта митиленская демонстрація вынудила у Порты въ концѣ 1905 года согласіе на учрежденіе международной финансовой комиссіи. Но кромѣ своихъ непосредственныхъ результатовъ эта демонстрація имѣла важныя послѣдствія: она еще разъ напомнила Европѣ о македонскомъ вопросѣ. Особенно энергично раздавались голоса изъ Италіи и Франціи въ пользу болѣе дѣятельнаго вмѣшательства. Въ Англіи еще въ концѣ 1906 года депутатъ Стивенсъ въ нижней палатѣ и лордъ Ньютонъ въ верхней интерпеллировали правительство по поводу невозможнаго положенія Македоніи. Англійское министерство иностранныхъ дѣлъ отвѣтило съ извѣстной сдержанностью, ссылаясь на роль дружественныхъ державъ, отъ которой Англія не можетъ слишкомъ отдѣляться; но и оно указывало, что положеніе страны не только противорѣчитъ человѣколюбію, но и составляетъ постоянную угрозу для общеевропейскаго мира. Во Франціи большое впечатлѣніе произвели разоблаченія депутата Мессими, явившіяся результатомъ его путешествія по Македоніи. И здѣсь и тамъ симпатіи къ Македоніи напоминаютъ сочувствіе къ Арменіи въ мрачную эпоху сассунской рѣзни; но здѣсь пробивало себѣ дорогу убѣжденіе, что путь, на который стали державы, заключившія мюрцштегское соглашеніе—почти безплоденъ.

Въ 1906 году въ русской внѣшней политикѣ совершился весьма крупный переломъ. Онъ былъ въ извѣстной мѣрѣ естественнымъ результатомъ

русско-японской войны, и сущность его заключалась въ сближеніи съ Англіей и въ отказѣ отъ всякой имперіалистической программы на Дальнемъ Востокѣ. Новая конъюнктура и закрѣпилась русско-японской и англо-русской конвенціями 1904 г. Естественно, эта перемѣна должна была сказаться и на отношеніи Россіи къ Ближнему Востоку; теперь можно было ему посвятить гораздо большее вниманія, такъ какъ самая область внѣшнихъ интересовъ Россіи значительно суживалась; съ другой стороны, новая близость съ Англіей, побѣда надъ традиціонными предубѣжденіями давали Россіи гораздо большую самостоятельность относительно Германіи. Конечнымъ выводомъ отсюда было бы, что Россія и въ македонскомъ вопросѣ пойдетъ по пути расширенія программы, по пути, на которомъ обезпечено сочувствіе Франціи и Англіи.

Между тѣмъ въ этой странѣ продолжается состояніе крайней неопредѣленности. Легко конечно всю вину приписывать революціоннымъ бандамъ. Такъ естественно склоненъ изображать дѣло Хильми-паша. Еще нынѣшнимъ лѣтомъ нѣкоторую сенсацію произвело его интервью, данное имъ корреспонденту *Deutsches Volksblatt;* онъ увѣрялъ, что подготовка къ административной и судебной реформѣ идетъ энергично, что между гражданскими агентами державъ господствуетъ полное единодушіе; единственное, что должны безотлагательно сдѣлать великія державы въ смыслѣ умиротворенія Македоніи, это снова воздѣйствовать на государства Балканскаго полуострова и заставить ихъ съ своей стороны принимать мѣры противъ македонскихъ бандъ. Въ нѣкоторомъ противорѣчіи со сказаннымъ стояли слова Хильми-паши, что банды въ общемъ разгромлены, что турецкія войска готовы нанести имъ послѣдній ударъ.

Что эти банды—будутъ ли онѣ революціонными, или просто разбойничьими—не прекратили своей дѣятельности, объ этомъ можно судить по многимъ признакамъ.

Около Касторіи нѣсколько деревень было сожжено въ это самое время греками, а около Цоле на грековъ сдѣлали нападенія болгарскія шайки. Англійскій полковникъ взятъ былъ въ плѣнъ: онъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ лишь своевременному вмѣшательству турецкихъ войскъ. По словамъ корреспондента, онъ имѣлъ неосторожность удалиться на 40 километровъ отъ Драмы. Главное вниманіе Турціи было обращено на Грецію: греческіе отряды безпокоили ее въ настоящее время больше, чѣмъ болгарскіе. Греческое правительство рѣшительно однако отказывалось признать свою отвѣтственность въ македонскомъ броженіи; оно офиціально заявило, что исполняетъ во всемъ ихъ объемѣ и безъ малѣйшаго упущенія всѣ обязанности, возложенныя на него въ дѣлѣ обузданія этого броженія. Энергичное представленіе отъ турецкаго правительства осталось безъ результата. Очередь была за державами.

И вотъ на сцену опять выступили Россія и Австро-Венгрія, создавшія мюрцштегскую программу. Это выступленіе было нѣсколько неожиданно:

ничто передъ нимъ не указывало, что Россія желаетъ дѣйствовать по прежнему совмѣстно именно съ Австро-Венгріей; долгое время такихъ совмѣстныхъ плановъ вообще не предпринималось. Но уже до опубликованія почти было извѣстно, что сентябрьское свиданіе Извольскаго съ Эренталемъ въ Вѣнѣ не будетъ простымъ обмѣномъ любезностей, но что здѣсь будутъ приняты серьезныя рѣшенія по македонскому вопросу. Ясно было при этомъ, что они должны основываться такъ или иначе на мюрцштегской программѣ.

Эти ожиданія оправдались. 1 октября появилась австро-русская нота, обращенная къ правительствамъ болгарскому, сербскому и греческому. Нота указывала на кровавую борьбу національностей; революціонныя банды, которыя прежде были направлены противъ турецкаго владычества, теперь ведутъ простую междоусобную войну. Нота полагала, что эти дѣйствія бандъ до извѣстной степени питаются ошибочнымъ истолкованіемъ пункта II мюрцштегской программы, обѣщавшаго перемѣну въ границахъ административныхъ дѣленій сообразно съ болѣе правильной группировкой различныхъ національностей. Революціонные комитеты, дѣйствуя въ пользу своей національности, стремятся захватнымъ правомъ расширить ихъ вліяніе въ странѣ и такимъ путемъ добиться благопріятныхъ для себя территоріальныхъ дѣленій.

Державы напоминали, что онѣ совѣтовали Турціи приступить къ реформамъ административныхъ дѣленій лишь послѣ наступившаго успокоенія, а послѣднее, конечно, не наступило. Точно такъ же онѣ вовсе не имѣли въ виду раздѣлять страну по національностямъ, рѣшаясь на это перераспредѣленіе административныхъ округовъ—нужно было только создать болѣе удобныя условія для дѣятельности администраціи. Во всякомъ случаѣ при предстоящихъ измѣненіяхъ территоріальныхъ границъ нисколько не будетъ приняты во вниманіе домогательства революціонныхъ комитетовъ. Реформа должна держаться на почвѣ, status quo ante, а вовсе не на какомъ-то инымъ естественномъ правѣ народностей. Обѣ державы многократно заявляли, что онѣ не допустятъ никакого вмѣшательства мѣстныхъ элементовъ въ реформу положенія страны. Всякія насильственныя дѣйствія могутъ быть только губительны для Македоніи, такъ какъ они толкаютъ Турцію по пути справедливыхъ репрессій и замедляютъ самую реформу. Необходимо, чтобы народности прекратили свою борьбу, и правительства Сербіи, Болгаріи и Греціи должны въ этомъ смыслѣ помочь недвусмысленно великимъ державамъ.

Рядомъ съ этимъ Россія и Австрія передали своимъ посламъ въ Константинополѣ инструкціи для договора съ Турціей относительно скорѣйшаго осуществленія судебной реформы въ Македоніи. Между прочимъ, какъ разъ въ это время приходили весьма тревожныя извѣстія изъ старой Сербіи, гдѣ шла сильная агитація, исходившая отъ албанцевъ, но поддерживаемая Турціей, противъ судебной реформы. Какъ бы то ни было, обще-

ственное вниманіе сосредоточилось не на этомъ представленіи, а на нотѣ, обращенной къ Болгаріи, Сербіи и Греціи. Вѣнская *Politische Correspondens* привѣтствовала ее какъ выраженіе полной солидарности, которая много лѣтъ соединяла Россію и Австрію въ балканской политикѣ,—солидарности, явившейся одной изъ прочныхъ гарантій европейскаго мира. Съ такой же оптимистической оцѣнкой выступила и *Neue Freie Presse*. Нечего говорить, какъ сочувственно отозвались нѣмецкія офиціальныя и полуофиціальныя газеты. Германія всегда же утверждала, что главное препятствіе на пути разрѣшенія македонскаго вопроса—это притязанія народностей. Другой оттѣнокъ выражало *Temps*. Оно не отрицало отвѣтственности революціонныхъ организацій, не отрицало даже права державъ воздѣйствовать въ этомъ смыслѣ на правительства Софіи, Бѣлграда и Аѳинъ. Но газета признавала доказаннымъ факторъ, что такое одностороннее воздѣйствіе Македоніи не умиротворитъ. Македоніи нужны реформы и реформы серьезныя. Мюрцштегская программа должна быть выполнена не въ суженномъ ея истолкованіи, а во всей полнотѣ. И въ отзывѣ *Temps* и въ мнѣніяхъ, циркулирующихъ особенно среди французскаго и англійскаго обществъ сквозитъ несомнѣнная неудовлетворенность нерѣшительнымъ образомъ дѣйствія Австріи и Россіи относительно Турціи—тѣмъ болѣе, что обѣ державы взяли на себя роль какъ бы представительства европейскаго концерта передъ Портой.

Въ Россіи нота встрѣчена была весьма холодно. Въ этомъ отношеніи *Новое Время* и *Рѣчь* говорили въ одномъ тонѣ. «Нота 15 сентября—писало *Новое Время*—не удовлетворяетъ даже самымъ скромнымъ требованіямъ государственнаго прямодушія и смѣлости. Въ ней много словъ, но нѣтъ ни намека на планъ дѣйствій. Впрочемъ, отмѣтимъ одну деталь: нота грозитъ турецкими репрессіями и санкціонируетъ эти репрессіи авторитетомъ двухъ державъ. Давно уже документъ, подписанный русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, не ставилъ въ такой формѣ упоминаніе о турецкихъ звѣрствахъ»... Органъ конституціонно-демократической партіи указывалъ на полную безплодность самой почвы, на которой стоитъ австро-русская нота—почва мюрцштегской программы. Эта холодность была тѣсно связана именно съ убѣжденіемъ, что и въ своей балканской политикѣ Россія должна пережить переломъ, и эмансипироваться отъ традицій, создавшихся въ 90-хъ годахъ—и это не говоря уже о болѣе второстепенныхъ возраженіяхъ, которыя выставлялись противъ ноты. Само турецкое правительство особенно подчеркивало дѣятельность греческихъ четъ. Къ чему же было это одновременное обращеніе къ Сербіи и Болгаріи? Оно сообщало нотѣ такую видимость, какъ будто она направлялась противъ національныхъ стремленій вообще. Нечего и говорить, что этотъ актъ отнюдь не содѣйствовалъ подъему нашей популярности на Балканахъ.

Въ итогѣ македонскій вопросъ мало двигается по пути своего разрѣшенія Если что и достигнуто, то именно полное разочарованіе въ мюрц-

штегской программѣ, и тяжкія сомнѣнія относительно роли европейскихъ державъ, прежде всего Австріи и Россіи, державъ, которыя слишкомъ склонны были дѣйствовать въ томъ духѣ, будто бы единственное мѣшающее обстоятельство есть отсутствіе внѣшняго спокойствія и дѣятельность революціонныхъ организацій. Онѣ охотно ссылаются на взаимную истребительную вражду народностей; но было бы, конечно, слишкомъ уже наивнымъ слѣдовать здѣсь за австро-русской нотой и предполагать, что эти порывы аггресивнаго національнаго вызвали ложныя истолкованія третьяго пункта мюрцштегской программы и могутъ быть предупреждены разными разъясненіями ея подлиннаго смысла.

Единственнымъ рѣшеніемъ остается созданіе македонской автономіи—рѣшеніе, къ которому въ дипломатическомъ мірѣ всегда относились съ крайнимъ скептицизмомъ, но которое одно можетъ примирить интересы порядка и свободы въ этой несчастной странѣ. Можно здѣсь спорить только о подробностяхъ, о предѣлахъ автономіи, о границахъ, отдѣляющихъ компетенцію турецкаго правительства и мѣстной власти. Вѣдь тѣ же страхи передъ постановкой вопроса Ближняго Востока, передъ самостоятельностію Болгаріи возникали и въ 70-хъ годахъ. Приходится признать, что такое созданіе самостоятельной Македоніи одно дастъ возможность заинтересовать всю массу христіанскаго населенія страны въ сохраненіи мира на Балканскомъ полуостровѣ. Безъ этого—каковы бы ни были отдѣльныя драматическія случайности, вродѣ убійства Бориса Сарафова—въ общемъ положеніе не измѣнится, и примиренья христіанскаго населенья съ турецкой гегемоніей достигнуто не будетъ. А конфликтъ между отдѣльными національностями—объ этомъ свидѣтельствуетъ вся новѣйшая исторія—гораздо легче и безболѣзненнѣе разрѣшается на почвѣ общей свободы, чѣмъ общаго порабощенія.

С. Котляревскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Декабрь 1907 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Исторія, исторія литературы.—Соціологія, правовѣдѣніе.—Искусство.—Естествознаніе, математика. II. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го ноября по 1-е декабря 1907 г.** III. **Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1907 годъ.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Оскаръ Уайльдъ. Флорентійская трагедія.—*В. Муйжель.* Разсказы. Т. I.

Оскаръ Уайльдъ. Флорентійская трагедія въ одномъ дѣйствіи. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи М. Ликіардопуло и А. Курсинскаго. М., 1907. Издательство „Скорпіонъ". Стр. 62. Ц. 80 к. Это—глубокое и вдохновенное произведеніе шекспировской складки, но вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутое всей изысканностью современной мысли и психологіи. Сжато и энергично, въ стихахъ драгоцѣнныхъ, Уайльдъ набрасываетъ не только флорентійскую, но и общечеловѣческую трагедію, въ которой соперничество двухъ сердецъ органически сливается съ коллизіей двухъ міросозерцаній и даже двухъ соціальныхъ классовъ; мотивы демократизма такъ своеобразно вплетены здѣсь въ интригу любовную, и надо всѣмъ этимъ, какъ вершина господствующая, поднимается идея о томъ, что поэзія есть въ прозѣ, что величіе и героизмъ около насъ, что мы только по своей нравственной близорукости не видимъ собственной и сосѣдней красоты.

Тотъ, въ чьихъ жилахъ кровь голубая, кто зовется принцъ Гвидо, хочетъ похитить красавицу-жену у купца; но въ поединкѣ между этими двумя противниками сильнѣе, и не только сильнѣе, но и красивѣе, и не только красивѣе, но и честнѣе, оказывается купецъ. Это ничего, что въ старинности своего міровоззрѣнія онъ какъ бы приковалъ свою жену къ ткацкому станку, и она жалуется:

Нить порвалась.
Отъ вѣчнаго вращенья
Соскучилось нѣмое колесо,
Станокъ бездушный ропщетъ на работу,—
Сегодня ткать не буду.

Это ничего, что онъ хотѣлъ уподобить ее древней римлянкѣ. Онъ виноватъ лишь въ одномъ, но зато виною сильной: онъ не замѣчалъ своей жены, не замѣчалъ, что она прекрасна, и только чужая страсть, чужое восхищеніе раскрыли ему глаза на нее; въ ту ночь, когда за нею пришелъ другой, онъ понялъ, что подлѣ него—солнце; ночью взошло оно для купца Симоне. Мы вообще привыкли къ солнцу и оттого къ нему неблагодарны. Но и жена виновата передъ мужемъ виною сильной: она

не замѣчала его, не замѣчала, что онъ могучъ. Она такъ не любила его, что въ ту самую ночь, когда онъ скрестилъ свою ревнивую шпагу со шпагой Гвидо, она шептала послѣднему: „убей его! убей!“ Но убилъ Симоне, и гордый принцъ лежитъ распростертымъ у его ногъ. „Словно ослѣпленная изумленіемъ, говоритъ Біанка: зачѣмъ ты мнѣ не сказалъ, какъ ты могучъ?“ Симоне отвѣчаетъ ей: „зачѣмъ ты не сказала мнѣ, какъ ты прекрасна?“ И онъ цѣлуетъ ее въ губы какъ невѣсту, какъ только что обрѣтенную жену: лишь въ эту ночь, въ эту первую ночь, совершился ихъ бракъ. То, что возрожденіе героевъ произошло съ такою быстротой, не удивляетъ и эстетически не оскорбляетъ читателя, такъ какъ поэтъ властенъ надъ временемъ и онъ имѣетъ право, если имѣетъ силу, сжать его пространность и медлительность въ одно содержательное мгновеніе, подобно тому какъ, по слову Симоне, „временами сжимается вселенной безконечность до ширины ладони“.

Поэтизація дѣйствительности сказывается у англійскаго драматурга не только въ этомъ основномъ моментѣ—побѣдѣ купца, но и въ томъ, что самая торговля принимаетъ здѣсь какой-то живописный обликъ, и шелковыя ткани претворены Уайльдомъ въ прекрасныя живыя существа. Красота вещей, красота подѣлокъ, которыя вышли изъ благословенныхъ человѣческихъ рукъ, дѣлаетъ того, кто ими торгуетъ, поэтомъ, дѣлаетъ его и мыслителемъ. Симоне говоритъ объ этихъ вытканныхъ розахъ изъ дамасскаго шелку, что въ нихъ вѣковѣчно лѣто, что ихъ минетъ дыханіе зимы и что само Фьезоле, „отчизна яркихъ розъ“,

Такихъ цвѣтовъ не въ силахъ было-бъ бросить
Веснѣ въ ея душистые покровы.
А если бы и бросили,—цвѣты тѣ
Увяли бы для смерти неизбѣжной...
Сама природа бой ведетъ упорный
Съ своей же красотой и, какъ Медея,
Дѣтей своихъ нещадно убиваетъ.

Теперь жена узнала, что онъ, купецъ Симоне,—и герой, и поэтъ, и мыслитель, и теперь она для него, а не для принца Гвидо, распуститъ „волосъ своихъ змѣистыхъ спадающую полночь“.

Но жаль и принца, искренне влюбленнаго. Его убиваетъ, поверженнаго кинжаломъ его душитъ своими руками купецъ-простолюдинъ—изъ тѣхъ, кого учатъ „молча выносить неправыя обиды“; однако за свою собственность купецъ заступился и, ограждая ее, онъ въ то же время защищаетъ отъ порочнаго принца всю Флоренцію, „святыню нашихъ лилій“, и онъ чувствуетъ себя мстителемъ за весь народъ, у котораго принцы крадутъ женъ и жизни. И все же въ сердцѣ читателя такой тоской отзываются послѣднія мольбы Гвидо: „О, помоги мнѣ, милая Біанка, вѣдь знаешь ты, я зла не сотворилъ“, и его предсмертный вздохъ: „прими, Господь, несчастный духъ мой съ миромъ!“

Вообще, пьеса Уайльда такъ исполнена мысли и такъ богата нѣжными оттѣнками идей и словъ, что только непосредственное знакомство съ нею можетъ раскрыть ея необычную красоту.

Ю. Айхенвальдъ.

В. Муйжель. Разсказы. Томъ первый. Изд. „Шиповникъ“. Спб., 1908 г. Ц. 1 р. Читатель, слѣдящій за беллетристикой, помѣщаемой въ нашихъ журналахъ и сборникахъ, хорошо знаетъ имя г. Муйжеля. Его небольшое, но симпатичное дарованіе, его близкое знакомство съ крестьянской жизнью и ея правдивое воспроизведеніе успѣли привлечь къ себѣ вниманіе широкихъ круговъ публики. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать,

что, собранные въ одинъ томъ, разсказы г. Муйжеля отъ этого не только не выигрываютъ, но какъ будто бы что-то теряютъ, расплываются въ какое-то сѣрое пятно, обнаруживаютъ мѣстами излишнюю тягучесть изложенія. Та сѣрая, однообразная и угрюмая жизнь, которую описываетъ авторъ, наложила свой отпечатокъ и на его творчество. Изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ разсказовъ лучшими являются „Солдаты“ и „Аренда“. Обрывки тяжелой дѣйствительности, гнетущій кошмаръ современности автору удалось претворить въ художественные образы и придать имъ художественную законченность и цѣльность.

Ѳ. Арнольдъ.

ИСТОРІЯ, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

М. Гершензонъ. П. А. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе.—*Мих. Лемке.* Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.—Петрашевцы. Политическіе процессы николаевской эпохи.—*Н. Никоминъ.* 1) Древнѣйшіе жители Европы. 2) Древняя Грецiя. 3) Древній Римъ.

М. Гершензонъ. П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. Спб., 1908 г. Стр. 320. Ц. 1 р. 25 к. „О Чаадаевѣ много писали,—говоритъ М. Гершензонъ въ предисловіи къ своей книгѣ,—и его имя знакомо почти всякому образованному русскому, но понимать его мысль мы научаемся только теперь“. Это замѣчаніе вполнѣ правильно, но мы рѣшительно расходимся съ г. Гершензономъ по вопросу, почему именно мысль Чаадаева мы „научаемся понимать только теперь“. Вполнѣ вѣрно, что Чаадаевъ не былъ ни революціонеромъ, ни дѣятелемъ „освободительнаго движенія“, какъ понимала и понимаетъ его нерѣдко наша радикальная интеллигенція. Безспорно, что оцѣнка роли Чаадаева въ развитіи революціонныхъ идей въ Россіи, сдѣланная Герценомъ, страдаетъ и преувеличеніями и нѣкоторыми фактическими неточностями. Но когда г. Гершензонъ, преуменьшая политическую роль Чаадаева, склоненъ черезчуръ преувеличить его роль какъ философа и строитъ для него пьедесталъ оригинальнаго мыслителя, онъ тоже безспорно впадаетъ въ ошибку. И корень этой ошибки, причину ея подмѣтить нетрудно. Г. Гершензонъ пораженъ сходствомъ нѣкоторыхъ чаадаевскихъ идей съ той религіозной мистикой, которая получила широкое распространеніе въ наши дни и стремится сдѣлать изъ новаго христіанства, представляющаго синтезъ религіи духа съ религіей плоти, революціонное, освободительное оружіе. Увлекшись желаніемъ связать современное религіозное движеніе съ Чаадаевымъ, г. Гершензонъ нѣсколько утратилъ перспективу и не смогъ въ полной мѣрѣ оцѣнить, что сдѣлалъ Чаадаевъ для русской общественной жизни и какое онъ занимаетъ мѣсто въ нашей исторіи.

Въ концѣ-концовъ надо считать безспорнымъ тотъ фактъ, что свою славу и безсмертное имя въ исторіи русской общественной мысли Чаадаевъ пріобрѣлъ только своимъ первымъ, знаменитымъ „Философическимъ письмомъ“, напечатаннымъ въ 1836 г. въ *Телескопѣ* и повлекшемъ за собой закрытіе журнала, ссылку редактора Надеждина, увольненіе цензоровъ и объявленіе самого Чаадаева „сумасшедшимъ“ по державной резолюціи Николая I. Все, что дошло до насъ отъ Чаадаева, кромѣ этого письма, имѣетъ въ сравненіи съ нимъ ничтожное значеніе. Г. Гершензонъ можетъ скорбѣть (и мы вполнѣ раздѣляемъ его скорбь), что рядъ дальнѣйшихъ „Философическихъ писемъ“ до насъ не дошелъ, что утрачены какъ разъ тѣ письма, въ которыхъ Чаадаевъ излагалъ свои основныя религіозно-метафизическія воззрѣнія, и что, слѣдовательно, мы

не можемъ ознакомиться съ исходными точками его философской системы. Но отсюда до заключенія, что у Чаадаева была такая цѣльная и притомъ оригинальная философская система, которая именно и даетъ ему право на безсмертіе—дистанція огромнаго размѣра. Между тѣмъ такое предположеніе и положено г. Гершензономъ въ основу своей интересной книги, и на этомъ основаніи онъ отталкиваетъ на второй планъ „политическое“ значеніе Чаадаева: „Міровоззрѣніе декабриста, ставшаго мистикомъ“—такъ опредѣляетъ онъ „душу“ Чаадаева. Не въ мистицизмѣ однако дѣло, а въ „отчаяніи“ русскаго человѣка, сумѣвшаго проникновеннымъ взоромъ заглянуть въ бездну, поглотившую и декабристовъ и много, много другихъ лучшихъ русскихъ силъ.

Ядро его ученія—замѣчаетъ г. Гершензонъ—сводится къ одной мысли: исторія рода человѣческаго есть не что иное, какъ его постепенное воспитаніе Божьимъ промысломъ, имѣющее конечной цѣлью водвореніе царства Божія на землѣ и совершающееся при полной свободѣ человѣческаго разума. Если таково, по признанію самого г. Гершензона, „ядро ученія“ Чаадаева, то, по меньшей мѣрѣ, странно на основаніи этого „ядра“ считать Чаадаева оригинальнымъ философомъ. Само по себѣ это „ядро“—банальная теологическая фраза. Она наполняется извѣстнымъ содержаніемъ, когда служитъ фундаментомъ для построенія цѣльной системы, развертывающей законы человѣческой жизни, показывающей основы добра и зла. Ничего этого у Чаадаева нѣтъ, и мы можемъ только гадать, что разрѣшеніе этихъ вопросовъ было дано въ недошедшихъ до насъ письмахъ. Слѣдовательно, ставить Чаадаева на одинъ уровень съ Бональдомъ и де-Местромъ, заимствованій у которыхъ не отрицаетъ и г. Гершензонъ, по меньшей мѣрѣ неосновательно. Мы не менѣе г. Гершензона высоко цѣнимъ Чаадаева, но необходимо же быть справедливымъ. Единственное доказательство философской оригинальности Чаадаева заключается въ слѣдующихъ словахъ г. Гершензона: „Изъ чужой мысли нельзя черпать вдохновенія, и поддѣлать его невозможно, а Чаадаевъ—именно философъ-поэтъ: въ желѣзной и вмѣстѣ свободной послѣдовательности его умозаключеній столько сдержанной страсти, такая чудесная экономія силъ“ и т. д. Все это такъ, но доказываетъ только то, что Чаадаевъ былъ крупный и истинный талантъ, что онъ писалъ то, что чувствовалъ, а чувствовалъ онъ глубоко тотъ ужасъ, который охватывалъ каждаго честнаго, образованнаго русскаго человѣка, когда онъ сравнивалъ свою родину съ Западной Европой. И по сію пору мы не перестали чувствовать этотъ ужасъ. Поэтому-то Чаадаевъ дорогъ намъ и теперь, и теперь мы безъ глубокаго душевнаго волненія не можемъ читать его страстно-печальныхъ жалобъ, этихъ стоновъ мудраго человѣка.

Что же касается „желѣзной и свободной послѣдовательности умозаключеній“ Чаадаева, то тутъ г. Гершензонъ нѣсколько увлекся. „Мысль о томъ, что западные народы въ поискахъ царства Божія *попутно* обрѣли и свободу, и благосостояніе, является—какъ правильно замѣчаетъ г. Гершензонъ—однимъ изъ основныхъ положеній „философическихъ писемъ „Чаадаева“. Но вѣдь другой мыслью Чаадаева является его „папизмъ“, его убѣжденіе въ необходимости духовнаго единства человѣчества, въ томъ, что только католичество обладало такой могучей творческой силой. Какая же логическая „послѣдовательность“ между двумя этими мыслями, когда и самъ Чаадаевъ отлично видѣлъ и неоднократно писалъ, что и въ протестантскихъ странахъ религія привела къ свободѣ и благосостоянію. Больше того. Если мысль Чаадаева освободить отъ

мистическихъ одеждъ, то наиболѣе приложимой она окажется именно къ протестантскимъ странамъ, къ Англіи и Американскимъ Штатамъ, относительно которыхъ ученые историки не безъ основанія утверждаютъ, что гражданская свобода развилась тамъ на почвѣ борьбы за религіозную свободу. Надо сознаться, что на такой трещинѣ трудно основать стройную философскую систему. Да за нею Чаадаевъ и не гнался. Онъ просто видѣлъ, чувствовалъ всѣми фибрами души, что византійское православіе губитъ его родину, задушило духовную жизнь, обратило въ раба его народъ, держитъ его въ невѣжествѣ и нищетѣ. Какъ реакція этого чувства и выступила мысль о католицизмѣ, плохо связанная съ другою мыслью, болѣе серьезной и глубокой, что, добиваясь царства Божія, народы попутно обрѣтаютъ свободу и благосостояніе.

Попытка сдѣлать изъ Чаадаева оригинальнаго философа не можетъ быть признана удачной. Мы имѣемъ дѣло съ выдающимся русскимъ человѣкомъ, который безъ шоръ взглянулъ въ духовныя глубины русской жизни и безбоязненно сказалъ, что онъ тамъ увидѣлъ. И вотъ раздался этотъ подавляющій стонъ, который и теперь, почти 80 лѣтъ спустя (письмо писано въ 1829 г.), звучитъ точно сказанное вчера, точно написанное нашимъ современникомъ.

„Мы всѣ имѣемъ видъ путешественниковъ. Ни у кого нѣтъ опредѣленной сферы существованія, ни для чего не выработано хорошихъ привычекъ, ни для чего нѣтъ правилъ... ничего прочнаго, ничего постояннаго; все уходитъ, не оставляя слѣда ни внѣ, ни внутри насъ. Въ своихъ домахъ мы какъ будто на постоѣ". На Западѣ основныя житейскія идеи, идеи долга, справедливости, права, порядка „родились изъ самыхъ событій, образовавшихъ тамъ общество, онѣ входятъ необходимымъ элементомъ въ соціальный укладъ этихъ странъ". А у насъ? „То, что въ другихъ странахъ уже давно составляетъ самую основу общежитія, для насъ—только теорія и умозрѣніе". „Мы еще только открываемъ истины, давно уже ставшія избитыми въ другихъ мѣстахъ". Наша исторія? „Сначала—дикое варварство, потомъ грубое невѣжество, затѣмъ свирѣпое и унизительное чужеземное владычество, духъ котораго позднѣе унаслѣдовала наша національная власть". „Каждому изъ насъ приходится самому связывать порванную нить родства... Наши воспоминанія не идутъ далѣе вчерашняго дня... Съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ прошедшій мигъ исчезаетъ для насъ безвозвратно. Это—естественный результатъ культуры, всецѣло основанной на заимствованіи и подражаніи... Лучшія идеи, за отсутствіемъ связи или послѣдовательности, замираютъ въ нашемъ мозгу и превращаются въ безплодные призраки. Въ нашей крови есть нѣчто, враждебное всякому истинному прогрессу".

Впослѣдствіи въ „Апологіи сумасшедшаго" мы встрѣчаемъ тѣ же жалобы, но переплетающіяся уже съ другими мотивами. „Наши нравы—странная смѣсь неумѣлаго подражанія и обрывковъ давно изжитаго соціальнаго строя... Петръ Великій нашелъ у себя дома только листъ бѣлой бумаги. Просмотрите отъ начала до конца наши лѣтописи,—вы найдете въ нихъ на каждой страницѣ глубокое воздѣйствіе власти, непрестанное вліяніе почвы и почти никогда не встрѣтите проявленій общественной воли... Мы имѣемъ пока только патріотическіе инстинкты. Мы еще очень далеки отъ сознательнаго патріотизма... Наши умственныя силы еще не упражнялись на серьезныхъ вещахъ..." И рядомъ съ этимъ скорбнымъ отрицаніемъ настоящаго вотъ какое благовѣстіе о судьбахъ будущихъ: „У меня есть глубокое убѣжденіе, что мы призваны рѣшить

большую часть проблемъ соціальнаго порядка, завершить большую часть идей, возникшихъ въ старыхъ обществахъ, отвѣтить на важнѣйшіе вопросы, какіе занимаютъ человѣчество". Безспорно, изъ этого воззрѣнія Чаадаева вытекли Герценъ и народники съ ихъ мистической вѣрой въ общину и современные неохристіане съ синтезомъ православія и религіи плоти. Но говорить по поводу всѣхъ этихъ скорбныхъ жалобъ Чаадаева о „желѣзной послѣдовательности его умозаключеній", мы не могли бы. Стоитъ только вспомнить его же слова, что „лучшія идеи за отсутствіемъ связи или послѣдовательности превращаются въ безплодные призраки". Г. Гершензонъ думаетъ, что умозаключеніе о будущихъ блестящихъ судьбахъ Россіи составляетъ логическій выводъ изъ его идеи. Мы полагаемъ, что это вопль или испуганнаго человѣка, или испуганнаго мыслителя, ужаснувшагося той пропасти, которая передъ нимъ раскрылась и ради утѣшенія сочинившаго миѳъ о будущемъ благоденствіи.

Отношеніе идей Чаадаева къ позднѣйшимъ теченіямъ нашей мысли очень хорошо выяснено у г. Гершензона, и это вмѣстѣ съ біографіей П. Я. Чаадаева составляетъ самую сильную сторону его книги. Біографія Чаадаева является самой подробной и наиболѣе провѣренной изъ всѣхъ существующихъ. Авторъ потратилъ на нее массу труда и воспользовался многими новыми матеріалами. Жаль только, что онъ стыдливо опускаетъ вуаль надъ нѣкоторыми „мелочами" матеріальной жизни П. Я. Чаадаева, которыя, по его словамъ, рисуютъ нашего мыслителя въ непривлекательномъ свѣтѣ. Исторія требуетъ правды, и, быть можетъ, для выясненія истиннаго характера П. Я. Чаадаева эти мелочи были бы болѣе всего полезны. Смѣшно же думать, что онѣ чѣмъ-либо могли бы подорвать значеніе „Философическихъ писемъ".

Къ книгѣ приложены наиболѣе выдающіяся статьи и письма Чаадаева и прекрасно выполненный его портретъ.

Мы отъ души привѣтствуемъ появленіе книги г. Гершензона, какъ умной и самостоятельной работы объ одномъ изъ талантливѣйшихъ и интереснѣйшихъ русскихъ людей.

А. С. Изгоевъ.

Мих. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 годовъ. Съ 7-ю портретами. Изд. С. В. Бунина. 1908 г. Ц. 3 р. 50 к. Настоящая книга является плодомъ изученія подлинныхъ дѣлъ знаменитаго въ лѣтописяхъ нашей внутренней политики третьяго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Допущенный на нѣкоторое время къ занятіямъ въ архивѣ этого отдѣленія, авторъ поставилъ себѣ задачей прослѣдить размѣры и формы полицейскаго воздѣйствія на литературу въ царствованіе Николая I. Въ результатѣ получился рядъ очерковъ, ранѣе напечатанныхъ авторомъ въ различныхъ журналахъ и теперь собранныхъ въ одну книгу подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Общій характеръ той роли, которую сыграло третье отдѣленіе въ судьбахъ русской литературы, достаточно былъ ясенъ и по тѣмъ даннымъ, какія были извѣстны задолго до работъ г. Лемке. Тѣмъ не менѣе, работы г. Лемке представляютъ весьма большую цѣнность для исторіи нашей культуры. Ему удалось извлечь изъ открытаго для него архива высшей полиціи царствованія Николая I массу документовъ, чрезвычайно выразительно дополняющихъ и закругляющихъ картину цензурнаго террора указанной эпохи, главнымъ направителемъ котораго являлось какъ разъ третье отдѣленіе. Первый очеркъ, которымъ открывается книга г. Лемке, представляетъ собою общій обзоръ всѣхъ случаевъ вторженія жандарискаго вѣдомства въ область цензуры книгъ и журналовъ за время

1826—1855 гг. Авторъ держится чисто-лѣтописной формы изложенія, передавая относящіеся до его темы факты въ строго-хронологической послѣдовательности. Это очень удобно для справокъ, хотя въ интересахъ читателя, быть можетъ, лучше было бы расположить матеріалъ въ болѣе систематическомъ порядкѣ. Впрочемъ, кто прочтетъ эту лѣтопись цѣликомъ, для того вырисуется весьма отчетливая картина подневольнаго положенія русской литературы того времени, а на фонѣ этой картины выступятъ ярко очерченные образы достопамятныхъ церберовъ этой литературы: гр. Бенкендорфа, Дуббельта, Фока и другихъ. Не менѣе выразительно очерчиваются сообщенными въ книгѣ г. Лемке фактами и взаимныя отношенія третьяго отдѣленія и министерства народнаго просвѣщенія, въ вѣдомствѣ котораго официально числилась цензура произведеній печати. Исторія этихъ отношеній всего лучше иллюстрируетъ то всемогущество, какимъ фактически пользовался при императорѣ Николаѣ I шефъ жандармовъ во всѣхъ отрасляхъ внутренней политики.

Дальнѣйшіе очерки посвящены монографическому изученію отдѣльныхъ, наиболѣе крупныхъ эпизодовъ изъ исторіи цензурныхъ мытарствъ русской литературы второй четверти XIX стол. Во весь ростъ обрисованъ Ѳаддей Булгаринъ, этотъ литературный предокъ позднѣйшихъ „публицистовъ Страстного бульвара“. Очеркъ о Чаадаевѣ и Надеждинѣ представляетъ документальное изслѣдованіе, такъ сказать, внѣшней исторіи знаменитаго „Философическаго письма“, представляющее хорошее дополненіе къ тому анализу внутренней, умственной эволюціи Чаадаева, которое дано въ недавно вышедшей книгѣ г. Гершензона. Очерки о П. В. Долгоруковѣ и Иванѣ Головинѣ очень цѣнны по обилію введеннаго въ нихъ совершенно свѣжаго архивнаго матеріала. Глава о цензурныхъ мукахъ Пушкина, наоборотъ, представляетъ собою лишь сводку тѣхъ данныхъ, какія раньше были обслѣдованы спеціалистами по біографіи Пушкина. Конечно, ввести эту главу въ разбираемую книгу хотя бы и въ компилятивной формѣ было необходимо; иначе въ книгѣ, посвященной исторіи цензурныхъ подвиговъ третьяго отдѣленія, остался бы зіяющій пробѣлъ.

А. Кизеветтеръ.

Петрашевцы. Политическіе процессы николаевской эпохи. Изданіе В. М Саблина. М., 1907 г. Ц. 1 р. Наша историческая литература все болѣе и болѣе обогащается изданіями, освѣщающими былое русскаго освободительнаго движенія. Изъ книгъ, брошюръ, сборниковъ и журналовъ, появившихся послѣ 17 октября 1905 г., образовалась уже цѣлая библіотека по исторіи освободительнаго движенія. Опубликовываются документы политическихъ процессовъ, воспоминанія политическихъ дѣятелей прошлаго, составляются общіе обзоры и изслѣдованія. Работой этой, кромѣ недавно закрытаго журнала *Былое*, заняты цѣлый рядъ книгоиздательствъ. Среди другихъ и издательство В. М. Саблина выпускаетъ рядъ сборниковъ документальныхъ данныхъ по политическимъ процессамъ. Среди выпусковъ „Политическіе процессы николаевской эпохи“ отдѣльная книга посвящена такъ называемому дѣлу Петрашевскаго.

Дѣло петрашевцевъ по своему историческому значенію, конечно, совершенно не можетъ равняться съ дѣломъ декабристовъ, которому за послѣдніе годы посвящено было особенно много пристальнаго вниманія и тщательнаго изученія. Образовалась громадная литература декабристовъ и о декабристахъ. Петрашевцамъ гораздо менѣе удѣлялось вниманія. Однако эта замѣчательная страница исторіи русскаго общества въ

высокой степени интересна и характерна для эпохи Николая I. „Политическимъ“ процессомъ дѣло Петрашевцевъ можетъ быть названо менѣе, чѣмъ какое-нибудь иное дѣло нашего темнаго былого, „политическое“ оно только въ ковычкахъ, въ которыя заковало его неразборчивое въ своемъ мстительномъ и трусливомъ перепугѣ Николаевское самовластіе. Сами члены слѣдственной коммиссіи по этому дѣлу называли его „*заговоромъ идей*“. По словамъ такого современника, какъ баронъ Корфъ, слѣдственной коммиссіи приходилось уличать въ мысляхъ, когда онѣ еще не осуществились никакимъ проявленіемъ“.

Въ процессѣ петрашевцевъ болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ крупномъ примѣрѣ, можно видѣть, какъ правительство николаевской эпохи само создавало „заговоры“ противъ себя и творило „процессы“ изъ ничего, однимъ властнымъ словомъ своимъ: да будетъ! Какъ оно, стрѣляя изъ пушки по воробьямъ, обезсиливало само себя.

Долгое время представленіе о процессѣ петрашевцевъ держалось на немногихъ случайныхъ историческихъ сообщеніяхъ и, главнымъ образомъ, на брошюрѣ „Общество пропаганды въ 1849 г. Лейпцигъ, 1875 года“. Напримѣръ, этой же брошюрой, какъ главнѣйшимъ источникомъ, пользуется въ 1882 г. Ор. Ѳ. Миллеръ, выясняя участіе Достоевскаго въ дѣлѣ Петрашевскаго (см. матеріалы для біографіи Достоевскаго Ор. Ѳ. Миллера). Брошюра эта давно уже стала большой библіографической рѣдкостью. Позднѣе стали появляться въ историческихъ журналахъ воспоминанія, отдѣльныя сообщенія и документы. Ярче всего общая картина дѣла Петрашевскаго очерчена въ статьяхъ гг. Семевскаго, Венгерова и др.

Въ книгѣ „Петрашевцы“, изданной г. Саблинымъ, читатель не найдетъ никакихъ новыхъ матеріаловъ по этому дѣлу. Здѣсь собраны воедино только уже напечатанные раньше документы и сообщенія. Перепечатаны изъ *Русскаго Инвалида* за 1849 г. (отъ 22 декабря № 276) опубликованное тогда офиціальное правительственное сообщеніе. Затѣмъ изъ *Русской Старины* взятъ отрывокъ изъ „Записокъ И. П. Липранди“ (чиновникъ минист. внутрен. дѣлъ, сыщикъ). Далѣе: „Отрывокъ изъ мнѣнія Липранди“. „Списокъ лицамъ, посѣщавшимъ собранія Петрашевскаго“, „Обязательная подписка Стрѣшнева“, „Выдержка изъ дневника поручика Монбели“, „Письмо Плещеева къ Дурову“, „Выписка изъ письма Кайданова“, „Найденныя въ бумагахъ студента Филимонова десять заповѣдей“, „Выписка изъ тетради Ламанскаго 1841 и 1842 гг.“, „Выписка изъ дневника шт.-кап. Кузьмина“, „Выписки“, „Письмо Петрашевскаго“. Изъ офиціальныхъ документовъ вошли въ книгу еще „Записки о дѣйствіяхъ секретной слѣдственной коммиссіи“, представленныя черезъ шефа жандармовъ гр. Орлова государю, и переписка Николая Павловича по дѣлу. Напечатаны: „Высочайше конфирмованный докладъ о Буташевичѣ-Петрашевскомъ и др. лицахъ“, „Высочайшая резолюція“, „Приговоръ военнаго суда“, „Заключеніе генералъ-аудиторіата“, „Дополнительный докладъ Ноинскаго“, „Резолюція“. Изъ „Космополиса“ перепечатаны: „Показанія Ѳед. Мих. Достоевскаго слѣдственной коммиссіи“, документъ, имѣющій большую цѣнность для біографіи Достоевскаго. Затѣмъ извѣстная „Записка“ Петрашевскаго, „О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній“ (опубликованная недавно въ *Быломъ*). Затѣмъ прошеніе Петрашевскаго, поданное изъ Сибири, рѣчи Хотькова и Ахшарумова на обѣдѣ въ честь Фурье, „Солдатская памятка“ Григорьева и просительное письмо Достоевскаго къ Тотлебену изъ Сибири.

Нельзя понять, чѣмъ руководствовался составитель сборника „Петрашевцы“ въ собраніи матеріаловъ. Включалось, очевидно, все прямо относящееся къ дѣлу петрашевцевъ, но не все имѣющееся въ печати попало сюда. Собраніе матеріаловъ получилось болѣе или менѣе случайное, далеко не достигающее исчерпывающей полноты. Трудно рѣшить, почему хотя бы письмо Достоевскаго къ Тотлебену напечатано, а многое другое изъ писемъ и сообщеній о жизни Достоевскаго, относящееся къ дѣлу Петрашевскаго, не напечатано. Включены „Московскіе толки о петрашевцахъ“, также составленные неполно и случайно, но совершенно отсутствуютъ цѣнныя воспоминанія и сообщенія участниковъ и современниковъ дѣла Петрашевскаго, которыя весьма интересно было бы привести хотя бы въ болѣе значительныхъ выдержкахъ, чтобы не слишкомъ увеличивать размѣръ книги. Офиціальныя документы также можно было полнѣе представить; какъ на примѣръ укажемъ на предписаніе третьяго отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи объ арестѣ Ѳ. М. Достоевскаго. Копія съ него снята А. Г. Достоевской и хранится въ музеѣ памяти Достоевскаго (при Историческомъ музеѣ въ Москвѣ). Подобныхъ, въ отдѣльности несущественныхъ, но для полноты любопытныхъ документовъ, быть можетъ, составителямъ сборника удалось бы разыскать и много, если бы они стремились къ большей документальной полнотѣ. Правда, въ предисловіи къ сборнику неполнота оговорена: „Изданія всего дѣла петрашевцевъ мы, вѣроятно, дождемся не скоро. Въ виду этого можетъ имѣть нѣкоторое значеніе наша попытка—собрать въ одной книгѣ то, что до сихъ поръ изъ этого дѣла напечатано...“ Это, безспорно, такъ, и изданіе „Петрашевцевъ“—нужно привѣтствовать. Только все же нельзя не пожалѣть о случайности подбора матеріала и неясности въ планѣ его размѣщенія. Не была бы лишней хорошая вводная статья отъ редактора сборника. Она давала бы общую характеристику, связную картину всего дѣла. Такая, какъ она есть, книга предназначена не для изученія (изучающіе сумѣютъ найти документы въ мѣстѣ ихъ первоначальнаго напечатанія), а гораздо болѣе для широкаго ознакомленія съ дѣломъ Петрашевскаго. А для такого назначенія книжка слишкомъ сыра. Для спеціалистовъ же она, конечно, слишкомъ суха. Но какъ полезная справочная историческая хрестоматія она все же найдетъ свое мѣсто и своего читателя. Издана книжка очень чисто, изящно, стоитъ для 160 стран. перепечатки немножко дорого.

Волжскій.

Н. Николинъ. 1) Древнѣйшіе жители Европы. Съ 32 рисун. Ц. 20 к. 2) Древняя Грецiя. Съ 36 рис. Ц. 40 к. 3) Древній Римъ. Съ 32 рис. и 4 картами. Ц. 40 к. Изд. Ф. Павленкова. Культурно-историческая библіотека. Спб., 1907 г. Небольшія книжки г. Николина входятъ въ составъ культурно-исторической библіотеки, изданной Ф. Павленковымъ, и разсчитаны, повидимому, на самый широкій кругъ читателей. Объ этомъ говорятъ и стараніе автора быть крайне популярнымъ, и многочисленные рисунки, и сноски съ объясненіями, а, главное, приложенный въ концѣ книги списокъ иностранныхъ словъ съ ихъ толкованіями, списокъ, составленный въ алфавитномъ порядкѣ на случай, если, по словамъ автора, „среди читателей будутъ и такіе, которымъ трудно сразу запомнить значеніе этихъ словъ“. Желаніе дать читателямъ въ самой популярной формѣ всеобщую исторію (повидимому, эти три выпуска только начинаютъ собою культурно-историческую библіотеку) можно только привѣтствовать, но, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если попу-

лярная форма совмѣщается съ дѣйствительной научностью, историческая вѣрностью сообщаемыхъ свѣдѣній. Посмотримъ, какъ справился съ этой задачей г. Николинъ.

Къ сожалѣнію, въ книжкахъ г. Николина не мало погрѣшностей. Иной разъ авторъ сообщаетъ такіе историческіе факты, которыхъ никогда не было и не могло быть. Напр., въ книжкѣ „Древняя Греція" на стр. 58 читаемъ: „Послѣ упорной борьбы съ противной партіей, демократія выбрала въ архонты Эфіальта, который и принялся за нововведенія". Не говоря уже о томъ, что фактъ избранія Эфіальта архонтомъ составляетъ измышленіе г. Николина, но измышленіе это совершенно неправдоподобно. Какъ извѣстно, реформа Эфіальта была произведена въ 462 г., но уже въ 80-хъ годахъ V вѣка архонты перестали выбираться, а стали назначаться по жребію. Кромѣ того, передача всѣхъ политическихъ функцій ареопага гелісѣ была произведена Эфіальтомъ, а не Периклъ, какъ говоритъ г. Николинъ *).

Въ изложеніи исторіи Рима г. Николинъ не стоитъ на высотѣ современной исторической науки. Древнѣйшая исторія Рима передана у него традиціонно, безъ тѣни критицизма. Такъ изложена исторія царскаго періода, Сервіева реформа, изгнаніе царя и установленіе республики, борьба патриціевъ съ плебеями. Въ этомъ случаѣ г. Николинъ какъ будто совершенно забываетъ или не подозрѣваетъ о томъ, что вся эта древнѣйшая исторія Рима если не совсѣмъ отвергается, то значительно иначе освѣщается современными историками.

Зато въ другихъ мѣстахъ г. Николинъ совершенно не придерживается общепринятыхъ историческихъ взглядовъ и вноситъ свои совершенно произвольныя толкованія и объясненія. Если бы г. Николинъ писалъ научный трудъ и подтверждалъ свои оригинальные выводы сколько-нибудь вѣскими доказательствами, съ нимъ можно было бы соглашаться или не соглашаться, полемизировать. Но совершенно иной характеръ носятъ подобныя толкованія въ популярныхъ брошюрахъ, гдѣ все сообщается догматически. „Нужно думать,—говоритъ авторъ,—что первый металлъ, съ которымъ познакомился человѣкъ, было золото. Это очень понятно. Золото гораздо легче запримѣтить, чѣмъ какой-либо другой металлъ" („Древн. жит.", стр. 51).

Въ той же книжкѣ по первобытной культурѣ читаемъ: „Всѣ эти рисунки незатѣйливы и напоминаютъ намъ тѣ рисунки, которые дѣлаютъ наши дѣти. Сдѣланы они плохо, грубо и неуклюже, сплошь и рядомъ невѣрно. Но мы рады и тому, что есть: какъ ни плохи эти рисунки, все же они въ тысячу разъ важнѣе для насъ и цѣннѣе множества роскошныхъ картинъ теперешняго времени" (стр. 61). А какъ понравится читателю оцѣнка литературной дѣятельности Софокла: „Онъ не описываетъ людей такими, какими они бываютъ въ жизни. Въ его драмахъ дѣйствуютъ два разряда лицъ: добрыя и злыя. Если они хороши, такъ до мозга костей, совсѣмъ ангелы безпорочные; если плохи, такъ ужъ чернѣе ихъ не сыщешь на всемъ свѣтѣ. Но, несмотря на это, онъ такъ искусно писалъ свои драмы, что аѳиняне любили его больше, чѣмъ всѣхъ другихъ драматурговъ" („Древн. Грецiя", стр. 80). Установленіе принципата авторъ разсматриваетъ, какъ установленіе настоящей самодержавной монархіи: „Итакъ, республика пала. Многомилліонное населеніе римской державы очутилось во власти одного лица—цезаря, императора, самодержца" („Др. Римъ", стр. 84). Слово *республика* г. Николинъ

*) См. *Ю. Бѣлоха*: „Исторія Греціи", т. I, стр. 368.

объясняетъ такъ: „Если власть находилась только въ рукахъ *знати*, получалась *олигархическая* республика, если въ рукахъ народа—демократическая республика“ („Др. Грецiя“, стр. 47). Слова „беотійцы и эвбейцы“ въ сноскѣ г. Николина объясняются, какъ „греческія *племена*“ *). Подобные примѣры могли бы быть безчисленны.

Намъ хотѣлось обратить вниманіе на самый способъ изложенія у г. Николина. Излагать популярно не значитъ однако не стѣсняться никакими выраженіями, хотя бы не литературными и, скажемъ даже, вульгарными. Но какъ иначе можно назвать подобныя фразы: „Бывали такіе случаи, когда жены держали своихъ мужей „подъ башмакомъ“ и не давали имъ пикнуть дома“ („Др. Грецiя“, стр. 120); или по поводу Алкивіада: „Народъ страшно разозлился на своего прежняго любимца“ (Ibid, стр. 139), или же: „Алкивіадъ велъ дѣла осторожно и *зря* въ бой съ нимъ не *лѣзъ*“ *) (Ibid, стр. 142). „Внутри же города дѣйствовали тайные союзы олигарховъ, строя всевозможныя *каверзы*“ (Ibid, стр. 143) и т. п. На-ряду съ этимъ встрѣчаются грубыя опечатки: императоръ Домиціанъ названъ Доминиціаномъ, Пробъ—Пробстомъ, или же безграмотные обороты рѣчи: „Лекція—это рѣчь о какомъ-либо ученомъ предметѣ. Читать лекціи—значитъ говорить такую рѣчь“ („Др. Римъ“, стр. 151). „Всѣ эти обычаи показываютъ, что эскимосы раньше совсѣмъ не знали желѣзныхъ вещей... а получали ихъ со стороны, отъ чужихъ людей. Поэтому они и смотрѣли на нихъ не какъ на *чистыя*, а какъ на *поганыя* отчасти“ („Др. жит.“ стр. 51).

Но оставимъ все это. Въ книгахъ г. Николина много и дѣйствительно исторически вѣрнаго, много подробностей объ общественной и частной жизни грековъ и римлянъ. Насъ поразило только, что въ главѣ о рабствѣ сцена на форумѣ выписана дословно изъ хрестоматіи Гиро: „Частная и общественная жизнь римлянъ“, переведенной подъ ред. С. Моравскаго. Но г. Николинъ не дѣлаетъ никакой ссылки ни на книгу Гиро, ни даже на имя автора, у котораго заимствовано описаніе“ (Ср. Гиро, стр. 108, „Др. Римъ“, стр. 61).

Рисунки во всѣхъ 3-хъ брошюрахъ многочисленны, но исполнены довольно неряшливо. Цѣна книжекъ дорога, принимая во вниманіе внѣшность изданія. Едва ли книжки г. Николина могутъ быть рекомендованы даже самому непритязательному читателю.

О. Рудченко.

СОЦІОЛОГІЯ, ПРАВОВѢДѢНІЕ.

Г. Штильманъ. Внѣпарламентское законодательство въ конституціонной Россіи.—*Бентамъ.* Политическіе опыты. Тактика законодательныхъ собраній. Перев. М. К.

Г. Штильманъ. Внѣпарламентское законодательство въ конституціонной Россіи (ст. 87 основн. госуд. зак.). 1908 г., стр. 31. Ц. 25 к. Настоящая брошюра, какъ сказано на заглавномъ листѣ, представляетъ собою переработку статей того же автора о провизорномъ законодательствѣ, напечатанныхъ въ *Русской Мысли*, *Рѣчи* и *Товарищѣ*. Авторъ совершенно справедливо указываетъ, что 87 ст. осн. зак., дающая право правительству издавать временные законы во время прекращенія занятій Государственной Думы, если необходимость въ ихъ изда-

*) Курсивъ нашъ.

**) Курсивъ нашъ.

ніи будетъ вызвана чрезвычайными обстоятельствами, вовсе не сама по себѣ, а лишь вслѣдствіе злоупотребленія ею, получила значеніе закона, будто бы ограничивающаго законодательную власть народнаго представительства и дающаго въ руки правительства средства для возвращенія къ абсолютизму. Въ конституціяхъ большинства европейскихъ государствъ имѣются совершенно аналогичныя статьи и даже въ нѣкоторыхъ, наиболѣе раннихъ, какъ, напримѣръ, въ Баденской, Вюртембергской, Гессенской, она выражена общѣй, чѣмъ у насъ, предоставляя представителю верховной власти „въ неотложныхъ случаяхъ“ принимать необходимыя для блага государства мѣры въ отсутствіи парламента и не заключая въ себѣ оговорокъ, ограждающихъ права народнаго представительства. Въ другихъ конституціяхъ такія оговорки существуютъ; но и у насъ онѣ есть, такъ какъ въ той же 87 ст. говорится, что принятая на основаніи ея временная мѣра не можетъ вносить измѣненій ни въ основные законы, ни въ учрежденія Думы и Государственнаго Совѣта, ни въ постановленія *о выборахъ* въ Совѣтъ и Думу, и что дѣйствіе такой мѣры прекращается, если по возобновленіи занятій Думы соотвѣтствующій законопроектъ не будетъ правительствомъ внесенъ въ Думу или не будетъ ею принятъ. Но не представляя по содержанію своему ничего отличающагося отъ такихъ же статей въ конституціяхъ западно-европейскихъ государствахъ, наша 87 ст. привела къ введенію военно-полевыхъ судовъ и къ такому глубоко нарушающему экономическія и бытовыя условія народной жизни закону, какъ указъ 9 ноября 1906 г. Ничего подобнаго въ западно-европейскихъ государствахъ не было. Тамъ на статьи, соотвѣтствующія нашей 87, правительство смотритъ какъ на такія, которыя должны и могутъ примѣняться только въ дѣйствительно чрезвычайныхъ случаяхъ и притомъ лишь такихъ, когда малѣйшее промедленіе можетъ грозить неисправимыми потомъ бѣдствіями. Несомнѣнно, что и наша 87 статья по своей цѣли и смыслу должна примѣняться тоже исключительно въ такихъ же случаяхъ, когда отсрочка невозможна. Между тѣмъ у насъ она примѣнялась безъ всякаго соображенія съ дѣйствительной настоятельностью предпринимаемой мѣры. Такимъ образомъ не только за три мѣсяца до открытія 2-й Думы былъ изданъ законъ 9 ноября, но такимъ же порядкомъ на осн. 87 ст. изданъ цѣлый рядъ узаконеній частнаго характера и ужъ конечно вовсе не спѣшныхъ, вродѣ новаго „штата карантинныхъ учрежденій побережья Чернаго моря“, „устава рижской художественной школы“ и т. п. Такой способъ пользованія 87 статьей естественно наводилъ на мысль, что правительство намѣрено черезъ посредство этой статьи сохранить за собой фактическую возможность законодательствовать попрежнему безъ народнаго представительства. Отъ этого и возникли нарсканія на эту статью, которая, однако, ни въ чемъ не виновата. Дѣло не въ неудовлетворительности закона, а въ неисполненіи, въ нарушеніи закона, въ полномъ разладѣ, существующемъ у насъ между юридически признаваемымъ полнымъ разрывомъ съ прошлымъ и практически-торжествующими наиболѣе ненавистными атрибутами стараго режима. Въ теоріи и „жилище каждаг неприкосновенно“, и „Россійскіе подданные имѣютъ право устраивать собранія въ цѣляхъ не противныхъ закону“, и „каждый можетъ въ пре дѣлахъ, установленныхъ закономъ, высказывать устно и письменно сво мысли“... Но все это въ условіяхъ окружающей насъ дѣйствительнос звучитъ вполнѣ отвлеченно, а на практикѣ, какъ извѣстно, происходит какъ разъ діаметрально противоположное. Въ этомъ противорѣчіи и за ключается современный трагизмъ нашей государственной жизни. На эт

сторону нашего политическаго положенія и обращаетъ общественное вниманіе брошюрка г. Штильмана.

В. Линдъ.

Бентамъ. Политическіе опыты. Тактика законодательныхъ собраній. Перев. М. К. Изданіе Л. А. Велихова. Стр. 186. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. Рѣдкое счастіе выпало на долю книги Бентама. Она уже вступила во второе столѣтіе своего существованія, а цѣнность ея еще и до сихъ поръ совсѣмъ не утрачена. Трудъ, посвященный вопросу практической политики, только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ сохраняетъ на столь продолжительное время свое первоначальное значеніе.

„Тактика законодательныхъ собраній“ вышла впервые, подъ заглавіемъ „Опытъ политической тактики“,—116 лѣтъ тому назадъ. Благородный англійскій мыслитель, умѣвшій соединить горячую привязанность къ родной культурѣ съ возвышенной любовью ко всему человѣчеству, написалъ свой трактатъ спеціально для Франціи, только что сбросившей тогда цѣпи абсолютизма. Это было въ 1791 г. Охватившая великій народъ „непрерывная революція“,—въ теоріи еще въ то время неизвѣстная,—не дала ему возможности использовать тотчасъ же поднесенный великодушный даръ. Только въ исходѣ первой половины девятнадцатаго столѣтія, когда вся Западная Европа пріобщилась къ конституціонализму, принесла свои настоящіе плоды замѣчательная работа Бентама. Въ регламентахъ всѣхъ законодательныхъ палатъ использованы сообщенныя въ книгѣ данныя объ испытанныхъ англійскихъ порядкахъ, приняты во вниманіе преподанные самимъ авторомъ мудрые политическіе совѣты. Но роль „Тактики“ далеко этимъ неизгладимымъ *историческимъ* слѣдомъ не ограничивается. Въ конституціонномъ обиходѣ есть очень много такого, что не можетъ быть предусмотрѣно даже и самымъ совершеннымъ наказомъ. И вотъ именно относящіяся къ этой неофиціальной сторонѣ парламентской жизни разсужденія Бентама сохранили по сей еще день и всю свою свѣжесть, и весь свой практическій интересъ.

Громадная серьезность самаго вопроса, которому посвящена знаменитая книга, очевидна. Ориентированность въ тактикѣ,—какъ объемлемой писанымъ регламентомъ, такъ и выходящей за его предѣлы, важна не для отдѣльныхъ только депутатовъ. При прочихъ равныхъ условіяхъ, она опредѣляетъ относительное вліяніе различныхъ партій въ самомъ парламентѣ. Исключительное тактическое дарованіе *Зингера* уже не разъ, наприм., оказывалось для нѣмецкой рабочей партіи въ высокой степени полезнымъ. Благодаря этому выдающемуся качеству одного изъ своихъ старыхъ вождей, соціалъ-демократія играетъ такую видную роль въ *Seniorkonvent*'ѣ. Умѣлая тактика доставила вообще партіи цѣлый рядъ парламентскихъ тріумфовъ. Укажемъ хотя бы изъ событій послѣдняго времени на участіе ея въ надѣлавшихъ столько шума преніяхъ по поводу Lex Heinze. Не такъ извѣстны еще болѣе въ этомъ отношеніи замѣчательные дебаты по поводу „Umsturzvorlage“, когда покойный *Ауэръ* склонилъ искусной постановкой вопроса на свою сторону колебавшихся католиковъ.

Въ странахъ, охваченныхъ политическимъ броженіемъ и не имѣющихъ прочнаго конституціоннаго устройства, положительные и отрицательные результаты *„тактики“* обнаруживаются подчасъ съ еще большею силой. Правильно освѣтивъ ту или иную проблему, можно осмыслить происходящій въ массахъ полубезсознательный процессъ и придать ему такую интенсивность, передъ которой должно неизбѣжно капитулировать самое даже слѣпое упорство. И не уловивъ сущности движенія, можно напро-

тивъ оставить неиспользованными заключающіяся въ немъ богатѣйшія потенціи. Нѣтъ ничего легче, чѣмъ погнавшись въ такихъ случаяхъ за очень многимъ, потерять большую часть того, что было уже за парламентомъ почти обезпечено.

Само собой разумѣется, что искусству оцѣнивать въ каждый данный моментъ совокупность условій, опредѣляющихъ дѣйствительную картину политическаго положенія, не научитъ депутата никакая книга. Но опирающееся на продолжительный опытъ и апріорные доводы руководство можетъ безусловно предупредить уже взвѣшенныя исторіей и въ достаточной мѣрѣ ею объясненныя роковыя ошибки. Трактатъ *Бентама* даетъ намъ въ этомъ смыслѣ множество полезнѣйшихъ указаній.

„Необходимо, чтобы собраніе заранѣе имѣло передъ глазами картину своихъ занятій, для того, чтобы не было случайностей и неожиданностей". „Долженъ быть созданъ *общій планъ*, который бы обнималъ всю полноту дѣлъ, входящихъ въ компетенцію собранія, располагалъ бы ихъ въ настоящемъ порядкѣ и доводилъ до конца. Эта обязательная инициатива должна естественно принадлежать тому, кто созываетъ собраніе и лучше всѣхъ знаетъ нужды государства".

Мы видимъ, такимъ образомъ, какая громадная отвѣтственность за ходъ дѣлъ въ парламентѣ ложится прежде всего на само правительство. Что могла, наприм., сдѣлать наша первая Дума съ представленнымъ ей „общимъ планомъ", по которому коренное преобразованіе Россіи должно было начаться... съ ремонта юрьевской университетской прачечной. Изъ этого перваго шага не должны ли были народные представители вывести, что кабинетъ министровъ совсѣмъ не имѣетъ въ виду осуществить обѣщанныя конституціоннымъ манифестомъ рѣшительныя реформы?! И можно ли удивляться тому, что тогдашнее правительство перестало съ этого момента для Думы существовать... „Пока министръ пользуется довѣріемъ большинства, онъ можетъ быть увѣренъ въ сохраненіи за нимъ обычнаго права инициативы; если же онъ потеряетъ довѣріе, *то не можетъ уже оставаться* и принужденъ уступить свое мѣсто другому... Почему министръ направляетъ парламентъ? *Потому, что онъ не можетъ быть министромъ, если не умѣетъ его направлять*. Сохраненіе за нимъ должности зависитъ отъ его кредита у законодательнаго корпуса". Такъ формулируется въ простыхъ и ясныхъ словахъ принципъ министерской отвѣтственности,—вѣрнѣйшій залогъ правильнаго и спокойнаго теченія занятій въ палатѣ.

Но успѣшный ходъ парламентской работы стоитъ иногда и внѣ всякой зависимости отъ господствующаго типа конституціи. Рядомъ яркихъ примѣровъ *Бентамъ* иллюстрируетъ, какъ многаго можно достигнуть при помощи *удачной редакціи* своихъ предложеній, обдуманной и осторожной ихъ защиты. Неумѣлая аргументація способна, напротивъ, иногда погубить выигрышное само по себѣ дѣло. Случается нерѣдко такъ, что всѣ присутствующіе согласны съ извѣстнымъ проектомъ, но расходятся сильно „во мнѣніяхъ относительно представленныхъ доводовъ. Заставить ихъ принять соображенія, съ коими они несогласны, было бы равносильно требованію отъ нихъ ложнаго показанія или принужденію ихъ къ неправдѣ въ самомъ текстѣ закона... Предположимъ, что сдѣлано слѣдующее предложеніе: *принимая во вниманіе, что Бога нѣтъ*, всѣ уголовные законы, относящіеся къ религіи, должны быть уничтожены. Признавая даже единогласно полезнымъ уничтоженіе религіозно-уголовныхъ законовъ, собраніе можетъ быть возмущено проповѣдью

атеизма, и весьма возможно, что оно предпочтетъ отвергнуть эту мѣру въ цѣломъ, чѣмъ купить ее такою цѣной".

Вотъ примѣръ, ни для кого сейчасъ настолько не поучительный, какъ для насъ. Въ переходныя эпохи государственной жизни, когда борьба противоположныхъ интересовъ достигаетъ особенной напряженности, *форма* всякаго политическаго домогательства должна быть еще тщательнѣе взвѣшиваема, чѣмъ въ спокойное время. Многія практическія начинанія имѣли бы безконечно больше шансовъ на успѣхъ, если бы плохая мотивировка не связывала ихъ самымъ нелѣпымъ образомъ съ мечтами о „демократической республикѣ" и прочихъ пріятныхъ вещахъ. Западноевропейскіе соціалисты именно потому въ послѣдніе годы такъ многаго фактически добиваются, что они научились избѣгать совершенно ненужныхъ ламентацій на тему о своихъ цѣляхъ, симпатіяхъ и привязанностяхъ. Геніальный основатель „Всеобщаго нѣмецкаго рабочаго союза" уже болѣе сорока лѣтъ тому назадъ подошелъ къ „политикѣ" именно съ этой жизненной ея стороны. Легко понять, что агитація въ пользу коренной избирательной реформы не увѣнчалась бы такъ быстро успѣхомъ, если бы въ своихъ бесѣдахъ съ Бисмаркомъ Лассаль исходилъ изъ того, что всеобщее голосованіе явится въ рукахъ пролетаріата могучимъ средствомъ борьбы за соціализмъ и противъ монархіи.

Въ трактатѣ *Бентама* есть множество аналогичныхъ указаній, изъ которыхъ могутъ быть сдѣланы богатѣйшіе выводы, примѣнительно не къ одной только *парламентской* тактикѣ. Какъ не слѣдуетъ поступать для того, чтобы добиться въ политикѣ благопріятныхъ результатовъ,— на этотъ вопросъ книга даетъ мѣстами исчерпывающій отвѣтъ. Отсюда ясно, насколько она является въ настоящій моментъ для Россіи своевременной... *Іеремія Бентамъ* не мало затратилъ энергіи на то, чтобы оказать поддержку крайне слабымъ въ началѣ XIX стол. либеральнымъ домогательствамъ русскаго общества *). Черезъ 75 лѣтъ послѣ смерти благороднаго англичанина, трудъ его, хотя и посвященный непосредственно другой странѣ, напоминаетъ снова о великихъ заслугахъ этого человѣколюбца также и передъ нашею родиной!

Г. Штильманъ.

ИСКУССТВО.

Рих. Вагнеръ. Опера и драма. Перев. А. Шепелевскаго и А. Винтера.

Рих. Вагнеръ. Опера и Драма. Переводъ (со второго нѣмецкаго изданія) А. Шепелевскаго и А. Винтера. Съ предисловіемъ Шепелевскаго. Ц. 1 руб. 50 к. Изд. П. Юргенсона. Какъ странно писать рецензію о сочиненіи, вышедшемъ въ свѣтъ болѣе полувѣка назадъ (въ 1851 г.) и только теперь переведенномъ на русскій языкъ! Сочиненіе это излагало принципы новой музыкальной драмы, осуществленной Вагнеромъ, и о нихъ мы можемъ судить теперь не только теоретически, но и на основаніи наилучшей критики искусства,—критики, создаваемой самой жизнью искусства. Истекшія 56 лѣтъ показали, что было жизненнаго въ вагнеровскихъ теоріяхъ: это безконечное обогащеніе выразительности музыкальнаго языка вслѣдствіе примѣненія въ оперѣ того развитія мотивовъ въ оркестровой ткани, которое составляетъ сущ-

*) См. объ этомъ его *жизнеописаніе* въ біографической библіотекѣ Павленкова и *предисловіе* къ „Тактикѣ законодательныхъ собраній".

ность симфонической музыки. Своими операми Вагнеръ наглядно показалъ, что можно сдѣлать въ этой области, и за нимъ пошли всѣ композиторы, одни болѣе, другіе менѣе скрывая свой вагнеризмъ.

Что касается практики и теоріи вагнеровскаго пѣнія, обращенія Вагнера съ человѣческимъ голосомъ, то въ этомъ отношеніи неумолимый критикъ—время показало достаточно ясно, что пѣніе Вагнера въ большинствѣ случаевъ (я говорю о послѣднемъ періодѣ) есть продуктъ не творчества, а разсудочнаго приспособленія речитативной декламаціи въ музыкѣ оркестра: какъ прежде оркестръ придѣлывали къ пѣнію, такъ Вагнеръ очень часто пѣніе прилаживаетъ къ оркестру — для меня, по крайней мѣрѣ, пѣвцы иногда просто мѣшаютъ слушать дивную музыку вагнеровскихъ оперъ.

Чтобы оправдать свое композиторское обращеніе съ пѣніемъ, Вагнеръ создастъ въ своей книгѣ запутанную и при томъ совершенно произвольную теорію о происхожденіи языка, о значеніи гласныхъ и согласныхъ, о роли аллитераціи и т. п., теоріи, которая осталась пустымъ звукомъ, совершенно справедливо оставленнымъ безъ вниманія. Если прибавить, что свою теорію Вагнеръ развиваетъ съ помощью самыхъ странныхъ сравненій, въ которыхъ главную роль играютъ явленія изъ области половыхъ отношеній, если знать, что изъ этой теоріи онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что только поэтъ-музыкантъ (т.-е. только онъ, Вагнеръ) можетъ создать истинную драму, а Шекспиръ не могъ этого сдѣлать вслѣдствіе несовершенства словеснаго языка, то намъ будетъ понятно, почему теорія Вагнера, касающаяся словесной драмы, исчезла безслѣдно въ литературѣ.

Кромѣ положительной стороны, книга Вагнера въ значительной своей части посвящена отрицательной задачѣ: уничтоженію соперниковъ автора, современныхъ ему композиторовъ, Мейербера, Мендельсона, Берліоза. И въ этомъ отношеніи исторія сказала свое слово: несмотря на яростныя нападки Вагнера на этихъ композиторовъ, они и до сихъ поръ занимаютъ самое почетное мѣсто, каждый въ своей области. Правда, многое въ ихъ сочиненіяхъ поблекло, устарѣло, но много ли художественныхъ произведеній выдержатъ разъѣдающую силу 60-тилѣтняго періода времени! Странно только читать въ предисловіи переводчика (хотя и вагнеріанца—это есть такая секта,—но все же живущаго въ Россіи и въ 1907 году) такія строки: „Эта глава (о Мейерберѣ и др.) сохраняетъ свою свѣжесть (?) и для нашего времени, когда имя блестяще талантливаго, но холоднаго и безнравственнаго (ради Бога, при чемъ тутъ нравственность? В. В.) автора „Гугенотовъ“ продолжаетъ вызывать почтительное чувство“ и т. д.; или: „Какой надо отличаться пошлой подозрительностью и измельчаніемъ, чтобы объяснить, — какъ это дѣлали иные — нападки Вагнера на оперныхъ композиторовъ завистью!“ Вотъ какъ дѣйствуетъ Вагнеръ на своего переводчика! Неужели онъ не читалъ біографіи или писемъ Вагнера? Да, Вагнеръ не завидовалъ этимъ композиторамъ — они были для него слишкомъ ничтожны, но ненавидѣлъ онъ ихъ со всей пылкостью своего темперамента, и именно за ихъ успѣхъ.

Переводъ книги Вагнера сдѣланъ очень хорошо, и не вина переводчиковъ, если языкъ Вагнера вызываетъ иногда веселый смѣхъ своимъ нелѣпымъ пафосомъ: въ сравненіи съ Вагнеромъ самъ Викторъ Гюго лепечетъ, какъ институтка. Я дамъ только одинъ примѣръ: Вагнеръ разсказываетъ, какъ Веберъ примѣнилъ народные напѣвы въ операхъ. „Несчастный! Онъ понесъ цвѣтокъ наверхъ, въ блистающіе чертоги,

помѣстилъ это мило застыдившееся растеніе въ драгоцѣнной вазѣ и каждый день поливалъ свѣжей водой лѣсного ручья. И что же случилось? Тамъ цѣломудренно замкнутые свѣжіе листья развернулись, какъ бы отдаваясь сладострастной истомѣ; дотолѣ стыдливая дѣвственница безстыдно обнажила свои половые органы и съ отвратительнымъ равнодушіемъ предлагала наглецу-сладострастнику смотрѣть на нихъ".

Предлагая *русскій* переводъ книги Вагнера, было бы умѣстно вспомнить, что одновременно съ появленіемъ Вагнера русскій народъ далъ своего генія — Глинку, и сдѣлать объ этомъ примѣчаніе, что ли, къ стр. 248, гдѣ Вагнеръ пишетъ, что изъ трехъ націй, которыя до сихъ поръ принимали самостоятельное участіе въ развитіи оперы — итальянцевъ, французовъ и нѣмцевъ — только нѣмцы обладаютъ языкомъ, который „можетъ способствовать оживленію художественной выразительности такъ, какъ мы признали это необходимымъ". Вѣдь Вагнеръ писалъ это вновь уже въ 1873 году (второе изданіе его книги), послѣ того, какъ онъ былъ три года капельмейстеромъ въ русскомъ городѣ Ригѣ и сочинилъ гимнъ Николаю I-му, послѣ того, какъ онъ концертировалъ въ Петербургѣ и Москвѣ въ 1863 году и остался очень доволенъ музыкальнымъ и матеріальнымъ успѣхомъ тамъ. Вѣдь къ 1873 году были уже поставлены на сценѣ: „Жизнь за Царя", „Руслань", „Русалка", „Юдиѳь", „Рогнѣда!" Пусть Вагнеръ, какъ нѣмецъ, могъ вѣрить, что реформа оперы возможна только въ его, Вагнера, смыслѣ; но вѣдь русская оперная школа, хотя и находится подъ вліяніемъ Вагнера, все же главный источникъ своей жизни почерпаетъ въ Глинкѣ, и зачѣмъ же намъ, даже преклоняясь предъ Вагнеромъ, забывать объ этомъ!

В. Вальтеръ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ, МАТЕМАТИКА.

Д-ръ Н. Г. Котикъ. Эманація психофизической энергіи. Экспериментальное изслѣдованіе явленій медіумизма, ясновидѣнія и мысленнаго внушенія въ связи съ вопросомъ о радіоактивности мозга.—*H. Weber u J. Wellstein.* Энциклопедія элементарной математики. Т. I. Элементарная алгебра и анализъ.

Д-ръ Н. Г. Котикъ. Эманація психофизической энергіи. Экспериментальное изслѣдованіе явленій медіумизма, ясновидѣнія и мысленнаго внушенія въ связи съ вопросомъ о радіоактивности мозга. Изд. В. М. Саблина. М., 1907 г. Ц. 50 к. О явленіяхъ, которыя перечислены въ только что приведенномъ заголовкѣ, существуетъ литература двухъ видовъ: научная, въ которой явленія эти подвергаются по возможности точному анализу, и такъ называемая спиритическая, описывающая ихъ въ болѣе или менѣе грубомъ видѣ и на основаніи сложныхъ, совсѣмъ не расчлененныхъ фактовъ строящая всевозможныя гипотезы. Книжка д-ра Котика по своему характеру стоитъ гораздо ближе къ литературѣ второго вида, и названіе экспериментальнаго *изслѣдованія* дано ей не совсѣмъ по праву.

Для экспериментовъ съ „мысленнымъ внушеніемъ" д-ръ Котикъ пользуется такъ называемымъ автоматическимъ письмомъ, при помощи котораго объектъ его опытовъ, дѣвица Лидія В., обнаруживаетъ воспринятыя ею чужія мысли. Она отвѣчаетъ на поставленные ей мысленно вопросы, описываетъ виды, изображенные на открытыхъ письмахъ, которыя разсматриваются другимъ лицомъ, но не видны ей самой, описываетъ и воспроизведенныя представленія другого лица, именно, зритель-

ные образы, встающіе въ воображеніи другого лица въ силу воспоминанія. Въ слѣдующихъ опытахъ Лидія В. автоматически пишетъ нѣчто болѣе или менѣе близкое къ тому, что написано на вложенныхъ въ закрытые конверты запискахъ, причемъ содержаніе этихъ записокъ не извѣстно ни ей самой, ни д-ру Котику, который беретъ записки у третьихъ лицъ и передаетъ ихъ въ руки Лидіи. Характеръ нѣкоторыхъ записей Лидіи В. привелъ д-ра Котика къ предположенію, „что мысль фиксируется на бумагѣ непосредственно, т.-е. помимо словесныхъ знаковъ", а отсюда онъ заключилъ, что долженъ получить удовлетворительный отвѣтъ на задачу и въ томъ случаѣ, когда вмѣсто письма, т.-е. листка бумаги съ текстомъ, Лидіи будетъ врученъ пустой листокъ, надъ которымъ третье лицо продумало какую-нибудь картину, такъ какъ на такомъ листкѣ, согласно предположенію д-ра Котика, должна непосредственно зафиксироваться мысль того лица. Соотвѣтствующіе опыты были произведены и дали опять удовлетворительные результаты: то, что записывала Лидія во время сеансовъ, отвѣчало въ большей или меньшей степени „зафиксировавшимся", по предположенію д-ра Котика, на бумагѣ представленіямъ. Наконецъ, послѣдніе опыты заключались въ томъ, что „запечатлѣнная" бумага прикладывалась къ одному концу изолированной проволоки, протянутой черезъ замочную скважину закрытой двери въ другую комнату, между тѣмъ какъ другой конецъ этой проволоки Лидія держала въ рукѣ. Опыты и здѣсь оказались удачны такъ же, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ.

Таковы факты, сообщаемые д-ромъ Котикомъ, факты, безспорно, интересные, но нисколько не приближающіе насъ къ разрѣшенію скрытой въ нихъ загадки. Подобныхъ фактовъ извѣстно очень много, но первый шагъ къ дѣйствительному изслѣдованію ихъ заключается въ томъ, чтобы попытаться объяснить ихъ извѣстными намъ элементами человѣческой психологіи, напримѣръ, повышенной чувствительностью органовъ ощущеній медіума и безсознательными дѣйствіями „индуктора", т.-е. того, отъ кого исходитъ мысленное внушеніе. Если же отправляться, какъ дѣлаетъ д-ръ Котикъ, отъ предположенія о существованіи особой, проявляющейся здѣсь, энергіи, то надо путемъ ряда точно поставленныхъ контрольныхъ опытовъ доказать, что вышеприведенное объясненіе совершенно не можетъ имѣть мѣста. Во всякомъ случаѣ точность опытовъ—а для читателей подробное и обстоятельное описаніе ихъ,—необходимое условіе для того, чтобы работа имѣла какую-нибудь научную цѣнность. Это условіе совершенно отсутствуетъ въ работѣ д-ра Котика, и потому можно только принять къ свѣдѣнію сообщаемые имъ новые факты въ дополненіе къ уже извѣстнымъ, но отъ какихъ бы то ни было выводовъ надо воздержаться.

Самъ д-ръ Котикъ, однако, считаетъ свои данныя достаточными для созданія новой теоріи „эманаціи психофизической энергіи", а другіе, еще болѣе поверхностные опыты даютъ ему основаніе говорить объ открытыхъ имъ же „мозговыхъ лучахъ". Между тѣмъ именно эти опыты, описанные благодаря своей элементарности болѣе обстоятельно, чѣмъ опыты „мысленнаго внушенія", ясно показываютъ, какъ мало способенъ д-ръ Котикъ даже къ сравнительно простой научной работѣ, какъ чужды ему самыя основы научнаго метода изслѣдованія. Онъ видѣлъ нѣчто, чего другіе ученые, какъ они утверждаютъ, при тѣхъ же условіяхъ не видѣли. Вмѣсто того чтобы искать въ такомъ случаѣ объективную истину, д-ръ Котикъ просто заявляетъ, что это возраженіе никакой критики не выдерживаетъ, а по отношенію къ возражающимъ впадаетъ почти

въ бранчивый тонъ. Необычная въ научныхъ сочиненіяхъ развязность тона вообще составляетъ отличительную черту работы д-ра Котика. Такъ, оговариваясь, что многіе психологи отрицаютъ самую возможность передачи мыслей на разстояніи, а многіе физики не признаютъ существованія какой-либо эманаціи, онъ прибавляетъ: „Но я глубоко убѣжденъ въ томъ, что и тѣ, и другіе являются выразителями отживающаго уже міросозерцанія, и въ этомъ отношеніи они—реакціонеры въ наукѣ". Эти слова, помѣщенныя въ послѣсловіи, заставляютъ вспомнить одну автобіографическую подробность, сообщаемую авторомъ, неизвѣстно для чего, въ предисловіи. „Послѣ опубликованія (первыхъ) моихъ опытовъ,—разсказываетъ онъ,—прошло уже почти 3 года, но вопросъ и нынѣ находится въ томъ положеніи, въ какомъ я его оставилъ или, вѣрнѣе, вынужденъ былъ оставить. Вспыхнувшая вскорѣ послѣ того великая россійская революція призвала меня въ свои ряды; пройдя затѣмъ всѣ неизбѣжные въ наше время этапы политическаго воспитанія въ тискахъ самодержавно-конституціоннаго правительства, я вновь вернулся къ своимъ пенатамъ и приступилъ къ продолженію прерванныхъ работъ". Теперь мы благодарны автору за сообщеніе объ этомъ важномъ въ его жизни обстоятельствѣ, такъ какъ оно дѣлаетъ для насъ психологически понятною манеру д ра Котика вводить въ науку новыя открытія. Не рѣшилъ ли д-ръ Котикъ и „эманацію психофизической энергіи", и „лучеиспусканіе мозга" ввести въ науку явочнымъ порядкомъ? Къ счастью, въ царствѣ науки не существуетъ полиціи, и усердіе такихъ реформаторовъ, какъ д-ръ Котикъ, можетъ вызвать только улыбку.

А. Громбахъ.

H. Weber и J. Wellstein. Энциклопедія элементарной математики. Руководство для преподающихъ и изучающихъ элементарную математику. Въ трехъ томахъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Кагана, прив.-доц. Императ. Новорос. университета. Томъ I. Элементарная алгебра и анализъ. Изд. Mathesis. Одесса, 1907 г. Книгоиздательство „Mathesis" выпустило въ свѣтъ новый трудъ—„Энциклопедію элементарной математики". Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ на русскомъ языкѣ появились переводы трудовъ, аналогичныхъ данному. „Алгебра" Бертрана и Тодгентера, такія же книги по геометріи, все это нѣсколько устарѣло сравнительно съ тѣми объясненіями, которыя введены въ настоящее время въ курсъ элементарной математики. Лежащій передъ нами I томъ „Энциклопедіи" даетъ возможность ознакомиться съ этими новыми вѣяніями, играющими столь важную роль при преподаваніи математики въ средней школѣ. Правда, размѣры этого труда подходятъ болѣе или менѣе къ требованіямъ, предъявляемымъ къ оканчивающимъ курсъ германскихъ гимназій и значительно превышаютъ maximum знанія слѣдуемаго по программѣ русскихъ гимназій. Предназначается онъ, главнымъ образомъ, для преподавателей, желающихъ освѣжить въ своей памяти курсъ преподаваемаго ими предмета и ознакомиться съ тѣми нововведеніями, которыя вводятся теперь въ курсъ средней школы. „Читателями, которыхъ мы имѣемъ въ виду, являются, во-первыхъ, учителя, которые, мы надѣемся, найдутъ въ немъ полезныя указанія для выбора учебнаго матеріала, особенно для старшихъ классовъ; во-вторыхъ, лица, изучающія уже математику спеціально и серьезно, которыя желаютъ пріобрѣсти для этого твердую почву путемъ освѣженія и дополненія пріобрѣтенныхъ раньше элементарныхъ знаній". (Пред. автора, VII.)

Предѣлы пониманія, что такое элементарная математика, гдѣ она кончается и гдѣ начинается высшая математика—чрезвычайно туманны. Г. Weber, авторъ I тома „Энциклопедіи", выясняетъ свой взглядъ на этотъ интересный вопросъ. „Мы подъ элементарной математикой понимаемъ все то, что можно цѣлесообразно примѣнять при преподаваніи математики въ школѣ, но въ томъ періодѣ его, который предшествуетъ выбору особой спеціальности". (Пред. автора, VIII.) Конечно, при преподаваніи можетъ быть принятъ тотъ или другой планъ, въ зависимости отъ взгляда преподавателя; по мнѣнію автора, преподаватель долженъ стремиться къ двоякой цѣли. Во-первыхъ, къ пробужденію духовныхъ силъ учащагося, къ разностороннему развитію его ума, во-вторыхъ къ сообщенію ему maximum'a полезныхъ свѣдѣній, могущихъ дать ему твердую опору въ предстоящей жизненной борьбѣ. Но при этомъ не нужно забывать, что всегда „математическая работа содержитъ въ себѣ особый элементъ творчества" (ibid.); а въ зависимости отъ этого ученики должны обладать особымъ, спеціальнымъ талантомъ. Такимъ образомъ въ классѣ получается раздѣленіе на выдающихся и среднихъ учениковъ. „Преподаватель, стремящійся одновременно выполнить обѣ эти задачи—цѣлесообразнаго преподаванія выдающимся ученикамъ и среднимъ,—долженъ обладать не только основательными познаніями, но и глубокимъ математическимъ образованіемъ и пониманіемъ тонкостей и красотъ математики" (ibid., IX). Вотъ почему авторы настоящей „Энциклопедіи" и желаютъ придти своимъ трудомъ на помощь преподавателю средней школы.

Предисловію автора предпослано предисловіе редактора русскаго изданія, г. Кагана, въ которомъ этотъ послѣдній указываетъ на задачу „Энциклопедіи"—„дать научное и современное изложеніе основъ элементарной математики" (пред., V.) Книга распадается на три тома: I—лежащій передъ нами—обнимаетъ собой ариѳметику, алгебру и анализъ, II—геометрію, а III—будетъ посвященъ приложеніямъ, какъ-то: особенно интереснымъ задачамъ, примѣрамъ и т. д. По поводу лежащаго передъ нами труда можно цитировать слова г. редактора русскаго изданія. „Книга содержитъ, на нашъ взглядъ, мастерское изложеніе элемента ариѳметики, алгебры и анализа" (пред., V.) Присоединяясь вполнѣ къ этому отзыву, мы прибавимъ, что въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, чувствовался недостатокъ въ трудѣ подобнаго рода, и выходъ въ свѣтъ „Энциклопедіи" несомнѣнно будетъ одобренъ всѣми, занимающимися вопросами математики. Книга издана прекрасно, какъ вообще всѣ изданія книгоиздательства „Mathesis".

Окончательное сужденіе объ „Энциклопедіи" мы оставляемъ за собой до выхода въ свѣтъ остальныхъ двухъ томовъ.

А. Лаппо.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 ноября по 1 декабря 1907 г.

Ананьинъ, С. Софистъ. Діалогъ Платона. Перев. съ греческ. Кіевъ, 1907 г.

Анучинъ, В. Сказанія. Спб., 1908 г. Ц. 50 к.

Бальмонтъ, К. Бѣлыя зарницы. Спб., 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Барановъ, И. Леонидъ Андреевъ, какъ художникъ-психологъ и мыслитель. Кіевъ, 1908 г. Ц. 50 к.

Байронъ. Шильонскій узникъ. Нов. перев. В. Ф. М., 1907 г. Ц. 15 к.

Беренштамъ, Вл. Около политическихъ. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.

Билимовичъ, Ал. Землеустроительныя задачи и землеустроительное законодательство Россіи. Кіевъ, 1907 года. Ц. 1 р. 50 к.

Бирюковъ, П. Духоборцы. М., 1907 г. Ц. 1 р.

Блюменау, А. „Amores“. Стихотв. М., 1907 г. Ц. 1 р.

Борисовъ, А. У самоѣдовъ. Издан. Девріена. Спб., 1908 г.

Босма, Г. Нервныя дѣти. М., 1908 г. Ц. 50 к.

Бруэръ. Обыденныя явленія природы и жизни. Спб. и М., 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣлый камень, альманахъ индивид. искусства и индив. мысли. Т. I. М., 1908 г. Ц. 60 к.

Ватсонъ, М. Библіотека итальянск. писателей: Джозуэ Кардуччи. Ц. 50 к. Ада Негри. Ц. 50 к. Витторіо Альфіери. Ц. 50 к. Джакомо Леопарди. Ц. 50 к. Алессандро Манцони. Ц. 50 к. Джузеппе Джусти. Ц. 50 к. Спб., 1907 года. При подп. на всѣ десять вып. цѣна 2 руб. 50 коп., а за шесть первыхъ 1 р. 50 к.

Веселовскій, Ю. Трагедія дѣтской души. М., 1907 г. Ц. 55 к.

Ведекиндъ, Ф. Пробужденіе весны. Кіевъ, 1908 г. Ц. 35 к.

Владиміровъ, Л. Курсъ уголовнаго права. М., 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.

Вліяніе колонизаціи на киргизское хозяйство. Спб., 1907 г.

Вороновъ, С. Ранняя выгонка фруктовъ и ягодъ. Ц. 50 к. Домашняя сушка плодовъ и овощей. Ц. 25 к. Спб., 1907 г.

Вѣстникъ высшихъ женскихъ юридическихъ курсовъ въ Москвѣ. 1907—1908 акад. годъ. Подъ редакціей В. Краснокутскаго и Ю. Айхенвальда. № 1. М., 1907 г. Ц. 30 к.

Гершензонъ, М. П. Я. Чаадаевъ. Спб., 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.

Германъ Густавъ. На высотѣ. Драма въ 3-хъ д. Спб., 1908 г. Ц. 50 к.

Горскій, І. Григорій Тучкинъ. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.

Голиковъ, В. Кровь и слезы. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.

Грановскій, Л. Общественное здравоохраненіе и капитализмъ. М., 1908 г. Ц. 35 к.

Дѣти—работники будущаго. I-я книга московскаго о-ва „Сетлементъ“. М., 1908 г. Ц. 55 к.

Жюль Леметръ. Серенусъ. М., 1908 г. Ц. 1 р.

Загоскинъ, Н. Исторія Импер. Казанскаго университета за первыя сто лѣтъ его существованія 1804—1904 гг. Т. IV. Казань, 1906 г.

Законодательные проекты и предположенія партіи нар. свободы 1905—1907 гг. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Золотаревъ, Л. Борьба съ лѣнью. М., 1907 г. Ц. 60 к.

Зудерманъ, Г. Розы. 4 одноакт. пьесы. Спб., 1908 г. Ц. 75 к.

Ибсенъ, Генрикъ. Т. I. Перев. А. и П. Ганзенъ. М., 1907 г. Ц. 2 р. 20 к.

Исторія русской литературы. Т. I. В. I. М., 1908 г.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Вып. 3, 4 и 5. М., 1907 г. Ц. 1 р. 35 к.

Іерингъ, Р. Борьба за право. Изд. 2-е. М., 1907 г. Ц. 30 к.

Карпентеръ, Э. Цивилизація, ея причина и излѣченіе. М., 1907 года. Ц. 80 к.

— Я есмь. М., 1907 г. Ц. 20 к.

Каблуковъ, Н. Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Изд. 2-е. М., 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Карѣевъ, Н. Введеніе въ изученіе соціологіи. Изд. 2-е. Спб., 1907 года. Ц. 1 р. 75 к.

Канель, В. Гигіена. М., 1908 года. Ц. 2 р.

Каменоградскій, П. Доходное грибоводство. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 20 к.

Калугинъ, И. Силосованіе кормовъ. Спб., 1907 г. Ц. 70 к.

Кичуновъ, Н. Садоводство. Спб., 1907 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Промышленное плодоводство. Ц. 40 к. Огородничество. Ц. 45 к. Борьба съ вредителями въ садоводствѣ. Ц. 60 к. Спб., 1907 г.

Кильчевскій, В. Богатства и доходы духовенства. Спб., 1908 г. Ц. 15 к.

Ковальскій, К. Терновый вѣнецъ. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.

Коллективистъ. Сбор. статей. М., 1907 г. Ц. 20 к.

Коченовскій, Д. Краткій курсъ химіи неорганич. и органич. Спб., 1908 г. Ц. 1 р. 20 к.

Кремлевъ, А. Давидъ, царь Іудейскій. Спб., 1908 г. Ц. 75 к.

Крашенинниковъ, Н. Восемь лѣтъ. Воспоминанія о гимназіи. М., 1907 г. Ц. 50 к.

К. К. А. Друзья. М., 1907 г. Ц. 10 к.

Левитскій, В. Къ вопросу объ экономическомъ значеніи крупныхъ и мелкихъ заводско-земледѣльч. хозяйствъ. Харьковъ, 1907 г. Ц. 30 к.

Лемке, М. Николаевскіе жандармы. Спб., 1908 г. Ц. 3 р. 50 к.

Литературный календарь-альманахъ на 1908 годъ. Спб. Ц. 50 к.

Льговскій, А. Крестьянское хозяйство и земскіе агрономы. Какими сѣменами надо сѣять. М., 1907 г. Ц. 5 к.

Лютгенау, Ф. Естественная и соціальная религія. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.

Мальтусъ, Т. Опытъ закона о народонаселеніи. М., 1908 г. Ц. 30 к.

Махцевичъ, В. Веселые будни. Изъ воспоминаній гимназистки. Издан. Девріена. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.

Мережковскій, Д. Вѣчные спутники: Монтань, Флоберъ. Ц. 30 к. Кальдеронъ и Сервантесъ. Ц. 30 к. Спб., 1907 г.

Мещерскій, И. Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ. Спб., 1907 г. Ц. 30 к.

Мюнхъ, В. Родители, учителя и школы нашего времени. М., 1908 г. Ц. 50 к.

Нечаевъ, А. Работа рѣкъ и ручьевъ. Ц. 40 к. Работа льда. М., 1908 г. Ц. 35 к.

Никоновъ, Б. Въ стѣнахъ гимназіи. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 25 к.

Новомбергскій, Н. Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 года. Томскъ, 1907 г. Ц. 30 к. съ перес.

Озеровъ, И. Что такое общество потребителей, какъ его основать и вести. Изд. 2-е. М., 1908 г. Ц. 35 к.

Осадчій, Т. Борцы за землю и правду. Ром.-былое. Кіевъ, 1908 г. Ц. 1 р.

Отто Рюле. Дѣти пролетаріата. М., 1907 г. Ц. 30 к.

Поспѣловъ, С. Въ странѣ свободы и труда. Разсказъ изъ америк. жизни. Изд. Девріена. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.

Починъ. Литер. сбор. М., 1908 г. Ц. 75 к.

Пришвинъ, М. Въ краю непуганыхъ птицъ. Изд. Девріена. Спб., 1908 г.

Прокоповичъ, С. Рабочее движеніе въ Германіи. Спб., 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Пти-де-Жюльвилль, Л. Иллюстр. исторія французск. литературы въ XII вѣкѣ. Перев. Ю. Веселовскаго, съ предисл. проф. А. Н. Веселовскаго. М., 1908 г. Ц. 2 р.

П. Я. Русская муза. Художеств.-истор. хрестоматія. М., 1908 г. Ц. 1 р. 75 к.

Радичъ, В. и Ждановъ, Л. На Малаховомъ курганѣ. Истор. повѣсть для юношества. Изд. Девріена. Спб., 1908 г. Ц. 80 к.

Родбертусъ. Теорія ренты и изслѣдованіе о капиталѣ. Перев. А. Кауфмана. М., 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.

Розегеръ, П. Яковъ послѣдній. Ром. М., 1907 г. Ц. 60 к.

Роденъ, Э. Упраница. Изд. Девріена. Спб., 1903 г.

Россія. Полное географич. описаніе нашего отечества. Т. XVI. Западная Сибирь. Спб., 1907 г. Ц. 3 р. 75 к.

Святловскій, В. Профессіональныя рабочіе союзы. В. I и II. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.

Сильванскій, Н. Феодализмъ въ древней Руси. Спб., 1907 г.

Сказки старухи-говорухи о животныхъ. Изд. Девріена. Спб., 1908 г.

Сорель, Жоржъ. Соціальные очерки современной экономіи. М., 1908 года. Ц. 1 р. 25 к.

Страховъ, Ѳ. По ту сторону полит. интересовъ. М., 1907 г. Ц. 65 к.

Страховъ, П. Сельско-хоз. архитектура съ атласомъ. Спб., 1907 г. Ц. 6 р.

Станюковичъ, В. Путевой альбомъ. Спб., 1907 г. Ц. 75 к.

Толстой, Л. 1) Письмо къ китайцу. Ц. 15 к. 2) Соединеніе, переводъ и изслѣдованіе четырехъ евангелій. Т. I. Ц. 75 к. Спб., 1907 г.

Толстой, И. и **Гессенъ, Ю.** Факты и мысли. Спб., 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.
Топеліусъ, З. Разсказы фельдшера. Спб., 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.
Трачевскій, А. Новая исторія. Т. II. Спб., 1908 г. Ц. 3 р.
Тулайковъ, Н. О почвахъ. М., 1907 г. Ц. 16 к.
Успенскій, М. Обществовѣдѣніе въ начальной школѣ. Спб., 1908 г. Ц. 10 к.
Фейербахъ, Л. О дуализмѣ и безсмертіи. Спб., 1908 г. Ц. 50 к.
Хельчицкій, П. Сѣть вѣры. М., 1907 г. Ц. 40 к.
Хлопинъ, В. и **Добровольскій, К.** Обезвреживаніе питьевой воды посредствомъ озона. Спб., 1907 г.
Штильманъ, Г. Внѣпарламентское законодательство въ конституціонной Россіи. Спб., 1908 г. Ц. 25 к.
Шуловъ, Ив. Обработка земли. М., 1907 г. Ц. 16 к.
Щепотьевъ, Л. Женская душа. М., 1908 г. Ц. 50 к.
Ѳедоровъ, А. Стихи. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.
— Разсказы. Спб., 1908 г. Ц. 1 р.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Библіографическаго отдѣла.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика; *Оскаръ Уайльдъ.* Флорентійская трагедія.—*В. Муйжель.* Разсказы. Т. I 235

Исторія, исторія литературы: *М. Гершензонъ.* П. А. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе.—*Мих. Лемке.* Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.—Петрашевцы. Политическіе процессы николаевской эпохи.—*Н. Николинъ.* 1) Древнѣйшіе жители Европы. 2) Древняя Греція. 3) Древній Римъ. 237

Соціологія, правовѣдѣніе: *Г. Штильманъ.* Внѣпарламентское законодательство въ конституціонной Россіи.—*Бентамъ.* Политическіе опыты. Тактика законодательныхъ собраній. Перев. М. К. 245

Искусство: *Рих. Вагнеръ.* Опера и драма. Перев. А. Шепелевскаго и А. Винтера 249

Естествознаніе, математика: *Д-ръ Н. Г. Котикъ.* Эманація психофизической энергіи. Экспериментальное изслѣдованіе явленій медіумизма, ясновидѣнія и мысленнаго внушенія въ связи съ вопросомъ о радіоактивности мозга.—*H. Weber и J. Wellstein.* Энциклопедія элементарной математики. Т. I. Элементарная алгебра и анализъ. 251

II. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1907 г.

III. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1907 г.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ,

разобранныхъ въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ за 1907 годъ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Байронъ. Каинъ. Мистерія. Перев. съ англ. Ив. Бунина. Кн. IV, стр. 63.

Бальмонтъ, К. Д. Злыя чары. Книга заклятій. Кн. VI, стр. 105.

— Жаръ-птица. Свирѣль славянина. Кн. XI, стр. 215.

Библіотека великихъ писателей. Подъ ред. С. А. Венгерова. *Пушкинъ*. Вып. I. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Кн. I, стр. 1.

Блокъ, Александръ. Нечаянная радость. Второй сборникъ стиховъ. Кн. III, стр. 51.

Ведекиндъ. Пробужденіе весны. Дѣтская трагедія. Перев. Федора подъ ред. Ѳ. Сологуба — *Франкъ Ведекиндъ*. Весенніе побѣги. Трагедія дѣтской души. Перев. Е. И. Маурина. Кн. X, стр. 195.

Гамсунъ, Кнутъ. Драма жизни. Кн. II, стр. 30.

Городецкій, Сергѣй. Ярь. Стихи лирическіе и лиро-эпическіе. Кн. V, стр. 85.

— Перунъ. Стихотворенія лирическія и лиро-эпическія. Кн. X, стр. 194.

Зайцевъ, Борисъ. Разсказы. Издательство „Шиповникъ“. Кн. I, стр. 8.

Зиновьева-Аннибалъ, Л. Трагическій звѣринецъ. Разсказы. Кн. VIII, стр. 147.

Корабли. Сборникъ стиховъ и прозы. Кн. X, стр. 195.

Крашенинниковъ, Н. Угасающая Башкирія. Кн. VIII, стр. 149.

Купринъ, А. Т. III. Кн. II, стр. 27.

Ванъ-Лербергъ, Шарль. Панъ. Сатирическая комедія въ 3-хъ дѣйств. въ прозѣ. Перев. С. А. Полякова. Кн. IX, стр. 169.

Литературно-художественные альманахи. Книгоиздательство „Шиповникъ“. Книга первая. Кн. IV, стр. 64.

Литературно-художественные альманахи. „Шиповникъ“. Книга вторая. Кн. IX, стр. 167.

Молодая Бельгія. Т. I. Поэты. Сборникъ, изданный подъ ред. Маріи Веселовской. Кн. IV, стр. 66.

Мультатули. Повѣсти, сказки, легенды. Перев. и вступит. ст. Алекс. Чебатаревской. Кн. II, стр. 33.

Муйжель, В. Разсказы. Т. I. Кн. XII, стр. 236.

Новиковъ, Ив. Изъ жизни духа. Романъ. Кн. IX, стр. 172.

Новое Слово. Товарищескіе сборники. Книга первая. Кн. VII, стр. 130.

Олигеръ, Н. Разсказы. Т. I. Кн. IX, стр. 168.

Ремизовъ, Алексѣй. Посолонь. Кн. II, стр. 34.

Рославлевъ, Александръ. Въ башнѣ. Стихи. Книга первая. Кн. XI, стр. 216.

Сборникъ т-ва „Знаніе“ за 1907 г. Книга шестнадцатая. Кн. VII, стр. 128.

Серафимовичъ, А. Разсказы. Т. II. Кн. II, стр. 28.

Соловьевъ, Сергѣй. Цвѣты и хаданъ. Первая книга стиховъ. Кн. VI, стр. 106.

Сологубъ, Ѳедоръ. Мелкій бѣсъ. Романъ. Кн. IX, стр. 170.

— Истлѣвающія личины. Книга разсказовъ. Кн. X, стр. 193.

Сочиненія Пушкина. Изданіе академіи наукъ. Переписка подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Т. I. Кн. I, стр. 5.

Стражевъ, Викторъ. О печали свѣтлой. Кн. V, стр. 86.

Театръ Еврипида. Полный стихотворный переводъ съ греческаго всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ до насъ подъ этимъ именемъ. Въ трехъ томахъ съ двумя введеніями, статьями объ отдѣльныхъ пьесахъ и объяснительнымъ указателемъ И. Ѳ. Анненскаго. Т. I. Кн. VII, стр. 127.

Толстой, Л. Н. Новыя произведенія. Вып. III. О Шекспирѣ и драмѣ. Кн. II, стр. 32.

Уайльдъ, Оскаръ. Флорентійская трагед. въ одномъ дѣйст. Кн. XII, стр. 235.

Чуковскій, К. Поэтъ-анархистъ Уотъ Уитманъ. Переводъ въ стихахъ и характеристика. Кн. VIII, стр. 145.

Шевченко, Т. Г. Кобзарь. Въ переводѣ русскихъ писателей. Редакція И. А. Бѣлоусова. Изд. 2 е. Кн. II, стр. 28.

ИСТОРІЯ. — ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ. — ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА.

Аеанасьевъ, Г. Исторія Ирландіи. (Изъ серіи „Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время“.) Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго. Кн. V, стр. 93.

Бахъ, Макс. Австрія въ первую половину XIX вѣка. Перев. подъ редакц. В. Базарова и И. Степанова. Вып. II. Кн. III, стр. 61.

Библіотека великихъ русскихъ писателей. Подъ ред. С. А. Венгерова. Пушкинъ. Вып. II и III. Кн. XI, стр. 219.

Бороздинъ, А. К. Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Т. II, вып. II. Кн. VIII, стр. 150.

Брикнеръ, А. Г. Смерть Павла I. Со статьею В. И. Семевскаго. Перев. М. Челинской. Изд. М. В. Пирожкова. Кн. I, стр. 18.

Брюкнеръ, проф. Исторія русской литературы въ 2-хъ частяхъ. Перев. А. Г. Савинскаго, подъ редакц. В. В. Битнера. Кн. V, стр. 87.

Венгеровъ, С. А. Очерки по исторіи русской литературы. Кн. X, стр. 198.

Вилліамъ, Г. (состав.). Рабство и освобожденіе негровъ. Кн. VII, стр. 141.

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Подъ ред. Н. Ѳ. Анненскаго, В. Я. Богучарскаго, В. И. Семевскаго и П. Ф. Якубовича. Ч. I. Кн. VI, стр. 107.

Гаммеджъ, Р. Исторія чартизма. Перев. съ англ. А. В. Погожевой. Кн. II, стр. 41.

Гельдъ. Соціальная исторія Англіи. Перев. П. Шутякова. Вып. I. Кн. VII, стр. 140.

Гершензонъ, М. П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. Кн. XII, стр. 237.

Дашкова, кн. Записки. Перев. подъ ред. Н. Д. Чечулина. Изд. А. С. Суворина.—Записки кн. Дашковой. Изд. В. Врублевскаго. Кн. I, стр. 19.

Доллеансъ, Эдуардъ. Робертъ Оуэнъ. Перев. съ франц. М. Ильина. Подъ ред. Л. П. Никифорова. Кн. II, стр. 41.

Записки Василія Петровича Зубкова о заключеніи въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 декабря 1825 г. Съ предисл. и примѣч. В. Л. Модзалевскаго, портретами и рисунками. Кн. V, стр. 94.

Записки кн. С. П. Трубецкого. Кн. VIII, стр. 158.

Зѣлинскій, Ѳ. Ф., проф. Соперники христіанства. (Статьи по исторіи античныхъ религій.) Кн. VIII, стр. 156.

Іеккъ, Г. Интернаціоналъ. Кн. XI, стр. 217.

Князь Александръ Ивановичъ Урусовъ. Статьи его о театрѣ, о литературѣ и объ искусствѣ. Письма его. Воспоминанія о немъ. Т. I, II и III. Кн. V, стр. 91.

Коробка, Н. И. (состав.). Опытъ обзора исторической литературы для школъ и самообразованія. Ч. III. Эпоха реалистическаго романа. Кн. VIII, стр. 152.

Кропоткинъ, П. Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ. Перев. съ англійск. В. Батуринскаго. Кн. V, стр. 88.

Лемке, Мих. Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. Кн. XII, стр. 240.

Либкнехтъ, В. Къ юбилею мартовской революціи. Перев. съ нѣмецкаго Б. Александровой. Кн. III, стр. 60.

Люксъ, Г., д-ръ. Этьенъ Кабе и икарійскій коммунизмъ. Перев. съ нѣм. В. А. Кожевникова и Б. С. Мальцмана. Кн. VI, стр. 110.

Марксъ, Карлъ. Восемнадцатое брюмера Людовика Бонапарта. Перев. съ 3-го нѣм. изд. Р. С. Аснесъ. Кн. VII, стр. 141.

Николинъ, Н. 1) Древнѣйшіе жители Европы. 2) Древняя Греція. 3) Древній Римъ. Кн. XII, стр. 243.

Новомбергскій, Н. Врачебное строеніе въ до-Петровской Руси. Кн. VIII, стр. 160.

Оманъ, Ч. Великое крестьянское возстаніе въ Англіи. Перев. С. Г. Зайцевскаго. Кн. IV, стр. 72.

Орси, Піетро. Современная Италія. Перев. съ итал. Ѳ. Шенрокъ. Подъ ред. проф. Г. Форстена. Кн. X, стр. 197.

Петрашевцы. Политическіе процессы николаевской эпохи. Кн. XII, стр. 241.

Покровскій, С. П. Министерская власть въ Россіи. Историко-юридическое изслѣдованіе. Кн. VI, стр. 103.

Поярковъ, Ник. Поэты нашихъ дней. (Критическіе этюды.) Кн. V, стр. 92.

Р—дъ. Мало прожито—много пережито. Впечатлѣнія молодого офицера о войнѣ и плѣнѣ. Ч. I. Въ осадѣ Портъ-Артура. Кн. VIII, стр. 161.

Розенъ, А. Е., баронъ. Записки декабриста. Кн. VIII, стр. 158.

Тэнъ, Ипполитъ. Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи. Т. I. Старый порядокъ. Перев. съ 3-го франц. изд. Германа Лопатина. Кн. IX, стр. 173.

Черновъ, И. Лун Блан. Кн. II, стр. 40.

Ювачевъ, И. П. (**И. И. Миролюбовъ**). Шлиссельбургская крѣпость. Кн. V, стр. 93.

Эллинская культура въ изложеніи Фр. Баумгартена, Фр. Паланда, Рих. Вагнера. Перев. М. И. Бергъ. Подъ ред. проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго. Вып. I—III. Изд. Брокгауза-Ефрона. Кн. I, стр. 20.

ФИЛОСОФІЯ.

Лосскій, Н. О. Обоснованіе интуитивизма. Кн. III, стр. 55.

Махъ, Э. Анализъ ощущеній и отношеніе физическаго къ психическому. Перев. Г. Котляра. Кн. XI, стр. 228.

СОЦІОЛОГІЯ.—ПРАВОВѢДѢНІЕ.—ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Алексѣевъ, А. С., проф. Безотвѣтственность монарха и отвѣтственность правительства. Кн. VIII, стр. 162.

Бентамъ. Политическіе опыты. Тактика законодательныхъ собраній. Перев. М. К. Кн. XII, стр. 247.

Библіографическій сборникъ, издаваемый подъ общей редакціей Историческ. комиссіи учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. № 1. Обзоръ литературы по рабочему вопросу. Вып. I. Профессіональное движеніе. Подъ ред. М. Г. Лунца. Кн. X, стр. 205.

Вопросы колонизаціи. Сборникъ статей. Подъ ред. С. А. Шкапскаго. № 1. Кн. II, стр. 36.

Гензель, П. Налогъ съ наслѣдства въ Англіи. Кн. X, стр. 200.

Гёре, П. Три мѣсяца фабричнымъ. Пер. М. Б. М. Кн. IX, стр. 178.

Грагамъ, В. Соціализмъ новый и старый. Перев. съ англ. И. Е. Стеблина-Каменскаго. Кн. III, стр. 52.

Дайси, А. В. Основы государственнаго права Англіи. Введеніе въ изученіе англійской конституціи. Перев. подъ ред. П. Г. Виноградова. Изд. 2-е. Кн. IX, стр. 175.

Желѣзновъ, В. Я. Очерки политической экономіи. Изданіе 5-е. Кн. V, стр. 95.

Зомбартъ, Вернеръ. Пролетаріатъ. Эскизы и очерки. Перев. съ нѣм. Вл. Романовича и І. Фельдъ. Кн. VII, стр. 138.

Косинскій, В. А., проф. Къ аграрному вопросу. Вып. I. Крестьянское и помѣщичье хозяйство. Кн. IV, стр. 67.

Луи, Поль. Рабочій и государство. Сравнительная исторія рабочаго законодательства въ странахъ Стараго и Новаго Свѣта. Изд. Саблина. Кн. VII, стр. 137.

— Рабочее законодательство цивилизованныхъ странъ. Изд. Мягкова „Народная Мысль". Кн. VII, стр. 137.

Люблинскій, П. И. Право амнистіи. Кн. VIII, стр. 163.

Мюллеръ, А. Рабочіе секретаріаты и страхованіе рабочихъ въ Германіи. Съ предисл. и статьей *И. Х. Озерова.* Наши новые проекты по рабочему законодательству и классовая политика предпринимателей. Кн. X, стр. 203.

Петровъ, Т. В. Основы общественной жизни по ученію Евангелія. Кн. XI, стр. 227.

Полянскій, Н. Н. Стачки рабочихъ и уголовный законъ. Кн. VI. стр. 111.

Святловскій, В. В. Указатель литературы по профессіональному рабочему движенію, вышедшей на русскомъ языкѣ по 9-е января 1907 г. Изд. 2-е. Кн. X, стр. 205.

Современныя конституціи. Т. II. Перев. подъ ред. и со вступит. очерками В. М. Гессена и Б. Э. Нольде. Кн. IX, стр. 224.

Фроме, К. Монархія или республика? Перев. В. В. Задлера. Кн. IX, стр. 176.

Хольцовъ, Л. С. Современная Америка. Кн. XI, стр. 225.

Штильманъ, Г. Внѣпарламентское законодательство въ конституціонной Россіи. Кн. XII, стр. 245.

Эльмъ, А., фонъ. Соціализмъ и профессіональное движеніе. Перев. съ рукописи. (Задачи соціалистической культуры. Изд. и перев. Б. Резанна и І. Постмана въ Берлинѣ. Вып. VII). Кн. VII, стр. 135.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Амфитеатровъ, А. и Аничковъ, Е. Побѣдоносцевъ. Кн. VIII, стр. 164.

Берлинъ, П. А. Политическія партіи въ Западной Европѣ. Кн. VII, стр. 132.

Бѣлый, Я. М. Изъ недавней старины. Воспоминанія земскаго врача 70-хъ годовъ. Кн. XI, стр. 226.

Государственная Дума. Стенографическіе отчеты 1906 годъ. Сессія первая. Т. I и II. Кн. I, стр. 17.

„Индивидуалистъ". Сборникъ (съ портретами Макса Штирнера и Веніамина Тэкера). Кн. I, стр. 16.

Кіевскій и одесскій погромы въ отчетахъ сенаторовъ Турау и Кузминскаго. Кн. IX, стр. 182.

Климковъ, Василій. Расправы и разстрѣлы. Кн. IV, стр. 78.

Конштедтъ, В. Аграрный вопросъ въ германской соціалъ-демократіи. Съ приложен. статьи Каутскаго о книгѣ Конштедта. Кн. VI, стр. 115.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д. Изъ эпохи освободительнаго движенія. I. До 17 октября 1905 г. Кн. I, стр. 10.

Лисовскій, Н. М. Рабочіе въ военномъ вѣдомствѣ (по поводу трудовъ Высочайше учрежденной комиссіи по улучшенію быта рабочихъ военнаго вѣдомства). Кн. VI, стр. 120.

Лозинскій, Евгеній. Что же такое, наконецъ (?!) интеллигенція? (Критико-соціологическій опытъ). Кн. IV, стр. 76.

Ломброзо, Ц. Анархисты. Кн. X, стр. 217.

Мохъ, Г. Постоянная армія и милиція. Перев. со 2-го франц. изд. А. Ф. Коганъ-Шабшалъ. Кн. VII, стр. 134.

Поповъ, И. И. Дума народныхъ надеждъ. Кн. II, стр. 45.

Потресовъ, А. Н. (Старовѣръ). Этюды о русской интеллигенціи. Сборникъ статей. Кн. X, стр. 206.

Противъ смертной казни. Сборникъ статей, подъ редакціей М. Н. Гернета, О. В. Гольдовскаго и И. Н. Сахарова. Изд. 2-е, дополненное. Кн. V, стр. 100.

Скворцовъ, А. И. Аграрный вопросъ и Государственная Дума. Кн. I, стр. 12.

Толстой, Л. Н. I. О жизни. II. О новомъ жизнеописаніи. Изд. 2-е. Кн. X, стр. 206.

Уваровъ, М. С. (врачъ) и Лялинъ, Л. М. (фабричн. инспекторъ). Охрана жизни и здоровья работающихъ. Систематическое изложеніе профессіональной гигіены. Кн. VI, стр. 121.

Урусовъ, С. Д., кн. Очерки прошлаго. Т. I. Записки губернатора. Кн. VII, стр. 130.

Череванинъ. Лондонскій съѣздъ. Р. С.-Д. П. 1907 г. Кн. X, стр. 210.

Яжулъ, Ив. И. Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. Кн. II, стр. 43.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ. ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Вейнбергъ, В. П. Люди жизни, думайте о грядущихъ поколѣніяхъ! Соціальныя задачи опытныхъ наукъ. Кн. IX, стр. 186.

Веллеръ, С. М. О міровомъ эфирѣ. Современныя воззрѣнія на свѣтъ, теплоту и электричество. Кн. I, стр. 21.

Weber, H. и Wellstein, J. Энциклопедія элементарной математики. Руководство для преподающихъ и изучающихъ элементарную математику. Въ трехъ томахъ. Перев. В. Кагана. Т. I. Элементарная алгебра и анализъ. Кн. XII, стр. 253.

Гартманъ, Эдуардъ. Міровоззрѣніе современной физики. Перев. С. В. Ковтовта. Кн. IX, стр. 184.

Котикъ, И. Г., д-ръ. Эманація психофизической энергіи. Экспериментальное изслѣдованіе явленій медіумизма, ясновидѣнія и мысленнаго внушенія въ связи съ вопросомъ о радіоактивности мозга. Кн. XII, стр. 251.

Морозовъ, Николай. Откровенія въ грозѣ и бурѣ. Кн. XI, стр. 221.

Пуанкаре, Анри. Цѣнность науки. Перев. съ франц. подъ ред. А. Бачинскаго и Н. Соловьева. Кн. II. стр. 45.

ИСКУССТВО.

Вагнеръ, Рих. Опера и драма. Пер. А. Шемелевскаго и А. Винтера. Кн. XII, стр. 249.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Гаазе, Н. Классовое правосудіе. Пер. съ нѣм. Н. Жбанковой и Ал. Винтера. Подъ редакц. П. Н. Малянтовича. Кн. III, стр. 61.

Гогель, С. К., прив.-доц. Роль общества въ дѣлѣ борьбы съ преступностью. Кн. V, стр. 96.

Черри, К., проф. Развитіе карательной власти въ древнихъ общинахъ. Перев. съ англ. съ предисл. и примѣчан. П. И. Люблинскаго. Кн. IV, стр. 74.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Дьюи, Джонъ. Школа и общество. Кн. IX, стр. 180.

Петровъ, В. В. Вопросы народнаго образованія въ Московской губ. Вып. V. Наглядность обученія въ земскихъ школахъ Моск. губ. Кн. IX, стр. 181.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Битовтъ, Юрій. Книга о книгахъ. Толковый указатель книгъ для самообразованія по всѣмъ отраслямъ знанія. Кн. VII, стр. 142.

„Критическое обозрѣніе". Серія періодическихъ сборниковъ. Изд. подъ ред. Н. Виноградова, М. О. Гершензона, І. М. Гольштейна, Б. А. Кистяковскаго, Н. К. Кольцова, проф. Д. М. Петрушевскаго. Вып. I и II. Кн. IX, стр. 187.

„Новая Книга". Критико-библіографическій еженедѣльникъ. №№ 1 и 2. Кн. IX, стр. 187.

Фабрика существуетъ съ 1833 г.

Москва 1843. С.-Петер. 1870. Н.-Новгор. 1896.

МАГАЗИНЪ

ЖИРАРДОВСКИХЪ МАНУФАКТУРЪ

МОСКВА. Гилле и Дитриха **СОФІЙКА.**

Основной капиталъ общества 3.000.000 р.

Полотно всѣхъ сортовъ.
Простынное полотно.
Столовое бѣлье новѣйшихъ рисунковъ.
Чайные приборы цвѣтные и бѣлые.
Носовые платки.
Полотенца личныя, чайныя и кухонныя.
Чулки дамскіе и дѣтскіе. Носки, фуфайки, вязанные кальсоны.
Бѣлье мужское, дамское и дѣтское.

ПРИДАНОЕ ГОТОВОЕ И НА ЗАКАЗЪ

БЕЗУКОРИЗНЕННАГО ИСПОЛНЕНІЯ.

ПРИДАНОЕ ДЛЯ НОВОРОЖДЕННЫХЪ.

МАГАЗИНЪ

КАНЦЕЛЯРСКИХЪ И ПИСЧЕБУМАЖНЫХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

МОСКВА, Никольская, д. Чижовыхъ.

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ на исполненіе типографскихъ работъ, конторскихъ книгъ, доставку всевозможныхъ канцелярскихъ принадлежностей въ учебныя и общественныя учрежденія.

Обширный выборъ НОВОСТЕЙ.

XL г. изд. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1907 годъ** XL г. изд.

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы

4 р. 50 к. безъ пересылки. **5 руб.** съ пересылкой.

ЮНАЯ РОССІЯ

(„Дѣтское Чтеніе").

Особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Въ 1908 г. журналъ „Юная Россія" („Дѣтское Чтеніе") дастъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала.

Безплатныя приложенія: 1) **Л. Н. Толстой.** Избранные разсказы для школы и семьи. 2) **Бретъ-Гартъ.** Избранные разсказы для школы и семьи. 3) **Оскаръ-Уальдъ.** Сказки. 4) **Проф. А. Л. Погодинъ.** Очеркъ исторіи Польши. Со многими рисунками.

Вышла декабрьская книга журнала „Юная Россія" за 1907 г.

Содержаніе: I. Отъ редакціи. II. Дитя мороза и весны. Рисунокъ на отдѣльной страницѣ. **В. Васнецова.** III. Снѣгурочка. Стихотвореніе. **Ек. Буланиной.** IV. Сухая вода. Разсказъ. **Д. Н. Мамина-Сибиряка.** Съ рисункомъ худож. **В. Спасскаго.** V. Закатившаяся звѣздочка. Историческій романъ XVI вѣка. **А. Сизовой.** Окончаніе. VI. Земляника. Стихотвореніе. **Ан. Доброхотова.** VII. Одни. (Изъ дѣтской жизни двухъ братьевъ.) **Е. Н. Опочинина.** Окончаніе. VIII. Утренники. Стихотвореніе. **Петра Недачина.** IX. Бѣлый клыкъ. Повѣсть. **Джека Лондона.** Переводъ съ англійскаго. **Р. Рубиновой.** Окончаніе. X. Въ новую жизнь. Повѣсть. Глава XXIV. Въ громѣ и пламени. Глава XXV. Къ народу! Глава XXVI. На Воробьевыхъ горахъ. Глава XXVII. „Опять на родинѣ". Глава XXVIII. На порогѣ новой жизни. **И. Шишелова.** Окончаніе. Съ рисункомъ художника **Н. А. Богатова.** XI. Канатная плясунья. Средневѣковая новелла. **В. Авенаріуса.** XII. Освободитель черныхъ рабовъ. (Повѣсть изъ жизни Линкольна.) Глава XII. Послѣдніе гости. **Ал. Алтаева.** Съ рисункомъ художника **Е. Е. Гарнака.** Окончаніе. XIII. Алая парча. Стихотвореніе. **К. Бальмонта.** XIV. Горе вождя. Стихотвореніе. **Ан. Доброхотова.** XV. Гарибальди въ Америкѣ. **М. Костеловской и Вен. Попова.** Окончаніе. XVI. Изъ жизни природы. I. Подъ арестомъ. II. Ракъ пѣнтяй. **Сысоева.** XVII. Сорныя растенія. XVIII. Изъ книгъ и журналовъ. Лиса. XIX. Содержаніе журнала за 1907 г. XX. Объявленія.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Сороковой годъ изданія. Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ книжками до 5 лист. М. Н. П. разрѣшенъ для учительскихъ библіотекъ и безплатныхъ народныхъ читаленъ.

Вышла декабрьская книга журнала „Педагогическій Листокъ" за 1907 г.

Содержаніе: I. Моя жизнь. Записки. **Н. Ѳ. Бунакова.** Продолженіе. II. О совмѣстномъ обученіи половъ. **Н. Дружинина.** III. Деревенская гимназія. **С. Семенова.** IV. Изъ воспоминаній бывшаго инспектора училищъ. **Н. Синицына.** V. Сельской учительницѣ. Стихотвореніе. **А. Доброхотова.** VI. Отголоски заграницы. (Дѣтскія самоубійства.) **В. Ермилова.** VII. Недостатки и средства исправленія нашей средней школы. **Вл. Чулицкаго.** VIII. Звѣзды. Стихотвореніе. **А. Доброхова.** IX. Пѣніе въ жизни и школѣ. **Ѳ. Владимірскаго.** X. И. Е. Забѣлинъ. **В.** XI. Изъ текущей литературы („Игры" Дорошевича; „Первый урокъ въ гимназіи" **И. Н. Потапенко.**) XII. Наша школа. **Н. А. Сиворцова.** XIII. Библіографія. Вешніе Всходы. Первая послѣ азбуки книга для класснаго чтенія и бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій въ школѣ и семьѣ. Составилъ Д. И. Тихомировъ; изд. 36. Вторая книга; изд. 31, значительно

дополненное. Третья и четвертая книги; изд. 21, исправленное и дополненное W. Проф. А. Г. Дементьевъ. Начальный курсъ химіи. N. В. Р. Залѣнскій. Учебникъ физіологіи растеній для среднихъ учебныхъ заведеній. N. А. В. Нечаевъ. Учебникъ минералогіи и геологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. N. Серія разсказовъ Н. А. Соловьева-Несмѣлова. И. С. XIV. Письмо въ редакцію. XV. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію для отзыва. XVI. Содержаніе „Педагогическаго Листка" за 1907 г. XVII. Объявленія.

Подписная цѣна:

„Юная Россія" (Дѣтское Чтеніе) безъ „Педагогическ. Листка": безъ доставки на годъ—4 р. 50 к. Съ доставкой и пересылкой на годъ—5 р. „Юная Россія" (Дѣтское Чтеніе) съ „Педагогическ. Листкомъ": Безъ доставки на годъ—5 р. Съ доставкой и пересылкой на годъ—6 р. „Педагогическ. Листокъ" (безъ „Юной Россіи") два рубля, на полгода одинъ рубль. За границу „Юная Россія" („Дѣтское Чтеніе") съ „Педагогическимъ Листкомъ" 8 р. „Педагогич. Листокъ" за годъ съ пересылкой 2 р. За перемѣну адреса 28 к. марками. Объявленія, помѣщаемыя въ журналахъ: 1 стран.—40 р., ½ стр.—20 р. Оставшіеся комплекты журналовъ за 1906 годъ продаются: 1) „Юная Россія" по 4 р. за годъ, 2) „Педагогическій Листокъ" по 2 р. за годъ.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Большая Молчановка, д. № 24, Д. И. Тихомирова, и у книгопродавцевъ. Книгопродавцамъ уступка 5%.

Издательница Е. И. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

Открыта подписка на 1908 годъ

(четвертый годъ изданія)

на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей

СЕМЬЯ И ШКОЛА.

Журналъ предназначается для дѣтей средняго возраста (10—12 лѣтъ) какъ учащихся къ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и учениковъ начальной, городской и сельской школы.

„Семья и Школа" состоитъ изъ 12-ти ежемѣсячныхъ книжекъ журнала, и 6 отдѣльныхъ книжекъ „Библіотека Семьи и Школы".

Не привлекая своихъ подписчиковъ никакими преміями, ни такъ называемыми безплатными приложеніями, редакція „Семьи и Школы" обращаетъ исключительное вниманіе на внутреннее достоинство самаго журнала, на тщательный подборъ матеріала, доступнаго и занимательнаго для дѣтей и выдержаннаго въ педагогическомъ отношеніи,—а также и на его изящную внѣшность. Для послѣдней цѣли, текстъ журнала тщательно иллюстрируется художественно исполненными рисунками, и, кромѣ того, въ каждой книжкѣ помѣщаются отдѣльныя картинки.

Имѣя въ виду распространеніе журнала въ школахъ, каждая книжка „Семьи и Школы" составляется такимъ образомъ, чтобы ее легко было, при желаніи, раздѣлить на части, и большія произведенія, печатавшіяся въ нѣсколькихъ номерахъ, можно было бы въ концѣ года переплести въ одну книгу.

Въ „Семьѣ и Школѣ" принимаютъ участіе: Е. А. Бакунина, И. А. Бѣлоусовъ, Е. Волкова, Н. А. Гольцева, С. Д. Дрожжинъ, П. Засодимскій, П. П. Инфантьевъ, В. Ѳ. Капелькинъ, О. Карышева, А. А. Кизеветтеръ, С. А. Князьковъ, Н. К. Кольцовъ, М. А. Круковскій, Т. П. Львовъ, Вл. Львовъ, Д. Н. Маминъ-Сибиракъ, И. И. Митропольскій, П. Новичъ, Юр. Новосѣловъ, К. Д. Носиловъ, Сергѣй Орловскій, О. П. Рунова, С. И. Рербергъ, В. Г. Рудневъ, А. Серафимовичъ, В. Д. Соколовъ, П. П. Сушкинъ, Н. Д. Телешовъ, М. В. Тилчеева, В. Н. Харузина, С. А. Ѳомичевъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За 12 книжекъ „Семьи и Школы" и за 6 книжекъ „Библіотеки Семьи и Школы": съ доставкой и пересылкой 3 р. въ годъ, безъ доставки въ Москвѣ 2 руб. 50 к., за границу 5 руб.

Подписка безъ доставки принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и въ книжныхъ магазинахъ „Трудъ" и Н. Карбасникова.

Пробный номеръ высылается изъ редакціи за три семикопеечныя марки.

Иногородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа", Москва, Гончарная ул., домъ № 17.

Редакторъ-издатель *Вл. Львовъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

— ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ —

на ежемѣсячный журналъ искусствъ и литературы

ВѢСЫ.

Вступая въ пятый годъ изданія, „Вѣсы“ остаются вѣрны своей программѣ и будутъ издаваться при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. „Вѣсы“ за недорогую подписную цѣну (пять рублей въ годъ за 12 книгъ) даютъ художественное изданіе, печатаемое на лучшей бумагѣ верже, при чемъ въ каждомъ № помѣщаются художественно выполненныя черныя и красочныя воспроизведенія картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ журналѣ печатаются: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, біографіи писателей и художниковъ, статьи по общимъ вопросамъ и богатая библіографія, оцѣнивающая всѣ выходящія новыя книги, которыя появляются на языкахъ: русскомъ, польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, англійскомъ, норвежскомъ и др. Во всѣхъ главныхъ городахъ Европы у „Вѣсовъ“ есть собственные корреспонденты.

Въ 1908 г. въ „Вѣсахъ“, между прочимъ, будетъ напечатано: „Огненный Ангелъ“, историческій романъ Валерія Брюсова, часть 2-я, главы XI—XVI. (Новые подписчики часть I этого романа, главы I—IX, могутъ получить безплатно.) Неизданные отрывки (авторизованный переводъ съ англійской рукописи) изъ „Тюремныхъ записокъ“ Оскара Уайльда. „Сизокрылый голубь“, повѣсть изъ современной жизни Андрея Бѣлаго. „О Лермонтовѣ“, критическое изслѣдованіе Д. Мережковскаго. „Сказки“ Александра Блока. „Куранты любви“, лирическая поэма М. Кузьмина. Новые разсказы Ѳ. Сологуба, С. Ауслендера, З. Гиппіусъ и др. Новые стихи К. Бальмонта, Валерія Брюсова, Вяч. Иванова и др. Новые рисунки: К. Сомова, С. Судейкина, Н. Миліоти, Карла Вальзера, Н. Ѳеофилактова и др.

Подписная цѣна въ годъ (12 книгъ) 5 руб. съ пересылкой по всей Россіи; на полгода 3 руб. Допускается разсрочка.

Годовые подписчики, внесшіе сполна подписныя деньги до выхода № 1, получатъ премію: изданій к—ва „Скорпіонъ“, по ихъ выбору, изъ списка, который будетъ приложенъ къ № 1, на сумму до 3 р. Всѣ подписчики „Вѣсовъ“ при покупкѣ книгъ, изданныхъ к—вомъ „Скорпіонъ“ (болѣе 50 изданій), пользуются скидкой отъ 15 до 50%.

Адресъ главной конторы: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23, книгоиздательство „Скорпіонъ“. Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Садовая, 18, складъ „Коммиссіонеръ“.

Редакторъ-издатель С. А. Поляковъ.

Журналъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова,

издаваемый правленіемъ Общества,

въ 1907 году (XIV-й годъ изданія) будетъ выходить книжками—до 6—7 листовъ каждая—вмѣсто восьми разъ девять разъ въ годъ, т.-е. ежемѣсячно за исключеніемъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюня, іюля и августа).

Программа „Журнала“ остается прежняя, при чемъ въ отдѣлѣ 1-мъ будутъ помѣщаться: 1) статьи, замѣтки и корреспонденціи по всѣмъ медицинскимъ вопросамъ—научнымъ, общественно-санитарнымъ и врачебно-бытовымъ; 2) хроника и рецензіи; 3) библіографическій листокъ; 4) письма въ редакцію. Отдѣлъ 2-й будетъ заключать въ себѣ: 1) свѣдѣнія изъ текущей жизни Пироговскаго Общества; 2) отчеты о дѣятельности правленія Общества, организац. комитета XI Одесскаго съѣзда и состоящихъ при правленіи коммиссій, комитетовъ и совѣщаній; 3) списокъ членовъ Об-ва, и 4) списокъ изданій, поступающихъ въ библіотеку Об-ва.

Члены Общества, по примѣру прежнихъ лѣтъ, получаютъ „Журналъ“ безплатно. Членскій взносъ на 1908 г. опредѣленъ въ **шесть рублей.**

Подписная цѣна на „Журналъ“ (для нечленовъ Общества) **семь рублей,** при чемъ допускается разсрочка, а именно: при подпискѣ 4 р. и къ 1 августу 3 р.

За перемѣну адреса просятъ высылать 50 к. почтовыми марками.

Гонораръ за оригинальныя статьи 30 р. съ печатнаго листа. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Авторы имѣютъ право на 25 оттисковъ.

Объявленія принимаются по слѣдующей цѣнѣ: за 1 стр. 20 р., за 1/2 стр. и менѣе 10 руб. за одинъ разъ.

Адресъ редакціи: Москва, Арбатъ, Денежный пер., д. № 28 (Киселевой), кв. № 5.

Телефонъ № 64—97.

Открыта подписка на 1908 годъ
НА ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

XIX годъ изданія.

Журналъ ставитъ своею задачею выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ систематическіе отзывы о вновь выходящихъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ и друг., о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и проч.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, проф. В. М. Арнольди, д-ръ Д. Д. Бекаревичъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Виппперъ, А. Ф. Гартвигъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, С. Т. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, прив.-доц. В. Н. Ивановскій, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, проф. М. М. Ковалевскій; проф. Н. М. Кулагинъ, Е. І. Лозинскій, проф. Т. В. Локоть, А. И. Лотоцкій, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Мировичъ, Н. Ф. Михайловъ, С. П. Моравскій, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, проф. И. Г. Оршанскій, проф. А. П. Павловъ, проф. А. А. Радцигъ, Г. Роковъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарнолускій, кн. Д. И. Шаховской, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, д-ръ Вл. И. Яковенко, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе др.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р.; въ полгода 3 руб.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ.

Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ВЯТСКІЙ КРАЙ.

Газета выходитъ въ Вяткѣ, по программѣ большихъ столичныхъ газетъ, внѣпартійная, прогрессивная.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ 6 р., на 6 мѣсяцевъ 3 р. 50 к., на 3 мѣсяца 1 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 65 к.

КОНТОРА ГАЗЕТЫ: Вятка, уголъ Николаевской и Пятницкой, д. Либерманъ.

Издательница А. Н. Праздникова. Редакторъ Н. І. Новиковъ.

Годъ изданія сорокъ третій.

АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ

будетъ выходить въ 1908 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, но независимая отъ какихъ-либо партій и кружковъ. Основная задача газеты: содѣйствіе осуществленію широкихъ народныхъ реформъ путемъ мирнаго преобразованія государства и народнаго быта на демократическихъ началахъ.

Дѣятельное представительство краевыхъ интересовъ.

Широкая освѣдомленность о мѣстныхъ дѣлахъ.

Самый полный торгово-промышленный и сел.-хозяйств. обзоръ юго-востока Россіи. Точныя свѣдѣнія съ рынковъ рыбнаго, соляного, лѣсного, хлѣбнаго, нефтянаго, мясного, о судоходствѣ, садоводствѣ и др.

Объявленія изъ губерній: Нижегородской, Казанской, Сибирской, Самарской и Саратовской и изъ Закаспійскаго края и Кавказа, а также объявленія казенныя, банкирскихъ конторъ, желѣзныхъ дорогъ и газетныя принимаются непосредственно конторою редакціи, всѣ же прочія исключительно Центральною конторою Л. и З. Метцль и К° въ Москвѣ, на Мясницкой, въ д. Сытова. Плата за объявленія со строки петита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп. Печатающіе болѣе трехъ разъ пользуются скидкой 10 проц. Годовыя объявленія — по особому соглашенію съ конторой редакціи, съ большой уступкою.

Подписная цѣна съ пересылкою: 1 г.—7 руб. 50 коп., 1/2 г.—4 руб. 50 коп., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.

„Астрах. Листокъ" расходится больше, чѣмъ всѣ прочія астраханскія изданія, взятыя вмѣстѣ.

Подписка принимается исключительно въ Астрахани, въ конторѣ „Астрах. Листка", по Мало-Демидовской улицѣ, свой домъ.

Редакторъ-издатель **В. И. Склабинскій.**

XVIII г. изданія. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** XVIII г. изданія.

на 1908 годъ

СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Выходитъ въ Тобольскѣ три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой на 1 годъ 5 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ 60 к.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

За строку петита на первой страницѣ—20 к., на послѣдней—10 к.

За разсылку отдѣльныхъ объявленій по одному рублю за сотню.

Мелкія суммы принимаются почтовыми марками.

Иногородніе адресуютъ: Тобольскъ, Редакція «Сибирскаго Листка».

Редакторъ-издательница **М. Н. Костюрина.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1908 г.

НА ЖУРНАЛЪ

МОСКОВСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Вступая въ третій годъ своего существованія, „**Московскій Еженедѣльникъ**“ сохраняетъ неизмѣнными тѣ начала, которыя опредѣляли его направленіе въ теченіе двухъ предшествовавшихъ годовъ. Не примыкая ни къ какой изъ существующихъ политическихъ партій, журналъ ставитъ себѣ задачей служить органомъ объединенія для тѣхъ конституціоналистовъ, которые сходятся на почвѣ общихъ воззрѣній идеализма, какъ христіанскаго, такъ и гуманитарнаго, и стремятся освѣщать вопросы политики и культуры съ точки зрѣнія незыблемыхъ нравственныхъ началъ.

Редакторы журнала состоятъ: **кн. Е. Н. Трубецкой. кн. Г. Н. Трубецкой.**

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Н. Н. Авиновъ, священникъ К. М. Агеевъ, проф. А. С. Алексѣевъ, В. П. Алексѣевъ, Мих. Андреевъ, К. К. Арсеньевъ, Н. Н. Баженовъ, П. В. Безобразовъ, А. Н. Бенуа, Н. А. Бердяевъ, М. И. Брунъ, О. Е. Бужанскій, проф. С. Н. Булгаковъ, П. И. Вейнбергъ, И. Н. Вернеръ, прив.-доц. Д. В. Викторовъ, проф. П. Г. Виноградовъ, М. О. Гершензонъ, І. М. Гольдштейнъ, проф. И. М. Громогласовъ, проф. А. Г. Гусаковъ, прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, Н. П. Добронравовъ, проф. В. Э. Денъ, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, проф. М. Э. Здзѣховскій, М. А. Иванцовъ, проф. И. И. Иванюковъ, проф. А. В. Карташевъ, А. А. Кауфманъ, Н. Д. Кашкинъ, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. М. М. Ковалевскій, прив.-доц. С. А. Котляревскій, проф. Н. А. Котляревскій, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. В. Ф. Левицкій, А. Р. Ледницкій, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. И. В. Лучицкій, Н. Н. Львовъ, В. А. Маклаковъ, А. Н. Максимовъ, М. М. Марголинъ, Б. М. Маркельсъ, В. Г. Михайловскій, проф. Б. М. Млодзѣевскій, проф. П. И. Новгородцевъ, И. Д. Новикъ, Ю. А. Новосильцовъ, проф. Л. І. Петражицкій, прив.-доц. А. И. Покровскій, Т. И. Полнеръ, проф. А. С. Посниковъ, прив.-доц. Г. К. Рахмановъ, Ф. И. Родичевъ, Сергѣй Глаголь, Л. З. Слонимскій, П. Б. Струве (б. редакторъ „Освобожденія“), проф. С. С. Салазкинъ, проф. Н. А. Умовъ, проф. С. Ф. Фортунатовъ, проф. В. М. Хвостовъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. фонъ-Шульце-Геверницъ (Фрейбургъ въ Брейсгау), М. П. Щепкинъ, прив.-доц. Л. Н. Ясинольскій и другіе.

Въ частности обѣщали рядъ статей по слѣдующимъ вопросамъ: А. Н. Бенуа—искусства, С. Н. Булгаковъ — церковному, Н. А. Бердяевъ — письма изъ Парижа, Н. Ѳ. Еверскій—общественной жизни, А. А. Кауфманъ—аграрной политики, С. А. Котляревскій — внутренней политики, П. Б. Струве — соціально-экономической политики.

Въ журналѣ будутъ появляться слѣдующія періодическія изданія:

Дѣятельности Государственной Думы, мѣстнаго управленія, иностранной политики, искусства и музыки.

Въ теченіе года подписчики получатъ 50 книжекъ въ 4 листа еженедѣльно, за исключеніемъ праздниковъ Рождества и Пасхи.

Условія подписки на 1908 г.:

За годъ—5 р., за 6 мѣсяцевъ—3 р., за 3 мѣсяца—1 р. 50 к., за 1 мѣсяцъ—75 к. За границу вдвое.

Разсрочка допускается только годовымъ подписчикамъ по слѣдующимъ условіямъ при подпискѣ—2 р., 1 апрѣля—1 р. и 1 іюля—2 р.

Объявленія принимаются въ конторѣ отъ 10—5 часовъ дня.

Адресъ редакціи: Москва, Пречистенскій бул., д. Кальмеръ. Телефонъ № 127—18.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 годъ

на двухнедѣльный соціально-экономическій, общественно-литературный иллюстрированный журналъ:

СВОБОДНОЕ СЛОВО.

Журналъ выходитъ двухнедѣльными книжками, на лучшей бумагѣ, со многими портретами и каррикатурами, отъ 20—25 листовъ (около 300 стр.) каждая, такъ что во всѣхъ томахъ будетъ около 600 листовъ (7000 стран.) четкой печати.

„Свободное Слово" ставитъ себѣ цѣлью освѣтить назрѣвшіе вопросы текущаго момента на основаніи теоріи, исторіи и опыта странъ Западной Европы и Сѣверной Америки, а также дать въ художественныхъ произведеніяхъ отраженіе современныхъ событій.

Армія, ея внѣшняя и внутренняя жизнь въ 1904—1907 гг., реформы, многіе спеціально-военные, технически-боевые вопросы,—съ точки зрѣнія соціально-общественнаго интереса и свѣтлыхъ идеаловъ народной свободы,—впервые въ журналѣ „Свободное Слово" займутъ видное мѣсто, получатъ освѣщеніе.

Въ журналѣ „Свободное слово" съ 15 ноября 1907 г. по 15 ноября 1908 г. будутъ помѣщены безъ сокращеній слѣдующія, до сихъ поръ недоступныя широкимъ слоямъ русской публики по цензурнымъ и другимъ условіямъ сочиненія:

24 тома, 7000 страницъ текста. Портреты, каррикатуры.

Бартъ-Клей, А. Къ будущему городу. Съ дополнен. **Бертело.** Наука и свободная мысль. Съ дополнен. **Бернштеймъ, Э.** Статьи. Съ портретомъ автора. **Вандервельде, Э.** Соціалистическій строй и др. **Гамонъ.** Соціализмъ и анархизмъ. **Документы** настоящаго.—Процессы, циркуляры, доклады. Съ портретами, автографами. **Жидъ,** проф. Кооперація.—Совѣщанія по пропагандѣ идей. Дополненія Л. Л. Мищенко. **Идеальная** соціальная организація **Изъ прошлаго** русской арміи.—Архивъ Главнаго Штаба Кавказской арміи. **Оларъ.** Ораторы революціи. 1 томъ изслѣдов. **Лассеръ.** Женщина во французскую революцію. **Лежонъ.** Національный вопросъ. **Лорія, А.** проф. Соціальная морфологія. **Метенъ.** Дальній Востокъ. **Мищенко, Л. В.** Война 1877—1878 гг. и др. **Мищенко, Л. А.** Ростъ городовъ и др. статьи. **Мищенко Леонидъ.** Изъ жизни подпоручика Макарова.—Повѣсти, разсказы, фельетоны. **Каутскій, К.** О національномъ вопросѣ.—Слѣдствія войны 1904—1905 гг. Съ портретомъ. **Пріемы** и способы партизанской или малой войны. Съ чертежами и рисунками. **Реклю, Э.** Эволюція, революція и идеалы анархизма. Съ біографіей автора. **Свободное Слово.** Сборникъ. Бѣлинскій, В. Г. Письмо къ П. В. Гоголю.—Гершуни. Разрушенный молъ.—Толстой, гр. Л. Н. Мое завѣщаніе.—Фергюссонъ. Отвѣтъ Побѣдоносцеву. Съ приложеніемъ перевода д-ра П. К. Русселя статьи Побѣдоносцева съ англійскаго яз.—К. П. Побѣдоносцевъ. Плоды демократіи въ начальной школѣ съ комментаріемъ Л. Л. Мищенко. **Франсуа.** Элизе Реклю и анархія. **Читателю.** Сборникъ рецензій и отзывовъ. **Юларъ.** Русская революція.

3 безплатныя приложенія. Портреты, каррикатуры.

Всѣ годовые подписчики получатъ БЕЗПЛАТНО еще слѣдующія приложенія въ теченіе года:

Каррикатуры. Собраніе русскихъ и иностранныхъ каррикатуръ великой русской революціи. **Маргери.** Право собственности и демократическій строй. **Мищенко Леонидъ.** Положеніе рабочихъ на Сандвичевыхъ островахъ. Съ предисловіемъ автора и письмомъ д-ра Н. К. Русселя.

Пробный номеръ высылается за 6 семикопѣечныхъ марокъ.

Въ ноябрскихъ и декабрскихъ номерахъ будутъ помѣщены:

Бернштейнъ, Э. Историческая необходимость и матеріалистическое пониманіе исторіи. Съ портрет. автора. **Каутскій, К.** О національномъ вопросѣ въ Россіи.—Слѣдствія русско-японской войны. Съ портретомъ автора.

8 рублей въ годъ. Разсрочка.

Подписной годъ съ 15 ноября 1907 г. по 15 ноября 1908 г.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ журнала (СПБ., Невскій просп., д. 69), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Подписная цѣна на журналъ „Свободное Слово" съ доставкою и пересылкою во всѣ города Имперіи на годъ 8 руб., за границу 16 руб. ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 4 руб., а затѣмъ къ 15 января 2 руб., къ 15 марта 2 руб.

Для подписчиковъ, вносящихъ годовую плату до 15 ноября с. г., подписная плата вмѣсто 8 руб. только 7 руб. Разсрочка допускается лишь тѣмъ подписчикамъ, которые обратятся непосредственно въ контору изданія: Спб., Невскій просп., д. 69.

Ред.-издатель Л. А. Мищенко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА НОВЫЙ ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Живая Жизнь.

Журналъ ставитъ себѣ задачей служить, по мѣрѣ силъ, торжеству ЖИВОЙ жизни. Признавая религію за единый живой источникъ силъ, необходимыхъ для того торжества, имѣя свои надежды, вѣрованія и теоретическіе взгляды, журналъ въ то же время будетъ отличаться самой широкой терпимостью. Настоящій моментъ требуетъ не только религіозной практики, но и религіозно-умозрительнаго углубленія, а потому необходима совмѣстная работа представителей самыхъ различныхъ религіозныхъ направленій. Не пренебрегая фактами текущей жизни, не относясь безучастно къ явленіямъ общественнымъ, къ вопросамъ политики, журналъ будетъ ко всему подходить, все освѣщать съ точки зрѣнія своего основного отношенія къ жизни, въ которой главное не преходящее и злободневное,—а вѣчное, нетлѣнное, живое.

Въ журналѣ примутъ участіе: свящ. К. М. Аггевъ, С. А. Аскольдовъ, Н. А. Бердяевъ, свящ. І. Брихничевъ, профес. С. Н. Булгаковъ, Андрей Бѣлый, А. С. Волжскій, З. Н. Гиппіусъ, А. В. Ельчаниновъ, В. В. Зѣньковскій, А. В. Карташевъ, Д. С. Мережковскій, А. А. Мейеръ, Арх. Михаилъ, В. А. Никольскій, Г. А. Рачинскій, В. В. Розановъ, В. П. Свенцицкій, профес. кн. Е. Н. Трубецкой, Д. В. Философовъ, П. А. Флоренскій, В. Ф. Эрнъ.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 4—5 печатныхъ листовъ. Первая книжка выйдетъ въ первыхъ числахъ ноября 1907 года.

Подписная цѣна: 5 р. въ годъ съ пересылкой, 2 р. 50 к. на полгода, 50 к. въ мѣсяцъ. Отдѣльный номеръ—25 к.

Сельскимъ священникамъ, учителямъ и учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 10% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала, въ книжномъ магазинѣ „Братство“, Москва, Тверская, д. Олсуфьева (противъ Брюсовскаго пер.).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

ВѢСТНИКЪ ЯРОСЛАВСКАГО ЗЕМСТВА,

ВЫХОДИТЪ ПО ПЯТНИЦАМЪ ВЪ РАЗМѢРѢ 1—1½ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА.

Подписная годовая цѣна: съ доставкою и пересылкою 1 р. 50 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Ярославской Губернской Земской Управѣ, книжномъ складѣ губернскаго земства, уѣздныхъ земскихъ управахъ и земскими страховыми агентами.

Адресъ для писемъ: Ярославль, Губернская Земская Управа, редакціи «Вѣстника Ярославскаго Земства».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

на ежедневную газету

ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ТОРГОВЛИ

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой на домъ въ Орлѣ и пересылкой въ другіе города: на годъ 7 руб., за границу 14 руб.

На 11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 руб., 9 мѣс.—5 руб. 50 коп., 8 мѣс.—5 руб., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к., 1/2 мѣс.—50 к.

Подписка съ переносомъ на слѣдующій годъ не принимается.

Для удобства подписчиковъ подписка принимается и съ разсрочкой, съ платою не менѣе какъ 1 р. въ мѣсяцъ, до выплаты всей суммы; обязательно при первомъ же взносѣ дѣлать надписи въ письмѣ—„въ разсрочку", иначе газета будетъ высылаться лишь до того срока, по который внесены деньги.

Подписка въ разсрочку принимается только на годъ или полгода.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются безплатно.

Подписка принимается только съ 1 и 16 числа каждаго мѣсяца.

Плата за объявленія: за каждую строку петита въ 33 буквы, въ одинъ столбецъ, или за занимаемое мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 коп. и въ слѣдующіе разы 5 коп. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя 20 разъ, дѣлается уступка—10%, 30 разъ—15%, 40 разъ—20%, 50 разъ—25%, 60 разъ—30%, отъ 70—100 разъ—40%, не менѣе 100—150 разъ уступка 50%. За адресы, въ 5 строкъ, на 1-й стран. газеты—20 р. въ годъ 150 разъ, 12 р.—за 75 разъ, 8 р.—за 38 разъ и 4 р.—за 15 разъ. За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-курантовъ и проч. 5 р. съ 1,000 экз. или по 50 к. за 100 экз.

За перемѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщить прежній адресъ. Копейки могутъ быть высылаемы марками.

Пріемъ подписки, объявленій и розничная продажа газеты производятся:

Въ Орлѣ: въ конторѣ *Орловскаго Вѣстника*, Зиновьевская ул., д. № 2, и въ отдѣленіи ея—Московская улица, аптекарскій магазинъ Коссовскаго.

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

Въ Ельцѣ—въ книжномъ магазинѣ З. П. Залкинда. **Въ Брянскѣ**—Авиловская улица, домъ Сурнина, А. К. Ѳодоровъ. **Въ Болховѣ**—Карачевская ул., Ѳ. А. Костинъ.

ТОЛЬКО РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА ГАЗЕТЫ:

Въ Ельцѣ—Торговая улица, книжный магазинъ Залкинда и магазинъ Пузевскаго. **Въ Карачевѣ**—въ магазинѣ К. А. Хализевой и Ясковскаго. **Въ Брянскѣ**—въ библіот. г. Ѳедорова. **Въ Трубчевскѣ**—магаз. И. И. Гамова—Сафьянова. **Въ Лебедяхъ**—въ библіотекѣ г. Крафтъ. **Въ Липецкѣ**—книжн. магазинъ А. И. Полянскаго. **Въ Мценскѣ**—магаз. Половцева и въ книж. маг. Иванова. **Въ Дмитровскѣ**—газ. маг. Антокольскаго.

Издатель А. И. Аристовъ. **Отв. редакторъ М. Я. Андреевъ.**

ИЗВѢЩЕНІЕ

о созывѣ перваго Всероссійскаго Съѣзда дѣятелей Обществъ Народныхъ Университетовъ и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій частной иниціативы.

По почину С.-Петербургскаго и Московскаго Обществъ Народныхъ Университетовъ предположено созвать съ 3 по 7 января 1908 г. Первый Всероссійскій Съѣздъ дѣятелей Обществъ Народныхъ Университетовъ и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій частной иниціативы.

Въ цѣляхъ возможно успѣшной организаціи работъ Съѣзда, заявленія о желаніи участвовать въ Съѣздѣ, равно какъ и о предполагаемыхъ къ прочтенію докладовъ, Бюро Съѣзда проситъ доставить ему не позже 15 декабря сего года.

Всѣ справки по вопросамъ, касающимся Съѣзда, можно получать въ Организаціонномъ Бюро (С.-Петербургъ, Гагаринская ул., д. 16). Для личныхъ переговоровъ—понедѣльникъ, среда и пятница отъ 2 до 5 часовъ дня.

Составъ Организаціоннаго Бюро:

Предсѣдатель—*Д. А. Дриль.*

Товарищъ Предсѣдателя—*И. П. Бородинъ.*

Секретари—*Е. А. Елачичъ, А. Л. Ковалева, В. И. Шарый.*

Члены—*Г. С. Вомпе, Н. А. Гальпшкинъ, И. Я. Гинзбургъ, Н. В. Дмитріевъ, Б. И. Ивановъ, П. Н. Крашевскій, А. Л. Липовскій, Е. Д. Максимовъ, П. Г. Мижуевъ, Д. П. Никольскій, А. В. Пажинъ, М. И. Петрункевичъ, П. Ю. Шмидтъ.*

ПОЛОЖЕНІЯ

о первомъ Всероссійскомъ Съѣздѣ дѣятелей Обществъ Народныхъ Университетовъ и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій частной иниціативы.

1. Съѣздъ созывается въ г. С.-Петербургѣ съ 3 по 7 января 1908 г.
2. Членами Съѣзда могутъ быть:
   а) Члены Совѣтовъ, Правленій или Комитетовъ Обществъ Народныхъ Университетовъ и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій частной иниціативы.
   б) Делегаты отъ названныхъ Обществъ въ числѣ не болѣе 10 отъ каждаго. Въ случаѣ желанія имѣть большее число делегатовъ Общества сносятся съ Бюро Съѣзда.
   в) Члены секцій С.-Петербургскаго и Московскаго Обществъ Народныхъ Университетовъ, делегированные секціями на Съѣздъ.
   г) Лица, допущенныя Организаціоннымъ Бюро Съѣзда по спеціальному ихъ заявленію о желаніи участвовать на Съѣздѣ, и лица, приглашенныя самимъ Бюро.
3. На ряду съ секціонными засѣданіями членовъ Съѣзда будутъ имѣть мѣсто также и Общія Собранія Съѣзда.
   Въ занятіяхъ секцій принимаютъ участіе исключительно члены Съѣзда.
   Пренія по докладамъ будутъ имѣть мѣсто только въ секціонныхъ засѣданіяхъ.
   Входъ на общія Собранія для лицъ, не состоящихъ членами Съѣзда, по особымъ (безплатнымъ) билетамъ, выдаваемымъ въ Организаціонномъ Бюро.
4. Всѣ члены Съѣзда вносятъ по пяти рублей.
5. Лица, предполагающія сдѣлать на Съѣздѣ докладъ, благоволятъ доставить въ Бюро Съѣзда не позже 15 декабря с. г. программу или мотивированные тезисы (размѣромъ не болѣе 5,000 буквъ) своего доклада для заблаговременнаго напечатанія.

Членскій взносъ просятъ присылать одновременно съ заявленіемъ о желаніи участвовать въ Съѣздѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ РОСКОШНЫМИ МНОГОКРАСОЧНЫМИ КАРТИНАМИ

по образцу дорогихъ заграничныхъ изданій

ПРОБУЖДЕНІЕ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

X-й годъ издательской дѣятельности.

Въ 1908 году, въ 1-й годъ литературно-художественной издательской дѣятельности, пользующейся уже широкой популярностью и довѣріемъ читающей публики Россіи, редакція обратитъ особенное вниманіе на художественное произведеніе журнала „Пробужденіе".

Подписавшіеся на 1908 годъ получатъ (1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца):

24 роскошныхъ выпуска художественно-литературнаго журнала съ исполненными на золотомъ фонѣ черной эмалевой краской титулами, сброшюрованныя въ изящныя, тисненыя барельефами обложки.

26 превосходн. многокрасочныхъ картинъ знаменитыхъ художниковъ.

12 картинъ, воспроизведенныхъ цвѣтными красками, наклеенныхъ на паспарту.

24 картины, отпечатанныя автотипіей.

12 портретовъ для кабинета, исполненныхъ красками.

12 выпусковъ галлереи картинъ и портретовъ извѣстныхъ художниковъ.

6 вып. литературное обозрѣніе: критика и библіографія.

12 вып. смѣшные разсказы извѣстныхъ писателей.

6 вып. галлерея портретовъ выдающихся депутатовъ 1-й, 2-й и 3-й Государственной Думы.

6 вып. для самообразованія и воспитанія. Научныя статьи.

6 вып. для декламаціи и чтенія. Новѣйшія литературныя произведенія.

6 вып. галлерея портретовъ извѣстныхъ писателей.

6 вып. политическое обозрѣніе и Государственная Дума.

6 вып. галлерея портретовъ извѣстныхъ артистовъ и артистокъ.

6 вып. для любительскихъ спектаклей. Пьесы.

12 КНИГЪ ИЗЯЩНОЙ БИБЛІОТЕКИ „избран. сочиненія современныхъ русскихъ писателей": Леонида Н. Андреева, М. И. Арцыбашева, К. С. Баранцевича, И. А. Бунина, А. П. Будищева, В. К. Измайлова, А. А. Измайлова, А. И. Куприна, А. П. Каменскаго, Бориса Лазаревскаго, В. В. Муйжеля, И. Н. Потапенко, А. С. Серафимовича, Л. Н. Толстого, Е. Н. Чирикова, М. П. Чеховъ, А. М. Федорова, Т. Л. Щепкиной-Куперникъ и друг. извѣстныхъ писателей, съ портретами и факсимиле авторовъ.

Въ 1908 году будетъ значительно расширенъ беллетристическій и научный отдѣлы журнала (романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія, научныя статьи). Участвуютъ выдающіеся русскіе литераторы.

Принимая во вниманіе изящество изданія, всѣмъ лицамъ, подписавшимся своевременно, до 1 января, будетъ выдана **роскошная папка-бювардъ** изъ цвѣтного коленкора съ тисненіемъ золотомъ и красками, для храненія художественныхъ выпусковъ журнала „Пробужденіе".

Подписная цѣна: на годъ, съ пересылкой и доставкой **7** р., на полгода—**4** р., на 3 мѣсяца—**2** р.

Редакція журнала „Пробужденіе", С.-Петербургъ, Троицкая, д. 6.

Редакторъ-издатель **И. В. Кореневъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1908 годъ

на политическую, общественную и литературную газету

Могилевскій Вѣстникъ.

Третій годъ изданія.

Въ интересахъ всесторонняго освѣщенія вопросовъ мѣстнаго земскаго хозяйства, поднятія сельскохозяйственной культуры и облегченія обмѣна между спросомъ и предложеніемъ произведеній сельскаго хозяйства, съ ноября мѣсяца 1907 г. при „Могилевскомъ Вѣстникѣ" выходитъ особое безплатное еженедѣльное прибавленіе

Вѣстникъ земскаго хозяйства

Могилевской губерніи.

Условія подписки:

На годъ съ доставкой въ г. Могилевѣ и пересылкой въ другіе города 6 руб., на полгода 3 руб., на 2 мѣс. 1 руб., на 1 мѣс. 60 коп.

Подписка принимается:

Могилевъ губ. Редакція „Могилевскаго Вѣстника".

Редакторъ М. Пилянъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1908 годъ

на политическую и общественно-литературную газету

Полтавскій Голосъ

внѣпартійный умѣренно-прогрессивный органъ.

Выходитъ ЕЖЕДНЕВНО, кромѣ понедѣльниковъ и послѣпраздничныхъ дней.

Условія подписки:

На 12 мѣс. 6 р., 11—5 р. 70 к., 10—5 р. 40 к., 9—5 р., 8—4 р. 60 к., 7—4 р. 20 к. 6—3 р. 60 к., 5—3 р., 4—2 р. 40 к., 3—1 р. 80 к., 2—1 р. 20 к., 1—60 к.

Уплатившіе при подпискѣ на 1908 годъ полную годовую плату (6 руб.) получаютъ газету со дня подписки до конца 1907 г. безплатно.

Допускается разсрочка:

Для годовыхъ подписчиковъ при подпискѣ 2 р., 1 апрѣля—2 р. и 1 іюля—2 р.

Адресъ редакціи и конторы: Протопоповская улица, № 28.

Издатель Я. А. Иваненко. Редакторъ Д. А. Иваненко.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Серія періодическихъ сборниковъ, издаваемая при Коммиссіи по организаціи домашняго чтенія, подъ редакціей пр.-доц. Н. Д. Виноградова (философск. отд.), М. О. Гершензона (литературный отдѣлъ), пр.-доц. П. П. Гензеля (эконом. отд.), Б. А. Кистяковскаго (юридическій отд.), пр.-доц. Н. К. Кольцова (естеств.-науч. отд.), проф. Д. М. Петрушевскаго (историч. отд.).

ЦѢЛЬ ИЗДАНІЯ:

поднять на уровень истинной научности дѣло оцѣнки текущей литературы.

Программа изданія: 1. *Систематическіе обзоры* научно-популярной литературы по разнымъ отраслямъ знанія, равно какъ и по беллетристикѣ. 2. *Критическіе отзывы* о вновь вышедшихъ книгахъ, брошюрахъ и журнальныхъ статьяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, а также и по беллетристикѣ. 3. Библіографическія свѣдѣнія. 4. Краткія ученыя и литературныя извѣстія. 5. Почтовый ящикъ. Въ приложеніи будутъ печататься программы, составленныя Коммиссіей по организаціи домашняго чтенія.

Сборники будутъ выходить ежемѣсячно, за искл. четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книгами отъ 4 до 6 печат. листовъ, цѣной отъ 25 до 50 к. за книжку. Въ вышедшихъ трехъ выпускахъ помѣщены 11 обзоровъ, 131 рецензія. Ц. 40 к. за выпускъ. Выпускъ IV выйдетъ 15 ноября.

До сихъ поръ изъявили согласіе участвовать слѣдующія лица:

М. П. Авсаркисовъ, Ю. И. Айхенвальдъ, проф. А. С. Алексѣевъ, С. А. Аскольдовъ, А. Д. Алферовъ, пр.-д. Е. В. Аничковъ, С. М. Барацъ, М. В. Бернацкій, Н. А. Бердяевъ, С. Н. Блажко, прив.-доц. М. П. Бобинъ, пр.-д. М. И. Богословъ, прив.-доц. М. М. Богословскій, А. А. Борзовъ, прив.-доцен. А. А. Боровой, В. Н. Бочкаревъ, Н. И. Бронштейнъ, В. Я. Брюсовъ, О. Е. Бужанскій, проф. В. П. Бузескулъ, проф. С. Н. Булгаковъ, М. И. Бѣлоруссовъ, Андрей Бѣлый, А. М. Васютинскій, З. А. Венгерова, С. А. Венгеровъ, поч. акад. А. Н. Веселовскій, Ю. А. Веселовскій, С. В. Веселовскій, прив.-доц. Д. В. Викторовъ, А. С. Волжскій, А. Л. Волынскій, прив.-доц. А. Э. Вормсъ, бар. Н. Н. Врангель, Б. П. Вышеславцевъ, прив.-доц. П. П. Гензель, прив.-доц. М. Н. Гернетъ, доц. В. М. Гессенъ, проф. П. В. Гидулянов, Н. Б. Гольденвейзеръ, Б. М. Гольдштейнъ, Ѳ. М. Гольдштейнъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Г. Горнфельдъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, проф. В. Э. Грабарь, И. Э. Грабарь, проф. И. М. Гревсъ, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, прив.-доц. А. Д. Гулевъ, проф. В. Э. Денъ, В. К. Дмитріевъ, А. М. Долматовскій, Н. А. Дубровскій, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, доц. В. Б. Ельяшевичъ, прив.-доц. Е. Н. Ефимовъ, прив.-доц. С. И. Живаго, С. О. Загорскій, прив.-д. М. Д. Загряцковъ, Г. Я. Закъ, А. В. Заремба, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, прив.-доцен. А. А. Ивановскій, Вяч. И. Ивановъ, проф. Л. А. Ивановъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, проф. И. И. Иванюковъ, прив.-доцен. Н. А. Иванцовъ, прив.-доцен. В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, А. І. Калишевскій, В. Я. Канель, проф. Н. И. Карѣевъ, прив.-доц. А. А. Кауфманъ, Д. Н. Кашкаровъ, В. А. Кектуева, прив.-доц. А. А. Кизеветтеръ, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, М. Н. Коваленскій, П. С. Коганъ, А. П. Коптяевъ, проф. В. А. Косинскій, А. Н. Котельниковъ, прив.-доц. С. А. Котляревскій, Л. П. Кравецъ, Т. П. Кравецъ, прив.-доцен. В. А. Краснокутскій, прив.-доц. С. Г. Крашенинн, М. А. Кречмаръ, А. А. Круберъ, Е. Д. Кускова, М. К. Лемке, Н. О. Лернеръ, прив.-доцен. Н. О. Лосскій, проф. И. В. Лучицкій, О. И. Рудченко-Лѣтникъ, Е. А. Ляцкій, проф. А. А. Мануиловъ, Л. С. Мееровичъ, Н. Мировичъ, Б. Л. Модзалевскій, С. П. Моравскій, прив.-доц. М. И. Назаревскій, прив.-доц. В. М. Нечаевъ, проф. П. И Новгородцевъ, К. М. Оберучевъ, проф. И. Х. Озеровъ, проф. Р. М. Орженцкій, проф. Н. І. Паліенко, проф. В. К. Пискорскій, В. И. Пичета, прив.-доц. С. В. Познышевъ, прив.-д. Н. Н. Полянскій, проф. І. А. Покровскій, проф. М. М. Покровскій, С. Н. Прокоповичъ, В. С. Протопоповъ, проф. Э. Л. Радловъ, проф. А. А. Раевскій, проф. М. И. Ростовцевъ, В. Г. Рудневъ, А. М. Рыкачевъ, проф. С. Г. Сабининъ, прив.-доц. В. А. Савальскій, прив.-доц. А. Н. Савинъ, В. Ѳ. Саводникъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. Я. В. Самойловъ, Н. В. Самсоновъ, Н. А. Свавицкій, Н. П. Павловъ-Сильванскій, А. П. Семененко, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, А. С. Склярь, проф. М. Н. Соболевъ, проф. П. П. Соколовъ, прив.-доц. Е. В. Спекторскій, проф. А. В. Сперанскій, Н. В. Сперанскій, В. Н. Сторожевъ, П. Б. Струве, прив.-доц. П. П. Сушкинъ, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, М. А. Таганскій, проф. Ѳ. В. Тарановскій, прив.-доц. Е. В. Тарле, прив.-доц. Л. Я. Тауберъ, прив.-доц. В. Н. Твердохлѣбовъ, проф. П. В. Тихомировъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, прив.-доц. В. М. Устиновъ, пр.-доц. М. А. Фатѣевъ, прив.-доц. А. Ѳ. Флеровъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, С. Ѳ. Фортунатовъ, А. Л. Форштетеръ, С. Л. Франкъ, проф. В. М. Хвостовъ, прив.-доц. М. М. Хвостовъ, проф. Г. И. Челпановъ, К. И. Чуковскій, проф. А. И. Чупровъ, проф.

А. А. Чупровъ, проф. М. П. Чубинскій, проф. Л. В. Шальмэ, прив.-доц. Н. Н. Шапошниковъ, прив.-доц. М. Н. Шатерниковъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, прив.-доц. В. Н. Ширяевъ, Г. Н. Шмелевъ, Г. Г. Шпетъ, Ю. Д. Энгель, П. Д. Эттингеръ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ, прив.-доц. А. И. Яковлевъ, Л. Н. Ясинопольскій, прив.-доц. А. С. Ященко.

Складъ изданія при редакціи; для Петербурга—въ кн. складѣ „Прометей", Пушкинская, 15.

Объявленія (послѣ текста) о книгахъ, газетахъ и журналахъ принимаются по цѣнѣ въ 10 р. за страницу.

Адресъ редакціи: Москва, В. Никитская, д. Семеновича, кв. 16.

Редакторъ-издательница Е. Н. Орлова.

XV-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ОБЩЕДОСТУПНУЮ ГАЗЕТУ

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

издаваемую въ г. Томскѣ.

Газета выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

„Сибирская Жизнь" отстаиваетъ и защищаетъ начала конституціоннаго государства, полную гражданскую и политическую свободу, народное представительство на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, широкое самоуправленіе земствъ и городовъ. Въ экономической области газета защищаетъ интересы трудящихся классовъ народа—крестьянъ, рабочихъ и вообще всѣхъ, живущихъ личнымъ трудомъ, и съ этой точки зрѣнія даетъ разрѣшеніе вопросамъ земельнаго устройства, рабочаго законодательства, обложенія налогами и проч.

Съ особой тщательностью редакція будетъ знакомить читателей съ нуждами и интересами Сибири, сообщая факты ея повседневной жизни и давая имъ посильное освѣщеніе.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: А. В. Адріановъ, Д. В. Алексѣевъ, В. И. Анучинъ, Г. Б. Бантовъ, М. Р. Бейлинъ, Ив. Бійскій, прив.-доц. П. В. Бутягинъ, Г. А. Вяткинъ, Ю. О. Горбатовскій, В. Ю. Григорьевъ, Е. Г. (псевд. Южанинъ), В. Женинъ, А. Д. Журавлева, проф. Е. Л. Зубашевъ, А. Б. Клюге, М. О. Курскій, Д. Е. Лаппо, И. П. Лаптевъ, А. И. Макушинъ, проф. І. А. Малиновскій, Митричъ (псевдонимъ), проф. І. В. Михайловскій, прив.-доц. Н. Я. Новомбергскій, проф. В. А. Обручевъ, Николай Степнякъ (псевдонимъ), Г. Н. Потанинъ, проф. Н. Н. Розинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, М. М. Сіязовъ, Н. Л. Скалозубовъ, проф. М. Н. Соболевъ, проф. В. А. Уланицкій, А. Н. Ушаковъ, Ф. Ф. Филимоновъ и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ	На 9 мѣс.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкой въ Томскѣ или пересыл. въ гор. Россіи	6 р.	4 р. 75 к.	3 р. 50 „	1 р. 80 к.	— р. 60 к.
За границу . . .	10 „	8 „ — „	6 „ — „	3 „ 50 „	1 „ 20 „

Разсрочка годовой платы не допускается.

Подписка и объявленія принимаются: въ конторѣ газеты (уголъ Дворянской улицы и Ямского пер., собств. д.) и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина въ Томскѣ.

Иногородніе адресуютъ свои требованія *въ г. Томскъ, въ контору газеты „Сибирская Жизнь"*.

Редакторы-издатели: І. Малиновскій и М. Соболевъ.

Открыта подписка на ежемѣсячное изданіе въ 1908 г.

ПОПУЛЯРНЫЙ

Литературно-Медицинскій Журналъ

подъ редакціей д-ра Б. А. Окса и академ. кн. И. Р. Тарханова.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Учебнымъ отдѣломъ Министерства Торговли и Промышленности рекомендованъ для фундаментальныхъ библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній.

Кромѣ популяризаціи медицинскихъ знаній, журналъ отражаетъ сужденія о медицинѣ и врачахъ въ произведеніяхъ знаменитыхъ писателей и въ современной литературѣ.

„Литературно-Медицинскій Журналъ“ выходитъ ежемѣсячно книгами журнальнаго формата по слѣдующей программѣ: 1) Оригинальныя и переводныя статьи и руководства по всѣмъ отдѣламъ медицины и вспомогательнымъ ея наукамъ, съ соотвѣтственными рисунками научнаго содержанія. II) Рефераты, обзоры, біографіи медицинскихъ дѣятелей (съ портретами), некрологи, библіографія и критика медицинскихъ сочиненій и журналовъ. III) Литературный отдѣлъ и IV) Объявленія.

Подписчики „Литературно-Медицинскаго Журнала“ получаютъ безплатно ежемѣсячный народный медицинскій журналъ

ДОМАШНІЙ ДОКТОРЪ

подъ редакціей д-ра Б. А. Окса и академ. кн. И. Р. Тарханова.

Въ журналѣ общепонятнымъ языкомъ излагается все, что способствуетъ охраненію здоровья и продленію жизни.

Борьба съ болѣзнями и предупрежденіе ихъ.—Общественное здравоохраненіе.—Всевозможныя практическія указанія по медицинѣ и гигіенѣ.—Домашній лѣчебникъ.—Домашняя аптека.—Домашняя помощь въ несчастныхъ случаяхъ.—Домашняя ветеринарія.—Растительный столъ.—Медицинскія замѣтки.— Почтовый ящикъ для непосредственнаго общенія съ читателемъ.

Въ 1908 году въ Литературно-Медицинскомъ журналѣ будутъ, между прочими, напечатаны слѣдующія сочиненія:

1) Академикъ князь И. Р. Тархановъ. Кровообращеніе и питаніе тканей. Изъ лекцій по физіологіи, патологіи и гигіенѣ крови, дыханія и пищеваренія. 2) Д-ръ Б. А. Оксъ. Физіологія сна и сновидѣній. Второе переработанное изданіе. 3) Женщина-врачъ М. М. Волкова. Здоровье дѣвочки до половой зрѣлости. 4) Д-ръ А. М. Васильевскій. Медицина въ классической живописи (по сочиненію д-ра E. Holländer'a „Die Medizin in der klassischen Malerei“). Анатомія, медицинскія группы, кожныя и внутреннія болѣзни, хирургія, зубныя болѣзни. Съ роскошными рисунками. 5) Проф. П. Дюбуа. Воображеніе, какъ причина болѣзней. (Перев. съ нѣм.). 6) Д-ръ Виллн Гельпахъ. Психическія эпидеміи. (Перев. съ нѣм.). 7) Д-ръ М. Е. Лёнъ. Невинная молодость (половое воздержаніе мужчинъ). 8) В. Брусянинъ. Дапилычъ. Очеркъ. 9) Во врачебныхъ сферахъ, библіографія, практическая медицина (рефераты) и др. сочиненія. 10) Двѣнадцать №№ журнала „Домашній Докторъ“ съ разнообразнымъ содержаніемъ.

Цѣна „Литературно-Медицинскаго Журнала“: четыре рубля за годъ, два рубля за полгода и одинъ рубль за три мѣсяца съ пересылкой.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журналовъ только при непосредственной подпискѣ черезъ контору редакціи (Спб., Морская, 27).

Редакторъ-издатель д-ръ Б. А. Оксъ.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовск. ул., соб. д.

Телеграфный адресъ: Москва, „ТИПОКУШ.“

1896.

ТОВАРИЩЕСТВО

ПЕЧАТНАГО ДѢЛА и ТОРГОВЛИ

И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°

въ Москвѣ.

ТИПОГРАФІЯ, ПЕРЕПЛЕТНАЯ,
ЛИТОГРАФІЯ, ФОТОТИПІЯ,
ЦИНКОГРАФІЯ.

ОТДѢЛЕНІЯ:

въ КІЕВѢ, Караваевская ул., домъ № 5,
въ ПЕТЕРБУРГѢ (Минист. Пут. Сообщ.),
Фонтанка, домъ № 117.

МАГАЗИНЪ

конторскихъ книгъ и писчебумажныхъ принадлежностей.

Москва, Никольская ул., домъ бр. Чижовыхъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

для продажи изданій собственныхъ и отпечатанныхъ въ типографіяхъ Т-ва.

Подробный каталогъ высылается по первому требованію БЕЗПЛАТНО.

і этой книгѣ для всѣхъ подписчиковъ прилагаются: каталогъ книгоиздательства А. Ф. Девріена, каталогъ книгоиздательства „Скорпіонъ“ и объявленіе о подпискѣ на журналъ „Вокругъ Свѣта“; для иногородныхъ только: объявленіе о подпискѣ на журналъ „Нива“ на 1908 г. и на „Иллюстрированную Библіотеку Ивы“ 1908 г. — Исторію искусствъ П. П. Гнѣдича и о другихъ изданіяхъ

33 — 60 — 75 к

Открыта подписка на 1908 г.

(ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Русская Мысль.

ПОДЪ ОБЩИМЪ РЕДАКТОРСТВОМЪ

А. А. Кизеветтера и П. Б. Струве.

При ближайшемъ участіи Ю. И. Айхенвальда, Ѳ. К. Арнольда, В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, А. С. Изюева, Б. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, С. Л. Франка, Л. Н. Яснопольскаго.

Условія подписки (безъ гербоваго сбора):

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

За перемѣну адреса взимается **30** коп., при переходѣ же городскихъ подписчиковъ въ иногородніе уплачивается **55** коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны на журналъ.

О каждой перемѣнѣ адреса контора проситъ сообщать отдѣльно.

При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ при разсрочкѣ подписной платы *необходимо* прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позднѣе **10** числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратность доставки журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ почтоваго департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала — Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина, кв. № 2.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Гостиный дворъ со стороны Невскаго, д. 19.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Новый Свѣтъ, д. № 69.

Въ Вильнѣ: въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Большая, д. Гордона.

Въ Одессѣ: въ книжн. магаз. „Трудъ“, Дерибасовская, 25.

Редакторъ Ѳ. К. АРНОЛЬДЪ.

Издатель Т-во И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.

5 71

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.